Джордж Р.Р.

Мартин

ГРЕЗЫ И ПЫЛЬ • ИСКРЫ НАД ПЕПЛОМ

Танец с драконами

Танец с драконами
Джордж Мартин

Аннотация
Джордж Мартин. Танец с драконами
Грёзы и пыль
- Хронологическая справка
- Пролог
- Тирион
- Дейенерис
- Джон
- Бран
- Тирион
- Купецкий приказчик
- Джон
- Тирион
- Давос
- Джон
- Дейенерис
- Вонючка
- Бран
- Тирион
- Давос
- Дейенерис
- Джон

Тирион
Давос
Вонючка
Джон
Тирион
Дейенерис
Лорд-изгнанник
Сыны Ветра
Сбежавшая невеста
Тирион
Джон
Давос
Дейенерис
Мелисандра
Вонючка
Тирион
Бран
Джон
Дейенерис
Искры над пеплом
Принц Винтерфелла
Страж
Джон
Тирион
Переметчивый
Королевский трофей

Дейенерис
Джон
Слепая Бет
Призрак Винтерфелла
Тирион
Джейме
Джон
Дейенерис
Теон
Дейенерис
Джон
Серсея
Рыцарь королевы
Железный жених
Тирион
Джон
Отставной рыцарь
Отвергнутый жених
Возрожденный грифон
Жертва
Виктарион
Маленькая уродка
Серсея
Тирион
Заговорщик
Укротитель драконов

- Джон
- Десница королевы
- Дейенерис
- Эпилог

Приложение

- Вестерос
  - Король-мальчик
  - Король у Стены
  - Король островов и Севера
- Другие дома, великие и малые
  - Дом Арренов
  - Дом Баратеонов
  - Дом Фреев
  - Дом Ланнистеров
  - Дом Мартеллов
  - Дом Старков
  - Дом Талли
  - Дом Тиреллов
  - Братья Ночного Дозора
  - Одичалые, или Вольный народ
  - За Стеной
- Заморские земли
  - В Браавосе
  - В Волантисе:
  - В Заливе Работорговцев
  - Королева за Узким морем

Вольные отряды наемников Благодарности

Аннотация

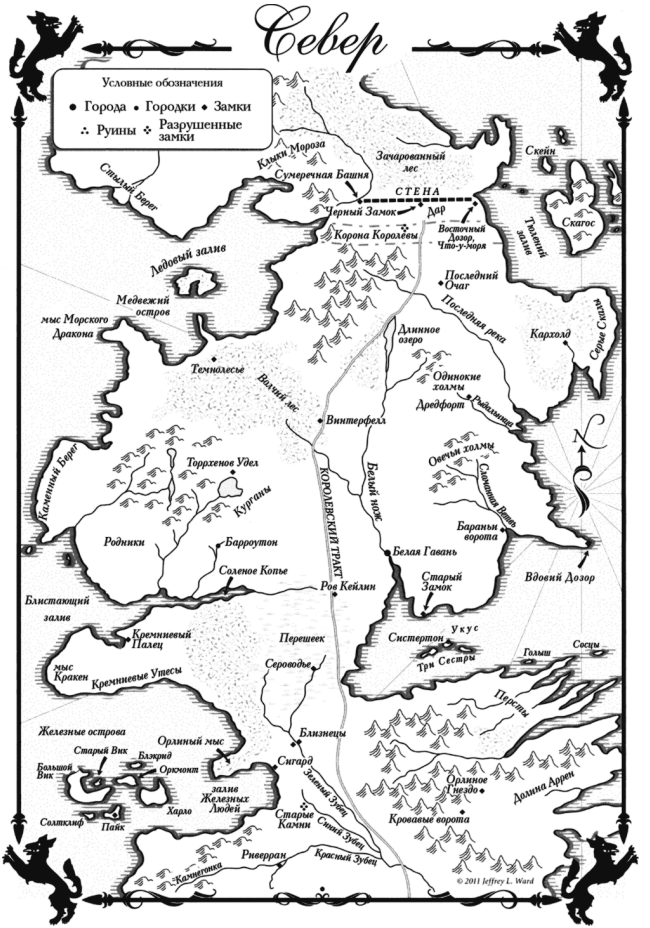
«Танцем драконов» издавна звали в Семи королевствах войну.

Но теперь война охватывает все новые и новые земли. Война катится с Севера — из-за Стены. Война идет с Запада — с Островов. Войну замышляет Юг, мечтающий посадить на Железный Трон свою ставленницу. И совсем уже неожиданную угрозу несет с Востока вошедшая в силу «мать драконов» Дейенерис…

Что будет? Кровь и ненависть. Любовь и политика. И прежде всего — судьба, которой угодно было свести в смертоносном танце великие силы.

Джордж Мартин
Танец с драконами

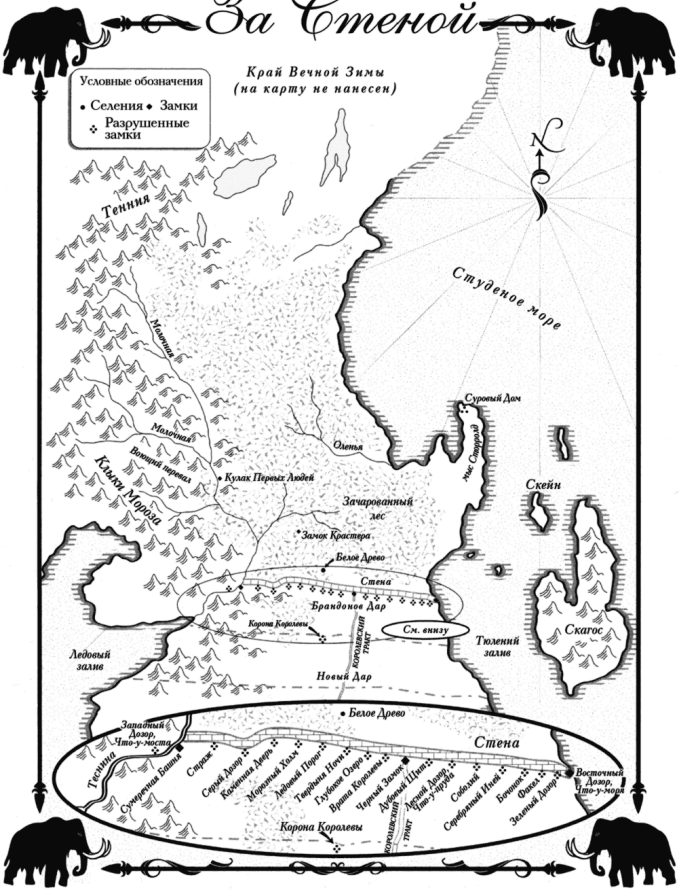
Грёзы и пыль


Север
Условные обозначения
Города Городки Замки
Руины Разрушенные замки
Клыки Мороза
Зачарованный лес
Скейн
Сумеречная Башня
СТЕНА
Стылый Берег
Черный Замок
Дар
Скагос
Тралльи залив
Корона Королевы
Восточный Дозор, Что-у-моря
Ледовый залив
Последний Очаг
Медвежий остров
Последняя река
мыс Морского Дракона
Длинное озеро
Кархолд
Серые Сестры
Темнолесье
Волчий лес
Однокие холмы
Рыбачий
Дрейфорт
Винтерфелл
Каменный Берег
Торрхенов Удел
Курганы
КОРОЛЕВСКИЙ ТРАКТ
Белый нож
Овечьи холмы
Сломанная Весть
Родники
Барроутон
Бараньи ворота
Белая Гавань
Соленое Копье
Рва Кейлин
Старый Замок
Вдовий Дозор
Блистающий залив
Кремниевый Палец
Перешеек
Систертон
Укус
Голыш
Сосцы
мыс Кракен
Кремниевые Утесы
Сероводье
Три Сестры
Перстень
Железные острова
Орлиный мыс
Близнецы
Старый Вик
Блажий
Большой Вик
Орлиное Гнездо
Сигард
Зимний Зубец
Долина Аррен
залив Железных Людей
Харло
Старые Камни
Кровавые ворота
Солтклиф
Пайк
Риверран
Красный Зубец
Каменотесы
© 2011 Jeffrey L. Ward

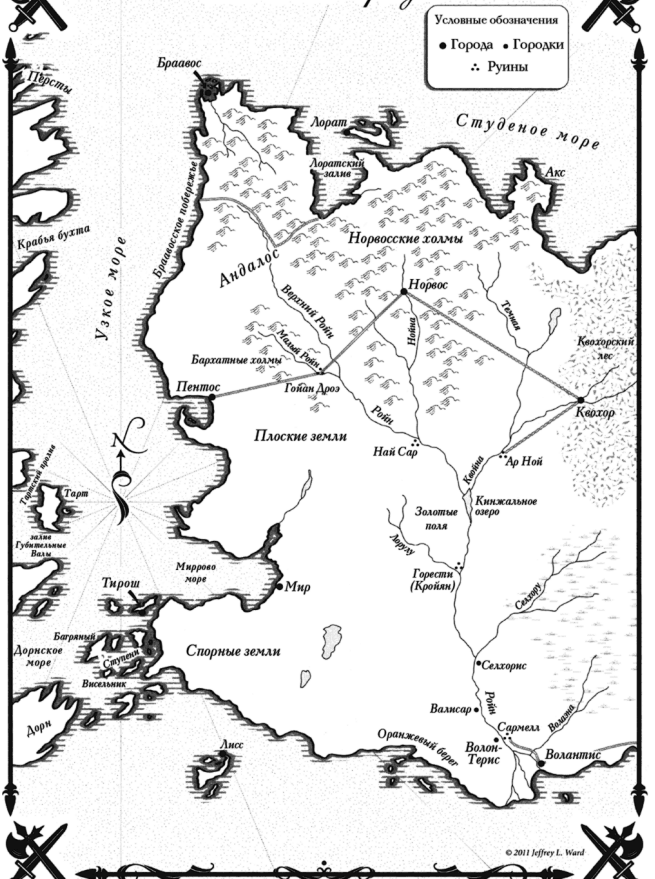
Юг

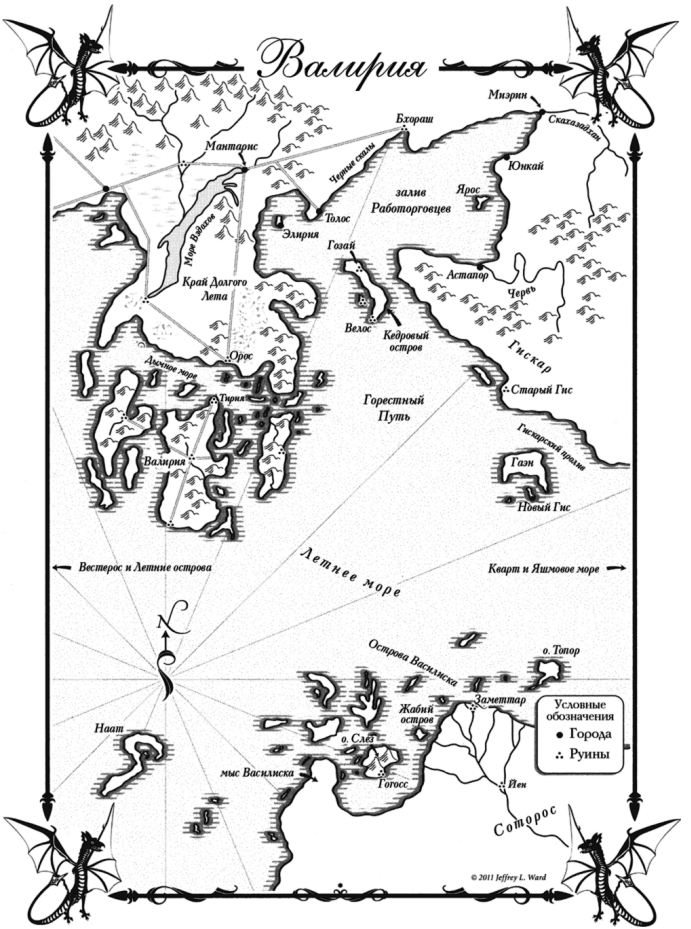
Условные обозначения
Города
Городки
Замки
Руины
Разрушенные замки
Три Сестры
Ледяной Ожог
Перешеек
Змеиный Лес
Длинный Лук
Дом Сердец
Долина Аррен
Старый Якорь
Руинстон
Чалчий город
Виконден
Коготь
Драконий Камень
Грачевник
Олений
Синий Дол
Гавот
Крюк
Масси
Плясуны
Острый мыс
Черноводный залив
Росби
Королевская Гавань
Королевский тракт
Королевский Лес
Проезжий
Стога
Бронзовые Врата
Тарт
Вечерний Замок
Фелгуд
Штормовой Предел
Губительные Валы
Грифин-Рут
Дом Дождя
Туманный Лес
Зеленая Скала
Башня Скорби
Дорнское море
Серая Крепость
Призрачный Холм
Перебитая Рука
Солнечное Копье
Дымная Роща
Соленый Берег
Красный Дюнец
Зеленая Кровь
Вереск
Дар Богов
Бич
Тор
Дорн
Адов Холм
Песчаник
Сорвен
Бор
Звездопад
Три Башни
Черная Корона
Старомест
Вышеземье
Белокопт
Подбельский
Айронвуд
Гнилой Приют
Шепотный холм
Радужный мост
Дом Солнца
Принцев перевал
Дорнское Марки
Черная Гавань
Гнездо Стервятников
Вайх
Башня Радости
Королевский Горный
Ночная Песнь
Рогов Холм
Медовая Роща
Бандалмон
Брайтпутер
Хайгарден
Эшфорд
Яблочный
Летний Замок
Воронье Гнездо
Стонхельм
Хмельник
Зеленый
Ручей
Трава
Длинный Стол
Горький Мост
Золотая Роща
Тамблетон
Простор
Красное озеро
Старая Дубрава
Щитовые острова
Морская дорога
Дорога Роз
Ракехолл
Початок
Пир
Кайс
Бобровый Утес
Ланниспорт
Серебряный Замок
Золотая дорога
Хорваль
Гудбрюк Логово
Каменная Сита
Сарсфилд
Золотой Зуб
Замок Розовой Дени
Божье Око
Остров Лилий
Харроухолл
Желудь
Высокое Сердце
Эшмарк
Речная дорога
Камнеголовы
Риверран
Светлый остров
Светлый Замок
Крит
Гостиница Красный Зубец
Трехзубец
Город лорда Харроуэя
Солварни
Тихий остров
Ледяной Пруд
Кровавые ворота
Орлиное Гнездо
Кровавый Зубец
Орлиный мыс
Сигарра
Близнецы
Старый Замок
Каменный Зубец
Старый Вик
Блэкрид
Орконт
Железные острова
Большой Вик
Харло
Пайк
Солтклиф
земли Железных людей
Старый Качин
Ярмарочное поле
Бенфорт
Гроногласый
Дом Сердец
Железная Дубрава
Редфорт
Кровавый Брод
Кровавый Камень
Ночной Замок
Ночной Дозор
Стена
Черный Замок
Черноводная
Ручей
Трава
Мандер
Зеленый
Зеленчок
Ручей
Ночная Песнь
Гнездо Стервятников
Вайх
Башня Радости
Королевский Горный
Принцев перевал
Подбельский
Айронвуд
Гнилой Приют
Шепотный холм
Радужный мост
Дом Солнца
Песчаник
Сорвен
Адов Холм
Красный Дюнец
Зеленая Кровь
Вереск
Дар Богов
Бич
Тор
Дорн
Соленый Берег
Солнечное Копье
Перебитая Рука
Дымная Роща
Призрачный Холм
Серая Крепость
Дорнское море
Башня Скорби
Зеленая Скала
Туманный Лес
Дом Дождя
Ледяной Ожог
Перешеек
Змеиный Лес
Длинный Лук
Дом Сердец
Долина Аррен
Старый Якорь
Руинстон
Чалчий город
Виконден
Коготь
Драконий Камень
Грачевник
Олений
Синий Дол
Гавот
Крюк
Масси
Плясуны
Острый мыс
Черноводный залив
Росби
Королевская Гавань
Королевский тракт
Королевский Лес
Проезжий
Стога
Бронзовые Врата
Тарт
Вечерний Замок
Фелгуд
Штормовой Предел
Губительные Валы
Грифин-Рут
Дом Дождя
Туманный Лес
Зеленая Скала
Башня Скорби
Дорнское море
Серая Крепость
Призрачный Холм
Перебитая Рука
Солнечное Копье
Дымная Роща
Соленый Берег
Красный Дюнец
Зеленая Кровь
Вереск
Дар Богов
Бич
Тор
Дорн
Адов Холм
Песчаник
Сорвен
Бор
Звездопад
Три Башни
Черная Корона
Старомест
Вышеземье
Белокопт
Подбельский
Айронвуд
Гнилой Приют
Шепотный холм
Радужный мост
Дом Солнца
Принцев перевал
Дорнские

За Стеной


Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)
Условные обозначения
Селения
Замки
Разрушенные замки
Тенния
Студеное море
Суровый Дом
Олетья
Кулак Первых Людей
Клыки Мороза
Зачарованный лес
Замок Крастера
Белое Древо
Стена
Брандонов Дар
Корона Королевы
См. внизу
Тюлений залив
Скейн
Скагос
Ледовый залив
Новый Дар
Белое Древо
Западный Дозор, Что-у-моста
Стена
Восточный Дозор, Что-у-моря
Тесница
Сумеречная Башня
Стодж
Серый Дозор
Каменная Дверь
Мерзлый Холм
Ледовый Порог
Темная Ночь
Глубокое Озеро
Врата Королевы
Черный Замок
Дубовый Щит
Черный Дозор, Что-у-ворона
Соболий
Серебряная Река
Бобровый
Фонарь
Зеленый Дозор
Корона Королевы
Королевский тракт
Королевский Лес

Вольные города




Валирия
Мизрин
Бхораш
Скалазубый гам
Мантарис
Черные скалы
Юнкай
залив Работорговцев
Ярос
Толос
Элирия
Море Вайсов
Гозай
Астапор
Край Долгого Лета
Червь
Велос
Кедровый остров
Гискар
Орос
Ланнское море
Старый Гис
Тирия
Горестный Путь
Гискарский пролив
Валирия
Газн
Новый Гис
Вестерос и Летние острова
Летнее море
Кварт и Яшмовое море
N
Острова Василиска
о. Топор
Заметтар
Жабий остров
Условные обозначения
Города
Руины
Наат
о. Слез
мыс Василиска
Гогосс
Йем
Соторос
© 2011 Jeffrey L. Ward

Хронологическая справка

Между книгами прошло немало времени, знаю — поэтому небольшое вступление будет кстати.

Книга, которую вы держите в руках, — это пятый том саги «Песнь льда и огня». Четвертый называется «Пир стервятников». Пятая книга не продолжает четвертую в традиционном смысле, а движется параллельно с ней.

И «Пир», и «Танец» начинаются непосредственно после событий, описанных в третьей книге, «Буре мечей». Действие «Пира» происходит в Королевской Гавани и поблизости от нее, на Железных островах, в Дорне. «Танец» переносит нас в Черный Замок и за Узкое море, возобновляя истории Тириона Ланнистера, Джона Сноу, Дейенерис Таргариен и других персонажей, не участвовавших в четвертой книге. Различия между двумя книгами относятся скорее к географии, чем к хронологии, и скоро исчезнут совсем.

«Танец с драконами» длиннее «Пира» и охватывает более долгий период времени. Во второй половине книги вы снова встретитесь с персонажами «Пира стервятников». Это будет означать

именно то, что вы думаете: повествование выйдет за хронологические рамки четвертой книги, и обе линии сольются в одну.

Следующая книга — «Вихри зимы». С надеждой еще раз подрожать вместе,

Джордж Р.Р. Мартин
Апрель 2011

Пролог

Ночь разила человеком. Варг принюхался, стоя под деревом; тень легла пятнами на его серо-бурый мех. Насыщенный хвоей ветер нес и другие запахи — лисица, заяц, олень, тюлень, даже волк, — но они тоже были связаны с человеком. Всё это старые шкуры, почти неразличимые под вонью дыма, крови и гнили. Только человек сдирает шкуры с других зверей и надевает их на себя.

Но варги в отличие от простых волков его не боятся. Снедаемый ненавистью и голодом зверь зарычал, призывая своего одноглазого брата, свою хитрую сестричку. Они, тоже чуя поживу, пустились за ним через лес. Их глаза помогали варгу, длинные серые пасти дышали паром. На лапах нарос твердый как камень лед, но впереди ждала добыча. Мясо. Сочная плоть.

В одиночку человек слаб. Видит он хорошо, зато слышит плохо, а чутье — совсем никуда. Олень, лось, даже заяц бегают быстрее него, медведь и вепрь страшнее в бою. А вот человечьи стаи опасны. Варг, приближаясь, слышал щенячий скулеж, хруст свежего снега под неуклюжими

лапами, дребезжание твердых шкур и длинных серых когтей.

Мечи, подсказал ему голос внутри. *Копья*.

Голые ветки щерились ледяными зубами. Варг, вздымая снег, мчался через подлесок, остальные за ним — в гору и вниз, пока лес не расступился. Среди людей была одна самка. Детеныша, завернутого в мех, она прижимала к груди. *Оставь ее напоследок*, сказал голос внутри, *самцы опаснее*. Они громко ревели, как это водится у людей, но варг чуял их ужас. Один метнул деревянный зуб с себя ростом, но рука у него дрогнула, и зуб прошел высоко.

Волки напали.

Одноглазый брат повалил в снег метателя зуба и разорвал ему горло. Сестра подобралась сзади к другому самцу и убила его. На долю варга остались самка с детенышем.

У нее тоже был зуб, костяной, но она выронила его, когда варг схватил ее за ногу, — а пискуна своего удержала. Тощая под мехами, кожа да кости, зато в вымени полно молока. Самое вкусное, детеныша, вожак приберег для брата. Снег вокруг стаи сделался красным и розовым.

За много лиг от этого места, в глинобитной, крытой тростником хижине с дымовым отвер-

стием и земляным полом трясся, и кашлял, и облизывался Варамир. Глаза у него покраснели, губы потрескались, в горле пересохло, раздутый живот молил о еде, но рот полнился вкусом крови и жира. «Ребячье мясцо, — думал он, вспоминая Пышку. — Человечинка». Надо же, как низко он пал. Ему прямо-таки слышалось ворчание Хаггона: «Люди могут есть мясо животных, и звери — плоть человека, но человек, едящий себе подобных, мерзок».

«Мерзость». Любимое слово Хаггона. Есть человечину — мерзость; спариваться с кем-то, как волк с волчицей, — мерзость; занимать тело другого человека — наихудшая мерзость. Хаггон был слаб, потому что боялся собственной силы. Он умер, рыдая, когда Варамир отнял у него вторую жизнь и пожрал его сердце. Варамир многому у него научился, и последним уроком стал вкус человечины.

Он ел ее только в волчьем обличье, в человеческом никогда, а его стая… что ж стая? Они изголодались не меньше, чем он. Двое мужчин и женщина с младенцем убегали от победителей, но от смерти не убежали. Голод и холод все равно убили бы их. Так — лучше, быстрей. Милосерднее.

— Милосерднее, — сказал он вслух. Горло саднило, но услышать человеческий голос, даже свой собственный, было приятно. В хижине пахло сыростью и плесенью, сидеть было жестко. Кашляя и содрогаясь попеременно, он подвинулся как можно ближе к огню, который больше дымил, чем грел. Рана, вновь открывшаяся в боку, причиняла ему сильную боль, кровь промочила штанину до колена и запеклась бурой коркой.

Колючка предупреждала, что рана может открыться. «Я зашила ее как могла, — говорила она, — но ты двигайся поменьше и дай ей зажить, иначе шов разойдется».

Копьеносица Колючка осталась с ним до последнего. Крепкая, как старый корень, обветренная, морщинистая, вся в бородавках. Все остальные отставали или уходили вперед — в свои старые деревни, на Молочную, в Суровый Дом или в лес, где их караулила смерть. Не все ли равно куда. Зря он тогда не вселился в кого-то из них. В одного из близнецов, в верзилу со шрамом, в рыжего парня. Побоялся: они могли догадаться, в чем тут дело, и прикончить его. Да и слова Хаггона не давали ему покоя, вот он и упустил случай.

Тысячи их пробирались через лес после битвы под Стеной, голодные и напуганные. Одни по-

говаривали о возвращении в давно покинутые дома, другие рвались опять штурмовать ворота, прочие, которых было больше всего, вовсе не знали, куда теперь идти и что делать. Они ушли от черных ворон и рыцарей в серой стали, но впереди их поджидали еще более безжалостные враги. Каждый день у тропы оставалось все больше мертвых. Люди гибли от голода, холода, от болезней, от руки бывших соратников, с которыми еще недавно шли на юг в войске Манса-Разбойника, Короля за Стеной.

«Манс пал, — шептались выжившие, — Манс в плену, Манс убит». «Харма мертва, Манс в плену, — говорила Колючка, зашивая ему рану, — все остальные нас бросили. Кто знает, где теперь Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый, все другие храбрые воины».

«Она не знает, кто я, — понял тогда Варамир, — да и откуда ей знать». Без своих зверей Варамир Шестишкурый, преломлявший хлеб с Мансом-Разбойником, ничем не отличается от других. Он сам себя назвал Варамиром, когда ему было десять. Имя, достойное лорда, имя для песен, мощное, наводящее страх, однако его носитель улепетывает от ворон не хуже испуганного зайчишки. Копьеносице он открыться не захотел,

назвался Хаггоном. Непонятно, почему из всех на свете имен ему подвернулось это. Варамир съел его сердце и выпил кровь, но Хаггон не оставляет в покое ученика.

Однажды к беглецам прискакал разбойник на тощем белом коне. «Идите все на Молочную! — кричал он — Плакальщик собирает там войско, чтобы перейти Мост Черепов и взять Сумеречную Башню». Многие пошли за ним, многие нет. Позже какой-то грозный воин в янтаре и мехах ходил от костра к костру, убеждая всех идти на север и укрыться в долине теннов. Варамир так и не понял, почему он считает тот край безопасным, раз сами тенны оттуда бежали, но с воином ушли несколько сотен человек. Еще несколько сотен последовали за лесной ведьмой: ей было видение, что некая флотилия идет к берегам Студеного моря, чтобы увезти вольный народ на юг. «К морю!» — призвала Мать Кротиха и увела своих верных на восток.

Будь Варамир крепче, он тоже пошел бы с ними, — но он был ранен и знал, что не дойдет до далекого холодного моря живым. Он умирал уже девять раз: эта смерть станет для него окончательной. Беличий плащ! Его пырнули ножом из-за беличьего плаща!

Владелице плаща разнесли голову всмятку, но вещь уцелела. Шел снег, а Варамир бросил все свое добро под Стеной. Спальные шкуры, вязаные подштанники, овчинные сапоги и меховые рукавицы, мед и другие запасы, волосы женщин, с которыми спал, даже золотые браслеты, подарок Манса. Варамир сгорел заживо, а после бежал, обезумев от боли и ужаса. Он до сих пор испытывал стыд, вспоминая об этом, но он такой был не один. Другие тоже бежали, сотни и тысячи. Битва была проиграна. Рыцари, неуязвимые в стальной броне, убивали всех, кто пытался оказать им сопротивление. Беги или умирай — вот как обстояло дело.

От смерти, однако, так легко не уйдешь. Когда Варамир стал снимать плащ с мертвой женщины, мальчишка бросился на него, пырнул костяным ножом и отнял добычу.

«Это была его мать, — объяснила Колючка, когда мальчишка убежал в лес. — Он увидел, как ты ее раздеваешь, ну и…»

«Она была мертвая, — оправдывался Варамир, морщась от костяной иглы, протыкавшей кожу. — Кто-то из ворон проломил ей голову».

«Не вороны, нет. Рогоногие, я сама видела. — Игла Колючки сновала туда-сюда. — Дикарей

этих укрощать теперь некому. Если Манс погиб, вольному народу конец. И теннам тоже, и великанам, и Рогоногим, и пещерным жителям с подпиленными зубами, и тем, с западного берега, что ездят на костяных санках. Воронам — и тем конец. Ублюдки в черных плащах еще не знают, что полягут наравне с остальными. Враг близок».

Голос Хаггона отдавался в голове эхом. *Ты переживешь дюжину смертей, мальчик, и каждая причинит тебе боль… Но после истинной смерти настанет новая жизнь, вторая. Говорят, она милее и проще первой.*

Скоро Варамир Шестишкурый узнает, правда ли это. Истинная смерть проглядывает во всем. В едком дыму, наполняющем хижину. В жару, который чувствуешь, запустив руку под одежду, где кровоточит рана. В ознобе, сидящем в твоих костях. Последнюю смерть он претерпел от огня, теперь его убьет холод.

Тогда Варамир подумал, что какой-то лучник со Стены пронзил его горящей стрелой… но огонь пожирал его изнутри. И боль, что за боль!

Варамир умирал уже девять раз. Однажды в него метнули копье, в другой раз медведь загрыз, в третий он истек кровью, породив мертвого детеныша. Первая смерть постигла его в шесть

лет, когда отцовский топор раскроил ему череп, но даже она не доставила ему таких мук, как этот огонь в кишках. Он хотел улететь, но от ужаса огонь заполыхал еще пуще. На миг он воспарил над Стеной, глядя орлиными глазами на побоище внизу. Потом сердце его обуглилось, и дух с визгом укрылся в собственной шкуре. От одного воспоминания об этом его затрясло, и он заметил, что огонь в хижине погас.

В груде обгорелых веток тлело лишь несколько угольков, но костер еще дымился — он разгорится, если добавить дров. Варамир, скрипя зубами от боли, подполз к хворосту, который Колючка собрала до того, как пойти на охоту.

— Ну, гори же, — прохрипел он. Раздувая угли, он без слов молился безымянным богам хвороста, холма, поля, но они не вняли ему.

Дым больше не шел, хижина сразу выстыла. Без кремня, без трута, без растопки огонь не разжечь.

— Колючка! — надорванным голосом позвал Варамир. — Колючка!

Подбородок у нее острый, нос сплющенный, на щеке бородавка с четырьмя черными волосками, но он дорого дал бы, чтобы увидеть ее сейчас на пороге. Надо было вселиться в нее, пока не ушла.

Сколько ее уже нет — два дня, три? В хижине так темно; он засыпал и просыпался несколько раз, не зная, день теперь или ночь. «Жди, — сказала она. — Я принесу поесть». Он и ждал, как дурак. Во сне к нему приходили Хаггон, и Пышка, и все дурное, что он содеял за свою долгую жизнь, а она все не возвращалась. Скорей всего и не вернется уже. Может, он чем-то выдал себя? Может, она догадалась, о чем он думает, или он проговорился во сне?

Мерзость, произнес Хаггон где-то рядом.

— Она всего лишь уродливая копейщица, — ответил ему Варамир, — а я великий маг. Я варг, меняющий кожу, — несправедливо, если она будет жить, а я нет.

Тишина. В хижине никого. Колючка — и та ушла. Бросила его, как все остальные.

Вспомнить хотя бы родную мать. По Пышке она плакала, по нему — нет. Когда отец вытащил его из постели, чтобы отвести к Хаггону, она даже не взглянула на сына. Он кричал и лягался, пока отец, тащивший его через лес, не влепил ему затрещину. «Твое место с такими, как ты», — только и сказал родитель, швырнув его к ногам Хаггона.

«И прав был, в общем, — думал Варамир, сотрясаясь в ознобе. — Хаггон многому меня научил.

Охотиться, рыбачить, разделывать туши и рыбу, находить дорогу в лесу. Научил секретам варгов, хотя его дар уступал моему».

Много лет спустя Варамир попытался найти родителей, рассказать им, что их Шишка стал великим колдуном, Шестишкурым. Но родители уже умерли, и тела их сожгли. Их прах смешался с корнями и ручьями, землей и камнем, грязью и пеплом. Так сказала матери лесная ведьма о Пышке в день его смерти, но Шишка не хотел превращаться в горстку земли. Он мечтал о песнях, сложенных в его честь, о поцелуях красавиц. «Вот вырасту и стану Королем за Стеной», — обещал он себе. Им он так и не стал, но был близок к этому. Имя Варамира Шестишкурого внушало страх людям. Он ездил верхом на белой медведице высотой в тринадцать ладоней, держал в неволе трех волков и сумеречного кота, сидел по правую руку от Манса-Разбойника. Напрасно он пошел за Мансом к Стене: надо было войти в медведя и растерзать короля.

До Манса Варамир жил что твой лорд, один в бревенчатом срубе, принадлежавшем ранее Хаггону. Звери верно служили ему, люди из дюжины деревень приносили хлеб, соль и сидр, фрукты и овощи. Мясо он добывал сам, за жен-

щинами посылал сумеречного кота, и все, кого он желал, покорно приходили к нему. Плакали, но приходили. Варамир брал их, стриг волосы на память и отсылал назад. Время от времени какой-нибудь деревенский храбрец являлся с копьем уничтожить оборотня, чтобы спасти от него сестру, любимую или дочь — таких он убивал, но женщин не трогал. У некоторых даже дети рождались. Никчемные дурачки вроде Пышки, хоть бы один унаследовал его дар.

Страх помог Варамиру встать. Зажимая рану, он поковылял к двери, отвел драную шкуру, завешивающую вход. Перед ним выросла белая стена — снег! Не диво, что внутри так темно и дымно. Снегопад завалил хижину целиком.

Варамир налег на снежную стенку, и она сразу рухнула — мороз еще не скрепил ее. За ней стояла белая как смерть ночь; бледные облака служили свитой серебряной луне, звезды холодно смотрели на землю. Под снегом бугорками выступали другие хижины, над ними бледной тенью высилось одетое в лед чардрево. По заснеженным холмам к востоку и югу двигалась только поземка, ничего более.

— Колючка, — слабо позвал Варамир, прикидывая, далеко ли она ушла. — Где ты, женщина?

Вдалеке завыл волк.

Варамира пробрала дрожь. Он знал этот голос не хуже, чем Шишка некогда — голос матери. Одноглазый. Самый старый из трех, самый большой, самый злой. Тихоступ моложе и проворней, Хитрюга, понятно, хитрее, но Одноглазый, не ведающий страха и жалости, держит в страхе обоих.

Пока орел сгорал заживо, Варамир потерял власть над другими животными. Сумеречный кот убежал в лес, медведица задрала четырех человек, прежде чем ее пронзили копьем. Она и Варамира убила бы, окажись он поблизости. Медведица его ненавидела, ярилась всякий раз, как он влезал в ее шкуру или садился ей на спину.

Но волки…

Его братья. Его стая. Много холодных ночей он проспал вместе с ними, теплыми и мохнатыми. Когда он умрет, они обгложут его, и весной из-под снега оттают одни только кости. Эта мысль, как ни странно, внушала успокоение. Они часто охотились для него — будет только справедливо, если под конец пищей для них станет он. Очень возможно, что свою вторую жизнь он начнет, терзая собственный труп.

С собаками проще всего: они так долго жили бок

о бок с человеком, что сами очеловечились. Влезать в собачью шкуру — все равно что обуваться в разношенные мягкие сапоги. Сапог шьется по ноге, а собака создана для ошейника, в том числе и незримого. Волки — иное дело. Человек может подружиться с волком, может сломить его дух, но полностью никогда его не приручит. «С волком и женщиной сходишься на всю жизнь, — часто говаривал Хаггон. — Когда вы заключаете свой союз, ты становишься частью волка, а он — частью тебя. Перемена происходит с каждым из вас».

С другими зверями лучше не связываться, предупреждал он. Кошки тщеславны и жестоки — того гляди кинутся на тебя. Оставаясь слишком долго в шкуре травоядных, лося или оленя, даже самый храбрый человек становится трусом. Медведей, вепрей, ласок и барсуков Хаггон тоже не одобрял. «Некоторые шкуры лучше не надевать, мальчик, — тебе не понравится то, что они с тобой сделают». Хуже всего, по его мнению, были птицы. «Люди должны ходить по земле. Побудешь в облаках — не захочешь возвращаться обратно. Я знал перевертышей, которые вселялись в ястребов, сов и воронов. Даже в собственной коже они грустили и все таращились на треклятую синеву».

Не все перевертыши, однако, были согласны с Хаггоном. Когда Шишке сравнялось десять, наставник ввел его в их круг. Больше всего там было варгов, братьев-волков, но другие показались мальчишке еще занятнее. Боррок как две капли воды походил на своего кабана, только клыков не хватало, у Орелла был орел, у Дикой Розы — сумеречная кошка (поглядев на них, Шишка и себе захотел кота), у Гризеллы коза…

До Варамира Шестишкурого никто из них не дотягивал, даже Хаггон — высокий, угрюмый, с жесткими как камень руками. Старый охотник умер, рыдая, когда Варамир отнял у него Серого: выгнал его и забрал зверя себе. «Не будет тебе второй жизни, старик». Тогда Варамир именовал себя Троешкурым; его четвертой шкурой стал Серый, но волк уже состарился, остался почти без зубов и скоро отправился вслед за Хаггоном.

Варамир мог вселиться в любого зверя, подчинить его своей воле. В собаку, в волка, в медведя, в барсука… да хоть в Колючку.

Как ни называй это, Хаггон, — мерзостью и самым тяжким из всех грехов — ты мертв, наполовину съеден и после сожжен. Манс тоже проклял бы Варамира, но Манс убит или попал в плен. Никто не узнает. Он преобразится в Колюч-

ку, и Варамир Шестишкурый умрет. Дар скорее всего уйдет вместе с телом. Он лишится своих волков и проживет остаток дней тощей бородавчатой бабой — но это все-таки жизнь. Если она вернется, конечно. Если у него еще хватит сил вселиться в нее.

Ох, тошно. Упав на колени, он набрал пригоршню снега, обтер бороду и пересохшие губы. Он весь горел и едва заставил себя проглотить холодную талую воду.

Вода только усилила голод. Желудок жаждал пищи. Снег больше не шел, но крепнущий ветер взметал его, больно жаля лицо. Варамир, хрипло дыша, побрел по сугробам. Под чардревом нашлась ветка, заменившая ему посох. Вдруг в брошенных хижинах отыщется что-нибудь… мешок яблок, вяленое мясо… что угодно, лишь бы продержаться, пока не вернется Колючка.

Он почти уже дошел до первого дома, когда сломался его костыль. Ноги подкосились, и Варамир растянулся на снегу, окрасив его своей кровью.

Быть занесенным снегом — неплохая смерть, мирная. Говорят, под конец тебе делается тепло и в сон клонит. Согреться было бы хорошо, но грустно думать, что ты никогда уже не увидишь зеленых земель, что лежат за Стеной. Тех, о кото-

рых пел Манс.

«Земли за Стеной не для нас, — говаривал Хаггон. — Вольный народ чтит перевертышей, хотя и боится, а богомольцы к югу от Стены режут нас, как свиней».

Ты предостерегал меня, Хаггон, но не ты ли показал мне Восточный Дозор? Варамиру тогда было не больше десяти. Хаггон обменял там дюжину низок янтаря и нагруженные шкурами санки на шесть винных мехов, соляной слиток и медный котелок. Восточный для таких сделок годился лучше, чем Черный Замок: туда приходили корабли с товарами из заморских земель. Вороны знали Хаггона как охотника и друга Ночного Дозора: он приносил им новости из-за Стены. Если кто и догадывался, что он перевертыш, речи об этом не заводили. Именно Восточный Дозор наделил Варамира мечтами о теплом юге.

Снежинки таяли у него на лбу. Замерзнуть — совсем не так худо, как сгореть заживо. Он уснет и пробудится к своей второй жизни. Его волки уже близко, он чувствует. Скоро он, покинув эту бренную плоть, будет охотиться по ночам и выть на луну. Варг станет настоящим волком — вот только которым из них?

Лишь бы не Хитрюгой. Варамир часто влезал

в ее шкуру, когда она спаривалась с Одноглазым (Хаггон и это назвал бы мерзостью), но сукой в новой жизни быть не хотел — разве что другого выхода не останется. Молодой Тихоступ лучше подошел бы ему. Старик Одноглазый, с другой стороны, более крупный и злой. Это он берет Хитрюгу в каждую ее течку.

«Говорят, ты все забываешь, — сказал Хаггон за несколько недель до собственной смерти. — Когда плоть умирает, твой дух живет в оболочке зверя, но память с каждым днем угасает. Все меньше от варга, все больше от волка. В конце концов человек уходит, и остается один только зверь».

Варамир знал: это правда. Захватив Ореллова орла, он почувствовал, как разозлился другой перевертыш. Орелла убил перелетная ворона Джон Сноу, и ненависть к убийце была так сильна, что Варамир сам возненавидел мальчишку. Сразу понял, кто он такой, увидев его белого лютоволка. Оборотень оборотня сразу узнает. Манс должен был отдать лютоволка ему, Варамиру — вот была бы вторая жизнь, королю впору. Варамир бы сумел. У Сноу дар сильный, но юнец необучен и продолжает бороться с тем, чем следовало бы гордиться.

Красные глаза чардрева смотрели на него с белого ствола. Боги взвешивают его на своих весах. «В жизни я делал дурные вещи, просто ужасные, — с дрожью осознал Варамир. — Убивал, крал, насиловал. Ел человечину и лакал горячую кровь, бьющую из разорванных глоток. Подкрадывался к врагам по лесу, пока они спали, потрошил их и раскидывал внутренности по земле. Ох и вкусное у них было мясо».

— Это зверь делал, не я, — хриплым шепотом сказал Варамир. — Вы сами меня таким создали.

Боги не отвечали. Дыхание стлалось в воздухе белым паром, борода смерзлась. Варамир Шестишкурый закрыл глаза, и к нему пришел его давний сон о хибарке у моря, где визжат три собаки и плачет женщина.

По Пышке она плакала, по нему — нет.

Шишка родился за месяц до срока и все время болел — никто не думал, что он выживет. Мать ждала целых четыре года, чтобы дать ему настоящее имя, а тогда уж и поздно стало: вся деревня кликала его Шишкой. Так назвала его сестрица Мея еще в материнском чреве. Младшего она же нарекла Пышкой, но он-то родился вовремя. Красный, здоровенный и грудь сосал почем зря. Его собирались назвать в честь отца, но он умер.

Умер, когда ему было два года, а Шишке шесть, за три дня до своих именин.

«Твой малыш теперь у богов, — сказала лесная ведьма плачущей матери. — Он больше не почувствует боли, не будет плакать и голодать. Он перешел в землю, в деревья. Боги повсюду — в ручьях и камне, в зверях и птицах. Твой Пышка слился со всем, что живет в этом мире».

Шишку как ножом пронзили слова старухи. Пышка на него смотрит. Пышка все знает. От него не спрячешься за материнскими юбками и вместе с собаками не убежишь: нет их больше. Корнохвост, Нюхало, Ворчун были хорошие собаки. Его друзья.

Увидев, как они обнюхивают мертвого Пышку, отец не сумел понять, кто из них это сделал, и потому зарубил всех троих. Руки у него так тряслись, что Нюхало он уложил с двух ударов, а Ворчуна — с четырех. В воздухе висел запах крови, и умирающие собаки страшно визжали, но Корнохвост все же пришел на хозяйский зов. Он был самый старый, и привычка слушаться пересилила страх. Шишка опоздал залезть в его шкуру.

«Отец, не надо!» — хотел крикнуть он, но собаки по-человечески говорить не умеют, только

скулят. Топор раскроил череп старому псу, и мальчик закричал. Так они и узнали. Два дня спустя отец поволок его в лес и топор взял. Шишка уж думал, что его ждет такая же участь, но отец отвел его к Хаггону.

Варамир проснулся, дрожа всем телом.

— Вставай! — кричал кто-то. — Вставай, уходить надо. Их сотни!

Снег укрыл его жестким белым одеялом. Ух, как холодно. Варамир обнаружил, что рука у него примерзла к земле, и оторвал ее, потеряв кусок кожи.

— Вставай! — снова вскричала женщина. — Они идут!

Колючка вернулась. Она трясла его за плечи и вопила прямо ему в лицо. Ее теплое дыхание грело его застывшие щеки. Ну, теперь или никогда…

Собрав все свои силы, он выскочил из своего тела и вошел в женщину.

«Мерзость!» — согнувшись, выкрикнула она. А может быть, это он кричал? Или Хаггон? Пальцы ее разжались, его старое тело упало в снег. Копьеносица бешено извивалась. Сумеречный кот тоже сопротивлялся ему, медведица теряла разум и огрызалась на деревья и камни, но сейчас

Варамиру приходилось намного хуже.

— Уйди! Уйди! — надрывалась женщина. Она упала и опять поднялась, руки молотили по воздуху, ноги дергались в подобии жуткого танца. Два духа сражались за одну плоть. Варамир на миг порадовался глотку морозного воздуха и силе ее молодого тела, но она сомкнула зубы, и его рот наполнился кровью. Руки, норовившие выцарапать Варамиру глаза, не подчинялись ему. «Мерзость», — вспомнил он, терзаемый болью, и она выплюнула на снег их язык.

Белый мир отошел прочь. На миг Варамир оказался в стволе чардрева, глядя красными глазами на умирающего мужчину и пляшущую под луной безумную, залитую кровью женщину — она лила красные слезы и рвала на себе одежду. Потом оба умерли, и он стал подниматься ввысь, несомый холодным ветром. Он был всюду — в снегу и в тучах, в белке, в воробье, в дубе. Сыч бесшумно пролетел между деревьями, преследуя зайца; Варамир был в нем, в зайце, в деревьях.

Глубоко в промерзшей земле копошились черви, и он был в них. *Я теперь лес и все, что живет в нем,* ликующе думал он. Сто воронов взмыли в воздух, каркая на него. Большой лось затрубил, встревожив детей, сидящих у него на спине.

Спящий лютоволк поднял голову и щелкнул зубами, но Варамир уже прошел мимо, ища своих: Одноглазого, Хитрюгу и Тихоступа. *Волки спасут меня,* мелькнула последняя человеческая мысль.

Истинная смерть пришла внезапно — его будто окунули под лед замерзшего озера, и он — Одноглазый — понесся по лунным снегам с двумя другими волками. Они эхом откликнулись на его вой.

Волки задержались на вершине холма. *Колючка*, вспомнил он, сожалея о потерянном и содеянном. Пальцы мороза ползли вверх по чардреву, мир покрывался льдом. Опустевшая деревня не была больше пустой: между снежными бугорками шмыгали синеглазые тени — одни в коричневом, другие в черном, третьи голые, белые как снег. Ветер нес запахи мертвечины, запекшейся крови, мочи и плесени. Хитрюга оскалилась, ощетинилась. Это не люди — в пищу они не годятся.

Ходячие, но неживые, они один за другим поднимали головы к трем волкам на холме. Последней была та, что при жизни звалась Колючкой. Меха и кожа на ней обросли инеем, который хрустел и сверкал при луне. С пальцев свисали бледно-розовые сосульки — десять но-

жей из замерзшей крови, в ямах на месте глаз мерцала бледная синева, преображая лицо из корявого в нездешне прекрасное. После смерти Колючка стала красавицей.

Она видит меня, понял Варамир. *Видит.*

Тирион

Всю дорогу через Узкое море он пил. Суденышко было маленькое, каюта и того меньше, на палубу капитан не разрешал выходить. От качки его мутило, скверная еда, извергаясь наружу, казалась еще противнее. На что ему солонина, твердый сыр и кишащий червями хлеб, когда есть вино? Красное, кислое, очень крепкое. Иногда он блевал и вином, но запасы не иссякали.

— На свете полно вина, — бормотал он в сырой каюте. Отец всегда презирал пьяниц, но кому до этого дело? Отца больше нет, он убил его. Арбалетный болт в брюхо — и нет милорда. Будь Тирион более метким стрелком, он послал бы болт в член, которым этот гад его сделал.

Здесь внизу нельзя было понять, ночь теперь или день. Время Тирион измерял по юнге, приносившему еду, которую он не ел. Мальчишка заодно и прибирался в каюте.

— Дорнийское? — спросил как-то Тирион, откупоривая мех. — Оно напоминает мне одного змея. Забавный был парень, пока на него гора не упала.

Юнга не отвечал. Уродливый малый, но все же

пригляднее одного карлика с половиной носа и шрамом от глаза до подбородка.

— Я тебя чем-то обидел? — спрашивал Тирион, пока юнец драил палубу. — Тебе приказано со мной не разговаривать, или какой-то карлик поимел твою мать? Скажи хоть, куда мы плывем. — Джейме поминал Вольные Города, и только. — В Браавос, Тирош, Мир? — Уж лучше бы в Дорн. Мирцелла старше Томмена — по дорнийским законам Железный Трон принадлежит ей. Он бы помог ей утвердиться в своих правах, как принц Оберин предлагал.

Но Оберин погиб: сир Григор Клиган одетым в броню кулаком раздробил ему череп. Разве согласится Доран Мартелл на столь рискованный план без Красного Змея? Еще, чего доброго, закует Тириона в цепи и выдаст дражайшей сестрице. На Стене, пожалуй, безопаснее будет. Мормонт, Старый Медведь, говорил, что Ночному Дозору нужны такие, как Тирион, — но кто знает, жив ли он, Мормонт. Возможно, теперь лордом-командующим стал Янос Слинт, и этот сын мясника хорошо помнит, кто его на Стену послал. «Тирион, тебе вправду хочется до конца дней питаться овсянкой и солониной вместе с убийцами и ворами? Впрочем, Янос Слинт позаботится, чтобы

остаток твоих дней был недолгим».

Юнга знай себе скреб, макая щетку в ведро.

— В веселых домах Лисса доводилось бывать? — спросил его Тирион. — Не туда ли отправляются шлюхи? — Тирион не помнил, как будет «шлюха» по-валирийски, а парень взял свои орудия и ушел.

Надо же, как пагубно влияет вино на память. Валирийскому он обучался у своего мейстера, хотя в девяти Вольных Городах говорят теперь на девяти диалектах, обещающих стать полноценными языками. Тирион умел немного по-браавосски и чуть-чуть по-мирийски. В Тироше он сможет проклясть богов, обозвать кого-то мошенником и заказать кружку эля благодаря служившему в Утесе наемнику. В Дорне хотя бы на общем языке говорят. Подобно дорнийской еде и дорнийским законам он там густо приправлен Ройном, но понять все-таки можно. В Дорн, только в Дорн. Тирион залез в койку с этой мыслью, как ребенок с любимой куклой.

Засыпал он всегда с трудом, а на этом корабле почти вовсе не спал — разве что напившись как следует. Снов уж точно не видел, и хорошо: довольно он их навидался за свою недолгую жизнь. Грезил о любви, о справедливости, дружбе и

славе. О том, чтобы вырасти большим. Ничего этого ему не видать — и куда же в конце концов отправляются шлюхи?

«Куда все шлюхи отправляются», — было последними словами его отца. Тетива загудела, лорд Тайвин провалился задом в дыру, а Тирион Ланнистер пошел себе куда-то бок о бок с Варисом. Должно быть, он снова слез по двумстам тридцати перекладинам туда, где в жаровне тлели рыжие угли. Этого он не помнил — помнил только звук тетивы и вонь, пошедшую от кишок убитого. Отец даже в миг своей смерти умудрился обосрать сына.

Молча пройдя по лабиринту темных ходов, они вышли где-то у Черноводной. Там Тирион одержал свою прославленную победу и потерял половину носа. Лишь тогда карлик повернулся к евнуху и сказал: «Я убил своего отца». Таким тоном, которым другой уведомил бы, что занозил себе палец.

Мастер над шептунами был одет, как нищенствующий брат, — в побитую молью бурую рясу с капюшоном, скрывавшим его толстые щеки и лысину. «Не надо вам было взбираться по той лестнице», — произнес он с укором.

«Куда все шлюхи отправляются». Тирион пре-

дупреждал, чтобы отец не говорил больше этого слова. Не выстрели он, это бы оказалось пустой угрозой. Отец отнял бы у него арбалет, как некогда отнял Тишу. Он уже поднимался, когда Тирион спустил курок.

«Я и Шаю убил», — признался он Варису.

«Вы же знали, что́ она за сокровище».

«Про нее знал, да. Про него нет».

«Теперь знаете», — заметил, хихикнув, Варис.

Надо было убить и евнуха. Чуть больше крови на руках, подумаешь тоже. Непонятно, что его остановило, — только не благодарность. Варис спас его от палача лишь по приказу Джейме. А тот… нет, о Джейме лучше не думать.

Найдя непочатый мех, Тирион высосал его, как материнскую грудь. Красное стекало по подбородку, пачкая и без того грязный камзол — тот самый, что был на нем и в тюрьме. Палуба качнулась и швырнула Тириона обратно на переборку, когда он встал. То ли шторм, то ли он выпил больше обычного. Он выблевал вино и полежал, гадая, тонет корабль или нет. «Ты мстишь мне, отец? Отец Всевышний сделал тебя своим десницей там наверху?»

— Достойная кара для отцеубийцы, — промолвил он под вой ветра. Нечестно, пожалуй, топить

вместе с ним капитана, юнгу и всех матросов, но когда это боги вели себя честно?

Тьма поглотила его, не дав додумать мысль до конца.

Когда он очнулся, голова у него трещала, и корабль ходил кругами, хотя капитан уверял, что они пришли в порт. Тирион велел ему заткнуться. Здоровенный лысый матрос взял Тириона под мышку, как тот ни отбрыкивался, и приволок в трюм, где дожидался пустой бочонок, совсем маленький — даже карлик в нем едва уместился. От усиленных попыток освободиться Тирион намочил штаны. Его затолкали в бочонок вперед головой, прижав коленки к ушам. Обрубок носа чесался невыносимо, но руки ничем не могли помочь. «Паланкин в самый раз для меня», — думал он, пока над ним заколачивали крышку. Бочонок с криками подняли на талях — он стукался головой о днище при каждом рывке. Потом сосуд покатился вниз, грохнулся обо что-то, и в него врезался другой бочонок. Тирион прикусил язык.

Это было самое долгое из его путешествий, хотя занять больше получаса оно никак не могло. Его поднимали и опускали, катили и ставили, переворачивали вверх ногами и снова катили. Слышались голоса, однажды где-то заржала ло-

шадь. Короткие ноги затекли и так разболелись, что даже похмельную голову заглушали.

Катящийся бочонок в очередной раз на что-то наткнулся. Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. По крышке заколотили и открыли ее. Свет и прохладный воздух хлынули внутрь. Тирион, жадно дыша, хотел встать, но повалился вместе с бочонком и выпал на твердый земляной пол.

Над ним высился до безобразия толстый человек с желтой раздвоенной бородой, держа в руках деревянный молоток и долото. Халат на нем мог бы послужить турнирной палаткой, развязанный пояс обнажал огромное белое пузо и пару жирных грудей, заросших желтыми волосами. Ни дать ни взять, дохлая морская корова, которую как-то раз занесло в пещеры у подножия Утеса.

— Гляньте-ка, пьяный карлик, — сказал толстяк на общем языке Вестероса.

— Молчи, морская корова. — Тирион сплюнул кровь ему под ноги. Они находились в большом погребе с грудами бочек до потолка и пятнами селитры на стенах. Здешних запасов снедаемому жаждой карлику хватило бы на всю ночь, а может, и на всю жизнь.

— Да ты нахал — люблю таких карликов. — От

смеха телеса незнакомца бурно заколыхались, Тирион даже испугался, что кусок сейчас оторвется и задавит его. — Небось проголодался, дружок? Устал?

— Пить хочу. И помыться. — Тирион привстал на колени.

Толстяк принюхался.

— Сначала ванна — еда и постель потом? Мои слуги этим займутся. — Толстяк отложил свои инструменты. — Мой дом — твой дом. Друг моего друга по ту сторону моря для Иллирио Мопатиса дорогой гость.

«А друга паука Вариса не следует подпускать слишком близко», — добавил про себя Тирион.

Обещанная ванна, впрочем, не заставила себя ждать. Тирион, погрузившись в горячую воду, тут же уснул и проснулся голым на перине из гусиного пуха, точно на облаке. Во рту и в глотке пересохло до невозможности, член стоял как железный. Тирион слез, отыскал горшок и зажурчал, постанывая от наслаждения.

В комнате царил полумрак, но сквозь щели в ставнях проникал солнечный свет. Отряхнувшись, Тирион прошел по мирийским коврам, мягким как весенняя травка, взобрался на подоконник и отворил ставни. Поглядим, что

послали ему боги и Варис.

Под окном вокруг мраморного бассейна росли шесть вишневых деревьев, безлиственных в эту пору. В воде стоял голый парнишка не старше шестнадцати, с белокурыми волосами до плеч — он изготовился к бою с клинком брави в руке. Выглядел он так натурально, что Тирион не сразу распознал в нем статую из раскрашенного мрамора, а меч блестел, как настоящий стальной.

Бассейн огораживала кирпичная стена высотой не меньше двенадцати футов, с железными пиками наверху. За стеной раскинулся город — скопление черепичных крыш вокруг морского залива. Тирион видел прямоугольные кирпичные башни, красный храм, отдаленный дворец на холме. Сверкающий на солнце залив был усеян парусами рыбачьих лодок, у берега торчали мачты больших кораблей. Один из них наверняка идет в Дорн или в Восточный Дозор, Что-у-моря. Но Тириону нечем заплатить за проезд, и в гребцы его не возьмут. Разве юнгой наняться, чтобы вся команда его имела во время плавания.

Где же это он? Здесь даже воздух пахнет иначе — заморскими пряностями. Люди за стеной говорили как будто по-валирийски, но он понимал едва ли одно слово из пяти. Не Браавос,

решил Тирион, и не Тирош. Облетевшие деревья и холодок говорят также против Лисса, Мира или Волантиса.

Тирион обернулся на звук открывшейся двери.

— Мы в Пентосе, верно?

— Конечно. Где же еще.

Пентос. Ну, спасибо, что не Королевская Гавань.

— А куда отправляются шлюхи? — неожиданно для себя выпалил Тирион.

— Шлюх здесь, как и в Вестеросе, можно найти в борделях. Тебе, дружок, они не понадобятся — выбирай из моих служанок. Ни одна не посмеет тебе отказать.

— Рабыни? — подчеркнуто спросил карлик.

Толстяк огладил один из отростков желтой намасленной бороды — этот жест показался Тириону весьма непристойным.

— Рабство в Пентосе запрещено договором, который навязали нам браавосцы сто лет назад. Но они тебе не откажут. Прошу извинить, мой маленький друг, — с полупоклоном добавил Иллирио. — Я имею честь быть магистром этого великого города, и принц нас созывает на совещание. — Он продемонстрировал в улыбке два ряда желтых зубов. — Дом и угодья осматривай,

сколько тебе угодно, а вот за стену ни ногой. Никто не должен знать, что ты был здесь.

— Был? Так я здесь не задержусь?

— Поговорим об этом вечером — хорошо, мой маленький друг? Будем есть, пить и строить великие планы.

— Хорошо, большой друг. — Иллирио хочет использовать его в своих целях — у торговых магнатов Девяти Городов только и на уме, что нажива. «Солдаты пряностей и лорды сыров», — с презрением говаривал его лорд-отец. Если Иллирио сочтет когда-нибудь, что в мертвом карлике пользы больше, чем в живом, Тириона опять упакуют в винный бочонок — и хорошо бы расстаться с гостеприимным хозяином, пока этот день не настал. В том, что он настанет, Тирион даже не сомневался. Серсея не забудет о возлюбленном брате, да и Джейме не обрадуется, обнаружив болт у отца в животе.

Ветерок рябил воду в бассейне вокруг статуи нагого бойца. Тиша часто ерошила ему волосы той обманной весной, в пору их недолгого брака — пока он не взял ее силой, завершив начатое отцовской гвардией. Во время бегства он все вспоминал, сколько же их было, этих гвардейцев. Уж это, казалось, должно было ему запомниться,

но нет, он забыл. Десяток? Дюжина? Сотня? Все рослые, как на подбор, хотя карлику тринадцати лет все мужчины кажутся рослыми. Тиша-то знала сколько. Каждый из них уплатил ей серебряного оленя — стоило только пересчитать. Олень за гвардейца, золотой за него, Тириона. Отец настоял, чтобы сын тоже с ней расплатился. Ланнистеры всегда платят свои долги.

«Куда все шлюхи отправляются», — снова сказал лорд Тайвин, и тетива пропела еще раз.

Магистр предложил гостю осмотреть имение, а в кедровом сундуке с инкрустацией из лазури и перламутра нашлась чистая смена одежды. На мальчика шито, сразу определил Тирион. Ткань богатая, хотя и залежалась немного, штанины длинноваты, рукава слишком коротки. Вздумай он затянуть воротник, почернел бы не хуже Джоффри. Без моли тоже не обошлось, но хотя бы блевотиной не воняет.

Осмотр Тирион начал с кухни. Две толстухи и мальчишка-подручный подозрительно следили, как он набирает себе хлеба, сыра и фиг.

— Доброго утра, прекрасные дамы, — сказал он с поклоном. — Не знаете ли, куда отправляются шлюхи? — Не получив ответа, он повторил вопрос на классическом валирийском, где «шлюх»

пришлось заменить «куртизанками». Одна из кухарок, моложе и толще другой, пожала плечами.

Любопытно, что они сделают, если он возьмет их за руки и поведет в свою спальню. Иллирио, заявляя, что ни одна служанка не посмеет ему отказать, этих двух, похоже, в виду не имел. Молодая гостю в матери годится, а старая, по всему, доводится матерью ей самой. Толщиной обе почти не уступают хозяину, груди у них с голову Тириона — того и гляди задавят карлика во время любовных игр. Можно, в общем, умереть и похуже — к примеру, так, как умер его лорд-отец. Надо было заставить его высрать немного золота перед смертью. На ласку и похвалу лорд Тайвин всегда скупился, зато звонкую монету раздавал щедрой рукой. Жалостней безносого карлика может быть только безносый карлик без единого золотого в кармане.

Оставив женщин при хлебах и кастрюлях, Тирион пошел искать погреб, где Иллирио выпустил его из бочонка. Найти его труда не составило, и хранящихся там вин карлику бы хватило лет на сто: сладкие из Простора, кислые дорнийские, янтарные пентосские, зеленый мирийский нектар, пятьдесят бочек борского золотого. Сказочный Восток тоже был здесь представлен: Кварт, Йи

Ти, Асшай у Края Теней. Тирион отыскал бочонок крепкого, помеченный клеймом Рансфорда Редвина, деда нынешнего борского лорда. Вкус его долго держался на языке, пурпурный цвет казался почти черным в полутемном подвале. Тирион, налив чашу и штоф про запас, поднялся в сад, чтобы выпить под вишнями, которые видел в окно.

Как оказалось, вышел он не в ту дверь и не нашел бассейн с вишнями, но это не имело значения: здесь тоже были сады. Он погулял немного, прикладываясь на ходу к чаше. Наружной стены устыдился бы всякий приличный замок, пики на ней, не украшенные головами казненных, казались голыми. Тирион представил наверху головку своей сестрицы с золотыми волосами, обмазанными смолой, и жужжащими вокруг мухами. А Джейме хорошо бы занять соседнюю пику, чтобы между близнецами никто не встревал.

С крюком на веревке он, пожалуй, одолел бы эту преграду. Руки у него сильные, вес небольшой. Главное — не напороться на пику. «Завтра же поищу веревку», — решил Тирион.

Гуляя, он миновал три входа — главные ворота в караульной, калитку у псарни и еще одну, густо

увитую плющом, почти незаметную. Эта была заперта на цепь с замком, остальные охранялись стражами в остроконечных бронзовых шлемах, с гладкими, как детская попка, рожами. Евнухи, ясное дело. Он слышал о таких: ничего не боятся, боли не чувствуют, преданы своим господам до гроба. Ему бы пару сотен таких солдат — жаль, что он не подумал об этом, пока не стал нищим.

Через галерею с колоннами и островерхую арку он вышел в мощеный дворик, где у колодца трудилась прачка. Похоже, его ровесница, с тускло-рыжими волосами и широким веснушчатым лицом.

— Хочешь вина? — спросил Тирион. Она ответила неуверенным взглядом. — Лишней чаши нет, придется пить из одной. — Женщина молча выкручивала и развешивала рубахи. Тирион сел на каменную скамью. — Скажи, насколько можно доверять магистру Иллирио? — Услышав имя хозяина, она подняла глаза. — И только-то? — Он, ухмыляясь, скрестил свои короткие ножки и выпил. — Очень бы не хотелось играть роль, которую торговец сырами для меня предназначил, но как ему отказать? Входы-выходы все охраняются. Вот вывела бы меня в город под юбками — в благодарность я, глядишь, женился

бы на тебе. Где две жены, там и три. Но где же мы будем жить? — Он улыбался так мило, как только способен человек с половиной носа. — Я уже говорил, что в Солнечном Копье у меня племянница? С Мирцеллой я наворотил бы дел, втравил бы ее в войну с собственным братом — забавно, правда? — Рубаха Иллирио, повешенная женщиной на веревку, раздулась не хуже паруса. — Нет-нет, это дурные мысли, ты совершенно права. Поедем лучше на Стену. Говорят, тому, кто вступает в Ночной Дозор, отпускаются все грехи. Боюсь только, что тебя туда не пустят, радость моя. В Дозоре женщин не полагается — никаких веснушчатых женок, чтобы греть постель по ночам. Только холодный ветер, соленая треска да жидкое пиво. Тебе не кажется, что в черном я буду казаться выше, миледи? — Он подлил в чашу из штофа. — Ну, что скажешь — на север или на юг? Каяться в старых грехах или совершать новые?

Прачка, посмотрев на него напоследок, взяла корзину и пошла прочь. Долго жены у него не задерживаются, и штоф опустел — спуститься опять в погреб, что ли? От крепкого голова кружится, а там крутые ступеньки.

— Куда отправляются шлюхи? — спросил он хлопающее на веревке белье. Надо было прач-

ку спросить. «Я не хочу сказать, что ты шлюха, дорогая моя, но вдруг ты знаешь?» Надо было выспросить у отца — он-то знал. Тиша, крестьянская дочка. Она полюбила его, вышла за него замуж. Доверяла ему.

Пустой штоф упал, покатился по двору. Тирион, поспешая за ним, заметил грибы, растущие в трещинах между плитами. Бледные в крапинку, с кроваво-красными пластинками шляпок. Он сорвал один, понюхал. Никак, ядовитые?

Грибов было семь — может, Семеро хотят что-то этим сказать? Тирион собрал все, завернул в снятую с веревки перчатку, спрятал в карман. От усилий голова закружилась еще сильнее. Он доковылял до скамейки, лег, закрыл глаза… и проснулся у себя в спальне, утопая в перине. Белокурая девушка трясла его за плечо.

— Ванна готова, милорд. Магистр Иллирио ждет вас к столу через час.

Тирион сел в подушках, держась за голову.

— Снится мне это, или ты говоришь на общем?

— Говорю, милорд. Меня купили в дар королю. — Совсем юная, голубоглазая, гибкая.

— Уверен, он порадовался такому подарку. Налей мне вина.

Она подала ему чашу.

— Магистр Иллирио велел мне мыть вам спину и греть постель. Меня зовут…

— Мне все равно как. Известно тебе, куда отправляются шлюхи?

— Шлюхи продаются за деньги, — вспыхнула девушка.

— А также за драгоценности, платья и замки. Так куда же?

— Это загадка такая, милорд? Я не мастерица отгадывать, скажите уж сразу.

Он и сам не любил загадок.

— Не скажу. — «Меня интересует только то, что у тебя между ног», — чуть не сказал он — и промолчал. Она не Шая. Просто дурочка, полагающая, что он ей загадывает загадки. Даже ее щелка, сказать по правде, не слишком его влечет. Он, верно, захворал — или умер. — Говоришь, ванна готова? Пойдем, негоже заставлять ждать торговца сырами.

Девушка вымыла ему ноги, потерла спину, расчесала волосы и вновь облачила его в лежалые детские одежки — винного цвета бриджи и синий бархатный дублет, подбитый парчой.

— Прикажете ждать вашу милость тут, когда вы откушаете? — спросила она, шнуруя его сапожки.

— Нет. Я покончил с женщинами. — «Со шлюхами».

Девушка не выказала никакого разочарования — Тириона это задело.

— Если милорд желает мальчика, я могу привести…

«Милорд желает свою жену. Девушку по имени Тиша».

— Если он знает, куда отправляются шлюхи, то да.

Девушка поджала губы. Презирает его, это ясно — но ей далеко до презрения, которое он питает к себе самому. Он не сомневался, что многие его женщины с большой неохотой ложились к нему в постель, но у них хотя бы хватало доброты скрывать это. Честная неприязнь даже освежает, как глоток терпкого вина после сладкого.

— Я передумал, — сказал Тирион. — Жди меня здесь, в постели, и раздеться изволь догола — я буду слишком пьян для возни с твоими застежками. Ноги раздвинь, рот закрой, и мы с тобой преотлично поладим. — Он осклабился, надеясь ее напугать, но встретил лишь отвращение. Карликов никто не боится. Даже лорд Тайвин, которому Тирион грозил арбалетом, не боялся его. — Ты как, стонешь, когда тебя дерут?

— Как милорду будет угодно.

— А если милорду угодно будет тебя задушить? Со своей последней шлюхой я обошелся именно так. Как по-твоему, твой хозяин не будет против? Я думаю, нет. Таких, как ты, у него штук сто, а я такой один. — На этот раз он получил желаемый страх.

Иллирио возлежал на мягкой кушетке, уплетая горячие перцы с мелкими луковицами из деревянной миски. На лбу у него выступила испарина, над толстыми щеками горели свиные глазки, на пальцах переливались искрами оникс, опал, тигровый глаз, турмалин, рубин, аметист, сапфир, янтарь, нефрит, черный алмаз и зеленый жемчуг. На его кольца Тирион мог бы жить много лет, но чтобы добыть их, понадобится тесак.

— Садись поближе, дружок, — поманил магистр.

Тирион взгромоздился на слишком высокий стул, предназначенный для массивных магистерских ягодиц. Он всю жизнь прожил в мире, слишком большом для него, но в доме Иллирио диспропорция принимала прямо-таки гротескный характер. Здесь он чувствовал себя мышкой в пещере мамонта, утешаясь тем, что у мамонта имеются хорошие вина. От мысли о них ему захо-

телось пить, и он кликнул слугу.

— Понравилась тебе девушка, которую я прислал? — спросил Иллирио.

— Будь мне нужна женщина, я бы сказал об этом.

— Если она не угодила тебе…

— Она делает все, что от нее требуется.

— Я так и надеялся. Она прошла выучку в Лиссе, где любовь почитают искусством. Король был очень доволен ею.

— Я убиваю королей, не слыхал? — Тирион злобно улыбнулся поверх винной чаши. — Королевские объедки мне ни к чему.

— Как скажешь. Давай поедим. — Иллирио хлопнул в ладоши.

Для начала им подали горячий суп из морского черта с крабами и холодный, с яйцом и лимоном. За этим последовали перепелки в меду, седло барашка, гусиные потроха в вине, репа в масле и молочный поросенок. При виде еды Тириона замутило. Из вежливости он принудил себя съесть ложку супа и сразу пропал. Толстые кухарки свое дело знали: так вкусно он не ел даже при дворе.

Обсасывая мясо с перепелиных косточек, он спросил Иллирио об утреннем заседании.

— На востоке неспокойно, — пожал плечами

толстяк. — Пали Астапор с Миэрином — гискарские города, бывшие древними, когда весь мир был еще юн. — Он обмакнул ломоть поросенка в сливовый соус и стал есть руками.

— Залив Работорговцев далековато от Пентоса. — Тирион подцепил ножом гусиный потрошок. Все отцеубийцы прокляты, но и в аду можно недурно устроиться.

— Верно, но что такое наш мир, как не одна великая паутина? Тронешь одну нить — отзовется на всех остальных. Еще вина? — Иллирио сунул в рот перец. — Хотя нет — предложу тебе нечто особенное. — Он снял крышку с блюда, которое поставил перед Тирионом слуга. — Грибы! Щепотка чеснока и целое море масла. Я нашел вкус восхитительным. Возьми один, дружок — нет, лучше два.

Тирион поднес большой черный гриб ко рту, но что-то в голосе Иллирио насторожило его.

— Сначала ты. — Он подвинул блюдо к хозяину.

— Нет-нет. — Из-под магистерских жиров на миг проглянул озорной мальчишка. — Ты первый. Повариха для тебя их готовила.

— В самом деле? — Тириону вспомнились руки в муке, тяжелые груди с синими венами. — Она

очень добра, но… нет. — Он вернул гриб обратно в подливку.

— Экий ты подозрительный, — усмехнулся Иллирио в желтую бороду — он небось маслит ее каждый день, чтобы блестела как золото. — А может, попросту трус? Мне другое про тебя говорили.

— В Семи Королевствах отравить гостя за ужином значит преступить законы гостеприимства.

— У нас тоже. Но если гостю самому не терпится прервать свою жизнь, почему бы не сделать ему одолжение? — Иллирио отпил из чаши. — Магистра Орделло отравили грибами каких-то полгода назад. Говорят, это не так уж больно. Легкие спазмы в животе, ломота позади глаз — и все, конец. Лучше грибы, чем голова с плеч, разве нет? Зачем умирать со вкусом крови во рту, когда тебе предлагают чеснок и масло?

От запахов подливы в самом деле слюнки текли. Вонзить нож себе в живот у Тириона бы смелости не хватило, а гриб съесть проще простого.

— Ты заблуждаешься на мой счет, — сказал он, до крайности напуганный этой мыслью.

— Да ну? Если предпочитаешь утонуть в вине, так и скажи. Зачем тратить время и портить напитки, вливая в себя чашу за чашей?

— Ты заблуждаешься, — повторил Тирион. Грибы в золотистой подливе призывно блестели при свете лампы. — Могу тебя заверить, что не имею никакого желания умирать. У меня… — Он запнулся. Что, собственно у него впереди? Вся жизнь? Малые дети, родовое имение, любимая женщина?

— Нет у тебя ничего, — закончил за него Иллирио, — но это можно поправить. — Он взял с блюда гриб и со смаком начал жевать. — Превосходно.

— Не ядовитые, значит, — рассердился Тирион.

— Нет, конечно. Зачем мне тебя травить? Выкажем друг другу немного доверия. Ну же, отведай. — Иллирио снова хлопнул в ладони. — Нас ждет работа — подкрепись хорошенько, дружок.

На столе появились новые блюда: цапля, начиненная фигами, телячьи котлеты в миндальном молоке, сельдь под сливками, засахаренный лук, остро пахнущие сыры, улитки и черный лебедь в оперении. Лебедя Тирион, памятуя об ужине у сестры, есть не стал, но воздал должное цапле, сельди и луку. Слуга исправно наполнял его чашу.

— Для маленького человечка ты много пьешь.

— Отцеубийство сушит.

Глазки толстяка сверкнули, как камни на его пальцах.

— Кое-кто в Вестеросе назвал бы убийство лорда Ланнистера добрым делом.

— При моей сестре этого лучше не говорить — языком поплатиться можно. — Тирион разломил хлеб. — И тебе, магистр, тоже не советую мою семью задевать. Даже будучи отцеубийцей, я остаюсь львом.

Сырный лорд в приступе веселья хлопнул себя по ляжке.

— Вы, вестеросцы, все одинаковы. Вышиваете какого-нибудь зверя на шелковом лоскуте, и вот вы все уже львы, орлы и драконы. Могу тебе показать настоящего льва — не хочешь ли разделить с ним клетку?

«Лорды Семи Королевств и правда слишком уж носятся со своими гербами», — признал про себя Тирион.

— Будь по-твоему. Я не лев, но все-таки сын своего отца, и только я вправе убить Серсею и Джейме.

— Ты весьма кстати упомянул о своей сестре, — заметил Иллирио, поглощая улиток. — Королева обещала сделать лордом того, кто ей принесет твою голову, какого бы низкого происхождения

он ни был.

Иного Тирион и не ждал.

— Если хочешь поймать ее на слове, пусть она заодно с тобой переспит. Лучшее во мне за лучшее в ней — сделка честная.

— Я бы скорее взял собственный вес в золоте. — Иллирио зашелся от смеха. «Как бы не лопнул», — с опаской сказал себе Тирион. — Все золото Бобрового Утеса, что скажешь?

— Золото согласен отдать, — карлику совсем не хотелось потонуть в полупереваренных угрях и улитках, — но Утес мой.

— Ну-ну. — Толстяк рыгнул, прикрыв рукой рот. — Думаешь, король Станнис отдаст его тебе? Я слышал, он чтит закон. Твой брат носит белый плащ, так что по всем вашим законам наследник ты.

— Станнис, может, и отдал бы, кабы не такая малость, как убийство короля вкупе с отцеубийством. За это он урежет меня на целую голову, а я и без того мал. Но с чего ты взял, что я намерен примкнуть к лорду Станнису?

— Зачем тебе иначе ехать к Стене?

— Станнис на Стене? — Тирион потер то, что осталось от его носа. — Какого дьявола он там делает?

— Мерзнет скорей всего. В Дорне куда теплее — лучше бы ему было отплыть туда.

Веснушчатая прачка только притворялась, выходит, что не понимает общий язык.

— В Дорне у меня Мирцелла, племянница. И я подумываю сделать ее королевой.

Слуга положил им обоим темных вишен со сливками.

— Что такого тебе сделало бедное дитя, коли ты ее смерти желаешь?

— Даже отцеубийце не обязательно истреблять всех своих родичей. Я сказал «сделать королевой», а не «убить».

Иллирио зачерпнул ложкой вишни.

— В Волантисе чеканят монету с короной на одной стороне и черепом на другой. Одна монета, две стороны. Сделать королевой — значит убить. Дорн, может, и поддержит Мирцеллу, но одного Дорна мало. Ежели ты так умен, как утверждает наш друг, то и сам это знаешь.

Тирион посмотрел на толстяка другими глазами. Иллирио прав и в том, и в другом. Короновать Мирцеллу значит убить ее, и Тирион это знает.

— Мне только и осталось, что безрассудные жесты. По крайней мере сестрица поплачет.

Магистр вытер рукой рот, измазанный слив-

ками.

— Дорога на Бобровый Утес проходит не через Дорн, дружок. И не под Стеной тоже. Тем не менее она существует.

— Я признанный изменник, убийца короля и родного отца. — «Какая еще дорога, что за игру затеял магистр?»

— Один король может отменить то, что решил другой. В Пентосе у нас сидит принц. Между балами и пирами он разъезжает по городу в паланкине из слоновой кости и золота. Герольды несут перед ним золотые весы торговли, железный меч войны и серебряный бич правосудия. В первый день года он обязан лишить невинности деву моря и деву полей. — Иллирио подался вперед, поставив локти на стол. — Но в случае неурожая или проигранной нами войны мы режем принцу горло, чтобы умилостивить богов, и выбираем среди сорока семей нового.

— Напомни мне не соглашаться быть пентосским принцем.

— А разве Семь Королевств так уж от нас отличаются? В Вестеросе нет мира, нет закона, нет веры… а скоро и есть будет нечего. Во времена голода и страха народ ищет себе спасителя.

— Ну, если он не найдет ничего лучше Стан-

ниса…

— Это будет не Станнис. И не Мирцелла. — Желтозубая улыбка становилась все шире. — Другой. Сильнее Томмена, милосерднее Станниса, имеющий больше прав, чем Мирцелла. Спаситель, который перевяжет кровоточащие раны Вестероса, придет из-за моря.

— Красивые слова, ничего более. Кто этот треклятый спаситель?

— Дракон, — сказал торговец сырами и засмеялся, увидев лицо Тириона. — Трехглавый дракон.

Дейенерис

Она слышала, как мертвец поднимается по ступеням. Мерный звук шагов опережал его, отдаваясь эхом среди пурпурных колонн чертога. Дейенерис Таргариен ждала его на скамье черного дерева, служившей ей троном. Глаза у нее были заспанные, серебряные с золотом волосы рассыпались по плечам.

— Не надо бы вам этого видеть, ваше величество, — сказал сир Барристан Селми, лорд-командующий ее Королевской Гвардией.

— Он погиб за меня. — Дени запахнулась в львиную шкуру. Под шкурой была только полотняная туника до середины бедра. Ей снился дом с красной дверью, когда Миссандея разбудила ее — одеваться не было времени.

— Смотри только не трогай его, кхалиси, — шепотом попросила Ирри. — Прикасаться к мертвецу — дурная примета.

— Если, конечно, сам его не убил, — уточнила Чхику — покрепче Ирри, широкобедрая, с тяжелыми грудями. — Это все знают.

— Это все знают, — согласилась с ней Ирри.

Дотракийцы хорошо разбираются в лошадях, но

полные профаны во всем остальном. Притом служанки Дени совсем еще девчонки, ее ровесницы. Мужчины засматриваются на их черные косы, медную кожу и миндалевидного разреза глаза, но от этого те не перестают быть девчонками. Ей отдали их, когда она вышла замуж за кхала Дрого. Это он подарил Дени шкуру храккара, белого льва Дотракийского моря. Шкура велика для нее и пахнет затхлым мехом, но в ней Дени кажется, что ее солнце и звезды все еще с ней.

Первым в чертог вступил Серый Червь с факелом. Его бронзовый шлем венчали целых три пики. За ним четверо Безупречных — по одной пике на шлемах, и с лицами бесстрастными, будто из той же бронзы — несли на плечах мертвеца. Они сложили труп к ногам Дени, сир Барристан откинул окровавленный саван, Серый Червь посветил своим факелом.

Гладкое безволосое лицо с исполосованными клинком щеками. При жизни убитый был высоким, голубоглазым и светлокожим — дитя Лисса или Старого Волантиса, похищенный пиратами и проданный в рабство. Глаза открыты, но влага сочится не из них, а из ран, которых не сосчитать.

— Ваше величество, — сказал сир Барристан, — в переулке, где он был найден, на кирпиче

нарисована гарпия…

— Кровью, — договорила за него Дени. Сыны Гарпии убивают по ночам и каждый раз оставляют свою эмблему. — Почему этот человек был один, Серый Червь? Разве у него нет напарника? — По ее приказу Безупречные ночью патрулировали улицы Миэрина только попарно.

— Ваш слуга Крепкий Щит не вышел ночью в дозор, моя королева, — доложил капитан. — Он пошел в одно место… выпить и поразвлечься.

— Что за место?

— Веселый дом, ваше величество.

Половина ее вольноотпущенников пришли из Юнкая, где мудрые господа обучали прославленных рабов для утех. Путь семи вздохов. Бордели в Миэрине расплодились, как грибы после дождя — надо же бывшим рабам как-то жить, а больше они ничего не умеют. Еда с каждым днем дорожает, а цены на плоть, наоборот, падают. В бедных кварталах, между ступенчатыми пирамидами миэринской аристократии, могут удовлетворить любые желания, какие только можно себе представить.

— Что евнуху понадобилось в борделе?

— Даже при отсутствии мужских органов в груди бьется мужское сердце, ваше величество, —

сказал Серый Червь. — Говорят, что ваш слуга Крепкий Щит платил женщинам, чтобы они лежали с ним и обнимали его.

Та, в ком течет кровь дракона, не плачет.

— Это имя его — Крепкий Щит? — с сухими глазами спросила Дени.

— С позволения вашего величества.

— Хорошее имя. — Добрые господа Астапора даже имен своим рабам-воинам не разрешали иметь. Некоторые из ее Безупречных назвались своими прежними именами, другие придумали себе новые. — Известно ли, сколько человек на него напали?

— Ваш слуга не знает этого. Много.

— Шестеро или больше, — вставил сир Барристан. — Судя по ранам, его облепили со всех сторон. Когда его нашли, меча в ножнах не было. Возможно, он ранил кого-то из них.

Быть может, в это самое время кто-то из Сынов Гарпии умирает, держась за живот и корчась от боли. Хорошо бы.

— Почему у него изрезаны щеки?

— Милостивая королева, — объяснил Серый Червь, — убийцы затолкали вашему слуге Крепкому Щиту в глотку козлиные детородные органы. Это ваш слуга их убрал.

Собственные его органы они не могли затолкать: в Астапоре ему не оставили ни корня, ни стебля.

— Сыны Гарпии наглеют, — заметила Дени. До сих пор они нападали только на безоружных вольноотпущенников — резали их прямо на улицах или вламывались к ним в дома под покровом ночи. — Это мой первый солдат, убитый ими.

— Первый, но не последний, — предсказал сир Барристан.

Война все еще идет, только теперь против королевы сражаются тени. Она так надеялась передохнуть немного от резни, заняться созиданием, залечить раны своих новых подданных.

Сбросив львиную шкуру, Дени опустилась на колени перед мертвым и закрыла ему глаза — Чхику так и ахнула.

— Мы не забудем тебя, Крепкий Щит. Обмойте его, оденьте в латы и шлем и схороните с копьями и щитом.

— Как прикажет ваше величество, — сказал Серый Червь.

— Пошлите людей в храм и спросите, не обращался ли кто к Лазурной Благодати с раной от меча. Пустите по городу весть, что за меч Крепкого Щита мы готовы заплатить золотом. Узнайте

у мясников и пастухов, кто холостил недавно козла. — Если они, конечно, признаются. — И чтобы никто из моих людей не выходил в город один с наступлением темноты.

— Ваши слуги повинуются, моя королева.

Дейенерис откинула волосы с глаз.

— Найдите мне этих трусов. Найдите, чтобы Сыны Гарпии на себе убедились, что дракона будить не следует.

Серый Червь отдал честь. Безупречные снова завернули мертвеца в саван, подняли на плечи и унесли прочь. Сир Барристан Селми остался. Волосы у него побелели, в уголках бледно-голубых глаз лучились морщины, но спина не согнулась, и оружием он с годами не стал владеть хуже.

— Боюсь, ваше величество, что ваши евнухи плохо годятся для поставленной перед ними задачи.

Дени опять закуталась в шкуру.

— Безупречные — цвет моих воинов.

— Не воинов, а солдат — простите великодушно, ваше величество. Они созданы, чтобы стоять на поле битвы плечом к плечу, прикрывшись щитами и выставив копья перед собой. Их учат повиноваться беспрекословно, без раздумий и колебаний — расследовать и задавать вопросы

они не обучены.

— Может быть, рыцари лучше справятся? — Селми обучал сыновей рабов драться длинными мечами и пиками, как принято в Вестеросе, — но что могут пики против трусов, нападающих ночью из-за угла.

— Не в таком деле — да и нет у вашего величества рыцарей, кроме меня. Эти мальчишки дозреют лишь через несколько лет.

— Кто же тогда, если не Безупречные? Дотракийцы и того хуже. — Конница полезней в открытом поле, чем на узких городских улицах. Там, за миэринскими стенами, сложенными из разноцветного кирпича, никто не признаёт новую королеву. Тысячи рабов в огромных имениях до сих пор растят пшеницу, собирают оливки, пасут коз и овец, добывают соль и медь в рудниках. В городских житницах, конечно, запасено много зерна, оливок, масла, сушеных фруктов и солонины, но и эти запасы когда-нибудь истощатся. Покорять окрестности Дени отправила свой крошечный кхаласар под командованием трех кровных всадников, а Бурый Бен Пламм повел своих Младших Сыновей на юг, защищать город от юнкайских набегов.

Самое ответственное дело она поручила Даарио

Нахарису. Сладкоречивому Даарио с золотыми зубами и бородой-трезубцем, язвительно усмехающемуся в пурпурные бакенбарды. За восточными холмами, за круглыми песчаниковыми горами, за Хизайским перевалом лежит Лхазарин. Если Даарио уговорит лхазарян вновь открыть сухопутные торговые тракты, зерно можно будет ввозить по реке или через холмы… Но лхазарянам не за что любить Миэрин.

— Пошлем на улицы Ворон-Буревестников, когда вернутся из Лхазарина, — сказала Дени. — А теперь, сир, извините меня — скоро придут просители. Пора мне надевать свои кроличьи уши и изображать королеву. Вызовите Резнака и Лысого — я приму их, когда оденусь.

— Слушаюсь, ваше величество, — с поклоном ответил Селми.

Великая Пирамида вздымалась на восемьсот футов в небо. Личные покои королевы, окруженные зеленью и прудами, помещались на самом верху. Дени вышла на террасу. Раннее солнце уже озарило золотые купола Храма Благодати на западе, ступенчатые пирамиды отбросили длинные тени. В одной из них замышляют новые убийства Сыны Гарпии, и королева бессильна им помешать.

Белый Визерион лежал, свернувшись, под грушевым деревом. Когда она прошла мимо, он почувствовал ее беспокойство и открыл глаза цвета жидкого золота. Рожки у него тоже золотые, и по спине от головы до хвоста бежит золотая полоска.

— Ты чего ленишься? — Дени почесала ему подбородок. Чешуя на ощупь была горячая, как долго пролежавшие на солнце доспехи. Драконы — это огонь, одевшийся в плоть. Дени вычитала это в одной из книг, которые подарил ей на свадьбу сир Джорах. — Летел бы охотиться, как твои братья, — или вы с Дрогоном опять подрались? — Ее драконы одичали за последнее время. Рейегаль огрызается на Ирри, Визерион поджег токар сенешаля Резнака. Она совсем забросила их, но где же найти время и на них тоже?

Визерион хлестнул хвостом по дереву так, что сбил к ногам Дени грушу. Расправил крылья, вспрыгнул на парапет. Растет, подумала Дени, глядя, как он взлетает. Они все растут и скоро смогут выдержать ее вес. Тогда она, как Эйегон Завоеватель, полетит все выше и выше, пока Миэрин не станет с булавочную головку.

Визерион, расширяя круги, скрылся за мутными водами Скахазадхана, и Дени вошла внутрь.

Ирри и Чхику ждали, чтобы расчесать ей волосы и одеть ее, как подобает королеве, в гискарский токар.

Эту простыню следовало обернуть вокруг бедер, пропустить под мышкой и перебросить через плечо, тщательно расправив кайму. Обмотаешь слабо — токар свалится; слишком туго — будет морщить и впиваться в тело. Даже если он лежит правильно, его надо все время придерживать левой рукой, шажки делать мелкие и держать равновесие — иначе, чего доброго, наступишь на шлейф. Одеяние не для работников, а для господ, символ богатства и власти.

Дени хотела запретить токары, когда взяла Миэрин, но ей отсоветовали. «Матерь Драконов возненавидят, если она не будет носить токар, — предупредила Зеленая Благодать, Галацца Галар. — В вестеросской шерсти или в мирийском кружеве ваша блистательность навсегда останется здесь чужой, пришелицей, главой варваров. Миэринская королева должна быть дамой Старого Гиса».

Бурый Бен Пламм, капитан Младших Сыновей, выразился короче: «Хочешь править кроликами — надень пару длинных ушей».

Сегодняшние «кроличьи уши» были из бело-

снежного полотна, окаймленного золотыми кистями. Дени при содействии Ирри обмоталась токаром с третьей попытки. Чхику подала ей корону в виде трехглавого дракона, эмблемы дома Таргариенов. Туловище, свитое кольцами, золотое, крылья серебряные, головы из слоновой кости, оникса и нефрита. Еще до конца дня у Дени под ее тяжестью онемеют шея и плечи. Корона — нелегкая ноша, сказал кто-то из ее августейших предшественников. Эйегон, кажется, но какой? Семью Королевствами правили целых пять Эйегонов. Родился уже и шестой, но псы узурпатора растерзали ее племянника еще в колыбели. Будь он жив, Дени, возможно, вышла бы за него. По возрасту он был ей ближе, чем Визерис. Дени только-только зачали, когда погибли Эйегон и его сестра — их отец, ее брат Рейегар, был еще раньше убит узурпатором на Трезубце. Другой ее брат, Визерис, умер мучительной смертью в Вейес Дотрак, увенчанный короной из расплавленного золота. Ее, Дени, тоже убьют, если она ослабит бдительность хоть на миг. Ножи, пресекшие жизнь Крепкого Щита, были предназначены для нее.

Она не забыла маленьких рабов, прибитых великими господами к дорожным столбам вдоль

юнкайского тракта. Сто шестьдесят три ребенка, по одному на каждую милю, с рукой, простертой в сторону города. После падения Миэрина Дени казнила тем же способом такое же количество великих господ. Вонь и рои мух долго стояли над площадью, но порой Дени думала, что действовала недостаточно жестко. Миэринцы — коварный, упорный народ, который противится всем ее начинаниям. Да, они освободили своих рабов, но тут же вновь наняли их в услужение за столь ничтожную плату, что тем едва на еду хватает. Непригодных же для работы — старых, малых, больных и увечных — попросту выбросили на улицу. Теперь великие господа собираются на вершинах своих пирамид и ропщут, что драконья королева наводнила их город нищими, ворами и шлюхами.

Чтобы править Миэрином, нужно завоевать сердца его жителей, какое бы презрение она к ним ни питала.

— Я готова, — сказала Дени служанкам.

Резнак и Скахаз ждали ее на вершине мраморной лестницы.

— Великая королева, — провозгласил Резнак мо Резнак, — сегодня вы столь блистательны, что я боюсь и смотреть на вас. — Токар на сенешале

шелковый, бордового цвета, с золотой окаемкой. Маленький и пухлый, он пахнет так, будто искупался в духах и говорит на одном из валирийских диалектов с характерным гискарским рычанием.

— Благодарю за любезность, — на том же языке ответила Дени.

— Моя королева, — рыкнул бритоголовый Скахаз мо Кандак. Волосы у гискарцев густые и кучерявые; недавняя мужская мода рабовладельческих городов требовала укладывать их в виде рогов, пик и крыльев. Побрив себе голову, Скахаз отрекся от старого Миэрина и принял новый. То же самое вслед за ним сделали все его родичи. Их примеру последовали многие горожане — то ли из страха, то ли желая не отставать от моды или выдвинуться при новых властях. Их называли лысыми — а Скахаз, первый из них, у Сынов Гарпии и всех их сторонников почитался архиизменником. — Мне уже рассказали про евнуха.

— Его звали Крепкий Щит.

— Если не покарать убийц, будут новые жертвы. — Лицо Скахаза даже под выбритым черепом не внушало доверия. Лоб в морщинах, маленькие, с тяжелыми мешками глаза, большой угреватый нос, кожа скорее желтая, чем подобающая гис-

карцу янтарная. Лицо жестокого, скорого на гнев человека. Дени оставалось лишь молиться, чтобы оно говорило также о честности.

— Как я могу наказывать, не зная, кого наказать? Скажи мне, кто они, Лысый.

— Врагов у вашего величества хоть отбавляй — их пирамиды видны с вашей террасы. Цхаки, Хазкары, Газины, Мерреки, Лораки — все старые рабовладельческие семьи. И Пали. Пали в первую голову. Теперь в их доме остались одни женщины, кровожадные озлобленные старухи. Женщины ничего не забывают и не прощают.

«Верно, — подумала Дени. — Псы узурпатора познают это на себе, когда я вернусь в Вестерос». Между ней и домом Палей в самом деле пролегла кровь. Ознака зо Паля сразил Силач Бельвас на поединке. Его отец, командир миэринской городской стражи, погиб, защищая ворота от Хрена Джозо, сокрушительного тарана, трое дядей вошли в число казненных на площади.

— Какую награду мы обещали за сведения о Сынах Гарпии? — спросила Дени.

— Сто золотых онеров, ваша блистательность.

— Назначь лучше тысячу.

— Ваше величество моего совета не спрашивает, — сказал Скахаз Лысый, — но я скажу, что за

кровь можно заплатить только кровью. Казните по одному мужчине из перечисленных мной семей, а в случае нового убийства кого-то из ваших казните по двое от каждого дома. Третьего убийства не будет, ручаюсь вам.

— Нет-нет, милостивая королева! — возопил Резнак. — Подобное варварство навлечет на вас гнев богов. Мы найдем убийц, обещаю, и ваша блистательность сама увидит, что это подонки из самых низших слоев.

Резнак был не менее лыс, чем Скахаз, но плешью его наградили боги. «А если что и прорастет, то мой цирюльник с бритвой всегда наготове», — заверил он, когда его назначили сенешалем. Не приберечь ли эту бритву для его горла? Резнака при всей его полезности Дени не любила и очень мало доверяла ему. Бессмертные Кварта предсказали ей, что ее предадут трижды. Мирри Маз Дуур была первой, сир Джорах вторым — не Резнак ли будет третьим? Кто еще, если не он? Лысый, Даарио или те, кого она никогда бы не заподозрила — сир Барристан, Серый Червь, Миссандея?

— Благодарю за совет, Скахаз. Посмотрим, Резнак, чего добьется тысяча онеров вместо ста. — Дени, придерживая токар, мелкими шажками направилась вниз. Только бы не наступить

на подол и не сыграть с лестницы.

— Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, — звонко объявила девочка, служившая ей писцом, — Неопалимой, королевой Миэрина, Королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Зал был полон. У колонн выстроились Безупречные со щитами и копьями — пики на их шлемах торчали вверх, как ножи. Под восточными окнами собрались миэринцы — вольноотпущенники на почтительном расстоянии от своих бывших господ. Не знать городу покоя, пока это расстояние не сократится.

— Встаньте. — Дени села на свой временный трон. Все поднялись — хотя бы это они делают сообща.

У сенешаля был список. Обычай предписывал начать с астапорского посла, бывшего раба, именовавшего себя лордом Шаэлем, хотя никто не мог сказать, лордом чего он является.

Гнилозубый, с желтой хорьковой мордочкой, он принес ей подарок.

— Клеон Великий шлет эти домашние туфли в знак своей любви к Дейенерис Бурерожденной.

Ирри надела их Дени на ноги. Позолоченная

кожа, зеленый речной жемчуг — уж не думает ли король-мясник добиться этим ее руки?

— Поблагодарите короля Клеона за щедрый дар. — Туфельки, сшитые на ребенка, жали ей, хотя нога у нее была маленькая.

— Великому Клеону приятно будет узнать, что они вам понравились. Его великолепие поручил мне сказать, что готов защищать Матерь Драконов от всех ее врагов.

«Если он снова предложит, чтобы я вышла за его короля, запущу ему туфлей в голову», — решила Дени, но посол, против обыкновения, о браке не помянул.

— Пришла пора Астапору и Миэрину, — сказал он вместо этого, — покончить с тиранией мудрых господ Юнкая, заклятых врагов свободы. Великий Клеон просит вам передать, что скоро выступит на них со своими новыми Безупречными.

Новые Безупречные. Непристойная пародия на настоящих.

— Я бы советовала королю Клеону возделывать собственный сад, предоставив Юнкаю возделывать свой. — Дени не то чтобы любила Юнкай. Она уже начинала сожалеть, что оставила Желтый Город нетронутым, побив его армию. Мудрые господа восстановили у себя рабство сразу после

ее ухода. Кроме того, они набирали рекрутов, наемников и заключали союзы против нее.

Клеон, сам себя нарекший Великим, ничем, однако, не лучше. Он тоже восстановил в Астапоре рабство: вся разница в том, что бывшие рабы стали теперь господами, а бывшие господа — рабами.

— Я еще молода и мало смыслю в военном деле, — сказала Дени лорду Шаэлю, — но мы слышали, что в Астапоре начался голод. Королю Клеону следовало бы сначала накормить своих подданных, а потом уж вести их в бой. — Она жестом отпустила посла, и он удалился.

— Не изволит ли ваше великолепие выслушать благородного Гиздара зо Лорака? — спросил Резнак мо Резнак.

Опять? По знаку Дени Гиздар вышел вперед — высокий, стройный, с безупречно янтарной кожей. Он отвесил ей поклон на том самом месте, где еще недавно лежал Крепкий Щит. «Этот человек нужен мне», — напомнила себе Дени: у купца много друзей и в Миэрине, и в заморских краях. Он бывал в Лиссе, Волантисе, Кварте, у него родня в Толосе и Элирии. Говорят даже, он пользуется некоторым влиянием в Новом Гисе, где Юнкай пытается найти сторонников против Дени.

Притом он баснословно богат… и будет еще богаче, если она удовлетворит его просьбу. Когда Дени закрыла городские бойцовые ямы, цена на их аренду тут же упала, и Гиздар скупил почти все.

Из черно-рыжих волос на его висках изваяны крылья — голова того и гляди спорхнет с плеч. Длинное лицо еще больше удлинено схваченной золотыми кольцами бородой, пурпурный токар окружен каймой из аметистов и жемчуга.

— Ваша блистательность знает, по какой причине я здесь.

— Видимо, вам просто нравится досаждать мне. Сколько раз я вам отказывала?

— Пять, ваше великолепие.

— Это шестой. Бойцовые ямы не будут открыты.

— Если вашему величеству угодно выслушать мои доводы…

— Я их выслушивала пять раз. Вы подобрали новые?

— Доводы все те же, — признался Гиздар, — но в новых словах, более способных тронуть слух королевы…

— Слова не имеют значения. Я так хорошо запомнила ваши доводы, что могу изложить

их сама — не желаете ли? — Дени наклонилась вперед. — Бойцовые ямы существовали в Миэрине со дня его основания. Бои религиозны по сути своей — они представляют собой жертвоприношение богам Гиса. Это не просто бойня, это искусство: мужество и сила, выказываемые бойцами, угодны вашим богам. Победоносных бойцов прославляют, павших почитают. Открыв ямы заново, я докажу, что уважаю обычаи миэринцев. Ямы знамениты по всему миру: они привлекут в Миэрин торговых людей и наполнят городскую казну звонкой монетой. Все мужчины любят кровавые зрелища: если вернуть городу любимую забаву, он станет гораздо спокойнее. Преступникам, осужденным умереть на песке, ямы дают последний случай доказать свою невиновность. — Дени снова откинулась назад. — Ну что, недурно я справилась?

— Гораздо лучше, чем это вышло бы у меня. Ваша блистательность не только прекрасны, но и одарены красноречием. Вы меня вполне убедили.

— А вот вы меня — нет, — не удержалась от смеха Дени.

— Ваше великолепие, — зашептал ей на ухо Резнак, — в городе заведено брать с владельцев

ям десятую долю выручки за вычетом расходов. Эти деньги можно потратить на многие благородные цели.

— Да… но если уж открывать ямы, десятину нужно брать, не вычитая расходов. Я, конечно, еще молода, но общение с Ксаро Ксоаном Даксосом кое-чему меня научило. Гиздар, если б вы распоряжались армиями столь же легко, как словами, то могли бы завоевать мир, но я все же отвечаю вам «нет». В шестой раз.

— Королева сказала свое слово. — Он низко склонился, звякнув аметистами и жемчугами о мраморный пол. Гибкий человек этот Гиздар зо Лорак. И мог бы считаться красивым без своей дурацкой прически.

Резнак и Зеленая Благодать уговаривали Дени взять в мужья кого-то из миэринских вельмож, чтобы примирить с собой город. К Гиздару зо Лораку, пожалуй, следует присмотреться. Он больше подходит ей, чем Скахаз. Дени покоробило обещание Лысого оставить свою жену ради нового брака; Гиздар хотя бы улыбаться умеет.

— К вашему великолепию желает обратиться благородный Граздан зо Галар, — сверившись со списком, доложил Резнак. — Угодно ли вам его выслушать?

— Почту за удовольствие. — Дени полюбовалась золотом и жемчугом на туфлях, подаренных Клеоном, хотя они и жали немилосердно. Ее предупредили, что этот Граздан приходится кузеном Зеленой Благодати, чья поддержка была для нее бесценной. Жрица выступала за примирение и повиновение законным властям; ее кузена, чего бы он там ни хотел, следовало выслушать с уважением.

Хотел он, как оказалось, золота. Дени отказалась возмещать великим господам стоимость их рабов, но миэринцы изыскивали все новые способы выжать из нее деньги. Благородный Граздан владел прежде искусной ткачихой, чьи изделия высоко ценились не только в Миэрине, но в Новом Гисе, Астапоре и Кварте. Когда она состарилась, Граздан купил дюжину юных девушек и велел ткачихе обучить их секретам своего ремесла. Теперь старой мастерицы уже не было в живых, а ее ученицы открыли в гавани лавку и продавали там свои ткани. Граздан просил отчислять ему долю их выручки.

— Своим мастерством они обязаны мне, — говорил он. — Это я купил их на невольничьем рынке и посадил к станку.

Дени слушала спокойно, с непроницаемым

лицом.

— Как звали старуху? — спросила она, когда Граздан закончил.

— Рабыню? — нахмурился он. — Эльза, кажется… или Элла. Уже шесть лет, как она умерла. У меня, ваша блистательность, было много рабов…

— Хорошо, пусть будет Эльза. Наша воля такова: девушки вам ничем не обязаны. Это она обучила их мастерству, а не вы. Вам, с другой стороны, я велю купить девушкам новый станок, самый лучший — за то, что забыли имя старой ткачихи.

Резнак хотел вызвать очередного вельможу в токаре, но Дени сказала, что желает выслушать кого-нибудь из вольноотпущенников и после чередовала бывших рабов и бывших господ. Перед ней снова и снова вставали вопросы о компенсациях. Город после падения был разграблен. Ступенчатые пирамиды избежали наихудшего, но по более скромным кварталам прошлись ураганом как городские рабы, так и голодные орды, пришедшие с Дени из Юнкая и Астапора. Безупречные в конце концов восстановили порядок, однако потерпевшие ущерб горожане не уставали осаждать королеву.

Богатая женщина, муж и сыновья которой погибли на городских стенах, укрылась в доме

своего брата, а после обнаружила, что ее собственный дом превращен в бордель. Она требовала обратно свое жилище и драгоценности, которыми завладели девицы.

— Одежду, так и быть, могут оставить себе.

Дени вернула драгоценности, но не дом — хозяйку никто не принуждал его покидать.

Вольноотпущенник обвинял вельможу из дома Цхаков, на бывшей наложнице которого недавно женился. Господин лишил свою рабыню невинности, пользовался ею в свое удовольствие и обрюхатил ее. Муж требовал оскопить господина за изнасилование, а себе просил кошель золота — он ведь растит господского ублюдка, как своего. Дени присудила ему золото, но наказывать вельможу не сочла нужным.

— Твоя жена в то время была его собственностью, и он мог распоряжаться ею как хотел. Закон не позволяет обвинить его в изнасиловании.

Бывший раб остался недоволен ее решением, но если кастрировать всех, кто спал со своими рабынями, город будут населять одни евнухи.

Вперед вышел юноша моложе Дени со шрамом на лице, одетый в потрепанный серый токар с серебряным окаймлением. Срывающимся голосом он рассказал, как два их раба в ночь взятия

города убили его отца и старшего брата. Мать они изнасиловали и тоже убили. Сам юноша бежал, отделавшись легкой раной, но один убийца так и живет в доме его отца, а другой пошел в солдаты, став одним из Детей Неопалимой. Мальчик требовал, чтобы их обоих повесили.

Дени с тяжелым сердцем отказала ему. Она уже объявила помилование за все преступления, совершенные при взятии Миэрина, и не могла наказывать рабов, восставших против своих хозяев.

Город, которым она правит, стоит на костях убиенных.

Юноша, услышав решение, бросился на нее, но запутался в токаре и растянулся на мраморе. Силач Бельвас, громадный евнух, тут же поднял его и встряхнул, как пес крысу.

— Довольно, Бельвас. Пусти его. — Мальчишке Дени сказала: — Благодари свой токар — он спас тебе жизнь. Ты еще мальчик, поэтому мы забудем о том, что здесь было. Забудь и ты. — Мальчишка, уходя, оглянулся, и по его глазам она поняла, что у гарпии появился еще один сын.

К полудню она стала чувствовать, как тяжела ее корона и как тверда скамья, на которой она сидит. Она отрядила Чхику на кухню за лепешками,

оливками, сыром и фигами и поела, слушая жалобщиков. Трапезу она запивала разбавленным вином. Фиги были хороши, оливки и того лучше, но вино оставляло во рту противный металлический вкус. Из местного желтого винограда напиток получался неважный — виноторговлю здесь не наладишь. Кроме того, лучшие виноградники вместе с оливковыми рощами великие господа сожгли.

В середине дня некий ваятель предложил заменить голову гарпии на Площади Очищения ее, Дени, бронзовой головой. Она отказала ему со всей возможной учтивостью. Рыбак, выловивший в Скахазадхане щуку невиданной величины, желал преподнести ее королеве. Дени восхитилась уловом, вознаградила рыбака пригоршней серебра и послала рыбу на кухню. Кузнец сковал ей кольчугу из меди. Королева снова выразила восторг; медь красиво блестела на солнце, но в бою Дени, при всей своей молодости и малой осведомленности в военных делах, предпочитала сталь.

Туфли короля-мясника совсем ее доконали. Она скинула их и поджала одну ногу под себя, болтая другой. Поза не слишком царственная, но Дени уже надоело быть царственной. От короны голова

разболелась, ягодицы онемели вконец.

— Сир Барристан, я поняла, какое свойство необходимо всем королям.

— Мужество, ваше величество?

— Железная задница. Я только и делаю, что сижу.

— Ваше величество слишком много на себя взваливает. Часть дел следовало бы передать вашим советникам.

— Слишком много у меня советников, слишком мало подушек. Сколько там еще, Резнак?

— Двадцать три человека, ваше великолепие, и столько же жалоб. Один теленок, три козы, — стал перечислять он, глядя в свои бумаги, — остальные, можно не сомневаться, ягнята и овцы.

— Двадцать три! Мои драконы очень полюбили баранину с тех пор, как мы начали платить пастухам. Как эти люди могут доказать правдивость своих притязаний?

— У некоторых при себе горелые кости.

— Может, они сами жарили баранину на костре — горелые кости ничего не доказывают. Бурый Бен говорит, что в холмах за городом водятся красные волки, шакалы и дикие собаки. Неужели мы должны платить серебром за каждого ягненка, пропавшего между Юнкаем и Скахазадханом?

— Отнюдь нет, ваше великолепие. Прогнать негодяев прочь или велеть их высечь?

Дени поерзала на скамье.

— Я хочу, чтобы люди приходили ко мне без страха. — Некоторые жалобы, конечно же, ложные, но правдивых гораздо больше. Ее драконы не довольствуются больше крысами, кошками и собаками. Чем больше они едят, тем быстрее растут, предупреждал ее сир Барристан, а чем быстрее растут, тем больше едят. Особенно Дрогон: он летает охотиться дальше всех и вполне способен сожрать за день барашка. — Заплати им, Резнак — но отныне все пастухи и владельцы стад должны являться в Храм Благодати и приносить священную клятву перед богами Гиса.

— Будет исполнено. Ее великолепие королева согласна уплатить вам за утраченный скот, — погискарски сообщил Резнак. — Приходите к моим факторам завтра и получите требуемое деньгами или натурой.

Просители выслушали его в угрюмом молчании. Почему эти люди так недовольны? За этим ведь они и пришли. Ничем им, как видно, не угодишь.

Все вышли, только один задержался — коренастый, обветренный, в убогой одежде. Черно-ры-

жие курчавые волосы подстрижены в кружок над ушами, в руке тряпичный мешок. Он смотрел в пол, точно забыл, что его сюда привело. Этому что еще нужно?

— На колени перед Дейенерис Бурерожденной, — завела Миссандея, — королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов!

Дени встала, подхватив сползший с нее токар.

— Эй ты, с мешком! Подойди, если хочешь говорить с нами.

Глаза у него оказались красными и мокрыми, словно открытые язвы. Сир Барристан вырос рядом с Дени, как белая тень. Человек приближался маленькими шажками, сжимая мешок. Что он, пьян или болен? Под его растрескавшимися желтыми ногтями виднелась грязь.

— С чем ты пришел — с просьбой, с жалобой? Чего ты хочешь от нас?

Человек облизнул запекшиеся губы.

— Я тут принес…

— Что принес? — нетерпеливо спросила Дени. — Горелые кости?

Человек вытряхнул содержимое мешка на пол.

Так и есть: кости. Черные, обгорелые. Длинные

кто-то разгрыз, чтобы высосать мозг.

— Это был черный, — порыкивая по-гискарски, сказал человек. — Крылатая тень. Он спустился из поднебесья и…

«Нет, — содрогнулась Дени. — Нет. Нет».

— Ты что, оглох, дурень? — напустился на пастуха Резнак. — Не слышал, что я сказал? Придешь к моим факторам завтра и получишь мзду за свою овцу.

— Резнак, — спокойно вмешался сир Барристан, — придержи язык и открой уши. Это не овечьи кости.

«Верно, не овечьи, — согласилась с ним Дени. — Это кости ребенка».

Джон

Белый волк мчался по черному лесу, вдоль утеса вышиной до самого неба. Луна, продираясь сквозь голые ветки, бежала среди звезд вместе с ним.

— Сноу, — прошептала она.

Волк не ответил. Снег хрустел у него под лапами, ветер вздыхал в деревьях.

Откуда-то издалека его звала стая, брат и сестра. Они тоже охотились. Черного брата поливал дождь, смывая кровь на боку — он завалил громадного козла, и тот пырнул его рогом. Сестра, запрокинув голову, пела песню луне. Ей подпевали мелкие серые родичи — много, не меньше сотни. Там, в далеких холмах теплее и больше дичи. Сестрина стая охотится на коров, овец, лошадей — человеческую добычу, — а порой и на самого человека.

— Сноу, — каркнула луна.

Белый волк бежал по человечьей тропе. Вкус крови на языке, в ушах многоголосая волчья песнь. Когда-то их, братьев и сестер, было шестеро; пять слепых щенят скулили в снегу около мертвой матери, выдаивая молоко из затвердев-

ших сосков, только он отполз в сторону. Теперь их четверо живых, и одного белый больше не чует.

— Сноу, — не унималась луна.

Белый волк бежал от нее, стремясь к пещере ночи, где прячется солнце. Его дыхание стыло в воздухе. В ненастные ночи утес черен как камень и грозно нависает над миром, в лунные мерцает льдом, как замерзший ручей. От ветра, дующего с него, не спасает даже косматая шкура, а по ту сторону, где живет серый, пахнущий летом брат, еще холоднее.

— Сноу. — Белый волк оскалился на упавшую с ветки сосульку и ощетинился, видя, как тает вокруг него лес. — Сноу, Сноу, Сноу! — Из мрака, хлопая крыльями, вылетел ворон.

Он сел на грудь Джона Сноу, вцепился в нее когтями и заорал прямо в лицо:

— СНОУ!

— Слышу. — В комнате сумрачно, койка жесткая. Серый свет просачивается сквозь ставни, предвещая еще один тусклый холодный день. — Ты и Мормонта так будил? Убери от меня свои перья. — Выпростав из-под одеяла руку, Джон шуганул ворона. Тот был стар, повидал всякое и совершенно ничего не боялся.

— Сноу, — крикнул он, перелетев на столбик

кровати. — Сноу, Сноу.

Джон запустил в него подушкой, но ворон взлетел, а подушка ударилась о стену и порвалась. В этот самый миг Скорбный Эдд Толлетт сунул голову в дверь.

— Прошу прощения, милорд. Подать завтрак?

— Зерно, — одобрил ворон. — Зерно, зерно.

— Жареного ворона и полпинты эля, — поправил Джон. Он так и не привык, что ему прислуживает стюард; давно ли он сам подавал завтрак лорду-командующему Мормонту?

— Три зернышка и один жареный ворон, — повторил Эдд. — У Хобба, милорд, только вареные яйца, черная колбаса да компот из яблок и чернослива. Яблоки вкусные, а чернослив я не ем. Хобб как-то напихал его в курицу вместе с каштанами и морковкой. Поварам доверять нельзя: они суют чернослив туда, где ты совсем не ждешь его встретить.

— Потом. — Завтрак в отличие от Станниса мог подождать. — Ночью у частокола не было происшествий?

— С тех пор, как вы распорядились сторожить сторожей, там все в порядке, милорд.

— Хорошо. — В загоне за Стеной содержалась тысяча пленных — их взяли, когда Станнис Бара-

теон со своими рыцарями разбил пестрое войско Манса-Разбойника. Там было много женщин, и стражники повадились водить то одну, то другую к себе в постель. Люди короля, люди королевы, черные братья — все хороши. Мужчины остаются мужчинами, а эти одичалые — единственные женщины на многие лиги.

— Нам сдалась еще одна женщина с маленькой дочкой, — доложил Эдд. — При ней еще младенец, в меха завернутый, только он мертвый.

— Мертвый, — со смаком произнес ворон свое любимое слово. — Мертвый.

В замок что ни ночь являлись полузамерзшие вольные люди — уйдя от боя, они скоро убедились, что бежать некуда.

— Мать допросили? — спросил Джон. Короля за Стеной Станнис взял в плен, но где-то еще разгуливали Плакальщик и Тормунд Великанья Смерть с тысячами бойцов.

— Да что с нее взять, милорд. Убежала, потом в лесу пряталась. Накормили обеих овсянкой и послали в загон, а младенца сожгли.

Сожжение мертвых детей Джона больше не беспокоило. Живые — другое дело. Чтобы пробудить дракона, нужны два короля. Сначала отец, потом сын — таким образом оба умрут королями.

Об этом проговорился один из людей королевы, когда мейстер Эйемон промывал его раны. Джон это списал на бред, но мейстер не согласился. «Королевская кровь имеет большую силу, — сказал он, — и люди получше Станниса делали вещи похуже». Ладно еще Манс, он свое заслужил, но грудное дитя? Только чудовище способно бросить живого ребенка в огонь.

Джон помочился в горшок под жалобы ворона. Волчьи сны все больше донимали его, и он помнил их, даже проснувшись. Призрак чувствует, что Серый Ветер погиб. Вместе с ним пал и Робб, преданный людьми, которых считал своими друзьями. Бран и Рикон обезглавлены по приказу Теона Грейджоя, бывшего воспитанника их лорда-отца… но их лютоволки, если верить снам, сумели уйти. Один из них, выскочив из тьмы у Короны Королевы, спас Джону жизнь. Серый — Лето, должно быть. Лохматый Песик темнее. Может быть, какая-то часть умерших братьев Джона живет в их волках?

Он налил воды в таз, умылся, надел чистые штаны и рубаху из черной шерсти. Зашнуровал черный кожаный колет, натянул старые сапоги. Ворон, следивший за ним пронзительными черными глазками, перелетел на окно.

— Я что, к тебе нанялся? — Джон отворил окно с желтыми стеклянными ромбами, и утренний холод ужалил ему лицо. Ворон улетел, человек глубоко дохнул, разгоняя нити ночной паутины. Эта птица слишком умна. Ворон, долгие годы сопровождавший лорда-командующего, тем не менее склевал Мормонту лицо, как только тот умер.

В комнате под спальней стояли обшарпанный сосновый стол и дюжина дубовых, обтянутых кожей стульев. Поскольку в Королевской башне водворился Станнис, а башня лорда-командующего сгорела дотла, Джон поселился в скромных покоях Донала Нойе за оружейной. Со временем ему, конечно, понадобится более просторное помещение, но пока он привыкает к своему новому сану, и это сойдет.

Дарственная, которую дал ему на подпись король, лежала на столе рядом с серебряной чашей Донала Нойе. От однорукого кузнеца осталось совсем немного: эта вот чаша, шесть грошей, медная звезда, серебряная черненая брошь со сломанной застежкой, лежалый парчовый дублет с оленем Штормового Предела. Сокровищами мастера были его инструменты, а также мечи и ножи, которые он ковал. Вся его жизнь прохо-

дила в кузне. Джон, отодвинув чашу, перечитал пергамент еще раз. Приложив к нему печать, он навсегда останется в истории как лорд-командующий, добровольно отдавший Стену, в случае же отказа…

Станнис Баратеон показал себя несговорчивым и весьма беспокойным гостем. Он успел проехать по Королевскому тракту почти до самой Короны, посетил опустевшие хижины Кротового городка, обозрел разрушенные форты Дубовый Щит и Врата Королевы. Каждую ночь он прохаживается по Стене с леди Мелисандрой, днем отбирает пленных, которых потом допрашивает красная женщина. Мешкать он не намерен; это утро Джону ничего хорошего не сулит.

В оружейной клацали последние мечи и щиты. Рекруты последнего набора вооружались, Железный Эммет приказывал им поторапливаться. Коттер Пайк был недоволен, лишившись Эммета, но ничего не поделаешь: у молодого разведчика прямо-таки дар обучать других. Он передаст ученикам свою любовь к ратным трудам — так Джон по крайней мере надеялся.

Его плащ висел на одном колышке, пояс с мечом на другом. Надев то и другое, Джон вышел. Призрака на подстилке не было. У дверей внутри

стояли двое часовых в полушлемах и плащах, с копьями.

— Прикажете сопровождать, милорд? — спросил Гарс.

— Авось как-нибудь сам найду Королевскую башню. — Джон терпеть не мог, когда дозорные таскались за ним, как утята за уткой.

Ребята Железного Эммета уже вовсю рубились во дворе тупыми мечами. Джон остановился поглядеть на Коня, прижавшего к колодцу Хоп-Робина. Хорошим бойцом может стать. Хоп-Робин — иное дело: он колченогий и каждый раз ежится со страху, получая удар. Из него разве что стюард выйдет. Конь повалил его, и на этом бой закончился.

— Молодец, — сказал Джон, — только щит держи повыше, когда нападаешь. Иначе тебя мигом убьют.

— Понял, милорд, — сказал Конь. Хоп-Робин, которого он поднял на ноги, неуклюже поклонился лорду-командующему.

На дальней стороне двора упражнялись рыцари Станниса: люди короля в одном углу, люди королевы в другом. Из-за холода их было немного.

— Мальчик! — услышал Джон, проходя мимо них. — Эй! Мальчик!

Джона после избрания лордом-командующим еще и не так называли. Не обращая внимания, он шел дальше.

— Сноу, — не унимался голос. — Лорд-командующий!

— Сир? — отозвался на сей раз Джон.

Рыцарь был выше его дюймов на шесть.

— Валирийскую сталь носят не для того, чтобы чесать себе задницу.

Послушать этого молодца, так он прославленный рыцарь. В битве сир Годри Фарринг убил великана, который убегал от него: подскакал сзади, вонзил копье в спину, спешился и срубил маленькую великанью головку. За это люди королевы прозвали его Годри Победителем Великанов.

Джон вспомнил Игритт, поющую «Я последний из великанов».

— Я пользуюсь Длинным Когтем, когда есть нужда, сир.

— Насколько хорошо? — Сир Годри обнажил собственный меч. — Покажи нам. Я не сделаю тебе больно.

Надо же, какой добрый.

— В другой раз, сир. Неотложное дело.

— Да ты трусишь, я вижу. — Сир Годри обер-

нулся к своим друзьям и пояснил для недогадливых: — Трусит.

— Прошу извинить. — Джон повернулся к ним спиной и зашагал дальше.

Черный Замок в бледном утреннем свете являл собой унылое зрелище. «Я командую не столько крепостью, сколько руинами», — с горечью сказал себе Джон. Башня командующего вся выгорела, от трапезной осталась куча обугленных бревен, башня Хардина выглядит так, точно рухнет при первом порыве ветра… хотя она уже много лет так выглядит. Над всем этим стоит Стена, грозная и неприступная. На ней кишат строители, приделывающие новую лестницу к остаткам старой, — они трудятся от зари до зари. Без лестницы на Стену можно подняться только в клети с помощью ворота — а ну как одичалые вздумают напасть снова?

На Королевской башне реял, хлопая на ветру, золотой боевой штандарт дома Баратеонов. Еще недавно там стояли Джон с Атласом и Глухим Диком Фоллардом, осыпая стрелами теннов и вольный народ. На крыльце тряслись двое людей королевы, сунув руки под мышки и прислонив копья к двери.

— Тряпичные рукавицы никуда не годятся, —

сказал им Джон. — Скажите Боуэну Муршу, чтобы выдал вам по паре кожаных на меху.

— Так и сделаем, — сказал тот, что постарше. — Спасибо, милорд.

— Если руки до тех пор не отвалятся, — добавил молодой. — Раньше я думал, что нет холоднее места, чем Дорнийские Марки, — много я знал!

«Ничего ты не знал, — подумал Джон. — Как и я».

На середине лестницы ему встретился идущий вниз Сэмвел Тарли.

— Ты от короля?

— Да. Мейстер Эйемон передал ему письмо.

— Ясно. — Некоторые лорды доверяют мейстерам читать свои письма, но Станнис вскрывает печати сам. — Хорошие новости?

— Не очень, судя по его виду, — понизил голос Сэм. — Хотя говорить об этом не полагалось бы.

— Ладно, не говори. — Хотел бы Джон знать, кто из отцовских знаменосцев отказал Станнису на сей раз. Когда к нему перешел Кархолд, король не преминул об этом оповестить. — Как поживает твой длинный лук?

— Я нашел хорошее пособие по стрельбе, но делать куда трудней, чем читать. Все руки в мозолях.

— Ничего, держись. Ты нам понадобишься, если Иные нагрянут ночью.

— Очень надеюсь, что этого не случится.

У королевской горницы тоже стояли часовые.

— К его величеству, милорд, нельзя входить при оружии, — сказал старший. — Прошу отдать нам меч и ножи.

Зная, что спорить бесполезно, Джон подчинился.

В горнице было тепло. На белой шее сидящей у огня леди Мелисандры мерцал рубин. Игритт огонь только поцеловал, а жрица — сама огонь, и волосы у нее цвета крови и пламени. Станнис стоял у грубо вытесанного стола, за которым когда-то ел Старый Медведь. Весь стол занимал кусок кожи с большой картой Севера: один край прижимала сальная свечка, другой — стальная перчатка.

В шерстяных бриджах и стеганом дублете король, видимо, чувствовал себя столь же неловко, как в кольчуге и латах. Лицо бледное, борода подстрижена так коротко, что кажется нарисованной, от черных волос осталась только кайма вокруг лысины, в руке пергамент со взломанной печатью из темно-зеленого воска.

Джон преклонил колено.

— Встань. — Король сердито тряхнул пергаментом. — Кто такая Лианна Мормонт?

— Дочь леди Мэг, ваше величество. Самая младшая. Ее назвали в честь сестры моего лорда-отца.

— Чтобы добиться расположения твоего лорда-отца, несомненно. Знаю я эти штуки. Сколько девчонке лет?

— Десять или около того, — подумав, ответил Джон. — Могу я узнать, чем она прогневила ваше величество?

— «Медвежий Остров не признает иного короля, — прочел вслух Станнис, — кроме Короля Севера, имя которому — СТАРК». Десятилетняя девочка смеет выговаривать своему законному королю! — Его бородка лежала на впалых щеках, как тень. — Никому об этом не говорите, лорд Сноу. Людям довольно знать, что ко мне примкнул Кархолд. Не желаю, чтобы твои братья сплетничали об оплевавшем меня ребенке.

— Как прикажет ваше величество. — Джон знал, что Мэг Мормонт и ее старшая дочь ушли на юг с Роббом — но если даже обе они погибли, у Мэг есть еще дочери, некоторые уже с собственными детьми. Может, они тоже отправились с Роббом? Уж одну-то из взрослых леди должна была оставить в замке как кастеляна. Непонятно,

почему Станнису отвечает Лианна, младшая дочь. Будь письмо к Мормонтам запечатано лютоволком вместо коронованного оленя и подписано Джоном Старком, лордом Винтерфелла, ответ, возможно, был бы другим… Поздно сетовать: Джон сделал свой выбор.

— Сорок воронов разослано, — жаловался король, — а в ответ только молчание либо дерзости. Где почтение, которым каждый верноподданный обязан своему королю? Все знаменосцы твоего отца повернулись ко мне спиной, кроме Карстарков. Или Арнольф Карстарк — единственный человек чести на Севере?

Арнольф Карстарк приходится дядей покойному лорду Рикарду. Он остался кастеляном в Кархолде, когда Рикард и его сыновья ушли на юг с Роббом, и первым прислал ворона, присягнув на верность королю Станнису. «У Карстарков просто выбора нет, — мог бы сказать Джон. — Рикард предал лютоволка и пролил львиную кровь; олень — единственная надежда Кархолда».

— В столь смутные времена даже человек чести не сразу поймет, в чем его долг. Ваше величество — не единственный король, требующий, чтобы все повиновались только ему.

— Где были другие короли, лорд Сноу, — всту-

пила в разговор Мелисандра, — когда одичалые напали на вашу Стену?

— За тысячу лиг отсюда, глухие к нашему зову, — признал Джон. — Я этого не забыл, миледи, и никогда не забуду. Но у отцовских знаменосцев есть жены, дети и простой люд, которым в случае неверного выбора грозит гибель. Его величество требует от них слишком многого. Дайте им срок.

— Для чего? Чтобы получить такой вот ответ? — Станнис скомкал письмо Лианны.

— Даже на Севере люди страшатся гнева Тайвина Ланнистера, и Болтонов тоже лучше не делать врагами: недаром эмблемой им служит человек с содранной кожей. Север стоял за Робба, проливал за него кровь, умирал за него, он сыт по горло горем и смертью, а теперь ваше величество предлагает северянам сменить короля. Стоит ли упрекать их за промедление? Некоторые из них, уж простите, видят в вас всего лишь еще одного претендента, обреченного на провал.

— Если его величество обречен, ваш Север обречен тоже, — сказала леди Мелисандра. — Помните об этом, лорд Сноу. Перед вами стоит единственный истинный король Вестероса.

— Да, миледи, — ответил с непроницаемым лицом Джон.

— Ты роняешь слова, точно золотые, — фыркнул Станнис. — Сознайся, сколько у вас припасено золота?

Золота? Уж не золотых ли драконов хочет пробудить красная женщина?

— Подати нам платят натурой, ваше величество. Дозор богат разве что репой — не золотом.

— Репой Салладора Саана не прельстишь. Мне требуется золото, на худой конец серебро.

— Тогда вам нужна Белая Гавань. С Королевской или со Староместом ей, само собой, не сравниться, однако она процветает. Лорд Мандерли — самый богатый из знаменосцев моего лорда-отца.

— Лорд, слишком-толстый-чтобы-сесть-на-коня. — В письме от Вилиса Мандерли говорилось о его немощах и преклонных годах, более ни о чем. Станнис велел, чтобы Джон и о нем молчал.

— Быть может, его милость захочет жену-одичалую, — предположила леди Мелисандра. — Этот толстяк женат, лорд Сноу?

— Его леди-жена давно умерла. У лорда два взрослых сына и внуки от старшего. Он правда слишком толст, чтобы ездить верхом, не меньше тридцати стоунов. Вель за него не пойдет.

— Хоть бы раз сказал что-то приятное, лорд Сноу, — проворчал Станнис.

— Я думал, что вашему величеству приятнее всего правда. Для ваших людей Вель принцесса, а для вольного народа — всего лишь сестра покойной жены короля. Если принудить ее к замужеству против воли, она скорей всего перережет мужу горло в первую ночь. И даже если она согласится, это еще не значит, что одичалые пойдут за ее мужем или за вами. Единственный, кто может их к вам привести, — Манс-Разбойник.

— Знаю, — вздохнул Станнис. — Я провел много часов в разговорах с ним. Он хорошо знает нашего истинного врага, и в хитрости ему не откажешь. Вся беда в том, что он останется клятвопреступником, даже отрекшись от своего титула. Дай поблажку одному дезертиру — начнут бегать все остальные. Законы куются из железа, а не лепятся из хлебного мякиша, и ни один закон Семи Королевств не позволяет сохранить жизнь Мансу-Разбойнику.

— У Стены законы кончаются, ваше величество. Манс очень бы вам пригодился.

— Пригодится еще. Когда я сожгу его, Север увидит, как я поступаю с предателями. У одичалых найдутся другие вожди — и сын Манса тоже мой, не забудь. После смерти отца Королем за Стеной станет его щенок.

— Ваше величество заблуждается. — «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», — любила говорить Игритт, но кое-чему он все-таки научился. — Этот ребенок — такой же принц, как Вель принцесса. Титул Короля за Стеной не переходит от отца к сыну.

— И хорошо — я не потерплю в Вестеросе других королей. Ты подписал дарственную?

— Нет, ваше величество. — Вот оно, начинается. Джон согнул и разогнул обожженные пальцы. — Вы просите слишком много.

— Прошу? Я просил тебя стать лордом Винтерфелла и Хранителем Севера, а эти замки я *требую.*

— Твердыню Ночи мы отдали вам.

— Развалины, населенные крысами. Отделались, что называется. Ваш же Ярвик заявляет, что замок только через полгода будет готов для житья.

— Другие ничем не лучше.

— Знаю, но это все, что у нас есть. У Стены девятнадцать фортов, а гарнизоны есть только в трех. Я намерен до конца года заселить все.

— Против этого я не возражаю, ваше величество, но говорят, будто вы намерены также жаловать эти замки своим лордам и рыцарям в

их полную собственность.

— Король должен быть щедр со своими сторонниками. Разве лорд Эддард ничему не учил своего бастарда? Многие мои лорды и рыцари оставили на юге богатые земли и крепкие замки — их нужно как-то вознаградить.

— Если ваше величество хочет потерять всех знаменосцев моего лорда-отца, нет лучшего способа, чем раздавать северные поместья южанам.

— Как можно потерять то, чего не имеешь? Винтерфелл, если помнишь, я хотел отдать северянину. Сыну Эддарда Старка. Он бросил это предложение мне в лицо. — Если Станнис Баратеон затаит на кого обиду, то будет поминать о ней вечно. Как собака: не успокоится, пока не сгрызет кость до конца.

— Винтерфелл по праву переходит к моей сестре Сансе.

— Леди Ланнистер, ты хочешь сказать? Тебе так хочется увидеть Беса на высоком сиденье отца? Не бывать этому, покуда я жив!

Джон благоразумно не стал настаивать.

— Я слышал еще, будто вы хотите дать земли и замки Гремучей Рубашке и магнару теннов.

— Кто тебе это сказал?

Такие разговоры ходили по всему Черному

Замку.

— Если ваше величество спрашивает, то Лилли.

— Что за Лилли такая?

— Кормилица, — пояснила Мелисандра. — Ваше величество даровали ей свободу в пределах замка.

— Не для того, чтобы она разносила слухи. Мне от нее нужны сиськи, а не язык. Больше молока, меньше сплетен.

— Лишние рты замку тоже ни к чему, — согласился Джон. — Я отправлю ее на юг с первым же кораблем из Восточного Дозора.

Леди Мелисандра потрогала рубин у себя на горле.

— Лилли кормит сына Даллы не хуже, чем собственного. Жестоко разлучать маленького принца с его молочным братом, милорд.

Теперь надо ступать осторожно.

— Не думаю. Сын Лилли больше и крепче. Он пинает принца, щипает, отпихивает его от груди. Его отцом был жестокий и алчный Крастер, вот кровь и сказывается.

— Я думал, кормилица — дочь этого Крастера? — удивился король.

— И дочь, и жена. Крастер женился на всех

своих дочерях, от такого брака и родился сын Лилли.

— От родного отца? Да, таких нам не надо. Выродков я здесь не потерплю — это не Королевская Гавань.

— Мы найдем другую кормилицу. Если не среди одичалых, так в горных кланах. А пока будем искать, мальчик поживет на козьем молоке, ваше величество.

— Плохая еда для принца… но все лучше, чем молоко шлюхи. Вернемся, однако, к фортам, — постучал по карте король.

— Ваше величество, — начал Джон с ледяной любезностью, — я разместил ваших людей у себя, кормлю их из наших скудных зимних запасов, одеваю, чтобы они не замерзли…

— Да. Ты поделился с нами овсом, солониной и черных тряпок нам набросал. Эти тряпки сняли бы одичалые с ваших трупов, не приди я к Стене.

Джон пропустил это мимо ушей.

— Ваших лошадей я тоже кормлю. Строители, как только поставят лестницу, начнут восстанавливать вашу Твердыню Ночи. Я даже согласился поселить одичалых в Даре, отданном в вечную собственность Ночному Дозору.

— Ты отдаешь мне пустоши и развалины, а в

замках для лордов и рыцарей упорно отказываешь.

— Эти замки строил Ночной Дозор…

— Он же их и забросил.

— …чтобы защищать Стену, — не уступал Джон. — Они не замышлялись как усадьбы для южных лордов. Стены этих фортов скреплены костями и кровью моих давно умерших братьев. Вам я не могу их отдать.

— Не можешь или не хочешь? — Жилы на шее короля напряглись. — Я предлагал тебе имя.

— У меня есть имя, ваше величество.

— Сноу[1]. Можно ли вообразить более зловещее слово? — Станнис положил руку на рукоять меча. — Кем ты, собственно, себя возомнил?

— Дозорным на стене и мечом во тьме.

— Не играй со мной словами. — Станнис обнажил меч, который звал Светозарным. — Вот он, твой меч во тьме. — Клинок переливался красными, оранжевыми, желтыми бликами, раскрашивая лицо короля. — Даже молокососу это должно быть ясно, если он не слепой.

— Я не слепой, ваше величество, и согласен с тем, что эти замки следует заселить…

---

[1] Сноски: 1

Сноу (снег) — родовое имя, которое давали всем бастардам на Севере. — *Примеч. пер.*

— Мальчик согласен! Какая удача!

— …гарнизонами Ночного Дозора.

— У тебя нет на это людей.

— Так дайте мне их, ваше величество. Я поставлю в каждом форте своих офицеров, опытных командиров, хорошо знающих Стену и то, что за ней. Знающих, как выжить грядущей зимой. Взамен за все, что мы для вас сделали, дайте мне людей, чтобы заселить форты! Бойцов, арбалетчиков, зеленых мальчишек, кого угодно. Согласен даже на раненых и больных.

Станнис, недоверчиво глядя на Джона, рассмеялся, будто залаял.

— В смелости тебе не откажешь, Сноу, но ты безумен, если думаешь, что мои люди наденут черное.

— Пусть себе носят любые цвета, но моих офицеров они должны слушаться, как своих.

— У меня на службе состоят лорды и рыцари, отпрыски древних благородных домов. Не станут они подчиняться крестьянам, убийцам, браконьерам…

«И бастардам, ваше величество?»

— У вас самого десница контрабандист.

— Был контрабандистом. Я ему за это пальцы урезал. Ты, я слышал, стал девятьсот девяносто

восьмым по счету командующим — что, по-твоему, скажет насчет этих замков девятьсот девяносто девятый? Думаю, твоя голова на пике поможет ему стать сговорчивым. — Король положил меч на карту, расположив его вдоль Стены. Сталь мерцала, как солнечный свет на воде. — Ты остаешься лордом-командующим, лишь пока я тебя терплю, не забывай этого.

— Я стал им, потому что меня выбрали мои братья. — Порой, просыпаясь утром, Джон сам в это не верил и думал, что ему привиделся горячечный сон. «Это как новая одежда, — сказал ему Сэм. — Поначалу и жмет и тянет, а поносишь немного — глядишь, и привык».

— Аллисер Торне говорит, что выборы были неправильные, и я склонен в это поверить. — Карта, озаренная светящимся мечом, лежала между ними, как поле битвы. — Счет вел слепой старец, которому помогал твой жирный дружок. А Слинт именует тебя перевертышем.

«Кому и знать, как не Слинту», — подумал Сноу.

— Будь я перевертышем, то всячески угождал бы вам, а после бы предал. Вашему величеству известно, что выборы были честные. Мой отец всегда говорил, что вы человек справедливый. —

«Суровый, но справедливый», — так на самом деле говорил Эддард Старк. Джон счел за лучшее подправить его слова.

— Лорд Эддард не был мне другом, но голова у него работала. Он бы отдал мне эти замки.

«Ага. Так бы и отдал».

— Стоит ли говорить о том, как поступил бы мой отец, ваше величество? Я принес присягу — Стена моя.

— Посмотрим, надолго ли. Оставь себе свои развалины, коли они тебе так дороги, но если хоть один замок останется незаселенным до конца года, я заберу его, с твоего соизволения или без. А если хоть один перейдет к врагу, головы тебе не сносить. Ступай вон.

— С позволения вашего величества, я провожу лорда Сноу, — сказала Мелисандра, поднявшись.

— К чему это? Он знает дорогу. А впрочем, как хочешь, — махнул рукой Станнис. — Деван, принеси мне поесть. Вареные яйца и лимонную воду.

На винтовой лестнице после теплой горницы пробирал холод.

— Ветер поднимается, миледи, — сказал сержант Мелисандре, возвращая Джону его оружие. — Вы бы надели плащ потеплее.

— Меня греет вера. — Они начали спускаться, и Мелисандра сказала: — Я вижу, его величество полюбил вас.

— Да уж. Всего-то дважды пригрозил лишить меня головы.

— Бойтесь его молчания, не его слов, — засмеялась красная женщина. Во дворе ветер бросил на нее черный плащ Джона, и она взяла спутника под руку. — Возможно, вы правы относительно короля одичалых. Я помолюсь Владыке Света, чтобы он указал мне путь. Глядя в огонь, я вижу сквозь камень, сквозь землю, проникаю в глубину человеческих душ. Говорю с давно умершими королями и детьми, еще не родившимися на свет. Смотрю, как проходят годы, лета и зимы вплоть до конца времен.

— Ваш огонь никогда не ошибается?

— Никогда. Но мы, жрецы, всего лишь смертные и порой путаем неизбежное будущее с возможным.

Джон чувствовал ее жар даже сквозь шерсть и вареную кожу. На них, идущих рука об руку, поглядывали с любопытством — будет о чем языки почесать в казарме.

— Если вы и впрямь видите в пламени будущее, скажите, когда одичалые снова нагрянут. — Джон

снял ее руку со своей.

— Видения мне посылает Рглор, но я поищу в огне вашего Тормунда. — Красные губы искривились в улыбке. — Я и вас видела там, Джон Сноу.

— Это что, угроза? Вы и меня сжечь хотите?

— Вы превратно истолковали мои слова. Я вижу, вам неловко рядом со мной, Джон Сноу?

Он не стал этого отрицать.

— Женщинам на Стене не место.

— Ошибаетесь. Я давно мечтала на ней побывать. Великое знание воздвигло ее, и подо льдом заключены великие чары. Стена — одна из дверных петель этого мира. — Мелисандра, дыша теплом, посмотрела вверх. — Я столь же уместна здесь, как и вы, и вскоре могу сослужить вам большую службу. Не отказывайтесь от моей дружбы, Джон. Я видела вас в вихре бури, окруженного врагами, которых у вас так много. Назвать вам их имена?

— Я их и без того знаю.

— Напрасно вы так уверены. — Рубин на горле Мелисандры вспыхнул красным огнем. — Бояться следует не тех, кто клянет вас в глаза, а тех, кто вам улыбается и точит ножи у вас за спиной. Не отпускайте от себя волка. Я вижу лед и кинжалы в ночи. Замерзшую кровь и обнаженную сталь.

Там очень холодно.

— На Стене всегда холодно.

— Вы так думаете?

— Я знаю, миледи.

— Ничего ты не знаешь, Джон Сноу, — прошептала она.

Бран

«Мы уже там?» Бран не спрашивал этого вслух, хотя ему очень хотелось. Они все шли и шли — через дубовые рощи, мимо высоченных страж-деревьев, темных гвардейских сосен и голых каштанов. Далеко ли еще? Ходор в очередной раз взбирался на каменный склон или спускался в трещину, где грязный снег хрустел под ногами. Далеко ли? Лось расплескивал наполовину замерзший ручей. Сколько еще осталось? Очень уж холодно тут. Где же трехглазая ворона?

Раскачиваясь в корзине на спине Ходора, Бран пригнулся под веткой дуба. Снег пошел снова, тяжелый и мокрый. У Ходора один глаз замерз и не открывался, борода заиндевела, на косматых усах висели сосульки. Он все время держался за ржавый меч, взятый в крипте под Винтерфеллом, и время от времени замахивался на ветку, поднимая фонтаны снега, стуча зубами и бормоча:

— Ход-д-дор.

Его голос, как ни странно, успокаивал мальчика. На пути от Винтерфелла к Стене Бран и его спутники коротали время, разговаривая и рассказывая истории, но здесь все было иначе. Даже

Ходор это чувствовал, и его «ходоры» раздавались все реже. Бран не знал, что в лесу может быть так тихо. До снега палые листья, взметаемые северным ветром, шуршали вокруг, как тараканы в буфете, но теперь их плотно укрыла белая пелена. Пролетит порой ворон, хлопая крыльями, — вот и все здешние звуки.

Лось пробирался через сугробы, пригнув голову с обледенелыми рогами. На нем ехал разведчик, мрачный и молчаливый. «Холодные Руки», назвал его толстяк Сэм: руки у него, несмотря на бледность лица, черные, твердые и холодные, как железо. Все прочее, кроме них, одето в шерсть, кольчугу и вареную кожу, на голове капюшон, лицо до самых глаз замотано черным шарфом.

Позади него на лосе сидели Риды — Мира обнимала брата, согревая его. У Жойена под носом замерзли сопли, и временами он содрогался всем телом. «Каким же он кажется маленьким, — удивлялся Бран. — Меньше меня и слабее, хотя я калека».

Маленький отряд замыкал Лето с заиндевелой мордой, все еще припадающий на заднюю лапу, куда у Короны Королевы попала стрела. Бран чувствовал боль от раны всякий раз, как залезал в волчью шкуру. Последнее время он жил в теле

лютоволка чаще, чем в своем собственном; волк, несмотря на густую шерсть, тоже мерз, но видел дальше, слышал лучше и чуял гораздо больше запахов, чем закутанный мальчик в корзине.

Когда Брану надоедало быть волком, он залезал в Ходора. Здоровенный конюх при этом ныл и мотал головой, хоть и не так сильно, как в первый раз, у Короны. «Он знает, что это я, — надеялся Бран, — и привыкает быть мной». Не сказать, чтобы в Ходоре было очень удобно: он не понимал, что происходит, и Бран все время чувствовал его страх. С Летом все получалось гораздо лучше. Он — это Бран, а Бран — это он. И чувствуют они одинаково.

Иногда Лето, следуя за лосем, думал, может ли он свалить такого большого зверя. В Винтерфелле он привык к лошадям, но лось — другое дело: это добыча. Чуя теплую кровь под лохматой лосиной шкурой, он пускал слюни, и рот Брана тоже наполнялся слюной.

На дубу каркнул ворон, к нему прилетел другой. Днем их сопровождало не больше полудюжины воронов — они перелетали с дерева на дерево или сидели на лосиных рогах. Остальная стая держалась впереди или позади, но на закате все слетались и рассаживались вокруг, занимая

каждую ветку поблизости. Некоторые говорили что-то разведчику на своем языке, и Брану казалось, что тот понимает их. Вороны, как видно, докладывают ему обо всех опасностях, таящихся впереди или крадущихся сзади.

Вот как теперь. Лось внезапно остановился, и разведчик спрыгнул с него, уйдя по колено в снег. Лето, ощетинившись, зарычал на него — волку не нравилось, как пахнет Холодные Руки. Сухое мясо, сухая кровь, слабый запашок гнили и холод. Холод — прежде всего.

— Что там такое? — спросила Мира.

— Позади нас, — глухо ответил Холодные Руки в свой черный шарф.

— Волки? — Бран знал, что те все время идут за ними. По ночам путники слышали жалобный вой, с каждой ночью чуть ближе. Охотники были голодны и чуяли слабость тех, за кем шли. Часто Бран просыпался еще до рассвета и слушал, как они перекликаются вдалеке. Волки просто так не ходят, они должны преследовать какую-то дичь. Он долго так думал, а потом понял: «Дичь — это мы».

— Люди. Волки пока держатся на расстоянии, люди смелее.

Мира откинула капюшон — мокрый снег с него

обвалился наземь.

— Сколько их? Кто они?

— Враги. Я разберусь с ними.

— Я с тобой.

— Ты останешься и будешь охранять мальчика. Впереди замерзшее озеро. Поворачивайте по льду на север и идите вдоль берега. Как придете в рыбачью деревню, остановитесь и ждите меня.

Бран думал, что Мира сейчас начнет спорить, но ее брат сказал:

— Делай, как он говорит. Он знает эти места. — В темно-зеленых, как мох, глазах Жойена поселилась усталость, которой Бран ни разу не замечал прежде. Настоящий маленький старичок. Юный житель болот, к югу от Стены казавшийся не по годам мудрым, здесь был напуган и растерян не меньше всех остальных, но Мира все равно его слушалась.

Холодные Руки ушел в обратную сторону, четверо воронов улетели за ним. Щеки у Миры разгорелись, из ноздрей шел парок. Она толкнула пятками лося, и они двинулись дальше. Не проехав и двадцати ярдов, девушка оглянулась назад.

— Люди… Одичалые, что ли? Нет бы так и сказать.

— Он сказал, что сам разберется, — заметил Бран.

— Сказал, да. Он говорил еще, что отведет нас к трехглазой вороне. Могу поклясться, что сегодня утром мы перешли ту же самую реку, которую переходили четвертого дня. Мы ходим кругами!

— У рек много изгибов, — неуверенно сказал Бран, — а холмы и озера приходится обходить.

— Слишком много обходов. И тайн, — стояла на своем Мира. — Не нравится мне это, и он тоже не нравится. Я не доверяю ему. Взять одни его руки. Лицо он прячет, имени своего не назвал. Кто он и что он? Черный плащ любой может надеть. Он не ест, не пьет и холода, похоже, не чувствует.

Бран тоже замечал это, но боялся сказать. Во время ночевок они все жались друг к другу, кроме разведчика. Глаза он иногда закрывал, но Бран сомневался, что он когда-нибудь спит. И еще…

— Шарф. — Все вороны улетели вслед за разведчиком, но Бран на всякий случай понизил голос. — Шарф, которым завязан его рот, никогда не обмерзает, как борода у Ходора. Даже когда он говорит.

— Верно, — согласилась с ним Мира. — Мы ни разу не видели, как он дышит, ведь так?

— Не видели. — Хотя дыхание всех осталь-

ных, считая и лося, оставляет в воздухе белые облачка.

— Если он не дышит, значит…

Брану вспомнились сказки старой Нэн. «За Стеной живут великаны, людоеды, тени и ходячие мертвецы, — говорила она, укрывая его колючим шерстяным одеялом, — но сюда они не пройдут, покуда стоит Стена и несут свой дозор люди в черном. Сладких тебе снов, мой маленький Брандон». Разведчик носит черный плащ Ночного Дозора, но что, если он и не человек вовсе? Что, если он ведет их на съедение другим чудищам?

— Он спас Сэма с девушкой от упырей, — все также нерешительно сказал Бран, — и ведет меня к трехглазой вороне.

— А почему она сама не прилетела к Стене, раз у нее крылья есть? Мой брат с каждым днем слабеет. Сколько еще нам идти?

— Пока не придем, — откашлявшись, сказал Жойен.

Придя вскоре к замерзшему озеру, они повернули на север, как велел разведчик. Это была сама легкая часть пути.

Снег, шедший столько дней, что Бран и счет потерял, превратил озеро в бескрайнюю белую пустыню. По ровному льду они продвигались

быстро, но из-за снега трудно было сказать, где кончается лед и начинается берег. Даже деревья не могли служить вехами: на озере встречались лесистые островки, а берег зачастую был голым.

Лось шел, как сам считал нужным, не слушаясь всадников. Большей частью он держался под деревьями, но стоило береговой линии повернуть к западу, он опять спускался на лед, трещавший у него под копытами, и пробирался через заносы, которые Брана укрыли бы с головой. Северный ветер, свиставший над озером, пробирал до костей и слепил глаза снегом.

Между деревьями уже шевелились длинные пальцы сумерек. На севере дни короткие, каждый короче предыдущего — и если днем холодно, то ночью мороз становится просто убийственным.

— Пора бы ей уже быть, этой деревне, — после долгого молчания произнесла Мира.

— Может, мы мимо нее прошли? — сказал Бран.

— Надеюсь, что нет. Скоро стемнеет, нужно где-то укрыться.

Она, конечно, права. Щеки у нее из красных стали почти лиловыми, у Жойена синие губы, Бран почти не чувствует собственного лица. Ходор, бредущий по колено в снегу, оброс ледяной

коркой. Если уж и он спотыкается…

— Лето найдет деревню, — неожиданно для себя самого сказал Бран. Не дожидаясь ответа Миры, он закрыл глаза и вышел из своего разбитого тела.

Как только он очутился в волчьей шкуре, мертвый лес ожил. Там, где раньше стояла полная тишина, слышался шум ветра, дыхание Ходора, лось, скребущий землю копытом в поисках корма. Нос наполнили знакомые запахи мокрых листьев, увядшей травы, сгнившей в подлеске белки, кислого человечьего пота, лосиной шкуры. Еда. Мясо. Лось, чуя его возбуждение, наставил на лютоволка рога.

«Нельзя, — шепнул мальчик зверю, делившему с ним одну шкуру. — Оставь лося. Беги».

И Лето побежал через озеро, взрывая лапами снег. Деревья, одетые в белое, стояли плечом к плечу, как солдаты в бою. Корни, камни, наносы старого снега. На холме росли сосны и пахло хвоей. Волк покружил на вершине, нюхая воздух, поднял голову и завыл.

Здесь пахло человеком.

Бран унюхал слабый, но явственный запах пепла, горелого дерева, сажи, угля. Угасший очаг.

Он отряхнул морду от снега. Ветер налетал

порывами, мешая понять, откуда исходит запах. Кругом только снежные горы и белые деревья в строю. Волк подставил язык снежинкам, пробуя воздух на вкус, и потрусил в нужную сторону. Ходор не отставал, но лось медлил. Бран нехотя вернулся в тело мальчика и сказал:

— Поезжайте за Летом. Я чую жилье.

Когда сквозь тучи проглянул тонкий месяц, они наконец вошли в деревню у озера, которую нипочем бы не заметили без помощи Брана. Круглые каменные домики, заметенные снегом, легко было спутать с валунами или пригорками. Вчера Жойен принял за хижину бурелом — они долго раскапывали сугроб, но нашли только ветки да поваленные стволы.

Деревня, как и все, что встречались им на пути, была брошена. Некоторые свои селения одичалые жгли, чтобы отрезать себе все пути к возвращению, но это избежало огня. Под снегом обнаружились с десяток хижин и бревенчатый длинный дом под дерновой крышей.

— Хоть от ветра укроемся, — сказал Бран.

— Ходор, — сказал Ходор.

Мира и ее брат, спешившись, помогли ему вынуть Брана.

— Может, от одичалых что съестное осталось?

Напрасная надежда. В длинном доме с твердым земляным полом стоял пронизывающий холод, но крыша и стены все-таки защищали от ветра. Рядом журчал ручей — лось напился из него, проломив лед копытом, и Мира всем набрала льда для питья. Бран передернулся, взяв в рот свою льдинку.

Лето не пошел с ними в дом.

— Иди, иди охотиться, — сказал ему Бран, ощущая его голод, как тень своего, — только лося не трогай. — Часть его существа тоже хотела пойти на охоту — может быть, позднее он так и сделает.

Их ужин состоял из истолченных в кашицу желудей. Бран ими давился, Жойен не стал и пробовать.

— Надо есть, Жойен, — сказала ему сестра.

— Потом, когда отдохну немного. Не в этот день мне суждено умереть, — заверил он с вымученной улыбкой.

— Ты чуть не свалился с лося!

— Но все-таки усидел. Я замерз и проголодался, в этом все дело.

— Тогда ешь.

— Желуди твои? Животу от них только хуже. Оставь меня, Мира — хочу увидеть во сне жаре-

ного цыпленка.

— Сном сыт не будешь, даже если это зеленый сон.

— Что ж делать, раз у нас нет ничего, кроме снов.

Вся еда у них вышла дней десять назад, и голод сопровождал их неотлучно. Даже Лето не мог найти дичи в этих лесах — путники жили на желудях и на сырой рыбе. Ручьев и мелких озер здесь было полно, и Мира промышляла со своей острогой не хуже, чем с удочкой. Порой она возвращалась вся синяя, однако с уловом, но вот уже три дня — три года, как склонен был считать пустой желудок Брана — ей ничего не удавалось поймать.

После скудной трапезы Мира прислонилась к стене и стала точить о брусок свой кинжал. Ходор сидел у двери на корточках, раскачивался и бормотал:

— Ходор, ходор, ходор.

Бран закрыл глаза. Говорить было холодно, огонь Холодные Руки разводить не велел. «Этот лес не такой пустой, как вы думаете, — сказал он. — Никогда не знаешь, что может прийти из тьмы на твой огонек». Бран вздрогнул, вспомнив об этом, несмотря на соседство теплого Ходора.

Сон не шел — какой уж тут сон. Только ветер,

жгучий мороз и луна на снегу. Он снова вернулся в Лето, бегущего за много лиг от него, и ночь запахла кровью. Неподалеку убили что-то живое — мясо еще не успело остыть. Внутри ворочался голод, зубы омывала слюна. Нет, это не лось. Не олень.

Лютоволк поджарой серой тенью скользил от дерева к дереву, сквозь лужицы лунного света, через сугробы. Ветер, все такой же порывистый, то и дело менял направление. Лето потерял запах, нашел, потерял снова… и насторожил уши, услышав далекий звук.

Волк! Лето, соблюдая осторожность, пошел на голос. Запах крови вернулся, но теперь его сопровождали другие: моча, шкуры мертвых зверей, птичий помет, перья и волк, волк, волк. Стая. За мясо придется драться.

Они тоже его учуяли и смотрели, как он выходит на залитую кровью поляну. Самка, увидев его, бросила грызть сапог с застрявшей внутри ногой. Старый одноглазый самец с поседелой мордой вышел, ощерясь, навстречу чужому, молодой волк тоже оскалился.

Бледно-желтые глаза лютоволка вобрали в себя клубок внутренностей, перепутанный с ветками, пар из вскрытого живота, голову, глядящую на

месяц пустыми глазницами, красную лужу замерзшей крови.

Люди. Только человек так воняет. Раньше их было как пальцев на человечьей лапе, теперь их нисколько. Обыкновенное мясо. Раньше на них были плащи с капюшонами, но волки все изодрали в клочья. На сохранившихся кое у кого лицах торчат бороды в застывших соплях. Трупы уже начал заметать снег, очень белый по сравнению с их лохмотьями.

За много лиг от лютоволка беспокойно зашевелился мальчик.

Черное. Братья Ночного Дозора.

Лютоволка это не волновало. Они были мясом, а его мучил голод.

Глаза трех волков загорелись желтым огнем. Лютоволк поводил головой, раздул ноздри, оскалился, зарычал. Молодой волк попятился, и Лето учуял его страх, но старый вышел наперерез чужаку. Он не боялся лютоволка, хотя тот был вдвое больше его.

Их глаза встретились. Варг! Они покатились по снегу, терзая один другого. Двое других волков щерили зубы, следя за боем. Лютоволк куснул мех, сомкнул челюсти на тонкой как палка лапе, но одноглазый прошелся когтями по его животу,

вырвался, перекувырнулся, снова ринулся в бой. Его желтые клыки щелкнули у самого горла, но лютоволк стряхнул старика, как крысу. Свежая кровь запятнала снег, прежде чем одноглазый лег и показал брюхо. Лютоволк, огрызнувшись еще пару раз, понюхал ему зад, задрал ногу и оросил побежденного.

Двое других подчинились ему без боя. Стая была его и добыча тоже.

Лютоволк, обнюхав убитых, остановился на самом большом, без лица, с черной железякой в руке. Культя другой, лишенной кисти руки была обмотана кожей, из разреза на горле вытекала густая вязкая кровь. Волк полизал ее, прошелся языком по разодранному лицу и вырвал кусок из горла. Никогда он еще не пробовал такого вкусного мяса.

Покончив с этим человеком, он перешел к следующему и съел самые лакомые части тела. Вороны смотрели на него с деревьев, волки доедали добычу за ним: сначала одноглазый, потом волчица, потом молодой. Теперь они сделались его стаей.

«Нет, — прошептал мальчик, — у нас своя стая. Леди мертва и Серый Ветер скорее всего тоже, но где-то живут Нимерия, Лохматый Песик и

Призрак. Помнишь Призрака?»

Падающий снег и кормящиеся волки начали меркнуть. Тепло касалось лица материнскими поцелуями. «Огонь, — отметил про себя мальчик, — дым». Нос дернулся от запаха жареного. Лес пропал окончательно: он снова был в длинном доме, в искалеченном теле, и смотрел на огонь. Красное мясо, которое поворачивала над пламенем Мира Рид, шипело и плевалось жиром.

— Чуть ужин не проспал, — сказала она. Бран протер глаза, оперся на стену, сел. — Разведчик принес свинью.

Ходор жадно поедал свою долю, бормоча «ходор, ходор». По бороде у него текли кровь и жир, меч он положил на пол рядом с собой. Жойен откусывал от свиной ноги по кусочку, тщательно их прожевывая.

Холодные Руки стоял у двери с вороном на руке. В двух парах черных глаз отражалось пламя. «Он ничего не ест и боится огня», — вспомнил Бран.

— Ты же сказал, что огонь нельзя зажигать, — сказал он разведчику.

— Здесь его прячут стены, да и рассвет близко. Скоро отправимся.

— Что случилось с теми людьми? С врагами?

— Они больше не опасны.

— Кто это был, одичалые?

Мира перевернула мясо другой стороной, Ходор жевал и глотал, не переставая бубнить, — только Жойен, кажется, понял, что здесь происходит.

— Это были враги, — ответил Холодные Руки.

«Люди Ночного Дозора».

— Ты их убил. Ты и вороны. У них лица изодраны, глаза выклеваны.

Холодные Руки ничего не стал отрицать.

— Это были твои братья, я видел. Волки сорвали с них всю одежду, но она была черная. Как твои руки.

Разведчик молчал.

— Кто ты? Почему у тебя руки черные?

Разведчик посмотрел на них так, будто видел впервые.

— Когда сердце человека перестает биться, кровь застаивается в руках и ногах. — Голос звучал еле слышно, такой же изможденный, как сам разведчик. — Они пухнут и чернеют, а все остальное тело становится белым, как молоко.

Мира Рид встала, держа в руке лягушачий трезубец с насаженным на него мясом.

— Покажи нам свое лицо.

Разведчик не шелохнулся.

— Он мертвый, Мира. — Горло Брану обожгла желчь. — Старая Нэн говорила, что нежить из-за Стены не может пройти сюда, покуда Стена стоит и несут свой дозор люди в черном. Он пришел за нами к Стене, но пройти не мог — послал вместо себя Сэма и одичалую девушку.

Мирина рука в перчатке еще крепче сжала древко остроги.

— А тебя кто послал? Кто эта трехглазая ворона?

— Мой друг. Сновидица, ведунья — назови как угодно. Последняя из древовидцев. — Дверь распахнулась. В ночи выл ветер и кричали вороны на деревьях. Холодные Руки не шелохнулся.

— Ты упырь, — сказал Бран.

Разведчик смотрел на него так, словно остальных вовсе не было.

— *Твой* упырь, Брандон Старк.

— Твой, — повторил ворон у него на плече, и вороны на деревьях подхватили, наполнив ночь жутким эхом: — Твой, твой, твой!

— Жойен, тебе это снилось? — Мира ухватилась за плечо брата. — Что нам теперь делать?

— Мы зашли слишком далеко, Мира — до Стены уже не добраться. Надо идти дальше с упырем Брана, если мы хотим жить.

Тирион

Из Пентоса они выехали через Рассветные ворота, хотя рассвета Тирион Ланнистер не увидел.

— Как будто тебя вовсе не было в Пентосе, — говорил магистр Иллирио, задвигая пурпурные бархатные занавески носилок. — Никто не видел, как ты проник в этот город, никто не должен видеть, как ты его покидаешь.

— Никто, кроме матросов, запихнувших меня в бочонок, юнги, прибиравшего за мной, наложницы, которую ты мне прислал, и хитрой веснушчатой прачки. Да, охрану забыл! Если ты и мозги им не удалил вместе с яйцами, они знают, что ты здесь не один. — Носилки на толстых кожаных постромках раскачивались между восемью битюгами. С каждой стороны их шли по двое евнухов, остальные тянулись позади, охраняя обоз.

— Безупречные не болтают, а галея, доставившая тебя сюда, находится сейчас на пути к Асшаю. Вернется она не раньше чем два года спустя, если море будет к ней милостиво. Что до моей челяди, то они любят меня, и никто из них хозяина не предаст.

«Утешай себя этим, мой толстый друг — когда-нибудь эти слова высекут на твоей гробнице».

— Надо нам было сесть на нее, — сказал карлик. — Кратчайший путь до Волантиса лежит по морю.

— Море изменчиво. Осень — сезон штормов, на Ступенях гнездятся пираты. Мы не хотим, чтобы мой маленький друг оказался у них в руках.

— На Ройне тоже пираты водятся.

— Речные. — Торговец сырами зевнул, прикрыв рукой рот. — Тараканы, что кормятся крошками.

— Я слышал еще о каменных людях.

— Да, есть такие, но зачем о них говорить в такой прекрасный день? На берегах Ройна ты избавишься от Иллирио с его большим животом, а пока будем пить, спать и грезить. У нас вдоволь хорошего вина и вкусной еды — зачем думать о болезнях и смерти?

«И верно, зачем?» — спросил себя Тирион, вновь слыша гул тетивы арбалета. Носилки раскачивались, точно мать убаюкивала его на руках — в жизни, правда, ему этого не довелось испытать. Возлежал он на подушках из гусиного пуха, пурпурные стенки и потолок держали тепло, не пуская осень в передвижной домик.

Вьючные мулы везли за ними сундуки, бочонки

и разные вкусности на потребу сырному лорду. Завтракали они пряной колбасой и пивом из дымной ягоды, в полдень запивали дорнийским красным угрей в желе, вечером ели ветчину, вареные яйца и жаворонков с начинкой из лука и чеснока, а пили светлый эль и огненную мирийскую брагу, улучшающую пищеварение. Носилки, несмотря на все свое удобство, двигались очень медленно — карлик просто чесался от нетерпения.

— Долго ли еще до реки? — спросил он Иллирио. — Если будем плестись таким ходом, твои драконы вырастут больше Эйегоновых.

— Твоими бы устами! Большой дракон страшней маленького. Очень бы мне хотелось приветствовать королеву Дейенерис в Волантисе, но приходится положиться в этом на тебя и на Гриффа. Я лучше послужу ей в Пентосе, готовя дорогу для ее возвращения. Ну, а пока мы вместе, надо же толстому старику как-то скрашивать себе путешествие. Выпей еще вина.

— Скажи, какое пентосскому магистру дело до того, кто носит вестеросскую корону? Где твоя выгода во всем этом, милорд?

Иллирио промокнул жирные губы.

— Я старый человек, уставший от измен этого

мира. Так ли уж странно, что на исходе моих дней я хочу сделать что-то хорошее? Помочь прелестной девушке восстановить свои наследственные права?

«Как же, как же. Скажи еще, что у тебя есть волшебные доспехи и дворец в древней Валирии».

— Если Дейенерис не более чем прелестная девушка, Железный Трон порежет ее на прелестные маленькие кусочки.

— Не беспокойся, дружок. В ней течет кровь Эйегона Драконовластного.

«А также Эйегона Недостойного, Мейегора Жестокого и Бейелора Полоумного».

— Расскажи мне о ней.

Толстяк призадумался.

— Дейенерис, когда прибыла в Пентос, была еще наполовину ребенком, но красотой превосходила даже мою вторую жену. Я возжелал ее для себя, но ее робость и боязливость не предвещали радостей плоти. Я призвал наложницу и утешался с ней, пока безумие не прошло. По правде говоря, я думал, что у табунщиков Дейенерис протянет недолго.

— Это не помешало тебе продать ее кхалу Дрого.

— Дотракийцы куплей-продажей не занима-

ются. Верней будет сказать, что ее брат Визерис отдал девушку кхалу в обмен на дружбу. Тщеславный был юноша. Очень хотел сесть на отцовский трон, но сестру свою желал не менее страстно. В ночь перед свадьбой он пытался залезть к принцессе в постель — не руку, так хотя бы невинность ее получить. Не поставь я часовых у ее двери, он нарушил бы все мои многолетние планы.

— Полным дураком он был, что ли?

— Всего лишь сыном Безумного Эйериса. Дейенерис… совсем другая. — Иллирио сунул в рот жаворонка и разгрыз прямо с костями. — Испуганное дитя, которому я дал приют в своем доме, умерло в Дотракийском море, возродившись в крови и огне. Драконья королева, носящая ныне ее имя — истинная Таргариен. Когда я прислал ей корабли, чтобы ехать домой, она повернула к заливу Работорговцев, где в считанные дни завоевала Астапор, подчинила себе Юнкай и разграбила Миэрин. Следующим, если она двинется по старым валирийским дорогам, будет Мантарис… если же выйдет в море, то ее флот должен будет запастись водой и провиантом в Волантисе.

— От Миэрина до Волантиса много лиг — что сушей, что морем.

— Пятьсот пятьдесят по прямой, как летает дракон, через пустыни, горы, болота и населенные демонами руины. Многие погибнут, но живые, достигнув Волантиса, станут крепче… а там будете ждать вы с Гриффом, и свежие силы, и достаточное число кораблей, чтобы переправить их через море в Вестерос.

Тирион стал припоминать, что известно ему о Волантисе, самом древнем и гордом из Девяти Городов. Что-то тут было не так — он чуял это даже своим ополовиненным носом.

— Говорят, что в Волантисе на каждого свободного человека приходится пять рабов. Зачем триархам помогать королеве, губящей работорговлю? И если уж на то пошло, зачем это делаешь ты? Может, пентосские законы и запрещают рабство, но у тебя большой интерес в торговле живым товаром — и все же ты оказываешь Дейенерис поддержку. Что ты надеешься от нее получить?

— Снова-здорово… ох и въедлив же ты, дружок. — Иллирио со смехом хлопнул себя по животу. — Будь по-твоему. Король-Попрошайка сулил сделать меня своим мастером над монетой да к тому же и лордом. Как только он, дескать, наденет корону, я смогу выбрать себе любой за-

мок… даже Бобровый Утес, если того пожелаю.

Тирион фыркнул так, что вино пролилось из носа.

— Жаль, батюшка мой не слышал.

— У твоего лорда-отца не было причин волноваться — на кой мне Утес? Мой особняк достаточно велик и гораздо удобнее ваших продуваемых насквозь замков. А вот мастер над монетой… — Толстяк облупил очередное яйцо. — Люблю золото — есть ли звук слаще его перезвона?

«Есть. Вопли дражайшей сестрицы».

— Ты так уверен, что Дейенерис сдержит обещание своего брата?

— То ли сдержит, то ли нет. — Иллирио откусил половину яйца. — Я тебе уже говорил, дружок: не все в мире совершается ради выгоды. Думай что хочешь, но даже у толстых стариков вроде меня есть друзья и долги, которые дружба обязывает платить.

«Врешь, толстяк, — подумал Тирион. — Что-то в этом деле влечет тебя больше, чем монета и замки».

— Как редко в наши дни люди ставят дружбу превыше золота.

— Твоя правда. — Магистр остался глух к иронии карлика.

— И с чего это наш Паук так тебе дорог?

— Мы земляки. Росли вместе.

— Варис родом из Мира.

— Верно. К нам он явился, сбежав от работорговца. Днем спал в сточных канавах, ночью лазил по крышам, как кот. А я, брави в грязных шелках, немногим богаче его, жил только своим клинком. Видел статую у меня в бассейне? Пито Маланон изваял ее, когда мне было шестнадцать. Красивая вещь, хотя теперь я не могу смотреть на нее без слез.

— Все мы с годами портимся — я до сих пор оплакиваю свой нос. Так что же Варис?

— В Мире он был принцем воров, пока один из соперников не донес на него. В Пентосе его выделял акцент. Потом узнали, что он евнух, и начали его бить и оплевывать. Почему он именно меня выбрал в защитники, я, возможно, никогда не узнаю, но мы пришли к соглашению. Варис шпионил за менее удачливыми ворами и забирал их добычу, а я за вознаграждение возвращал потерпевшим украденное. Вскоре все обворованные стали ходить ко мне, а все городские воры мечтали заполучить в руки Вариса. Одна половина — чтобы глотку ему перерезать, другая — чтобы продать ворованное. Мы с ним

постепенно богатели и стали еще богаче, когда Варис натаскал своих мышек.

— В Королевской Гавани он держит пташек.

— Тогда мы их называли мышками. Другие воры думали сдуру, что мы весь свой слам пропиваем, а Варис тем временем обучал сироток — как мальчиков, так и девочек. Подбирал самых маленьких, кто пошустрее, и учил их лазить по стенам и дымоходам, а также читать. Золото и драгоценности они оставляли заурядным ворам, сами же искали письма, счетные книги, карты… Найденное прочитывали и клали на то же место. Тайны, уверял Варис, стоят дороже серебра и сапфиров. Меня так зауважали, что кузен принца Пентосского отдал за меня свою дочь, а слухи о талантах некого евнуха пересекли Узкое море и дошли до ушей одного короля. Крайне подозрительного короля, не доверявшего ни жене, ни сыну, ни своему деснице — другу юности, который с годами чересчур о себе возомнил. Конец истории тебе, полагаю, известен?

— В основном. Я вижу теперь, что ты не простой торговец сырами.

— Как ты любезен, дружок, — насмешливо поклонился Иллирио. — Я тоже вижу, что лорд Варис не ошибся в тебе — ты и вправду смыш-

лен. — Он выставил в улыбке все свои желтые зубы и потребовал еще кувшинчик мирийской.

Когда он уснул с кувшином под боком, Тирион умыкнул сосуд и налил себе чашечку. Выпил, зевнул, снова налил. Если выпить много огненного вина, могут присниться драконы.

Одиноко подрастая в Бобровом Утесе, он часто летал по ночам на драконах, воображая себя потерянным принцем из рода Таргариенов или валирийским драконьим лордом. Когда дяди спросили, какой подарок он хочет на именины, он сказал, что дракона. «Можно совсем маленького, такого как я». Дядя Герион решил, что ничего забавнее в жизни не слышал, а дядя Тигетт сказал: «Последний дракон умер сто лет назад, мальчуган». От такой чудовищной несправедливости мальчик проплакал всю ночь.

Однако у дочери Безумного Короля, если верить торговцу сырами, вылупились трое живых. На два больше, чем требуется кому бы то ни было, даже Таргариену. Тирион почти жалел, что убил отца. Какую он скроил бы мину, услышав, что одна из Таргариенов с тремя драконами держит путь в Вестерос при поддержке хитрого евнуха и купца толщиной с пол-Утеса!

Тирион так наелся, что пришлось распустить

пояс и завязки на бриджах. В детских одежках он чувствовал себя колбасой в слишком тесной шкурке. Если так есть каждый день, он до встречи с драконьей королевой сравняется толщиной с Иллирио. Снаружи настала ночь, в носилках было темно. Тирион слышал храп Иллирио, поскрипывание упряжи, стук подкованных копыт по гладкой валирийской дороге, но сердце его жаждало шума кожистых крыльев.

Проснулся он, когда уже рассвело. Лошади шагали, носилки раскачивались. Тирион выглянул в щелку, но не увидел ничего, кроме полей цвета охры, голых вязов и самой дороги, прямой как стрела. Он читал о валирийских дорогах, но никогда их прежде не видел. Валирия некогда захватила Драконий Камень и остановилась на этом. Странно, у них ведь были драконы. Почему они не пошли дальше, на богатые земли западного материка?

Ночью он перебрал. В голове стучало, к горлу подкатывало даже от легкой качки.

— Давай-ка выпьем, — сказал Иллирио, хотя Тирион не жаловался. — Потребим, как говорится, чешуйку дракона, который тебя спалил. — Ежевичное вино было такое сладкое, что мухи слетались к нему, как на мед. Тирион разогнал

их и выпил. Первую чашу он с трудом удержал внутри, потом пошло легче, но аппетита все равно не прибавилось.

— Мне снилась королева, — поведал он, отвергнув предложенную Иллирио ежевику со сливками. — Я стоял перед ней на коленях и присягал ей на верность, но она приняла меня за моего брата Джейме и скормила своим драконам.

— Будем надеяться, что сон не был вещим. Ты, как и говорил Варис, смышленый бесенок, а Дейенерис умные люди ох как нужны. Сир Барристан — храбрый и верный рыцарь, но хитростью сроду не отличался.

— У рыцарей на все вопросы один ответ: копья наперевес и в атаку. Карлик по-другому смотрит на мир. Ну, а ты что же? Ты и сам далеко не глуп.

— Ты мне льстишь. Я, увы, не создан для путешествий, потому и отправляю тебя к Дейенерис вместо себя. Ты оказал ее величеству великую услугу, убив своего отца, — и, надеюсь, еще не одну окажешь. Дейенерис в отличие от своего брата не дурочка и сумеет оценить тебя по достоинству.

«Как растопку, видимо». Тирион только улыбнулся в ответ.

Лошадей они меняли три раза в день, но через каждые полчаса останавливались, чтобы Иллирио мог помочиться. Сам со слона, а пузырь у него, как видно, с орех. Во время одной такой остановки Тирион рассмотрел дорогу как следует. Он заранее знал, что увидит: не утоптанный грунт, не кирпич, не булыжник, а ленту из сплошного монолитного камня, поднятую на полфута над землей для стока осадков. В отличие от того, что сходило за дороги в Семи Королевствах, валирийский тракт износа не знал, и по нему могли проехать в ряд три повозки. Четыреста лет прошло с тех пор, как Рок сокрушил Валирию, а дорога все та же. Тщетно Тирион искал в ней вмятины или трещины — кроме лошадиного навоза, ничего не нашлось.

Навоз напомнил ему о лорде-отце. «Где ты теперь, отец, — в преисподней? В славном холодном местечке, откуда тебе видно, как я помогаю вернуть на Железный Трон дочь Безумного Эйериса?»

Они снова тронулись в путь, и магистр, грызя жареные каштаны, вернулся к разговору о королеве.

— Боюсь, что последние новости о ней давно устарели. По нашим расчетам, она должна была

уже выйти из Миэрина. Теперь у нее есть войско, составленное из наемников, дотракийцев и Безупречных, — она, несомненно, должна повести их на запад, чтобы вернуть себе отцовский престол. — Иллирио открыл горшочек с улитками в чесноке, понюхал и улыбнулся. — Авось, в Волантисе ты услышишь что-нибудь поновее. — Он высосал улитку из скорлупы. — Драконы и молодые женщины, как известно, капризны — возможно, вам придется пересмотреть свои планы. Грифф знает, что делать. Попробуй улиток! Чеснок вырос в моем огороде.

Улитка и та двигалась бы резвей, чем эти носилки. Тирион отмахнулся.

— Ты здорово доверяешь этому Гриффу. С ним вы тоже вместе росли?

— Нет. Он, как выразился бы ты, наемник родом из Вестероса. Знаю, что ты скажешь! — вскинул руку Иллирио. — «Наемники ставят золото выше чести; Грифф того и гляди продаст меня сестре-королеве». Не думай так. Гриффу я в самом деле доверяю. Как брату.

«Еще одна роковая ошибка».

— Хорошо, последую твоему примеру.

— Золотые Мечи в это самое время идут к Волантису, где будут ждать прибытия нашей

королевы с востока.

«Сверху золото, под ним жгучая сталь».

— Я слышал, Золотые Мечи заключили договор с одним из Девяти Городов.

— С Миром, — ухмыльнулся Иллирио. — Но договор и нарушить можно.

— На сырах можно заработать больше, чем я полагал. Как ты это устроил?

Магистр пошевелил жирными пальцами.

— Скажем так: одни договоры пишутся чернилами, другие кровью.

Золотые Мечи славились как лучший из наемнических отрядов. Учредил его сто лет назад Жгучий Клинок, побочный сын Эйегона Недостойного. Когда другой бастард Эйегона попытался отнять Железный Трон у законного брата, Жгучий Клинок поддержал мятеж. Но Дейемон Черное Пламя погиб на Багряном Поле, и это положило конец восстанию. Его сторонники, не пожелавшие покориться, бежали через Узкое море. В их числе были младшие сыновья Эйемона, Жгучий Клинок и сотни безземельных лордов и рыцарей: за морем они могли прокормиться только в качестве наемных солдат. Одни примыкали к Рваному Знамени, другие к Младшим Сыновьям или Воинам Девы. Жгучий Клинок,

видя, как распыляются силы Черного Пламени, решил основать свой отряд и объединить всех изгнанников.

С тех пор и до сего времени Золотые Мечи жили и умирали на Спорных Землях, сражаясь то за Мир, то за Лисс, то за Тирош в их мелких бессмысленных войнах и мечтая об утраченной родине. Изгнанники и сыновья изгнанников, лишенные всего, непрощенные… и грозные воины.

— Твой дар убеждения прямо-таки восхищает меня, — сказал Тирион. — Как ты уговорил Золотых Мечей, чьи предки сражались с домом Таргариенов, поддержать нашу прелестную королеву?

Иллирио небрежно махнул рукой.

— Дракон остается драконом, красный он или черный. Когда Мейелис-Чудище погиб на Ступенях, мужская линия Черного Пламени пресеклась. А Дейенерис способна дать изгнанникам то, чего не сумели ни Жгучий Клинок, ни все бастарды Черного Пламени, — усмехнулся в раздвоенную бороду магистр. — Она вернет их домой.

Огнем и мечом. Тирион сам был не прочь вернуться домой таким образом.

— Десять тысяч мечей — королевский дар, от-

даю тебе должное. Ее величество должна быть довольна.

Иллирио скромно колыхнул подбородками.

— Не беру на себя смелость судить, что приятно ее величеству, а что нет.

Что ж, разумно. Тирион кое-что знал о благодарности королей — почему с королевами должно быть иначе?

Иллирио вскоре уснул, оставив Тириона наедине с собственными мыслями. Что скажет Барристан Селми, когда ему предложат идти в бой вместе с Золотыми Мечами? На Войне Девятигрошовых Королей он прорубил кровавую дорогу сквозь их ряды и убил последнего из претендентов Черного Пламени. Мятежникам приходится заключать самые причудливые союзы — взять хоть Тириона и этого толстяка.

При смене лошадей купец пробудился и опять потребовал закусить.

— Что это за места? — спросил карлик, пока они подкреплялись холодным каплуном и десертом из моркови, изюма и апельсинов.

— Андалос, мой друг. Именно отсюда пришли ваши андалы. В свое время они отвоевали эту землю у волосатых родичей иббенийцев. К северу от нас лежат древние владения Хугора — мы сей-

час проходим по их южной границе. В Пентосе их называют Плоскими землями. Восточнее их стоят Бархатные холмы, куда мы и направляемся.

Андалос. По его холмам, как учит религия, некогда ходили Семеро в человеческом облике.

— «Отец простер свою длань в небеса, — прочел по памяти Тирион, — и достал оттуда семь звезд, и возложил их одну за другой на чело Хугора, увенчав его блистающею короною».

— Не думал, что мой маленький друг так набожен, — удивился Иллирио.

— Воспоминания детства. Зная, что рыцарем мне не бывать, я решил стать верховным септоном. Его хрустальный венец добавляет человеку целый фут роста. Корпел над священным писанием и молился так, что коленки стер, но закончилось все это трагически. Я достиг известного возраста и влюбился.

— Знаю, знаю. — Иллирио достал из левого рукава серебряный медальон, раскрыл его и показал Тириону миниатюрный портрет голубоглазой женщины с бледно-золотыми, пронизанными серебром волосами. — Серра. Я взял ее из лисского перинного дома и в конце концов женился на ней. Это я-то, чья первая жена была родственницей принца Пентосского! Ворота дворца с тех пор

закрылись передо мной, но я не печалился. За Серру я был готов заплатить и не такую цену.

— Как она умерла? — Тирион знал, что ее нет в живых: ни один мужчина не стал бы говорить с такой любовью о женщине, которая его бросила.

— В Пентос по пути с Яшмового моря зашла браавосская торговая галея «Сокровище». Она везла гвоздику, шафран, нефрит, яшму, алый атлас, зеленый шелк… и серую смерть. Мы убили сошедших на берег гребцов и сожгли корабль в гавани, но крысы слезли по веслам и разбежались. Чума забрала две тысячи человек. — Иллирио закрыл медальон. — Я храню у себя в спальне ее руки, такие нежные…

Тирион смотрел на поля, по которым когда-то ступали боги, и думал о Тише.

— Что это за боги, создающие чуму, крыс и карликов? — Ему вспомнился еще один отрывок из Семиконечной Звезды. — «И Дева привела ему отроковицу гибкую как ива, с глазами глубокими и синими, как озера, и Хугор пожелал взять ее в жены. Матерь благословила чрево ее, и Старица предсказала, что она родит царю сорок четыре сына. И когда родились они, то Воин дал им великую силу, Кузнец же сковал железные доспехи для каждого».

— Ваш Кузнец не иначе был ройнаром, — заметил Иллирио. — Обрабатывать железо андалы научились у ройнаров, речных жителей — это известно.

— Только не септонам. Кто населяет эти Плоские земли?

— Крестьяне, возделывающие фруктовые сады и поля. Еще рудокопы. У меня самого здесь владения, но я в них почти не бываю — предпочитаю бесчисленные восторги Пентоса.

«Бесчисленные восторги и толстые стены». Тирион поболтал вино в чаше.

— Однако после Пентоса нам не встретилось ни единого города.

— Они все в руинах. — Иллирио повел окрест куриной ногой. — Здесь проходят кочевники каждый раз, как кому-то из кхалов втемяшится на море поглядеть. Дотракийцы городов не любят — это должны знать даже в Вестеросе.

— Перебили бы один кхаласар — может, у них и пропала бы охота ходить за Ройн.

— Дешевле откупаться от них съестным и подарками.

Взяв хорошую головку сыра в битву на Черноводной, Тирион мог бы сберечь свой нос. Лорд Тайвин к Вольным Городам всегда относился с

презрением; «Они сражаются монетой вместо мечей, — говаривал он. — Золото полезный металл, но войны выигрываются железом».

— Дай врагу золота, и он вернется за новой порцией — так говорил мой отец.

— Тот самый, которого ты убил? — Иллирио выкинул куриную косточку. — Никакие наемники против визжащей орды не выстоят: Квохор доказал это.

— Даже твой бравый Грифф?

— Грифф — дело иное. У него есть обожаемый сын, молодой Грифф, благороднейший юноша.

Вино, сытная еда, солнце и жужжащие мухи действовали усыпляюще. Тирион засыпал, просыпался и пил. Иллирио, не отставший от него в возлияниях, захрапел, как только небо стало пурпурным.

Ночью Тириону приснилась битва, окрасившая вестеросские холмы в алый цвет. Он сражался в самой гуще и махал топором с себя ростом рядом с Барристаном Смелым и Жгучим Клинком, а в небе кружили драконы. Во сне у него были две головы, обе безносые. Во главе вражеской рати стоял отец, и Тирион еще раз убил его. Потом изрубил в кашу лицо своего брата Джейме, смеясь при каждом ударе. Лишь когда бой закончился, он

заметил, что вторая его голова проливает слезы.

Проснувшись, он обнаружил, что ноги у него затекли.

Иллирио ел оливки.

— Где мы сейчас?

— Все еще на Плоских землях, торопливый мой друг. Скоро дорога приведет нас в Бархатные холмы, и мы начнем подъем к Малому Ройну и Гойану Дроэ.

Гойан Дроэ, ройнарский город, валирийские драконы сожгли дотла. Тирион путешествовал не только в пространстве, но и во времени, прокладывая путь в седую древность, когда драконы правили миром.

Он спал, просыпался, опять засыпал — как днем, так и ночью. Бархатные холмы разочаровали его.

— У половины шлюх в Ланниспорте сиськи больше, чем эти горки. — Они миновали круг камней, воздвигнутый, по словам Иллирио, великанами, и глубокое озеро.

— Здесь устроили свое логово разбойники, нападавшие на всех, кто проходил мимо, — сказал Иллирио. — Предание гласит, что они до сих пор живут под водой. Всех, кто рыбачит на озере, они затягивают вглубь и съедают.

На следующий вечер у дороги возник валирийский сфинкс с туловищем дракона и головой женщины.

— Королева драконов, — сказал Тирион. — Добрый знак.

— Только короля ей недостает. — Иллирио показал на пустой, заросший плющом и мхом цоколь, где когда-то лежал второй сфинкс. — Кочевники поставили его на колеса и уволокли к себе в Вейес Дотрак.

«Тоже знак, но скорее дурной», — решил Тирион.

Ночью, выпив больше против обычного, он внезапно запел.

«Он помчался по улицам городским,
ненасытной страстью влеком.
Там жила она, его тайный клад,
наслажденье его и позор,
и он отдал бы замок и цепь свою
за улыбку и нежный взор».

Больше он ничего не помнил, только припев: «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи». Руки Шаи били его, когда он вдавливал золотые ей в горло, — он не помнил, были они

горячими или нет. Она теряла силы, и казалось, что о его лицо бьются бабочки, а он закручивал цепь, вгоняя золотые руки все глубже. Поцеловал ли он ее на прощание, когда она уже перестала дышать? Этого он тоже не помнил… но их первый поцелуй в палатке на Зеленом Зубце запомнился ему хорошо. Какими сладкими были ее уста.

Помнил он и свой первый поцелуй с Тишей. Она не лучше него знала, как это делается. Они все время сталкивались носами, но когда он коснулся ее языка своим, она задрожала. Тирион зажмурился, чтобы припомнить ее лицо, но вместо нее увидел лорда Тайвина, сидящего в нужнике с задранным на колени халатом. «Куда все шлюхи отправляются», — сказал он, и загудел арбалет.

Тирион повернулся на бок, зарывшись половинкой носа в шелковые подушки. Сон разверзся перед ним, как колодец; он бросился туда добровольно и дал тьме поглотить себя.

Купецкий приказчик

На «Приключении» имелось шестьдесят весел и один парус, длинный корпус обещал быстроту хода. Маловата лохань, но сойдет, решил Квентин — пока не взошел на борт и не принюхался к здешним запахам. Свиньи, была его первая мысль, но свиньи так не воняют. Здесь несло мочой, испражнениями, тухлым мясом, язвами и загнившими ранами — да так, что перешибало соль и рыбу, которыми пахла гавань.

— Блевать тянет, — сказал Квентин Геррису Дринквотеру. Они дожидались шкипера, задыхаясь от жары и от вони.

— Если капитан воняет так же, как его судно, он почтет твою блевотину за духи, — заметил на это Геррис.

Квентин хотел уже предложить поискать другую посудину, но тут шкипер наконец вышел к ним с двумя здоровенными матросами. Геррис встретил его улыбкой. По-волантински он говорил хуже Квентина, однако согласно их замыслу вести переговоры полагалось ему. В Дощатом городе виноторговца изображал Квентин, но это плохо у него получалось. В Лиссе, сменив

корабль, они поменялись заодно и ролями. На «Жаворонке» Клотус Айронвуд был купцом, а Квентин — его слугой. В Волантисе, после гибели Клотуса, роль купца перешла к Геррису.

Он высокий, с зеленовато-голубыми глазами и выгоревшими на солнце светлыми волосами, и его самоуверенность не знает пределов. Не зная языков, он всегда добивается, чтобы его понимали. Квентин, коротконогий и коренастый, с волосами цвета свежевскопанной земли, рядом с ним выглядит незавидно. Лоб у него чересчур большой, подбородок тяжелый, нос широк. «Хорошее у тебя лицо, честное, — сказала ему одна девушка, — только улыбайся почаще».

Улыбки Квентину Мартеллу удавались не больше, чем его лорду-отцу.

— Быстрый ли ход у твоего «Приключения»? — на ломаном валирийском осведомился Геррис.

Капитан, узнав его акцент, ответил на общем языке Вестероса:

— Быстрее не найдете, почтенный. «Приключение» так и бежит само по ветру. Скажите, куда путь держите, и я вас мигом туда доставлю.

— Я с двумя моими людьми путешествую в Миэрин.

— Бывал я там, — помедлив, сказал капитан, —

и мог бы снова его найти, только зачем? Какая мне выгода? Рабов там не возьмешь, серебряная королева всю торговлишку поломала. Она же и бойцовые ямы закрыла — бедному моряку, покуда его корабль грузится, и развлечься-то негде. Скажи мне, мой вестеросский друг, чего ты не видал в Миэрине?

«Самой прекрасной на свете женщины, — мысленно произнес Квентин. — Если боги будут милостивы, она станет моей женой». Иногда по ночам, воображая себе ее лицо и фигуру, он не понимал, зачем такой женщине нужен именно такой муж — мало ли других принцев. «Я — это Дорн, — напоминал он себе в таких случаях. — От Дорна она не откажется».

— Наш род издавна торгует вином, — ответил Геррис сообразно сочиненной ими истории. — Мой отец, у которого в Дорне обширные виноградники, желает, чтобы я нашел за морем новые рынки. Надеюсь, добрым миэринцам понравится мой товар.

— Дорнийское вино? — Речь Герриса капитана не убедила. — Между рабовладельческими городами идет война — неужто не знаешь?

— Это Юнкай с Астапором воюют, насколько мы слышали. Миэрин в стороне.

— Пока да, но и он скоро ввяжется. Посол Желтого Города нанимает мечи в Волантисе. Длинные Копья уже отплыли в Юнкай, Сыны Ветра и Дикие Коты скоро отправятся, Золотые Мечи тоже идут на восток.

— Тебе лучше знать. Войны — не мое дело, у меня свой интерес. Всем известно, что гискарские вина никуда не годятся. Миэринцы выложат хорошие денежки за мой дорнийский нектар.

— Мертвецам все равно, что пить. Думаю, я не первый шкипер, к которому ты обращаешься — и не десятый.

— Верно, — сознался Геррис.

— Сколько ж вы обошли кораблей — сотню?

«Около того», — признал про себя Квентин. Волантинцы похваляются, что в их гавани можно потопить все сто островов Браавоса. Квентину в это верилось, хотя в Браавосе он не бывал. Богатый и порочный Волантис подобно смачному поцелую запечатывал устье Ройна, раскинувшись по обоим его берегам. Корабли, стоящие как на реке, так и в море, загружались и выгружались. Военные, китобойные, торговые, карраки, плоскодонки, большие и малые когги, ладьи, корабли-лебеди. Лисские, тирошийские, пентосские; квартийские перевозчики пряностей,

громадные как дворцы, гости из Юнкая, Толоса, с островов Василиска. Их столько, что Квентин, увидев порт с палубы «Жаворонка», сказал друзьям, что они здесь задержатся не больше чем на три дня.

Однако вот прошло уже двадцать, а они до сих пор тут. Капитаны «Мелантинки», «Дочери триарха» и «Поцелуя русалки» им отказали; помощник на «Храбром мореходе» посмеялся над ними; шкипер «Дельфина» обругал их, хозяин «Седьмого сына» обозвал пиратами — все это в первый же день.

Доводы в пользу отказа привел только капитан «Лани».

«Это верно, я иду вокруг Валирии на восток, — сказал он за чашей разбавленного вина. — Запасемся в Новом Гисе водой и провизией, а там будем махать веслами до Кварта и Нефритовых Ворот. Всякое путешествие опасно, особенно долгое. Зачем мне наживать себе лишние хлопоты, сворачивая в залив Работорговцев? «Лань» — единственное мое достояние. Я не стану рисковать ею, везя трех сумасшедших дорнийцев в места, охваченные войной».

Квентин начинал сожалеть, что они не купили в Дощатом городе свой корабль, хотя это могло

привлечь к ним нежелательное внимание. У Паука соглядатаи всюду, даже в чертогах Солнечного Копья. «Дорн будет залит кровью, если тебя обнаружат, — предупреждал отец, глядя, как резвятся дети в прудах и фонтанах Водных Садов. — Помни, что мы с тобой совершаем государственную измену. Доверяй только своим спутникам и старайся остаться незамеченным».

Поэтому в разговоре с капитаном «Приключения» Геррис пустил в ход свою самую обворожительную улыбку.

— Отказавших нам трусов я не считал, но в гостинице слышал, будто ты человек отчаянный, готовый за хорошие деньги многим рискнуть.

Контрабандист — именно так отзывались об этом шкипере в «Купеческом доме». «Контрабандист, работорговец, полупират, полусводник — и ваша единственная надежда, возможно», — сказал им хозяин гостиницы.

Капитан потер большим пальцем указательный.

— И сколько же золота ты готов мне отсыпать?

— Втрое против обычной платы до залива Работорговцев.

— За каждого? — То, что задумывалось как улыбка, придало узкому лицу капитана хищный

вид. — Что ж, пожалуй. Я посмелей других, это верно. Когда хотите отплыть?

— Да хоть бы и завтра.

— Идет. Будь здесь до рассвета с друзьями и бочками. Отчалим, пока город еще не проснулся, чтобы ненужных вопросов не задавали.

— Понял и буду в срок.

— Рад помочь. — Улыбка капитана сделалась шире. — Мы с тобой поладим, не так ли?

— Уверен, что да.

Капитан велел подать эля, и они с Геррисом выпили за успешное плавание.

— Не шкипер, а чистый мед, — сказал Геррис, идя с Квентином по пирсу к нанятому ими хатаю. Жаркий воздух был тяжел, солнце светило так, что приходилось щуриться.

— Как и весь этот город. — Да… такая сладость, что зубы ломит. Свеклу, растущую здесь в изобилии, суют всюду. Любимое блюдо Воланти-са — холодный свекольник, густой и опять-таки сладкий, вина у них и те приторные. — Боюсь только, что путешествие наше будет коротким. Ни в какой Миэрин нас медовый шкипер не по-везет. Сдерет тройную плату, а как только суша скроется из виду, перережет нам глотки и заберет остальное золото.

— Или прикует нас к веслу рядом с бедолагами, которые так славно пахнут. Надо бы поискать кого-нибудь покислее.

Хатай ждал их. От вестеросских воловьих повозок он отличался только резьбой, и везли его не волы, а карликовая слониха цвета грязного снега — отнюдь не редкость на улицах Старого Волантиса.

Квентин предпочел бы пройтись, но до гостиницы было несколько миль. Кроме того, хозяин «Купеческого дома» предупреждал, чтобы они не ходили пешком: это уронит их в глазах мореходов, а также и волантинцев. Порядочные люди здесь передвигаются либо в носилках, либо в хатаях… Родственник хозяина как раз владел несколькими такими экипажами и мог предоставить один постояльцам.

Возница, один из рабов этого родственника, носил на щеке татуировку колеса и был одет в сандалии и набедренную повязку. Кожа как тиковое дерево, глаза как осколки кремня. Усадив господ на мягкое сиденье между двумя громадными деревянными колесами, он взобрался на спину слонихе.

— В «Купеческий дом», — сказал ему Квентин, — только езжай вдоль берега. — Вдали от

морского бриза человек рисковал утонуть в собственном поту, по крайней мере на этом берегу Ройна.

Возница крикнул что-то слонихе, и та тронулась с места, качая хоботом. Кучер орал на рабов и моряков, требуя убраться с дороги. Отличить одних от других не составляло труда. У всех рабов на лицах татуировки: синие перья, молния во всю щеку, монета, леопардовые пятна, череп, кувшин. Мейстер Кеддери говорил, что на каждого свободного человека в Волантисе приходится пять рабов, но проверить это на личном опыте не успел: он погиб в то утро, когда на «Жаворонка» напали пираты.

Квентин тогда потерял еще двух друзей — бесстрашного веснушчатого копейщика Вильяма Веллса и Клотуса Айронвуда. Ближе Клотуса у него не было никого. Брат во всем, кроме крови, красавец, несмотря на незрячий глаз, и большой весельчак. «Поцелуй от меня свою невесту», — прошептал он, прежде чем умереть.

Корсары нагрянули перед рассветом, когда «Жаворонок» стоял на якоре у Спорных Земель, — моряки отбились, потеряв двенадцать человек из команды. С убитых пиратов сняли сапоги, оружие, серьги, кольца и кошельки. Один был

такой толстый, что перстни не снимались, и кок отрубил ему пальцы мясным тесаком. В море его спихивали втроем; остальные пираты отправились следом без всяких церемоний.

Со своими павшими обошлись уважительнее. Их зашили в парусину и привязали к ногам балласт, чтобы они сразу пошли на дно. Капитан, собрав всех на молитву, обратился к дорнийцам — их осталось трое из шести человек, взошедших на борт в Дощатом городе; даже большой детина, весь зеленый, ради такого случая вылез из трюма. «Скажите пару слов вашим людям, прежде чем мы отдадим их морю». Это сделал Геррис, привирая на каждом слове — выдавать, кто они и куда едут, было никак нельзя.

Не думали они, отправляясь в путь, что с ними может случиться нечто подобное. «Будет о чем внукам рассказывать», — сказал Клотус, когда они выехали из замка его отца. «Скорей уж девкам в тавернах, чтоб юбки охотнее задирали», — скорчил гримасу Вилл. Клотус хлопнул его по спине. «Для внуков надо сперва детей завести, а этого, не задирая юбок, не сделаешь». После, в Дощатом городе, они пили за будущую невесту Квентина, отпускали соленые шуточки насчет первой ночи, толковали о будущих славных по-

двигах — а кончилось это парусиновым саваном с балластом у ног.

Квентин скорбел по Виллу и Клотусу, но мейстера им недоставало больше всего. Кеддери владел языками всех Вольных Городов, даже диалектом гискарского, распространенном в заливе Работорговцев. «Мейстер Кеддери едет с вами, — сказал отец в их прощальный вечер. — Прислушивайся к его советам: он полжизни посвятил изучению Девяти Городов». Будь он сейчас с ними, им, возможно, пришлось бы не так тяжело.

— Мать бы родную продал за дуновение с моря, — сказал Геррис под грохот колес. — Влажно, как у Девы в щели, — и это еще до полудня. Ненавижу Волантис.

Квентин полностью разделял это чувство. Влажная жара Волантиса лишала его сил, и он все время ощущал себя грязным. Хуже всего было знание, что ночь тоже не принесет облегчения. На горных лугах в северных поместьях лорда Айронвуда вечера всегда свежи, как бы жарко ни было днем, а здесь…

— Завтра «Богиня» идет в Новый Гис, — напомнил Геррис. — Все-таки ближе к цели.

— Новый Гис — остров, и порт там куда меньше этого. Ближе-то ближе, но есть опасность застрять

окончательно. Кроме того, они заключили союз с Юнкаем. — Квентина эта новость не удивила: и Юнкай, и Новый Гис — гискарские города. — Если и Волантис примкнет к ним…

— Надо найти вестеросский корабль, — сказал Геррис. — Торговца из Ланниспорта или Староместа.

— Немногие из них заходят так далеко. Да и эти немногие, набив трюмы шелком и пряностями с Яшмового моря, сразу гребут домой.

— Может, тогда браавосский? Пурпурные паруса видят и в Асшае, и на островах Яшмового моря.

— Браавосцы происходят от беглых рабов и в залив Работорговцев не ходят.

— Нашего золота хватит, чтобы купить корабль.

— А кто его поведет? Мы с тобой? — С тех пор, как Нимерия сожгла десять тысяч своих кораблей, дорнийцы никогда не славились как мореплаватели. — Море близ Валирии опасно и просто кишит пиратами.

— Да, пиратов с меня уже хватит. Уговорил: покупать не станем.

«Для него это так и осталось игрой, — понял Квентин. — Как в те дни, когда он повел нас ше-

стерых в горы на поиски старого логова Короля Стервятников». Думать, что они могут потерпеть неудачу, а уж тем более умереть, не в натуре Герриса Дринквотера. Даже гибель троих друзей не отрезвила его. Осторожничать и размышлять он предоставляет Квентину.

— Возможно, наш здоровяк прав, — добавил Геррис. — Плюнем на море и двинемся дальше сушей.

— Ты же знаешь, почему он так говорит: ему легче умереть, чем снова сесть на корабль. — В Лиссе здоровяк четыре дня отходил после морской болезни. Мейстер Кеддери уложил его в гостинице на перину и пичкал бульоном с целебными зельями, пока тот не начал розоветь понемногу.

Это правда, в Миэрин можно ехать и сушей. Здесь пролегает много валирийских дорог. Их называют драконьими, но та, что ведет из Волантиса на восток, заслужила более зловещее имя: дорога демонов.

— Дорога демонов тоже опасна, и ехать по ней слишком долго. Тайвин Ланнистер подошлет к королеве своих убийц, как только узнает, где она обретается. Если они доберутся туда раньше нас…

— Будем надеяться, ее драконы учуют их и сожрут. Корабль найти не удается, сушей ты ехать не хочешь — можем с тем же успехом вернуться обратно в Дорн.

Приползти в Солнечное Копье побежденным, с поджатым хвостом? Отцовского разочарования и сокрушительного презрения песчаных змеек Квентин просто не вынесет. Доран Мартелл вручил ему судьбу Дорна — он не подведет отца, пока жив.

Воздух колебался от зноя, придавая гавани с ее складами, лавками и причалами сказочный вид. Здесь продается все, что душа пожелает: свежие устрицы, кандалы, фигурки кайвассы из кости и черного дерева. Храмы, где моряки приносят жертвы своим чужестранным богам, чередуются с перинными домами, где женщины зазывают мужчин с балконов.

— Глянь-ка на эту, — показал Геррис. — Мне сдается, она влюбилась в тебя.

Сколько может стоить такая любовь? Перед девушками, в особенности хорошенькими, Квентин, сказать по правде, робел.

Впервые приехав в Айронвуд, он влюбился по уши в Инис, старшую дочь лорда. Не говоря ни слова о своих чувствах, он годами мечтал о ней,

пока ее не выдали за Раэна Аллириона, наследника Дара Богов. При их последней встрече один сын держался за ее юбку, а другой, грудной, лежал у нее на руках.

После Инис настал черед двойняшек Дринквотер. Этим смуглянкам нравилось охотиться, лазить по скалам и вгонять Квентина в краску. Одна из них — он так и не разобрался, которая — подарила ему первый поцелуй. Для брака с принцем они как дочери простого рыцаря-землевладельца не подходили, но Клотус находил, что целоваться с ними вполне позволительно. «Вот женишься и возьмешь одну в любовницы. Или обеих, почему бы и нет». Квентин, хорошо зная «почему», стал избегать близнецов, и дело ограничилось тем единственным поцелуем.

В последнее время за Квентином стала ходить хвостом младшая из дочерей лорда Андерса. Темные волосы и глаза выделяли умненькую двенадцатилетнюю Гвинет из ее семейства, голубоглазого и белокурого. «Дождись, когда я расцвету, — твердила она, — и тогда мы поженимся».

Этого было еще до того, как принц Доран вызвал Квентина в Водные Сады. Теперь его ждала в Миэрине самая красивая в мире женщина, и он

должен был исполнить свой долг, взяв ее в жены. Она ему не откажет. Дорн нужен ей для завоевания Семи Королевств, а значит, и Квентин нужен. Из этого, однако, еще не следует, что она полюбит его — может, он вовсе ей не понравится.

Там, где река впадала в море, продавали животных: украшенных драгоценностями ящериц, гигантских полосатых змей, обезьянок с розовыми лапками.

— Не хочешь купить обезьянку в подарок своей серебряной королеве?

Квентин понятия не имел, устроит ли Дейенерис такой подарок. Он обещал отцу привезти ее в Дорн, но все больше сомневался, может ли с этим справиться.

Сам бы он никогда напрашиваться не стал.

За широким голубым Ройном виднелась Черная Стена, поставленная валирийцами, когда Волантис был не более чем далекой окраиной их империи: огромный овал из расплавленного камня высотой двести футов. Ширина стены позволяла проехать в ряд шести упряжкам из четырех лошадей, что и делалось ежегодно в день основания города. Иноземцы и вольноотпущенники допускались в огороженное стеной пространство лишь по приглашению тех, кто там

жил — потомков древних валирийских родов.

Движение здесь сделалось более оживленным. Хатай приближался к западному концу Длинного моста, связывающего две половинки города. Улицу запрудили повозки и экипажи, а рабов, выполняющих хозяйские поручения, было что тараканов.

Недалеко от Рыбной площади и «Купеческого дома» на перекрестке послышались крики. Откуда ни возьмись появилась дюжина Безупречных с копьями, в нарядных доспехах и плащах из тигровых шкур: они расчищали дорогу для едущего на слоне триарха. Башенка на спине серого гиганта в позвякивающей эмалевой броне была так высока, что задела за арку, под которой слон проходил.

— Триархам во время их годового правления не разрешается ступать ногами на землю — считается, что они выше этого, — объяснил Геррису Квентин.

— Поэтому они загораживают всю улицу и оставляют за собой кучи навоза. Не пойму, зачем Волантису целых три принца — Дорну и одного хватает.

— Триархи — не короли и не принцы. В Волантисе республиканский строй, как в древней

Валирии. Все свободнорожденные землевладельцы имеют право голоса, даже женщины, если у них есть земля. Триархи выбираются сроком до первого дня нового года из благородных семей, могущих доказать прямое валирийское происхождение. Ты бы сам знал все это, если б потрудился прочитать книгу, которую дал тебе мейстер.

— Она без картинок.

— А карты?

— Карты не в счет. Она подозрительно смахивает на исторический труд — скажи он, что там говорится про слонов с тиграми, я бы, может, и попытался.

На краю Рыбной площади их маленькая слониха задрала хобот и затрубила, как белая гусыня, — ей не хотелось лезть в гущу повозок, паланкинов и пешеходов. Возница толкнул ее пятками, посылая вперед.

Торговцы рыбой, предлагая утренний улов, голосили вовсю. Квентин понимал их с пятого на десятое, но здесь можно было обойтись и без слов: треска, рыба-парус, сардины и бочонки с моллюсками сами за себя говорили. Один лоток украшали связки угрей, над другим висела на железных цепях гигантская черепаха. В чанах

с соленой водой и водорослями скреблись крабы. Тут же рыбу жарили с луком и свеклой, и продавалась в маленьких котелках сильно наперченная уха.

В центре площади под безголовой статуей давно умершего триарха собиралась толпа: какие-то карлики в деревянных доспехах готовились представить потешный турнир. Один сел верхом на собаку, другой вскочил на свинью и тут же свалился, к общему хохоту.

— Давай поглядим, — предложил Геррис. — Посмеяться тебе не повредит, Квент: ты похож на старика, который уже полгода запором мается.

«Какой же я старик, — хотел сказать Квентин. — Мне восемнадцать, я на шесть лет моложе тебя».

— На что мне карлики, если у них корабля нет, — ответил он вслух.

— Может, и есть, только малюсенький.

Четырехэтажный «Купеческий дом» высился над низкими портовыми зданиями. Здесь останавливались торговые люди из Староместа и Королевской Гавани, их конкуренты из Браавоса, Мира и Пентоса, волосатые иббенийцы, бледнолицые квартийцы, черные жители Летних островов в сшитых из перьев плащах и даже

заклинатели теней из Асшая, прячущие лица под масками.

Квентин вылез из хатая. Плиты мостовой были горячими даже сквозь подошвы сапог. В тени гостиницы поставили стол на козлах; над ним развевались белые с голубым вымпелы, и четверо наемников окликали всех проходивших мимо мужчин и мальчишек. Сыны Ветра: им требуется свежее мясо для пополнения рядов перед отплытием в залив Работорговцев. Каждый, кто запишется, станет юнкайским мечом и будет пускать кровь будущей Квентиновой невесте.

Один из Сынов Ветра и ему что-то крикнул.

— Не понимаю по-вашему, — сказал Квентин. Он умел читать и писать на классическом валирийском, но разговорной речью почти не владел, да и волантинское яблочко откатилось далеко от валирийского дерева.

— Вестеросцы? — спросил наемник на общем.

— Дорнийцы. Мой хозяин — виноторговец.

— Ты раб? Иди к нам — будешь сам себе господин. Мы научим тебя обращаться с копьем и мечом. Пойдешь в бой с Принцем-Оборванцем и вернешься богаче лорда. Будут тебе и девочки, и мальчики, что захочешь. Мы, Сыны Ветра, вставляем в зад богине резни!

Двое других наемников затянули военный марш. Квентин улавливал смысл: Сыны Ветра обещали полететь на восток, убить короля-мясника и поиметь королеву драконов.

— Будь с нами Клотус и Вилл, мы прихватили бы здоровяка и перебили бы всю их честную компанию, — сказал Геррис.

Но Клотуса и Вилла нет больше.

— Не обращай внимания, — посоветовал Квентин. Купец и его приказчик вошли в гостиницу под дразнилки наемников, обзывающих их бабами и трусливыми зайцами.

Здоровяк ждал их в комнатах на втором этаже. Капитан «Жаворонка» отзывался об этой гостинице хорошо, но Квентин все-таки опасался оставлять без присмотра золото и другое добро. В каждом порту есть воры — в Волантисе даже поболее, чем в других.

— Я уж собирался идти искать вас, — сказал, отперев засов, сир Арчибальд Айронвуд. Здоровяком его прозвал кузен Клотус, и было за что: шесть с лишком футов росту, широченные плечи, огромное пузо, ноги как древесные стволы, ручищи как окорока, а шеи, считай, вовсе нет. Из-за перенесенной в детстве болезни у него выпали волосы, и голова, совершенно лысая, напомина-

ла Квентину розовый гладкий валун. — Ну как, наняли корыто? Что контрабандист вам сказал?

— Что готов отвезти нас… в ближнее пекло.

Геррис, сев на кровать, стянул сапоги.

— Дорн с каждым часом кажется мне все милее.

— Предлагаю выбрать дорогу демонов, — сказал Арч. — Может, там не так опасно, как говорят. А если опасно, то тем больше нам будет чести. Кто посмеет нас тронуть? У Дринка меч, у меня молот — такого ни один демон не переварит.

— А что, если Дейенерис умрет, не дождавшись нас? — возразил Квентин. — Нет, надо плыть морем. Пойдем на «Приключении», раз ничего лучше нет.

— Сильно же ты любишь свою Дейенерис, раз готов терпеть эту вонь месяцами, — фыркнул Геррис. — Я, к примеру, дня через три начну молить, чтоб меня прирезали. Нет уж, мой принц, только не «Приключение».

— Можешь предложить что-то другое?

— Могу. Вот только сейчас пришло в голову. Тут есть свой риск, и чести мы себе этим не наживем… но к твоей королеве доберемся быстрее, чем по дороге демонов.

— Поделись, — сказал Квентин.

Джон

Он перечитывал письмо, пока слова не начали расплываться. Нет. Не может он подписать это и не подпишет.

Борясь с желанием сжечь пергамент на месте, он допил остатки эля от прошлого ужина. Придется все-таки подписать. Его выбрали лордом-командующим. Он отвечает за Стену и за Дозор, а Дозор ни на чью сторону не становится.

Джон испытал облегчение, когда Скорбный Эдд Толлетт доложил о приходе Лилли. Письмо мейстера Эйемона он на время отложил в сторону.

— Пусть войдет, и найди мне Сэма. — Джон боялся предстоящего разговора. — После нее я поговорю с ним.

— Он, должно быть, внизу, с книгами. Наш старый септон говаривал, что книги — это слова мертвецов, а я скажу, что лучше б они помолчали. Кому охота их слушать. — Эдд вышел, бормоча что-то о пауках и червях.

Лилли, войдя, тут же хлопнулась на колени. Джон встал из-за стола и поднял ее.

— Не надо этого делать, ведь я не король. — Лилли, хотя и успела родить, казалась ему ребен-

ком — худышка, закутанная в старый плащ Сэма. В этой широченной хламиде поместилось бы еще несколько таких девочек. — Как ребятишки?

— Хорошо, милорд, — застенчиво улыбнулась из-под капюшона Лилли. — Я сперва боялась, что у меня молока на двоих не хватит, но они сосут, и оно прибывает.

— Хочу сказать тебе кое-что… не слишком приятное. — Джон чуть не произнес «хочу тебя попросить», но вовремя удержался.

— Про Манса, милорд? Вель умоляла короля его пощадить. Сказала, что пойдет за любого поклонщика и резать его не станет, только бы Манс жил. Небось, Гремучую Рубашку не трогают! Крастер всегда грозился его убить — пусть, мол, только сунется к замку. Манс и половины того не сделал, что он.

«Да… Манс всего лишь хотел захватить страну, которую поклялся оборонять».

— Манс, присягнув Ночному Дозору, сменил плащ, женился на Далле и объявил себя Королем за Стеной. Его жизнь теперь в руках короля Станниса. Мы будем говорить не о нем, а о мальчике — сыне его и Даллы.

— О малыше? — Голос Лилли дрогнул. — Он-то ведь присяги не нарушал. Спит, кричит, грудь со-

сет, никому зла не делает. Не дайте ей его сжечь. Спасите его!

— Только ты одна можешь его спасти, Лилли, — сказал Джон и объяснил как.

Другая на ее месте раскричалась бы, стала ругаться, послала бы его в семь преисподних. Другая била бы его по щекам, лягалась, норовила глаза ему выцарапать. Другая отказала бы наотрез.

— Нет, — пролепетала Лилли. — Прошу вас, не надо так.

— Нет! — заорал ворон.

— Если откажешься, ребенка сожгут. Не завтра, не послезавтра, но скоро… как только Мелисандре захочется пробудить дракона, поднять бурю или сотворить еще какое-то колдовство, для которого потребна королевская кровь. Манс к тому времени станет пеплом, вот она и бросит в огонь его сына, а Станнис ни слова не скажет ей поперек. Если не увезешь мальчика, он погибнет.

— Давайте я увезу их обоих — и Даллиного, и своего. — У Лилли по щекам тихо катились слезы — без свечи Джон нипочем не узнал бы, что она плачет. Жены Крастера, как видно, учили своих дочерей плакать в подушку — или уходить подальше от дома, где отцовский кулак не достанет.

— Если возьмешь обоих, люди королевы погонятся за тобой и вернут назад. Мальчика все равно сожгут, и ты сгоришь вместе с ним. — Нельзя сдаваться, иначе она подумает, что Джона тронули ее слезы. Он должен проявить твердость. — Ты возьмешь одного мальчика: сына Даллы.

— А мой как же? Мать, бросившая сына, будет навеки проклята! Мы так хотели его спасти, Сэм и я. Прошу вас, милорд. Мы так долго несли его по морозу.

— Замерзать, говорят, не больно, а вот огонь… видишь свечку?

— Да… вижу.

— Протяни над ней руку.

Лилли, чьи карие глазища заняли пол-лица, не двинулась с места.

— Ну же. Давай. — «Убей мальчика», — мысленно добавил он.

Она протянула дрожащую руку высоко над огнем.

— Ниже. Ощути его поцелуй.

Лилли опустила руку на дюйм, потом на два. Когда пламя коснулось ее, она отдернула ладонь и расплакалась.

— Смерть в огне — жестокая смерть. Далла умерла, родив сына, но вскармливала его ты. Ты

спасла своего ребенка от холода, спаси ее мальчика от костра.

— Тогда она моего сожжет, красная женщина! Раз Даллиного не будет, она отдаст огню моего.

— В твоем нет королевской крови — Мелисандра ничего не достигнет, предав его пламени. Станнис хочет привлечь вольный народ на свою сторону и не станет жечь невинное дитя без веской причины. С твоим мальчиком ничего не случится. Я найду ему кормилицу и выращу его здесь, в Черном Замке. Он будет ездить верхом, охотиться, научится владеть мечом, топором и луком. Даже грамоту будет знать. — Сэм одобрил бы это. — Когда он подрастет, то узнает, кто его настоящая мать. Захочет найти тебя — вольная ему воля.

— Вы его сделаете вороной. — Лилли утерла слезы маленькой бледной рукой. — Не хочу. Не хочу!

«Убей мальчика», — подумал он.

— Ну так вот тебе мое слово: в тот день, когда сожгут сына Даллы, умрет и твой!

— Умрет, — подтвердил ворон. — Умрет, умрет.

Лилли съежилась, не отрывая глаз от свечи.

— Можешь идти, — сказал Джон. — Будь готова отправиться в путь за час до рассвета, и чтоб

никому ни слова. За тобой придут.

Лилли встала и вышла молча, ни разу не оглянувшись. Джон слышал, как она пробежала по оружейной.

Подойдя закрыть дверь, он увидел, что Призрак, лежа под наковальней, гложет говяжью кость.

— А, вернулся? Давно пора. — Джон снова взялся перечитывать письмо Эйемона.

Вскоре явился Сэмвел Тарли с большой стопкой книг. Ворон Мормонта тут же налетел на него, требуя зерен. Сэм взял пригоршню из мешка у двери, и ворон чуть ладонь ему не проклюнул. Сэм взвыл, ворон взлетел, зерно рассыпалось по полу.

— Эта тварь тебя ранила?

Сэм осторожно снял перчатку с руки.

— Ну да. Вот, кровь идет!

— Мы все проливаем кровь за Дозор. Возьми себе перчатки потолще. — Джон ногой подвинул Сэму стул. — Сядь и прочти.

— Что это?

— Бумажный щит.

Сэм медленно начал читать.

— Письмо королю Томмену?

— В Винтерфелле Томмен сражался с моим братишкой Браном на деревянных мечах. Его

так закутали, что он походил на откормленного гуся, и Бран его повалил. — Джон подошел к окну, распахнул ставни. Небо было серое, но холодный воздух бодрил. — Теперь Брана больше нет, а пухленький розовощекий Томмен сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Сэм посмотрел на него как-то странно и хотел, кажется, что-то сказать, но передумал и снова взялся за чтение.

— Здесь нет твоей подписи.

Джон покачал головой:

— Старый Медведь сто раз просил Железный Трон о помощи. В ответ они прислали ему Яноса Слинта. Никакое письмо не заставит Ланнистеров проникнуться к нам любовью — особенно когда до них дойдет весть, что мы помогли Станнису.

— Мы не поддерживаем его мятежа, мы защищаем Стену, и только. Тут так и сказано.

— Лорд Тайвин может не разглядеть разницы. — Джон забрал у Сэма письмо. — С чего ему помогать нам теперь, если он не делал этого раньше?

— Пойдут разговоры, что Станнис выступил на защиту государства, пока Томмен забавлялся со своими игрушками. Дом Ланнистеров это не

украсит.

— Смерть и разрушение — вот что я хочу принести дому Ланнистеров. Пятна на его репутации мне мало. «Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств, — вслух прочел Джон. — Свою присягу мы приносим государству, которое сейчас находится под угрозой. Станнис Баратеон поддерживает нас против врага, обитающего за Стеной, хотя мы и не его люди…»

— Так мы ведь и правда не его люди, — поерзав, заметил Сэм. — Верно?

— Я дал Станнису кров и пищу. Отдал ему Твердыню Ночи. Согласился поселить часть вольного народа на Даре. Только и всего.

— Лорд Тайвин сочтет, что и этого много.

— Станнис полагает, что недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше он от тебя хочет. Мы идем по ледяному мосту через бездну. Даже одного короля ублажить трудно, а уж двоих едва ли возможно.

— Да, но… если Ланнистеры одержат верх и лорд Тайвин решит, что мы совершили измену, оказав помощь Станнису, Ночному Дозору придет конец. За ним стоят Тиреллы со всей мощью Хайгардена. И он уже победил лорда Станниса однажды, на Черноводной.

— Это всего лишь одно сражение. Робб все свои сражения выигрывал, а голову потерял. Если Станнис сумеет поднять Север…

— У Ланнистеров есть свои северяне, — сказал Сэм, помедлив. — Лорд Болтон и его бастард.

— А у Станниса — Карстарки. Если он заполучит еще и Белую Гавань…

— Если, — подчеркнул Сэм. — Если же нет… то даже бумажный щит лучше, чем совсем никакого.

— Пожалуй. — И Сэм туда же. Джон почему-то надеялся, что его друг рассудит иначе, чем Эйемон. «Э, что там… это всего лишь чернильные каракули на пергаменте». Джон взял перо и поставил подпись. — Давай воск. — Сэм заторопился, боясь, что друг передумает. Джон приложил к воску печать лорда-командующего и вручил письмо Сэму. — Отнеси мейстеру Эйемону, когда будешь уходить, и вели ему послать птицу в Королевскую Гавань.

— Хорошо, — с заметным облегчением сказал Сэм. — Могу я спросить, милорд? Лилли, выходя от тебя, чуть не плакала…

— Вель снова присылала ее просить за Манса, — солгал Джон. Некоторое время они толковали о Мансе, Станнисе и Мелисандре из Асшая. Потом

ворон, склевав последнее зернышко, каркнул «Крровь», а Джон сказал:

— Я отсылаю Лилли из замка. Вместе с сыном. Надо будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

— Можно козьим молоком кормить, пока не найдем. Для ребенка оно лучше коровьего. — Разговор, коснувшийся женской груди, привел Сэма в смущение, и он начал вспоминать о других юных лордах-командующих, живших в незапамятные времена.

— Расскажи лучше что-нибудь полезное. О нашем враге, — прервал его Джон.

— Иные… — Сэм облизнул губы. — Они упоминаются в хрониках, хотя не так часто, как я думал. То есть в тех хрониках, которые я уже просмотрел. Многие еще остались непрочитанными. Старые книги просто разваливаются, страницы крошатся, когда их пытаешься перевернуть. А совсем древние либо уже развалились, либо запрятаны так, что я их пока не нашел… а может, их вовсе нет и не было никогда. Самое старое, что у нас есть, написано после прихода андалов в Вестерос. От Первых Людей остались только руны на камне, поэтому все, что мы якобы знаем о Веке Героев, Рассветных Веках и Долгой Ночи,

пересказано септонами, жившими тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры Цитадели подвергают сомнению всю известную нам древнюю историю. В ней полно королей, правивших сотни лет, и рыцарей, совершавших подвиги за тысячу лет до первого появления рыцарей… ну ты сам знаешь. Брандон Строитель, Симеон Звездный Глаз, Король Ночи. Ты считаешься девятьсот девяносто восьмым командующим Дозора, а в древнейшем списке, который я раскопал, значится шестьсот семьдесят четыре имени — стало быть, его составили…

— Очень давно. Так что же Иные?

— Я нашел упоминание о драконовом стекле. В Век Героев Дети Леса каждый год дарили Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные приходят, когда настают холода, а может, это холода настают, когда приходят они. Иногда они сопутствуют метели и исчезают, когда небеса проясняются. Они прячутся от солнца и являются ночью… или ночь приходит на землю следом за ними. В некоторых сказаниях они ездят верхом на мертвых животных: на медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях — им все равно, лишь бы мертвые были. Тот, что убил Малыша Паула, ехал на мертвом коне, так что это по крайней мере

верно. Порой в текстах встречаются гигантские ледяные пауки — не знаю, что это. Людей, павших в бою с Иными, следует сжигать, иначе мертвые восстанут и будут делать то, что прикажут они.

— Все это мы уже знаем. Вопрос в том, как с ними бороться.

— Большинство обычных клинков бессильно против брони Иных, если верить легендам, а их собственные холодные мечи легко крушат сталь. Но огонь их пугает, а обсидиан может убить. В одном предании о Долгой Ночи говорится, что некий герой убивал Иных мечом из драконовой стали. Против нее они будто бы тоже устоять не могут.

— Драконова сталь? Валирийская?

— Я тоже сразу так и подумал.

— Значит, если я просто уговорю лордов Семи Королевств отдать нам свои валирийские клинки, мир будет спасен? Не так уж и трудно. — «Не труднее, чем уговорить их расстаться с замками и монетой», — с невеселой усмешкой подумал Джон. — Не можешь ли ты сказать, откуда эти Иные взялись и чего им надо?

— Пока еще нет, но я, может быть, просто читал не те книжки. Там есть сотни таких, куда я даже не заглянул. Дай мне время, и я разыщу все, что

только возможно.

— Нет у нас времени. Собирай вещи, Сэм — ты поедешь вместе с Лилли.

— Поеду? — опешил Сэм. — Куда, в Восточный Дозор? Или…

— В Старомест.

— В Старомест! — чуть ли не взвизгнул Сэм.

— Эйемон тоже едет с вами.

— Эйемон? Как же так… ведь ему сто два года! И кто будет ходить за воронами, если мы с ним оба уедем? Лечить больных или раненых?

— Клидас. Он много лет провел рядом с Эйемоном.

— Клидас всего лишь стюард, и зрение у него плохое. Вам нужен мейстер. Притом Эйемон так стар. Путешествие по морю…

— Я понимаю, что это опасно для его жизни, Сэм, но здесь ему оставаться опаснее. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красной женщине для ее чар нужна королевская кровь…

— Ох, — побледнел Сэм.

— В Восточном Дозоре к вам присоединится Дареон. Надеюсь, что его песни помогут вам завоевать кого-нибудь из южан. Если ты все еще намерен выдать ребенка Лилли за своего бастарда, отправь ее в Рогов Холм. Если нет, Эйемон

пристроит ее в Цитадель служанкой.

— Мой б-бастард… Да, мать и сестры помогут Лилли с ребенком, но Дареон может проводить ее до Староместа не хуже, чем я. Я учился стрелять с Ульмером, как ты приказывал, если, конечно, не сидел в подземелье, ведь ты сам велел мне найти что-нибудь про Иных. От лука у меня плечи болят, а на пальцах волдыри появляются. — Сэм показал Джону руку. — Но я все равно стрелял. Теперь я почти всегда попадаю в мишень, хотя и остаюсь худшим стрелком на свете. А вот рассказы Ульмера мне нравится слушать. Кто-нибудь должен собрать их и записать в книгу.

— Вот и займись этим. Пергамент и чернила, думаю, в Цитадели найдутся… как и луки со стрелами. Я хочу, чтобы ты продолжал свое учение, Сэм. В Дозоре сотни людей, способных пустить стрелу, но очень мало таких, кто умеет читать и писать. Я хочу, чтобы ты стал моим новым мейстером.

— Но моя работа здесь… книги…

— Они подождут твоего возвращения.

Сэм поднес руку к горлу.

— Милорд… В Цитадели заставляют резать трупы. И потом, я не смогу носить цепь.

— Ты будешь ее носить. Мейстер Эйемон стар,

слеп, и силы его на исходе. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Маллин из Сумеречной Башни больше воин, чем ученый, мейстер Хармун из Восточного Дозора чаще бывает пьяным, чем трезвым.

— Если ты попросишь у Цитадели еще мейстеров…

— И попрошу. Лишним никто не будет. Заменить Эйемона Таргариена не так-то просто. — Все шло не так, как задумал Джон. Он знал, что с Лилли придется трудно, но предполагал, что Сэм будет только рад сменить холодную Стену на тепло Староместа. — Я был уверен, что тебе это понравится. В Цитадели столько книг, что ни одному человеку за всю жизнь не прочесть. Тебе там хорошо будет, Сэм. Я знаю.

— Нет. Читать я люблю, но мейстер должен был целителем, а я крови боюсь. — В подтверждение Сэм показал Джону свою дрожащую руку. — Я Сэм Боязливый, а не Сэм Смертоносный.

— Ну чего тебе там бояться? Что старики-наставники тебя пожурят? Ты выдержал на Кулаке атаку упырей, Сэм, атаку оживших мертвецов с черными руками и ярко-синими глазами. Ты убил Иного!

— Его д-драконово стекло убило, не я.

— Успокойся, — отрезал Джон. Страхи толстяка после разговора с Лилли вызывали у него злость. — Ты врал и строил козни, чтобы сделать меня лордом-командующим, так что теперь изволь меня слушаться. Ты поедешь в Цитадель, выкуешь свою цепь, и если для этого понадобится резать трупы, ты будешь их резать. Старомест-ские мертвецы возражать по крайней мере не станут.

— Ты не понимаешь. М-мой отец, лорд Рендилл, он, он… Мейстер всю жизнь обязан *служить*. Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. Я не могу ослушаться своего отца, Джон.

«Убей мальчика, — мысленно сказал Джон. — И в нем, и в себе. Убей обоих, чертов бастард».

— Нет у тебя отца. Только братья. Только мы. Поэтому ступай уложи в мешок свои подштанники и прочее, что захочешь взять в Старомест. Вы отправитесь в путь за час до рассвета. Вот тебе еще приказ: не смей с этого дня больше называть себя трусом. За прошлый год ты пережил такое, что другой за всю жизнь не испытает. Ты должен явиться в Цитадель как брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть храбрым, но приказать

не показывать своего страха могу. Ты дал присягу, Сэм, — помнишь?

— Я… я попробую.

— Никаких проб. Ты выполнишь приказ, вот и все.

— Прриказ, — подтвердил ворон Мормонта, захлопав черными крыльями, и Сэм как-то сразу обмяк.

— Слушаюсь, милорд. А мейстер Эйемон уже знает?

— Мы с ним задумали это вместе. — Джон открыл перед Сэмом дверь. — Здесь прощаться не будем. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше. За час до рассвета у кладбища.

Сэм улетучился, не уступая в быстроте Лилли.

Джон устал и хотел спать. Половину минувшей ночи он сидел над картами, писал письма и строил планы вместе с мейстером Эйемоном. Даже когда он улегся наконец на свою узкую койку, сон пришел далеко не сразу. Зная, что ему предстоит сегодня, Джон все время вспоминал то, что напоследок сказал ему Эйемон.

«Позвольте дать вам последний совет, милорд. Тот самый, который я дал своему брату, расставаясь с ним навсегда. Ему было тридцать три, когда Великий Совет избрал его королем.

Он имел уже собственных сыновей, но в чем-то еще оставался мальчиком, невинным и очень добрым. Мы все любили его за это. «Убей в себе мальчика, — сказал я, садясь на идущий к Стене корабль. — Государством должен править мужчина — Эйегон, а не Эг. Убей мальчика и дай мужчине родиться». — Старик ощупал лицо Джона. — Тебе вполовину меньше, чем было Эгу тогда, и ноша твоя, боюсь, еще тяжелее. Твоя должность не принесет тебе радости, но я верю, что ты найдешь в себе силы сделать то, что должно быть сделано. Убей мальчика, Джон Сноу. Зима вот-вот настанет. Убей мальчика и дай мужчине родиться».

Джон надел плащ и начал свой ежедневный обход. Он расспрашивал часовых, получая сведения из первых рук, заходил на стрельбище к Ульмеру, толковал с людьми короля и людьми королевы, поднимался на Стену, оглядывал лес. Призрак трусил рядом, как белая тень.

Стену караулил Кедж Белоглазый, прослуживший в Дозоре тридцать из своих сорока с лишним лет. Один глаз у него был слепой, другой смотрел злобно. В глуши, верхом на пони и с топором в руке, он был ничуть не хуже других разведчиков, но с людьми ладил плохо.

— Все спокойно, — сказал он Джону. — Докладывать не о чем, кроме заплутавших разведчиков.

— Заплутавших? Как это?

Кедж ухмыльнулся.

— Двое рыцарей час назад выехали на юг по Королевскому тракту. Ну Дайвин и сказал: дураки, мол, не в ту сторону едут.

— Понятно, — сказал Джон и пошел к самому Дайвину. Старый лесовик ел ячменную похлебку в казарме.

— Точно, милорд. Хорп и Масси. Говорят, их Станнис послал, а куда, зачем и когда вернутся — молчок.

Сир Ричард Хорп и сир Джастин Масси — люди королевы и советники короля. Если бы Станнис хотел послать кого-то в разведку, вполне хватило бы вольных всадников; рыцари могут быть скорее гонцами или послами. Коттер Пайк из Восточного Дозора прислал известие, что Луковый Лорд и Салладор Саан отплыли в Белую Гавань на переговоры с лордом Мандерли, — ничего удивительного, если Станнис отправил куда-то других послов. Его величество не из числа терпеливых.

Вернутся ли эти заплутавшие, вот вопрос. Они, конечно, рыцари, но Север им незнаком. Вдоль Королевского тракта много глаз, и не все они дру-

жеские. Джона, впрочем, это не касается. Пусть Станнис секретничает — Джон, видят боги, тоже не без греха.

Призрак этой ночью спал у него в ногах, и Джон в кои веки не приснился себе в шкуре волка, но кошмар ему все же привиделся. Лилли, рыдая, умоляла не трогать ее детей, но он выхватил у нее младенцев, обезглавил, поменял головы местами и велел ей пришить их обратно.

Когда он проснулся, над ним высился Скорбный Эдд.

— Пора, милорд. Час волка. Вы наказывали вас разбудить.

Джон откинул одеяло.

— Принеси горячего что-нибудь.

Он успел одеться к возвращению Эдда с дымящейся чашкой. Ожидая подогретого вина, Джон с удивлением глотнул жидкий бульон с запахом морковки и лука-порея при отсутствии того и другого. В волчьих снах он ощущал запах и вкус гораздо сильнее: Призрак жил более полной жизнью. Пустую чашку Джон оставил на горне в кузнице.

У двери нес караул Кегс.

— Приведи ко мне Бедвика и Яноса Слинта, как рассветет, — сказал ему Джон.

Мир за дверью был темен и тих. Мороз пока еще не грозил смертью: когда взойдет солнце, станет теплей, и Стена по милости богов начнет плакать. Отъезжающие уже собрались у кладбища. Конвоем из дюжины конных разведчиков командовал Черный Джек Бульвер. В одной тележке лежали сундуки и мешки с припасами на дорогу, в другой, с верхом из вареной кожи, сидел мейстер Эйемон — его укутали в медвежий мех, как ребенка. Лилли с красными опухшими глазами стояла рядом с Сэмом, держа на руках мальчика, укутанного не менее тщательно — поди разбери, ее это сын или Даллы. Джон всего несколько раз видел их вместе: сын Лилли постарше, сын Даллы покрепче, но посторонний глаз все равно не отличит одного от другого.

— Лорд Сноу, — окликнул мейстер, — у себя в комнатах я оставил для вас одну книгу, «Яшмовый ларец». Ее автор, волантинский путешественник Коллоквий Вотар, посетил все страны на берегах Яшмового моря. Я велел Клидасу заложить место, которое может показаться вам интересным.

— Непременно прочту, — пообещал Джон.

Мейстер вытер прохудившийся на холоде нос.

— Знание — наше оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем выступать на битву.

— Хорошо. — Ощутив щекой холодное мокрое прикосновение, Джон поднял глаза. Снег пошел — дурной знак. — Поезжайте как можно быстрее, — сказал он Черному Джеку, — но без толку не рискуйте. У вас на попечении младенец и старец — присмотри, чтобы они были в тепле и ели досыта.

— И о другом малыше позаботьтесь, милорд. — Лилли не спешила садиться в повозку. — Найдите ему кормилицу, как обещали. Найдите хорошую женщину, чтобы мальчик Даллы… маленький принц… вырос большим и сильным.

— Даю слово.

— И смотрите не давайте ему имени, пока два годочка не минует. Дурная это примета — нарекать их, пока они еще грудь сосут. Вы, вороны, можете не знать этого, но это чистая правда.

— Как скажете, госпожа моя.

— Не называйте меня так. Никакая я не госпожа. Я дочь Крастера, жена Крастера — и мать. — Вручив ребенка Скорбному Эдду, Лилли села в тележку, укрылась полостью, дала мальчику грудь. Сэм, покраснев, отвернулся и сел на свою кобылу.

— Тронулись, — скомандовал Бульвер, щелкнув кнутом. Тележки покатились по тракту.

— Прощайте, — сказал Сэм провожающим.

— Счастливо, Сэм, — откликнулся Скорбный Эдд. — Надеюсь, ваш корабль не потонет. Кабы я был на борту, другое дело.

— Первый раз я увидел Лилли у стены Замка Крастера, — вспомнил Джон, — худышку с большим животом. Призрак накинулся на ее кроликов — я думал, она боится, что он вспорет ей живот и сожрет младенца. Но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

— У нее больше мужества, чем она полагает, — ответил Сэм.

— У тебя тоже. Счастливого тебе пути, Сэм. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке. — Тающие на лице снежинки напомнили Джону о прощании с Роббом в Винтерфелле — он не знал тогда, что больше они не увидятся. — И надень капюшон. Ты весь поседел от снега.

Когда маленькая колонна скрылась из виду, восточный небосклон совсем почернел, и снег повалил хлопьями.

— Великан ждет милорда, — напомнил Эдд. — И Янос Слинт тоже.

— Иду. — Джон посмотрел на ледовую громаду Стены. Сто лиг в длину, семьсот футов в вышину. В высоте ее сила, в протяженности — слабость.

Отец сказал когда-то, что Стена опирается на людей, которые ее защищают. Храбрости Ночному Дозору не занимать, но слишком их мало для стоящей перед ними задачи.

Великан ждал в оружейной. По-настоящему его звали Бедвик, и ростом он был меньше всех в Дозоре.

— Нам нужно побольше глаз вдоль Стены, — сразу приступил к делу Джон. — Побольше замков, где патрульные смогут погреться, поесть горячего и сменить лошадей. Будешь командовать гарнизоном в Ледовом Пороге.

Великан выковырнул воск из уха.

— Кто, я? Милорд не забыл часом, что я из крестьян и на Стену за браконьерство попал?

— Ты в разведчиках больше десяти лет. Выжил на Кулаке Первых Людей и вернулся назад с докладом о том, что произошло в Замке Крастера. Молодежь на тебя равняется.

— Разве что карлики, — засмеялся Бедвик. — Я и читать не умею, милорд, — имя свое, правда, могу написать.

— Я уже послал в Старомест за мейстерами. Для срочных случаев у тебя будут два ворона, а если дело терпит, пришлешь гонца. Я намерен поставить сигнальные маяки вдоль Стены, пока

мы не разживемся мейстерами и птицами.

— И сколько же несчастных парней будет у меня под началом?

— Двадцать дозорных, десять людей Станниса. — «Раненые, старики и юнцы», — добавил мысленно Джон. — Не лучшие из королевских рядов, и черное они не будут носить, но Станнис им велит тебя слушаться. Хоть маленькая, да польза. Четверо братьев, которых я тебе дам, приехали из Королевской Гавани с лордом Слинтом. Следи за ними одним глазком, а другим высматривай скалолазов с той стороны.

— Последить-то можно, милорд, но если на Стену заберется много народу, тридцать человек их не скинут.

«Может, и триста не скинут», — подумал Джон, но вслух этого не сказал. Скалолазы уязвимее всего, пока лезут. Сверху на них бросают камни, копья и горшки с кипящей смолой, а они только и могут что цепляться за лед. Порой кажется, будто сама Стена их стряхивает с себя, точно собака блох. Джон своими глазами видел, как треснула она под Ярлом, возлюбленным Вель.

Но если одичалые взберутся на Стену необнаруженными, все будет совсем по-другому. Укрепившись наверху, они спустят вниз веревки

и лестницы для тысяч своих собратьев. Именно так поступил Реймун Рыжебородый, бывший Королем за Стеной во времена прапрадеда Джона. Лордом-командующим тогда был Джек Масгуд — до нашествия одичалых Джек-Весельчак, а после на все времена Джек-Засоня. Войско Реймуна нашло свой кровавый конец на берегах Длинного озера, зажатое между лордом Виллемом из Винтерфелла с одной стороны, и Хармондом Амбером, Пьяным Гигантом, с другой. Самого Реймуна убил Артос Неумолимый, младший брат обезглавленного в бою лорда Виллема. В гневе и горе он приказал людям Ночного Дозора, опоздавшим на поле сражения, похоронить всех убитых.

Джон не хотел остаться в веках как Сноу-Засоня.

— Лучше тридцать, чем совсем никого, — заметил он Бедвику.

— Это верно. Милорд только в Ледовый форт пошлет гарнизон или в другие тоже?

— Я намерен со временем заселить все, но пока что отправлю людей только в Ледовый Порог и Серый Дозор.

— Кто будет в Сером командовать?

— Янос Слинт. — «Да помогут нам боги». — Полного дурака начальником городской стражи не

поставили бы. Слинт хоть и родился от мясника, стал капитаном Железных ворот, а после смерти Манли Стокворта Джон Аррен доверил ему защиту всей Королевской Гавани. — «К тому же его надо убрать подальше от Аллисера Торне».

— Может, оно и так, но я бы его лучше на кухню наладил — резать репу Трехпалому Хоббу.

Джон побоялся бы есть эту репу.

Лорд Янос на зов командующего отнюдь не спешил. Прошла уже половина утра, и Джон чистил Длинный Коготь. Другой на месте Джона поручил бы эту работу стюарду или оруженосцу, но лорд Эддард учил своих сыновей заботливо относиться к оружию. Когда Эдд и Кегс привели к нему Слинта, он поблагодарил их и предложил лорду сесть.

Тот скрестил руки и нахмурил чело, невзирая на обнаженный меч в руках лорда-командующего. Джон, водя масляной тряпицей по играющему при свете утра мечу, думал, как легко было бы отделить безобразную голову Слинта от туловища. Человек, надевая черное, очищается от всех своих преступлений и отрекается от всех прежних союзников, но Джону трудно было смотреть на Яноса как на брата. Их разделяла кровь. Слинт приложил руку к смерти лорда Эддарда и чуть

было не расправился с самим Джоном.

— Лорд Янос, — Джон убрал меч в ножны, — я назначаю вас командующим форта Серый Дозор.

— Серый Дозор? — удивился Слинт. — Это там вы перебрались со своими одичалыми через Стену…

— Именно. Крепость в плачевном состоянии, не стану скрывать — вам предстоит восстановить ее по возможности. Начните с вырубки леса. Берите камни из построек, которые совсем развалились, и чините те, что еще стоят. — «Это тяжелый труд, — мог бы добавить Джон. — Будешь засыпать прямо на камне, слишком устав для жалоб и козней; забудешь, что такое тепло, но вспомнишь, быть может, что значит быть мужчиной». — В гарнизоне у вас будет тридцать человек — десять от меня, десять из Сумеречной Башни, десять от короля Станниса.

Слинт потемнел, как чернослив, и затряс мясистыми брылами.

— Думаешь, я не вижу, что ты задумал? Яноса Слинта не проведешь. Я охранял Королевскую Гавань, когда ты еще пеленки марал. Оставь свои руины себе, бастард.

«Я всего лишь хотел оказать тебе милость, — подумал Джон. — Мой отец от тебя ее не дождал-

ся».

— Вы неверно меня поняли. Это не предложение, милорд, это приказ. До Серого Дозора сорок лиг. Собирайте оружие и доспехи, прощайтесь с друзьями и будьте готовы отбыть туда завтра, как рассветет.

— Так я тебе и пошел подыхать на морозе. — Янос вскочил, перевернув стул. — Не станет Янос Слинт повиноваться ублюдку изменника! Да, у меня есть друзья — как в Королевской Гавани, так и здесь. Я лорд Харренхолла! Отдай свои развалины кому-нибудь из тех дураков, кто голосовал за тебя, а мне их даром не надо. Слышишь, мальчишка? Я туда не пойду!

— Нет, пойдете.

Слинт, не удостоив его ответом, пнул опрокинутый стул и вышел.

«Он все еще видит во мне мальчишку, — сказал себе Джон. — Ребенка, который уймется, если на него накричать. Остается лишь надеяться, что на следующее утро лорд Янос придет в себя».

Утром выяснилось, что надеялся Джон напрасно.

Слинт завтракал с Аллисером Торне и своими подлипалами. Они смеялись над чем-то, когда Джон сошел в трапезную с Железным Эмметом

и Скорбным Эддом. Следом шли Малли, Конь, Рыжий Джек Крэб, Расти Флауэрс и Оуэн Олух. Трехпалый Хобб разливал из котла овсянку. Люди королевы, люди короля и черные братья сидели отдельно. Одни ели кашу, другие набивали животы ветчиной и поджаренным хлебом. За одним столом Джон заметил Пипа и Гренна, за другим Боуэна Мурша. Пахло дымом и жиром, ножи и ложки стучали вовсю.

При появлении Джона все разом умолкли.

— Лорд Янос, — сказал он, — говорю вам в последний раз: отложите ложку и ступайте на конюшню. Я уже велел оседлать вам коня. Путь в Серый Дозор труден и долог.

— Вот и отправляйся туда, мальчуган, — захихикал Слинт, брызгая овсянкой на грудь. — Серый Дозор для таких, как ты, самое место: подальше от порядочных богобоязненных людей. На тебе клеймо зверя, бастард.

— Вы отказываетесь подчиниться приказу?

— Засунь свой приказ в свою бастардову задницу, — посоветовал Слинт, тряся брылами.

Аллисер Торне улыбнулся углами губ, не сводя черных глаз с Джона. За другим столом ржал Годри Победитель Великанов.

— Воля ваша. — Джон кивнул Железному Эм-

мету. — Отведите лорда Слинта к Стене…

«…И заключите его в ледяную камеру», — мог бы сказать Джон. Неделя во льду усмирит Слинта как нельзя лучше — но, выйдя оттуда, он тут же снова начнет злоумышлять вместе с Торне.

«…И привяжите его к седлу», — мог бы сказать Джон. Не хочет ехать в Серый Дозор командиром, пусть едет в качестве повара. Но вскоре он дезертирует — и скольких еще уведет с собой?

— …И повесьте его, — сказал Джон.

Слинт, побелев, выронил ложку. Эдд и Эммет двинулись к нему, звонко шагая по камню. Боуэн Мурш открыл рот и снова закрыл. Сир Аллисер Торне взялся за меч. «Давай, — подумал Джон. — Доставай. Дай мне случай обнажить свой».

Многие поднялись из-за столов — как южане, так и люди Ночного Дозора. Одни братья голосовали за Джона, другие — за Боуэна Мурша, сира Денниса Маллистера, Коттера Пайка… и Яноса Слинта. Последних, насколько Джон помнил, было несколько сотен — многие ли из них сейчас здесь? Все балансировало на острие клинка.

Аллисер Торне убрал руку и посторонился, пропустив Эдда.

Эдд и Эммет, взяв Слинта под локти, подняли его со скамьи.

— А ну отпустите! — возмущался, брызгая овсянкой, лорд Янос. — Он всего лишь мальчишка, бастард, сын изменника. На нем волчье клеймо. Руки прочь! Вы пожалеете, что осмелились тронуть Яноса Слинта. У меня друзья в Королевской Гавани, предупреждаю… — Он не умолкал ни на миг, пока его волокли вверх по ступеням.

Джон вышел следом, остальные тоже повалили наружу. У клети Слинту удалось вырваться, но Эммет взял его за горло и стукнул несколько раз о железные прутья. Вокруг уже собрался весь Черный Замок. Вель смотрела в окно, перекинув золотую косу через плечо, Станнис в окружении рыцарей стоял на крыльце Королевской башни.

— Мальчишка ошибается, думая, что может меня напугать, — клокотал Слинт. — Он не посмеет меня повесить. У меня есть могущественные друзья… — Остаток его слов унес ветер.

«Нет, — подумал Джон. — Это неправильно».

— Стойте!

— Милорд? — оглянувшись на него, нахмурился Эммет.

— Не стану я его вешать. Ведите его сюда.

— Смилуйтесь, Семеро, — вырвалось у Боуэна Мурша.

Улыбка Яноса Слинта напоминала прогорклое

масло.

— Эдд, раздобудь мне плаху, — сказал Джон, вынув Длинный Коготь из ножен.

Увидев, как несут мясную колоду, Янос залез в клеть, но Эммет его мигом вытащил.

— Нет! — кричал Слинт. — Отпусти… вы все поплатитесь, когда Тайвин Ланнистер услышит об этом…

Эммет поставил его на колени у плахи, Эдд уперся ему в спину ногой.

— Ведите себя смирно, — сказал Джон. — Вы все равно умрете, только мучиться дольше будете. Положите голову как следует. — Высоко занесенный меч сверкнул на бледном утреннем солнце. — Если хотите что-то сказать, теперь самое время.

Он ожидал проклятий, но Слинт залепетал, глядя ему в глаза:

— Умоляю, милорд… Пощадите. Я согласен, согласен…

«Поздно», — подумал Джон, и меч опустился.

— Можно мне его сапоги взять? — спросил Оуэн Олух, когда голова Слинта упала в грязь. — Новые почти, на меху.

Джон на миг встретился глазами со Станнисом. Король кивнул и ушел в свою башню.

Тирион

Он проснулся в одиночестве. Носилки стояли, на подушках остался отпечаток тела Иллирио. В пересохшем горле саднило. Ему что-то снилось, но он забыл что.

Снаружи переговаривались на незнакомом ему языке. Тирион спустил ноги, спрыгнул. Над Иллирио возвышались два всадника в кожаных рубашках и плащах из темно-коричневой шерсти. Их мечи оставались в ножнах, и толстяку, похоже, ничего не грозило.

— Я по нужде. — Тирион сошел с дороги, развязал бриджи и стал поливать колючий кустарник. Продолжалось это довольно долго.

— Ну, ссать он мастер, во всяком разе, — заметил кто-то.

— Это что, — сказал Тирион, завязывая тесемки, — видели бы, как я сру. Ты знаешь этих двоих, магистр? На разбойников смахивают. Может, топор достать?

— Топор? — повторил дюжий ярко-рыжий всадник с растрепанной бородой. — Слыхал, Хелдон? Человечек хочет сразиться с нами!

Второй был постарше, с чисто выбритым аске-

тическим лицом и стянутыми в хвост волосами.

— Маленькие люди часто хвастаются, чтобы придать себе мужества, — сказал он. — Утку он, думаю, не убьет.

— Подавайте сюда утку — увидите.

— Как скажешь. — Тот, что постарше, посмотрел на своего спутника, и рыжий, обнажив меч, сказал:

— Я и есть Утка, болтун писучий.

«Боги!»

— Предпочел бы утку поменьше.

— Слыхал, Хелдон? — заржал рыжий. — Поменьше бы предпочел!

— Он поменьше, а я потише. — Хелдон, оглядев Тириона холодными серыми глазами, спросил Иллирио: — Для нас есть что-нибудь?

— Сундуки и мулы, которые их повезут.

— Мулы слишком медленно тащатся. У нас лошади, перенесем сундуки на них. Займись, Утка.

— Вечно Утка. — Рыжий спрятал меч в ножны. — Кто тут рыцарь, ты или я? — Высказав свое недовольство, он зашагал к мулам.

— Как наш парень? — спросил Иллирио. Дубовые, окованные железом сундуки Утка таскал, взваливая их себе на плечо. Тирион насчитал шесть штук.

— С Грифа вымахал. На днях кинул Утку в поилку для лошадей.

— Ничего он не кинул. Я сам упал, чтоб его насмешить.

— Твоя шутка имела успех — я тоже смеялся.

— В одном из сундуков для него есть подарок, засахаренный имбирь. Мальчик его любит, — с непонятной Тириону грустью сказал Иллирио. — Поеду, пожалуй, с вами до Гойан Дроэ — устроим прощальный пир.

— Недосуг пировать, милорд. Грифф отправится вниз, как только дождется нас. Снизу идут недобрые вести. У Кинжального озера замечены дотракийцы из кхаласара старого Мото, а следом, через Квохорский лес, движется Зекко.

Толстяк изобразил неприличный звук.

— Зекко каждые три года навещает Квохор. Там ему дают мешок золота, и он поворачивает обратно. А у Мото почти нет воинов моложе его самого — их с каждым годом все меньше. Угроза не в них…

— …а в Поно, — закончил Хелдон. — Мото и Зекко, если слухи правдивы, бегут как раз от него. В последний раз Поно видели у истоков Селхору с тридцатитысячным кхаласаром, вот Грифф и опасается, как бы кхал его не застукал на переправе.

Твой карлик ездит верхом не хуже, чем ссыт?

— Ездит, — ответил Тирион, — но в особом седле и на лошади, которую хорошо знает. Говорить он тоже умеет.

— Ну-ну. Я Хелдон, целитель в нашем маленьком братстве. Иногда меня зовут Полумейстером. А мой напарник — сир Утка.

— Сир Ройли, — поправил рыжий. — Ройли Уткелл. Рыцарь может посвятить в рыцари кого хочет — Грифф посвятил меня. А ты, карлик, кто?

— Его зовут Йолло, — быстро ответил Иллирио.

Йолло? В самый раз для обезьянки. Хуже того, имя пентосское, хотя всякому дураку видно, что Тирион вовсе не пентошиец.

— Это в Пентосе я так называюсь, — сказал он, предупреждая возможные замечания. — Мать нарекла меня Хугор Хилл.

— Так кто ж ты, бастард или царь?

С этим Хелдоном Полумейстером ухо надо держать востро.

— Всякий карлик — бастард в глазах своего отца.

— Не сомневаюсь. Ответь-ка мне, Хугор Хилл: как Сервин Зеркальный Щит победил дракона Урракса?

— Заслонился щитом. Урракс видел только свое отражение, и Сервин вонзил копье ему в глаз.

— Это даже Утка знает. А можешь ли ты назвать рыцаря, который применил ту же уловку к Вхагару во время Пляски Драконов?

— Сир Бирен, — ухмыльнулся Тирион. — Потом его поджарили за труды, только убил он Сиракс, а не Вхагара.

— Боюсь, ты ошибаешься. Мейстер Манкен в «Подлинной истории Пляски Драконов» пишет, что…

— …что это был Вхагар, но ошибается он, а не я. Оруженосец сира Бирена видел, как погиб его господин, и написал о том его дочери. В письме говорится, что это была Сиракс, дракон Рейениры, и смысла в этом больше, чем в версии Манкена. Сванн был сыном марочного лорда, Штормовой Предел поддерживал Эйегона, на Вхагаре летал брат Эйегона принц Эйемонд. Зачем бы Сванн стал убивать Вхагара?

— Постарайся не свалиться с коня, — поджал губы Хелдон, — а если свалишься, сразу трюхай обратно в Пентос. Наша робкая дева не ждет ни карликов, ни рослых мужчин.

— Люблю робких — и бойких тоже. Скажи, куда отправляются шлюхи?

— Я похож на человека, который их посещает?

— Где ему, — засмеялся Утка. — Лемора его заругает, парень захочет пойти вместе с ним, Грифф отрежет ему хрен и засунет в глотку.

— Ну и что ж. Мейстеру хрен не нужен.

— Он всего только полумейстер.

— Раз этот карлик так тебя забавляет, пусть он и едет с тобой, — сказал Хелдон, поворачивая коня.

Когда Утка погрузил сундуки Иллирио на трех лошадей, Хелдон успел скрыться из глаз. Сев на свою лошадь, сир Ройли сгреб Тириона за ворот и посадил впереди себя.

— Держись покрепче, и все будет ладно. У кобылы ход ровный, драконья дорога гладкая, как девичий задок. — С этими словами он пустил лошадь рысью.

— Удачи вам! — крикнул вслед Иллирио. — Скажи мальчику: я сожалею, что не смогу быть у него на свадьбе. Встретимся в Вестеросе! Клянусь в том руками моей милой Серры.

Тирион оглянулся. Иллирио Мопатис стоял у носилок, ссутулив могучие плечи. С каждым мигом он удалялся, делаясь почти маленьким в клубах пыли.

Через четверть мили они нагнали Хелдона Полумейстера и поехали бок о бок с ним. Тирион

держался за высокую луку седла. Ногам было неудобно: в недалеком будущем его ждали судороги и стертые ляжки.

— Любопытно, что сделают с нашим карликом пираты Кинжального озера? — сказал Хелдон.

— На похлебку пустят, — предположил Утка.

— Хуже всех там Уро Немытый, — сообщил Хелдон. — Одной своей вонью может человека убить.

— Я, к счастью, безносый, — сказал Тирион.

— Если мы у Ведьминых Зубов повстречаемся с леди Коррой, можешь лишиться и других частей тела. Ее прозвали Коррой Жестокой. Команда у нее сплошь из юных красавиц, и они кастрируют всех мужиков, которые им попадутся.

— Ужас. Сейчас штаны намочу.

— Лучше не надо, — мрачно предостерег Утка.

— Как скажешь. При встрече с леди Коррой я мигом надену юбку и скажу, что я Серсея, знаменитая бородатая красотка из Королевской Гавани.

Утка на это засмеялся, а Хелдон сказал:

— И забавник же ты, малыш Йолло. Говорят, Лорд-Покойник награждает всех, кто сумеет его рассмешить, — авось и тебе найдется местечко среди каменного двора его серой милости.

— Не годится над ним шутить так близко от Ройна, — забеспокоился Утка. — Он слышит.

— Утиным клювом глаголет мудрость. Не бледней так, Йолло, это я к слову. Горестный Принц серые поцелуи так просто не раздает.

Серый поцелуй… прямо мурашки по коже. Смерти Тирион больше не боялся, а вот серая хворь… «Это всего лишь легенда, — сказал он себе, — вроде призрака Ланна Мудрого, который будто бы является в Бобровом Утесе», — но язык все-таки придержал.

Утка, не замечая внезапной молчаливости карлика, стал рассказывать ему историю своей жизни. Отец его был оружейником у Горького Моста; родился он под звон стали и с ранних лет учился владеть мечом. Лорд Касвелл взял его в свою гвардию, но парню хотелось большего: он видел, как хилый сын лорда стал пажом, оруженосцем, а там и рыцарем.

— Глиста глистой, зато единственный сын, кроме четырех дочек, — старый лорд не позволял о нем слова худого сказать. Другие оруженосцы на учебном дворе пальцем его тронуть не смели.

— Но ты был не столь послушен. — Тирион уже догадывался, чем закончится эта история.

— В шестнадцать лет отец выковал мне длин-

ный меч, а Лорент его забрал — папаша не осмелился ему отказать. Я жаловаться, а Лорент мне: тебе, мол, молот держать, а не меч. Ну, я взял в кузне молот и отделал его — переломал половину ребер и обе руки. После этого я, в большой спешке покинув Простор, переправился через море и вступил в отряд Золотых Мечей. Сколько-то лет был у кузнеца в подмастерьях, пока сир Гарри Стрикленд меня в оруженосцы не взял. Потом Грифф прислал весть, что ему нужен человек обучать его сына военному мастерству, и Гарри выбрал меня.

— А Грифф посвятил тебя в рыцари.

— Ага, год спустя.

— Расскажи нашему дружку, как получил свое имя, — с ехидной улыбкой предложил Хелдон.

— У рыцаря должно быть, кроме нареченного, и родовое имя. После обряда посвящения я поглядел вокруг, увидел уток, ну и… чур не смеяться.

На закате они свернули с дороги на заросшую каменную площадку. Тирион соскочил поразмяться, Утка и Хелдон пошли поить лошадей. Замшелые стены вокруг говорили о том, что некогда здесь стояла большая усадьба. Обиходив животных, путники поужинали солониной и холодными бобами, запивая их элем. Простая пища

служила приятным разнообразием после деликатесов, которые Тирион вкушал у Иллирио.

— Я сперва подумал, что в сундуках золото для Золотых Мечей, — сказал он, — но сир Ройли их таскал на одном плече — стало быть, нет.

— Там всего лишь доспехи, — ответил Утка.

— И одежда, — добавил Хелдон. — Придворное платье для всех нас. Тонкая шерсть, бархат, шелковые плащи. К королеве не подобает являться в убогой одежде или с пустыми руками. Магистр по доброте своей прислал нам приличествующие дары.

Взошла луна, и они снова пустились в путь под звездным пологом неба. Старая валирийская дорога мерцала впереди серебряной лентой, и Тирион чувствовал нечто вроде умиротворения.

— Ломас Странник правду сказал: эта дорога — настоящее чудо.

— Ломас Странник?

— Когда-то он объехал весь мир, — пояснил Хелдон, — и описал увиденное в двух книгах: «Чудеса света» и «Рукотворные чудеса».

— Один мой дядя дал мне их еще в детстве, — сказал Тирион. — Я их до дыр зачитал.

— «У богов семь чудес, смертные же сотворили девять», — процитировал Хелдон. — Нехорошо

смертным опережать богов, но что делать. Валирийские каменные дороги — одно из девяти рукотворных чудес. Пятое, кажется.

— Четвертое. — Все шестнадцать чудес Тирион заучил наизусть. Дядя Герион во время пиров ставил его на стол и заставлять называть их. Тириону это нравилось, насколько он помнил. Нравилось стоять под устремленными на него взорами и доказывать, какой он умный бесенок. Годами он лелеял мечту объехать мир самому и увидеть чудеса Странника своими глазами.

Лорд Тайвин положил этим надеждам конец накануне шестнадцатилетия сына, когда Тирион попросил отпустить его в Вольные Города, — все его дяди в этом возрасте совершали такую поездку. «Мои братья дом Ланнистеров не позорили, — заявил отец. — Не женились на шлюхах». Когда же Тирион заметил ему, что через десять дней станет взрослым мужчиной и будет свободен ехать куда пожелает, лорд Тайвин сказал: «Никто не свободен — иначе думают только дети да дураки. Поезжай, если хочешь. Надевай шутовской наряд и становись на голову, потешая королей пряностей и сырных лордов, — помни только, что за дорогу туда будешь сам платить, а обратная дорога тебе заказана. — На этом мечтам

Тириона пришел конец. — Тебе надо заняться чем-то полезным, вот что». И Тириона в ознаменование его взрослости поставили надзирать над стоками и цистернами Бобрового Утеса — может, отец надеялся, что сын в одну из этих емкостей свалится. Если так, его ожидало разочарование: никогда еще воды не стекали из замка так исправно, как это было при Тирионе.

Он охотно выпил бы вина, чтобы убрать изо рта вкус Тайвина. Лучше всего целый мех.

Они ехали всю ночь. Тирион засыпал, привалившись к луке, и просыпался опять. Когда он начинал соскальзывать вбок, сир Ройли рывком возвращал его на седло. К рассвету ноги у него отнялись, натертые щеки горели.

До Гойан Дроэ они добрались днем.

— Вот и сказочный Ройн, — сказал карлик, глядя с высокого берега на медленные зеленые воды.

— Малый Ройн, — поправил сир Ройли.

— Ну да. — Ничего речка, но любой из зубцов Трезубца вдвое шире ее, и текут они гораздо быстрее. Разочаровал Тириона и город. Из истории он знал, что Гойан Дроэ никогда не был велик, но славился своей красотой, фонтанами и садами. До войны, до нашествия драконов. Теперь, тысячу

лет спустя, каналы заилились и заросли тростником, над стоячими заводями роились мухи. Развалины дворцов и соборов ушли глубоко в землю, по берегам торчали кривые старые ивы.

Немногочисленные жители разводили огороды среди сорняков. Заслышав стук кованых копыт по старой дороге, они попрятались в свои норы — лишь самые смелые проводили всадников тусклыми нелюбопытными взглядами. Голая девчушка с грязными по колено ногами не сводила глаз с Тириона. «Что, не видела раньше карликов, да еще и безносых?» Он скорчил страшную рожу, высунул язык, и девочка разревелась.

— Чего это она? — спросил Утка.

— Я ей послал поцелуй. Девушки всегда плачут, когда я целую их.

У прибрежных ив дорога оборвалась. Всадники повернули и поехали вдоль реки до полузатопленного каменного причала.

— Хелдон! — позвал кто-то. — Утка!

Тирион огляделся. С крыши деревянной хибарки махал соломенной шляпой парнишка лет пятнадцати-шестнадцати, худенький, с гривой темно-синих волос.

Крыша, на которой он стоял, принадлежала, как оказалось, кают-компании «Робкой девы», ветхой

плоскодонки с единственной мачтой. Широкое, с малой осадкой судно должно было легко пробираться по мелким протокам и переваливать через песчаные мели. Дева не из приглядных, решил Тирион, ну да ладно: дурнушки в постели бывают лучше красавиц. В Дорне такие лодки обычно ярко расписывают и украшают резьбой, но «Деву», явно не без умысла, выкрасили в зеленовато-бурый илистый цвет. Краска сильно облупилась, руль на корме был самый простой.

Утка отозвался. Кобыла вошла в мелкую воду, ломая тростник. Мальчик спрыгнул на палубу, где собралась вся команда. У руля стояла пожилая пара, по виду ройнары; из каюты вышла очень недурная собой септа в белых одеждах.

— Хватит орать, — сказал еще один. Это, несомненно, был Грифф. Над рекой опустилась глубокая тишина.

Тирион сразу понял, что с ним шутки плохи.

На плечах шкура красного ройнского волка с головой и лапами, под ней бурая кожа с железными кольцами. Кожа на бритом лице точно такая же, с морщинками в углах глаз. Волосы синие, как у сына, но корни рыжие, как и брови. На бедре меч и кинжал. Если он радовался Утке и Хелдону, то хорошо скрывал это, а на Тириона смотрел с

нескрываемым отвращением.

— Это еще что такое?

— Знаю: ты надеялся увидеть хороший круг сыра. Синие волосы хороши в Тироше, — заметил Тирион юному Гриффу, — но в Вестеросе детишки забросают тебя камнями, а девушки засмеют.

— Моя мать была тирошийка, — опешил парень. — Я крашу волосы в память о ней.

— Что за уродец?! — не унимался его отец.

— Иллирио передал тебе письмо с объяснениями, — вмешался Хелдон.

— Давай сюда, а карлика отведи в каюту.

Усевшись напротив Гриффа за дощатый стол с сальной свечкой, Тирион рассмотрел поближе его глаза — бледно-голубые, как лед. Карлик не любил светлых глаз: у лорда Тайвина они были бледно-зеленые, с золотыми искрами.

Однако Грифф умел читать — многие ли наемники могут этим похвастаться? Даже губами почти не шевелил.

— Значит, Тайвин Ланнистер умер от твоей руки? — спросил он, щуря свои ледяные глаза.

— От пальца. Вот этого, — показал Тирион. — Лорд Тайвин сидел на толчке, и я выстрелил ему в брюхо из арбалета — посмотреть, вправду ли он срет золотом. Оказалось, что нет, а жаль.

Золотишко бы мне пригодилось. Мать я тоже убил, только раньше. Еще племянника, Джоффри. Отравил его на собственной свадьбе и смотрел, как он задыхается. Неужто торговец сырами его пропустил? Хочу еще внести в список брата с сестрой, если это порадует твою королеву.

— Порадует… Рехнулся Иллирио, что ли? Зачем ее величеству нужен изменник и цареубийца, открыто сознающийся в своих преступлениях?

Хороший вопрос. Тирион ответил на него так:

— Король, которого я убил, занимал ее трон, а предал я одних только львов, что опять-таки на руку королеве. Ты не бойся, тебя мне убивать незачем. — Тирион почесал половинку носа. — Мы с тобой не родня. Можно взглянуть, что пишет тебе торговец сырами? Люблю почитать о себе самом.

Грифф, не обратив на его просьбу никакого внимания, сжег пергамент на свечке.

— Между Таргариенами и Ланнистерами лежит кровь. Зачем тебе поддерживать одну из Таргариенов?

— Ради золота и славы, — весело сказал Тирион. — Еще из-за ненависти. Если б ты знал мою сестрицу, то понял бы.

— Ненависть мне понятна.

«Правду говоришь, — решил Тирион. — Ты много лет ужинаешь ненавистью и греешься ею по ночам».

— Значит, у нас есть нечто общее, сир.

— Я не рыцарь.

«А вот теперь ты *лжешь*, причем неумело. Глупо, сир».

— Утка говорит, что ты сделал рыцарем его самого.

— Утка слишком много болтает.

— Не странно ли, что утка вообще говорит? Ладно, Грифф, будь по-твоему. Ты не рыцарь, а я Хугор Хилл, маленькое чудовище. Твое собственное, если тебе угодно. Мое единственное желание — послужить твоей королеве драконов. Слово даю.

— Каким образом?

— Языком. — Тирион облизал пальцы один за другим. — Я могу сообщить ей, что на уме у моей сестры, если это можно назвать умом. Могу подсказать ее капитанам, как победить моего брата Джейме. Знаю, кто из лордов смел, а кто трус, кто предан трону, и кто замышляет месть. Могу обеспечить ей пару союзов. И в драконах я кое-что смыслю — справься у своего полумейстера. Еще я умею смешить и ем мало. Кто не захочет завести себе такого чудесного беса?

Грифф поразмыслил.

— Усвой вот что, карлик. Ты последний и наименее ценный в нашей компании. Держи язык за зубами и делай, что тебе говорят, не то пожалеешь.

«Да, отец», — чуть было не сказал Тирион.

— Как скажешь, милорд.

— Я не лорд.

«Врешь».

— Я говорю так из вежливости, мой друг.

— И не твой друг.

«Не рыцарь, не лорд и не друг».

— Экая жалость.

— Избавь меня от своей иронии. Докажешь свое послушание и полезность по дороге в Волантис — сможешь послужить королеве. Доставишь нам хоть малейшую неприятность — отправишься на все четыре стороны.

«Скорей всего на дно Ройна, где рыбы доедят то, что осталось от носа».

— Валар дохаэрис.

— Спать будешь на палубе или в трюме, выбирай сам. Изилла устроит тебе постель.

— Как мило с ее стороны. — Тирион откланялся и добавил с порога: — А что, если окажется, что эти драконы — всего лишь выдумка пьяных мат-

росов? Мало ли сказок по свету ходит. Грамкины, снарки, призраки, русалки, горные тролли, крылатые кони, крылатые свиньи… крылатые львы.

— Я тебя предупредил, Ланнистер, — отрезал Грифф. — Держи язык на привязи, если не хочешь его потерять. На кону стоят королевства, наши жизни и наша честь. Думаешь, мы затеяли эту игру, чтобы тебя позабавить?

«Игру престолов? Почему бы и нет».

— Как скажешь, капитан, — произнес Тирион с новым поклоном.

Давос

Молния расколола северный небосклон, выделив черную башню Ночного Фонаря на голубоватом небе. Шесть мгновений спустя прокатился гром.

Стражники провели Давоса Сиворта по черному базальтовому мосту, под тронутой ржавчиной решеткой ворот. Над глубоким рвом висел на цепях другой мост, подъемный. Во рву билась о фундамент замка морская вода, караульная будка на той стороне обросла водорослями. Давос со связанными впереди руками заковылял через грязный двор. Холодный дождь заливал глаза. Подталкиваемый сзади копьями, он взошел на ступени Волнолома.

Внутри капитан повесил свой плащ на колышек, чтобы не оставлять луж на потертом мирийском ковре. Давос сделал то же самое, повозившись с застежкой связанными руками. На Драконьем Камне его научили приличным манерам.

Лорд, сидя в сумрачном чертоге один, ел сестринскую похлебку, макая в нее хлеб и запивая пивом. Факелы были вставлены только в четыре

из настенных светильников, и ни один из них не горел — скудный мигающий свет давали лишь две сальные свечки. По стенам хлестал дождь, где-то капало с прохудившейся крыши.

— Милорд, — сказал капитан, — этот человек предлагал в «Китовом брюхе» деньги, чтобы уплыть с острова. При нем нашли двенадцать драконов и это. — Капитан положил на стол широкую ленту из черного бархата с парчой по краям и тремя печатями. Коронованный олень на золотом воске, пылающее сердце на красном, рука на белом.

Промокший насквозь Давос ждал. Веревка впивалась в кожу. Одно слово этого лорда, и его вздернут на систертонской виселице, но тут хоть дождя нет, и под ногами твердый камень, а не колеблющаяся палуба. Горе, предательство и морские бури до смерти его измотали.

Лорд вытер рот рукой и прищурился, разглядывая ленту вблизи. В амбразурах снова сверкнула молния. Когда Давос сосчитал до четырех, грянул гром. В сменившей его тишине опять послышалась капель и гул под ногами, где волны захлестывали темницы замка. Давос мог вскорости там оказаться: его прикуют к полу, и он утонет, когда начнется прилив. Нет-нет. Так мо-

жет умереть контрабандист, но не королевский десница. Лорд добьется большего, если продаст его своей королеве.

Лорд ощупал печати. Он был некрасив — здоровенный, мясистый, плечищи как у гребца, шеи нет вовсе. Щеки и подбородок покрывала жесткая седая щетина, над массивным лбом простиралась лысина. Нос бугристый, в лопнувших жилках, губы толстые, между тремя пальцами правой руки перепонка. Давос слышал, что у некоторых лордов Трех Сестер есть перепонки на руках и ногах, но относил это к числу морских баек.

— Развяжите его, — приказал лорд. — И перчатки снимите. Покажите мне его руки.

Капитан повиновался. Когда он поднял вверх левую руку пленника, новая молния бросила тень от укороченных пальцев Давоса Сиворта на рубленое лицо Годрика Боррела, лорда Пригожей Сестры.

— Ленту украсть всякий может, но пальцы твои не лгут. Ты Луковый Рыцарь.

— Меня и худшими именами называли, милорд. — Давос, сам теперь лорд, рыцарем стал давно, но в глубине души остался тем же контрабандистом низкого звания, купившим себе рыцарство за груз соленой рыбы и лука.

— Ну да. Предатель, мятежник, перебежчик.

Последнее имя Давосу не понравилось.

— Я ни к кому не перебегал. Всегда служил одному королю.

— Если Станнис — король, то да. — Черные глаза лорда тяжело оглядели Давоса. — Рыцари, причаливающие к моим берегам, приходят ко мне в чертог, а не в «Китовое брюхо», этот контрабандистский притон. Вернулся к старому ремеслу, Луковый Рыцарь?

— Нет, милорд, просто искал судно, идущее в Белую Гавань. У меня поручение от короля к ее лорду.

— Тогда ты попал не в то место и не к тому лорду, — почти весело указал лорд Годрик. — Это Систертон на Пригожей Сестре.

— Знаю. — «Ничего пригожего в твоем Систертоне нет, — добавил про себя Давос. — Сущий хлев, провонявший свиным навозом и тухлой рыбой». Давос хорошо помнил этот городишко по своему преступному прошлому. На Трех Сестрах веками собирались контрабандисты, а еще раньше острова были пиратским гнездом. Улицы Систертона — это брошенные в грязь доски, дома — крытые соломой мазанки, у Виселичных ворот всегда болтаются люди с выпущенными

кишками.

— У тебя здесь, конечно, есть дружки, как у всякого контрабандиста. Некоторые из них и мои друзья тоже, а прочих я вешаю. Удавливаю медленно, с хлопающими о колени кишками. — Молния снова осветила чертог, и гром ударил уже на счет два. — Если тебе нужна Белая Гавань, что привело тебя в Систертон?

«Приказ короля и предательство друга», — подумал Давос и ответил вслух:

— Шторм.

От Стены отплыло двадцать девять кораблей. Давос удивился бы, узнав, что хотя бы половина из них уцелела. Ненастное небо, резкий ветер и ливни преследовали их вдоль всего побережья. Галеи «Оледо» и «Старухин сын» напоролись на рифы у Скагоса, острова единорогов и каннибалов, куда опасался заходить даже «Слепой бастард», большой когг, потопленный Салладором Сааном у Серых Скал. «Станнис мне заплатит золотом за каждый корабль», — кипятился Салла. Словно некий разгневанный бог взимал с них дань за легкий переход от Драконьего Камня на север. Новый шторм сорвал снасти с «Обильной жатвы», и пришлось взять ее на буксир. В десяти лигах севернее Вдовьего Дозора море снова

взыграло; «Жатву» бросило на одну из ведших ее галей, и обе пошли ко дну. Весь остальной лиссенийский флот разбросало по Узкому морю. Одни корабли, возможно, дотащатся до какой-нибудь гавани, других никто уже не увидит.

«Салладор Нищий, вот кем сделал меня твой король, — жаловался Салла, когда остатки его флотилии ковыляли через Укус. — Салладор Разбитый. Где мои корабли? Где золото, которое мне обещали?» Давос уверял, что ему непременно заплатят, но Саллу это не умилостивило. «Когда же это? Завтра, в новолуние, при новом пришествии красной кометы? Он обещает мне золото и драгоценные камни, а я и в глаза их не вижу. Может ли Салладор Саан быть сыт королевским словом? Может ли утолить жажду пергаментами и восковыми печатями? Может ли уложить обещания на перину и драть их до поросячьего визга?»

Давос уговаривал его сохранить верность Станнису. Бросив его, Салла обещанного золота и вовсе никогда не получит: победоносный король Томмен вряд ли станет платить долги своего побежденного дядюшки. Единственная надежда — набраться терпения и поддерживать Станниса до восшествия его на Железный Трон.

Возможно, какой-нибудь сладкоречивый лорд

убедил бы пирата, но речи Лукового Рыцаря еще больше взбесили Саллу. «Я терпел на Драконьем Камне, когда красная женщина жгла деревянных богов и вопящих людей. Терпел по пути к Стене. Терпел холод в Восточном Дозоре. Тьфу на твое терпение и на твоего короля! Мои люди изголодались. Они хотят снова лечь со своими женами, пересчитать своих сыновей, увидеть Ступени и увеселительные сады Лисса. Лед, шторм и пустые обещания в перечень их желаний не входят. На Севере чересчур холодно и становится все холоднее».

Давос знал, что рано или поздно это случится. Он любил старого негодяя, но доверять Салле мог только полный дурак.

— Шторм, — нежно, как имя возлюбленной, повторил лорд. — До прихода андалов на Сестрах поклонялись штормам. Нашими богами были Владычица Волн и Владыка Небес. Совокупляясь, они каждый раз порождали бурю. Королям до Сестер дела никогда не было, мы ведь бедны, — однако шторм почему-то занес тебя именно к нам.

«Меня привез сюда друг», — поправил мысленно Давос.

— Можешь идти, — сказал капитану лорд Год-

рик, — и помни: этого человека здесь не было.

— Так точно, милорд. — Капитан удалился, оставляя на ковре мокрые отпечатки сапог. Море рокотало под полом. Вдали громыхнула дверь, за окнами, словно в ответ, вспыхнула молния.

— Если вы переправите меня в Белую Гавань, милорд, — сказал Давос, — король сочтет это актом дружбы.

— Туда или в холодную мокрую преисподнюю — это уж мне решать.

«Можно подумать, в Систертоне у тебя рай». Давос боялся худшего. Три Сестры, суки этакие, верны только себе самим. Присягали они вроде бы Арренам из Долины, но вассалы из них никудышные.

— Сандерленд вытребует тебя, если прознает. — Боррел, лорд Пригожей Сестры, Лонгсторп, лорд Длинной, и Торрент, лорд Малой, подчинялись Тристону Сандерленду, лорду всех трех островов. — И продаст тебя королеве за горшок ланнистерского золота. У бедняка с семью сыновьями, которые все метят в рыцари, каждый дракон на счету. — Лорд, взяв деревянную ложку, снова принялся за похлебку. — Я проклинал богов, посылавших мне одних дочерей, пока не услышал, как Тристон жалуется на цены боевых

скакунов. Знал бы ты, сколько рыбы требуется отдать за одни-единственные доспехи.

Давос из семи своих сыновей потерял четверых.

— Лорд Сандерленд присягал Гнезду и по правилам должен передать меня леди Аррен. — Лучше уж ей, чем Ланнистерам. Лиза Аррен не принимала участия в Войне Пяти Королей, но она дочь Риверрана, и Молодой Волк ей приходился племянником.

— Лиза Аррен убита каким-то певцом. Теперь в Долине правит Мизинец. Говори, где твои пираты? — Лорд, не дождавшись ответа, стукнул по столу ложкой. — Где лиссенийцы? Флинты из Вдовьего Дозора и Торрент с Малой Сестры видели их паруса — зеленые, розовые, оранжевые. Салладор Саан. Где он?

— В море. — Сейчас он, наверное, огибает Персты, возвращаясь на Ступени с немногими оставшимися у него кораблями. Быть может, по дороге он разживется еще несколькими, если повезет встретить мирных торговцев. Маленькое пиратство, чтобы скоротать путь. — Его величество отправил его на юг — беспокоить Ланнистеров и ланнистерских приспешников. — Давос долго репетировал эту ложь, гребя под

дождем к Систертону. Рано или поздно мир все равно узнает, что Салладор Саан бросил Станниса Баратеона, но не из уст Давоса Сиворта.

Лорд помешал похлебку.

— А тебя старый пират вплавь на берег отправил?

— К берегу я приплыл на лодке, милорд. — Салла дождался, когда Ночной Фонарь осветит валирийский мол в гавани, и лишь тогда спустил шлюпку. Их дружбы хватило хотя бы на это. Лиссениец предлагал идти вместе с ним на юг, но Давос не захотел. «Станнис полагается на то, что его десница переманит к нему Вимана Мандерли, и я королевского доверия не предам», — заявил он Салле. «Его доверие тебя погубит, дружище, — ответил на это пират. — Помяни мое слово».

— Никогда еще не принимал под своим кровом королевского десницу, — сказал лорд Годрик. — Пожелает ли Станнис тебя выкупить, хотел бы я знать.

Давос тоже хотел бы. Станнис наделил его землями, титулами и почетными должностями, но готов ли он платить золотом за его жизнь? Было бы у него это золото, Салла бы остался при нем.

— Можете спросить его сами, милорд. Его величество в Черном Замке.

— А Бес? Тоже там?

— Бес? — не понял Давос. — Он сидит в Королевской Гавани, приговоренный к смерти за убийство племянника.

— На Стене всё последними узнают, говаривал мой отец. Карлик бежал. Пролез сквозь решетку и голыми руками растерзал родного отца. Гвардеец видел, как он убегает, весь в крови с головы до ног. Того, кто его убьет, королева сделает лордом.

Давос не поверил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что Тайвин Ланнистер погиб?

— От руки своего сына, да. — Лорд хлебнул пива. — Когда на Сестрах правили короли, карликов не оставляли в живых. Бросали в море, в жертву богам. Септоны, благочестивые дураки, отменили этот обычай. Зачем сохранять жизнь тем, кого боги сотворили чудовищами?

Тайвин умер… это меняет всё.

— Милорд позволит мне послать к Стене ворона? Хочу, чтобы его величество узнал о смерти Тайвина Ланнистера.

— Узнает когда-нибудь, только не от меня. И не от тебя, пока ты пребываешь под моим протекающим кровом. Никто не сможет сказать, что я оказал Станнису хоть какую-то помощь. Сан-

дерленды втравили Сестер в два мятежа Черного Пламени, и все мы горько поплатились за это. Сядь, сир, пока не упал. — Лорд Годрик махнул ложкой в сторону стула. — В моих чертогах сыро, холодно и темно, но кое-какие манеры мы соблюдаем. Сухая одежда тоже найдется, когда поешь. — На его зов в чертог вошла женщина. — У нас гость. Тащи сюда пиво, хлеб и сестринскую похлебку.

Пиво было темное, хлеб черный, похлебка в корытце из черствой буханки — молочно-белая. Лук-порей, морковка, ячмень, желтая и белая репа сочетались в ней с моллюсками, крабами и треской, а заправлялось все это маслом и сливками. Это блюдо прогревает едока до костей — в самый раз для холодной дождливой ночи. Давос, преисполненный благодарности, погрузил ложку в хлебную миску.

— Едал раньше такую?

— Доводилось, милорд. — Эту похлебку подавали во всех тавернах и гостиницах Трех Сестер.

— А я тебе скажу, что такой ты еще не пробовал. Ее Гелла готовит, дочь моей дочери. Ты сам женат, Луковый Рыцарь?

— Женат, милорд.

— Жаль. Гелла у нас незамужняя, а из дурнушек

выходят самые лучшие жены. Крабы тут трех видов: красные, паучьи и победители. Паучьих я только в похлебке ем, чтоб не чувствовать себя каннибалом. — Лорд показал на знамя, висевшее над холодным очагом: белый паучий краб, вышитый на серо-зеленом поле. — Мы слышали, будто Станнис сжег своего десницу.

Верно, сжег. Алестера Флорента, который занимал этот пост перед Давосом. Мелисандра отдала его своему богу, чтобы обеспечить попутный ветер до самой Стены. Лорд Флорент, пока люди королевы привязывали его к столбу, был спокоен и сохранял достоинство, насколько это доступно полуголому человеку, но как только огонь лизнул его ноги, начал кричать. Эти-то крики, если верить красной женщине, и принесли их благополучно в Восточный Дозор. Давосу ветер не пришелся по вкусу: он отдавал горелым мясом и человеческим голосом выл в снастях. На месте Алестера вполне мог оказаться и сам Луковый Рыцарь.

— Я, как видите, не сгорел — разве что едва не замерз в Восточном Дозоре.

— Стена, она такая. — Женщина принесла горячий, только что из печи, хлеб. Лорд, заметив, как уставился Давос на ее руку, сказал: — У всех

Боррелов такая отметина, вот уже пять тысяч лет. Это дочь моей дочери — не та, что похлебку варила. — Он разломил хлеб и дал половину Давосу. — Ешь, это вкусно.

Хлеб и впрямь был хорош, но Давос бы и черствой корке порадовался: это означало, что его принимают как гостя хотя бы на эту ночь. У лордов Трех Сестер темная репутация, особенно у Боррела, лорда Пригожей Сестры, Щита Систертона, владетеля Волнолома и хранителя Ночного Фонаря. Но даже лорды-разбойники и грабители потерпевших крушение кораблей подчиняются древним законам гостеприимства. До рассвета Давос, отведав хлеба и соли этого дома, во всяком случае, доживет.

Похлебку, однако, сдобрили не одной только солью.

— Никак, шафран? — Эту пряность, ценившуюся дороже золота, Давос пробовал только раз: король Роберт, пируя на Драконьем Камне, угостил его приправленной шафраном рыбой.

— Да, квартийский. Перец тоже бери. — Лорд Годрик поперчил собственную похлебку. — Черный волантинский, не первый сорт, зато можно не скупиться. У меня его сорок сундуков, а еще гвоздика, мускатный орех и фунт шафрана. Всё

от одной черноглазой девицы. — Лорд засмеялся, и Давос заметил, что все зубы у него целы — желтые, правда, а один совсем почернел. — Она шла в Браавос, но шторм занес ее в Укус и разбил о мои скалы. Ты у меня не единственный штормовой дар: море жестоко и коварно.

Не столь коварно, как человек. Предки Годрика, пока Старки не обрушились на них с огнем и мечом, пиратствовали в открытую. Теперь сестринцы, предоставляя это занятие Салладору Саану и прочим заморским жителям, ограничиваются разбитыми кораблями. Маяки, горящие на Трех Сестрах, должны предупреждать моряков о мелях и рифах, но в штормовые и туманные ночи здесь порой зажигают ложные огни, заманивая неосмотрительных капитанов на скалы.

— Шторм сделал тебе добро, пригнав тебя к моему порогу. В Белой Гавани тебя бы холодно приняли. Опоздал ты, сир. Лорд Виман хочет склонить колено, но не перед Станнисом. Мандерли по сути не северяне. Они пришли на Север каких-то девятьсот лет назад со своим золотом и своими богами. Они были большими господами на Мандере, но чересчур занеслись, и зеленые руки их свергли. Волчий король взял их золото, а взамен дал им землю и разрешил сохранить

богов. — Годрик подобрал хлебом остатки похлебки. — Толстяк на оленя не сядет — зря Станнис надеется. Двенадцать дней тому в Систертон зашла «Львиная звезда» набрать пресной воды. Знаешь такую? Багряные паруса и золотой лев на носу. На борту полно Фреев, едущих в Белую Гавань.

Этого Давос ожидал меньше всего.

— Фреи убили сына лорда Вимана!

— Да, и толстяк дал обет не брать в рот ничего, кроме вина и хлеба, пока не свершит свою месть. К вечеру того же дня он уже обжирался крабами и сластями. Между Сестрами и Белой Гаванью постоянно ходят суда. Мы им — рыбу, крабов и козий сыр, они нам — дерево, шерсть и шкуры. Его милость, насколько я слышал, стал еще толще, вот тебе и обет. Слова — это ветер, а изо рта Мандерли исходят те же ветры, что из его зада. — Лорд подобрал всю похлебку дочиста. — Фреи везут ему кости сына. Некоторые называют это учтивостью. Будь это мой сын, я сказал бы спасибо, а потом повесил их всех, но толстяк для этого чересчур благороден. — Лорд прожевал хлеб. — Я позвал Фреев на ужин. Один сидел на том самом месте, где ты сейчас. Звать его Рейегар — я чуть не фыркнул ему в лицо, как услышал. Он потерял

жену, и в Белой Гавани его ждет невеста. Вороны тучами летали туда-сюда: лорд Виман и лорд Уолдер намерены скрепить свой союз браком.

Давосу показалось, что Годрик двинул его в живот. Если это правда, Станнис — конченый человек. Королю до зарезу необходима Белая Гавань. Если Винтерфелл — сердце Севера, то город лорда Мандерли — его рот. Залив там не замерзает даже в лютые холода, что с приходом зимы будет значить куда как много. Не меньшее значение имеет и серебро. Ланнистеры мало того что сами купаются в золоте, так еще и с богатым Хайгарденом породнились, а Станнисова казна пуста. Нужно хотя бы попытаться остановить назревающую в Белой Гавани свадьбу.

— Мне очень нужно в Белую Гавань. Умоляю, помогите, милорд.

Годрик принялся за размягчившуюся хлебную миску.

— Не люблю северян. С поругания Трех Сестер, как говорят септоны, прошло две тысячи лет, но Систертон не забыл. Раньше мы были вольные, и короли у нас были свои, а после нам пришлось склониться перед Гнездом, чтобы прогнать северян. Сокол и волк дрались за нас тысячу лет и обглодали бедные острова до косточек. А Стан-

нис в бытность свою мастером над кораблями у Роберта поставил свой флот в моей гавани без моего на то позволения и заставил повесить дюжину славных ребят вроде тебя. И со мной грозил поступить так же, если Ночной Фонарь не зажжется и хоть один корабль сядет на скалы. Пришлось мне все это проглотить. — Лорд проглотил хлеб. — Теперь он является на Север с поджатым хвостом и просит о помощи. С какой стати мне ему помогать?

«С такой, что он твой законный король. Сильный, справедливый — единственный, кто способен восстановить государство и защитить его от угрозы, грядущей с Севера. Владеющий волшебным мечом, сияющим, как само солнце». Вслух Давос ничего не сказал, понимая, что этим лорда Годрика не проймет и к Белой Гавани не приблизится. Так как же быть? Пообещать ему золота, которого у них нет? Знатного мужа для одной из дочерей его дочерей? Посулить земли, почести, титулы? Алестер Флорент вел как раз такую игру, за что и сгорел.

— Вижу, у десницы язык отнялся. Сестринская похлебка ему не по вкусу и правда тоже. — Годрик вытер рот.

— Правда в том, милорд, что лев умер, — мед-

ленно произнес Давос.

— И что с того?

— Кто правит в Королевской Гавани вместо него? Не Томмен, он ведь еще ребенок. Сир Киван?

В черных глазах лорда отражались огни свечей.

— Будь это он, тебя заковали бы в цепи. Королева там главная.

«Лорд Годрик колеблется, — понял Давос. — Не хочет оказаться на стороне проигравших».

— Станнис удержал Штормовой Предел против Тиреллов, объединившихся с Редвинами. Отнял Драконий Камень у последних Таргариенов. Разбил Железный Флот у Светлого острова. Маленький король нипочем не одолеет его.

— В распоряжении этого мальчика богатство Бобрового Утеса и сила Хайгардена. Болтоны и Фреи держат его сторону. Однако в этом мире нет ничего достоверного, кроме зимы. — Годрик потер подбородок. — Так сказал моему отцу Нед Старк в этом самом чертоге.

— Нед Старк был здесь?

— На заре поднятого Робертом мятежа. Безумный Король потребовал у Гнезда голову Старка. Джон Аррен ответил отказом, но Чаячий город

остался верен короне. Чтобы вернуться домой и созвать знамена, Нед перевалил через горы и на Перстах нанял рыбачью лодку для переправы через Укус. В пути их застал шторм, рыбак утонул, но его дочка привела лодку к Сестрам. Говорят, Нед оставил ей кошель серебра и бастарда в утробе. Она назвала мальчика Джоном Сноу в честь Аррена.

Так вот, когда лорд Эддард прибыл в наш замок, мой отец сидел там же, где я сейчас. Наш мейстер уговаривал нас отправить голову Старка Эйерису, чтобы доказать нашу преданность. Король вознаградил бы нас: он, когда находил нужным, был щедр. Однако мы уже знали тогда, что Джон Аррен взял Чаячий город; Роберт взобрался на стену первым и собственной рукой убил Марка Графтона. «Этот Баратеон бесстрашен, — сказал я, — и сражается, как подобает королю». Мейстер усмехнулся на это и заявил, что принц Рейегар скоро подавит мятеж. Вот тогда Старк и молвил: «В этом мире нет ничего достоверного, кроме зимы. Конечно, мы можем потерять головы, но что, если мы победим?» И отец отпустил его с миром, сказав на прощание: «В случае чего помни: тебя тут не было».

— Как и меня, — сказал Давос.

Джон

Короля за Стеной вывели со связанными руками, с петлей на шее. Конец веревки был привязан к седлу сира Годри Фарринга. И Победитель Великанов, и его конь были облачены в доспехи из серебристой стали с чернью, на Манса-Разбойнике была только рубаха, оставлявшая обнаженными руки и ноги. «Хоть бы плащ ему оставили, — подумал Джон Сноу, — тот, который залатала красным шелком одна одичалая. Неудивительно, что Стена плачет».

«Манс знает Зачарованный лес лучше любого разведчика, — сказал Джон Станнису при последней попытке убедить короля, что живой Манс полезнее мертвого. — Дружен с Тормундом Великаньей Смертью. Сражался с Иными. И не подул в рог Джорамуна, владея им, — не свалил Стену».

Станнис остался глух ко всему. Закон прост: дезертирство карается смертью.

— Все мы должны выбирать, — провозгласила леди Мелисандра, воздев белые руки под льющей слезы Стеной. — Мужчины и женщины, молодые и старые, крестьяне и лорды, мы должны выбрать одно из двух: свет или тьму. — Красная женщина

стояла на деревянном помосте рядом с королем, и ее голос напоминал Джону анис, гвоздику, мускатный орех. — Добро или зло. Истинного или ложного бога.

Ветер бросил Мансу волосы на глаза. Он с улыбкой отвел их связанными руками, но, когда увидел клетку, его мужество дрогнуло. Люди королевы, наведавшись в Зачарованный лес, соорудили ее из стволов молодых деревьев, из смолистых сосновых веток, из белых перстов чардрев и подвесили кружевной остов над ямой, полной бревен и хвороста.

— Смилуйтесь! — крикнул вождь одичалых. — Так не годится. Я не настоящий король…

Сир Годри дернул за веревку, затянул петлю и поволок осужденного за собой к месту казни.

— ВОЛЬНЫЙ НАРОД! — воскликнула Мелисандра, глядя, как поднимается в воздух клетка с окровавленным Мансом. — Вот стоит ваш ложный король, а вот рог, будто бы способный обрушить Стену. — Двое людей королевы предъявили рог Джорамуна — черный, окованный старым золотом, восьми футов в длину. На золотых обручах были вырезаны руны Первых Людей. Со смерти Джорамуна прошло несколько тысяч лет, но Манс отыскал его могилу под ледником,

где-то в Клыках Мороза. Джорамун протрубил в Рог Зимы и поднял из земли великанов… Игритт лгала, говоря, что Манс так и не нашел этот рог — или Манс держал это в тайне даже от собственных воинов.

Тысяча голодных, оборванных пленников смотрели из-за своего частокола на высоко поднятый рог. В Семи Королевствах их зовут одичалыми, сами же они именуют себя вольным народом. Сейчас они не казались ни дикими, ни свободными — испуганные, остолбеневшие люди, ничего более.

— Рог Джорамуна? — продолжала Мелисандра. — Скажем лучше, Рог Тьмы. Если Стена падет, на мир опустится долгая ночь без конца и края. Этого нельзя допустить! Владыка Света, видя своих детей в бедственном положении, послал им защитника, возрожденного Азора Ахаи. — Она указала на Станниса, и большой рубин у нее на шее начал пульсировать, излучая свет.

Станнис — камень, она — пламя. Глаза Станниса синели, как кровоподтеки, на изнуренном лице. На сером панцире над его собственным сердцем пылало еще одно, широкие плечи окутывал парчовый, на меху, плащ. Выше бровей сидела корона красного золота с зубцами в виде

языков пламени. Рядом с ним стояла прямая, высокая Вель. Простой бронзовый обруч на голове придавал ей более царственный вид, чем золотой венец Станнису.

Ее серые немигающие глаза смотрели без страха, под горностаевым плащом виднелось белое с золотом платье, медовая коса, перекинутая через плечо, свисала до пояса, щеки от холода разрумянились.

Мелисандра короны не носила, но всем было ясно, что настоящая королева Станниса — это она. Не та некрасивая женщина, что мерзнет в Восточном Дозоре. Поговаривали, что король не намерен посылать за королевой Селисой и дочерью, пока Твердыня Ночи не станет пригодной для жизни. Джон жалел их обеих. На Стене мало удобств, к которым привыкли жены и дочери южных лордов, а в Твердыне Ночи и вовсе никаких. Эта крепость даже в лучшие времена была донельзя мрачным местом.

— Смотри же, вольный народ, что ждет выбравших тьму!

Рог Джорамуна вспыхнул, весь охваченный желто-зеленым огнем. Мохнатый конек заплясал под Джоном, другие всадники тоже с трудом сдерживали своих лошадей. У одичалых, чьи надежды

сгорали у них на глазах, вырвался дружный стон. Некоторые — их было немного — выкрикивали проклятия, остальные молчали. Когда высветились руны на обручах, люди королевы сбросили рог в яму.

Манс-Разбойник, кое-как ослабив петлю у себя на шее, кричал о предательстве и колдовстве. Отрекался от королевского сана, своего народа и своего имени. Молил о пощаде и проклинал красную женщину. Хохотал как безумный.

Джон смотрел, не отводя глаз, опасаясь проявить слабость. Он вывел сюда двести человек, почти половину гарнизона. Грозные черные ряды щетинились копьями, за низко надвинутыми капюшонами скрывались седые бороды и безусые мальчишечьи лица. Одичалые боятся Ночного Дозора — пусть помнят о своем страхе, отправляясь в новые поселения южнее Стены.

Дрова в яме сразу воспламенились от горящего рога. Манс плакал и молил, вцепившись в прутья клетки связанными руками. Еще немного, и огонь позвал его танцевать. Крики страдальца слились в сплошной бессловесный вопль. Он порхал в клетке, как лист, как мотылек, угодивший в пламя свечи.

Братья, вышел мой срок, мой конец

недалек,

Не дожить мне до нового дня,

Но хочу я сказать: мне не жаль умирать,

Коль дорнийка любила меня,

— вспомнилось Джону.

Вель стояла на помосте как соляное изваяние. Взгляд ее оставался твердым, глаза сухими. Что сделала бы Игритт на ее месте? Женщины сильнее мужчин. Джон думал о Сэме, о мейстере Эйемоне, о Лилли. Она проклянет его в час своей смерти, но другого выхода у него просто не было. Из Восточного Дозора сообщают о бурях на Узком море. Джон хотел уберечь их, а вместо этого, может статься, послал на корм крабам. Ночью ему снился тонущий Сэм, Игритт, смертельно раненная его, Джона, стрелой (ту стрелу пустил не он, но во сне все иначе), плачущая кровавыми слезами Лилли.

«Хватит с меня», — решил он и скомандовал:

— Пли.

Ульмер из Королевского леса воткнул копье в землю, снял с плеча лук, достал черную стрелу из колчана. Милашка Доннел Хилл, Гарт Серое Перо, Бородатый Бен сделали то же самое. Они

натянули луки, наложили стрелы и выстрелили.

Одна стрела попала Мансу в грудь, вторая в живот, третья в горло. Четвертая застряла в дереве и загорелась. Под рыдания кого-то из женщин пылающий король одичалых сполз на пол клетки.

— Ныне его дозор окончен, — тихо промолвил Джон. Манс был братом Дозора, пока его черный плащ не подшили полосками красного шелка.

Станнис хмурился, Джон старался на него не смотреть. Днище из клетки выпало, рдеющие прутья и ветки сыпались в костер градом.

— Владыка света создал солнце, луну и звезды, чтобы освещать нам путь. Даровал нам огонь, чтобы отгонять ночь, — продолжала проповедовать Мелисандра. — Огонь всегда побеждает.

— Огонь всегда побеждает, — повторили хором люди королевы.

Алые одежды красной женщины развевались, медные волосы окружали голову нимбом. На пальцах воздетых рук вспыхнули желтые огоньки.

— ВОЛЬНЫЙ НАРОД! Твои ложные боги бессильны. Твой рог обманул тебя. Твой ложный король привел тебя к отчаянию и смерти, но здесь перед тобой король истинный. УЗРИТЕ СЛАВУ ЕГО!

Станнис Баратеон обнажил Светозарный.

От меча шел красный, желтый, оранжевый свет. Сияния такой силы Джон ни разу еще не видел — Светозарный из стального сделался солнечным. Люди отворачивались, прикрывали руками глаза, лошади бесились, один из всадников не удержался в седле. Костер в яме скукожился, как маленькая собака перед большой, даже Стена зарделась. Что это — неужели королевская кровь взаправду себя оказывает?

— На Западе только один король, — сказал Станнис. Его голос после переливов Мелисандры звучал особенно резко. — Этим мечом я защищаю своих подданных и караю всех, кто им угрожает. Всякому, кто склонит колено, я обещаю землю, пищу и правосудие. Поклонитесь — будете жить, уйдете — погибнете. — Король убрал меч в ножны, и мир померк, словно солнце зашло за тучу. — Открыть ворота.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — взревел, как боевой рог, сир Клэйтон Сагс.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — отозвался эхом сир Корлисс Пенни, командующий гвардией.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — закричали сержанты.

Солдаты бросились выворачивать колья, перекидывать через ров доски. В частоколе образовался широкий проем. Когда Джон поднял

и опустил руку, ряды черных братьев раздались, очистив проход к Стене. Скорбный Эдд Толлетт, стоявший там наготове, отворил железные ворота в ледяной толще.

— Идите же, — призвала Мелисандра. — Вперед, к свету, или назад, во тьму — выбор за вами. — Огонь трещал у нее под ногами. — Все, кто выбирает жизнь, идите ко мне.

И они пошли — робко на первых порах. «Хотите есть — идите ко мне, — думал Джон. — Не хотите замерзать и умирать с голоду — подчинитесь». Первые шли робко, опасаясь подвоха. Другие, видя, что с ними ничего не случилось, двинулись следом. Вскоре поток одичалых, выходящих из частокола, стал нескончаемым. Каждому — мужчине, женщине и ребенку — люди королевы в стеганых колетах и полушлемах вручали частицу чардрева: прутик, похожую на кость ветку, пригоршню красных листьев. Частицу старых богов, чтобы накормить нового. Правая рука Джона сжалась в кулак.

Жар от костровой ямы чувствовался даже на расстоянии; одичалым никогда еще не было так тепло. Дети плакали, кое-кто из взрослых поворачивал к лесу. Молодая женщина с двумя детьми на руках все время оглядывалась — убедившись,

что за ней никто не гонится, она пустилась бегом. Старик использовал врученный ему сук как дубину и махал им, пока его не пронзили копьями. Труп обходили, пока сир Корлисс не велел бросить его в огонь. После этого в лес стало уходить чуть больше народу — примерно один из десяти человек.

Позади ожидали холод и смерть, впереди манила надежда. Одичалые шли, бросая в огонь свои прутья и ветки. Рглор — ревнивое, вечно голодное божество — мигом пожрал труп старика. На красно-рыжую Стену падали гигантские тени Станниса и Мелисандры.

Первым колено преклонил плешивый Сигорн, новый магнар теннов — уменьшенная копия своего отца, в бронзовых наручах и кожаной рубахе с бронзовой чешуей. Следующим подошел Гремучая Рубашка, в костяной клацающей броне и великанском черепе вместо шлема. Под этими доспехами скрывался жалкий человечек с гнилыми зубами и желтыми белками глаз, злобный, тупой и жестокий. Джон знал, что его присяга гроша ломаного не стоит. Что-то чувствует Вель, видя, как Костяной Лорд получает прощение?

За ними двигались другие. Двое вождей Рогоногих с черными ступнями, известная на Молочной

знахарка, двенадцатилетний сынишка Альфина Убийцы Ворон, Халлек, брат Хармы Собачьей Головы (с ее свиньями).

Холодновато для такого спектакля. «Вольный народ презирает поклонщиков, — говорил Станнису Джон. — Пощадите их гордость, и они вас полюбят». — «Мне нужны их мечи — без поцелуев как-нибудь обойдусь», — ответил король.

Воздав почести Станнису, одичалые шагали между рядами черных братьев к воротам. Джон поставил в туннеле с факелами Коня, Атласа и еще полдюжины человек. На той стороне приготовлены миски с горячим луковым супом, черный хлеб, колбаса. Одежда тоже: плащи, рубахи, штаны, сапоги, прочные кожаные перчатки. Спать одичалые лягут на чистой соломе у жарких костров; в методичности королю не откажешь. Посмотрим, однако, на чью сторону станут новые королевские подданные, когда Тормунд снова пойдет на Стену. Вольный народ, сколько ни осыпай его милостями, сам выбирает себе королей, и выбрал он Манса — не Станниса.

К Джону подъехал Боуэн Мурш.

— Не думал я, что доживу до этого дня. — Лорд-стюард сильно похудел, получив ранение в голову на Мосту Черепов и лишившись части од-

ного уха. Его побледневшую физиономию теперь никто не принял бы за гранат. — Стоило сдерживать одичалых у Теснины ценой такой крови. Чего ради гибли хорошие люди, братья, друзья?

— Страна проклянет нас за это, — подхватил сир Аллисер Торне. — Все порядочные люди Вестероса будут плеваться при одном упоминании Ночного Дозора.

«Кто бы высказывался от имени порядочных-то людей».

— Тишина в строю! — Сир Аллисер несколько поутих после казни Яноса Слинта, однако вся его злоба осталась при нем. Джон одно время подумывал назначить его начальником гарнизона вместо покойного Слинта, но лучше было держать его при себе: из этих двоих Торне всегда был опаснее. Командующим Серого Дозора Джон сделал пожилого стюарда из Сумеречной Башни и надеялся, что создание двух новых гарнизонов поможет делу.

Дозор способен пустить одичалым кровь, но остановить их бессилен. Сожжение Манса-Разбойника ничего не меняет: дозорных по-прежнему слишком мало по сравнению с одичалыми, и без разведчиков Дозор слеп. Придется вскоре выслать за Стену новую партию, и неизвестно,

вернется она или нет.

Одичалые, среди которых было много стариков, раненых и больных, медленно продвигались по узкому извилистому проходу. Последние из них преклоняли колени уже в темноте. Костер в яме стал угасать, тень короля на Стене съежилась вчетверо против прежнего. Джон видел в воздухе пар от собственного дыхания — представление затянулось.

За частоколом задержались около полусотни пленных, в том числе четверо великанов — громадные, волосатые, на плоскостопых, толстых как деревья ногах. Под Стеной они бы протиснулись, но один из них не хотел бросать своего мамонта, а трое других не хотели бросать его. У отказчиков обычного роста умер или умирал кто-то из близких — это оказалось сильнее, чем луковый суп.

— Вы свободны, — прогремел над горсткой озябших людей голос Станниса. — Идите и расскажите своему народу о том, что видели здесь. Скажите, что король готов принять в свое королевство всех, кто обязуется соблюдать мир, прочие же пусть уходят подальше — я не потерплю больше нападений на мою Стену.

— Одно государство, один бог, один король! —

возгласила леди Мелисандра.

— Одно государство, один бог, один король! — подхватили люди королевы, стуча копьями по щитам. — Станнис! Станнис! ОДНО ГОСУДАРСТВО, ОДИН БОГ, ОДИН КОРОЛЬ!

Ни Вель, ни братья Ночного Дозора не присоединились к их хору. Вереницу уходящих в лес одичалых замыкали великаны — двое на мамонте, двое пешком. В загоне остались одни только мертвые. Станнис сошел с помоста; Мелисандра красной тенью сопровождала его. Почетная гвардия — сир Годри, сир Клэйтон и еще с дюжину рыцарей, сплошь люди королевы — сомкнула кольцо вокруг них. Доспехи блестели при луне, плащи колыхались от ветра.

— Лорд-стюард, — сказал Джон, — разберите частокол на дрова и сожгите тела.

— Слушаюсь, милорд. — Мурш отдал приказ, и стюарды, выйдя из рядов, направились к частоколу. — Вы полагаете, эти одичалые сдержат клятву?

— Сдержат, но не все. У них, как и у нас, есть свои трусы и плуты, слабодушные и глупцы.

— Мы с вами поклялись защищать государство…

— Вольный народ, поселившись в Даре, станет

частью этого государства, — напомнил Джон. — Отчаянные времена, в которые мы живем, становятся все отчаянней. Мы видели лицо нашего истинного врага: оно белое, с глазами как синие звезды. Вольный народ его тоже видел. Враг у нас общий — в этом Станнис, во всяком случае, прав.

— Враг общий, согласен — но это еще не значит, что десятки тысяч оголодавших дикарей нужно пускать за Стену. Пусть возвращаются в свои деревни и бьются с Иными там, пока мы обороняем Стену. Отелл говорит, что ворота запечатать не так уж трудно. Завалить туннели щебенкой, налить туда воду сквозь амбразуры — Стена завершит остальное. По прошествии одной луны ворота станут непроходимыми, как и не было их. Врагу придется прорубать толщу скованного льдом камня.

— Или лезть через Стену.

— Навряд ли. Это ведь не легкий отряд — похватали женщин, взяли что плохо лежит и обратно. С Тормундом будут дети, старухи, козы и овцы, те же мамонты. Без ворот ему зарез, а их всего-то трое осталось. Ну, допустим, он и верхолазов пошлет, так что же? Переловим их, как рыбу в котле.

«Рыба не вылазит из котла и не втыкает копье

тебе в брюхо». Джон сам перебрался через Стену не так давно.

— Лучники Манса-Разбойника пустили в нас около десяти тысяч стрел — я сужу по количеству собранных, — продолжал Мурш. — А до верха Стены долетело не больше ста, подхваченных ветром. Мы потеряли одного только Рыжего Алина, да и того не стрела убила: он упал и разбился, когда она оцарапала ему ногу. А вот Донал Нойе погиб, защищая ворота… геройски, спору нет, но будь они запечатаны, наш храбрый оружейник и поныне бы пребывал с нами. Пока мы наверху, а неприятель внизу, никакое войско нам не опасно. Хоть сто человек, хоть сто тысяч.

В чем-то он был прав. Войско Манса разбилось о Стену, как волна о скалистый берег, хотя защищала ее всего-то горстка стариков, юнцов и калек. Но предложение Мурша насчет ворот…

— Запечатав ворота, мы не сможем высылать разведчиков на ту сторону, — сказал Джон. — Это все равно что ослепнуть.

— Последняя вылазка лорда Мормонта стоила Дозору четверти братьев, милорд. Надо беречь те немногие силы, которые у нас еще есть. Кто высоту займет, тот и битву выиграет, как говорил мой дядя, — а выше Стены нет ничего, лорд-ко-

мандующий.

— Станнис обещал землю, пищу и правосудие всякому, кто склонит колено. Он нам не позволит закрыть ворота.

— Я не сплетник, лорд Сноу, — помявшись, ответил Мурш, — но у нас говорят, что вы чересчур дружны с лордом Станнисом. Некоторые заявляют даже, что вы…

«Смутьян и перебежчик, ну да. А вдобавок бастард и оборотень». Янос Слинт умер, но его клевета жива.

— Знаю я, о чем они шепчутся. — Люди часто отворачиваются, когда Джон идет через двор. — Не могу только понять, что им надо. Чтобы я вступил в бой со Станнисом и с одичалыми заодно? У его величества людей втрое больше, притом он наш гость, и мы в долгу перед ним.

— Лорд Станнис помог нам, когда мы нуждались в помощи, — упорствовал Мурш, — но он мятежник, и дело его обречено на погибель. Если Железный Трон и нас заклеймит как изменников, нам тоже несдобровать. Неразумно было бы становиться на сторону проигравшего.

— Я не собираюсь становиться ни на чью сторону, но теперь, когда лорд Тайвин мертв, мне уже меньше верится в победу Железного Трона. —

Десницу короля, судя по слухам с Королевского тракта, убил прямо в нужнике его сын, карлик. Джон был знаком с Тирионом Ланнистером — тот пожимал ему руку и называл своим другом. Трудно было поверить, что у коротышки достало духу убить собственного родителя, но сама кончина лорда Тайвина сомнений как будто не вызывала. — Львенок, что сидит в Королевской Гавани, совсем еще мал, а Железный Трон и взрослых резал на ломти.

— Мал-то он мал, милорд, но король Роберт пользовался любовью в народе, и многие до сих пор полагают, что Томмен — родной его сын. Лорда Станниса полюбить куда как труднее, не говоря уж о леди Мелисандре с ее кострами и суровым красным богом. Люди жалуются, вот что я вам скажу.

— На Мормонта тоже жаловались. На лордов и на жен всегда жалуются — он мне сам так сказал. А если жен нет, то лордам достается вдвое больше положенного. — Стюарды уже повалили две стороны загородки и рушили третью. — Заканчивайте без меня, Боуэн, и проследите, чтобы мертвецов сожгли всех до последнего. Спасибо вам за совет: обещаю хорошенько его обдумать.

Из ямы все еще шел дым с хлопьями пепла. У

ворот Джон спешился и повел коня под уздцы на южную сторону. Впереди шагал Скорбный Эдд с факелом, с потолка капали холодные слезы.

— Отрадно было видеть, как горит этот рог, милорд, — сказал Эдд. — Вчера мне приснилось, будто я сикаю со Стены, а тут кто-то возьми да и затруби. Нет, я не жалуюсь — лучше уж такой сон, чем тот, где Харма Собачья Голова скормила меня своим свиньям.

— Харма мертва.

— Но свиньи-то живы. И глядят на меня, как Смертоносный на ветчину. Зато одичалые ничего плохого как будто не замышляют. Мы, правда, порубили и велели сжечь их богов, но взамен накормили луковым супом. Разве может бог сравниться с миской горячего хлебова? Я и сам бы не отказался.

Черный плащ Джона пропах дымом и горелым мясом. Да, поесть не мешало бы, но он изголодался не по еде. Посидеть бы за чашей вина с мейстером Эйемоном, перекинуться парой слов с Сэмом, посмеяться с Пипом, Гренном и Жабой. Эйемона и Сэма больше нет здесь, но остальные его друзья…

— Сегодня я буду ужинать с братьями.

— Вареная говядина и свекла. — Эдд, похоже,

всегда знал, чем будут кормить. — Только хрен у Хобба весь вышел — кому сдалось вареное мясо без хрена?

Старую трапезную сожгли одичалые — теперь братья Ночного Дозора ели в каменном погребе под оружейной. Два ряда мощных колонн подпирали сводчатый потолок, вдоль стен лежали бочки с вином и элем. За ближним к лестнице столом играли в плашки четыре строителя, ближе к огню разведчики толковали о чем-то с людьми королевы, у другого стола собралась молодежь.

— Ночь темна и полна репы, — вещал Пип, тыча в репку ножом. — Помолимся об оленине, дети мои, об оленине с подливкой и луком. — Гренн, Жаба, Атлас и прочие дружно ржали.

Джон не присоединился к ним.

— Глупо смеяться над чужой верой, Пип. И опасно.

— Чего ж тогда красный бог меня не сразил?

— Мы не над ним смеемся, милорд — над жрицей, — заверил красавец Атлас, бывшая шлюха мужского пола из Староместа.

— У вас свои боги, у нее свой. Оставьте ее в покое.

— Она-то наших богов в покое не оставляет, — заспорил Жаба. — Послушать ее, так все они

ложные — что Семеро, что старые. Одичалых она заставила жечь ветки чардрев, сами видели.

— Леди Мелисандра мне не подчиняется, а вот вы — да. Недоставало еще, чтоб вы передрались с людьми королевы.

— Ни квака более, храбрый Жаба — внемли словам лорда Сноу. — Пип отвесил Джону шутовской поклон. — Отныне я и ухом не шевельну без приказа вашего пресветлого лордства.

Он думает, это игра. Треснуть бы его как следует, чтоб дошло.

— Ушами шевели сколько хочешь, только языком не мели.

— Я за ним пригляжу, — пообещал Гренн. — Надо будет, так и побью. Не отужинаете ли с нами, милорд? Подвинься, Оуэн, дай Джону сесть.

Джон только этого и хотел, но понимание того, что теперь это ему недоступно, повернулось в животе словно нож. Они сами выбрали его командовать ими. «Лорд может любить своих подчиненных, — сказал в голове отец, — но дружба с ними ему заказана. Нельзя дружить с людьми, которых ты судишь или посылаешь на смерть».

— В другой раз, — сказал Джон. — Ты, Эдд, оставайся и ужинай — у меня еще есть дела.

Снаружи, как ему показалось, стало еще холоднее. В окнах Королевской башни мерцали свечи, на крыше стояла Вель. Станнис держал ее прямо над своими покоями, но на крышу разрешал выходить. Девушка смотрела на вершину Стены. Как она одинока и как красива, подумал Джон. Рыжая Игритт, поцелованная огнем, тоже была по-своему хороша, когда улыбалась, а Вель и улыбаться не надо. От нее и так все мужчины при любом королевском дворе лишатся рассудка.

Хотя стражники не сказать чтобы без ума от нее. Она их обзывает поклонщиками и уже трижды пыталась бежать. Зазевался один латник, а она хвать кинжал у него из ножен да и воткнула в шею. Еще дюйм влево, и ему бы конец.

Одинокая, красивая, опасная, она могла бы достаться Джону. Она, и Винтерфелл, и имя его лорда-отца. Вместо всего этого он выбрал черный плащ и ледяную стену. Выбрал честь, по своему бастардову разумению.

Стена нависала над ним справа, когда он шел через двор — мерцающая вверху и накрывающая все внизу своей тенью. За решеткой ворот, где часовые укрывались от ветра, светилось рыжее зарево. Клеть, поскрипывая на цепях, шуршала по льду. Там наверху часовые, не иначе, сидят в

будке вокруг жаровни и либо орут в голос из-за ветра, либо вовсе молчат. Надо бы и Джону подняться туда, на свою Стену.

Он шел мимо сгоревшего остова башни командующего, мимо места, где умирала на его руках Игритт. Прибежал, дыша паром, Призрак; его красные глаза горели во тьме, как угли. Убил что-то, понял Джон, ощутив горячую кровь во рту, и сплюнул. «Я человек, не волк, — сказал он себе. — Так нельзя».

Под воронятником по-прежнему жил Клидас. На стук Джона он приоткрыл дверь со свечкой в руке.

— Можно? — спросил Джон.

— Разумеется. — Клидас открыл дверь пошире. — Я как раз грею вино, не желаете ли?

— Охотно. — Руки совсем застыли; Джон снял перчатки, согнул и разогнул пальцы.

Клидас, вернувшись к огню, помешал в котелке с вином. Шестьдесят ему стукнуло как пить дать — молодым он казался лишь по сравнению с Эйемоном. Низенький, тучный, глаза розовые, как у ночного создания, на черепе редкие белые волосы. Джон взял протянутую им чашу обеими руками, вдохнул аромат, испил. В груди разлилось тепло. Он выпил еще, смывая вкус крови

во рту.

— Люди королевы говорят, что Король за Стеной умер как трус. Молил о пощаде и отрекался от королевского титула.

— Так и было. И Светозарный горел небывало ярко, как солнце. За Станниса Баратеона с его волшебным мечом, — поднял чашу Джон. Вино отозвалось горечью.

— У его величества нрав тяжелый. Трудно быть легким, когда носишь корону. Из хороших людей выходят порой дурные короли, по словам мейстера Эйемона, а из дурных — хорошие.

— Кому и знать, как не ему. — При Эйемоне Таргариене на Железном Троне сменилось девять правителей. Королевский сын, королевский брат, королевский дядя. — Я полистал книгу, которую он мне оставил — «Яшмовый ларец». Почитал про Азора Ахаи, которому принадлежал Светозарный. Он закалил меч кровью своей жены, если верить Вотару. С тех пор Светозарный стал теплым, как Нисса-Нисса, и ни разу не остывал, а во время битвы он раскаляется. Когда Азор Ахаи пронзил им брюхо одного чудища, кровь бестии закипела, из пасти повалил дым, глаза вытекли и все тулово вспыхнуло будто факел.

— Клинок, который нагревается сам собой… —

сморгнул Клидас.

— …На Стене был бы весьма полезен. — Джон отставил чашу, надел перчатки из черной кротовой шкуры. — Жаль, что у Станниса меч холодный — любопытно бы поглядеть, каков он в бою. Спасибо за вино, Клидас. Призрак, ко мне. — Джон покрыл голову капюшоном и опять вышел в ночь вместе с волком.

В оружейной было темно и тихо. Джон, кивнув часовым, прошел мимо стоек с копьями в свои комнаты. Повесил пояс с мечом на один колышек, плащ на другой. Снял перчатки и долго зажигал свечи закоченевшими пальцами. Призрак тут же свернулся на своем коврике, но Джон пока не мог лечь. На обшарпанном сосновом столе ждали карты земель к северу от Стены, список разведчиков и письмо из Сумеречной Башни, написанное летящим почерком сира Денниса Маллистера.

Джон перечел письмо, заострил перо, откупорил пузырек густых черных чернил. Одно послание сиру Деннису, другое Коттеру Пайку. Оба просят дать им людей. На запад в Сумеречную Башню отправятся Халдер и Жаба, в Восточный Дозор — Гренн и Пип. Перо спотыкалось, слова выходили корявыми со всех смыслах, но Джон не сдавался.

Справившись наконец с письмами, он ощутил холод. Стены будто смыкались вокруг него. Ворон Старого Медведя смотрел с насеста над окном пронзительными черными глазками. Только этот друг у него и остался. Если Джон умрет первым, ворон и ему глаза выклюет. Призрак не в счет, Призрак больше чем друг — он часть самого Джона.

«Таков мой жребий, — сказал себе лорд-командующий, ложась на узкую койку Донала Нойе. — Отныне и до конца моих дней».

Дейенерис

— Что случилось? — вскричала она, когда Чхику потрясла ее за плечо. За окнами было черным-черно. — Даарио? — Во сне они, простые люди, муж и жена, жили в домике с красной дверью, и он целовал ее всю — губы, шею и грудь…

— Нет, кхалиси. Пришел твой евнух, Серый Червь, и с ним Лысый. Впустить их?

— Да. — Волосы у Дени растрепались, простыни сбились комом. — Но сначала помоги мне одеться и дай вина. Надо прочистить голову. — «И смыть сон». — Кто это плачет?

— Твоя раба Миссандея. — Чхику держала свечку в руке.

— Служанка. У меня нет рабов. Что с ней такое?

— Брата оплакивает.

Остальное ей рассказали Скахаз, Резнак и Серый Червь. При одном взгляде на безобразную рожу Лысого Дени поняла, что ничего хорошего не услышит.

— Сыны Гарпии?

Скахаз мрачно кивнул.

— Сколько у нас погибших?

— Девять, ваше великолепие, — заломил руки Резнак. — Страшное зло совершилось. Ужасная ночь.

Девять! Как кинжал в сердце. Каждую ночь под ступенчатыми пирамидами Миэрина идет тайная война. Каждое утро солнце озаряет свежие трупы и гарпий, намалеванных кровью на кирпиче. Каждому вольноотпущеннику, слишком дерзкому или внезапно разбогатевшему, грозит гибель, но девять за одну только ночь?

— Рассказывайте.

— Слуги вашего величества, хранящие покой Миэрина, были вооружены полностью, — начал Серый Червь. — Копья, короткие мечи и щиты. Они выходили в город парами и умирали попарно. Ваших слуг Черного Кулака и Сетериса убили из арбалета в лабиринте Маздана. На ваших слуг Моссадора и Дурана сбросили камни со стены, что выходит на реку. Ваших слуг Эладона Златовласого и Верное Копье отравили в винной лавке, которую они посещали при каждом обходе.

«Моссадор. Проклятие!» Миссандею и ее братьев пираты увезли с родного острова Наат и продали в Астапоре. Девочку, способную к языкам, добрые господа сделали писцом, Моссадора с Марслином оскопили и отдали в Безупречные.

— Удалось схватить кого-нибудь из убийц?

— Ваши слуги взяли хозяина винной лавки и его дочерей. Они уверяют, что невиновны, и просят помиловать их.

«Все они так».

— Отдайте их Лысому, а ты, Скахаз, допроси каждого по отдельности.

— Слушаюсь, ваше великолепие. Как допрашивать, с пристрастием или без?

— Сначала без. Послушай, что они будут говорить и какие имена назовут. Может, они и впрямь непричастны. Благородный Резнак сказал «девять» — еще кто?

— Трое вольноотпущенников убиты в своих домах, — доложил Лысый. — Ростовщик, сапожник и арфистка Рилона Ри. Ей перед смертью пальцы отрезали.

Дени поморщилась. Рилона Ри играла на арфе, как сама Дева. Рабыней она услаждала слух всех знатных семей Юнкая, на свободе представляла юнкайских вольноотпущенников в королевском совете.

— Кроме виноторговца, никто не взят?

— Увы. Ваш слуга нижайше просит прощения.

«Помиловать, значит? — подумала Дени. — Скоро они на себе узнают, что такое драконово

милосердие».

— Я передумала, Скахаз. Отца допроси с пристрастием.

— Можно его, а можно и дочек — у него на глазах. Быстрее сознается.

— Делай как считаешь нужным, только имена мне добудь. — Ярость полыхала огнем у нее в животе. — Недопустимо, чтобы Безупречных и впредь убивали. Серый Червь, отведи своих людей обратно в казармы. Отныне они будут охранять лишь мой дворец и мою персону, а на улицах пусть несут дозор миэринцы. За эту новую стражу, Скахаз, отвечаешь ты. Набери в нее поровну лысых и вольноотпущенников.

— Как прикажете. Сколько людей можно взять?

— Сколько тебе потребуется.

— Где же я наберу монеты на жалованье стольким солдатам, ваше великолепие? — ужаснулся Резнак мо Резнак.

— В пирамидах. Налог на кровь, так сказать. Сто золотых с каждой из пирамид за каждого вольноотпущенника, убитого Сынами Гарпии.

— Будет сделано, — заулыбался Лысый, — но вашей блистательности следует знать, что великие господа Цхак и Меррек намерены уехать

из города.

Цхак и Меррек вкупе со всеми миэринцами, простыми и знатными, сидели у Дени в печенках.

— Пусть едут, но взять им позволяется лишь то, что на них. Их золото и съестные припасы останутся нам.

— Мы не уверены, что эти вельможи хотят примкнуть к врагам вашего великолепия, — заметил Резнак мо Резнак. — Скорее всего они попросту направляются в свои загородные имения.

— Тем целее будет их золото. В холмах его все равно тратить не на что.

— Они боятся за своих детей, — предположил Резнак.

«Как и я», — мысленно добавила Дени.

— Детей тоже побережем. Возьмем у них по мальчику и по девочке. И в других домах тоже.

— В заложники, — возрадовался Скахаз.

— В пажи и чашницы. Если великие господа начнут возражать, объясни им, что в Вестеросе родителям оказывают большую честь, беря ко двору их ребенка. Ступайте и выполняйте. Я должна оплакать погибших.

Миссандея рыдала на своей койке, стараясь всхлипывать как можно тише.

— Иди спать ко мне, — позвала Дени. — Утро еще не скоро.

— Ваше величество так добры к своей покорной слуге. — Миссандея скользнула под простыню. — Он был хорошим братом.

— Расскажи мне о нем, — обняла ее Дени.

— Он учил меня лазить по деревьям. Умел ловить рыбу руками. Однажды он уснул в нашем саду, и на него сели целых сто бабочек. Так красиво. Ваша слуга… я… любила его.

— Он тебя тоже любил, — сказала Дени, гладя девочку по голове. — Если захочешь, милая, я найду корабль и отправлю тебя домой, на твой остров, прочь из этого ужасного города.

— Я лучше с вами останусь. На Наате мне будет страшно — вдруг работорговцы опять нагрянут? А с вами я ничего не боюсь.

Глаза Дени наполнились слезами.

— Хорошо, оставайся. Я буду заботиться о тебе. Обо мне-то, когда я была маленькая, никто не заботился. Разве что сир Виллем, но он рано умер, а Визерис… Трудно это — оберегать кого-то, быть сильной, но мне приходится. Больше ведь у них никого нет, а я королева…

— …и мать, — завершила девочка.

— Мать драконов, — передернулась Дени.

— Нет. Всем нам мать. — Миссандея прижалась к ней еще крепче. — Усните, ваше величество. Скоро настанет день, двор соберется…

— Уснем обе и будем видеть сладкие сны. Закрой глаза.

Миссандея послушалась. Дени поцеловала ее веки, и у девочки вырвался тихий смешок.

Поцелуи даются просто, не то что сон. Дени старалась думать о доме, о Драконьем Камне, Королевской Гавани и других местах, знакомых ей по рассказам Визериса, но мысли, точно корабли, застигнутые неблагоприятным ветром, все время возвращались к заливу Работорговцев. В конце концов она выпустила из рук крепко спящую Миссандею и вышла на воздух. Внизу простирались посеребренные луной крыши.

Где-то там, под одной из них, собираются Сыны Гарпии. Они замышляют убить ее и всех, кто ей дорог, хотят снова заковать в цепи ее детей. Где-то плачет и просит молока голодный ребенок, где-то умирает старуха, где-то страстно обнимаются мужчина и женщина. Здесь, наверху, ничего — только луна и одинокая Дени.

Она от крови дракона. Когда-нибудь она расправится с Сынами Гарпии, с детьми их, с внуками, с правнуками — но голодное дитя дракон не накор-

мит и умирающих не утешит. И кто же осмелится полюбить его самого?

Ее мысли вновь обратились к Даарио. Золотой зуб блестит, борода расчесана натрое, сильные руки лежат на парных золотых эфесах в виде нагих женщин — аракх и стилет. Прощаясь с ней, он легонько провел большими пальцами по этим фигурам, и Дени ощутила ревность к золотым женщинам. Она мудро поступила, отослав его от себя. Она королева, а Даарио из простых.

«Как он долго, — сказала Дени сиру Барристану вчера. — Что, если он изменил мне, переметнулся к врагу? — *Три измены ты должна испытать.* — Что, если встретил какую-нибудь знатную лхазарянку?»

Она знала, что старик не любит Даарио и не доверяет ему, но ответил он, как пристало галантному рыцарю: «Прекраснее вашего величества нет никого на свете. Только слепой может судить иначе, а Даарио Нахарис не слеп».

Верно, не слеп. Глаза у него густо-синие, почти лиловые, улыбка сверкает золотом.

Сир Барристан уверен, что он вернется, — ей остается лишь молиться, чтобы старик оказался прав.

Дени прошлепала босиком к бассейну, вошла

в его успокоительную прохладу. Рыбки пощипывали ей руки и ноги. Закрыв глаза, она легла на воду и тут же встрепенулась от легкого шороха.

— Миссандея? Ирри? Чхику?

— Они спят, — ответили ей.

Под хурмой стояла женщина в длинном плаще. Лицо под капюшоном казалось блестящим и твердым. Маска. Деревянная маска, крытая красным лаком.

— Куэйта? Не сон ли это? — Дени ущипнула себя за ухо: больно. — Ты мне снилась на «Балерионе», когда мы пришли в Астапор.

— Тогда это был не сон, теперь тоже.

— Что ты здесь делаешь? Как прошла мимо стражи?

— Твоя стража меня не видела.

— Если я их кликну, тебя убьют.

— Они повторят тебе, что никого здесь не видят.

— Но ты же здесь?

— Нет. Слушай меня, Дейенерис Таргариен: стеклянные свечи зажглись. Скоро явится сивая кобыла, а за ней и другие. Кракен, темное пламя, лев, грифон, сын солнца и кукольный дракон. Не верь никому. Помни Бессмертных. Остерегайся душистого сенешаля.

— Резнака? Почему? — Дени, выйдя из водоема, вся покрылась мурашками. — Если хочешь предостеречь меня, говори прямо. Зачем ты пришла, Куэйта?

В глазах колдуньи отразилась луна.

— Указать тебе путь.

— Я все помню. На юг, чтобы попасть на север, на восток, чтобы попасть на запад, назад, чтобы продвинуться вперед. Пройти через тень, чтобы достичь света. — Дени выжала свои серебристые волосы. — Меня уже тошнит от загадок. Я больше не нищенка, какой была в Кварте, — я королева. Приказываю тебе…

— Вспомни Бессмертных, Дейенерис. Вспомни, кто ты.

— Кровь дракона… — Но ее драконы ревут в ночи. — Я помню Бессмертных. «Дитя троих», так назвали они меня. Обещали мне трех коней, три огня, три измены. Одну из-за золота, другую из-за крови, третью…

— С кем ваше величество разговаривает? — Миссандея с лампой появилась на пороге опочивальни.

Дени оглянулась: под хурмой никого. Никакой женщины в маске.

Тень. Воспоминание. Она от крови дракона, но

кровь эта, по словам сира Барристана, порочна. Не сходит ли королева с ума? Ее отца в свое время прозвали безумным.

— Я молилась, — сказала Дени служанке. — Скоро уже рассвет — надо бы поесть до приемных часов.

— Я принесу завтрак, ваше величество.

Снова оставшись одна, Дени обошла вокруг пирамиды в поисках Куэйты. Обгоревшие деревья и выжженная земля напоминали о том, как ловили Дрогона, но в садах слышался только ветер, и единственными живыми существами были ночные бабочки.

Миссандея принесла дыню и вареные яйца, но аппетит у Дени пропал. Небо светлело, звезды гасли одна за другой. Ирри и Чхику облачили королеву в лиловый шелковый токар с золотой каймой.

На Резнака и Скахаза Дени смотрела недоверчиво, памятуя о трех изменах. «Остерегайся душистого сенешаля», — вспомнила она, подозрительно принюхиваясь к Резнаку. Не приказать ли Лысому арестовать его и подвергнуть допросу? Помешает это пророчеству сбыться, или измены все равно не миновать? Пророчества коварны — возможно, Резнак ни в чем не повинен.

Ее тронную скамью щедро устлали подушками. Сир Барристан постарался, с улыбкой подумала Дени. Хороший он человек, но порой понимает все чересчур буквально. Дени просто шутила — но на подушке и правда сидеть приятнее, чем на голой скамье.

Бессонная ночь не замедлила сказаться: Дени сдерживала зевки, слушая доклад Резнака о ремесленных гильдиях. Каменщики ею недовольны: бывшие рабы снижают расценки и подмастерьям, и мастерам.

— Вольноотпущенников можно нанять по дешевке, ваше великолепие, притом некоторые из них объявляют себя мастерами, что незаконно. Обе гильдии, по камню и кирпичу, просят поддержать их права и обычаи.

— Голод вынуждает вольноотпущенников ценить свой труд дешево, — заметила Дени. — Если запретить им тесать камень и класть кирпич, то свечники, ткачи и золотых дел мастера потребуют таких же запретов. Решим так: мастерами и подмастерьями могут именоваться лишь члены гильдий, но взамен гильдии обязаны принимать к себе всех бывших рабов, доказавших свое умение.

— Да будет так. Угодно ли вашему великолепию

выслушать благородного Гиздара зо Лорака?

«Опять! Экий настырный».

— Мы выслушаем его.

Гиздар сегодня был не в токаре, а в простом серо-голубом длинном хитоне. Бороду он сбрил, волосяные крылья состриг.

— Ваш цирюльник поработал на славу, Гиздар. Надеюсь, вы пришли лишь затем, чтобы показаться мне в новом виде, и не будете ничего говорить о бойцовых ямах?

— Боюсь, что буду, ваше величество, — с низким поклоном ответил он.

Дени скривилась. Даже собственные приближенные не дают ей покоя с этими ямами. Резнак мо Резнак твердит о высоких налогах, Зеленая Благодать уверяет, что ямы угодны богам, Лысый полагает, что их открытие прибавит им сторонников против Сынов Гарпии. «Пусть себе дерутся», — бурчит Силач Бельвас, сам бывший боец. Сир Барристан предлагает устроить турнир, где его сиротки будут попадать копьями в кольца и сражаться тупым оружием в общей схватке — мысль столь же безнадежная, сколь и благая. Рыцарские искусства миэринцам ни к чему, им кровь подавай — иначе бойцы в ямах тоже бы облачались в доспехи. Королеву, похоже,

поддерживает одна Миссандея.

— Я вам отказывала шесть раз, — напомнила Дени.

— У вашего величества семь богов — быть может, на седьмой вы будете ко мне благосклоннее. Нынче я пришел не один: не изволите ли послушать моих друзей, коих тоже семеро? Это Храз, — начал представлять Гиздар одного за другим, — это отважная Барсена Черновласая, Камаррон Три Счета, Гогор-Великан, Пятнистый Кот, Бесстрашный Итхок и, наконец, Белакуо-Костолом. Все они присоединяют свой голос к моему и просят ваше величество открыть наши бойцовые ямы.

Дени знала их всех — не в лицо, так по имени. Самые знаменитые из бойцов Миэрина. Именно бойцовые рабы, освобожденные ее «крысами из клоаки», подняли бунт внутри городских стен и помогли ей взять город. Она перед ними в долгу.

— Мы слушаем, — молвила королева.

Все они обращались к ней с одной просьбой.

— Зачем это вам? — спросила Дени, когда Итхок сказал свое слово. — Вы больше не рабы, обязанные умирать по приказу хозяина. Я вас освободила. Зачем вам расставаться с жизнью на багряном песке?

— Меня учили драться с трех лет. Убиваю с шести, — сказал Гогор. — Матерь Драконов сказала, что я свободен — почему тогда драться мне не дают?

— Хочешь драться — дерись за меня. Вступай в ряды Детей Неопалимой, Вольных Братьев или Крепких Щитов. Учи других вольноотпущенников сражаться.

— Раньше я дрался за хозяина. Ты говоришь — за тебя, а я хочу за себя. — Боец постучал себя по груди кулаком величиной с окорок. — Чтобы золото. Чтобы слава.

— Мы все так думаем, — сказал Пятнистый Кот в перекинутой через плечо леопардовой шкуре. — Последний раз меня продали за триста тысяч онеров. Рабом я спал на мехах и ел красное мясо, свободным сплю на соломе и ем соленую рыбу, да и ту не всегда.

— Гиздар клянется отдавать победителю половину сборов, — подхватил Храз. — Он человек слова, Гиздар.

«Хитрец он, вот кто». Дени почувствовала, что ее приперли к стене.

— А побежденному что достанется?

— Его имя высекут на Вратах Судьбы среди имен других славных бойцов, — пообещала Барсена,

восемь лет подряд убивавшая всех соперниц, выходивших против нее. — Все мы смертны — и мужчины, и женщины, — но не всякого будут помнить.

На это Дени нечего было ответить. Если ее народ этого хочет, имеет ли она право отказывать? Это их город, и рискуют они собственной жизнью.

— Я подумаю над тем, что вы говорили, — поднялась Дени. — Благодарю за совет, завтра продолжим.

— На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов, — воззвала Миссандея.

Сир Барристан сопровождал Дени в ее покои.

— Расскажите что-нибудь, сир, — попросила она. — Какую-нибудь героическую историю со счастливым концом. — Ей это настоятельно требовалось. — Расскажите, как бежали от узурпатора.

— В бегстве геройства нет, ваше величество.

— И тем не менее. — Дени уселась на подушку, поджала ноги. — Начните с того, как молодой узурпатор выгнал вас из Королевской Гвардии…

— Джоффри, да. Будто бы из-за возраста, но истинная причина была другой. Ему требовался белый плащ для его пса Сандора Клигана, а королева-мать хотела сделать Цареубийцу командующим. Я снял свой плащ, как они велели, бросил меч к ногам Джоффри и произнес неразумные слова.

— Какие именно?

— Правду, которая никогда не была желанной при этом дворе. И вышел из тронного зала с высоко поднятой головой, сам не зная куда. Башня Белый Меч была моим единственным домом. Мне нашлось бы место в Колосьях, но я не хотел навлекать немилость Джоффри на своих родичей. Укладывая вещи, я понял внезапно, что сам виноват: не нужно мне было принимать помилование Роберта. Он был хорошим рыцарем, но плохим королем, потому что трон занимал не по праву. Тогда я решил, что найду истинного короля и отдам на службе ему все силы, которые во мне еще есть.

— Моего брата Визериса.

— Да, таково было мое намерение. На конюшне меня окружили золотые плащи. Джоффри предлагал мне земельный надел, чтобы я умер в собственном замке, но я отверг его дар, и он

приказал бросить меня в темницу. Городских стражников возглавлял сам начальник, приободренный видом моих пустых ножен, но людей с ним было всего только трое, а нож остался при мне. Я раскроил лицо одному, смял конем остальных и поскакал к воротам, но Янос Слинт пустился в погоню. На улицах было людно, и он настиг меня у Речных ворот города. Золотые плащи, несшие там караул, услышали крики своих сотоварищей и скрестили передо мной копья.

— Как же вам удалось вырваться без меча?

— Истинный рыцарь стоит десятка стражников. Одного я снова стоптал конем, выхватил у него копье и пронзил им горло другого. Преследователи не посмели напасть; я пустил коня галопом и несся как одержимый, пока не оставил город далеко позади. Ночью я обменял своего скакуна на пригоршню медяков и домотканые лохмотья, а утром в толпе простого народа вернулся назад. Выезжал я через Грязные ворота, вошел через Божьи. Грязный, заросший, с одним только деревянным посохом — погорелец, бегущий от войны в город. Сохранившееся у меня серебро я берег на проезд через Узкое море; ночевал в септах, а то и вовсе на улице, ел в дешевых харчевнях. Отрастил бороду, и стало меня не узнать. Был при

том, как отрубили голову лорду Старку. Потом зашел в Великую Септу и возблагодарил Семерых за то, что Джоффри отнял у меня плащ.

— Старк был изменником и умер смертью изменника.

— Эддард Старк приложил руку к свержению вашего отца, но вам он зла не желал. Когда Варисевнух сказал нам, что вы ждете ребенка, Роберт захотел вас убить, а лорд Старк стал с ним спорить. «Найдите себе другого десницу, согласного на детоубийство», — сказал он Роберту.

— Вы забыли, как умерли принцесса Рейенис и принц Эйегон?

— В этом повинны Ланнистеры, ваше величество.

— Ланнистеры или Старки, разницы нет. Визерис их всех называл псами узурпатора. Когда ребенка травят сворой гончих, не все ли равно, которая из них перервала ему горло. — Дени запнулась и неожиданно для себя сказала тоненьким детским голосом: — Мне нужно вниз. Прошу вас, сир, проводите меня туда.

— Как прикажете, — с заметным неудовольствием произнес старый рыцарь.

По черной лестнице, укрытой в стене, спускаться было быстрее, чем по парадной. Сир Барристан

освещал путь фонарем. Кирпич двадцати разных оттенков казался черно-серым при свете. Они миновали три пары Безупречных, стоящих подобно каменным изваяниям — слышен был только шорох ног по ступеням.

Великая Пирамида Миэрина в самом низу была тихим местом, полным теней и пыли. Внутри стен тридцатифутовой толщины, среди разноцветных кирпичных арок, конюшен и кладовых бродило гулкое эхо. Королева и ее рыцарь спускались все ниже, идя по каменному скату мимо цистерн, темниц и пыточных камер, где еще недавно бичевали рабов, и жгли их каленым железом, и сдирали с них кожу. Скат упирался в громадные железные двери на ржавых петлях — их тоже стерегли Безупречные.

Один из них по приказу Дени отпер двери ключом. Королева, войдя в горячее сердце тьмы, остановилась на кромке глубокой ямы. С глубины сорока футов на нее смотрели две пары глаз: одни бронзовые, другие — жидкого золота.

— Дальше не надо, — удержал ее сир Барристан.

— Вы думаете, они способны напасть на меня?

— Не знаю и не собираюсь рисковать вашим величеством, чтобы узнать.

Рейегаль взревел, и язык желтого пламени на миг осветил тьму. В лицо Дени пахнуло жаром, как из печи. Визерион расправил крылья и попытался взлететь, но плюхнулся на живот. Его свободу ограничивали цепи на ногах со звеньями как хороший мужской кулак и прикрепленный к стене железный ошейник. Так же был скован и Рейегаль. При свете фонаря Селми он светился яркой нефритовой зеленью, из пасти сочился дым. На дне ямы валялись изгрызенные, обугленные дочерна кости, в воздухе стоял запах серы и горелого мяса.

— Они стали еще больше. — Струйка пота стекла со лба Дени на грудь. — Неужели правда, что драконы никогда не перестают расти?

— Да, если у них вдоволь места и корма. В оковах — вряд ли…

При великих господах эта яма служила тюрьмой. В ней помещались пятьсот человек, и двум драконам здесь было вполне просторно, только надолго ли? Что будет, когда им станет тесно? Схватятся они, терзая друг друга когтями и поливая огнем, или начнут понемногу чахнуть? Бока у них опадут, крылья скукожатся, пламя иссякнет…

Что это за мать, которая гноит своих детей в

яме!

Оглянешься назад — пропадешь, но как удержаться от рокового взгляда? Дени должна была это предвидеть. Слепа она была, что ли, или сознательно закрывала глаза, чтобы не видеть, какой ценой покупается власть?

Визерис рассказывал ей много разных историй. Она знала, как пал Харренхолл, знала об Огненном Поле и Пляске Драконов. Мать Эйегона Третьего пожрал на глазах у сына дракон его дяди. А сколько песен сложено о драконах, державших в страхе деревни и целые королевства, пока их не убивал какой-нибудь отважный герой! У астапорского рабовладельца глаза вытекли, когда Дрогон дохнул на него. На пути в Юнкай трое детей королевы полакомились головами Саллора Смелого и Прендаля на Гхезна, которые Даарио бросил к ее ногам. Дракон человека не боится; если он достаточно велик, чтобы слопать овцу, то может съесть и ребенка.

Девочке, Хазее, было четыре года. Не лжет ли ее отец? Кроме него дракона никто не видел. Он предъявил кости, но это еще ничего не доказывает. Он мог сам убить девочку, сжечь ее труп — и был бы не первым отцом, который избавился от нежеланной дочери, как заметил Скахаз. Хазею

могли убить Сыны Гарпии и свалить свое преступление на дракона, чтобы вызвать в народе ненависть к Дейенерис. Дени очень хотелось бы в это верить… Но почему тогда отец девочки ждал, пока не остался в тронном зале один? Хотел бы настроить миэринцев против королевы — изобличил бы ее перед всеми просителями.

Лысый советовал ей предать этого человека смерти. «Или хотя бы язык ему вырезать. Его ложь может погубить нас всех, ваше великолепие». Вместо этого Дени решила уплатить пеню за кровь. Не зная, как определить цену маленькой девочки, она постановила выдать отцу стоимость ста ягнят. «Я вернула бы тебе Хазею, будь это в моей власти, — сказала она, — но даже королева может не все. Ее косточки обретут покой в Храме Благодати, и сто свечей будут гореть день и ночь в память о ней. Приходи ко мне каждый год на ее именины, и другие твои дети ни в чем не будут нуждаться, но с условием: никому больше не рассказывать о том, что случилось».

«Так ведь люди-то спросят, — ответил безутешный отец. — Спросят, где Хазея, и что с ней сталось».

«Скажи, что ее змея укусила, — предложил Резнак, — или волк утащил, или хворь какая

напала. Все что хочешь, только о драконах ни слова».

Визерион снова рванулся к Дени, скребя когтями по камню. Не добившись успеха, он заревел, запрокинул голову и плюнул в стену огнем. Скоро ли его жар сможет крушить камень и плавить железо?

Совсем еще недавно он сидел у нее на плече, обмотав хвостом руку, а она кормила его зажаренным дочерна мясом. Его заковали первым. Дени сама свела его в яму и заперла там с несколькими бычками. Наевшись досыта, он уснул — тогда на него и надели цепи.

С Рейегалем пришлось труднее — он, должно быть, слышал через все стены, как ревет и бьется в цепях его брат. Когда он пригрелся на террасе у Дени, его накрыли тяжелой железной сетью, но он и под ней так метался, что по лестнице его стаскивали целых три дня, и шестеро человек получили ожоги.

А Дрогон, крылатая тень, как назвал его отец девочки… Самый крупный, самый злой, с черной как ночь чешуей и огненными глазами…

Он улетал далеко, но тоже любил погреться на самом верху пирамиды, где раньше стояла миэринская гарпия. Трижды его пытались изло-

вить там, и трижды терпели неудачу. От ожогов пострадали чуть ли не сорок отважных, и четверо из них умерли. В последний раз Дени видела Дрогона на закате в день третьей попытки: он улетел на север, за Скахаздан, в Дотракийское море, и больше не возвращался.

«Матерь драконов, — думала Дейенерис. — Матерь чудовищ». Что за зло привела она в мир? Трон ее сложен из горелых костей и зиждется на зыбучем песке. Как ей без драконов удержать Миэрин, не говоря уж о завоевании Вестероса? Она от крови дракона: если они чудовища, то и она тоже.

Вонючка

Крыса заверещала, когда он вгрызся в нее, и начала вырываться. Брюхо мягче всего. Он рвал зубами сладкое мясо, теплая кровь текла по губам. Радостные слезы выступили у него на глазах, в животе заурчало. На третьем укусе крыса перестала дергаться, и он ощутил нечто сходное с удовольствием.

Потом за дверью темницы раздались голоса, и он замер, не смея ни жевать дальше, ни выплюнуть. Слыша, как звенят ключи и шаркают сапоги, он просто оцепенел от ужаса. О нет, милостивые боги, не надо. Он так долго ловил эту крысу. Теперь ее отберут, расскажут обо всем лорду Рамси, и тот сделает ему больно.

Спрятать бы добычу, но очень уж есть хочется. Два дня как не ел, а может, и три — поди разбери здесь во тьме. Руки-ноги исхудали и сделались как тростинки, зато живот раздулся, болит и спать не дает. Закроешь глаза, и сразу вспоминается леди Хорнвуд. Лорд Рамси после свадьбы запер ее в башне и уморил голодом. Она съела свои пальцы, прежде чем умереть.

Присев на корточки в углу, он стал переже-

вывать мясо оставшимися зубами, стараясь поглотить как можно больше, пока дверь не открыли. Крысятина жилистая, но и жирная тоже — того и гляди стошнит. Он жевал, глотал, выбирал из десен мелкие кости. Они причиняли ему боль, но остановиться не давал голод.

Звуки становились все громче. «Только бы не ко мне!» — взмолился мысленно узник, оторвав крысиную ногу. К нему давно уж никто не ходил — мало ли других узников в подземелье. Иногда он слышал их крики даже сквозь толстые стены. Женщины кричат громче всех. Косточка от ноги, которую он выплюнул, застряла у него в бороде. «Уходите, пожалуйста. Идите себе мимо, не троньте меня».

Но сапоги топали, и ключи гремели прямо за его дверью. Он выронил крысу, вытер руки о штаны.

— Нет, нет, нееееет! — Скребя каблуками по соломе, он вжался еще дальше в угол, в сырые стены.

Нет страшней звука, когда ключ поворачивается в замке. Узник закричал, когда свет ударил ему в лицо, и зажал руками глаза. Какая боль! Он выцарапал бы их, да смелости не хватает.

— Уберите свет! Сделайте все в темноте! Прошу вас!

— Не он это, — сказал мальчишеский голос. — Посмотри на него. Мы зашли не в ту камеру.

— Как же не в ту, — ответил ему другой мальчик. — Последняя слева, она и есть.

— Правда твоя. Чего он там орет-то?

— Похоже, ему свет досаждает.

— Еще бы. — Мальчишка сплюнул. — А уж воняет от него, задохнуться впору.

— Он крыс жрет, смотри.

— Ага, — засмеялся другой. — Смехота.

А что прикажете с ними делать? Они бегают по нему, грызут пальцы на руках и ногах, порой и в лицо кусают.

— Ну да, ем, — забормотал узник, — так ведь они меня тоже едят. Не троньте!

Мальчишки подошли ближе, хрустя соломой.

— Скажи что-нибудь, — попросил тот, что поменьше. Худенький, но умный, сразу видать. — Как звать тебя, помнишь?

Узник застонал, снедаемый страхом.

— Ну? Назови свое имя.

Имя… Ему говорили, только давно — он забыл. Скажешь неверно, снова пальца лишишься или хуже того… Нет, нет, не надо об этом думать. Глаза и рот кололо, как иглами.

— Прошу вас, — прошамкал он, будто столет-

ний старец. Может, ему и впрямь сто лет. Сколько он уже здесь сидит? — Уйдите, — бормотал он сквозь выбитые зубы и недостающие пальцы. — Заберите крысу, только меня не трогайте.

— Тебя Вонючкой звать — вспомнил теперь? — сказал большой мальчик. Он держал факел, а другой — связку ключей.

Из глаз узника хлынули слезы.

— Да. Вспомнил. Вонючка. Рифма — трясучка. — В темноте имя тебе ни к чему, и забыть его очень просто. В настоящей жизни его звали както иначе, но здесь и сейчас он Вонючка. Точно.

Он и мальчишек вспомнил. На них одинаковые дублеты из шерсти ягненка, серебристо-серые с синей оторочкой. Оба они оруженосцы, обоим по восемь лет, даже имена у них одинаковые: Уолдер Фрей. Уолдер Большой и Уолдер Малый. Который здоровый — Малый, который поменьше — Большой. Все путают, а им смех.

— Я вас знаю, — прошептал узник потрескавшимися губами. — Знаю, как вас зовут.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Уолдер Малый.

— Его милость тебя требует, — сказал Уолдер Большой.

Страх пронзил узника, как ножом. Они только

дети, восьмилетние мальчики — уж их-то он при всей своей слабости одолеет? Забрать факел, ключи, взять кинжал с бедра Уолдера Малого и бежать. Нет, нельзя. Тут какой-то подвох. Побежишь — опять пальца лишат или зуб выбьют.

Он уже пытался. Сколько-то лет назад, когда еще силы были. Тогда к нему пришла Кира — она украла ключи и знала калитку, которая не охранялась. «Бежим в Винтерфелл, милорд, — просила она, бледная и дрожащая. — Сама я дороги не знаю. Бежим со мной». И он согласился. Тюремщик лежал мертвецки пьяный в луже вина, со спущенными штанами. Дверь в подземелье была открыта, калитка, как и сказала Кира, не охранялась. Они выждали, когда луна скрылась за облаком, удрали из замка и побежали, спотыкаясь о камни, через ледяную Рыдальницу. На том берегу он поцеловал Киру: «Спасительница моя». Дурак, вот дурак!

Это была ловушка, обманка. Лорд Рамси любит поохотиться и предпочитает двуногую дичь. Всю ночь Вонючка с Кирой бежали по лесу, а когда взошло солнце, далеко позади затрубил рог и залаяли гончие. «Разделимся, — сказал он, — тогда они смогут выследить лишь одного из нас». Но девушка обезумела от страха и отка-

зывалась покинуть его, хотя он клялся собрать Железных Людей и вернуться за ней, если ее все же схватят.

Не прошло и часа, как их взяли обоих. Один пес повалил его, другой вцепился в ногу карабкавшейся на холм Киры. Остальные стояли вокруг, рычали, щелкали зубами и не давали беглецам шевельнуться, пока не подъехал Рамси Сноу с охотниками — тогда он еще был бастард и не назывался Болтоном. «Далеко собрались? — спросил он, улыбаясь им обоим с седла. — Вы меня обижаете — разве вам в моем доме плохо гостилось?» Кира метнула ему в голову камень и промахнулась на добрый фут. «А вот за это тебя следует наказать», — сказал Рамси, улыбаясь по-прежнему.

Вонючка помнил отчаяние и страх в глазах Киры. Никогда еще она не казалась ему такой юной — совсем девочка. Сама виновата: надо было разделиться, как он предлагал, тогда кто-нибудь, глядишь, и ушел бы.

Ожившая память теснила грудь, не давала дышать. Вонючка со слезами на глазах отвернулся от факела. Чего Рамси надо на этот раз? Почему он не оставляет его в покое? Сейчас Вонючка ничего плохого не сделал — почему бы не оставить

его здесь, в темноте? Он бы поймал еще крысу, славную, жирную…

— Может, помыть его? — сказал Уолдер Малый.

— Не надо, — сказал Уолдер Большой. — Пусть смердит, не зря же милорд его Вонючкой прозвал.

Вонючка. Его зовут Вонючка, рифма закорючка. Надо запомнить. «Служи, повинуйся, помни, кто ты есть, и никакого вреда тебе больше не сделают». Он дал слово, и его милость тоже. Захоти даже Вонючка воспротивиться, он не смог бы. Всю волю к сопротивлению выбили из него, голодом выморили. Когда Уолдер Большой поднял его на ноги, а Малый махнул факелом, он пошел с ними послушно, как пес. Будь у него хвост, он зажал бы его промеж ног.

Будь у него хвост, Бастард бы его отрезал. Непрошеная мысль, злая, опасная. Его милость больше не бастард. Болтон, не Сноу. Маленький король на Железном Троне узаконил его, разрешил пользоваться именем лорда-отца. Если назвать его Сноу, он впадет в бешенство. Надо запомнить, и свое имя тоже нельзя забывать. На мгновение узник забыл его и так испугался, что споткнулся на крутой лестнице, порвал штаны и

ногу разбил. Уолдеру Малому пришлось ткнуть в него факелом, чтобы он встал и пошел дальше.

В Дредфорте была ночь, полная луна стояла над восточными стенами. Тени от зубцов лежали на мерзлой земле, как острые черные зубы, в воздухе чувствовались полузабытые запахи. Так пахнет большой мир, да. Вонючка не знал, сколько просидел в подземелье. Полгода точно, если не больше. Насколько больше — пять лет, десять, двадцать? Может, он с ума там сошел? Да нет, глупо. Если бы прошли годы, Уолдеры стали бы взрослыми, а они как были мальчишками, так и остались. Надо запомнить. Не дать Рамси лишить его разума. Рамси может отнять у него все — пальцы, глаза и уши, но свести себя с ума он не даст.

Уолдер Малый шел впереди с факелом, за ним — послушный Вонючка, следом Уолдер Большой. Их облаяли собаки на псарне. Ветер свистел во дворе, пронизывая лохмотья Вонючки. Снега пока нет, но зима, не иначе, вот-вот настанет. Доживет ли Вонючка до первого снега? И если да, сколько пальцев у него останется на руках и ногах? Собственная рука поразила его — белая, совершенно бесплотная. Кожа да кости, совсем старик. Может, он ошибся насчет мальчишек?

Может, это сыновья тех Уолдеров, которых он знал?

В большом чертоге было дымно и довольно темно, хотя справа и слева рядами горели факелы, вставленные в скелеты человеческих рук. Стропила почернели от копоти, сводчатый потолок терялся во мраке. Пахло здесь вином, элем и жареным мясом. В животе у Вонючки заурчало, рот наполнился слюной.

Уолдер Малый, толкая в спину, гнал его мимо длинных столов, где ели бойцы гарнизона. Он чувствовал на себе их взгляды. Лучшие места у возвышения занимали любимцы Рамси, «бастардовы ребята». Старый Бен Бонс, ухаживающий за любимыми охотничьими собаками его милости. Молодой белокурый Дамон-Плясун. Молчун — он лишился языка, сболтнув что-то неподобающее при лорде Русе. Алин-Кисляй. Свежевальщик. Желтый Дик. Тех, кто сидел ниже соли, Вонючка тоже знал, с виду по крайней мере: присяжные рыцари, солдаты, тюремщики, палачи. Встречались, однако, и незнакомые лица. Одни морщили носы, когда он проходил мимо, другие смеялись. «Меня привели сюда, чтобы позабавить гостей его милости», — с дрожью подумал Вонючка.

Бастард Болтонский сидел на высоком месте

своего лорда-отца и пил из отцовской чаши. Его соседями были два старика — тоже лорды, Вонючка это понял с первого взгляда. Один тощий, с глазами как кремень, с длинной белой бородой. Лицо замороженное, колет из медвежьей шкуры, поношенной и засаленной, кольчугу даже и за столом не снял. Второй тоже худ и весь какой-то изломанный. Одно плечо много выше другого, сидит над своей миской, как стервятник над падалью. Глаза серые, жадные, зубы желтые, раздвоенная борода серебрится, на пятнистой лысине осталось всего несколько белых прядок. Богатый плащ серой шерсти оторочен черным соболем и застегнут на плече выкованной из серебра звездой.

Сам Рамси одет в черное с розовым. Черные сапоги, черный пояс и ножны, черный кожаный колет поверх розового бархатного дублета с прорезями из темно-красного атласа. В правом ухе гранатовая серьга в виде капли крови. Красиво одет, но собой все равно урод. Кость широкая, плечи сутулые, мясистый — с годами начнет жиреть. Кожа розовая, со следами от прыщей, нос широк, рот мал, волосы длинные и сухие, губы толстые, но первым делом все замечают его глаза. Рамси унаследовал их от лорда-отца — ма-

ленькие, близко посаженные, почти бесцветные. Призрачно-серые, как выражаются некоторые, а на самом деле белесые, как две грязные льдинки.

При виде Вонючки он растянул мокрые губы в улыбке.

— А вот и мой тухлый дружок. Вонючка с детства при мне, — объяснил он соседям слева и справа. — Мой лорд-отец подарил мне его в знак любви.

Лорды переглянулись.

— Мы слышали, что ваш слуга погиб от руки Старков, — заметил ломаный.

— Железные Люди сказали бы, что мертвое не умирает — оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче прежнего. Так и Вонючка. Разит от него, конечно, как из могилы, в этом вы правы.

— Разит нечистотами и блевотиной. — Горбун бросил кость, которую грыз, и вытер руки о скатерть. — Непременно нужно приводить его сюда, пока мы трапезничаем?

Второй лорд, в кольчуге, оглядел Вонючку кремнистыми очами и сказал горбуну:

— Посмотрите как следует. Он поседел и сбросил не меньше трех стоунов, но сразу видно, что он не слуга. Неужели не узнаёте?

— Воспитанник Старка всегда улыбался, —

фыркнул горбун.

— Теперь он улыбается реже, утратив некоторое количество своих белых зубов, — вставил лорд Рамси.

— Лучше бы сразу перерезали ему глотку, — сказал кольчужный. — С собаки, которая бросается на хозяина, остается только шкуру содрать.

— С него и содрали… местами.

— Да, милорд. Я вел себя дурно, милорд. Дерзко и… — Вонючка облизнул губы, вспоминая, в чем он еще провинился. «Служи и повинуйся, тогда он оставит тебя в живых, и ты сохранишь те части тела, которые еще уцелели. И помни, как тебя звать. Вонючка, Вонючка, рифма липучка».

— У тебя кровь на губах — опять пальцы грыз?

— Нет, милорд. Нет, клянусь вам. — Когда-то он пытался откусить собственный безымянный палец — тот невыносимо болел, когда с него сняли кожу. Отрубить человеку палец слишком просто для лорда Рамси: когда сдирают кожу, это куда мучительней. Вонючку и плетью били, и на дыбу вздергивали, и резали по живому, но с содранной кожей ничто не сравнится. Такого никто долго не вытерпит. Рано или поздно начинаешь кричать: «Не могу больше, пощадите, отрежьте его совсем», — ну, Рамси и выполнит

твою просьбу. Такая у них игра. Вонючка хорошо выучил правила — стоит только посмотреть на его руки и ноги, — но в тот единственный раз забылся и хотел отгрызть палец сам. Рамси был недоволен и ободрал еще один палец, теперь на ноге. — Я крысу съел!

— Крысу? — Белесые глаза Рамси блеснули при свете факела. — Все крысы Дредфорта — собственность моего лорда-отца. Как ты смеешь есть их без моего позволения?

Вонючка не знал, что сказать, и потому промолчал. Одно неверное слово — и лишишься еще одного пальца ноги, а то и руки. У него недостает уже двух на левой руке и мизинца на правой. На правой ноге тоже мизинца нет, а на левой отрезано целых три. «Чтобы равновесие похуже держал», — шутит Рамси. Милорд только шутит, он не желает Вонючке зла — сам так сказал. Он делает это, лишь когда Вонючка дает ему повод. Милорд милостив. Вонючке все лицо следовало бы ободрать за то, что он говорил. Пока не усвоил, как его настоящее имя и где его место.

— Это становится скучным, — сказал лорд в кольчуге. — Убейте его, и дело с концом.

Рамси налил эля в чашу.

— Зачем же портить праздник, милорд. Во-

нючка, у меня хорошие новости! Я женюсь. Мой лорд-отец везет мне дочь лорда Эддарда Арью. Помнишь ее?

«Арья-надоеда, — чуть не выпалил он. — Арья-лошадка». Младшая сестра Робба, с длинной мордашкой, тощая как палка и вечно грязная. Красавицей в семье была Санса. Одно время он мечтал, что лорд Эддард женит его на Сансе и назовет своим сыном. Пустые мечты.

— Да. Арью помню.

— Она будет леди Винтерфелла, а я — ее лордом.

«Она же совсем ребенок».

— Да, милорд. Мои поздравления.

— Будешь служить у меня на свадьбе, Вонючка?

— Если милорд пожелает.

— Да, я желаю этого.

Вонючка медлил, опасаясь новой ловушки.

— Буду, милорд. Охотно. Почту за честь.

— Тогда мы должны забрать тебя из этой ужасной темницы. Отмыть, одеть в чистое, накормить. Что скажешь насчет овсянки? И горохового пирога с ветчиной? У меня для тебя есть дело — придется восстановить силы, если хочешь мне послужить. Ты хочешь, я знаю.

— Да, милорд. Очень хочу. — Дрожь пробежала по всему телу узника. — Позвольте вашему Вонючке послужить вам, милорд.

— Ну, коли ты так просишь… Поедем с тобой на войну. И вместе доставим мою невесту домой.

Бран

От крика ворона по спине Брана прошел холодок. «Я почти взрослый, — напомнил он себе. — Я должен быть храбрым».

Но воздух прямо-таки полнился страхом — даже Лето и тот боялся: шерсть у него на загривке поднялась дыбом. По склону тянулись черные, голодные тени, деревья искривились и покорежились под тяжестью льда. Да и деревья ли это? Они больше похожи на уродливых великанов, зарывшихся в снег под режущим ветром.

— Они здесь. — Разведчик обнажил меч.

— Где? — тихо спросила Мира.

— Не знаю. Близко.

Ворон опять закричал.

— Ходор, — прошептал Ходор, пряча руки под мышками. Его рыжеватая борода обросла сосульками, усы покрылись застывшими соплями и поблескивали при красном свете заката.

— Волки, идущие за нами, тоже недалеко, — предупредил Бран. — Лето чует их, когда ветер дует в нашу сторону.

— Волки — наименьшая из наших бед, — сказал Холодные Руки. — Надо подняться в гору и

укрыться, пока не стемнело. Их притягивает ваше тепло. — Он посмотрел на запад, где солнце проглядывало сквозь лес, как отдаленный пожар.

— Это единственный вход? — спросила Мира.

— Другой находится в трех лигах к северу. Это колодец.

Все было ясно без слов. Ходор с Браном на спине не пролезет там, а для Жойена три лиги пешком — все равно что тысяча.

— Вроде бы чисто, — сказала Мира, глядя наверх.

— Именно «вроде бы», — мрачно ответил разведчик. — Чувствуешь холод? Они где-то рядом, но где?

— В пещере? — предположила Мира.

— Пещера заговорена, им туда не пройти. Вон она, видите? — указал мечом Холодные Руки. — На середине склона, между чардревами.

— Я вижу, — сказал Бран, глядя, как вороны влетают в скалу и вылетают обратно.

— Ходор. — Конюх переступил с ноги на ногу.

— Темное пятно на утесе, и только, — сказала Мира.

— Там есть ход, — подтвердил разведчик. — Крутой, извилистый, но проходимый. Доберетесь туда — будете в безопасности.

— А ты как же?

— Пещера заговорена. Мне в нее доступа нет.

— Отсюда до нее не больше тысячи ярдов, — прикинула Мира.

«Не так уж много, но в гору», — подумал Бран. Склон крут и весь покрыт лесом. Снега уже три дня не было, но тот, что выпал, не тает — под деревьями лежат глубокие, нетронутые сугробы.

— Нет тут никого, — храбро сказал он. — Ни одного следа на снегу.

— Белые Ходоки ступают легко, не оставляя следов, — ответил разведчик. Ворон, слетев сверху, сел ему на плечо. С ними осталась только дюжина черных птиц, все остальные по дороге куда-то пропали; каждое утро их становилось все меньше.

— Идем, — сказал ворон. — Идем, идем.

«Трехглазая ворона, древовидица…»

— Пошли, — поддержал Бран. — Скоро будем на месте — может, даже костер разведем. — Все они, кроме разведчика, промерзли, промокли и страдали от голода, а Жойен без помощи шагу ступить не мог.

— Ступайте вперед. — Мира склонилась над братом. Жойен сидел между корнями большого дуба с закрытыми глазами и весь дрожал. Лицо

его совсем истаяло и побелело, как снег кругом, но парок от дыхания еще шел из ноздрей. Мира весь день несла мальчика на себе. Накормить бы его, согреть — может, все бы еще и наладилось. — Я не могу драться и в то же время нести его. Поднимайся с Браном к пещере, Ходор.

— Ходор, — хлопнул в ладоши тот.

— Ему бы поесть, — беспомощно сказал Бран. Двенадцать дней назад их лось упал в третий раз и уже не поднялся. Разведчик, опустившись рядом с ним на колени, прочитал отходную на непонятном языке и перерезал животному горло. Бран плакал, как девчонка, при виде хлынувшей на снег алой крови, чувствуя себя жалким как никогда. Мира и Холодные Руки разделали лося. Бран твердил себе, что не станет есть мертвого друга, но в конце концов поел, даже дважды: один раз как человек, другой в шкуре Лета. Лось сильно исхудал, но его мяса хватило им на семь дней; остатки они доедали у костра в руинах старого форта.

— Хорошо бы, — согласилась Мира, гладя брата по голове. — Нам бы всем не мешало, вот только еды у нас нет. Идите.

Бран смигнул слезу, тут же застывшую на щеке. Холодные Руки взял Ходора за локоть.

— Смеркается. Если их здесь пока и нет, скоро явятся. Пошли.

Ходор, промолчав в кои веки, потопал ногами и двинулся вверх по склону. Разведчик шел следом с мечом в черной руке, Лето замыкал восхождение. Снег кое-где был ему с головой — он то и дело отряхивался. Бран оглянулся, насколько позволяла корзина: Мира внизу помогла брату встать на ноги. Он был слишком тяжел для нее, ослабевшей от голода. Свободной рукой она опиралась на свой лягушачий трезубец. Ходор протиснулся между двумя деревьями, и Бран потерял сестру с братом из виду.

Подъем делался все круче. Ходор наступил на нестойкий камень, съехал назад и чуть не сверзился вниз — его удержал разведчик.

— Ходор, — сказал он при этом. Ветер поднимал в воздух белую пыль, сверкавшую как стеклянная в последних отблесках дня. Вокруг хлопали крыльями вороны. Один полетел вперед и скрылся в пещере. Всего ярдов восемьдесят осталось, совсем немного.

Лето замер у подножия девственно-белого холмика, зарычал, ощетинился, попятился.

— Ходор, стой, — сказал Бран. — Погоди. — Лето чуял что-то неладное, и он тоже, совсем рядом. —

Назад, Ходор! Назад!

Холодные Руки продолжал подниматься — Ходор не хотел отставать.

— Ходор, ходор, ходор, — забормотал он, заглушая команды Брана. Снег был ему почти по пояс, склон очень крут. Хватаясь за деревья и камни, он сделал вверх шаг, другой. Потревоженный им снег вызвал небольшую лавину.

Шестьдесят ярдов. Бран повернул голову вбок, чтобы лучше видеть пещеру.

— Огонь! — В скальной трещине между чардревами мерцало пламя, хорошо заметное в густеющих сумерках. — Да посмотрите же…

Ходор завопил, оступился, упал.

Из Брана дух вышибло, рот наполнился кровью. Ходор катился вниз, подминая его под себя.

Что-то удержало большого конюха за ногу. Корень, подумал сначала Бран, но нет: из-под снега высунулась рука, а за ней показался и весь упырь.

Ходор лягнул его каблуком прямо в лицо, но мертвец ничего не почувствовал. Упырь с Ходором теперь скользили вниз вместе, сцепившись и молотя один другого куда попало. Бран с забитыми снегом носом и ртом на миг оказался сверху. Что-то ударило его по голове — камень, льдина,

кулак мертвеца? Он вылетел из корзины и растянулся в снегу, сжимая в горсти прядь вырванных волос Ходора.

Всюду, куда ни глянь, вылезали из-под снега упыри. Двое, трое, четверо — Бран потерял им счет. Одни в черных плащах, другие в обтрепанных шкурах, третьи вовсе раздетые. Белые, с черными руками, глаза как синие звезды.

Трое напали на Холодные Руки. Одного разведчик полоснул клинком по лицу, но тот продолжал надвигаться, оттесняя противника к другому упырю. Двое съезжали за Ходором. Мира сейчас наткнется прямо на них, в бессильном ужасе сообразил Бран.

Он закричал, предупреждая ее, и тут кто-то схватил его самого.

Крик Брана перешел в вопль. Он кинул в упыря снегом, но тот даже и не моргнул. Одна черная рука с пальцами как железо шарила по лицу, другая по животу. «Сейчас он мне кишки выпустит», — понял Бран, но на помощь подоспел Лето.

Кожа на мертвеце лопнула, как дешевая ткань, хрустнули кости. От черного рукава отделилась кисть. Черное… раньше он был братом Дозора. Лето, бросив руку, вцепился в шею у подбородка и вырвал кусок бледной гниющей плоти.

Оторванная рука все еще шевелилась. Бран отполз от нее. Между белыми, занесенными снегом деревьями светился огонь.

Пятьдесят ярдов. Если он одолеет их, его уже не достанут. Бран, подтягиваясь за корни и камни, полз к свету. Еще чуть-чуть — и он отдохнет у огня.

Дневной свет померк окончательно. Холодные Руки рубил и резал в кругу обступивших его мертвецов, Лето продолжал терзать своего, никто не смотрел на Брана. Он подтянулся чуть выше, волоча бесполезные ноги. Вот она, пещера, рукой подать…

— Хоооооодор, — слабо донеслось снизу, и мальчик-калека преобразился в здоровенного парня. Упырь норовил выцарапать ему глаза. Бран, с ревом поднявшись на ноги, отшвырнул врага прочь, сорвал с пояса длинный меч. Ходор стенал глубоко внутри, но семифутовый гигант со сталью в руке не имел никакого отношения к бедному дурачку. Он рубил мертвеца, круша мокрую шерсть, ржавую кольчугу, полусгнившую кожу, мясо и кости.

— ХОДОР! — рявкнул он и рубанул снова. Голова упыря отделилась от туловища, но торжествовать было некогда: мертвые руки все так же тянулись

к горлу Ходора-Брана.

Бран попятился, весь в крови. Мира Рид вонзила свою острогу упырю в спину.

— ХОДОР! — гаркнул Бран, делая ей знак продолжать подъем.

На снегу шевельнулся Жойен. Бран-Ходор подхватил его на руки.

Мира полезла вверх, коля упырей острогой. Боли они не чувствовали, но двигались медленно, неуклюже.

— Ходор, — приговаривал Бран на каждом шагу. Вот удивится Мира, если он вдруг скажет, что любит ее.

Над ними плясали в снегу огненные фигуры. Да это же упыри! Кто-то поджег их.

Лето с рычанием скакал вокруг объятого пламенем мертвеца. Что он делает? Бран, не поняв этого сразу, увидел себя самого, распростертого ничком на снегу — Лето не пускал упыря к нему. Он что, навсегда останется Ходором, если мальчика-калеку убьют? Или вернется в шкуру Лета? Или умрет насовсем?

Вокруг мельтешили белые деревья, черное небо, красные движущиеся огни. Он спотыкался. «Ходор-ходор-ходор-ходор», — вопил Ходор внутри. Вслед за тучей воронов из пещеры вышла,

размахивая факелом, какая-то девочка. Бран на миг принял ее за свою сестру Арью, хотя и знал, что Арья сейчас за тысячу лиг отсюда, если вообще жива. И все же это была она, свирепая растрепанная худышка в лохмотьях. Слезы, выступившие на глазах Ходора, тут же замерзли.

Все перевернулось вверх тормашками, и Бран очутился в собственном теле, в снегу. Горящий упырь нависал над ним, позади виднелись деревья в снеговых саванах. Он совсем голый, заметил Бран, и тут ближнее дерево стряхнуло на него снег и накрыло с головой.

Очнулся он на сосновых иглах под каменным кровом. Пещера. Во рту по-прежнему держался вкус крови от прикушенного языка, но горящий вблизи огонь обволакивал теплом, и Брану никогда еще не было так хорошо. Лето обнюхивал все вокруг, Ходор, насквозь промокший, тоже был здесь, Мира держала на коленях голову лежащего неподвижно Жойена, существо в облике Арьи стояло над ними с факелом.

— Снег, — сказал Бран. — Меня засыпало снегом.

— Укрыло им. Я тебя откопала, но спасла нас она, — кивнула на девочку Мира. — Огонь убивает их.

— Сжигает. Огонь всегда голоден. — Голос был не Арьи, вообще не детский — говорила взрослая женщина. Еще ни в чьем голосе Бран не слышал такой музыки и такой разрывающей сердце грусти. Он прищурился, чтобы лучше рассмотреть эту странную девочку. Меньше Арьи, кожа в пятнышках, как у лани, глаза с узкими как у кошки зрачками наполнены золотистой зеленью. Волосы тоже золотые и рыжие, цвета осени; в их густую копну вплетены увядшие цветы, вьющиеся побеги и веточки.

— Кто ты? — спросила Мира.

— Она дитя, — ответил за незнакомку Бран. — Дитя Леса. — Его пробрала дрожь — то ли от удивления, то ли от холода. Они попали прямиком в сказку старухи Нэн.

— Детьми нас назвали Первые Люди, — сказала девочка-женщина. — А великаны именовали «во дак наг гран», беличьим народом, потому что мы маленькие, быстрые и очень любим деревья. Но мы не дети и не белки. На истинном языке мы называемся поющими песнь земли. К тому времени, как появился ваш старый язык, мы пели свою песнь уже десять тысячелетий.

— Но говоришь ты на общем, — заметила Мира.

— Ради него. Ради Брана. Я родилась во времена дракона и двести лет странствовала по миру людей, наблюдала, слушала и училась. Посейчас бы странствовала, но ноги мои устали, сердце изныло, и я вернулась домой.

— Двести лет? — повторила Мира.

— Люди, вот кто настоящие дети, — улыбнулась маленькая женщина.

— А имя у тебя есть? — спросил Бран.

— Когда требуется. — Она махнула факелом на дальнюю стену пещеры, где виднелся черный проем. — Нам туда, вниз. Идем.

— Разведчик, — спохватился вдруг Бран.

— Ему нельзя с нами.

— Его убьют!

— Давно уж убили. Идем. Внизу тепло, и никто тебя там не тронет. Он ждет.

— Трехглазый? — спросила Мира.

— Древовидец. — Женщина скрылась в проеме — им оставалось только пойти за ней. Мира помогла Брану взобраться на спину Ходора, в помятую, мокрую от снега корзину. Потом обняла за пояс своего брата и поставила его на ноги.

Жойен открыл глаза.

— Мира? Где это мы? — При виде огня на его губах появилась улыбка. — До чего же странный

мне снился сон.

Ход был извилистый и до того низкий, что Ходор продвигался вприсядку, а Бран, как ни пригибался, задевал потолок макушкой. Грязь сыпалась на волосы, попадала в глаза. Однажды он приложился лбом о торчащий из стены белый корень и украсился висевшей там паутиной.

Маленькая женщина, шурша лиственным плащом, шла впереди с факелом, но Бран быстро потерял ее из виду и наблюдал лишь отражение света на стенах. Вскоре ход разделился надвое; в левом коридоре было черным-черно, и даже Ходор понял, что идти надо туда, где брезжит огонь.

Из-за движущихся теней казалось, что стены движутся тоже. Бран со страхом заметил больших белых гадов, уползающих в трещины. Молочные змеи или громадные, склизкие могильные черви? У таких червей зубы есть.

Ходор тоже увидел их и не захотел идти дальше, но женщина остановилась, огонь стал ярче, и Бран понял, что это не змеи, а просто белые корни — как тот, о который он ударился головой.

— Это корни чардрев, — сказал он. — Помнишь сердце-дерево в богороще, Ходор? Белое, с красными листьями? Деревья тебе ничего не сделают.

— Ходор. — Детина снова заковылял на свет, уходя все глубже в недра земли. Миновав еще два боковых коридора, они оказались в пещере величиной с великий чертог Винтерфелла. Каменные зубы свисали здесь с потолка и вырастали из пола. Женщина в лиственном плаще, пробираясь между ними, делала нетерпеливые знаки факелом: «Сюда, сюда, поспешите».

Новые ответвления, новые гроты. Взглянув туда, где звучала капель, Бран увидел узкие, блестящие, отражающие факел глаза. Девочка здесь, как видно, не единственное дитя… а еще ему вспомнились дети Гендела, о которых рассказывала старая Нэн.

Белые корни змеились повсюду, пронизывали землю и камень, загораживали одни переходы и поддерживали кровлю других. Все краски пропали, остались только черная земля и белое дерево. У винтерфеллского сердце-дерева корни с великанскую ногу, но здешние еще толще. И как их много! Бран никогда еще столько не видел. Можно подумать, над ними растет целый чардревный лес.

Свет снова померк — девочка-женщина при всем своем малом росточке шла очень быстро. У Ходора что-то хрустнуло под ногами, и он застыл

как вкопанный: Мира с Жойеном чуть не врезались в него сзади.

— Кости, — сказал Бран. Весь пол перед ними устилали кости птиц, зверей и кого-то вроде людей — большие, не иначе как великанские, и маленькие, наподобие детских. Из ниш, вырубленных в стенах, смотрели черепа: медвежий, волчий, полдюжины человеческих, столько же великаньих, все остальные маленькие, странной формы — Дети Леса. Каждый череп оплетали белые корни, на некоторых сидели вороны, провожая путников черными глазками-бусинами.

Последний отрезок пути был самым крутым. Ходор съехал вниз на заду в вихре мелких костей, грязи и щебня. Девочка-женщина ждала их у естественного моста над бездонной пропастью. Далеко внизу бежал подземный поток.

— Надо перейти на ту сторону? — испугался Бран. Высоковато будет падать, если Ходор ненароком оступится.

— Нет. Оглянись. — Девочка высоко подняла факел. На миг он вспыхнул, озарив пещеру красными бликами, а затем мир вновь сделался черно-белым. Мира затаила дыхание, Ходор обернулся назад.

На троне из переплетенных корней чардрева

дремал, как в колыбели, мертвенно-бледный лорд.

Из-за иссохшего тела и прогнивших одежд Бран поначалу принял его за труп. За мертвеца, просидевшего здесь так долго, что корни оплели его и пронизали насквозь. На бледном лице выделялось красное пятно, вползающее с шеи на щеку. Тонкие, редкие белые волосы отросли до самого пола, вокруг ног обвились корни — один входил сквозь ветхие панталоны в бедро и выходил из плеча. На лбу у лорда росли серые грибы, на черепе красные листья. Кожа, туго натянутая на скулах, лопалась, обнажая желто-бурые кости.

— Ты и есть трехглазая ворона? — неожиданно для себя спросил Бран. У вороны должно быть три глаза, а у этого только один — красный как кровь, горящий при свете факела. Из другой глазницы, пустой, спускался по щеке белый корень.

— Ворона? — прошелестел лорд. Губы его двигались медленно, словно отвыкли произносить слова. — Да… был ею когда-то. Черные одежды, черная кровь. — Ткань на нем, замшелая, проеденная червями, и впрямь была некогда черной. — Мне, Бран, много кем довелось побывать. Теперь, видя меня, ты наверняка понял, почему я мог приходить к тебе только в снах. Но я долго

слежу за тобой, слежу тысячью и одним глазом. Я видел, как родился ты и твой лорд-отец. Видел твой первый шажок, слышал твое первое слово, показал тебе первый сон. И как ты упал, тоже видел. Наконец-то я дождался тебя, Брандон Старк.

— Да. Меня принесли к тебе калекой. Можешь ты… можешь починить мои ноги?

— Нет. Это не в моей власти.

Глаза Брана заволоклись слезами. Стоило проделывать такой путь! Пещера полнилась гулом черной реки.

— Ходить ты больше не будешь, Бран, — провещали бледные губы, — но будешь летать.

Тирион

Лежа на груде старых мешков, служивших ему постелью, он слушал, как поет ветер в снастях и плещется вода за бортом.

Полная луна над мачтой плыла с ним вместе вниз по реке, смотрела на него круглым глазом. Тирион дрожал под укрывавшими его шкурами. Вина бы сейчас — чашу, а еще лучше целый мех, но скорее луна подмигнет, чем сукин сын Грифф позволит утолить жажду. Пьешь одну воду, потому и не спишь по ночам, а днем потеешь и трясешься как в лихорадке.

Карлик сел, сжал ладонями голову. Снилось ли ему что-нибудь? Он забыл. Ночь никогда не была добра к Тириону Ланнистеру — он спал неважно даже на пуховых перинах, что уж говорить о крыше каютной надстройки с веревочной связкой вместо подушки. С одной стороны, здесь лучше, чем в тесном трюме: воздух свеж, и речные звуки приятней, чем храп Утки. С другой, очень уж жестко — ноги каждый раз затекают.

Вот и теперь икры как деревяшка. Он помассировал их, но, поднявшись, все-таки скривился от боли. Выкупаться бы надо. Одежда вся про-

воняла, как и он сам. Все другие плещутся в реке, но он пока не решался. Тут водятся здоровенные черепахи, способные перекусить его пополам — костохрясты, как их называет Утка, и показываться Леморе голым тоже не хочется.

Тирион натянул сапоги и спустился по деревянному трапу на ют, где сидел у жаровни Грифф, кутаясь в волчью шкуру. Наемник нес ночную вахту один — заступал, когда все укладывались, и ложился, когда солнце всходило.

Тирион, присев напротив него, погрел над углями руки. За рекой заливались соловьи.

— Утро скоро.

— Не так уж и скоро, — проворчал Грифф. — Долго еще торчать на приколе. — Будь его воля, «Робкая дева» плыла бы и днем, и ночью, но Яндри с Изиллой решительно отказывались рисковать лодкой в ночное время. Мало ли на Верхнем Ройне топляков и коряг, того и гляди борт пропорют. Грифф не желал слушать их доводов — он рвался в Волантис.

И все время шарил глазами по сторонам, высматривая… Кого? Пиратов, каменных людей, охотников за рабами? На реке, конечно, опасно, но Грифф, по мнению Тириона, намного опаснее. На Бронна похож — тот, правда, обладает своеоб-

разным наемническим черным юмором, а Грифф юмора лишен напрочь.

— Убить готов за чашу вина, — пробормотал карлик.

Грифф промолчал. «Ты сам умрешь раньше, чем выпьешь», — читалось в его светлых глазах. В первую ночь на борту «Девы» Тирион упился до полусмерти; когда он проснулся, в голове у него сражались драконы. Грифф поглядел, как он блюет за борт, и заявил: «С выпивкой завязано».

«Мне без вина не уснуть», — возразил Тирион. Вернее было бы сказать, что без вина его изведут кошмарные сны.

«Значит, не будешь спать», — отрубил Грифф.

На востоке уже брезжил рассвет. Черные воды Ройна постепенно синели, в тон волосам и бороде Гриффа.

— Принимай вахту, — сказал он, поднявшись. — Скоро встанут все остальные. — Соловьи умолкли — теперь над рекой пели жаворонки. Цапли хлюпали в тростнике, расхаживали по отмелям. Облака загорались красным и розовым, золотом, шафраном и перламутром. Одно походило на дракона. «Человек, видевший дракона в полете, может спокойно вернуться домой и возделывать свой сад, — сказал кто-то из древних

авторов, — большего чуда он уже не увидит». Тирион, почесывая свой шрам, попытался вспомнить, кто же это сказал. Последнее время он много размышлял о драконах.

— Доброго тебе утра, Хугор. — На палубу вышла септа Лемора в своем белом балахоне, подвязанном семицветным плетеным поясом, с распущенными по плечам волосами. — Как спалось?

— Плохо, добрая женщина. Опять видел тебя во сне. — Ну, не совсем во сне. Он держал руку между ног и воображал, как Лемора скачет на нем, болтая грудями.

— Это, несомненно, был дурной сон. Помолись со мной и попроси, чтобы тебе отпустили твои грехи.

Разве что так, как на Летних островах молятся…

— Помолись лучше одна и поцелуй за меня Деву — покрепче.

Лемора, смеясь, пошла к носу — каждое утро она купалась в реке.

— Эту лодку назвали явно не в твою честь, — заметил Тирион, глядя, как она раздевается.

— Отец и Матерь создали нас по образу своему. Мы не должны стыдиться своего тела.

Видно, Тириона они создавали крепко вы-

пивши. При виде входящей в воду Леморы его естество всякий раз твердело, и он с грешным наслаждением воображал, как сам срывает с нее белое одеяние. Она, к слову, не столь невинна, как хочет казаться. Знаки, как у нее на животе, появляются лишь после родов.

Яндри с Изиллой, проснувшись, тут же взялись за дела. Яндри, проверяя канаты, бросал взгляды на септу. Его маленькая смуглая жена, не обращая на это внимания, подсыпала на жаровню стружек, поворошила угли и принялась замешивать тесто.

Лемора опять взобралась на палубу. Меж грудей стекала вода, кожа золотилась на утреннем солнце. Ей уже за сорок, но она еще хоть куда. Распутные мысли неплохо заменяют вино, помогая ощущать, что ты еще жив.

— Видел ту черепаху, Хугор? — спросила она, выжимая волосы. — Большую, хребтистую?

Ранним утром наблюдать за черепахами лучше всего. Днем они уходят глубоко под воду или прячутся в гротах на берегу, а утром плавают на поверхности, порой вровень с лодкой. Тирион насчитал уже с дюжину разных видов: больших и маленьких, плоских и красноухих, с мягким панцирем и костохрястов, бурых, зеленых, черных,

когтистых, рогатых, с золотыми, нефритовыми и кремовыми узорами. Некоторые могли бы свободно нести на себе человека. Ройнские правители, по уверению Яндри, некогда переправлялись на таких через реку. Они с женой родились на Зеленой Крови — дорнийские сироты, вернувшиеся к своему отцу Ройну.

— Сегодня нет. — «Загляделся на голую женщину», — добавил про себя Тирион.

— Жалко. — Лемора натянула через голову рясу. — Ты ведь затем и встаешь так рано, чтобы на черепах поглядеть.

— Я люблю смотреть, как встает солнце. — Как будто нагая девушка выходит из ванны. Одни девушки красивее других, но каждая полна обещаний. — Но и черепахи, конечно, по-своему интересны. Ничто так не радует глаз, как пара красивых… панцирей.

Септа вновь засмеялась. У нее, как у всех на «Деве», есть свои тайны, и на здоровье. Он хочет ее, но знать о ней что-то вовсе не обязательно. Его желания для нее не секрет: вешая на шею свой священный кристалл и пряча его на груди, она дразнила Тириона улыбкой.

Яндри поднял якорь, залез на крышу, оттолкнулся длинным шестом. Две цапли подняли

головы, следя, как «Робкая дева» выходит на стрежень. Лодка медленно двинулась вниз по течению, Яндри стал у руля. Изилла поставила на жаровню сковороду, накрошила сала, начала печь лепешки. Лепешки с салом да сало с лепешками, вот и вся ее стряпня. Раз в две недели бывает рыба.

Когда она отвернулась, Тирион стащил лепешку прямо со сковородки, ловко увернувшись от деревянного черпака. Их хорошо есть горячими, сочащимися медом и маслом. На запах жареного вылез из трюма Утка. Получив от Изиллы половником, он пошел справить малую нужду на корме.

Тирион присоединился к нему.

— Что за зрелище, — опорожняясь, промолвил он. — Карлик и утка добавляют могущества могучему Ройну.

— Ройну твоя водица ни к чему, Йолло, — бросил Яндри. — Это самая великая на свете река.

Тирион стряхнул последние капли.

— Карлик в нем утонуть может, тут ты прав. Но Мандер и Трезубец близ устья не уступают ему шириной, а Черноводная глубже.

— Ты еще не знаешь его. Погоди, сам увидишь.

Сало превратилось в шкварки, лепешки подру-

мянились. Явился, зевая, молодой Грифф.

— Доброе утро всем. — Он ниже Утки и по-юношески хлипок — скорей всего не достиг еще своего полного роста. Глаза этого парня покорили бы любую девушку Семи Королевств, несмотря на синие волосы. Они у него голубые, как у отца, но гораздо темнее — при искусственном свете кажутся черными, на ранней заре лиловыми. И ресницы длинные, женщине впору.

— Чую сало, — сказал он, натягивая сапоги.

— Славное сальце, — отозвалась Изилла. — Садитесь завтракать.

Еду она раздавала на юте — пихала медовые лепешки мальчику и била по рукам Утку, норовящего заграбастать побольше шкварок. Тирион взял себе две лепешки, прослоив их салом, отнес одну Яндри и помог Утке поставить большой треугольный парус. Яндри вел лодку по середине реки, где течение было сильнее всего. Плоскодонное суденышко могло пробраться по самому мелкому из притоков, а под парусом и в хорошей струе делалось быстроходным. В верхнем течении Ройна это может спасти им жизнь, говаривал Яндри.

— Выше Горестей вот уже тысячу лет нет закона.

— И людей тоже, насколько я вижу. — Единственным признаком присутствия человека были заросшие мхом и плющом руины на берегу.

— Не знаешь ты этой реки, Йолло. Пиратская лодка может затаиться в любом ручье, а в руинах беглые рабы прячутся. Охотники редко заходят так далеко на север.

— Всё разнообразие какое-то, черепахи уже надоели. — Тирион, не будучи беглым, не боялся охотников, а пираты вряд ли станут нападать на лодку, идущую вниз по реке. Все ценные товары привозятся как раз снизу, из Волантиса.

Утка, поев, двинул молодого Гриффа в плечо.

— Пора украситься парочкой синяков. Сегодня мечи, я думаю.

— Мечи? — ухмыльнулся парень. — Отлично.

Тирион помог ему одеться для учебного боя: плотные бриджи, стеганый дублет, помятый стальной панцирь. Сир Ройли напялил свою кольчугу и вареную кожу. Оба надели шлемы, достали из оружейного сундука затупленные мечи и начали молотить друг дружку на юте.

При сражении на палицах или боевых топорах более высокий и сильный сир Ройли имел преимущество, при битве на мечах силы были примерно равны. Щитов бойцы этим утром не

взяли и скакали по палубе как ошпаренные, нанося удары и парируя их. Над водой стоял звон. Молодой Грифф чаще попадал в цель, Утка бил сильнее, но вскоре начал уставать, метил ниже и двигался медленнее. Парень, отразив все его выпады, предпринял свирепую атаку и оттеснил сира Ройли назад. На корме они сцепились клинками, и мальчик, ударив Утку плечом, спихнул его в воду.

Тот вынырнул, отплевываясь, ругаясь и требуя вытащить его, пока ему причиндалы не откусили.

— Утки должны лучше плавать. — Тирион бросил рыцарю конец и вместе с Яндри вытянул его обратно на палубу.

— Сейчас поглядим, как плавают карлики. — Сир Ройли сгреб Тириона за шиворот и отправил прямиком в Ройн.

Карлик плавал неплохо и продержался бы на воде долго, если бы ноги не начало сводить судорогой. Молодой Грифф протянул ему шест.

— Ты не первый, кто пытается меня утопить, — сказал Тирион Утке, выливая воду из сапога. — Отец, когда я родился, бросил меня в колодец, но я был до того безобразен, что водяная ведьма, обитавшая там, выплюнула меня обратно. — Он

снял второй сапог и прошелся по палубе колесом, обдав всех брызгами.

— Где ты этому научился? — засмеялся молодой Грифф.

— У скоморохов, — соврал Тирион. — Мать любила меня больше других детей, потому что я был таким крохотулькой. До семи лет нянчила меня на руках. Братья возревновали, посадили меня в мешок и продали скоморохам. Когда я хотел убежать, их главный мне оттяпал полноса — поневоле пришлось остаться и научиться смешить народ.

На самом деле кувыркаться и проделывать прочие штуки Тириона в возрасте шести-семи лет научил дядя. Мальчику это ужасно нравилось: он с полгода ходил колесом по отцовскому замку, веселя септонов, оруженосцев и слуг. Даже Серсея пару раз рассмеялась.

Закончилось это в тот день, когда отец приехал из Королевской Гавани. За ужином Тирион удивил своего родителя, пройдясь по высокому столу на руках. Лорду Тайвину это пришлось не по вкусу. «Боги создали тебя карликом, а ты еще и шутом хочешь стать? Ты все-таки лев, а не обезьяна».

«Теперь ты труп, батюшка, и твой сын может

выламываться, сколько ему угодно».

— У тебя настоящий дар потешать людей, — сказала септа разутому Тириону. — Благодари Отца Всевышнего — он всех своих детей одаряет.

— Всех, — признал Тирион. «А когда я умру, похороните меня с арбалетом, чтобы я отблагодарил Отца Всевышнего тем же манером, что и земного отца».

Пока Лемора наставляла молодого Гриффа в вопросах веры, он снял мокрое и переоделся в сухое. Утка заржал при виде него — оно и неудивительно. Левая сторона дублета из пурпурного бархата с бронзовыми заклепками, правая из желтой шерсти с вышивкой в мелкий зеленый цветочек. Правая штанина зеленая, левая в полоску, белую с красным. Один из сундуков Иллирио был набит детской одеждой — богатой, но залежалой. Лемора разрезала каждую вещь пополам и сшила разные половинки на манер шутовского наряда. Грифф велел Тириону помогать ей — желая унизить карлика, несомненно, но Тирион любил работать иглой, и общество Леморы было ему приятно, хотя она и одергивала его, когда он кощунствовал. Если Грифф хочет, чтобы он изображал дурака, Тирион с удовольствием ему подыграет. Вот уж, верно, ужаснется лорд Тайвин

в своей загробной обители.

Другое дело, назначенное Тириону Гриффом, было далеко не шутовское: изложить на пергаменте все, что известно ему о драконах. Карлик трудился над этим каждый день, сидя с поджатыми ногами на крыше каюты.

Он много чего прочел в этой области. В основном это были пустые басни, на которые нельзя положиться; книги, которыми снабдил Тириона Иллирио, тоже оставляли желать много лучшего. Хорошо бы иметь валирийскую историю Галендро «Огни великой Республики», но в Вестеросе ни одной полной копии нет. Даже в той, что хранится в Цитадели, недостает двадцати семи свитков — надо будет поискать этот труд в библиотеках Волантиса. Может, он и найдется, если проникнуть за Черные Стены в центре старого города.

А вот «Противоестественная история драконов, змеев и вивернов» септона Барта вряд ли отыщется. Барт был сын кузнеца, ставший королевским десницей при Джейехерисе Умиротворителе, и враги его утверждали, что он больше колдун, чем септон. Бейелор Благословенный, вступив на Железный Трон, повелел уничтожить все писания Барта. Лет десять назад Тириону попал в руки

чудом уцелевший отрывок «Истории», но могла ли книга пересечь Узкое море? Еще меньше возможностей заполучить анонимный, страшного содержания том под названием «Кровь и огонь, или Гибель драконов», единственный экземпляр которого будто бы хранится в склепе под Цитаделью.

Когда наверх выполз зевающий Полумейстер, Тирион писал о брачных повадках драконов, на предмет коих взгляды Барта, Манкена и Томакса значительно расходились. Хелдон помочился с кормы в воду, где дробилось яркое солнце, и сообщил:

— Вечером мы должны прийти к устью Нойны, Йолло.

Тирион поднял глаза от пергамента.

— Меня зовут Хугор. Йолло живет у меня в штанах — выпустить его поиграть?

— Лучше не надо, черепах распугаешь. — Улыбка Хелдона остротой не уступала ножу. — Как, бишь, называется улица в Ланниспорте, где ты родился?

— Это переулок, у него нет названия. — Тирион с ехидным удовольствием изобретал подробности пестрой жизни ланниспортского бастарда Хугора Хилла, известного также как Йолло. В

хорошей лжи всегда содержится доля правды. Тирион знал, что выговор у него как у западного жителя, притом не простолюдина — значит, Хугор должен быть побочным отпрыском какого-то лорда. Родился он в Ланниспорте, поскольку Тирион знал этот город лучше Староместа и Королевской Гавани; все карлики, даже рожденные на грядке с репой, рано или поздно оказываются в больших городах. В деревне нет скоморохов, зато много колодцев, где очень удобно топить котят, трехголовых телят и таких вот младенцев.

— Все бы тебе, Йолло, пергамент портить, — сказал Полумейстер, завязывая штаны.

— Не всем выпадает счастье быть полумейстерами. — Тирион, отложив перо, размял затекшие пальцы. — Сыграем еще в кайвассу? — Хелдон каждый раз его побивал, зато время пройдет быстрее.

— Вечером. Пойдешь учиться с молодым Гриффом?

— Что ж, кому-то ведь надо тебя поправлять.

На «Робкой деве» было четыре каюты. Изилла и Яндри занимали одну, Грифф с сыном другую, септа Лемора третью, Хелдон четвертую, больше всех. По одной ее стенке тянулись полки с книгами, свитками и пергаментами, вдоль дру-

гой помещались зелья, мази, целебные травы. В круглое окошко с волнистым желтым стеклом струился солнечный свет. Мебель состояла из койки, письменного стола, стула, табуретки и столика с деревянными фигурами для кайвассы.

Для начала занялись языками. Молодой Грифф говорил на общем как на родном, бегло владея при этом классическим валирийским, диалектами Пентоса, Тироша, Мира, Лисса и моряцким жаргоном. Волантинский для него, как и для Тириона, был внове; каждый день оба заучивали несколько новых слов, а Хелдон исправлял их ошибки. Миэринский был потруднее — его при тех же валирийских корнях привили к каркающему наречию Старого Гиса.

— Надо пчелу в нос затолкать, чтоб правильно говорить по-гискарски, — пожаловался Тирион.

Молодой Грифф посмеялся, а Хелдон сказал кратко:

— Еще раз.

— Зззззз, — затянул парень, подняв глаза к потолку. «Слух у него лучше, — признал Тирион, — хотя язык у меня, бьюсь об заклад, все же проворнее».

За языками настала очередь геометрии. Здесь парень не слишком блистал, но Хелдон был

терпеливым учителем, а Тирион ему помогал. Когда-то он постигал тайны кругов, квадратов и треугольников с отцовскими мейстерами — и, к собственному удивлению, неплохо помнил эту науку.

Когда перешли к истории, молодой Грифф стал подавать признаки беспокойства.

— Не расскажешь ли Йолло, в чем разница между слоном и тигром? — спросил его Хелдон.

— Волантис — самый древний из Девяти Вольных Городов, старшая дочь Валирии, — затараторил парень. — Полагая себя после Рокового Дня наследниками Республики и полноправными господами мира, волантинцы разошлись в том, каким способом должно быть достигнуто это господство. Старая Кровь стояла за меч, купцы и ростовщики — за торговлю. Впоследствии одни стали называться тиграми, а другие слонами.

Тигры держали первенство около века, считая от Рокового Дня. Им сопутствовала удача: волантинский флот взял Лисс, волантинская армия — Мир. На протяжении двух поколений всеми тремя городами управляли из Черных Стен, но затем тигры попытались захватить Тирош и потерпели крах. Пентос и вестеросский штормовой король поддержали тирошийцев,

Браавос дал лиссенийскому изгнаннику сто боевых кораблей, Эйегон Таргариен вылетел с Драконьего Камня на Черном Ужасе, Мир и Лисс подняли восстание. В результате они вернули себе свободу, но Спорные Земли обратились в пустыню. Поражение тигров этим не ограничилось. Посланный в Валирию флот погиб в Дымном море, Квохор и Норвос одержали победу в битве огненных галей на Кинжальном озере, лишив Волантис власти на Ройне. С востока, выметая простолюдинов из хижин и знать из поместий, хлынули дотракийцы; вскоре от Квохорского леса до верховьев Селхору простерлась заросшая, усеянная руинами пустошь. Столетняя война разорила Волантис — густонаселенный прежде город почти обезлюдел. Именно тогда к власти пришли слоны, продолжающие править городом до сего времени. Иногда тиграм удается избрать одного триарха, иногда нет. Слоны остаются в большинстве вот уже три столетия.

— Совершенно верно, — одобрил Хелдон. — Как обстоит дело с нынешними триархами?

— Малакуо — тигр, Ниэссос и Донифос — слоны.

— И какой же урок можем мы извлечь из волантинской истории?

— Если хочешь завоевать мир, надо иметь драконов.

Тирион не удержался от смеха.

После уроков, когда молодой Грифф отправился помогать Яндри, они с Хелдоном сели играть в кайвассу.

— Молодец парень, — сказал Тирион. — Ты хорошо поработал с ним. Он превзошел ученостью половину вестеросских лордов. Языки, история, поэзия, математика — пьянящая смесь для сына простого наемника.

— Книга в верных руках опасна не меньше меча. Постарайся на этот раз продержаться подольше, Йолло. Играешь ты столь же плохо, как кувыркаешься.

— Я пытаюсь усыпить твою бдительность, — сказал Тирион, расставляя фигуры за перегораживающей доску небольшой ширмой. — Ты думаешь, что учишь меня играть, но не все обстоит так, как нам думается. Что, если я уже выучился у торговца сырами?

— Иллирио не играет в кайвассу.

«Верно. Он играет в престолы. Ты, Грифф и Утка — всего лишь фигуры, которые он двигает по своему усмотрению. И жертвует ими, как пожертвовал Визерисом».

— Значит, это целиком твоя вина, что я плохо играю.

— Йолло, я буду скучать, когда пираты тебя зарежут, — хмыкнул Полумейстер.

— Где ж они, твои пираты? Я начинаю думать, что вы с Иллирио их попросту выдумали.

— Больше всего их между Ар Ной и Горестями. Руинами Ар Ной владеют квохорцы, ниже Горестей реку стерегут галеи Волантиса, но между этими городами никакой власти нет, вот пираты и пользуются. На Кинжальном озере полно островов, где они прячутся в гротах и тайных фортах. Ну что, готов?

— Сразиться с тобой — безусловно, с пиратами — вряд ли.

Хелдон убрал ширму, и оба игрока изучили позицию неприятеля.

— Кое-чему ты все-таки научился, — сказал Полумейстер.

Тирион взялся было за дракона, но передумал. В прошлый раз он ввел его в игру слишком скоро, и требушет его съел.

— Если мы все же встретим этих знаменитых пиратов, я к ним, пожалуй, примкну. Назовусь Хугором Полумейстером. — С этими словами карлик двинул своего легкого коня к горам Хелдона.

Тот сделал ход слоном.

— Хугор Полоумный подойдет тебе лучше.

— Мне и половины ума хватит, чтоб с тобой справиться. — Тирион послал тяжелого коня поддержать легкого. — Не хочешь поспорить, кто выиграет?

— Смотря на сколько, — выгнул бровь Полумейстер.

— Денег у меня нет, но на секреты спорить могу.

— Грифф мне язык отрежет.

— Струсил, да? Я бы тоже трусил на твоем месте.

— Скорей черепаха вылезет из моей задницы, чем ты меня победишь. — Хелдон пошел копьями. — Будь по-твоему: спорим.

Тирион протянул руку к дракону.

Три часа спустя он наконец вышел на палубу за малой нуждой. Утка помогал Яндри спустить парус, Изилла правила. Солнце стояло над самыми тростниками у западного берега, ветер набирал силу. Тирион чувствовал, что ему будет плохо, если он не выпьет вина, желательно целый мех. Ноги совсем отнялись от долгого сидения на табуретке, в голове стоял звон — как бы за борт не рухнуть.

— А Хелдон где, Йолло? — спросил его Утка.

— В постель слег. Неможется ему, черепахи из задницы лезут. — Оставив рыцаря размышлять над этой загадкой, Тирион взобрался на крышу. На востоке за скалистым островком густел мрак.

— Чуешь бурю, Хугор Хилл? — окликнула его септа Лемора. — Впереди Кинжальное озеро, где пираты так и кишат, а еще дальше — Горести.

«Только не мои, — заметил про себя Тирион. — Свои я ношу с собой. Куда все-таки отправляются шлюхи — может, в Волантис?» Он может найти Тишу там: человек должен на что-то надеяться. Что он ей скажет при встрече? «Прости, что позволил надругаться над тобой, милая. Я думал, ты шлюха. Найдешь ли ты в себе силы простить меня? Я так хочу снова вернуться в наш домик, где мы с тобой жили как муж и жена».

Островок исчезал вдали. На восточном берегу стояли руины: покосившиеся стены, рухнувшие башни, проломленные купола, ряды гнилых деревянных колонн. Улицы, забитые илом, поросли лиловым мхом. Еще один мертвый город, раз в десять больше Гойан Дроэ. Теперь здесь живут черепахи, громадные костохрясты — вон они, греются на вечернем солнце, бурые и черные бугорки с зубчатыми хребтами посередине пан-

циря. Некоторые при виде лодки плюхались в воду, поднимая волну. В этом месте купаться не стоило.

За полузатопленными деревьями и протоками былых улиц искрилось живое серебро. Еще одна река, приток Ройна. Разрушенные стены становились все выше: город сужался к мысу, где стоял колоссальный дворец из розового и зеленого мрамора, с куполами, обвалившимися шпилями и крытыми галереями. Черепахи спали на пристани, у которой могло поместиться с пятьдесят кораблей. Дворец Нимерии, догадался Тирион. Эти руины были когда-то Най Сар, ее городом.

— Йолло! — крикнул Яндри. — Ты говорил, что в Вестеросе есть такие же широкие реки?

— Я ошибался, — признал Тирион. — Все реки там наполовину уже, чем эта. — Новый приток почти не уступал шириной Ройну и вполне мог сравниться с Мандером и Трезубцем.

— Это Най Сар, где великий отец принимает свою буйную дочь Нойну, — стал объяснять Яндри, — но после встречи с другими дочками Ройн станет еще шире. У Кинжального озера к нему придет Квойна, смуглая дочь: из Акса она несет золото и янтарь, из Квохорского леса сосновые шишки. Чуть дальше к югу отец встречает

Лорулу, веселую дочь с Золотых Полей. В том месте некогда стоял Кройян, праздничный город с водяными улицами и домами из золота. Потом, много лиг спустя, прокрадывается с юго-востока Селхору, робкая дочь, извилистая и скрытная. После этого Ройн разливается так, что с середины его берегов не видно. Сам убедишься, дружок.

Не сомневаясь в этом, Тирион заметил крупную зыбь ярдах в шести от лодки. Он хотел уже показать на нее Леморе, и тут «Деву» начало валять с борта на борт.

На поверхность всплыла рогатая черепаха невероятной величины. Зеленый панцирь с бурыми пятнами оброс водяным мхом и черными раковинами. Рептилия подняла голову и взревела громче всех боевых рогов, когда-либо слышанных Тирионом.

— Он благословил нас! — вскричала, заливаясь слезами, Изилла. — Благословил!

Утка вопил во всю мочь, молодой Грифф тоже. Хелдон опоздал: когда он вышел, гигантское создание опять скрылось в речных глубинах.

— Что за шум? — спросил Полумейстер.

— Черепаха, — сказал Тирион. — Больше, чем наша лодка.

— Это был он! — вмешался взволнованный

Яндри. — Речной Старец!

«Почему бы и нет, — мысленно улыбнулся карлик. — Какие только чудеса не сопутствуют рождению королей».

Давос

«Веселая повитуха» вошла в Белую Гавань тихо, с вечерним приливом. Залатанный парус колыхался при каждом порыве ветра. Старый когг даже в молодости не блистал красотой. На носу у него смеющаяся женщина держала за ножку младенца, но черви сильно источили ее щеки и ребячий задок. Корпус покрывали бесчисленные слои унылой коричневой краски, серые паруса истрепались. Взглядов «Повитуха» не привлекала — разве что кто-то полюбопытствовал бы, как это судно держится на воде, — но в порту хорошо ее знали: уже много лет она ходила между Систертоном и Белой Гаванью.

Не так представлял Давос Сиворт свое прибытие, отправляясь сюда с флотом Саллы. Тогда все казалось проще. Белая Гавань не прислала ворона с присягой на верность, поэтому король Станнис отправляет посла для личных переговоров с Мандерли, лордом этого города. Сам посол идет на галее «Валирийка», следом — полосатые корабли лиссенийского флота: черные с желтым, розовые с голубым, зеленые с белым, пурпурные с золотом. Лиссенийцы любят яркие краски, а

Салладор Саан пуще всех. Так было, но затяжной шторм все поменял.

В теперешнем свом положении Давос прокрадывается в город на манер контрабандиста, как двадцать лет назад. Пока он не разберется, что здесь к чему, лучше выдавать себя за простого матроса и не говорить, что ты лорд.

На восточном берегу, где входит в залив Белый Нож, вздымались городские стены из белого камня. За те шесть лет, что Давос здесь не бывал, в городе кое-что изменилось. На молу, отделяющем внутреннюю гавань от внешней, воздвигли стену тридцатифутовой вышины чуть ли не в милю длиной, с башнями через каждые сотню ярдов. С Тюленьей Скалы, где раньше были одни развалины, поднимался дымок. К добру это или к худу? Зависит от того, чью сторону примет лорд Виман.

Давос полюбил этот город с тех пор, как впервые пришел сюда юнгой на «Бродячей кошке». По сравнению с Королевской Гаванью и Старомести он невелик, зато всюду чистота и порядок. Вымощенные булыжником улицы широкие и прямые, никто не заблудится. Дома белые, с крутыми крышами из темно-серого грифеля. Роро Угорис, старый шкипер «Кошки», говорил, что

может отличить один порт от другого по одному только запаху. Города как женщины, уверял он, каждая пахнет по-своему. Старомест благоухает, как надушенная вдова, Ланниспорт пахнет землей, свежестью и дымком, как молодая крестьянка, Королевская Гавань воняет, как немытая шлюха, но Белая… она пахнет только морем, как подобает русалке. Солью и рыбой.

Она и теперь так пахла, но к запаху моря примешивался торфяной дым с Тюленьей Скалы. Серо-зеленый утес, вставая на пятьдесят футов над водами, сторожит внешнюю гавань. Его вершину венчает каменный круг, укрепление Первых Людей; много веков там не было ни души, но сейчас Давос видел между камнями скорпионы, огнеметы и арбалетчиков. Холодно там, не иначе, сыро. Раньше на камнях внизу всегда грелись тюлени. Слепой Бастард каждый раз заставлял считать их, когда «Кошка» покидала Белую Гавань: чем больше тюленей, тем удачнее путь. Теперь тюленей нет — дым и солдаты их распугали. Умный человек сразу замечает такие знаки. Будь у Давоса ума хоть на грош, он бы остался с Саллой. Вернулся бы на юг, к Марии и сыновьям. Четверо старших погибли на королевской службе, пятый в оруженосцах у короля. Он

вправе вырастить хотя бы тех двоих, которых ему оставили. Давно уж он их не видел.

Черные братья в Восточном Дозоре говорили ему, что Мандерли из Белой Гавани и Болтоны из Дредфорта недолюбливают друг друга. Железный Трон сделал Русе Болтона Хранителем Севера, поэтому лорд Виман вполне способен перейти к Станнису. В одиночку город не выстоит: ему требуются союзники. Лорд Мандерли нуждается в Станнисе не меньше, чем Станнис в нем — так по крайней мере полагали в Восточном Дозоре.

В Систертоне эта надежда сошла на нет. Мандерли, если верить лорду Боррелу, намерены объединиться с Болтонами и Фреями. Об этом лучше не думать. Скоро он и так узнает всю правду — лишь бы не слишком поздно.

На «Повитухе» спустили парус. Новый мол полностью скрывал внутреннюю гавань. Внешняя больше, но стоять предпочтительнее внутри: с одной стороны там защищает городская стена, с другой — Волчье Логово, а теперь и мол с третьей. Коттер Пайк в Восточном Дозоре говорил Давосу, что лорд Виман строит боевые галеи. За стеной на молу можно спрятать не меньше двадцати кораблей; как только будет отдан приказ, они выйдут в море.

За белыми стенами гордо высится на холме Новый Замок, а вон там купол Снежной Септы, окруженный изваяниями Семерых. Мандерли, когда их изгнали с Простора, принесли свою веру на Север. Есть в Белой Гавани и богороща, чащоба, замкнутая черными стенами Волчьего Логова — эта древняя крепость теперь служит только тюрьмой, — но власть септонов намного больше.

Водяной дома Мандерли реет повсюду — на башнях замка, над Тюленьими воротами, на городских стенах. В Восточном Дозоре уверяли, что Белая Гавань Винтерфеллу никогда не изменит, но Давос нигде не видел ни лютоволка Старков, ни льва. Лорд Виман еще не присягнул Томмену, иначе непременно поднял бы королевский штандарт.

У причалов не протолкнуться. Мелкие лодки разгружают улов около рыбного рынка; чуть дальше видны три длинные речные ладьи, доблестно одолевающие пороги и стремнины на Белом Ноже. Давоса, впрочем, больше занимали морские суда: пара каррак, столь же невидных и потрепанных, как «Повитуха», торговая галея «Дитя бури», когги «Храбрый магистр» и «Рог изобилия», приметный галеон из Браавоса с

пурпурным корпусом и такими же парусами… и стоящий за ними военный корабль.

Давоса точно ножом пронзили. Корпус черный с золотом, на носу лев с поднятой лапой. На корме значится «Львиная звезда», на мачте развевается флаг с гербом малолетнего короля. Год назад Давос не сумел бы прочесть эту надпись, но мейстер Пилос с Драконьего Камня обучил его азбуке. Чтение в кои веки доставило Давосу толику удовольствия. На пути сюда он молился, чтобы эта галея тоже попала в шторм, разметавший форт Саллы, но боги распорядились иначе. Фреи здесь, и ему придется с ними столкнуться.

«Веселая повитуха» встала у деревянной пристани во внешней гавани, далеко от «Львиной звезды». Пока матросы закрепляли концы и опускали сходни, к Давосу подошел капитан Кассо Могат, метис Узкого моря, рожденный систертонской шлюхой от иббенийского китобоя. Волосатый, всего пяти футов ростом, он красил шевелюру и баки в цвет зеленого мха и потому смахивал на пенек, обутый в желтые сапоги. Моряк он вопреки внешности был хороший, но с командой обращался сурово.

— Как долго вы намерены задержаться на берегу? — спросил он.

— Не меньше суток. Возможно, и дольше. — Лорды, как известно, любят хорошенько потомить человека, чтобы власть свою показать.

— «Повитуха» здесь пробудет три дня, никак не больше. Нас ждут в Систертоне.

— Если все сложится хорошо, к утру буду тут.

— А если плохо?

В таком разе он может вообще не вернуться.

— Тогда не ждите меня.

Двое таможенников, всходивших по сходням навстречу Давосу, на него даже и не взглянули. Им нужен был капитан и то, что лежало в трюме; простые матросы их не касались, а Давос выглядел проще некуда. Обветренное мужицкое лицо, борода с проседью, волосы как соль с перцем и одежда под стать: старые сапоги, бриджи бурые, камзол синий, накидка из некрашеной шерсти застегнута деревянной пряжкой. Просоленные кожаные перчатки прятали когда-то укороченные Станнисом пальцы. Никто не скажет, что Давос — лорд, тем более королевский десница. Оно и к лучшему. Сперва надо разведать, как тут у них дела.

Он прошел через рыбный торг. На «Храброго магистра» грузили мед: бочки по четыре в вышину громоздились на пристани, трое матросов,

укрывшись за ними, метали кости. Торговки кричали, предлагая свежий улов, старый медведь плясал в кругу речников под барабан, в который бил мальчик. Тюленьи ворота охраняли двое копейщиков с эмблемой дома Мандерли на груди; они любезничали с портовой шлюхой и не обратили на Давоса никакого внимания. Ворота были открыты, решетка поднята; он влился в толпу и скоро вышел на мощеную площадь с фонтаном.

Из воды вставал каменный водяной двадцати футов ростом от хвоста до короны. Его курчавая борода позеленела и обросла лишайником, один из зубцов трезубца сломали еще до рождения Давоса, однако морской царь умудрялся сохранять грозный вид. Местные жители прозвали его Стариной Хвостоногом, а площадь, официально носившая имя какого-то покойного лорда, именовалась в народе не иначе как Хвостоноговой.

Сегодня здесь было людно. Женщина стирала в фонтане бельишко и развешивала его на трезубце. Под крытой колоннадой разместились писцы, менялы, маг, травница и очень неважный жонглер. Тут же рядом продавались яблоки и селедка с луком. Куры и дети путались под ногами. Огромные, окованные железом дубовые двери монетного двора, всегда закрытые прежде, бы-

ли открыты. Внутри виднелись сотни женщин, стариков и детей. Они сидели на полу, подстелив меховые шкуры, и готовили еду на кострах.

Купив за полушку яблоко, Давос спросил у торговца:

— Что это за люди на монетном дворе?

— Большей частью крестьяне с верховьев Ножа. Люди Хорнвуда тоже. Прибежали сюда от бастарда этого, Болтона. Не знаю уж, куда его милость их денет. У многих только и добра, что на них.

Давос ощутил укол совести. Они ищут укрытия здесь, в мирном городе, а он хочет снова втянуть их в войну. Он надкусил яблоко, и совесть снова подала голос.

— А еду они где берут?

— Которые воруют, которые попрошайничают, — пожал плечами торговец. — Девки молодые собой приторговывают. Парню выше пяти футов, коли он умеет держать копье, найдется место в казармах милорда.

Стало быть, Мандерли набирает солдат… к добру или к худу. Яблоко было вялое, но Давос упорно жевал его.

— Не хочет ли лорд Виман примкнуть к бастарду?

— Как придет его милость ко мне за яблочком,

непременно его спрошу.

— Я слыхал, его дочка выходит за какого-то Фрея.

— Внучка. Я тоже слыхал, только на свадьбу меня пригласить позабыли. Доел, что ли? Давай кочерыжку, мне семечки пригодятся.

Давос кинул торговцу огрызок. Стоило потратить полушку, чтобы узнать, что Мандерли берет ополченцев. Девушка у фонтана продавала козье молоко в чашках. Давос начинал вспоминать: в том переулке, куда Хвостоног указывает трезубцем, продается вкусная треска с поджаристой корочкой. Вон там бордель, почище многих других: там можно взять женщину, не боясь, что тебя ограбят или убьют. В другой стороне, в одном из тех домиков, что лепятся к Волчьему Логову как ракушки к кораблю, раньше варили темное пиво, густое и славное; в Браавосе и Порт-Иббене за него давали как за борское золотое, если местные оставляли пивовару что-то на вывоз.

Сейчас, однако, Давосу требовалось вино, кислое до оскомины. На той стороне площади, под складом, где хранились овчины, был погребок. Он назывался «Ленивый угорь» и в контрабандные дни Давоса предлагал самых старых шлюх и самое мерзкое вино в Белой Гавани наряду с

тухлыми пирогами: в лучшем случае несъедобно, в худшем отрава. Местные, что вполне понятно, далеко обходили это заведение, предоставляя его морякам. Городских стражников и таможенников в «Угре» испокон веков не бывало.

В этом подвальчике время будто остановилось. Тот же закопченный потолок, земляной пол, те же запахи дыма, тухлятины и блевотины. Толстые сальные свечки на столах не столько светили, сколько чадили, делая заказанное Давосом вино скорее бурым, чем красным. У дверей выпивали четыре девки. Когда Давос оставил без ответа улыбку одной из них, они посмеялись между собой и больше на него не смотрели.

Кроме них и хозяина, в «Угре» не было никого. Давос забрал вино в укромный уголок, которыми изобиловал «Угорь», и сел спиной к стенке.

Скоро он поймал себя на том, что смотрит в очаг. Красная женщина способна видеть в пламени будущее, но Давосу огонь показывал только прошлое: горящие корабли, цепь поперек реки, зеленые блики на пасмурном небе и над всем этим — Красный Замок. Давос Сиворт простой человек, не провидец. Подняться ему помогли случай, война и Станнис.

Почему боги забрали четверых его сыновей,

молодых и крепких, а пожилого отца оставили? «Для того, чтобы я спас Эдрика Шторма», — думал иногда Давос в бессонные ночи… но теперь бастард короля Роберта в безопасности на Ступенях, а он все еще жив. Может, боги еще чего-то хотят от него? Именно здесь, в Белой Гавани? Давос пригубил вино и вылил себе под ноги половину.

На улице темнело, и погребок начинал заполняться. Давос спросил еще чашу. Хозяин вместе с вином принес и свечу.

— Может, закусить хочешь? Есть пироги с мясом.

— С каким?

— Мясо как мясо. Хорошее.

— Серое, он хочет сказать, — засмеялась одна из шлюх.

— Заткни пасть. Сама-то небось жрешь.

— Мало ли какое дерьмо я ем — это еще не значит, что оно мне по вкусу.

Как только хозяин отошел, Давос задул свечу. Нет на свете больших сплетников, чем моряки за чашей вина, даже такого гадкого. Знай только слушай.

Почти все, о чем говорилось здесь, он уже слышал в Систертоне от лорда Годрика и завсегдатаев «Китового брюха». Тайвина Ланнистера убил

родной сын, карлик. Покойник так смердел, что потом никто долго не мог войти в Великую Септу. Леди Орлиного Гнезда убита певцом; теперь Долиной правит Мизинец, но Бронзовый Джон Ройс поклялся свергнуть его. Бейлон Грейджой тоже умер, и его братья борются за Морской Трон. Сандор Клиган разбойничает на речных землях. Мир, Лисс и Тирош снова завязали войну. На востоке взбунтовались рабы.

Были и другие вести, более любопытные. Роберт Гловер пытается сколотить себе войско в городе, но без особых успехов: лорд Мандерли глух к его мольбам. Белой Гавани надоело воевать, будто бы говорит его милость. Плохи дела. Рисвеллы с Дастинами сожгли ладьи Железных Людей на Горячке — это еще хуже. Бастард Болтонский с Хозером Амбером едут на юг, чтобы помочь этим двум домам взять Ров Кейлин.

— Смерть Шлюхам собственной персоной, — говорил речник, только что доставивший с Белого Ножа шкуры и лес. — При нем триста копейщиков и сто лучников. Люди Хорнвуда и Сервина тоже идут с ним.

Хуже ничего не придумаешь.

— Лорду Виману также следует послать кого-нибудь на войну для своего же блага, — заметил

старик на торце стола. — Лорд Русе теперь Хранитель — честь обязывает Белую Гавань откликнуться на его зов.

— Можно подумать, Болтоны знают что-то о чести, — встрял хозяин, подливая всем своего бурого вина.

— Лорд Виман никуда не пойдет. Больно жирен.

— Он хворает. Только и делает, что плачет да спит, с постели подняться не может.

— С жиру все это.

— Жир тут ни при чем, — заявил хозяин. — Львы держат в плену его сына.

О короле Станнисе никто и не заикался. Никто, похоже, не знал, что его величество пришел на Север, чтобы защищать Стену. В Восточном Дозоре только и разговору, что об одичалых, великанах и упырях, а здесь обо всем этом и думать не думают.

Давос подался вперед, нарушив свою невидимость.

— Я думал, его сына убили Фреи. Мы в Систертоне так слышали.

— Это сир Вендел убит, — пояснил хозяин. — Его кости покоятся в Снежной Септе в окружении многих свечей — можешь сам поглядеть. А сир

Вилис пока в плену.

Все хуже и хуже. Давос знал, что у лорда два сына, но думал, что оба они мертвы. Если Железный Трон держит в заложниках одного… Давос, сам потерявший четырех сыновей, выполнил бы любое требование богов и людей, лишь бы уберечь трех оставшихся. Стеффон и Станнис за тысячу лиг от войны, но Деван в Черном Замке, при короле, чей успех или провал зависит от Белой Гавани.

Разговор тем временем зашел о драконах.

— Да вы, никак, спятили, — говорил гребец с галеи «Дитя бури». — Короля-Попрошайки давно уж на свете нет — какой-то лошадиный лорд отрубил ему голову.

— Да, по слухам — но слухи могут и лгать, — возразил старик. — Умер он на другом краю света, если впрямь умер. Может, ему выгодно, чтоб его мертвым считали. Тела его никто не видал.

— Джоффри и Роберта я тоже не видел мертвыми, — заспорил хозяин, — по-твоему, и они живы? Может, и Бейелор Благословенный только вздремнул на пару веков?

— Принц Визерис не единственный дракон, так ведь? — уперся старик. — Сына принца Рейегара тоже вроде бы убили в младенчестве, а на

деле — кто знает.

— Там вроде и принцесса была? — вмешалась шлюха, критиковавшая мясо.

— Даже две, — подтвердил старик. — Одна дочь Рейегара, другая сестра.

— Сестру Дейеной звали, — вспомнил речник. — С Драконьего Камня. Или Дейерой?

— Дейена была женой старого короля Бейелора, — сказал гребец. — Я греб на корабле, который назывался «Принцесса Дейена».

— Королевская жена — не принцесса, а королева.

— Так он не жил с ней. Святой был.

— Он на сестре женился, — внесла ясность шлюха, — только спать с ней не спал. Став королем, он ее запер в башне еще с двумя сестрами.

— Дейенела, вот как ее звали, — сказал хозяин. — Дочь Безумного Короля то есть, не жену Бейелора.

— Дейенерис, — поправил Давос. — В честь Дейенерис, которая вышла за принца Дорнийского при Дейероне Втором. Не знаю только, что с ней сталось потом.

— Я знаю, — сказал тот, кто и начал весь разговор — браавосский гребец в темной шерстяной куртке. — В Пентосе мы стояли рядом с галеей

«Черноглазка», так вот ихний юнга за выпивкой рассказал про девчоночку, которую видел в Кварте. Она хотела, чтобы они отвезли в Вестерос ее и трех драконов в придачу. Волосы у нее были серебряные, глаза фиолетовые. Тот юнга сам ее водил к капитану, только шкипер не захотел. Я, сказал, лучше возьму шафран и гвоздику — они по крайности паруса не спалят.

Все заржали, только Давос не стал смеяться, зная о судьбе «Черноглазки». Боги жестоки: позволяют человеку пройти невредимым полсвета, а у самого дома посылают на ложный огонь. «Тот капитан был посмелее меня», — думал, идя к выходу, Давос. Совершив одно путешествие на восток, можешь до конца дней жить как лорд. В юности Давос сам мечтал о таком путешествии, но годы промчались мимо, а он так и не выбрался. Ничего, все еще впереди. Война кончится, король Станнис взойдет на Железный Трон, и у него отпадет нужда в луковых рыцарях. Тогда Давос возьмет с собой Девана… Стеффа и Станни тоже, если подрастут к тому времени… и они своими глазами увидят драконов и прочие чудеса.

Ветер на улице окреп и колебал огни масляных фонарей на площади, но по сравнению с Восточным Дозором, где ветер со Стены пробирает

насквозь самый теплый плащ, здесь было тепло как в бане.

Имелись и другие места для подслушивания чужих разговоров: гостиница, знаменитая рыбными пирогами, пивная, посещаемая таможенниками и торговцами шерстью, балаган, где за пару грошей показывали всякое непотребство. Давос, однако, полагал, что слышал достаточно. Слишком поздно он добрался до Белой Гавани. Рука по старой привычке потянулась к груди, к ладанке с косточками отрубленных пальцев, но там ничего не было. Он потерял свою удачу на Черноводной, вместе с сыновьями и кораблем.

Что же ему делать теперь? Он поплотнее запахнулся в накидку. Явиться к воротам Нового Замка с напрасной просьбой? Вернуться в Систертон, а там и домой, к Марии и мальчикам? Купить коня, приехать по Королевскому тракту к Станнису и сказать, что в Белой Гавани у короля нет ни друзей, ни надежды?

В ночь перед отплытием королева Селиса устроила пир для Саллы и его капитанов. Там присутствовал Коттер Пайк и еще четверо высших офицеров Восточного Дозора, принцессу Ширен тоже допустили за стол. Когда подали лосося, сир Акселл Флорент рассказал историю об

одном из таргариенских принцев. Тот держал у себя обезьяну, одевал ее в платье покойного сына, выдавал за свое дитя и время от времени сватал зверю невест. Лорды, которым оказывалась подобная честь, отказывали учтиво, но твердо. «Обезьяна, даже разодетая в шелк и бархат, так и останется обезьяной, — вывел мораль сир Акселл. — Будь принц поумнее, он понял бы, что с человечьими делами она не справится». Люди королевы смеялись, поглядывая на Давоса. «Я-то не обезьяна, — хотелось сказать ему. — Я такой же лорд, как и вы, еще получше вас буду», — но память об этом жалила его до сих пор.

Тюленьи ворота уже заперли на ночь — на «Повитуху» можно будет вернуться не раньше, чем рассветет. «Я прошел сквозь непогоду и шторм, — сказал себе Давос, глядя на Старину Хвостонога. — Я не вернусь, не исполнив задуманного, каким бы безнадежным это ни представлялось». Пальцы он потерял и талисман тоже, но он не обезьяна в шелках. Он королевский десница.

Широкая ступенчатая улица под названием Замковая вела от Волчьего Логова на холм, к Новому Замку. Мраморные русалки с чашами горящего китового жира освещали Давосу путь. С вершины видны были обе гавани: во внутренней

за стеной волнолома стояли бок о бок военные галеи. Давос насчитал двадцать три: лорд Виман при всей своей толщине явно не сидел сложа руки.

Ворота Нового Замка были закрыты, но часовой открыл калитку на оклик Давоса и спросил, что ему надо. Давос предъявил королевские печати на черной с золотом ленте.

— Мне нужно срочно увидеться с лордом Мандерли. Наедине.

Дейенерис

Гладко выбритые, намасленные танцовщики перекидывались горящими факелами под бой барабанов и переливы флейт. Когда два факела скрещивались, между ними, кружась, перелетала нагая девушка. Блестели руки, груди и ягодицы.

Все трое плясунов были возбуждены. Их пыл заражал Дени, но и смешил. Все они одного роста, длинноногие, с плоскими животами, каждый мускул точно из камня вырублен. Даже лица у них похожи, хотя это странно: один из них черен как сажа, другой бледен как молоко, у третьего кожа медная.

Они призваны воспламенить ее, можно не сомневаться. Безупречные в острых шапках стояли как статуи вдоль колонн, полноценные мужчины вели себя не столь сдержанно. Резнак мо Резнак приоткрыл влажные губы, Гиздар зо Лорак разговаривал с соседом, не сводя глаз с танцовщиц. Лысый был суров, как всегда, но не упускал ничего.

Мечты и желания почетного гостя, сидящего с Дени за высоким столом, разгадать было не столь легко. Белокожий, с блестящим черепом, одетый

в парчу и багряный шелк, он ел фигу, надкусывая ее понемногу. Вдоль ястребиного носа Ксаро Ксоана Даксоса сверкали опалы.

Ради него Дени облачилась в квартийский наряд — платье из лилового шелка, обнажающее левую грудь. Ее серебряные с золотом волосы падали почти до соска. Многие мужчины украдкой бросали на нее взгляды, только не Ксаро. То же самое было и в Кварте: таким способом магната ей не пронять, но какой-то ключик к нему подобрать все же надо. Он пришел из Кварта на «Шелковом облаке» и привел с собой еще тринадцать галей, не иначе в ответ на ее молитвы. Миэринская торговля совсем захирела с тех пор, как она отменила рабство, но Ксаро вполне способен ее возродить.

Барабаны забили громче, и три девушки перескочили через огонь. Танцовщики ловили их за талии и насаживали на свои члены, девушки выгибались и обнимали мужчин ногами. Флейты рыдали, тела юношей двигались в такт. Дени уже доводилось видеть такое: дотракийцы совокуплялись столь же открыто, как их кобылы и жеребцы, но похоть, положенную на музыку, она наблюдала впервые.

Щеки у нее пылали — от вина, конечно же от вина, мысли возвращались к Даарио Нахарису.

Утром он прислал к ней гонца: Вороны-Буревестники возвращаются из Лхазарина. Ее капитан завязал дружбу с овечьим народом. Наладится обмен, минует угроза голода. Даарио не подвел ее в настоящем и не подведет в будущем. Поможет ей спасти город. Королеве не терпелось увидеть его, погладить троезубую бороду, рассказать о своих заботах… но Вороны-Буревестники пока еще далеко, за Хизайским перевалом, а государством приходится управлять каждый день.

Дым повис меж пурпурных колонн. Танцовщики, пав на колени, склонили головы.

— Великолепно, — сказала им Дени. — Такая красота и грация — редкое зрелище. — По ее знаку подошел сенешаль с каплями пота на лысой морщинистой голове. — Проводи наших гостей в баню, чтобы они освежились. Принеси им еды и питья.

— Почту за честь, ваше великолепие.

Дени подставила Ирри чашу. Вино, сладкое и крепкое, отдавало восточными пряностями — не то что гискарская кислятина, которую приходилось пить последнее время. Ксаро, обозрев фрукты на поданном Чхику блюде, выбрал хурму такого же цвета, как коралл у него в носу, надкусил, поджал губы:

— Вяжет.

— Не взять ли милорду что-то послаще?

— Сладкое приедается, но терпкие фрукты и терпкие женщины придают жизни вкус. Дейенерис, королева моя, не могу выразить, как приятно мне снова погреться в твоих лучах. Из Кварта отплывала девочка, растерянное дитя. Я боялся, что она плывет навстречу своей погибели, и вот я вижу ее на троне, владычицей древнего города и предводительницей войска, рожденного из ее мечты.

«Из огня и крови», — мысленно поправила Дени.

— Я рада, что ты приехал. Рада видеть тебя вновь, друг мой. — Доверять ему она не намерена, но ей нужны его Тринадцать, его товары, его корабли.

Работорговля веками держалась на трех родственных городах — Астапоре, Юнкае и Миэрине. Дотракийские кхалы и корсары с островов Василиска свозили сюда своих пленников, а весь прочий мир съезжался их покупать. Помимо рабов Миэрину предложить почти нечего. В гискарских холмах много меди, но этот металл стал далеко не столь ценным, как в бронзовый век. Кедры, некогда росшие здесь, вырублены Старой

Империей или выжжены драконьим огнем во времена войны Гиса с Валирией. Почва, защищенная прежде кедровыми лесами, печется на солнце и уносится прочь тучами красной пыли. «Именно эти бедствия превратили моих сограждан в работорговцев», — говорила Дени Галацца Галар в Храме Благодати.

«Ну, а я — то бедствие, которое превратит работорговцев обратно в людей», — поклялась себе Дени.

— Я не мог не приехать, — томно произнес Ксаро. — Даже в Кварт долетают страшные вести — я рыдал, слыша их. Говорят, что твои враги обещают богатство, славу и сто рабынь-девственниц тому, кто убьет тебя.

— Да. Сыны Гарпии. — «Откуда он о них знает?» — Ночью они рисуют кровью на стенах и режут во сне честных вольноотпущенников, а с восходом солнца прячутся как тараканы, боясь моих Бронзовых Бестий. — Скахаз мо Кандак по ее приказу учредил новую стражу из равного числа вольноотпущенников и бритоголовых миэринцев. Они расхаживали по улицам днем и ночью в темных капюшонах и бронзовых масках. Сыны Гарпии сулили лютую смерть всем предателям, служащим королеве драконов, а

также их семьям, поэтому лысые скрывались под личинами сов, шакалов и прочих хищников. — Я боялась бы этих Сынов лишь в том случае, если б вышла на улицу ночью одна, нагая и безоружная. Это скопище трусов.

— Трус может вонзить в королеву нож не хуже героя. Я спал бы спокойнее, зная, что отраду моего сердца по-прежнему охраняют злые табунщики. В Кварте тебя никогда не покидали три кровных всадника — где же они?

— Агго, Чхого и Ракхаро по-прежнему служат мне. — Ксаро ведет с ней какую-то игру — что ж, Дени ему подыграет. — Я совсем еще юна и мало смыслю в таких вещах, но люди старше и мудрее меня говорят так: чтобы удержать Миэрин, мало овладеть побережьем — я должна углубиться на запад от Лхазарина к югу, до самых Юнкайских холмов.

— Меня заботят не твои земли, а ты сама. Если с тобой что-то случится, жизнь утратит для меня всякий вкус.

— Благодарю за твою заботу, милорд, но меня хорошо охраняют. — Дени показала на Барриста-на Селми, державшего руку на эфесе меча. — Его имя Барристан Смелый. Он дважды спасал меня от наемных убийц.

Ксаро бросил на него беглый взгляд.

— Ты, верно, хотела сказать «Барристан Старый»? Твой рыцарь-медведь моложе и был предан тебе.

— Я не хочу говорить о Джорахе Мормонте.

— Вполне понятно — стоит лишь вспомнить этого волосатого дикаря. — Ксаро наклонился к Дени. — Поговорим лучше о любви, о мечтах и желаниях. О прекрасной Дейенерис, пьянящей меня одним своим видом.

— Тебя опьянило вино, — ответила Дени, привычная к преувеличенным любезностям Кварта.

— Никакое вино не пьянит так, как твоя красота. Мой дом стал похож на гробницу с тех пор, как уехала Дейенерис, и все удовольствия Короля Городов оставляют во рту вкус пепла. Зачем ты меня оставила?

Вот так вопрос. Она тогда опасалась за свою жизнь!

— Так нужно было. Кварт не хотел больше давать мне приют.

— Ты о Чистокровных? В их жилах течет вода, а не кровь, у всей Гильдии Пряностей сыворотка вместо мозгов, а Бессмертные все мертвы. Ты должна была заключить брак со мной. Я уверен, что предлагал тебе руку и даже молил о согла-

сии.

— Раз пятьдесят, — поддразнила Дени. — Ты слишком скоро сдался, милорд. Все сходятся на том, что я должна выйти замуж.

— У кхалиси должен быть кхал, — вставила Ирри, подливая Дени вина. — Это все знают.

— Быть может, мне попросить еще раз? О, как я знаю эту улыбку. Жестокая королева играет в кости мужскими сердцами. Ничтожные купцы вроде меня — всего лишь булыжник под твоими золотыми сандалиями. — Одинокая слеза скатилась по бледной щеке магната.

Дени знала его слишком хорошо и потому не растрогалась. Квартийские мужчины способны лить слезы, когда только захотят.

— Перестань. — Она взяла из вазы вишню и бросила ему в нос. — Я, конечно, юна, но не так глупа, чтобы выйти за человека, которого фрукты занимают больше, чем моя грудь. Я видела, какого пола танцовщиками ты любовался.

— Такого же, что и ваше величество. — Ксаро вытер слезу. — Видишь, у нас есть нечто общее. Если не хочешь взять меня в мужья, сделай своим рабом — я согласен.

— Рабы мне ни к чему. Освобождаю тебя. — Унизанный драгоценностями нос был заманчивой

целью — на сей раз Дени запустила в него абрикосом.

Ксаро поймал плод в воздухе и надкусил.

— Откуда это безумие? Полагаю, мне следует радоваться, что ты не освободила моих рабов, когда гостила у меня в Кварте.

Она тогда была королевой-нищенкой, а Ксаро входил в число Тринадцати и хотел одного: ее драконов.

— Твои рабы, похоже, были довольны своей судьбой. Только в Астапоре у меня открылись глаза. Знаешь, как создают Безупречных?

— Жестоко, не сомневаюсь. Кузнец, закаляя клинок, помещает его в огонь, бьет молотом и погружает в воду со льдом. Если хочешь вкусить сладкий плод, нужно поливать дерево.

— То дерево орошалось кровью.

— Иначе солдата не вырастить. Твоей блистательности понравились мои плясуны; что бы ты сказала, узнав, что это рабы, взращенные и обученные в Юнкае? Они танцуют с тех пор, как научились ходить — как еще можно достигнуть подобного совершенства? — Ксаро выпил глоток вина. — Они и в искусстве любви знают толк. Не соизволит ли ваше величество принять их от меня в дар?

— Охотно. Я их сразу освобожу.

— Твоя свобода им что рыбе кольчуга, — поморщился Ксаро. — Танец, вот для чего они созданы.

— Кем созданы? Их хозяевами? Возможно, они предпочли бы строить, печь хлеб, возделывать землю — ты их просто не спрашивал.

— Твои слоны, возможно, предпочли бы стать соловьями, и миэринские ночи вместо сладкого пения оглашались бы трубными звуками, а деревья ломались под тяжестью столь крупных птиц. Дейенерис, прелесть моя, под этой чудесной юной грудью бьется нежное сердце, но позволь старому опытному купцу напомнить тебе, что вещи не всегда бывают такими, как кажутся. Нет худа без добра — возьмем для примера дождь.

— Дождь? — Он принимает ее за ребенка или за полную дуру.

— Мы проклинаем его, когда он льет нам на голову, но без него нам бы пришлось голодать. Мир нуждается в дожде… и в рабах. Не строй гримасу, ведь это правда. Вспомни Кварт. В искусстве, музыке, магии и торговле — во всем, что отличает нас от животных, — Кварт настолько же выше всего остального мира, как ты на вершине своей пирамиды, только его превосходство зиждется не на кирпичах, а на спинах рабов. Если все люди

будут вынуждены рыться в грязи, добывая пищу, кто из них найдет время взглянуть на звезды? Если каждому придется строить для себя хижину, кто будет воздвигать храмы во славу богов? Одни должны быть порабощены для того, чтобы другие стали великими.

Дени не нашлась с ответом, но знала, что Ксаро неправ.

— Дождь нельзя сравнивать с рабством, — сказала она с саднящим чувством в груди. — В этом я кое-что смыслю: мне доводилось мокнуть под дождем и быть проданной. Ни один человек не хочет принадлежать другому.

Ксаро томно повел плечами.

— Высадившись в твоем славном городе, я случайно увидел на берегу человека, некогда гостившего у меня, — купца, торговавшего пряностями и редкими винами. Он был гол до пояса, весь обгорел на солнце и рыл какую-то яму.

— Канаву, чтобы отвести воду из реки на поля. Мы хотим разводить бобы, которым требуется полив.

— Как мило со стороны моего приятеля помогать тебе в прокладке канав. И как это на него не похоже. Возможно, у него не осталось выбора? Нет, конечно же нет. Рабство в Миэрине отме-

нено.

— Твой приятель получает за работу еду и кров, — вспыхнула Дени. — Богатство я ему вернуть не могу. Бобы Миэрину нужнее, чем специи, и на поля нужно привести воду.

— Ты и моих танцовщиков поставишь канавы копать? При виде меня мой приятель пал на колени, умоляя купить его и увезти в Кварт.

Дени показалось, что Ксаро дал ей пощечину.

— Так купи.

— С твоего позволения — он-то готов. — Ладонь Ксаро легла Дени на руку. — Есть вещи, которые может сказать тебе только друг. Я помогал тебе, когда ты пришла в Кварт неимущей, и пересек бурное море, чтобы снова тебе помочь. Найдется здесь место, где мы могли бы поговорить откровенно?

Какие теплые у него пальцы. В Кварте он тоже относился к ней очень тепло — пока не понял, что никакой пользы от нее не дождется.

— Пойдем, — сказала она и повела Ксаро к мраморной лестнице.

— О прекраснейшая из женщин, за нами кто-то идет…

— Пусть мой старый рыцарь не пугает тебя. Сир Барристан поклялся хранить мои тайны.

Над верхней террасой стояла луна, воздух благоухал ночными цветами.

— Пройдемся? — Дени взяла Ксаро под руку. — Раз ты заговорил о помощи, давай торговать. В Миэрине есть соль, есть вино…

— Гискарское? — покривился Ксаро. — Соль Кварт добывает из моря, а вот оливки и масло я взял бы охотно — все, что предложишь.

— Нечего мне предложить. Рабовладельцы сожгли все рощи. — Оливы росли на берегах залива веками, но при подходе вражеского войска миэринцы предали их огню, оставив Дени черную бесплодную землю. — Мы вновь сажаем деревья, но плодоносить они начнут только через семь лет, а доход дадут разве что через тридцать. Что скажешь о меди?

— Этот металл ненадежен, как женщина. Золото — дело иное. Кварт с радостью даст тебе золота… за рабов.

— Миэрин — город свободных людей.

— Этот город был богат, а теперь обеднел. Объедался, а теперь голодает. Был мирным, а теперь залит кровью.

Обвинения Ксаро были правдивы и потому больно жалили.

— Миэрин вновь будет богатым, сытым и мир-

ным. И свободным в придачу. Если тебе нужны рабы, ступай к дотракийцам.

— Дотракийцы берут рабов, гискарцы их обучают. Чтобы достичь Кварта, табунщикам пришлось бы гнать пленных через пустыню и потерять сотни, если не тысячи. Уморить множество лошадей, на что ни один кхал не пойдет. Кроме того, Кварт не желает, чтобы под его стенами толклись кхаласары. Не обижайся, кхалиси, но лошадиный навоз…

— У него честный запах, чего не скажешь о многих знатных лордах и торговых магнатах.

Ксаро пропустил шпильку мимо ушей.

— Дейенерис, позволь мне быть с тобой искренним, как подобает другу. Ты не сделаешь Миэрин богатым, сытым и мирным — ты приведешь его к гибели, как привела Астапор. Известно тебе, что у Рогов Хаззат произошла битва и король-мясник удрал к себе во дворец вместе со своими новыми Безупречными?

— Известно. — Эту весть прислал ей Бурый Бен Пламм. — За Юнкай сражается много наемников и два легиона из Нового Гиса.

— Где два, там и четыре, а вскорости будут все десять. В Мир и Волантис тоже послано за наемниками: Дикие Коты, Длинные Копья и Сыны

Ветра набирают новых бойцов. Говорят, будто мудрые господа и Золотых Мечей тоже наняли.

Брат Дени Визерис задал когда-то пир вождям Золотых Мечей в надежде, что они станут на его сторону. Капитаны ели, слушали его просьбы и смеялись над ним. Дени была тогда маленькая, но помнила всё.

— У меня есть свои наемники.

— Всего два отряда против двадцати, которые может собрать Юнкай. Не считая сил Толоса и Мантариса, которые заключают союз с юнкайцами.

Дурная весть, если она верна. Дени тоже отправила посольства в Мантарис и Толос, надеясь найти новых друзей на западе против враждебного Юнкая на юге, но ее посланники не вернулись.

— Миэрин тоже заключил союз. С Лхазарином.

— Дотракийцы называют лхазарян ягнячьим народом, — усмехнулся на это Ксаро. — Их стригут, а они в ответ только блеют. Воины из них никудышные.

«С невоинственным другом лучше, чем совсем без друзей».

— Мудрые господа могли бы взять с них пример. Я пощадила Юнкай однажды, но больше этой

ошибки не повторю. Если они посмеют напасть, я сровняю Желтый Город с землей.

— Пока ты будешь уничтожать Юнкай, дорогая, Миэрин восстанет против тебя. Не закрывай глаза на то, что тебе угрожает. Твои евнухи — солдаты отменные, но их слишком мало по сравнению с войском, которое пошлет на тебя Юнкай после падения Астапора.

— Мои вольноотпущенники…

— Рабы для утех, цирюльники и кирпичники не выигрывают сражений.

Дени надеялась, что Ксаро ошибается хотя бы на этот предмет. Она составила несколько отрядов из молодых вольноотпущенников и наказала Серому Червю сделать из них солдат.

— Ты забыл о моих драконах.

— Отчего же. В Кварте тебя всегда видели с одним из них на плече, но сейчас твое плечико столь же голо, как и прелестная грудь.

— Мои плечи больше их не выдерживают. Драконы вылетают далеко в поле охотиться. — «Прости меня, Хазея. Кто знает, какие слухи дошли до Ксаро». — Спроси о них добрых господ Астапора, если у тебя есть сомнения. — «Глаза у одного господина лопнули и стекли по щекам». — Скажи правду, мой друг: зачем ты приехал, если

не для торговли?

— Я привез королеве моего сердца подарок.

— Какой? — «Уж не новая ли это ловушка?»

— Тот самый, который ты так хотела получить в Кварте. Корабли, тринадцать галей. Они ждут в заливе, чтобы отвезти тебя в Вестерос.

Флот! На это она и надеяться не могла, поэтому сразу насторожилась. В Кварте Ксаро предлагал ей целых тридцать кораблей… за дракона.

— А что ты хочешь взамен?

— Ничего. Драконы меня больше не манят — я видел, что натворили они в Астапоре, где «Облако» пополняло запас воды. Корабли — твои, сладчайшая королева, тринадцать галей вместе с гребцами.

Все ясно. Ксаро входит в торговую гильдию, называемую Тринадцать. Без сомнения, он уговорил каждого из своих сотоварищей дать ей по одному кораблю: трудно предположить, зная его, что он пожертвовал тринадцатью собственными судами.

— Я должна подумать. Можно мне посмотреть на них?

— Ты стала подозрительной, Дейенерис.

«Всегда была».

— Я поумнела, Ксаро.

— Смотри сколько хочешь. Потом поклянись мне, что немедленно отплывешь в Вестерос, и корабли твои. Поклянись своими драконами, своим семиликим богом и прахом своих отцов.

— А если я сочту за лучшее выждать год или два?

— Это будет печально, прелесть моя… ибо, несмотря на твои цветущие лета, так долго ты не протянешь. Во всяком случае, здесь.

Одной рукой он сует ей пряник, другой кажет кнут.

— Твой Юнкай не настолько страшен.

— Не все твои враги живут в Желтом Городе. Остерегайся тех, у кого холодные сердца и синие губы. Не прошло и двух недель с твоего отплытия из Кварта, как Пиат Прей еще с тремя колдунами отправился за тобой в Пентос.

Это больше рассмешило Дени, чем испугало.

— Значит, я хорошо сделала, не поехав туда. Миэрин и Пентос стоят на разных концах земли.

— Верно, но рано или поздно они услышат о драконьей королеве в заливе Работорговцев.

— Хочешь меня напугать? Я четырнадцать лет прожила в страхе, милорд. Начинала бояться, когда просыпалась, и засыпала, боясь… но огонь, в котором я побывала, выжег из меня страх. Теперь

меня пугает только одно.

— Что же это, сладчайшая королева?

— Я всего лишь глупая девочка… но не настолько глупая, чтобы тебе об этом сказать. — Дени, встав на цыпочки, чмокнула Ксаро в щеку. — Я дам тебе ответ, когда мои люди осмотрят твои корабли.

— Позволь мне тебя убедить, — попросил он шепотом, коснувшись ее голой груди.

На миг она почувствовала искушение — возможно, танцовщики все же воспламенили ее. Можно закрыть глаза и притвориться, что это Даарио. Мнимый Даарио безопаснее настоящего.

— Нет, милорд. Спасибо, но нет, — отстранилась Дени. — Как-нибудь в другой раз.

— Хорошо. — Он печально опустил губы, но глаза выражали скорее облегчение, нежели грусть.

«Будь я драконом, полетела бы в Вестерос, — подумала Дени, когда он ушел. — Обошлась бы без Ксаро и его кораблей». Сколько человек можно перевезти на тринадцати галеях? В переходе от Кварта до Астапора ее кхаласар уместился на трех, но тогда у нее еще не было восьми тысяч Безупречных, тысячи наемников и несметной орды бывших рабов. И куда ей девать драконов?

— Дрогон, где ты? — прошептала она. Ей ясно

представилось, как он летит по небу, закрывая черными крыльями звезды.

Оставив ночь за спиной, Дени повернулась к безмолвному Барристану Селми.

— Визерис как-то раз загадал мне вестеросскую загадку: «Кто слышит все, ничего не слыша?»

— Рыцарь Королевской Гвардии, — без запинки ответил Селми.

— Вы слышали, что предложил мне Ксаро?

— Слышал, ваше величество. — Старый рыцарь очень старался не смотреть на ее голую грудь.

Сир Джорах таких усилий не прикладывал бы. Он любил Дени как женщину, а сир Барристан — только как королеву. Мормонт был шпионом и доносил на Дени ее врагам в Вестеросе, но и хорошие советы не раз давал.

— Что вы думаете об этом? О нем?

— О нем я невысокого мнения, а вот корабли… Мы могли бы вернуться домой еще до конца года, ваше величество.

Понятие «дом» было Дени неведомо… разве что браавосский дом с красной дверью.

— Опасайтесь квартийцев, дары приносящих, особенно если это Тринадцать. Тут какой-то подвох. Либо суда прогнили насквозь, либо…

— В таком случае они вряд ли дошли бы сюда из

Кварта, — резонно заметил сир Барристан, — но ваше величество поступили мудро, настояв на досмотре. Как рассветет, я отправлюсь в гавань с адмиралом Гролео, его капитанами и полусотней матросов. Мы облазим каждый дюйм на этих судах.

— Хорошо, так и сделайте. — Вестерос… Дом. Но что станет с ее городом, когда она отплывет на запад? «Миэрин никогда не был твоим, — зашептал на ухо голос брата. — Твои города там, за морями, в Семи Королевствах, где тебя ждут враги. Ты рождена, чтобы обрушить на них кровь и огонь».

Сир Барристан кашлянул.

— Тот колдун, о котором упоминал купец…

— Пиат Прей. — Дени попыталась вспомнить его лицо, но вспомнила только губы. Это колдовское вино делает их синими, «вечерняя тень». — Если б чары могли убивать, я давно была бы мертва. Я сожгла дотла их дворец. — Дрогон спас ее от чародеев, желавших выпить из Дени жизнь. Они погибли в его огне.

— Да, ваше величество, но я все же буду настороже.

— Я знаю. — Дени поцеловала рыцаря в щеку. — Идемте же, вернемся на пир.

Утром она проснулась преисполненная надежд,

чего с ней еще не бывало после высадки в заливе Работорговцев. Скоро с ней снова будет Даарио, и они вместе поплывут домой, в Вестерос. Одна из маленьких заложниц, застенчивая пухленькая Мезарра из дома Мерреков, принесла Дени завтрак. Королева, обняв ее и поцеловав от души, сказала Ирри и Чхику:

— Ксаро Ксоан Даксос дает мне тринадцать галей.

— Тринадцать — плохое число, кхалиси, — ответила Чхику на дотракийском. — Это все знают.

— Это все знают, — откликнулась Ирри.

— Тридцать было бы лучше, — согласилась Дени, — не говоря уже о трехстах. Но для путешествия в Вестерос нам и тринадцати хватит.

Девушки переглянулись.

— Дурная вода проклята, кхалиси, — сказала Ирри. — Кони не пьют ее.

— Я тоже не собираюсь, — заверила Дени.

Этим утром к ней явились всего четыре просителя. Лорд Шаэль, еще несчастней обычного, говорил, как повелось, первым.

— Ваша блистательность, — простонал он, распростершись у ее ног, — на Астапор идет юнкайское войско. Молю вас поддержать юг всеми своими силами!

— Я предупреждала вашего короля, что эта война безумна, — напомнила Дени, — но он не послушал.

— Клеон Великий хотел покарать злых рабовладельцев Юнкая.

— Клеон Великий сам владеет рабами.

— Я знаю, Матерь Драконов не покинет нас в час нужды. Пошлите своих Безупречных оборонять наши стены.

«А кто же будет оборонять наши?» — подумала Дени.

— У меня много вольноотпущенников из астапорских рабов. Может быть, кто-то из них захочет прийти на помощь вашему королю — им решать. Я дала Астапору свободу, защищать ее должны вы.

— Ты принесла нам не свободу, а смерть! — Шаэль взвился и плюнул Дени в лицо.

Силач Бельвас сгреб его за плечо и кинул на мрамор так, что хрустнули зубы. Лысый сделал бы еще и не то, но Дени остановила его.

— Довольно, — сказала она, вытирая щеку краем токара. — За плевок не карают смертью. Уберите его.

Посол отделался выбитыми зубами. Его потащили прочь за ноги, оставляя кровавый след на

полу. Дени очень хотелось прогнать трех оставшихся, но она не перестала быть королевой и постаралась принять наилучшее решение по каждой из просьб.

Когда сир Барристан и адмирал Гролео вернулись из гавани, Дени собрала свой совет. Серый Червь представлял в нем Безупречных, Скахаз мо Кандак — Бронзовых Бестий. Голосом дотракийцев в отсутствие кровных всадников был старый джакка рхан Роммо, косоглазый и кривоногий. От вольноотпущенников пришли капитаны трех учрежденных Дени отрядов: Моллоно Йос Доб от Крепких Щитов, Саймон Исполосованный от Вольных Братьев, Марслин от Детей Неопалимой. За плечом королевы стоял Резнак мо Резнак, за спиной — Бельвас со скрещенными на груди ручищами. В советниках, короче говоря, недостатка не было.

Гролео, с тех пор как его корабль разобрали для постройки осадных машин, ходил как в воду опущенный. Титул лорда-адмирала, пожалованный ему Дени в утешение, был пустым звуком: миэринский флот, когда войско королевы приблизилось к городу, тут же ушел в Юнкай, и старый пентошиец стал адмиралом без единого корабля. Улыбки, игравшей сейчас в его просо-

ленной бороде, Дени давненько не видела.

— Значит, корабли признаны годными? — с надеждой спросила она.

— В общем и целом, ваше величество. Они уже не новые, но за ними был хороший уход. «Чистокровную принцессу» поели черви — я бы ее далеко от суши не стал уводить. «Нарракке» нужен новый руль и новые снасти, на «Меченой ящерице» весла потрескались, а так все путем. Гребцы все рабы, но останутся на веслах, если мы предложим им хорошее жалованье, — больше ведь они ничего не умеют делать. Тех, кто все же уйдет, заменим моими людьми. Путь в Вестерос долог и труден, но эти галеи, насколько я могу судить, его выдержат.

— Так это правда, — жалобно простонал Резнак. — Ваше великолепие хочет покинуть нас. Как только вы это сделаете, Юнкай восстановит правление великих господ; нас, верно служивших вашему делу, казнят, наших прекрасных жен и невинных дочерей изнасилуют и отдадут в рабство.

— Только не моих, — громыхнул Скахаз Лысый. — Прежде я сам убью их. — Он хлопнул по рукояти меча, и Дени восприняла это как пощечину.

— Если боитесь остаться, плывите со мной.

— Дети Неопалимой последуют за своей Матерью, куда бы она ни держала путь, — объявил Марслин, уцелевший брат Миссандеи.

— Тринадцати кораблей нам не хватит, — возразил ему Саймон Исполосованный, не раз подвергавшийся бичеванию в Астапоре. — Я думаю, что и ста мало будет.

— Дотракийцы не сядут на деревянных коней, — подхватил Роммо. — Поедут на живых, из плоти и крови.

— Ваши слуги могут идти по берегу, — предложил Серый Червь. — Пусть флот держится вровень с нами и снабжает пеших провизией.

— Это возможно лишь до руин Бхораша, — заметил Скахаз. — Там флот повернет на юг в обход Валирии, мимо Толоса и Кедрового острова, а пехота пойдет на Мантарис старой драконьей дорогой.

— Теперь ее называют дорогой демонов, — сказал Моллоно Йос Доб. Дородный командир Крепких Щитов, с заметным брюшком и чернильными пятнами на руках, больше походил на писца, но ума ему было не занимать. — Много солдат погибнет на этом тракте.

— Оставшиеся в Миэрине им позавидуют, —

продолжал стенать Резнак. — Нас сделают рабами, бросят в бойцовые ямы. Все пойдет как прежде, если не хуже.

— Где твое мужество? — хлестнул как плетью сир Барристан. — Ее величество сняла с вас оковы — точите мечи и защищайте свою свободу!

— Храбрые слова для того, кто намерен отплыть на запад, — огрызнулся Саймон. — Ты хоть оглянешься, когда нас убивать будут?

— Ваше величество… Ваше великолепие… Ваша блистательность…

— Довольно, — стукнула по столу Дени. — Мы никого не оставим на верную смерть. Вы все мой народ. — Мечты о любви и о доме ослепили ее, но теперь она вновь прозрела. — Я не допущу, чтобы Миэрин постигла судьба Астапора. С Вестеросом, как ни грустно, придется повременить.

— Если мы отвергнем предложенные в дар корабли… — ужаснулся Гролео.

Сир Барристан преклонил колено.

— Родина нуждается в вас, моя королева. Здесь вам не рады, а в Вестеросе простые люди, и лорды, и рыцари тысячами побегут под ваши знамена, восклицая: «Она идет! Сестра принца Рейегара наконец-то вернулась домой!»

— Раз они так любят меня, подождут еще, — под-

нялась Дени. — Резнак, пошли за Ксаро Ксоаном Даксосом.

Она приняла торгового магната с глазу на глаз, на устланной подушками тронной скамье. Четверо квартийцев несли вслед за ним свернутый гобелен.

— Еще один подарок для королевы моего сердца. Он хранился в наших фамильных подвалах задолго до Рокового Дня.

Моряки разостлали гобелен на полу — пыльный, поблекший, просто огромный. Дени пришлось встать рядом с Ксаро, чтобы разглядеть изображение на ковре.

— Карта? Какое чудо. — Ткань заняла половину тронного зала. Моря синие, суша зеленая, горы черные и коричневые, города в виде звезд вышиты золотой и серебряной нитью. Дымного моря нет, заметила Дени. И Валирия еще часть материка, а не остров.

— Астапор, Юнкай, Миэрин. — Ксаро указал на три серебряные звезды у синего залива Работорговцев. — А Вестерос где-то там. — Он махнул рукой в дальний конец чертога. — Ты повернула на север, хотя тебе следовало плыть на юго-запад через Летнее море, но мои галеи скоро доставят тебя домой. Прими мой дар с легким сердцем и

правь на запад.

Если бы она только могла…

— Я охотно взяла бы твои корабли, милорд, но требуемого тобой обещания дать не в силах. — Дени взяла Ксаро за руку. — Отдай мне эти галеи, и я поклянусь, что Миэрин до конца времен будет преданным другом Кварта. С их помощью я налажу торговлю и буду отдавать тебе хорошую долю выручки.

Улыбка завяла на губах Ксаро.

— Что? Так ты не пойдешь на запад?

— Нет. Не могу.

С носа, унизанного изумрудами, аметистами и черными алмазами, закапали слезы.

— Я заверил Тринадцать, что ты прислушаешься ко мне, — выходит, я заблуждался? Бери корабли и отчаливай, если не хочешь умереть в муках. Ты еще не знаешь, сколько у тебя врагов, королева!

«И один из них проливает передо мной лицедеевы слезы». Дени поняла это, и ей стало грустно.

— Умоляя Чистокровных в Зале Тысячи Тронов, чтобы они оставили тебе жизнь, я сказал, что ты всего лишь дитя. «Глупое дитя, — возразил, поднявшись, Эгон Эменос Блистательный, — непослушное и слишком опасное, чтобы жить».

В младенческом возрасте твои драконы были диковинкой. Взрослые чудовища — это смерть, разрушение, занесенный над миром огненный меч. — Ксаро вытер слезы. — Надо было мне убить тебя еще в Кварте.

— Я жила под твоим кровом, ела твою пищу, пила твой мед. В память о том, что ты для меня сделал, я прощу тебе эти слова, но впредь не дерзай угрожать мне.

— Ксаро Ксоан Даксос не угрожает. Он обещает.

Печаль Дени сменилась гневом.

— Я тоже обещаю тебе: если не уберешься отсюда еще до заката, мы посмотрим, способны ли лживые слезы погасить драконий огонь. Оставь меня, Ксаро. Без промедления.

Он вышел, не забрав с собой карту. Дени села, поглядела через шелковое море в сторону Вестероса и дала себе слово: «Когда-нибудь я приду».

На следующее утро галеон Ксаро ушел, но тринадцать «дареных» галей остались в заливе. На их мачтах развевались длинные красные вымпелы. Когда Дейенерис сошла в тронный зал, квартийский гонец молча положил к ее ногам черную атласную подушку, где лежала одинокая окровавленная перчатка.

— Что это? — не понял Скахаз.
— Нам объявляют войну, — ответила королева.

Джон

— Осторожно, милорд, тут крысы. — Скорбный Эдд спускался первым, держа фонарь. — То-то визгу будет, если наступите. Так моя матушка визжала, когда я был мальцом. Было в ней что-то от крысы, если подумать: волосы мышиные, глазки как бусинки, и сыр любила. Может, у нее и хвост был — не успел поглядеть.

Под землей весь Черный Замок соединяли ходы, прозванные червоточинами. Летом ими почти не пользовались, другое дело — в предзимье. Как задуют ветра да повалит снег, подземный ход — самое милое дело. Стюарды там уже вовсю шастали. Впереди слышалось эхо шагов, в нишах горели свечи.

Боуэн Мурш вместе с Виком-Строгалем, длинным и тощим, ждали на перекрестке четырех червоточин.

— Счета трехлетней давности — для сравнения с тем, что у нас в наличии на сегодняшний день. — Мурш вручил Джону толстую пачку бумаг. — Начнем с житниц?

Крепкие дубовые двери всех кладовых запирались на висячие замки величиной с суповую

миску.

— Что, — спросил Джон, — подворовывают?

— Пока нет, но с приходом зимы неплохо бы поставить здесь часовых.

Кольцо с ключами Вик повесил себе на шею. Все они, на взгляд Джона, были одинаковые, но Вик как-то умудрялся находить нужный. Зайдя в кладовую, он извлекал из кошеля здоровенный кусок мела и метил каждый сосчитанный мешок и бочонок.

В житницах, помимо овса, ячменя и пшеницы, стояли бочки с мукой грубого помола. В овощных подвалах под связками лука и чеснока хранились мешки с морковью, пастернаком, хреном, белой и желтой репой. Круги сыра в особом хранилище можно было поднять только вдвоем. Следующая кладовка предназначалась для соленой говядины, свинины, баранины и трески — штабеля бочек насчитывали в вышину десять футов. Под коптильней висели триста окороков и три тысячи длинных черных колбас. Чулан с приправами вмещал перец, гвоздику, корицу, горчичные семена, кориандр, шалфей простой и мускатный, петрушку и глыбы соли. В других помещениях хранились бочонки с яблоками и грушами, сухой горох, сушеные фиги, грецкие орехи, каштаны,

миндаль, вяленые лососи на палках, запечатанные воском кувшины с оливками в масле. Были и деликатесы: горшки с тушеной зайчатиной, оленья ляжка в меду, всевозможные маринады — капуста, свекла, лук, селедка и яйца.

По мере того, как они перемещались из одного подвала в другой, в коридорах становилось все холоднее.

— Мы под Стеной, — догадался Джон, заметив в воздухе пар от дыхания.

— А скоро будем внутри нее, — сказал Мурш. — На холоде мясо не портится — это лучше засола.

Поднявшись по деревянной лестнице за ржавой железной дверью, они оказались в проходе длиной с великий чертог Винтерфелла, но шириной не больше, чем обычная червоточина. На крючьях, вделанных в ледяные стены, висели туши лосей и оленей, говяжьи бока. С потолка свешивались свиньи, бараны, козлы, попадались даже лошади и медведи. Каждую тушу густо покрывал иней.

Считая их, Джон снял левую перчатку и потрогал оленя. Пальцы тут же прилипли и, попытавшись отдернуть руку, он сорвал себе кожу. Чего он, собственно, ждал? Над головой у него столько тонн льда, что даже Боуэну Муршу не счесть, а в

кладовой холоднее даже, чем полагалось бы.

— Все еще хуже, чем я опасался, милорд. — Мурш, покончив с учетом, стал мрачнее Скорбного Эдда.

А Джон уж было подумал, что мяса здесь больше, чем во всем мире. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу».

— Как так? Мне сдается, у нас много всего.

— Лето было долгое, урожай обильный, лорды щедрые. Мы накопили достаточно на три зимних года — даже на четыре, если поджаться. Но теперь, когда нам приходится кормить людей короля, людей королевы и одичалых… В одном Кротовом городке тысяча ртов, и их все прибывает. Вчера к воротам явились трое, позавчера целая дюжина. Дальше так не пойдет. Поселить их в Даре, может, и хорошая мысль, но теперь уже поздно сажать и сеять. Не пройдет и года, как мы сядем на репу и гороховый суп, а там уж только кровь собственных лошадей пить останется.

— Мням, — произнес Скорбный Эдд. — Нет ничего лучше горячей лошадиной крови в холодную ночь, особливо со щепоткой корицы.

— Без болезни тоже не обойдется, — продолжал лорд-стюард. — Десны при ней кровоточат, зубы шатаются. Мейстер Эйемон говорил, что эта

хворь лечится лимонным соком и свежим мясом, но лимоны у нас с год как вышли, и корму для скота мало. Придется забить сразу весь, кроме нескольких пар на племя. В прошлые зимы провизию подвозили с юга по Королевскому тракту, но с этой войной… Зима еще не настала, знаю, и все-таки я рекомендовал бы милорду перейти на зимние рационы.

«Людям это не понравится», — подумал Джон.

— Надо так надо. Урежем довольствие на четверть. — Братья и теперь жалуются на Джона — что будет, если им придется есть желудевую кашицу и заедать снегом?

— Хорошо, милорд. — Тон лорда-стюарда давал понять, что это далеко еще не предел.

— Теперь я понимаю, для чего король Станнис пустил одичалых за Стену, — сказал Скорбный Эдд. — Нам в пищу.

— Ну, до этого не дойдет, — с вымученной улыбкой ответил Джон.

— Вот и ладно. Больно они жилистые на вид, а зубы у меня уж не те, что в молодости.

— Будь у нас деньги, мы закупили бы провиант на юге и доставили сюда по морю, — заметил Мурш.

Будь деньги и будь у кого-то желание продать

им еду. Надежда разве что на Гнездо. Долина Аррен, сказочно плодородная, совсем не пострадала во время боевых действий. Захочет ли сестра леди Кейтилин кормить бастарда своего зятя? В детстве Джону казалось, что она считает каждый съеденный им кусок.

— Охотиться можно, коли нужда придет, — вставил Вик-Строгаль. — Дичь в лесу еще есть.

— Кроме дичи, там водятся одичалые и кое-что пострашнее, — возразил Мурш. — Я бы не стал посылать охотников в лес, милорд.

«Где уж там. Ты и ворота бы запечатал навеки камнем и льдом». Половина Черного Замка согласна с лордом-стюардом на этот счет, другая половина исходит презрением. «Закупорим ворота, сядем черными задницами на Стену, а одичалые переберутся по Мосту Черепов или пройдут в ворота, будто бы запечатанные пятьсот лет назад, — сказал старый лесовик Дайвин за ужином два дня назад. — Нет у нас людей на сто лиг Стены, и Тормунд с Плакальщиком это знают не хуже нашего. Видали когда примерзшую к пруду утку? То же самое и с воронами». Разведчики почти все за Дайвина, а стюарды и строители больше склоняются к Муршу.

Но это пока терпит — сейчас надо что-то ре-

шать с едой.

— Отказаться кормить людей Станниса мы не можем при всем желании, — сказал Джон. — Король в случае нужды просто отнимет у нас провизию. И одичалых тоже придется кормить.

— Чем, милорд? — осведомился лорд-стюард.

«Кабы знать…»

— Придумаем что-нибудь.

Когда они выбрались наверх, по земле уже протянулись длинные тени. Тучи на небе напоминали клочья знамен. Оружейный двор пустовал, но внутри Джона дожидался королевский оруженосец Деван, кареглазый парнишка лет так двенадцати. Он сидел, замерзший, у горна, не смея шелохнуться из-за Призрака.

— Он не тронет тебя, — сказал Джон, но волк, стоило мальчику двинуться, тут же оскалил зубы. — Нельзя, Призрак. Уйди. — Волк послушно и совершенно бесшумно вернулся к говяжьей кости.

Деван, бледный ему в масть и весь потный, пролепетал:

— Его в-величество требует вас, м-милорд. — Он был одет в цвета Баратеонов, черное с золотом; поверх его собственного сердца пришили огненное.

— Просит, ты хочешь сказать, — поправил Эдд. — Его величество просит лорда-командующего к себе.

— Оставь, Эдд. — Джон был не в настроении для мелких придирок.

— Сир Ричард и сир Джастин вернулись. Благоволите прийти, милорд.

Разведчики, что уехали не в ту сторону. Хорп и Масси, которые отправились на юг вместо севера. Ночного Дозора не касается, что они там разведали, но все-таки любопытно.

— Если так угодно его величеству. — Призрак потрусил было за ними с Деваном. — Домой! — крикнул Джон, но лютоволк убежал.

В Королевской башне Джон сдал оружие и был допущен к особе Станниса. В горнице было жарко и людно. Станнис и его капитаны, двое разведчиков в том числе, стояли над картой Севера. Сигорн, молодой магнар теннов, топтался тут же в кольчуге с бронзовыми накладками. Гремучая Рубашка почесывал желтым ногтем запястье под кандалами. Его впалые щеки и скошенный подбородок заросли бурой щетиной, грязные патлы падали на глаза.

— А вот и он, — сказал Рубашка при виде Джона. — Храбрец, застреливший Манса-Разбойника

в клетке. — Железный браслет его кандалов украшал большой четырехугольный рубин. — Нравится мой камешек, Сноу? Красная женщина подарила мне его в знак любви.

Джон, не слушая, преклонил колено.

— Я привел лорда Сноу, ваше величество, — доложил Деван.

— Вижу. Думаю, вы уже знаете моих капитанов и рыцарей, лорд-командующий?

— Имею честь. — Джон постарался разузнать как можно больше об окружении короля. Люди королевы — все до единого, как ни странно. С собственными людьми король, если верить слухам, в гневе расправился еще на Драконьем Камне.

— Хотите вина? Горячей воды с лимоном?

— Благодарю, нет.

— Воля ваша. Я приготовил вам подарок, лорд Сноу: его. — Станнис кивнул на Гремучую Рубашку.

— Вы же говорили, что вам нужны люди, лорд Сноу, — улыбнулась леди Мелисандра. — Наш Костяной Лорд, думаю, вполне подойдет.

— Ему нельзя доверять, ваше величество! — в панике выпалил Джон. — Если оставить его здесь, кто-нибудь непременно его зарежет, если послать в разведку, он снова перебежит к одичалым.

— Ну уж дудки, с этим дурачьем я покончил. — Гремучая Рубашка постучал по рубину. — Спроси красную ведьму, бастард.

Мелисандра тихо произнесла что-то на чужом языке. Рубин у нее на горле начал пульсировать, и то же самое произошло с рубином вождя одичалых.

— Пока на нем этот камень, он душой и телом связан со мной, — объяснила жрица. — Этот человек будет верно служить вам. Пламя не *лжет*, лорд Сноу.

«Пламя-то нет, а вот ты…»

— Я пойду для тебя в разведку, бастард, — подтвердил одичалый. — Дам тебе мудрый совет или песни буду петь, как прикажешь. Даже сражаться за тебя буду, только черный плащ надевать не проси.

«Ты его не достоин», — подумал Джон, но смолчал. При короле не стоило препираться.

— Что вам известно о Морсе Амбере? — спросил Станнис.

Ночной Дозор не принимает ничьей стороны, но слова — это не мечи все-таки.

— Он старший из дядей Большого Джона. Его прозвали Вороньим Мясом: ворона, приняв его за мертвого, выклевала ему один глаз, а он поймал

ее и откусил голову. В молодости он славился как бесстрашный боец. Сыновья его нашли смерть на Трезубце, жена умерла в родах, единственную дочь тридцать лет назад похитили одичалые.

— Вот почему он эту голову просит, — вставил Харвуд Фелл, а Станнис спросил:

— Можно ли ему доверять?

Неужто Морс Амбер склонил колено?

— Заставьте его поклясться перед сердце-деревом, ваше величество.

— Я и забыл, что вы, северяне, деревьям молитесь, — заржал Годри Победитель Великанов.

— Что это за бог, раз на него ссут собаки? — встрял его закадычный дружок Клэйтон Сагс.

Джон не стал с ними связываться.

— Могу ли я узнать, ваше величество, Амберы стали на вашу сторону?

— Наполовину и лишь в том случае, если я выполню условия этого Морса, — раздраженно ответил король. — Он хочет череп Манса-Разбойника, чтобы пить из него, и просит помилования для брата, выехавшего на соединение с Болтоном. Прозвище брата — Смерть Шлюхам.

— Ну и клички у них на Севере, — снова расхохотался сир Годри. — Этот что, шлюхе голову откусил?

— Можно и так сказать, — холодно молвил Джон. — Той, что хотела ограбить его в Староместе пятьдесят лет назад. — Старый Амбер Заиндевелый непонятно с чего вздумал сделать младшего сына мейстером. Морс любил похвастаться обезглавленной им вороной, но историю Хозера рассказывали не иначе как шепотом… скорее всего потому, что шлюха, которой он выпустил кишки, принадлежала к мужскому полу. — Другие лорды тоже примкнули к Болтону?

Красная жрица приблизилась к королю.

— Я видела город с деревянными стенами и деревянными улицами. Там было много воинов, и над ним развевались знамена: лось, боевой топор, три сосны, три топора, перекрещенных под короной, конская голова с огненными глазами.

— Хорнвуды, Сервины, Толхарты, Рисвеллы, Дастины, — перечислил Клэйтон Сагс. — Изменники. Комнатные собачки Ланнистеров.

— Рисвеллы и Дастины связаны с Болтонами брачными узами, — заметил Джон. — Другие дома лишились своих лордов во время войны — не знаю, кто их теперь возглавляет. Но Воронье Мясо — не комнатная собачка. Я бы советовал вашему величеству принять условия, которые он поставил.

— Он уведомляет меня, что Амбер против Амбера в любом случае не пойдет, — скрипнул зубами Станнис.

Джона это не удивило.

— Если дойдет до битвы, найдите знамя Хозера и поставьте Морса в другом конце ряда.

— Это значило бы проявить слабость, — возразил Победитель Великанов. — Я за то, чтобы показать нашу силу. Сровняйте Последний Очаг с землей и отправляйтесь воевать с головой Морса на пике. Будет урок другим лордам, смеющим предлагать вашему величеству половинную верность.

— Хороший способ взбунтовать против себя весь Север. Половина лучше, чем ничего. Амберы Болтонов недолюбливают. Смерть Шлюхам мог примкнуть к бастарду только из-за того, что Ланнистеры держат Большого Джона в плену.

— Это повод, а не причина, — стоял на своем сир Годри. — Если племянник умрет в оковах, дядюшки станут лордами вместо него.

— У Большого Джона есть как сыновья, так и дочери. На Севере первыми наследуют дети, а не дядья.

— Если живы. Мертвые не наследуют ничего.

— Жаль, что Морс Амбер вас не слышит, сир

Годри. Это могло бы стоить жизни вам самому.

— Я убил одного великана, мальчик. С чего мне бояться другого, намалеванного вшивым северянином на щите?

— Ваш великан убегал, но Амбер не побежит.

— Ты сильно осмелел в королевской горнице, мальчик, — вспыхнул рыцарь. — Во дворе ты пел по-другому.

— Брось, Годри, — вмешался сир Джастин Масси, довольно полный рыцарь с приветливой улыбкой и льняной гривой. — Все мы знаем, что твой меч сразил великана, незачем размахивать им каждый раз.

— Здесь машет только твой язык, Масси.

— Тихо! — гаркнул Станнис. — Скажу вам вот что, лорд Сноу. Я задержался здесь лишь в надежде, что у одичалых достанет ума штурмовать Стену повторно; коль скоро этого не случилось, я намерен разделаться с другими своими врагами.

— Понимаю. — Джон мог лишь догадываться, чего от него хочет король. — Любви к лорду Болтону и его сыну я не питаю, однако Ночной Дозор не может выступить против них. Наши обеты запрещают…

— Избавьте, лорд Сноу. Мне известны ваши обеты. У меня и без вас достаточно сил, чтобы

идти на Дредфорт. Что, удивлены? — улыбнулся король, видя, как это потрясло Джона. — Хорошо. То, что удивило одного Сноу, может удивить и другого. Бастард Болтонский выступил на юг, взяв с собой Хозера Амбера. Морс Амбер и Арнольф Карстарк сходятся в том, что это может значить только одно: нападение на Ров Кейлин, чтобы открыть лорду-отцу бастарда дорогу на Север. Бастард наверняка думает, что меня держат здесь одичалые, вот и славно. Мальчишка подставил мне горло, и я его перережу. Русе Болтон, даже и вернувшись на Север, увидит, что его замок, стада и запасы стали моими. Если взять Дредфорт врасплох…

— Не возьмете, — прервал короля Джон. Это было все равно что разворошить осиное гнездо палкой. Кто-то смеялся. Кто-то плевался, кто-то ругался, все остальные заговорили одновременно.

— У этого парня молоко в жилах, — утверждал сир Годри.

— Ему за каждой былинкой разбойник мерещится, — вторил лорд Свит.

Станнис поднял руку, требуя тишины.

— Объяснитесь.

С чего бы начать? Джон подошел к карте. По

краям ее прижимали горящие свечи, ручеек воска полз через Тюлений залив, как ледник.

— К Дредфорту вашему величеству придется следовать по Королевскому тракту за Последнюю реку, затем повернуть на юго-восток и пересечь Одинокие холмы. Это земли Амберов, где им знаком каждый камень и каждый куст. Королевский тракт идет вдоль их западной границы добрых сто лиг. Морс разобьет ваше войско вдребезги, если вы не выполните его условий и не сделаете его вашим союзником.

— Допустим, я это сделаю.

— Тогда вы придете к Дредфорту, но во́рона и цепь сигнальных огней ваше войско не перегонит. В замке будут знать о вашем приходе, и Рамси Болтону будет очень просто отрезать вам путь к отступлению. Вы окажетесь вдали от Стены, без пищи и крова, в окружении ваших врагов.

— Лишь в том случае, если он снимет осаду Рва Кейлин.

— Ров Кейлин падет до того, как вы достигнете Дредфорта. И когда лорд Русе соединится с Рамси, их будет впятеро больше, чем вас.

— Мой брат выигрывал битвы и с более превосходящим противником.

— Вы предсказываете скорое падение Рва,

Сноу, — сказал Джастин Масси, — но Железные Люди — бойцы отменные, и Ров, насколько я слышал, еще ни разу никто не брал.

— Это верно только для юга. Даже небольшой гарнизон во Рву способен сдержать любую армию, идущую вверх по тракту, но с северо-востока Ров уязвим. Это смелый шаг, государь, но и риск велик… — «Ночной Дозор ни на чью сторону не становится, — напомнил себе Джон. — Для меня не должно быть разницы между Баратеоном и Болтоном». — Если Русе Болтон застанет вас под стенами своего замка, вам всем конец.

— Без риска войн не бывает, — сказал сир Ричард Хорп, поджарый рыцарь с рябым лицом. Его стеганый дублет служил полем костей и пепла для трех бабочек «мертвая голова». — Всякая битва — это азартная игра, Сноу. И тот, кто бездействует, рискует не меньше.

— Риск риску рознь, сир Ричард. Этот ваш грандиозный план плохо обдуман, а цель слишком удалена. Я знаю Дредфорт. Это мощный замок, весь каменный, с толстыми стенами и массивными башнями. К зиме он наверняка запасся провизией. Много веков назад дом Болтонов восстал против Короля Севера, и Харлон Старк осадил Дредфорт. Прошло два года, прежде чем в

замке все перемерли с голоду. Для того, чтобы его взять, вашему величеству понадобятся осадные машины, башни, тараны…

— Осадные башни построить недолго, — ответил Станнис, — и срубить на тараны пару деревьев тоже. Арнольф Карстарк пишет, что в замке осталось не больше пятидесяти мужчин, и половина из них — это слуги. Слабому гарнизону даже крепкий замок не удержать.

— Пятьдесят человек в стенах замка стоят пятисот в поле.

— Эти полсотни наверняка старики и мальчишки, — сказал Ричард Хорп. — Те, кого бастард не счел годными. Наши люди закалились в битве на Черноводной, и возглавляют их рыцари.

— Вы видели, как мы разделались с одичалыми. — Сир Джастин откинул льняную прядку со лба. — Карстарки дали слово соединиться с нами под Дредфортом, и замиренные одичалые тоже идут — триста боеспособных мужчин. Лорд Харвуд считал всех прошедших в ворота. Женщины у них, к слову, тоже воюют.

— Не в моей армии, сир, — резко заметил Станнис. — Недоставало мне хвоста воющих вдов. Женщины останутся здесь с детьми, стариками, ранеными и будут служить залогом верности сво-

их мужей и отцов. Одичалые пойдут в авангарде под командой магнара — их вожди будут его сержантами, — но для начала их нужно вооружить.

«Хочет опустошить наш арсенал, — понял Джон. — Сначала еда и одежда, потом земли и замки, теперь оружие. С каждым днем король требует все больше. Слова, может, и не мечи, но как быть с настоящими, стальными мечами?»

— Триста копий я вам найду, — с большой неохотой произнес Джон. — И шлемы — правда, сильно помятые и заржавленные.

— Доспехи? — спросил магнар. — Кольчуги?

— После смерти Донала Нойе оружейника у нас нет. — Договаривать Джон не стал. Если дать одичалым кольчуги, они станут вдвое опаснее.

— Сойдет и вареная кожа, — сказал сир Годри. — Доспехи они снимут с убитых на поле боя.

Если доживут. В авангарде вольный народ обречен на скорую гибель.

— Морс Амбер порадуется черепу Манса-Разбойника, но одичалые на его землях радости ему не доставят. Вольный народ совершал набеги на Амберов еще на Заре Времен, переправляясь через Тюлений залив за золотом, женщинами и овцами. Один из них как раз и похитил дочь Вороньего Мяса. Оставьте одичалых здесь, ваше

величество — они только настроят против вас знаменосцев моего лорда-отца.

— Эти лорды, похоже, и так принимают меня без особого пыла. Полагаю, они видят во мне… как бишь вы изволили выразиться, лорд Сноу? Еще одного претендента, обреченного на провал. — Станнис смотрел на карту, и только скрип его зубов нарушал тишину. — Выйдите отсюда все, кроме лорда Сноу.

Джастину Масси не пришелся по вкусу этот приказ, но делать нечего — пришлось улыбнуться и выйти вон. Хорп последовал за ним, пристально посмотрев на Джона. Клэйтон Саг допил свою чашу и сказал Харвуду Феллу что-то смешное про мальчика. Саг еще недавно был межевым рыцарем, и его грубость не уступала силе. Гремучая Рубашка, уходивший последним, насмешливо поклонился Джону и осклабил в ухмылке осколки бурых зубов.

К леди Мелисандре, красной тени короля, приказ, как видно, не относился. Потребовав у Девана лимонной воды, Станнис выпил и сказал так:

— Хорп и Масси хотят занять место твоего лорда-отца. Масси еще и принцессу одичалых в придачу хочет; он служил оруженосцем у моего брата Роберта и стал сильно лаком на женщин.

Хорп тоже возьмет Вель, если я прикажу, но жаждет он только подвигов. Оруженосцем он грезил о белом плаще, но Серсея была против, и Роберт его отвел — прав был, возможно. Очень уж ему нравится убивать, сиру Ричарду. Кого бы ты посадил в Винтерфелле, Сноу — улыбчивого или убийцу?

— Винтерфелл принадлежит моей сестре Сансе.

— Я наслышан о правах леди Ланнистер. — Король поставил чашу. — Ты мог бы привести ко мне Север. Ваши знаменосцы охотно сплотились бы вокруг сына Эддарда Старка. Даже лорд слишком-толстый-чтобы-сесть-на-коня. Белая Гавань снабжала бы меня провиантом и служила надежным местом для отступления. Еще не поздно это исправить, Сноу. Преклони колено, присягни мне своим бастардским мечом и поднимись Джоном Старком, лордом Винтерфелла и Хранителем Севера.

«Ну сколько же раз повторять…»

— Мой меч отдан Ночному Дозору.

— В точности как отец. Тот свое упрямство называл честью, но за честь, как узнал лорд Эддард на собственном горьком опыте, платят дорого. Хорп и Масси, если это тебя утешит, останутся с носом. Я больше склонен пожаловать Винтер-

фелл Арнольфу Карстарку, доброму северянину.

— Как же, доброму. — Карстарк лучше, чем Болтон или Грейджой, однако… — Карстарки бросили моего брата, на гибель его обрекли.

— После того, как твой брат отрубил голову лорду Рикарду. Арнольф тогда был за тысячу лиг от них. В нем течет кровь Старков, кровь Винтерфелла.

— Ее в нем не больше, чем в других домах Севера.

— Другие дома мне не присягали на верность.

— Арнольф — согбенный старец и даже в молодости не мог сравниться с лордом Рикардом как боец. Смотрите, как бы он не умер в походе.

— У него есть наследники. Два сына, шестеро внуков, дочери. Будь у Роберта законные сыновья, многие из мертвых были бы живы поныне.

— Морс Воронье Мясо понадежнее будет.

— Дредфорт покажет, насколько.

— Так вы не откажетесь от этого плана?

— Несмотря на совет мудрого лорда Сноу? Не откажусь, нет. Хорп и Масси хоть и честолюбивы, но рассуждают резонно. Я не стану сидеть сложа руки, пока звезда Русе Болтона восходит, а моя закатывается. Нужно нанести удар и показать Северу, что я еще чего-нибудь стою.

— Среди знамен, которые леди Мелисандра видела в пламени, водяного Мандерли не было. Будь у вас Белая Гавань и рыцари лорда Вимана…

— Если бы да кабы. От Давоса вестей нет. Может, он и не добрался до Белой Гавани. Арнольф Карстарк пишет о штормах в Узком море. Как судьба решит, так и будет. Нет у меня времени горевать и ждать милостей от толстого лорда — Белую Гавань придется списать со счетов. Раз сын Винтерфелла не со мной, Север можно получить только с бою — иными словами, взять пример с Роберта. Нанести врагам смертельный удар, пока они ничего такого не ждут.

«Что попусту тратить слова, — подумал Джон. — Станнис либо возьмет Дредфорт, либо погибнет под его стенами. Ночной Дозор ни на чью сторону не становится, но Станнис сражается за страну, а Железные Люди — ради добычи».

— Я знаю, ваше величество, где вам найти людей. Оставьте мне одичалых, и я скажу.

— Я отдал тебе Гремучую Рубашку, вот и будет с тебя.

— Мне они все нужны.

— Некоторые из твоих братьев поговаривают, что ты сам одичалый наполовину. Верно это?

— Вы хотите ими отгородиться от стрел — на

Стене они будут куда полезнее. Отдайте их мне в полное распоряжение, и я скажу, где вам найти людей… и как победить.

Станнис потер затылок.

— И здоров же ты торговаться, Сноу. Нед Старк тебя, видать, с рыбной торговкой прижил. Сколько их, этих людей?

— Две тысячи… может, три.

— Три тысячи! И что же это за люди такие?

— Бедные. Гордые. Щепетильные в делах чести, но бойцы хоть куда.

— Ты мне свои бастардовы штуки брось. Готов ли я поменять триста человек на три тысячи? Еще бы! Я не дурак. Если я тебе и принцессу оставлю, даешь слово ее беречь?

«Она не принцесса».

— Как прикажет ваше величество.

— Может, перед деревом поклянешься?

— Нет нужды. — Шутит он, что ли? Со Станнисом догадаться трудно.

— Ладно, по рукам. Говори, что за люди.

— Вы найдете их тут. — Джон показал обожженной рукой на карту к западу от Королевского тракта и к югу от Дара.

— В горах? Я не вижу здесь замков. И городов тоже, и деревень, и дорог.

— Карта — еще не земля, как говорил мой отец. Горные кланы живут на лугах и в долинах тысячи лет. Их вождей вы назвали бы мелкими лордами, но сами они титулами не пользуются. Первые бойцы у них сражаются на огромных двуручных мечах, простые воины мечут камни и молотят друг дружку посохами из горного ясеня. Народец это, надо сказать, сварливый. В перерывах между драками горцы пасут стада, рыбачат в Ледовом заливе и разводят очень выносливых и крепких коней.

— По-твоему, они согласятся выступить на моей стороне?

— Если попросите.

— Я их еще и умолять должен?

— Умолять незачем, достаточно попросить. Письма посылать бесполезно — вашему величеству нужно отправиться к ним самому. Отведайте их хлеба-соли и эля, послушайте их волынщиков, похвалите их дочек за красоту, а сыновей за отвагу. Горцы не видели королей с тех пор, как Торрхен Старк преклонил колено, и почтут ваш приезд за честь. Приказывать им бесполезно. Они посмотрят друг на друга и скажут: «Это еще кто? Тоже король нашелся».

— Сколько там этих кланов?

— Сорок, больших и малых. Флинты, Вуллы, Норри, Лиддли. Если уговорите Старого Флинта и Большое Ведро, остальные пойдут за ними.

— Большое Ведро?

— Глава Вуллов. У него самый большой живот на все горы — редкая особенность для мужчины. Вуллы ловят рыбу в Ледовом заливе и пугают непослушных детей Железными Людьми. Чтобы попасть к ним, вашему величеству нужно будет проехать по землям Норри. Этот клан соседствует с Даром и всегда был другом Дозора. Могу дать вам проводников.

— Можешь или дашь? — От Станниса мало что укрывалось.

— Дам. Как проводников, так и пони. Тамошние дороги больше похожи на козьи тропы.

— Козьи? — прищурился Станнис. — Я спешу, а ты мне толкуешь о козьих тропах?

— Юный Дракон при завоевании Дорна обошел заставы на Костяном Пути по козьей тропе.

— Я знаю эту историю, но Дейерон в своем хвастливом труде уделяет ей слишком много внимания. Ту войну выиграли не козьи тропы, а корабли. Окенфист взял Дощатый город и поднялся вверх по Зеленой Крови, пока Дейерон удерживал основные дорнийские силы у

Принцева перевала. — Станнис побарабанил по карте. — Эти горные лорды не станут чинить мне препятствия?

— Разве что пирами. Каждый постарается превзойти другого в гостеприимстве. Мой лорд-отец нигде так не ел, как в горных селениях.

— Ради трех тысяч бойцов можно претерпеть овсянку с волынками, — проворчал Станнис.

— Предупреждаю, миледи, — сказал Джон Мелисандре, — старые боги очень сильны в горах. Горцы не позволят оскорблять их сердце-деревья.

— Не бойтесь за ваших дикарей и их темных богов, Джон Сноу, — с улыбкой ответила жрица. — Мое место здесь, рядом с вами.

Джону этого хотелось меньше всего, но король не дал ему возразить.

— И куда же мне вести свою новую рать, если не на Дредфорт?

— На Темнолесье, — показал Джон. — Болтон намерен сразиться с Железными Людьми — сделайте и вы то же самое. Темнолесье стоит в густой чаще, и к нему легко подойти незамеченными. Деревянный замок защищен лишь земляным валом и бревенчатым частоколом. Путь через горы дольше, зато он обеспечит вам скрытность,

и спуститесь вы чуть ли не у ворот Темнолесья.

Станнис потер подбородок.

— Когда Бейлон Грейджой восстал в первый раз, я сражался с Железными Людьми на море, где они сильнее всего. На суше, да еще застигнутые врасплох… Я победил одичалых с их Королем за Стеной. Если я разобью еще и Железных Людей, Север поймет, что у него вновь есть король.

«А я получу тысячу одичалых, — добавил про себя Джон. — Хотя мне и пятьсот прокормить нечем».

Тирион

«Робкая дева» пробиралась в тумане, как слепой через незнакомый чертог. Густая мгла глушила молитвы септы Леморы. Грифф расхаживал по палубе, звякая кольчугой под волчьим плащом, и время от времени трогал меч, как бы удостоверяясь, что тот по-прежнему висит на боку. Ройли Уткелл работал шестом на правом борту, Яндри на левом, Изилла правила.

— Не нравится мне здесь, — пробормотал Хелдон.

— Тумана боишься? — поддразнил Тирион, хотя сам в таких туманах еще не бывал.

Молодой Грифф стоял на носу с третьим шестом, отталкивая возникающие перед лодкой препятствия. Тирион только и видел, что размытые огни фонарей впереди и позади, на корме. Ему самому поручили поддерживать огонь на жаровне.

— Это не простой туман, Хугор Хилл, — сказала Изилла. — Он пахнет колдовством — будь у тебя нос, сам бы учуял. Здесь погибло много плоскодонок, пиратских лодок и даже больших галей. Люди блуждают в тумане, пока не сходят

с ума или не умирают голодной смертью. Неупокоенные духи витают здесь в воздухе и таятся под водой.

— Вон один, — показал Тирион. Из воды появились кончики чьих-то пальцев. Лодка прошла мимо, но карлик, оглянувшись, увидел в глубине всю огромную руку и очертания бледного лица. Ему, несмотря на шутки, было не по себе: эти места в самом деле пахли отчаянием и смертью. Изилла права. В тумане есть что-то противоестественное, и с водой тоже нечисто, и с воздухом. Неудивительно, что каменные люди все сумасшедшие.

— Негоже смеяться, — упрекнула Изилла. — Шепчущие ненавидят все живое и теплое — так и норовят новые души к себе забрать.

— Вряд ли у них найдется саван, чтоб был мне впору. — Тирион поворошил угли.

— Каменных людей донимает не столько ненависть, сколько голод, — пробубнил Хелдон Полумейстер из-под желтого шарфа, которым замотал себе нос и рот. — В этих туманах ничего съедобного не может произрасти. Волантинские триархи трижды в год отправляют сюда галею с провизией, но посланцы милосердия часто запаздывают и порой привозят больше ртов, чем еды.

— А как же рыба? — спросил молодой Грифф.

— Я бы не стала есть ничего, что здесь выловлено, — сказала Изилла.

— Вдыхать этот туман тоже незачем, — сказал Хелдон. — Он весь напитан проклятием Гаррина.

Не вдыхать туман возможно только не дыша вовсе.

— Проклятие Гаррина — это серая хворь, ничего более, — сказал Тирион. Оно часто постигает детей, особенно в сыром и холодном климате. Кожа каменеет и трескается, хотя Тирион читал, что это можно вылечить лимоном, горчичными припарками и обжигающе-горячими ваннами (по мнению мейстеров), а также постом и молитвой (по словам септонов). При успешном лечении маленькие больные не умирают, но остаются обезображенными. Мейстеры и септоны согласны в том, что к детям, помеченным серой хворью, она больше никогда не пристанет — как и родственная ей серая чума, от которой спасения вовсе нет. — Да и в той повинна сырость, как говорят. Дурные миазмы, а не проклятие.

— Завоеватели тоже в него не верили, Хугор Хилл, — не унималась Изилла. — Волантинцы с валирийцами повесили Гаррина в золотой клетке и смеялись, когда он взывал к своему отцу. Но

в ночи Ройн поднялся и захлестнул их. Те, кто повелевал огнем, посейчас остаются там, под водой. Их холодное дыхание вызывает туманы, а сердца их и плоть обратились в камень.

Тирион почесал свербящий остаток носа. Старуха, может, и права — это место дурное. Будто снова стоишь в нужнике и смотришь, как умирает отец. Нетрудно сойти с ума или окаменеть, оставаясь в этом сером супе до конца дней своих.

Молодой Грифф не разделял его настроения.

— Пусть только тронут, мы им покажем, из чего сделаны.

— Мы сделаны из плоти и крови, по образу Отца с Матерью, — прошептала Лемора. — Не похваляйся, прошу тебя. Гордыня — тягчайший грех. Каменные люди тоже гордились, а Лорд-Покойник был самым гордым из всех.

Тирион раскраснелся от горящих углей.

— Так он вправду есть, Лорд-Покойник? Это не сказка?

— Лорд-Покойник повелевает туманами со времен Гаррина, — сказал Яндри. — Кое-кто говорит, будто он и есть Гаррин, восставший из водной могилы.

— Мертвые не встают из могил, — заспорил Хелдон, — и никто не живет тысячу лет. Их не

меньше двадцати, лордов-покойников — когда один умирает, его заменяет другой. Нынешний — это корсар с островов Василиска, полагающий, что на Ройне можно нажиться лучше, чем в Летнем море.

— Я тоже слышал о нем, — сказал Утка, — но другая история мне нравится больше. Он в отличие от прочих каменных был настоящей статуей, но из тумана вышла серая женщина и коснулась его губ холодным как лед поцелуем.

— Хватит. Заткнитесь все, — резко бросил Грифф.

— Что там? — затаила дыхание септа.

— Где? — Тирион ни зги не видел в тумане.

— Движется что-то. Рябь на реке.

— Да черепаха это, — весело заявил принц. — Большой костохряст. — Он выбросил вперед шест и оттолкнулся от зеленого обелиска.

Из тумана возник затонувший храм. Яндри и Утка налегли на шесты и медленно прошли на корму. Мраморная лестница, вырастая из ила, уходила, закручиваясь, в пустой воздух. За ней смутно виднелись поваленные шпили, безголовые статуи, деревья с корнями длиннее лодки.

— Он был самым богатым и красивым на всей реке, — сказал Яндри. — Кройян, праздничный

город.

Слишком богатым, слишком красивым. Драконов искушать неразумно. Затопленный город окружал их со всех сторон. Бледные кожистые крылья взмахнули в тумане, но всю фигуру карлик не разглядел.

Вскоре они увидели чей-то другой огонь.

— Эй, на лодке, — донеслось оттуда, — кто будете?

— «Робкая дева», — откликнулся Яндри, — а вы?

— «Зимородок». Вверх или вниз?

— Вниз. Шкуры, мед, эль и свечное сало.

— А мы вверх. Ножи, иголки, кружева, полотно, вино с пряностями.

— Что слышно в старом Волантисе?

— Война будет.

— Где? — крикнул Грифф. — Когда?

— На исходе года. Ниэссос и Малакуо идут рука об руку, слоны заполосатели. — Голос удалялся, лодочный огонь исчезал из глаз.

— Разумно ли перекликаться с лодками, которых не видишь? — спросил Тирион. — А если это пираты? — Кинжальное озеро «Дева» миновала удачно, ночью, никем не замеченная. Утка якобы видел во тьме корабль Уро Немытого, но «Дева»

шла против ветра, и Уро, если то был Уро, к ней интереса не проявил.

— Пираты в Горести не пойдут, — сказал Яндри.

— Что бы это значило — полосатые слоны? — бормотал Грифф. — И Ниэссос с Малакуо… Ниэссоса Иллирио давно купил с потрохами.

— Сырами платил или золотом? — съехидничал Тирион.

— Остроты свои держи при себе — туман они все равно не прореживают.

«Да, отец», — чуть было не сказал Тирион. Слоны, как он полагал, вполне могли объединиться с тиграми против драконов. Может быть, торговец сырами неверно оценил ситуацию. Человека можно купить за золото, но только кровь и сталь делают его верным.

Он снова помешал и раздул угли. Мерзкий туман, мерзкое место, мерзавец Грифф. Тирион сохранил ядовитые грибы, собранные в усадьбе Иллирио, и временами испытывал искушение подсунуть их Гриффу за ужином. Беда в том, что тот почти ничего не ест.

Изилла повернула руль, Утка и Яндри налегли на шесты, молодой Грифф оттолкнулся от разрушенной башни с окнами как черные пустые

глаза. Парус отяжелел и обвис от влаги. Шесты уже не доставали до дна, но лодка продолжала плыть по течению, пока…

Из реки поднялось нечто горбатое и зловещее. Остров? Скала, поросшая мхом и папоротником? Нет… деревянный замок, тоже разрушенный. Шпили — как сломанные копья, башни без крыш. Чертоги, галереи, изящные арки, стройные колонны, террасы, беседки.

Запустение и уныние.

Серый мох покрывал ковром упавшие камни и бородой свисал с башен. Из окон, дверей и арок сползал черный плющ. Тирион, несмотря на туман, смог заметить, что некогда этот замок был в пять раз больше и в сто раз красивее Красного.

— Дворец Любви, — тихо вымолвил он.

— Так его называли ройнары, — сказал Хелдон. — Последние тысячу лет он называется Дворцом Горя.

Руины всегда навевают грусть, но еще грустнее, когда знаешь, чем они были раньше. Когда-то здесь звенел смех, в садах росли цветы и сверкали на солнце фонтаны. По этим ступеням всходили влюбленные, под дырявым куполом скреплялись поцелуем бессчетные браки. Тирион в который раз вспомнил Тишу, свою недолгую леди-жену.

Это все Джейме. Его кровь, его старший брат. Он приносил маленькому Тириону игрушки — обручи, кубики, деревянного льва. Подарил брату первого пони и научил ездить на нем. Когда он сказал, что купил младшему и жену, Тирион даже не усомнился. С чего бы? Джейме был Джейме, а она — просто девочка, хорошо сыгравшая свою роль. Тирион боялся этого в самом начале, когда она впервые улыбнулась ему и взяла его за руку. Родной отец не любил его, за что же она полюбила? За деньги, само собой.

Арбалетная тетива снова прогудела в тумане, лорд Тайвин крякнул и хлопнулся задом на камень. «Куда все шлюхи отправляются», — так он сказал. Куда же это? «Куда ушла Тиша, отец?»

— Долго нам еще терпеть этот проклятый туман?

— Около часу, — ответил Хелдон. — Выйдем из Горестей, и все пойдет веселее. На Нижнем Ройне за каждым поворотом деревня. Сады, виноградники, золотые нивы, рыбаки, горячие бани, сладкие вина. Даже города, хоть Семи Королевствам впору: Селхорис, Валисар, Валан-Терис.

— Прямо впереди, — предупредил молодой Грифф.

Тирион сначала подумал, что это плоскодонка

наподобие «Зимородка», но нет. Огонек в тумане разгорался все ярче; вскоре рядом стал виден другой огонь, а там и третий.

— Мост Мечты, — определил Грифф, — а на нем полно каменных. Многие поднимут вой, когда мы подойдем, но нападать вряд ли станут. В большинстве своем они слабаки, неуклюжие и безмозглые. Ближе к концу все поголовно сходят с ума и вот тогда делаются опасными. Если что, отбивайтесь факелами и ни в коем разе не давайте прикоснуться к себе.

— Может, они нас и не увидят в тумане, — понадеялся Хелдон. — Проскочим под мостом, и прощай.

«Каменные глаза слепы», — мысленно согласился с ним Тирион. Смертельная разновидность серой хвори начинается с пальцев на руках и ногах: ногти чернеют, чувствительность пропадает. Затронутая онемением рука или нога холодеет и становится серой, как камень. Для таких случаев есть три верных средства: меч, топор и тесак. И даже отсечение больной конечности не всегда останавливает болезнь. Пожертвуешь одной ногой — начинает сереть другая, и тогда уж надежды нет. Когда онемение доходит до глаз, человек слепнет; в конечной стадии болезнь

перекидывается на внутренние органы, мышцы и кости.

Мост Мечты… разбитой мечты. Бледные арки тянутся от Дворца Горя на западный берег. Половина из них обвалилась под тяжестью серого мха вкупе с черным плющом, доски наверху сгнили, но немногие из огромного количества фонарей горят до сих пор. Тирион видел, как вокруг них толкутся здешние жители — без всякого смысла, точно ночные бабочки. Одни совсем голые, другие одеты в шкуры.

Грифф вынул свой длинный меч.

— Зажигай факелы, Йолло, а ты, парень, уйди с Леморой в ее каюту.

— Лемора и без меня каюту найдет, — заупрямился молодой Грифф. — Я останусь.

— Мы поклялись защищать тебя, — напомнила септа.

— Не надо меня защищать. Мечом я владею не хуже Утки. Наполовину рыцарь, можно сказать.

— А наполовину мальчишка, — отрезал Грифф. — Делай, что тебе говорят. Быстро.

Парень, тихо выбранившись, кинул свой шест на палубу. Грохот в тумане вызвал странное эхо, как будто шестов было много.

— Почему я должен прятаться? Хелдон вон

остается, Изилла тоже. И Хугор.

— Я в случае чего и за Уткой спрячусь, — сказал Тирион, зажигая от углей полдюжины обмотанных масляными тряпками факелов. На огонь он старался не смотреть, чтобы самому не ослепнуть.

— Карлик несчастный, — презрительно бросил мальчик.

— Вот ты и раскрыл мою тайну. Хелдону я еле до пояса достаю, и всем наплевать, буду я жив или сдохну. — «В том числе и мне самому». — Зато тебе цены нет.

— Я предупреждал тебя, карлик, — прорычал Грифф.

В тумане послышался пронзительный вой.

— Да спасут нас Семеро, — прошептала, дрожа, Лемора.

До разрушенного моста осталось всего пять ярдов. Пена кипела у его опор, как на губах у бесноватого. Каменные люди обращали на лодку не больше внимания, чем на плывущее вниз бревно. Тирион, затаив дыхание, сжимал в руке факел. Еще немного, и «Дева» вошла в пенную воду, под мост, обросший с исподу серым грибком. Казалось, что они вот-вот разобьются, но Утка отпихнул лодку от правой опоры и снова вывел

на стрежень.

Карлик начал дышать лишь после того, как молодой Грифф схватил его за руку.

— Почему это мне цены нет? Что ты этим хотел сказать?

— Ну… Если б каменные люди схватили Яндри, Гриффа или нашу Лемору, мы оплакали бы их и пошли себе дальше. Но без тебя наше путешествие утратило бы весь смысл, и оказалось бы, что торговец сырами с евнухом зря плели свои козни на протяжении стольких лет.

— Он знает, кто я, — сказал парень, взглянув на Гриффа.

Тирион тоже знал — и даже не зная, понял бы в этот миг. «Робкая дева» ушла уже далеко от Моста Мечты, лишь один огонек еще мигал за кормой.

— Ты молодой Грифф, сын наемника, — сказал карлик. — А может, Воин в смертной оболочке — дай погляжу. — Он поднял факел, осветив лицо юноши.

— Отстань, не то пожалеешь.

— Из-за синих волос твои глаза тоже кажутся синими. Умно придумано, как и басня о покойной матери-тирошийке — прямо слеза прошибает. Но любопытно все же, почему сына простого наемника наставляет в вопросах веры осквер-

нившая себя септа, а истории и языкам обучает не имеющий цепи мейстер. Любопытно также, почему твой отец выписал межевого рыцаря для обучения тебя военному ремеслу — он мог просто отправить тебя в один из вольных отрядов. Можно подумать, тебя намеренно скрывают, готовя… к чему? Вот в чем загадка, но я уверен, что со временем разгадаю и это. Для мертвеца ты, надо сказать, очень хорош собой.

— Я не мертвец, — вспыхнул мальчик.

— Как же так? Мой лорд-отец завернул тебя в красный плащ и положил рядом с сестрой у подножия Железного Трона, в дар новому королю. Те, у кого хватало духу откинуть плащ, видели, что у тебя полголовы снесено.

— Твой… — попятился парень.

— Отец, да. Тайвин из дома Ланнистеров. Ты, возможно, слышал о нем.

— Ланнистер? Твой отец…

— Его уже нет. Погиб от моей руки. Если вашему высочеству угодно по-прежнему именовать меня Хугором или Йолло, пусть будет так, но рожден я Тирионом из дома Ланнистеров, законным сыном Тайвина и Джоанны. Обоих своих родителей я убил, хотя и не сразу. Вам скажут, что я цареубийца, отцеубийца и лжец, что в общем-то верно, но

кто здесь не лжец? Взять хоть вашего мнимого батюшку. Благодарите богов, что Варис-Паук тоже участвует в заговоре — его Грифф ни на миг бы не одурачил, как не провел и меня. Не лорд, не рыцарь… а я не карлик. То, что нам говорят, не обязательно правда. Кто воспитал бы маленького принца лучше, чем близкий друг Рейегара Джон Коннингтон, в свое время лорд Гриффин-Руста и королевский десница?

— Замолчи, — вымолвил Грифф.

Из воды с левого борта высунулись два каменных пальца. Сколько же их здесь? Тирион содрогнулся от сбежавшей по спине струйки пота. Горести проплывали мимо: рухнувший шпиль, обезглавленный торс героя, вырванное из земли дерево, чьи корни проросли сквозь окна и крышу дома. Почему это кажется Тириону таким знакомым?

Беломраморная лестница выросла впереди и оборвалась в десяти футах над лодкой. Нет. Быть не может.

— Свет впереди, — дрожащим голосом сообщила Лемора.

— «Зимородок» или другая лодка, — сказал Грифф и снова обнажил меч.

Остальные молчали. Парус не поднимали со

времени входа в Горести — только течение несло вперед лодку. Утка и даже Яндри стояли праздно с шестами в руках. Рядом со слабым огоньком загорелся другой… и третий.

— Мост Мечты, — сказал Тирион.

— Невероятно, — выдохнул Хелдон. — Мы оставили его позади, а реки текут в одну сторону.

— Отец Ройн течет, как он хочет, — произнес Яндри.

— Да спасут нас Семеро, — пролепетала Лемора.

На мосту поднялся вой. Несколько каменных людей указывали на лодку.

— Хелдон, уведи принца вниз, — скомандовал Грифф.

Он опоздал: течение неотвратимо влекло их к мосту. Яндри уперся шестом в опору. Толчок бросил лодку вбок, на завесу из серого мха. Его щупальца прошлись по лицу Тириона ласково, как шлюхины пальцы. Сзади раздался грохот, и палуба накренилась так, что карлик едва устоял.

На крышу надстройки спрыгнул каменный человек, такой тяжелый, что лодка заколебалась. Он выкрикнул что-то на языке, неведомом Тириону, за ним последовал другой, прыгнувший на корму. Палуба треснула, у Изиллы вырвался

крик.

Утка, стоявший к ней ближе всех, не стал хвататься за меч, а огрел каменного шестом и спихнул в реку, где тот сразу пошел ко дну.

Грифф, как только другой слез на палубу, стал теснить его назад с мечом в правой руке и факелом в левой. Лодку затянуло под мост, тени плясали на мшистых стенах. На корме каменного ждал Утка с шестом, а Хелдон ткнул в чужака своим факелом, поневоле вернув его к Гриффу. Меч наемника высек искру из шелушащейся серой плоти, отрубленная рука упала на палубу. Грифф пинком послал ее за борт, Утка и Яндри с шестами пришли на подмогу, и втроем они сбросили врага в черные воды Ройна.

«Робкая дева» вышла из-под моста.

— Все, что ли? — спросил Утка. — Сколько их спрыгнуло?

— Двое, — поеживаясь, сказал Тирион.

— Трое! — крикнул ему Хелдон. — Сзади, смотри!

Тирион повернулся и увидел его.

В прыжке каменный сломал себе ногу — кость торчала из полусгнивших штанов. Это не мешало ему надвигаться прямо на молодого Гриффа. Серые пальцы с разбитыми в кровь костяшками

шарили в воздухе. Мальчик замер в ужасе, словно тоже окаменел. Он держался за рукоять меча, даже не пытаясь вынуть клинок из ножен.

Тирион дал парню подсечку, перепрыгнул через него и сунул факел каменному в лицо. Тот, волоча поврежденную ногу, отмахивался серыми руками от пламени. Карлик не отступал, тыча факелом прямо в глаза. Еще три шага… еще два… Они были на самом краю, когда каменный выхватил факел у Тириона. «А, чтоб тебе!»

Факел полетел в воду, каменный взвыл. Родом он был с Летних островов: не окаменевшие пока области его кожи чернели, как ночь. Боли в потрескавшихся от факела пальцах он, похоже, не чувствовал. Маленькая, но милость: серая хворь не болезненна, хотя и смертельна.

— Не подходи! — крикнул кто-то.

— Спасайте принца! — воззвал другой.

Руки каменного человека нашаривали врага.

Тирион саданул плечом ему в грудь, точно в стену — но стена эта зиждилась на шаткой опоре. Каменный опрокинулся в реку, успев схватить Тириона, и отец Ройн поглотил обоих.

Холод зажал карлика словно тисками. Одна каменная рука шарила по лицу, другая тянула вглубь. Тирион захлебывался, бил ногами, пытал-

ся вырваться, но каменные пальцы не отпускали. Последний воздух пузырями уходил изо рта.

Ну что ж, бывает смерть и похуже. Если по правде, он утонул уже давно, в Королевской Гавани. Это его дух, маленький мстительный призрак, задушил Шаю и послал стрелу в кишки великому лорду Тайвину. Кто оплачет существо, которым он стал? «После смерти буду являться в Семи Королевствах, — решил Тирион, уходя все глубже. — Не любили меня живого — будут бояться мертвого».

Он открыл рот, чтобы проклясть их всех. Черная вода наполнила легкие, и тьма сомкнулась вокруг.

Давос

— Его милость сейчас тебя примет, контрабандист. — Накладки с чернью на серебряных доспехах рыцаря долженствовали изображать пышные водоросли. Шлем на сгибе руки был сделан в виде головы морского царя с перламутровой короной и торчащей бородой из нефрита и темного янтаря. Борода самого рыцаря была седой, как зимнее море.

— Могу я узнать ваше имя, сир? — спросил Давос.

— Сир Марлон Мандерли. — На голову выше Давоса, на три стоуна тяжелее, с грифельно-серыми глазами и крайне надменный. — Имею честь быть кузеном лорда Вимана и командиром его гарнизона. Следуй за мной.

Давос, приехав в Белую Гавань послом, оказался в плену. Поместили его в хороших, богато обставленных комнатах, но у дверей поставили часовых. Из окон он видел улицы Белой Гавани, но гулять по ним позволения не имел. Гавань и «Веселая повитуха», идущая по заливу, тоже были как на ладони. Кассо Могат ждал его четыре дня вместо трех, а после отчалил. С тех пор прошло

две недели.

Домашние гвардейцы Мандерли носили шерстяные плащи цвета морской волны и серебряные трезубцы вместо обычных копий. Один из них шел перед Давосом, другой позади, еще двое по бокам. Процессия двигалась мимо поблекших знамен, разбитых щитов и ржавых мечей, повествующих о давних победах. Деревянные фигуры, все в трещинах и червоточинах, когда-то, несомненно, украшали носы кораблей.

У покоев лорда стояли два мраморных водяных, младшие родичи Хвостонога. Гвардейцы отворили двери, глашатай стукнул посохом о деревянные половицы и возвестил:

— Сир Давос из дома Сивортов!

За все свои посещения Белой Гавани Давос ни разу не ступал ногой в Новый Замок, а уж в Водный Чертог — и подавно. Тщательно пригнанные доски стен, пола и потолка были расписаны всевозможными морскими созданиями. Давос шагал по крабам, моллюскам и морским звездам. Между ними клубились водоросли и лежали кости погибших моряков. На синей глубине стен мелькали белые акулы, угри и осьминоги. Между высокими окнами плавали косяки сельди и крупной трески. Выше подводного мира изображался

надводный: справа шла на фоне восходящего солнца боевая галея, слева уходил от шторма потрепанный старый когг с рваными парусами. За помостом сошлись в схватке кракен и серый левиафан, на стропилах висели рыбачьи сети.

Надежда Давоса поговорить с Виманом Мандерли наедине не сбылась. Народу здесь собралось великое множество, но мужчин было впятеро меньше, чем женщин. Хороши воины — одни седые старцы да безусые парни, отметил про себя Давос. Присутствовали также септоны и святые сестры в белых и серых одеждах. Ближе к помосту стояли около дюжины человек в голубых и серебристо-серых цветах дома Фреев. Сходство между ними приметил бы и слепой. У некоторых на груди имелись эмблемы Близнецов: две башни, соединенные с мостом.

Читать по человеческим лицам Давос выучился задолго до того, как мейстер Пилос научил его читать слова на бумаге. Мертвый он этим Фреям куда милей, чем живой.

В бледно-голубых глазах Вимана Мандерли он тоже не находил привета. На мягком троне его милости могли бы усесться три человека средней упитанности, но Мандерли из него выпирал. Руки он не отнимал от подлокотников, будто

и поднять их не мог. «Боги милостивые, да он наполовину мертвец!» — подумал Давос, глянув на серое, обрюзгшее лицо лорда.

Королям и покойникам всегда сопутствует свита, гласит пословица. С Мандерли так и было. По левую руку от него помещался мейстер, почти не уступающий толщиной лорду, розовощекий, с пухлыми губами и копной золотых кудрей. Сир Марлон занял почетное место по правую руку. На мягком стульчике у ног лорда сидела розовая дородная леди, за спиной стояли две девушки, по виду сестры. У обеих были длинные косы: у старшей каштановая, у младшей, от силы пятнадцати лет — крашеная, ярко-зеленая.

Никто не потрудился представить этих дам Давосу.

— Вы находитесь перед лицом Вимана Мандерли, — заговорил мейстер, — лорда Белой Гавани и Хранителя Белого Ножа, Щита Веры, Покровителя Неимущих, лорда-маршала Мандера, рыцаря ордена Зеленой Руки. Вассалы и просители в Водном Чертоге преклоняют колено.

Луковый Рыцарь не замедлил бы это сделать, но королевский десница? Это значило бы поставить своего короля ниже этого жирного лорда.

— Я не проситель, и у меня тоже есть титулы.

Лорд Дождливого леса, адмирал Узкого моря, десница короля.

— Адмирал без кораблей, — закатила глаза толстуха на стульчике, — десница без пальцев на службе у короля без трона. Угадайте, кто такой?

— Это вестник, дочь моя, — сказал лорд Виман. — Луковица, не сулящая нам ничего доброго. Станнису не понравился ответ, который принес ему ворон, вот он и прислал сюда своего… контрабандиста. — Лорд еще больше прищурил утонувшие в жиру глазки. — Ты ведь уже бывал в нашем городе, верно? Таскал деньги из наших карманов и еду со стола. Любопытно было бы знать, сколько я из-за тебя потерял.

«Меньше, чем стоила одна твоя трапеза».

— За контрабанду я расплатился в Штормовом Пределе, милорд. — Давос, сняв перчатку, предъявил укороченные пальцы на левой руке.

— Четыре кончика пальцев за целую воровскую жизнь? — опять пропищала толстуха. — Дешево отделались, Луковый Рыцарь.

Давос не отрицал этого.

— Я хотел бы поговорить с милордом наедине.

Милорд был другого мнения.

— Мне нечего скрывать от родных и друзей, преданных мне лордов и рыцарей.

— Меня могут услышать враги моего короля… и ваши.

— Враги Станниса в этом чертоге, возможно, найдутся. Моих здесь нет.

— Даже тех, что убили вашего сына? Все Фреи, которых я вижу здесь, были на Красной Свадьбе.

Один из Фреев, длинный худощавый рыцарь с тонкими, как мирийский стилет, усиками, вышел вперед.

— Красную Свадьбу учинил Молодой Волк. На наших глазах он обернулся зверем и разорвал горло моему кузену Динь-Дону, безобидному дурачку. Он убил бы и моего лорда-отца, если б не вмешался сир Вендел.

— Вендел всегда был храбрым мальчиком, — сморгнул слезы лорд Виман. — Я не удивлен, что он погиб как герой.

У Давоса дух захватило от столь беззастенчивой лжи.

— Вы утверждаете, что Вендела Мандерли убил Робб Старк?!

— И его, и многих других, в том числе моего сына Титоса с моим зятем. Все северяне начали оборачиваться волками вслед за своим королем. Все они мечены клеймом зверя. Всем известно, что укушенный варгом сам становится варгом.

Мне и моим братьям оставалось только убить их, пока они сами нас не прикончили.

Фрей усмехался, рассказывая об этом. Давосу очень хотелось отрезать ему губы ножом.

— Могу я узнать ваше имя, сир?

— Сир Джаред из дома Фреев.

— Джаред из дома Фреев, вы лжец.

Джареда это лишь позабавило.

— Некоторые люди плачут, когда режут лук, но со мной такого никогда не случалось. — Меч с шорохом вышел из его кожаных ножен. — Защищайтесь, сир, если вы вправду рыцарь.

— Я не допущу кровопролития в Водном Чертоге, — выпучил заплывшие глазки лорд Виман. — Верните сталь в ножны, сир Джаред, не то мне придется попросить вас уйти.

Фрей спрятал меч.

— Под этим кровом слово милорда — закон, но я посчитаюсь с Луковым Рыцарем еще до его отъезда.

— Кровь, вот чего хочет эта злобная луковица! — взвыла толстуха. — Видите, как он сеет смуту? Молю вас, милорд, отослать его прочь. Он хочет пролить кровь ваших людей, ваших отважных сынов. Отошлите его. Королева, услышав, что вы принимали этого изменника у себя,

может усомниться в вашей преданности короне. Она может…

— До этого не дойдет, дочь моя. У Железного Трона не будет причины в нас сомневаться.

Давосу не понравились эти слова — но не для того он проделал весь этот путь, чтобы держать язык за зубами.

— На Железном Троне сидит маленький узурпатор. Я не изменник, а десница Станниса Баратеона, единственного законного короля.

Толстый мейстер откашлялся.

— Станнис Баратеон был братом покойного короля Роберта, да рассудит его Отец по справедливости. Томмен — сын Роберта. Закон о престолонаследии не допускает сомнений: сын предшествует брату.

— Мейстер Теомор говорит верно, — изрек лорд Виман. — Он знаток таких дел и всегда подавал мне добрый совет.

— Законный сын в самом деле предшествует брату, — подтвердил Давос, — но Томмен — такой же бастард, каким был его покойный брат Джоффри. Оба они, в нарушение всех законов божеских и человеческих, зачаты Цареубийцей.

— Его устами говорит измена, милорд, — подал голос другой Фрей. — Станнис отсек его воровские

пальцы, вам следовало бы отрезать его лживый язык.

— А еще лучше голову, — предложил сир Джаред. — Или позвольте ему сразиться со мной на поле чести, милорд.

— Что Фреи знают о чести? — не замедлил с ответом Давос.

На этот раз вперед подались сразу четверо Фреев, но лорд, вскинув руку, остановил их.

— Повремените, друзья мои. Я выслушаю его, прежде чем… что-то решать.

— Можете вы доказать факт этого кровосмешения, сир? — вопросил мейстер, сложив пухлые руки на животе.

Доказательством мог бы послужить Эдрик Шторм, но Давос отправил его за Узкое море, спасая от костра Мелисандры.

— Станнис Баратеон ручается своим словом в том, что все сказанное мной — правда.

— Слова — это ветер, — заметила девушка с каштановой косой. — Мужчины часто лгут, чтобы добиться желаемого, — это любая служанка знает.

— Слово одного лорда ничего не доказывает, — согласился с ней мейстер. — Станнис Баратеон не первый прибегает ко лжи, желая взойти на трон.

— Измены мы не потерпим, — заявила толстуха, грозя Давосу пухлым пальчиком. — В Белой Гавани живут добрые, законопослушные люди. Если будете по-прежнему вливать яд в наши уши, мой свекор посадит вас в Волчье Логово.

Свекра-то он с какого боку задел?

— Могу ли я иметь честь услышать имя миледи?

За толстуху ответил мейстер.

— Леди Леона — невестка лорда Вимана и жена сира Вилиса, находящегося ныне в плену у Ланнистеров.

Вот оно что… Ее речи продиктованы страхом: если Белая Гавань поддержит Станниса, ее муж поплатится жизнью. Разве может Давос просить лорда Вимана обречь своего сына на смерть? Как бы он сам поступил, будь заложником его Деван?

— Милорд, я молюсь, чтобы с вашим сыном ничего не случилось — как и со всеми, кто живет в Белой Гавани.

— Снова ложь, — фыркнула леди Леона.

Давос счел за лучшее пропустить это мимо ушей.

— Когда Робб Старк поднял оружие против лже-Баратеона Джоффри, Белая Гавань выступила в поход вместе с ним. Лорд Старк пал, но его война

не окончена.

— Робб Старк был моим сюзереном, а Станнис мне кто? С какой стати он морочит нам голову? Прежде он на Севере никогда не бывал, насколько я помню. Теперь приплелся точно побитый пес и подставляет свой шлем за милостыней.

— Он пришел, чтобы спасти государство, милорд. Защитить ваши земли от одичалых и Железных Людей.

— Одичалых Белая Гавань веками не видела, — презрительно высказался сир Марлон, — а Железные Люди никогда не тревожили этот берег. От драконов и снарков лорд Станнис тоже будет нас защищать?

По чертогу прокатился смешок, но леди Леона неожиданно разрыдалась.

— Железные Люди с островов, одичалые из-за Стены… а теперь еще и этот изменник со своими разбойниками и колдунами. Мы наслышаны о вашей красной ведьме, о да! Она хочет заставить нас отречься от Семерых и склониться перед огненным демоном.

Давос тоже к красной женщине любви не питал, но леди Леоне нужно было что-то ответить.

— Леди Мелисандра — жрица красного бога. Королева Селиса наряду с многими другими

приняла ее веру, но немало сторонников короля Станниса, и я в том числе, по-прежнему поклоняются Семерым. — Хорош он будет, если кто-то спросит о септе Драконьего Камня или богорощe Штормового Предела. Отвечать придется по правде — лгать Станнис его не уполномочил.

— Белая Гавань находится под защитой Семерых, — объявила леди Леона. — Ваша красная королева и ее бог не страшны нам. Пусть себе насылает чары — молитвы святых мужей уберегут нас от зла.

— Хорошо сказано. — Лорд Виман потрепал сноху по плечу. — Лорд Давос, если вы вправду лорд… я знаю, чего хочет от меня ваш самозваный король. Стали, серебра и согнутого колена. — Подвинув свою тушу, лорд оперся на локоть. — Лорд Тайвин перед смертью предлагал Белой Гавани полное прощение за союз с Молодым Волком. Обещал вернуть мне сына за выкуп в три тысячи золотых драконов и подтверждение моей верности. Русе Болтон, назначенный Хранителем Севера, просит меня отказаться от притязаний на земли и замки Хорнвудов, обещая оставить неприкосновенными другие мои владения. Уолдер Фрей, его тесть, предлагает мне в жены одну из своих дочерей и готов предоставить женихов

моим внучкам, вот этим девицам у меня за спиной. Эти условия я нахожу щедрыми и вижу в них основу для долгого и прочного мира. Ты хочешь, чтобы я отверг их, Луковый Рыцарь, — ответь же мне: что предлагает лорд Станнис в обмен на признание его королем?

«Войну, скорбь и вопли сжигаемых заживо», — мог бы ответить Давос.

— Он дает вам случай исполнить свой долг. — Так ответил бы лорду сам Станнис, а десница — голос своего короля.

Лорд Виман снова обмяк на сиденье.

— Ясное дело. Долг.

— Белая Гавань не выстоит в одиночку. Вы нуждаетесь в его величестве не меньше, чем он в вас. Только сообща вы победите ваших общих врагов.

— Милорд, — вмешался сир Марлон, — вы позволите мне задать лорду Давосу пару вопросов?

— Сделайте милость, кузен, — закрыл глаза лорд.

— Скажите, сколько северных лордов присягнуло Станнису на нынешний день?

— Могу назвать вам Арнольфа Карстарка.

— Арнольф — кастелян, а не лорд. Сколькими замками располагает лорд Станнис?

— Его величество избрал Твердыню Ночи своей резиденцией. На юге ему принадлежат Штормовой Предел и Драконий Камень.

— Долго он их не удержит, — заметил мейстер Теомор. — Оба эти замка защищены слабо и скоро падут. Что до Твердыни, это населенные призраками руины — место, наводящее ужас.

— Сколько человек может Станнис вывести в поле? — продолжал сир Марлон. — Сколько у него рыцарей, сколько лучников, вольных всадников, латников?

Мало. Станнис привел на север не больше полутора тысяч, но если сказать об этом здесь, миссию можно считать проваленной. Давос не находил слов.

— Ваше молчание достаточно красноречиво, сир. Ваш король не даст нам ничего, кроме новых врагов. Ваша милость спрашивали Лукового Рыцаря, что предлагает нам Станнис, позвольте же дать ответ за него. Поражение и смерть, вот что. Он хочет, чтобы вы сели на воздушного коня и бились скованным из ветра мечом.

Лорд открыл глаза медленно, с заметным усилием.

— Мой кузен, как всегда, зрит в корень. Есть у тебя что сказать, Луковый Рыцарь, или положим

этому фарсу конец? Твоя рожа мне уже надоела.

Давоса охватило отчаяние. Надо было Станнису послать кого-то другого — лорда, рыцаря, мейстера, умеющего молоть языком без запинки.

— Смерть? Я не спорю, — выпалил он. — Ваша милость потеряли на Красной Свадьбе одного сына, я на Черноводной потерял четверых, и все это из-за Ланнистеров, обманом занявших трон. Поезжайте в Королевскую Гавань и взгляните на Томмена сами, если мне веры нет. Это даже слепому видно. Вы спрашиваете, что предлагает вам Станнис? Мщение. За моих сыновей и за ваших, за мужей, и отцов, и братьев. Мщение за вашего убитого лорда, за вашего убитого короля, за ваших зарезанных принцев.

— Мщение! — отозвался ему тонкий голос девушки с зеленой косой. — Они убили лорда Эддарда, и леди Кейтилин, и короля Робба. Он был отважный и добрый, а Фреи убили его. Если лорд Станнис хочет отомстить за него, мы должны примкнуть к лорду Станнису.

— Вийла, — привлек к себе внучку лорд Виман. — Каждый раз, как ты открываешь рот, мне хочется отдать тебя Молчаливым Сестрам.

— Я сказала только…

— Мы слышали, — вмешалась старшая. — Еще

одна детская глупость. Сказать такое о наших друзьях, один из которых скоро станет твоим лордом и мужем!

— Ну уж нет, — замотала головой младшая. — Убийца короля? Никогда.

— Выйдешь замуж как миленькая, — запыхтел лорд. — В назначенный день ты произнесешь свои брачные обеты, иначе взаправду пойдешь к Молчаливым Сестрам и ни одного словечка больше не скажешь.

— Прошу вас, дедушка… — перепугалась бедная бунтовщица.

— Тише, дитя, — сказала леди Леона. — Слушайся своего лорда-дедушку. Ты ничего не понимаешь во взрослых делах.

— Я помню обещание, — заартачилась девочка. — Скажите им, мейстер Теомор! За тысячу лет до Завоевания в Волчьем Логове, перед старыми богами и новыми, была дана клятва. Волки приняли нас, несчастных изгнанников, к себе, кормили, защищали от наших врагов. Этот город выстроен на земле, которую они дали нам, а мы взамен поклялись, что всегда будем их людьми — людьми Старков!

Мейстер потеребил цепь у себя на шее.

— Такая клятва в самом деле была дана Стар-

кам из Винтерфелла. Но Винтерфелл пал, и дома Старков больше не существует.

— Потому что их всех убили!

— Лорд Виман, вы разрешите? — спросил еще один Фрей.

Мандерли кивнул.

— Мы всегда рады узнать ваше достойное мнение, Рейегар.

Рейегар Фрей — лет тридцати, узкоплечий, с заметным животиком, но в богатом дублете из мягкой шерсти с парчовой отделкой — ответил на комплимент поклоном. Плащ его из такой же серебряной парчи был оторочен беличьим мехом и застегнут пряжкой в виде двух башен.

— Верность — большое достоинство, леди Вийла, — сказал он девушке. — Надеюсь, вы будете столь же верны Уолдеру Малому, когда вас сочетают узами брака. Что до Старков, их род уничтожен лишь по мужской линии. Сыновья лорда Эддарда мертвы, но дочери живы, и младшая сейчас едет на север, чтобы стать женой отважного Рамси Болтона.

— Рамси Сноу, — презрительно поправила девушка.

— Называйте как вам угодно, но Арья Старк скоро станет его женой. Если вы верны древней

клятве, можете присягнуть ему, ибо он — будущий лорд Винтерфелла.

— Не бывать ему моим лордом! Он принудил леди Хорнвуд выйти за него, а после запер в темнице и уморил голодом. Она съела свои пальцы, прежде чем умереть!

По чертогу пронесся согласный ропот.

— Девушка права, — сказал крепкий человек в пурпурно-белом плаще, застегнутом двумя перекрещенными бронзовыми ключами. — Русе Болтон тоже не подарок, но с ним еще можно договориться, зато этот его бастард, по слухам, просто чудовище.

— По слухам? — усмехнулся в шелковистую бороду Рейегар. — Мало ли какие слухи распускают его враги. Молодой Волк, вот кто был настоящим чудовищем. Зверем, распираемым гордыней и жаждой крови. И верить ему нельзя было, как узнал на горьком опыте лорд Уолдер. Я не виню Белую Гавань за помощь, оказанную ему, — Фрей развел руками, — ведь ту же ошибку совершил и мой дед. Белая Гавань и Близнецы бились бок о бок под знаменами Старка, но он предал нас всех. Бросил Север на произвол Железных Людей, чтобы сколотить себе королевство на речных землях, а там и речных лордов бросил. Нарушил

брачное обещание, данное моему деду, и женился на первой встречной западной девке. Молодой Волк! Пес он был, мерзкий пес. И умер собачьей смертью.

В чертоге воцарилась мертвая тишина. Лорд Виман посмотрел на Рейегара, как на таракана, которого очень хочется раздавить… и кивнул, колыхнув многими подбородками.

— Истинно так. Гнусный пес, принесший нам только смерть и горе. Продолжайте, друг мой.

— Вот-вот, — поддакнул Фрей. — Смерть и горе. То же самое принесет вам этот толкующий о мести Луковый Рыцарь. Откройте глаза, как открыл их мой дед. Война Пяти Королей вот-вот закончится. Король у нас один: Томмен. Надо помочь ему залечить раны, оставленные этой прискорбной междоусобицей. Он занимает Железный Трон по праву как законный сын Роберта, наследник и оленя, и льва.

— Мудрые, правдивые речи, — одобрил лорд Виман.

— Нет, не правдивые! — топнула ножкой Вийла.

— Тише, несчастная, — шикнула ее мать. — Молодые девушки должны радовать глаз, а не огорчать уши.

«Единственного друга лишился», — подумал Давос, когда леди Леона схватила дочь за косу и вывела вон.

— Вийла всегда была своевольной, — в качестве извинения сказала ее сестра.

— Замужество ее укротит, — пожал плечами Рейегар Фрей. — Твердая рука и тихое слово творят чудеса.

— Молчаливые Сестры, если что, всегда под рукой, — подытожил лорд Виман. — Вот что, Луковый Рыцарь: с меня довольно. Ты хочешь, чтобы я рискнул своим городом ради ложного короля и ложного бога. Предлагаешь мне пожертвовать единственным уцелевшим сыном, чтобы Станнис Баратеон сел своей тощей задницей на чужой престол. Этого от меня не дождутся ни ты, ни твой лорд, ни кто бы то ни было. — Лорд Белой Гавани с усилием встал, и шея у него сразу побагровела. — Как был ты контрабандистом, так и остался. Приехал за моим золотом и кровью моих людей. Хочешь, чтоб мой сын головы лишился, а я рассужу по-другому и сниму с плеч твою. Стража, взять этого человека.

— Милорд, — сказал окруженный серебряными трезубцами Давос, — я приехал к вам как посол.

— Да ну? Тайком пробравшись в мой город?

Никакой ты не лорд, не рыцарь и не посол. Вор, шпион, лжец, изменник — вот кто ты есть. Язык бы тебе вырвать горячими щипцами, а самого отослать в Дредфорт, чтоб с тебя там кожу содрали. Благодари за милосердие Матерь Небесную и меня. — Лорд поманил к себе сира Марлона. — Приказываю вам, кузен, отвести его в Волчье Логово, отрубить ему руки и голову и показать оные части тела мне перед ужином. Я не съем ни куска, не увидев головы этого контрабандиста на пике — с луковицей, засунутой в лживый рот.

Вонючка

Ему дали лошадь, знамя, мягкий шерстяной дублет, теплый плащ на меху. Впервые за долгое время от него не воняло.

— Добудь нам этот замок, — сказал Дамон-Плясун, подсаживая дрожащего Вонючку в седло, — а не добудешь — скачи, пока не поймаем. Он любит такие забавы. — Дамон с ухмылкой ожег старую кобылу кнутом и пустил ее вскачь.

Вонючка не посмел оглянуться. Вдруг это новая шутка лорда Рамси, и Дамон с Желтым Диком и Молчуном следуют за ним по пятам? Вдруг Рамси просто хочет проверить, что станет делать его отпущенный на свободу пленник, — не попытается ли бежать? Разбитой, заморенной кляче нипочем не уйти от скакунов лорда Рамси и его свиты, а лорд страсть как любит пустить свою драгоценную свору по следу беглого.

Да и куда бежать? Позади лагерь; на одной стороне стоят люди Дредфорта, на другой Рисвеллы из Родников, между ними барроутонское войско. С юга ко Рву Кейлин движется по Королевскому тракту другая армия под знаменами Дредфорта, Фреи и Болтоны. К востоку от дороги омывает го-

лый берег холодное море, к западу простираются болота Перешейка, кишащие змеями, львоящерами и болотными дьяволами с ядовитыми стрелами.

Нет, пленник не побежит. Он должен добыть замок для своего господина.

День занялся серый, туманный. Ветер дул с юга, влажный, как поцелуй. Вдали в утренней дымке виднелись руины Рва. Кобыла шла шагом, с чмоканьем вытягивая копыта из серовато-зеленого ила.

Он уже ездил этим путем… Опасная мысль, непрошеная.

— Нет, — сказал он вслух, — это другой был, не ты. Ты тогда еще не знал своего имени. — Имя ему Вонючка. Надо запомнить. Вонючка, Вонючка, рифма колючка.

Когда тот другой человек ехал этим путем, с ним шло целое войско. Северяне под серыми с белым знаменами дома Старков. Вонючка едет один, держа сосновое древко мирного знамени. Другой ехал на резвом скакуне, Вонючка едет на костлявой кляче — медленно, потому что боится упасть. Тот был хороший наездник, а Вонючка в седле еле держится. Какой из него наездник, он и не человек даже. Скотина лорда Рамси,

ниже собаки, червяк в человеческом облике. «Прикинешься, будто ты принц, — говорил ему Рамси ночью, когда Вонючка отмокал в горячей воде, — хотя мы оба знаем, что ты Вонючка. Всегда будешь Вонючкой, как бы хорошо от тебя ни пахло. Не позволяй собственному носу тебя обмануть. Помни свое имя. Помни, кто ты такой».

«Я ваш Вонючка», — подтвердил пленник.

«Сделаешь для меня эту малость — станешь моей собакой и будешь каждый день трескать мясо. В какой-то миг ты почувствуешь искушение изменить мне. Бежать, дать отпор, перейти к врагу. Молчи, я еще не закончил. Хочешь солгать, чтобы я вырвал тебе язык? Человек так и поступил бы на твоем месте, но мы-то знаем, кто ты, так или нет? Если замыслишь измену, пересчитай сперва свои пальцы и подумай, чего это тебе будет стоить».

Вонючка знал цену. Семь пальцев. Священное число. С семью пальцами прожить можно. Больно было, когда лорд Рамси приказал Свежевальщику содрать кожу с безымянного. Ужас как больно.

Сырой воздух давил, на дороге стояли лужи. Вонючка огибал их, стараясь ехать по бревнам и доскам, которые проложил здесь авангард Робба Старка. От мощной некогда крепостной стены остались разрозненные камни, блоки черного ба-

зальта — их разве что сто человек могли на место поставить. Некоторые ушли в болото так глубоко, что только край виден, другие, в пятнах лишайника, валяются, словно раскиданные игрушки богов. Все блестят после ночного дождя — на утреннем солнце кажется, будто они смазаны черным маслом. За ними высятся башни.

Пьяная накренилась, будто упасть собирается, — уже пятьсот лет так стоит. Детская пряма, как копье, но обвалившийся верх открыт непогоде. Приземистая Воротная, самая большая из трех, вся покрыта мхом; на северной стороне из нее растет кривое дерево, с восточной и западной россыпью лежат камни. Карстарки взяли Пьяную, Амберы — Детскую, Воротную занял сам Робб.

Если закрыть глаза, можно увидеть, как трепещут на резком северном ветру знамена. Теперь от них и следа не осталось. Теперь дует с юга, и на многочисленных знаменах во Рву герб только один: золотой кракен[2] на черном поле.

За ним наблюдали. Из-за зубцов Воротной башни выглядывали чьи-то лица, в обрушенной короне Детской тоже чувствовалось движение. Это оттуда, по преданию, Дети Леса с помощью

---

[2] Сноски: 2
Гигантский кальмар, эмблема дома Грейджоев. — *Примеч. пер.*

водного молота раскололи Вестерос надвое.

Королевский тракт — единственная дорога через Перешеек, и башни Рва Кейлин закупоривают его с северного конца, как бутылку. Они расположены так, что любой враг, направляющийся с юга должен непременно пройти между ними. Задумав штурм одной из трех башен, неприятель подставит тыл стрелам с двух остальных, а взбираться будет по стенам, поросшим слизистой «шкурой призрака». Болота по обеим сторонам тракта непроходимы: там стерегут трясины, зыбучие пески и зеленый дерн, обманывающий неопытный глаз: ступишь на такой, а под ним вода. Там растут ядовитые цветы и водятся ядовитые змеи, не говоря уж о чудовищных львоящерах с зубами будто ножи. Не менее опасны местные жители, лягушатники — Фенны, Риды, Торфы, Боллы, Креи, Квогги, Грингуды и Блэктопы. Железные Люди кличут их всех разом болотными дьяволами.

Вонючка миновал разложившийся труп лошади с торчащей из шеи стрелой. Из пустой глазницы выползла белая змея. Тут же лежали останки всадника, исклеванного воронами и выпотрошенного хищниками. Чуть дальше из ила выступали лицо и пальцы другого убитого.

На подходе к башням трупы лежали густо. Из зияющих ран проросли бледные жгучецветы с лепестками пухлыми и влажными, как женские губы.

Люди в крепости нипочем его не признают. Некоторые, может, и вспомнят юношу, которым он был до того, как узнал свое имя, но Вонючка для них чужой. Он давно не смотрелся в зеркало, но знал, что из юноши стал стариком. Волосы, сильно поредевшие, поседели и высохли, самого ветром качает — тюрьма всю силу из него выпила.

И руки… Рамси дал ему хорошие перчатки из черной кожи, набитые шерстью, чтобы скрыть недостаток пальцев — но вблизи все равно видно, что три пальца не гнутся.

— Ни шагу дальше! — крикнули с башни. — Чего тебе надо?

— Поговорить. — Он пришпорил кобылу, замахал мирным знаменем. — При мне нет оружия.

Ему не ответили. Железные Люди решают, впустить его или нашпиговать стрелами. Пусть делают что хотят. Лучше умереть без мучений, чем вернуться к лорду Рамси ни с чем.

Через пару мгновений двери Воротной башни открылись.

— Давай сюда, быстро.

Вонючка двинулся на голос, и тут справа, из-за развалин стены, прилетела стрела. Она прорвала знамя и повисла над самым его лицом. Он так испугался, что выронил древко и скатился с седла.

— Да шевелись же, дурак!

Пока он на четвереньках карабкался по ступеням, над головой просвистела другая стрела. Кто-то втащил его внутрь и захлопнул позади него дверь. Вонючку подняли на ноги, прислонили к стене, приставили к горлу нож. Чья-то бородатая рожа придвинулась к нему так, что он видел все волоски в носу.

— Ты кто? Зачем притащился? Говори, не то и с тобой то же самое будет. — Бородач кивнул на позеленевший, кишащий червями труп на полу.

— Я Железный Человек. — Ложь, конечно. Юноша, который и впрямь был из Железных Людей, умер в темницах Дредфорта, и вместо него родился Вонючка. — Посмотри на меня: я твой принц, сын лорда Бейлона. — Настоящее имя почему-то застряло у него в горле. «Вонючка, Вонючка, рифма трясучка». На время о нем придется забыть. Вонючке, в каком бы он ни был отчаянном положении, замок никто не сдаст. Надо прикинуться принцем.

Бородач прищурился, подозрительно скривив рот. Зубы у него побурели, изо рта пахло элем и луком.

— Сыновья лорда Бейлона все убиты.

— Это братья убиты, а я живой. Лорд Рамси взял меня в плен в Винтерфелле и послал на переговоры. Кто главный, ты?

— Я-то? — Бородач убрал нож и отступил, чуть не споткнувшись о мертвеца. — Нет, милорд, где уж мне. — Кольчуга на нем проржавела, кожаная рубаха сгнила, на тыльной стороне ладони виднелась открытая язва. — Командиром у нас Ральф Кеннинг, а я так, при дверях.

— А это кто? — спросил Вонючка, пнув мертвое тело.

Страж уставился на труп так, точно видел его впервые.

— Он это… воды напился. Пришлось горло ему перерезать, уж больно орал. От живота, значит. Воду пить нельзя, на то у нас эль. — Глаза у бородача покраснели и воспалились. — Раньше-то мы мертвяков в подвал стаскивали, а теперь затопило. Трудиться никому неохота, вот они и лежат, где легли.

— Лучше бы в подвал. Отдать их воде, Утонувшему Богу.

— Там богов нету, милорд, — засмеялся страж. — Одни крысы да водяные змеи. Белые, толстые, с твою ногу. Иногда забираются по ступенькам и кусают, пока мы спим.

Вонючке вспомнились темницы под Дредфортом, трепещущая на зубах крыса, ее теплая кровь. Если он потерпит неудачу, Рамси снова отправит его туда, но сначала прикажет содрать кожу с другого пальца.

— Сколько у вас осталось людей?

— А кто его знает. Меньше, чем было. В Пьяной тоже вроде бы кто-то есть. В Детской никого — Дагон Кодд намедни ходил туда. Сказал, там было только двое живых — они мертвецов ели, ну он и убил их.

«Ров Кейлин уже пал, — понял Вонючка, — только гарнизону об этом сказать забыли».

— Мне надо поговорить с твоим командиром. — Он прикрывал рот, пряча выбитые зубы.

— С Кеннингом? — растерялся страж. — С ним не больно поговоришь, помирает он. Может, и помер уже. Не видал его уж не помню с каких…

— Проводи-ка меня к нему.

— А дверь кто будет стеречь?

— Он. — Вонючка снова пнул мертвеца.

— А чего, пусть, — засмеялся страж. — По-

шли. — Он взял факел из гнезда на стене, помахал им, чтобы раздуть, и повел Вонючку вверх по винтовой лестнице.

В комнате наверху было темно, дымно и очень душно. Узкое окошко завесили драной шкурой, на жаровне тлела целая глыба торфа. Пахло здесь болезнью, плесенью, нечистотами. Грязный тростник на полу давно не меняли.

На куче соломы, укрытый грудой мехов, трясся Ральф Кеннинг. Рядом были сложены меч, боевой топор, кольчуга, железный шлем. На его щите молния из облачной руки Штормового Бога била в бурное море, но краска облупилась, и дерево тронула гниль.

Гнил и сам Ральф, голый под своими мехами. Бледную распухшую плоть покрывали сочащиеся язвы и струпья, щека вздулась, шея налилась кровью, рука напоминала бревно и кишела мелкими белыми червяками. Много дней никто не прикасался к нему, не обмывал и не брил. Один глаз гноился, в бороде засохла блевотина.

— Что с ним? — спросил Вонючка.

— Болотный дьявол его подстрелил. Царапина вроде бы, да только они свои стрелы мажут дерьмом и разными ядами. Кипящее вино лили на рану — не помогло.

У Вонючки был свой способ лечения.

— Убей его. Он уже ничего не смыслит. Его черви едят.

— Капитан его командиром поставил, — ужаснулся латник.

— Прикончи его, как прикончил бы умирающего коня.

— Какого еще коня? Сроду у меня его не было.

Улыбчивый, с пылающей гривой… он кричал совсем как человек, вставал на дыбы, бил копытами в воздухе. Нет, нет. У Вонючки тоже никогда не было лошади.

— Не хочешь — я сам убью. — Вонючка взял меч Кеннинга, прислоненный к щиту — пальцев у него на это еще хватало. Когда он приставил острие к раздутому горлу раненого, кожа лопнула, выпустив наружу гной и черную кровь. Ральф дернулся и застыл. Ужасающая вонь наполнила комнату. Вонючка кинулся к лестнице, где воздух, хоть и сырой, был не в пример чище. Латник, перебарывая рвоту, ковылял следом. — Кто его заменяет? Где остальные?

— На башне… может, в чертоге. Пьют или спят. Пойдем, коли хочешь.

— Как не хотеть. — Рамси дал ему только день.

В высоком чертоге гуляли сквозняки, перенося

туда-сюда струйки дыма. Стены пятнал лишайник, в очаге, почерневшем от куда более жарких огней, горел торф. Посреди высился огромный, вытесанный из камня стол. Когда-то во главе его сидел Робб с Большим Джоном по правую руку и Русе по левую. Чуть ниже помещались Гловеры рядом с Хелманом Толхартом, а напротив них — Карстарк с сыновьями.

Теперь за столом сидели две дюжины Железных Людей, и лишь немногие из них подняли тусклые глаза на Вонючку. Он никого здесь не знал, но плащи на некоторых были застегнуты серебряными пряжками в виде трески. Кодды на Железных островах доброй славой не пользовались: мужчины слыли ворами и трусами, а женщины — распутницами, творящими блуд с собственными отцами и братьями. Неудивительно, что дядя, отплыв домой вместе с Железным Флотом, оставил здесь не кого-то, а их. Это облегчит задачу племяннику.

— Ральф Кеннинг умер, — объявил Вонючка. — Кто вместо него?

Люди за столом уставились на него. Один засмеялся, другой плюнул, третий спросил:

— Ты сам-то кто будешь?

— Сын лорда Бейлона. — «Меня зовут Вонюч-

ка… рифма тучка». — Я пришел сюда по приказу Рамси Болтона, лорда Хорнвуда и наследника Дредфорта, взявшего меня в плен в Винтерфелле. Его войско стоит к северу от вас, войско его отца к югу, но лорд Рамси готов проявить милосердие, если вы сдадите ему Ров Кейлин еще до захода солнца. — Он достал письмо, которое ему дали, и бросил на стол.

Один из Железных Людей взял послание, повертел в руках, ковырнул печать, оттиснутую в розовом воске.

— На кой нам пергамент? Мы сыра хотим. И мяса.

— Стали, — поправил другой, седобородый, с обрубком вместо левой руки. — Мечей, топоров. Еще сотню луков и стрелков к ним.

— Железные Люди не сдаются, — поддержал его третий.

— А как же мой отец? Лорд Бейлон сдался, когда Роберт проломил его стену. Иначе он погиб бы, и вы все вместе с ним. Сломайте печать и прочтите: это пропуск, написанный собственной рукой лорда Рамси. Выходите со мной наружу, сложите свои мечи. Его милость накормит вас, после чего вы беспрепятственно дойдете до Каменного Берега, найдете себе корабль и поплывете домой. В

противном случае вы умрете.

— Угрожаешь? — Один из Коддов встал — здоровенный, с глазами навыкате, с большим ртом и мертвенно-белой кожей. Отец, видать, его от рыбы прижил, но на боку у него висел длинный меч. — Дагон Кодд никому не сдастся.

«Только не это!» При мысли, что сделает с ним Рамси, Вонючка чуть штаны не намочил.

— Таков, значит, ваш ответ? Эта треска говорит от имени всех вас?

— Виктарион велел нам держаться, — неуверенно молвил впустивший его караульщик. — Я сам слыхал. «Держитесь до моего возвращения», — так он сказал при мне Кеннингу.

— Точно, — подтвердил однорукий. — Его позвали на вече, но он поклялся, что вернется сюда в короне из плавника и с тысячей Железных Людей.

— Мой дядя не вернется, — сказал Вонючка. — Вече короновало его брата Эурона, а Вороний Глаз ведет собственную войну. Не думайте, что имеете для Виктариона какую-то цену: он бросил вас здесь умирать. Соскреб вас, как ил с сапог при выходе из моря на берег.

На сей раз он попал в цель — это было видно по хмурым взглядам, которыми обменивались

защитники замка. Втайне они давно боялись, что их покинули, но слова Вонючки преобразили страхи в уверенность. Среди этого отродья невольников и морских женок не найдется ни одного капитана и потомка знатного дома.

— Нам вправду позволят уйти, если мы сдадимся? — спросил однорукий. — Так в этом письме и сказано? — Печать так никто и не вскрыл.

— Прочтите сами, — сказал Вонючка, почти уверенный, что грамотных среди них тоже нет. — Лорд Рамси поступает с пленными благородно, если и они достойно себя ведут. — У Вонючки он взял только пальцы и еще кое-что, хотя мог бы язык отрезать или ободрать ноги от бедра до ступни. — Сдайте ему мечи и будете жить.

— Лжешь, — обнажил меч Дагон Кодд. — С чего нам верить тому, кто носит прозвище Переметчивого?

«Да он пьян, — понял Вонючка. — Эль говорит за него».

— Хотите верьте, хотите нет. Я передал вам послание лорда Рамси и должен вернуться к нему. На ужин у нас дикий кабан и репа с крепким красным вином. Тех, кто пойдет со мной, тоже за стол пригласят, а остальные умрут не позже чем завтра. Лорд Дредфорта со своими рыцаря-

ми нападет с юга, а сын его с севера. Пощады не ждите. Счастье тем, кто погибнет в бою, — живых отдадут в руки болотных дьяволов.

— Хватит! — взревел Дагон Кодд. — По-твоему, Железных Людей можно напугать пустыми словами? Убирайся вон. Беги к своему хозяину, пока я не вспорол тебе брюхо и не заставил жрать свои потроха.

Внезапно его глаза выпучились еще больше, а во лбу вырос брошенный кем-то топорик. Кодд выронил меч, трепыхнулся, как рыба на крючке, и повалился на стол.

— Может, еще кто хочет? — спросил однорукий, показывая второй топорик. — Говорите, я охотно вам услужу. — От головы Дагона разбегались по каменной столешнице красные струйки. — Я вот, к примеру, намерен еще пожить и гнить тут не стану.

Кто-то хлебнул эля, другой плеснул из чаши на стол и смыл текущий к нему ручеек крови. Молчания никто не нарушил. Когда однорукий сунул топорик за пояс, Вонючка понял, что выиграл, и почувствовал себя почти человеком. Лорд Рамси будет доволен им.

Он собственными руками спустил знамя с кракеном — спасибо, что лорд Рамси оставил ему

несколько пальцев. Железные Люди, готовясь к отходу, провозились добрых полдня. Их было больше, чем думал Вонючка: сорок семь в Воротной башне и еще восемнадцать в Пьяной. Двое из них при смерти, еще пять не могли ходить. Оставалось пятьдесят восемь боеспособных — слабых, но при штурме они могли бы убить втрое больше людей лорда Рамси. «Он хорошо сделал, что послал к ним меня», — думал Вонючка, опять забираясь на свою клячу. Тощая колонна островитян потянулась следом за ним к военному лагерю.

— Мечи, кинжалы, луки оставьте здесь, — велел им Вонючка. — Всех вооруженных убьют на месте.

Назад они шли втрое дольше, чем Вонючка ехал сюда. Для четырех лежачих соорудили носилки, пятого тащил на спине его сын. Идущие чувствовали себя неуютно под прицелом болотных дьяволов, и Вонючка молился, чтобы лучник, если что, убил его сразу. Чтобы не умирать долго, как Ральф Кеннинг.

Однорукий, сильно хромая, шел во главе. Звали его Адрак Хамбл; на Большом Вике у него остались три морские жены и одна каменная.

— Трое были с брюхом, когда мы отплывали, —

хвастался он, — а у Хамблов двойняшки в роду. Как вернусь, первым делом сочту новых сынов — одного, глядишь, назову в твою честь, милорд.

«Ага. Назови Вонючкой, а будет шкодить — руби ему пальцы и корми его крысами». Вонючка плюнул в сторону, думая, что Ральфу Кеннингу, возможно, как раз повезло.

Когда впереди показался лагерь, стал моросить мелкий дождик. Часовой пропустил их молча. От залитых дождем костров несло дымом. Позади пленных возникли всадники, которых вел юноша с лошадиной головой на щите. Один из сыновей лорда Рисвелла, Рикард либо Роджер.

— Все здесь? — спросил он с высоты своего рыжего жеребца.

— Все, кто был жив, милорд.

— Я думал, их больше. Мы штурмовали их трижды, и трижды они давали отпор.

«Мы как-никак Железные Люди», — подумал Вонючка с гордостью. На миг он снова стал принцем, сыном лорда Бейлона, косточкой Пайка. Э, нет. Об этом даже думать опасно. Он Вонючка, рифма сучка.

Лай гончих возвестил о приближении лорда Рамси. С ним были Смерть Шлюхам, Свежевальщик, Алин-Кисляй, Дамон, Большой и Малый

Уолдеры. Собаки ворчали и скалились на чужих. Бастардовы девочки… нет, нет, нет. Ни в коем случае нельзя говорить при Рамси «бастард».

Вонючка слез с лошади, преклонил колено.

— Ров Кейлин ваш, милорд. Перед вами последние защитники замка.

— Я надеялся, их будет больше — они защищались стойко. — Светлые глаза Рамси блеснули. — Оголодали, поди? Дамон, Алин, позаботьтесь о них. Вино, эль и еды до отвала. Ты, Свежевальщик, проводи раненых к мейстерам.

— Да, милорд.

Железные Люди, бормоча слова благодарности, побрели к кострам в середине лагеря. Один хотел даже поцеловать кольцо лорда Рамси, но собаки не подпустили его, а Элисон тяпнула за ухо. По шее Кодда потекла кровь, но он все кланялся и благодарил милостивого лорда.

Когда все разошлись, Рамси сгреб Вонючку за волосы, притянул к себе и поцеловал в щеку.

— Старый дружище Вонючка. Они в самом деле приняли тебя за своего принца? Экие дурни эти Железные Люди. Боги сейчас смеются, должно быть.

— Они хотят вернуться домой, милорд. Ничего более.

— А чего хочешь ты, мой славный? — нежно, как влюбленный, прошептал Рамси. От него чудесно пахло подогретым вином и гвоздикой. — Столь доблестный подвиг заслуживает награды. Пальцы я тебе вернуть не могу, но все остальное… Хочешь получить обратно свою свободу? Вернуться вместе с этими воинами на суровые острова в сером море и снова стать принцем? Или предпочтешь остаться верным моим слугой?

Спину царапнул холодный нож. Осторожно, осторожно сейчас. Вонючке не нравился блеск в глазах его милости, не нравилась слюна в углу рта. Он уже видел прежде такие знаки. «Ты не принц, ты просто Вонючка, рифма тянучка. Отвечай так, как он хочет».

— Милорд, мое место здесь, рядом с вами. Я ваш Вонючка. Довольно будет меха с вином, красным, самым крепким, какое есть. Человеку иногда надо выпить.

— Ты не человек, Вонючка, ты моя тварь… но вино, так и быть, получишь. Позаботься об этом, Уолдер. Не бойся, в темницы я тебя не верну, слово Болтона. Будешь моей собакой. Мясо каждый день — зубов у тебя довольно, чтобы жевать. И спать будешь с моими девочками. Найдется ошейник для него, Бен?

— Изготовлен по моему заказу, милорд.

Кроме ошейника, старый псарь дал Вонючке рваное одеяло и половину курицы. Ее пришлось отбивать у собак, но так вкусно он не ел со времен Винтерфелла.

А вино… кислое, правда, но восхитительное. Вонючка сидел среди собак и пил, пока в голову не ударило. Поблевал, вытер рот, выпил еще и лег. Когда он проснулся, собака слизывала рвоту с его бороды и месяц то выныривал из туч, то прятался снова. Где-то слышались крики. Вонючка отпихнул собаку, повернулся на бок и снова заснул.

Наутро лорд Рамси отправил к своему лорду-отцу трех гонцов с уведомлением, что путь свободен. Над Воротной башней вместо спущенного Вонючкой золотого кракена Пайка развевался теперь болтонский человек с содранной кожей. На деревянных кольях, вбитых в болотистый грунт вдоль дороги, висели такие же трупы, шестьдесят три числом. У одного недоставало руки, другому сунули в зубы пергамент с невскрытой печатью.

Три дня спустя через руины, мимо жутких дорожных столбов проехал авангард Русе Болтона — четыреста Фреев в сером и голубом. Наконечники их копий сверкали, когда меж туч прорывалось солнце. Вели авангард два сына

лорда Уолдера. Один крепкий, мускулистый, с массивной челюстью, другой с голодными глазами, посаженными близко над острым носом, лысый и со слабым подбородком, плохо прикрытым жидкой каштановой бороденкой. Хостин и Эйенис. Вонючка помнил их еще с тех времен, когда его звали как-то иначе. Хостин похож на быка: разозлить его непросто, но коли уж разозлится, держись. Говорили, что он самый свирепый воин из всего потомства лорда Уолдера. Эйенис превосходит его годами, умом и жестокостью — он больше командир, чем боец. У них обоих большой опыт в военном деле.

Сразу за Фреями шли северяне, трепетали на ветру потрепанные знамена. Большей частью пешие, и осталось их мало. Вонючка помнил, какое огромное войско отправлялось с Роббом на юг под лютоволком Старков. Двадцать тысяч мечей и копий, никак не меньше, а назад вернулись едва ли двое из десяти, в большинстве своем люди Дредфорта.

В самой гуще колонны ехал человек в темно-сером панцире поверх кроваво-красного камзола из стеганой кожи. Рондели[3] в виде человеческих

[3] Сноски: 3

Диски на латных наплечниках, защищающие подмышки. — *Примеч. пер.*

голов с разверстыми ртами, казалось, кричали в муках, с плеч ниспадал розовый шерстяной плащ с вышитыми на нем каплями крови, за шлемом тянулись длинные ленты красного шелка. «Лорда Русе отравленной стрелой не убьешь», — подумал Вонючка. За ним шесть тяжеловозов тащили крытую повозку. Арбалетчики охраняли ее сзади и спереди, синие бархатные полотнища скрывали тех, кто сидел внутри.

Обоз — тяжело груженные телеги с провиантом, добычей и ранеными — опять замыкали Фреи, не меньше тысячи: лучники, копейщики, крестьяне с серпами и кольями, конные стрелки, вольные всадники и еще сотня рыцарей, чтобы держать их в узде.

Вонючка, опять в лохмотьях, при ошейнике, на цепи, шел вместе со всей сворой за лордом Рамси. Всадник в красном камзоле снял шлем, открыв незнакомое лицо, и радостная улыбка Рамси тут же прокисла.

— Это что, насмешка?

— Скорее предосторожность, — прошептал Русе Болтон, выходя из крытой повозки.

Лорд Дредфорта был не слишком похож на своего побочного сына. Чисто выбритое лицо, вполне заурядное, не красивое и не уродливое.

Он побывал в боях, но ни одного шрама на нем не осталось. Ему перевалило за сорок, но и морщин он тоже не нажил. Тонкие губы будто пропадали совсем, когда он сжимал их. Лицо без возраста, не выражающее почти ничего: не поймешь, гневается лорд или радуется. Общим у него с Рамси были только ледяные глаза. Плачет ли лорд Русе когда-нибудь, и если да, не замерзают ли слезы у него на щеках?

Когда-то юноша по имени Теон Грейджой насмехался над Болтоном на совете у Робба Старка, передразнивал его тихий голос и отпускал шуточки о пиявках. В своем ли он был уме? С таким, как этот лорд, шутки плохи. С первого взгляда ясно, что в одном мизинце у него на ноге жестокости больше, чем во всех Фреях разом.

— Отец… — Рамси преклонил перед ним колено.

— Встань, — разрешил, чуть помедлив, лорд Русе. В повозке с ним сидели две женщины; Болтон поочередно помог им выйти.

Первая была маленькая, очень толстая, с круглым красным лицом. Под собольим капюшоном плаща болтались три подбородка.

— Моя молодая жена, — представил ее Русе. — Мой внебрачный сын, леди Уолда. Поцелуй руку

своей мачехе, Рамси. — Рамси поцеловал. — А леди Арью, свою нареченную, ты должен хорошо помнить.

Эта была тоненькая, выше, чем помнил Вонючка, — но девочки в ее возрасте растут быстро. Поверх серого шерстяного платья с оторочкой из белого атласа был накинут горностаевый плащ, скрепленный серебряной головой волка. Темно-каштановые волосы падали ниже лопаток.

«Она не дочь лорда Эддарда», — мгновенно понял Вонючка. У Арьи глаза серые, старковские. Она могла отрастить волосы, подрасти сама, и грудь у нее могла округлиться, но цвет глаз изменить нельзя. Это не Арья, это подружка Сансы, дочка стюарда. Джейни, вот как ее звали. Джейни Пуль.

— Лорд Рамси, — присела девочка. Тоже неправильно: Арья Старк ему бы в лицо плюнула. — Я надеюсь стать хорошей женой и подарить вам сильных сыновей, ваших наследников.

— Подаришь, — пообещал Рамси. — Долго ждать не придется.

Джон

Свеча догорела в лужице воска, но сквозь ставни проникал дневной свет: Джон опять уснул за работой. На столе громоздились высокие стопки книг. Он сам перетащил их сюда, а до того половину ночи рыскал с фонарем по пыльным подвалам. Сэм был прав: книги настоятельно требуется разобрать, привести в порядок, но кто будет заниматься этим — неграмотные стюарды? Придется ждать, пока не вернется Сэм.

Если вернется. Джон опасался за него и мейстера Эйемона. Коттер Пайк из Восточного Дозора докладывал, что с «Вороны-буревестницы» видели разбитую галею у побережья Скагоса, но не разобрали, что это за корабль: «Черный дрозд», кто-то из наемников Станниса или торговое судно. Джон хотел отправить Лилли с ребенком в безопасное место, а вместо этого, возможно, послал их на смерть.

Тут же на столе стыл вчерашний ужин, почти не тронутый. Хлеб был черствый, но миску Скорбный Эдд до краев наполнил знаменитым жарким Трехпалого Хобба из трех видов мяса. Братья шутили, что эти три вида — баранина, баранина

и баранина, но лук, морковка и репа было бы еще ближе к истине. Содержимое миски подернулось слоем застывшего жира.

Боуэн Мурш, когда король Станнис освободил покои лорда-командующего, настаивал на переезде в Королевскую башню, но Джон отказался. Переезд означал бы, что он не надеется на возвращение короля.

Странная апатия овладела Черным Замком после отбытия Станниса: и черные братья, и одичалые словно затаили дыхание, ожидая, что будет дальше. Дворы и трапезная пустовали почти все время; на фоне серого неба чернели руины башни командующего и превратившаяся в груду бревен старая трапезная; башня Хардина выглядела так, будто ветер вот-вот повалит ее. Тишину нарушал только перезвон мечей на оружейном дворе, да Железный Эммет орал на Хоп-Робина, требуя держать щит повыше.

Умывшись и одевшись, Джон перекинулся парой слов со злосчастным Хоп-Робином и другими учениками Эммета. Предложение Тая сопровождать лорда-командующего он, как всегда, отклонил. Народу вокруг него будет достаточно — еще двое, если дело дойдет до стычки, ничего не решат. Длинный Коготь он взял, однако, и

Призрак бежал за ним по пятам.

Скорбный Эдд на конюшне уже оседлал коня. Телеги грузились под бдительным надзором лорда-стюарда — румяный от холода Мурш разъезжал вдоль колонны, указывал, распекал. Увидев Джона, он покраснел еще больше.

— Лорд-командующий, вы по-прежнему настаиваете на этом…

— Безрассудстве? Вы ведь именно так хотели сказать, милорд? Да, я настаиваю, и не будем начинать снова. Восточному Дозору нужны люди, Сумеречной Башне нужны люди, Серому Дозору и Ледовому Порогу они тоже нужны. Добавьте сюда еще четырнадцать пустых замков и незащищенные лиги Стены.

— Лорд-командующий Мормонт… — поджал губы Мурш.

— …погиб, — договорил Джон. — И убили его не одичалые, а присяжные братья, которым он доверял. Как он поступил бы на моем месте, нам с вами знать не дано. — Джон повернул коня. — Довольно болтать — трогай!

— В гранате косточек больно много, — заметил Эдд в спину Муршу, — как бы не подавиться. По мне лучше репа — от нее человеку никакого вреда.

В таких случаях Джону больше всего недоставало мейстера Эйемона. Клидас хорошо ходит за воронами, но у него нет и десятой доли знаний и опыта Эйемона Таргариена, не говоря уж о мудрости. Боуэн по-своему неплохой человек, но рана, полученная у Моста Черепов, ожесточила его, и он талдычит одно: запечатай ему ворота. Молчаливый Отелл Ярвик напрочь лишен воображения, а первые разведчики мрут, едва успев получить назначение. «Ночной Дозор лишился самых лучших своих людей, — думал Джон, глядя, как трогаются повозки. — Старый Медведь, Куорен Полурукий, Донал Нойе, Джармен Баквел, дядя Бенджен…»

Когда колонна повернула по Королевскому тракту на юг, пошел легкий снег. Длинный обоз, сопровождаемый дюжиной копейщиков и дюжиной лучников, тянулся мимо полей, ручьев, лесистых холмов. Взять охрану посоветовал Мурш, заметив в Кротовом городке недовольство, приглушенные проклятия и косые взгляды, а Джон с ним против обыкновения согласился.

Возглавлял колонну лорд-стюард, Джон со Скорбным Эддом ехали чуть позади.

— Гляньте-ка на того пьянчугу, милорд, — сказал оруженосец в полумиле от Черного Замка.

Пьянчугой звался старый ясень, покосившийся от долгих ветров. Теперь у него появилось лицо: стиснутые губы, сломанная ветвь вместо носа. Два глубоко врезанных глаза смотрели на север, замок и Стену.

Одичалые не забыли старых богов, и Джона это не удивляло. От своих богов отказаться не так-то легко. Торжественное действо, что Мелисандра устроила под Стеной, на деле оборачивалось пустой скоморошиной.

— На тебя похож, Эдд, — пошутил Джон.

— У меня, милорд, на носу листьев нету, а впрочем, похож… Леди Мелисандра этого не одобрит.

— Она не увидит, если не проболтается кто-нибудь.

— Она видит разные вещи в пламени.

— Ага. Головешки.

— И горящих людей. Меня, не иначе — с листьями на носу. Всегда боялся, что меня сожгут на костре. Умереть бы сначала, что ли.

Джон оглянулся. Кто же его вырезал, этот лик? Вокруг Кротового городка поставлена стража, чтобы вороны не бегали к одичалым женщинам, а вольный народ не промышлял на большой дороге. Тот, кто поработал над этим ясенем, явно проскочил мимо постов, а там, где прошел один,

пройдут и другие. Придется удвоить стражу, уведя еще больше людей от Стены.

Снег все шел, телеги катились по мерзлой грязи. На следующей миле им встретился еще один лик: глаза, вырезанные в старом каштане, смотрели на деревянный мостик через ручей.

— Чем дальше, тем хуже, — отметил Эдд.

На одной из облетевших ветвей каштана, над самым ручьем, сидел нахохлившийся от холода ворон. При виде Джона он распустил крылья и заорал. Джон свистнул, и птица слетела ему на кулак с криком:

— Зерно, зерно!

— Зерно везут вольному народу, а не тебе. — Не пришлось бы грядущей зимой и воронов тоже съесть…

Возницы, конечно, тоже видели лик на стволе, хотя и молчали. Манс-Разбойник как-то сказал, что поклонщики в большинстве своем овцы. «Овец стерегут собаки, но с вольным народом все не так просто. Одни из нас — сумеречные коты, а другие — что твои камни. Одни гуляют где вздумается и рвут в клочья ваших собак, другие не двинутся, пока пинка им не дашь». И никто из них, будь то сумеречный кот или камень, не откажется от богов, которым поклонялся всю

жизнь, в пользу нового, которого знать не знает.

На подступах к городку им предстал третий лик, вырезанный на стволе огромного дуба за самой околицей. Экий недружелюбный, подумал Джон. Лики, вырезанные в незапамятные времена на чардревах Первыми Людьми и Детьми Леса, тоже часто бывали суровыми, но этот дуб смотрел особенно гневно — того и гляди вырвет из земли корни и кинется на обозных. Раны в стволе отражали столь же свежие раны неведомых резчиков.

Кротовый городок был куда больше, чем представлялся с виду — больше половины его спасалось от снега и холода под землей. Старый магнар теннов, идя на Черный Замок, предал огню пустые дома, оставив лишь обгорелые камни и бревна, но подземные ходы, погреба и склепы остались в целости. Там, подобно кротам, от которых городок получил свое имя, и укрывался теперь вольный народ.

Повозки полумесяцем выстроились перед сожженной кузницей. Румяные детишки, воздвигавшие поблизости снежную крепость, при виде черных братьев разбежались по своим норам, откуда вскоре начали выползать взрослые. Вместе с ними из-под земли повалил запах немытых

тел, грязной одежды, мочи, нечистот. Один из дозорных сморщил нос и что-то сказал соседу.

Вот как, дескать, пахнет свобода, предположил Джон. Братья частенько прохаживались насчет кротовых дикарей и их вони.

Что за тупость. Вольный народ ничем не отличается от людей Ночного Дозора: одни из них чистюли, другие грязнули, и чистота, как многое другое, зависит от обстоятельств. Когда тысяча человек живут в подземельях, рассчитанных разве на сотню, розами от них пахнуть не может.

Одичалые, уже привыкшие к распорядку, стали в очередь. На каждого мужчину приходились три женщины, за юбки которых часто держались худенькие, бледные дети. Грудные младенцы встречались редко: почти все они умерли во время похода или в королевском частоколе после сражения.

Джастин Масси насчитал триста боеспособных мужчин. К ним следует причислить пятьдесят — шестьдесят копьеносиц, а может, и до сотни дойдет. Масси считал бойцов, Фелл — увечных. Вот они, около двадцати человек: на самодельных костылях, с пустыми рукавами и недостающими кистями рук, одноглазые, с половиной лица. Безногого двое друзей вынесли на руках. Серые,

истощенные, сломленные. Упыри — не единственная разновидность живых мертвецов.

Это, однако, не ко всем мужчинам относится. У одной из нор сгрудились полдюжины теннов в бронзовой чешуе: эти смотрят угрюмо и в очередь не становятся. А вон та лысая громадина в разрушенной кузнице — Халлек, брат Хармы Собачьей Головы. Сестриных свиней при нем больше нет — съели их, несомненно. Те двое в мехах, стоящие босиком на снегу, — Рогоногие, настоящие дикари. Нет, волки среди овец еще попадаются.

Вель напомнила Джону об этом, когда он зашел к ней в последний раз.

«У вольного народа с поклонщиками больше сходства, чем различий, Джон Сноу. Мужчины остаются мужчинами, а женщины женщинами, по какую бы сторону от Стены они ни родились. У нас, как и у вас, есть свои герои и трусы, честные люди и подлецы, свои лжецы, свои звери».

Она права, конечно. Вопрос в том, как отделить овец от козлищ.

Братья раздавали еду — солонину, вяленую треску, сушеные бобы, морковку и репу, ячмень и пшеничную муку, яйца в маринаде, яблоки, лук.

— Либо лук, либо яблоко, — сказал Волосатый

Хел одной женщине. — Выбирай.

— Мне надо две луковки и два яблока, — упрямилась та. — Для меня и моего мальчика. Он хворает — вот съест яблочко и поправится.

— Пусть сам придет, — не уступал Хел. — За луковкой или за яблоком. То и другое нельзя. Ну, так что? Говори скорее, тут очередь.

— Яблоко, — выбрала женщина, и Хел вручил ей сморщенный плод.

— Шевелись, женщина, — крикнул мужчина за три человека от нее. — Холодно.

— Дай еще одно, — взмолилась она. — Для сына. Он совсем маленький.

Хел посмотрел на Джона, тот покачал головой. Яблок мало: если всем раздавать по два, задним ничего не достанется.

— Да уйди ты. — Девушка, стоявшая позади, толкнула женщину в спину. Та упала, выронив яблоко и рассыпав все остальное: бобы, репу, муку.

Сердитые голоса закричали что-то на древнем языке и на общем, у другой повозки началась свалка.

— Этого мало, — негодовал старик. — Голодом нас хотите уморить, вороны проклятые?

Упавшая женщина, стоя на коленях, собирала

еду. Где-то совсем рядом сверкнула сталь, стрелки Дозора наставили луки.

— Успокой их, Рори, — приказал Джон. Тот поднял к губам большой рог.

— АААААААААоооооооооооооо.

Все затихли. Заплакал ребенок. Ворон Мормонта перебрался с левого плеча Джона на правое, мотая головой и бормоча:

— Сноу, Сноу.

Джон, дождавшись полной тишины, выехал вперед так, чтобы все могли его видеть.

— Мы даем вам все, что только можем. Яблоки, лук, репу, морковь. Впереди долгая зима, и наши запасы не беспредельны.

— Вы-то сами едите досыта, — сунулся к нему Халлек.

«Да… до поры до времени».

— Мы держим Стену, которая защищает государство… а значит, и вас. Вы знаете, с каким врагом мы имеем дело, знаете, что грядет. Многие из вас видели их — упырей и Белых Ходоков, синеглазых мертвецов с черными пальцами. Я тоже видел, и дрался с ними, и отправил одного в пекло. Они убивают и шлют против нас убитых. Их не смогли побороть ни великаны, ни тенны, ни племена с замерзшей реки, ни Рогоногие, ни

вольный народ… А теперь, когда дни становятся все короче и ночи все холоднее, враг только крепнет. Зачем вы пришли на юг сотнями и тысячами, бросив свои дома? Чтобы спастись от них. А спасает вас Стена и мы, вороны, которых вы так презираете.

— Спасаете и морите голодом, — бросила обветренная коренастая женщина — копьеносица, скорее всего.

— Еду мы бережем для бойцов. Приходи на Стену, и будешь есть не хуже ворон. — «И не лучше, когда запасы подойдут к концу».

Одичалые молча, настороженно переглядывались.

— Есть, — каркнул ворон. — Зерно, зерно.

— Драться за вас? — сказал на ломаном общем Сигорн, молодой магнар теннов. — Лучше убить. Вас всех.

— Убить, убить, — захлопал крыльями ворон.

На старого магнара рухнула лестница при штурме Черного Замка. «Я чувствовал бы то же самое, попроси меня кто-нибудь примкнуть к Ланнистерам», — сказал себе Джон.

— Твой отец как раз этого и хотел, — напомнил он Сигорну. — Он был смелый человек, но потерпел неудачу. И кто держал бы Стену, добейся он

своего? У Винтерфелла тоже были крепкие стены, но теперь этот замок сожжен и лежит в руинах. Стена — это люди, которые ее защищают.

— Убиваете нас, голодом морите, — жаловался старик, прижимая репку к груди, — а теперь вот рабами хотите сделать.

— Да я лучше голый буду ходить, чем напялю ваши черные тряпки, — заявил краснорожий увалень.

— Даже родная жена не захочет глядеть на тебя голого, Гузно, — засмеялась копьеносица.

Шум поднялся сызнова. Тенны орали на древнем, ревел чей-то малец. Джон снова подождал, пока все не угомонились.

— Что ты сказал той женщине, Хел? Повтори.

— А чего? — растерялся тот. — Выбирай, сказал, яблоко или луковка.

— Вот именно. Каждому из вас придется сделать свой выбор. Присягу давать вас никто не просит, и мне все равно, каким богам вы будете поклоняться. Сам я молюсь богам Севера, но вы вольны выбрать красного бога или Семерых — словом, кого захотите. Нам нужны только копья, луки и глаза, глядящие со Стены. Принимаю всех мальчишек старше двенадцати, умеющих держать копье или натягивать тетиву. Беру стариков,

раненых и калек: для тех, кто больше не может драться, найдутся другие дела. Стрелы делать, коз доить, собирать хворост, чистить конюшни… мало ли что. Возьму и женщин — копьеносиц, не беззащитных красавиц.

— А девочек? — осведомился ребенок не старше Арьи.

— Как исполнится шестнадцать, милости просим.

— Мальчишек-то берете с двенадцати!

В Семи Королевствах мальчики двенадцати лет служат пажами и оруженосцами, обучаясь военному ремеслу, — но то на юге.

— Будь по-твоему. Девочек, начиная с двенадцати, тоже приму, только соблюдайте порядок. Это не только ребят касается, взрослых тоже. На колени становиться не надо, но капитанов и сержантов вы обязаны слушаться. Они вам скажут, что носить, когда спать и когда вставать, когда пить, когда есть, когда обнажать мечи и стрелы пускать. Братья Ночного Дозора служат всю свою жизнь — от вас я такого не требую, но на Стене все должны повиноваться моим приказам. Кто не послушается, тому срублю голову. Спросите моих братьев, они видели, как я это делаю.

— Срублю, — крикнул ворон. — Срублю, сруб-

лю.

— Выбор за вами, — продолжал Джон. — Согласные нам помочь пойдут со мной в Черный Замок, где их накормят и дадут оружие. Остальные пусть лезут обратно в норы и жуют там репу и лук.

— Я умею драться, — сказала похожая на Арью девчушка, протиснувшись между двумя стариками. — Моя мать была копьеносицей.

Джон кивнул. Ей, поди, нет и двенадцати, но не отказывать же первому рекруту.

К ней присоединились двое парнишек лет по четырнадцати, за ними вышел одноглазый мужчина.

— Я тоже видал мертвяков — вороны и те лучше их. — Рекруты пошли один за другим: высокая копьеносица, старик на клюшках, сухорукий подросток, рыжий парень, напомнивший Джону об Игритт.

Следующим был Халлек.

— Ты мне не по нраву, ворона, но Манса мы с сестрой тоже не больно любили. За него мы дрались, значит и за тебя можно.

После него от добровольцев отбою не стало. Прав был Король за Стеной, говоривший Джону: «За именем и зверюшками на камзолах вольный народ не пойдет. И за деньги плясать не станет, и

на твоих предков ему наплевать. Эти люди пойдут только за сильным, за истинным вожаком».

Вперед выходили родичи Халлека, знаменосцы Хармы, ее бойцы и те, кто был наслышан о ее подвигах. Выходили старики и мальчишки, воины в расцвете сил, раненые, калеки, около двадцати копьеносиц, даже трое Рогоногих.

Из теннов не вызвался ни один. Их магнар ушел обратно под землю, и все остальные последовали за ним.

Когда последние остатки еды были розданы, одичалые набились в телеги, и обоз, в котором прибавилось шестьдесят три человека, покатил назад в Черный Замок.

— Что вы будете с ними делать? — спросил Джона Боуэн Мурш.

— Вооружать, обучать и распределять. В Восточный Дозор, в Сумеречную Башню, в Ледовый Порог, в Серый Дозор. И еще три форта открою.

— Женщин тоже? — Мурш оглянулся назад. — Братья к такому непривычны, милорд. Наши обеты… начнутся драки, насилие…

— Эти женщины умеют за себя постоять, и ножи у них есть.

— Что же будет, когда одна из них перережет глотку кому-то из наших братьев?

— Мы лишимся одного человека. Вы считаете лучше меня, милорд. Поправьте, если я ошибаюсь, но с учетом сегодняшнего набора у нас все-таки останется на шестьдесят два больше, чем было.

— Мы приобрели шестьдесят три лишних рта, — не сдавался Мурш, — но сколько из них способны сражаться и чего стоит их верность? К Иным они вряд ли перебегут, согласен… Но что, если к воротам придут Тормунд или Плакальщик с десятью тысячами вопящих головорезов?

— Вот тогда и узнаем. Будем делать свое дело и надеяться, что этого не случится.

Тирион

Ему снились Лорд-Покойник и собственный лорд-отец. Во сне они были единым целым; когда отец обхватил его каменными руками и собрался подарить ему серый поцелуй, Тирион очнулся с ржавым привкусом крови во рту и колотящимся сердцем.

— Наш мертвый карлик вернулся к нам, — сказал Хелдон.

Тирион потряс головой, сбрасывая остатки сна. Горести. Он заблудился в Горестях.

— Я не мертвый.

— Это мы еще поглядим. Утка, будь хорошей птичкой, подогрей нашему дружку суп. Он, должно быть, изголодался.

Тирион лежал на палубе «Робкой девы» под колючим, пахнущим уксусом одеялом. Горести позади. Он тонул, и ему привиделся сон.

— Почему я весь провонял уксусом?

— Лемора тебя натерла — говорят, будто это помогает от серой хвори. Сомнительно, конечно, но и вреда никакого. Лемора и откачала тебя, а Грифф вытащил. Ты был холодный как лед, губы синие. Яндри хотел бросить тебя обратно, но

парень ему не дал.

Принц… Память вернулась разом: каменный человек с серыми потрескавшимися руками, проступившая из костяшек кровь. Тяжелый, как валун, он тянул Тириона вниз.

— Грифф вытащил? — Сильна, должно быть, его ненависть — иначе он дал бы карлику утонуть. — Сколько я так провалялся? Где мы?

— В Селхорисе. — Хелдон достал из рукава ножик и бросил Тириону. — Держи.

Нож воткнулся между ногами карлика в палубу.

— Зачем это? — спросил Тирион, вытаскивая лезвие.

— Сними сапоги и уколи каждый палец по очереди.

— Больно же!

— Надеюсь, что так. Давай.

Тирион стащил сапоги, снял чулки. Пальцы вроде бы выглядели не хуже и не лучше обычного. Он осторожно кольнул большой.

— Сильнее, — велел Полумейстер.

— До крови, что ли?

— Если понадобится.

— Струпья будут, как заживет.

— По-твоему, ты разулся, чтобы их сосчитать?

Если больно, значит, все хорошо. Бойся, если ничего не почувствуешь.

Серая хворь. Тирион, кривясь, уколол другой палец и выругался при виде капельки крови.

— Больно. Доволен?

— Впору плясать от радости.

— Ноги у тебя, Йолло, пахнут похуже моих. — К ним подошел Утка с чашкой бульона. — Говорил же Грифф: каменных трогать не надо.

— Он забыл сказать им, чтоб меня не трогали.

— Смотри, не посерела ли кожа на пальцах, не чернеют ли ногти, — наставлял Полумейстер. — Если заметишь что-то такое, не медли. Лучше потерять палец, чем всю ступню, и руку потерять лучше, чем выть всю жизнь на Мосту Мечты. Попробуй другую ногу, а потом займешься пальцами на руках.

Карлик, переложив ноги, стал колоть пальцы другой.

— Может, и хрен кольнуть?

— Это боли не причинит.

— Тебе разве что. Его я согласен отрезать, он все равно мне без надобности.

— Валяй. Сделаем из него чучелко и продадим как амулет. Член карлика имеет волшебную силу.

— Это самое я говорил своим женщинам. — Тирион, кольнув большой палец руки, слизнул выступившую кровь. — Долго мне еще мучиться? Когда мы удостоверимся, что я чист?

— А никогда. Ты полреки выхлебал — может, твои сердце и легкие уже каменеют, и уксус в таком разе тебя не спасет. Иди супу поешь, как закончишь.

Суп был хорош, но Полумейстер все время держался на той стороне стола. «Дева» стояла у пристани на восточном берегу Ройна. С волантинской речной галеи через два причала от них сходили солдаты. Под стеной из песчаника ютились лавки, ларьки, склады, над ней виднелись башни и купола города, красные на закате.

Впрочем, какой это город — так, городишко. И управляют им из Волантиса.

Лемора, выйдя с принцем на палубу, тут же кинулась к Тириону и крепко его обняла.

— Хвала милосердной Матери! Мы молились за тебя, Хугор.

«Разве что ты одна».

— Так и быть, злиться на вас не стану.

Молодой Грифф приветствовал его не столь бурно, дуясь из-за того, что его не пустили на берег с Изиллой и Яндри.

— Мы просто бережем тебя в это неспокойное время, — сказала ему Лемора.

— По пути из Горестей мы трижды видели на восточном берегу едущих на юг всадников, — объяснил Полумейстер. — Дотракийцев. Однажды слышали даже, как в их косах звенят колокольчики, а ночью за восточными холмами видны их костры. И корабли встречали, волантинские речные галеи с рабами-солдатами на борту. Триархи явно опасаются нападения на Селхорис.

Правильно опасаются. Из крупных речных портов один только Селхорис стоит не на западном берегу, и набеги кочевников грозят ему больше, чем городам за рекой. Да только какая с него пожива? Будь Тирион кхалом, он притворился бы, что идет на Селхорис, заставил волантинцев выступить на защиту этого городка, а сам повернул бы на юг и двинулся на Волантис.

— Я умею пользоваться мечом, — твердил молодой Грифф.

— Даже храбрейшие из твоих предков шагу не ступали без своих гвардейцев в опасные времена. — Тирион пристально наблюдал за Леморой, сменившей наряд септы на платье, приличное скорее жене или дочери состоятельного купца. Он сразу учуял правду под крашеными синими

волосами обоих Гриффов, Изилла и Яндри тоже были не так просты, как хотели казаться, Утка загадки не представлял, но Лемора… Кто она и зачем здесь? Не ради золота, это точно. Что для нее этот принц и септа ли она в самом деле?

Хелдон тоже заметил, что она переоделась.

— Чему мы должны приписать столь внезапную утрату веры? Ты мне больше нравилась в одеянии септы, Лемора.

— Мне она больше нравилась голой, — сказал Тирион.

— Оттого что ты порочен насквозь, — упрекнула его Лемора. — Одежда септы кричит о Вестеросе и привлекает к нам нежелательное внимание. Ты здесь не единственный, кто должен скрываться, принц.

Парень продолжал дуться. Принц до мозга костей, но наполовину еще ребенок, ничего не ведающий о пороках и скорби этого мира.

— Принц Эйегон, — сказал Тирион, — раз уж мы оба коротаем часы на лодке, не угодно ли вам будет сыграть в кайвассу?

— Кайвасса мне надоела, — буркнул тот.

— Надоело проигрывать карлику?

Это задело его гордость, на что и рассчитывал Тирион.

— Тащи доску. На этот раз я тебя побью.

Играли они на палубе, сидя поджав ноги за надстройкой. Впереди своего войска молодой Грифф поставил драконов, слонов, тяжелых коней. Стратегия юноши, смелая, но безрассудная. Он рискует всем ради быстрого результата. Первый ход был за ним, Хелдон наблюдал за игрой.

Когда принц потянулся к дракону, Тирион кашлянул.

— Я не стал бы на вашем месте. Не стоит слишком скоро вводить драконов в игру. Ваш отец знал, как опасна может быть излишняя смелость.

— Ты знал моего родного отца?

— Видел пару раз, но мне было всего десять, когда Роберт его убил. Мой собственный родитель держал меня под скалой. Нет, не могу сказать, что знал принца Рейегара, зато ваш приемный отец лорд Коннингтон очень хорошо его знал. Был ему близким другом.

Молодой Грифф откинул с глаз синий локон.

— Они вместе служили оруженосцами в Королевской Гавани.

— Надо быть настоящим другом, чтобы хранить нерушимую верность внуку короля, который отнял у тебя все земли и титулы и отправил тебя

в изгнание. Жаль, что его не было в Королевской Гавани, когда мой отец грабил город, — глядишь, и не дал бы размозжить головку маленького принца о стену.

— Это был не я! — вспыхнул мальчик. — Я ведь тебе рассказывал. Дубильщик с Вонючей Канавы, чья жена умерла в родах, продал своего сына лорду Варису за кувшин борского золотого. У него были другие дети, а такого вина он в жизни не пробовал. Варис отдал сына дубильщика моей матери, а меня унес прочь.

— Да-да. — Тирион двинул вперед слонов. — А когда младенца с Канавы благополучно убили, евнух отправил вас за Узкое море к своему другу, торговцу сырами, который укрыл вас на плоскодонке и попросил опального лорда стать вашим приемным отцом. Замечательная история. Певцы будут петь об этом, когда вы займете Железный Трон… если, конечно, прекрасная Дейенерис возьмет вас в мужья.

— Возьмет. Ей придется.

— Придется? Королевам не по вкусу такие слова. Вы у нас настоящий принц, я согласен — умный, смелый и собой хороши, любая девушка заглядится, но Дейенерис Таргариен больше не девушка. Она вдова дотракийского кхала и мать

драконов, Эйегон Завоеватель с женскими грудками. Еще неизвестно, захочет ли она вас.

— Конечно, захочет. — Раньше принцу явно не приходило в голову, что невеста может ему отказать. — Ты ее просто не знаешь. — Он стукнул по доске тяжелым конем.

— Я знаю, что детство она провела в изгнании, — пожал плечами карлик. — В бедности. Жила мечтами и планами, бегала из города в город, в вечном страхе, не зная покоя, не имея друзей, кроме старшего брата, полубезумного, кого ни спроси… Брат и продал ее невинность дотракийскому кхалу в обмен на войско, которое тот ему обещал. Потом, неведомо откуда, вылупились ее драконы… и она вместе с ними. Знаю еще, что она горда, как же иначе? Что осталось у нее, кроме гордости? Знаю, что она сильная — к слабости дотракийцы испытывают презрение; будь Дейенерис слабой, она погибла бы заодно с Визерисом. Знаю, что она может быть свирепой, — Астапор, Юнкай и Миэрин служат тому доказательством. Она пересекла травяное море и красную пустыню, спаслась от наемных убийц, заговорщиков, колдунов, лишилась брата, мужа и сына, подмяла рабовладельческие города под свои маленькие сандалии. Как, по-вашему, по-

ступит такая королева, когда вы явитесь к ней с чашкой для подаяния и скажете: «Доброе утро, тетушка, я ваш племянник Эйегон, восставший из мертвых. Всю свою жизнь я прожил на плоскодонке, но теперь смыл синюю краску с волос и стал похож на дракона… И Железный Трон я, кстати, наследую прежде вас»?

Эйегон в бешенстве скривил рот.

— Я приду к своей тетке не нищим. Я приду как родич, во главе войска.

— Весьма небольшого. — Это должно разозлить мальчика еще больше. «У меня прямо-таки талант злить принцев», — подумал Тирион, невольно вспомнив о Джоффри. — Своим собственным большим войском Дейенерис не вам обязана. — Тирион сделал ход арбалетами.

— Говори что хочешь, она все равно будет моей женой. Лорд Коннингтон за этим присмотрит — я верю ему, как родному.

— Это вам следовало бы пойти в дураки, а не мне. Доверять, мой принц, нельзя никому. Ни вашему мейстеру без цепи, ни вашему лжеотцу, ни бравому Утке, ни прелестной Леморе — никому из близких людей, растивших вас с малолетства. В первую же голову не верьте торговцу сырами, Пауку и маленькой королеве, на которой хотите

жениться. Это недоверие проест вам желудок и не даст спать по ночам, но лучше уж это, чем вечный сон. — Карлик перевел черного дракона через горный хребет. — Впрочем, откуда мне знать? Ваш приемный отец — знатный лорд, а я так, обезьянка… Хотя на вашем месте все же действовал бы иначе.

— Как? — встрепенулся принц.

— Я бы направился не на восток, а на запад. Высадился бы в Дорне и поднял свои знамена. Семь Королевств созрели для завоевания как никогда прежде. На Железном Троне сидит мальчуган, на севере царит хаос, в речных землях разруха, Штормовой Предел и Драконий Камень в руках мятежника. Когда придет зима, будет голод. И кто же решает все эти вопросы, кто управляет маленьким королем, правящим Семью Королевствами? Моя дражайшая сестрица, и никто более. Джейме не правитель, он боец и чурается всякой власти. Мой дядя Киван был бы неплохим регентом, но его никто не поставит на этот пост, а сам он добиваться не станет: боги создали его подчиненным, не вожаком. — «Боги и мой лорд-отец», — мысленно поправился Тирион. — Мейс Тирелл охотно принял бы скипетр, но мои родичи этого опять-таки не допустят. Станниса

ненавидят все как один — кто же нам остается? Одна Серсея. В это самое время она, без сомнения, врачует раны своего государства… посыпая их солью. Она добра, как король Мейегор, любит ближних, как Эйегон Недостойный, и мудра как Безумный Эйерис. Никогда не забывает обид, подлинных или воображаемых. Осторожность она принимает за трусость, несогласие за вызов. Главная ее черта — это жадность: до власти, до почестей, до любви. Томмен держится благодаря союзам, которые с таким тщанием заключал наш отец, но Серсея вскоре разрушит их все до единого. Высадитесь в Дорне, поднимите знамена, и простолюдины, лорды и рыцари к вам валом повалят. И не ждите слишком долго, мой принц. Благоприятный для вас прилив может смениться отливом. Идите на Вестерос, пока не свергли мою сестру и ее место не занял кто-нибудь поумнее.

— Но как нам победить без Дейенерис с ее драконами?

— Побеждать нет нужды. Все, что вам нужно, — это созвать под свои знамена сторонников и держаться, пока Дейенерис не придет на подмогу.

— А вдруг она меня не захочет, как ты сказал?

— Я могу ошибаться. Возможно, она сжалит-

ся, когда вы попросите ее руки с надлежащим смирением… поставите свой трон против женских капризов. Поход на Вестерос — дело иное. Тут вы уже мятежник, а не проситель. Смелый, безрассудный, истый отпрыск дома Таргариенов, идущий по стопам Эйегона Завоевателя, одним словом — дракон. Нашу королеву я, повторяю, хорошо изучил. Услышав, что сын Рейегара жив и что сей храбрый юноша снова поднял драконье знамя и ведет неравный бой, чтобы отомстить за отца и вернуть Железный Трон дому Таргариенов, она ринется к вам на помощь со всей скоростью волн и ветра. Вы последний в ее роду, а наша Матерь Драконов и Разбивающая Оковы — спасительница по сути своей. Женщина, потопившая в крови несколько городов ради освобождения совершенно чужих ей невольников, едва ли бросит в беде сына родного брата. И когда она прибудет в Вестерос, вы встретитесь на равных, как мужчина и женщина — не как королева с просителем. Как же ей будет не полюбить вас? — Тирион с улыбкой пронес над доской своего дракона. — Прошу прощения, ваше высочество, но ваш король заперт. Еще четыре хода, и ему смерть.

— Но мой дракон… — уставился на доску мо-

лодой Грифф.

— …слишком далеко, чтобы спасти вас. Надо было бросить его в самую гущу боя.

— Но ты сам сказал…

— Я солгал. Не верьте никому и держите дракона близко.

Принц, вскочив, перевернул доску. Фигуры запрыгали по всей палубе.

— Собери их, — приказал Эйегон.

Может, он и вправду Таргариен.

— Слушаюсь, ваше высочество. — Тирион опустился на четвереньки и принялся собирать.

Изилла и Яндри вернулись на борт ближе к сумеркам. Носильщик катил за ними тачку с мукой, солью, только что сбитым маслом, глыбами завернутого в полотно сала, яблоками, апельсинами и грушами. Яндри нес на плече винный бочонок, Изилла — щуку величиной с Тириона.

Увидев на верхнем конце сходней карлика, она остановилась как вкопанная и чуть не упустила щуку обратно в реку, когда Яндри налетел на нее, — рыбу спас Утка. Женщина ткнула в сторону Тириона тремя пальцами, чтобы отвести зло, и с гневом встретила его предложение помочь Утке:

— Нет уж! Не смей прикасаться к еде, кроме той, которую сам ешь!

— Как скажешь, — воздел руки карлик.

Яндри, свалив бочонок на палубу, спросил Хелдона:

— А где Грифф?

— Спит.

— Буди его. Есть новости, которые он должен услышать. В Селхорисе только и разговору, что о королеве. Говорят, ее накрепко зажали в Миэрине, и Волантис будто бы скоро пойдет на нее войной.

— Не стоит верить торговцам, — поджал губы Хелдон, — но Грифф все равно захочет послушать — ты же знаешь, какой он.

Стало быть, на запад она так и не двинулась… Тому есть много причин. Между Миэрином и Волантисом пятьсот лиг: горы, пустыни, болота, руины и недоброй славы Мантарис, город чудовищ. Где ей еще пополнить запасы воды и провизии, если она пойдет сушей? Морем, конечно, быстрее, но при отсутствии кораблей…

Когда на палубу вышел Грифф, щука, на которую Изилла выжимала лимон, уже шипела над углями. Наемник был, как всегда, в кольчуге, волчьем плаще, кожаных перчатках и темных панталонах. При виде пришедшего в себя Тириона он не изменил своей обычной хмурой

гримасы. Они с Яндри ушли на корму и повели разговор так тихо, что карлик не слышал.

Потом Грифф поманил к себе Хелдона.

— Надо разобраться, насколько эти слухи правдивы. Ступай на берег и разузнай все, что сможешь. Постарайся найти Каво, он должен знать. В «Речной», в «Расписной черепахе»... ну, ты помнишь.

— Карлика тоже возьму: четыре уха лучше, чем два. Опять же Каво на кайвассе помешан.

— Бери, если хочешь. Вернуться вы должны до восхода; идите к Золотым Мечам, если почему-то задержитесь.

«Приказывает, как лорд», — подумал Тирион, но смолчал.

Хелдон надел плащ с капюшоном, Тирион сменил шутовской наряд на серый и незаметный. Грифф вручил каждому кошель с серебром из сундуков Иллирио, чтобы развязывать языки.

Сумерки переходили в ночь. На одних судах подняли сходни и затаились, с других вооруженные люди подозрительно провожали взглядами идущих по набережной мужчин. В торговых палатках зажигали разноцветные пергаментные фонарики, при свете которых Хелдон то зеленел, то лиловел, то краснел. Над какофонией множе-

ства языков слышалась непривычная уху музыка, флейта и барабаны. Где-то позади лаял пес.

Шлюхи уже вышли на промысел. Порт остается портом, морской он или речной, а где корабельщики, там и шлюхи. Может, они все отправляются к морю?

Продажные девки Ланниспорта и Королевской Гавани — свободные женщины, но их селхорисские сестры были рабынями: на это указывала татуировка в виде слезы под правым глазом у каждой. Все до единой страшны как грех и такие же старые; так вот и отучишься по девкам ходить. Они хихикали и перешептывались, глядя на Тириона, — карликов не видали, дуры?

У речных ворот несли караул волантинцы с копьями, в когтистых перчатках. Вся эта сталь сверкала при свете факелов. Их шлемы изображали тигриные морды, татуированные щеки были расписаны зелеными полосами. Тирион знал, что рабы-солдаты Волантиса своими тигриными полосками очень гордятся. Мечтают ли они о свободе? Что станут делать, получив ее из рук молодой королевы? Они тигры, и больше никто — ну, а он лев.

Один из них сказал что-то про Тириона, насмешив остальных. Потом снял с руки перчатку с

когтем и потрепал Тириона по голове. Карлик так опешил, что даже сопротивляться не стал.

— Это еще зачем? — спросил он у Хелдона.

— Говорит, это к счастью — потрогать голову карлика, — объяснил тот, поговорив со стражником на его родном языке.

Тирион заставил себя улыбнуться.

— Скажи ему, что отсосать у карлика будет еще надежнее.

— Лучше не надо: у тигров острые зубы.

Другой стражник, махнув факелом, дал им знак проходить. Тирион с опаской ковылял по пятам за Хелдоном.

Перед ними открылась большая площадь, шумная и ярко освещенная даже в столь поздний час. Фонари здесь — уже не из пергамента, а из цветного стекла — висели на железных цепях у гостиниц и веселых домов. Справа, у красно-каменного храма, пылал костер, и жрец в алых одеждах проповедовал с балкона немногочисленным прихожанам.

Перед гостиницей играли в кайвассу, пьяные солдаты гурьбой входили в бордель, женщина у конюшни дубасила мула. Мимо прошел карликовый белый слон, запряженный в тележку на двух колесах. Новый мир, не слишком отличающийся

от старого, знакомого Тириону.

Над площадью высилась белая мраморная статуя человека без головы в затейливо изукрашенных латах, верхом на боевом коне в таких же доспехах.

— Кто такой? — спросил Тирион.

— Триарх Хоронно, волантинский герой Кровавого Века. Его выбирали ежегодно на протяжении сорока лет; потом ему надоели выборы, и он провозгласил себя триархом пожизненно. Волантинцы остались недовольны и в скором времени разорвали триарха двумя слонами.

— Я думал, что обезглавили.

— Он был тигр. Слоны, придя к власти, начали сшибать головы статуям тех, кого винили в войнах и гибели своих соотечественников. Но это было давно — послушаем лучше, что говорит жрец. Могу поклясться, что он сказал «Дейенерис».

Народу у храма прибавилось, а маленькому человеку в толпе видны разве что задницы.

— Ты понимаешь его? — спросил Тирион на общем.

— Пойму, если карлик не будет тявкать мне в ухо.

— Я не тявкаю. — Тирион оглянулся на задних:

сплошь татуировки, четверо рабов на одного свободного.

— Жрец призывает волантинцев выступить на войну, — стал переводить Полумейстер, — но не просто так, а на стороне Рглора, Владыки Света, создателя солнца и звезд, вечного борца с тьмой. Ниэссос и Малакуо отвернулись от света, дав тени желтых гарпий Востока упасть на них…

— Он сказал «драконы». Я понял.

— Да. Драконы вознесут ее к славе.

— Кого, Дейенерис?

Хелдон кивнул.

— Бенерро шлет из Волантиса весть, что с ее приходом исполнилось древнее пророчество. Она родилась из дыма и соли, чтобы создать заново этот мир. Она — возрожденный Азор Ахаи… после ее победы над тьмой настанет лето, которому не будет конца… сама смерть склонит колено… и все, кто сражался на ее стороне, возродятся.

— В тех же телах? — полюбопытствовал Тирион. Толпа сжималась вокруг него все теснее. — А этот Бенерро, он кто?

— Верховный жрец волантинского красного храма. Пламя Истины, Светоч Мудрости, смиренный раб Рглора.

Единственным знакомым Тириону красным

жрецом был Торос из Мира, тучный выпивоха, душа нараспашку. Он ошивался при дворе Роберта, пил королевские вина и зажигал огненный меч на турнирах.

— Предпочитаю испорченных толстых жрецов, — сказал карлик. — Пусть себе сидят на мягких подушках, вкушают сласти и пялят мальчиков. От истинно верующих одни неприятности.

— Эти неприятности нам, может, и на руку. Я знаю, где надо искать ответ. — Хелдон направился мимо обезглавленного героя к большой гостинице. Над ее дверью висел громадный черепаший панцирь, расписанный яркими красками, внутри пылали, как далекие звезды, около сотни красных свечей. Пахло жареным мясом с приправами; девушка-рабыня с татуировкой черепахи на щеке разливала бледно-зеленый напиток.

— Вон они, — показал Хелдон с порога.

Двое мужчин, сидя в нише за каменным столиком для кайвассы, щурились на фигуры при красной свечке. Один тощий, желтый, с редкими черными волосами и острым носом, другой плечистый, пузатый и кудри штопором. Ни один не поднимал глаз, пока Хелдон не придвинул к ним стул со словами:

— Мой карлик играет в кайвассу лучше вас двоих вместе взятых.

Толстяк, пренебрежительно взглянув на пришельцев, ответил что-то по-волантински, слишком быстро для Тириона, а тощий спросил на общем:

— Ты что, продаешь его? Триарху пригодился бы такой карлик.

— Йолло не раб.

— Жаль, — сказал тощий, делая ход ониксовым слоном.

Толстяк выдвинул из гипсовых рядов тяжелого коня.

— Напрасно, — заметил Тирион, принимая предложенную Полумейстером роль.

— Вот именно. — Тощий ответил собственным тяжелым конем и очень скоро, после череды быстрых ходов, молвил с улыбкой: — Смерть, друг мой.

Толстяк сердито встал и проворчал что-то.

— Полно, — засмеялся его противник. — Не так уж он и воняет, наш карлик. Ну-ка, человечек, — добавил он, указывая Тириону на пустой стул, — серебро на стол, и мы посмотрим, каков ты игрок.

Во что же ему предстоит играть? Тирион за-

брался на стул.

— На полный желудок и с чашей вина под рукой я играю не в пример лучше.

Тощий, согласно кивнув, приказал рабыне принести еды и питья.

— Благородный Каво Ногарис служит в Селхорисе таможенным офицером, — пояснил Хелдон. — В кайвассе я его ни разу не побеждал.

— Быть может, я буду счастливее. — Тирион, поняв Полумейстера с ходу, принялся складывать монеты из кошелька в столбик, пока улыбка Каво не остановила его.

Игроки принялись расставлять фигуры по обе стороны ширмы, а Хелдон спросил:

— Какие новости снизу? Говорят, война будет?

— Юнкай хочет этого, — пожал плечами Каво. — Они там величают себя мудрыми господами… Не знаю, как мудрости, а хитрости им точно не занимать. Их посол привез сюда сундуки золота, драгоценных камней и двести рабов — мальчиков и юных девушек, обученных пути семи вздохов. Он устраивает роскошные пиры и раздает щедрые взятки.

— Выходит, юнкайцы купили ваших триархов?

— Только Ниэссоса. — Каво, убрав ширму, обо-

зрел позицию Тириона. — Малакуо, старый и беззубый, не перестал быть тигром, а Донифоса в другой раз не выберут. Город рвется воевать.

— Чего ради? — спросил Тирион. — Миэрин далеко за морями — чем это милое дитя так обидело Старый Волантис?

— Милое? — засмеялся Каво. — Если верить хотя бы половине того, что слышно из залива Работорговцев, это дитя — прямо-таки чудовище. Тех, кто высказывается против нее, она сажает на колья, и они умирают медленно и мучительно. Говорят еще, что она колдунья и кормит своих драконов новорожденными младенцами; что она насмехается над богами, нарушает договоры, грозит послам и немилостива к тем, кто верно ей служит. Похоть ее ненасытна: она совокупляется с мужчинами, женщинами, евнухами, собаками и детьми — и горе тому, кто не сумеет удовлетворить ее страсть. Отдаваясь мужчинам, она забирает взамен их души.

«Если бы она захотела отдаться мне, я бы с радостью вручил ей мою карликову душонку», — мысленно сказал Тирион.

— Эти слухи распускают рабовладельцы, изгнанные ею из Астапора и Миэрина, — сказал Хелдон. — Гнусная клевета, и ничего более.

— Умная клевета всегда приправлена правдой, — заметил Каво, — и в одном эта девочка повинна наверняка. Она возомнила, что может в одиночку уничтожить торговлю рабами, которая никогда не ограничивалась заливом Работорговцев. Драконья королева всего лишь мутит воды океана, опоясывающего весь мир. Господа древней крови за Черной Стеной спят вполглаза, слушая, не точат ли рабы у них на кухнях ножи. Рабы выращивают для нас урожай, чистят наши улицы, учат наших детей. Стерегут наши стены, гребут на наших галеях, бьются за нас. Теперь они смотрят на восток и видят зарю молодой королевы, разбивательницы оков. За это ее ненавидит не только Старая Кровь, но даже и бедняки. Самый последний нищий выше, чем раб, а драконья королева хочет отнять у него эту утеху.

Тирион начал с копейщиков, Каво ответил легким конем. Подвинув арбалетчиков на одну клетку, карлик сказал:

— Красный жрец там снаружи полагает, что Волантису следует драться за серебряную королеву, а не против нее.

— Красным жрецам лучше придержать языки. Уже случались стычки между их паствой и теми, кто верит в других богов. Бредни Бенерро падут

на его же голову.

— О чем же он бредит? — спросил Тирион, перебирая пешки.

— Тысячи рабов и вольноотпущенников Волантиса каждую ночь собираются на храмовой площади и слушают, как Бенерро вещает о кровавых звездах и огненном мече, который очистит мир. Говорит, что Волантис будет сожжен, если триархи подымут оружие против серебряной королевы.

— Такое пророчество и я мог бы изречь. А вот и ужин!

Девушка подала козлятину с луком, снаружи поджаристую, внутри нежную и сочную. Мясо обожгло Тириону пальцы, но он тут же потянулся за следующим куском и запил еду бледно-зеленой волантинской настойкой — не вино, но близко к тому.

— Вкусно, даже очень. — Он съел своим драконом слона Каво Ногариса. — Самая сильная фигура в игре — а у Дейенерис Таргариен их, говорят, целых три.

— Три против трижды трех тысяч врагов. Граздан мо Эраз — не единственный посланник Желтого Города. В поход на Миэрин вместе с мудрыми господами выступят легионы Нового

Гиса, толосийцы, элирийцы и даже дотракийские кхалы.

— Дотракийцы замечены у самых ваших ворот, — сказал Хелдон.

— Кхал Поно, — небрежно махнул рукой Каво. — Они приходят, получают от нас дары и уходят. — Его катапульта съела белого Тирионова дракона, и началась бойня, хотя карлик продержался еще с дюжину ходов. — Плач и рыдание, — бросил Каво, сгребая монеты. — Еще раз?

— Не стоит, — сказал Хелдон. — Карлик получил хороший урок — можно возвращаться на лодку.

Костер на площади еще горел, но жрец удалился, и толпа разошлась. В окнах борделя мерцали свечи, изнутри слышался женский смех.

— Ночь еще молода, — сказал Тирион. — Каво, возможно, кое о чем умолчал, а шлюхи от клиентов чего только не слышат.

— Так не терпится побыть с женщиной, Йолло?

— Собственные пальцы быстро надоедают. — Почему бы шлюхам не отправляться в Селхорис? Тиша может быть здесь, в этом доме, с татуировкой-слезой на щеке. — Я чуть было не утонул — после такого мужчину особенно тянет

к женщине. И надо же мне проверить, окаменел мой член или нет.

— Подожду тебя в таверне у ворот в гавань, — засмеялся Хелдон. — Не застревай там надолго.

— Насчет этого можешь не волноваться. Женщины стараются отделаться от меня как можно скорее.

Бордель был скромен по сравнению с теми, которые Тирион посещал в Ланниспорте и Королевской Гавани. Хозяин говорил, похоже, только на волантинском, но звон серебра понимал хорошо. Он провел Тириона в длинную, пахнущую благовониями комнату, где скучали четыре рабыни в разных стадиях обнаженности. Две прожили никак не менее сорока лет, младшей было пятнадцать-шестнадцать. Красотой они сильно превосходили гаваньских шлюх, хотя и оставляли желать много лучшего. Одна была явно беременна, другая просто толстуха, с железными колечками в обоих сосках. Слезы под глазом украшали всех четырех.

— Нет ли у вас девушки, говорящей на языке Вестероса? — Хозяин не понял, и Тирион повторил свой вопрос на классическом валирийском. На этот раз тот уловил что-то и ответил по-волантински. Тирион ухватил только «закатная

девушка» — из западных королевств, очевидно.

В заведении нашлась лишь одна такая — не Тиша. Веснушчатые щеки и рыжие тугие кудряшки сулили столь же веснушчатую грудь и рыжий лобок.

— Сойдет, — сказал Тирион, — и подай нам штоф красного, чтобы в масть.

Девка взирала на его ополовиненный нос с омерзением.

— Я оскорбляю твой взор, дорогая? Не только твой; мой лорд-отец подтвердил бы это, кабы не помер.

Несмотря на свою вестеросскую внешность, на общем она не знала ни слова: ее, видимо, увезли в рабство еще ребенком. На полу в ее каморке лежал мирийский ковер, и тюфяк был набит не соломой, а перьями. Тириону случалось предаваться разврату и в худших условиях.

— Скажешь, как тебя звать? Нет? — Кислое крепкое вино перевода, к счастью, не требовало. — Тогда к делу. Спала раньше с чудовищем? Теперь твой час пробил. Раздевайся и ложись, если тебе угодно. Если не угодно, тоже ложись.

Она смотрела, не понимая. Тирион взял у нее штоф и задрал ей юбки на голову. Тогда она исполнила требуемое, хотя и без особого пыла. У

Тириона так долго не было женщины, что он кончил почти мгновенно и скатился с нее больше пристыженный, чем довольный. До чего же он дошел…

— Ты Тишу, случайно, не знаешь? — спросил он, глядя, как стекает на постель его семя. — А куда шлюхи отправляются? Тоже нет? — Спина у нее вся в рубцах, глаза неживые — с тем же успехом он мог поиметь и труп. Даже на ненависть у нее сил не хватало.

Он схватил штоф обеими руками и начал пить. Красная жидкость струилась в горло, стекала по подбородку, капала с бороды на тюфяк. При свече она казалась темной, как вино, сгубившее Джоффри. Допив, карлик отбросил штоф и принялся шарить по полу. Ночного горшка не нашлось, и вырвало его на восхитительный, мягкий как ложь мирийский ковер.

Женщина подняла крик. Ясное дело, спросится-то с нее.

— Отрежь мне голову и отошли в Королевскую Гавань, — покаянно предложил Тирион. — Моя сестра сделает тебя леди, и никто больше не будет бить тебя плетью. — Э, что слова тратить попусту. Тирион раздвинул ей ноги и взял ее еще раз — это она, во всяком случае, понимала.

Вина больше не было, он тоже иссяк. Тирион собрал шлюхины одежки и бросил к порогу. Намек был весьма прозрачный, и она улетучилась, оставив его одного в темноте. Он лежал на ее постели, но спать боялся — по ту сторону яви его поджидали Горести. Каменные ступени винтом уходили ввысь, наверху стоял Лорд-Покойник. Тириону ничуть не хотелось встречаться с ним, поэтому он оделся и ощупью добрался до лестницы. Грифф с него шкуру спустит, и поделом. Если какой-то карлик заслуживает, чтобы с него сняли кожу заживо, то это Тирион Ланнистер.

На середине лестницы он оступился, скатился вниз кубарем, встал и поклонился удивленным донельзя шлюхам.

— Когда я выпью, еще и не то могу. Я твой ковер испортил, — сказал он хозяину. — Не ругай девушку, я тебе заплачу. — Отсыпал пригоршню серебра и услышал сзади:

— Бес.

В темном углу комнаты сидел мужчина, держа на коленях девку. Тирион ее раньше не видел — если б видел, пошел бы наверх с ней, а не с той конопатой. Моложе остальных, тоненькая, с длинными серебристыми волосами. Лиссенийка скорее всего, но тот, у кого она сидит на коленях,

точно из Семи Королевств. Здоровенный, плечистый, лет сорока, если не больше. На голове плешь, на морде щетина, костяшки пальцев и те волосатые.

Тириону он не понравился сразу, а черный медведь у него на камзоле понравился еще меньше. Надо быть рыцарем, чтобы носить шерсть в такую жару.

— Приятно слышать родной язык так далеко от дома, — вымолвил карлик, — но вы меня, боюсь, с кем-то спутали. Меня зовут Хугор Хилл. Могу я угостить вас чашей вина, друг мой?

— С меня уже хватит. — Рыцарь спихнул с колен девку и встал. Сняв свой пояс с колышка на стене, он достал меч. Женщины смотрели во все глаза, и огоньки свечей плавали в их зрачках. Хозяин исчез куда-то. — Ну, Хугор, теперь ты мой.

Не драться же с таким. Убежать от него тоже не убежишь… перехитрить — и то спьяну не выйдет.

— Что же ты со мной будешь делать? — спросил Тирион.

— Отвезу тебя к королеве.

Дейенерис

Галацца Галар прибыла в Великую Пирамиду со свитой из двенадцати Белых Благодатей. Эти дочери знатных семейств были еще слишком малы, чтобы отслужить положенный год в храмовых садах удовольствий. Они прямо-таки просились на полотно: гордая пожилая жрица в зеленом и девочки в белых платьях и покрывалах, в незримой броне невинности.

Королева, поручив Миссандее накормить и занять их, ужинала с Зеленой Благодатью одна.

Повара приготовили им восхитительного барашка в меду, с толченой мятой и мелкими зелеными фигами, которые так нравились Дени. За столом прислуживали двое ее любимых маленьких заложников, брат и сестра: худышка Гразхар и кроткая Квецца. Зеленая Благодать, которой они приходились родней, расцеловала их и спросила, хорошо ли они себя ведут.

— Очень хорошо, — заверила Дени. — У Квецы чудный голос, она иногда поет для меня, а Гразхар вместе с другими мальчиками учится в рыцарской школе сира Барристана.

— Рада слышать, что мои родичи угодили вашей

блистательности, — сказала Зеленая Благодать, пока Квецца наполняла ее чашу темно-красным вином. — Надеюсь, и я сумею. — Время выбелило ее волосы и сделало кожу пергаментной — только глаза, мудрые и печальные, горели яркой зеленью в тон ее облачению. — Простите великодушно, но вид у вашей блистательности усталый. Хорошо ли вы спите?

Дени с трудом удержалась от смеха.

— Не слишком. Прошлой ночью три квартийские галеи под покровом тьмы поднялись по Скахазадхану. Дети Неопалимой пускали огненные стрелы в их паруса и метали на палубу горшки с горящей смолой, но галеи быстро прошли мимо и заметного ущерба не потерпели. Квартийцы хотят и реку для нас закрыть, как закрыли залив, притом они более не одиноки. К ним подошли три галеи из Нового Гиса и каррака из Толоса. — В ответ на предложение заключить с ней союз толосийцы обозвали королеву шлюхой и потребовали, чтобы она вернула великим господам Миэрин. Это было предпочтительнее ответа Мантариса: оттуда ей с караваном прислали кедровый сундук, где обнаружились замаринованные головы трех ее посланников. — Разве что ваши боги помогут. Попросите их наслать шторм

и разметать вражеские галеи.

— Я помолюсь, принесу жертву. Быть может, боги Гиса услышат меня. — Галацца пригубила вино, не сводя глаз с Дени. — Но штормы бушуют не только в море. Мне сказали, что еще несколько вольноотпущенников погибли минувшей ночью.

— Трое. — Это слово отозвалось горечью во рту Дени. — Трусливые убийцы вторглись к ткачихам, никому не делавшим зла. У меня над кроватью висит гобелен, подаренный ими. Сыны Гарпии разломали на куски их станок, а женщин изнасиловали и перерезали им глотки.

— Да, так нам и передали. Но ваша блистательность имели милосердие не отвечать кровью на кровь. Не тронули никого из детей, живущих у вас в заложниках.

— Пока нет. — Дени привязалась к своим маленьким подопечным. Среди них есть застенчивые и дерзкие, ласковые и угрюмые, но все они дети и ни в чем не повинны. — Кто же будет наливать мне вино и прислуживать мне за ужином? — Она пыталась обратить всё в шутку, но жрица не улыбнулась.

— Говорят, будто Лысый хочет скормить их вашим драконам. Жизнь за жизнь — по ребенку

за каждого погибшего из Бронзовых Бестий.

Дени гоняла еду по тарелке. На Гразхара и Квецу она не смотрела, боясь расплакаться. У Лысого сердце жестче, чем у нее: они уже раз десять спорили из-за этих детей. «Сыны Гарпии смеются в своих пирамидах, — не далее как утром заявил он. — Какой толк в заложниках, если не убивать их?» В его глазах она слабая женщина, но с нее довольно одной Хазеи. Мир, купленный кровью детей, ей не нужен.

— Ночные убийства — не их рук дело, — сказала Дени, — а я хоть и королева, не мясничиха.

— Миэрин воздает за это хвалу богам. Я слышала, астапорский король-мясник мертв?

— Убит собственными солдатами, которым приказал выйти на бой с юнкайцами. — Эти слова тоже оставляли горечь на языке. — Не успел он остыть, как его место занял другой, нарекший себя Клеоном Вторым. Этот продержался восемь дней до того, как ему перерезали глотку. Убийца и наложница первого Клеона потребовали корону себе — астапорцы их кличут королем-душегубом и королевой-шлюхой. Их сторонники ведут уличные бои, а под стенами стоят юнкайцы со своими наемниками.

— Мы живем в скорбные времена. Угодно ли

вашей блистательности выслушать мой совет?

— Вы знаете, как я ценю ваши мудрые речи.

— Он прост: выходите замуж.

— Вот как. — Дени с самого начала ждала чего-то подобного.

— Вы часто изволите говорить, что совсем еще молоды, а с виду ваше великолепие и вовсе дитя. Вам нужен король, который возьмет на себя ваше непосильное бремя.

Дени подцепила кусочек баранины, откусила, медленно прожевала.

— Этот король сможет надуть щеки и загнать галеи Ксаро обратно в Кварт? Или снять осаду Астапора, хлопнув в ладоши? Сможет он накормить моих подданных и вернуть на мои улицы мир?

— А вы сами все это можете? Король не бог, однако сильный мужчина способен на многое. Народ смотрит на вас и видит заморскую пришелицу, которая хочет убить нас и взять в рабство наших детей. Гискарец из благородного дома примирил бы город с вашим правлением — иначе оно, боюсь, может закончиться так же, как началось: в крови и огне.

— Кого же боги Гиса прочат мне в короли и мужья?

— Гиздара зо Лорака, — не замедлила с ответом Галацца.

— Почему его? — не скрыла удивления Дени. — Скахаз тоже благородных кровей.

— Скахаз — Кандак, Гиздар — Лорак. Разница, да простит меня ваше великолепие, доступна только гискарцам. Я часто слышу, что вы происходите от Эйегона Завоевателя, Джейехериса Мудрого и Дейерона Дракона, в Гиздаре же течет кровь Маздана Великолепного, Хазрака Красивого и Зхарака Освободителя.

— Его предки столь же мертвы, как мои. Не их ли тени помогут Гиздару защитить Миэрин от врагов? Мне нужны корабли и мечи, а вы предлагаете мне усопших.

— Мы древний народ, и предки значат для нас очень много. Если вы вступите в брак с Гиздаром, отец вашего сына будет гарпией, мать — драконом. Он исполнит пророчество, и ваши враги растают, как снег по весне.

«Жеребец, который покроет весь мир…» Дени знала цену пророчествам. Все они только слова, а слова — ветер. Не подарит она Лораку наследника, сочетающего в себе дракона и гарпию. Она зачнет дитя вновь, когда солнце встанет на западе и зайдет на востоке, и моря высохнут, и

ветер унесет горы, как листья. Но у нее десятки тысяч других детей, назвавших ее матерью, когда она разбила их цепи. Никакой муж не вернет к жизни Крепкого Щита, брата Миссандеи, и Рилону Ри, что так чудесно играла на арфе, но если он способен покончить с убийствами, долг перед мертвыми обязывает ее вступить в этот брак.

Не обернется ли Скахаз против нее, если она станет женой Гиздара? Скахазу она доверяла больше, но сделать Лысого королем было бы катастрофой. Слишком он скор на гнев, слишком мало склонен прощать. Что толку брать в мужья человека, ненавидимого не меньше ее самой? А Гиздара, насколько она видит, в городе уважают.

— Что думает об этом мой вероятный муж? — спросила Дени.

— Ваше величество может спросить его самого. Благородный Гиздар ждет внизу — пошлите за ним, если будет на то ваша воля.

«Слишком много, жрица, ты берешь на себя», — подумала Дени, но проглотила гнев и заставила себя улыбнуться.

— Почему бы и нет? — Вызвав сира Барристана, Дени велела привести к ней Гиздара. — Подниматься долго и утомительно — пусть Безупречные помогут ему.

Пока он поднимался, Зеленая Благодать закончила ужин.

— Позвольте откланяться, ваше великолепие, — вам и благородному Гиздару нужно многое обсудить. — Старая жрица утерла медовые губы, поцеловала Гразхара и Квеццу в лоб, прикрыла лицо шелковым покрывалом. — Я возвращаюсь в Храм Благодати и буду молить богов даровать моей королеве мудрость.

Дени велела Квецце налить ей еще вина, отпустила обоих и объявила, что готова принять Гиздара зо Лорака. Но если он скажет еще хоть слово о своих ненаглядных бойцовых ямах, она прикажет сбросить его с террасы.

Гиздар пришел в простом сером хитоне и стеганой накидке.

— Неужто я так страшна, что вы и улыбнуться мне не хотите? — спросила Дени, когда он выпрямился, отвесив ей низкий поклон.

— Я всегда становлюсь серьезным в присутствии такой красоты.

«Для начала неплохо».

— Выпейте со мной. — Дени сама наполнила его чашу. — Оба мы знаем, зачем вы здесь. Зеленая Благодать полагает, что, если я возьму вас в мужья, все мои заботы рассеются словно дым.

— Не приму на себя смелость утверждать это. Люди созданы для борьбы и страданий — заботы покидают нас лишь вместе с жизнью. Кое в чем, однако, я могу быть полезен. У меня есть золото, есть друзья, есть влияние, и в жилах моих течет кровь Старого Гиса. Женат я никогда не был, но имею двух побочных детей, сына и дочь, — стало быть, могу дать вам наследников. Я способен примирить с вами город и положить конец ночным убийствам на улицах.

— В самом деле? Что же может заставить Сынов Гарпии спрятать ножи? Вы состоите в их шайке?

— Нет.

— А если бы состояли, сказали бы?

— Нет, — со смехом признал Гиздар.

— Скахаз умеет развязывать языки.

— Не сомневаюсь. Один день в его обществе, и я сделаюсь сыном гарпии, два — самой гарпией, через три сознаюсь, что убил вашего отца в западных королевствах, будучи еще мальчиком. После этого он посадит меня на кол, и я умру у вас на глазах, но резня на улицах не прекратится. — Гиздар подвинулся ближе. — Я предлагаю другое: станьте моей женой и позвольте мне попытаться.

— Зачем вам это? Ради короны?

— Корона мне пойдет, не спорю. Но дело не только в ней. Так ли уж странно, что я хочу защитить свой народ, как вы защищаете ваших вольноотпущенников? Еще одной войны Миэрин не переживет, ваше великолепие.

Хороший, честный ответ.

— Войны я никогда не желала. Я пощадила Юнкай и отказалась поддержать короля Клеона, когда он выступил против них. Даже теперь, когда Астапор осажден, я не спешу на помощь. Квартийцам я и вовсе вреда не делала…

— Намеренно — нет, но торговцы Кварта любят звон серебра и блеск золота. Удар, нанесенный вами работорговле, ощутили все от Асшая до Вестероса. Кварт зависит от своих рабов целиком и полностью. Как и Толос, и Новый Гис, Лисс, Тирош, Волантис… список длинен, моя королева.

— Что ж, пусть приходят. Во мне они обретут врага пострашнее Клеона. Я скорее паду в бою, чем верну моих детей в рабство.

— Есть другой выход. Думаю, что юнкайцы оставят вольноотпущенникам свободу, если ваше величество позволит Желтому Городу беспрепятственно торговать рабами, начиная с этого дня. К чему лить кровь, когда можно договориться?

— А как же кровь рабов, которые будут прода-

ваться и покупаться в Юнкае? — Дени держалась стойко, но признавала, что Гиздар, в общем, прав. Это лучший выход, на который она может надеяться. — О любви вы, между прочим, не сказали ни слова.

— Скажу, если ваша блистательность того хочет.

— Влюбленный не ответил бы так.

— Что есть любовь? Желание? Ни один мужчина, наделенный всеми мужскими признаками, не может смотреть на вас и не желать, Дейенерис, но я ищу брака с вами не по этой причине. До вас Миэрин умирал. Нами правили старики с увядшими членами и старухи с иссохшим лоном. Они попивали абрикосовое вино на вершинах своих пирамид и толковали о величии Старой Империи, а время между тем шло, и кирпич у них под ногами выветривался. Осторожность и обычай держали нас в железных тисках, пока вы не пробудили город огнем и кровью. Пришли новые времена, а с ними и новые возможности. Будьте моей женой.

«Он недурен собой, — подумала Дени, — и язык у него королевский».

— Поцелуйте меня, — приказала она.

Он взял ее руку и поцеловал пальцы.

— Не так. Поцелуйте, как будто мы уже поженились.

Гиздар взял ее за плечи нежно, как птичку, и прижался губами к ее губам. Поцелуй был краток, легок и сух — Дени ничего не почувствовала.

— Хотите еще?

— Нет. — Рыбки в бассейне и те целуют ее горячее, чем Гиздар зо Лорак. — Я не люблю вас.

— Со временем это придет… так бывает нередко.

Только не между ними. Дени хотела Даарио, а не его.

— Когда-нибудь я захочу отвоевать Вестерос, где царствовал мой отец.

— Когда-нибудь все мы умрем, но стоит ли задумываться о смерти? Предпочитаю жить сегодняшним днем.

— Слова, даже такие, как мир и любовь, — это ветер, — сказала Дени. — Я больше доверяю делам. В моих Семи Королевствах рыцари, чтобы покорить своих возлюбленных дев, отправляются на поиски волшебных мечей и охраняемых драконами кладов.

Гиздар поднял бровь.

— Драконы, кроме ваших, мне неизвестны, а волшебные мечи встречаются и того реже — но я

готов сложить к вашим ногам короны и сундуки с золотом.

— Мир, вот чего я желаю. Вы говорите, что можете покончить с ночными убийствами — так сделайте это, милорд. Я зачту вам это как подвиг. Когда девяносто дней и девяносто ночей пройдут без единого происшествия, я признаю, что вы достойны стать королем. Что скажете?

Гиздар поразмыслил.

— Девяносто суток без трупов, и на девяносто первый день мы поженимся?

— Возможно, — лукаво потупилась Дени. — Женщины переменчивы — вдруг я еще и волшебный меч попрошу.

— Тогда я и его вам добуду, — рассмеялся Гиздар. — Ваше желание — закон для меня. А тем временем скажите-ка вашему сенешалю, чтобы готовился к свадьбе.

— Ничто не доставит благородному Резнаку большего удовольствия. — Одна только весть о предстоящей свадьбе может подарить ей несколько спокойных ночей, даже если усилия Гиздара окажутся тщетными. Лысый будет недоволен, конечно, зато Резнак мо Резнак запляшет от радости. Кто из них важнее? Как знать. Дени нуждалась в Скахазе и его Бронзовых Бестиях, но

к советам Резнака относилась с большим подозрением. *Остерегайся душистого сенешаля…* Уж не подстроил ли ей Резнак эту ловушку заодно с Зеленой Благодатью и Гиздаром зо Лораком?

Едва Гиздар удалился, перед Дени явился сир Барристан в длинном белом плаще. Годы службы в Королевской Гвардии научили старого рыцаря держаться в тени, когда королева принимала кого-то наедине, но он никогда не уходил далеко. По углубившимся у его рта складкам Дени сразу поняла, что он не одобряет ее затеи.

— Итак, я, по всей видимости, выйду замуж повторно. Вы счастливы за меня?

— Если вашему величеству так угодно.

— Гиздар не тот, кого вы бы выбрали мне в мужья.

— Не мое дело обсуждать это, ваше величество.

— Верно, не ваше, но постарайтесь меня понять. Мой народ страждет; королева принадлежит ему, не себе. Выбор один: замужество или бойня, свадьба или война.

— Могу я говорить откровенно, ваше величество?

— Это ваш долг.

— Есть еще один выбор.

— Вестерос?

Рыцарь кивнул.

— Я поклялся служить вашему величеству и охранять вас, куда бы вы ни направились. Мое место рядом с вами, в Королевской Гавани или здесь… но место вашего величества там, в Вестеросе, на отцовском Железном Троне. Гиздара зо Лорака Вестерос никогда не признает своим королем.

— А Миэрин не признаёт королевой Дейенерис Таргариен. В этом Зеленая Благодать права: мне нужен король-гискарец. Иначе во мне всегда будут видеть неотесанную варварку, проломившую их ворота, посадившую на колья их родичей и очистившую их сундуки.

— В Вестеросе вы станете вновь обретенной дочерью, чье возвращение радует отцовское сердце. Все добрые люди будут приветствовать вас на улицах и любить.

— Вестерос далеко.

— Промедление его не приблизит. Чем скорее мы уйдем из этого города…

— Знаю. Знаю. — Как заставить его понять? Вестерос влечет Дени не меньше, чем сира Барристана, но сначала она должна уладить дела здесь, в Миэрине. — Девяносто дней — долгий срок. Может быть, у Гиздара ничего и не выйдет, но

его старания дадут мне время заключить с кем-то союз, укрепить оборону…

— А если выйдет? Как поступит ваше величество в таком случае?

— Исполню свой долг. — Это слово оледенило ей рот. — Вы были на свадьбе моего брата. Как женился Рейегар — по любви или по расчету?

— Принцесса Элия была хорошая женщина, — сказал, помедлив, сир Барристан. — Добрая, умная, не чуждая шутке. Принц был очень к ней привязан, я знаю.

«Привязан». Это стоит многих томов. Быть может, и Дени привяжется к Гиздару зо Лораку… спустя какое-то время.

— Я присутствовал также на свадьбе ваших родителей, — продолжал сир Барристан. — Между ними, уж простите, нежных чувств не было — и страна дорого поплатилась за это.

— Зачем же они в таком случае поженились?

— Так приказал ваш дед. Лесная ведьма предрекла ему, что от этого брака родится обещанный принц.

— Лесная ведьма? — повторила изумленная Дени.

— Ее привезла ко двору Дженни из Старых Камней. Маленькая, скрюченная карлица, глядеть не

на что, но леди Дженни любила ее и уверяла, что та — Дитя Леса.

— Что с ней стало потом?

— Летний Замок.

Дени вздохнула, услышав эти роковые слова.

— Я устала. Пожалуйста, оставьте меня.

— Слушаюсь. — Сир Барристан откланялся, но остановился у двери. — Простите, совсем забыл… к вашему величеству посетитель. Сказать, чтобы он пришел завтра?

— Кто это?

— Нахарис. Вороны-Буревестники сегодня вернулись в город.

«Даарио!» Сердце Дени затрепетало в груди.

— Давно ли он… когда… — Больше она ни слова не могла вымолвить.

— Ваше величество ужинали со жрицей, когда он прибыл. Беспокоить вас я не счел нужным: его новости могут подождать и до завтра.

— Нет! — Как ей уснуть, когда ее капитан где-то рядом? — Пусть сейчас же поднимется. Вечером вы больше мне не понадобитесь, с Даарио я в безопасности. Пришлите сюда, пожалуйста, Ирри, Чхику и Миссандею. — «Надо переодеться, надо быть красивой как никогда». Так она и сказала служанкам.

— Что ваше величество желает надеть? — спросила Миссандея.

«Звездный свет и морскую пену… легкий шелк, обнажающий левую грудь… цветы в волосах». В пути от Юнкая до Миэрина капитан каждый день приносил ей цветы.

— Серое полотняное платье с жемчугом. И мою львиную шкуру. — Она всегда чувствовала себя увереннее, закутавшись в подаренный Дрого мех.

Она приняла Даарио на террасе, сидя на резной скамье под грушевым деревом. Над городом светила половинка луны, окруженная тысячезвездной свитой. Нахарис вошел вразвалку — он расставлял ноги, даже когда стоял. Полосатые панталоны заправлены в высокие пурпурные сапоги, белая шелковая рубашка, безрукавка из золотых колец. Половина длинных локонов фиолетовая, как бородка-трезубец, половина золотая под стать усам. На одном бедре стилет, на другом дотракийский аракх.

— Как возможно, что пресветлая королева стала еще прекраснее без меня?

Королева привыкла к лести, но лесть из уст Даарио была почему-то приятнее, чем комплименты Резнака, Ксаро или Гиздара.

— Я получила ваше известие из Лхазарина. Вы хорошо послужили нам, капитан. — «Я так по тебе скучала…»

— Ваш капитан живет лишь ради того, чтобы служить своей жестокой властительнице.

— Жестокой?

В его глазах мерцала луна.

— Он поскакал вперед, чтобы скорее узреть ее лик, но его заставили ждать, пока она вкушала барашка и фиги с какой-то старухой.

Ей не доложили о нем, иначе бы она прикинулась дурочкой и послала за ним немедленно.

— С Зеленой Благодатью. — О Гиздаре Дени решила не поминать. — Мне настоятельно требовался ее мудрый совет.

— Мне настоятельно требуется только одно: Дейенерис.

— Не приказать ли, чтобы вам принесли поесть? Вы, должно быть, проголодались.

— Два дня не ел, но вашей красоты мне довольно, чтобы насытиться.

— Красотой сыт не будешь. — Дени бросила ему сорванную с дерева грушу. — Держите.

— Слушаю и повинуюсь. — Он надкусил плод, блеснув золотым зубом. Сок потек по фиолетовой бороде.

Живущей в Дени девочке до боли хотелось поцеловать его — поцелуи Даарио должны быть глубокими, и он не остановится, даже если она попросит, — но королева сдерживалась.

— Расскажите о своем путешествии.

Он небрежно повел плечами.

— Юнкайцы послали на Хизайский перевал каких-то наемников, именующих себя Длинными Копьями. Мы атаковали их ночью и некоторое число отправили в ад. В Лхазарине я убил двух своих — сержантов, которые замышляли украсть золотую посуду и драгоценности, предназначенные моей королевой в дар народу ягнят. В остальном все шло так, как я и предвидел.

— Сколько человек вы потеряли в бою?

— Девятерых… но двенадцать длиннокопейных решили стать Воронами-Буревестниками, так что у нас теперь на трех бойцов больше. Я сказал им, что на стороне драконов они проживут дольше, чем в другом лагере, и они прониклись мудростью моих слов.

— А что, если это шпионы Юнкая? — насторожилась Дени.

— В шпионы они за недостатком ума не годятся.

— Вы же совсем их не знаете. Они чем-то заслу-

жили ваше доверие?

— Я всем своим доверяю… на длину моего плевка. — Даарио выплюнул семечко и улыбнулся подозрениям Дени. — Прикажете принести вам их головы? Я готов. Один из них лыс, у двух косы, еще у одного четырехцветная борода. Станет шпион носить такую, скажите на милость? Один может попасть из пращи в глаз комару с сорока шагов, урод понимает в лошадях, но если моя королева прикажет их умертвить…

— Этого я не приказывала. Присматривайте за ними, и все тут. — При Даарио она всегда чувствовала себя глупой неуклюжей девчонкой. Что он о ней подумает? Дени поспешила сменить разговор. — Ягнячьи люди пришлют нам провизию?

— Зерно отправят на барже по Скахазадхану, моя королева, а прочие товары — караваном через Хизай.

— Только не по реке. Она перекрыта, и море тоже. Вы ведь видели галеи в заливе? Квартийцы разогнали треть нашей рыболовной флотилии, еще треть захватили, а остальные просто боятся выходить в море. Даже той торговле, которую мы еще умудрялись вести, положен конец.

Даарио выбросил грушевый черенок.

— У квартийцев в жилах молоко, а не кровь.

Покажите им ваших драконов, и они сразу улепетнут.

Дени не хотелось говорить о драконах. Крестьяне продолжали приносить ей горелые кости и жаловаться на пропажу овец, а Дрогон до сих пор не вернулся в город. Иногда его видели к северу от реки, над травами Дотракийского моря. Визерион перегрыз одну их своих цепей, и оба они с каждым днем становились злее. Безупречные докладывали, что однажды железные двери в подземелье так раскалились, что к ним сутки не смели притронуться.

— Астапор осажден, как и мы.

— Это я знаю. Один длиннокопейный перед смертью успел сообщить, что в Красном Городе началось людоедство и что скоро придет черед Миэрина. Я вырезал ему язык и дал желтому псу. Всем известно, что язык лжеца ни одна собака не тронет, но желтый съел, и я заключил, что наемник говорил правду.

— В самом городе тоже идет война. — Дени рассказала о Сынах Гарпии, Бронзовых Бестиях и крови на кирпичах. — Враги повсюду — как за стенами, так и внутри них.

— Надо атаковать, — тут же сказал Даарио. — Оборона в окружении врагов попросту невоз-

можна. Пока ты отбиваешься от меча, тебя ударят топором в спину. Тут выход один: сразить слабейшего и бежать.

— Но куда?

— Ко мне в постель. В мои объятия. В мое сердце. — Даарио с завлекательной улыбкой провел большими пальцами по золотым нагим женщинам на рукоятках своих клинков.

Кровь бросилась в лицо Дени, как будто он ласкал не их, а ее. Он, верно, думает, что она распутна, если так говорит? Ну и пусть думает, что за важность. Ах, не надо было с ним видеться наедине — он слишком опасен.

— Зеленая Благодать полагает, что мне нужен супруг-гискарец. Хочет, чтобы я вышла за благородного Гиздара зо Лорака.

— За этого? — усмехнулся Даарио. — Почему бы не за Серого Червя, он тоже евнух. Вам так нужен король?

«Мне нужен ты, и никто больше».

— Мне нужен мир. Я дала Гиздару девяносто дней, чтобы покончить с резней. Если он это сделает, мы поженимся.

— Возьмите лучше меня. Я с ней покончу за девять.

«Ты же знаешь, что я не могу», — чуть не ска-

зала Дени.

— Вы боретесь с тенями, а не с людьми, которые их отбрасывают, — продолжал капитан. — Перебейте их всех и заберите себе их имущество. Шепните только, и ваш Даарио сложит из их голов пирамиду повыше этой.

— Если б я знала, кто они…

— Цхаки, Пали, Мерреки и прочие великие господа. Кто ж еще.

«Какой он смелый… и какой кровожадный».

— У нас нет доказательств, что они замешаны в этом. Хотите, чтобы я убивала собственных подданных?

— Ваши подданные охотно убили бы вас.

Его так долго не было, она успела забыть, каков он. «Наемники — предатели по природе своей», — напомнила себе Дени. Неверное, зверски жестокое племя. Даарио уже не переделать; королей лепят совсем из другого теста.

— Пирамиды хорошо укреплены, — объяснила она. — Их можно взять лишь ценой огромных потерь. Как только мы начнем штурмовать одну, против нас восстанут все остальные.

— Так выманите их из пирамид под любым предлогом. Свадьба, к примеру — почему бы и нет? Обещайте свою руку Гиздару. Все великие

господа придут в Храм Благодати ради такого события — тут-то мы их и накроем.

«Да он просто чудовище, — поразилась Дени. — Галантное, очаровательное чудовище».

— Вы принимаете меня за короля-мясника?

— Мясником быть лучше, чем мясом. Короли всегда мясники — разве королевы другие?

— Эта королева, во всяком случае, да.

— У большинства королев цель в жизни одна, — пожал плечами Даарио, — греть постель своему королю и рожать ему сыновей. Хотите быть такой, выходите за Гиздара.

— Вы забываете, кто я! — в гневе вскричала Дени.

— Я нет. А вы?

Визерис отрубил бы ему голову за подобную наглость.

— Я от крови дракона. Не дерзайте меня учить. — Дени поднялась так резко, что львиная шкура соскользнула у нее с плеч. — Оставьте меня.

— Повинуюсь, — склонился Даарио.

Когда он ушел, Дени вновь призвала сира Барристана к себе.

— Отправьте Ворон-Буревестников назад в поле.

— Но они только что вернулись, ваше величество…

— Ничего. Пусть несут дозор на юнкайской границе и обеспечивают защиту караванам, проходящим через Хизай. Отныне Даарио будет докладывать лично вам. Воздайте ему должные почести и проследите, чтобы его людям хорошо заплатили, но ни в коем случае не допускайте его ко мне.

— Слушаюсь, ваше величество.

Всю ночь она проворочалась, не в силах уснуть. Даже Ирри к себе позвала, надеясь обрести покой в ее ласках, но вскоре велела ей уходить. Ирри, при всей ее нежности и умении, все-таки не Даарио.

Что же она натворила? Так долго ждала его, а теперь отсылает прочь. «Он сделал бы из меня чудовище, — шептала Дени, — королеву-мясничиху». Но как же улетевший Дрогон и те двое в яме? На ее руках тоже кровь. Между ней и Даарио разница не столь велика — оба они чудовища.

Лорд-изгнанник

«Что ж он так долго?» — спрашивал себя Грифф, расхаживая по палубе. Неужели они и Хелдона потеряют, как Тириона Ланнистера? Может, волантинцы его схватили? Надо было послать с ним Утку. На одного Хелдона надежда плоха: он доказал это, упустив в Селхорисе карлика.

«Робкая дева» стояла на одном из самых убогих участков длинной гавани — между накренившейся плоскодонкой, торчащей здесь много лет, и ярко разукрашенным кораблем скоморохов. Шумные соседи читали вслух свои роли и чаще бывали пьяными, нежели трезвыми.

В Валан-Терисе, как и везде после выхода из Горестей, стояла удушающая жара, но это беспокоило Гриффа меньше всего. Золотые Мечи встали лагерем к югу от города и далеко к северу от того места, где он ожидал; триарх Малакуо выступил на север с пятью тысячами пехоты и тысячей конницы, чтобы отрезать их от дороги на дельту. Дейенерис Таргариен все еще на другом конце света, а Тирион Ланнистер может быть где угодно. По милости богов его голову уже везут в Королевскую Гавань, но скорее всего он живе-

хонек, пьян в доску и замышляет новую пакость.

— Где Хелдон? В какую из семи преисподних он провалился? — воскликнул Грифф, обращаясь к леди Леморе. — Сколько нужно времени на покупку трех лошадей?

Она пожала плечами:

— Не безопаснее ли будет оставить мальчика здесь на лодке, милорд?

— Безопаснее ли? Да. Разумно ли это? Нет. Он уже взрослый, и перед ним лежит путь, для которого он рожден. — Гриффу опротивели эти разговоры, опротивело прятаться, опротивело ждать.

— Мы так старались скрывать принца Эйегона все эти годы, — напомнила женщина. — Я знаю, скоро он должен будет смыть краску с волос и объявить о себе, но время еще не приспело. Нельзя делать это в лагере, полном наемников.

— Если Гарри Стрикленд замышляет недоброе, принц не спасется и на борту «Робкой девы». У Стрикленда десять тысяч мечей, а у нас один Утка. Эйегон — принц, о котором можно только мечтать, и воинство Стрикленда должно видеть это собственными глазами. Они, в конце концов, его люди.

— Его, потому что им заплатили. Десять тысяч

совершенно чужих людей, не считая маркитантов и лагерных шлюх, а чтобы погубить весь наш замысел, достаточно одного. Если голова Хугора стоит лордства, сколько Серсея Ланнистер даст за полноправного наследника Железного Трона? Вы не знаете этих солдат, милорд. Прошло двенадцать лет с тех пор, как вы с ними расстались, и ваш старый друг уже мертв.

Милс Тойн, Черное Сердце… Он был так полон жизни — трудно поверить, что его больше нет. Золотой череп на шесте и Бездомный Гарри Стрикленд вместо него. Права Лемора: Золотые Мечи, кем бы их предки ни были, всего лишь наемники, а наемникам доверять нельзя. И все же…

Прошлой ночью ему опять снилась Каменная Септа. Один, с мечом в руке, он бегал от дома к дому, вышибал двери, носился по лестницам, прыгал с крыши на крышу, и в ушах его гудел колокольный звон. Голова разламывалась от низких тонов бронзы и серебряных переливов — еще немного, и лопнет.

Семнадцать лет прошло с Колокольной битвы, а у него все еще сводит нутро от звона колоколов. Многие полагают, что государство погибло, когда Роберт убил принца Рейегара молотом на Трезубце, так вот: до этого не дошло бы, убей грифон

оленя в Каменной Септе. Колокола в тот день звонили по ним: по Эйерису с его королевой, по Элии Дорнийской и ее маленькой дочке, по всем честным людям Семи Королевств. И по серебряному принцу, по Эйегону.

— Согласно нашему плану, принца следовало раскрыть лишь перед королевой Дейенерис.

— Это когда мы думали, что девчушка пойдет на запад. Наша драконья королева обратила этот план в пепел, а мы, по милости толстого пентошийского дурня, ухватили драконихуза хвост и сожгли себе пальцы.

— Не мог же Иллирио знать, что девочка останется в заливе Работорговцев.

— Как и того, что Король-Попрошайка умрет молодым, а кхал Дрого сойдет в могилу вскоре после него. Очень немногие из замыслов толстяка осуществились на деле. — Грифф хлопнул рукой в перчатке по рукояти меча. — Я годами плясал под его дудку, Лемора, и к чему это нас привело? Принц вырос. Его время…

— Грифф, — позвал Яндри, перекрикивая колокол лицедеев, — Хелдон идет.

Полумейстер в самом деле шагал по набережной в пропотевшем насквозь хитоне — не менее несчастный, чем в Селхорисе, когда пришел за-

явить о пропаже карлика. Лошадей он, однако, купил и вел за собой.

— Посмотрите, готов ли мальчик, — сказал Грифф Леморе.

— Хорошо, — вздохнула она.

Вот и отлично. Он полюбил Лемору, но это еще не значит, что ему требуется ее одобрение. Ее задачей было религиозное воспитание принца, с коим она успешно и справилась. Но молитвы его на Железный Трон не посадят — это уж дело Гриффа. В прошлом он подвел принца Рейегара, но его сына не подведет. Жизнь за него положит.

Купленные Хелдоном кони его не удовлетворили.

— Получше ничего не нашел?

— Нет, — сварливо ответил тот, — и лучше не спрашивай, сколько они нам стоили. Дотракийцы за рекой, половина Валан-Териса желает убраться как можно дальше, лошади с каждым днем дорожают.

Надо было пойти самому. После Селхориса Грифф уже не полагался на Хелдона так, как бывало раньше. Дал карлику себя уболтать, отпустил его в бардак одного, а сам торчал как дурак на площади. Хозяин заведения уверял, что карлика увели насильно, но Грифф не до конца в это верил.

У Беса вполне бы хватило ума нанять того пьяницу, который якобы похитил его. С себя Грифф тоже вины не снимал. Он ослабил бдительность, когда карлик заслонил Эйегона от каменного, и не перерезал Бесу глотку при первой же встрече.

— Ладно, сойдут, — сказал он Хелдону. — Лагерь всего в трех милях от нас. — «Робкая дева» доставила бы их туда гораздо быстрее, но Грифф не хотел, чтобы Гарри Стрикленд знал о постоянном местопребывании принца. Кроме того, идти вброд по отмелям и лезть на илистый берег прилично наемнику и его сыну, но никак не принцу со знатным лордом.

Парня, вышедшего из каюты с Леморой, Грифф оглядел с головы до ног. Меч, кинжал, черные сапоги, начищенные до блеска, черный плащ на шелковой кроваво-красной подкладке. Вымытые, подстриженные волосы заново окрашены в густой темно-синий цвет, чтобы глаза тоже казались синими. На шее три больших квадратных рубина на черной чугунной цепи, дар магистра Иллирио. Красное и черное, драконьи цвета.

— Настоящий принц, — сказал Грифф. — Твой отец гордился бы, увидев тебя сейчас.

— Обрыдла уже эта краска. — Молодой Грифф запустил пальцы в волосы. — Смыть бы ее.

— Скоро смоешь. — Грифф сам охотно бы это сделал, хотя его когда-то рыжая голова теперь поседела. Он хлопнул юношу по плечу. — Ну что, поехали? Твое войско ждет своего вождя.

— Мое войско… здорово все-таки. — Улыбка прошла по лицу парня и тут же пропала. — Но ведь это наемники. Йолло учил меня не доверять никому.

— Умно, — признал Грифф. Будь во главе, как прежде, Черное Сердце, дело иное, но Милса Тойна четыре года как нет, а Гарри Стрикленд — совсем другой человек. Парню он об этом не скажет: карлик и без того заронил немало сомнений в юную голову. — Не всякий человек таков, каким кажется, и у принца особенно много причин соблюдать осторожность, но излишняя подозрительность отравляет душу и делает тебя боязливым. — С королем Эйерисом именно так и случилось — даже Рейегар под конец это понял. — Лучше всего придерживаться золотой середины. Доверие приобретается верной службой, но будь открыт и щедр со своими людьми, пока они приобретают его.

Мальчик кивнул.

— Я запомню.

Принцу дали лучшего из трех скакунов, боль-

шого сивого мерина. Грифф и Хелдон ехали рядом с ним. Южная дорога, первые полмили бегущая под белой стеной Валан-Териса, далее следовала извивам Ройна и вела сквозь ивовые заросли и маковые поля мимо старого деревянного ветряка, чьи лопасти скрипели, как старые кости.

К Золотым Мечам они прибыли, когда солнце уже понемногу клонилось к западу. Лагерь наемников, аккуратный и хорошо укрепленный, одобрил бы сам Эртур Дейн. Вокруг глубокий ров, во рву острые колья. Палатки стоят рядами, между ними широкие проходы. Отхожие места расположены у реки, и нечистоты уносит течением. Над конскими загонами в северной стороне пасутся дюжины две слонов, дергая хоботами тростник. Грифф смотрел на них уважительно: ни один боевой конь в Вестеросе не выстоит против таких.

По всей окружности лагеря, под парчовыми боевыми штандартами на длинных шестах, совершали обход часовые в доспехах, с копьями и арбалетами. Грифф опасался, как бы отряд не распустился при Гарри Стрикленде, больше занятом полезными связями, нежели дисциплиной, — но беспокойство его, похоже, было напрасным.

Сержант, с которым Хелдон поговорил у ворот,

послал гонца к капитану. Тот ничуть не похорошел с тех пор, как Грифф в последний раз его видел: то же громадное брюхо и многократно зашитое лицо со старыми шрамами. Правое ухо не иначе как собака жевала, левого вовсе нет.

— Стало быть, ты теперь капитан, Флауэрс? — сказал Грифф. — Как низко пали Золотые Мечи.

— Все еще хуже, чем ты думаешь, старый хрен: меня и в рыцари посвятили. — Воин заключил Гриффа в медвежьи объятия. — Вид у тебя жуткий даже для того, кто дюжину лет как помер. И патлы синие! Когда Гарри сказал, что ты к нам скоро пожалуешь, я чуть не обосрался. Здорово, Хелдон, сосулька этакая! Так и ходишь с аршином в заднице? А это кто ж будет?

— Мой оруженосец, — ответил Грифф. — А это Франклин Флауэрс, парень.

— Флауэрс — имя бастардов с Простора… — заметил принц.

— Точно. Мать была прачкой в Яблочном, вот кто-то из сыновей милорда и обрюхатил ее — стало быть, я из Фоссовеев бурого яблочка. Ладно, пошли со мной. Стрикленд всех офицеров созвал к себе: проклятые волантинцы потрясают копьями и хотят знать, каковы наши намерения.

Солдаты у палаток пили, играли в кости и от-

махивались от мух. Многие ли из них знают, кто такой Грифф? Вряд ли: двенадцать лет — долгий срок. Даже те, кто воевал вместе с ним, могут не узнать рыжебородого лорда Коннингтона в бритом, морщинистом и крашеном Гриффе. В отряде пустили слух, что Коннингтон, с позором отчисленный из Мечей за покражу казенных денег, упился до смерти в Лиссе. Он до сих пор морщился при мысли об этом гнусном поклепе, на котором настоял Варис. «Никаких историй о благородном изгнаннике, — просюсюкал евнух. — Тех, кто погиб геройской смертью, помнят чересчур долго, а воров, трусов и пьяниц вымарывают из памяти».

Что знает евнух о чести воина? Грифф скрепя сердце согласился на его выдумку ради мальчика. Ничего, дайте срок: когда принц взойдет на Железный Трон, Варис поплатится и за эту пощечину, и за другие свои дела. Посмотрим тогда, кого вымарают из памяти.

Парчовый шатер верховного капитана был окружен частоколом с золочеными черепами. Один больше других, уродливой формы, под ним совсем маленький, с кулачок: Мейелис-Чудище и его безымянный брат. Остальные почти все одинаковые, многие с трещинами и вмятинами от смертельных ударов, да у кого-то подпиленные

острые зубы.

— Который тут Милс? — неожиданно для себя спросил Грифф.

— Вон, на том краю, — показал Флауэрс. — Пойду доложу о тебе. — Он ушел в шатер, оставив Гриффа созерцать позолоченный череп старого друга. При жизни сир Милс Тойн был страшен как смертный грех, не в пример своему легендарному предку. Красота Терренса даже королевскую наложницу покорила, а Милс был лопоухий, с кривой челюстью, и такого здорового носа, как у него, Коннингтон никогда не встречал — но обо всем этом забывалось, стоило ему улыбнуться. Черным Сердцем его прозвали из-за эмблемы на щите, и Милс очень любил это прозвище. «Командира должны бояться как чужие, так и свои, — однажды признался он. — Это только к лучшему, когда твои люди считают тебя бессердечным злодеем». На деле он был совсем другой: солдат до мозга костей, но при этом кристально честный, отец своим подчиненным и великодушный покровитель опального лорда.

Смерть лишила его и носа, и ушей, и тепла, а улыбка преобразилась в оскал, сверкающий золотом. Черепа ухмылялись все до единого, даже Жгучий Клинок на высоком колу в середине.

Чему, спрашивается? Он умер на чужбине, побежденный и одинокий. На смертном одре сир Эйегор Риверс, как известно, приказал выварить свой череп, покрыть его золотом и возить перед отрядом, пока Золотые Мечи не завоюют Вестерос вновь. Все его преемники следовали примеру первого командира.

Джон Коннингтон мог быть среди них, не обернись его судьба по-другому. Он пять лет воевал в отряде, выслужился из рядовых, занял почетное место по правую руку Тойна. После гибели Милса командиром вполне могли выбрать его, а не Гарри, но Грифф ни о чем не жалел. На родину он вернется не в виде черепа на шесте.

— Заходите, — позвал их вышедший из шатра Флауэрс.

Офицеры поднялись с походных стульев и табуретов. Старые друзья улыбались Гриффу и обнимали его, новенькие вели себя сдержаннее. За некоторыми улыбками он чуял ножи и понимал, что не все ему так рады, как стараются показать. До недавних пор почти все они полагали, что лорд Джон Коннингтон пребывает в могиле, — так и надо, не воруй у своих. Грифф на их месте, наверное, думал бы то же самое.

Сир Франклин занялся представлениями.

Некоторые из капитанов звались как бастарды — Риверс, Хилл, Стоун; другие называли имена, прославленные в истории Семи Королевств. Грифф насчитал двух Стронгов, трех Пеков, Мадда, Мандрака, Лотстона, пару Колей. Имена они могли и придумать — в вольных отрядах человек может называться как пожелает, — но роскошью блистали все как один. Наемники, как водится в их ремесле, носили все свое достояние на себе: мечи с драгоценными камнями в эфесе, доспехи с инкрустациями, нашейные обручи, дорогие шелка, а уж на золотые браслеты каждого можно было лорда из плена выкупить. Каждый такой браслет знаменовал год службы в рядах Золотых Мечей. У рябого Марка Мандрака с дырой на щеке (где раньше было клеймо раба) имелась, кроме того, цепь из золотых черепов.

Не все капитаны происходили из Вестероса. Летниец Балак, черный как сажа, но с белыми волосами — он, как и при Милсе, командовал лучниками, — щеголял в великолепном плаще из зеленых и оранжевых перьев. Похожий на труп волантинец Горис Эдориен заменил Стрикленда на посту казначея; этот носил на одном плече леопардовую шкуру, и его намасленные длинные кудри были кроваво-красными, а остроконечная

борода — черной. Мастером над шпионами стал лиссениец Лиссоно Маар, которого Грифф прежде не знал: глаза сиреневые, волосы белые с золотом, а пухлости его губ позавидовали бы многие шлюхи — с первого взгляда Грифф едва не принял его за женщину. Ногти он красил в пурпурный цвет, в уши вдевал аметисты и жемчуга.

«Лживые призраки, — думал Грифф, обводя их взглядом. — Призраки забытых замыслов, проигранных войн, подавленных мятежей, братство падших, опозоренных, лишенных наследства. Вот оно, мое войско, вот все, на что мы можем надеяться».

Бездомный Гарри был похож на воина меньше всех. Дородный, с мягкими серыми глазами, редеющие волосы на большой голове зачесаны набок, чтобы скрыть лысину. Сидя на походном стуле, он мочил ноги в соленой воде.

— Прости, что не встаю, — сказал он вместо приветствия. — Мозоли натер в походе, просто мучение.

«Что ж ты как старуха…» Стрикленды состояли в отряде со дня его основания: прадед Гарри лишился своих земель, примкнув к Черному Дракону во время первого Восстания Черного Пламени. «Золотые в четырех поколениях», —

хвастался Гарри, словно четыре поколения изгнания и поражений могли быть предметом гордости.

— Могу предложить бальзам, — сказал Хелдон, — и минеральные соли, чтобы кожа не была такой нежной.

— Благодарю, буду рад. Налей вина нашим друзьям, Уоткин, — приказал Стрикленд оруженосцу.

— Спасибо, не надо, — сказал Грифф. — Мы будем пить воду.

— Хорошо, как хотите. А это, должно быть, твой сын, — улыбнулся принцу Стрикленд.

«Неужели он знает? Что рассказывал ему Милс?» Варис настаивал на полнейшей секретности — о планах, которые строили евнух, Иллирио и Черное Сердце, не знал больше ни один человек, и вряд ли эти трое могли проболтаться.

Теперь это, впрочем, уже не имело значения.

— Ни один отец не мог бы пожелать более достойного сына, но этот мальчик родился не от меня, и его имя не Грифф. Представляю вам, милорды, Эйегона Таргариена, перворожденного сына Рейегара, принца Драконьего Камня, и жены его Элии Дорнийской. С вашей помощью этот юноша скоро станет Эйегоном Шестым, королем

андалов, ройнаров и Первых Людей, правителем Семи Королевств.

В шатре настала полная тишина. Кто-то кашлянул, один из Колей подлил себе вина в чашу, Горис Эдориен играл локоном, бормоча что-то на своем языке, Ласвелл Пек переглянулся с Мандраком и Лотстоном. «Они знают, — понял Грифф. — Давно уже знают».

— Когда ты сказал им? — спросил он Стрикленда.

— Когда мы вышли к реке, — сказал тот, шевеля в лохани стертыми пальцами. — Люди волновались, не понимая, чего ради мы отказались от легкой кампании в Спорных Землях и маемся на этой треклятой жаре, глядя, как тают наши деньги, ржавеют клинки и отвергаются выгодные контракты.

Грифф покрылся гусиной кожей, услышав это.

— С кем?

— С Юнкаем. Посол, прибывший охмурять Волантис, уже отправил в залив Работорговцев три вольных отряда. Он хочет, чтобы мы стали четвертыми, и предлагает вдвое против того, что нам платил Мир, а в придачу одну рабыню каждому из солдат, десять каждому офицеру и сто юных девственниц мне.

«Седьмое пекло!»

— Им понадобятся тысячи рабынь — где они возьмут столько?

— В Миэрине. Давай полотенце, Уоткин. Вода стынет, и мои пальцы сморщились, как изюм. Нет, не это, помягче.

— И ты отказал ему, — произнес Грифф.

— Сказал, что подумаю. — Гарри поморщился. — Осторожно с пальцами, парень. Представь, что это виноградины — их надо просушить, не раздавив при этом, вот так. Отказывать сразу было бы неразумно: люди могли подумать, что я не в своем уме, и справедливо.

— Вашим клинкам скоро найдется работа.

— В самом деле? — отозвался Лиссоно Маар. — Вы ведь, наверное, уже знаете, что молодая Таргариен не пошла на запад?

— Слыхали такую басню в Селхорисе.

— Не басню, а чистую правду. Труднее понять — почему. Миэрин она ободрала как липку, это понятно — я на ее месте сделал бы то же самое. Рабовладельческие города пухнут от золота, а войны требуют денег. Но какова причина ее промедления? Страх, безумие, лень?

— Почему — не столь важно. — Гарри развернул пару шерстяных полосатых чулок. — Главное, что

она в Миэрине, а мы здесь, и волантинцам наше присутствие крепко не нравится. Мы пришли поддержать короля с королевой, которые вернут нас домой, но этой Таргариен, похоже, больше по вкусу сажать оливы, чем отвоевывать трон отца. А враги ее между тем смыкают ряды: Юнкай, Новый Гис, Толос. Красная Борода и Принц-Оборванец выступают против нее совместно, а скоро и волантинский флот двинется в ту же сторону. Что она может противопоставить им всем — постельных рабов с палками?

— Безупречных, — сказал Грифф. — И драконов.

— Драконы у нее совсем молодые, недавно вылупились. — Стикленд осторожно натянул чулок на свои волдыри. — Много от них будет проку, когда все эти армии зажмут ее город в кулак.

— Тем больше у нас причин поскорей до нее добраться, — заметил Тристан Риверс, барабаня пальцами по колену. — Если Дейенерис не идет к нам, мы должны идти к Дейенерис.

— Не по водам ли, сир? — осведомился Лиссоно Маар. — Повторяю еще раз: морем нам туда не попасть. Я сам пробрался в Волантис, переодевшись торговцем, и разузнал насчет кораблей. В гавани полным-полно галей, коггов и каррак, но я весьма

скоро понял, что имею дело с контрабандистами и пиратами. У нас в отряде, как лорд Коннингтон наверняка помнит, десять тысяч солдат. Пятьсот рыцарей, каждый с тремя конями. Пятьсот конных оруженосцев. Не забудем и о слонах! Одного пиратского корабля для всех маловато, нужна флотилия… кроме того, из залива Работорговцев доносят, что Миэрин взят в блокаду.

— А если притвориться, будто мы согласны наняться к юнкайцам? — предложил Горис Эдориен. — Пусть отвезут нас в Миэрин, а под его стенами мы им вернем золотишко.

— Даже один расторгнутый договор — пятно на чести отряда, — возразил Гарри Стрикленд, держа в руках больную ступню. — Позвольте напомнить, что к тому секретному соглашению приложил печать Милс Тойн, а не я. Я бы и рад его исполнить, но каким образом? Мне представляется ясным, что Таргариен никогда не пойдет на запад. Вестерос был королевством ее отца, а ее королевство — Миэрин. Если она победит Юнкай, то станет королевой всего залива, если же нет, то погибнет задолго до того, как мы подоспеем.

Гриффа это не удивило. Гарри Стрикленд всегда составлял пергаменты лучше, чем расправлялся с врагами. В нюхе на золото ему не откажешь;

хватит ли в нем духу для битвы — другой вопрос.

— Можно идти и по суше, — заметил Франклин Флауэрс.

— Дорога демонов — это смерть. Половина людей дезертирует сразу, половина оставшихся ляжет костьми вдоль дороги. Магистр Иллирио с друзьями, как ни грустно это звучит, возлагал слишком много надежд на юную королеву.

«Скорее уж на тебя», — поправил мысленно Гриффа… И тут слово взял принц.

— Положитесь в таком случае на меня. Дейенерис — сестра Рейегара, я его сын. Одного дракона довольно.

Рука Гриффа в черной перчатке легла ему на плечо.

— Храбро сказано, но думай, о чем говоришь.

— Я думаю, — заявил мальчик. — Зачем мне идти к тетке с протянутой рукой? Я опережаю ее как наследник престола. Пусть сама приходит ко мне — в Вестерос.

— А что, — засмеялся Франклин, — мне нравится. Поплывем не на восток, а на запад. Маленькая королева сажает оливки, а мы посадим на Железный Трон принца. Яйца у него есть, ничего не скажешь.

Верховный капитан вскинулся, как от поще-

чины.

— У тебя, что, Флауэрс, мозги на солнце протухли? Нам нужна эта девочка. Нужен брак. Если Дейенерис примет нашего принца как своего консорта, Семь Королевств сделают то же самое. Без нее лорды только посмеются над ним и выставят его самозванцем. И как ты располагаешь попасть в Вестерос? Ты же слышал, что Лиссоно сказал: кораблей нет.

«Он просто боится лезть в драку, — сказал себе Грифф. — Как их угораздило выбрать такого вместо Черного Сердца?»

— Корабли не хотят идти на восток, а Вестерос — другая статья. Триархи только рады будут от нас избавиться — даже, глядишь, и помогут. Кому нужна чужая армия у себя на пороге?

— В чем-то он прав, — заметил Лиссоно.

— Лев уже наверняка учуял дракона, — подхватил один Коль, — но Серсея смотрит в сторону Миэрина и другой королевы. О принце она знать ничего не знает. Как только мы высадимся и поднимем знамена, народ к нам побежит со всех ног.

— Побегут лишь немногие, — сказал Гарри. — У сестры Рейегара драконы, у сына их нет. Завоевать страну без Дейенерис и ее Безупречных нам

не под силу.

— Первый Эйегон взял Вестерос без помощи евнухов, — вставил Лиссоно. — Почему бы шестому того же не повторить?

— По плану…

— По плану толстяка? — перебил Тристан Риверс. — Тому, что меняется с каждой луной? Сначала Визерис Таргариен должен был привести к нам пятидесятитысячную орду дотракийцев. После смерти его заменила сестрица, послушное дитя, долженствующее приплыть в Пентос с тремя своими драконьими. Потом дитя поворачивает в залив Работорговцев, сжигая города на пути, и толстяк решает, что мы должны ее ждать в Волантисе. А теперь, выходит, и этот план рухнул. Не знаю, как вы, а с меня довольно. Роберт Баратеон занял Железный Трон без всяких драконов — мы тоже займем. А если я ошибаюсь и народ не поддержит нас, мы всегда можем отступить обратно за Узкое море, как Жгучий Клинок и другие после него.

— Риск… — упирался Стрикленд.

— …не так уж велик теперь, когда не стало Тайвина Ланнистера. Самое время идти войной на Семь Королевств. За короля у них другой мальчуган, еще младше прежнего, а мятежников

кругом — что листьев по осени.

— Все равно одни мы не можем…

Грифф уже вдоволь наслушался трусливых доводов командира.

— Мы не будем одни. Дорн поддержит нас непременно: матерью Эйегона была Элия, их принцесса.

— Верно, — сказал мальчик, — и единственный противник, который у нас останется, — это женщина.

— По имени Ланнистер, — уточнил Стрикленд. — Рядом с этой сукой всегда маячит Цареубийца, и все богатство Бобрового Утеса подпирает их сзади. А маленький король, по словам Иллирио, помолвлен с девицей Тирелл — стало быть, и Хайгарден за них.

— Даже век спустя у некоторых из нас остаются друзья в Просторе, — стукнул по столу Ласвелл Пек. — Власть Хайгардена не столь велика, как воображает себе Мейс Тирелл.

— Мы ваши солдаты, принц Эйегон, — сказал Тристан Риверс. — Точно ли вы желаете, чтобы мы отплыли на запад вместо востока?

— Да, — без запинки ответил принц. — Пусть тетка сидит в своем Миэрине, без нее обойдемся. На Железный Трон меня возведут ваши верные

сердца и ваши мечи. Быстрота и натиск, вот главное. Мы начнем побеждать еще до того, как Ланнистеры узнают о нашей высадке, и это привлечет к нам других.

Риверс одобрительно улыбался, другие раздумывали.

— Лучше уж я умру в Вестеросе, чем на дороге демонов, — сказал наконец Пек.

— Предпочитаю жить долго и в собственном замке, — ухмыльнулся Марк Мандрак.

— Пару Фоссовеев убью, и то ладно, — хлопнул по рукояти меча Франклин Флауэрс.

Когда заговорили все разом, Грифф понял, что одержал верх. С этой стороны Эйегона он видел впервые. Неблагоразумно, конечно, но ему уже надоело благоразумие, надоели тайны и ожидание. Как бы все ни обернулось, он еще увидит Гриффин-Руст перед смертью и ляжет в семейной гробнице рядом с отцом.

Офицеры Золотых Мечей один за другим преклоняли колени и слагали мечи к ногам молодого принца. Последним это сделал Бездомный Гарри с мозолями на ногах.

Закатное солнце окрасило золотые черепа красными бликами. Франклин Флауэрс предложил показать принцу лагерь и представить ему кое-

кого из «ребят». Грифф разрешил, но с условием:

— Помни, что для солдат он должен оставаться молодым Греффом вплоть до переправы через Узкое море. Только в Вестеросе мы смоем краску с его волос и облачим принца в подобающие доспехи.

— Ясное дело. — Флауэрс хлопнул мальчика по спине. — Пошли, начнем с поваров — это знакомство полезное.

— Отправляйся на «Деву», — сказал Грифф Полумейстеру. — Привези сюда леди Лемору, сира Ройли и сундуки Иллирио с доспехами и монетой. Поблагодари Изиллу и Яндри: они свое дело сделали, и принц не забудет их, когда взойдет на престол.

— Слушаюсь, милорд. — Хелдон зашагал к воротам, а Грифф ушел в палатку, которую выделил ему Гарри.

Он знал, что впереди их ждет много опасностей, но что из того? Все люди смертны. Время, больше он ничего не просит. Он так долго ждал — уж верно, боги дадут ему еще пару лет, чтобы увидеть на троне мальчика, которого он звал сыном. Чтобы вернуть себе земли, родовое имя и честь. Может быть, тогда колокола, трезвонящие в его голове по ночам, наконец-то уймутся.

Сквозь открытый вход падали красные и золотые лучи. Грифф скинул с себя волчий плащ, стянул кольчужную рубаху, снял перчатку с правой руки. Ноготь на среднем пальце совсем почернел, плоть до первого сустава сделалась серой. Кончик безымянного тоже понемногу темнел — Грифф, кольнув его кинжалом, ничего не почувствовал.

Смерть верная, но не так чтобы скорая. Еще год… еще два… еще пять. Каменные люди, бывает, и по десять живут. Хватит, чтобы переплыть море и увидеть еще раз Гриффин-Руст. Чтобы пресечь в корне род узурпатора и возвести сына Рейегара на трон.

После этого лорд Джон Коннингтон умрет со спокойной совестью.

Сыны Ветра

Слух пронесся по лагерю словно горячий ветер. «Она идет! Ее войско уже выступило в Юнкай, чтобы предать город огню, а людей мечу, а мы идем на север, наперерез ей».

Лягуха узнал это от Дика-Соломинки, тот от старого Костяного Билла, а тот от пентошийца Мирио Миракеса, чей двоюродный брат прислуживал Принцу-Оборванцу.

— Чашник слышал это в командном шатре из уст самого Кагго, — уверял Дик. — Мы выступим еще до конца дня, вот посмотришь.

Так оно и вышло. Принц-Оборванец через капитанов и сержантов дал приказ снимать палатки, грузить мулов, седлать коней и отправляться в поход.

— В город нас юнкайские ублюдки не пустят — больно им надо, чтоб мы ихних дочек щупали, — предсказывал Бакк, косоглазый мирийский арбалетчик, чье имя значило «боб». — Там нас снабдят провизией, может, и лошадей поменяют, и двинем мы в Миэрин плясать с королевой-драконихой. Шевелись, Лягуха, и наточи хорошенько хозяйский меч — он ему скоро понадобится.

В Дорне Квентин Мартелл был принцем, в Волантисе купецким приказчиком — на берегах залива Работорговцев он стал Лягухой, оруженосцем лысого дорнийского рыцаря по прозвищу Зеленорыл. Собственную кличку Квентин получил за резвость, с которой выполнял приказы своего рыцаря, — так, мол, и скачет.

Даже командир их отряда пользовался прозвищем вместо имени. Некоторые из Вольных Отрядов родились в век крови и хаоса, последовавший за Роковым Днем, другие появились вчера, и никто не знал, доживут ли они до завтра. У Сынов Ветра за всю тридцатилетнюю историю был один-единственный командир, Принц-Оборванец — пентошиец знатного рода с грустными глазами, никогда не повышающий голоса. Поверх серебристо-серой, в тон волосам, кольчуги он носил плащ, сшитый из ярких лоскутьев: голубых, пурпурных, красных, золотистых, зеленых, бордовых, алых — все они сильно выгорели на солнце. Дик рассказывал, что Оборванца в возрасте двадцати трех лет выбрали новым принцем Пентоса — через несколько часов после казни старого. Услышав об этом, он опоясался мечом, сел на любимого скакуна и бежал на Спорные Земли. Послужив в Младших Сыновьях, Желез-

ных Щитах и Воинах Девы, он вместе с пятью собратьями по оружию основал Сынов Ветра. Из этих шести основателей только он один и оставался в живых.

Как знать, что в этой истории правда, а что вымысел. Лягуха, записавшись в отряд, видел командира лишь издали. Трое дорнийских рекрутов затерялись среди двух тысяч других новобранцев.

«Какой я оруженосец? — вознегодовал Квентин, когда Геррис предложил прибегнуть к этой уловке. В отряде Герриса звали Герольд-Дорниец, чтобы не путать с двумя другими Герольдами — Красноспинным и Черным, — а иногда и Дринк из-за случайной обмолвки здоровяка. — Шпоры мне достались не просто так — я такой же рыцарь, как ты».

Геррис, однако, был прав. Они с Арчем обязались охранять Квентина, а это значило, что Квентин должен держаться поближе к здоровяку.

«Арч из нас троих лучший боец, — указал Дринквотер, — но жениться на драконьей королеве можешь лишь ты один».

Жениться ли, сразиться — встречи в любом случае ждать недолго. Чем больше Квентин слышал

о Дейенерис Таргариен, тем сильнее страшила его эта встреча. Юнкайцы уверяли, что она кормит своих драконов человеческим мясом и купается в крови девственниц, чтобы сохранить молодость. Бакк над этим смеялся, но сам только и делал, что рассказывал о любовных похождениях серебряной королевы. «Один ее капитан происходит из рода, где у мужчин члены длиной в целый фут, но ей и такого мало. У дотракийцев она привыкла с жеребцами сношаться, поэтому ни один человек не может ей угодить». А Книжник, волантинец, вечно читавший какие-то ветхие свитки, стоял на том, что Дейенерис безумна и убивает всех без разбору. «Кхал убил ее брата, чтобы сделать ее королевой, а она убила самого кхала, чтоб стать кхалиси. Она приносит кровавые жертвы, лжет как дышит и со своими обращается как с врагами. Нарушает перемирия, пытает послов… У нее это в крови, отец тоже был сумасшедший».

Весь Вестерос знал, что Эйерис Второй был безумец. Он изгнал двух своих десниц и сжег третьего. Неужели ему, Квентину, придется взять в жены убийцу? Принц Доран ничего об этом не говорил.

Лягуха был рад убраться из Астапора — Красный Город, по его мнению, мало чем отличался от

ада. Юнкайцы закупорили взломанные ворота, чтобы мертвые и умирающие оставались внутри, но то, что Квентин Мартелл видел на красных кирпичных улицах, обещало остаться с ним до конца его дней. Река, забитая трупами. Жрица в изорванном облачении на колу, окруженная роем зеленых мух. Окровавленные грязные люди на грани смерти. Дети, дерущиеся из-за поджаренных наспех щенков. Нагой король Астапора, терзаемый в яме стаей голодных собак. И пожары, сплошные пожары. Он закрывал глаза и видел, как клубится дым над кирпичными пирамидами, что выше всех замков Вестероса, известных ему.

При южном ветре гарью пахло и здесь, в трех милях от города. Астапор продолжал дымиться за своими красными стенами, хотя почти все большие пожары догорели сами собой, и пепел порхал в воздухе подобно жирному снегу. Скорей бы уйти.

— Давно пора, — соглашался и здоровяк — он играл в кости с Бобом, Книжником и Костяным Биллом и проигрывал, как всегда. — Как, Лягуха, отскреб мою кольчугу от крови? — Наемники полюбили Зеленорыла, который делал ставки столь же азартно, как дрался, вот только в игре ему везло куда меньше.

— Отскреб, сир. — Кольчуга у рыцаря была старая, тяжелая, много раз латанная. То же относилось к шлему, латному вороту, наручам, перчаткам и прочим частям его разрозненных доспехов. У Лягухи с этим обстояло немногим лучше, у сира Герриса много хуже. Оружейник называл все эти латы в целом «отрядным железом». Сколько человек до Квентина погибли в этой броне, ведали только боги. Собственные доспехи Квентина и его спутников остались в Волантисе вместе с золотом и настоящими именами. Состоятельные рыцари из благородных домов не поступают в наемники за Узким морем — если, конечно, они не изгнанники, запятнавшие свою честь. «Представимся лучше бедняками, чем злодеями», — решил Квентин, когда Геррис все это ему объяснил.

На то, чтобы сняться с лагеря, у Сынов Ветра ушло меньше часа.

— Мы выступаем, — провозгласил Принц-Оборванец с высокого серого коня на классическом валирийском, который, хоть с пятого на десятое, понимали почти все. Попона на жеребце, как и плащ всадника, была сшита из верхних камзолов тех, кого убил командир. Оборванцу уже перевалило за шестьдесят, но в седле он держался

прямо, и голос его был слышен во всех концах поля. — Астапор мы лишь надкусили, пировать будем в Миэрине.

Наемники откликнулись громким «ура». На копьях развевались вымпелы голубого шелка, впереди несли раздвоенные штандарты, синие с белым.

Трое дорнийцев орали вместе со всеми — молчание могли счесть подозрительным. Лишь когда Сыны Ветра двинулись на север вслед за Красной Бородой и Дикими Котами, Лягуха поравнялся с Герольдом-Дорнийцем и сказал на общем языке Вестероса:

— Надо что-то делать, и быстро.

В отряде имелось еще несколько вестеросцев, но они были далеко и не могли его слышать.

— Не сейчас, — с достойной лицедея улыбкой ответил Геррис. — Поговорим ночью, когда разобьем бивак.

От Астапора до Юнкая по старой гискарской прибрежной дороге сто лиг, от Юнкая до Миэрина — еще пятьдесят. У вольных отрядов на хороших конях дорога в Юнкай займет шесть дней быстрой езды или восемь более медленной. Пехота из Старого Гиса будет идти в полтора раза дольше, юнкайцы же со своим рабским

войском…

«Чудо еще, что генералы их морем не повели», — сказал Боб.

Чего-чего, а воевод у юнкайцев хватало. Верховным командующим был старый герой Юрхаз зо Юнзак — его Сыны Ветра почти и не видели; старика таскали в громадных носилках, рассчитанных на сорок рабов, зато подчиненные ему командиры сновали повсюду что твои тараканы. Половину их них, похоже, звали Гхаздан, Граздан, Маздан или Гхазнак. Отличить одно гискарское имя от другого мало кто мог, а в отряде их называли по-своему.

Самым приметным был Желтый Кит, невероятно толстый и всегда носивший желтые токары с золотыми кистями. Он даже стоять не мог без подмоги и страдал недержанием — мочой от него несло так, что не спасали крепкие духи. Говорили, что это первый во всем Юнкае богач, собирающий разные диковины: среди его рабов числились мальчик на козлиных копытах, бородатая женщина, двухголовый урод из Мантариса и гермафродит, хозяйский наложник. «И хрен, и дырка, — рассказывал Дик-Соломинка. — Великан у них тоже был — Кит любил глядеть, как он рабынь пялит, — только помер. За нового Кит,

слыхать, сулит мешок золота».

Была еще Девка, разъезжавшая на белой лошади с красной гривой. Она командовала сотней рабов, которых сама обучила. Все молодцы как на подбор, стройные, мускулистые, в набедренных повязках и желтых плащах, на длинных бронзовых щитах непристойные инкрустации. Лет ей было не больше шестнадцати, и она воображала себя юнкайской Дейенерис Таргариен.

Голубок, не совсем карлик, в сумерках мог за такового сойти, но держался как великан, широко расставляя пухлые ножки и выпячивая пухлую грудку. Выше его солдат Сыны Ветра никого не встречали: самый маленький семи футов, самый большой ближе к восьми. Длиннолицые, длинноногие, да еще и на ходулях, вделанных в нарядные поножи. Торсы их защищала чешуйчатая розовая эмаль, покрытые розовыми перьями шлемы венчались стальными клювами. Все они носили длинные кривые мечи и копья с себя ростом, с листовидными остриями на обоих концах.

«Он их разводит сам, Голубок, — говорил Дик-Соломинка. — Скупает везде высоких рабов, скрещивает баб с мужиками и берет в Цапли отпрысков, кто ростом побольше. Когда-нибудь ему, глядишь, и ходули не нужны станут».

«Может, их на дыбе растягивать?» — предлагал здоровяк, а Геррис смеялся: «Вот страх-то. Воины на ходулях, в розовой броне и таких же перьях… случись мне сразиться с таким, я бы ржал до уссачки».

«Говорят, что цапли — птицы величественные», — заметил Костяной Билл.

«Может, твой король ест лягушек, стоя на одной ножке?»

«Трусы они, — сказал здоровяк. — Раз охотились мы с Дринком и Клотусом, глядим — цапли бродят по отмели, клюют мелкую рыбешку и головастиков. Красиво, да, но стоило пролететь ястребу, как они все поднялись на крыло, будто дракона увидели. Такой ветер подняли, что меня с коня сдуло, но Клотус успел достать стрелу и одну цаплю сбил. На утку похожа, только не такая жирная».

Но даже Голубок со своими Цаплями бледнел рядом с братьями, получившими у наемников имя Звонкие Лорды. При столкновении с Безупречными молодой королевы юнкайские солдаты-рабы обратились в бегство, поэтому братья придумали сковывать их по десять человек, рука к руке, лодыжка к лодыжке. «Теперь эти бедолаги смогут убежать только все вме-

сте, — разъяснял со смехом Дик-Соломинка, — а скованным далеко не уйдешь».

«На марше они тоже плетутся не сильно быстро, — добавил Боб, — а перезвон слышен за десять лиг».

Были и другие, безумные в той же степени, если не хуже: Вислощекий, Хмель-Воевода, Хозяин Зверей, Кисель, Кролик, Возничий, Духовитый. Одни командовали двумя десятками солдат, другие двумя сотнями и двумя тысячами, но все солдаты были рабы, обученные и снаряженные командирами, а командиры все как один задирали нос, отчитывались только перед Юрхазом зо Юнзаком, смотрели на простых наемников свысока и вели нескончаемые, непонятные посторонним споры о первенстве.

На первых же трех милях юнкайцы отстали от Сынов Ветра на две с половиной.

— Вот дурачье желтозадое, — сетовал Боб. — До сих пор не дотумкали, почему Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья перешли к королеве драконов.

— Перекупила она их, что ж еще, — сказал Книжник. — Потому нам столько и платят.

— Золото — вещь хорошая, но жизнь слаще, — не соглашался Боб. — В Астапоре мы имели дело

с калеками — каковы тебе покажутся настоящие Безупречные с таким-то воинством за спиной?

— В Астапоре тоже Безупречные были, — сказал здоровяк.

— Я сказал: настоящие. Можно отрубить парню яйца мясным тесаком и нахлобучить на него острую шапку, но Безупречным от этого он не станет. У драконьей королевы они самые что ни на есть подлинные — такие не побегут, если кто-то пернет в их сторону.

— У нее еще и драконы есть. — Дик-Соломинка покосился на небо, будто опасаясь привлечь чудовищ неосторожным словом. — Держите мечи наготове, ребята, драка впереди ждет будь здоров.

«Будь здоров…» Сражение под стенами Астапора тоже показалось Лягухе достаточно страшным, хотя его соратники так не думали. «Не битва, а бойня», — заявил потом воин-бард Дензо Дхан — капитан, побывавший в сотне сражений. Лягуха, чей опыт ограничивался учебным двором и турнирным полем, не мог и помыслить о споре с таким ветераном.

Но на первых порах ему было ох как страшно. Здоровяк разбудил его пинком на рассвете и прогремел: «Влазь в доспехи, лежебока. Мясник

хочет дать нам бой — вставай, пока на мясо не порубили».

«Король-мясник убит», — возразил сонный Лягуха. Об этом их известили, как только они сошли с кораблей, доставивших их из Волантиса. Его преемника, Клеона Второго, тоже прикончили; теперь астапорцами правили шлюха и сумасшедший цирюльник, успевшие передраться между собой.

«Может, нам наврали, — отвечал здоровяк, — или это какой-то другой мясник. Может, первый вылез из гроба, чтобы резать юнкайцев. Какая на хрен разница — влазь в доспехи». Все девять солдат, спавших с Лягухой в палатке, уже натягивали бриджи и сапоги, надевали кольчуги, застегивали панцири, наручи и поножи, хватали шлемы, щиты, пояса с мечами. Геррис, как всегда, управился раньше всех, Арч за ним — Квентину они помогали вдвоем.

В трехстах ярдах от них выходили из ворот и строились под красной стеной новые астапорские Безупречные. Утреннее солнце блестело на их остроконечных бронзовых шлемах и наконечниках длинных копий.

Трое дорнийцев вместе с другими припустили к лошадиным загонам. Битва! Квентин учился

владеть мечом, копьем и щитом с тех пор как научился ходить, но сейчас это мало что значило. «Воин, дай мне отваги!» — молился Лягуха под бой барабанов: БУМ-бум-БУМ-бум-БУМ. Здоровяк показал ему короля-мясника в медной, ослепительно сверкающей чешуе, верхом на одетом в доспехи коне. «Смотри же, от Арча ни на шаг, — сказал Геррис на ухо. — Жених у нас один — ты». Астапорцы между тем приближались.

Король-мясник, живой или мертвый, захватил мудрых господ врасплох. Юнкайцы еще носились в своих токарах, пытаясь хоть как-то построить рабов, а копья Безупречных уже вонзились в их передовые ряды. Без презренных наемников дело могло бы кончиться плохо, но конница в лице Сынов Ветра и Диких Котов обрушилась на астапорские фланги, а новогисский легион, прорвавшись сквозь лагерь юнкайцев с другой стороны, схватился с Безупречными щит к щиту и копье к копью.

После этого битва обернулась той самой бойней, причем мясник оказался не на том конце топора. Кагго, сокрушив королевскую охрану на своем чудовищном скакуне, развалил Клеона Великого аракхом от плеча до бедра. Лягуха не видел этого, но очевидцы говорили, что медная

броня Клеона лопнула будто шелк, а изнутри в облаке жуткой вони повалили серые черви. Астапорцы выкопали первого короля из могилы, затолкали в доспехи и привязали к коню, надеясь вселить этим боевой дух в своих Безупречных.

Увидев вместо живого Клеона труп, те побросали копья, щиты и побежали обратно в город, но наткнулись на запертые ворота. Лягуха с другими Сынами Ветра принял участие в последовавшей за этим резне. Рубил несчастных евнухов бок о бок со здоровяком. Когда их клин прорвал ряды Безупречных насквозь, Принц-Оборванец развернул их и снова повел в атаку. Лишь тогда Лягуха стал замечать лица под остроконечными шлемами и понял, что почти все они не старше его. Мальчишки кричали и звали своих матерей, но он продолжал убивать их. Поле он покидал с обагренным мечом, не в силах поднять натруженную правую руку.

Стало быть, это сражение было не настоящее. Настоящее впереди, и надо срочно бежать, чтобы не остаться к его началу во вражеском лагере.

Лагерь к ночи разбили на берегу залива. Лягуху, которому досталась первая стража, поставили охранять лошадей. Туда и пришел к нему Геррис сразу после заката, когда над морем взошла по-

ловинка луны.

— Здоровяк тоже должен подойти, — сказал Квентин.

— Он ушел проигрывать старому Биллу остаток своего серебра. Пусть его. Он сделает так, как мы скажем, нравится это ему или нет.

Квентину тоже многое не нравилось. Плавание на набитом битком судне, червивые сухари, черный как деготь ром — его пьешь поневоле, чтобы забыться, — заплесневелая солома… все, чего он мог ожидать, подписав в Волантисе тот пергамент и обязавшись отслужить в Сынах Ветра год. Приключения никогда не обходятся без лишений, но то, что они собираются сделать дальше, — уже измена.

Юнкайцы наняли их для защиты Желтого Города, а они замышляют перебежать к врагу, бросив своих боевых товарищей. По доброй воле Квентин их бы не выбрал в соратники, но он плыл с ними по морю, делил хлеб и соль, дрался в их рядах, болтал с теми немногими, чью речь понимал. Все, что он рассказывал о себе, было ложью, но иначе он бы не попал в Миэрин.

«Чести мы себе этим не наживем», — предупреждал Геррис в «Купеческом доме».

— Дейенерис, возможно, уже на полдороге к

Юнкаю, — сказал Квентин, прохаживаясь между лошадиными крупами.

— Где там, одни разговоры. Астапорцы ждали, что она придет с драконами и прорвет их осаду, но она не пришла — и на Юнкай ей идти тоже незачем.

— Мы не можем этого знать. Надо удирать, пока нас не послали в бой с женщиной, на которой я намерен жениться.

— Это юнкайские земли, дезертиров здесь укрывать и кормить не станут. Давай подождем до города, там дальше земля ничейная.

Геррис рассуждал здраво, и все же…

— Здоровяк завел себе слишком много друзей, — сказал Квентин. — Он хоть и знает, что мы всегда собирались перебежать к Дейенерис, не хочет бросать людей, вместе с которыми воевал. Если будем долго ждать, нам придется бросить их накануне боя, а на это он не пойдет — ты его знаешь.

— Жди не жди, все равно это дезертирство, которого Принц-Оборванец сильно не одобряет. Он пошлет за нами погоню, и да помогут нам Семеро, если нас схватят. В лучшем случае всем отрубят по ступне, чтоб не бегали больше, в худшем отдадут Крошке Мерис.

Это заставило Квентина призадуматься. Крошка Мерис была уроженкой Вестероса, выше его ростом, всего на палец не доставшей до шести футов. Хороша крошка, двадцать лет прослужила в вольных отрядах.

— Подождем еще несколько дней, — уговаривал Геррис. — Мы проехали полмира, потерпи еще сотню лиг. К северу от Юнкая удача нам улыбнется.

— Ну, не знаю… — протянул Квентин.

Но боги на этот раз были милостивы, и удача им улыбнулась гораздо раньше, всего два дня спустя. Хью Хангерфорд подъехал к их костру и сказал:

— Дорнийцев зовут в шатер командира.

— Кого именно? — спросил Геррис. — Мы все дорнийцы.

— Значит, идите все. — Угрюмый, с покалеченной рукой Хангерфорд раньше был казначеем, но Принц-Оборванец поймал его на краже, разжаловал в сержанты и отрезал ему три пальца.

К чему бы это? Лягуха мог бы поклясться, что командир понятия о нем не имеет, но Хангерфорд уже отъехал, и спросить было некого. Оставалось найти здоровяка и явиться куда приказано.

— Не сознавайтесь ни в чем и приготовьтесь дать бой, — наставлял друзей Квентин.

— Кто-кто, а я всегда готов, — заявил здоровяк.

В сером павильоне, который Принц-Оборванец именовал своим полотняным замком, народу было полным-полно. Квентин сразу смекнул, что собрались здесь большей частью вестеросцы или выдающие себя за таковых, изгнанники и дети изгнанников. Дик-Соломинка говорил, что таких в отряде наберется человек шестьдесят, и в шатре присутствовала добрая треть, включая самого Дика, Хангерфорда, Крошку Мерис и златокудрого Льюиса Ланстера, первого отрядного лучника.

Дензо Дхан и Кагго тоже здесь были. Кагго называли теперь Трупорубом, но не в глаза: он был скор на гнев, и его черного кривого клинка все боялись не меньше, чем самого Кагго. Валирийских длинных мечей в мире сотни, а вот валирийских аракхов раз-два и обчелся. Оба они, не будучи вестеросцами, носили звание капитана и считались правой и левой рукой командира отряда. Затевалось, по всему видно, что-то нешуточное.

Речь держал сам Принц-Оборванец.

— Юрхаз шлет нам весть, что уцелевшие астапорцы бегут из города и расползаются по округе. Их сотни, если не тысячи — юнкайцы не хотят подпускать этих дохляков к своему Желтому Городу. Нам приказано перехватывать их и гнать

либо назад в Астапор, либо на север от Миэрина. Захочет драконья королева взять их себе — пусть берет. У половины из них кровавый понос, да и от здоровых никакой пользы: зачем лишние рты кормить.

— Юнкай ближе Миэрина, — заметил Хангерфорд. — Что, если они не пойдут, милорд?

— На то у вас мечи с копьями, Хью. А также луки — это первым делом: от больных лучше держаться подальше. Я посылаю в холмы половину отряда — пятьдесят караулов по десять всадников в каждом. Красная Борода получил такой же приказ, и Коты тоже выходят в поле.

Среди собравшихся прошел ропот. Сейчас и Сыны Ветра, и Дикие Коты выступали на стороне Юнкая, но в прошлом году на Спорных Землях они сражались друг против друга. Красная Борода, свирепый кровожадный гигант, не скрывал своего презрения к «старикашкам в лохмотьях».

— Прошу прощения, — откашлялся Дик-Соломинка, — но мы тут все из Семи Королевств. Милорд никогда не делил своих солдат по языку или крови, за что ж теперь нам такая честь?

— Хороший вопрос. Вы поедете в холмы, на восток, потом обогнете Юнкай и двинетесь к Миэрину. Если увидите астапорцев, гоните их на

север или приканчивайте, но на самом деле задача у вас другая. За Желтым Городом вам вполне могут встретиться дозоры королевы драконов — Вороны-Буревестники или Младшие Сыновья, все равно. Вы должны перейти на их сторону.

— На их сторону? — повторил рыцарь из бастардов, сир Орсон Стоун. — То есть предать вас?

— Именно так, — сказал командир.

Квентин Мартелл едва удержался от смеха. Боги, не иначе, сошли с ума.

Вестеросцы переминались с ноги на ногу и заглядывали в винные чаши, словно надеялись найти ответ там.

— Думаете, королева Дейенерис нас примет? — нахмурился Хью Хангерфорд.

— Думаю, да.

— Но что мы должны делать, если это произойдет? Кто мы — шпионы, убийцы или послы? Вы хотите перейти к ней вместе со всем отрядом?

— Это решать принцу, Хангерфорд! — рявкнул Кагго. — А твое дело приказ выполнять.

— Так точно. — Хангерфорд вскинул вверх двухпалую руку.

— Будем откровенны, — сказал воин-бард Дензо Дхан. — Юнкай доверия не внушает. Сыны Ветра должны получить свою долю при любом исходе

войны, и принц мудро прокладывает для нас разные тропы.

— Командовать будет Мерис, — добавил Принц-Оборванец. — Мое мнение ей известно, и к женщине Дейенерис Таргариен может отнестись благосклоннее, чем к мужчине.

Квентин вздрогнул, встретившись с мертвым взглядом Мерис, — подчиняться ей ему ничуть не хотелось.

Дик-Соломинка тоже не избавился от сомнений.

— Дура будет девчонка, если поверит нам. Даже и с Мерис. С ней особенно: я Мерис не верю, хоть и спал с ней сколько-то раз. — Он ухмыльнулся, но никто не засмеялся ему в ответ. Крошка Мерис, разумеется, тоже.

— Я думаю по-другому, Дик, — сказал Принц-Оборванец. — Все вы вестеросцы, ее земляки. Говорите на одном языке и поклоняетесь тем же богам. Что до ваших мотивов, то вы все на меня обижены. Покажешь ей спину, Дик, благо тебя в этом отряде секли чаще всех. Хью лишился трех пальцев, Мерис насиловали годами — не наши ребята, правда, но об этом можно и умолчать. Ты, Уилл Лесной, просто мерзавец, на все готовый. Сир Орсон не простил мне посланного в Горести

брата, сир Люсифер до сих пор зол за рабыню, которую отнял у него Кагго.

— Мог бы и вернуть, как попользовался, — пожаловался Люсифер Лонг. — Зачем было ее убивать?

— Уродина была, потому и убил, — сказал Кагго.

— Ты, Вебер, хочешь вернуть себе вестеросские земли, — продолжал командир, как будто его и не прерывали. — У тебя, Ланстер, я убил любимого мальчика. Три дорнийца после Астапора получили гораздо меньше, чем им обещали в Волантисе, поскольку я львиную долю забрал себе.

— Последнее — чистая правда, — сказал сир Орсон.

— В хорошей лжи всегда есть зернышко правды. Короче, у каждого из вас имеется причина сбежать, а Дейенерис Таргариен знает, что такое наемники. Младшие Сыновья и Вороны-Буревестники взяли юнкайское золото, но не задумались перейти к ней, когда удача склонилась на ее сторону.

— Когда отправляемся? — спросил Льюис Ланстер.

— Тотчас же, без промедления. Остерегайтесь Котов и Длинных Копий, которые могут вам

встретиться. О том, что ваше бегство всего лишь хитрость, известно только в этом шатре. Если слишком поторопитесь, вас изувечат как дезертиров или выпустят вам кишки как предателям.

Дорнийцы вышли из шатра молча. Среди двадцати человек, говорящих на общем, шептаться стало опасно.

— Что, Лягуха, — гаркнул здоровяк, огрев Квентина по спине, — поохотимся на драконов?

Сбежавшая невеста

Аша Грейджой сидела в чертоге Галбарта Гловера и пила вино Галбарта Гловера, когда мейстер Галбарта Гловера принес ей письмо.

— Миледи, — произнес он с тревогой, как всегда при обращении к ней, — из Барроутона прислали птицу. — Туго скатанный, запечатанный твердым розовым воском пергамент мейстер сунул ей так, словно не чаял сделать это скорее.

Барроутон. Аша попыталась вспомнить, кто тамошний лорд. Какой-то северянин, не друг ей. И эта печать… Болтоны из Дредфорта выезжают на бой с розовыми знаменами, испещренными каплями крови, — стало быть, и розовым воском вполне могут пользоваться. Сжечь бы письмо сразу, внутри все равно ничего хорошего нет. Подумав так, Аша все же вскрыла печать, и ее мрачное настроение стало еще мрачнее. Черные крылья, черные вести. Добрых известий вороны никогда не приносят. Последнее письмо в Темнолесье присылал Станнис Баратеон, требуя присяги на верность, а это еще хуже прежнего.

— Северяне взяли Ров Кейлин.

— Бастард Болтонский? — спросил сидящий с

ней рядом Кварл.

— Рамси Болтон, лорд Винтерфелла — так он подписывается. Тут и другие подписи есть. — Ниже Болтона проставили свои имена леди Дастин, леди Сервин и четверо Рисвеллов. Рядом был кое-как изображен великан, эмблема кого-то из Амберов.

Подписи были сделаны мейстерскими чернилами из сажи и каменноугольной смолы, но огромные остроконечные буквы самого письма накарябали чем-то бурым. В нем извещалось о падении Рва, о триумфальном возвращении на Север его Хранителя, о скорой женитьбе. «Я пишу это кровью Железных Людей, — говорилось в конце, — и каждому из вас посылаю частицу принца. С вами будет то же самое, если не уберетесь с моих земель».

Аше хотелось верить, что ее младший брат давно уже мертв. Лучше уж умереть, чем такое. Упавший ей на колени кусочек кожи она поднесла к свече и держала, пока пламя не лизнуло ей пальцы.

— Ответа не будет, — сказала она топтавшемуся около нее мейстеру.

— Могу я поделиться этой вестью с леди Сибеллой?

— Как хочешь. — Какая радость Сибелле Гловер от падения Рва? Она только что не живет в богорощe, молясь за детей и благополучное возвращение мужа. Последнее вряд ли случится — ее сердце-дерево, похоже, столь же глухо к молитвам, как и Утонувший Бог островов. Роберт Гловер и его брат Галбарт уехали с Молодым Волком на юг, и если рассказы о Красной Свадьбе хотя бы наполовину правдивы, домой они уже не вернутся. Зато дети живы — благодаря Аше. Это она решила не подвергать грудную девочку еще одному переходу по бурному морю. — На, держи. — Аша отдала письмо мейстеру. — Пусть утешится, если тут есть утешение. Можешь идти.

Когда мейстер вышел, Трис Ботли сказал:

— Если Ров пал, Торрхенов Удел тоже скоро падет, а за ним придет наша очередь.

— Не так скоро. Щербатый заставит их попотеть. — Торрхенов Удел не такая развалина, как Ров Кейлин, а в Дагмере железа больше, чем мяса. Он скорее умрет, чем сдастся.

Ров тоже нипочем бы не сдали, будь отец жив. Бейлон Грейджой понимал, что Ров — это ключ ко всему Северу. Эурон тоже знает, но на Ров ему наплевать — и на Темнолесье тоже, и на Удел.

— Эурону до завоеваний Бейлона дела нет —

дядюшка гоняется за драконами. — Вороний Глаз, собрав на Старом Вике весь островной флот, отплыл в Закатное море, а братец Виктарион, как побитая собака, потащился за ним. На Пайке больше не к кому обращаться за помощью, разве только к ее лорду-мужу. — Мы остались одни.

— Дагмер их расколотит, — возразил Кромм, для которого битва слаще всех женщин на свете. — Эка невидаль, волки.

— Волки все убиты. — Аша ковырнула ногтем розовый воск. — И освежеваны.

— Надо идти в Торрхенов Удел подмогнуть им, — заявил дальний родич Квентон Грейджой, капитан «Соленой женки».

— Верно, — поддержал его Дагон Грейджой, еще более дальний родич по прозванию Дагон-Забулдыга; подраться он любил и пьяным, и трезвым. — Незачем всю славу Щербатому отдавать.

Двое слуг лорда Гловера подали жаркое на стол, но тот клочок кожи отбил у Аши всякую охоту к еде. Она понимала, что ее люди больше не надеются на победу: умереть достойно — их единственное желание. Рано или поздно волки им в этом услужат, придя отбирать замок назад.

Солнце уже садилось за высокие сосны Вол-

чьего леса, когда Аша поднялась по деревянной лестнице в бывшую спальню Галбарта Гловера. Она выпила слишком много вина, и в голове стучало. Она любила своих людей — и капитанов и простых воинов, — но признавала, что половина из них дураки. Храбрые, да, но все-таки дураки. Идти на помощь Щербатому — как будто это возможно!

Между Темнолесьем и Дагмером пролегли немереные лиги крутых холмов, густых лесов, бурных речек, и северянам там счету нет. У Аши всего четыре ладьи и неполных две сотни бойцов, включая Тристифера Ботли, на которого полагаться нельзя. Трудно представить, что Трис, вопреки всем его любовным речам, ринется в Торрхенов Удел и умрет вместе с Дагмером.

— Уйди, — сказала она последовавшему за ней Кварлу. — Я хочу остаться одна.

— Ты меня хочешь, вот чего. — Он полез целоваться, но Аша его оттолкнула.

— Попробуй тронь еще!

— И что будет? — Он вынул кинжал. — Раздевайся.

— Иди любись сам с собой, щенок.

— С тобой слаще. — Одним взмахом он рассек шнуровку ее камзола. Аша схватилась за топор,

но Кварл вывернул ей руку и заставил бросить оружие. Потом швырнул ее на кровать Гловера, впился в нее поцелуем, сорвал камзол, обнажив грудь. Она попыталась садануть его в пах коленом, но он ловко увернулся и раздвинул ей ноги.

— Попробуй только, — прошипела она, — убью. Заснешь, тут тебе и конец. — Благодаря обильной влаге Кварл вошел в нее без труда. — Будь ты проклят! — выкрикнула она. — Проклят, проклят, проклят! — Он лизал ей соски, пока крик не стал бессловесным. Весь мир сузился до величины ее лона. Забылось все: Ров Кейлин, Рамси Болтон, кусочек кожи, неудачное для нее вече, изгнание, враги, муж. Остались только руки Кварла, его рот, его объятия, его стержень внутри. Он довел ее сперва до воплей, потом до рыданий и лишь тогда излил в нее свое семя. — Я мужняя жена, — напомнила ему Аша, — а ты меня обесчестил. Мой лорд-муж тебе яйца отрежет и наденет на тебя платье.

— Если из кресла своего вылезет, — сказал Кварл, скатившись с нее.

В комнате было холодно. Аша сняла с себя порванную одежду. Камзолу нужны новые шнурки, сорочка и вовсе никуда не годится — Аша швырнула ее в огонь. Груди болели, семя Кварла

стекало по ляжкам. Надо бы заварить лунный чай, чтобы не зачать нового кракена. Хотя кому до этого дело? Отец умер, мать умирает, с брата понемногу сдирают кожу, а она бессильна всему этому помешать. И еще она замужем, хотя и делит ложе с другим мужчиной.

Когда она забралась под меховое одеяло, Кварл уже спал.

— Ну, теперь берегись. Куда я кинжал подевала? — Аша прижалась к его спине, обхватила его руками. На островах он известен как Кварл-Девица; есть еще Кварл Шеперд, Чудной Кварл Кеннинг, Кварл Быстрый Топор, Кварл-Невольник, а этого прозвали так за гладкие щеки. Когда они встретились, он пытался отпустить бороду. «Персиковый пушок», — со смехом сказала она. Он признался, что персика сроду не видел, и она позвала его вместе с собой на юг.

Лето в ту пору еще не кончилось. Роберт сидел на Железном Троне, Бейлон думал свою думу на Морском, и ничто не нарушало мира в Семи Королевствах. Аша шла на «Черном ветре» вдоль побережья, занимаясь торговлей. Зайдя на Светлый остров, в Ланниспорт и еще какие-то мелкие гавани, они добрались до Бора, где растут огромные сладкие персики. «Вот, смотри», — сказала

она, приложив плод к щеке Кварла, а потом сцеловала сок, текущий по его подбородку.

Всю ночь они наслаждались персиками и друг другом; к рассвету насытившаяся, липкая Аша была счастлива, как никогда прежде. Когда это было — шесть, семь лет назад? Память о лете тускнеет, и вот уж три года Аша не ела персиков, но Кварл все еще с ней. Капитаны и короли не захотели ее, а вот он всегда хочет.

У нее были другие любовники, кто на полгода, кто на одну ночь, но ни с кем ей не было так хорошо, как с Кварлом. Пусть он бреется раз в две недели — не борода делает мужчину мужчиной. Ей нравилась его гладкая кожа, нравились длинные прямые волосы до плеч. Нравилось, как он целуется, нравилось, как усмехается, когда она ласкает его соски. Волосы между ног у него темнее песочных на голове и мягки как пух по сравнению с ее собственной черной порослью. У него тело пловца — длинное, худощавое, без единого шрама.

Застенчивая улыбка, сильные руки, умные пальцы и два верных меча — чего еще желать женщине? Аша охотно вышла бы замуж за Кварла, но она дочь лорда Бейлона, а он простолюдин, внук невольника. В мужья не годится, но сосать

ему ей ничто не препятствует. Этим Аша и занялась. Кварл пошевелился во сне, начал твердеть и скоро проснулся. Аша, накинув мех на голые плечи, оседлала его и погрузила в себя так глубоко, что не понять стало, где он, где она. На этот раз они оба достигли вершины вместе.

— Сладкая моя леди, — забормотал сонный Кварл. — Сладкая королева.

Нет, королевой ей не бывать.

— Спи, спи. — Поцеловав его в щеку, Аша прошлепала к окну, распахнула ставни. Луна, почти полная, хорошо освещала горы со снежными шапками — холодные, негостеприимные и все же прекрасные. Белые пики сверкали, как острые зубы, холмы и предгорья лежали в тени.

Море ближе, всего в пяти лигах к северу, но его отсюда не видно. Слишком много холмов на пути, слишком много деревьев. Волчий лес, так называют северяне эту чащобу. Почти каждую ночь слышно, как волки перекликаются друг с другом во мраке. Целый океан — жаль, что вместо воды в нем листья.

Темнолесье не так далеко от моря, как Винтерфелл, но на вкус Аши все же далековато. Здесь пахнет соснами, а не солью. На северо-востоке, за этими мрачными горами, стоит Стена, где

поднял свои знамена Станнис Баратеон. Враг моего врага — мой друг, как гласит пословица, но враг моего друга, с другой стороны — мой враг. Железные Люди — враги северных лордов, в которых так отчаянно нуждается этот Баратеон. «Я могла бы предложить ему свое молодое тело», — подумала Аша, откинув волосы с глаз, но Станнис женат, она замужем, и между ним и островами старые счеты. Когда ее отец поднял свой первый мятеж, Станнис разбил Железный Флот у Светлого острова и подчинил себе Старый Вик именем своего брата.

В стенах Темнолесья заключен круглый холм с плоской верхушкой. На нем стоит большой чертог, в одном конце которого высится на пятьдесят футов сторожевая башня. Под холмом помещается двор с конюшнями, паддоком, кузницей, колодцем и овечьим загоном. Все это огорожено глубокой канавой, земляным валом и бревенчатым палисадом. Внешние укрепления образуют овал, согласно ландшафту. Есть там двое ворот, каждые с двумя деревянными четырехугольными башнями, и по стенам можно свободно расхаживать. Палисад и башни с южной стороны замка густо покрыты мхом. К востоку и западу лежат пустые поля. Когда Аша подошла к замку,

там росли овес и ячмень, но ее люди затоптали колосья, а злаки, посеянные позже, убил мороз. Теперь там только грязь, пепел и гнилые побеги.

Замок стар, но не сказать, чтобы крепок. Она отбила его у Гловеров, а Бастард Болтонский отобьет у нее. Но кожу он с нее не сдерет: Аша Грейджой живой не дастся. Умрет, как и жила, с боевым топором в руке и смехом на устах.

Лорд-отец дал ей тридцать ладей для взятия Темнолесья. Из них осталось четыре: ее собственный «Черный ветер» и три, принадлежащие Трису Ботли. Он примкнул к ней, когда все прочие разбежались… вернее, отплыли домой, чтобы воздать почести своему королю. Если кто и сбежал, так это она, и ей до сих пор стыдно.

«Беги», — посоветовал Чтец, когда капитаны несли дядю Эурона вниз с холма Нагги, чтобы увенчать его короной из плавника.

«Кто бы говорил! Бежим вместе. Ты нужен мне, чтобы поднять Харло». — Тогда Аша еще намеревалась бороться.

«Все жители Харло, идущие в счет, находятся здесь, и кое-кто выкрикивал Эурона. Я не стану поднимать Харло на Харло».

«Эурон безумен и очень опасен. Этот его рог…»

«Я слышал его. Беги, Аша. Как только Эурона

коронуют, его знаменитый глаз станет искать тебя».

«Если я выйду против него с другими своими дядьями…»

«…ты умрешь отверженной, и никто не заступится за тебя. Назвав свое имя капитанам, ты подвергла себя их суду, и негоже теперь оспаривать их решение. Приговор веча опровергался только однажды — почитай Хейрега».

Только Родрик-Чтец способен ссылаться на какой-то заплесневелый том, когда дело идет о жизни и смерти. «Раз ты остаешься, я тоже останусь», — упрямо сказала Аша.

«Не будь дурой. Сегодня Эурон смотрит на мир улыбчивым глазом, но завтра… Ты дочь Бейлона, Аша, и твои права на трон сильней, чем у дяди. Так всегда будет, пока ты жива. Тебя убьют или выдадут за Рыжего Гребца — уж не знаю, что хуже. Беги сейчас: кто знает, сможешь ли ты потом это сделать».

«Черный ветер» стоял у дальнего берега как раз на такой случай. Старый Вик — небольшой остров: она могла подняться на борт до восхода солнца и уйти на Харло до того, как Эурон ее хватится. Но Аша медлила, пока Родрик не сказал ей: «Уходи ради меня, дитя. Я не хочу видеть, как

тебя убивают».

И Аша ушла. Сначала в Десять Башен, чтобы проститься с матерью. «Меня теперь, наверное, долго не будет», — сказала Аша, но леди Аланнис не поняла. «Где Теон? — спрашивала она. — Где мой малютка?» А леди Гвинессу занимало одно — когда вернется лорд Родрик. «Я на семь лет его старше, — твердила она. — Десять Башен должны быть моими».

Аша была еще там и запасалась съестными припасами, когда до нее дошли вести о собственной свадьбе. «Моя строптивая племянница нуждается в укрощении, — заявил, по слухам, Вороний Глаз, — и я знаю мужчину, который на это способен». Дядя дал ей в мужья Эрика Айронмакера, назначив его же править Железными островами, пока сам гоняется за драконами. В свое время Эрик был славным бойцом и ходил в море еще с прапрадедом Аши — тем самым Дагоном Грейджоем, в честь которого назвали Дагона-Забулдыгу. Старухи на Светлом острове до сих пор пугают внуков лордом Дагоном и его воинами. Аша на вече ранила гордость Эрика и знала, что он ей этого не забудет.

Зато дядюшка, надо отдать ему должное, одним махом превратил соперника в верного родича,

обеспечил острова надежным правителем и сделал так, чтобы Аша перестала быть для него угрозой. И посмеялся в придачу. Невесту, по словам Триса Ботли, заменял на свадьбе тюлень. «Надеюсь, на брачное ложе Эрик с ним не возлег», — сказала Аша.

Домой ей нельзя, здесь тоже оставаться опасно. Ашу, вся жизнь которой прошла на островах и ладьях, пугала лесная тишь. На море тихо никогда не бывает. Волны, набегающие на каменный берег, рокочут в ее крови, но в Темнолесье волн нет, только деревья, деревья, конца-краю им нет… гвардейские сосны, стражи, буки, ясени, старые дубы, каштаны и ели. Слышно их, лишь когда ветер дует, — тогда вокруг раздаются вздохи, будто они шепчутся на непонятном ей языке.

Этой ночью шепот был громче обычного — ветер, видно, палую листву носит да скрипит голыми ветками. Аша отвернулась от окна и от леса. Оказаться бы снова на палубе… или поесть хотя бы. Выпила она чересчур много, а к мясу даже и не притронулась, только хлеба немного съела.

При луне Аша отыскала плотные черные бриджи, стеганый камзол, зеленую кожаную куртку со стальными накладками. Не будя Кварла, оде-

лась и сошла босиком по наружной лестнице замка. Часовой на стене отсалютовал ей копьем, она в ответ свистнула. Во дворе по дороге на кухню ее облаяли собаки Галбарта Гловера. Вот и ладно, не так слышно, как лес шумит.

Не успела она отрезать ломоть желтого сыра от круга величиной с тележное колесо, вошел Трис Ботли, закутанный в теплый меховой плащ.

— Моя королева.

— Насмехаешься?

— Ты всегда будешь королевой моего сердца — никакое вече с вопящими дуралеями этого не изменит.

Что ей делать с этим мальчишкой? В его преданности Аша не сомневалась. Он не только был ее заступником на холме Нагги и выкрикивал ее имя — он пришел к ней в час ее поражения, оставив своего короля, своих родных и свой дом. Бросить открытый вызов Эурону он не посмел, конечно. Когда Вороний Глаз вывел флот в море, Трис просто отстал и сменил курс, как только другие корабли скрылись из виду. Это тоже требовало немалой отваги — ведь на острова ему теперь путь закрыт.

— Хочешь сыру? — спросила она. — Еще ветчина есть, с горчицей.

— Я желаю совсем другого, миледи, и ты это знаешь. Увидел тебя с башни, вот и пришел.

— Зачем, раз караул несешь ты?

— Там наверху Кромм с Хагоном Хорном. Хватит, чтобы смотреть, как деревья качаются, а нам надо поговорить.

— Опять? — вздохнула Аша. — Дочка Хагона — та, рыженькая — правит кораблем не хуже мужчины. К тому же она красавица, ей семнадцать, и я вижу, как она на тебя посматривает.

— Не нужна мне дочь Хагона. — Трис протянул к Аше руку, но вовремя остановился. — Я о другом, Аша: нам пора уходить. После падения Рва прилив больше нечему сдерживать. Если останемся здесь, северяне нас всех перебьют, сама знаешь.

— Бежать предлагаешь?

— Я хочу, чтобы ты жила, Аша. Потому что люблю тебя.

Он любит не ее, а невинную девушку, плод своего воображения — испуганное дитя, которое нужно оберегать.

— А я тебя нет, — напрямик заявила Аша, — и бежать я не стану.

— Чего ты тут не видела, кроме сосен и грязи? Сядем на корабли, уплывем… начнем все заново!

— Пиратами? — «Что ж, весьма соблазнитель-

но. Пусть себе волки забирают свой лес назад, а мы уйдем в море».

— Зачем же? Торговать будем. Пойдем на восток, как Вороний Глаз, но назад придем не с драконьим рогом, а с шелком и пряностями. Одно путешествие в Яшмовое море, и мы богаты, как боги. Купим себе дом в Староместе или каком-нибудь вольном городе…

— Втроем с Кварлом? — Трис, услышав это, поморщился. — Дочь Хагона, может, и пойдет с тобой на восток, но я-то — дочь кракена. Мое место…

— И где же оно? Вернешься на острова и будешь повиноваться своему лорду-мужу?

Аша попыталась представить себя в постели с Эриком Айронмакером, под его тушей. Лучше, конечно, он, чем Рыжий Гребец или Лукас-Левша. Громадный Молотобоец был когда-то бесстрашен и невероятно силен. Может, он и теперь не так плох… глядишь, еще и помрет, исполняя свой супружеский долг. Тогда из жены Эрика она станет его вдовой — к добру это или к худу, зависит от его внуков. А тут еще дядюшка… похоже, все ветры несут ее к Эурону.

— У меня на Харло заложники, — напомнила Аша. — И есть еще мыс Морского Дракона. Раз я

не могу получить отцовское королевство, почему бы не создать свое собственное? — В старину этот мыс был не столь малолюден, как ныне. Среди его холмов и болот встречаются древние руины, остатки твердынь Первых Людей, а на высотах насажены Детьми Леса круги из чардрев.

— Ты хватаешься за Морского Дракона, как утопающий за соломинку. Что там такого? Ни золота, ни серебра, железа с оловом — и того нет, а для злаков там слишком сыро.

Аша и не собиралась что-либо сеять.

— Я скажу тебе, что там такого. Сто потаенных бухт, выдры в озерах, лосось в реках, моллюски на берегу, тюленьи лежбища чуть поодаль и боры корабельных сосен.

— Но кто будет строить тебе корабли, моя королева? Откуда ваше величество возьмет подданных для своего королевства, помимо выдр и тюленей?

— Выдрами править легче, чем людьми, — невесело засмеялась Аша, — а тюлени умнее. Однако ты прав, пожалуй: лучше всего будет вернуться на Пайк. Есть еще люди и там, и на Харло, которые мне обрадуются. На Блэкриде Эурон друзей себе тоже не нажил, убив лорда Бейелора. Найду дядю Эйерона и подниму острова. — Мо-

кроголового никто не видел с самого веча, но его утопленники говорили, что он прячется на Большом Вике и скоро призовет гнев Утонувшего Бога на Вороньего Глаза с его приспешниками.

— Молотобоец тоже ищет его. И за утопленниками охотится. Он уже подверг допросу слепого Берона Блэкрида и даже на Серого Буревестника оковы надел. Как ты найдешь жреца, если люди Эурона не смогли его выследить?

— Родная кровь даст знать о себе, — не слишком уверенно ответила Аша.

— Знаешь, что я думаю?

— Нет, но сейчас узнаю — так мне сдается.

— Думаю, что Мокроголового уже нет в живых. Вороний Глаз ему перерезал глотку, а Молотобоец его ищет для виду, чтоб мы поверили, будто он где-то скрывается. Эурон не хочет быть ославленным как братоубийца.

— Хоть бы до дядюшки не дошло. Вороний Глаз родного сына убьет, лишь бы доказать, что ты ошибаешься. — Аша почти протрезвела — Тристифер Ботли всегда на нее так влиял.

— И даже если ты вдруг найдешь своего дядюжреца, у вас ничего не выйдет. Вы оба были на вече и не можете в отличие от Торгона сказать, что короля выбрали незаконно. Все законы бо-

гов и людей обязывают вас соблюдать решение веча…

— Погоди, — нахмурилась Аша. — О каком Торгоне речь?

— О Торгоне Запоздалом.

— Король Века Героев? — Больше Аша ничего не могла припомнить. — Так что же он?

— Торгон Грейарон был старший сын короля. Король был стар, а Торгону не сиделось на месте — когда его отец умер, он ушел в набег вверх по Мандеру из своей крепости на Сером Щите. Братья, не став за ним посылать, наскоро созвали вече в надежде, что королем выберут кого-то из них, но капитаны и короли выбрали Уррагона Гудбразера. Новый король первым делом распорядился предать смерти всех сыновей старого, и они были казнены. Люди не одобрили этого, хотя казненные не приходились Уррагону родней. Он правил почти два года…

— И тут Торгон вернулся домой, — вспомнила Аша.

— Он объявил вече незаконным, поскольку его там не было и он не мог предложить себя в короли. Уррагон успел на деле доказать, как он подл, и сторонников у него почти не осталось. Жрецы обличили его, лорды восстали, и собственные

капитаны изрубили его на куски. Торгон Запоздалый стал королем и оставался им сорок лет.

Аша взяла Триса за уши и поцеловала в губы.

— Ты чего? — вопросил он, красный и полузадохшийся, когда она его отпустила.

— Это называется «поцелуй». Топить таких дур надо, Трис, как же я позабыла… Постой-ка. Это рог трубит. Хагон. — Уж не Эрик ли Айронмакер явился за блудной женой? — Утонувший Бог все же любит меня. Как только я задумалась, что мне делать, он шлет мне врагов и посылает на битву. — Аша убрала кинжал в ножны.

Двор они с Трисом перебежали трусцой, но все-таки опоздали — битва уже закончилась. Под восточной стеной недалеко от калитки лежали два окровавленных северянина, над которыми стояли Лоррен-Секира, Шестипалый Харл и Угрюмый.

— Через стену лезли, а Кромм с Хагоном их заметили, — объяснил Угрюмый.

— Только двое? — спросила Аша.

— Пятеро. Двоих мы сняли, пока они еще лезли, третьего Харл убил на стене, ну а эти успели спрыгнуть во двор.

Одному их этих двоих Лоррен раскроил череп, но второй, пригвожденный к земле копьем

Угрюмого, еще дышал. На обоих была вареная кожа и пестрые плащи, буро-черно-зеленые. К головам и плечам они прикрепили ветки с хвоей и листьями.

— Ты кто? — спросила Аша у раненого.

— Я Флинт, а ты?

— Аша из дома Грейджоев. Это мой замок.

— Темнолесье — усадьба Галбарта Гловера. Спрутам тут делать нечего.

— Сколько вас? — Не дождавшись ответа, Аша повернула в ране копье. Кровь брызнула, северянин не сдержал крика. — Зачем вы пришли?

— За леди, — прохрипел раненый. — Боги, не надо больше. Хотели ее спасти. Только мы пятеро.

Аша, посмотрев ему в глаза, снова налегла на копье.

— Сколько еще? Говори, не то будешь подыхать до рассвета.

— Много, — прорыдал Флинт. — Три тысячи, может четыре… аййй…

Аша вырвала копье и обеими руками проткнула лживую глотку. Мейстер Галбарта Гловера говорил, что горные кланы не дружат между собой и без Старка во главе нипочем не объединятся. Может, он и не лгал, просто ошибся — как

она сама на дядином вече.

— Этих пятерых послали открыть ворота перед атакой, — сказала она. — Лоррен, Харл, приведите сюда леди Гловер и ее мейстера.

— Живыми, что ли? — спросил Секира.

— Целыми и невредимыми. Ты, Угрюмый, лезь на эту треклятую башню и вели Кромму с Хагоном глядеть в оба. Пусть известят меня сразу, если хоть зайца заметят.

Двор быстро наполнялся народом. Люди Аши надевали доспехи и поднимались на стены, дворня Гловера испуганно перешептывалась. Стюарда вынесли на руках — он потерял ногу при взятии Ашей замка. Мейстер возмущался, пока Лоррен не двинул его кольчужным кулаком по лицу. Леди Гловер вышла из богорощи рука об руку с горничной.

— Говорила я вам, миледи — придет такой день, — сказала та, увидев тела под стеной.

Мейстер протолкался вперед. Из сломанного носа у него текла кровь.

— Молю вас, леди Аша, спустите знамена и позвольте мне поторговаться за вашу жизнь. Я скажу им, что вы нам зла не делали.

— Мы обменяем вас на детей. — Глаза Сибеллы Гловер покраснели от слез и бессонных ночей. —

Гавену уже четыре, я пропустила его именины, а моя доченька… Верните мне детей, и ни с вами, ни с вашими людьми ничего не случится.

«Ну, тут ты врешь», — подумала Аша. Ее-то, может, и обменяют… отправят на Железные острова в объятия мужа. Ее родичей, Триса Ботли и других, у кого родня богатая, тоже выкупят. Остальных ждут топор, петля и Стена, но и они имеют право на выбор.

Аша взобралась на бочку, чтобы все ее видели.

— Волки придут к нашим воротам еще до восхода солнца. Что делать будем? Сложим копья с топорами и попросим пощады?

— Нет. — Кварл-Девица обнажил меч.

— Нет, — отозвался эхом Лоррен-Секира.

— Нет, — пробасил Маленький Рольф, медведище на голову выше всех прочих.

— Ни в жизнь.

«Ахоооооооооооооо», — снова раскатился рог Хагона, леденя кровь в жилах. Аша с недавних пор возненавидела этот звук: адов рог дядюшки на Старом Вике положил конец ее мечтам, рог Хагона может положить конец самой жизни. Что ж, быть по сему. Она умрет с топором в руке и проклятием на устах.

— Все на стены, — скомандовала Аша Грей-

джой и двинулась с Трисом Ботли к сторожевой вышке.

Деревянная башня, выше всего по эту сторону гор, поднималась на двадцать футов над самыми большими страж-деревьями и гвардейскими соснами.

— Вон они, капитан, — показал Кромм, когда она взошла на помост. Поначалу Аша видела только деревья, тени, холмы и вершины гор, потом убедилась, что деревья подползают все ближе.

— Горные козлы вырядились в лапник, — засмеялась она. Весь лес шевелился и подкатывал к замку, как медленный зеленый прибой. В детстве Аша слышала сказку о битвах Детей Леса с Первыми Людьми, когда древовидцы превращали деревья в воинов.

— Нам стольких не одолеть, — сказал Трис Ботли.

— Будем бить тех, кто полезет наверх, сосунок, — ответил на это Кромм. — Больше врагов — больше славы. Про нас еще песню сложат.

«О чем она будет, та песня — о доблести Железных Людей или о глупости их капитана?» До моря пять долгих лиг. Что умнее — пробиваться к воде или оборонять рвы и палисады этого замка?

Люди Гловера продержались недолго.

— Скоро попируем под волнами. — Кромм оглаживал свой топор, будто ему не терпелось.

— Как же мы найдем дорогу в водные чертоги Утонувшего Бога, коли погибнем с сухими ногами? — усомнился Хагон, опустив рог.

— Ручьев в этом лесу полно, — успокоил Кромм. — Они впадают в реки, а реки — в море.

Аше умирать пока не хотелось.

— Живой найдет дорогу к морю легче, чем мертвый. Пусть волки забирают леса себе — мы идем к своим кораблям.

Хотела бы она знать, кто возглавляет ее врагов. На его месте она, прежде чем штурмовать замок, сожгла бы ладьи — правда, без собственных кораблей это не так просто сделать. Аша никогда не вытаскивала на берег больше половины ладей; другая половина стоит на якорях в море, имея приказ идти на мыс Морского Дракона в случае появления на берегу северян.

— Труби, Хагон, так, чтобы лес зашатался. Трис, надевай кольчугу — пора тебе опробовать свой красивый меч в деле. — Заметив, как он бледен, она ущипнула его за щеку. — Забрызгаем луну кровушкой: за каждого убитого получишь от меня поцелуй.

— Моя королева… здесь хоть стены есть. Что, если волки захватили или угнали наши ладьи?

— Тогда мы умрем, — весело ответила Аша, — но прежде промочим ноги. Железные Люди дерутся лучше с солью, когда за спиной шумит прибой.

Хагон выдул три короткие ноты — сигнал отступать к кораблям. Внизу послышались крики, заклацала сталь, заржали лошади. Коней у них мало, как и тех, кто умеет ездить верхом. Кварл-Девица держал наготове гнедую кобылу Аши, ее шлем, ее метательные топорики. Железные Люди выводили лошадей из конюшни Галбарта Гловера.

— Таран! У них таран! — крикнули со стены.

— Где? — спросила Аша, садясь в седло.

— Северные ворота!

За палисадами Темнолесья раздались звуки труб.

«Волки с трубами?» Удивляться было некогда.

— Открывайте южные, — распорядилась она в тот самый миг, когда северные ворота содрогнулись от удара тарана, и сняла с перевязи топорик. — Час совы миновал, братья, — пришло время копья, топора и меча. Стройтесь! Мы едем домой!

— Домой! — грянула сотня глоток. — Аша!

Трис Ботли подскакал к ней на высоком чалом коне. Люди смыкались, поднимая щиты и копья. Кварл-Девица, пеший, занял место между Угрюмым и Лорреном-Секирой. Хагону на середине лестницы попала в живот волчья стрела, и он кувыркнулся наземь. Дочь бросилась к нему с воем.

— Уберите ее, — приказала Аша: для скорби еще будет время. Маленький Рольф поднял девушку на коня, только рыжие косы взметнулись. Северные ворота затрещали под новым ударом, южные распахнулись. Дорога была чиста, но надолго ли? — Пошли! — Аша сжала каблуками бока своей лошади.

Железные Люди — кто верхом, кто пешком — рысью устремились к лесу за голым полем. Луна освещала замерзшую озимь. Конные замыкали, чтобы не оставлять позади никого из пеших. Скоро вокруг сомкнулись узловатые дубы и высокие гвардейские сосны — Темнолесьем этот замок назвали не зря. Деревья поскрипывали при каждом порыве ветра, сплетенные ветви царапали лик луны. «Скорей бы он кончился, этот лес», — молила про себя Аша. Ей казалось, что деревья таят ненависть в своих покрытых корой сердцах.

Маленькое войско двигалось на юго-запад. Постепенно деревянные башни Темнолесья скрылись из виду, трубы затихли. Авось, волки, получив свой замок обратно, не станут гнаться за беглецами.

— Мы не в ту сторону едем, — сказал Трис Ботли, показав на проглянувшую среди веток луну. — Надо на север, море и ладьи там.

— Пока солнце не взойдет, будем держать на запад, а потом уж свернем на север. Ступайте вперед, — велела Аша своим лучшим наездникам, Рольфу и Роггону Ржавая Борода. — Разведайте, нет ли на берегу чего неожиданного. Наткнетесь на волков — сразу скачите назад.

— Как придется, — проворчал Роггон в рыжую бороду.

Отряд продвигался медленно. Деревья закрывали луну и звезды, лесная почва изобиловала колдобинами. На первой же полумиле лошадь Квентона Грейджоя оступилась и сломала переднюю ногу. Квентону пришлось перерезать ей горло, чтобы не кричала.

— Надо бы факелы зажечь, — сказал Трис.

— Нельзя. Северяне сразу найдут нас. — Аша вполголоса выругалась. Не совершила ли она ошибки, оставив замок? Нет, все правильно. К

этому мгновению их бы всех уже перебили, но и во мраке блуждать не годится, иначе их убьет лес. Аша сняла шлем, откинула назад мокрые от пота волосы. — Остановимся тут, дождемся рассвета. До него не так далеко.

Остановиться было нетрудно, а вот дожидаться… Никто не спал, даже Дрыхучий Дейл, дремавший будто бы от одного взмаха весла до другого. Кто-то пустил по рукам мех с сидром Галбарта Гловера; те, у кого нашлась при себе еда, делились ею с остальными, всадники поили и кормили коней. Троим Квентон велел лезть на деревья и высматривать в лесу факелы, Кромм точил топор, Кварл-Девица — меч. Лошади щипали бурую траву под ногами. Рыжая дочка Хагона хотела увести Триса в лес, но он заартачился, и она ушла с Шестипалым Харлом.

Жаль, что Аша не могла сделать того же. Побыть напоследок с Кварлом, избавиться от гнетущей тревоги. Ступит ли она вновь на палубу «Черного ветра»? И если ступит, то куда поплывет? Острова ей заказаны… не станет же она склонять колени, раздвигать ноги и терпеть ласки Эрика Айронмакера. В вестеросских портах дочь кракена вряд ли примут. Можно заняться торговлей, как предлагал Трис, или пойти на Ступени и поступить там

в пираты. Или…

— «Каждому из вас посылаю частицу принца», — прошептала она.

— Мне бы лучше частицу тебя, — хмыкнул Кварл. — Совсем маленькую.

Что-то вылетело из кустов и покатилось, подскакивая — круглое, мокрое, с длинными волосами. Когда оно застряло в корнях дуба, Угрюмый сказал:

— Маленький Рольф стал короче на голову.

Люди вскакивали, хватаясь за оружие и щиты. «Они тоже не зажигали факелов, — успела подумать Аша, — но им этот лес знаком куда лучше». Миг спустя из-за деревьев хлынули северяне. Волки проклятые… еще и воют, как звери. Железные Люди взревели в ответ, и закипел бой.

Песен о нем не сложат, и ни один мейстер не запишет эту историю Чтецу в назидание. Здесь нет знамен, и боевые рога не трубят, и лорд-военачальник не созывает к себе людей, чтобы изречь последнее слово. Одни тени бьются с другими, спотыкаясь о корни, скользя по мокрой гнилой листве. Одни в кольчугах и побелевшей от соли коже, другие в шкурах и лапнике, и лишь луна со звездами смотрит на них сквозь голые ветки.

Первый, кто наскочил на Ашу, упал мертвый

с ее топориком между глаз и дал ей передышку, чтобы продеть руку в лямку щита.

— Ко мне! — крикнула она непонятно кому — своим ли, врагам ли. Перед ней тут же вырос воющий северянин, держа обеими руками топор. Аша отразила удар щитом и вспорола врагу брюхо кинжалом. Он захлебнулся воем, и она, круто обернувшись назад, полоснула по лбу другого волка. Его клинок скрежетнул по кольчуге у нее под грудью, а кинжал Аши вошел ему в горло, и он захлебнулся собственной кровью. Кто-то схватил ее за волосы, но Аша стриглась коротко, и запрокинуть ей голову волк не сумел: она саданула его каблуком по ноге и вырвалась. Когда она повернулась, воин умирал с прядью ее волос в кулаке, а над ним стоял Кварл с обагренным мечом, и луна отражалась в его глазах.

Угрюмый, ведя счет убитым врагам, выкрикнул «четыре» и тут же «пять». Лошади, взбудораженные битвой и кровью, визжали, лягались, закатывали глаза — все, кроме чалого жеребца Триса Ботли. Трис вскочил на него верхом и успешно рубил врагов — придется, как видно, подарить ему не меньше трех поцелуев.

— Семь, — выкрикнул Угрюмый, но Лоррен рядом с ним рухнул, а тени все прибывали, крича

и шурша палой листвой. «Прямо кусты ходячие», — подумала Аша, убив еще одного: листьев на нем было больше, чем на любом дереве в лесу. И засмеялась, а смех привлек к ней новых волков. Их она тоже убила. Может, ей свой счет открыть? Она мужняя жена, а кинжал — ее дитятко. Как славно он входит в грудь сквозь мех, и шерсть, и вареную кожу. Враг был так близко, что она чуяла его кислый дух, и тянулся рукой к ее горлу. Кинжал прошелся по ребру, северянин вздрогнул и умер, и Аша вдруг ощутила такую слабость, что чуть не упала на него сверху.

Они с Кварлом стали спина к спине. Вокруг стонали, ругались, и отважные воины с плачем звали своих матерей. Куст сунулся к ней с копьем, таким длинным, что мог проткнуть насквозь ее вместе с Кварлом. «Лучше так, чем в одиночку», — успела подумать она, но ее родич Квентон сразил копейщика, а другой куст миг спустя раскроил топором череп Квентона.

— Девять, будьте вы прокляты! — крикнул Угрюмый. Из леса выскочила голая дочка Хагона, за которой гнались двое волков. Аша метнула одному в спину топорик. Когда тот упал, дочка Хагона нашарила его меч и заколола второго. Потом поднялась, вся вымазанная кровью и грязью,

и ринулась в драку, полыхая своей рыжиной.

Аша не могла уже разобрать, где Кварл, где Трис, где все прочие. Кинжал и все ее топорики тоже куда-то делись — вместо них у нее в руке оказался короткий меч наподобие тесака. Где она его взяла, пес знает. Рука болела, во рту стоял вкус крови, ноги тряслись, между стволами падали косые лучи рассвета. Сколько ж времени идет этот бой?

Последним ее противником был волк с топором, здоровенный, лысый и бородатый, в ржавой чиненой кольчуге — значит, либо вождь, либо первый боец. Ему не нравилось биться с женщиной, и при каждом ударе он, брызжа слюной, орал:

— Сука! Сука!

Аша тоже бы его обругала, но во рту так пересохло, что она слова не могла вымолвить. Его топор грозил изрубить ее щит в лучину. Аша, пятясь, скинула с руки бесполезную деревяшку и принялась финтить вправо-влево.

Скоро она уперлась спиной в дерево. Волк занес топор, чтобы расколоть ее голову. Аша вильнула вправо, но запнулась о корни, и топор обрушился на прикрытый шлемом висок. В глазах покраснело, почернело, покраснело опять. Ногу прошило

болью.

— Сука поганая, — сказал северянин, собираясь добить ее. Где-то далеко запела труба.

«Неправильно это, — подумала Аша. — В водных чертогах Утонувшего Бога труб нет. Водяные с русалками чествуют своего повелителя, дуя в раковины».

Ей виделись пылающие сердца и черный олень с огненными рогами посреди золотого леса.

Тирион

Когда они добрались до Волантиса, небо почернело на востоке и побагровело на западе. Проглянули звезды — те же самые, что и в Вестеросе.

Это утешило бы Тириона, не будь он приторочен к седлу что твой гусь. Надежно связанный, он уже перестал дергаться и берег силы, сам не зная зачем.

Волантис закрывал ворота с приходом ночи, и стражники у северного входа нетерпеливо покрикивали на опоздавших. Плененный Тириона рыцарь занял очередь за повозкой с апельсинами и лимонами. Повозку стражники пропустили, махнув факелами, но большой андал на боевом коне, в кольчуге и с длинным мечом показался им подозрительным. Вызвали капитана; пока они с рыцарем говорили на волантинском, один из стражников снял когтистую перчатку и потрепал карлика по голове.

— Удачи во мне через край, — сказал ему Тирион. — Освободи меня, друг, и получишь награду.

Капитан дал разрешение, и рыцарь, проехав в город, съязвил:

— Прибереги вранье для тех, кто понимает твой язык, Бес.

— Ты его понимаешь. Поверишь ты моим обещаниям или предпочтешь купить себе лордство ценой моей головы?

— Лордом я *был* по праву рождения. Дутые титулы не для меня.

— Других ты от моей дражайшей сестры не получишь.

— Я слышал, что Ланнистеры всегда платят свои долги.

— До последнего гроша, милорд, и ни грошиком больше. Ты получишь обещанный кусок, но благодарностью его не приправят, и вскоре ты найдешь его не слишком питательным.

— Может, я всего лишь хочу, чтобы ты поплатился за свои преступления. Тот, кто пролил родную кровь, проклят в глазах богов и людей.

— Боги слепы, а люди видят лишь то, что хотят видеть.

— Тебя я вижу хорошо, карлик. Мне и самому нечем гордиться — я навлек позор на свой дом и обесчестил отцовское имя, но убить родного отца? Как такое возможно?

— Дай мне арбалет, спусти штаны, и я покажу тебе как.

— По-твоему, я шучу?

— Вся наша жизнь — шутка. Твоя, моя, чья угодно.

Они ехали мимо торговых гильдий, рынков и бань. На площадях, где плескались фонтаны, люди за каменными столами играли в кайвассу и пили вино из высоких стеклянных бокалов. Рабы зажигали цветные фонарики. Вдоль мощеной дороги росли пальмы и кедры, на всех перекрестках стояли памятники. У многих статуй недоставало голов, но они все равно казались внушительными в пурпурных сумерках.

Их путь лежал на юг вдоль реки. Лавки здесь стали заметно беднее, вместо деревьев торчали пеньки. Булыжник под ногами коня уступил место дьяволовой траве, трава сменилась грязью цвета детского поноса. Мостики, перекинутые через впадающие в Ройн ручьи, тревожно поскрипывали. Выломанные ворота бывшего форта чернели, как беззубый рот старика, по стенам бродили козы.

Старый Волантис, сын и наследник Валирии. Король Ройна, хозяин Летнего моря, родина благородных господ и прекрасных дам. Не будем обращать внимания на стайки голых детей в переулках, на брави с мечами на боку в дверях

винных лавок, на согбенных татуированных рабов, шмыгающих повсюду. Могучий Волантис, самый большой и многолюдный из всех Девяти Городов. Былые войны, правда, лишили его значительной части населения, и многие кварталы уходят обратно в ил, на котором стоит весь город. Прекрасный Волантис, город цветов и фонтанов… половина фонтанов высохла, половина прудов загнила, цветущий плющ заплел все щели и трещины, на храмах с разрушенной кровлей проросли молодые деревья.

И этот запах, висящий в жарком и влажном воздухе. В нем переплелись цветы, рыба и вроде бы слоновий навоз. Ароматы сладости, земли, мертвечины и гнили.

— Этот город пахнет, как старая шлюха, — сказал Тирион. — Как карга, поливающая сокровенные части духами, чтобы заглушить естественный запах. Заметь, я не жалуюсь. Молодые шлюхи, конечно, пахнут приятней, зато старые лучше знают свое ремесло.

— Ты в этом понимаешь больше, чем я.

— Ну еще бы. Бордель, где мы встретились, ты, никак, принял за септу? А на коленках у тебя ерзала твоя девственница-сестра?

— Придержи язык, не то я его узлом завяжу.

Тирион, у которого губа раздулась после недавнего разговора, смолчал. По дороге из Селхориса он усвоил, что тяжелая рука плохо сочетается с отсутствием чувства юмора. Мысли его перешли к ядовитым грибам в носке сапога — рыцарь не слишком тщательно его обыскал. Этот выход у него по крайней мере остался: живым Серсея его не получит.

Ближе к югу признаки благосостояния появились вновь. Голые ребятишки пропали, брави в дверях были одеты куда приличнее, в гостиницах можно было заночевать, не боясь, что тебе перережут глотку, фонари качались на чугунных столбах. Улицы стали шире, дома богаче. Стеклянные купола, венчавшие некоторые строения — синие, красные, зеленые и пурпурные — красиво светились, когда в них зажигали огни.

Но нечто в здешнем воздухе все-таки тревожило Тириона. К западу от Ройна, где расположена гавань, морякам и купцам стараются услужить всеми средствами, а вот на восточном берегу чужеземцев не привечают.

На первого слона, который им встретился, карлик уставился во все глаза. В ланниспортском зверинце тоже жила слониха, но она умерла,

когда ему было семь лет, а это страшилище было раза в два больше.

Чуть дальше по улице катилась нарядная тележка, запряженная белым слоном меньшей величины.

— Коляска, которую везет не лошадь, а слон, называется так же — коляской? — Не получив ответа, Тирион снова умолк и стал созерцать белый круп слона-карлика.

Их, как оказалось, в Волантисе было полным-полно. Ближе к Черной Стене и людным кварталам у Длинного моста Тирион насчитал целую дюжину. Большие серые с башенками на спине тоже попадались нередко. Полуголые рабы грузили лопатами на телеги дымящиеся кучи навоза. Татуировки у них на щеках изображали мух, тучами сопровождавших повозки. «Самое занятие для моей дражайшей сестрицы, — решил Тирион. — Ей бы очень пошли лопатка и мухи на розовых щечках».

Конь теперь еле плелся — почти все, кто ехал и шел по речной дороге, направлялись на юг, и рыцарь напоминал бревно, подхваченное течением. У девяти из каждых десяти человек имелись на щеках рабские метки.

— Сколько рабов… Куда они все идут?

— Красные жрецы на закате зажигают свои костры. Верховный произнесет проповедь. Я бы свернул куда-нибудь, но к Длинному мосту не попадешь, не проехав мимо красного храма.

Еще через три квартала улица влилась в огромную освещенную площадь. Смилуйтесь, Семеро, — этот храм в три раза больше Великой Септы! Колонны, ступени, купола, башни точно вытесаны из одной колоссальной скалы не меньше чем холм Эйегона. Стены выкрашены в разные оттенки красного, оранжевого, желтого и золотого, переходящие один в другой, как облака на закате. Стройные башни, устремленные в небо, похожи на языки пламени.

На храмовой лестнице горели два громадных костра. Между ними на столбе из красного камня стоял Бенерро, верховный жрец. Каменный мостик соединял его постамент с террасой, где расположились священнослужители более низкого ранга — жрецы и жрицы в красном, послушники в бледно-желтых и оранжевых одеяниях.

Площадь была битком набита народом. Многие прикололи к рукавам или повязали на лоб красные лоскуты, и все взоры были прикованы к верховному жрецу Рглора.

— Дорогу, — ворчал рыцарь, пробираясь на

коне сквозь толпу. — Посторонитесь.

Его пропускали неохотно, провожая руганью и возмущенными взглядами.

Бенерро, чей звонкий голос разносился по всей площади, был высоким, худым, с аскетическим молочно-белым лицом. Ярко-красная татуировка в виде языков пламени покрывала всю его бритую голову, огибая глаза и безгубый рот.

— Он татуирован, как раб? — спросил Тирион.

Рыцарь кивнул.

— Храм покупает детей и делает их жрецами, храмовыми проститутками или воинами. Вон, видишь? — Рыцарь показал на ступени, где шеренгой стояли люди в фигурных доспехах и оранжевых плащах. Наконечники их копий были выкованы как те же языки пламени. — Огненная Рука. Священные воины Владыки Света, защитники храма.

— И сколько пальцев у этой руки?

— Ровно тысяча. Вместо угасшего огня зажигают новый.

Бенерро указал перстом на луну, сжал кулак, развел руки в стороны. Голос его сделался еще громче, и пальцы внезапно вспыхнули, исторгнув у паствы дружное «ах». Жрец принялся чертить в воздухе знаки, валирийские иероглифы. Тирион

узнал только два: Рок и Тьма.

Женщины в толпе рыдали, мужчины потрясали кулаками. Тириону невольно вспомнились отплытие Мирцеллы в Дорн и бунт, вспыхнувший при возвращении провожающих в Красный Замок.

Хелдон Полумейстер говорил, что красный жрец может быть полезен молодому Гриффу, но сейчас это представлялось Тириону крайне неудачной идеей. Он надеялся, что у Гриффа хватит ума не обращаться к Бенерро за помощью — союзники бывают порой опасней врагов. Лорду Коннингтону придется теперь думать обо всем самому: голова Тириона скоро займет место на пике.

Жрец простер руку назад, туда, где на Черной Стене стояли стражи в доспехах.

— О чем это он?

— Говорит, что Дейенерис в опасности. Черный глаз отыскал ее, и приспешники ночи, замышляя ее погубить, молятся своим ложным богам и сговариваются с безбожными иноземцами.

У Тириона волосы встали дыбом от страха. Принцу Эйегону здесь друзей не найти. Жрец говорил теперь о древнем пророчестве, о герое, который освободит мир от тьмы. Двух героев

пророчества не предусматривают. У Дейенерис драконы, у Эйегона их нет. Не надо самому быть ясновидцем, чтобы предсказать, как встретят Бенерро и его прихожане второго Таргариена. Хоть бы Грифф вовремя это понял. Тирион дивился собственному волнению: ему-то что за дело до них?

Рыцарь, не обращая внимания на проклятия огнепоклонников, упорно продвигался вперед. Кто-то загородил ему дорогу, но всадник выдвинул из ножен фут своего меча, и перед конем образовался широкий проход. Рыцарь, пустив скакуна рысью, оставил толпу позади. Голос Бенерро и сопутствующий ему рев затихали вдали.

Вскоре рыцарь спешился и постучал в дверь конюшни. Оттуда выскочил раб с вытатуированной на щеке конской головой. Карлика без церемоний сняли и привязали к столбу, рыцарь тем временем торговался с разбуженным хозяином за коня с седлом вместе. Продать выгоднее, чем везти за море. В ближайшем будущем Тирион предвидел корабль — может, он пророк все-таки.

Сторговавшись, рыцарь навьючил оружие, седельную сумку и щит на себя, а после спросил дорогу в ближнюю кузницу. Там тоже было закрыто, но на зов рыцаря дверь отворилась. Кузнец с прищуром оглядел Тириона и взял у рыцаря

горсть монет, а рыцарь разрезал кинжалом путы своего пленника.

— Спасибо, — сказал Тирион, растирая запястья.

В ответ послышался смех.

— Погоди благодарить, Бес, — то, что будет дальше, тебе не понравится.

И верно. Каждый браслет чугунных кандалов весил добрых два фунта, не считая цепей.

— Неужто я кажусь таким страшным? — спрашивал Тирион, пока кузнец заклепывал на нем оковы. Каждый удар отзывался в руке до плеча. — Боишься, что я убегу от тебя на своих коротеньких ножках?

Кузнец не поднимал глаз от работы, а рыцарь с усмешкой ответил:

— Меня беспокоят не твои ноги, а твой язык. В оковах ты раб, и никто, даже понимая общий, тебя слушать не станет.

— Зачем это? Я буду образцовым пленником — обещаю!

— Так докажи это и заткнись прямо сейчас.

Тирион повиновался. Его сковали по рукам и ногам, цепью соединив ручные оковы с ножными. Все это железо весило больше него, но дышать он еще дышал — спасибо, что голову не

отрезали. Серсее в конце концов только она и требовалась. Рыцарь, не отделив ее от туловища сразу, совершил первый промах. От Волантиса до Королевской Гавани путь долгий — мало ли что может случиться за это время.

Дальше они шли пешком. Тирион звенел и бряцал, приспосабливаясь к широкому шагу рыцаря. Когда он начинал отставать, тот дергал его за кандалы. Это еще не так страшно, мог бы и кнутом погонять.

Длинный мост соединял обе половины Волантиса, оседлавшего Ройн при впадении в море, отделяя заодно старую и богатую восточную часть от наемников, мореходов и прочих варваров.

Входом на него служила черная каменная арка с изображениями сфинксов, мантикоров, драконов и еще более странных созданий. Далее массивные опоры несли на себе настил из расплавленного камня, сооруженный волантинцами в дни расцвета. На мосту едва могли разъехаться две повозки, и двигаться приходилось до крайности медленно.

Сейчас телега с дынями как раз зацепилась колесом за другую, груженную шелковыми коврами. Движение застопорилось, возницы ругались, рыцарь, ухватив Тириона за цепь, пёр напролом.

Какой-то мальчишка хотел залезть ему в кошелек, но воинский локоть мигом разбил вору нос.

С обеих сторон мост был плотно застроен лавками, храмами, тавернами, гостиницами, борделями и залами для игры в кайвассу. Почти все дома насчитывали три-четыре этажа; верхние нависали над нижними и чуть ли не смыкались с другой стороной. Мост из-за этого напоминал освещенный факелами туннель. Здесь продавалось все, что угодно: ткачи и кружевницы соседствовали со стеклодувами, свечниками и рыбниками. Золотых дел мастера ставили у двери одного стражника, торговцы пряностями, чей товар был вдвое дороже, — двоих. Между строениями изредка сквозила река. К северу от моста черный, с отраженными звездами Ройн казался впятеро шире, чем Черноводная у Королевской Гавани, на юге он впадал в море.

На середине, будто связки лука, висели отрубленные руки воров. Были выставлены и головы — две мужские и женская; о преступлениях, совершенных казненными, оповещали таблички внизу. Их охраняли двое копейщиков в начищенных до блеска шлемах и серебристых кольчугах, с нефритово-зелеными тигровыми полосками на щеках. Они то и дело махали ко-

пьями, отгоняя мелких ястребов, чаек, ворон и прочих любителей падали.

— В чем провинились эти несчастные? — спросил Тирион.

— Женщина была рабыней и подняла руку на свою госпожу, — стал читать рыцарь. — Старший из мужчин сеял смуту и шпионил на королеву драконов.

— А молодой?

— Отца своего убил.

На этого Тирион посмотрел внимательнее и разглядел улыбку на полусгнивших губах.

Чуть дальше рыцарь, постояв перед драгоценной тиарой на подушке из пурпурного бархата, купил пару перчаток. Запыхавшийся, со стертыми запястьями Тирион радовался любой передышке.

Мост наконец остался позади. На улицах западного берега толпились моряки, рабы и гуляки. Мимо прошагал слон; полуголые молодые рабыни у него на спине показывали прохожим груди и кричали: «Малакуо!» Тирион, засмотревшись, чуть не вступил в навозную кучу, оставленную слоном — рыцарь отдернул его прочь в самый последний миг.

— Далеко еще? — спросил измученный кар-

лик.

— Уже пришли. Это Рыбная площадь.

Их целью оказался «Купеческий дом», четырехэтажная громадина, сидевшая среди прибрежных складов, таверн и борделей, как толстяк в стайке детей. Общая зала гостиницы с сотней укромных альковов была больше великих чертогов многих замков Вестероса. Под закопченными стропилами стоял гул: моряки, менялы, купцы, работорговцы ругались и надували друг дружку на полусотне разных наречий.

Тирион одобрил выбор, сделанный рыцарем. Рано или поздно «Робкая дева» придет в Волантис, а эта гостиница, как он слышал, больше всех в городе, и в ней заключают множество сделок. Если Грифф явится сюда с Уткой и Хелдоном, карлик вновь обретет свободу.

Терпение. Случай непременно представится.

Жилые комнаты оказались менее грандиозными, особенно дешевые, на самом верху. В той, что снял рыцарь, потолок был низкий, от продавленной перины шел дурной запах, а наклонный дощатый пол неприятно напоминал о Гнезде. Стены тут по крайней мере имелись, и окна тоже: в них, вместе с железным стенным кольцом для приковывания рабов, заключалось главное

достоинство комнаты. Рыцарь зажег сальную свечку и тут же прикрепил цепь Тириона к упомянутому кольцу.

— Это обязательно? — брякнув цепями, спросил карлик. — Куда мне бежать, в окно?

— С тебя станется.

— Тут четыре этажа — я летать не умею.

— Возьмешь и прыгнешь… а ты мне нужен живой.

«Зачем, спрашивается? Серсее ведь все равно».

— Я знаю, кто ты, сир. — Догадаться было нетрудно: медведь на камзоле, герб на щите, лордство, помянутое в прошедшем времени. — Кто ты и что ты. А ты, в свою очередь, должен знать, что я был королевским десницей и заседал с Пауком в совете. Позволь тебя также уведомить, что за море меня отправил именно евнух. — «Он — и Джейме…» Но о брате Тирион говорить не стал. — Мы с тобой два сапога пара: я пособничаю ему, как и ты.

Рыцарю это не понравилось.

— Я брал у Паука деньги, скрывать не стану, но никогда не был его пособником. А теперь и вовсе служу не ему.

— Кому же тогда, Серсее? Ну и дурак. Сестре нужна только моя голова, а ты носишь при себе

острый меч. Почему бы не покончить с этим фарсом прямо сейчас, чтобы мы оба не мучились?

— Это что, карлик, фокус такой? — засмеялся рыцарь. — Молить о смерти в надежде, что я оставлю тебя в живых? Пойду принесу тебе чего-нибудь с кухни.

— Как мило. Я подожду тебя здесь.

— Куда ж ты денешься. — Дверь рыцарь тем не менее запер тяжелым железным ключом. «Купеческий дом» славился своими замками. Совсем как в темнице, хотя и с окнами.

Надежда избавиться от цепей была ничтожна, но попытаться все-таки не мешало. Попробовав вытащить из оков руку, Тирион только еще сильнее ободрал ее, а железное кольцо, хоть убей, не желало вылезать из стены. А, провались оно все! Он постарался устроиться поудобнее. Ноги уже начали затекать; впереди ждала дьявольски беспокойная ночь — первая из многих, можно не сомневаться.

Рыцарь перед уходом отворил ставни, чтобы впустить в душную комнату бриз. Одно из окон приткнувшейся под самой крышей каморки выходило на Длинный мост и тот берег, где билось за черной стеной сердце Волантиса, другое — на площадь. В это второе окно Тирион мог кое-как

выглянуть, натянув до отказа цепь. Падать не так далеко, как из небесной камеры Лизы Аррен, но все равно убьешься наверняка. Пожалуй, напившись пьяным…

Народу внизу даже в этот час было полно: моряки искали развлечений, шлюхи эти развлечения предлагали, купцы заключали сделки. Мимо, шурша мантией, проследовала красная жрица в сопровождении дюжины послушников, двое игроков у таверны сражались в кайвассу, раб им светил фонарем. Женский голос пел что-то красивое и печальное — если б Тирион понимал слова, то мог бы заплакать. Публика собиралась вокруг пары жонглеров, перекидывавшихся горящими факелами.

Рыцарь вернулся с двумя кружками и жареной уткой. Закрыл пинком дверь, разорвал утку надвое и половину швырнул Тириону. Поймать ее на лету не вышло из-за цепей; горячая жирная птица врезалась прямо в висок, и пришлось нашаривать ее где-то внизу, звякая кандалами. С третьей попытки Тирион сделал это и с наслаждением вонзил зубы в нежное мясо.

— Как насчет эля, чтобы запить?

Мормонт протянул ему кружку.

— Весь Волантис сейчас напивается, валяй и

ты.

Эль почему-то благоухал фруктами. Тирион выпил и рыгнул от души. Допить и запустить тяжелой оловянной кружкой в голову рыцаря. Если повезет, она ему череп проломит. Если повезет еще больше, она пролетит мимо, и рыцарь забьет карлика до смерти.

— Что нынче, праздник?

— Третий день выборов. Всего они у них продолжаются десять дней, и все с ума сходят. Факельные шествия, речи, скоморохи, менестрели, танцоры. Брави насмерть дерутся на поединках за своих кандидатов, на боках у слонов пишут имена возможных триархов. Вон те жонглеры выступают в пользу Метисо.

— Напомни мне проголосовать за кого-то другого. — Тирион облизал жирные пальцы. Жонглерам внизу бросали монеты. — Хотя, должно быть, шутов нанимают все кандидаты.

— Они делают все, чтобы выиграть. Угощение, выпивка, зрелища. Алиос послал на улицу сто молодых красивых рабынь — обслуживать задаром тех, кто за него голосует.

— Я тоже за него, — решил Тирион. — Приведи мне одну.

— Они предназначены для свободнорожденных

волантинцев, имеющих право голоса. К западу от реки таких мало найдется.

— И все это десять дней кряду? — засмеялся Тирион. — Мне бы понравилось, хотя три короля — это все-таки многовато. Не могу представить, как бы я правил Семью Королевствами вместе с дражайшей сестрицей и братцем-героем. Не прошло бы и года, как кто-то из нас убил бы двух остальных. Странно, что триархи не делают того же.

— Некоторые пытались. Волантинцы, должно быть, просто умнее западных дураков. Они тоже начудили немало, однако мальчика-триарха у них пока не было. Сумасшедших, случается, выбирают, но безумца до истечения срока сдерживают двое других. Подумай, сколько умерших могли бы жить и поныне, будь рядом с Безумным Эйерисом еще два короля.

«У него был мой отец», — заметил мысленно Тирион.

— Одни жители Вольных Городов думают, что по ту сторону Узкого моря живут только дикари, — продолжал рыцарь, — а другие на нас смотрят как на детей, которым нужен строгий отец.

— Или мать. — Серсея будет довольна, особенно

когда рыцарь поднесет ей голову брата. — Этот город ты, похоже, хорошо знаешь.

— Долго здесь прожил. — Рыцарь поболтал остатками в кружке. — Когда Старк изгнал меня, я бежал со второй женой в Лисс. Браавос подошел бы мне больше, но Линессе хотелось туда, где тепло. Я воевал с браавосцами на Ройне, а жена тратила десять серебреников на каждый заработанный мной. Когда я вернулся в Лисс, у нее уже был любовник. Он весело поведал мне, что за долги я буду продан в рабство, если не уберусь из города. Так я и очутился в Волантисе — только что не раб, без гроша за душой, с одним мечом и тем, что было на мне.

— А теперь тебе захотелось домой.

Мормонт допил кружку до дна.

— Завтра найду нам корабль. На кровати лягу я, а ты располагайся на полу, как цепи позволят. Можешь спать — спи, не можешь — считай свои преступления. Как раз до утра хватит.

«У тебя и своих предостаточно, Джорах Мормонт», — подумал карлик, но вслух этого не сказал.

Сир Джорах повесил пояс с мечом на спинку кровати, стянул сапоги и кольчугу. Под шерстью, кожей и пропотевшей нижней рубахой

обнаружился волосатый, покрытый шрамами торс. «Такую шкуру можно на меховой плащ продать», — подумал Тирион, глядя, как рыцарь укладывается на пахучей перине.

Вскоре Мормонт уже храпел, оставив пленника наедине с оковами. В оба открытых окна лился лунный свет. С площади доносились пьяное пение, кошачьи вопли, звон стали о сталь. Кто-то умрет этой ночью.

Ободранное запястье саднило. Кандалы даже сесть не позволяли, не то что вытянуться. Когда Тирион прислонялся к стене, руки начинали неметь, когда менял положение — обретали чувствительность, и он скрипел зубами, чтобы не закричать. Сильно ли страдали они? Отец — от вошедшего в пах арбалетного болта, Шая — от впившейся в горло цепи, истерзанная насильниками Тиша? Его страдания ничто по сравнению с их муками, но как же все-таки больно.

Сир Джорах повернулся на бок, показав широкую волосатую спину. Сумей даже Тирион избавиться от цепей, к мечу пришлось бы лезть через рыцаря. Может, кинжал бы удалось вытащить потихоньку… или ключ. Отпереть дверь, спуститься, пройти через залу… а потом что? Ни друзей, ни денег. Он даже местного языка

не знает.

Изнеможение наконец пересилило боль, и Тирион задремал, вскрикивая и содрогаясь в цепях при каждой судороге, сводившей икру. Когда он проснулся окончательно, в окна лился утренний свет, золотой, как лев Ланнистеров. Внизу выкликали свой товар рыбники и катились по булыжнику колеса в железных ободьях.

Над карликом стоял Джорах Мормонт.

— Будешь слушаться, если сниму с кольца?

— Сплясать трудновато будет, ноги совсем отнялись, а в остальном я твой. Клянусь честью Ланнистера.

— Какая у Ланнистеров честь. — Сир Джорах исполнил обещанное.

Тирион сделал два шажка и упал. Кровь прилила к конечностям, слезы к глазам.

— Если ты куда-то собрался, меня придется катить, — проговорил карлик.

Рыцарь вместо этого взял его за ручную цепь и понес.

Лабиринт альковов и гротов внизу располагался, как оказалось, вокруг дворика с цветущими лозами. Между плитами на полу рос мох, зеленый и фиолетовый. Молодые рабыни разносили вино, эль и пахнущий мятой напиток со льдом. В

этот ранний час был занят едва ли один столик из двадцати.

За одним их них сидел карлик — бритый, с шапкой каштановых волос, тяжелым лбом и приплюснутым носом. Умостившись на высоком табурете с деревянной ложкой в руке, он созерцал покрасневшими глазами миску с розовой кашицей. «Экий уродец», — подумал Тирион.

Другой карлик, почувствовав его взгляд, поднял глаза и выронил ложку.

— Он меня заметил, — предупредил Тирион.

— Ну и что же?

— Он знает, кто я.

— Может, в мешок тебя запихать, чтоб никто не видал? — Рыцарь взялся за меч. — Хочет тебя украсть — пусть попробует.

Да, вряд ли карлик решится выйти на поединок с таким противником.

Сир Джорах, выбрав столик в тихом углу, заказал еду и питье. Им подали теплую лепешку, розовую рыбью икру, колбасу с медом, жареную саранчу и черный эль, горьковато-сладкий.

— Аппетит у тебя недурен, как я погляжу, — сказал рыцарь, видя, как уминает все это Тирион.

— В аду, я слыхал, кормят плохо. — В залу вошел человек. Высокий, сутулый, с остроконечной,

неровно окрашенной в пурпур бородой. Купец из Тироша, не иначе. В открытую дверь хлынули крики чаек, женский смех, голоса торговцев рыбой. Карликового слона, прошедшего мимо, Тирион на миг принял за Иллирио Мопатиса.

— Ждешь кого-то? — осведомился рыцарь, намазывая лепешку икрой.

— Мало ли кого может принести ветер, — пожал плечами Тирион. — Мою единственную любовь, призрак отца, перелетную утку. Неплохо для насекомого, — одобрил он, хрустя саранчой.

— Прошлым вечером здесь толковали о Вестеросе. Какой-то лорд-изгнанник нанял Золотых Мечей отвоевывать свои земли. Половина капитанов помчались вверх по Ройну до Валан-Териса предлагать ему свои корабли.

Тирион чуть не подавился. Смеется, что ли, Джорах над ним? Что ему известно о Гриффе и Эйегоне?

— Вот не повезло-то. Я сам думал их принанять, чтобы взять Бобровый Утес. — Может, Грифф нарочно распространяет ложные слухи? Или юный принц все-таки проглотил наживку и повел своих верных не на восток, а на запад, отказавшись от сватовства к Дейенерис? Как же это Грифф позволил ему пренебречь драконами? — Тебя,

сир, тоже охотно найму. Отцовский замок принадлежит мне по праву. Вручи мне свой меч, и после победы я утоплю тебя в золоте.

— Я видел, как тонут в золоте — зрелище не из приятных. А мечом я тебе разве что брюхо проткну.

— От запора хорошо помогает — спроси у моего батюшки. — Тирион взял кружку и стал пить, пряча лицо. Может, это стратегический ход, призванный усыпить подозрения волантинцев? Сесть на корабли и захватить их, когда флотилия выйдет в море, — не это ли Грифф задумал? План вполне осуществимый. В Золотых Мечах десять тысяч закаленных, дисциплинированных солдат — вот только по морю они ходить не умеют. Слишком много моряков придется оставить в живых, а путь до залива Работорговцев неблизкий…

— Следующим вдова примет вас, благородный сир, — известила служанка. — Вы принесли ей подарок?

— Да. Спасибо тебе. — Мормонт сунул девушке монету.

— Что за вдова такая? — нахмурился Тирион.

— Портовая. На восточном берегу ее до сих пор кличут шлюхой Вогарро — за глаза, правда.

— А Вогарро — это…

— Слон, семикратный триарх. Богатей, имевший большую власть в гавани. Другие строят корабли и ходят на них, а он строил причалы и склады, договаривался о грузах, менял деньги и страховал суда. Работорговлей тоже не брезговал. Когда он влюбился в юнкайскую рабыню, обученную пути семи вздохов, вышел большой скандал, но Вогарро пошел еще дальше: дал девушке вольную и женился на ней. После его смерти все дела унаследовала она. Дом Вогарро ее заставили продать — вольноотпущенникам за Черной Стеной жить нельзя, — вот она и поселилась в «Купеческом доме». Тому уж тридцать два года, но она и по сей день тут живет. Сейчас она принимает за своим обычным столом, только ты не оглядывайся. Как закончит с этим клиентом, придет наша очередь.

— И чего же ты от этой старушенции хочешь?

Сир Джорах встал.

— Скоро увидишь сам. Он уходит.

Тирион спрыгнул со стула, гремя железом. Все это обещало стать любопытным.

Женщина сидела в своем углу, как затаившийся зверь, а глаза у нее были змеиные. Сквозь жидкие седые волосы просвечивал череп, под глазом

еще сохранились шрамы от сведенной слезной татуировки. На столе после завтрака остались куски лепешки, сардиньи головы, маслиновые косточки. Тирион невольно отметил, как удачно расположена эта «приемная»: за спиной каменная стена, альков заплетен листьями, входная дверь как на ладони, а сама старуха в густой тени почти что невидима.

— Карлик, — промурлыкала вдова, увидев его. На общем она говорила почти без акцента. — Последнее время их в Волантисе пруд пруди. Что он умеет?

Будь у него арбалет, он показал бы ей пару фокусов.

— Да ничего, — сказал рыцарь.

— Жаль. Была у меня обезьянка, каких только штук не выделывала, а он на нее похож. Ты мне *его* даришь, что ли?

— Нет… вот. — Перчатки, купленные вчера сиром Джорахом, легли на стол рядом с другими дарами: серебряным кубком, веером из прозрачных нефритовых листьев и бронзовым кинжалом с древними рунами. По сравнению с такими сокровищами подношение Мормонта казалось весьма убогим.

— Перчатки для старых сморщенных рук… как

мило. — Вдова к ним даже не прикоснулась.

— Я купил их на Длинном мосту.

— Чего только там не купишь. Перчатки, рабы, обезьянки. — Годы сгорбили ее спину, но черные глаза оставались яркими. — Так чем же старая вдова может быть полезна тебе?

— Нам нужно поскорее попасть в Миэрин.

Одно-единственное слово все перевернуло с ног на голову.

Миэрин! Не ослышался ли он, часом?

Нет, Мормонт точно сказал «Миэрин»… что означает жизнь или по крайней мере надежду.

— Зачем же ко мне обращаться? У меня кораблей нет.

— Зато многие корабельные капитаны вам задолжали.

Он сказал, что отвезет Тириона к королеве, но имел в виду не Серсею, а Дейенерис Таргариен. Вот почему он не отрубил карлику голову. Они поедут на восток, а Грифф с принцем, дураки этакие, на запад.

Это уж слишком! Заговор на заговоре, и все пути ведут в пасть дракона. Тирион расхохотался и остановиться уже не смог.

— Да никак у него припадок, — сказала женщина.

— Ничего, сейчас успокоится. А нет, так недолго и кляп ему вставить.

Тирион зажал рот руками. Миэрин!

— Не выпить ли нам? — предложила портовая вдова. Служанка налила ей и рыцарю вина в зеленые стеклянные чаши; Тирион тоже охотно бы выпил, но он в счет не шел. Вдова подержала вино во рту и лишь потом проглотила. — Все другие изгнанники, насколько эти старые уши слышали, отплывают на запад. А все задолжавшие мне капитаны только и мечтают отвезти их туда и добыть побольше монеты из сундуков Золотых Мечей. А наши благородные триархи отрядили дюжину военных судов, чтобы проводить их до самых Ступеней. Даже старый Донифос и тот согласен… но ты, сир, почему-то едешь в другую сторону.

— У меня на востоке дела.

— Какие, любопытно узнать? Работорговле серебряная королева положила конец и бойцовые ямы тоже закрыла. Что еще может предложить Миэрин вестеросскому рыцарю — кирпич, оливки, драконов? Ага… — Улыбка старухи сделалась хищной. — Говорят, королева кормит их новорожденными младенцами, а сама купается в крови девственниц и берет себе нового любовни-

ка каждую ночь.

Сир Джорах стиснул челюсти.

— Эти ядовитые слухи сеют юнкайцы. Не надо им верить, миледи.

— Я не леди, но даже шлюха Вогарро способна отличить ложь от правды. А правда в том, что у драконьей королевы много врагов. Юнкай, Новый Гис, Толос, Кварт… а там, глядишь, и Волантис. Подожди немного, сир: наймешься в солдаты, и повезут тебя на восток. Тиграм всякая война в радость, и даже слоны могут убивать, если им угрожают. Малакуо жаждет славы, Ниэссос почти все свое состояние нажил на торговле рабами. Если в триархи пройдет Алиос, Паркелло или Белико, наши корабли пойдут в Миэрин.

— Донифоса могут выбрать повторно, — нахмурился Мормонт.

— Скорей уж Вогарро вернется, а мой муж тридцать лет как умер.

— И это они называют элем? — взревел кто-то поблизости. — Обезьянья моча и то лучше.

— А ты ее пробовал? — осведомился другой.

Тирион оглянулся в слабой надежде увидеть Утку и Хелдона. Этих двоих он не знал, но рядом с ними стоял давешний карлик.

— Среди первых слонов были и женщины, —

продолжала вдова, попивая вино. — Именно они свергли тигров и покончили с войнами. Триста лет назад Трианну выбирали четырежды, но с тех пор в Волантисе, увы, не стало триархов женского пола, а ведь у женщин, пусть немногих, право голоса есть. Им обладают благородные дамы, живущие за Черной Стеной — не такое отребье, как я. Старая Кровь скорее позволит голосовать собакам и малым детям, нежели вольноотпущенникам. Выберут либо Белико, либо Алиоса, и в любом случае будет война… так они думают.

— А что думаете на этот счет вы? — спросил рыцарь.

«Молодец, — подумал Тирион. — Правильный вопрос задал».

— Я тоже думаю, что война будет, но не такая, какую хотят они. — Вдова подалась вперед, сверкая глазами. — Думаю, что у красного Рглора в этом городе больше приверженцев, чем у всех других богов вместе взятых. Слышал, как Бенерро проповедует?

— Да, вчера вечером.

— Бенерро видит в пламени будущее. Известно тебе, что триарх Малакуо хотел нанять Золотых Мечей для того, чтобы перебить всех жрецов в красном храме? Тигровых плащей он не решается

туда посылать — половина из них тоже верит в красного бога. Волантис ждут суровые времена, даже старым вдовам есть чего опасаться, но Миэрину придется намного хуже. Скажи мне, сир, зачем тебе королева драконов?

— Это уж мое дело. За проезд я уплачу серебром.

«Дурак ты, — подумал Тирион. — Для нее главное не деньги, а уважение — не слышишь, что ли?» Оглянувшись снова, он заметил, что другой карлик подошел еще ближе, и в руке у него вроде бы нож. Тириона пробрало холодом.

— На что мне твое серебро, коли золота девать некуда. И не смотри так — я стара, злыми взглядами меня не проймешь. Я вижу, что ты человек опасный и мечом хорошо владеешь, но стоит мне пальчиком шевельнуть, и в Миэрин ты поедешь к веслу прикованный. — Вдова раскрыла нефритовый веер, и из прикрытой листьями арки слева выглянул человек, весь в шрамах. На боку у него висел тяжелый короткий меч. — Не говорили тебе, что у портовой вдовы сыновья есть? Но утро нынче хорошее, и я спрошу еще раз: на что тебе Дейенерис Таргариен, которой полмира смерти желает?

Мормонт потемнел от гнева, но все же отве-

тил:

— Служить ей. Защищать ее. Умереть за нее, если будет такая надобность.

— Спасти ее хочешь, стало быть? — засмеялась вдова. — Спасти от бесчисленных врагов и несметных мечей — вот во что ты предлагаешь поверить бедной вдове? Выходит, ты у нас истинный рыцарь, готовый пройти полсвета, чтобы помочь… не деве уже, хотя и прекрасной. А карлика зачем ей везешь? Чтобы она в его крови искупалась или просто отсекла ему голову?

— Он… — замялся сир Джорах.

— Я знаю, кто он такой. — Черные глаза уставились на Тириона, как каменные. — Цареубийца, отцеубийца, предатель — одним словом, Ланнистер. — Последнее слово прозвучало в ее устах как ругательство. — Что имеешь ты, коротышка, предложить королеве драконов?

«Свою ненависть». Не сказав этого вслух, Тирион развел руками, насколько позволяли оковы.

— Все, чего она пожелает. Мудрый совет, острую шутку, мастерство акробата. Мой член или мой язык, как ей будет угодно. Могу стать во главе ее армии или массировать ей ноги. Взамен я попрошу одного: позволения изнасиловать и убить родную сестру.

На сморщенное лицо вдовы вернулась улыбка.

— Это по крайней мере честно, а вот ты, сир… Я знавала дюжину западных рыцарей и тысячу искателей приключений того же толка, но ни один из них не был так чист, как представляешься ты. Все мужчины — скоты, себялюбивые и жестокие. За их красивыми словами всегда прячутся темные побуждения. Не верю я тебе, сир. — Она махнула на них веером, как на мух. — Добирайся до Миэрина вплавь, коли тебе охота. От меня ты помощи не получишь.

Она захлопнула веер, сир Джорах привстал, и тут все семь преисподних разверзлись одновременно. Тирион, обернувшись на девичий визг, увидел другого карлика — тот несся прямо к нему. Девушка, переодетая мужчиной, — и ее нож его сейчас выпотрошит.

Сир Джорах, вдова и человек в шрамах застыли как вкопанные. Люди за ближними столами глядели во все глаза. Тирион с огромным усилием схватил винный штоф, выплеснул содержимое в лицо карлицы и бросился на пол, сильно ударившись головой. Карлица налетела, едва он успел откатиться. Вонзила нож в доску, выдернула, занесла снова… и сир Джорах поднял ее, дрыгающую ногами, на воздух.

— Пусти! — визжала она на общем языке Вестероса. Ее рубашка лопнула, так бешено она вырывалась.

Сир Джорах, держа ее за шиворот, отнял свободной рукой кинжал.

— Ну, хватит.

Откуда ни возьмись появился хозяин с дубинкой в руке. Выругавшись при виде разбитого штофа, он пожелал знать, что здесь происходит.

— Карлики подрались, — объяснил тирошиец, ухмыляясь в пурпурную бороду.

— За что? — вскричал Тирион, глядя на мокрую воительницу снизу вверх. — Что я тебе сделал?

— Моего брата убили. — Девушка перестала дергаться и повисла неподвижно с полными слез глазами.

— Кто? — спросил Мормонт.

— Моряки. Из Семи Королевств. Пятеро их было, все пьяные. Мы представляли на площади, а они за нами пошли. Меня отпустили, потому что я женщина, а брата убили и отрезали ему голову.

Тириона осенило, и он спросил:

— Ты на ком сидела, на свинье или на собаке?

— На собаке, — прорыдала она. — На свинье всегда Оппо ездил.

Карлики со свадьбы Джоффри. После их шу-

товского турнира как раз и начало твориться неладное. Не странно ли снова встретиться с ними на другом краю света? Хотя что тут странного. Даже их свинья сообразила бы после этого пира, что из Королевской Гавани надо скорее уносить ноги — иначе Серсея и их бы обвинила в смерти своего сына.

— Поставь ее на пол, сир, — сказал Тирион. — Она для нас не опасна.

Сир Джорах послушался, сказав девушке:

— Мне жаль твоего брата, только мы здесь при чем?

— Это он виноват. — Она прикрыла маленькие груди мокрой рваной рубашкой. — Брата они приняли за него. Он должен умереть так же, как бедный Оппо! — Девушка озиралась вокруг, взывая о помощи. — Пожалуйста, убейте его кто-нибудь!

Хозяин грубо рванул ее за руку, спрашивая по-волантински, кто будет платить за урон.

— Говорят, что рыцари защищают слабых и вступаются за невинных, — холодно произнесла вдова. — Говорят также, что я самая прекрасная дева во всем Волантисе. — Ее смех был полон презрения. — Как тебя звать, дитя?

— Пенни.

Старуха обратилась к хозяину на местном наречии. Велит отвести карлицу в ее комнаты, кое-как разобрал Тирион. Дать ей вина и найти какую-нибудь одежду.

Когда они удалились, вдова сказала:

— Чудовища, сдается мне, должны быть побольше. В Вестеросе за тебя дают лордство, здесь, боюсь, оценят несколько ниже. Надо как-то тебе пособить — Волантис стал небезопасен для карликов.

— Вы так добры, — улыбнулся ей Тирион. — Может, и кандалы с меня снимете? Из-за них чудовище не может нос почесать, а он страсть как свербит. Я охотно преподнесу их вам в дар.

— Благодарствую. Я тоже в свое время такие носила, поэтому теперь решительно предпочитаю серебро с золотом. Железо в Волантисе, как ни грустно, дешевле черствого хлеба, да и беглым рабам запрещено помогать.

— Я не раб.

— Каждый, кого хватают работорговцы, поет ту же песню. Здесь я тебе не смею помочь, — старуха снова наклонилась вперед, — но через два дня из этой гавани отплывет когг «Селасори Кхорун». Он идет в Кварт через Новый Гис с грузом железа, олова, шерсти и кружев. Еще везет пятьдесят

мирийских ковров, красного жреца, двадцать банок драконова перца и засоленный в бочке труп. Будьте на борту в день отплытия.

— Непременно будем. Спасибо.

— Кварт нам не по пути, — нахмурился рыцарь.

— До Кварта когг не дойдет — Бенерро это открылось в пламени.

— Вот и хорошо. Будь я волантинским аристократом, отдал бы свой голос за вас, миледи.

— Я не леди, я шлюха Вогарро. Шли бы вы отсюда, пока тигры не набежали. А как увидите свою королеву, передайте ей послание от волантинских рабов. — Старуха потрогала щеку на месте сведенных слез. — Скажите ей, что мы ждем. Пусть приходит, да поскорее.

Джон

Услышав приказ, сир Аллисер скривил губы в подобии улыбки, но глаза его остались холодными и твердыми, как кремень.

— Итак, бастард посылает меня на смерть.

— Смерть, — завопил ворон Мормонта. — Смерть, смерть, смерть.

Джон отмахнулся от непрошеного подсказчика.

— Бастард посылает вас на разведку. Искать наших врагов и в случае нужды убивать их. Клинком вы владеете отменно: и здесь, и в Восточном Дозоре вы были мастером над оружием.

Рука Торне легла на эфес меча.

— Верно. Треть жизни отдал, обучая тупоголовых баранов и жуликов основам военного ремесла. Много мне пользы от этого будет в диком лесу.

— С вами пойдут двое разведчиков-ветеранов.

— Мы вас обучим всему, что следует знать разведчику, сир, — проскрипел Дайвин. — К примеру, подтирать высокородную задницу листьями.

Кедж Белоглазый заржал, Черный Джек Буль-

вер плюнул, а сир Аллисер молвил так:

— Тебе, конечно, хочется, чтобы я отказался. Тогда мне можно будет, как Слинту, голову отрубить. Но такого удовольствия я тебе, бастард, не доставлю. Молись, чтобы меня убил одичалый: убитые Иными недолго остаются мертвыми и все помнят. Я еще вернусь к вам, лорд Сноу.

— Очень на это надеюсь. — Сир Аллисер Торне, не будучи другом Джона, был ему братом — а где написано, что братьев непременно надо любить?

Нелегко посылать людей в лес, понимая, что они, быть может, оттуда не вернутся. Они, конечно, опытные бойцы, но дядю Бенджена и его разведчиков, тоже не новичков, Призрачный лес поглотил бесследно, и только двое из них пришли к Стене — упырями. Джон Сноу не в первый и не в последний раз задумывался о том, что стало с Бенджеком Старком. Может, этот отряд найдет хоть какие-нибудь его следы.

Одну партию поведет Дайвин, две другие — Черный Джек Бульвер и Кедж Белоглазый. Эти по крайней мере идут охотно.

— Хорошо снова сесть на коня, — сказал Дайвин у ворот, втягивая воздух сквозь деревянные зубы. — На лавке сидя, только зад занозишь, уж

не взыщите, милорд. — Никто в Черном Замке не знает лес лучше Дайвина. Ему ведомо все: деревья, ручьи, съедобные растения, тропы дичи и хищников. Торне повезло больше, чем он заслуживает.

Джон смотрел со Стены, как удаляются разведчики — три партии, в каждой три человека и пара воронов. Их пони сверху были как муравьи, а людей он и вовсе не различал, но их имена остались у него в сердце. Восемь хороших братьев, один… видно будет.

Когда последний скрылся в лесу, Джон со Скорбным Эддом съехали вниз в клети. Одна из порхающих в воздухе снежинок сопровождала их, то обгоняя, то возвращаясь — если просунуть руку за прутья, можно ее поймать.

— Ох и страсть мне приснилась ночью, милорд, — сказал Эдд. — Будто вы мой стюард, носите мне еду и выносите ночную посуду, а я лорд-командующий и ни на миг покоя не знаю.

— Тебе страшный сон, а мне явь, — без улыбки ответил Джон.

Галеи Коттера Пайка заметили, что одичалых на лесистом северо-восточном берегу все прибавляется. Они там строят плоты и даже выброшенный на берег когг пытаются починить.

При виде кораблей они сразу уходят в лес, но потом, конечно, вылезают обратно. А сир Деннис Маллистер доносит о кострах к северу от Теснины. Оба командира просят людей, а где Джон их возьмет?

Он уже послал каждому по десять одичалых из Кротового городка: мальчишек, стариков, раненых и болящих, однако способных на ту или иную работу. А они, Пайк и Маллистер, только жалуются. «Я имел в виду братьев Ночного Дозора, обученных и дисциплинированных, в преданности которых можно не сомневаться», — пишет сир Деннис, а Коттер Пайк заявляет без церемоний: «Развесить бы их на Стене, чтоб другим одичалым наука была, вот и весь от них прок. — Он сам неграмотный, мейстер Хармун за него пишет. — Я и ночное судно им не доверю, да и мало нам десяти».

Железная клеть со скрипом завершила свой путь и повисла в футе над землей у подножия Стены. Скорбный Эдд открыл дверь и спрыгнул на снег, Джон за ним.

Железный Эммет уже гонял своих подопечных на оружейном дворе. Звон стали напомнил Джону о былых временах, когда он в Винтерфелле бился на мечах с Роббом под бдительным над-

зором сира Родрика Касселя. Сир Родрик тоже погиб — убит Железными Людьми Теона Переметчивого при попытке отобрать у них замок. Великая твердыня Старков сожжена, и самая память о ней отравлена.

Железный Эммет, увидев его, остановил бой.

— Чем можем служить, лорд-командующий?

— Отбери мне трех лучших.

— Эррон, Эмрик, Джейс, — перечислил с усмешкой Эммет.

Конь и Хоп-Робин принесли командующему стеганую подстежку, кольчугу, наручи, нагрудный панцирь и полушлем. Черный окованный железом щит для левой руки, тупой длинный меч для правой. Меч, почти новый, при свете утра отливал серебром — один из последних, скованных Доналом. Жаль, не успел кузнец его навострить, не дожил. Клинок короче, чем Длинный Коготь, но тяжелее. Он из обычной стали, значит и рубить будет медленнее.

— Сойдет. — Джон повернулся лицом к противникам и сказал: — Нападайте.

— Кому первым выходить? — спросил Эррон.

— Нападайте все разом.

— Втроем? — усомнился Джейс из последнего набора Конви, сын сапожника со Светлого остро-

ва. — Нечестно как-то.

— Ладно, выходи ты.

Парень вышел. Джон тут же рубанул его по голове, повалил, придавил ногой и приставил острие меча к горлу.

— Война честной не бывает. Теперь ты убит, а их осталось двое на одного.

Хруст гравия за спиной возвестил о приближении близнецов. Из этих, пожалуй, еще выйдут разведчики. Резко повернувшись, Джон принял на щит удар Эррона и отразил выпад Эмрика.

— У вас не копья в руках, — крикнул он. — Ближе надо. — И перешел в атаку, показывая, как это делается.

Для начала он взялся за Эмрика, целя ему в голову и плечи справа и слева. Парень, заслоняясь щитом, пытался сопротивляться. Джон двинул щитом в его щит, рубанул по ноге и свалил… не сразу, поскольку сзади подоспел Эррон и врезал врагу по ляжке. Теперь там будет синяк. Припавший на колено Джон вскинул щит, вскочил и погнал Эррона по двору. В быстроте парню не откажешь — их мечи соприкоснулись целых три раза, — вот только силенок мало. Поняв по облегчению в глазах Эррона, что Эмрик сзади, Джон отскочил, ударил Эмрика по спине и бросил на

брата. Джейс к этому времени поднялся, и Джон повалил его снова.

— Не люблю, когда мертвецы встают. Вот встретишься с упырем и поймешь. — Джон опустил меч.

— Большая ворона клюет воронят, — сказал кто-то. — Может, с человеком сразишься?

К стене прислонился Гремучая Рубашка. Он сильно зарос, жидкие волосы падали на желтые глазки.

— Ты себе льстишь, — сказал Джон.

— Что, струсил, ворона?

— Станнис, сдается мне, не того сжег.

— Отчего же. — Одичалый осклабил свои поломанные бурые зубы. — Он сжег того, кого должен был, — для примера. Все мы делаем то, что должны, Сноу. Даже и короли.

— Найди ему какую-нибудь броню, Эммет. Сталь, не мертвые кости.

Костяной Лорд в кольчуге и панцире даже как будто выпрямился немного, подрос, и плечи у него развернулись. «Все дело в латах», — сказал себе Джон. Даже Сэм мог показаться грозным, облаченный с головы до ног в доспехи работы Донала Нойе. Предложенный Конем щит одичалый отверг, а меч попросил двуручный.

— Приятный звук, — сказал он, сделав пробный взмах. — Подлетай, Сноу, я пущу твои перышки по ветру.

Джон напал, а он отступил вбок и рубанул что есть мочи. Не подставь Джон вовремя щит, громадный меч смял бы ему нагрудник и сломал половину ребер, а так лишь руку прошил до плеча. Кто бы мог подумать, что этот мозгляк бьет так сильно и движется так проворно. Противники начали кружить, обмениваясь ударами, — Костяной Лорд не оставался в долгу, орудуя тяжелым двуручным мечом с поразительной ловкостью.

Питомцы Железного Эммета, поначалу подбадривавшие своего лорда криками, вскоре умолкли. «Он так долго не выдержит», — сказал себе Джон, отражая новый удар, и крякнул. Большой меч, хоть и тупой, надколол дерево и погнул железный обод его щита. Ничего, скоро он выдохнется. Джон нанес лобовой удар, но одичалый отвел голову. Рубанул по голени, но тот перескочил через меч. Ответный удар пришелся по оплечью, и рука под ним отнялась. Джон начал пятиться, хотя щита у противника не было и на каждый его удар Джону полагалось бы делать два.

Так почему-то не получалось, и ни один из ударов не попадал в цель. Одичалый всякий раз

увертывался, и меч Джона скользил по плечу или по руке. Джон продолжал отступать и старался делать такие же финты, только это плохо ему удавалось. Изрубленный щит он в конце концов бросил, от пота щипало в глазах. Гремучий Лорд был сильнее, а большой меч давал ему преимущество в весе и расстоянии. Будь у Джона Длинный Коготь, все обернулось бы по-другому, но теперь…

Случай предоставился при следующем замахе противника. Джон с разбегу врезался в Гремучую Рубашку, повалил его и упал сам. Одичалый саданул Джона коленом, Джон его кулаком. Костяной Лорд каким-то образом оказался сверху, стукнул Джона головой оземь и поднял ему забрало.

— Будь у меня кинжал, ты бы лишился одного глаза. Пустите, вороны проклятые! — заорал он, когда Конь и Железный Эммет стали его оттаскивать.

В голове у Джона звенело. Он приподнялся, выплюнул кровь и сказал:

— Хороший был бой.

— Ты себе льстишь, ворона. Я даже и не вспотел.

— Ничего, в другой раз вспотеешь. — Скорбный Эдд помог Джону встать и снял с него

шлем — раньше вмятин на нем не было, теперь появились. — Отпустите его. — Джон кинул шлем Хоп-Робину, но тот не поймал.

— Он угрожал вам, милорд, мы все слышали, — сказал Эммет. — Будь у меня, дескать, кинжал…

— Ну, кинжала у него нет, во всяком разе — сейчас. — «Всегда найдется кто-нибудь сильнее и проворнее вас, — сказал сир Родрик им с Роббом, — и хорошо, если вы впервые встретите такого на учебном дворе, а не на поле брани».

— Лорд Сноу, — тихо позвал кто-то. Это был Клидас. Стюард стоял под обвалившейся аркой, держа пергамент в руке.

— От Станниса? — Джон надеялся получить какие-нибудь вести от короля. Ночной Дозор, конечно, ни на чью сторону не становится, и ему должно быть безразлично, кто из королей победит, однако… — Из Темнолесья?

— Нет, милорд. — Туго свернутый пергамент был запечатан твердым розовым воском — таким пользуются только в Дредфорте. Джон снял перчатку, взял письмо, вскрыл печать. Увидев подпись, он сразу забыл о трепке, которую ему задал Костяной Лорд.

«Рамси Болтон», — гласили огромные остроконечные буквы. Бурые чернила хлопьями летели

с листа. Под Болтоном поставили свои подписи и печати леди Дастин, леди Сервин и четверо Рисвеллов. Был еще грубый рисунок, великан дома Амберов.

— Можно узнать, о чем он пишет, милорд? — спросил Эммет.

Джон не видел причин отмалчиваться.

— Ров Кейлин взят. С Железных Людей сняли кожу и прибили их тела к столбам вдоль дороги. Русе Болтон созывает всех верных лордов в Барроутон — подтвердить свою верность Железному Трону и отпраздновать свадьбу его сына с… — Сердце Джона остановилось на миг. «Нет. Быть не может. Она погибла в Королевской Гавани вместе с отцом».

— Лорд Сноу, вам нехорошо? — Клидас вглядывался в него подслеповатыми розовыми глазами.

— Он женится на Арье Старк. Моей младшей сестре. — Джон так и видел ее перед собой — вечно испачканная мордашка, растрепанные волосы, сплошные коленки и локти. Ее умоют и причешут, можно не сомневаться, но представить Арью в свадебном платье или с Рамси на брачном ложе… Она не подаст виду, что боится, как бы страшно ей ни было, и будет драться, если он тронет ее хоть пальцем.

— Сестра? Сколько ж ей лет? — удивился Эммет.

«Теперь должно быть одиннадцать. Совсем еще маленькая».

— У меня нет сестры, только братья. — Леди Кейтилин такой ответ порадовал бы, но Джону он дался нелегко. Пальцы смяли пергамент — вот бы глотку Рамси Болтона так же стиснуть.

— Будет ли ответ? — кашлянув, спросил Клидас.

Джон мотнул головой и ушел.

К вечеру синяки, которыми украсил его одичалый, стали багровыми.

— Потом они пожелтеют, — сказал Джон ворону Мормонта. — Стану похож на костяные доспехи нашего гремучего лорда.

— Костяные, — подтвердил ворон.

Снаружи слышался гул голосов, слишком слабый, чтобы различать слова. Леди Мелисандра и ее последователи у своего ночного костра — будто за тысячу лиг отсюда. Каждый вечер, как начинает смеркаться, красная женщина выводит своих прихожан на молитву и просит красного бога помочь им дожить до утра. Ибо ночь темна и полна ужасов. С отъездом Станниса и почти всех людей королевы паства заметно уменьшилась:

полсотни одичалых из Кротового городка, горстка охраны, оставленной королем Мелисандре, да около дюжины черных братьев, принявших красного бога.

Джон чувствовал себя как шестидесятилетний старик. Это всё сны… сны и совесть. Арья не выходила у него из головы, но разве он мог помочь ей? Произнеся слова клятвы, он отказался от своих близких. Скажи ему кто-то из братьев Дозора о своей попавшей в беду сестре, Джон ответил бы, что это не должно его волновать. Когда человек произносит клятву, его кровь становится черной, как сердце бастарда. Когда-то Джон попросил Миккена сковать меч для Арьи. Меч брави, маленький, ей по руке. Сохранился ли он у нее? «Коли острым концом», — учил Джон сестренку… Но если она попробует заколоть Бастарда Болтонского, это может стоить ей жизни.

— Сноу, — сказал ворон, — снег, снег.

И Джон вдруг почувствовал, что больше не вынесет.

Призрак за дверью глодал мозговую говяжью кость.

— Когда это ты вернулся?

Лютоволк бросил кость и подбежал к Джону.

Малли и Кегс караулили снаружи, опираясь

на копья.

— Холод нынче собачий, милорд, — предупредил Малли сквозь спутанную рыжую бороду. — Вы надолго?

— Нет, только воздухом подышу. — Небо усеивали звезды, вдоль Стены гулял ветер. Даже луна — и та казалась озябшей, покрытой мурашками. Скоро ветер добрался и до Джона, пронизав шерсть и вареную кожу насквозь. Джон шел через двор наперерез ветру, и за плечами у него хлопал, развеваясь, плащ. Призрак бежал следом. Куда его несет, что он делает? Черный Замок темен и тих. Где его вотчина, его чертог, его люди? Никого и ничего больше нет.

Под самой Стеной Призрак задел его руку, и ночь наполнилась запахами. За Джоном, хрустя снегом, шел кто-то, пахнущий летним днем.

Игритт!

Она стояла под сожженной башней лорда-командующего, окутанная мраком и памятью, и лунный свет играл в ее волосах, которых коснулся поцелуем огонь.

— Игритт, — позвал Джон с подступившим к горлу сердцем.

— Лорд Сноу? — Это была Мелисандра.

— Миледи… — отступил изумленный Джон. —

Я принял вас за другую. — Ночью все кошки серы, но теперь он ясно видел, что мантия на этой женщине красная. Как он мог ошибиться? Мелисандра тоньше, выше и старше, хотя луна ее молодит. Из ноздрей идет пар, на белых руках нет перчаток. — Вы так пальцы себе отморозите, — сказал Джон.

— На все воля Рглора. Ночь не тронет ту, чье сердце одето священным огнем.

— Я не про сердце говорю, а про руки.

— Только сердце что-нибудь значит. Не отчаивайтесь, лорд Сноу: отчаянием пользуется враг, чье имя нельзя произносить вслух. Ваша сестра еще не потеряна.

— У меня нет сестры. — Слова как ножи. «Что знаешь ты о моем сердце, жрица? И о моей сестре?»

— Как зовут эту девочку… ту, кого у вас нет?

— Арья, — хрипло выговорил Джон. — Она мне сестра только наполовину.

— Я помню. Вашу сестру я видела в пламени. Она бежит от навязанного ей брака — бежит сюда, к вам. Девочка в сером на умирающей лошади. Этого не случилось пока, но случится. Можно погладить вашего волка?

— Лучше не надо.

— Он меня не тронет. Его Призраком зовут, да?.. Призрак, — проворковала жрица.

Зверь настороженно обошел ее по кругу, обнюхал протянутую ему руку, ткнулся в нее.

Джон дохнул паром.

— Он не всегда такой…

— Ласковый? Тепло влечет к теплу, Джон. — Ее глаза сияли во мраке, как красные звезды, а рубин на шее, третий глаз, был еще ярче. Глаза Призрака, поймав его свет, вспыхнули таким же огнем.

— Призрак, ко мне. — Волк смотрел на Джона, как на чужого. Что за притча…

Жрица, став на колени, почесала Призрака за ухом.

— Ваша Стена — странное место, но в ней есть сила. И в тебе тоже, и в твоем волке. Ты сопротивляешься ей, и в этом твоя ошибка. Прими ее. Пользуйся ею.

«Ну, я-то не волк», — подумал Джон и спросил:

— Как это сделать?

— Могу тебе показать. — Мелисандра обняла Призрака, и он лизнул ее в щеку. — Мудрый Владыка Света сотворил нас мужчинами и женщинами, двумя половинками великого целого. При их соединении возникает сила, порождающая жизнь, свет… и тени.

— Тени. — Когда Джон произнес это слово сам, оно показалось ему особенно темным.

— Тень падает от каждого человека, ходящего по земле, — иногда куцая, иногда большая и черная. Оглянитесь, лорд Сноу. Луна поцеловала вас и отпечатала на льду вашу тень двадцатифутовой вышины.

Джон посмотрел через плечо — тень была точно такой, как сказала жрица. Девочка в сером на умирающей лошади… едет сюда. Арья. Он чувствовал идущее от красной жрицы тепло, чувствовал ее силу. Мысль о том, что она способна на многое, посетила его внезапно и больше не отпускала, будто зубами вцепилась… Но ему совсем не хотелось становиться должником этой женщины, даже и ради Арьи.

— Далла, сестра Вель… жена Манса-Разбойника… сказала как-то, что колдовство похоже на меч без рукояти: просто так в руки его не возьмешь.

— Мудрая женщина. — Мелисандра встала, колыхнув красной тканью. — Но меч даже без рукояти остается мечом — его полезно иметь при себе, когда враги тебя окружают. Слушай меня, Джон Сноу: из девяти ворон, что ищут твоих врагов в белом лесу, трое уже мертвы. Они пока не умерли, но едут навстречу смерти. Ты хотел

сделать их своими глазами, но они вернутся к тебе без глаз. Я видела в пламени их кровоточащие пустые глазницы. — Она откинула назад красные волосы, ее собственные глаза сверкнули красным огнем. — Ты не веришь мне, но скоро поверишь. Три жизни — не такая уж большая цена за веру, сказали бы многие… но ты заплатишь дороже. Вспомни об этом, увидев слепые лица своих мертвецов. И прими мою руку. — Ее окружал туман, и Джону на миг померещилось бледное колдовское пламя, пляшущее вокруг ее пальцев. — Дай мне спасти твою сестру.

Давос

Даже в сумраке Волчьего Логова чувствовалось, что этим утром здесь что-то не так.

Разбуженный голосами Давос Сиворт подполз к двери камеры, но ничего не разобрал сквозь толстое дерево. Уже рассвело, а Гарт ему овсянку не нес. К чему бы это? В Волчьем Логове каждый день похож на другой, и перемены добра не сулят. Не сегодня ли Давосу предстоит умереть? Может, Гарт уже точит свою Леди Лу?

Луковый Рыцарь не забыл, что́ напоследок приказал Виман Мандерли. Отвести этого мерзавца в Волчье Логово и отрубить ему руки и голову, вот что. «Я, — дескать, — не съем ни куска, не увидев головы этого контрабандиста на пике — с луковицей, засунутой в лживый рот». Давос засыпал с этими словами каждую ночь и просыпался каждое утро — а если б память подвела, Гарт бы охотно ему напомнил. «Овсянка для мертвеца, — говорил тюремщик утром, а вечером распоряжался: — Задувай свечку, мертвец».

Однажды Гарт показал мертвецу своих девочек. «Сейчас Шлюшка не в лучшем виде, — объяснял он, лаская железный прут, — но ежели раскалить

ее докрасна да приложить к твоему члену, ты мамку звать будешь. А это вот моя Леди Лу. Она заберет твою голову и руки, когда лорд Виман скажет».

Давос никогда еще не видел столь большого и острого топора. Гарт, по словам других тюремщиков, точил его сутками. Узник решил, что не будет просить о помиловании и умрет как рыцарь — попросит только, чтобы голову прежде рук отрубили. Авось, даже у Гарта достанет милосердия исполнить такую просьбу.

Встав, он начал мерить шагами камеру — на удивление просторную и удобную, надо сказать. Раньше тут какой-нибудь лордик почивал, не иначе. Она втрое больше его каюты на «Черной Бессе», больше даже помещения Салладора Саана на «Валирийке». Единственное окно, правда, давно кирпичом заложили, но в стене есть очаг, где котелок помещается, а в углу — настоящее отхожее место. Половицы неструганые, тюфяк плесенью пахнет, но это мелочи по сравнению с тем, чего можно ожидать от тюрьмы.

Взять хоть еду. Вместо жидкой кашицы, черствого хлеба и тухлого мяса Давос ест свежую рыбу, хлеб только что из печи, пряную баранину, репу, морковку и даже крабов. Недовольный этим Гарт

не раз заявлял, что мертвец не должен есть лучше живых. Давос получил меховые одеяла, чтобы не мерзнуть ночью, и толстую сальную свечку. Ему меняют одежду и снабжают его дровами. Когда он попросил бумагу, перо и чернила, Терри их тут же принес. Попросил книгу, чтобы упражняться в чтении, и Терри доставил ему «Семиконечную Звезду».

Но тюрьма, несмотря на все поблажки, все же остается тюрьмой. Через толстые стены ничего не слыхать, дубовая, обитая железом дверь всегда заперта. С потолка свисают цепи, дожидаясь, когда лорд Мандерли соизволит поближе познакомить контрабандиста со Шлюшкой. Может, как раз сегодня. Гарт скоро войдет сюда, но не с овсянкой.

Живот уже подвело с голодухи. Хуже всего не смерть, а незнание, как и когда ты умрешь. Давос не впервые оказывался в тюрьме, но раньше с ним всегда сидели другие узники. Было с кем поговорить, поделиться страхами и надеждами — а тут он, не считая тюремщиков, вовсе один.

В подземельях замка, он знал, есть настоящие темницы — каменные мешки, застенки и сырые ямы, где водятся огромные черные крысы, — но и там, если верить тюремщикам, никого не дер-

жат. «Мы тут одни, Луковка», — говорит главный надзиратель сир Бартимус, кривой одноногий рыцарь. В подпитии (что случается чуть ли не ежедневно) он любит рассказывать, как спас лорда Вимана при Трезубце. Волчье Логово он получил в награду.

Понятие «мы» охватывает повара, которого Давос ни разу не видел, шестерых стражников, двух прачек и собственно ключарей. Их двое: четырнадцатилетний Терри, сын одной из прачек, и старый, громадный, лысый, вечно хмурый Гарт, не вылезающий из засаленного колета.

Контрабандистские годы научили Давоса разбираться в людях: Гарта он опасался и при нем больше помалкивал, но с Терри и сиром Бартимусом был разговорчивее. Благодарил их за еду, охотно слушал разные их истории, вежливо отвечал на их вопросы и не приставал со своими. Просьбы его всегда были мелкими: тазик с водой, мыло, книга для чтения, еще пара свечей. Они, как правило, выполнялись, и он говорил спасибо.

О лорде Мандерли, короле Станнисе и Фреях никто разговоров не заводил — и без них было, о чем покалякать. Терри хотел пойти на войну, когда подрастет, и стать рыцарем. Еще он жаловался на

мать, которая спала сразу с двумя стражниками: они караулили в разное время и друг о друге не знали, но когда-нибудь один из них догадается, и тогда без крови не обойтись. Иногда парень приносил даже мех с вином и просил Давоса рассказать о жизни контрабандистов.

Сира Бартимуса не занимали ни внешний мир, ни события, происходившие там с тех пор, как лошадь без всадника и пила мейстера лишили его ноги. Излюбленным предметом его разговоров была долгая и кровавая история Волчьего Логова. Оно намного старше, чем Белая Гавань, рассказывал старый рыцарь. Построил его король Джон Старк для защиты устья Белого Ножа от морских разбойников. Здесь селились младшие сыновья Королей Севера, их братья, дядья и кузены. Многие передавали замок собственным детям и внукам, отчего у дома Старков появлялись новые ветви. Дольше всех продержались Грейстарки; они владели Волчьим Логовом пять веков, пока им не вздумалось встать на сторону Дредфорта, восставшего против Старков из Винтерфелла.

После их падения замок переходил из рук в руки. Сто лет он принадлежал дому Флинтов, еще двести — дому Локе. Позднее реку по поручению Винтерфелла охраняли Слейты, Лонги, Хольты и

Эшвуды. Как-то раз Логово захватили сестринцы. Во время войны между Винтерфеллом и Долиной замок осадил Осгуд Аррен, Старый Сокол, и сжег его сын по прозвищу Коготь. Когда король Эдрик Старк ослабел с годами, Логово взяли работорговцы со Ступеней. В этих самых стенах пленников клеймили каленым железом, укрощали бичом, а затем отправляли за море.

«Потом пришла долгая жестокая зима, — рассказывал сир Бартимус. — Белый Нож замерз, покрылся льдом и залив. Пока работорговцы, спасаясь от северного ветра, грелись у очагов, нагрянул новый король, Брандон Старк — правнук Эдрика Снегобородого по прозванию Ледяной Глаз. Вернув себе замок, он раздел работорговцев донага и отдал рабам, которых держали прикованными в темницах. Говорят, будто их внутренности развесили на ветвях сердце-дерева в жертву богам. Старым богам, не тем, кого привезли после с юга. Ваши Семеро не знают, что такое зима, а зима не признаёт их богами».

С этим не поспоришь. После Восточного Дозора Давосу тоже не очень-то хотелось узнать, что такое зима. «А вы в каких богов веруете?» — спросил он одноногого рыцаря.

«В старых. — Улыбаясь, сир Бартимус начинал

походить на череп. — Наш род жил тут еще до Мандерли. Может, как раз мои предки и развесили те потроха на дереве».

«Не знал, что северяне приносят своим сердцедеревьям кровавые жертвы».

«Мало ли чего вы, южане, о нас не знаете».

Он был прав. Давос сидел при свече и смотрел на письма, которые выводил буква за буквой все эти дни. «Я был лучшим контрабандистом, чем рыцарем, — писал он жене, — и лучшим рыцарем, чем десницей. Я любил тебя, Мария. Пожалуйста, прости меня за все, что выстрадала из-за меня. Если Станнис проиграет войну и ты лишишься наших земель, увези мальчиков за Узкое море в Браавос. Постарайся, чтобы они не думали обо мне плохо, если сумеешь. В том случае, если Станнис займет-таки Железный Трон, дом Сивортов будет жить, и Деван останется при дворе. Он поможет тебе пристроить младших к знатным лордам пажами или оруженосцами — глядишь, и рыцарями со временем станут». Вот все, что Давос мог посоветовать: ничего мудрее ему в голову не пришло.

Трем оставшимся сыновьям он тоже написал письма — пусть помнят отца, купившего им благородное имя ценой своих пальцев. Послания к

Стеффону и юному Станнису вышли короткими и неуклюжими. Сказать по правде, он плохо знал их в отличие от старших, сгоревших или утонувших на Черноводной. Девану он написал немного пространнее: «Горжусь, что мой сын служит оруженосцем у самого короля. Помни, что ты теперь старший, позаботься о своей леди-матери и младших братьях. Скажи его величеству, что я сделал все от меня зависящее — сожалею, что не сумел больше. Я потерял свою удачу вместе с костями от пальцев в тот день, когда под Королевской Гаванью загорелась река».

Давос перечел все письма несколько раз, думая, не надо ли изменить что-то или добавить. Хорошо бы сказать еще что-нибудь перед смертью, да слова не идут. Ну что ж, жизнь его сложилась довольно удачно. Мальчишка, рожденный на Блошином Конце, стал королевским десницей и выучился читать и писать.

Сидя над письмами, он услыхал звон ключей. Еще миг, и дверь его камеры отворилась.

Вошел высокий человек с изможденным лицом под шапкой поседевших волос. На бедре у него висел длинный меч, алый плащ на плече скрепляла серебряная пряжка в виде кольчужного кулака.

— Лорд Сиворт, — сказал он, — у нас мало вре-

мени. Благоволите пройти со мной.

Это «благоволите» смутило Давоса. На плаху его вряд ли стали бы приглашать столь учтиво.

— Вы кто же будете? — спросил он.

— Роберт Гловер, с позволения вашей милости.

— Гловер из Темнолесья?

— Это усадьба моего брата Галбарта… была и есть, благодаря вашему королю Станнису. Он отбил Темнолесье у железной суки, взявшей его, и желает вернуть замок законным владельцам. За время вашего заключения много всего случилось, лорд Давос. Ров Кейлин пал, Русе Болтон вернулся на Север с младшей дочерью Неда Старка и целой армией Фреев. Теперь он рассылает воронов, созывая всех северных лордов в Барроутон — воздать ему должные почести и отпраздновать свадьбу его бастарда Рамси Сноу с Арьей Старк. Заключив этот брак, Болтоны станут владельцами Винтерфелла. Идете вы или нет?

— Придется — не выбирать же мне Гарта и Леди Лу.

— Что за леди Лу? Прачка? — Гловер терял терпение. — Идемте, вам скоро все объяснят.

Давос встал.

— В случае моей смерти позаботьтесь, прошу вас, чтобы эти письма были отправлены.

— Даю слово, но если вы и умрете, то не от моей руки и не от руки лорда Вимана. Идемте скорее.

Они прошли через темный зал, спустились по истертым ступеням. Пересекли богорощу, где разросшееся сердце-дерево, заглушив все дубы, березы и вязы, пронзало бледными ветвями окна и стены. Корни его были толщиной с человека, лик на широченном стволе казался плоским и злобным. Отворив заржавленную дверь сразу за ним, Гловер зажег факел и повел Давоса вниз, в подвал, где сырые стены обросли солью и под ногами плескалась морская вода. Миновав ряд больших помещений и тесных темниц, ничуть не похожих на камеру Давоса, они уперлись в глухую стену. Гловер нажал на нее, она повернулась. За ней открылся узкий подземный ход и лестница, ведущая вверх.

— Где это мы? — спросил Давос. Его голос вызвал во тьме слабое эхо.

— На подлестничной лестнице — поднимаемся под Замковой улицей к Новому Замку. Вас не должны видеть, милорд. Почти для всех вы мертвы.

«Овсянка для мертвеца». Понятно.

Наверху они прошли сквозь другую стену, оштукатуренную снаружи. В комнате по ту

сторону горели восковые свечи, на полу лежал мирийский ковер. Где-то поблизости играли волынки и скрипки, на стене висел пергамент с большой картой Севера, под картой сидел Виман Мандерли, громадный лорд Белой Гавани.

— Садитесь, прошу вас. — На лорде был бархатный дублет цвета морской волны, вышитый золотом по рукавам, вороту и подолу. Горностаевую мантию на плече скалывал золотой трезубец. — Вы голодны?

— Нет, милорд. В вашей тюрьме меня хорошо кормили.

— Вот вино, если хотите пить.

— Мой король послал меня к вам для переговоров, милорд. Пить с вами я не обязан.

— Я обошелся с вами самым постыдным образом, — вздохнул лорд Виман. — На то были свои причины, но… присядьте и выпейте за моего старшего сына и наследника Вилиса, который благополучно вернулся домой. Там, за стеной, идет пир в его честь. В Водном Чертоге едят пирог с угрем и оленину с жареными каштанами. Винафрид танцует со своим женихом, а прочие Фреи поднимают чаши за нашу дружбу.

Кроме музыки, Давос слышал гул множества голосов и стук посуды.

— Я только что от высокого стола, — продолжал лорд Виман. — Объелся, как всегда, а с животом у меня неладно, это вся Белая Гавань знает. Мои друзья Фреи, надеюсь, простят мне мою отлучку. — Он перевернул свою чашу. — Видите, я не пью с вами. Садитесь же, время дорого. Будь так добр, Роберт, налей деснице вина. Должен известить вас, лорд Давос, что вы мертвы.

Давос взял предложенную Гловером чашу, понюхал, выпил.

— Можно спросить, как я умер?

— На плахе. Ваши руки и голова выставлены над Тюленьими воротами, лицо обращено к морю. Вы уже порядком прогнили, хотя голову, прежде чем водрузить на пику, обмакнули в смолу. Говорят, что воронье и морские птицы дрались из-за ваших глаз.

Давос поерзал на стуле. Странное это чувство — быть мертвым.

— Кого же казнили вместо меня?

— Что за важность. Лицо у вас простое, лорд Давос, вы уж не обижайтесь. У того человека был похожий нос, похожие уши. Его длинную бороду подстригли на манер вашей и голову просмолили на совесть, а луковица во рту сильно искажает черты. Сир Бартимус позаботился укоротить

пальцы на его левой руке. Был он злодеем, если вас это утешит, и смерть его принесла больше добра, чем он сделал за всю свою жизнь. Гнев, который я выказал вам в Водном Чертоге, был всего лишь комедией, разыгранной для моих друзей Фреев.

— Вам бы всем семейством в лицедеи пойти, милорд. Ваша невестка очень убедительно желала мне смерти, а младшенькая…

— Вийла, — улыбнулся лорд Виман. — Она у меня храбрая, правда? Я угрожаю вырезать ей язык, а она твердит, что Белая Гавань перед Старками из Винтерфелла в неоплатном долгу. Вийла не играла, она говорила искренне… и леди Леона тоже. Вы простите ее, милорд: женщина она недалекая, и в Вилисе вся ее жизнь. Не все мужчины похожи на Эйемона Драконьего Рыцаря или Симеона Звездный Глаз, и не всем женщинам дано быть такой смелой, как моя Вийла и ее сестра Винафрид… вот она-то хорошо разыграла роль.

Даже честному человеку приходится лгать, если он имеет дело с лжецами. Не мог я выступить против Королевской Гавани, пока мой единственный выживший сын оставался в плену. Лорд Тайвин Ланнистер самолично мне написал, что держит Вилиса у себя. Если, мол, хотите полу-

чить его назад целым и невредимым, покайтесь в своей измене, сдайте свой город, присягните маленькому королю на Железном Троне… а также и Русе Болтону, новому Хранителю Севера. Откажетесь — Вилис умрет как предатель, Белая Гавань будет взята и разграблена, а ваши люди разделят участь Рейнов из Кастамере.

Из-за моей толщины многие думают, что я слаб и глуп. Тайвин Ланнистер был, как видно, того же мнения. Я послал ему ворона с ответом, что склоню колено и открою ворота, когда мой сын будет дома — не раньше. Вскорости Тайвин умер, а ко мне заявились Фреи с костями Вендела, чтобы заключить мир и скрепить его брачными узами. Я им опять: согласен, мол, как только получу Вилиса живым и здоровым, а они мне — мы вернем его вам, когда докажете свою преданность. Тут очень кстати приехали вы, и я им предъявил доказательства. Сперва обрушился на вас в Водном Чертоге, потом выставил ваши руки и голову у Тюленьих ворот.

— Вы сильно рисковали, милорд. Стоило Фреям раскусить ваш обман…

— Риска не было. Если б кому-то из Фреев вздумалось залезть на ворота и рассмотреть поближе голову с луковицей во рту, я обвинил бы в

ошибке моих тюремщиков и казнил настоящего Сиворта.

По хребту Давоса прошел холодок.

— Понимаю.

— Надеюсь, что так. У вас ведь тоже есть сыновья.

«Да, трое… а было семеро».

— Скоро мне пора будет вернуться на пир, к моим дорогим гостям. Они следят за мной, сир, следят днем и ночью. Вынюхивают измену. Надутого сира Джареда и его племянничка Рейегара — червяка, носящего имя дракона, — вы сами видели, а за ними обоими позвякивает монетами Саймонд. Он уже купил нескольких моих слуг и двух рыцарей, а горничная его жены пролезла в постель к моему дураку. Станнис, должно быть, удивляется скупости моих писем, но я и мейстеру своему доверяю мало. Теомор — голова без сердца. Мейстеры, надевая свою цепь, отрекаются от старых привязанностей, но я не забываю, что Теомор был рожден Ланнистером из Ланниспорта и Бобровому Утесу приходится дальним родичем. Враги и ложные друзья обступили меня со всех сторон, лорд Давос. Они заразили мой город подобно вшам, и ночью мне кажется, что они по мне ползают. — Толстые пальцы лорда

сжались в кулак, подбородки затряслись. — Мой сын Вендел пришел в Близнецы как гость. Он повесил свой меч на стену и ел хлеб-соль лорда Уолдера, а они убили его! Да, убили, какие бы басни ни плели Фреи. Я пью с Джаредом, шучу с Саймондом, обещаю Рейегару руку любимой внучки, но не думайте, будто я что-то забыл. У Севера долгая память, лорд Давос, и комедия скоро будет доиграна. Мой сын вернулся домой.

Давос от этой речи почему-то покрылся мурашками.

— Если вы хотите правосудия, милорд, подумайте о короле Станнисе. Нет человека справедливей его.

— Такая преданность делает вам честь, милорд, — вставил Роберт Гловер, — но Станнис Баратеон — ваш король, а не наш.

— Вашего короля убили на Красной Свадьбе вместе с сыном лорда Вимана, — напомнил Давос.

— Молодой Волк убит, — признал Мандерли, — но у лорда Эддарда он был не единственным сыном. Давай сюда парня, Роберт.

Парня? Неужто кто-то из братьев Робба Старка пережил взятие Винтерфелла, и Мандерли прячет наследника — настоящего ли, подстав-

ного — у себя в замке? Север и ради подставного поднимется, но Станнис Баратеон к самозванцу ни за что не примкнет.

Парень, вошедший с Гловером в комнату, не был Старком и не мог бы за такового сойти. На вид ему лет четырнадцать-пятнадцать, больше, чем братьям Робба, а по глазам — и того старше. Темные волосы всклокочены, рот большой, нос с подбородком острые — одно слово, звереныш.

— Ты кто? — спросил Давос.

Парень взглянул на Гловера.

— Он немой, но мы учим его писать. Он быстро схватывает. — Гловер отцепил с пояса кинжал и дал мальчику. — Напиши лорду Сиворту свое имя.

Пергамента в комнате не было, и парень чертил буквы на стенной балке. «В-Е-К-С», — вырезал он, ловко подкинул кинжал и восхищенно посмотрел на свое произведение.

— Векс из Железных Людей. Был оруженосцем Теона Грейджоя, присутствовал при взятии Винтерфелла, — пояснил Гловер. — Что известно лорду Станнису о событиях, которые там случились?

Давос стал вспоминать все слышанные ими истории.

— Сначала замок взял Теон Грейджой, бывший воспитанник лорда Старка. Он предал смерти двух младших сыновей Эддарда и поместил их головы на стене замка. Когда к Винтерфеллу подошли северяне, он перебил там всех до последнего, женщин и детей в том числе, а его самого в конце концов убил бастард лорда Болтона.

— Не убил, — поправил Гловер. — Взял в плен, увел в Дредфорт и снимает с него кожу маленькими кусочками.

— Басню, рассказанную вами, мы тоже слышали, — кивнул лорд Виман. — Она напичкана ложью, как пудинг изюмом. Это Бастард Болтонский учинил побоище в Винтерфелле — тогда он звался Рамси Сноу, а потом уж маленький король его сделал Болтоном. И убил он не всех. Женщин связали вместе и угнали в Дредфорт, чтобы он мог позабавиться.

— Позабавиться?

— Бастард очень любит охотиться, — сказал лорд Виман, — и любимая его дичь — это женщины. Их раздевают донага и выпускают в лес. Дав им полдня форы, бастард выезжает следом с охотниками и гончими. Кто-то из женщин изредка выживает, потому об этом и стало известно. Менее счастливых Рамси насилует и скармливает

собакам, а снятые кожи везет как трофеи обратно в Дредфорт. Дичи, продержавшейся долго, он оказывает милость — режет горло перед тем, как содрать с нее кожу, — а оставшись недоволен, поступает наоборот.

— Боги правые, — побледнел Давос. — Как может человек…

— Зло у него в крови, — сказал Гловер. — Он бастард и рожден от насилия, что бы там ни постановил мальчишка-король.

— Если снег бывал когда-нибудь черен, так это он, — подхватил лорд Виман. — Он захватил земли лорда Хорнвуда, насильно взяв в жены его вдову, и запер свою жену в башне. Говорят, она съела свои пальцы, так ее мучил голод, — а Ланнистеры за это отдали убийце дочь Неда Старка. Хорошо королевское правосудие!

— Жестокость и хитрость всегда отличали Болтонов, но этот — просто чудовище в человеческом облике, — заметил Гловер.

— Да и Фреи не лучше, — сказал лорд Мандерли. — Они толкуют о варгах, оборотнях и уверяют, что моего Вендела убил не кто иной как Робб Старк. Экая наглость! Они даже и не думают, что северяне поверят в столь явную ложь: нам предлагается сделать вид, будто мы верим, либо

погибнуть. Русе Болтон лжет относительно своего участия в Красной Свадьбе, а его бастард — о взятии Винтерфелла. Пока Вилис был у них, мне приходилось есть все это дерьмо да похваливать…

— А теперь, милорд? — спросил Давос.

«А теперь, — надеялся он услышать, — я приму сторону короля Станниса». Но тучный лорд, уклончиво улыбнувшись, ответил так:

— Теперь и я поеду на свадьбу. Я слишком толст, чтобы сесть на коня, это всякому видно. Мальчонкой я любил ездить, а юношей даже на турнирах иногда побеждал, но те дни миновали. Собственное тело стало для меня тюрьмой похуже Волчьего Логова, но в Барроутон все равно ехать надо. Русе Болтон, прячущий под бархатной учтивостью сталь, хочет, чтобы я склонил перед ним колени. Я поеду туда на барже, а после в носилках, с сотней моих рыцарей и своими друзьями из Близнецов. Фреи прибыли к нам морем, и лошадей у них нет, поэтому я каждому подарю доброго скакуна. На юге гостям тоже делают такие подарки?

— Случается, милорд… когда гость уезжает.

— Тогда вы меня поймете. — Виман Мандерли величественно поднялся на ноги. — Я уже год как

строю военные корабли. Некоторые вы видели, еще столько же укрыто на Белом Ноже. Тяжелой конницы даже после недавних потерь у меня больше, чем у любого лорда к северу от Перешейка. Стены мои крепки, подвалы полны серебра. За мной пойдут Старый Замок и Вдовий Дозор. В знаменосцах у меня числится дюжина мелких лордов и сотня рыцарей-землевладельцев. Я могу привести к королю Станнису всех, кто обитает восточнее Белого Ножа, от Вдовьего Дозора и Бараньих Ворот до Овечьих холмов и истоков Сломанной Ветви. Могу — и сделаю это, если вы взамен сделаете кое-что для меня.

— Я извещу короля о ваших условиях, но…

— Я сказал «вы сделаете». Вы, а не он. Я не в короле нуждаюсь, а в контрабандисте.

— Мы, возможно, никогда не узнаем, что произошло в Винтерфелле, — продолжил Гловер, — когда сир Родрик Кассель попытался отбить его у Теона Грейджоя. Бастард Болтонский утверждает, что сира Родрика убил Теон, выйдя с ним на переговоры. Векс говорит, что это не так, — остается ждать, когда он выучит все прочие буквы. К нам он пришел, зная лишь «да» и «нет», так что расспросить его как следует пока затруднительно.

— Сира Родрика и всех жителей Винтерфел-

ла убил бастард, — добавил лорд Виман. — Он же перебил и людей Грейджоя. Векс видел, как падали те, кто был готов сдаться. Мы спросили, как же он сам ушел, а он взял мел и нарисовал дерево с ликом.

— Значит, его спасли старые боги?

— Можно и так сказать. Он залез на сердце-дерево и спрятался в листьях. Люди Болтона обшарили богорощу дважды и убили всех, кого там нашли, но на деревья они не лазили — так ведь, Векс?

Парень подкинул кинжал, поймал его и кивнул.

— Он долго просидел наверху, — рассказывал Гловер, — даже спал там, боясь спуститься. Потом внизу послышались голоса.

— Голоса мертвых, — добавил лорд Виман.

Векс показал пять пальцев, коснулся кинжалом каждого, загнул четыре и тронул оставшийся.

— Их было шестеро, — понял Давос.

— И двое из них были убитые сыновья Неда Старка.

— Как же немой мог вам о них рассказать?

— С помощью мела. Он нарисовал двух мальчиков и двух волков.

— Парень, будучи Железным, счел за лучшее

не высовываться, — продолжал Гловер, — но слушал внимательно. Эти шестеро недолго задержались в разрушенном замке: четверо ушли в одну сторону, двое в другую. За этими двумя, за женщиной с мальчиком, и пошел Векс. Должно быть, он держался с подветренной стороны, поскольку волк его не учуял.

— Он знает, где их искать, — добавил лорд Виман.

— Вам нужен этот мальчик, — сообразил Давос.

— Раз у Русе Болтона есть дочь лорда Эддарда, Белая Гавань должна заполучить его сына… и лютоволка. Волк докажет, что мальчик на самом деле сын Неда, если Дредфорт будет это оспаривать. Такова моя цена, лорд Давос. Привезите мне моего сюзерена, и я признаю Станниса Баратеона своим королем.

Давос по старой привычке взялся за грудь, где некогда прятал ладанку с костями от своих пальцев. Сейчас пропавшие талисманы очень бы пригодились ему.

— У вас на службе состоят рыцари, лорды и мейстеры, — сказал он. — Зачем вам контрабандист? И корабли у вас тоже есть.

— Корабли-то есть, да люди на них — либо

речники, либо рыбаки, дальше Укуса никогда не ходившие. Для такого дела мне нужен опытный моряк, побывавший в опасных водах и переделках.

— Где же он, ваш мальчик? — Давос предчувствовал, что ответ ему не понравится. — Куда милорд хочет меня послать?

— Покажи ему, Векс, — сказал Гловер.

Немой, еще раз подкинув и поймав кинжал, метнул его в висящую на стене карту и усмехнулся.

Давосу вдруг очень захотелось назад в Волчье Логово, к сиру Бартимусу с его рассказами и Гарту с его славными девочками. Лучше бы его деньденьской кормили овсянкой, чем к людоедам на съедение посылать.

Дейенерис

Каждое утро королева, поднявшись на западный парапет, пересчитывала паруса в заливе. Сегодня вместе с теми, что мелькали на горизонте, их было двадцать пять. Она, конечно, могла ошибиться, пропустить один из них, а другой сосчитать дважды, но что за важность. Душителю и десяти пальцев довольно. Всякая торговля прекратилась, рыбаки боятся выходить в море. Самые смелые еще закидывают удочки в реку, хотя и это рискованно, но большинство лодок так и стоит на приколе под пестрыми стенами Миэрина.

Там, в заливе, есть и миэринские корабли, как торговые, так и военные. Капитаны увели их, когда войско Дени подошло к городу, а теперь привели назад, на подмогу флотам Кварта, Толоса и Нового Гиса.

Адмиральский совет не предложил ничего мало-мальски путного.

— Покажите им ваших драконов, — сказал Гролео. — Если юнкайцев поджарить, торговля мигом возобновится.

— Нас душит неприятельский флот, а вы толку-

ете о драконах, — ответила Дени. — Вы адмирал или нет?

— Адмирал без кораблей.

— Так постройте их.

— Корабли из кирпича не построишь, а весь лес в окружности двадцати лиг рабовладельцы сожгли.

— Значит, поезжайте за двадцать две лиги. Я дам вам рабочих, повозки, мулов — все, что потребуется.

— Я моряк, а не кораблестроитель. Меня послали доставить ваше величество в Пентос, а вы привели нас сюда и разобрали мой «Садулеон» на доски и гвозди. Больше уж такого корабля у меня не будет, и ни дома, ни старухи своей мне не видать. Не я отказался от кораблей, предложенных Даксосом, а на рыбачьих лодках с Квартом сражаться нельзя.

Дени начинала задумываться, не следует ли внести седого пентошийца в число ее трех изменников — но нет, он просто старик, утративший надежду когда-либо вернуться на родину.

— Должен же быть какой-нибудь выход.

— Я уже назвал вам его. Из чего сделаны корабли? Из канатов, смолы, парусины. Из квохорской сосны, соторосского тика, норвосского дуба, тиса,

ясеня, ели. Все это хорошо горит, и драконы…

— Вы опять за свое. Оставьте меня и просите своих пентошийских богов о буре.

— Ни один моряк не станет молить о шторме, ваше величество.

— Я устала слушать о том, чего вы не желаете делать. Ступайте.

— Запасов у нас вдоволь, — напомнил ей сир Барристан. — Ваше величество изволили посеять пшеницу, посадить бобы, возродить виноградники. Ваши дотракийцы очистили холмы от рабовладельцев и освободили рабов. Когда поспеет тамошний урожай, его привезут в Миэрин. И с Лхазарином вы теперь в дружбе.

Ее завязал Даарио, чего бы эта дружба ни стоила.

— Жаль, что у ягнят нет зубов.

— Да… это заставило бы волков призадуматься.

Дени посмеялась и спросила:

— Как там ваши сиротки, сир?

— Благодарю за вопрос, ваше величество, — улыбнулся старый рыцарь — он гордился своими мальчиками. — Из четверых-пятерых рыцари определенно получатся. Может, и дюжина наберется.

— Довольно и одного, лишь бы на вас был похож. — Скоро настанет время, когда каждый рыцарь будет у нее на счету. — Не хотите ли устроить турнир? Я бы с удовольствием посмотрела. — Визерис рассказывал ей о турнирах в Семи Королевствах, но сама Дени такого зрелища ни разу не видела.

— Они еще не готовы, ваше величество, но вскорости мы будем рады себя показать.

— Скорее бы. — Дени хотела поцеловать старого рыцаря, но тут вошла Миссандея.

— Скахаз просит принять его, ваше величество.

— Хорошо, пусть поднимется.

Лысого сопровождали двое Бронзовых Бестий в масках ястреба и шакала — одни только глаза и видны.

— Ваша блистательность, Гиздар прошлым вечером вошел в пирамиду Цхаков и вышел оттуда лишь ночью.

— Сколько всего он посетил пирамид?

— Эта одиннадцатая.

— А сколько дней прошло с тех пор, как прекратились убийства?

— Двадцать шесть, — со злобой ответил Лысый. Именно он предложил следить за всеми действи-

ями нареченного королевы.

— Гиздар пока держит слово.

— Вопрос, как он добился этого. Попросил Сынов Гарпии спрятать ножи? Он один их них, говорю вам, потому они и послушались. Может, он и есть Гарпия.

— Если Гарпия существует, — ответила она. Скахаз был уверен, что где-то в городе скрывается генерал, командующий теневой армией, но Дени не разделяла его уверенности. Бронзовые Бестии хватали Сынов Гарпии десятками, и те порой называли на допросах какие-то имена, но имен было слишком уж много. Хорошо бы, конечно, приписать все преступления одному-единственному врагу, который в конце концов попадется и будет казнен, но Дени подозревала, что врагов у нее на самом деле не счесть.

— Гиздар зо Лорак — человек влиятельный и богатый, — продолжала Дени. — Быть может, он купил мир за свое золото или убедил других знатных господ, что наш брак им только на пользу.

— Если он и не Гарпия, то знает, кто такой Гарпия. Выяснить это просто. Позвольте мне допросить Гиздара, и он сразу сознается.

— Не верю я подобным признаниям. Ты добываешь их с большой легкостью, а толку нет.

— Ваша блистательность…

— Я сказала «нет».

Набычившись, Лысый сделался еще безобразнее.

— Вы совершаете ошибку. Великий господин Гиздар морочит вашему великолепию голову. Хотите впустить на свое ложе змею?

Она хотела, чтобы на ложе с ней был Даарио, но прогнала его прочь ради Скахаза и его земляков.

— Продолжай следить за Гиздаром, но не причиняй ему зла. Ты понял?

— Я не глухой, ваше великолепие. Слышу и повинуюсь. — Лысый достал из рукава пергаментный свиток. — Взгляните вот на это, ваше великолепие. Список всех миэринских кораблей, участвующих в блокаде, с их капитанами. Все они великие господа.

В списке числились все знатные фамилии Миэрина: Хазкары, Мерреки, Квацца́ры, Цхаки, Раздары, Газины, Пали. И Резнаки тоже, и Лораки.

— И что же?

— У каждого из списка в городе есть родные. Сыновья, братья, родители, жены и дочери. Позвольте Бронзовым Бестиям взять их под стражу, и корабли будут вашими.

— Если я пошлю в пирамиды Бестий, в городе вспыхнет война. Доверимся Гиздару в надежде, что он добьется мира. — Дени поднесла пергамент к свече и сожгла под злобным взглядом Скахаза.

Ее брат Рейегар гордился бы ею, сказал сир Барристан, и Дени вспомнилось, что говорил в Астапоре сир Джорах. Рейегар сражался отважно, благородно, по-рыцарски — и погиб.

Спустившись в чертог из пурпурного мрамора, она увидела, что там почти пусто.

— Разве сегодня просителей нет? — спросила она. — Никто не хочет получить серебро за овцу?

— Нет, ваше великолепие, — ответил Резнак. — Город охвачен страхом.

— Чего они боятся? Не понимаю.

Но бояться, как она убедилась в тот же вечер, было чего. Пока маленькие заложники Миклаз и Кезмия накрывали ей скромный ужин из осенней зелени и имбирного супа, Ирри доложила, что к королеве пришла Галацца Галар с тремя Лазурными Благодатями.

— И Серый Червь тоже ожидает, кхалиси. Говорят, по неотложным делам.

— Проводи их в мой чертог, вызови Резнака и Скахаза. Зеленая Благодать не сказала, зачем

пришла?

— Астапор, — ответила Ирри.

Первым говорил Серый Червь.

— Всадник на бледном коне выехал из утреннего тумана. Кобыла, розовая от крови и пены, с выкаченными от ужаса глазами, едва добрела до ворот. «Горит», — крикнул всадник и свалился с седла. Ваш слуга, за которым послали, велел отнести его к Лазурным Благодатям. Когда умирающего вносили в ворота, он еще раз сказал «горит». Под его токаром скрывался скелет, охваченный лихорадкой.

— Безупречные принесли этого человека в храм, — продолжила одна из Лазурных. — Мы раздели его, обмыли холодной водой. В бедре у него сидела стрела. Древко он отломил, но острие застряло внутри, и рана из-за этого воспалилась. Он умер час спустя, повторяя «горит, горит».

— Что горит?

— Астапор, ваша блистательность, — пояснила другая Лазурная Благодать. — Однажды он так и сказал: «Астапор горит».

— Быть может, он бредил.

— Мудрая мысль, ваша блистательность, — сказала Галацца Галар, — но Эзарра заметила еще кое-что.

— Королева, — зашептала Лазурная Благодать по имени Эзарра, — горячку вызвала не стрела. Одежда раненого сильно замарана, и в нечистотах видна засохшая кровь.

— Серый Червь говорил, что его лошадь тоже была в крови.

— Верно, ваше величество, — подтвердил евнух. — От шпор.

— Пусть так, но кровь и на подштанниках есть.

— Кровь шла из кишок, — подытожила Галацца Галар.

— Уверенности пока нет, — добавила Эзарра, — но Миэрину, возможно, стоит опасаться не только юнкайских копий.

— Мы будем молиться, — сказала Зеленая Благодать. — Этого человека послали нам боги. Он и вестник, и знак.

— Знак чего? — не поняла Дени.

— Гнева и гибели.

В это Дени совсем не хотелось верить.

— Один-единственный человек со стрелой в ноге? Его принесла сюда лошадь, боги тут ни при чем. — Бледный конь… сивая кобыла! Дени поднялась. — Благодарю за известие и за все, что вы сделали для несчастного.

Зеленая Благодать, прежде чем уйти, поцеловала королеве пальцы и пообещала молиться за Астапор.

«И за меня тоже, — мысленно добавила Дени. — Пожалуйста». Если Астапор пал, ничто не помешает Юнкаю пойти на север.

— Пошлите в холмы гонцов за моими кровными всадниками, — сказала она сиру Барристану. — И за Бурым Беном с Младшими Сыновьями.

— За Воронами-Буревестниками тоже, ваше величество?

«Даарио…»

— Да. Да. — Три ночи назад ей приснилось, что Даарио лежит мертвый у дороги, глядя в небо безжизненными глазами, и вороны дерутся над его трупом. В другие, бессонные ночи ей представлялось, что он предал ее, как когда-то своих соратников-капитанов. Он принес Дени их головы — что, если теперь он уведет свой отряд в Юнкай и продаст за горшок золота саму Дени? Нет, он не способен на такое… или способен? — За ними тоже. Немедля.

Младшие Сыновья вернулись первыми, всего через восемь дней после отправки гонцов. Когда сир Барристан доложил, что королеву желает видеть ее капитан, у Дени дрогнуло сердце, но это

был не Даарио, а Бурый Бен Пламм.

Волосы у него были белые, а обветренное, испещренное шрамами лицо походило цветом на тиковое дерево. Дени на радостях обняла его.

— Я слыхал, что ваше величество собирается замуж, но никто не упредил меня, что жених — это я, — удивился Бен. Они с Дени посмеялись, забавляясь возмущением Резнака, а потом капитан сказал: — Мы поймали трех астапорцев. Вашему величеству надо бы послушать, что они говорят.

— Хорошо, приведи их.

Дени приняла их в большом чертоге, где горели между колоннами высокие свечи. Увидев, как они отощали, королева тотчас же велела принести им еды. Из Красного Города их бежало двенадцать, но выжили только трое: каменщик, ткачиха и сапожник.

— Что же стало с другими? — спросила Дени.

— Убили их, — ответил сапожник. — Юнкайские наемники рыщут в холмах севернее города и вылавливают всех беглецов.

— Значит, город пал? Несмотря на прочные стены?

— Так ветшают они, стены-то, — сказал согбенный, со слезящимися глазами каменщик. — Крошатся.

— Каждый день мы ждали, что драконья королева вернется к нам, — прошелестела иссохшими губами ткачиха. — «Клеон послал за ней, — говорили мы. — Скоро она придет».

Да, он и впрямь за ней посылал… это по крайней мере не выдумка.

— Юнкайцы забрали наш урожай и вырезали наш скот, — подхватил сапожник. — В городе начался голод. Мы ели кошек, крыс, дубленую кожу. Лошадиная шкура почиталась за пир. Король-головорез и королева-шлюха обвиняли один другого в людоедстве. Люди собирались украдкой, бросали жребий и съедали того, кто вытягивал черный камень. Пирамиду Наклозов разграбили и сожгли — прошел слух, будто во всех наших бедах виноват Кразнис мо Наклоз.

— Некоторые винили во всем Дейенерис, — продолжала ткачиха, — но мы их не слушали. Мы любили тебя. «Она уже идет, — говорили мы. — Ведет сюда свое войско, везет нам съестное».

Хорошо бы ей своих прокормить. Выступив на Астапор, она потеряла бы Миэрин.

Сапожник рассказал, как выкопали и облачили в доспехи труп короля-мясника: местной Зеленой Благодати было видение, что он избавит их от юнкайцев. Мертвец, привязанный к истощенной

лошади, выехал на бой во главе новых Безупречных, но железные зубы Нового Гиса искрошили всех до единого.

— Зеленую Благодать посадили на кол на площади Кары. В пирамиде Ульхоров всю ночь пировали, а под утро выпили отравленного вина. Начался кровавый понос, от которого из каждых четверых умирали трое. Больные, вконец обезумев, перебили стражу у главных ворот.

— Это как раз здоровые сделали, — поправил каменщик. — Чтобы уйти из города.

— Да какая разница, — пробормотал сапожник. — Главное, что ворота открыли. Сначала в Астапор вошли легионы Нового Гиса, следом юнкайцы и наемная конница. Королева-шлюха погибла, сражаясь с ними и проклиная их. Король-головорез сдался. Его бросили в бойцовую яму на растерзание голодным собакам.

— Даже и тогда мы не перестали верить, что ты придешь, — тянула свое ткачиха. — Клялись, будто видели тебя над юнкайским лагерем верхом на драконе. Каждый день мы высматривали тебя.

Она не могла прийти. Не посмела.

— Что произошло после падения города? — спросил Скахаз.

— Бойня. Легионеры запечатали Храм Благо-

дати, где больные молили богов об исцелении, и подожгли его. Вскоре пожары запылали во всем Астапоре. Люди метались по улицам, пытаясь спастись, но выхода не было: юнкайцы никого не выпускали из города.

— Вы-то, однако, ушли, — заметил Скахаз.

— Я по ремеслу каменщик, как и отец мой, и дед. Дом наш, еще дедом поставленный, лепится к городской стене — разобрал ее по кирпичикам, и готово. Друзья, которым я рассказал об этом, помогли мне проделать ход.

«Я оставила совет для управления этим городом, — думала Дени. — Лекаря, ученого и жреца». Красный Город помнился ей сухим и пыльным — ему снились жестокие сны, но жизнь в нем кипела. На островках посреди реки Червь встречались влюбленные, на площади Кары с людей спускали кожу полосками и вывешивали их на поживу мухам.

— Вы хорошо сделали, что пришли, — сказала она астапорцам. — В Миэрине вы сможете жить спокойно.

Сапожник поблагодарил ее, старый каменщик поцеловал ей ноги, но ткачиха ничуть не смягчилась. «Она знает, что я лгу, — поняла Дени. — Знает, что покоя им здесь не видать.

Астапор горит, а за ним придет черед Миэрина».

— За ними придут другие, — сказал Бурый Бен, когда беглецы вышли. — У этих лошади были, а большинство идет пешим ходом.

— Сколько же их? — спросил Резнак.

— Сотни, — пожал плечами Бен. — Тысячи. Больные, обожженные, раненые. Коты и Сыны Ветра гонят их на север бичами и копьями, убивая отставших.

— Ходячие рты… да еще и больные? — заломил руки Резнак. — Не надо бы пускать их в город, ваше величество.

— Точно, — согласился с ним Бен. — Я, конечно, не мейстер, но гнилые яблоки с хорошими лучше не смешивать.

— Это не яблоки, Бен, — сказала Дени. — Это люди, мужчины и женщины. Больные, голодные и напуганные. — Ее дети. — Напрасно я не помогла Астапору.

— Их все равно было не спасти, ваше величество, — заметил сир Барристан. — Вы предупреждали короля Клеона, что война с Юнкаем его погубит. Он был глупец и обагрил свои руки кровью.

Разве ее руки чище? Даарио говорил, что все короли — либо мясники, либо мясо.

— Он был врагом наших врагов. Встретившись у Рогов Хаззат, мы бы раздавили Юнкай совместно.

— Как только вы увели бы Безупречных на юг, Сыны Гарпии… — возразил ей Скахаз.

— Знаю, знаю. История Ероих повторилась снова.

— Что за Ероих такая? — спросил Бен Пламм.

— Девушка-лхазарянка, которую я, как мне думалось, спасла от насильников… но в конечном счете ей пришлось еще хуже. В Астапоре я оставила десять тысяч таких Ероих.

— Ваше величество не могли знать…

— Я королева. Я обязана была знать.

— Прошлого не воротишь, — заявил Резнак. — Молю вас, ваше великолепие, не медлите: сделайте благородного Гиздара своим королем. Пусть он договорится с мудрыми господами о мире.

— Мир? На каких условиях? — «Остерегайся душистого сенешаля», — сказала Куэйта. Сивую кобылу она предсказала верно — может, и относительно благородного Резнака не ошиблась? — При всей своей молодости и малой осведомленности в военных делах я все-таки не ягненок, покорно идущий в логово гарпии. У меня есть мои Безупречные, и Вороны-Буревест-

ники, и Младшие Сыновья, а также три отряда вольноотпущенников.

— Еще и драконы, — ухмыльнулся Бен Пламм.

— В яме! — воздел руки Резнак. — В цепях! Что пользы в драконах, которыми нельзя управлять? Даже Безупречные боятся открывать двери, чтобы их покормить.

— Как? Любимчики королевы? — опешил Бен. Этот наемник, в котором смешалось полдюжины разных кровей, всегда любил драконов, а они любили его.

— Хороши любимчики. Чудовища, пожирающие детей. Мы не можем…

— Довольно, — прервала его Дени. — Об этом мы говорить не будем.

Резнак съежился, напуганный яростью в ее голосе.

— Простите, ваше великолепие, я не…

Его утихомирить было легко, а вот Бена…

— Ваше величество, у юнкайцев три вольных отряда против двух ваших. Говорят еще, будто они послали в Волантис за Золотыми Мечами, а их десять тысяч, ублюдков этих. Кроме наемников, у Юнкая четыре гискарских легиона — а то и больше, — и в Дотракийское море тоже будто бы послано, чтоб натравить на нас большой кхала-

сар. Без драконов нам зарез, вот что я вам скажу.

— Прости, Бен, я не осмелюсь их выпустить, — вздохнула Дени.

Бена такой ответ не устроил. Он поскреб свои пестрые бачки и сказал:

— Если без драконов, надо уносить ноги, покуда западня не захлопнулась… только пусть рабовладельцы нам за это заплатят. От кхалов они откупаются, чем мы хуже? Получим выкуп за ихний город и двинем на запад с полными телегами золота, самоцветов и прочего.

— Хочешь, чтобы я ограбила Миэрин и сбежала? Нет, Бен, этому не бывать. Готовы ли мои вольноотпущенники к войне, Серый Червь?

— Они не Безупречные, однако не посрамят вас. — Евнух торжественно скрестил руки. — Ваш слуга клянется вам в этом копьем и мечом.

— Хорошо. — Дени обвела взглядом присутствующих. Набычившийся Скахаз. Морщинистый, с грустными голубыми глазами сир Барристан. Бледный и потный Резнак. Бурый Бен, крепкий, как старая кожа. Гладкое бесстрастное лицо Серого Червя. Недостает только Даарио и трех кровных всадников — кровь ее крови должна идти в бой вместе с ней. И сира Джораха Мормонта. Он лгал Дени, доносил на нее, но любил ее и

советы давал хорошие. — Я уже одерживала над Юнкаем победу и одержу снова. Вопрос в том, где и как.

— В поле хотите выйти? — недоверчиво произнес Лысый. — Но это безумие. Наши стены прочнее и выше, чем в Астапоре, да и защитники куда лучше. Этот город Юнкаю будет не по зубам.

— Не думаю, что нам следует ждать осады, — возразил ему сир Барристан. — Войско у рабовладельцев сборное, солдаты они никудышные. Если захватить их врасплох…

— Вряд ли это получится, — не уступал Лысый. — У Юнкая в городе много друзей.

— Какой численности армию мы можем выставить? — спросила Дени.

— Не слишком большую, ваше величество, — сказал Бурый Бен. — Что Нахарис на этот счет говорит? Без Ворон-Буревестников в бой не стоит идти.

— Даарио еще в поле. — Боги, неужели она послала его на смерть собственными устами? — Посылай своих Младших Сыновей на разведку, Бен. Нам нужно знать, где находится враг, как быстро он движется, сколько у него войска, и как оно расположено.

— Нам понадобится провиант и сменные кони.

— Конечно. Этим займется сир Барристан.

Бен поскреб подбородок.

— Неплохо бы еще пару мешков золота и каменьев… глядишь, и перекупим кого из капитанов, кто знает.

— Почему бы и нет. — На Спорных Землях это делалось постоянно. — Позаботься об этом, Резнак. Как только Младшие Сыновья отправятся, запрем ворота и удвоим стражу на стенах.

— Будет сделано, ваше великолепие, — сказал сенешаль, — но как нам быть с астапорцами?

С ее детьми…

— Они идут сюда за помощью и защитой. Прогонять их нельзя.

— Я видел, как кровавый понос косил целые армии, ваше величество, — нахмурился сир Барристан. — Сенешаль прав, в Миэрин их пускать не надо.

— Ну что ж. — Хорошо, что драконы не плачут… — Будем держать их за стенами, пока хворь не пройдет. Устроим для них лагерь к западу от города, у реки, дадим им провизии сколько сможем. Больных хорошо бы отделить от здоровых. Что смотрите? Я дважды должна повторить? Ступайте и выполняйте, что вам приказано. — Дени встала, прошла мимо Бурого Бена, поднялась к

себе на террасу.

Двести лиг отделяло Миэрин от Астапора, но ей казалось, что небо на западе заволокло дымами погибшего города. Из кирпича и крови выстроен Астапор, и люди в нем из кирпича и крови… Впору сложить новую поговорку: Астапор и его люди стали костями и пеплом. Дени пыталась вспомнить лицо Ероих, но черты девушки расплывались, как дым.

Когда она наконец отвела взгляд от горизонта, рядом стоял сир Барристан, закутанный в белый плащ по случаю вечерней прохлады.

— Ну что, идти нам в бой или нет? — спросила Дени.

— Война в природе человеческой, ваше величество, — спросите лучше, можем ли мы победить. Умирать легко, но победа дается трудно. Ваши вольноотпущенники плохо обучены и в боях не бывали. Ваши наемники прежде служили врагу, а кто сменил плащ однажды, вполне способен изменить снова. Двое ваших драконов не повинуются вам, третий пропал. В друзьях у вас за этими стенами одни лхазаряне, и воевать они не умеют.

— Зато сами стены крепкие.

— Не крепче, чем когда мы с вами стояли по

ту их сторону. И в них вместе с нами живут Сыны Гарпии и великие господа. Неубитые и дети убитых.

— Знаю, — вздохнула Дени. — Что посоветуете, сир?

— Биться. Долгой осады в Миэрине, переполненном голодными ртами и недоброжелателями, боюсь, нам не выдержать. Позвольте мне встретить врага по пути на север, в месте, которое я выберу сам.

— Встретить врага? С необученными, не бывавшими в битвах вольноотпущенниками?

— Все мы когда-то побывали в битве впервые, ваше величество. Безупречные помогут им выстоять. Будь у меня пятьсот рыцарей…

— Или пять. Если я отдам вам Безупречных, Миэрин, кроме Бронзовых Бестий, защищать будет некому. — Сир Барристан ничего не возразил на это, и Дени стала молиться, закрыв глаза. «Боги, вы взяли у меня кхала Дрого, мое солнце и звезды. Взяли нашего сына еще до того, как он сделал свой первый вздох. Вы получили свою кровавую пеню, так помогите же мне. Откройте мне путь и дайте силу уберечь моих детей от беды».

Боги молчали.

— Я не могу сражаться сразу с двумя врагами,

внешним и внутренним, — сказала Дейенерис, открыв глаза. — Для того, чтобы удержать Миэрин, надо объединить его. Мне нужен… — Она запнулась.

— Да, ваше величество? — мягко поторопил сир Барристан.

Королева принадлежит не себе. Своим подданным.

— Мне нужен Гиздар зо Лорак.

Мелисандра

В ее комнате никогда не бывало совсем темно. Три сальные свечи горели на подоконнике, отгоняя ужасы ночи, еще четыре по обеим сторонам от кровати. В очаге днем и ночью поддерживался огонь. Все ее слуги первым делом усваивали, что пламя никогда и ни в коем случае не должно гаснуть.

Красная жрица, помолившись, в который раз повернулась к огню. Она должна быть уверена. Ложные видения обманывали многих жрецов и жриц — они видели то, что хотели увидеть, не то, что посылал им Владыка Света. Станнис, возрожденный Азор Ахаи, несущий на своих плечах судьбы мира, идет на юг, навстречу опасности. Рглор непременно должен показать, что его ожидает. «Покажи мне Станниса, Владыка, — молилась она. — Покажи мне своего короля, свое орудие».

Фигуры, золотые и алые, плясали, сменялись, переходили одна в другую — диковинные, страшные, соблазнительные. Безглазые лица вновь обращали к ней окровавленные глазницы, башни у моря рушились под темным приливом.

Черепа появлялись и таяли, тела смыкались в порыве страсти, извивались, терзали друг друга. По темному небу за языками огня проносились большие крылатые тени.

Девочка. Нужно еще раз найти ту девочку на умирающей лошади. Этого ждет от нее Джон Сноу. Ему мало знать, что девочка убежала: он спросит, где и когда, а Мелисандре нечего будет ответить. Он видела девочку только однажды, и та сразу же рассыпалась пеплом.

Вот показалось чье-то лицо — не Станнис ли? Нет, не он. Деревянный, мертвенно-белый лик. Враг? Пламя взметнулось, уставив на жрицу тысячу красных глаз: он видит ее. Мальчик рядом с ним задрал свою волчью голову и завыл.

Мелисандра содрогнулась. По бедру с внутренней стороны потекла дымящаяся черная кровь. Огонь наполнял ее сладкой мукой, жег и преображал. Жар ласкал кожу, как пальцы любовника, из прошлого слышались голоса. «Мелони», — позвала женщина, «Номер семь!» — крикнул мужчина.

Жрица плакала и глотала огненные жгучие слезы.

Снежинки слетали с неба, навстречу им поднимался пепел. Огненные стрелы летели поверх

деревянной стены, мертвецы брели под серым утесом, где в сотне пещер горели костры. Задул ветер, поднялся белый, нестерпимо холодный туман, и костры один за другим стали гаснуть. Из всех картин в очаге остались лишь черепа, символы смерти.

Пламя потрескивало, шепча: «Джон Сноу». Его продолговатое лицо в оранжево-красной раме то возникало, то исчезало — тень, едва различимая за струящимся занавесом. То он человек, то волк, то опять человек. Черепа, не желавшие уходить, тесно обступали его. Мелисандра и раньше видела, что он в опасности, пыталась предостеречь его от врагов, от кинжалов во мраке. Но он не слушал.

Неверующие никогда не слушают, пока поздно не станет.

— Что вы видите, миледи? — тихо спросил мальчик.

«Черепа. Тысячу черепов и бастарда, в который уж раз». Мелисандра на такой вопрос всегда отвечала «многое», но на деле все было не так просто. Видеть — это искусство, а всякое искусство требует прилежания, дисциплины и мастерства. И боли. Рглор говорит с избранными через священный огонь на языке пепла, углей и мерцающей

стихии, которую лишь богу дано понять до конца. Мелисандра занималась этим несчетное число лет и сполна заплатила цену. Никто во всем ордене не умеет разгадывать сокровенные тайны пламени лучше нее.

Сейчас, однако, она даже своего короля не может найти. Она молит об Азоре Ахаи, а Рглор показывает ей одного только Сноу.

— Деван, — произнесла она пересохшим ртом, — дай мне попить.

— Да, миледи. — Мальчик подал ей чашу с водой из каменного кувшина.

— Спасибо. — Мелисандра, отпив глоток, улыбнулась ему.

Он вспыхнул. Мальчик наполовину влюблен: хочет ее, боится ее, поклоняется ей. И обижается, что вынужден ей прислуживать. Он так гордился своим званием королевского оруженосца, а Станнис оставил его в Черном Замке. Деван, как все мальчишки его возраста, грезит о славе — ему, конечно же, представлялись подвиги, которые он свершит в Темнолесье. Его сверстники-оруженосцы уехали на юг со своими рыцарями, он же сидит здесь будто наказанный, не зная, кто в этом виноват — он сам или его отец.

На самом деле это Мелисандра попросила,

чтобы его не брали в поход. Четверо старших сыновей Давоса Сиворта погибли на Черноводной, когда зеленый огонь пожрал весь королевский флот. Девану, пятому, здесь безопаснее, чем с королем. Ни лорд Давос, ни он сам спасибо ей за это не скажут, но что за важность. Давос и без того уже перенес много горя. Он так и не обратился, но его верность Станнису сомнений не вызывает — она видела это в пламени.

Деван способен и понятлив, не в пример своим сотоварищам. Станнис оставил Мелисандре еще дюжину человек, но толку с них мало — все больше старики и калеки. Один ослеп после удара по голове в битве у Стены, другой, придавленный конем, сильно хромает. Сержанту перебила руку великанская дубина, трое насиловали одичалых женщин, и Станнис их оскопил. Есть еще пара пьяниц и трус. Последнего, как признавал сам Станнис, повесить бы следовало, но он из благородной семьи, и его отец с братьями — преданные сторонники короля.

Личная охрана прибавляет ей уважения в глазах черных братьев, но в случае настоящей опасности ничем не поможет. Ничего. Мелисандре Асшайской неведом страх: ее охраняет Рглор.

Она попила воды, моргнула и поднялась, разминая затекшие мышцы. Когда так долго смотришь в огонь, к полумраку привыкаешь не сразу. И глаза сохнут, но тереть их нельзя — не сделать бы хуже.

Огонь догорал.

— Подбавь дров, Деван. Который час?

— Скоро рассвет, миледи.

Рассвет. Рглор, да славится имя его, дарует им еще один день. Ужасы ночи уходят. Мелисандра, как с ней бывало нередко, просидела всю ночь у огня — в постель она после отъезда Станниса почти не ложилась. Когда несешь на плечах всё бремя этого мира, спать непозволительно, да и страшно. Сон — это малая смерть, сновидения — шепот Иного, который всех норовит утащить в свою вечную ночь. Лучше уж сидеть в благословенном зареве своего бога, подставляя щеки жарким поцелуям огня. Иногда она задремывала, но больше часа это не длилось. Она молилась о том, чтобы совсем не спать, не видеть никаких снов. «Мелони, — мысленно проговорила она, — номер семь».

Огонь, подкормленный Деваном, воспрял и разогнал по углам тени, развеял нежеланные сны. Тьма вновь отступила, но там, за Стеной,

крепнет враг. Если он победит, рассвет больше никогда не настанет. Не его ли она только что видела в пламени? Нет. Нет. Он должен быть намного страшнее — ни один человек, узревший его, не может остаться в живых. Но тот деревянный и мальчик с волчьей головой — его слуги, сомнений нет. Станнис за нее, они за врага.

Мелисандра подошла к окну, распахнула ставни. На востоке едва брезжило, утренние звезды еще не погасли, но замок пробуждался, и люди в черных плащах шли через двор. Поедят овсянки на завтрак и сменят на Стене своих братьев.

Ветер занес в окно горстку снежинок.

— Принести миледи завтрак? — спросил Деван.

Да, поесть не мешает — хотя бы для видимости. Рглор дает ей все, что необходимо для жизни, однако смертные об этом знать не должны.

Джон Сноу был нужен ей куда больше, чем хлеб с салом, но посылать за ним Девана бесполезно: лорд-командующий на ее зов не придет. Он так и живет за оружейной, в двух комнатках, которые занимал прежде погибший кузнец. То ли не считает себя достойным Королевской башни, то ли ему все равно. Такая скромность сродни гордыне, но Сноу по молодости этого не понять. Неразум-

но правителю отказываться от символов своей власти — власть в немалой степени зависит и от них тоже.

Впрочем, этот юноша не так уж наивен. К Мелисандре он ни за что не придет: когда он ей нужен, она приходит к нему сама, а он то ждать ее заставляет, то вовсе отказывается принять.

— Да, — сказала она. — Крапивный чай, вареное яйцо и хлеб с маслом — не поджаренный, если можно. И одичалого ко мне позови.

— Гремучую Рубашку, миледи?

— Да поскорее.

Мелисандра умылась, переоделась. Зарядила, как всегда по утрам, рукава порошками: в каждый потайной кармашек свою щепотку. Порошки делают огонь зеленым, синим или серебряным, заставляют его реветь, шипеть, взвиваться выше головы человека — а еще вызывают дым. Дым правды, дым плотской любви, дым страха и густой черный дым, который убивает на месте.

Резной сундучок, привезенный Мелисандрой из-за Узкого моря, на три четверти уже пуст. Она могла бы смешать новые порошки, но ей недостает составляющих. Придется обойтись чарами, которые у Стены даже сильней, чем в Асшае. Здесь у нее получается то, что никогда

прежде не получалось. Тени, порожденные ею, будут ужасны, и ни одно порождение тьмы не выстоит против них. При такой мощи у нее скоро отпадет надобность в измышлениях алхимиков и пиромантов.

Сундучок она заперла на ключ, который спрятала в еще один кармашек под юбками. Как только она это сделала, в дверь постучали. Ее однорукий сержант, скорее всего — он всегда стучит тихо.

— К вам Костяной Лорд, миледи.

— Пусть войдет, — разрешила жрица, вновь садясь на свой стул у огня.

Одичалый явился без своих костяных доспехов, в поношенном зелено-буром плаще и безрукавке из вареной кожи с бронзовыми заклепками. Кроме плаща, его окутывали серые туманные струйки, столь же мерзостные, как прежние кости. Мысок волос на лбу, близко посаженные глаза, впалые щеки, похожие на червяка усики, зубы испорченные.

Рубин на шее жрицы шевельнулся, чуя, что пришел его раб.

— Что ж ты доспехи снял? — спросила она.

— Уж больно гремят, с ума сойти можно.

— Не страшно без них? Черные братья тебя не любят. Деван говорит, ты вчера с кем-то повздо-

рил за ужином.

— Было дело. Ем я, значит, бобовый суп, а Боуэн Мурш объявляет меня шпионом: я, мол, слушаю, как они совещаются. «Так не совещайтесь у очага, — говорю я, — никто вас и не услышит». Краснорожий побагровел еще пуще — я уж думал, он задохнется, но на этом и все. — Одичалый, присев на край подоконника, вынул кинжал из ножен. — Если кому из ворон неймется зарезать меня за едой, пусть попробуют. Хоббовой каше кровь только вкуса придаст.

Мелисандру не смутил обнаженный клинок. Если бы одичалый хотел причинить ей вред, она бы увидела это в пламени. Видеть злые умыслы против себя самой она научилась еще девочкой, рабыней при красном храме. Их она искала первым делом, садясь у огня.

— Тебя должны беспокоить их глаза, а не их ножи.

— Из-за него-то? — Он постучал ножом по рубину, вделанному в железный браслет на запястье — камень будто пульсировал. — Я чувствую его, когда сплю. Он греет даже сквозь железо, как поцелуй женщины. Ваш поцелуй. Но иногда мне снится, что он меня жжет, а вы запускаете в меня зубы. Днем мне хочется его

выковырнуть, но я почему-то не делаю этого. Неужто я и треклятые кости должен носить?

— Чары слагаются из теней и внушения: люди видят то, что ожидают увидеть. Эти твои кости — часть волшебства. — Не ошиблась ли она, пощадив этого человека? — Если чары спадут, ты будешь убит.

— Песня моя пропета, — сказал одичалый, чистя кинжалом ногти. — Я сражался, пил летнее вино, спал с дорнийкой. Придет мой час — умру, как и жил, со сталью в руке.

Неужели он хочет умереть? Не враг ли, царствующий над смертью и мертвыми, наущает его?

— Скоро твоей стали найдется работа. Истинный враг грядет. Еще до конца дня разведчики лорда Сноу вернутся сюда с окровавленными глазницами.

Одичалый сощурил собственные глаза — серые или карие? Их цвет менялся при каждой вспышке рубина.

— Стало быть, Плакальщик поработал. «Хорошая ворона — слепая ворона», — говорит он. Ему, поди, и свои гляделки выдрать охота, так он их трет. Сноу думает, что вождем вольного народа теперь станет Тормунд: бастард наш Тормунда полюбил и сам старому мошеннику приглянулся.

А что, если это будет не Тормунд, а Плакальщик? Худо тогда придется и Сноу, и нам.

Мелисандра кивнула, хотя Плакальщик, как и весь вольный народ, ничего для нее не значил. Пропащее племя, обреченное исчезнуть с лица земли, как исчезли некогда Дети Леса, — но Костяному Лорду, который ей пока еще нужен, незачем об этом сообщать.

— Хорошо ли ты знаешь Север?

Он спрятал нож.

— Не хуже других разбойничков. Одни места лучше, другие хуже — Север большой. А что?

— Девочка в сером на умирающей лошади. Сестра Джона Сноу. — «Кто же еще? Она бежит к нему под крыло», — это Мелисандра поняла ясно. — Я видела ее в пламени лишь однажды. Мы должны спасти ее, чтобы завоевать доверие лорда-командующего.

— Кто, я? Костяной Лорд? — Одичалый расхохотался. — Гремучей Рубашке разве дураки доверяют, а Сноу у нас не дурак. Почему он своих ворон не посылает сестру спасать?

— Он не такой, как ты. Он дал клятву и соблюдает ее, но ты не брат Ночного Дозора и можешь сделать то, чего он не может.

— Если благородный лорд-командующий дозво-

лит. Огонь не открыл вам, где девчонку искать?

— Я видела воду. Тихую, глубокую, подернутую тонким ледком. Конца этому водоему не было видно.

— Длинное озеро. Что еще вокруг видели?

— Холмы. Поля. Деревья. Камни. Однажды показался олень. Деревень она избегает и при каждом удобном случае переправляется через ручьи, чтобы сбить погоню со следа.

— Плохо дело, — нахмурился Костяной Лорд. — Едет она, вы говорите, на север… Озеро к востоку от нее или к западу?

Мелисандра зажмурилась, вспоминая.

— К западу.

— Значит, не по Королевскому тракту путешествует. Умница. С той стороны меньше глаз и больше укрытий. Есть норы, которыми я сам… — Услышав рог, он запнулся. Сейчас во всем Черном Замке тихо: все как один прислушиваются, обернувшись к Стене. Один сигнал рога означает, что разведчики возвращаются, но если рог протрубит дважды…

«День настал, — подумала жрица. — Придется лорду Сноу меня выслушать, хочет он того или нет».

После долгой скорбной ноты воцарилась долгая

тишина.

— Один раз, — сказал наконец одичалый. — Разведчики.

— Мертвые разведчики. — Мелисандра поднялась с места. — Надень свои кости и жди меня здесь.

— Я с вами.

— Не дури. Когда они увидят то, что им предстоит, любой одичалый их приведет в бешенство. Сиди здесь, пока они не остынут.

Спускаясь по лестнице Королевской башни в сопровождении двух солдат Станниса, Мелисандра встретила Девана с завтраком на подносе.

— Я ждал, когда Хобб достанет свежий хлеб из печи, миледи. Вот, горячий еще.

— Оставь в комнате. — Одичалый все приберет, и прекрасно. — Я нужна лорду Сноу там, за Стеной. — Он пока еще не знает этого, но скоро узнает.

Шел легкий снег. Вороны, столпившиеся у ворот, дали Мелисандре дорогу. Лорд-командующий уже прошел на ту сторону с Боуэном Муршем и двадцатью копейщиками, послав на Стену дюжину лучников на случай, если в лесу затаился враг. Часовые, не будучи людьми королевы, жрицу тем не менее пропустили.

В извилистом ледяном туннеле было темно и холодно. Морган шел впереди с факелом, Меррел позади с топором. Оба были безнадежные пьяницы, но в столь ранний час еще не успели напиться. Они назывались людьми королевы и питали спасительный страх перед красной женщиной, а Меррел в трезвом виде мог сойти за грозного воина. Сегодня они ей не понадобятся, но Мелисандра взяла за правило не выходить никуда без пары охранников. Символы власти, без них никто не обходится.

На той стороне снег уже валил хлопьями, покрывая изрытую землю от Стены до опушки леса. Джон Сноу и его черные братья собрались ярдах в двадцати вокруг трех копий.

Одно восьмифутовое ясеневое древко слегка погнулось, остальные стояли ровно. На всех трех были насажены головы в белых снежных колпаках. Бороды обмерзли, пустые окровавленные глазницы с немым укором смотрели вниз.

— Как их звали? — спросила Мелисандра.

— Черный Джек Бульвер, Волосатый Хел, Гарт Серое Перо, — торжественно перечислил Боуэн Мурш. — Земля сильно застыла — одичалые должны были половину ночи вкапывать эти копья. Возможно, они еще где-то здесь и следят

за нами. — Лорд-стюард, щурясь, посмотрел на Зачарованный лес.

— Может, их там целая сотня, — сказал черный брат с кислым лицом, — а может, и тысяча.

— Нет, — возразил Джон Сноу. — Они подбросили свои дары среди ночи и сразу удрали. — Его белый лютоволк, бегавший вокруг копий, задрал ногу и помочился на древко с головой Джека Бульвера. — Призрак учуял бы, будь они здесь.

— Надеюсь, тела Плакальщик сжег, — сказал тот же нытик по прозвищу Скорбный Эдд. — Не то они явятся требовать свои головы.

Сноу рывком извлек из земли копье с головой Гарта.

— Возьмите остальных, — приказал он, и четверо ворон сразу занялись этим.

— Не надо было нам посылать их, — сказал раскрасневшийся на холоде Боуэн Мурш.

— Плохое время и место, чтобы сыпать соль на рану, милорд. Головы сожгите, чтобы одни черепа остались. — Сказав это тем, кто возился с копьями, Сноу соизволил обратить внимание на красную жрицу: — Не хотите ли пройтись со мной немного, миледи?

Вот оно, наконец.

— Как будет угодно лорду-командующему.

Она взяла его под руку. Морган и Меррел шли сзади, за ними следовал Призрак. Жрица намеренно замедлила шаг. Там, где она проходила, Стена начинала таять, и Сноу не мог не замечать этого.

Под зарешеченной бойницей он первым нарушил молчание, чего Мелисандра и добивалась.

— Остались еще шестеро… они живы?

— Их я не видела.

— Не посмотрите ли?

— Непременно, милорд.

— Сир Деннис Маллистер из Сумеречной Башни прислал нам ворона. Они все время наблюдают костры в горах по ту сторону Теснины. Сир Деннис полагает, что одичалые скапливаются и скоро опять пойдут на приступ Моста Черепов.

Быть может, черепа в ее видении обозначали мост? Нет, вряд ли.

— Если они и предпримут такую атаку, то лишь с целью отвлечь вас. Я видела башни у моря, захлестнутые кровавым приливом, — там они и нанесут свой главный удар.

— Восточный Дозор?

В этой крепости Мелисандра побывала с королем Станнисом. Там его величество оставил королеву Селису и принцессу Ширен, прежде чем

повести своих рыцарей в Черный Замок. Башни в огне были другие, но видения не всегда соблюдают точность.

— Да, милорд. Восточный Дозор.

— Когда это случится?

— Завтра, на следующую луну, через год, — развела руками она. — Ваши действия могут вовсе отменить то, что я видела. — «А иначе какая польза от этих видений?» — мысленно добавила она.

— Это хорошо.

Когда они опять прошли в замок, народу у ворот стало больше. Кое-кого Мелисандра знала: повар Трехпалый Хобб, Малли с сальными рыжими волосами, дурачок Оуэн Олух, всегда пьяный септон Селладар.

— Так это правда, милорд? — спрашивал Хобб.

— Не Дайвина ли, часом, убили? — беспокоился Оуэн.

— Не, не его, — заявлял человек королевы Альф из Грязей, одним из первых отринувший ложных богов ради Рглора. — И не Гарта. Гарт для них больно умен.

— Сколько их? — сунулся вперед Малли.

— Трое, — ответил всем сразу Джон. — Черный Джек, Волосатый Хел и Гарт.

Альф из Грязей завыл так, что в Сумеречной

Башне, не иначе, проснулись все спящие.

— Уложи его в постель и горячего вина в него влей, — велел Джон Трехпалому Хоббу.

— Не зайдете ли со мной в Королевскую башню, милорд? — тихо промолвила Мелисандра. — Мне еще много нужно сказать вам.

Пристально посмотрев на нее холодными серыми глазами, он сжал в кулак правую руку и снова разжал.

— Хорошо. Отведи Призрака домой, Эдд.

Мелисандра в ответ отпустила свою охрану. Идя под густо падающим снегом, она держалась к Джону как можно ближе. Недоверие сочилось из него, как черный туман. Он не любит ее и никогда не полюбит, но хочет ее использовать. Тем лучше — тот же танец поначалу плясал с ней Станнис Баратеон. У молодого лорда-командующего с ее королем больше общего, чем оба готовы признать. Станнис всегда жил в тени своего старшего брата, бастард Джон Сноу — в тени законного отпрыска, павшего героя по прозванию Молодой Волк. Оба они, недоверчивые и подозрительные от природы, поклоняются лишь двум богам: чести и долгу.

— О сестре вы ничего не спросили, — заметила Мелисандра, поднимаясь с Джоном по винтовой

лестнице башни.

— Я же сказал: нет у меня сестры. Мы отказываемся от родных, когда приносим присягу. Арье я помочь не могу, как бы ни…

Они вошли в ее комнату. Одичалый сидел у стола и намазывал кинжалом масло на оторванную от каравая горбушку. Он снова облачился в свои костяные доспехи; великанский череп, служивший шлемом, стоял рядом на подоконнике.

— Ты, — напрягся командующий.

— Лорд Сноу, — ухмыльнулся Гремучая Рубашка. Рубин на его запястье светился наподобие тусклой красной звезды.

— Ты что здесь делаешь?

— Завтракаю. Подсаживайся!

— Я с тобой хлеба не преломлю.

— Тебе же хуже, он еще теплый. Что-что, а печь Хобб умеет. Я бы и к тебе мог зайти, милорд, — эти часовые у твоих дверей курам на смех. Кто лазил полсотни раз через Стену, как-нибудь и в окошко залезет. Только зачем тебя убивать? Вороны другого выберут, еще хуже. Слыхал про твоих разведчиков, — добавил Костяной Лорд, жуя хлеб. — Меня надо было с ними послать.

— Чтобы ты выдал их Плакальщику?

— Чья бы корова мычала. Как, бишь, женку твою

звали — не Игритт ли? Мне кони понадобятся, — сказал одичалый Мелисандре. — Полдюжины хороших коней. Один я ничего не смогу — возьму копьеносиц из Кротового городка. Бабы в таком деле лучше, чем мужики. Девчонка им легче доверится, да и придумка у меня есть насчет них.

— О чем это он? — спросил Сноу.

— О вашей сестре. — Мелисандра взяла его за руку. — Вы не можете ее спасти, а он может.

— Ну уж нет. — Сноу отдернул руку. — Вы не знаете, что это за мерзавец. Сто раз на дню будет руки мыть, и все равно кровь под ногтями останется. Спасти, говорите? Он сперва изнасилует Арью, а после убьет. Вы и его видели в своем пламени? Коли так, вам, должно, глаза пеплом запорошило. Попробует уехать из замка без моего позволения — сам ему голову отрублю.

Он не дал ей выбора — что ж, будь что будет.

— Оставь нас, Деван. — Когда мальчик вышел и закрыл дверь, Мелисандра, взявшись за рубин у себя на шее, произнесла слово.

Оно прокатилось эхом по комнате, заползло червем в уши. Одичалый слышал одно, ворона другое — совсем не то, что сказала она. Рубин на запястье одичалого потемнел, подернувшись тенью.

Кости остались нетронутыми: ребра, когти и зубы от плеч до запястий, желтая ключица через всю грудь, череп, навеки застывший в свирепом оскале.

Все остальное — усики, скошенный подбородок, желтые щеки и темные глазки — растаяло без следа. Волосы отросли, в уголках губ появились смешливые складки. Одичалый и сам стал выше, плечи и грудь раздались, ноги удлинились, щетина сошла с лица.

— Манс?! — вытаращил глаза Джон.

— Лорд Сноу, — без улыбки ответил тот.

— Она же сожгла тебя!

— Она сожгла Костяного Лорда.

— Что ж это такое? — обернулся к Мелисандре Джон Сноу.

— Называйте как хотите. Чары, иллюзия. Рглор — Владыка Света, Джон Сноу, и слуги его ткут из света, как другие из пряжи.

— Я и сам сомневался, — хмыкнул Манс, — но что было делать? Либо так, либо меня поджарил бы Станнис.

— Кости помогли, — пояснила жрица. — Они помнят. Самые сильные чары строятся на сапогах мертвеца, на пряди волос, на ладанке с костями от пальцев. Немного слов, молитва, и из них

поднимается тень человека, окутывая другого как плащ. Суть носителя остается прежней, лишь облик меняется.

В ее устах все было легко и просто. Им не понять, как трудно ей приходилось и чего это стоило. Этот урок Мелисандра усвоила еще до Асшая: чем меньше усилий чародей якобы тратит на свое колдовство, тем больше его боятся. Когда Гремучая Рубашка горел в огне, рубин на ее шее так раскалился, что собственная плоть грозила обуглиться — спасибо стрелам лорда-командующего. Станнис тогда пришел в ярость, а она облегченно вздохнула.

— Наш лжекороль весьма обидчив, но тебя не предаст, — сказала она Джону. — Его сын в наших руках, к тому же он жизнью тебе обязан.

— Мне? — удивился Сноу.

— Кому же еще, милорд. По вашим законам он мог заплатить за свои преступления только жизнью, а король Станнис свято блюдет закон… Но у Стены, как ты мудро заметил, человеческие законы кончаются. Не говорила ли я, что Владыка Света услышит твои молитвы? Ты жаждал спасти сестру, но держался за честь, которая так много для тебя значит, и за клятву, принесенную твоему деревянному богу. Вот он, перед тобой,

Джон Сноу. — Жрица показала белым пальцем на Манса. — Спаситель Арьи, дар Владыки Света… и мой.

Вонючка

Сначала послышался лай «девочек», бегущих домой, потом по камню застучали копыта. Он поднялся, гремя цепями. Ножная была не длиннее фута, и ходить он мог, лишь шаркая и подскакивая, но медлить нельзя. Вонючка должен угождать своему хозяину.

Охотники въезжали в ворота: впереди Бен Бонс с девочками, за ним Свежевальщик, Алин-Кисляй, Дамон-Плясун с длинным насаленным кнутом и Уолдеры на серых лошадках, подаренных леди Дастин. Сам лорд сидел на Кровавом, рыжем жеребце, таком же норовистом, как всадник. Его милость смеялся, что могло быть либо великим благом, либо великим злом.

Девочки насели на Вонючку, не дав опомниться. Собаки любили его: он часто спал вместе с ними, и Бен Бонс порой уделял ему остатки их ужина. Они скакали вокруг, лизали его грязные щеки, шутливо кусали за ноги. Гелисента трепала его левую руку — того и гляди еще двух пальцев лишишься. Рыжая Джейна и вовсе повалила, прыгнув на грудь. Она-то сильная, а Вонючка — ходячий скелет.

Кое-как отпихнув ее, он встал на колени. Всадники уже спешивались. Выехали со двора две дюжины человек, столько же и вернулось — стало быть, розыски оказались бесплодными. Это плохо. Рамси не любит неудач, он захочет кого-то помучить.

Последнее время ему приходилось сдерживаться: Барроутон полон нужных ему людей, и он соблюдал осторожность с Дастинами, Рисвеллами и прочими лордами. Учтивость и улыбки он сбрасывал только за дверью своих покоев.

Рамси Болтон одет богато, как подобает лорду Хорнвуда и наследнику Дредфорта. Плащ из волчьих шкур застегнут волчьими зубами на правом плече. На одном бедре фальшион, тяжелый, как тесак мясника, на другом — длинный кинжал и свежевальный ножик с крючком на конце, острый как бритва. Рукоятки всех трех клинков выточены из желтой кости.

— Вонючка, — крикнул он с седла, — я тебя через весь двор чую.

— Знаю, милорд, — ответил Вонючка, как ему полагалось. — Виноват.

— Я тебе подарок принес. — Рамси перегнулся назад, снял что-то с седла и швырнул. — Лови!

Прежде, еще не зная своего имени, Вонюч-

ка был гораздо ловчее — а тут еще кандалы и нехватка пальцев. Голова, кишащая червями, выскользнула из рук и шлепнулась под ноги. Корка запекшейся крови делала лицо совершенно неузнаваемым.

— Я сказал «лови». Подними-ка.

Вонючка взялся за ухо, но оно оторвалось — сгнило уже. Уолдер Малый засмеялся, остальные тоже заржали.

— Ладно, брось, — сказал Рамси. — Займись лучше Кровавым, я его загонял.

— Да, милорд. — Вонючка заторопился к коню, оставив голову на поживу собакам.

— Ты нынче смердишь, как свиное дерьмо, — заметил Болтон.

— Для него это перемена к лучшему, — усмехнулся Дамон, сматывая свой кнут.

— Нашими с кузеном конями тоже займись, Вонючка, — распорядился Уолдер Малый.

— Я сам, — сказал Уолдер Большой.

Малый становится все больше похож на Рамси, но его кузен из другого теста и старается не участвовать в их жестоких забавах.

Вонючка тем временем повел Кровавого на конюшню, отскакивая вбок, когда жеребец норовил его лягнуть. Охотники шли к дому, Бен Бонс

пытался отнять у собак протухшую голову.

Уолдер Большой вел следом собственного коня.

— Чья голова-то? — спросил его Вонючка, снимая с Кровавого узду, — тихо, чтобы не слышали прочие конюхи.

— Да ничья. — Уолдер расседлал серого. — Одного старого хрыча, который нам встретился. С козой и козлятами.

— Милорд его из-за коз убил?

— Старикан назвал его милость лордом Сноу. Скотина тоже пригодилась: козу мы подоили, козлят зажарили.

«Лордом Сноу». Вонючка кивнул, расстегивая седельные ремни. Когда Рамси в гневе, ему лучше не попадаться, — когда не в гневе, тоже не надо.

— Родичей ваших не нашли, милорд?

— Нет, да я и не надеялся. Они мертвы, и убил их лорд Виман. Я бы то же самое сделал на его месте.

Вонючка промолчал. Кое о чем лучше вовсе не говорить, даже если ты на конюшне, а его милость в замке. Одно неосторожное слово может стоить тебе пальца ноги и даже руки. За язык можно не опасаться: лорду Рамси нравится, когда Вонючка молит его о пощаде.

Охотники шестнадцать дней питались одними сухарями да солониной, поэтому лорд Рамси объявил, что вечером в честь его возвращения будет дан пир. Хозяин замка, седой однорукий лорд по имени Харвуд Стаут, пикнуть ничего не посмел, хотя кладовые порядком уже опустели. Слуги ворчали украдкой, что бастард со своими ребятами подъедает то, что запасено на зиму. «Говорят, дочка лорда Эддарда скоро в постель с ним ляжет, — жаловалась кухарка, не зная, что Вонючка все слышит, — но хуже всего будет нам, как зима придет».

Пир — значит пир. В чертоге поставили столы на козлах, бычка зарезали. На закате неудачливые охотники уже лакомились ребрышками, ячменным хлебом и горошком с морковью, запивая еду большим количеством эля.

Уолдер Малый служил чашником лорду Рамси, Большой наливал всем другим за высоким столом. Вонючку приковали у самой двери, чтобы его смрад никому не мешал пировать. Он поужинает позже, объедками, которые соизволит ему послать лорд Рамси. Собаки бегали по чертогу свободно и всех веселили: Мод и Серая Джейна подрались с гончей лорда Стаута из-за мясной кости, которую бросил им Уилл-Коротышка. Дра-

ка не занимала только Вонючку, не спускавшего глаз с лорда Болтона.

Старого хозяйского пса так и заели насмерть: где ему было тягаться с молодыми свирепыми сучками. Бен Бонс, любивший собак больше, чем их хозяина, рассказывал Вонючке, что все они названы в честь крестьянских девушек, затравленных и убитых Рамси, — тот тогда еще был бастардом и охотился вместе с первым Вонючкой. «Такой чести он удостоил тех, которые хорошо его позабавили, — которые молили, плакали и не желали бежать, сгинули с именами вместе». Можно не сомневаться, что одного щенка из нового дредфортского помета назовут Кирой. «Он и на волков их натаскивает», — признался старик. Вонючка промолчал. Зная, каких волков должны убивать девочки Рамси, он совсем не желал, чтобы они передрались из-за пальца с его ноги.

Когда мертвого пса уже вынесли и старуха смывала кровь с пола, двери в чертог распахнулись. Двенадцать человек в кольчугах и полушлемах оттеснили в стороны молодых часовых лорда Стаута, одетых в кожаные бригандины[4] и красно-золотые плащи. Пирующие примолкли — все,

[4] Сноски: 4

Доспехи из кожи или ткани, укрепленные изнутри стальными пластинами. — *Примеч. пер.*

кроме Рамси. Лорд бросил кость, которую грыз, вытер рот рукавом, улыбнулся сальными губами и промолвил:

— Отец.

Лорд Дредфорта окинул взглядом столы, кровь на полу, прикованного Вонючку и скомандовал кратко:

— Все вон.

Люди Рамси кинулись прочь, бросив чаши и миски. Бен Бонс созвал своих девочек — эти прихватили кости с собой. Харвуд Стаут поклонился и тоже вышел.

— Уведи Вонючку, — велел Рамси Алину, но лорд-отец сказал:

— Пусть останется.

Люди лорда Русе, удалившись последними, закрыли за собой двери. Вонючка остался наедине с двумя Болтонами, отцом и сыном.

— Пропавших Фреев ты не нашел. — Это было утверждение, не вопрос.

— Мы проехали до места, где они, как говорит лорд-угорь, будто бы разделились, но девочки след не взяли.

— Но в деревнях и острогах ты о них спрашивал.

— Да что толку, все точно ослепли разом. К

чему так волноваться? Мир не рухнет, если в нем поубавится Фреев, — в Близнецах еще целая куча осталась.

Лорд Русе отломил кусочек хлеба, положил в рот.

— Хостин и Эйенис в большом горе.

— Ну, пусть сами поищут.

— Лорд Виман тоже сокрушается. Говорит, что полюбил Рейегара как родного.

Лорд Рамси гневался. Вонючка видел это по складке его толстых губ, по вздувшимся жилам на шее.

— Вот и оставались бы при Мандерли, дураки.

— Носилки лорда Вимана ползут как улитка, — пожал плечами лорд Русе. — Его милость при своем нездоровье и своей тучности способен путешествовать лишь по нескольку часов в день и постоянно останавливается перекусить. Фреям не терпелось встретиться со своими родичами в Барроутоне, вот они и выехали вперед.

— Если так было на самом деле. Вы верите лорду Мандерли?

— С чего ты взял? — Белесые глаза лорда Русе блеснули, как лед на солнце. — Однако он очень расстроен, очень.

— Не настолько, чтобы перестать жрать. Лорд-

кабан, никак, половину запасов Белой Гавани с собой прихватил.

— Сорок повозок. Бочки с вином, наливками, свежими угрями, стадо коз, сто свиней, крабы, устрицы, громаднейшая треска. Лорд Виман, как ты заметил, любит покушать.

— Я заметил также, что заложников он не взял.

— Я тоже.

— И что вы намерены делать?

— Трудный вопрос. — Лорд Русе отыскал пустую чашу, вытер скатертью, наполнил вином. — Мандерли, похоже, не единственный, кто задает пиры.

— Это вам бы следовало дать пир, когда я вернулся, — притом в Барроухолле, а не в этой хибаре.

— Я не распоряжаюсь Барроухоллом и его кухнями — я там всего лишь гость. Замок и город принадлежат леди Дастин, а она больше не желает тебя терпеть.

— А если я ей сиськи отрежу и скормлю своим девочкам? — потемнел Рамси. — Или шкуру с нее спущу и сошью себе башмаки?

— Такие башмаки дорого бы нам обошлись — мы потеряли бы и Барроутон, и Дастинов с

Рисвеллами. — Лорд Русе уселся напротив сына. — Барбри Дастин — младшая сестра моей второй жены, дочь Родрика Рисвелла. Роджер и Рикард — ее братья, мой тезка Русе — кузен. Она любила моего покойного сына и подозревает, что к его кончине приложил руку ты. Леди Барбри злопамятна, и нам это на руку: Болтонов она держится в основном потому, что все еще винит Неда Старка в смерти своего мужа.

— Держится? — вскипел Рамси. — Да она плюет на меня. Вот подожгу ее городишко, пусть тогда и плюется — авось потушит.

Русе скривился так, точно его эль внезапно прокис.

— Порой я спрашиваю себя, от моего ли семени ты родился. Мои предки были кем угодно, только не дураками. Нет уж, помолчи — довольно я тебя слушал. На первый взгляд может показаться, что мы сильны. Мы имеем могущественных друзей в лице Ланнистеров и Фреев. Большинство домов Севера нас пусть неохотно, но поддерживает… но что будет, если вдруг объявится кто-то из сыновей Неда Старка?

«Все сыновья Неда Старка мертвы, — подумал Вонючка. — Робб убит в Близнецах, а Бран с Риконом… головы мы обмакнули в смолу…» В

собственной его голове стучало как молотом. Он не любил вспоминать, что было до того, как он узнал свое имя. Воспоминания могут причинять такую же боль, как свежевальный нож Рамси.

— Волчата Старка передохли и останутся дохлыми, — заявил Рамси. — Пусть только покажутся, мои девочки мигом порвут их в клочья. Охотно убью их еще разок.

— Ну что ты такое говоришь? — вздохнул лорд-отец. — Ты и не думал убивать этих милых, столь дорогих нам мальчиков. Это сделал Теон Переметчивый — помнишь? Сколько наших неверных друзей, по-твоему, остались бы с нами, будь им известна правда? Разве что леди Барбри… а ты хочешь сшить из нее башмаки, хотя бычья кожа для этого подошла бы куда лучше, чем человечья. Королевский указ тебя сделал Болтоном, так будь достоин этого имени. О тебе ходит много рассказов, Рамси. Люди боятся тебя.

— И хорошо, что боятся.

— Ошибаешься, ничего хорошего в этом нет. Обо мне вот ничего не рассказывают — будь по-другому, я бы здесь не сидел. Развлекайся себе на здоровье, но будь осторожен. Я всегда соблюдал на своих землях мир и спокойствие, возьми это за правило и себе.

— Вы расстались с леди Дастин и своей толстухой-женой, чтобы посоветовать мне пришпиться?

— Нет. Мне нужно сообщить тебе кое-какие новости. Лорд Станнис наконец ушел от Стены.

Рамси привстал, на толстых губах заиграла улыбка.

— На Дредфорт идет?

— Увы, нет — хотя Арнольф клянется, что устроил западню по всем правилам.

— Не знаю, не знаю. Поскреби Карстарка, получишь Старка.

— Эта поговорка стала менее правдивой с тех пор, как Молодой Волк поскреб лорда Рикарда. Как бы там ни было, лорд Станнис отбил у Железных Людей Темнолесье и вернул его дому Гловеров. Еще хуже то, что к нему примкнули горные кланы: Вуллы, Норри, Лиддли и прочие. Его сила растет.

— Мы сильнее.

— Пока что — да.

— Значит, теперь самое время его раздавить. Позвольте мне выступить на Темнолесье.

— Выступишь, когда женишься.

Рамси со стуком поставил чашу, плеснув элем на скатерть.

— Сколько мне еще ждать? Невеста есть, дерево есть, лордов-свидетелей — пруд пруди. Я женюсь на ней завтра, сделаю ей сына и отправлюсь в поход, не успеет простыня просохнуть от ее девственной крови.

«Вот уж кто не станет молиться о твоем возвращении, так это она», — подумал Вонючка.

— Сына ты ей сделаешь, но не здесь. Вы поженитесь в Винтерфелле.

Рамси от этого в восторг не пришел.

— Я сжег Винтерфелл, не забыли?

— Это ты, похоже, забыл. Винтерфелл сожгли и все его население перебили Железные Люди во главе с Теоном Грейджоем.

Рамси подозрительно глянул на Вонючку.

— Да, верно, но справлять свадьбу в этих развалинах?

— Винтерфелл, даже разрушенный — родной дом леди Арьи. Нет лучше места, чтобы жениться на ней и заявить о своих правах, но это только полдела. Сами мы на Станниса не пойдем — пусть начнет первый. Он слишком осторожен, чтобы идти на Барроутон, но в Винтерфелл он придет. Вожди его кланов не отдадут дочь своего ненаглядного Неда на поругание такому, как ты. Отказавшись брать замок Старков, Станнис

может их потерять. Кроме того, он со своей хваленой предусмотрительностью постарается перед таким походом собрать побольше сторонников и возьмет с собой Арнольфа.

— Тут-то мы его и побьем, — облизнул губы Рамси.

— Если будет на то воля богов. — Русе встал. — Итак, ты женишься в Винтерфелле. Я извещу лордов, что мы выезжаем через три дня, и приглашу их сопровождать нас.

— Вы Хранитель Севера. Прикажите, и все тут.

— Приглашением можно добиться того же. Подсластить власть учтивостью никогда не мешает — усвой это, если надеешься стать правителем. И раскуй своего пленника, я его забираю.

— Как так? Он мой.

Русе это позабавило.

— Запомни хорошенько, бастард: своего у тебя ничего нет. Все мое. Что до этого… Вонючки, то он, если ты не сломал его окончательно, нам еще пригодится. Сними с него цепи, пока я не пожалел о том дне, когда осеменил твою мать.

Рот Рамси искривился, на зубах блеснула слюна. «Сейчас за кинжал схватится», — испугался Вонючка, но Рамси только побагровел, отвел свои белесые глаза от еще более бледных глаз Русе и

пошел за ключами.

— Не говори ему ничего и запоминай каждое его слово, — шептал он, отмыкая оковы. — Я заберу тебя назад, что бы там эта подлюга Дастин ни наплела. Ну-ка, кто ты такой?

— Вонючка, милорд, ваш человек. Вонючка, рифма случка.

— То-то же. Когда отец тебя отдаст, я заберу еще один палец — выберешь сам, какой.

Из глаз Вонючки хлынули слезы.

— За что? Я не просил его меня увозить. Я сделаю все, что скажете, только не…

Рамси ударил его по лицу и сказал Русе:

— Берите его. Он и не человек вовсе, от его вони меня тошнит.

Над деревянными стенами Барроутона вставала луна. От скромного замка Харвуда Стаута до усадьбы Дастинов меньше мили.

— Верхом ездишь? — спросил лорд Болтон.

— Д-думаю, да, милорд.

— Подсади его на лошадь, Уолтон.

Вонючка даже и без оков ковылял, как старик. Бен Бонс и Алин говорят, что он дергается, кожа у него обвисла, а уж запах… даже кобыла, которую ему подвели, шарахнулась. Но лошадка она была смирная и хорошо знала дорогу в Барроухолл.

— И как же мне тебя называть? — спросил лорд, следуя рядом с Вонючкой по широким прямым улицам Барроутона. Охрана держалась на почтительном расстоянии.

— Я Вонючка, с позволения вашей милости.

— «Вашмилсти», — проронил Русе. И улыбнулся, кажется?

— Милорд? — не понял Вонючка.

— «Млорд». Язык тебя выдает. Хочешь сойти за простого крестьянина — говори так, будто у тебя каша во рту.

— Млорд, — поправился Вонючка.

— Так-то лучше. Ну и разит от тебя.

— Да, млорд. Виноват, млорд.

— Виноват не ты, а мой сын. Я знаю. — Они проехали мимо конюшни, мимо гостиницы с пшеничным караваем на вывеске. Из-за окон, закрытых ставнями, слышалась музыка. — Первый Вонючка вонял не оттого, что был грязен. Большего чистюли я, признаться, никогда не встречал. Он мылся три раза на дню и цветы в волосах носил, будто девка. Как-то его поймали на краже духов из спальни моей второй жены — она тогда еще здравствовала. Я велел дать ему дюжину плетей, и оказалось, что даже кровь у него вонючая. На будущий год он эти духи выхлебал и чуть

не помер, но против вони это не помогло. Она была врожденным его свойством, проклятием, как говорили простолюдины. Боги, мол, таким его сделали, потому что душа у него гнилая. Мой старый мейстер уверял, что это болезнь такая, хотя парень был крепок что твой бычок. Никто к нему близко не подходил, и спал он со свиньями. Потом пришла мать Рамси и попросила дать моему бастарду слугу — мальчик, мол, совсем отбился от рук. Я и дал ей Вонючку — больше для смеху, однако они с Рамси сделались неразлучны. До сих пор не пойму, кто кого испортил — Рамси Вонючку или наоборот. — Лорд обратил к Вонючке белые луны своих глаз. — Что он шептал тебе, когда снимал цепи?

— Он… он… — Слова застряли в горле, и Вонючка закашлялся.

— Ладно, дыши. Я и так знаю. Чтобы ты шпионил за мной, а о его секретах помалкивал. Как будто у него есть секреты! Откуда, по-твоему, взялись Алин-Кисляй, Лютон, Свежевальщик и прочие? Он в самом деле думает, что они его люди?

— Его, — эхом отозвался Вонючка. Лорд явно ждал от него каких-то ответов, но что отвечать?

— Мой бастард не рассказывал тебе о своем

рождении?

Это уже легче.

— Рассказывал, млорд. Вы встретили его мать случайно и были очарованы ее красотой.

— Очарован? Так и сказал? — засмеялся лорд. — Жаль, что он не певец… но ты еще тупее, чем первый Вонючка, если этой песне поверил. Охотился я на лису у Рыдальницы, гляжу — около мельницы молодка стирает. Старый мельник женился снова на девице вдвое моложе себя. Высокая, гибкая как ива, здоровьем пышет. Ноги длинные, а грудки маленькие и твердые, будто сливы — для крестьянки просто красавица. Мейстеры скажут тебе, что король Джейехерис отменил право первой ночи в угоду своей сварливой жене, но там, где веруют в старых богов, придерживаются старых обычаев. Амберы это право соблюдают, как бы ни отпирались, горные кланы тоже, а на Скагосе… только сердце-деревьям ведомо, что творится на Скагосе.

Мельник вступил в новый брак без моего ведома и согласия — стало быть, обманул лорда. За это я повесил его и осуществил свое право прямо под деревом, где он болтался. Молодка, по правде сказать, и веревки не стоила, лиса убежала, мой любимый конь на обратном пути охромел —

неудачный, одним словом, день вышел.

Год спустя бабенка имела наглость явиться в Дредфорт с младенцем и заявила, будто он от меня. Мне бы высечь ее, а пащенка бросить в колодец, но глаза у него в самом деле были мои. Брат ее покойного мужа, тоже заметив это, избил ее и прогнал с мельницы. Меня это рассердило. Я отдал мельницу ей, а деверю язык вырезал, чтобы не таскался со своими баснями в Винтерфелл лорда Рикарда беспокоить. Каждый год я посылал ей кур, поросят и мешок медных звезд, а она взамен обязалась не рассказывать мальчишке, кто его настоящий отец. Мир и спокойствие всегда были моим девизом.

— Прекрасный девиз, млорд.

— Но женщина нарушила свое слово. Ты видишь, что за человек Рамси, так вот: это она его сделала таким, она и первый Вонючка. Эти двое вечно нашептывали ему о его правах. Молол бы себе зерно, так ведь нет… Он всерьез думает, что будет когда-нибудь править Севером?

— Он ваш верный боец, — выпалил Вонючка. — Он сильный.

— Быки тоже сильные. И медведи. Я видел моего бастарда в бою. Винить его не приходится — он учился у первого Вонючки, который сам ничего

не умел. Свиреп, это верно, но мечом орудует, как мясник тесаком.

— Он никого не боится, млорд.

— А надо бы. Страх сохраняет человеку жизнь в этом мире, сотканном из предательства и обмана. Даже здесь, над Барроутоном, кружит воронье, дожидаясь своего часа. На Сервинов и Толхартов полагаться нельзя, мой жирный друг лорд Виман замышляет измену, Смерть Шлюхам… Амберы с виду просты, но не вовсе лишены хитрости. Рамси следует бояться их всех, как и мне. Скажи ему об этом, как снова его увидишь.

— Сказать… чтобы он боялся? — Вонючке стало плохо при одной мысли. — Если я так скажу, млорд, он…

— Знаю, — вздохнул лорд Болтон. — Кровь в нем дурная. Ему бы пиявки поставить. Они хорошо высасывают все дурное, всю злобу и боль. Нельзя мыслить здраво, если все время злишься. Но кровь Рамси, боюсь, отравит даже пиявок.

— Он ваш единственный сын.

— Пока — да. Раньше у меня был другой, Домерик. Тихоня, но одаренный. Отслужил четыре года пажом леди Дастин, три — в Долине, оруженосцем у лорда Редфорта. Играл на большой арфе, книги читал, верхом скакал словно ветер.

Помешан был на конях, вот леди Дастин тебе расскажет. Даже она, сама полулошадь, не могла его обогнать. Многое обещал на турнирном поле, по словам Редфорта, а для этого надо быть поистине хорошим наездником.

— Да, млорд. Я слышал о нем.

— Его Рамси убил. Мейстер Утор сказал, что он умер от живота, а по мне — так от яда. Домерик подружился с сыновьями Редфорта и хотел, чтобы у него тоже был брат, вот и поехал на Рыдальницу за бастардом. Я запретил, но мальчик уже вырос и думал, что он умнее отца. Теперь его кости лежат в крипте Дредфорта вместе с костями умерших еще в младенчестве братьев, а Рамси остался мне. Скажи, милорд: если тот, кто проливает родную кровь, проклят, что сказать об отце, у которого один сын убивает другого?

Вонючка перепугался. Свежевальщик как-то обмолвился, что бастард убил своего законного брата, но можно ли в это верить? Умереть можно и не будучи убитым. Братья Вонючки тоже погибли, но убил их не он.

— У милорда молодая жена — она подарит вам сыновей.

— Думаешь, моему бастарду это понравится? Леди Уолда из Фреев, у них женщины плодови-

тые. Я к ней даже привязался, к этой толстушке. Две первые в постели молчали как рыбы, а эта вопит и подскакивает — мило, правда? Если она будет рожать сыновей столь же легко, как поглощает сласти, в Дредфорте продыху не станет от Болтонов. Рамси, само собой, их всех перебьет, да это и к лучшему. Я не доживу до их зрелых лет, а малолетний лорд — проклятие любого дома. Уолда вот только горевать будет, жаль.

У Вонючки пересохло в горле. Слышно было, как голые вязы вдоль улицы качаются на ветру.

— Милорд…

— Млорд. Не забывай: во рту каша.

— Можно спросить, млорд: зачем я вам нужен? Я ведь не человек даже, и вонь от меня…

— Ванна и чистая одежда помогут делу.

— Ванна? — У Вонючки скрутило нутро. — Лучше не надо, млорд. Я весь… в ранах, а эту одежду дал мне лорд Рамси и не велел снимать, пока он не прикажет.

— Так это ж лохмотья, — терпеливо молвил лорд Болтон. — Грязные, рваные, мочой и кровью пропахшие, да и холодно, поди, тебе в них. Мы тебя оденем в теплую шерсть, дадим плащ на меху — хорошо ведь?

— Нет. — Не даст он себя раздеть. Не позволит,

чтобы его видели голым.

— Предпочитаешь бархат и шелк? Раньше, помню, ты любил наряжаться.

— Нет. Оставьте мне эту одежду, мою. Я Вонючка, рифма кучка. — Сердце стучало как барабан, голос перешел в тонкий визг. — Не надо ванны. Пожалуйста. Не забирайте одежду.

— Ну хоть постирать ее дай.

— Нет. Прошу вас. — Вонючка скукожился на седле, боясь, как бы лорд Болтон не велел своим гвардейцам раздеть его прямо на улице.

— Ладно, как хочешь. — Глаза Болтона при луне казались совершенно пустыми. — Я тебе зла не желаю — ты много для меня сделал.

— Я? — «Это ловушка, — кричало что-то внутри. — Он играет с тобой. Сын — всего лишь тень своего отца, а Рамси постоянно играл на его надеждах». — Что же это, млорд?

— Ты отдал мне Север. Судьба Старков решилась в ту самую ночь, когда ты взял Винтерфелл. — Болтон небрежно махнул бледной рукой. — Все остальное — только свара из-за добычи.

Вот и бревенчатая стена Барроухолла. На четырехугольных башнях видны знамена: дредфортский человек с содранной кожей, боевой топор Сервинов, сосны Толхартов, водяной Мандерли,

скрещенные ключи старого лорда Локе, великан Амберов, каменная рука Флинтов, лось Хорнвудов. У Стаутов в гербе шеврон, красный с золотом, у Слейтов — двойная белая лента с серым полем внутри. Четырех Рисвеллов из Родников представляют четыре конские головы: серая, черная, золотая, каштановая. О них шутят, что они даже на цветах своего герба не могут сойтись. Выше всех реют олень и лев мальчика, сидящего на Железном Троне за тысячу лиг отсюда.

Слышно было, как вращаются крылья старой ветряной мельницы. Всадники проехали под воротами на травянистый двор, конюхи выбежали принять лошадей.

— Прошу сюда, — сказал лорд Болтон и пошел к замку, где висели знамена покойного лорда Дастина и его вдовы. В дастиновском гербе леди Барбри — корона над скрещенными секирами — одну четверть занимала золотая конская голова лорда Родрика Рисвелла.

На середине деревянной лестницы, ведущей в чертог, у Вонючки затряслись ноги. Он остановился передохнуть, глядя на зеленые склоны Большого Кургана. Одни говорят, что это могила Первого Короля, правителя Первых Людей, другие — что под этим громадным холмом должен

лежать король великанов. Некоторые говорят даже, что холм этот не насыпной, а естественный; если так, то он один такой на плоской, усеянной курганами равнине.

В чертоге, грея руки над углями очага, стояла женщина. Вся в черном, ни золота на ней, ни драгоценностей, но сразу видно — благородная дама. Несмотря на морщинки у глаз и рта, она сохранила свою красоту и держалась прямо. В каштановых волосах, стянутых вдовьим узлом, сквозила сильная проседь.

— А где же мальчик? — спросила она. — Ваш бастард отказался выдать его? Кто этот старик… боги правые, какое зловоние. Он что, обделался?

— Нет, просто побыл у Рамси. Позвольте представить вам, леди Барбри, законного лорда Железных островов, Теона из дома Грейджоев.

«Нет-нет, не произносите этого имени! Рамси услышит и будет мучить меня!»

— Я не того ожидала, — поджала губы хозяйка замка.

— Придется обойтись тем, что есть.

— Что ваш бастард с ним делал?

— Снимал кожу, я полагаю. Пару клочков там и сям, ничего существенного.

— Он в здравом уме?

— Не уверен. Разве это столь важно?

— Млорд, млади, — не выдержал Вонючка, — вы ошибаетесь. — Он упал на колени, дрожа как лист, по щекам покатились слезы. — Я не он. Переметчивый погиб в Винтерфелле, а я Вонючка, рифма Жучка.

Тирион

На седьмой день пути Пенни, словно пугливый зверек после зимней спячки, выползла наконец из каюты.

Смеркалось. Красный жрец зажег свой костер в большой железной корзине, и команда собралась на молитву.

— Благодарим тебя за солнце, которое нас согревает, — возгласил Мокорро басом, идущим из глубины его массивного торса. — Благодарим за звезды, указывающие нам путь через холодное черное море. — Красный жрец выше лорда Джораха и вдвое толще; алое одеяние по рукавам, подолу и вороту вышито огненным шелком. Кожа черна как смола, волосы белее снега, на лбу и щеках желто-оранжевые наколки. Железный посох ростом с него самого увенчан драконьей головой; когда жрец бьет им о палубу, дракон изрыгает зеленое пламя.

Его охрана, пятеро Огненноруких, подхватывали за ним. Пели они на языке Старого Волантиса, но Тирион уже знал эту молитву и суть улавливал. «Храни наш огонь и защити нас от тьмы, ла-ла-ла, освети наш путь и не дай остыть, ночь

темна и полна ужасов», — ну и так далее.

Вслух он, само собой, этого не высказывал. Тирион Ланнистер не признает никаких богов, но красному Рглору на этом корабле разумнее выказывать уважение. Сир Джорах снял с Тириона оковы, и карлик совсем не желал снова в них оказаться.

«Селасори Кхорун» — настоящее корыто водоизмещением пятьсот тонн. Глубокая осадка, высокие надстройки на носу и корме, одинокая мачта посередине. Нос украшает деревянный, источенный червями муж; судя по лицу, он страдает запором, под мышкой у него свиток. Столь безобразного судна Тирион еще не встречал, да и команда не лучше. Капитан, пузатый сквернослов с жадными глазками, в кайвассу играет плохо, а проигрывать совсем не умеет. Под началом у него четверо помощников-вольноотпущенников и пятьдесят рабов с носовой фигурой корабля на щеках. Тириона они все кличут Безносым, сколько ни повторяй им, что зовут его Хугор Хилл.

Трое помощников и три четверти команды — рьяные приверженцы Владыки Света, с капитаном все не столь ясно. Он выходит вечером на молитву, но сам не молится. Мокорро, вот кто

властвует на борту, — по крайней мере во время этого перехода.

— Владыка Света, благослови раба твоего Мокорро и освети ему путь в темных местах этого мира, — гудел жрец. — Сохрани верного раба твоего Бенерро. Даруй ему мужество, даруй ему мудрость, наполни пламенем его сердце.

Тут-то Тирион и заметил Пенни. Она смотрела на представление с нижней ступеньки крутой деревянной лесенки, ведущей на ют, и видна была только ее голова в капюшоне. Белки глаз блестели при свете костра. Ее сопровождала большая серая собака, служившая ей конем на потешных турнирах.

— Миледи, — тихо позвал Тирион. Леди она, конечно, не была, но ее дурацкое имя ему произносить не хотелось, а как ее еще называть? Девушкой, карлицей?

— Я вас не видела, — вздрогнула она.

— Неудивительно, я ведь так мал.

— Мне… нездоровилось.

«Горе, как видно, замучило».

— Могу я чем-то помочь?

— Нет, — отрезала она и тут же ушла обратно в каюту, которую делила со свиньей и собакой.

Тирион ее не винил. Его присутствие на борту

мореходов вполне устраивало, ведь карлики приносят удачу. По голове его трепали так, что того гляди лысина будет, а вот с Пенни все было сложнее. С одной стороны, она карлица, с другой — женщина, а женщина на корабле — дурная примета. На каждого, кто пытался и ее погладить по голове, приходились трое, бормотавших проклятия при каждом ее появлении.

Тирион ей, конечно, как соль на рану. Ее брату отрубили голову вместо него, а он сидит себе и бормочет глупые утешения. На ее месте Тирион ничего бы так не хотел, как скинуть зловредного карлика в море.

Сам он очень ее жалел. Ни она, ни тем более брат ее не заслужили того, что случилось с ними в Волантисе. Перед самым отплытием у нее глаза так распухли от слез, что смотреть было страшно. Как только подняли парус, она заперлась со своими животными у себя, но по ночам все слышали, как она плачет. Вчера один помощник предложил другому выбросить ее за борт, пока она не залила весь корабль, и Тирион не был уверен, что это шутка.

После молитвы все разошлись — кто на вахту, кто поужинать, выпить рому и завалиться в гамак. У костра, как всегда, остался один Мокорро.

Спал он днем, а в темные часы бдил и поддерживал священный огонь, чтобы солнце утром снова вернулось в мир.

Тирион, присев напротив, протянул к огню руки. Жрец, неотрывно смотревший в пламя, некоторое время не замечал его. Неужели он и вправду видит там будущее? Страшный у него дар, если так.

— Хугор Хилл, — промолвил он наконец, подняв глаза, — ты пришел помолиться со мной?

— Ночь, как-никак, темна и полна ужасов. Что ты видишь в этом огне?

— Драконов. — На общем языке Мокорро говорил бегло, почти без акцента — поэтому верховный жрец Бенерро, несомненно, и отправил его просвещать Дейенерис Таргариен. — Старых и молодых, ложных и подлинных, темных и светлых. И тебя, в самой гуще всего — маленького человечка с предлинной тенью. Ты скалишь зубы.

— Я? Такой безобидный крошка? — Тириону сделалось лестно — жрец, конечно, того и хотел. Всякому дураку приятно услышать, что он что-нибудь значит. — Может, ты Пенни видел? Мы с ней одного роста.

— Нет, друг. Не ее.

Давно ли он стал жрецу другом?

— А не видел ты, часом, когда мы в Миэрин попадем?

— Не терпится увидеть спасительницу?

Как сказать. Спасительница может снять с него голову или драконам его скормить.

— Нет, тут все дело в маслинах — боюсь, что так и умру, не отведав их. Я плаваю быстрее, чем этот корабль идет. Кстати, кто такой Селасори Кхорун — триарх или черепаха?

— Ни то, ни другое, — хмыкнул Мокорро. — Кхорун не правитель, но служит правителям, дает им советы, помогает вести дела. В Вестеросе его назвали бы стюардом или магистром.

Возможно, королевским десницей? Забавно.

— А «селасори» что такое?

— Приятно пахнущий. — Мокорро потрогал нос. — Ароматный?

— Стало быть, «селасори кхорун» означает «вонючий стюард»?

— Скорей уж душистый.

— Я, пожалуй, останусь при вонючем, — ухмыльнулся Тирион, — но спасибо за перевод.

— Рад, что оказался полезен. Когда-нибудь, возможно, я помогу тебе принять Рглора.

«Разве что когда мою голову вздену на кол», —

решил про себя Тирион.

Помещение, которое они с сиром Джорахом занимали, называлось каютой только из вежливости. В темном, сыром, зловонном чулане едва умещались два гамака, один над другим. Мормонт, растянувшись в нижнем, покачивался в лад с кораблем.

— Девушка наконец показала нос, — сказал ему Тирион. — Увидела меня и сразу обратно.

— Я ее понимаю.

— Не все ж такие красавцы, как ты. Бедняжка ужасно расстроена — как бы за борт не бросилась.

— У бедняжки имя есть. Пенни.

— Знаю. — А брат ее назывался Грошик, хотя настоящее его имя — Оппо. Грошик и Пенни, две самые мелкие монетки, а хуже всего, что эти клички они себе сами придумали. Мерзость какая. — Ей нужен друг, как бы ее там ни звали.

— Вот и подружись с ней. По мне, хоть женись.

Еще того мерзостнее.

— По-твоему, мы подходим друг другу? Тебе, сир, подошла бы медведица — что ж ты ее не взял в жены?

— Это ты настаивал, чтобы мы увезли ее с собой.

— Ей нельзя было оставаться в Волантисе — это еще не значит, что я готов лечь с ней в постель. Она убить меня хочет, а не дружить со мной.

— Вы оба карлики.

— Брат ее тоже был карликом, а пьяные болваны приняли его за меня и убили.

— Виноватым себя чувствуешь, значит.

— Э, нет, — ощетинился Тирион. — Мне хватает своих грехов, к этому я непричастен. Я этим двоим зла никогда не желал, хотя на свадьбе Джоффри они доставили мне много неприятных мгновений.

— Еще бы, ты ж у нас кроток что твой ягненок. — Сир Джорах вылез из гамака. — Эта девчонка — твоя забота. Целуй ее, убивай, обходи за милю, только ко мне с ней не лезь.

Неудивительно, что он дважды изгнан. Тирион сам бы его изгнал, если б мог. То, что рыцарь вечно угрюм и шуток не понимает, еще не самое страшное. Когда он не спит, то расхаживает по баку, а не то облокотится на борт и смотрит в море, думает о своей серебряной королеве и мысленно подгоняет корабль. Тирион, наверное, вел бы себя точно так же, если бы в Миэрине его ждала Тиша.

Может, как раз туда и отправляются шлюхи?

Вряд ли. Насколько он слышал, в рабовладельческих городах успешно взращивают своих. Зря Мормонт себе одну не купил, сразу повеселел бы. Он мог бы выбрать девушку с серебристыми волосами, как у той, что ерзала у него на коленях в Селхорисе.

На реке Тириону приходилось терпеть Гриффа, но тот хотя бы представлял собой загадку, а все прочее маленькое общество относилось к карлику вполне дружелюбно. Здесь загадочных фигур нет, и дружелюбия никто не выказывает, разве что красный жрец любопытен и еще Пенни… но девушка Тириона заслуженно ненавидит.

Тоска, одним словом, смертная. Только и развлечений, что раз в день колоть ножом пальцы на руках и ногах. На реке ему встречались разные чудеса: гигантские черепахи, заброшенные города, каменные люди, голые септы. Там никогда не знаешь, что тебя ждет за следующим изгибом, а в море все дни одинаковы. Пока когг шел вдоль берега, Тирион наблюдал за тучами морских птиц, считал скалистые островки и видел много других судов: рыбачьи лодки, неуклюжие торговые корабли, гордо пенящие воду галеи. Здесь его окружают море да небо. Вода как вода, воздух как воздух. Чересчур много голубизны, разве облачко

когда проплывет.

Ночью и того хуже. Тирион спал плохо даже в хорошие времена, чего не скажешь о нынешних. Спать — значит видеть сны, в которых его караулят Горести и каменный король с лицом лорда-отца. Вот и выбирай: либо лезь в гамак и слушай, как храпит внизу Мормонт, либо оставайся на палубе и смотри в то же море. В безлунные ночи оно черно, как мейстеровы чернила, до самого горизонта. По-своему это прекрасно, но если смотреть слишком долго, начинаешь задумываться, как легко было бы перелезть через борт и ухнуть туда, во тьму. Один всплеск, и жалкая историйка его жизни закончится. Но что, если ад все же есть, и там его ждет отец?

Лучшее время суток — вечер и ужин. Еда не особенно вкусная, зато ее много. Тирион ел на камбузе, где потолок был такой низкий, что все высокие ростом, особенно Огненнорукие, рисковали голову себе расшибить. Сидеть за общим столом с людьми, языка которых не понимаешь, ему быстро наскучило; как знать, над чем они смеются, не над твоей ли персоной.

Там же, на камбузе, хранились корабельные книги. Благодаря капитану их было целых три: собрание весьма посредственных морских вир-

шей, замусоленная история похождений молодой рабыни в лиссенийском перинном доме и четвертый, он же последний том «Жизнеописания триарха Белико». Триумфальная карьера сего волантинского патриота оборвалась, когда великаны убили его и съели. Тирион прочел их все на третий день путешествия и за неимением лучшего стал перечитывать заново. История рабыни, хотя и написанная чудовищным слогом, была всего завлекательнее — ее Тирион и выбрал в этот вечер для чтения за ужином, состоящим из вареной свеклы, холодной рыбной похлебки и сухарей, которыми впору было забивать гвозди.

Когда он читал о том, как девушку с ее сестрой схватили работорговцы, в камбуз неожиданно вошла Пенни.

— Я не знала… не хотела беспокоить милорда…

— Ты меня нисколько не беспокоишь. Надеюсь, ты больше не станешь пытаться меня убить?

— Нет. — Она покраснела и отвернулась.

— В таком случае я буду только рад побыть в чьем-то обществе — здесь это редкое удовольствие. — Тирион закрыл книгу. — Садись и поешь. — Еду, которую приносили к двери ее каюты, девушка оставляла почти нетронутой — изголодалась, должно быть. — Похлебка даже

съедобна; рыба, во всяком случае, свежая.

— Нет, я рыбу не ем… костью подавилась однажды.

— Выпей тогда вина. — Тирион налил чашу и подвинул ей через стол. — Капитан угощает. Ближе к моче, чем к борскому золотому, но даже моча лучше черного рома, который глушат моряки. Легче будет уснуть.

Девушка к вину не притронулась.

— Благодарствую, милорд, я лучше пойду. Не стану вам докучать.

— Так и будешь всю жизнь убегать?

Эти слова остановили Пенни у самой двери. Она вспыхнула, и Тирион испугался, как бы она опять не расплакалась. Вместо этого девушка выпятила губу и сказала дерзко:

— Вы тоже бежите.

— Верно, но у меня хоть цель есть в отличие от тебя. В этом вся разница.

— Нам вовсе не пришлось бы бежать, кабы не вы.

Что ж, в смелости ей не откажешь.

— Ты подразумеваешь Королевскую Гавань или Волантис?

— И то, и другое. Отчего вы просто не вышли сразиться с нами, как пожелал король? Мы бы

ничего вам не сделали. Проехались бы на собаке, потешили мальчика, все посмеялись бы…

— Вот именно. Надо мной. — Вместо этого он заставил их смеяться над Джоффом — ловко, не так ли?

— Брат говорил, что смешить людей не позорно. Что это честное ремесло, — сказала Пенни и залилась слезами.

— Мне жаль твоего брата. — Он уже говорил ей это в Волантисе, но тогда она была так поглощена своим горем, что вряд ли услышала. Теперь до нее дошло.

— Жаль, вот как? — Губа у нее дрожала, глаза казались двумя красными дырами. — Мы уехали из Королевской Гавани в ту же ночь. Так брат решил — боялся, что нас тоже обвинят в смерти короля Джоффри и будут пытать. Сначала мы поехали в Тирош, где у нас был знакомый жонглер, много лет представлявший у фонтана Пьяного Бога. Он уже состарился, часто ронял мячи и гонялся за ними по площади, но тирошийцы все равно бросали ему монетки, хоть и смеялись. Как-то утром его нашли около храма Триоса. Там стоит большая статуя этого трехглавого бога; старика расчленили и засунули куски во рты всех трех голов. Тело сшили заново и увидели, что у него

самого головы нет.

— Голова отправилась к моей дражайшей сестрице. Он тоже был карликом.

— Да, как вы и Оппо… Грошик. Жонглера вам тоже жаль?

— Я только сейчас узнал о его существовании, но мне и его жаль, да.

— Он умер из-за вас. Его кровь на ваших руках.

Это обвинение, особенно после слов Джораха Мормонта, сильно уязвило его.

— Его кровь на руках моей сестры и убивших его скотов. Что до моих, — Тирион сжал кулаки, — на них тоже немало крови. Кого я только не убивал: отцов, матерей, племянников, любовниц, мужчин, женщин, королей, шлюх. Однажды меня разозлил певец, и я велел суп из него сварить. Но ни жонглеров, ни карликов у меня на совести нет. Я неповинен в том, что стряслось с твоим братцем.

На это Пенни выплеснула вино из чаши ему в лицо — совсем как дражайшая сестрица. В глазах защипало, дверь камбуза хлопнула. Вот тебе и подружились.

Тирион почти не имел дела с другими карликами. Его лорд-отец не любил напоминаний о сыновнем уродстве, и скоморохи, державшие у

себя коротышек, быстро научились держаться подальше от Бобрового Утеса и Ланниспорта. Став взрослым, Тирион узнал, что у дорнийского лорда Фаулера есть шут-карлик, на Перстах служит карлик-мейстер и среди Молчаливых Сестер тоже есть карлица, но у него не было ни малейшего желания знакомиться с ними. Доходили до него и менее достоверные слухи: о карлице-ведьме, будто бы живущей на холме в речных землях, и маленькой шлюхе из Королевской Гавани, блудящей будто бы с кобелями. Сестрица, сообщив ему о последней, посоветовала заодно найти себе течную суку и попробовать самому. На вежливый вопрос, не себя ли сестра имеет в виду, она и плеснула в него вином — да не белым, как это, а красным. Тирион протер глаза рукавом.

Пенни он больше не видел до самого шторма.

Воздух в тот день был тяжел, а тучи на западе пламенели, как знамя Ланнистеров. Матросы задраивали люки, очищали палубу, сновали по вантам и закрепляли все, что еще не было закреплено.

— Злой ветер идет, — бросил кто-то. — Шел бы ты вниз, Безносый.

Тириону вспомнился шторм, который он перенес в Узком море. Палуба из-под ног уходит,

корабль трещит, во рту вкус вина и рвоты.

— Безносый останется наверху. — Если богам угодно прибрать его, он уж лучше утонет, чем захлебнется собственной рвотой.

Парус, колыхавшийся, как мех большого спящего зверя, внезапно надулся, и все взоры на корабле обратились к нему.

Ветер подхватил судно, сбил с курса. Тучи зловеще громоздились на красном небе. В середине утра на западе сверкнула молния и прокатился гром. Сильно подросшие волны били и швыряли «Вонючего стюарда». Тирион, чтобы не мешать убиравшим парус матросам, засел на баке, подставил лицо дождю. Когг, вставая на дыбы яростнее всякой верховой лошади, взбирался на валы и скатывался во впадины между ними. Удары сотрясали карлика до костей, но здесь все равно было лучше, чем в душной каюте.

Шторм унялся только к вечеру. Тирион промок насквозь, но чуть ли не ликовал. Его восторг достиг апогея, когда он нашел вдрызг пьяного Мормонта в луже блевотины на полу их каюты.

После ужина он задержался на камбузе и опрокинул несколько чарок рома с коком, здоровенным неотесанным волантинцем. На общем тот знал лишь одно слово, да и то непристойное,

но в кайвассу играл отменно, особенно выпивши. Из трех партий, сыгранных ими в ту ночь, Тирион выиграл первую и проиграл две других. После этого он решил, что с него хватит, и снова вылез на палубу проветрить голову от слонов и от рома.

Пенни, стоя на месте сира Джораха у носовой фигуры, смотрела в темное море. Сзади она казалась совсем маленькой и хрупкой, будто дитя.

Тирион хотел уйти, чтобы не мешать ей, но она уже обернулась, услышав его шаги.

— Хугор Хилл.

— Можно и так. — Оба они знали, что это имя не настоящее. — Если хочешь, я уйду.

— Не надо. — Несмотря на бледность и грусть, плакать она, кажется, перестала. — Извини, что вином тебя облила. Моего брата и бедного старика из Тироша в самом деле убил не ты.

— Я тоже был причастен, хотя и не ведал о том.

— Я так скучаю по брату…

— Вполне понятно. — «Считай, что тебе повезло, — подумал Тирион, вспомнив Джейме. — Он не успел предать тебя перед смертью».

— Я думала, что хочу умереть, но сегодня, когда корабль чуть не пошел ко дну…

— Ты поняла, что все-таки хочешь жить. — Он

тоже через это прошел — вот у них и нашлось нечто общее.

Улыбалась она неохотно из-за неровных зубов, но теперь улыбнулась.

— Ты правда сварил суп из певца?

— Я? Нет. Повар из меня никудышный.

Пенни хихикнула и вновь стала юной — ей было никак не больше девятнадцати лет.

— Что он такого сделал, этот певец?

— Сложил про меня песню. — «Там ждала она, его тайный клад, наслажденье его и позор. И он отдал бы замок и цепь свою за улыбку и нежный взор». Почему эти слова не оставляют его в покое? «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи…»

— Такая плохая песня была?

— Не то чтобы. Не «Рейны из Кастамере», однако…

— Послушать бы.

— Ну нет, — засмеялся он. — Петь я не стану.

— Мать когда-то пела нам с братом. Говорила, что голос тут не нужен, лишь бы песня была хорошая.

— Она тоже была…

— Маленькой? Нет, маленьким был отец. Дед его в три года продал работорговцу, но он вы-

рос, стал знаменитым скоморохом и выкупился. Объехал все Вольные Города и Вестерос тоже. В Староместе его прозвали Фасолькой.

Еще бы. Тириону стоило труда не скорчить гримасу.

— Они с матерью уже умерли, — продолжала, глядя вдаль, Пенни, — а теперь и Оппо ушел… ни единой родной души не осталось. Что мне теперь делать, куда мне ехать? Я только и умею, что выступать на турнире, а для этого нужны двое.

«Даже и не думай, девочка».

— Найди себе другого сиротку, — предложил Тирион, но она будто не слышала.

— Это отец придумал. Он и первую свинью натаскал, да занедужил, и вместо него на нее сел Оппо. Я всегда ездила на собаке. Морской Начальник в Браавосе хохотал до упаду и щедро нас одарил.

— Там и нашла вас моя сестра? В Браавосе?

— Сестра? — не поняла Пенни.

— Королева Серсея.

— Не она, это был мужчина. Осмунд, не то Освальд. Я его не видела, договаривался обо всем Оппо. Брат всегда знал, что делать и куда ехать.

— Мы сейчас едем в Миэрин.

— Да нет же, в Кварт. Через Новый Гис.

— Нет. В Миэрин. Вот прокатишься на собаке перед королевой драконов, и она отсыплет тебе золота, сколько ты сама весишь. Ешь побольше, чтобы к тому времени округлиться.

— Одна я только и могу, что ездить по кругу, — не приняла шутки Пенни. — Может, я и насмешу королеву, а что потом? Мы подолгу нигде не задерживались. Публика сначала хохочет, но на четвертый или пятый раз она уже все знает заранее, и приходится ехать дальше. Зарабатывать лучше в больших городах, но мне больше нравятся маленькие. Люди там бедные, зато нас сажают за стол, и детишки к нам так и липнут.

«Потому что в таких городишках карликов сроду не видывали. Там липли бы и к двухголовой козе, прежде чем зарезать ее на ужин». Тирион, однако, не хотел снова доводить Пенни до слез.

— У Дейенерис доброе сердце и щедрые руки, — сказал он. — Она непременно оставит тебя при дворе — моей сестры там можно не опасаться.

— Ты тоже там будешь? — спросила Пенни.

«Если только королева не пожелает заплатить кровью Ланнистера за кровь Таргариена, пролитую Джейме».

— Ну да.

После этого Пенни стала чаще показываться на

палубе. Назавтра Тирион встретил ее там вместе с пятнистой хрюшкой. Море успокоилось, день был теплый.

— Ее зовут Милка, — застенчиво поведала девушка.

Одна Милка, другая Пенни — что ж тут поделаешь. Пенни дала Тириону желудей, чтобы он покормил хрюшку с руки. «Вижу я, куда ты метишь», — думал он под довольное похрюкивание Милки.

Вскоре они и ужинать стали вместе — иногда вдвоем, иногда с охраной Мокорро. Пять перстов Огненной Руки Тирион нарек пальчиками, и Пенни посмеялась, что с ней бывало нечасто: рана еще не затянулась, горе не прошло.

Корабль она вслед за ним стала называть «Вонючим стюардом», но сердилась, когда он звал Милку Сальцем. В искупление он стал обучать ее кайвассе, однако это оказалось безнадежной затеей.

— Нет, — твердил он в десятый раз, — дракон летает, а не слоны.

В ту же ночь она напрямик спросила, не хочет ли он с ней сразиться.

— Нет, — отрезал он. Позже ему пришло в голову, что она, возможно, имела в виду не потешный

турнир, а нечто другое. Он в любом случае ответил бы «нет», но, может быть, не столь резко.

Несколько часов он проворочался в своем гамаке, то засыпая, то просыпаясь. Во сне ему виделись серые руки, тянувшиеся из тумана, и ведущая к отцу лестница.

В конце концов он встал и вышел подышать воздухом. «Селасори кхорун» спустил на ночь свой полосатый парус, палуба опустела. На юте нес вахту один из помощников, у жаровни, где еще тлели угли, сидел Мокорро.

На западе виднелась горсточка звезд, самых ярких. Все остальное небо занимало кровавое зарево, и такой огромной луны Тирион никогда еще не видал. Она раздулась так, точно проглотила солнце и ее снедала горячка. В море рядом с кораблем покачивалась другая такая же.

— Который час? — спросил Тирион жреца. — Солнцу еще рано всходить, да и не в той стороне оно всходит. Почему небо красное?

— Небо над Валирией всегда красное, Хугор Хилл.

По спине Тириона пробежал холодок.

— Неужто мы подошли так близко?

— Ближе, чем хотелось бы морякам. У вас в Закатных Королевствах тоже ходят такие байки?

— Я слышал, что всякого, кто видел этот берег, постигнет несчастье. — Сам он в это не верил, его дядя тоже. Герион Ланнистер отплыл в Валирию, когда Тириону исполнилось восемнадцать. Его целью было отыскать фамильный меч дома Ланнистеров и другие сокровища, пережившие Роковой День. Тирион очень хотел отправиться туда вместе с ним, но лорд-отец объявил путешествие дурацкой фантазией и не позволил ему.

Правильно сделал, что не позволил. Герион, отплыв из Ланниспорта на «Смеющемся льве» лет десять назад, домой так и не вернулся. Люди, отправленные лордом Тайвином на его поиски, проследили корабль до Волантиса. Там половина команды разбежалась, и Гериону пришлось покупать рабов — ни один свободный человек не взойдет на корабль, капитан которого открыто заявляет о своем намерении идти в Дымное море.

— Значит, это Четырнадцать Огней отражаются там, на небе?

— Четырнадцать или четырнадцать тысяч — кто бы посмел считать их? Не следует смертным заглядываться на эти огни, мой друг. Они зажжены божьим гневом, человеку таких не зажечь.

Валирия. В Роковой День, как написано в книгах, каждый холм на протяжении пятисот миль

изверг из себя дым, пепел и пламя, спалившее даже драконов в воздухе. В земле открылись трещины, поглощавшие храмы, дворцы, целые города. Озера закипали и превращались в кислоту, горы лопались, огненная лава била на тысячу футов ввысь, из красных туч сыпалось драконово стекло и лилась черная кровь демонов, сушу на севере затопило гневное море. Горделивого города не стало в одно мгновение, империя рухнула день спустя, Край Долгого Лета горел и погружался в пучину.

Валирийцы, воздвигшие свою империю на огне и крови, пожали то, что посеяли.

— Наш капитан не боится проклятия?

— Капитан предпочел бы пройти на пятьдесят лиг мористее, но я настоял на кратчайшем курсе. Не мы одни плывем к Дейенерис.

Грифф со своим молодым принцем… Быть может, слух об отплытии Золотых Мечей на запад распущен нарочно? Тирион не стал говорить об этом. В пророчестве, которым руководствуются красные жрецы, герой лишь один: второй Таргариен их только запутает.

— Ты видел наших соперников в пламени?

— Только их тени. Одну чаще других: чудище с одним черным глазом и десятью щупальцами,

плывущее по кровавому морю.

Бран

Месяц был тонким и острым, как нож. Бледное солнце всходило, заходило, вставало снова. Шелестели на ветру красные листья. Тучи заполняли небо, сверкала молния, гремел гром. Синеглазые мертвецы с черными руками бродили вокруг трещины в скале, но не могли войти. Под холмом, на троне из чардрева, сидел изувеченный мальчик и слушал шепот, а вороны прохаживались по его рукам и плечам.

«Ходить ты больше не будешь, — сказала трехглазая ворона, — но будешь летать». Иногда откуда-то снизу слышалось пение. Старая Нэн называла этих певцов Детьми Леса, но сами они на истинном языке, которым ни один человек овладеть не может, именуют себя поющими песнь земли. Вороны, хранители многих тайн, знают этот язык и клюются, когда слышат песни.

Луна стала круглой. Дождь превращался в лед, и ветви деревьев ломались под его тяжестью. Бран и Мира придумали имена тем, кто пел песнь земли: Ясень, Листок, Чешуйка, Черный Нож, Снеговласка, Уголек. Их настоящие имена слишком длинны, сказала Листок, — человеку не выгово-

рить. На общем языке говорила только она; Бран так и не узнал, что думают о своих новых именах остальные.

После страшного мороза, стоявшего за Стеной, пещеры казались особенно теплыми. Когда холод все-таки проникал к ним, певцы зажигали костры и прогоняли его. Здесь, внизу, нет ни ветра, ни льда, ни снега, ни шарящих мертвых рук — только сны, светильники и легкие клевки воронов. И тот, кто шепчет во мраке.

Певцы зовут его последним из древовидцев, но в снах Брана он остается трехглазой вороной. Когда Мира Рид спросила, как его имя, он издал звук, отдаленно напоминающий смех. «При жизни я их много переменил. Но у меня, как у всех, была мать, и она нарекла меня Бринденом».

«У меня есть дядя, тоже Бринден, — сказал тогда Бран. — Вернее, двоюродный дед. Бринден Черная Рыба».

«Его могли назвать в мою честь. Так иногда еще делают — не столь часто, как раньше. Люди забывчивы, только деревья помнят». Он говорил так тихо, что Брану приходилось напрягать слух.

«Он почти весь ушел в дерево, — объяснила Листок. — Смертные не живут столько, но он держится — ради нас, ради вас, ради всего рода

людского. Силы его иссякли, и даже тысяча и одному глазу трудно за всем уследить. Когда-нибудь ты узнаешь».

«Что узнаю? — спросил Бран у Ридов, когда его при свете факелов отнесли в маленькую пещерку рядом с большой — там Дети Леса устроили им постели. — И что помнят деревья?»

«Тайны старых богов, — сказал Жойен Рид. Тепло, еда и отдых немного оживили его, но не развеселили, и усталые глаза смотрели куда-то внутрь. — Истины, известные Первым Людям. В Винтерфелле их позабыли, а у нас на болотах нет, ведь мы там ближе к природе. Земля, вода, камни, дубы, вязы, ивы существовали до нас и будут жить, когда нас не станет».

«Как и ты», — добавила Мира.

Бран опечалился: ему не хотелось жить, когда Миры не станет, но вслух он этого не сказал. Он почти взрослый, незачем выглядеть в глазах Миры плаксивым младенцем.

«Вы тоже могли бы стать древовидцами», — заметил он вместо этого.

«Нет, Бран», — грустно ответила Мира.

«Мало кому дано испить из зеленого фонтана, будучи смертным, и слышать шепот листвы, и видеть так, как видят деревья и боги, — сказал

Жойен. — Мне боги послали одни только зеленые сны. Моей задачей было доставить тебя сюда — теперь она выполнена».

Луны не стало вовсе. Волки в лесу выли и обнюхивали сугробы, ища мертвецов. С белого холма, издавая оглушительный крик, сорвалась несметная стая воронов. Красное солнце всходило, закатывалось и снова всходило, делая снега розовыми. Под холмом думал свою думу Жойен, беспокоилась Мира, Ходор блуждал по темным ходам с мечом в правой руке и факелом в левой. А может, не Ходор, а Бран?

Об этом никто знать не должен.

Большая, обрывающаяся в бездну пещера черней смолы, черней перьев ворона. Свет в ней нежеланный гость: костры, свечи, тростник горят недолго и скоро гаснут.

Певцы сделали Брану такой же трон, как у лорда Бриндена: из мертвых, переплетенных с живыми корнями ветвей чардрева. Стоит он у бездны, на дне которой журчит поток, сиденье у него из мягкого мха, сверху Бран укутан теплыми шкурами.

Он сидит там и слушает, как шепчет его учитель.

«Не бойся темноты, Бран. — Голос перемежа-

ется шорохом листьев. — Корни деревьев растут под землей, где темно. Тьма будет тебе как плащ, как щит, как молоко матери. Она сделает тебя сильным».

Прорезался новый месяц, тонкий и острый как нож. Шел тихий снег, укрывая страж-деревья и гвардейские сосны. Сугробы завалили устье пещеры, и Лето раскапывал их, чтобы пойти поохотиться со своей стаей. Бран не часто уходил вместе с ним, но иногда, ночью, следил за ним сверху.

Летать было еще лучше, чем лазить.

В шкуру Лета он теперь входил с той же легкостью, как когда-то бриджи натягивал. Влезать в оперение воронов было труднее, но не столь сложно, как Бран опасался — во всяком случае, этих воронов. «Дикий конь лягается, когда человек на него садится, — говорил лорд Бринден, — и кусает руку, взнуздывающую его, но конь, знавший одного всадника, не сбрасывает другого. Все эти птицы, старые и молодые, уже объезжены — выбирай одного и лети».

Бран выбрал одного, потом другого и не добился успеха, но третий наклонил голову, каркнул, и вот уже не мальчик смотрел на ворона, а ворон на мальчика. Журчание подземной реки стало

громче, у факелов прибавилось яркости, воздух наполнился незнакомыми запахами. Бран хотел сказать что-то — и закричал, хотел полететь, врезался в стену и вернулся в собственное увечное тело. Ворон, целехонький, сел ему на руку, и Бран, взъерошив ему перья, снова вошел в него. Скоро он уже летал по пещере, лавируя между каменными зубьями, растущими из потолка; побывал даже над бездной и заглянул в ее темную холодную глубину.

Тогда ему стало ясно, что он не один.

«В вороне был кто-то еще, — сказал он лорду Бриндену, вернув себе человеческий облик. — Какая-то девочка. Я почувствовал».

«Это женщина, певшая песнь земли. Она давно умерла, но часть ее сохранилась, как сохранится часть тебя в Лете, если мальчик умрет. Тень души. Она не причинит тебе зла».

«Поющие есть во всех птицах?»

«Во всех. Это поющие научили Первых Людей посылать вести с воронами: в те дни птицы не носили письма, а говорили все сами. Деревья памятливы, люди забывчивы: теперь они пишут слова на пергаменте и привязывают к ногам птиц, в которых никогда не вселялись».

Ту же историю рассказывала когда-то Брану

старая Нэн. Он спросил Робба, правда ли это, но брат со смехом осведомился, не верит ли Бран заодно и в грамкинов. Бран жалел, что Робба нет сейчас с ними. Он сказал бы, что умеет летать, Робб не поверил бы, и Бран бы ему показал. Робб бы тоже мог научиться, и Арья, и Санса, и Джон Сноу, и маленький Рикон. Они все стали бы воронами и жили бы на вышке у мейстера Лювина.

Нет, это только сон, глупый сон. Может, и все остальное происходит во сне? Он спит, упав в снег, и ему снится, что он в тепле, в безопасности. Надо проснуться, не то так и умрешь во сне. Он щипал себя за руку — было больно. Сначала он считал дни, но здесь, внизу, сон и явь сливались в одно. Сны переходили в уроки, уроки в сны, все случалось сразу или вообще не случалось. Летал он, или это ему только снилось?

«Лишь один человек на тысячу рождается перевертышем, — сказал лорд Бринден, когда Бран научился летать, — и лишь один перевертыш на тысячу может стать древовидцем».

«Я думал, что древовидцы — это волшебники из числа Детей Леса. То есть поющих».

«В каком-то смысле да. У тех, кого ты называешь Детьми, глаза золотые как солнце, но изредка рождается кто-то с кроваво-красными или зеле-

ными, как мох на дереве в сердце леса. Так боги метят тех, кого наделяют даром. Избранники слабы здоровьем и живут на земле недолго, ибо у каждой песни своя цена… но внутри деревьев их век может быть очень долог. Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, уходящая глубоко, как корни. Древовидцы».

Бран не понял и обратился к Ридам.

«Ты любишь читать книги?» — спросил Жойен.

«Если там про войну. Сансе вот нравится про любовь и прочие глупости».

«Читатель может прожить тысячу жизней, а не любящий читать — только одну. У Детей Леса нет ни чернил, ни пергамента, ни письменных знаков; все это им заменяют деревья, прежде всего чардрева. Умирая, они сами становятся стволом, листком, веткой и корнем. Деревья помнят все: их песни, заклинания, их истории и молитвы — все, что познали поющие за свою жизнь. Мейстеры говорят, что чардрева посвящены старым богам, поющие же верят, что они и есть боги. Каждый из Детей приобщается к божественному началу, когда умирает».

«Так они хотят убить меня?» — округлил глаза Бран.

«Нет, — сказала Мира. — Ты пугаешь его, Жойен».

«Пугаться следует не ему».

Луна сделалась полной. Лето рыскал по тихому лесу, худея с каждой охотой: вся дичь куда-то пропала. Чары над входом в пещеру держались, и мертвецы не могли войти. Снег их почти всех похоронил под собой, но они оставались там, в сугробах, и ждали. К ним приходили другие — те, что были раньше мужчинами, женщинами, даже детьми. Мертвые вороны с обледеневшими крыльями сидели на голых ветках. Полуистлевший белый медведь продирался через подлесок. Лето и его стая растерзали его и съели, хотя в нем уже завелись черви.

Под холмом пока еще было что есть. Здесь росли грибы ста разных видов, в черной реке водилась слепая рыба, на вкус не хуже глазастой. От коз, живущих вместе с поющими, получали молоко и сыр. За долгое лето были сделаны запасы овса, ячменя и сушеных фруктов. Жаркое с ячменем и луком они ели чуть ли не каждый день. Жойен думал, что это беличье мясо, Мира подозревала крысятину. Брану было все равно — мясо как мясо, вкусное.

В огромных пещерах, где времени будто не

существовало, жили около семидесяти поющих и покоились кости тысячи умерших. «Не уходите далеко, — предупреждала Листок. — Река, которую вы слышите, впадает в темное море, а еще глубже есть провалы, колодцы и забытые тропы, ведущие в самую середину земли. Даже мой народ не все ходы знает, а мы живем здесь тысячу тысяч лет по людскому счету».

Листок и ее сородичи, хотя и звались Детьми Леса, были далеко не дети — их правильнее было бы называть Мудрецами Леса. Они, конечно, меньше, чем люди, но волк по сравнению с лютоволком тоже кажется маленьким, и это еще не значит, что он щенок. Кожа у них коричневая со светлыми пятнами, как у оленей, большие уши ловят то, чего не слышит ни один человек. Золотые кошачьи глаза, тоже большие, хорошо видят там, где Бран совершенно слеп. На руках у них всего по четыре пальца, считая большой, с острыми черными коготками.

И они поют — на истинном языке, так что слов не понять, но голоса их чисты, словно зимний воздух.

«А где остальной ваш народ?» — спросил как-то Бран у Листка.

«Они ушли в землю, — сказала она. — В камни,

в деревья. До Первых Людей вся страна, которую вы называете Вестеросом, была нашим домом, хотя нас и в те дни было немного. Боги подарили нам долгую жизнь, но сделали нас малочисленными, чтобы мы не заполонили весь мир, как это бывает с оленями в лесу без волков. Это было на заре времен, и наше солнце только всходило. Теперь оно закатывается, и мы угасаем. Великаны, наши братья и наше несчастье, тоже почти уже вымерли. Больших львов на западных холмах истребили, единорогов осталась горстка, число мамонтов убавилось до нескольких сотен. Лютоволки переживут нас всех, но их срок тоже настанет. В мире, населенном человеком, нет места ни для них, ни для нас».

Это были грустные слова, и Брану от них тоже сделалось грустно. «А вот люди грустить бы не стали, — подумал он вдруг. — Они злились бы, ругались, клялись отомстить. Они не пели бы грустных песен, а сражались и убивали».

Однажды Мира и Жойен вопреки предостережениям Листка, решили пойти к реке.

«Я тоже хочу», — сказал Бран.

До реки шестьсот футов вниз, объяснила Мира. Там крутые склоны, извилистые ходы, а под конец придется по веревке спускаться. «Ходор с

тобой на спине нипочем не сможет… Мне жаль, Бран».

Когда-то Бран лазил лучше всех, даже Робб и Джон не умели так. Ему хотелось накричать на Ридов или заплакать, но он сдержался, потому что был почти взрослый. Как только они ушли, он залез в Ходора и отправился следом.

Большой конюх после того первого раза на озере во время грозы больше ему не противился — он просто сворачивался клубком, как побитая собака, и прятался глубоко, куда даже Брану доступа не было. «Я ничего плохого тебе не сделаю, Ходор, — мысленно сказал ему Бран. — Мне надо стать здоровым на время, а потом я верну тебе твое тело, как всегда возвращал».

Никто не знал, что он иногда входит в Ходора. Всего-то и надо, что улыбаться, делать что велят да бормотать время от времени «ходор». Он часто увязывался за Мирой с Жойеном, хотели они того или нет. На этот раз они даже порадовались, что Ходор с ними пошел. Вниз Жойен слез без труда, но обратно, когда Мира уже убила своей острогой белую рыбу, взобраться не смог. Сестра обвязала его веревкой, а Ходор вытащил, бубня «ходор, ходор».

Луна превратилась в месяц, тонкий и острый

как нож. Лето отрыл из-под снега черную заиндевелую руку. Она ползла по насту, сжимая и разжимая пальцы. Лето слопал ее и кости разгрыз — лишь тогда рука вспомнила, что она мертвая.

Когда Бран был волком, он ел с Летом и его стаей. Вороном он летал с другой стаей, кружил над холмом на закате, высматривал врагов, чувствовал ледяные объятия воздуха. Ходором он обследовал пещеры, натыкаясь на полные костей склепы и шурфы, уходящие в глубину. В одном гроте с потолка свисали вниз головой скелеты гигантских летучих мышей. Однажды он перешел по хрупкому мосту через бездну. На том берегу, в путанице новых коридоров и камер, он нашел певцов, сидящих в чардревных гнездах, как Бринден. Корни оплели их и пронзили тела насквозь. Бран счел их мертвыми, но когда он проходил мимо, они открывали глаза и следили за его факелом, а кто-то даже открыл сморщенный рот, будто хотел что-то вымолвить. «Ходор», — сказал ему Бран, и настоящий Ходор шевельнулся где-то внутри.

Лорд Бринден на своем троне, полутруп-полудерево, походил не на человека, а на безобразную куклу из кривых корней, костей и трухлявой шер-

сти. Живым оставался лишь его единственный красный глаз; в обрамлении белой древесины и белых лоскутьев кожи на черепе он пылал, как последний уголь в погасшем костре.

Пронизанный корнями, поросший грибами, с белым червем в пустой глазнице, он пугал Брана по-прежнему. Мальчику было легче, когда факелы не горели: в темноте можно представить, что с тобой говорит трехглазая ворона, а не этот живой мертвец.

Однажды Бран подумал с ужасом, что и сам когда-нибудь станет таким. Как будто мало, что он безногий, — неужели он лишится всего остального, и корни прорастут сквозь него? Лорд Бринден черпает жизнь из дерева, так сказала Листок. Он не ест, не пьет, но спит, грезит и наблюдает. Когда-то, тысячу лет назад, Бран собирался стать рыцарем и бегал, и сражался на мечах, и лазил по стенам.

Кто он теперь? Бран-калека, принц утраченного королевства, лорд сожженного замка, наследник руин. Он думал, что трехглазая ворона окажется волшебницей и сможет починить ему ноги, но это оказалось лишь глупой ребячьей мечтой. Он уже слишком взрослый для таких сказок. Обладать тысячью глаз, сотней шкур и глубоко

уходящей мудростью — все равно что быть рыцарем… ну, почти.

Настали безлунные ночи. Солнце снаружи всходило и заходило, выли холодные ветры. Под холмом Жойен Рид стал совсем тихим и нелюдимым, огорчая свою сестру. Она часто сидела с Браном у их маленького костра, говорила о пустяках, гладила Лето, когда тот был на месте, а Жойен в это время бродил по пещерам один. В ясные дни он завел привычку подниматься к самому устью, стоял там часами, смотрел на лес и трясся, несмотря на меха, которыми был укутан.

«Домой хочет, — сказала Мира, — но при этом даже не пытается бороться с судьбой. Говорит, что зеленые сны не лгут».

«Потому что он отважный», — рассудил Бран. «Человек может быть отважным, лишь когда он боится», — так сказал отец в тот давний день, когда они нашли щенков лютоволка в летнем снегу. Бран это запомнил.

«Просто глупый. Вот найдем твою трехглазую ворону, думала я, и тогда… Теперь я перестала понимать, зачем мы сюда пришли».

«Из-за меня», — подумал Бран и сказал: «Нас вели зеленые сны».

«Да… зеленые сны», — с горечью повторила

Мира.

«Ходор», — сказал Ходор.

Мира заплакала, и Бран как никогда пожалел, что он калека.

«Не плачь». Обнять бы ее крепко-крепко, как мать обнимала его в Винтерфелле после падения. Она так близко, Мира, и в то же время будто за сотню лиг от него. Чтобы дотронуться до нее, ему пришлось бы ползти, упираясь в землю руками и волоча ноги, а пол в пещере неровный, весь в буграх и выбоинах. Разве что в Ходора влезть… тогда он мог бы обнять Миру и похлопать ее по спине. Бран все еще обдумывал эту странную мысль, когда Мира сорвалась и убежала в темный проход. Скоро шаги ее затихли, и слышались лишь голоса поющих.

На небо вышел месяц, тонкий и острый как нож. Дни, один короче другого, пролетали быстро, ночи становились длиннее. В пещеры под холмом не проникали ни солнце, ни луна, даже звезды туда не заглядывали. Все это принадлежало верхнему миру, где время двигалось по железному кругу — от дня к ночи, от ночи к дню.

— Время пришло, — сказал лорд Бринден, и по спине Брана пробежались ледяные пальцы.

— Для чего?

— Для следующего шага. Перевертышем ты уже стал, пора учиться быть древовидцем.

— Этой науке учатся у деревьев. — Листок знаком подозвала к себе другую поющую, которую Мира назвала Снеговлаской. На чаше из чардрева в ее руках было вырезано около дюжины ликов, таких же, как на сердце-деревьях. Густую белую кашу внутри пронизывали красные жилки. — Ешь, — велела Листок, подав Брану деревянную ложку.

— А что это?

— Кашица из семян чардрева.

Брану почему-то стало нехорошо. Красные прожилки — должно быть, сок — при свете факелов очень походили на кровь. Он зачерпнул кашу ложкой, но в рот отправлять не стал.

— Она сделает меня древовидцем?

— Древовидцем тебя делает твоя кровь, — ответил лорд Бринден, — а это зелье пробудит твой дар и поженит тебя с деревьями.

Брану не хотелось жениться на дереве, но кто еще за такого пойдет? Тысяча глаз, сотня шкур, глубоко идущая мудрость… Древовидец.

Он начал есть.

Каша хоть и горьковатая, была все же не такой горькой, как желудевая. После первой ложки

его чуть не вырвало, вторая пошла легче, третья показалась почти что сладкой. С чего он взял, будто каша горькая? У нее вкус меда, свежевыпавшего снега, перца, корицы, последнего поцелуя матери. Пустая чашка выпала и стукнулась о каменный пол.

— Я не чувствую никакой перемены. Что дальше?

— Деревья скажут тебе. Они помнят. — По знаку Листка другие поющие стали гасить факелы один за другим. Тьма густела и подползала все ближе.

— Закрой глаза, — сказала трехглазая ворона, — сбрось кожу. Ты делаешь это каждый раз, входя в Лето, но на этот раз войди не в него, а в корни. Следуй по ним сквозь землю к лесным деревьям и говори, что ты видишь.

Бран закрыл глаза, сбросил кожу. Войти в корни… стать деревом. Какой-то миг он еще видел окутанную мраком пещеру и слышал реку внизу — миг спустя он перенесся домой.

Лорд Эддард сидел на камне у глубокого черного пруда в богороще. Бледные корни сердце-дерева обнимали его, как заботливые старческие руки. На коленях у него лежал Лед, и отец протирал меч масляной тряпицей.

— Винтерфелл, — прошептал Бран.

— Кто здесь? — Лорд Эддард оглянулся, испуганный Бран отпрянул.

Отец, пруд и богороща поблекли; он снова оказался в пещере, и бледные корни чардревного трона обнимали его, словно мать младенца. Перед ним загорелся факел.

— Скажи, что ты видел. — Издали Листок казалась девочкой не старше Брана или его сестер, вблизи было видно, что она давно уже не ребенок. Сама она говорила, будто ей двести лет.

Бран, у которого пересохло в горле, сглотнул.

— Винтерфелл. Я был дома и видел отца. Он не умер! Он там, в Винтерфелле!

— Нет, мальчик, он умер, — сказала Листок. — Не пытайся вернуть его к жизни.

— Но я его видел. — Бран чувствовал щекой прикосновение шершавого корня. — Он чистил Лед.

— Ты видел то, что хотел увидеть. Тебя тянет к отцу и к родному дому, и они предстали тебе.

— Прежде чем что-то увидеть, надо научиться смотреть, — сказал лорд Бринден. — Ты видел прошлое, Бран, глядя глазами сердце-дерева в своей богороще. Дерево понимает время иначе, чем человек. Оно знает, что такое солнце, вода и почва, но понятия дней, лет и веков ему чужды. Для

людей время — словно река. Подхваченные его течением, мы несемся от прошлого к настоящему, всегда в одну сторону. Деревья живут по-другому. Они пускают корни, растут и умирают на одном месте — река времени не трогает их. Дуб есть желудь, желудь есть дуб. Для чардрева тысяча человеческих лет словно мгновение — вот дверь, через которую мы с тобой можем заглянуть в прошлое.

— Но он слышал меня, — не уступал Бран.

— Он слышал шорох ветра в листве. Ты не можешь поговорить с ним, как бы тебе того ни хотелось. Я это знаю, Бран. У меня свои призраки: любимый брат, ненавистный брат, желанная женщина. С помощью деревьев я вижу их до сих пор, но не могу сказать им ни слова. Прошлое остается прошлым. Оно поучительно, но изменить его мы не в силах.

— Увижу ли я отца вновь?

— Овладев мастерством, ты сможешь видеть глазами деревьев все, что захочешь, будь то вчера, в прошлом году или тысячу лет назад. Люди заключены в вечном настоящем, между туманами памяти и тем морем теней, каким нам видится будущее. Есть бабочки, живущие всего один день, но им этот коротенький промежуток

времени представляется не менее долгим, чем годы и десятилетия нам. Дуб может прожить триста лет, красное дерево — три тысячи, а чардрево, если не трогать его, живет вечно. Зима и лето для них не дольше мгновения, а разницы между прошлым, настоящим и будущим нет вовсе. Твое зрение не будет ограничено родной богорощей. Поющие вырезали на своих сердце-деревьях глаза, чтобы те пробудились, через них и учится смотреть древовидец на первых порах… но потом ты начнешь видеть гораздо дальше.

— Когда? — спросил Бран.

— Через год, через три, через десять… не знаю когда. В свое время это придет к тебе, обещаю… Но теперь я устал, и деревья зовут меня. Вернемся к этому завтра.

Ходор отнес Брана обратно в его пещерку, бормоча «ходор». Листок шла впереди с факелом. Бран надеялся, что Мира и Жойен будут на месте и он обо всем им расскажет, но в их уютной скальной комнатке было пусто и холодно. Ходор уложил Брана в постель, укрыл меховыми шкурами, развел для него костер. Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, уходящая глубоко, как корни старых деревьев.

Бран, глядя в огонь, решил не спать до прихода

Миры. Уныние Жойена ничем не пронять, но Мира порадуется новым достижениям друга. Он сам не заметил, как закрыл глаза и опять перелетел в винтерфеллскую богорощу. Лорд Эддард на этот раз был намного моложе, без следа седины в каштановых волосах.

«…пусть они растут как братья и любят друг друга, — молился он, склонив голову, — а моя леди-жена найдет в душе силу простить…»

— Отец, — прошелестел Бран, как ветер в листве. — Это я, Бран. Брандон.

Эддард Старк поднял голову и хмуро посмотрел на чардрево. «Он не видит меня», — в отчаянии понял Бран. Ему хотелось прикоснуться к отцу, но он мог лишь смотреть и слушать. Он был в дереве и смотрел на мир его красными глазами — деревья говорить не умеют. На глазах выступили слезы — его, Брана, или чардрева? Будет ли плакать дерево, если заплачет он?

Отец возобновил молитву, но его слова заглушил деревянный стук. Лорд Эддард растаял, как туман поутру: теперь по богороще, фехтуя ветками, носились двое ребят. Девочка была старше и выше мальчика… Арья? Нет, быть того не может. Если она Арья, то мальчик — сам Бран, а он никогда не носил таких длинных волос, и сестра

не побивала его в игре, как эта девчонка. Вот она огрела мальчика по бедру, да так сильно, что нога у него подломилась, и он плюхнулся в пруд. «Тихо ты, дурачок, — сказала она, бросив ветку. — Это всего лишь вода. Хочешь, чтоб старая Нэн услыхала и нажаловалась отцу?» Став на колени, она вытащила брата, и оба тут же растаяли.

Картинки стали сменяться так быстро, что у Брана зарябило в глазах. Ни отца, ни похожей на Арью девочки он больше не видел. Из пруда вышла нагая женщина с большим животом; она преклонила колени и стала молить старых богов о сыне, который за нее отомстит. Стройная девушка привстала на цыпочки, чтобы поцеловать рыцаря ростом с Ходора. Юноша с темными глазами, бледный и злой, отломил у чардрева три ветки и выстругал из них стрелы. Само дерево с каждым видением становилось все ниже, а деревья вокруг, превратившись в саженцы, исчезли совсем, и на их месте появились другие деревья, которым тоже предстояло исчезнуть. Лорды, которых Бран видел теперь, были суровыми мужами в мехах и кольчугах. Некоторые лица он видел в крипте, но не успел разобраться, кто из них кто.

Некий бородач поставил на колени перед серд-

це-деревом своего пленника. К ним, раздвинув красные листья, вышла женщина с белыми волосами; в руке она держала бронзовый серп.

— Нет, — сказал Бран, — не надо! — Но они не слышали его, как и отец. Женщина взяла пленника за волосы и полоснула серпом по горлу.

Брандон Старк сквозь туман минувших веков мог лишь смотреть, как дергаются ноги принесенного в жертву… и чувствовать вкус его крови.

Джон

После семи дней ненастья и вьюг наконец проглянуло солнце. Сугробы намело в человеческий рост, но стюарды уже прокопали дорожки. Стена до мельчайшей трещинки сияла бледной голубизной.

Джон Сноу, стоя на высоте семисот футов, смотрел на Зачарованный лес. Там гулял северный ветер, и снег с ветвей реял в воздухе подобно знаменам. Больше никакого движения, ни признака жизни. Джон боялся не живых, и это не слишком его успокаивало, однако…

Солнце светит, снег перестал. Вряд ли им представится лучший случай на протяжении всей луны, а может, и за всю зиму.

— Пусть Эммет соберет своих новобранцев, — сказал Джон Скорбному Эдду. — Сопровождать их будут десять разведчиков с оружием из драконова стекла. Выступать через час.

— Так точно, милорд. Кто будет ими командовать?

— Я.

Углы губ Эдда опустились еще более скорбно.

— Не лучше ли лорду-командующему остаться

южнее Стены? Я всего лишь выражаю общее мнение, заметьте себе.

— Обществу лучше не высказывать его вслух, — улыбнулся Джон.

Налетевший ветер заполоскал плащ Эдда.

— Давайте спускаться, милорд. Нас того и гляди снесет, а летать я так и не выучился.

Они поехали вниз. Ветер был как дыхание ледяного дракона из сказки, которую Джону рассказывала в детстве старая Нэн. Клеть раскачивалась и задевала о Стену, сбивая с нее льдинки, похожие на осколки стекла.

Стекло бы им пригодилось. Можно завести теплицы наподобие винтерфеллских и выращивать овощи даже зимой. Хорошее прозрачное стекло из Мира стоит, как пряности того же веса, а желтое или зеленое пропускает солнце гораздо хуже. Золото, вот что им требуется. Закупить в Мире стекольщиков-подмастерьев, привезти сюда и дать им волю с тем, чтобы обучили своему ремеслу новобранцев. Вот наилучший способ, будь у Ночного Дозора золото, — но его нет.

Призрак, с наслаждением валявшийся в снегу, отряхнулся.

— Он тоже с вами пойдет? — спросил Эдд.

— Ну да.

— Хорошо, он умный зверюга. А я?

— Ты останешься.

— И лорд у нас умный. Призрак вам нужнее: у меня зубов не осталось, чтоб с одичалыми грызться.

— Одичалые, по милости, богов нам не встретятся. Приготовь мне серого мерина.

В Черном Замке новости разносятся быстро. Эдд еще седлал серого, а Боуэн Мурш уже спешил через двор к конюшне.

— Подумайте хорошенько, милорд. Новички с тем же успехом могут присягнуть в септе.

— Септа — дом новых богов. Старые обитают в лесу, и те, кто чтит их, приносят клятву среди чардрев. Вам это не хуже меня известно.

— Атлас из Староместа, Эррон и Эмрик с западных земель. Они старым богам не молятся.

— Я не навязывал им богов. Они могли выбрать Семерых или красного бога, но предпочли деревья, ясно понимая, с какой опасностью это сопряжено.

— Плакальщик все еще где-то там, в лесу.

— До рощи, даже по снегу, ехать не более двух часов. Вернемся к полуночи.

— Одичалым хватит. Неразумно это, милорд.

— Однако необходимо. Эти люди собираются

посвятить свою жизнь Ночному Дозору, вступить в братство, существующее несколько тысяч лет. Слова имеют значение, традиции тоже. Они связывают вместе простых и знатных, старых и молодых, благородных и подлецов. Всех нас делают братьями. — Джон хлопнул Мурша по плечу. — Мы вернемся, даю вам слово.

— Живыми, милорд? Или как головы с выколотыми глазами на копьях? Обратно вы поедете ночью, по колено в снегу. Это хорошо, что с вами будут опытные разведчики, но Черный Джек Бульвер и ваш дядя Бенджен Старк тоже не раз бывали в лесу…

— У меня есть то, чего у них не было. — Джон свистнул и позвал: — Призрак, ко мне. — Разведчики раздались, пропуская лютоволка; Рори едва удержал испуганную кобылу. — Оставляю Стену на вас, лорд Боуэн. — Джон взял серого под уздцы и повел к ледяному туннелю, ведущему на ту сторону.

За Стеной их встретил тихий, закутанный в белые плащи лес. Разведчики с рекрутами садились по коням и строились, Призрак принюхивался.

— Ну что, есть там кто-нибудь? — спросил его Джон. Лес, сколько хватал глаз, был пуст, а дальше — кто знает.

Призрак пробежал между двумя соснами и скрылся в облаке снежной пыли. Почуял что-то, но что? Джон боялся не столько за лютоволка, сколько за одичалых, которые могли ему встретиться. Белый волк в белом лесу, тихий, как тень, — они и ахнуть не успеют. Но гнаться за Призраком бесполезно: он придет, когда сам захочет, не раньше. Джон толкнул коня каблуками, и весь отряд, проламывая наст, потянулся в лес. Они двигались ровным шагом, все дальше уходя от Стены.

Гвардейские сосны и страж-деревья укрылись снегом, голые ветки широколистов обледенели. Тома-Ячменя Джон послал вперед по знакомой дороге в белую рощу, Большой Лиддль и Люк из Долгуна ехали по флангам с востока и запада. У всех разведчиков, помимо стальных клинков, имелись обсидиановые, на седлах висели боевые рога.

Все они хорошие бойцы и верны своим братьям. Неизвестно, какими они были до Стены, — можно не сомневаться, что прошлое у многих столь же черно, как плащи Ночного Дозора, — но здесь на них положиться можно. Капюшоны и шарфы скрывают их лица, но их имена, все до одного, отпечатаны в сердце Джона.

С ними едут еще шестеро, готовых произнести слова присяги. Конь родился и вырос в Кротовом городке, Эррон и Эмрик приехали со Светлого острова, Атлас торговал собой в Староместе на том конце Вестероса. Все они мальчишки, а вот Кожаному и Джексу уже за сорок. Сыны Зачарованного леса, имеющие собственных сыновей и внуков. Пока лишь они двое из шестидесяти трех человек, пошедших за Джоном Сноу, решились надеть черный плащ. Железный Эммет сказал, что учить их без толку — какие есть, такими и будут. Джон, Эммет и Боуэн Мурш после долгих раздумий назначили Кожаного, Джекса и Эмрика в разведчики, Коня в строители, Эррона и Атласа в стюарды. Им осталось лишь принести присягу.

Сейчас Эммет ехал рядом с командующим на очень косматой лошади — одна шерсть да копыта.

— Говорят, ночью в бабьей башне заваруха случилась? — спросил он.

Из этих шестидесяти трех девятнадцать — женщины. Джон разместил их в заброшенной башне Хардина, где сам спал, когда только приехал на Стену. Двенадцать из них копьеносицы, вполне способные защитить и себя, и младших от нежеланного внимания черных братьев. Отверг-

нутые-то и наделили башню новым именем, с которым Джон не хотел мириться.

— Три пьяных дурня приняли башню Хардина за бордель. Теперь они сидят в ледовых камерах и размышляют о своих прегрешениях.

Эммет поморщился.

— Мужчины есть мужчины, клятвы — только слова, а слова — ветер. Не лучше ли приставить к женщинам стражу?

— А стражу кто сторожить будет? — «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу…» Но кое-что благодаря Игритт он все же узнал. Он сам нарушил свои обеты и не вправе ждать от братьев чего-то большего, однако с одичалыми лучше не связываться. «Либо женщина, либо нож — и то, и другое мужчина иметь не может», — говорила когда-то Игритт. Боуэн Мурш в целом прав: башня Хардина — это растопка, только и ждущая искры. — Я хочу еще три замка открыть, — сказал Джон. — Глубокое Озеро, Соболий, Бочонок. Их населит вольный народ, только начальники будут наши. В Бочонке, помимо командира и главного стюарда, будут жить одни женщины. — Без шашней все равно, конечно, не обойдется, но расстояние сильно их затруднит.

— И какой же бедолага будет командовать та-

ким гарнизоном?

— Тот, который со мной рядом едет.

Смесь восторга и ужаса, отразившаяся на лице Железного Эммета, стоила доброго кошеля золота.

— За что вы так меня невзлюбили, милорд?

— Одного не брошу, не бойся, — фыркнул Джон. — Дам тебе Скорбного Эдда в стюарды.

— То-то обрадуются копейные женки. Могли бы и магнару замок пожаловать с тем же успехом.

— Пожаловал бы, кабы мог ему доверять. — Джон больше не улыбался. — Боюсь, что Сигорн винит меня в смерти отца. Притом он воспитан, чтобы приказывать, — подчинение не его стезя. Не путай теннов с вольным народом. Магнар на старом языке значит «лорд», но Стиру они поклонялись скорее как богу, и сын его из того же теста. Я не требую, чтобы люди становились передо мной на колени, но подчиняться они должны.

— Так-то оно так, милорд, но что-то с ним делать надо — как бы хлопот не вышло.

«Хлопоты — удел лорда-командующего», — мог бы ответить Джон. Поездка в Кротовый городок их только прибавила, и женщины из них самая меньшая. Халлек оправдал его наихудшие ожидания, а среди черных братьев есть

лютые ненавистники одичалых. Кто-то из людей Халлека уже отсек ухо одному из строителей, и это, можно не сомневаться, еще цветочки. Надо поскорее наладить братца Хармы в Глубокое Озеро или Соболий, но оба эти замка совершенно непригодны для проживания, а Отелл Ярвик со своими строителями до сих пор занят в Твердыне Ночи. Джон порой думал, что напрасно не дал Станнису увести с собой одичалых — пусть бы их там перебили всех до последнего. «Ничего я не знаю, Игритт, — мысленно каялся он. — Возможно, и не научусь никогда».

До рощи осталось полмили. Сугробы розовели под косыми солнечными лучами. Всадники пересекли замерзший ручей между двумя обледенелыми скалами и двинулись на северо-восток по звериной тропе. Порывистый ветер кидал снег в глаза. Джон поднял капюшон, закрыл рот и нос шарфом.

— Теперь уж недалеко, — сказал он, но отклика не было.

Тома-Ячменя он почуял до того, как увидел. Может, не он почуял, а Призрак? Последнее время он даже наяву чувствовал свою неразрывную связь с лютоволком. Сначала из леса, отряхиваясь, выскочил именно он, потом показался Том.

— Одичалые в роще, — тихо доложил он.

Джон жестом остановил отряд.

— Сколько их?

— Я насчитал девять. Караулов нет. Некоторые не то мертвые, не то спят, большинство вроде бы женщины, один ребенок, великан тоже есть. Костер развели, дым так и валит. Дурачье.

Девять. Их в отряде семнадцать, но четверо совсем зеленые, и великана ни одного.

Поворачивать обратно к Стене Джон, однако, не собирался. Живых можно будет забрать с собой… да и мертвые пригодятся.

— Дальше пойдем пешком, — сказал Джон, спрыгнув с коня. Снег был ему по щиколотку. — Рори и Пейт останутся с лошадьми. — Он мог бы поручить это рекрутам, но надо же мальчишкам когда-нибудь себя испытать. — Построимся полумесяцем, чтобы накрыть их с трех сторон сразу. Правого и левого не теряйте из виду, чтобы промежутки не расширять. Снег нам на руку: если застанем их врасплох, можем обойтись малой кровью.

Лес на западе поглотил последний краешек солнца. Розовые сугробы опять побелели и начинали синеть. На сером, как много раз стиранный черный плащ, небе проглянули первые звезды.

Маячившее впереди белое дерево с темно-красными листьями могло быть только чардревом. Джон, вынув Длинный Коготь из ножен, кивнул Атласу справа и Коню слева. Они передали этот знак по цепи, и все бесшумно ринулись в рощу, взрывая ногами снег. Призрак белой тенью бежал рядом с Джоном.

Вокруг поляны росло девять чардрев, примерно того же возраста и той же величины. Ни один из вырезанных на их стволах ликов не походил на другой. Одни улыбались, другие кричали, разверзнув рты. Глаза казались в сумерках черными, но Джон знал, что днем они красные, как у Призрака.

Костер посреди поляны едва тлел и сильно дымил, но даже в нем было больше жизни, чем в столпившихся у огня одичалых. Ребенок при виде Джона — больше никто вторжения не заметил — поднял крик и стал дергать за рваный плащ своей матери. Поздно: черные воины уже вышли из-за белых деревьев, и в их черных перчатках сверкала сталь.

Спавший у огня великан спохватился последним. Разбуженный детским криком, хрустом снега под черными сапогами или чьим-то испуганным «ах», он заворочался, будто оживший

валун, сел, протер глаза — и увидел перед собой Железного Эммета с мечом. Тогда он взревел, вскочил и поднял свою дубину.

Призрак оскалился, а Джон, схватив его за шкирку, сказал:

— Мы не хотим проливать кровь. — Великана свалить можно, но это повлечет за собой многие жертвы. Одичалые непременно ввяжутся в бой и погибнут, прихватив с собой кого-то из его братьев. — Это священное место. Сдавайтесь, и мы…

От нового рева содрогнулась уцелевшая на деревьях листва. Великан грохнул по земле дубовой шестифутовой палицей с увесистым камнем в набалдашнике. Несколько одичалых тоже взялись за оружие, и тут с другого конца рощи подал голос Кожаный. По гортанным звукам и напевности Джон узнал старый язык.

Кожаный говорил долго. Великан в ответ пробурчал нечто совершенно неразборчивое, на слух Джона, но Кожаный показал на деревья и что-то добавил. Великан скрипнул зубами и бросил дубину.

— Всё, — сказал Кожаный, — драки не будет.

— Молодец! — восхитился Джон. — Что ты ему сказал?

— Что это и наши боги. Что мы пришли помо-

литься.

— Этим самым мы и займемся сейчас. Спрячьте клинки, сегодня ночью кровь не прольется.

Джон пересчитал одичалых. Девять, это верно, но двое из них мертвы, а третья и до утра не протянет. Шестеро остальных состояли из матери с ребенком, двух стариков, раненого тенна в помятых бронзовых латах и Рогоногого с обмороженными ногами, который никогда уже не будет ходить. Впоследствии Джон узнал, что прежде они не были знакомы друг с другом. Когда Станнис разбил войско Манса, они долго скитались по лесу, теряли родных и друзей и наконец пришли сюда, в священную рощу.

— Здесь живут боги, — сказал один старик. — В таком месте хорошо умирать.

— До Стены всего несколько часов ходу, — напомнил Джон. — Почему вы не обратились туда за помощью? Все остальные сдались — даже Манс.

Одичалые переглянулись, и кто-то сказал:

— А вы, вороны, их всех пожгли. Мы слышали.

— Манса первого, — добавила женщина.

«Тебе с твоим красным богом за многое придется держать ответ, Мелисандра».

— Все, кто захочет, могут пойти с нами в Черный Замок. Там есть еда, есть где спать, а Стена

защитит вас от нечисти, обитающей в этих лесах. Даю вам слово, что никого из вас не сожгут.

— Слово вороны, — бросила женщина, прижимая к себе дитя. — Кто ты такой, чтоб мы тебе верили?

— Лорд-командующий Ночного Дозора, сын Эддарда Старка из Винтерфелла. Скажи Рори и Пейту, чтобы привели лошадей, — велел Джон Ячменю. — Не хочу задерживаться здесь дольше, чем требуется.

— Слушаюсь, милорд.

Оставалось исполнить то, ради чего они сюда ехали. Новички преклонили колени перед чардревами, остальные стояли на почтительном расстоянии. День угас окончательно — свет давали лишь звезды и угли догорающего костра.

Шестеро присягающих в своих черных плащах казались выкроенными из тени, голоса звучали слабо среди необъятной ночи.

— Ночь собирается, и начинается мой дозор, — произносили они, как тысячи их предшественников. Атлас выпевал слова, Конь сипел и запинался, Эррон пищал. — Он не окончится до самой моей смерти.

«Только бы не слишком скоро она пришла, эта смерть. — Джон опустился в снег на одно коле-

но. — Боги моих отцов, храните этих людей. И Арью, мою сестренку, где бы она ни была. Молю вас, пусть Манс найдет ее и благополучно доставит ко мне».

— Я не возьму себе ни жены, ни земель, не буду отцом детям, — звучали обеты, освященные годами и столетиями. — Я не надену корону и не буду добиваться славы. Я буду жить и умру на своем посту.

«Боги леса, ниспошлите мне сил, чтобы сдержать эту клятву, — молился Джон. — Ниспошлите мудрость, чтобы я знал, что мне делать, и мужество, чтобы выполнить это».

— Я меч во тьме, — говорили шестеро, и Джону казалось, что их голоса крепнут, обретая уверенность. — Я дозорный на Стене; я огонь, отгоняющий холод; я свет, приносящий зарю; я рог, пробуждающий спящих; я щит, охраняющий царство людей.

«Щит, охраняющий царство людей». Джон обнял ткнувшегося в плечо Призрака. Пахло грязными штанами Коня, благовониями Атласа, страхом и, поверх всего — великаном. Сердце стучало в груди, как молот. Женщина с ребенком, два старика, обмороженный Рогоногий — все они люди.

— Я вручаю свою жизнь и честь Ночному Дозору среди этой ночи и всех, которые грядут после нее.

Джон поднялся первым.

— Встаньте же мужами Ночного Дозора, — сказал он и подал руку Коню.

Ветер поднимается… Пора ехать.

Обратно они двигались куда медленней, чем сюда. Великан при всем своем росте шагал неспешно и все время сбивал дубиной снег с веток. Женщина ехала на одном коне с Рори, ее сын — с Томом-Ячменем, тенн боялся лошадей и ковылял, несмотря на раны, пешком, Рогоногого и худющую умирающую старуху пришлось приторочить к коням, как мешки.

Так же, к удивлению Железного Эммета, поступили и с двумя мертвыми.

— Они нас только задержат, милорд. Давайте порубим их на куски и сожжем прямо здесь.

— Ничего, возьмем, — сказал Джон. — Пригодятся.

Луны не было — дорогу указывали лишь звезды. Черно-белый мир молчал, снег налипал на бриджи и сапоги, ветер шумел в соснах и хлопал плащами. Вон Красный Скиталец смотрит сквозь голые ветви — вольный народ зовет его Вором.

«Женщин лучше всего красть, когда Вор в Лунной Деве», — всегда говорила Игритт. А великанов когда или там мертвецов?

Близился рассвет, когда они снова увидели Стену.

Рог часового, словно огромная птица, пропел единожды: разведчики возвращаются. Большой Лиддль протрубил в собственный рог. Они подождали у ворот, пока Скорбный Эдд отодвигал засовы и поднимал решетку. Увидев кучку одичалых в лохмотьях, Эдд поджал губы, а великана долго рассматривал.

— Этого маслом придется смазать, чтобы пролез, милорд. Послать в кладовую?

— Попробуем обойтись без масла.

Сказано — сделано. Великан опустился на четвереньки и пополз. В нем было не меньше четырнадцати футов — больше даже, чем в Меге Могучем. Мег погиб в этом самом туннеле, ведя смертный бой с Доналом Нойе… Слишком много хороших людей потерял Дозор.

— Ты говоришь на его языке — позаботься о нем, — попросил Джон Кожаного. — Вели его накормить, найди ему место где-нибудь у огня и будь при нем неотлучно, чтобы его не вздумали задирать.

— Ладно, — сказал Кожаный, помедлил и добавил: — Милорд.

Живых одичалых отправили врачевать раны. Джон надеялся, что горячая еда и теплая одежда помогут им оправиться, хотя Рогоногий скорее всего лишится обеих ступней. Мертвых отнесли в ледовые камеры.

Джон, вешая плащ, краем глаза заметил Клидаса, оставившего письмо на столе. Из Восточного Дозора или Сумеречной Башни, больше неоткуда… Хотя воск не черный, а золотой. Печать — голова оленя в пылающем сердце. Станнис! Джон вскрыл письмо, развернул, прочел. Рука мейстера, слова короля.

Станнис вместе с горными кланами взял Темнолесье. Флинты, Норри, Вуллы, Лиддли — все были с ним.

Другую помощь, нежданную и оттого еще более ценную, король получил от дочери Медвежьего острова. Алисанна Мормонт, прозванная Медведицей, спрятала своих людей в рыбачьих лодках под неводами и захватила врасплох отчаливших от берега Железных Людей.

Ладьи Аши Грейджой захватили или сожгли, уцелевшие бойцы сдались в плен. За капитанов, рыцарей, видных воинов король возьмет выкуп,

остальных намерен повесить…

Ночной Дозор обязуется не принимать ничьей стороны в раздорах внутри государства, но Джон был доволен.

Прослышав о победе, под знамя Станниса пошли северяне, продолжал читать он. Рыбаки, вольные всадники, дровосеки из Волчьего леса, крестьяне, бежавшие с Каменного Берега от Железных Людей, солдаты, выжившие в битве у Винтерфелла, присяжные люди Хорнвудов, Сервинов, Толхартов. «Нас уже пять тысяч, — писал король, — и численность растет с каждым днем. Меня известили, — говорилось далее, — что Русе Болтон со всем своим войском идет в Винтерфелл, дабы женить там своего бастарда на твоей младшей сестре. Нельзя допустить, чтобы он снова укрепил замок, поэтому мы выступаем туда же. Арнольф Карстарк и Морс Амбер присоединятся к нам по пути. Я спасу твою сестру, если сумею, и найду ей жениха лучше, чем Рамси Сноу. До моего возвращения за Стену отвечаешь ты со своими братьями».

«Писано при Свете Владыки», — гласила сделанная другой рукой подпись. Скреплено печатью Станниса из дома Баратеонов, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей,

владетеля Семи Королевств, Хранителя Государства.

Отложенное письмо тут же свернулось опять, оберегая свои секреты. Последняя его часть Джону не слишком понравилась. При Винтерфелле и раньше происходили сражения, но без Старка на той или иной стороне не обходилось ни разу.

— Там остались одни развалины. Это не Винтерфелл, а его призрак. — Джону почему-то стало легче, когда он сказал это вслух.

Любопытно, сколько мечей приведет Воронье Мясо, сколько соберет Арнольф Карстарк. Второй Амбер будет драться под знаменем Дредфорта, и больше половины латников обоих домов так и не вернулись, уйдя на юг с Роббом. Винтерфелл, даже разрушенный, будет хорошей подмогой тем, кто его займет. Роберт Баратеон сразу смекнул бы это и двинулся на замок ускоренным маршем, совершая прославившие его ночные набеги. Сравнится ли с ним в доблести его брат?

Вряд ли. Станнис — осторожный военачальник, и войско его представляет собой недоваренную кашу из горцев, южных рыцарей, людей королевы и людей короля, посоленную крупицами северных лордов. Но если поход на Винтерфелл не будет молниеносным, его лучше отменить во-

все. Не дело Джона советовать королю, и все же…

Он еще раз пробежал глазами письмо. «Спасу твою сестру, если сумею». Несвойственная Станнису доброта, немного подпорченная этим «если сумею», не говоря уж о завершении: «найду ей жениха лучше, чем Рамси Сноу». Но что, если Арьи там не окажется? Если пламя леди Мелисандры сказало правду, и сестра бежала из плена? Хотел бы Джон знать, как это ей удалось. Арья всегда была умницей, но ведь она еще ребенок, а Русе Болтон не из тех, кто упустит столь ценный трофей.

Может также статься, что Арьи у него вовсе не было, а свадьба — всего лишь уловка, чтобы подстроить Станнису западню. Эддард Старк, у которого, насколько Джон знал, не было причин жаловаться на Болтона, тихоголосому белоглазому лорду не доверял никогда.

Девочка в сером на умирающей лошади, бегущая от своего жениха. Под влиянием этих слов Джон отпустил Манса-Разбойника и дал ему шестерых копьеносиц, молодых и пригожих, как тот просил. Мнимосожженный король назвал имена, а Скорбный Эдд ловко вывел названных из Кротового городка. Сейчас это казалось Джону чистым безумием. Надо было зарубить Манса, как только

тот открыл свое подлинное лицо. Бывший Король за Стеной — хоть и вызывает невольное восхищение — клятвопреступник и перебежчик. Веры ему еще меньше, чем Мелисандре, однако Джон все же надеется на него. Лишь бы сестру спасти… Хотя в Ночном Дозоре ни у кого нет сестер.

В Винтерфелле героем Джона был Молодой Дракон, завоевавший Дорн в четырнадцать лет. Джон Сноу вопреки своему незаконному происхождению — а может быть, именно из-за него, — мечтал прославиться, как король Дейерон, и стать таким же завоевателем. Теперь он вырос и отвечает за Стену, но не в силах побороть даже сомнения, которые одолевают его.

Дейенерис

— Не следовало бы вашему величеству дышать этими миазмами, — морща нос, заметил сир Барристан.

Смрад здесь в самом деле стоял удушающий.

— Я от крови дракона, — напомнила Дени. — Видели вы когда-нибудь дракона с поносом?

Визерис часто повторял, что Таргариенов никакая зараза не трогает, и это, судя по всему, было правдой. Дени случалось мерзнуть, голодать и бояться, но она никогда ничем не болела.

— И все-таки вашему величеству лучше вернуться в город. — Разноцветные кирпичные стены Миэрина виднелись в полумиле от лагеря. — От кровавого поноса страдали все армии, начиная с Рассветных Веков. Позвольте нам самим раздать пищу.

— Раздадите завтра. Я все равно уже здесь. — Дени пустила Серебрянку рысью. Чхого ехал впереди, Агго и Ракхаро с длинными дотракийскими кнутами — сразу за ней. Справа на сером в яблоках коне следовал сир Барристан, слева Саймон Исполосованный из Вольных Братьев и Марслин из Детей Неопалимой. Полсотни кон-

ных — дотракийцы, Бронзовые Бестии, вольноотпущенники — охраняли повозки с провизией; отвращение к порученному делу связывало их воедино.

Следом тянулась жуткая процессия астапорцев, удлинявшаяся с каждым пройденным ярдом. Некоторые говорили на языках, незнакомых Дени, другие совсем не могли говорить. Многие тянули к ней руки и становились на колени, когда она проезжала.

— Матерь, — взывали они на диалектах Астапора, Лисса, Волантиса, на гортанном дотракийском, певучем квартийском, даже на общем языке Вестероса. — Матерь, помоги… спаси больную сестру… накорми малышей… мой старый отец… помоги, помоги, помоги…

Дени с отчаянием сознавала, что помочь им не в силах. В лагере за стенами Миэрина их несколько тысяч: мужчин, женщин, детей, стариков, новорожденных младенцев. Больных много, голодных еще больше, и все они обречены на скорую смерть. Дени не осмелится открыть им ворота. Она сделала что могла: послала им лекарей, Лазурных Благодатей, заклинателей и цирюльников. Многие целители заразились сами, и никто не приостановил занесенного сивой кобылой

мора. Крепкие Щиты стойко пытались отделить больных от здоровых, разлучая мужей с женами и детей с матерями. Беженцы рыдали, отбивались и швырялись камнями; через несколько дней больные перемерли, а здоровые заболели.

Кормить их тоже затруднительно. Еду в лагерь возят каждый день, но людей там все больше, запасов все меньше, и не так просто найти возниц, согласных ехать туда: зараза слишком прилипчива, а нападения на обратном пути учащаются. Вчера, когда убили двух солдат и перевернули повозку, Дени решила отправиться в лагерь сама. Все советники — Резнак, Лысый и сир Барристан — протестовали с пеной у рта, но успеха не добились.

— Я не стану отворачиваться, — твердила она. — Королева должна видеть, как страдает ее народ.

Чего-чего, а страданий у них в избытке.

— Многие из них приехали на лошадях или мулах, а теперь животных не осталось ни одного — всех съели, — докладывал Марслин. — Крыс и бродячих собак они тоже извели; кое-кто за мертвецов принимается.

— Человек не должен есть человека, — заявил Агго.

— Это все знают, — подтвердил Ракхаро. — Их постигнет проклятие.

— По-твоему, оно еще не постигло их? — спросил Саймон.

Дети с раздутыми животиками были слишком слабы или напуганы, чтобы просить подаяния. Изможденные люди испражнялись кровью среди песка и камней — у них недоставало сил доползти до канав, которые велела выкопать Дени. Две женщины дрались из-за голой кости, мальчик поедал крысу, сжимая другой рукой заостренную палку, чтобы никто не отнял. Черный плащ, покрывавший распростертого на земле человека, оказался несметным полчищем мух. Похожие на скелеты женщины прижимали к груди умирающих детей.

— Матерь… — лепетали те, кто еще мог. — Помоги… да благословят тебя боги…

Благословят они, как же. Астапор сгорел дотла, умирают его жители сотнями, а у нее нет для них ни пристанища, ни лекарств, ни надежды. Черствый хлеб, червивое мясо, засохший сыр, немного молока — вот и все. Да благословят ее боги.

Что это за мать, которой нечем кормить детей?

— Мертвых надо бы сжечь, — сказал Агго.

— И кто же будет это делать? — осведомился

сир Барристан. — Каждую ночь их умирает не менее ста.

— Нехорошо это — трогать мертвых, — сказал Чхого.

— Это все знают, — хором отозвались Ракхаро и Агго.

— Но что-то делать все-таки нужно, — подытожила Дени. — Я поговорю с Серым Червем: Безупречные покойников не боятся.

— Безупречные — лучшие ваши воины, — возразил сир Барристан. — Нельзя подвергать их такому риску. Пусть астапорцы избавляются от своих мертвецов сами.

— Они слишком слабы для этого, — сказал Саймон.

— Им бы побольше еды… — заикнулась Дени.

— Нельзя тратить запасы на умирающих, — строго ответил Саймон. — Живым уже не хватает.

Он, в общем, прав, но тяжело в очередной раз слышать это.

— Мы уже далеко отъехали, покормим их здесь. — Дени вскинула руку, повозки остановились, всадники выстроились вокруг.

— Дождитесь очереди, — кричали они напирающим астапорцам. — Не толкайтесь, всем хлеба

дадим. Потерпите!

— Сир, — не выдержала Дени, — неужели мы ничего больше не можем им уделить?

— Нам нужно кормить солдат, ваше величество. Город скорее всего ждет осада: Воронам-Буревестникам и Младшим Сыновьям не под силу обратить врага вспять. Если бы ваше величество разрешили мне набрать армию…

— Если нам предстоит битва, лучше вести ее за стенами Миэрина. Пусть-ка попробуют взять их приступом. Может быть, мы поделим запасы поровну?

— Астапорцы съедят свою часть за несколько дней, а доля города сильно убавится.

Воздух гудел от криков и мух.

— Боги наслали этот мор в назидание мне… Но я не допущу, чтобы здесь ели трупы. Скачи к воротам, Агго, и приведи сюда Серого Червя с полусотней его Безупречных.

— Кровь твоей крови повинуется, кхалиси. — Агго умчался, а сир Барристан снова завел свое:

— Не стоит здесь оставаться, ваше величество. Еду уже раздают, а больше мы ничего для этих несчастных сделать не можем. Прошу вас, поедемте.

— Ступайте, если желаете, сир. Я никого не

задерживаю, — сказала Дени и спешилась. — Я не могу их вылечить, но пусть они видят, что их матери есть дело до них.

— Кхалиси, нет! — Чхого тоже спрыгнул с коня, звякнув вплетенным в волосы колокольчиком. — Не подходи! Не позволяй им прикоснуться к тебе!

Дени шла прямиком к лежащему на земле старику — он стонал, глядя в небо.

— Он весь горит, — сказала она, потрогав его лоб под грязными волосами. — Его надо выкупать, можно в морской воде — не привезешь ли, Марслин? И масло для погребального костра тоже. Кто поможет мне хоронить мертвых?

Когда Агго вернулся с бегущими за его конем Безупречными, Дени помогали все, кто с ней был. Саймон Исполосованный со своими людьми отделял живых от мертвых и складывал тела в груду, дотракийцы сопровождали ходячих к морскому берегу для мытья и стирки одежды. Агго вытаращил глаза, дивясь такому безумию, но Серый Червь опустился на колени и сказал, что готов служить.

К полудню в лагере загорелось десять костров. Жирный черный дым поднимался к равнодушному небу.

— Ваше великолепие, — сказал Серый Червь перепачканной копотью Дени, — ваши слуги просят позволения омыться в соленой воде, завершив эту работу, и очиститься по закону нашей великой богини.

Дени не знала, что у евнухов есть свое божество.

— Что это за богиня? Гискарская?

— У нее много имен, — смутился Серый Червь. — Владычица Копий, Жена-Воительница, Матерь Многих, но истинное ее имя ведомо только тем, кто сжег свое мужское естество на ее алтаре. Ваш слуга нижайше просит прощения: с посторонними о ней нельзя говорить.

— Купайтесь, я разрешаю. Спасибо за помощь.

— Мы покорные ваши слуги.

К себе в пирамиду Дени вернулась разбитая телом и духом. Миссандея читала старый свиток, Ирри и Чхику спорили из-за Ракхаро.

— Ты тощая, как мальчишка, — говорила Чхику, — а Ракхаро с мальчиками не спит, это все знают.

— Все знают, что ты корова, — огрызалась Ирри, — а с коровами Ракхаро тоже не любится.

— Ракхаро — кровь моей крови. Его жизнь принадлежит мне, а не вам, — прекратила спор Дени.

Ракхаро за время своего отсутствия вырос почти на полфута, набрал мускулов, вплел четыре колокольчика в косу и возвышался над Чхого и Агго, что не укрылось от внимания обеих служанок. — Мне нужно выкупаться. — Никогда еще она не чувствовала себя такой грязной. — Сожги всю одежду, что была на мне, Чхику. Пусть Квецца даст мне взамен что-нибудь легкое — очень уж жарко.

Дени с блаженным вздохом погрузилась в бассейн на террасе; туда же по ее приказу залезла и Миссандея.

— Вашей слуге ночью снилось, что астапорцы скребут городскую стену, — сказала девочка, принимаясь тереть Дени спину.

— Глупости, — воскликнула Чхику. — Что значит «скребут»?

— Руками. Кирпич старый и крошится. Прорюют ход и войдут в город.

— На это у них уйдет много лет, — рассудила Ирри. — Стены очень толстые, это все знают.

— Это все знают, — согласилась с ней Чхику.

— Мне они тоже снятся. — Дени взяла девочку за руку. — Но их лагерь в полумиле от города, милая, — в стену они никак не могут скрестись.

— Вашему величеству лучше знать. Голову то-

же помыть? Пора, мне кажется. Резнак мо Резнак и Зеленая Благодать придут говорить…

— О свадьбе. — Дени села, произведя громкий плеск. — Чуть не забыла. — Видимо, ей очень хотелось забыть. — А после них я буду обедать с Гиздаром. Принеси зеленый токар, Ирри, — шелковый, с мирийскими кружевами.

— Зеленый в починке, кхалиси — кружево оторвалось. Зато голубой в исправности.

— Хорошо, неси голубой — им, думаю, все равно.

Права она оказалась только наполовину. Жрица и сенешаль умилились, что она, как подобает миэринской аристократке, надела токар, но истинной их целью было раздеть ее донага.

— Не хочу никого обижать, — сказала Дени, выслушав их, — но матери и сестрам Гиздара я голой показываться не стану.

— Но это необходимо, ваше величество, — заморгал Резнак. — Перед свадьбой родственницы жениха всегда осматривают чрево и… женские части невесты. Дабы удостовериться, что она хорошо сложена и…

— …способна к продолжению рода, — завершила Галацца Галар. — Это древний ритуал, ваша блистательность. Три Благодати, присутствую-

щие при церемонии, произнесут подобающие молитвы.

— А затем, — подхватил Резнак, — все едят особый женский пирог. Его пекут только к свадьбе, и мужчинам не позволяется его пробовать. Вкус, мне говорили, просто волшебный…

Существует ли пирог для бесплодного чрева и женских частей, на которых лежит проклятие?

— Гиздар зо Лорак сможет обозреть это все после свадьбы. — Кхал Дрого никакого изъяна в ней не нашел, чем Гиздар лучше? — Пусть его матушка и сестрицы осмотрят одна другую и съедят свой пирог без меня. И ноги благородному Гиздару тоже не буду мыть.

— Ваше великолепие не совсем понимает, — ужаснулся Резнак. — Омовение ног освящено традицией. Тем самым вы показываете, что готовы быть служанкой вашего мужа. А свадебный наряд, также традиционный, состоит из темно-красного покрывала и белого шелкового токара с каймой из мелкого жемчуга…

Кроличья королева не должна венчаться без длинных ушей.

— Я же дребезжать буду.

— Жемчуг символизирует плодородие. Чем больше жемчужин, тем больше здоровых детей.

— Зачем мне столько детей? Если бы мы женились по вестеросским обычаям…

— Боги Гиса не сочли бы законным такой союз. — Из-под шелкового покрывала Галаццы Галар виднелись только глаза — такие же зеленые, мудрые и печальные. — Для жителей этого города вы были бы благородному Гиздару наложницей, а не законной женой, а ваши дети — бастардами. Брак должен быть заключен в Храме Благодати в присутствии всех миэринских вельмож.

Хороший предлог выманить их из пирамид, по словам Даарио. Отбросив эту мысль как недостойную, Дени вздохнула.

— Хорошо. Я принесу свой брачный обет в Храме Благодати, завернутая в белый токар с мелким жемчугом. Еще что-нибудь?

— Всего одна мелочь, ваше великолепие, — сказал Резнак. — Ко дню свадьбы было бы хорошо открыть бойцовые ямы. Сделав такой подарок Гиздару и своим верноподданным, вы бы дали понять, что готовы следовать древним обычаям Миэрина.

— И богам это угодно, — мягко добавила Зеленая Благодать.

Оплаченное кровью приданое. Дени устала

вести этот бой, и даже сир Барристан не верил больше в ее победу. «Ни один правитель не способен изменить людей к лучшему, — говорил он. — Бейелор Благословенный молился, постился и выстроил Семерым великолепнейший храм, но войны и нужда от этого не перестали существовать». Королева должна прислушиваться к мнению своего народа.

— Гиздар после свадьбы станет королем, вот сам пусть и открывает. Я не хочу быть причастной к этому. — Кровь будет не на ее руках — на его. Дени встала. — И если мой муж хочет, чтобы я омыла ему ноги, пусть сперва омоет мои — я так и скажу ему вечером. — Любопытно, как воспримет такие слова ее нареченный.

Ее беспокойство было напрасным. Гиздар зо Лорак прибыл через час после заката в токаре винного цвета, окаймленном золотой полосой с золотыми же бусинами. Дени, наливая ему вино, пересказала свою беседу со жрицей и Резнаком.

— Давно пора отказаться от всего этого, — сказал в ответ Гиздар. — Миэрин слишком долго варился в соку нелепых старых поверий. Дейенерис, королева моя, — добавил он, поцеловав ее руку, — если для того, чтобы стать вашим королем и супругом, вас нужно омыть с головы до пят,

я охотно сделаю это.

— Чтобы стать моим королем и супругом, надо всего лишь добиться прочного мира. Скахаз говорит, что вы получили кое-какие послания?

— Да, получил. — Гиздар, весьма довольный собой, скрестил длинные ноги. — Юнкай готов заключить мир — на определенных условиях. Прекращение работорговли причинило великий вред всему миру; Юнкай требует, чтобы мы выплатили ему и его союзникам контрибуцию в золоте и драгоценных камнях.

Ну, это пустяки.

— Что еще?

— Юнкай восстановит рабство как у себя, так и в Астапоре. Вы не должны препятствовать этому.

— Юнкай восстановил рабство, не успела я удалиться от его стен на две лиги, и что же? Разве я вернулась назад? Король Клеон умолял меня пойти на Юнкай совместно, но я осталась глуха к его мольбам. Сколько раз мне повторять, что я не желаю воевать с ними? Каких им еще заверений?

— В том-то и подвох, моя королева. Никаким вашим обещаниям Юнкай, увы, не поверит. Они без конца поминают о неком после, которого воспламенили ваши драконы.

— Сгорел только его токар, — бросила Дени.

— Тем не менее Юнкай и Новый Гис к вам не питают доверия. Слова — это ветер, как вы сами изволите говорить. Словами вы себе мира не обеспечите: ваши недруги требуют дел. Они ждут нашей свадьбы и моей коронации.

Дени, страстно желая вылить вино прямо ему на голову и смыть с его лица сострадательную улыбку, вновь наполнила его чашу.

— Брак или бойня, свадьба или война. Таков, значит, мой выбор?

— Мне думается, он очевиден, ваша блистательность. Произнесем свои обеты перед богами Гиса и будем создавать новый Миэрин вместе.

Обдумывая ответ, Дени услышала шаги за спиной. Повара обещали приготовить любимое блюдо Гиздара — собаку в меду, начиненную перцем и сливами, — но это был не подающий на стол слуга, а сир Барристан. Отмытый дочиста, весь в белом, с длинным мечом на боку.

— Извините, что беспокою, ваше величество, — сказал он с поклоном. — Я решил незамедлительно сообщить вам, что в город вернулись Вороны-Буревестники со свежими новостями. Юнкайцы, как мы и опасались, выступили в поход.

— Королева изволит ужинать, — с легким раз-

дражением заметил Гиздар. — Наемники могли бы и подождать.

— Я попросил лорда Даарио вручить письменный доклад мне, как приказывали ваше величество, — не обращая на него внимания, продолжал рыцарь, — но он засмеялся и сказал, что напишет его собственной кровью, если ваш маленький писец покажет ему, как это делается.

— Кровью? — вскричала Дени. — Что это, шутка? Я, конечно же, приму его лично. — Она совсем еще молода, а молоденькие женщины славятся своей переменчивостью. — Созовите моих капитанов… Вы, Гиздар, простите меня, я уверена.

— Миэрин прежде всего, — улыбнулся ее жених. — У нас впереди еще много ночей… тысяча.

— Сир Барристан вас проводит. — Дени выбежала прочь, скликая служанок: капитана в токаре принимать не годится. Дени перемерила дюжину платьев и отвергла предложенную Чхику корону.

При виде преклонившего колено Даарио Нахариса у нее сжалось сердце. В его волосах запеклась кровь, на виске багровела свежая рана, правый рукав был красен по локоть.

— Вы ранены, — прошептала Дени.

— Вы об этом? — Даарио потрогал висок. — Ар-

балетчик целил мне в глаз, но я обогнал стрелу. Торопился домой, погреться в лучах улыбки моей королевы. А это, — он тряхнул рукавом, — не моя кровь. Один мой сержант подговаривал меня перейти к юнкайцам. Сердце, вырванное у него из груди, я вез в дар моей серебряной королеве, но меня окружили четверо шипящих Котов. Отбиваясь, я швырнул кому-то из них в лицо сердце изменника.

— Доблестное деяние, — произнес сир Барристан тоном, противоречащим сказанному, — но вы, как я понял, имеете сказать ее величеству нечто важное?

— Вести у меня плохие, сир дедушка. Астапор пал, и рабовладельцы идут на север всем своим войском.

— Эта новость уже протухла, — буркнул Лысый.

— Как говорила твоя матушка о поцелуях отца, — не замедлил с ответом Даарио. — Я приехал бы намного быстрее, сладчайшая королева, но в холмах от юнкайских наемников продыху нет — целых четыре отряда! Вашим Воронам-Буревестникам пришлось прорубать себе путь мечами, и это еще не самое худшее. Юнкайцы идут по прибрежной дороге с четырьмя легиона-

ми из Нового Гиса, сотней одетых в броню слонов, толосскими метателями камней и квартийцами на верблюдах. Еще два гискарских легиона сели на корабль в Астапоре. Если верить взятым нами пленникам, они намерены высадиться за Скахазадханом и отрезать нас от Дотракийского моря.

Дени морщилась всякий раз, когда капля крови падала с его рукава на мраморный пол.

— Велики ли потери? — спросила она.

— Наши-то? Не считал; мы приобрели больше, чем потеряли.

— Вы о перебежчиках?

— Да, к нам пришли храбрецы, желающие сразиться за правое дело. Они вам понравятся, моя королева: один, топорщик с островов Василиска, побольше Бельваса будет. Есть и вестеросцы, десятка два — эти из Сынов Ветра, Юнкай им чем-то не угодил. Из всех выйдут славные Буревестники.

— Что ж, хорошо. — Дени не привередничала: у Миэрина каждый меч на счету.

— Вы упомянули о четырех вольных отрядах, — хмуро напомнил сир Барристан, — нам же известны только три: Сыны Ветра, Длинные Копья и Дикие Коты.

— Вы мастер считать, сир дедушка. К Юнкаю

переметнулись Младшие Сыновья. Тьфу на Бурого Бена Пламма! Дайте только встретить его в бою — я вскрою ему грудь и вырву его черное сердце.

Дени не находила слов. Она так доверяла Бену! Перед ней стояло его смуглое лицо с перебитым носом, белые волосы, морщинки в уголках глаз. Даже драконы любили старого Бена, а он похвалялся, что в нем есть капля драконьей крови. *Три измены должна ты испытать… одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви.* Которую из них приписать Бену Пламму — третью или вторую? И куда в таком случае отнести медведя-изменника сира Джораха? Неужели никому из ее друзей нельзя доверять? Что толку в пророчествах, если они не поддаются разгадке. Не выйти ли ей за Гиздара еще до восхода солнца, чтобы все эти армии испарились, как утренняя роса?

Слова Даарио вызвали большой шум. Резнак скулил, Лысый бранился, кровные всадники клялись отомстить, Силач Бельвас бил себя по животу кулаком и обещал съесть сердце Бена с луком и сливами.

— Тише, прошу вас, — воззвала Дени, но расслышала ее одна Миссандея. Королева поднялась на ноги. — Тихо! С меня довольно.

— Приказывайте, ваше величество, — опустился на одно колено сир Барристан. — Мы почтительно внемлем вам.

— Будем продолжать то, что задумали. Запасем как можно больше провизии. — Если она оглянется назад, ей конец. — Запрем ворота, поставим на стены всех боеспособных мужчин. Никто не должен входить в город и выходить из него.

— А как нам быть с астапорцами? — после недолгого молчания спросил Резнак.

Дени хотелось вопить, скрежетать зубами, рвать на себе одежду и биться об пол.

— Кажется, мой приказ ясен: закрыть ворота. — Они ее дети, но она больше ничего не может сделать для них. — Оставьте меня все, кроме Даарио. Я еще не обо всем его расспросила, да и рану нужно промыть.

Когда все другие откланялись, Дени поднялась с Даарио в свою спальню. Ирри обмыла рану на виске уксусом, Чхику перевязала.

— Твоя одежда в крови, — сказала королева, отпустив их. — Сними ее.

— Если и ты свою снимешь, — молвил Даарио, скрепив слова поцелуем.

Его волосы пахли кровью, дымом, конем, губы были твердые и горячие.

— Я думала, что меня предашь ты, — проговорила, трепеща, Дени. — «Одна измена из-за золота, одна из-за крови, одна из-за любви» — так сказали мне колдуны. О Буром Бене я и не помышляла… даже мои драконы доверяли ему. Обещай, что никогда меня не предашь, — потребовала она, держа капитана за плечи. — Этого я не вынесу. Обещай.

— Никогда, любимая. Обещаю.

— Я поклялась выйти за Гиздара зо Лорака, если он подарит мне девяносто дней мира, но теперь… Я возжелала тебя с первого взгляда, но как мне было отдаться наемнику, неверному, переменчивому? Ты хвастался, что спал с сотней женщин.

— С сотней? — Даарио ухмыльнулся в пурпурную бороду. — Я лгал, моя королева. Женщин у меня была тысяча, а вот дракона ни одного.

— Чего же ты ждешь? — спросила она, подставив губы для поцелуя.

Искры над пеплом

Принц Винтерфелла

В очаге запекся черный холодный пепел — слабое тепло давали одни лишь свечи. Их пламя дрожало всякий раз, как открывали дверь, и с ними дрожала невеста. Ее одели в платье из белой шерсти, отороченное кружевом, расшитое речным жемчугом на лифе и рукавах. Туфельки из белой оленьей кожи были красивы, но нисколько не грели. В лице девочки не было ни кровинки.

«Как ледяная, — подумал Теон Грейджой, накидывая ей на плечи меховой плащ. — Как мертвая, похороненная в снегу».

— Пора, миледи. — За дверью играла музыка — лютня, волынка и барабан.

Невеста подняла на него карие, блестящие при свечах глаза.

— Я буду ему хорошей, в-верной женой. Буду угождать ему во всем, подарю ему сыновей. Настоящая Арья так не сумела бы.

Такие разговоры приведут ее к смерти, а то и к худшим вещам — Теон усвоил этот урок, когда был Вонючкой.

— Вы и есть настоящая Арья, миледи. Арья из дома Старков, дочь лорда Эддарда, наследница

Винтерфелла. — Имя. Она должна затвердить свое имя. — Арья-надоеда, Арья-лошадка.

— Я сама придумала ей это прозвище: у нее лицо лошадиное. — Слезы наконец-то проступили у нее на глазах. — Я, конечно, не была такой красивой, как Санса, но все говорили, что я хорошенькая. Лорд Рамси тоже так думает?

— Да, — солгал Теон. — Он мне сам говорил.

— Все равно… Он ведь знает, кто я на самом деле. Всегда смотрит сердито, даже когда улыбается. Говорят, он любит мучить людей.

— Не надо слушать глупые басни, миледи.

— Говорят, вас он тоже мучил. Ваши руки и…

— Я заслужил это, — выговорил Теон пересохшими губами. — Разгневал его. Помните об этом и не повторяйте моей ошибки. Лорд Рамси — хороший человек, добрый. Будьте ему хорошей женой, и все обойдется.

— Помогите мне! — вскрикнула девочка, вцепившись в его рукав. — Я часто смотрела, как вы фехтуете во дворе… Вы были такой красивый. Убежим вместе! Я буду вашей женой… или любовницей, как пожелаете.

— Невозможно. — Теон высвободил рукав. — Будьте Арьей, и все устроится. Угождайте ему во всем и никогда не говорите, что вы не Арья. —

«Джейни, — подумал он, — вот как ее зовут». Музыка звучала громко, настойчиво. — Нам пора, вытрите слезы. — Глаза у нее карие, а должны быть серыми. Кто-нибудь непременно заметит и вспомнит. — Вот и хорошо. Теперь улыбнитесь.

Девочка невероятным усилием показала зубы. Красивые зубки, белые… недолго они продержатся, если она разозлит Рамси. Теон распахнул дверь, и три свечки из четырех погасли. Он вывел невесту в туман, где ожидали гости.

«Почему я?» — спросил он, когда леди Дастин сказала, что невесту поведет он.

«Ее отец и братья мертвы, мать погибла в Близнецах, дяди в плену или пропали без вести».

«У нее есть еще один брат. — Трое братьев, если уж говорить правду. — Джон Сноу из Ночного Дозора».

«Он брат ей лишь наполовину, бастард и связан присягой. Вы были воспитанником ее отца, ближе вас у нее никого не осталось — кому и быть посаженым отцом, как не вам».

Ближе никого не осталось… Теон Грейджой и Арья Старк росли вместе. Теон сразу бы опознал самозванку. Раз невесту выдает замуж он, у северных лордов нет оснований оспаривать этот брак. Стаут, Слейт, Амбер Смерть Шлюхам, сварливые

Рисвеллы, люди Хорнвуда, родичи Сервина — никто из них не знает дочерей Неда Старка лучше Теона. А если кто и питает сомнения, пусть раскинет умом и оставит все свои мысли при себе.

Болтоны используют его, чтобы прикрыть свой обман. Нарядили, как лорда, и отправили играть роль. Как только лже-Арья станет законной женой Рамси, лорду Русе больше не понадобится Теон Переметчивый. «Сослужи нам эту службу, и после победы над Станнисом мы подумаем, как вернуть тебе твои наследственные права», — сказал его милость своим тихим, созданным для лжи голосом. Теон не поверил ни единому его слову. Он спляшет для них этот танец — ведь выбора у него нет, — а после его снова отдадут Рамси, который отнимет у него еще несколько пальцев и обратит Теона обратно в Вонючку. Хоть бы боги смилостивились и послали в Винтерфелл Станниса, чтобы он всех здесь предал мечу… в том числе и Теона. Это лучшее, на что можно надеяться.

В богороще, как ни странно, было теплей, чем внутри. Над всем остальным замком стоит белый морозный туман, дорожки обледенели, разбитые стекла теплиц сверкают инеем при луне. Всюду грудами лежит грязный снег, прикрывший пепел

и угли; кое-где из-под него торчат обгорелые балки или кучи костей с лохмотьями кожи. Стены и башни обросли бородой сосулек с копье длиной — а в богороще нет снега, и от горячих прудов поднимается пар, теплый, как дыхание ребенка.

Невеста в белом и сером; такие же цвета надела бы настоящая Арья, если б ей было суждено дожить до собственной свадьбы. Сам Теон в черном и золоте; плащ на плече скрепляет железный кракен, выкованный барроутонским кузнецом ради такой оказии. Но под капюшоном прячутся поредевшие седые волосы, и кожа у него серая, как у дряхлого старика. Наконец-то и он стал Старком. Они с невестой, разгоняя туман, прошли под каменной аркой. Барабан стучал, как девичье сердце, волынка сулила счастье. Месяц смотрел на них из тумана, как сквозь шелковую вуаль.

Этой богороще Теон не чужой. Он играл здесь мальчишкой, пускал камешки через черный холодный пруд под чардревом, прятал свои сокровища в дупле старого дуба, скрадывал белок с самодельным луком в руке. А когда подрос, лечил в горячих источниках синяки после учебных схваток с Роббом, Джори и Джоном Сноу. Эти каштаны, вязы и гвардейские сосны давали ему убежище, позволяя побыть одному. Здесь

он впервые поцеловал девушку и здесь же стал мужчиной, уже с другой, на рваном одеяле вон под тем высоким страж-деревом.

Но такой — призрачной, с огнями и доносящимися непонятно откуда шепотами — он богорощу еще никогда не видел. Серый пар ползет вверх по стенам, заволакивая пустые окна.

Вымощенная замшелым камнем дорожка едва видна под грязью, палой листвой и корнями. Невесту зовут Джейни, но это имя нельзя произносить даже в мыслях, иначе поплатишься пальцем или ухом. Из-за нехватки пальцев на ногах Теон ступал медленно — недоставало еще споткнуться. За такую оплошность лорд Рамси с него кожу сдерет.

Пар такой густой, что видны только ближние деревья — дальше лишь тени и огоньки. Вдоль дорожки и между стволами расставлены свечи, они и мерцают во мгле, как светляки. Словно в том месте между мирами, где блуждают грешные души в ожидании назначенной им преисподней. Может, они все и вправду мертвы, убиты во сне внезапно нагрянувшим Станнисом? Может, предполагаемая битва уже состоялась?

Кое-где красные огни факелов высвечивают лица гостей. Игра теней в тумане превращает

их в зверей и чудовищ: лорд Стаут — вылитый мастифф, старый лорд Локе — коршун, Амбер Смерть Шлюхам — горгулья, Уолдер Большой — лис, Уолдер Малый — рыжий бычок, только кольца в носу не хватает. А лицо Русе Болтона напоминает бледно-серую маску с двумя грязными льдинками вместо глаз.

На деревьях полным-полно воронов — сидят, взъерошив перья, на голых ветках и смотрят на то, что происходит внизу. Мейстер Лювин убит, воронья башня сгорела, но птицы выжили, и это их дом. Теон уже позабыл, что чувствуешь, когда у тебя есть дом.

Туман разошелся и открыл новую картину, словно занавес на театре. Вот оно, сердце-дерево с широко распростертыми костяными ветвями. Вокруг толстого белого ствола кучами лежат красные и бурые опавшие листья. Здесь воронов всего больше — переговариваются друг с дружкой на тайном языке, как злодеи. Под деревом стоит Рамси Болтон в высоких сапогах серой кожи, в черном бархатном дублете с розовыми шелковыми прорезями, украшенном гранатовыми слезами. Губы мокрые, шея над воротником красная.

— Кто здесь? — спросил он. — Кто просит бла-

гословения богов?

— Арья из дома Старков, — ответил Теон, — законнорожденная, взрослая и достигшая расцвета. Кто хочет взять ее за себя?

— Я, Рамси из дома Болтонов, лорд Хорнвуда и наследник Дредфорта. Кто ее отдает?

— Теон из дома Грейджоев, взращенный ее отцом. Леди Арья, берешь ли этого человека себе в мужья?

Она подняла на него глаза — карие, а не серые. Неужто они не замечают этого, дурачье? В глазах читалась мольба. «Другого случая у тебя не будет, — подумал Теон. — Скажи им сейчас. Выкрикни свое имя — пусть весь Север услышит, что ты не Арья, что тебя принудили выдать себя за нее». После этого она, конечно, умрет, и он тоже, но авось, Рамси в порыве гнева убьет их быстро.

— Беру, — шепотом сказала она.

Сто свечей мерцали в тумане. Теон отступил. Жених с невестой взялись за руки и преклонили колени, склонив головы перед сердце-деревом. Лик на стволе смотрел на них красными глазами, смеясь красным ртом. Наверху каркнул ворон.

После нескольких мгновений тихой молитвы они поднялись. Рамси снял плащ, наброшенный Теоном на плечи невесты — белый, шерстя-

ной, отороченный серым мехом, с эмблемой лютоволка Старков, — и заменил его розовым, расшитым гранатами, как и его дублет. На спине был пришит дредфортский ободранный человек, выкроенный из красной кожи.

Вот и все. Свадьбы на Севере за отсутствием жрецов и септонов совершаются быстро — оно и к лучшему. Рамси взял жену на руки и понес ее сквозь туман. Лорд Болтон с леди Уолдой двинулись следом, за ними все остальные. Музыка опять заиграла, Абель-бард в сопровождении двух женских голосов запел «Два сердца бьются, как одно».

«Не помолиться ли мне?» — подумал Теон. Услышат ли его старые боги? У него свой бог, Утонувший, но Винтерфелл так далеко от моря… и он так давно не обращался ни к одному из богов. Кем он стал, кем был раньше, почему он еще жив и зачем родился на свет?

— Теон, — тихо позвал кто-то… но кто? Вокруг никого, кроме окутанных туманом деревьев. Шепот, тихий как шорох листвы, пронизал его холодом. Бог его зовет или призрак? Сколько человек погибли, когда он взял Винтерфелл, сколько в тот день, когда он потерял замок? Сам Теон Грейджой тоже умер тогда, возродившись

как Вонючка.

Ему захотелось поскорее уйти.

За пределами богорощи холод набросился на него словно волк. Пригнув голову от ветра, Теон шел вдоль вереницы свечей и факелов в Великий Чертог. Снег хрустел под сапогами; капюшон, мешавший кому-то из призраков заглянуть Теону в лицо, сдуло.

В Винтерфелле полным-полно призраков. Это уже не тот замок, который запомнился ему в летнюю пору юности. Теперь это развалина, пристанище мертвецов и ворон. Двойная крепостная стена устояла — гранит не поддается огню, — но на башнях и других зданиях почти не осталось кровель, а некоторые и вовсе обрушились. Огонь пожрал дерево и тростник, стекла побились, тепличные растения, которые могли бы кормить замок всю зиму, погибли на холоде. Во дворе стоят заметенные снегом палатки: Русе Болтон разместил здесь свое войско и солдат своих друзей Фреев. Все дворы, подвалы и разрушенные строения заполнены до отказа.

Крышей успели покрыть только казарму и кухню, откуда теперь сочится дымок. Из всех красок в замке остались лишь серая и белая, цвета Старков. Дурным это считать знаком или хорошим?

Небо и то серое; всё серое, куда ни глянь, кроме глаз невесты. Они у нее карие, и их наполняет страх. Напрасно она обратилась к нему как к спасителю. Что он ее, на крылатом коне увезет, как герой сказок, которыми Санса с Джейни когда-то заслушивались? Он и себе-то помочь не в силах. Вонючка — он Вонючка и есть.

По всему двору развешаны заиндевевшие трупы тех, кто самовольно заселил замок. Люди Болтона, выгнав их из нор, где те ютились, повесили самых дерзких, а остальных поставили на работу. «Будьте прилежны, и я окажу вам милость», — сказал лорд Болтон. Первым делом они воздвигли новые ворота на месте сожженных и подвели под крышу Великий Чертог. Когда работники управились со всеми порученными делами, лорд Болтон их тоже повесил. Слова он не нарушил и милость им оказал: ни с одного не снял кожу.

К этому времени подошло остальное войско. Над стенами Винтерфелла, где гулял северный ветер, подняли оленя и льва короля Томмена, а под ним — дредфортского человека с содранной кожей. Теон прибыл в замок с леди Дастин, ее барроутонскими вассалами и невестой. Леди Барбри настояла, что будет опекать леди Арью

вплоть до ее замужества, — теперь ее полномочия кончились. Девушка, произнеся подобающие слова, стала принадлежать Рамси и сделала его лордом Винтерфелла. Он не причинит ей зла, если Джейни ничем его не прогневает… Нет, не Джейни. Арья.

Руки Теона ныли даже в подбитых мехом перчатках — особенно досаждали недостающие пальцы. Неужели женщины когда-то млели от его ласк? Он объявил себя принцем Винтерфелла, оттуда все и пошло. Думал, что о его подвигах будут петь и рассказывать не меньше ста лет. Но его прозвали Теоном Переметчивым; если рассказы и ходят, то лишь о его предательстве. А ведь Винтерфелл так и не стал для него родным домом: он жил здесь заложником, и тень большого меча всегда разделяла их с лордом Эддардом. Лорд обращался с ним хорошо, но не проявлял никаких нежных чувств, зная, что воспитанника, возможно, однажды придется убить.

Теон, опустив глаза, пробирался между палатками. На этом дворе он обучался быть воином, сражался с Роббом и Джоном Сноу под надзором старого сира Родрика. Тогда пальцы еще были целы, и он охватывал рукоять меча без труда. Со светлыми воспоминаниями уживаются мрачные:

именно здесь он собрал людей Старка в ту ночь, когда Бран и Рикон бежали из замка. Рамси, который тогда сам назывался Вонючкой, стоял рядом и шептал ему на ухо, что недурно бы кое с кого кожу содрать: тогда челядинцы мигом скажут, куда девались мальчишки. «Пока Винтерфеллом правлю я, кожу ни с кого не сдерут», — заявил Теон, не ведая, как мало ему остается править. Он знал этих людей полжизни, а они не захотели ему помочь. Тем не менее он защищал и замок, и его домочадцев, пока Рамси, отбросив личину Вонючки, не перебил их. Дружина Теона тоже вся полегла; последнее, что ему запомнилось, был его конь Улыбчивый, с горящей гривой и обезумевшими глазами. Здесь, на этом самом дворе.

Вот и двери Великого Чертога — новые, наспех сколоченные. Охранявшие их копейщики кутались в меховые плащи, бороды у них обледенели. Теона, толкнувшего правую створку и проскользнувшего внутрь, они проводили завистливыми взглядами.

В чертоге, к счастью, было тепло. Ярко горели факелы, и такого количества народу Теон здесь еще никогда не видел. На скамьях сидели впритирку, и даже лордам и рыцарям выше соли места досталось меньше обычного.

Абель у помоста бренчал на лютне и пел «Прекрасные девы лета». Лорд Мандерли привез музыкантов из Белой Гавани, но певцов среди них не было — тут-то Абель и явился к воротам с лютней и шестью женщинами. «Две моих сестрицы, две дочки, жена и матушка, — представил их он, хотя фамильного сходства между ними не наблюдалось. — Они и танцуют, и поют, и белье стирать могут. Одна играет на волынке, другая на барабане».

Сам он тоже неплохо играл и пел — лучшего в этих руинах не приходилось искать.

На стенах висели знамена: разномастные конские головы Рисвеллов, ревущий великан дома Амберов, каменная рука Флинтов, лось Хорнвудов, водяной Мандерли, черный топор Сервинов, сосны Толхартов. Яркие полотнища не полностью скрывали обгоревшие дочерна стены и забитые досками оконные дыры, зато новехонькие стропила еще не успели покрыться копотью.

Самые большие знамена располагались за высоким столом: лютоволк позади невесты, человек с содранной кожей позади жениха. Знамя Старков поразило Теона не меньше, чем карие глаза молодой. Вместо него здесь полагалось бы висеть гербу дома Пулей: голубое блюдо на белом поле,

окаймленное серой лентой.

— Теон Переметчивый, — сказал кто-то.

Многие отворачивались, когда он шел мимо, а то и плевались. Как же иначе. Он предательски взял Винтерфелл, убил своих названых братьев, выманил своих земляков из Рва Кейлин на лютую смерть, уложил названую сестру в постель лорда Рамси. Русе Болтону он, возможно, и пригодится еще, но у прочих северян вызывает только заслуженное презрение.

А тут еще походка — из-за покалеченной левой ноги он ковылял, точно краб. Женщина смеется… даже в этой замороженной обители смерти есть женщины. Прачки — так их называют, чтобы не употреблять некрасивого слова «шлюхи».

Непонятно, откуда они берутся — просто появляются, как черви на трупе или воронье после битвы. Одни опытные, способные принять за ночь двадцать мужчин и перепить любого из них, другие — что твои невинные девы. Есть и походные женки: совершит такая венчальный обряд с солдатом перед одним из богов, а после войны он ее тут же бросит. Ночью она с ним спит, утром латает ему сапоги, вечером стряпает ужин. Убьют его — обберет мертвеца. Некоторые и впрямь занимаются стиркой, за многими тас-

каются хвостом грязные ребятишки. И такая вот баба смеется над ним, Теоном! Ничего, пусть. Его гордость погибла здесь, в Винтерфелле: в темницах Дредфорта ей не место. Того, кто знал поцелуй свежевального ножа, смех перестает ранить.

По праву рождения он занимает место на конце высокого стола, у стены. По левую руку от него сидит леди Дастин, как всегда в черном, без единого украшения, по правую нет никого. Боятся, как бы на них его бесчестье не перекинулось.

Русе Болтон предложил здравицу в честь леди Арьи.

— В ее детях два наших древних рода соединятся, и вражде между Старками и Болтонами будет положен конец. — Он говорил так тихо, что все примолкли, насторожив слух. — Жаль, что наш добрый друг Станнис опаздывает, — это вызвало смех, — Рамси так надеялся поднести его голову в дар леди Арье. — Смех усилился. — Когда он явится, мы окажем ему достойный прием, как настоящие северяне, а пока будем есть, пить и веселиться. Зима вот-вот нагрянет, друзья мои, и немногие из нас доживут до весны.

Еду и напитки для свадебного стола привез с собой лорд Белой Гавани. Пиво — хочешь темное, хочешь светлое, не говоря уж о винах, приве-

зенных с юга и выдержанных в его глубоких подвалах. Гости поглощали рыбные пироги, тыкву, репу, сыр, горячую баранину, жареные говяжьи ребра. Вскоре настал черед трех свадебных пирогов величиной с тележное колесо. Внутри у них чего только не было: морковка, лук, та же репа, грибы, свинина в густой подливе. Рамси резал их своим фальшионом, а подавал сам лорд Виман: первые порции лорду Русе и его толстухе-жене, урожденной Фрей, следующие сиру Хостину и сиру Эйенису, сыновьям Уолдера Фрея.

— Такого вы еще не пробовали, милорды, — приговаривал он. — Запивайте его борским золотым и смакуйте каждый кусочек, мой вам совет.

Сам он умял шесть ломтей, по два от каждого пирога, и причмокивал, и оглаживал свой живот. В бороде у него застряли крошки, камзол украсился пятнами соуса. Даже Толстая Уолда, съевшая три куска, не могла угнаться за ним. Рамси тоже уплетал за обе щеки, а вот молодая ни кусочка не проглотила. Когда она поднимала глаза, Теон видел, что они по-прежнему полны страха.

Мечи в чертог не допускались, но каждый мужчина, даже Теон Грейджой, имел при себе кинжал, чтобы резать им мясо. Глядя на бывшую

Джейни Пуль, он чувствовал на боку холодок стали. Спасти ее он не может, а вот убить — чего проще. Пригласить леди на танец и перерезать ей горло, свершить доброе дело. А если старые боги смилуются, то Рамси и его на месте убьет. Смерти Теон не боялся: в подземельях Дредфорта он испытал куда более страшные муки. Этого урока, который Рамси преподавал ему палец за пальцем, он не забудет до конца своих дней.

— Ты ничего не ешь, — заметила леди Дастин.

— Не хочется… — Слишком мало зубов у него осталось во рту, чтобы получать удовольствие от еды. Пить легче, хотя чашу тоже приходится обеими руками держать.

— Напрасно. Такого свиного пирога, если верить нашему толстому другу, мы еще не едали. — Леди повела чашей в сторону лорда Мандерли. — Видел ты когда-нибудь столь счастливого толстяка? Чуть не пляшет и сам подает тарелки.

Лорд Белой Гавани в самом деле являл собой портрет дородного весельчака — он смеялся, хлопал других лордов по спинам и заказывал музыку.

— Спой нам «Конец ночи», певец, — я знаю, невесте понравится. А не то поведай об отважном Данни Флинте, чтобы мы все прослезились.

— Можно подумать, что это он новобрачный.

— Он попросту пьян, — проронил Теон.

— Страх свой топит, несчастный трус.

Трус? Теон не был в этом уверен. Сыновья Вимана, такие же толстые, не посрамили себя в бою.

— На Железных островах тоже принято пировать перед битвой. Близость смерти придает жизни особую сладость. Если Станнис придет сюда…

— Придет, куда денется, — усмехнулась леди. — И когда это случится, толстяк намочит штаны. Его сына убили на Красной Свадьбе, а он делит хлеб-соль с Фреями, принимает их у себя, обещает одному из них свою внучку и подает им пирог. В старину Мандерли бежали на Север с юга, отдав свои земли и замки врагу, а кровь всегда окажет себя. Не сомневаюсь, что толстяк охотно перебил бы нас всех, только духу, несмотря на обилие плоти, у него не хватает. Под всем этим жиром бьется сердце столь же трусливое, как… как и твое.

Это хлестнуло Теона, будто кнутом, но ответить столь же хлестко он не посмел. Охота была платить собственной шкурой за дерзости.

— Если миледи думает, что лорд Мандерли замышляет измену, об этом следует сказать лорду Болтону.

— По-твоему, Русе не знает? Глупости. Посмотри, как он следит за Мандерли, и заметь: он не притронется ни к чему, пока лорд Виман не отведает это первым. Не пригубит вина, пока тот не выпьет из того же бочонка. Русе будет только в радость, если толстяк попытается нас предать. Он ведь бесчувственный, Болтон. Пиявки, которых он так обожает, давно высосали из него все страсти. Любовь, ненависть, горе — для него всего лишь игра. Одни охотятся с гончими, другие с ястребами, третьи бросают кости, а Русе играет людьми. Тобой, мной, Фреями, Мандерли, новой толстушкой-женой, даже своим бастардом; все мы фигуры в его игре. — Леди Барбри подставила слуге чашу и жестом велела ему наполнить чашу Теона. — Ему, по правде говоря, одного лордства мало. Почему бы не королевство? Тайвин Ланнистер мертв, Цареубийца — калека, Бес в бегах. Ланнистеры кончились, а от Старков Болтона любезно избавил ты. Старый Уолдер Фрей не будет против, если его крошку Уолду сделают королевой Севера. Возражения могут последовать со стороны Белой Гавани, но я почему-то не думаю, что лорд Виман переживет грядущую битву — и Станнис тоже. Русе уберет их, как убрал Молодого Волка, и кто же тогда останется?

— Вы, — ответил Теон. — Леди Барроутона, вдова Дастина, урожденная Рисвелл.

— Да, — согласилась довольная леди Барбри, — я могла бы ему помешать. Русе, конечно, тоже об этом знает и потому старается меня ублажить.

Она хотела сказать еще что-то, но тут в лордову дверь за помостом вошли трое мейстеров — один длинный, другой пухлый, третий совсем юнец, но похожие, как три серые горошины из одного стручка. Медрик до войны служил лорду Хорнвуду, Родри — лорду Сервину, молодой Хенли — лорду Слейту. Русе Болтон призвал их всех в Винтерфелл, чтобы посылать и получать письма с воронами мейстера Ювина.

— Будь я королевой, первым делом этих серых крыс извела бы, — прошипела леди Дастин. Медрик, согнув колено, говорил что-то на ухо лорду Русе. — Шмыгают повсюду, питаются объедками лордов, шушукаются друг с дружкой и нашептывают разное своим господам — непонятно только, кто из них господа, а кто слуги. У каждого большого лорда есть мейстер, каждый мелкий мечтает его иметь. Если у тебя его нет, ты вроде как ничего и не значишь. Серые крысы читают и пишут письма даже неграмотным лордам — как тут поймешь, не прибавили ли они что-нибудь

от себя? Какая вообще от них польза, скажи на милость?

— Они врачуют, — сказал Теон.

— Это да. В хитрости им не откажешь. Когда мы слабы и наиболее уязвимы, они тут как тут. Иногда они излечивают больных и принимают от нас благодарность, иногда оказываются бессильны и утешают скорбящих, за что мы опять-таки благодарны. В знак благодарности мы даем им место под своим кровом и допускаем ко всем своим постыдным тайнам. Без их совета не обходится ничего — глядь, и завладел советник браздами правления. С лордом Рикардом Старком именно так и произошло. Его крысу звали мейстером Валисом. Умно, не правда ли, что они даже при поступлении в Цитадель обходятся лишь одним именем? Никто не знает, кто они на самом деле и откуда взялись — но если покопаться, то можно выяснить. Нашего мейстера Валиса до того, как он выковал свою цепь, звали Валисом Флауэрсом. Флауэрсами, Хиллами, Риверсами, Сноу мы называем бастардов, чтобы отметить их, но они ловко избавляются от своих прозвищ. Матерью Валиса была некая девица Хайтауэр, а отцом, как поговаривали, архимейстер из Цитадели. Серые крысы не столь целомудренны, как хотят нам

внушить, а хуже всех староместские. Отец-то и пристроил его в Винтерфелл, лить медовую отраву лорду Рикарду в уши. Брак с Талли, вот он чего добивался…

— Друзья мои, — произнес Русе Болтон, поднявшись с места. В чертоге воцарилась тишина, столь глубокая, что Теон слышал ветер, задувающий в щели заколоченных окон. — Станнис и его рыцари вышли из Темнолесья под знаменем своего нового красного бога. За ними едут горные кланы на лохматых конях. Через две недели, если погода продержится, они могут быть здесь. По Королевскому тракту идет Амбер Воронье Мясо, с востока — Карстарк. Они намерены встретиться с лордом Станнисом у стен этого замка и взять Винтерфелл.

— Надо выступить им навстречу! — вскричал сир Хостин Фрей. — Зачем позволять им соединиться?

«Затем, что предатель Арнольф Карстарк только и ждет знака от лорда Болтона», — мысленно ответил Теон. Болтон между тем вскинул руки, призывая подающих советы лордов к молчанию.

— Не будем обсуждать это в чертоге, милорды, соберемся в горнице. Сын мой тем часом скрепит свой брак, а остальные пусть едят досыта и пьют

допьяна.

Лорд Дредфорта вышел в сопровождении мейстеров; другие лорды и капитаны поднялись вслед за ним. Старый Хозер Амбер по прозвищу Смерть Шлюхам был хмур как туча, лорд Мандерли так напился, что из чертога его выводили четверо крепких мужчин.

— Спой нам про Повара-Крысу, певец, — бубнил он.

Леди Дастин собралась выйти в числе последних. Теон только теперь понял, как много он выпил. Вставая из-за стола, он выбил штоф из рук подавальщицы и залил красным вином свои бриджи и сапоги.

В плечо впилась чья-то пятерня, твердая, как железо.

— Постой, Вонючка, — сказал Алин-Кисляй, дыша на него гнилыми зубами. С ним были Желтый Дик и Дамон-Плясун. — Рамси велит тебе проводить его невесту в опочивальню.

Теона пробрала дрожь. Он уже сыграл свою роль — чего еще Рамси от него хочет? Возражать он, понятно, не стал.

Лорд Рамси уже покинул чертог. Молодая сидела, съежившись, под знаменем дома Старков и держала обеими руками серебряный кубок — не

раз осушенный, судя по ее взгляду. Думает, видно, что вино облегчит ее муки; надо было прежде Теона спросить.

— Пойдемте, леди Арья, пора исполнить свой долг.

Шестеро бастардовых ребят сопровождали их через двор в большой замок. В спальню лорда Рамси, одну из комнат, которые пожар почти не затронул, вели три лестничных марша. Дамон по дороге насвистывал, Свежевальщик хвастал, что лорд Рамси обещал подарить ему кровавую простыню.

Опочивальню обставили новой мебелью, доставленной в обозе из Барроутона, кровать с пуховой периной завесили пологом красного бархата, каменный пол застлали волчьими шкурами. В очаге горел огонь, на столе у кровати — свеча. На буфет поставили винный штоф и две чаши, положили полкруга белого с прожилками сыра.

Лорд Рамси ждал их в резном кресле из черного дуба с красной кожей на сиденье.

— А вот и моя сладкая женушка. Спасибо, ребята. Ступайте, только Вонючка пускай останется.

Отсутствующие пальцы — один на правой руке, два на левой — свело судорогой. Кинжал тяжелил

пояс. На правой недостает только мизинца, нож Теон еще способен держать.

— Жду ваших приказаний, милорд.

— Ее подарил мне ты, так разверни свой подарок. Посмотрим, какова из себя дочь Неда Старка.

«Какая там дочь! Рамси знает, не может не знать — что за игру он затеял?» Девушка дрожала всем телом, словно лань.

— Прошу вас, повернитесь спиной, леди Арья, — я распущу шнуровку у вас на платье.

— Слишком долго, — бросил Рамси, подливая себе вина. — Разрежь.

Теон вынул кинжал. Теперь он понял замысел Рамси — довольно было вспомнить Киру с ключами. Лорд искушает Теона поднять на него нож, чтобы потом содрать кожу с преступной руки.

— Стойте смирно, миледи. — Теон вспорол юбку и повел лезвие вверх, стараясь не задеть кожу. Шерсть и шелк распадались, уступая ножу. Девушка так тряслась, что пришлось ухватить ее выше локтя, насколько левая рука позволяла. — Смирно.

Платье упало к ее ногам.

— Белье тоже, — приказал Рамси.

Обнажились маленькие острые груди, узкие

девичьи бедра, тонкие ножки. Совсем ребенок… Теон и забыл, как она юна. Ровесница Сансы, Арья еще моложе. В комнате, несмотря на огонь, было холодно, бледная кожа Джейни покрылась мурашками. Девушка подняла ладони к груди, но Теон сказал одними губами «нет», и она опустила руки.

— Ну, Вонючка, что скажешь?

Какого он ждет ответа? «Все говорили, что я хорошенькая…» Сейчас никто бы так не сказал. На спине видны тонкие линии — ее били плетью.

— Хороша, милорд, чудо как хороша.

Мокрые губы Рамси расплылись в улыбке.

— Что, Вонючка, стоит у тебя? Хочешь взять ее первым? Принц Винтерфелла имеет на это право, как все лорды когда-то. Только ты-то не лорд, верно? Даже и не мужчина. — Рамси швырнул чашу в стену, и по камню растеклись красные реки. — Ложись в постель, Арья, вот так. И ноги раздвинь, поглядим на твою красоту.

Теон отступил к двери. Рамси, сев к жене на кровать, запустил внутрь два пальца. У нее вырвался страдальческий вздох.

— Суха, как старая кость. — Рамси отвесил жене пощечину. — Мне сказали, ты знаешь, как сделать мужчине приятное. Соврали, выходит?

— Н-нет, милорд. Меня н-научили.

— Поди сюда, Вонючка, приготовь ее для меня.

— Милорд, так ведь я же…

— Языком, дубина. И шевелись: если она не увлажнится, пока я раздеваюсь, я твой язык отрежу и к стенке прибью.

Из богорощи донесся крик ворона. Теон убрал кинжал в ножны.

«Вонючка-Вонючка, навозная кучка».

Страж

— Покажите нам эту голову, — сказал принц.

Арео Хотах провел рукой по гладкому ясеневому древку своей секиры. Все это время он пристально следил за белым рыцарем Бейлоном Сванном и его спутниками, за песчаными змейками, рассаженными по разным столам, за лордами и леди, за слугами, за старым слепым сенешалем, за молодым мейстером Милесом с шелковой бородкой и подобострастной улыбкой. Со своего места наполовину на свету, наполовину в тени он хорошо видел всех и каждого. Служить, защищать, повиноваться — таков его долг.

Взоры всех остальных были устремлены на ларец черного дерева с серебряными петлями и застежками. Красивая вещь, но его содержимое может привести многих из собравшихся в Старом Дворце к скорой смерти.

К сиру Бейлону, шурша мягкими туфлями, приблизился мейстер Калеотт. На его новой великолепной мантии чередовались желтые, коричневые и красные полосы. Он с поклоном принял ларец у белого рыцаря и отнес к помосту, где сидел в своем кресле на колесах Доран Мар-

телл между дочерью Арианной и наложницей покойного брата Элларией. Сто свечей наполняли воздух сладкими ароматами, отражаясь в перстнях лордов, украшениях дам и начищенных до блеска медных доспехах Арео Хотаха.

В чертоге стало так тихо, будто весь Дорн затаил дыхание. Мейстер Калеотт поставил ларец у ног принца Дорана. Столь ловкие обычно, а теперь будто онемевшие пальцы открыли замки, откинули крышку. Внутри лежал череп. Кто-то откашлялся, одна из двойняшек Фаулер шепнула что-то другой. Эллария Сэнд молилась, закрыв глаза.

А сир-то Бейлон напрягся, будто натянутый лук. Он не так высок и хорош собой, как прежний белый рыцарь при дорнийском дворе, зато крепче, шире в груди, и руки его бугрятся мускулами. Белоснежный плащ застегнут у горла серебряной пряжкой с двумя лебедями, один из слоновой кости, другой из оникса. Похоже, они дерутся? Их владелец, по всему видно, тоже боец — с ним управиться было бы потруднее, чем с тем, другим. Он не устремился бы прямо на секиру Арео, а прикрылся бы щитом и заставил Арео первым напасть. Ну что ж… секира не зря наточена так, что ею можно бриться.

Череп скалился, лежа в своем гнезде из черного фетра. Все черепа скалятся, но этот как-то веселее других. И больше. Капитан отродясь не видел таких громадных голов. Тяжелый нависший лоб, массивная челюсть, все белое, как плащ сира Бейлона.

— Положите на пьедестал, — приказал со слезами на глазах принц.

Пьедесталом служила черная мраморная колонна на три фута выше мейстера Калеотта. Маленький пухлый мейстер встал на цыпочки, но дотянуться не смог. Арео Хотах хотел помочь, но его опередила Обара Сэнд. Грозная даже без всегдашнего своего кнута, в мужских бриджах и длинной полотняной рубахе с поясом из медных солнц. Бурые волосы стянуты позади в узел. Выхватив череп из мягких рук мейстера, она водрузила его на колонну.

— Гора больше не скачет, — мрачно проронил принц.

— Он умер в муках, сир Бейлон? — прощебетала Тиена Сэнд. Таким голоском девица обычно спрашивает, идет ли ей новое платье.

— Несколько дней кричал в голос, миледи, — с заметной неохотой ответил ей белый рыцарь. — Слышно было по всему Красному Замку.

— Это вас огорчает, сир? — осведомилась леди Ним в одеянии из прозрачного желтого шелка. Столь откровенный наряд смущал сира Бейлона, но Хотах его полностью одобрял: платье показывало, что десятка ножей на Нимерии, против обыкновения, нет. — Сир Григор, как всем известно, был лютым зверем и заслужил страдания больше кого бы то ни было.

— Возможно, и так, миледи, — сказал Бейлон Сванн, — но сир Григор как рыцарь должен был умереть со сталью в руке. Смерть от яда — гнусная смерть.

Леди Тиена только улыбнулась на это. Ее обманчиво скромное платье с кружевными рукавами в кремовых и зеленых тонах Хотаха не обманывало. Зная, что эти белые ручки опасны не меньше мозолистых рук Обары (а то и больше), он не спускал глаз с ее пальцев.

— Леди Ним права, сир Бейлон, — нахмурился принц. — Если кто и заслуживал мучительной смерти, так это Клиган. Он зверски убил мою дорогую сестру и размозжил голову ее сына о стену. Я молюсь, чтобы теперь, когда он горит в аду, Элия и ее дети обрели наконец покой. Дорн давно уже требовал правосудия, и я счастлив, что дожил до этого дня. Наконец-то Ланнистеры

рассчитались со старым долгом, оправдав свою похвальбу.

Здравицу вместо принца провозгласил Рикассо, слепой сенешаль.

— Лорды и леди! Поднимем чаши за короля Томмена, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, властителя Семи Королевств!

Слуги начали наполнять чаши крепким дорнийским вином — темным как кровь, сладким как месть. Капитан никогда не пил на пирах, а страдающему подагрой принцу мейстер Милес готовил особый напиток, приправленный маковым молоком.

Белый рыцарь и его спутники выпили, как требовала учтивость. Выпили также принцесса Арианна, лорд Джордейн, леди Дара Богов, Рыцарь Лимонной Рощи, леди Призрачного Холма и даже Эллария Сэнд, возлюбленная принца Оберина, бывшая с ним в Королевской Гавани в час его гибели. Хотах обращал больше внимания на тех, кто не пил: сира Дейемона Сэнда, лорда Тремонда Гаргалена, близнецов Фаулер, Дагоса Манвуди, Уллеров с Адова Холма, Вайлов с Костяного Пути. Если будет заваруха, начнет ее кто-то из них. Дорн подвержен раздорам; многие его лорды, поль-

зуясь недостаточной твердостью руки принца Дорана, готовы начать открытую войну с Ланнистерами и мальчиком на Железном Троне.

Главные смутьянки — песчаные змейки, незаконные дочери покойного Оберина, Красного Змея. Три из них присутствуют на пиру. Доран Мартелл — мудрейший правитель, и не капитану гвардии ставить под сомнение то, что решил его принц, но Арео все же не мог взять в толк, зачем было освобождать из-под стражи Обару, Нимерию и Тиену.

Тиена в ответ на здравицу молвила нечто язвительное, леди Ним отмахнулась, Обара вылила полную до краев чашу на пол и вышла из зала, когда служанка стала подтирать лужу. Арианна, попросив извинения, вышла следом за ней — ну, это пусть, против маленькой принцессы Обара свою ярость не обратит. Они кузины и крепко любят одна другую.

Пир под председательством черепа на колонне затянулся до поздней ночи. Перемен было семь в честь семерых богов и семи королевских гвардейцев. Суп с яйцом и лимоном; длинные зеленые перцы, фаршированные луком и сыром; пирог с угрями; каплуны в меду; сом с Зеленой Крови, который к столу несли четверо слуг; жаркое из семи

видов змей, приправленное драконьим перцем, красными апельсинами и толикой яда. Хотах, и не пробуя, знал, что это очень острое блюдо. За ним последовал шербет для охлаждения языков, а на сладкое каждому гостю подали сахарный череп, начиненный вишнями, сливами и кремом.

Арианна вернулась к перцам. Маленькая принцесса теперь стала женщиной — на это указывал алый шелк ее платья. Изменилась она и в другом. Ее замысел короновать Мирцеллу потерпел крах, ее белый рыцарь погиб от руки Хотаха, саму принцессу заточили в башню Копье, а перед самым освобождением отец поведал ей некую тайну — какую именно, Хотах не знал. Все это вместе взятое вразумило принцессу.

Принц отвел дочери почетное место между собою и белым рыцарем. Арианна улыбнулась, садясь, и сказала что-то на ухо сиру Бейлону. Рыцарь не потрудился ответить. Хотах заметил, что ест он мало: ложку супа, кусочек перца, каплунью ножку, немного рыбы. Пирог он вовсе презрел, жаркое только отведал, но при этом сильно вспотел. Капитан испытывал к нему сострадание, памятуя, как дорнийская еда припекала язык и кишки ему самому. Давно это было — теперь Хотах, конечно, уже привык.

Увидев перед собой белый череп, рыцарь плотно сжал губы и долго смотрел на принца, стараясь понять, не насмешка ли это. Доран ничего не заметил, но принцесса заметила и сказала:

— Повар решил пошутить, сир Бейлон. Для дорнийцев даже в смерти нет ничего святого — вы ведь на нас не рассердитесь? — Ее пальчики слегка притронулись к руке Сванна. — Надеюсь, вам понравилось в Дорне?

— Нас везде принимали очень радушно, миледи.

Арианна потрогала пряжку с двумя драчливыми лебедями.

— Я так люблю лебедей. По эту сторону Летних островов нет птиц красивее их.

— Ваши павлины могли бы это оспорить.

— Павлины — существа горделивые и тщеславные. То ли дело кроткие лебеди, как белые, так и черные.

Сир Бейлон, кивнув, пригубил вино. Он поддается соблазну не так легко, как сир Арис. Тот, несмотря на взрослые годы, был сущий мальчик, а этот — мужчина, знающий что к чему. Сразу видно, что ему здесь не по себе. Это понятно: Хотах чувствовал то же самое, приехав сюда много лет назад со своей принцессой. Бородатые

жрецы обучили его общему языку Вестероса, но дорнийцы так трещали, что он ни слова не понимал. Дорнийки казались ему распутными, вино кислым, еда острой до невозможности, а солнце здесь грело куда жарче, чем в Норвосе.

Сир Бейлон проделал не столь долгий путь, но препятствий встретил немало. Посольство у них весьма многочисленное: трое рыцарей, восемь оруженосцев, двадцать латников, не считая конюхов и прочей челяди. В каждом дорнийском замке им оказывали королевский прием, устраивая пиры и охоты, но в Солнечном Копье их не встретили ни принцесса Мирцелла, ни сир Арис Окхарт. Сванн чувствует, что дело неладно, да и присутствие песчаных змеек должно тревожить его. Возвращение Обары ему, вероятно, — что уксус на рану. Старшая змейка села на свое место надутая и с тех пор ни слова не вымолвила.

Близилась полночь, когда принц Доран сказал:

— Сир Бейлон, я прочел привезенное вами письмо нашей королевы, да славится имя ее. Знакомо ли вам его содержание?

— Да, милорд, — снова напрягся рыцарь. — Ее величество предупредила, что я, возможно, буду сопровождать ее дочь обратно в Королевскую Гавань. Король Томмен скучает по сестре и хочет,

чтобы она хоть ненадолго приехала ко двору.

— Мы все так полюбили Мирцеллу, сир, — с печальной миной вставила Арианна. — Они с моим братом Тристаном неразлучная пара.

— Принца Тристана тоже просят пожаловать. Уверен, что король Томмен захочет с ним познакомиться — у его величества так мало друзей, подходящих ему по возрасту.

— Узы, завязанные в детстве, держатся порою всю жизнь, — сказал принц Доран. — Тристан, вступив в брак с Мирцеллой, станет Томмену братом. Королева Серсея совершенно права: им следует познакомиться и подружиться. Дорну будет недоставать Тристана, но нужно же мальчику когда-нибудь повидать мир за пределами Солнечного Копья.

— В Королевской Гавани его встретят со всем радушием.

Почему он так потеет, этот сир Бейлон? В чертоге прохладно, а к жаркому он почти не притронулся.

— Что до других дел, о которых упоминает королева Серсея, — продолжал принц, — то место Дорна в малом совете и впрямь пустует после смерти моего брата — давно пора заполнить его. Льщу себя надеждой, что ее величеству пригодил-

ся бы мой скромный совет, но не знаю, достанет ли у меня сил для столь долгого путешествия. Что, если бы мы отправились морем?

— Морем? — опешил сир Бейлон. — Не опасно ли это, мой принц? Осень, как я слышал, пора штормов, а пираты на Ступенях…

— Да, ваша правда, сир… лучше ехать сушей, как вы. Завтра в Водных Садах мы обо всем скажем принцессе Мирцелле. Она, конечно, тоже скучает по брату и очень обрадуется.

— Мне не терпится снова ее увидеть. И посетить ваши Водные Сады — я слышал, они весьма красивы.

— Да, там царят красота и мир, — сказал принц. — Прохладный бриз, искрящиеся воды и детский смех — это самое любимое мое место, сир. Сады создал один мой предок, чтобы избавить свою невесту из дома Таргариенов от духоты и пыли Солнечного Копья. Звали ее Дейенерис, и она была сестрой короля Дейерона Доброго — именно этот брак сделал Дорн одним из Семи Королевств. Все знали, что она любит побочного брата короля, Дейемона Черное Пламя, а он любит ее, но у короля достало мудрости пренебречь желаниями близких ему людей ради народного блага. Сначала сады стали местом игр для детей

Дейенерис, потом к маленьким принцам и принцессам прибавились дети лордов и рыцарей. Однажды, в особенно знойный день, принцесса допустила к прудам и фонтанам также детей своих челядинцев — так с тех пор и повелось. А теперь, сир, прошу меня извинить. — Принц выехал на кресле из-за стола. — Час поздний, а в дорогу отправляться чуть свет. Поможешь мне лечь, Обара? Вы, Нимерия и Тиена, тоже идите — пожелаете своему старому дяде спокойной ночи.

Обаре поневоле пришлось взяться за кресло и покатить его по длинной галерее в горницу принца. Следом шли ее сестры, Арео Хотах, принцесса Арианна и Эллария Сэнд. Замыкал процессию мейстер Калеотт, прижимавший к себе, как ребенка, череп Горы.

— Не намерен же ты всерьез отправить Тристана с Мирцеллой в королевскую Гавань? — Обара шагала быстро, клацая деревянными колесами по каменным плитам пола. — Если ты это сделаешь, девчонки мы уже не увидим, а твой сын станет заложником Железного Трона.

— За дурака меня держишь, Обара? Есть вещи, которые лучше не обсуждать у всех на слуху, но если будешь помалкивать, я поведаю тебе кое-что, чего ты не знаешь. И помедленнее, сде-

лай такую милость: мое колено точно ножом пронзают.

Обара сбавила шаг.

— Что же ты в таком случае будешь делать?

— То же, что и всегда, — промурлыкала ее сестрица Тиена. — Медлить, темнить и увиливать. У кого это получается лучше, чем у нашего дядюшки?

— Ты несправедлива к нему, — заметила Арианна, а принц сказал:

— Помолчите.

Когда двери горницы благополучно закрылись за ними, он развернул кресло к женщинам. Мирийское одеяло, застряв между спицами, обнажило костлявые ноги с красными распухшими коленями и багровыми пальцами. У Арео Хотаха, видевшего это тысячу раз, заново сжалось сердце.

— Позволь, отец, — сунулась к нему Арианна, но принц вытащил одеяло сам. Ноги уже три года как отказали ему, но в руках и плечах еще сохранилось немного силы.

— С этим по крайней мере я справиться могу.

— Наперсточек макового молока, мой принц? — предложил мейстер.

— При такой боли разве ведро поможет. Не

надо: моя голова должна оставаться ясной. Ты не понадобишься мне до утра.

— Дай-ка мне. — Обара забрала череп у Калеотта и стала разглядывать, держа на вытянутой руке. — Почем нам знать, что это Гора? Могли бы просто засмолить голову — зачем обдирать ее до костей?

Мейстер вышел, а Ним сказала:

— Смола испортила бы ларец. Никто не видел, как умер Гора, никто не видел, как с него сняли голову… Но зачем этой коронованной суке обманывать нас? Если Григор Клиган жив, правда рано или поздно выйдет наружу. Росту в нем восемь футов, другого такого нет во всем Вестеросе. Не хочет же Серсея Ланнистер прослыть лгуньей во всех Семи Королевствах, да и чего она могла бы добиться такого рода подлогом?

— Череп большой, спору нет, — сказал принц, — и нам известно, что Оберин тяжело ранил Григора. Во всех последующих донесениях говорилось, что Клиган медленно и мучительно умирает.

— Отец того и хотел, — вставила Тиена. — Я даже знаю, каким он ядом воспользовался: Клиган при всей своей огромности умер бы от самой малой царапины. Если вы не верите мне, то в талантах нашего батюшки можно не сомневаться.

— Я и не сомневалась. — Обара нежно поцеловала череп. — Что ж, для начала неплохо.

— Для начала? — удивилась Эллария. — По мне, так это конец. Они все мертвы: Тайвин Ланнистер, Роберт Баратеон, Амори Лорх, а теперь и Григор Клиган. Все, кто был виновен в убийстве Элии и ее детей. Даже Джоффри, который в ту пору еще не родился. Я сама видела, как он умер, раздирая себе горло ногтями. Чьей еще смерти ты хочешь? Неужели Мирцелла и Томмен тоже должны умереть, чтобы упокоились тени Эйегона и Рейенис?

— Конец будет омыт кровью, как и начало, — сказала Ним. — Это кончится, когда Бобровый Утес расколется пополам и солнце выжжет гадов, которые там гнездятся. Кончится полным крахом всех начинаний Тайвина Ланнистера.

— Он умер от руки родного сына, чего тебе больше?

— Чтобы он умер от моей руки, вот чего. — Леди Ним села, перекинув через плечо черную косу. Волосы у нее на лбу росли мысом, как у отца, красные губы улыбались. — Тогда бы его смерть не была такой легкой.

— Сиру Григору одиноко, — добавила Тиена сладким септинским голоском. — В компании

было бы веселее.

Из глаз Элларии хлынули слезы, но от этого она не перестала быть сильной.

— Оберин хотел отомстить за Элию, вы трое хотите отомстить за отца. Напомню вам, что у меня самой четыре дочери, и они ваши сестры. Элии четырнадцать, она почти взрослая. Обелле двенадцать, она вот-вот расцветет. Они обожают вас, а Дорея с Лорезой — их. Должны ли Эль и Обелла мстить за вас в случае вашей гибели? Должны ли младшие мстить за них и будет ли, спрошу еще раз, конец всему этому? Я видела, как погиб ваш отец: его убил он. — Эллария положила ладонь на череп Горы. — Что мне теперь — в постель его с собой уложить? Будет он смешить меня, петь мне песни, заботиться обо мне в старости?

— Чего вы от нас хотите, миледи? — спросила в свою очередь леди Ним. — Чтобы мы сложили копья и забыли о причиненном нам зле?

— Война будет, хотим мы того или нет, — подхватила Обара. — На Железном Троне сидит ребенок. Лорд Станнис держит Стену и собирает северян под свое знамя. Две королевы дерутся за Томмена, как собаки за кость. Железные Люди заняли Щиты и вторгаются по Мандеру в самое сердце Простора — стало быть, и в Хайгардене

неспокойно. Враги наши разобщены: время приспело.

— Время собирать черепа? Хватит с меня, не желаю больше этого слушать, — вскричала Эллария.

— Ступай к дочкам, — сказал ей принц. — С ними ничего не случится, клянусь тебе.

— Да, мой принц. — Эллария поцеловала его в лоб и вышла. «Жаль, — подумал Арео. — Хорошая она женщина».

— Она любила отца, я знаю, — сказала Ним, — но никогда не понимала его.

— Побольше твоего понимала, Нимерия, — возразил принц. — Благодаря ей он был счастлив. Любящее сердце в конечном счете значит больше, чем доблесть и честь, однако есть то, чего Элларии знать не следует. Война уже началась.

— Стараниями нашей милой Арианны, — засмеялась Обара.

Принцесса вспыхнула, по лицу принца прошла гневная судорога.

— Она не для себя одной старалась. Ради вас тоже. Нечего насмехаться.

— Я сказала это ей в похвалу. Сколько бы ты ни крутил и ни темнил, дядя, сир Бейлон все равно встретится с Мирцеллой в Водных Садах и сразу

увидит, что у нее недостает уха. А уж когда девочка расскажет ему, как твой капитан развалил Ариса Окхарта надвое…

— Все было совсем не так. — Арианна поднялась с подушки, на которой сидела, и взяла Хотаха за руку. — Сира Ариса убил Герольд Дейн.

— Темная Звезда? — Песчаные змейки переглянулись.

— Именно. Он и принцессу Мирцеллу хотел убить — вот что от нее услышит сир Бейлон.

— Это, во всяком случае, правда, — улыбнулась Нимерия.

— Все остальное тоже. — Принц поморщился — от боли или от лжи? — После этого сир Герольд снова скрылся в своем Горном Приюте, где нам его не достать.

— Темная Звезда… почему бы и нет, — хихикнула Тиена. — Только поверит ли в это сир Бейлон?

— Поверит, если ему об этом скажет Мирцелла, — твердо сказала принцесса.

— Вечно она лгать не будет, — фыркнула Обара, — рано или поздно проговорится. Если сир Бейлон вернется с этой историей в Королевскую Гавань, ударят барабаны и потечет кровь. Его ни в коем случае нельзя отпускать.

— Если мы убьем его, то придется перебить весь

их отряд, — вздохнула Тиена, — в том числе и красивых юных оруженосцев. Нехорошо как-то.

Принц Доран зажмурился на мгновение. Его ноги дрожали под одеялом.

— Не будь вы дочерьми моего брата, я отправил бы вас обратно в тюрьму и держал бы там до седых волос. Вместо этого вы поедете в Водные Сады с нами. Авось научитесь кое-чему, если ума хватит.

— Что такого поучительного в голых детишках?

— В них-то и суть. Я не все рассказал сиру Бейлону. Дейенерис, глядя, как они плещутся, поняла, что не может отличить высокородных детей от простых. Голенькие — все они просто дети: невинные, беззащитные, нуждающиеся в любви и опеке. «Помни об этом всегда», — сказала она своему сыну и наследнику. Те же слова сказала мне моя мать, когда я подрос и покинул пруды. Копья созвать нетрудно, но расплатятся за все дети. Мудрый правитель должен помнить о них и не начинать войн, которые не надеется выиграть.

Я не слеп, не глух и знаю, что вы обо мне думаете. Ваш отец знал меня лучше. Оберин был змеем, опасным созданием, на которое никто не смел

наступить, а я был травой. Мягкой шелковистой травкой, что колеблется на ветру. Ее никто не боится, но именно в траве змей прячется перед тем, как напасть. Мы с ним были гораздо ближе, чем вы полагаете. Теперь его нет, и я спрашиваю: способны ли дочери моего брата заменить мне его?

Хотах переводил взгляд с одной на другую. Обара, точно из вареной кожи склепанная, близко посаженные сердитые глазки и бурые волосы. Томная Нимерия с оливковой кожей и черной косой, перевитой проволокой красного золота. Женщина-ребенок Тиена, белокурая голубоглазая хохотушка.

Она и ответила за всех трех:

— Нет ничего проще, дядя. Поручи нам что-нибудь, все равно что, и увидишь, что большей верности и покорности ни один принц пожелать не может.

— Рад слышать, но слова — это ветер. Вы мои племянницы, я люблю вас, однако опыт подсказывает, что доверять вам нельзя. Вам придется дать клятву. Клянетесь ли вы служить мне и выполнять все, что я прикажу?

— Если это необходимо, — сказала Ним.

— Да. Клянитесь могилой отца.

— Не будь ты моим дядей… — помрачнела

Обара.

— Я твой дядя и принц. Клянись или выйди вон.

— Клянусь могилой отца, — сказала Тиена.

— Клянусь именем Оберина Мартелла, — сказала Ним. — Именем Красного Змея Дорна, настоящего мужчины в отличие от тебя.

— Я тоже, — сказала Обара. — Клянусь. Именем отца.

Принцу, на взгляд Хотаха, чуть-чуть полегчало.

— Скажи им, отец, — произнесла Арианна, взяв протянутую ей отцовскую руку.

Принц испустил долгий прерывистый вздох.

— У Дорна есть еще друзья при дворе. Они сообщают нам о том, чего мы знать не должны. Приглашение Серсеи — всего лишь хитрость. Тристан до Королевской Гавани не доедет. Где-то на Королевском тракте отряд сира Бейлона атакуют разбойники, и мой сын умрет. Меня самого приглашают только затем, чтобы я увидел это нападение своими глазами и не мог упрекнуть королеву ни в чем. Разбойники будут кричать «полумуж», и сир Бейлон, возможно, заметит среди них Беса.

Арео Хотах ошибался, думая, что песчаных

змеек ничем не проймешь.

— Да спасут нас Семеро, — прошептала Тиена. — Что им сделал Тристан?

— Эта женщина, должно быть, свихнулась! — рявкнула Обара. — Детей убивать!

— Чудовищно, — молвила Ним. — Не могу поверить, что рыцарь Королевской Гвардии может быть способен на нечто подобное.

— Они дали присягу повиноваться, как и мой капитан, — сказал принц. — Я тоже сомневался, но все вы видели, как засуетился сир Бейлон, когда я предложил ехать морем. Морское путешествие разрушило бы весь план королевы.

— Верни мне копье, дядя, — попросила Обара. — Серсея прислала нам одну голову, мы отошлем ей много.

Принц вскинул руку с темными и крупными, как вишни, костяшками.

— Сир Бейлон — мой гость, отведавший моего хлеба-соли. Я не причиню ему зла. Мы съездим в Водные Сады, где он выслушает Мирцеллу и пошлет ворона к своей королеве. Девочка попросит его предать смерти изувечившего ее человека, и Сванн, если он таков, как мне думается, ей не откажет. Ты, Обара, проводишь его к Горному Приюту. Время открыто выступить против

Железного Трона еще не пришло, и Мирцеллу придется-таки вернуть матери, но вместо меня с ней поедет Нимерия. Ланнистерам это придется по вкусу не более, чем приезд Оберина, однако возразить они не посмеют. Нам нужен голос в их совете, ухо при их дворе. Будь осторожна: Королевская Гавань — настоящее змеиное гнездо.

— Я люблю змей, дядя, — улыбнулась Ним, а Тиена спросила:

— Что ты прикажешь мне?

— Твоя мать была септой — Оберин говорил, что она читала тебе Семиконечную Звезду еще в колыбели. Ты тоже отправишься в Королевскую Гавань, только на другой холм. Звезды и Мечи возрождены вновь, и новый верховный септон не пляшет под дудку Серсеи, как плясали его предшественники. Постарайся сблизиться с ним.

— Почему бы и нет? Белое мне к лицу. Я в нем так непорочна…

— Вот и славно. — Принц помолчал. — Если здесь… кое-что случится, я пришлю весть каждой из вас. В игре престолов все меняется быстро.

— Знаю, вы не подведете нас, сестры. — Арианна обошла песчаных змеек, целуя каждую в губы. — Свирепая Обара, родная Нимерия, милая Тиена, я всех вас люблю. Пусть светит вам солнце

Дорна.

— Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся, — хором ответили змейки.

Когда они ушли, принцесса Арианна осталась; Хотах, разумеется, тоже.

— Истые дочери своего отца, — сказал принц.

— Оберины с титьками, — улыбнулась принцесса, и Доран засмеялся. Хотах уж и забыл, как звучит его смех.

— Все-таки в Королевскую Гавань следует ехать мне, а не леди Ним, — сказала Арианна.

— Слишком опасно. Ты моя наследница, будущее Дорна. Твое место рядом со мной. Скоро я и тебе кое-что поручу.

— Есть ли новости относительно того… самого главного?

— Из Лисса, — многозначительно улыбнулся принц. — Туда зашел большой флот, чтобы пополнить запасы пресной воды. В основном волантинские корабли, и ни слова, кто они и куда направляются. Слонов, говорят, везут.

— А драконов?

— Слышно только о слонах, но молодого дракона в трюме когга спрятать нетрудно. На море Дейенерис уязвимей всего. На ее месте я скрывал бы свои намерения как можно дольше и прича-

лил к Королевской Гавани неожиданно.

— Ты думаешь, Квентин с ними?

— Об этом мы узнаем, лишь когда они высадятся, — если они и впрямь идут в Вестерос. Квентин мог бы провести ее по Зеленой Крови… Но что толку в пустых разговорах. Поцелуй меня; как рассветет, поедем в Сады.

«Хорошо бы к полудню-то выбраться», — думал Хотах, укладывая принца в постель.

— Мой брат стал первым и единственным дорнийцем, павшим на Войне Пяти Королей, — тихо произнес Доран. — Как по-твоему, капитан — позорит это меня или честь мне делает?

— Не могу знать, мой принц. — «Служить. Защищать. Повиноваться». Простые обеты для простых душ, больше он ничего ведать не ведает.

Джон

Вель ждала у ворот на предутреннем холоде — в медвежьем плаще, который и Сэму был бы впору. Рядом стоял оседланный серый конек с бельмом на глазу, тут же топталась доблестная охрана — Малли и Скорбный Эдд.

— Ты дал ей слепого коня? — изумился Джон.

— Кривого, милорд, — обиделся Малли. — А так-то он крепкий.

— У меня оба глаза зрячие, — заметила Вель. — Я знаю, куда мне ехать.

— Напрасно ты это, миледи. Риск…

— …целиком мой. Я не южанка какая-нибудь, я женщина вольного народа и знаю лес получше твоих разведчиков. Для меня в нем призраков нет.

Хорошо бы. Джон надеялся, что она добьется успеха там, где провалился Черный Джек Бульвер со своими товарищами. Одичалые ее скорее всего не тронут, но оба они знают, что в лесу нужно опасаться не одних одичалых.

— Еды у тебя достаточно?

— Сухари, твердый сыр, овсяные лепешки, соленая треска, говядина, баранина и мех сладкого

вина, чтобы запить эту соль. С голоду не умру.

— Ну, тогда в путь.

— Я вернусь непременно, лорд Сноу. С Тормундом или без него. Обещаю. — Вель взглянула на небо с половинкой луны. — Жди меня в первую ночь полнолуния.

— Уговор. — Хоть бы не подвела, иначе Станнис с него голову снимет. «Даешь слово беречь принцессу?» — спросил король. Джон дал, но Вель не принцесса — он это Станнису сто раз повторял. Плохое оправдание — отец бы не одобрил его, — однако лучше, чем совсем никакого. «Я меч, защищающий царство людей, — сказал себе Джон, — ради этого можно и слово нарушить».

В туннеле под Стеной было холодно, как во чреве ледяного дракона. Эдд шел впереди с факелом, Малли отпирал все трое ворот с чугунными прутьями толщиной в руку. Часовые отдавали честь Джону, пяля глаза на Вель.

На северной стороне, за новой дверью из сырого дерева, принцесса одичалых помедлила. Вот оно, снежное поле, где король Станнис выиграл свою битву, а за ним ждет тихий и темный Зачарованный лес. Луна посеребрила медовые волосы Вель, выбелила ей щеки.

— Как сладок здесь воздух, — сказала она.

— Да? У меня язык замерз, никакого вкуса не чувствую. Очень уж холодно.

— Разве ж это холод? Настоящий холод — это когда дышать больно. Вот придут Иные…

«Чур нас!» Шестеро его разведчиков до сих пор не вернулись. Рано еще, твердил себе Джон, но внутренний голос говорил, что они все мертвы. Он послал их на смерть, а теперь и Вель посылает.

— Перескажи Тормунду все, что сказал тебе я.

— Перескажу, а уж послушает он или нет — его воля. — Вель чмокнула его в щеку. — Спасибо тебе, лорд Сноу. За кривого коня, за соленую треску, за вольный воздух. А пуще всего — за надежду.

Пар от их дыхания слился в единый клуб.

— Лучшей благодарностью будет…

— Тормунд Великанья Смерть. Знаю. — Вель подняла бурый, тронутый инеем капюшон. — Еще один вопрос напоследок: это ты убил Ярла, милорд?

— Ярла убила Стена.

— Я тоже так слышала, но удостовериться не мешает.

— Я его не убивал, даю слово. — Хотя мог бы, сложись все по-другому.

— Что ж, прощай в таком разе, — почти игриво

бросила Вель, но Джон был настроен серьезно.

— Мы прощаемся ненадолго. У тебя много причин, чтобы вернуться сюда, и первая из них — мальчик.

— Сын Крастера? Кто он мне? — пожала плечами девушка.

— Ты пела ему, я слышал.

— Я просто так пела — хочешь слушай, хочешь нет. — Легкая улыбка тронула ее губы. — Он слушает. И смеется. Ладно, ладно: он славный уродец.

— Уродец?

— Молочное имя — надо ж как-то его называть. Смотри береги его, как ради матери, так и ради меня. И не подпускай к нему красную женщину. Она знает, кто он: она много всего видит в огне.

— Золу и угли, — сказал Джон, надеясь ради Арьи, что Вель права.

— Королей и драконов.

Снова драконы. На миг Джон сам как будто увидел их черные крылья на фоне пламени.

— Если б она видела, то сразу раскрыла бы нашу подмену и забрала сына Даллы. Одно словечко на ухо королю, и конец. — В том числе и лорду-командующему. Станнис наверняка счел бы это изменой. — А она позволила его увезти.

— Может, это ее устраивало. Огонь коварен, никто не знает, куда он повернет. — Вель вдела ногу в стремя, села в седло. — Помнишь, что сказала тебе сестра?

— Помню. — «Колдовство — что меч без рукояти, просто так в руки его не возьмешь». Но и Мелисандра тоже права: меч без рукояти лучше, чем совсем ничего, когда ты окружен врагами.

— Вот и ладно. — Вель повернула коня головой на север. — Стало быть, в первую ночь полнолуния. — Джон смотрел ей вслед, не зная, увидит ли ее вновь. Ничего. Она не южанка какая-нибудь, она женщина вольного народа.

— Не знаю, как ей, а мне так больно дышать, — пробурчал Скорбный Эдд, когда она скрылась за гвардейскими соснами. — Я б совсем не дышал, но от этого еще хуже. Добром это не кончится, нет.

— Ты так всегда говоришь.

— Да, милорд, и обычно бываю прав.

— Милорд, — кашлянул Малли, — вы вот отпустили принцессу одичалых, а люди…

— Люди скажут, что я сам одичалый наполовину, перебежчик, который хочет продать страну разбойникам, великанам и людоедам. — Тут и в огонь глядеть нет нужды, а хуже всего то, что это отчасти правда. — Слова — ветер, а ветер у Стены

не унимается никогда. Пошли обратно.

Было еще темно, когда Джон вернулся к себе. Призрак до сих пор охотился — последнее время он отлучался все чаще и уходил все дальше. Между Черным Замком и Кротовым городком дичь, и без того малочисленная, пропала совсем. Зима близко, и неизвестно, доживут ли они до весны.

Скорбный Эдд, сбегав на кухню, принес завтрак и кружку эля. Под крышкой обнаружились яичница из трех утиных яиц, кусочек ветчины, две колбаски, кровяной пудинг и половина еще теплого каравая. Пока Джон ел хлеб и яичницу, ворон умыкнул ветчину и взлетел с добычей на притолоку.

— Ворюга, — сказал ему Джон.

— Ворюга, — согласился с ним ворон.

Джон попробовал колбасу и поспешил запить ее элем. В это время Эдд доложил, что пришел Боуэн Мурш, а с ним Отелл и септон Селладор.

Быстро же слухи распространяются. Любопытно знать, кто их осведомляет — один человек или несколько.

— Проси.

— Да, милорд. Присмотрите за колбасой, с виду они голодные.

Джон бы так не сказал. Септону срочно требо-

валось опохмелиться, первый строитель, похоже, что-то не то съел, Мурш явно злился — щеки у него раскраснелись не от мороза.

— Присаживайтесь, — пригласил Джон. — Не хотите ли откушать со мной?

— Мы уже завтракали, — сказал Мурш.

— От добавки не откажусь, спасибо, — сказал Ярвик, садясь к столу.

— Разве что винца чарочку, — сказал септон.

— Зерна, — высказал пожелание ворон.

— Вина септону, завтрак первому строителю, — приказал Джон Эдду. — Птице ничего не давай. Итак, вы пришли по поводу Вель.

— И не только, — сказал Мурш. — Люди обеспокоены, милорд.

Кто, спрашивается, уполномочил вас говорить от их имени?

— Я тоже. Отелл, как продвигаются работы в Твердыне Ночи? Я получил письмо от сира Акселла Флорента, именующего себя десницей королевы. Королева Селиса недовольна своим помещением в Восточном Дозоре и желает немедленно переехать в новую резиденцию. Возможно это?

— Мы восстановили почти весь замок, подвели кухню под крышу. Жить там можно, хотя и не

с теми удобствами, что в Восточном Дозоре. Ей нужны будут мебель, дрова, съестные припасы. До гавани тоже далековато, если ее величество пожелает уехать, а так ничего. Понадобятся, конечно, годы, чтобы эта развалина стала похожа на настоящий замок. Будь у меня больше людей…

— Могу предложить великана.

— То чудовище во дворе? — ахнул Ярвик.

— Кожаный говорит, что зовут его Вун Вег Вун Дар Вун. Язык сломаешь, ясное дело. Кожаный его называет Вун-Вун, тот вроде бы откликается. — Вун-Вун мало походил на злобных великанов из сказок старой Нэн, подмешивавших кровь в утреннюю овсянку и съедавших быка с рогами и шкурой. Мяса он не ел вовсе, хотя корзину с луком и сырой репой уминал за один присест. — Он хороший работник, если втолковать ему, что он должен делать, но это непросто: на старом языке он кое-как изъясняется, а на общем — ни бум-бум. Зато неутомим и силен — дюжины строителей стоит.

— Так ведь они говорят, людоеды… нет уж, милорд, увольте. И стеречь его некому.

— Как хотите, — не стал настаивать Джон. — Оставим его себе. — Ему, по правде сказать, не хотелось расставаться с Вун-Вуном. «Ничего ты

не знаешь, Джон Сноу», — сказала бы Игритт, но он часто беседовал с новым обитателем замка при посредстве Кожаного или одичалых из рощи и много чего узнал об истории великанов. Жаль, Сэма нет — он бы все это записал.

При этом Джон хорошо сознавал, что Вун-Вун опасен и может запросто разорвать человека надвое. Из Ходора, если увеличить его вдвое и сделать в полтора раза умнее, вышел бы как раз такой великан. Даже септон Селладор трезвеет, на него глядя, но если Тормунд приведет с собой других великанов, Вун-Вун поможет с ними договориться.

Ворон Мормонта выразил свое неудовольствие: дверь снова отворилась, впустив Эдда с винным штофом и тарелкой еды для Ярвика. Боуэн Мурш с заметным нетерпением дождался, когда стюард опять вышел.

— Толлетта в замке любят, а Железный Эммет показал себя хорошим мастером над оружием — однако вы, по слухам, хотите услать их прочь.

— В Бочонке хорошие люди тоже нужны.

— Теперь эту крепость прозвали Шлюшником, но будь по-вашему. Правда ли, что вы намерены заменить Эммета этим дикарем Кожаным? Пост мастера над оружием всегда занимали рыцари,

на худой конец разведчики.

— Кожаный в самом деле дикарь, не спорю. Каменным топором он орудует, как иной рыцарь кованной в замке сталью. Он не слишком терпелив, и мальчишки его боятся, но это, возможно, к лучшему. Пусть освоятся со страхом, прежде чем встретиться с настоящим врагом.

— Он одичалый.

— Теперь уже нет. Присягнув, он стал нашим братом. От него молодежь может научиться не только боевым навыкам, но и основам старого языка, и обычаям вольного народа.

— Вольный, — сказал ворон. — Зерно. Король.

— Люди не доверяют ему.

«Что за люди и сколько их?» — мог бы спросить Джон, но не стал углубляться в нежеланный для него разговор и сказал лишь:

— Мне жаль это слышать.

— Насчет Атласа, милорд, — подал голос септон. — Вы, я слышал, хотите взять его стюардом вместо Толлетта, но он ведь распутник… накрашенный мужеложец из староместских притонов.

«Уж ты бы помолчал, выпивоха».

— Кем он был в Староместе, нас не касается. Он быстро учится и очень умен. Поначалу другие

новобранцы гнушались им, но он сумел подружиться с ними. Атлас бесстрашен в бою и даже немного грамотен… С тем, чтобы носить мне еду и седлать моего коня, он уж как-нибудь справится.

— Возможно, — с каменным лицом произнес Мурш, — но людям это не нравится. Лорды-командующие всегда брали в оруженосцы юношей высокого рода, чтобы те учились командовать. Хотите, чтобы братья Ночного Дозора шли в бой за шлюхой?

— С ними случалось и худшее, — вспылил Джон. — Старый Медведь оставил для своего преемника кое-какие заметки, так вот. Повар из Сумеречной Башни прежде насиловал септ и после каждого преступления выжигал семиконечную звезду у себя на теле. Его ноги до колен и левая рука от плеча до локтя сплошь усеяны звездами. Один парень в Восточном Дозоре поджег отчий дом и подпер дверь снаружи — в огне погибла вся семья из девяти человек. Чем бы ни занимался в Староместе Атлас, теперь он наш брат и будет моим стюардом.

Септон выпил, Отелл подцепил кинжалом колбаску, Мурш сидел красный как рак, ворон захлопал крыльями и сказал:

— Зерно, зерно. Убей.

— Вашей милости, конечно, виднее, — заговорил снова лорд-стюард, — но могу ли я спросить о трупах в ледовых камерах? Люди волнуются, а вы еще и часовых к ним приставили. Зачем это нужно, если вы только не опасаетесь, что они…

— Оживут? Очень на это надеюсь.

— Да спасут нас Семеро. — Септон чуть не захлебнулся вином. — Лорд-командующий, упыри — суть богомерзкая нечисть. Неужто вы намерены говорить с ними?

— Разве они наделены даром речи? Может, и так — не знаю. Эта нечисть раньше была людьми, и нам неведомо, сколько человеческого осталось в них после смерти. Тот, кого убил я, покушался на лорда Мормонта — помнил, стало быть, кто это и где его можно найти. — Мейстер Эйемон понял бы Джона и Сэм Тарли тоже, хотя и пришел бы в ужас. — Мой лорд-отец говаривал, что своих врагов нужно знать. Мы мало знаем об упырях, а об Иных еще меньше — не пора ли разжиться кое-какими сведениями?

Им это не понравилось. Септон, держась за кристалл у себя на шее, сказал:

— По-моему, это крайне неразумно, лорд Сноу. Я буду молиться, чтобы светлая лампада Старицы наставила вас на путь истинный.

— Нам бы всем это не помешало, — вышел из терпения Джон. — «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу». — Не перейти ли нам к Вель?

— Значит, это правда, что вы ее отпустили? — спросил Мурш.

— Да. За Стеной.

— Королевский трофей, — ахнул септон. — Его величество будет вне себя, узнав, что ее здесь нет.

— Она вернется. — Еще до возвращения Станниса, если боги смилуются.

— Почем вы знаете? — Опять Мурш.

— Она так сказала.

— А если она солгала? Если с ней что-то случится?

— Тогда вы сможете выбрать лорда-командующего, который вас больше устроит — но пока, уж не взыщите, придется терпеть меня. — Джон выпил эля. — Я поручил ей найти Тормунда Великанью Смерть и передать ему мое предложение.

— Можно узнать, какое?

— То же, что я сделал жителям Кротового городка. Еда, пристанище и мир, если он соединится с нами против общего врага и поможет нам держать Стену.

Мурша это, похоже, не удивило.

— Вы хотите впустить его к нам. Открыть ворота сотням и тысячам его воинов.

— Вряд ли у него столько осталось.

Септон осенил себя знаком звезды, Ярвик пробурчал что-то, Мурш произнес:

— Многие назвали бы это государственной изменой. Они одичалые. Дикари, убийцы, насильники, настоящие звери.

— Тормунд заслуживает таких имен не больше, чем Манс-Разбойник. И будь вы даже целиком правы, они все-таки люди, Боуэн. Такие же, как мы с вами. Зима близко, милорды, и когда она придет, всем живым придется стать плечом к плечу против мертвых.

— Сноу, — проскрежетал ворон. — Снег, снег.

— Мы допросили одичалых, найденных в роще, — продолжал Джон. — Они рассказывают любопытные вещи о некоей лесной ведьме, называемой Мать Кротиха.

— Вот так имечко!

— Она вроде бы живет в норе под дуплистым деревом, но суть не в том. Ей было видение: корабли, пришедшие перевезти вольный народ через Узкое море. Тысячи тех, кто пережил битву, поверили ей, и она увела их в Суровый Дом — молиться и ждать спасения.

— Я, конечно, не разведчик, — нахмурился Отелл Ярвик, — но Суровый Дом считается проклятым местом. Даже ваш дядя, лорд Сноу, так говорил. Что им там делать?

Джон повернул к ним лежащую на столе карту.

— Суровый Дом стоит в укромной бухте, доступной даже для больших кораблей. Леса и камня для построек там сколько угодно, рыбы полно, есть лежбища морских коров и тюленей.

— Так-то оно так, но я бы там ни единой ночи не желал провести. Вы же знаете, что рассказывают.

Джон знал. Суровый Дом мог уже называться городом, единственным городом к северу от Стены, но однажды, шестьсот лет назад, там совершилось страшное. Жителей, смотря чему верить, увезли в рабство или забили на мясо, а город сожгли; зарево было такое, что часовые на Стене подумали, будто солнце взошло на севере. После этого на Зачарованный лес и Студеное море чуть не полгода сыпался пепел. Торговцы нашли на месте прежнего Сурового Дома пожарище. В бухте плавали трупы, из пещер в утесе, что высился над городком, слышались душераздирающие крики.

С той роковой ночи шесть столетий назад Суро-

вого Дома чурались. Разведчики уверяли, что там водятся демоны и кровожадные привидения.

— Мне бы тоже не хотелось там поселиться, — сказал Джон, — но Мать Кротиха говорила, что на месте, которые все почитали проклятым, вольный народ ждет спасение.

— Спасение могут даровать только Семеро, — чопорно заявил септон. — Эта ведьма их всех обрекла на смерть.

— И спасла, может быть, Стену, — заметил Мурш. — Это и есть тот враг, о котором мы говорим. Пусть себе молятся на пожарище, и если их боги пошлют корабли, чтобы переправить свой народ в лучший мир, я только порадуюсь. В этом мире мне их кормить нечем.

Джон согнул и разогнул пальцы правой руки.

— Галеи Коттера Пайка иногда ходят мимо Сурового Дома. Он говорит, что там нет никакого укрытия, кроме пещер — кричащих пещер, как их называют. Все, кто пошел за Матерью Кротихой, обречены на гибель от голода и холода. Сотни и тысячи.

— Сотни врагов. Тысячи одичалых.

«Тысячи человек, — мысленно возразил Джон. — Мужчины, женщины, дети». Подавив гнев, он холодно произнес:

— Вы слепы или просто не желаете ничего видеть? Что, по-вашему, будет, когда все эти так называемые враги умрут?

— Умрут, умрут, — пробубнил ворон над дверью.

— Позвольте мне просветить вас на этот счет. Мертвые, сотни и тысячи, поднимутся вновь и пойдут на нас. Сотни и тысячи упырей, синеглазых и черноруких. — Джон встал, продолжая работать пальцами. — Я вас более не задерживаю.

Септона прошиб пот, Ярвик одеревенел.

— Благодарим, что уделили нам время, милорд, — сказал бледный Боуэн Мурш, и все трое вышли.

Тирион

Нрав у свинки был мягче, чем у многих лошадей, на которых он ездил. Она только взвизгнула тихонько, когда Тирион взобрался ей на спину, и стояла смирно, пока он вооружался копьем и брал щит — а как только он взял поводья, сразу тронула с места. Звали ее Милкой и ходить под седлом приучали с поросячьего возраста.

Клацая расписными деревянными доспехами, Тирион поскакал по палубе. Подмышки у него взмокли, на лицо из-под слишком большого шлема стекла струйка пота. Ни дать ни взять Джейме, выезжающий на турнир в сверкающих золотом латах.

Иллюзия рассеялась, когда вокруг начали реготать. Он не турнирный боец, просто карлик с палкой верхом на свинье, увеселяющий пропитавшихся ромом матросов. Отец в преисподней бесится, Джоффри хихикает. Тирион видел их не менее ясно, чем команду «Селасори кхоруна».

А вот и противник — Пенни на серой собаке, полосатое копье колеблется в такт скачке. У нее щит и доспехи красные — краска кое-где облупилась, — у Тириона синие. Верней, не у него, а у

Грошика. Тирион ни при чем.

Он пришпорил пятками Милку под крики и свист моряков. Непонятно, подбадривают они его или насмехаются, — и зачем только он поддался на уговоры Пенни?

Ясно зачем. Вот уже двадцать дней корабль болтается на Горестном Пути среди полного штиля. Команда в дурном настроении — когда весь ром выйдет, они вконец взбеленятся. Латанием парусов, заделыванием щелей и рыбалкой их на весь день не займешь. Джорах Мормонт уже слышал разговоры о том, что карлик не принес им удачи. Кок еще порой треплет Тириона по голове в надежде на ветер, остальные встречают его злобными взглядами. Пенни после выдумки кока, что удачу можно вернуть, потискав грудь карлицы, и того хуже приходится. Он же, подхватив шутку Тириона, стал звать Милку Сальцем, и в его устах это звучит куда как зловеще.

«Надо их рассмешить, — толковала Пенни, — тогда они забудут, что мы не такие, как они. Ну пожалуйста». И он как-то незаметно дал себя убедить. Из-за рома, должно быть. Капитанское вино вышло первым, а ромом, как открыл Тирион Ланнистер, можно напиться гораздо быстрее.

В итоге он напялил на себя Грошиковы доспе-

хи, сел на Грошикову свинью, и сестра Грошика обучила его правилам шутовского турнира. Что за ирония, ведь когда-то Тирион чуть головы не лишился, отказавшись сесть на собаку по приказу племянника… А впрочем, верхом на свинье иронизировать трудновато.

Пенни двинула его копьем в плечо, он ударил своим по ее щиту. Она усидела, он, как и полагалось, упал.

Со свиньи, казалось бы, падать просто — только не с этой. Тирион, помня уроки Пенни, свернулся в комок, но все-таки ушибся и прикусил язык до крови. Как будто ему снова двенадцать, и он ходит колесом по столу в чертоге Бобрового Утеса. Тогда его хоть дядя Герион похвалил, а матросы и смеются-то будто нехотя — не сравнить с хохотом, который стоял на свадебном пиру Джоффри при выезде Пенни и Грошика.

— Гнусный ты коротышка, Безносый, и скверный ездок, — заорал кто-то с юта. — Надо было девчонке сперва тебя разогреть. — Деньги на него поставил, наверное… Ладно, Тирион и не такое слыхал.

Подняться в деревянных латах было непросто. Он ерзал по палубе, как перевернутая на спину черепаха, но это даже хорошо — смех сделался

громче. Жаль ногу не сломал, вот была бы потеха. А в том нужнике, где он пустил стрелу в пах отцу, они бы сами обосрались со смеху. Все, что угодно, лишь бы их ублажить.

Джорах Мормонт наконец сжалился и поставил карлика на ноги.

— Что ты как дурак.

«Что, что… Так задумано было, вот что».

— Кем я, по-твоему, должен казаться, сев на свинью? Героем?

— Потому я, верно, и не сажусь на свиней.

Тирион снял шлем, сплюнул за борт розовый сгусток.

— Мне сдается, я пол-языка себе откусил.

— В другой раз кусай крепче. На турнирах я, по правде сказать, видывал и худших бойцов.

Никак, похвала?

— Я свалился с проклятой свиньи и сам себя ранил — куда уж хуже.

— Мог бы вовсе убиться, вогнав себе щепку в глаз.

Пенни соскочила со своего скакуна по имени Хрум.

— Тут подвигов совершать не надо, Хугор, — наоборот. — Она всегда называла его Хугором при посторонних. — Главное, чтобы они смеялись и

бросали монетки.

«Тоже мне плата за кровь и ушибы».

— Значит, мы с тобой оплошали: монеты никто не бросал. — Ни пенни, ни грошика.

— Будут, когда ты освоишься. — Пенни тоже сняла шлем, открыв шапку тускло-бурых волос и нависший лоб. Глаза у нее были карие, щеки пылали. — У королевы Дейенерис на нас прольется настоящий серебряный дождь, вот увидишь.

Матросы кричали и топали, требуя повторить, — громче всех, как всегда, надрывался кок. Тирион невзлюбил его, хотя в кайвассу здесь сколько-нибудь прилично играл только он.

— Смотри, им понравилось, — заулыбалась Пенни. — Давай еще разок, Хугор.

Тириона спас окрик одного из помощников: снова шлюпки спускать. Капитан надеется поймать ветер где-нибудь ближе к северу; людям опять придется грести и тянуть когг на буксире до мозолей и боли в спине. Они эту работу терпеть не могли, и Тирион не винил их.

— Надо было вдове на галею нас посадить, — проворчал он. — Снимите с меня эти треклятые доски — одна щепка, по-моему, воткнулась мне между ног.

Этим занялся Мормонт. Пенни увела вниз жи-

вотных.

— Посоветуй своей даме хорошенько запирать дверь, — сказал сир Джорах, отстегивая пряжки на деревянном панцире. — У них только и разговору, что о ребрышках и окороках.

— Эта свинья — половина всего ее достояния.

— Гискарцы и собаку сожрут только так. — Рыцарь снял с Тириона спинной и нагрудный панцири. — Скажи ей.

— Ладно. — Тирион отлепил от груди рубашку. Хоть бы легкое дуновение, так ведь нет. Доспехи, похоже, перекрашивали раз сто; на свадьбе Джоффри, помнится, один боец имел на себе лютоволка Старков, другой — герб Станниса Баратеона. — Животные понадобятся нам, чтобы дать представление королеве. — Если матросы всерьез соберутся зарезать Милку, Тирион с Пенни не смогут им помешать, но длинный меч сира Джораха заставит по крайней мере задуматься.

— Надеешься спасти этим свою голову, Бес?

— Сир Бес, если не трудно. Да, надеюсь. Ее величество непременно полюбит меня, когда узнает получше. Я такой славный человечек и знаю так много полезного о своих родичах… Но до поры до времени ее следует забавлять.

— Своих преступлений ты не смоешь, сколько

бы ни выламывался. Дейенерис Таргариен не дурочка, кривляньями ее не проймешь. Она поступит с тобой по всей справедливости.

«Нет уж, спасибо».

— А с тобой что она сделает? Обнимет, приголубит, на плаху пошлет? — спросил Тирион и усмехнулся, видя явное замешательство рыцаря. — Думаешь, я так и поверил, что в том борделе ты был по ее поручению? Что защищал ее интересы на другом конце света? Скорей уж она тебя прогнала — не знаю только за что. Ага! Ты шпионил за ней! — прищелкнул языком карлик. — И везешь меня ей, чтобы купить прощение. Никуда не годный план, скажу я тебе, такое только спьяну придумать можно. Если б ты привез Джейме, дело другое — он убил ее отца, а я лишь своего собственного. Думаешь, Дейенерис меня казнит, а тебя помилует? Не вышло бы наоборот. Садись-ка ты сам на свинью, сир Джорах, надевай пестрые латы, как Флориан, и…

От удара в висок Тирион упал и стукнулся другим виском о палубу. Приподнявшись, он сплюнул кровь вместе с выбитым зубом. С каждым днем все краше, но на этот раз, пожалуй, сам напросился.

— Этот карлик чем-то обидел вас, сир? — спро-

сил он невинно, утирая разбитую губу тыльной стороной ладони.

— Этот карлик у меня в печенках сидит. Хочешь сохранить зубы, что еще остались во рту, — не подходи ко мне до конца плавания.

— Легко сказать. Мы ночуем в одной каюте.

— Значит, ночуй в другом месте. В трюме, на палубе, мне наплевать, — сказал рыцарь и ушел, стуча сапогами.

Пенни нашла Тириона на камбузе — он полоскал рот водой с ромом.

— Я слышала, что стряслось. Тебе больно?

— Ничего… Одним зубом меньше. Мормонта я, кажется, ранил сильнее. Защиты от него, как ни грустно, ждать теперь не приходится.

— Да что ты ему сделал? — Пенни, оторвав от рукава лоскут, занялась кровоточащей губой. — Что ты сказал?

— Пару истин, которые сиру Безоару пришлись не по вкусу.

— Вот и зря. Разве не понимаешь, что больших людей нельзя задирать? Он мог бы тебя в море бросить, а матросы лишь посмеялись бы. Шути с ними, смеши их — так мой отец говорил. Твой не учил тебя этому?

— Мой называл больших людей мелкотой, и

рассмешить его было не просто. — Тирион еще раз прополоскал рот и сплюнул. — Все ясно: мне надо учиться быть карликом. Может, ты меня поучишь между поединками и скачками на свинье?

— Охотно… Но за что все-таки сир Джорах тебя ударил?

— Всему причиной любовь — из-за нее-то я и сварил певца. — Ему вспомнились глаза Шаи, когда он закручивал цепь вокруг ее горла. Цепь из золотых рук. «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи». — Скажи, Пенни, ты девица?

— Конечно, — покраснела она. — Кто захочет…

— Вот и храни свою девственность. Любовь — безумие, похоть — яд. Так ты не окажешься в грязном борделе на Ройне со шлюхой, чем-то похожей на твою утраченную любовь. — «И не будешь странствовать в поисках места, куда отправляются шлюхи». — Сир Джорах мечтает завоевать благодарность своей королевы, но я кое-что знаю о благодарности королей: рассчитывать на нее — все равно что иметь дворец в древней Валирии. Стой. Чувствуешь? Корабль движется.

— Да. Мы снова плывем! — просияла Пенни. — Ветер… — Она бросилась к двери. — Пошли

поглядим — кто скорее?

Совсем еще девочка. Карабкается по деревянному трапу со всей быстротой, на которую способны ее короткие ножки. «Ладно, поглядим». Тирион поднялся на палубу вслед за ней.

Парус, вернувшись к жизни, вздувался и опадал, красные полоски змеились. Матросы тянули шкоты, помощники выкрикивали команды на волантинском, гребцы в шлюпках поворачивали к судну, налегая на весла. Задувший с запада ветер играл с плащами и снастями, как озорное дитя. «Селасори кхорун» вновь тронулся в путь.

Может, они еще и доберутся до Миэрина.

Тирион поднялся на ют, и вся его веселость пропала. За кормой сияла сплошная голубизна, а вот на западе… Никогда он не видел, чтобы небо было такого цвета.

— Полоска на левой половине щита, — сказал он Пенни, показывая на тучи.

— Что это значит?

— Что к нам подкрадывается очень большой ублюдок.

К ним, как ни странно, поднялись Мокорро и два его огненных пальца — обычно они показывались на палубе только в сумерки.

— Вот он, гнев божий, Хугор Хилл, — торже-

ственно изрек жрец. — С Владыкой Света шутки плохи.

— Вдова сказала, что этот корабль не дойдет до места своего назначения. Я понял это так, что капитан изменит курс и пойдет на Миэрин… или что ты со своей Огненной Рукой захватишь корабль и доставишь нас к Дейенерис. Но вашему верховному жрецу открылось нечто другое, верно?

— Верно. — Голос Мокорро звучал, как погребальный колокол. — Ему открылось вот это. — Посох жреца указывал на запад.

— О чем это вы? — растерялась Пенни.

— Да так. Сир Джорах изгнал меня из каюты — можно мне будет укрыться в твоей?

— Разумеется…

Часа три корабль мчался, подгоняемый ветром. Западный небосклон из зеленого сделался серым, а после черным. Стена темных туч бурлила, как позабытое на огне молоко. Тирион и Пенни, держась за руки, затаились у носовой фигуры, чтобы не попадаться на глаза морякам.

Этот шторм в отличие от прежнего свежести и очищения не сулил. Капитан вел корабль курсом северо-северо-восток, пытаясь отвернуть хоть немного в сторону.

Напрасная попытка. Волнение усиливалось, ветер выл как безумный, «Вонючий стюард» поднимался и падал. Позади ударила лиловая молния и прокатился гром.

— Все, пора. — Тирион взял Пенни за руку и увел вниз.

Милка и Хрум просто обезумели от страха. Пес, заливаясь лаем, сбил Тириона с ног, свинья загадила всю каюту. Пока Тирион убирал дерьмо, Пенни унимала животных.

— Мне страшно, — призналась она.

Они закрепили и привязали все, что могло оторваться. Корабль болтало со страшной силой.

Умереть можно и похуже, чем утонуть. Ее брат и его лорд-отец узнали это на собственном опыте. И лживая сучка Шая. «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи».

— Давай сыграем, — предложил Тирион. — Отвлечемся немного.

— Только не в кайвассу, — сразу сказала Пенни.

— Ладно. — Палуба вздыбилась. Какая уж тут кайвасса: фигуры будут летать по каюте и сыпаться на зверей. — Знаешь такую игру «Приди ко мне в замок»?

— Нет. Научишь?

Глупый карлик, откуда ей знать? У нее замка не было. Эта игра предназначена, чтобы знакомить высокородных детей с этикетом, геральдикой, с друзьями и врагами лорда-отца.

От качки их бросило друг на друга.

— Она нам, пожалуй, не подойдет. Не знаю, во что бы…

— Зато я знаю, — сказала Пенни и поцеловала его.

Эта неумелая ласка застала Тириона врасплох. Он схватил Пенни за плечи, чтобы оттолкнуть, но вместо этого крепко прижал к себе. Сухие губы, как кошелек скряги, не разожмешь… это и к лучшему. Он любил Пенни как друга, жалел ее, по-своему восхищался ею, но никакого желания к ней не испытывал. Обижать ее тоже не входило в его намерения: боги и его дражайшая сестрица достаточно ей навредили. Он не прерывал поцелуя, плотно стиснув собственный рот, а «Селасори кхорун» дыбился и раскачивался под ними.

Наконец она отстранилась, и Тирион увидел в ее глазах свое отражение. Помимо него, там виделся страх, немного надежды и ни капельки страсти. Она хотела Тириона не больше, чем он ее.

— В эту игру, миледи, мы тоже играть не бу-

дем. — Он приподнял ее потупленную голову за подбородок. Гром обрушился совсем близко.

— Прости… Никогда раньше не целовалась с мужчинами, но раз мы все равно тонем…

— Это было приятно, но я ведь, знаешь, женат. Она сидела рядом со мной на пиру. Леди Санса.

— Это твоя жена? Такая красавица…

«И такая изменница». Санса, Шая, все его женщины… Одна только Тиша его любила. Куда же отправляются шлюхи?

— Да. Мы с ней соединены в глазах богов и людей. Возможно, я никогда больше ее не увижу, но обязан хранить ей верность.

— Я понимаю, — отвернулась Пенни.

«Прелесть моя. Только ты по молодости своей способна поверить в столь наглую ложь».

Корабль швыряло, Милка повизгивала. Пенни подползла к свинье по полу, обняла ее, принялась утешать… Знать бы, кто из них кого утешает. Животики надорвешь, на них глядя, но смеяться почему-то не хочется. Девушка заслуживает лучшего, чем ручная свинья. Настоящий поцелуй, немного нежности — каждому человеку это положено, и большому, и маленькому. Ром из чаши весь выплеснулся. Тонуть печальным и трезвым — это уж слишком.

Потом, временами, ему даже хотелось пойти наконец ко дну. Шторм бушевал до поздней ночи, волны били в борта, как кулаки великанов-утопленников. Помощника и двух матросов смыло, кока ослепил горячий жир из котла, капитан, сброшенный с юта, сломал себе ноги. Хрум выл, лаял и огрызался, Милка опять завалила всю каюту дерьмом. Тирион не блевал только чудом, за недостатком вина, Пенни выворачивало, но он не выпускал ее из объятий. Корабль трещал, как бочонок, который вот-вот развалится.

К полуночи ветер стал наконец утихать, и море успокоилось настолько, что Тирион вылез на палубу. Увиденное мало его порадовало. Когг шел по драконову стеклу под звездной чашей, а вокруг, куда ни глянь, громоздились тучи, пронизанные голубыми и лиловыми жилами молний. Дождя не было, но палуба оставалась мокрой и скользкой.

Внизу вопил кто-то одуревший от страха, с носа слышался голос Мокорро — жрец, воздев посох над головой, громко читал молитву. Дюжина матросов и два огненных пальца возились со спутанными снастями, то ли поднимая парус, то ли спуская. Тириону это в любом случае казалось опасной затеей — как выяснилось, не зря.

Вернувшийся ветер коснулся его щеки, колыхнул мокрый парус, взвеял алые одежды Мокорро. Тирион, повинуясь инстинкту, ухватился за первую попавшуюся рейку, и вовремя. Легкий бриз почти мгновенно преобразился в ревущий шквал. Мокорро выкрикнул что-то, драконья пасть на его посохе изрыгнула зеленое пламя. Вслед за этим налетел дождь, укрыв сплошной завесой и нос, и корму. Над головой захлопал улетающий прочь парус — двое человек так и висели на нем. «О дьявол, не иначе как мачта», — подумал Тирион, услышав оглушительный треск.

Цепляясь за веревку, он подтягивался к люку, но ветер отшвырнул его на фальшборт. Дождь заливал глаза, рот снова наполнился кровью. Корабль натужился, словно сидя на толчке, и мачта разлетелась на куски.

Тирион не видел, как это произошло. Послышался новый треск, и кругом тут же засвистели осколки. Один едва разминулся с глазом, другой вонзился в шею, третий насквозь проткнул голень вместе с сапогом и штаниной. Тирион заорал, но веревку каким-то чудом не выпустил. «Этот корабль не дойдет до цели», — сказала вдова. На карлика напал смех. Он хохотал как безумный, а вокруг трещало дерево, гремел гром

и сверкали молнии.

Однако и шторму, как всему на свете, настал конец. Уцелевшие выползли на палубу, словно черви после дождя. «Селасори кхорун» сидел низко, кренясь на правый борт, корпус треснул в ста местах, трюм затопило, на месте мачты торчал расщепленный пенек ростом с карлика. Носовая фигура лишилась руки со свитками. Девять человек, в том числе один помощник, двое огненных пальцев и сам Мокорро, погибли.

Видел ли это Бенерро в своем пророческом пламени? А Мокорро?

— Пророчество похоже на злобного мула, — сказал Тирион сиру Джораху. — Доверишься ему, тут оно тебя и лягнет. Вдова знала, что корабль не дойдет до места, и говорила, что Бенерро видел это в огне, но я вбил себе в голову, что это… теперь уж не важно. Главное, что нашу мачту разнесло в щепки: теперь мы будем болтаться в проливе, пока у нас вся жратва не выйдет и мы не примемся друг за друга. Кого, по-твоему, съедят первым: свинью, собаку или меня?

— От кого шуму больше, я полагаю.

Капитан умер назавтра, кок на третью ночь. Оставшиеся кое-как удерживали разбитый корабль на плаву. По мнению помощника, при-

нявшего командование на себя, они находились где-то близ южной оконечности Кедрового острова. Он приказал спустить шлюпки и взять когг на буксир, но одна лодка затонула, а гребцы другой обрезали линь и уплыли на север, бросив корабль.

— Подлые рабы, — сказал сир Джорах. Шторм, по его собственным словам, он проспал. У Тириона на этот счет имелись сомнения, но он благоразумно помалкивал. Зубы ему еще понадобятся — вдруг придется кого-нибудь укусить. Раз Мормонт согласен забыть об их ссоре, он тоже сделает вид, будто ничего не случилось.

За девятнадцать дней дрейфа запасы провизии и пресной воды подошли к концу. Пенни сидела в каюте со свиньей и собакой. Тирион, припадая на перевязанную ногу, носил ей еду. По ночам обнюхивал рану и заодно колол ножом пальцы на руках и ногах. Сир Джорах только и делал, что точил меч. Три оставшихся пальца по вечерам исправно зажигали костер, но при этом облачались в доспехи и держали копья поблизости, и никто больше не трепал карликов по голове.

— Может, устроим турнир еще раз? — спросила Пенни.

— Лучше не надо. Не стоит напоминать им о

свинке, хотя бы и похудевшей. — Милка заметно теряла вес, от Хрума остались кожа да кости.

Ночью он снова вернулся в Королевскую Гавань с арбалетом в руке. «Куда все шлюхи отправляются», — сказал лорд Тайвин. Тирион нажал спуск, тетива запела, но стрела почему-то угодила в живот не отцу, а Пенни. Он проснулся от крика.

Палуба ходила ходуном. Где он — на «Робкой деве»? Почему так воняет свиным дерьмом? Нет, не «Дева» это. Горести остались далеко позади, как и пережитые на реке радости. Вспомнить хоть Лемору после утреннего купания, с капельками воды на коже. Единственная дева здесь — это Пенни, несчастная карлица.

Наверху, однако, что-то происходило. Тирион вылез из гамака, ища сапоги и арбалет — ну не дурак ли? Хотя жаль. Если б большие наладились его съесть, арбалет очень бы пригодился.

— Парус, — тут же объявила Пенни, поднявшаяся на палубу раньше него. — Вон он, видишь? Они нас уже заметили!

На сей раз он поцеловал ее сам: в обе щеки, в лоб и в губы. Девушка залилась краской. Большая галея шла прямо к ним, оставляя за собой пенный след.

— Что за корабль? — спросил Тирион у Мор-

монта. — Название разобрать можно?

— Название мне ни к чему. Мы под ветром, я его чую. — Мормонт обнажил меч. — Это невольничье судно.

Переметчивый

Снег пошел на закате, а к ночи повалил так густо, что луны не стало видно за белой завесой.

— Боги Севера гневаются на лорда Станниса, — объявил Русе Болтон утром, когда все собрались на завтрак в Великий Чертог. — Он здесь чужой, и старые боги хотят его смерти.

Его люди согласно взревели, молотя кулаками по длинным столам. Гранитные стены Винтерфелла, даже разрушенного, служат неплохой защитой от ветра и непогоды. Еды и питья всем хватает, сменившихся с караула встречает жаркий огонь, есть где просушить одежду и где поспать. Дров запасли на полгода, обеспечив чертогу тепло и уют, а Станнис лишен всего этого.

Теон Грейджой не присоединился к общему хору — и Фреи, как он заметил, тоже. Единокровные братья сир Эйенис и сир Хостин здесь такие же чужаки, как и Станнис. Они выросли в речных землях и такого снегопада отродясь не видали. Трех Фреев Север уже забрал: они пропали между Барроутоном и Белой Гаванью — Рамси так и не сумел их найти.

Лорд Виман Мандерли, сидя между двумя

своими рыцарями, уминал овсянку ложка за ложкой — она ему, похоже, не так по вкусу, как свадебные пироги со свининой. Однорукий Харвуд Стаут тихо беседовал с Амбером Смерть Шлюхам, похожим на труп.

Теон встал в очередь за овсянкой, разливаемой деревянными черпаками из медных котлов. Лорды и рыцари могли сдобрить кашу молоком, медом и капелькой масла; ему ничего такого не предлагали. Принцем Винтерфелла он пробыл недолго. Сыграл свою роль в комедии, отвел мнимую Арью к священному дереву — теперь он Русе Болтону больше не нужен.

— В первую мою зиму снегу выше головы навалило, — сказал человек Хорнвуда перед ним.

— Ты тогда был не выше трех футов, — заметил всадник из Родников.

Прошлой бессонной ночью Теон размышлял о побеге. Дождаться, когда Рамси с отцом будут чем-то заняты, и улизнуть… только как? Все ворота заперты и находятся под охраной: никто не выйдет из замка и не войдет в него без разрешения лорда Болтона. Тайные лазейки, даже если бы он знал о таких, тоже опасны: Теон не забыл о Кире с ее ключами. Да и куда ему бежать? Отец умер, дядям он ни к чему, Пайк для него потерян.

Единственное место, которое он мог бы назвать своим домом, — это развалины Винтерфелла.

Сломленный человек в разрушенном замке. Куда как уместно.

Он еще стоял в очереди, когда Рамси со своими ребятами ввалился в чертог и потребовал музыки. Абель протер глаза, взял лютню и запел «Дорнийскую жену»; одна из его женщин отбивала на барабане такт. Он изменил слова и вместо «дорнийки» пел «северянка».

«Как бы его за это языка не лишили, — подумал Теон, подставляя под черпак миску. — Он простой певец: если лорд Рамси сдерет ему кожу с обеих рук, никто и слова не скажет». Но лорд Русе улыбнулся, Рамси расхохотался, и все прочие последовали их примеру. Желтый Дик так ржал, что вино из носу текло.

Леди Арьи не было с мужем: она не выходила из своих комнат с самой свадебной ночи. Алин-Кисляй говорил, будто Рамси держит ее голую на цепи у прикроватного столбика, но Теон знал, что это вранье. Цепей на ней нет, во всяком случае видимых, только к двери стража приставлена. А раздевается она, лишь когда моется.

Делает она это часто, чуть ли не каждую ночь — лорд Рамси требует чистоты.

«У бедняжки нет служанок, кроме тебя, Вонючка, — смеется он. — Может, в платье тебя одеть? Я подумаю, а пока поработай-ка банщицей: не хочу, чтоб от нее воняло, как от тебя». Когда Рамси приходит охота лечь в постель со своей женой, Теон, призвав на помощь служанок леди Уолды и леди Дастин, таскает с кухни горячую воду. Леди Арья с ними не разговаривает, но синяки ее всем видны. Что ж, сама виновата: мужа ублажать надо. «Будьте Арьей, — сказал как-то Теон, помогая ей сесть в ванну, — и лорд Рамси не тронет вас. Он наказывает нас, лишь когда мы… забываемся. Мне он никогда не причинял боли без веской причины».

«Теон», — со слезами прошептала она. «Вонючка, — поправил он, тряхнув ее за руку. — Здесь я Вонючка. Запомните это, Арья». Но она ведь не настоящая Старк — она дочка стюарда, Джейни. Напрасно она ждет от него спасения. Прежний Теон Грейджой, может, ей и помог бы — но тот был железный, не чета Вонючке-подлючке.

У Рамси сейчас новая живая игрушка, но слезы Джейни скоро прискучат ему, и он снова вспомнит про Вонючку. Будет кожу с него сдирать дюйм за дюймом. Покончит с пальцами — перейдет на руки, на ступни. Отнимать их будет,

лишь когда Вонючка, обезумев от боли, попросит сам. Горячих ванн Вонючке не полагается: снова будет в дерьме валяться, и мыться ему запретят. Та одежда, что на нем, превратится в зловонные лохмотья, и носить он их будет, пока не сгниют. Лучшее, на что он может надеяться, — это вернуться на псарню к девочкам Рамси. Там теперь появилась новая сучка, Кира.

В темном углу чертога он отыскал пустую скамью. Все места ниже соли заняты хотя бы наполовину и днем и ночью: люди пьют, играют в кости, болтают, тут же и спят. Тех, кому приходит черед караулить на стенах, сержанты поднимают пинками. Но с Теоном Переметчивым никто из них рядом не сядет, да он и сам не желает с ними сидеть.

Миску с серой водянистой овсянкой он отставил, не съев и четырех ложек. За соседним столом спорили, сколько продлится метель.

— Сутки, а то и больше, — уверял большой бородатый лучник с топором Сервинов на груди. Латники постарше говорили, что это так, легкий снежок, а вот в их-то время… Пришельцы с речных земель, непривычные к снегу и холоду, только ахали. Входящие со двора вешали мокрые плащи на колышки у дверей и спешили погреть

руки у жаровен.

— Теон Грейджой, — окликнула какая-то женщина.

«Вонючка», — чуть было не поправил он.

— Чего тебе?

Она уселась на лавку верхом, откинув с глаз рыжие космы.

— Не скучно одному-то, милорд? Пойдем потанцуем.

Он взял в руки миску с остывшей кашей.

— Не хочу. — Принц Винтерфелла был отменным танцором, но Вонючка с недостающими пальцами ног лишь выставил бы себя на посмешище. — Уйди. Денег у меня нет.

— За шлюху меня принимаете? — криво усмехнулась она. Это была спутница Абеля, тощая, длинная, далеко не красотка, но в свое время Теон не отказался бы от нее — любопытно же, как эти длинные ноги тебя обхватят. — Да и деньги мне тут ни к чему. Что на них купишь, снег, что ли? Заплатите лучше улыбкой. Ни разу не видала, как вы улыбаетесь, даже на свадьбе вашей сестры.

— Леди Арья мне не сестра. — Улыбаться ему хотелось не больше, чем танцевать. Увидит Рамси — опять пару зубов вышибет. Он и так уж жует с трудом.

— Красивая девушка.

«Я, конечно, не была такой красивой, как Санса, но все говорили, что я хорошенькая», — отозвалось в голове под стук барабана. Одна из Абелевых прачек залезла на стол с Уолдером Малым и учила его танцевать.

— Уйди, — попросил Теон.

— Я милорду не по вкусу? Могу вам прислать Миртл или Холли, она всем нравится. — Женщина придвинулась ближе, от нее пахло вином. — Не хотите улыбнуться, так расскажите, как Винтерфелл взяли. Абель сложит об этом песню, и о вас будут помнить вечно.

— Как о предателе. Переметчивом.

— Почем вы знаете? Могли бы прославиться как Теон Хитроумный. Мы слышали, это был настоящий подвиг. Сколько человек с вами было — сто, пятьдесят?

«Меньше».

— Это была безумная затея.

— Однако смелая. У Станниса, говорят, пять тысяч, но Абель заявляет, что эти стены и пятьдесят не проломят. Как же вы-то умудрились, милорд? Тайный ход знали?

У него имелись веревки и крючья, а ночь и внезапность были на его стороне. Малочислен-

ных защитников замка он взял врасплох. Вслух Теон этого не сказал: если о нем и впрямь сложат песню, Рамси уж точно проткнет ему барабанные перепонки, чтобы он не слышал ее.

— Можете довериться мне, милорд. Абель вот доверяет. — Она положила на его руку в перчатке свою, огрубевшую, длиннопалую, с обгрызенными ногтями. — Вы так и не спросили, как меня звать. Я Ровена.

Теон отдернул руку. Ее, конечно, подослал Рамси, как тогда Киру с ключами. Хочет толкнуть Теона на побег, чтобы потом наказать.

Врезать бы ей как следует, сбить с лица эту насмешливую улыбку. Или поцеловать ее, взять прямо тут, на столе, чтобы она выкрикивала его имя на весь чертог. Да нет, где уж там. Не посмеет он уступить ни гневу, ни похоти. Имя ему Вонючка, и он не должен этого забывать. Теон вскочил и пошел прочь, припадая на левую ногу.

Снег, все такой же густой, тяжелый и мокрый, быстро засыпал человеческие следы и доходил уже до верха сапог. В Волчьем лесу он еще глубже, а на Королевском тракте, где дует ветер, от него нет никакого спасения. Рисвеллы перекидывались снежками с Барроутоном, оруженосцы на стене лепили снеговиков и выстраивали их вдоль

парапета. Со щитами, копьями, в полушлемах — настоящие бойцы, да и только.

— Лорд Зима привел к нам своих ополченцев, — сказал часовой у двери. Увидев, с кем говорит, он отвернулся и плюнул в сторону.

За палатками мерзли в загоне кони из Белой Гавани и Близнецов. Новые конюшни лорда Болтона вдвое больше прежних, сожженных Рамси при взятии замка, но там стоят кони его лордов-знаменосцев и рыцарей, а остальные маются под открытым небом. Конюхи укрывали их попонами, чтобы хоть как-то согреть.

Теон углубился в развалины. Вороны переговаривались и вскрикивали, глядя на него с разрушенной башни мейстера Лювина. Он навестил свою бывшую спальню, занесенную снегом из выбитого окна, побывал в кузне Миккена, в септе леди Кейтилин. У Горелой башни Рикард Рисвелл целовался с другой прачкой Абеля, пухленькой и курносой. Девушка стояла на снегу босиком, в меховом плаще, под которым скорей всего ничего не было. При виде Теона она что-то сказала Рисвеллу, и тот засмеялся.

Теон поспешил уйти. Ноги сами привели его к лестнице за конюшнями. Осторожно поднявшись по скользким ступеням, он оказался на

внутренней крепостной стене один, далеко от оруженосцев с их снеговым войском. Внутри стен замка никто его свободы не ограничивал — он мог ходить где хотел.

Винтерфеллская внутренняя стена старше и выше внешней. Высота ее сто футов, на каждом углу четырехугольные башенки. Внешняя ниже на двадцать футов, но толще, за ней лучше следят, и башенки на ней восьмиугольные. Широкий глубокий ров между обеими стенами замерз и заметен снегом. Снег заносит проемы между зубцами, венчает белыми шапками сами зубцы и башенки.

Дальше все бело — лес, поля, Королевский тракт. Зимний городок, который люди Рамси тоже сожгли дотла, укутан пуховым одеялом. Снег прячет раны, нанесенные Сноу, но так думать нельзя. Рамси теперь никакой не Сноу, он Болтон.

Тракта совсем не видно: его глубокие колеи сровнялись с окружающими полями, а снег все валит. Где-то там мерзнет Станнис Баратеон. Если он попытается взять Винтерфелл приступом, его дело обречено, несмотря на замерзший ров. Теон взял замок исподтишка, послав верхолазов на стены и переплыв ров под покровом ночи.

Защитники спохватились слишком поздно, но у Станниса так не выйдет.

Возможно, он предпочтет осаду, чтобы уморить защитников голодом. Болтон и его друзья Фреи привели через Перешеек большой обоз, леди Дастин из Барроутона и лорд Мандерли из Белой Гавани тоже привезли много провизии и корма для лошадей, но ведь и войско у них большое — надолго никаких запасов не хватит. То же самое, впрочем, относится к Станнису и его людям. К тому же они промерзли, и метель может толкнуть их на отчаянный штурм.

В богороще снег таял, едва коснувшись земли, между деревьями протянулись призрачные ленты тумана. Зачем Теон пришел сюда? Это не его боги. Сердце-дерево высилось перед ним, как бледный великан с ликом на стволе, и его листья напоминали обагренные кровью руки.

Холодный пруд подернулся льдом.

— Простите, — зашептал сквозь обломки зубов Теон, упав перед ним на колени. — Я не хотел… — Слова застревали в горле. — Спасите меня и помилуйте. Пошлите мне… — Что? Силу, мужество? За пеленой снега слышался тихий плач. Это Джейни на супружеском ложе, больше некому — ведь боги не плачут?

Не в силах больше выносить этот звук, Теон ухватился за ветку, встал и похромал назад, к огням замка. В Винтерфелле водятся призраки, и один из них — он.

Снеговиков прибавилось: оруженосцы слепили во дворе дюжину лордов, командовать воинами на стенах. Вон тот, конечно, лорд Мандерли: такого пузатого снеговика Теон в жизни не видел. Однорукий — Харвуд Стаут, снежная баба — леди Дастин, а этот, с бородой из сосулек — Амбер Смерть Шлюхам.

Повара теперь разливали говяжью похлебку с ячменем, морковкой и луком — мисками служили выдолбленные краюхи вчерашнего хлеба. Объедки кидали на пол девочкам Рамси и прочим собакам.

Девочки, знавшие Теона по запаху, обрадовались ему. Рыжая Джейна лизнула руку, Гелисента с костью свернулась у его ног под столом. Славные собачки, и незачем вспоминать, что их назвали в честь девушек, затравленных и убитых Рамси.

Теон устал, но все же поел немного, запивая похлебку элем. Чертог гудел: разведчики Русе Болтона, вернувшись через Охотничьи ворота, доложили, что войско Станниса увязло в снегу. Его рыцари едут на больших боевых конях, а

люди из горных кланов на своих низкорослых лошадках не решаются уходить далеко вперед. Рамси приказал Абелю спеть что-нибудь в честь снегового похода. Бард снова взялся за лютню, а его спутница выманила у Алина-Кисляя меч и стала показывать, как Станнис рубит снежинки.

Теон смотрел на дно третьей кружки, когда леди Дастин прислала за ним двух своих воинов. Глядя на него с помоста, она принюхалась.

— В этой же одежде ты был на свадьбе.

— Да, миледи. Мне ее дали. — Один из уроков Дредфорта гласил: бери, что дают, и больше ни о чем не проси.

Леди Дастин, как всегда, в черном, только рукава оторочены беличьим мехом. Высокий стоячий воротник окаймляет лицо.

— Ты ведь знаешь этот замок.

— Когда-то знал.

— Тут есть крипта, где сидят во мраке старые короли. Мои люди прочесали все подвалы и даже темницы, но входа в нее не нашли.

— Туда нельзя пройти через темницы, миледи.

— Можешь показать мне дорогу?

— Там нет ничего, кроме…

— Покойников? Да. Так уж вышло, что все Старки, которых я любила, мертвы. Ну что, по-

кажешь?

— Извольте. — Крипту он не любил, как и все прочие усыпальницы, но бывать в ней ему доводилось.

— Сержант, принеси факел.

— Накиньте теплый плащ, миледи, — посоветовал Теон. — Мы пойдем через двор.

Снегопад усилился, леди Дастин закуталась в соболя. Часовые в плащах с капюшонами ничем не отличались от снеговиков — только пар от дыхания показывал, что они еще живы. На стенах зажгли костры, тщетно пытаясь развеять мрак. Маленький отряд брел по нетронутому снегу, доходящему до середины икры. Палатки во дворе проседали под его тяжестью.

Вход в крипту помещался в самой старой части Винтерфелла, у подножия Первой Твердыни, несколько веков как заброшенной. Теперь от башни осталась лишь обгорелая, провалившаяся во многих местах шелуха. Кругом валялись камни, балки, горгульи. Одно изваяние скалилось из-под снега, обратив свою жуткую рожу к небу.

Здесь когда-то нашли упавшего Брана. Теон был тогда на охоте с лордом Эддардом и королем Робертом и не знал, какая новость их ожидает. Никто не думал, что мальчик выживет, но Бра-

на не одолели ни боги, ни сам Теон. Странная мысль — и еще более странно, что мальчик, возможно, и посейчас жив.

— Вот здесь, под этим сугробом, — показал Теон. — Осторожно, тут много битого камня.

Солдаты леди Дастин битых полчаса разгребали вход. Дверь примерзла, и сержанту пришлось добывать топор. Старые петли с визгом уступили, открыв винтовую лестницу в темное подземелье.

— Спускаться долго, миледи, — предупредил Теон.

— Свет, Берон, — приказала неустрашимая леди. Ступени за много веков сильно стерлись, и спускались они вереницей — сержант с фонарем, Теон, леди Дастин и еще один ее человек. Летом крипта всегда казалась Теону холодной; сейчас здесь было не то что тепло, но теплее, чем наверху. Под землей, видно, всегда одинаково тепло — или одинаково холодно.

— Маленькая леди Арья все время плачет, — заметила леди Дастин.

Не сболтнуть бы лишнего… Теон придерживался за стену — ступеньки будто шевелились при свете факела.

— В самом деле, миледи?

— Русе недоволен — скажи своему бастарду об этом.

Он не его бастард… хотя как посмотреть. Вонючка принадлежит Рамси, Рамси — Вонючке. «Не забывай свое имя».

— Что толку одевать ее в белое с серым, если она целыми днями сидит одна и рыдает. Фреям-то все равно, а вот северяне… Дредфорта они боятся, но Старков любят.

— Только не вы, — брякнул Теон.

— Я нет, — призналась она, — а все остальные — да. Смерть Шлюхам здесь только из-за Большого Джона, которого Фреи держат в плену. А люди Хорнвуда? Думаешь, они позабыли, что их леди, прежняя жена бастарда, съела с голоду свои пальцы? О чем они, по-твоему, думают, слыша, как плачет его новая жена, дочка их ненаглядного Неда?

«Лорд Эддард тут ни при чем. Она дочь простого стюарда, и зовут ее Джейни». Леди Дастин, конечно, подозревает что-то, однако…

— Слезы леди Арьи вредят нам больше всех мечей Станниса. Если бастард не научит жену смеяться, лордом Винтерфелла он недолго пробудет.

— Пришли, миледи, — прервал Теон.

— Но лестница ведет дальше вниз.

— Там другие усыпальницы, совсем древние. Нижние, я слышал, уже обвалились, и я там никогда не бывал. — Он отворил дверь в длинный сводчатый коридор с мощными гранитными колоннами, уходящими попарно во тьму.

Сержант поднял факел — маленький огонек, охваченный со всех сторон мраком. Теон испытал знакомый страх, чувствуя, как каменные короли смотрят на него каменными глазами, сжимая каменными пальцами рукояти ржавых мечей. Железных Людей они все как один не любили.

— Сколько же их, — сказала леди Дастин. — Ты знаешь, кто из них кто?

— Раньше знал… С этой стороны погребены Короли Севера. Последний в их ряду — Торрхен.

— Король, преклонивший колено.

— Совершенно верно, миледи. После него здесь стали хоронить лордов.

— Вплоть до Молодого Волка. Где похоронен Нед Старк?

— В самом конце, миледи. Сюда.

Звонко ступая по плитам, они двинулись между рядами колонн. Их провожали каменные глаза Старков и глаза их лютоволков. Призрачный голос мейстера Лювина шептал на ухо забытые

имена. Король Эдрик Снегобородый, правивший Севером целых сто лет. Брандон Корабельщик, уплывший на запад. Теон Голодный Волк, его тезка. Лорд Берон Старк — он объединился с Бобровым Утесом против Дагона Грейджоя, лорда Пайка, во времена, когда Семью Королевствами правил в сущности не король, а колдун-бастард Красный Ворон.

— У этого меча нет, — заметила леди Дастин. И верно: Теон не помнил, что это за король, но меч у него пропал — только потеки ржавчины остались на камне. Теону стало не по себе. Ему говорили, что дух умершего переходит в его меч, и если клинок делся куда-то…

В Винтерфелле водятся призраки, и Теон — один из них. Барбри Дастин, судя по лицу, тоже чувствовала себя неуютно.

— За что вы ненавидите Старков, миледи? — спросил он неожиданно для себя.

— За то самое, за что их любишь ты, — сказала она.

Теон споткнулся.

— Люблю? Почему вы… Я отобрал у них замок, велел предать смерти Рикона и Брана, насадил на пики их головы. Я…

— …поехал на юг с Роббом Старком, сражался за

него в Шепчущем лесу и у Риверрана. Вернулся послом на Железные острова для переговоров с родным отцом. Барроутон тоже посылал людей Молодому Волку. Я дала самую малость — совсем отказать не могла из страха навлечь на себя гнев Винтерфелла, — и в этом войске у меня были глаза и уши. Я знаю, кто ты и что ты, а теперь отвечай на вопрос: за что ты любишь Старков?

— Я… — Теон оперся рукой на колонну, — хотел быть одним из них.

— Хотел — и не мог. У нас с тобой, милорд, больше общего, чем ты думаешь, однако пойдем.

Вскоре они пришли к трем близко поставленным изваяниям.

— Лорд Рикард, — сказала леди, рассматривая то, что посередине. Каменный лорд, длинноликий и бородатый, смотрел печально. — Он тоже без меча.

— Здесь, видно, побывал вор. Вот и Брандона оставили безоружным.

— Он бы разгневался. — Леди, сняв печатку, положила белую руку на темное каменное колено. — Уж так он любил свой меч, постоянно его точил. Женский лобок впору брить, говорил он и охотно пускал его в ход. «Обагренный кровью меч очень красив», — сказал он мне как-то раз.

— Так вы его знали.

Ее глаза горели, отражая огонь факела.

— Брандон воспитывался в Барроутоне у старого лорда Дастина, будущего моего свекра, но то и дело ездил к нам в Родники. Отменные наездники были они с сестрой, настоящая пара кентавров. Мой лорд-отец охотно принимал у себя наследника Винтерфелла. У него были большие планы на нас, детей, и мою невинность он вручил бы любому из Старков, только этого не понадобилось: Брандон сам брал что хотел. Я, старая высохшая вдова, как сейчас вижу его член, обагренный моей девственной кровью. Красивое зрелище, он правду сказал. И боль, когда он пронзил меня, была сладостна. Боль, которую я испытала, узнав, что Брандон женится на Кейтилин Талли, сладостной не была. В нашу последнюю ночь он сказал, что не хочет ее, но у Рикарда Старка тоже были большие планы, и в них не входило женить наследника на дочери одного из своих вассалов. Позже у отца появилась надежда выдать меня за Эддарда, брата Брандона, но Кейтилин и его забрала. Я стала женой молодого лорда Дастина, но его забрал у меня Нед Старк.

— Мятеж Роберта…

— Мы и полгода вместе не прожили, когда

Роберт поднял свое восстание. Нед созвал знамена. Я умоляла мужа не ходить, послать вместо себя дядю, знаменитого своим топором, или двоюродного деда, сражавшегося на Войне Девятигрошовых Королей. Но он, движимый мужской гордостью, сам возглавил барроутонский отряд. Я подарила ему рыжего жеребца с огненной гривой, лучшего из конюшен моего лорда-отца. Муж клялся, что после войны приедет на нем домой, но коня мне вернул Нед Старк по пути в Винтерфелл. Он сказал, что мой муж пал смертью храбрых и погребен в дорнийских красных горах. Кости своей сестры он привез на Север, и они покоятся здесь, но кости лорда Эддарда рядом с ними не лягут. Я скормлю их своим собакам.

— Его кости? — не понял Теон.

Ее губы искривились в улыбке, напомнившей ему Рамси.

— Кейтилин Талли отправила их домой. Было это до Красной Свадьбы, но твой железный дядюшка взял Ров Кейлин и перекрыл путь. Я слежу, и если его останки когда-нибудь вынырнут из болот, дальше Барроутона они не проедут. Пойдем отсюда, — сказала леди Барбри, бросив прощальный взгляд на статую Эддарда Старка.

Метель бушевала по-прежнему.

— Смотри не повторяй никому моих слов, сказанных там внизу, — предупредила леди, выйдя из подземелья. — Ты понял?

Теон кивнул.

— Если я не буду держать язык за зубами, то потеряю его.

— Рамси хорошо тебя вышколил, — бросила она и ушла.

Королевский трофей

Королевское войско, покидая Темнолесье на рассвете ясного дня, выползало из бревенчатого частокола, как длинная стальная змея.

Доспехи рыцарей, помятые в прежних битвах, все еще ярко отражали восходящее солнце, а много раз латаные камзолы и знамена все еще пестрели на холодном ветру. Лазурные, оранжевые, красные, зеленые, пурпурные, синие, золотые краски весело играли среди бурых стволов, тускло-зеленой хвои и серого снега.

Каждого рыцаря сопровождали оруженосцы, слуги и латники. Следом шли оружейники, повара, конюхи, копейщики, лучники, воины с топорами — ветераны сотни битв и мальчишки, еще не побывавшие в первой. В авангарде двигались горные кланы: вожди и первые бойцы на лохматых низкорослых конях, прочие — в шкурах, вареной коже и старых кольчугах — пешие. Некоторые, чтобы их не было видно в лесу, обвязывались ветками и раскрашивали лица зеленой и бурой краской.

За воинской колонной тянулись на целую милю обозные повозки, запряженные лошадьми,

мулами и волами. Замыкали войско опять-таки рыцари, а дозорные, скрытно следуя по бокам, служили защитой от внезапного нападения.

Аша Грейджой, скованная по рукам и ногам, ехала в обозе, в крытой повозке на двух высоченных, оббитых железом колесах. Денно и нощно ее охраняла Медведица, храпевшая хуже всякого мужика: король Станнис принял все меры, чтобы его пленница не могла совершить побег. Он намеревался доставить дочь кракена в Винтерфелл и предъявить северным лордам как доказательство одержанной им победы.

Трубы трубили, копья сверкали, прихваченная морозцем трава искрилась. От Темнолесья до Винтерфелла сотня лиг лесом и триста миль, как ворон летит. Пятнадцать дней, по прикидкам рыцарей.

— Роберт и за десять дошел бы, — заявлял лорд Фелл. Покойный король, убивший его деда у Летнего Замка, представлялся внуку чуть ли не богом. — Роберт занял бы Винтерфелл две недели назад и показал Болтону нос с крепостной стены.

— Станнису этого лучше не говорить, — сказал Джастин Масси, — не то он заставит нас идти днем и ночью.

«Король так и не вышел из тени своего бра-

та», — подумала Аша.

Лодыжка пронзала болью каждый раз, как она на нее опиралась — что-то сломано, не иначе, растяжение прошло бы вместе с опухолью. Кандалы натирали ей кожу и терзали ее гордость. Плен он и есть плен.

«От согнутого колена не умирают, — говорил ей отец. — Согнувший колено может подняться снова с мечом в руке, а не согнувший протянет ноги». Бейлон Грейджой доказал правдивость этих слов на себе: после подавления первого мятежа он склонил колено перед оленем и лютоволком, но поднялся, как только Роберта Баратеона и Эддарда Старка не стало.

Дочь кракена, хромая и связанная (изнасиловать ее не успели, к счастью), последовала примеру отца. «Сдаюсь, ваше величество. Поступайте со мной как хотите, но пощадите моих людей». После боя в Волчьем лесу их выжило только девять — потрепанная девятка, как выразился тяжело раненный Кромм.

Станнис подарил им жизнь, но Аша не причисляла его к разряду милосердных правителей. Он решителен и отважен, это бесспорно; говорят также, что он справедлив. На Железных островах к суровой справедливости привыкают

сызмальства, однако любить такого короля трудно. Глубоко сидящие синие глаза смотрят всегда подозрительно, и за ними чувствуется холодная ярость. Жизнь Аши для него ничего не значит: она всего лишь заложница, ценный трофей.

Глупец. Взятая в плен женщина северян не особенно удивит, а как заложнице ей и вовсе грош цена. Дяде Вороньему Глазу, правящему теперь островами, все равно, жива она или нет, а престарелому Эрику Айронмакеру, за которого Эурон заочно выдал ее, при всем желании нечем выкуп платить — только поди втолкуй это Станнису. Одно то, что она женщина, оскорбляет его: на зеленых землях женщины послушны, одеты в шелка — и топорики в цель не мечут. Впрочем, Станнис ее и в платье не полюбил бы; даже с благочестивой леди Сибеллой, женой Галбарта Гловера, ему как-то не по себе. Он, видно, принадлежит к тем мужчинам, для которых женщины — чужеродное племя наподобие великанов, грамкинов и Детей Леса. От Медведицы — и от той зубами скрежещет.

Есть только одна женщина, к которой король прислушивается, но он оставил ее на Стене.

— Лучше бы она была с нами, — сказал сир Джастин Масси, белокурый рыцарь, команду-

ющий обозом. — Взять нашу последнюю битву на Черноводной: там леди Мелисандра также отсутствовала, и призрак лорда Ренли загнал половину нашего войска в залив.

— Последнюю? — повторила Аша. — Разве в Темнолесье эта колдунья была? Я ее что-то не видела.

— Это едва ли можно назвать битвой, миледи, — улыбнулся сир Джастин. — Ваши люди сражались храбро, но их было намного меньше, и нагрянули мы неожиданно. С Винтерфеллом так не получится, и людей у Русе Болтона столько же, сколько у нас.

«Если не больше», — мысленно добавила Аша.

У пленных тоже есть уши, а король в Темнолесье обсуждал со своими капитанами этот поход. Сир Джастин с самого начала был против, и его поддерживали многие южные лорды и рыцари, но волки заявляли, что Винтерфелл нельзя оставлять в руках Русе Болтона, а дочь Неда — в когтях у его бастарда. На этом единодушно стояли Морган Лиддль, Брандон Норри, Вулл Большое Ведро и даже Медведица.

«До Винтерфелла сто лиг, — сказал Артос Флинт в чертоге Галбарта Гловера. — Триста миль по прямой».

«Долгий путь», — заметил рыцарь по имени Корлисс Пенни.

«Не такой уж и долгий, — возразил сир Годри, которого все называли Победителем Великанов. — От Стены мы прошли не меньше. Владыка Света озарит нам дорогу».

«А что нас ждет в самом Винтерфелле? — спрашивал Джастин Масси. — Две крепостные стены, между ними ров, внутренняя стена вышиной сто футов. Болтон в поле не выйдет, а для осады у нас недостанет провизии».

«Не забывайте, что к нам придут Арнольф Карстарк и Морс Амбер, — напомнил ему Харвуд Фелл. — У нас будет столько же северян, сколько у лорда Болтона. К северу от замка растет густой лес; мы построим осадные башни, тараны…»

«И будем гибнуть тысячами», — подумала Аша.

«Не лучше ли зазимовать тут?» — сомневался лорд Пезбери.

«Зимовать? — взревел Большое Ведро. — По-вашему, у Галбарта Гловера хватит еды и корма?»

«Брат вашего величества…» — начал сир Ричард Хорп, рябой рыцарь с бабочками «мертвая голова» на камзоле.

«Все мы знаем, как поступил бы мой брат, — прервал его Станнис. — Он подъехал бы к воротам

Винтерфелла один, вышиб их своим молотом и убил левой рукой Русе, а правой его бастарда. Я не Роберт, однако мы выступим и возьмем Винтерфелл… или поляжем под его стенами».

Простые солдаты верили в своего короля больше, чем лорды и рыцари. Станнис разбил Манса-Разбойника у Стены, вышиб Железных Людей из Темнолесья; раньше, при жизни Роберта, он победил в знаменитом морском бою у Светлого острова и держал Штормовой Предел на протяжении всего мятежа. Кроме того, он владел волшебным светящимся мечом, Светозарным.

— Наш враг не столь грозен, как представляется, — сказал Аше сир Джастин в первый день похода на Винтерфелл. — Русе Болтона северяне не любят, хотя и боятся, а его друзья Фреи опорочили себя Красной Свадьбой, где каждый северный лорд потерял кого-то из родичей. Как только Станнис пустит Болтону кровь, северяне бросят его.

«Да, — подумала Аша, — если он сумеет пустить эту самую кровь. Ни один дурак не уйдет от сильного к слабому».

В тот первый день сир Джастин навещал пленницу то и дело, принося ей новости, еду и питье. В качестве стража этот упитанный розовощекий

шутник с голубыми глазами и гривой льняных волос был внимателен и даже заботлив.

— Он хочет тебя, — сказала Медведица, когда он подъехал к ним в третий раз. По настоящему ее звали Алисанной Мормонт, но прозвище пристало ей как нельзя лучше. Коренастую наследницу Медвежьего острова отличали толстые ляжки, большая грудь и мозолистые ручищи. Под шубой она носила кольчугу, под кольчугой вареную кожу, под кожей старый вывороченный тулуп для тепла, даже на ночь ничего не снимала и казалась одинаковой что в вышину, что вширь. Аша часто забывала, что они с Медведицей почти сверстницы.

— Не меня — мои земли. Железные острова. — У Аши имелись и другие поклонники. Масси потерял все свои владения — без выгодной женитьбы он так и останется рыцарем при королевском дворе. Сиру Джастину король отказал в руке принцессы одичалых, о которой Аша вдоволь наслушалась, и он перекинулся на другую принцессу. Мечтает, не иначе, посадить ее на Морской Трон и править через нее островами. Для этого, правда, понадобится избавить Ашу от ее нынешнего лорда и повелителя, не говоря уж о дяде, который их поженил — а Вороний Глаз проглотит

сира Джастина, даже не поперхнувшись.

И за кого бы Аша ни вышла, отцовских земель ей все равно не видать. Она терпела поражение дважды: на вече от дяди Эурона и в Темнолесье от Станниса. Железные Люди ей этого не забудут, а брак с Джастином Масси или любым другим сторонником Станниса принесет ей больше вреда, чем пользы. Хоть она и дочь кракена, а все-таки женщина, скажут капитаны и короли. Не устояла против лордика с зеленых земель и легла с ним.

Но пока сир Джастин возит ей еду и питье, пусть ухаживает себе на здоровье. С ним хоть поговорить можно в отличие от Медведицы, хоть как-то утешиться среди пяти тысяч врагов. Триса Ботли, Кварла-Девицу, Кромма, Роггона и других еле живых ее воинов оставили в Темнолесье, в темницах Галбарта Гловера.

За первый день войско прошло двадцать две мили. Проводниками служили присягнувшие Темнолесью охотники с родовыми именами Форрестер, Вуд, Бренч и Боул[5]. На второй день объявили о двадцати четырех милях, и авангард, миновав земли Гловеров, углубился в чащу Волчьего леса.

---

[5] Сноски: 5
Лесник, лес, ветка, ствол (*англ.*). — *Примеч. пер.*

— Освети нам путь во тьме, Рглор, — молились в тот вечер рыцари и латники у королевского шатра, разведя громадный костер. Их называли людьми королевы, хотя истинной их королевой была красная женщина, а не жена Станниса, оставленная в Восточном Дозоре. — Воззри на нас своим огненным оком, Владыка Света, согрей нас и защити, ибо ночь темна и полна ужасов.

Возглавлял молитву сир Годри Фарринг, Победитель Великанов. Звучное имя для мелкого человека. При всей своей телесной мощи Фарринг тщеславен, напыщен, глух к добрым советам и равно презирает простонародье, волков и женщин. В точности как его король, если говорить о последних.

— Мне бы коня, — сказала Аша сиру Джастину, привезшему ей половину окорока. — Цепи просто с ума меня сводят — я дам вам слово, что не стану бежать.

— Если б я мог, миледи… Но вы королевская пленница, не моя.

— Значит, король женщине на слово не поверит?

— Мы не даем веры Железным после того, что сотворил твой брат в Винтерфелле, — проворчала Медведица.

— Я за Теона не отвечаю, — сказала Аша, но ее так и не расковали.

Сир Джастин ускакал, и Аша вспомнила свое последнее свидание с матерью. Это было на Харло, в Десяти Башнях. В комнате горела свеча, большая кровать под пыльным пологом пустовала: леди Аланнис, сидя у окна, смотрела на море. «Привезла ты моего малыша?» — спросила она. «Теон не смог приехать», — ответила Аша, глядя на то, что осталось от женщины, подарившей ей жизнь, от матери, потерявшей двух сыновей. А третий…

«Каждому из вас посылаю частицу принца».

Что бы ни произошло тогда в Винтерфелле, брат вряд ли выжил. Теон Переметчивый… Даже Медведица хотела бы увидеть его голову на колу.

— У тебя есть братья? — спросила ее Аша.

— Только сестры. Нас, детей, было пятеро, и все девочки. Лианна сейчас на Медвежьем острове, Лира и Джори с матерью, Дейси убили.

— На Красной Свадьбе.

— Да, — подтвердила Алисанна, пристально глядя на Ашу. — Моему сыну два, дочке девять.

— Рано ты ее родила.

— Лучше поторопиться, чем опоздать.

«Камешек в мой огород», — подумала Аша.

— Выходит, ты замужем.

— Нет. Детей я зачала от медведя. — Алисанна улыбнулась неожиданно мило, несмотря на кривые зубы. — У Мормонтов все женщины оборотни: мы превращаемся в медведиц и находим себе пару в лесу. Это все знают.

— Не только оборотни, еще и воительницы, — улыбнулась Аша в ответ.

— Это вы нас такими сделали, — посерьезнела Алисанна. — Детей на Медвежьем острове пугают кракенами, вылезающими из моря.

Старый закон… Аша отвернулась, звякнув оковами. На третий день пути их обступил лес — большие повозки уже не могли проехать по здешним тропам. Аша замечала знакомые приметы: каменистый холм, похожий на волчью голову, если смотреть под нужным углом; наполовину скованный льдом водопад; естественную каменную арку, покрытую мхом. Этим же путем она ехала в Винтерфелл, чтобы уговорить Теона бросить завоеванный замок и вернуться с ней в Темнолесье, — это ей тоже не удалось.

В тот день войско проделало четырнадцать миль, и капитаны остались довольны.

В сумерках, пока возница распрягал лошадей, сир Джастин снял с Аши ножные кандалы и вме-

сте с Медведицей препроводил ее в королевский шатер. Она, хоть и пленница, принадлежала к дому Грейджоев, и Станнису заблагорассудилось уделить ей объедки своего ужина.

Величиной шатер был чуть ли не с чертог Темнолесья, но роскошью похвалиться не мог. Плотные холщовые стены загрязнились и даже заплесневели местами, на серединном шесте реял золотой королевский штандарт с головой оленя внутри горящего сердца. С трех сторон шатер окружали палатки лордов, пришедших на Север со Станнисом, с четвертой ревел священный костер.

Дрова для него кололи с дюжину людей королевы. Их красный бог ревнив: Утонувший Бог Аши для них все равно что демон, а сама она будет проклята, если не примет Владыку Света. Они с большой радостью бросили бы в огонь и ее — некоторые, она слышала, как раз это и предлагали после битвы в лесу, но Станнис им не позволил.

Сейчас король стоял здесь и смотрел в пламя. Что он там видит — победу, поражение, лик своего голодного бога? Глаза у него ввалились, коротко подстриженная бородка лежала как тень на впалых щеках и тяжелом подбородке, но

в глазах читалась яростная решимость. Этот со своего пути не свернет.

— Государь, — преклонила колено Аша. «Достаточно ли я смиренна для вас, достаточно ли побита?» — Прошу вас, раскуйте мне руки, позвольте сесть на коня. Я не стану бежать.

Станнис взглянул на нее, как на собаку, которой вздумалось потереться о его ногу.

— Ты заслужила эти оковы.

— Вы правы, но теперь я раскаиваюсь и предлагаю вам своих людей, свои корабли и свой ум.

— Корабли, которые не сгорели, и так мои, люди же… Сколько их там осталось — десяток, дюжина?

«Девять… а если считать годных для боя, и вовсе шесть».

— Торррхенов Удел держит Дагмер Щербатый, свирепый воин и преданный слуга дома Грейджоев. Я могу передать этот замок и его гарнизон в ваше распоряжение. — Это еще неизвестно, но сомнения здесь высказывать не приходится.

— Торррхенов Удел для меня — что грязь под ногами. Винтерфелл — вот что важно.

— Снимите оковы, и я помогу вашему величеству взять его. Ваш венценосный брат был знаменит тем, что превращал побежденных вра-

гов в друзей, — сделайте меня своим человеком.

— Если уж боги не сделали тебя человеком, то смертный и подавно не сделает. — Станнис вновь устремил взгляд в огонь, а сир Джастин схватил Ашу за локоть и ввел в шатер.

— Напрасно вы это, миледи. Никогда не упоминайте при нем о Роберте.

Он прав. Ей ли не знать, как обстоит дело с младшими братьями. Теон в детстве обожал Родрика и Марона, трепетал перед ними… так, видно, из этого и не вырос. Младший брат, проживи он хоть сто лет, так и останется младшим. Пробраться бы к Станнису за спину да удушить его цепью от кандалов.

Для короля и его капитанов приготовили жаркое из тощего оленя, добытого следопытом Бенжикотом Бренчем; все прочие в лагере получили горбушку хлеба, кусок черной колбасы длиной в палец и запили это остатками галбартовского эля.

От Темнолесья до Винтерфелла сто лиг лесом и триста миль, как ворон летит.

— Жаль, что мы не вороны, — сказал Джастин Масси на четвертый день, когда пошел снег.

С каждым днем снегопад усиливался. Бороды северян обледенели, южане для тепла перестали

бриться. Снег, заметая камни, корни и рытвины, каждый шаг превращал в приключение. Потом началась настоящая вьюга, и королевское войско, бредущее по колено в сугробах, распалось.

Мохнатым лошадкам горцев корма требовалось куда меньше, чем рослым коням, а снег северянам был не в диковинку. Многие из них привязывали ремешками к ногам «медвежьи лапы» — загнутые с одного конца деревяшки — и шли по насту, не проламывая его.

Для лошадей такая обувка тоже имелась, но большие южные кони, когда хозяева пытались применить к ним северный опыт, наотрез отказывались идти дальше или разбивали деревяшки в щепу. Один конь даже ногу сломал в борьбе с невиданным новшеством.

Горцы на «медвежьих лапах» опередили сперва рыцарей в главной колонне, потом авангард Годри Фарринга, а обоз, как ни понукал его арьергард, отставал все больше.

На пятый день непогоды обоз въехал на лед над заметенным прудом. Трое возниц, четыре лошади и двое человек, пытавшихся их спасти, ухнули в ледяную воду. Одного, Харвуда Фелла, успели вытащить, но он весь посинел и трясся. С него срезали мокрую одежду, закутали его в меха,

посадили у огня — тщетно. Озноб сменился горячечным сном, от которого лорд уже не очнулся.

В ту ночь люди королевы впервые заговорили о жертве: красного бога надо было задобрить, чтобы он прекратил бурю.

— Это боги Севера напустили ее, — сказал сир Корлисс Пенни.

— Ложные боги, — строго поправил сир Годри.

— С нами Рглор, — сказал сир Клэйтон Сагс.

— Но Мелисандры нет с нами, — завершил Джастин Масси.

Король за высоким столом молчал. Перед ним стыла миска с луковым супом, а он сидел, не обращая внимания на разговоры, и смотрел из-под приспущенных век на пламя ближней свечи. Сир Ричард Хорп, второй по старшинству, высказался за него, пообещав, что буря скоро утихнет.

Но она лишь усилилась, и ветер хлестал, словно бич. Ветра на Пайке не шли ни в какое сравнение с этим — он сводил всех с ума.

Даже когда по колонне передавали приказ разбить лагерь на ночь, согреться было не просто. Отсыревшие палатки ставились с трудом, снимались еще тяжелее и постоянно проседали под снегом. Лес, самый большой в Семи Королевствах, не желал больше снабжать войско сухими дро-

вами. Те немногие костры, что еще зажигались в лагере, больше дымили, чем грели — о горячей пище оставалось только мечтать.

Даже священный огонь, к отчаянию людей королевы, сильно съежился против прежнего.

— Владыка Света, защити нас от этой напасти, — гудел бас сира Годри, возглавляющего молитву. — Яви нам свое ясное солнце, уйми ветер, растопи снег, дабы мы могли поразить врагов наших. Ночь темна, холодна и полна ужасов, но твои есть сила, и слава, и свет. Наполни нас огнем своим, Рглор.

Волки, однако, лишь посмеялись, когда сир Корлисс спросил, не случалось ли раньше какой-нибудь армии замерзнуть в зимнюю бурю.

— Какая ж это зима, — сказал Вулл Большое Ведро. — У нас говорят, что осень целует, а зима раком ставит, — так это пока поцелуйчики.

«Да избавит нас тогда бог от настоящей зимы», — подумала Аша. Ей как королевскому трофею приходилось еще не так плохо: другие голодали, а она ела досыта, другие мерзли и пробирались по снегу на усталых конях, а она ехала в крытой повозке, закутанная в меха.

Лошадям и простым солдатам доставалось больше всего. Двое оруженосцев зарезали лат-

ника, поспорив за место у костра, озверевшие от холода лучники подожгли собственную палатку — ну, эти хоть соседей погрели; кони гибли от холода и непосильных трудов. Кто-то придумал загадку: «Что такое рыцарь без коня? Снеговик с мечом». Всех павших животных тут же разделывали на мясо, съестных припасов осталось мало.

Пезбери, Кобб, Фоксглов и другие лорды уговаривали короля остановиться и переждать бурю, но Станнис не слушал. Не внял он и людям королевы, пришедшим говорить с ним о жертве: Аше об этом донес не слишком набожный Джастин Масси.

«Жертвоприношение докажет, что огонь нашей веры горит по-прежнему ярко», — сказал Клэйтон Сагс, а Годри добавил: «Это бедствие наслали на нас боги Севера, и один лишь Рглор может его остановить. Отдадим ему еретика».

«Еретики составляют половину моего войска, — ответил на это Станнис. — Жечь никого не будем: молитесь усерднее».

Сегодня не будем, завтра не будем… но выдержит ли король, если буря затянется? Аша, никогда не разделявшая веры дяди Эйерона в Утонувшего Бога, этой ночью молилась Живущему под Волнами с не меньшим пылом, чем сам Мокроголовый,

но буря не унялась. Они прошли пять миль за день, потом три, потом две.

На девятый день от начала бури промокшие капитаны с трудом добрели до шатра, чтобы припасть на колено и доложить королю о потерях.

— Один умер, трое пропали без вести.

— Пали шесть коней, в том числе мой.

— Умерли двое, один из них рыцарь. Пали четыре коня. Одного удалось поднять, другие — два боевых, один верховой — погибли.

Этот перечень стали называть снеговым. Обоз страдал больше всех: гибли лошади, пропадали люди, переворачивались и ломались повозки.

— Лошади вязнут в снегу, — докладывал Джастин Масси, — а люди уходят в сторону или просто садятся и замерзают.

— Ничего, — отрезал король. — Идем дальше.

У северян дела обстояли гораздо лучше: Черный Доннел Флинт и его брат Артос потеряли только одного человека, Лиддли, Вуллы, Норри обошлись совсем без потерь. У Моргана Лиддля пропал один мул, да и того, как он подозревал, увели Флинты.

От Темнолесья до Винтерфелла сто лиг лесом и триста миль, как ворон летит. На пятнадцатый день пути они не прошли и половины этого рас-

стояния. Снег заметал след из застывших трупов и разбитых повозок, а солнце, луна и звезды не показывались так долго, что Аша задавалась вопросом, не во сне ли она их видела.

На двадцатый день с нее наконец сняли ножные оковы. Одна из лошадей, тащивших повозку, умерла прямо в упряжи, и заменить ее было некем: оставшиеся ездовые кони везли провизию. Сир Джастин Масси приказал пустить лошадь на мясо, а повозку разломать на дрова.

— Лишнего коня для вас нет, миледи, — говорил он, снимая с Аши кандалы и растирая ей ноги, — а мой, если мы сядем на него оба, тоже недолго протянет. Идите пешком.

Лодыжка давала о себе знать на каждом шагу, но Аша утешала себя тем, что через час совсем не будет чувствовать ног. Она ошиблась: это произошло куда раньше. К вечеру она начала тосковать по своей тюрьме на колесах — оковы порядком ее ослабили. Аша так обессилела, что уснула прямо за ужином.

На двадцать шестой день похода они доели последние овощи, на тридцать второй подобрали овес до последнего зернышка. Долго ли способен человек протянуть на сырой промерзшей конине?

— Бренч клянется, что до Винтерфелла осталось не больше трех дней, — сказал королю Ричард Хорп, когда капитаны покончили со снеговым перечнем.

— При условии, что мы бросим слабых, — заметил сир Корлисс Пенни.

— Их все равно уже не спасти, — отрезал Хорп, — а тем, у кого силы еще остались, придется выбирать между Винтерфеллом и смертью.

— Владыка Света отдаст нам замок, — заявил Годри Фарринг. — Будь с нами леди Мелисандра…

После кошмарного дня, когда войско, едва одолев одну милю, потеряло четырех человек и дюжину лошадей, лорд Пезбери напустился на северян.

— Этот поход — чистое безумие. Подумать только, какие лишения мы терпим ради какой-то девчонки.

— Ради дочери Неда, — поправил его Морган Лиддль. Он был вторым из трех сыновей, и другие волки называли его Лиддлем Средним (как правило, за глаза). Это Морган чуть не убил Ашу тогда в лесу; в походе он попросил его извинить за то, что в пылу боя обзывал ее сукой — не за то, что едва не рассадил ей голову топором.

— Ради дочери Неда, — эхом откликнулся Вулл Большое Ведро. — Мы уже взяли бы замок и освободили ее, если б вы, южные неженки, не мочили свои атласные штаны из-за легкого снегопада.

— Снегопада?! — скривил свои нежные губы Пезбери. — Это ты, Вулл, посоветовал нам выступать — уж не служишь ли ты Болтону, а? Не он ли послал тебя нашептывать королю дурные советы?

— Эх ты, лорд песик, — засмеялся ему в лицо Большое Ведро. — Зарубить бы тебя за такие слова, да неохота марать добрую сталь кровью труса. — Вулл хлебнул эля и утер рот. — Да, люди мрут, и до Винтерфелла их умрет еще больше — на то и война, так оно и положено.

— И ты, Вулл, тоже согласен умереть? — недоверчиво спросил Корлисс Пенни.

— Я хочу жить вечно в стране, где лето длится тысячу лет, — осклабился клановый вождь. — Хочу замок в облаках, чтоб смотреть на землю. Хочу, чтоб мне снова стало двадцать шесть, когда я мог драться весь день и любиться всю ночь. Какая разница, согласен я или нет? Зима почти уже настала, мой мальчик, а зима — это смерть. Лучше моим людям погибнуть в бою за Недову дочку, чем в снегу, когда слезы на щеках стынут.

О такой смерти песен не сложат. Ты спросил обо мне, так вот: для меня эта зима последняя, и я хочу умыться кровью Болтона до того, как умру. Хочу, чтоб она брызнула мне в лицо, когда мой топор раскроит ему череп. Хочу слизать ее с губ и умереть с ее вкусом во рту.

— Верно! — вскричал Морган Лиддль. — Кровь и смерть! — Его возглас подхватили все горцы, молотя по столу чашами и рогами.

Аше тоже хотелось сразиться, чтобы положить конец всему этому. Звон стали, розовый снег, раздробленные щиты, отсеченные руки — а после мир и покой.

На следующий день разведчики нашли меж двух озер покинутую деревню — горсточка хижин, длинный дом и сторожевая башня. Ричард Хорп приказал устроить привал, хотя войско прошло всего-то полмили и до темноты оставалось еще порядочно. Обоз и арьергард подтянулись туда уже после восхода луны.

— Проделаем во льду проруби, и северяне наловят нам рыбы, — сказал Хорп королю.

Станнис даже в доспехах и меховом плаще выглядел как человек на краю могилы. То немногое, что еще оставалось у него на костях, сошло во время похода. Сквозь кожу проступал череп, и

Аша боялась, что он раскрошит себе зубы, так он их стискивал.

— Ладно, пусть ловят, — пролаял он, — но с первым светом мы выступим.

На рассвете, когда небо побелело, Аша выползла из-под груды мехов. К храпу Медведицы она уже попривыкла, и разбудили ее не эти громоподобные звуки, а тишина. Не играли побудку трубы, не пели боевые рога северян. Что-то было неладно.

Аша, позвякивая оковами, разгребла снег, заваливший палатку за ночь. Неутихающая стихия погребла под собой озера и лес. Другие палатки едва виднелись, на башне горел огонь, но самой башни как не бывало.

Напрасно Русе Болтон поджидает их в Винтерфелле: войско Станниса Баратеона обречено на голодную смерть в снегах.

Дейенерис

Свеча, от которой осталось не больше дюйма, догорала в восковой лужице. Когда она погаснет, кончится еще одна ночь — рассвет всегда приходит так скоро.

Дени не спала, даже глаз не смела закрыть, боясь, что проснется уже при свете. Будь ее воля, она продлила бы ночь навечно, но ей доступно одно: не спать и наслаждаться каждым мгновением, пока они не отошли в прошлое вместе с ночью.

Зато Даарио спит как младенец. Он хвалится, что может спать где угодно, даже в седле, на ярком солнце и в бурю. «Плох будет воин из того, кто не выспится», — говорит он. И кошмары его не мучают. Он только посмеялся, услышав от Дени, что Сервина Зеркальный Щит преследовали призраки убитых им рыцарей. «Явись эти дохляки ко мне, я поубивал бы их снова». Совесть у него как у наемника — иными словами, ее нет вовсе.

Спит он на животе, лицом в подушку, обмотав простыни вокруг длинных ног.

Дени провела рукой по его спине вдоль хребта. Кожа гладкая, почти безволосая. Как приятно ее ласкать, как хорошо расчесывать ему пальцами

волосы, массировать икры после долгого дня в седле, брать в ладонь его мужской признак и чувствовать, как он набухает.

Будь она обычной женщиной, она всю жизнь бы только и делала, что ласкала Даарио, трогала его шрамы и слушала, как он их получил. И охотно бы сняла с головы корону, если б он попросил… но он никогда не попросит. Он любит королеву драконов, простая женщина ему не нужна. Притом короли, лишаясь короны, часто теряют и голову — вряд ли с королевами бывает как-то иначе.

Свеча мигнула в последний раз и погасла. Темнота поглотила любовников на пуховой постели, заполнила все углы спальни. Дени прижалась к своему капитану, упиваясь его теплом, его запахом, его шелковистой кожей. Запомнить все это, хорошенько запомнить.

Когда она поцеловала его в плечо, он повернулся на другой бок, к ней лицом.

— Дейенерис, — сказал он с ленивой улыбкой. Вот еще один из его талантов: он просыпается мгновенно, как кот. — Светает уже?

— Нет. Можем побыть вместе еще немного.

— Лгунья. Я вижу твои глаза — значит, рассвет уже занимается. — Даарио сел, скинув с себя

простыню.

— Не хочу, чтобы кончилась еще одна ночь.

— Что так, моя королева?

— Сам знаешь.

— Свадьба? — засмеялся он. — Выходила бы тогда за меня.

— Ты же понимаешь, что я не могу.

— Ты королева и можешь делать все, что захочешь. — Он погладил ее ногу. — Сколько ночей нам осталось?

Две. Всего две.

— Ты не хуже меня знаешь сколько. Следующая, потом еще одна, и конец.

— Давай поженимся — тогда каждая ночь будет наша.

Если бы она только могла. Кхал Дрого был ее солнцем и звездами, но он давно умер. Вспомнить, что значит любить и быть любимой, Дени помог Даарио, бравый ее капитан. Она была мертва, а он вернул ее к жизни, спала, а он ее разбудил. Но очень уж он осмелел в последнее время: после недавней вылазки бросил к ее ногам голову юнкайского вельможи и поцеловал у всех на виду — пришлось сиру Барристану его оттаскивать. Старый рыцарь был так разгневан, что Дени опасалась кровопролития.

— Нам нельзя пожениться, любимый. Ты знаешь.

— Что ж, выходи за Гиздара. Я подарю ему на свадьбу пару красивых рогов. Гискарцы любят рога, из собственных волос их начесывают. — Даарио натянул штаны — нижним бельем он пренебрегал.

— Когда я буду замужем, связь со мной приравняют к государственной измене. — Дени прикрыла грудь простыней.

— Пусть объявляют изменником, я готов. — Надев через голову голубой шелковый камзол, Даарио расправил бороду, перекрашенную ради Дени из пурпурной обратно в синюю — такой она была при первой их встрече. — Я пахну тобой, — усмехнулся он, нюхая пальцы.

Дени любила его сверкающий в улыбке золотой зуб, любила волосы у него на груди, его сильные руки, его смех. Любила, когда он, овладевая ею, смотрел ей прямо в глаза и произносил ее имя.

— Какой же ты красивый, — вырвалось у нее, пока он зашнуровывал свои высокие сапоги. Иногда это делала она, но с этим, как видно, тоже покончено.

— Недостаточно красивый, чтобы выйти за меня замуж. — Даарио снял висевший на стене

пояс с мечом.

— Куда ты теперь пойдешь?

— В твой город. Выпью пару кружек, завяжу драку — давно не убивал никого. Надо бы, конечно, женишка твоего отыскать…

— Оставь Гиздара в покое! — Дени запустила в него подушкой.

— Как прикажет моя королева. У тебя нынче приемный день?

— Нет. Послезавтра королем станет Гиздар, вот пусть и принимает сам своих земляков.

— Ко двору приходят не одни его земляки. Как быть с теми, кого ты освободила?

— Да ты никак упрекаешь меня!

— Ты называешь их своими детьми — им нужна мать.

— Упрекаешь…

— Так, немножко, сердце мое. Ты ведь по-прежнему будешь допускать к себе горожан?

— Когда будет заключен мир — возможно.

— Это «когда» никогда не наступит. Возобнови приемы, прошу тебя. Мои новые бойцы, бывшие Сыны Ветра, не верят, что ты существуешь на самом деле. Они почти все выросли в Вестеросе, наслушались сказок о Таргариенах и хотят увидеть тебя своими глазами. Лягуха тебе даже

подарок припас.

— Что еще за Лягуха? — хихикнула Дени.

— Один юный дорниец, оруженосец здоровенного рыцаря по кличке Зеленорыл. Я предлагал передать его подарок тебе, но он не желает.

— Ишь ты, передать. — В Даарио полетела другая подушка. — Только бы я этот подарок и видела.

— Разве я стал бы воровать у своей королевы? — Наемник огладил позолоченные усы. — Будь этот дар достоин тебя, я вручил бы его в собственные твои ручки.

— Как знак своей любви?

— Так или иначе, я пообещал мальчишке, что он сможет поднести его лично. Не хочешь же ты, чтобы Даарио Нахариса назвали лжецом?

Дени не сумела ему отказать.

— Хорошо. Приводи завтра своего лягушонка и других вестеросцев тоже. — Неплохо будет поговорить на общем языке с кем-нибудь, кроме сира Барристана.

— Слушаюсь, моя королева. — Даарио откланялся и вышел, плащ складками колыхался за его спиной.

Дени, сидя обняв колени на смятой постели, углубилась в свои думы и не слышала, как вошла

Миссандея с молоком, хлебом и фигами.

— Вашему величеству нездоровится? Ваша слуга слышала ночью, как вы кричали.

Дени взяла пухлую черную фигу, еще влажную от росы. Будет ли она кричать в объятиях Гиздара?

— Это был ветер. — Спелая фига без Даарио казалась невкусной. Дени со вздохом встала, велела Ирри подать халат и вышла на террасу.

Враги окружают ее со всех сторон. Каждый день у берега стоит не меньше десяти кораблей — порой целых сто, — с которых сходят солдаты. Юнкайцы доставляют морем также и лес для постройки катапульт, скорпионов и требушетов. В тихие ночи слышно, как стучат молотки. Осадных башен и таранов они не строят — значит, город брать будут не приступом, а измором. Станут швырять свои камни, пока голод и повальная болезнь не вынудят Миэрин сдаться.

Гиздар просто обязан подарить городу мир.

Вечером ей подали козленка с морковью и финиками, но она съела только кусочек. Столкновение с собственным городом, предстоящее в скором будущем, удручало. Даарио приплелся такой пьяный, что едва стоял на ногах. Дени металась в постели: ей снился Гиздар с синими

губами и членом, холодным как лед. Очнувшись от кошмара, она села. Капитан, спавший рядом, не убавлял ее одиночества. Растолкать бы его, чтобы он обнял ее, взял, заставил забыть… Но он только улыбнется, зевнет и скажет: «Это всего лишь сон, моя королева… спи!»

Она поднялась, накинула халат, подошла к парапету и стала смотреть на город, как сотни раз до того. Никогда Миэрин не будет ее городом, никогда не станет ей домом.

Розовая заря застала ее на террасе — Дени уснула на траве и вся покрылась росой.

— Я обещала Даарио устроить сегодня прием, — сказала она разбудившим ее служанкам. — Найдите мне корону и какое-нибудь платье полегче.

Полчаса спустя она сошла вниз.

— На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов, — воззвала Миссандея.

Сияющий Резнак мо Резнак поклонился ей.

— Ваше великолепие с каждым днем все прекраснее — должно быть, тому причиной близкая свадьба. О светлейшая моя королева!

— Пусть войдет первый проситель, — вздох-

нула Дени.

Она так давно не принимала, что горожан собралось невиданное количество — в толпе посетителей ссорились из-за очереди. Первой, само собой, вошла Галацца Галар с высоко поднятой головой, пряча лицо за переливчатой зеленой вуалью.

— Нам лучше поговорить наедине, ваша блистательность.

— На это, увы, нет времени, — ласково ответила Дени, — ведь завтра мне предстоит выйти замуж. — Прошлая встреча с Зеленой Благодатью ничего хорошего королеве не принесла. — О чем вы желали поговорить?

— О некоем наглом капитане наемников.

Как она смеет упоминать об этом при всех? В смелости жрице не откажешь, но она очень ошибается, полагая, что королева стерпит от нее еще один выговор.

— Предательство Бурого Бена Пламма нас всех потрясло, но говорить об этом несколько поздно. Думаю, вам лучше вернуться в храм и помолиться о мире.

— Я и о вас помолюсь, — с поклоном ответила Зеленая Благодать, и Дени вспыхнула от этой новой пощечины.

Дальше все пошло обычным порядком. Королева восседала на подушках и слушала, нетерпеливо качая ногой. В полдень, когда Чхику принесла ей ветчины с фигами, конца просителям не предвиделось. На каждых двух, довольных ее решением, приходился один заливающийся слезами или бурчащий под нос.

Даарио Нахарис с новыми Воронами-Буревестниками явился ближе к закату. Дени то и дело поглядывала на них, пока очередной проситель излагал свое дело. Вот они, ее настоящие подданные. Компания довольно пестрая, но чего еще ждать от наемников? Самый молодой старше ее не больше чем на год, самому старому, должно быть, за шестьдесят. Некоторые из них, судя по золотым браслетам, шелковым камзолам и серебряным заклепкам на поясах, довольно богаты, на других одежда простая и сильно поношенная.

Когда они вышли вперед, Дени разглядела среди них белокурую женщину в кольчуге.

— Крошка Мерис, — представил ее капитан. Вот так крошка! Шесть футов ростом, ушей нет, нос изуродован, на щеках глубокие шрамы, и таких холодных глаз Дени еще не видела.

Вслед за ней Даарио назвал Хью Хангерфорда. Тот, угрюмый, длинноногий и длиннолицый,

предстал в изысканном, но полинявшем наряде. За ним шел крепкий коренастый Вебер с татуировкой в виде пауков на бритой голове, груди и руках. Краснолицый Орсон Стоун и долговязый Люсифер Лонг назвались рыцарями. Уилл Лесной ухмылялся, преклоняя колено. Дика-Соломинку отличали васильковые глаза, белобрысая шевелюра и вызывающая беспокойство улыбка. Имбирный Джек зарос колючей оранжевой бородой и говорил неразборчиво.

— В первом же бою он себе половину языка откусил, — объяснил Хангерфорд.

Настал черед трех дорнийцев.

— Представляю вашему величеству Зеленорыла, Герольда и Лягуху, — сказал Даарио.

Зеленорыл, огромный и совершенно лысый, толщиной рук мог поспорить с Силачом Бельвасом. Волосы молодого Герольда выгорели на солнце, сине-зеленые глаза улыбались — немало девичьих сердец они покорили, наверное, и коричневый шерстяной плащ, подбитый песчаным шелком, тоже очень неплох.

Оруженосец Лягуха был самым юным и самым неприметным из них троих. Крепкого сложения, волосы каштановые, глаза карие. Квадратное лицо с высоким лбом, тяжелым подбородком и

широким носом. Щетина доказывает, что борода у него начала расти не так уж давно. Непонятно, за что его прозвали Лягухой, — может быть, прыгает хорошо.

— Встаньте, — сказала Дени. — Дорнийцы всегда найдут у меня при дворе теплый прием: Солнечное Копье сохранило верность королю, моему отцу, когда узурпатор захватил его трон. На пути сюда вам, должно быть, встретилось немало опасностей.

— Куда как много, ваше величество, — сказал красавец Герольд. — Когда мы уезжали из Дорна, нас было шестеро.

— Соболезную вашим потерям. Откуда взялось такое странное имя — Зеленорыл?

— Меня так на корабле прозвали, ваше величество. Болтанка, знаете ли, морская болезнь…

— Понимаю, сир, — засмеялась Дени. — Я правильно к вам обращаюсь? Даарио говорит, что вы рыцарь.

— Мы, с позволения вашего величества, все трое рыцари.

Дени уловила гнев на лице Даарио — он не знал этого.

— Прекрасно. Рыцари мне нужны.

— Объявить себя можно кем угодно — Вестерос

далеко, — вмешался сир Барристан. — Готовы ли вы подкрепить свои слова мечом и копьем?

— Готовы, если будет нужда, — ответил Герольд, — хотя с Барристаном Смелым вряд ли кто-то из нас сравнится. Мы просим ваше величество простить нас за то, что мы приехали сюда под вымышленными именами.

— Один человек по прозвищу Арстан Белобородый поступил точно так же, — сказала Дени. — Назовите мне настоящие имена.

— Охотно, ваше величество… Но не слишком ли здесь много глаз и ушей?

«Ох уж эти игры!»

— Очисти чертог, Скахаз.

Бестии по команде Лысого выдворили из зала оставшихся просителей и наемников, но советники остались при Дени.

— Итак, — сказала она.

— Сир Геррис Дринквотер, ваше величество, — с поклоном назвался Герольд. — Мой меч в вашем распоряжении.

— Как и мой боевой молот. — Зеленорыл скрестил на груди могучие руки. — Сир Арчибальд Айронвуд.

— А вы, сир? — обратилась королева к Лягухе.

— Я хотел бы сначала поднести вашему вели-

честву мой подарок.

— Извольте, — сказала Дени, но Даарио, заступив Лягухе дорогу, распорядился:

— Через меня.

Юноша с каменным лицом достал из сапога пожелтелый пергамент.

— Эта грамотка и есть твой подарок? — Даарио выхватил свиток и развернул, щурясь на печати и подписи. — Золото и ленты… Все очень мило, но кто вашу западную тарабарщину разберет.

— Отдайте пергамент королеве, — молвил сир Барристан.

Дени, чувствуя, как накаляется воздух, прощебетала:

— Я так еще молода, а молоденькие женщины обожают подарки. Не томите, Даарио, дайте сюда.

При виде имени «сир Виллем Дарри» ее сердце забилось сильнее. Она перечитала документ несколько раз.

— Можно узнать, что там сказано, ваше величество? — не выдержал сир Барристан.

— Это тайный договор, составленный в Браавосе во времена моего раннего детства. За меня с братом его подписал сир Виллем Дарри, увезший нас с Драконьего Камня до того, как люди узур-

патора явились туда. Принц Оберин Мартелл поставил подпись от имени Дорна, а свидетелем был браавосский Морской Начальник. — Дени протянула пергамент сиру Барристану, чтобы он прочел сам. — Здесь говорится, что наш союз должен быть скреплен браком. В обмен на помощь Дорна против сил узурпатора мой брат Визерис обязуется взять в жены дочь принца Дорана Арианну.

— Знай об этом Роберт, — сказал старый рыцарь, медленно вчитываясь в пергамент, — он разгромил бы Солнечное Копье по примеру Пайка. Принц Доран с Красным Змеем не сносили бы головы, да и принцесса тоже скорее всего.

— Потому-то принц Доран и держал это в тайне, — рассудила Дейенерис. — Если бы Визерис, со своей стороны, знал, что ему предназначена в жены дорнийская принцесса, он отправился бы в Солнечное Копье, как только подрос.

— Чем навлек бы молот Роберта на себя и на Дорн, — заметил Лягуха. — Отец терпеливо ждал, когда принц Визерис наберет себе войско.

— Ваш отец?

— Принц Доран. — Юноша снова припал на одно колено. — Я имею честь быть Квентином Мартеллом, принцем Дорна и верноподданным

вашего величества.

Дени залилась смехом, принц покраснел, придворные обменялись недоуменными взглядами.

— Чему ваша блистательность изволит смеяться? — спросил по-гискарски Скахаз.

— Теперь понятно, почему его прозвали лягушкой. В сказках Семи Королевств лягушки, когда их целуют, превращаются в принцев. На вас наложили чары, принц Квентин? — спросила Дени, перейдя на общий язык.

— Не припомню такого, ваше величество.

— Этого я и боялась. — Не зачарован и не чарует. Жаль, что принцем оказался он, а не тот, плечистый и светловолосый. — Но поцелуй остается в силе: вы хотите взять меня в жены, не так ли? Ваш дар — это собственная ваша персона. Вместо Визериса и вашей сестры союз должны скрепить вы и я.

— Мой отец надеялся, что вы найдете меня приемлемым в качестве жениха.

— Щенок, — презрительно рассмеялся Дарио. — Королеве нужен мужчина, а не младенец вроде тебя. Разве годишься ты в мужья такой женщине? У тебя ж молоко на губах не обсохло.

— Придержи свой язык, наемник, — потемнел сир Геррис Дринквотер. — Ты говоришь с прин-

цем Дорна.

— И с его кормилицей, насколько я понял. — Даарио с коварной улыбкой провел пальцами по рукояткам своих клинков.

Скахаз набычился, как умел он один.

— Миэрину нужен король гискарской крови, а не дорниец.

— Знаю я, что такое Дорн, — вставил Резнак. — Песок, скорпионы и пекущиеся на солнце красные горы.

— Дорн — это пятьдесят тысяч мечей и копий, предлагаемых королеве, — ответил на его слова Квентин.

— Пятьдесят тысяч? — насмешливо повторил Даарио. — Я насчитал только трех.

— Довольно, — оборвала Дейенерис. — Принц Квентин проехал полсвета, чтобы предложить мне свой дар, — извольте обращаться с ним уважительно. Жаль, что вы не пришли год назад, — сказала она дорнийцам. — Я уже дала слово благородному Гиздару зо Лораку.

— Еще не поздно… — заикнулся сир Геррис.

— Об этом судить буду я. Резнак, отведи принцу и его спутникам покои согласно их высокому положению. Все их желания должны исполняться незамедлительно.

— Слушаюсь, ваша блистательность.

— На сегодня все. — Королева поднялась с места.

Даарио и сир Барристан взошли с ней наверх.

— Это все меняет, — сказал старый рыцарь.

— Что могут изменить каких-то три человека? — возразила Дени, с которой Ирри снимала корону.

— Три рыцаря, — уточнил Селми.

— Три лжеца, — раздраженно бросил Даарио. — Они меня обманули.

— И подкупили, не сомневаюсь.

Даарио не стал отрицать очевидное. Дени перечла договор еще раз. Браавос. Он писался в Браавосе, где у них был дом с красной дверью. Почему это вызывает у нее такое странное чувство?

Она вспомнила сон, который привиделся ей прошлой ночью. Как его толковать? Быть может, Гиздар — ставленник колдунов, и боги посылают ей знак отказать ему и выйти за дорнийского принца? В памяти что-то зашевелилось.

— Какой герб у дома Мартеллов, сир Барристан?

— Солнце, пронзенное копьем.

«Сын солнца». Дени пробрало холодом. Что еще говорила Куэйта? Сивая кобыла, сын солнца…

Еще что-то о льве и драконе, но под драконом, вероятно, разумелась сама Дейенерис. «Остерегайся душистого сенешаля», да.

— Почему сны и пророчества всегда так загадочны? Ненавижу. Оставьте меня, сир, завтра день моей свадьбы.

Этой ночью Даарио проделал с ней все, что может мужчина проделать с женщиной, и она охотно подчинялась ему. Перед самым восходом солнца она возбудила его ртом, как когда-то научила ее Дорея, и оседлала капитана так яростно, что его рана начала кровоточить и трудно было понять, где он, а где Дени.

Потом встало солнце ее свадьбы. Даарио тоже встал, оделся, застегнул пояс с двумя золотыми распутницами.

— Куда ты? — спросила Дени. — Сегодня я запрещаю тебе выезжать из города.

— Как жестока моя королева. Чем я могу развлечься, пока ты выходишь замуж, если ты запрещаешь мне бить врагов?

— К ночи врагов у меня не станет.

— Но теперь только утро, и впереди долгий день — вдоволь времени для последней вылазки. Я подарю тебе на свадьбу голову Бурого Бена Пламма.

— Никаких голов. Раньше ты дарил мне цветы.

— Цветы пусть Гиздар тебе дарит. Сам он, конечно, нагибаться и срывать их не станет, но у него на то слуги есть. Ну так что, разрешаешь вылазку?

— Нет. — Когда-нибудь он уедет и не вернется. Получит стрелу в грудь или схлестнется в поле с десятком врагов. Пятерых он убьет, но горе Дени от этого не убавится. Когда-нибудь она потеряет его, как потеряла свое солнце и звезды… Но не сегодня. — Ложись обратно в постель и целуй меня. — Никто не целовал ее так, как Даарио. — Твоя королева приказывает тебе взять ее.

Он не принял ее шутки.

— Обладать королевой положено королю. Пусть этим займется твой благородный Гиздар после свадьбы. Если он слишком благороден для столь потной работы, то у него слуги есть. А нет, так положи с собой мальчишку-дорнийца и его красавца-дружка заодно.

Даарио вышел вон, и Дени поняла, что он все же поедет на вылазку — и если добудет-таки голову Бена Пламма, то явится прямо на свадебный пир и бросит ее к ногам королевы. Да спасут ее Семеро. Почему он не родился в знатной семье?

Миссандея подала скромный завтрак — козий

сыр, оливки, изюм на сладкое.

— Вы только вино пьете, ваше величество — скушайте что-нибудь. Вам сегодня понадобятся все ваши силы.

Наставление из уст ребенка позабавило Дейенерис. Во всем полагаясь на своего маленького писца, она часто забывала, что Миссандее всего одиннадцать. Дени надкусила оливку, и девочка, глядя на нее глазами цвета жидкого золота, сказала:

— Еще не поздно сказать им, что вы решили все отменить.

«Нет… поздно уже».

— Гиздар происходит из древнего, знатного рода. Когда мы соединимся, городская знать и мои вольноотпущенники тоже станут единым целым.

— Ваше величество не любит Гиздара. Вашей слуге кажется, что вы предпочли бы другого мужа.

О Даарио сегодня думать нельзя.

— Королева любит, кого должна, а не кого хочет. Убери это, — сказала Дени, окончательно потеряв аппетит. — Мне нужно выкупаться.

Она завидовала своим дотракийкам: им в шароварах из песчаного шелка и расписных

безрукавках куда прохладнее, чем будет ей в свадебном токаре с тяжелой каймой из мелкого жемчуга.

— Помогите мне намотать эту штуку — сама я не справлюсь.

Ей вспоминалась ее первая свадьба и брачная ночь, когда кхал Дрого лишил ее невинности под незнакомыми звездами. Как боялась она тогда и как была взбудоражена. С Гиздаром такого не повторится. Она уже не девочка, и он не ее солнце и звезды.

— Резнак и Скахаз просят оказать им честь сопровождать ваше величество в Храм Благодати, — доложила Миссандея. — Резнак уже заказал паланкин.

Миэринцы редко ездили верхом в стенах города, предпочитая передвигаться в носилках и креслах на плечах у рабов. «Лошади гадят на улице, — сказал Дени кто-то из Цхаков, — а рабы нет». Она освободила рабов, но носилки и кресла все так же загромождали улицы, и ни одно из этих сооружений не летало по воздуху волшебным путем.

— Слишком жарко для носилок — оседлайте мне Серебрянку. Не хочу ехать к моему лорду-мужу на спинах носильщиков.

— Ваша слуга сожалеет, но в токаре нельзя ездить верхом…

Миссандея была права, как почти во всех случаях. Дени скорчила рожицу.

— Как скажешь, но только не в паланкине. Я задохнусь за этими драпировками. Скажи, чтобы приготовили кресло. — Если без длинных ушей дело никак не обходится, пусть ее видят все кролики до единого.

Резнак и Скахаз пали на колени, узрев сходящую к ним королеву.

— Ваше великолепие так блистает, что ослепит каждого, кто осмелится посмотреть, — сказал сенешаль, одетый в багровый токар с золотой бахромой. — Гиздар зо Лорак — счастливейший из мужчин, а ваша блистательность, если мне будет дозволено так сказать, счастливейшая из женщин. Ваш брак воистину спасет этот город.

— Мы будем молиться об этом. Хочу увидеть, как мои оливковые деревца принесут плоды. — Что в сравнении с этим постылые поцелуи Гиздара? Она не просто женщина, она королева.

— Народу сегодня будет — что мух, — посетовал Скахаз в черной короткой юбке, рельефном панцире, с шлемом в виде змеиной головы на сгибе руки.

— С твоими Бронзовыми Бестиями никакие мухи мне не страшны.

На нижнем ярусе пирамиды было, как всегда, сумрачно, прохладно и тихо: стены тридцатифутовой толщины глушили уличный шум и не пропускали жару. Под воротами собирался эскорт. Лошади, мулы и ослы помещались в западных стенах, три слона, доставшиеся Дени вместе с пирамидой, — в восточных. Эти гиганты с подпиленными позолоченными бивнями и грустными глазами напоминали ей безволосых мамонтов.

Силач Бельвас ел виноград, сир Барристан ждал, когда оседлают его серого в яблоках скакуна. Трое дорнийцев прервали разговор с ним, когда королева вышла. Принц преклонил колено.

— Молю вас, ваше величество. Мой отец слаб здоровьем, но его преданность вам с годами не умалилась. Мне было бы печально узнать, что я чем-то вам неприятен, однако…

— Если хотите сделать мне приятное, сир, порадуйтесь за меня в день моей свадьбы, как радуется весь Желтый Город, — вздохнула Дени. — Встаньте, мой принц. Улыбнитесь. Когда-нибудь я вернусь в Вестерос и обращусь к Дорну за помо-

щью, но пока что Юнкай окружает мой город стальным кольцом. Кто знает, что ждет нас в будущем. Быть может, я умру, так и не увидев Семи Королевств… или Гиздар умрет… или Вестерос скроется под волнами моря. — Она поцеловала Квентина в щеку. — Пойдемте, уже пора.

Сир Барристан усадил ее в кресло. Ворота по приказу Силача Бельваса отворились, и Дейенерис Таргариен выплыла на яркое солнце. Селми на сером коне ехал следом.

— Поженились бы мои отец с матерью, будь они вольны следовать велению сердца? — спросила его Дени на пути к храму.

— Это было давно, ваше величество, и чужая душа — потемки.

— Но вы ведь знали их. Как вы думаете?

— Ваша матушка, королева, была всегда послушна своему долгу. — Старый рыцарь, очень красивый в золотых с серебром латах и белоснежном плаще, говорил тяжело и неохотно, будто камни ронял. — Но в девичестве ей случилось полюбить одного молодого рыцаря со штормовых земель. На турнире она повязала ему свою ленту, а он провозгласил ее королевой любви и красоты. Длилось это недолго.

— Что же стало с тем рыцарем?

— С того дня, как ваши мать и отец поженились, он больше не выступал на турнирах. Стал очень набожен и говорил, что одна лишь Дева заменит в его сердце королеву Рейеллу. Ему с самого начала не на что было надеяться: простой рыцарь не пара принцессе крови.

А Даарио Нахарис — всего лишь наемник, недостойный пристегнуть шпоры рыцарю.

— Расскажите теперь об отце. Любил ли он кого-нибудь больше, чем королеву?

— Не то чтобы любил, скорее желал… Но это ведь только сплетни, пересуды прачек и конюхов.

— Говорите. Я хочу знать о своем отце все — хорошее и дурное.

— Как прикажете. В юности принц Эйерис воспылал страстью к одной девице из Бобрового Утеса, кузине Тайвина Ланнистера. На ее с Тайвином свадебном пиру принц упился допьяна и громко сетовал на то, что право первой ночи упразднено. Пьяная шутка, не более, но Тайвин не забыл ему ни тех слов, ни вольностей, которые принц позволил себе, провожая молодую на ложе — не таков был человек, чтоб забыть. Простите, ваше величество… я слишком разговорился.

— Привет тебе, светлейшая королева! — С ними поравнялась другая процессия, и Гиздар зо Лорак улыбался ей со своего кресла. Ее король. Где-то сейчас Даарио? Будь это в сказке, он подскакал бы к храму и вызвал Гиздара на поединок за ее руку.

Оба поезда проследовали через город до Храма Благодати, сверкающего золотыми куполами на солнце. «Как красиво», — говорила себе королева, но глупая девочка, сидевшая в ней, украдкой высматривала Даарио. «Если б Даарио любил тебя, то увез бы, как Рейегар свою северянку», — твердила эта девчонка, но королева знала, что это безумие. Имей даже капитан безрассудство предпринять нечто подобное, Бронзовые Бестии его бы и на сто ярдов не подпустили.

Галацца Галар встречала их у дверей, окруженная своими сестрами в белых, розовых, красных, лазурных, золотых и пурпурных одеждах. Благодатей стало меньше, чем прежде. Дени искала и не находила Эзарру — неужели болезнь и ее унесла? Мор продолжал распространяться, хотя астапорцы безвылазно сидели в своем карантине за стенами города. Заболевали все: вольноотпущенники, наемники, Бронзовые Бестии, даже дотракийцы. Только Безупречных зараза пока не

коснулась, и Дени хотелось верить, что худшее все-таки позади.

Жрицы вынесли из храма стул из слоновой кости и золотую чашу. Дейенерис, придерживая токар, опустилась на бархатное сиденье, а Гиздар, став на колени, развязал ей сандалии и омыл ноги под пение пятидесяти евнухов, на виду у десяти тысяч зрителей. Руки у него ласковые, думала Дени, по ступням которой струились благовонные масла. Если еще и сердце доброе, со временем она, может быть, его и полюбит.

Осушив ноги мягким полотенцем, Гиздар снова завязал сандалии и помог Дени встать. Рука об руку они прошли за Зеленой Благодатью в храм, где густо пахло курениями и боги Гиса стояли в своих полутемных нишах.

Четыре часа спустя они вышли оттуда как муж и жена, скованные вместе золотыми цепями по рукам и ногам.

Джон

Королева Селиса прибыла в Черный Замок вместе с дочерью, дочериным шутом, служанками и фрейлинами. Кроме них, ее сопровождали рыцари, присяжные мечи и полсотни солдат — люди королевы все как один. Их подлинная госпожа, Мелисандра, предупредила о приезде супруги Станниса за день до того, как из Восточного Дозора прилетел ворон с тем же известием.

Джон с Атласом, Боуэном Муршем и еще полудюжиной братьев встречали ее у ворот. К этой королеве, если то, что о ней говорят, правда хотя бы наполовину, без собственной свиты лучше не выходить. Чего доброго, примет его за конюха и велит принять у нее коня.

Метель наконец дала им передышку, уйдя на юг, и стало почти тепло. Джон преклонил колено перед королевой Селисой.

— Добро пожаловать в Черный Замок, ваше величество.

— Благодарю, — уронила она с высоты седла. — Прошу вас, проводите меня к вашему лорду-командующему.

— Братья доверили этот пост мне, Джону Сноу.

— Вам?! Мне говорили, что вы молоды, но… — Над бледным тонким личиком королевы высилась корона красного золота с зубцами в виде языков пламени — такая же, как у Станниса. — Встаньте, лорд Сноу. Это моя дочь Ширен.

— Принцесса, — склонил голову Джон. Девочку, некрасивую от природы, еще больше подпортила серая хворь, покрывшая грубой коркой шею и часть щеки. — Мои братья и я в полном вашем распоряжении.

— Благодарю вас, милорд, — покраснела Ширен.

— С моим родичем сиром Акселлом Флорентом вы, полагаю, знакомы?

— Только по письмам. — Послания из Восточного Дозора создали у Джона весьма нелестное мнение о дяде Селисы. — Сир Акселл.

— Лорд Сноу. — Лицо плотного коротконогого Флорента сплошь покрывала жесткая поросль — волосы торчали даже из ушей и ноздрей.

— Мои верные рыцари сир Нарберт, сир Бенетон, сир Брюс, сир Патрек, сир Дорден, сир Малегорн, сир Ламберт, сир Перкин. — Каждый, кого называла Селиса, кланялся. Дурака она не потрудилась представить, но шапка с оленьими рогами и пестрая татуировка на щеках говорили

сами за себя. Пестряк — вот как его звать. Коттер Пайк писал, что он и впрямь дурачок.

Настал черед еще одной примечательной фигуры — высокого тощего человека, которому еще прибавляла роста заморская трехъярусная шляпа из пурпурного фетра.

— А это почтенный Тихо Несторис, посланник браавосского Железного банка. Он приехал для переговоров с его величеством королем Станнисом.

Банкир тоже поклонился, помахав перед собой шляпой.

— Лорд-командующий, благодарю за гостеприимство. — Браавосец, на полфута выше Джона, носил жидкую бороду чуть ли не до пояса и на общем говорил очень хорошо, почти без акцента. Одет он был в лиловую мантию с оторочкой из горностая, с высоким жестким воротником. — Надеюсь, мы вас не слишком стесним.

— Нисколько, милорд. Мы очень вам рады. — Больше, чем королеве, по правде сказать. Банкир — Коттер Пайк и о нем докладывал — последнее время не выходил у Джона из головы. — Ваше величество ждут покои в Королевской башне; мы все надеемся, что вы надолго осчастливите нас своим пребыванием. Наш лорд-стюард, Боуэн

Мурш, постарается разместить ваших людей наилучшим образом.

— Как мило, что вы нам приготовили комнаты. — «Это твой долг, — слышалось в тоне королевы, — молись, чтобы они мне понравились». — Мы пробудем здесь недолго, самое большее несколько дней. Отдохнем и двинемся в Твердыню Ночи, нашу новую резиденцию. Путешествие из Восточного Дозора было весьма утомительным.

— На все воля вашего величества. Вы, конечно, замерзли и проголодались; в нашей трапезной вам подадут горячую пищу.

— Прекрасно, — королева обвела взглядом двор, — но сначала мы хотели бы поговорить с леди Мелисандрой.

— Она тоже живет в Королевской башне, ваше величество. Пожалуйте сюда.

Селиса взяла дочь за руку и пошла с Джоном к башне. Следом, как утята за уткой, потянулись сир Акселл, браавосский банкир и все остальные.

— Мои строители сделали все, что могли, чтобы Твердыня Ночи стала пригодной для обитания, — сказал по дороге Джон, — но большая ее часть пока остается разрушенной. Это большой замок, больше всех на Стене — целиком мы его не суме-

ли восстановить. Возможно, вашему величеству было бы удобнее в Восточном Дозоре.

— С Восточным Дозором покончено, — заявила Селиса. — Нам неугодно больше там оставаться. Королева должна быть хозяйкой в собственном доме, а ваш Коттер Пайк — человек неотесанный, скупой и сварливый.

Слышала бы она, как Коттер отзывается о ней самой.

— Сожалею, но боюсь, что в Твердыне Ночи вашему величеству понравится еще меньше. Это не дворец, это крепость — мрачное, холодное место, — в то время как Восточный Дозор…

— Там опасно. Ширен, — королева положила руку на плечо дочери, — когда-нибудь взойдет на Железный Трон и будет править Семью Королевствами. Ее до́лжно беречь, а Восточный Дозор находится под постоянной угрозой нападения. Мой супруг выбрал для нас Твердыню Ночи, там мы и обоснуемся. Мы… о-о!

Через двор из-за башни лорда-командующего протянулась гигантская тень. Ширен вскрикнула, трое рыцарей дружно ахнули, четвертый выругался и помянул Семерых, забыв на мгновение своего нового красного бога.

— Не бойтесь, — сказал Джон, — это Вун-Вун,

ваше величество. Он безобиден.

— Вун Вег Вун Дар Вун. — Великан, пророкотав свое полное имя, опустился на колени, как учил его Кожаный. — Кланяться королеве. Принцессе.

Глаза принцессы Ширен сделались круглыми, как два блюдца.

— Великан! Настоящий великан, будто в сказке. А почему он так смешно говорит?

— На общем языке он выучил всего несколько слов. У себя дома великаны разговаривают на старом.

— Можно его потрогать?

— Лучше не надо, — вмешалась королева, — он очень грязный. Что делает это чудовище по нашу сторону Стены, лорд Сноу?

— Вун-Вун, как и вы, гость Ночного Дозора.

Королеве и ее рыцарям не пришелся по вкусу такой ответ. Сир Акселл скривился, сир Брюс судорожно хихикнул, сир Нарберт сказал:

— Я думал, все великаны вымерли.

— Немногие еще существуют.

Игритт плакала из-за них.

— Во тьме пляшут мертвые, — объявил, пританцовывая, Пестряк. — Я знаю, я-то знаю. — В Восточном Дозоре ему сшили плащ из бобровых, овечьих и кроличьих шкурок, рогатую шапку

с колокольцами снабдили беличьими ушами. Вун-Вун как зачарованный протянул к нему руку, но дурак отскочил. — Нет-нет-нет, нет-нет-нет. — Великан встал, королева потащила принцессу прочь, рыцари взялись за мечи, Пестряк шлепнулся задом в снег.

Громоподобный хохот Вун-Вуна мог бы поспорить с драконьим ревом. Пестряк зажал уши, принцесса зарылась в меха своей матушки, самый храбрый из рыцарей вышел вперед с мечом наголо.

— Не сердите его, сир, — заступил дорогу Джон, — вложите сталь в ножны. Кожаный, отведи Вун-Вуна обратно в Хардин.

— Вун-Вун дадут есть? — спросил великан.

— Дадут, — подтвердил Джон. — Тебе, Кожаный, пришлю мяса, ему бушель овощей. Разводи костер.

— Мигом, милорд, — ухмыльнулся тот, — только в Хардине страсть как холодно. Может, и винца заодно пришлете?

— Ладно. Сам пей, но ему не давай. — Вун-Вун, никогда прежде не пробовавший вина, в Черном Замке пристрастился к нему, а Джону хватало забот и без пьяного великана. — Никогда не обнажай меч, если не намерен пустить его в

дело — так мой лорд-отец говорил, — добавил Джон, обращаясь к рыцарям.

— Я и намеревался. — Рыцарь с бритым, красным от мороза лицом носил белый меховой плащ, а под ним — камзол из серебряной парчи с синей пятиконечной звездой. — Я всегда полагал, что Ночной Дозор защищает государство от подобных созданий, а не держит их у себя во дворе.

Еще один южный болван.

— Простите, сир, ваше имя?

— Сир Патрек с Королевской Горы, милорд.

— Не знаю, как встречают гостей на вашей горе, сир, но на Севере законы гостеприимства священны.

— А если Иные нагрянут, им вы тоже окажете гостеприимство, милорд? — улыбнулся сир Патрек. — Это, кажется, и есть Королевская башня, ваше величество. Могу ли я иметь честь?

— Извольте. — Королева оперлась на его руку и вошла внутрь, ни разу не оглянувшись.

Языки пламени на короне — самое теплое, что в ней есть.

— Лорд Тихо, — окликнул Джон, — не уделите ли мне толику времени?

— Я не лорд, лишь скромный служитель Железного банка в Браавосе.

— Коттер Пайк докладывает, что вы пришли в Восточный Дозор с тремя кораблями — галеей, галеоном и коггом.

— Точно так, милорд. Переход через море в такое время опасен. Если один корабль станет тонуть, другие ему помогут. Железный банк всегда проявляет благоразумие в подобных делах.

— Не могли бы мы поговорить наедине, прежде чем вы уедете?

— Я весь к услугам лорда-командующего. Может быть, прямо сейчас? Лучшее из времен — настоящее, говорят у нас в Браавосе.

— Превосходно. Что предпочтете — мою горницу или Стену?

Банкир запрокинул голову, созерцая ледяную громаду.

— Боюсь, что там наверху очень холодно.

— И ветрено тоже. Новички первым делом учатся не подходить к краю, чтобы не сдуло. Но Стена — одно из чудес света, и кто знает, доведется ли вам увидеть ее еще раз.

— Я буду жалеть об упущенном случае до конца моих дней, но теплая горница после долгого дня в седле предпочтительней.

— Как пожелаете. Принеси нам горячего вина, Атлас.

В комнатах за оружейной оказалось не так уж тепло. Огонь давно погас — Атлас смотрел за ним не столь усердно, как Скорбный Эдд.

— Зерна! — заорал вместо приветствия ворон.

— Вы приехали к Станнису, это верно? — спросил Джон, вешая плащ.

— Да, милорд. Королева Селиса предложила послать в Темнолесье ворона с уведомлением, что я ожидаю его величество в Твердыне Ночи. Дело у меня слишком деликатное, чтобы излагать его на письме.

— Стало быть, долг. — «А что же еще?» — Его собственный или брата?

Банкир соединил кончики пальцев.

— Долги лорда Станниса или отсутствие оных обсуждать мы не станем. Что до короля Роберта, то мы действительно оказали его величеству посильную помощь. При его жизни все шло хорошо, но теперь выплаты прекратились.

Неужто они полные дураки, эти Ланнистеры?

— Станнис не отвечает за долги своего брата, не так ли?

— Ссуда была выдана Железному Трону, и платить обязан тот, кто его занимает. Поскольку юный король Томмен и его советники противятся этому, мы намерены поговорить на сей счет с

королем Станнисом. Если он оправдает наше доверие, мы с удовольствием окажем помощь ему.

— Помощь, — завопил ворон. — Помощь.

Джон предполагал нечто в этом роде, услышав, что Железный банк послал на Стену одного из своих людей.

— Его величество, насколько мы знаем, выступил на Винтерфелл, чтобы дать бой лорду Болтону и его сторонникам. Можете поискать его там, если не боитесь оказаться в самой гуще военных действий.

— Слуги Железного банка сталкиваются со смертью не реже, чем слуги Железного Трона.

Джон Сноу сам уже не знал, кому служит.

— Я дам вам лошадей и провизию. Мои люди проводят вас до самого Темнолесья, но Станниса будете разыскивать самостоятельно. — «И найдете либо его, либо его голову на колу». — С вас за это тоже кое-что взыщется.

— Даром ничего не дается, верно? — улыбнулся банкир. — Чего же хочет Дозор?

— Ваши корабли для начала. Вместе с командами.

— Все три? Как же я вернусь в Браавос?

— Они нужны мне только на одну ходку.

— Рискованную, как видно. Вы сказали «для

начала»?

— Нам тоже понадобится ссуда, чтобы дожить до весны. Золото, чтобы купить провизию и нанять суда для ее доставки.

— До весны? — вздохнул Тихо. — Невозможно, милорд.

Станнис говорил, что Джон торгуется, будто торговка на рыбном рынке, — не иначе лорд Эддард зачал его от одной из них. Может, и так.

Час спустя невозможное стало возможным. Еще час они обговаривали условия. Штоф с горячим вином помог им уладить наиболее щекотливые пункты. Когда Джон подписал браавосский пергамент, оба были под хмельком и смотрели угрюмо. Джон счел это добрым знаком.

Флот Дозора теперь увеличился до одиннадцати кораблей. В него входили иббенийский китобой, конфискованный по приказу Джона Коттером Пайком; торговая галея из Пентоса, приобретенная тем же способом; три потрепанных лиссенийца из флотилии Салладора Саана, занесенные осенними штормами на север (их переоснастку должны были уже закончить к этому времени) — и, наконец, три судна из Браавоса.

Одиннадцати кораблей тоже мало, но если и дальше тянуть, одичалые из Сурового Дома пе-

ремрут еще до прихода спасателей. Отплывать нужно немедленно — вопрос в том, дозрели ли Мать Кротиха и ее приверженцы до того, чтобы вверить свои жизни Ночному Дозору…

Когда Джон с Тихо Несторисом вышли наружу, стало смеркаться и пошел снег.

— Вот и кончилась передышка. — Джон запахнулся в плащ.

— Зима совсем близко. В Браавосе замерзли каналы.

— Недавно в Браавосе побывали проездом трое моих людей: старый мейстер, певец и молодой стюард. С ними была женщина с ребенком, из одичалых. Не встречали таких, случайно?

— Боюсь, что нет, милорд. Вестеросцы бывают в Браавосе каждый день, но прибывают они большей частью в Мусорную Заводь и отплывают тоже оттуда, а Железный банк пользуется Пурпурной гаванью. Если хотите, я наведу о них справки, когда вернусь.

— Нет нужды. Теперь они должны уже быть в Староместе.

— Будем надеяться. Сейчас в Узком море сезон штормов, и со Ступеней приходили тревожные вести о чужих кораблях.

— Салладор Саан?

— Лиссенийский пират, да — говорят, он снова взялся за старое. Военный флот лорда Редвина на Перебитой Руке возвращается домой, тут все ясно, но те корабли идут как будто с востока. Все говорят о драконах.

— Нам бы сюда одного, для тепла.

— Простите, милорд, что я не смеюсь. Предки браавосцев в свое время бежали от драконьих лордов Валирии — над драконами мы не шутим.

— Простите и меня за неудачную остроту, лорд Тихо.

— Вам не за что извиняться, милорд. Я, однако, проголодался — когда даешь большие деньги взаймы, аппетит разгорается. Не покажете ли, где ваш чертог?

— Я провожу вас туда, идемте.

В подвале было тепло и людно — все, кто не спал и не караулил, собрались поглядеть на приезжих.

Королева и принцесса отсутствовали — обустраивались в Королевской башне, должно быть, — но сир Брюс и сир Малегорн развлекали братьев последними новостями из Восточного Дозора и заморских краев. Трем фрейлинам королевы прислуживали их собственные служанки и около дюжины очарованных мужчин в черном.

Десница королевы расправлялся с каплунами, обсасывая косточки и запивая элем каждый глоток. При виде Джона сир Акселл вытер рот и встал с места. Несмотря на его кривые ноги, грудь колесом и торчащие уши, у Джона и в мыслях не было смеяться. Сир Акселл — дядя Селисы и принял красного бога Мелисандры одним из первых. Если не братоубийца, то, во всяком случае, соучастник: по словам мейстера Эйемона, он палец о палец не ударил, чтобы спасти своего близкого родича от костра красной жрицы — что же это за человек такой, который стоит и смотрит, как горит заживо его брат?

— Несторис, лорд-командующий — могу я присесть? — Сир Акселл плюхнулся на скамью, не дожидаясь согласия. — Не скажете ли, лорд Сноу, где принцесса одичалых, о которой писал нам его величество?

«За много лиг отсюда… И уже нашла Тормунда, если боги были к ней милостивы».

— Вель — младшая сестра Даллы, жены Манса-Разбойника. Король Станнис взял в плен ее и ребенка умершей в родах Даллы, но в вашем понимании этого слова она не принцесса.

— Пусть так, но в Восточном Дозоре говорят, что она раскрасавица. Я сам хотел бы взглянуть.

Одичалые женщины так страшны большей частью, что родные мужья, небось, зажмуриваются, ложась с ними. Может, приведете ее, лорд-командующий?

— Она не лошадь, чтобы выводить ее для показа, сир.

— Зубы считать не буду, слово даю. Не бойтесь: я выкажу ей всю подобающую учтивость.

Он знает, что ее нет. В деревне и в Черном Замке ничего скрыть нельзя. Об отъезде Вель открыто не говорят, но те, кто знает о нем, делятся в трапезной с друзьями-приятелями. Что Флорент слышал, чему поверил?

— Простите, сир, но Вель сюда не придет.

— Тогда я сам пойду к ней. Где вы ее содержите?

— В надежном месте — вот все, что вам следует знать.

— Вы не забыли, милорд, кто я такой? — От Флорента разило элем и луком. — Одно слово ее величества, и я эту одичалую голой сюда притащу.

Вряд ли даже королеве удалось бы проделать такую штуку.

— Королева не станет злоупотреблять нашим гостеприимством, — сказал Джон, надеясь, что

это правда. — Кстати, обязанности хозяина вынуждают меня вас оставить. Прошу извинить, лорд Тихо.

— Да-да, извольте, — сказал банкир.

Снег падал густо, заслоняя огни Королевской башни.

Ворон, сидевший на спинке дубового стула в горнице Джона, тут же потребовал корма. Джон взял из мешка у двери пригоршню зерен, рассыпал их по полу и занял освободившийся стул.

Он трижды перечитал копию договора, оставленную на столе Тихо Несторисом. Все очень просто. Проще, чем он смел надеяться, проще, чем следует.

Даже не по себе как-то. Браавосское золото позволит Ночному Дозору закупить провизию на юге, когда истощатся собственные припасы, и выдюжить зиму, какой бы долгой она ни была. Если она затянется и будет суровой, Дозор со своим долгом ввек не расплатится, но когда выбираешь между займом и смертью, приходится занимать.

Джон на это пошел, скрепя сердце. Что-то будет весной, когда придет время платить? Тихо Несторис показался ему человеком учтивым и просвещенным, но Железный банк с должниками не церемонится. В каждом из Девяти Городов

есть свой банк, порой и не один; за каждую монету они бьются, как собаки за кость, но Железный богаче и могущественнее их всех вместе взятых. Когда правители отказываются платить другим банкам, разорившиеся владельцы продают в рабство жен и детей, а себе режут вены. Когда правители отказываются платить Железному банку, их троны, словно по волшебству, занимают другие правители.

Пухлый мальчонка Томмен может узнать это на собственном опыте. Ланнистеров, не желающих платить долги короля Роберта, понять можно, но поступают они крайне глупо. Если у Станниса достанет гибкости заключить соглашение с браавосцами, они отсыплют ему золота и серебра на дюжину наемных отрядов, на подкуп ста лордов, на прокорм и снаряжение войска. Станнис, если он уже не лежит убитый под стенами Винтерфелла, займет Железный Трон без труда. Видела ли это Мелисандра в своем пророческом пламени?

Джон откинулся назад, потянулся, зевнул. Завтра он напишет Коттеру Пайку приказ отправить в Суровый Дом одиннадцать кораблей и привезти оттуда как можно больше людей, женщин и детей в первую очередь. Давно пора это сделать. Плыть туда самому или поручить это Коттеру? Старый

Медведь самолично возглавил разведку — и не вернулся назад.

Джон закрыл глаза… и проснулся негнущимся, как доска. Малли тряс его, ворон бубнил «Сноу, Сноу».

— Виноват, милорд, вас там девушка спрашивает.

— Какая девушка? — Джон выпрямился, протирая глаза. — Вель?

— Никак нет, не Вель. С другой стороны пришла.

«Арья! Точно она!»

— Девушка! — орал ворон. — Девушка!

— Тай с Даннелом нашли ее в двух лигах южнее Кротового городка. Гнались за двумя одичалыми, что улепетнули по Королевскому тракту, а нашли, значит, ее. Девица знатного рода, милорд. Вас спрашивает.

— Сколько при ней человек? — Джон умылся из таза. Боги, как он устал.

— Одна она. Лошадь под ней еле живая, кожа да кости, хромая, вся в мыле. Кобылку пустили на волю, а девушку сюда привезли.

Девочка в сером на умирающей лошади. Огонь, похоже, не лгал, но куда же делся Манс с копьеносицами?

— Где она сейчас?

— У мейстера Эйемона, милорд. — Эти комнаты так и звались до сих пор, хотя мейстеру полагалось уже блаженствовать в Староместе. — Девчушка-то замерзла, синяя вся, ну Тай и отвел ее к Клидасу, чтобы тот поглядел.

— Правильно сделал. — «Сестричка…» Джон, снова чувствуя себя пятнадцатилетним, накинул плащ.

Снег шел, не переставая. Восток уже золотился, но в окне леди Мелисандры еще мерцал красный свет. Она что, вовсе не спит? «Какую игру ты ведешь, жрица — уж не послала ли ты Манса куда-то еще?»

Ему хотелось верить, что найденная девушка вправду Арья. Хотелось увидеть ее снова, взъерошить ей волосы, сказать, что теперь она в безопасности. Только неправда это. Винтерфелл сожжен, и безопасных мест на земле больше нет.

Здесь ее при всем желании оставить нельзя. Стена не место для женщин, тем более для благородных девиц. Станнису и Мелисандре он ее тоже не отдаст. Король захочет выдать ее за Хорпа, Масси или Годри Победителя Великанов, а что взбредет в голову красной женщине, одним богам ведомо.

Лучше всего отослать ее в Восточный Дозор и попросить Коттера Пайка переправить девочку куда-нибудь за море, подальше от передравшихся королей. Когда корабли вернутся из Сурового Дома, она может, например, уехать в Браавос с Тихо Несторисом, и Железный банк подыщет ей высокородных приемных родителей. Браавос — самый ближний из Вольных Городов, хотя неизвестно, хорошо это или плохо. Лорат или Порт-Иббен, возможно, были бы лучше. И всюду, куда бы она ни отправилась, Арье понадобятся звонкая монета, крыша над головой и защитники. Она всего лишь ребенок.

Малли открыл дверь, и пар, хлынувший из жарко натопленных комнат мейстера, ослепил их обоих. В очаге трещал огонь.

— Сноу, Сноу, Сноу, — заладили вороны наверху, когда Джон переступил через кучку мокрой одежды. Девушка, закутанная в широченный черный плащ, спала, свернувшись в клубок у огня.

Она в самом деле походила на Арью. Высокая, угловатая как жеребенок, одни коленки и локти. Толстая каштановая коса, завязанная кожаной тесемкой, продолговатое лицо, острый подбородок, маленькие уши — но взрослая, слишком взрослая. Ровесница скорее Джону, чем Арье.

— Она ела что-нибудь? — спросил Джон.

— Только хлеб с бульоном, милорд, — ответил, поднявшись со стула, Клидас. — В таких случаях, как говорил мейстер Эйемон, торопиться не надо. Сытный обед она пока не сможет переварить.

— Даннел ей предлагал колбасу, она не захотела, — подтвердил Малли.

Неудивительно. Изготовляемые Хоббом колбасы состоят из жира, соли и такого, о чем лучше не думать.

— Дадим ей отдохнуть, — сказал Джон, но тут девушка проснулась и села, придерживая плащ на груди.

— Где я?

— В Черном Замке, миледи.

— Стена. — Ее глаза налились слезами. — Добралась все-таки.

— Бедное дитя, — подошел к ней Клидас. — Сколько вам лет?

— Скоро шестнадцать. И я не дитя, потому что уже расцвела. — Девушка зевнула, прикрывая рот краем плаща. Голая коленка высунулась из складок. — На вас нет цепи — вы мейстер?

— Нет. Служил мейстеру.

Очень все-таки похожа на Арью — глаза и волосы такого же цвета.

— Мне сказали, что вы спрашивали меня. Я…

— Джон Сноу. — Она откинула косу за спину. — Наши дома связаны узами крови и чести, и я взываю к вам о помощи, родич. За мной гонится дядя Криган — не позволяйте ему вернуть меня в Кархолд.

Что-то в ее манерах и разговоре помогло Джону вспомнить.

— Элис Карстарк.

— Вот не думала, что меня можно узнать, — с тенью улыбки сказала девушка. — В последний раз мы виделись, когда мне было шесть лет.

— Вы приезжали к нам в Винтерфелл с отцом. — Тем самым, которого Робб потом обезглавил. — Не помню уже для чего.

— Познакомить меня с вашим братом, — вспыхнула Элис. — Предлог был какой-то другой, но истинная причина именно эта. Мы были почти ровесники, и мой отец хотел поженить нас. В нашу честь устроили пир, где я танцевала и с вашим братом, и с вами. Он был очень учтив и сказал, что я танцую прелестно, а вы все дулись. «Чего же и ждать от бастарда», — сказал мой отец.

— Помню, да, — кивнул Джон, солгав только наполовину.

— У вас и теперь вид надутый, но я прощу вас,

если спасете меня от дяди.

— Ваш дядя как будто лорд Арнольф?

— Какой там лорд! Настоящий лорд — мой брат Харри, и по закону ему наследую я. Арнольф — только кастелян, потому что дочь идет прежде дяди. Его племянником, собственно, был отец, я ему прихожусь внучатой племянницей. Криган — его сын. Не знаю, какое между нами родство, но мы его всегда звали дядей, а теперь мне предлагается назвать его своим мужем. — Элис сжала кулачок. — До войны я была помолвлена с Дарином Хорнвудом. Мы только и ждали, когда я расцвету, но Дарин пал в Шепчущем лесу от руки Цареубийцы. Отец писал, что найдет мне какого-нибудь южного лорда, и не успел: ваш брат Робб отрубил ему голову за каких-то двух Ланнистеров. Я думала, они для того и пошли на юг, чтобы убивать Ланнистеров…

— Все не так просто. Лорд Карстарк убил пленных, миледи. Двух мальчиков-оруженосцев, безоружных, заключенных в тюрьму.

Девушку это как будто не удивило.

— Отец, не столь громогласный, как Большой Джон, в гневе был не менее страшен. Теперь и он, и ваш брат мертвы, но мы с вами пока еще живы. Скажите, лорд Сноу: есть между нами кровная

вражда или нет?

— Человек, надевая черное, забывает о кровной мести, а Ночной Дозор не враждует ни с вами, ни с Кархолдом.

— Хорошо, а то я боялась. Я умоляла отца поставить кастеляном кого-то из моих братьев, но они все ушли с ним на юг, чтобы завоевать славу. Теперь Торр и Эдд убиты, а Харри держат пленником в Девичьем Пруду, насколько мы слышали чуть ли не год назад. Может быть, и его уже нет в живых. Мне больше не к кому обратиться, кроме последнего из сыновей Эддарда Старка.

— Почему бы не к королю? Кархолд присягнул Станнису.

— Дядя это сделал для того, чтобы Ланнистеры отрубили бедному Харри голову. В случае смерти брата Кархолд переходит ко мне, но дяди не дадут мне воспользоваться моими правами. Как только я рожу Кригану ребенка, нужда во мне отпадет — двух жен он уже схоронил. — Элис сердито, совсем как Арья, смахнула слезу. — Вы согласны помочь мне?

— В брачных и наследственных делах все решает король, миледи. Я напишу о вас Станнису, но…

— Ответа вы не дождетесь, — невесело рас-

смеялась Элис. — Станнис умрет еще до того, как получит ваше письмо — дядя за этим присмотрит.

— То есть как?

— Арнольф придет к Винтерфеллу, верно, но лишь для того, чтобы вонзить кинжал в спину вашему королю. Он давно уже выбрал Русе Болтона своим сюзереном — за золото, за обещанное помилование, за голову Харри. Лорд Станнис идет в западню. Он мне ничем не поможет, да и не стал бы. Вы моя единственная надежда, лорд Сноу. — Девушка опустилась на колени. — Именем вашего отца заклинаю: спасите меня.

Слепая Бет

Ночью ей светили звезды, и снег искрился под луной, но просыпалась она всегда в темноте. Она открывала глаза и облизывалась, припоминая прекрасный, быстро меркнущий сон. Блеяние овец, ужас в глазах пастуха, визг собак, которых она убивала одну за другой, рычание стаи. Дичи поубавилось, когда выпал снег, но прошлой ночью они славно попировали. Ягнятина, собачатина, баранина, человечина. Кое-кто из ее мелких серых родичей боится человека, даже мертвого, а она нет. Мясо есть мясо, и люди — такая же добыча, как и все прочие. Во сне она становится ночным волком.

Слепая девочка повернулась на бок, села, поднялась, потянулась. Постелью ей служили холодная каменная лежанка и набитый тряпьем тюфяк — просыпалась она застывшая, как деревяшка. Тихая, словно тень, она прошлепала огрубевшими подошвами к тазу, умылась холодной водой, вытерлась. Сир Григор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. Ее утренняя молитва. Ее ли? Нет, она ведь никто. Это молитва ночного волка. Когда-нибудь

она выследит их, затравит, ощутит запах их страха, вкусит их крови. Когда-нибудь.

Она отыскала свои штанишки, понюхала, признала годными, натянула. Сдернула с колышка длинную кусачую рубаху из некрашеной шерсти. Теперь чулки — один черный, другой белый. Черный наверху подшит, белый нет, чтобы надевать каждый на нужную ногу. Ноги у нее хоть и тощие, но сильные и с каждым днем становятся все длиннее.

Это хорошо: водяному плясуну нужны крепкие ноги. Не век же ей быть Слепой Бет.

Нос привел бы ее на кухню, даже если бы она не знала дороги. Горячий перец, жареная рыба, хлеб прямо из печки. Ночная волчица наелась вдоволь, но слепая девочка давно поняла, что съеденным во сне мясом нельзя насытиться.

Сардины, только со сковородки, обжигали пальцы. Она подобрала остатки масла кусочком свежевыпеченного хлеба и запила завтрак разбавленным вином, смакуя каждое ощущение. Хрустящая корочка, вкус поджарки, жжение от перечного масла, попавшего в ссадину на руке. Слушать, обонять, вкушать, осязать — так познают мир незрячие.

Вошел кто-то в мягких тряпичных туфлях.

Добрый человек, определила она, раздув ноздри. Мужчины пахнут иначе, чем женщины, а жрец к тому же жует апельсиновые корки, освежая дыхание.

— Кто ты этим утром? — спросил он, садясь во главе стола. Тук-тук-тук — первое яичко облупливает.

— Никто.

— Лжешь. Я знаю тебя — ты маленькая слепая нищенка.

— Бет. — Она знала одну Бет в Винтерфелле, когда была Арьей Старк — может, потому и выбрала это имя.

— Бедное дитя. Хочешь получить обратно свои глаза? Попроси — и прозреешь.

Он спрашивал ее об этом каждое утро.

— Может быть, завтра. Сегодня нет. — Ее лицо, как тихая вода, скрывало все, что лежит внизу.

— Как хочешь. — Звякнуло серебро: он взял ложечку из солонки. — Где попрошайничала моя бедная девочка прошлой ночью?

— В таверне «Зеленый угорь».

— Какие три новые вещи ты узнала с тех пор, как выходила в последний раз?

— Морской Начальник все еще болен.

— Это не новость. Он болел вчера и завтра будет

болеть.

— Или умрет.

— Когда умрет, тогда это и будет считаться новостью.

Когда он умрет, будут выборы и засверкают ножи — так заведено в Браавосе. В Вестеросе умершего короля сменяет его старший сын, но в Браавосе королей нет.

— Новым Морским Начальником будет Тормо Фрегар.

— Так говорят в «Зеленом угре»?

— Ага.

Добрый человек, который никогда не говорил с набитым ртом, прожевал яйцо и сказал:

— Люди, говорящие, что мудрость заключена в вине, просто глупцы. В других тавернах называют другие имена, будь уверена. — Он откусил еще кусочек, прожевал, проглотил. — Так какие же три вещи ты узнала из тех, что не знала раньше?

— Я знаю, что некоторые говорят, будто Тормо Фрегар будет новым Морским Начальником. Пьяные.

— Это уже лучше. Еще что?

«В Вестеросе, в речных землях, выпал снег», — чуть не сказала она. Но он спросит, откуда она это знает, и ответ ему вряд ли понравится. Она

прикусила губу, припоминая, что было ночью.

— Сфрона, шлюха, беременна. От кого, не знает — думает, что от тирошийского наемника, убитого ею.

— Это полезно знать. Еще что?

— В «Подводном царстве» нашли новую Русалку на место старой, которая утонула. Она дочка служанки Престайнов, ей тринадцать. Бедная, но очень красивая.

— Все они красивы, когда начинают, но ты не можешь судить, насколько она хороша, потому что не видишь. Кто ты, дитя?

— Никто.

— Я вижу перед собой Слепую Бет, неумело лгущую. Займись-ка делом. Валар моргулис.

— Валар дохаэрис. — Собрав миску, чашку, ложку и нож, она взяла палочку длиной пять футов, толщиной с ее большой палец, обмотанную вверху кожаным ремешком. Лучше всяких глаз, если пользоваться умеючи, говорит женщина-призрак.

Вранье, конечно. Ей часто врут, чтобы испытать. Никакая палка глаз не заменит, но польза от нее вправду большая, и Бет всегда держит ее при себе. Умма ее саму прозвала Палочкой, но имена ничего не значат. Она — это она. Никто.

Просто слепая девочка, слуга Многоликого.

Каждый вечер за ужином призрак приносит ей чашку молока и велит выпить. У питья странный горький вкус, которого Бет не выносит, — от одного запаха ее начинает тошнить, — но она каждый раз выпивает все до капли и спрашивает: «Долго мне еще быть слепой?»

«Пока тьма не станет для тебя столь же милой, как свет, или пока сама не попросишь. Попроси — и прозреешь».

Она попросит, а они прогонят ее. Нет уж, лучше слепой побыть.

Когда она впервые проснулась незрячей, женщина-призрак взяла ее за руку и повела сквозь толщу скалы, на которой стоит Черно-Белый Дом, наверх, в храм.

«Считай ступени и придерживайся за стену, — говорила она, пока они шли. — Там есть зарубки — глазу они незаметны, но пальцы их чувствуют».

Это был самый первый урок, за которым последовали другие.

Днем — зелья и яды. Различать их можно с помощью обоняния, вкуса и осязания, но трогать, а тем более пробовать яды очень опасно. Некоторые даже и нюхать не стоит. Бет все время

обжигала себе губы и кончик мизинца, а однажды ее так вывернуло, что она долго не могла есть.

За ужином — языки. Браавосский девочка уже хорошо понимала, бегло говорила на нем и почти избавилась от своего варварского акцента, но добрый человек был по-прежнему недоволен. Он требовал, чтобы она работала над классическим валирийским и учила диалекты Лисса и Пентоса.

Вечером — игра с призраком в «верю — не верю». Слепому играть куда труднее, чем зрячему: полагаться приходиться на интонацию, выбор слов, да иногда призрак позволяет ощупать ее лицо. Поначалу Бет чуть не визжала с досады, но потом все пошло легче. Она научилась слышать ложь и чувствовать ее по напряжению мышц вокруг губ и глаз.

Почти все ее прежние обязанности тоже остались при ней. Она натыкалась на мебель и стены, роняла подносы, блуждала по храму, как по лесу. Однажды чуть не слетела с лестницы, но в прошлой жизни, когда ее звали Арьей, Сирио Форель учил ее сохранять равновесие, и она удержалась.

Она бы плакала перед сном, будь она Арри, Лаской, Кет и даже Арьей из дома Старков — но она никто, и слезам взяться неоткуда. Для незрячего

любая работа опасна: она обжигалась раз десять, помогая Умме на кухне. Крошила лук и до кости порезала палец. Дважды не могла найти свою каморку в подвале и ложилась прямо у нижней ступеньки. Храм, даже когда она научилась пользовать ушами, оставался все таким же коварным: ее шаги порождали эхо вокруг каменных богов тридцатифутовой вышины, и ей казалось, будто стены движутся. Тихий черный пруд тоже вытворял со звуком разные странности.

«Зрение — лишь одно чувство из пяти, — говорил добрый человек. — Научишься пользоваться четырьмя остальными, меньше шишек будешь себе набивать».

Теперь она ощущала кожей потоки воздуха, находила кухню по запаху, различала мужчин и женщин. Узнавала по шагам Умму, слуг и послушников, но не призрак и не доброго человека, которые ходили совершенно бесшумно. Горящие в храме свечи тоже пахли по-разному, и даже те, что не были ароматическими, пускали своеобразный дымок — прямо-таки кричали для того, кто умеет нюхать.

Свой особый запах был и у мертвецов. В ее обязанности входило отыскивать в храме по утрам тех, кто испил из пруда. Этим утром она

нашла двух.

Мужчина умер у ног Неведомого, где мерцала единственная свеча. Бет чувствовала ее жар, обоняла ее. Знала, что огонек у свечки багровый, и труп, как сказали бы зрячие, омыт красным заревом. Прежде чем позвать слуг, она ощупала лицо мертвого, потрогала густые курчавые волосы. Красивый и без морщин, молодой. Зачем он пришел сюда искать смерти? Умирающие брави часто добираются до Черно-Белого Дома, но на этом как будто ран нет.

Другая, старуха, почила в потайной нише, где особые свечи вызывают тени любимых, которых ты потерял. Ласковая смерть, как добрый человек говорит: старуха умерла, улыбаясь. Недавно совсем, еще теплая. И мягкая, как старая выделанная кожа, которую складывали и комкали тысячу раз.

Девочка считала, идя за уносящими тело слугами. Она наизусть знала, куда сколько нужно сделать шагов. В подземном лабиринте храма и зрячему заблудиться легко, но она теперь изучила там каждый дюйм — а если память изменит, поможет тросточка.

С трупов, сложенных в склепе, она снимала одежду и сапоги, вытряхивала кошельки, пере-

считывала монеты. Различать монеты на ощупь призрак научила ее первым делом. Браавосские она узнавала сразу, с чужими, особенно из дальних краев, приходилось труднее. Чаще других встречались волантинские онеры, маленькие, с короной на одной стороне и черепом на другой. На овальных лиссенийских отчеканена голая женщина, на других корабли, слоны или козы. У вестеросских орел — голова короля, а решка — дракон.

У старухи кошелька не было, только кольцо на пальце. На молодом нашлись четыре золотых вестеросских дракона. Пока она пыталась отгадать, что на них за король, позади тихо открылась дверь.

— Кто здесь? — спросила она.

— Никто, — ответил резкий холодный голос.

Она схватила палку, выставила перед собой. Удар другой деревяшки едва не вышиб ее из рук. Бет замахнулась… и рассекла воздух.

— Не туда, — сказал голос. — Ты что, слепая?

Она не ответила. Болтовня только мешала слышать, куда он движется — вправо, влево? Она прыгнула влево, ударила вправо, не попала опять, зато противник сзади ожег ее по ногам.

— И глухая к тому же?

Она завертелась, нанося удары по воздуху, услышала слева смех, рубанула вправо и на этот раз угадала: он отразил ее удар своей палкой, аж рука заболела.

— Хорошо, — сказал голос.

Она не знала, с кем сражается — скорее всего с кем-нибудь из послушников. Голос она не узнала, но слуги Многоликого Бога, как известно, меняют голоса с той же легкостью, что и лица. В Черно-Белом Доме, кроме нее, жили двое слуг, трое послушников, повариха Умма и два жреца — добрый человек с призраком. Другие приходили и уходили, иногда потайными ходами, но эти пребывали здесь неизменно — значит, на нее напал кто-то из них.

Девочка метнулась вбок, услышала позади шум, повернулась туда, ударила, не попала. Палка противника ткнулась ей между ног, оцарапав голень. Девочка стукнулась коленкой об пол так сильно, что прикусила язык — и замерла неподвижно, как камень. Где же он?

Сзади, смеется. Он ловко съездил ей по уху, зацепил костяшки пальцев. Бет выронила палку и зашипела.

— Ладно, подними, — сказал голос. — На сегодня с битьем покончено.

— Так я тебе и далась меня бить! — Девочка, встав на четвереньки, нашарила палку и вскочила — грязная, в синяках. Все тихо — ушел или стоит у нее за спиной? Дыхания вроде не слышно. Выждав еще немного, она отложила палку и снова взялась за работу. Она бы его до крови измолотила, будь у нее глаза. Когда добрый человек их вернет, она всем покажет.

Старуха уже остыла, брави стал коченеть. Девочка привыкла: теперь она больше времени проводила с мертвыми, чем с живыми. Ей недоставало друзей, которых она завела, будучи Кошкой-Кет: старого Бруско с больной спиной, его дочек Талеи и Бреи, скоморохов с «Корабля», Мерри с ее девушками из «Счастливого порта» и прочего портового отребья. Но больше всего, сильнее даже, чем по глазам, она скучала по Кошке. Быть Кошкой ей нравилось больше, чем Солинкой, Голубенком, Лаской и Арри. Кошка погибла вместе с певцом… Добрый человек говорил, правда, что ее все равно лишили бы глаз, чтобы научить пользоваться остальными четырьмя чувствами — слепые послушники в Черно-Белом Доме не новость, — но ведь не на полгода же и не в таком юном возрасте. О содеянном девочка не жалела: Дареон как дезертир из Ночного Дозора

заслуживал смерти. Так она и сказала доброму человеку.

«Разве ты бог, что решаешь, кому жить, а кому умереть? — спросил он. — Мы даруем смерть лишь тем, кого отметил сам Многоликий, после молитв и жертвоприношений. Так было всегда. Я рассказывал тебе историю нашего ордена, говорил, как первый из нас откликнулся на молитвы жаждавших смерти рабов. Один раб просил смерти не себе, а хозяину; он молился горячо, предлагая взамен все, что у него есть. Наш первый брат подумал, что Многоликому будет угодна такая жертва, и в ту же ночь исполнил желание раба, а ему самому сказал: «Ты обещал за эту смерть все, что имеешь, но у раба нет ничего, кроме жизни — ее ты и отдашь богу. Отныне и до конца своих дней ты будешь служить ему». С тех пор нас стало двое. — Пальцы жреца ласково, но крепко охватили руку девочки. — Люди — лишь орудия смерти, а не сама смерть. Убив певца, ты присвоила себе права бога. Мы убиваем людей, но не беремся их судить, понимаешь?»

Она не понимала, но ответила «да».

«Ты лжешь и поэтому будешь ходить во мраке, пока не увидишь пути. Может быть, уйти хочешь? Попроси только — и получишь глаза обратно».

«Нет», — сказала она.

В тот вечер после ужина и короткой игры в «верю — не верю» слепая девочка завязала никчемушные глаза тряпкой, взяла чашку для подаяния и попросила женщину-призрак помочь ей сделаться Бет. Голову ей жрица побрила сразу после потери глаз; это называлось скоморошьей прической, потому что скоморохи делают то же самое, чтобы парики хорошо сидели — а нищим это нужно, чтобы уберечься от вшей. «Я могу покрыть тебя язвами, — сказала призрак, — но тогда все трактирщики будут гнать тебя прочь». Поэтому она сделала лицо Бет рябым и прилепила на щеку бородавку с темными волосками. «Я теперь уродка?» — спросила девочка. — «Не красавица, да». — «Ну и хорошо».

О своей внешности она не заботилась, даже когда была глупенькой Арьей Старк. Красавицей ее звал только отец, да иногда Джон Сноу. Мать говорила, что она может быть очень хорошенькой, если будет умываться, причесываться и следить за своими платьями. Сестра Санса, примеру которой ей предлагалось следовать, сестрины подружки и все остальные кликали ее Арьей-лошадкой. Теперь они все умерли, даже Арья — все, кроме брата по отцу, Джона. Черный

Бастард со Стены — так называют его в тавернах и борделях Мусорной Заводи. Даже Джон не узнал бы Слепую Бет… грустно это.

Под нищенской одежкой — рваной, но теплой и чистой — она прятала три ножа. Один в сапог, другой в рукав, третий — в ножнах — на пояснице. Браавосцы большей частью хорошие люди и скорее помогут бедной слепой девочке, чем обидят ее, но среди хороших всегда найдется пара плохих, которым захочется ограбить слепую или надругаться над ней. Ножи предназначались для них, хотя девочке пока еще ни разу не довелось пустить свое оружие в ход. Деревянная чашка и веревка вместо пояса довершали ее наряд.

Когда рев Титана возвестил о закате солнца, она спустилась, считая ступени, на улицу и перебралась, стуча палочкой, по мосту на Остров Богов. Мокрые руки и липнущая к телу одежда оповестили ее о тумане. Туман тоже проделывал со звуками странные вещи — сегодня половина Браавоса станет почти слепой.

Послушники Звездной Мудрости пели на башне, обращаясь к вечерним звездам. Благовонный дым привел девочку к большим железным жаровням у дома Владыки Света; она ощутила жар и услышала молитву последователей Рглора.

«Ибо ночь темна и полна ужасов».

Только не для нее. Ее ночи озарены луной и наполнены пением стаи, вкусом сырого мяса, знакомыми запахами серых родичей. Одинока и слепа она только днем.

Кошка-Кет, продавая своих моллюсков, облазила все закоулки Мусорной Заводи. Лохмотья, бритая голова и бородавка служили надежной защитой, но девочка на всякий случай держалась подальше от Корабля, «Счастливого порта» и других мест, где Кет хорошо знали.

Гостиницы и таверны она узнавала по запаху. В «Черном лодочнике» пахло морем, у Пинто воняло кислым вином, сыром и самим Пинто, который никогда не моется и не меняет одежду, в «Парусном мастере» всегда что-нибудь жарилось. «Семь лампад» услаждали нос благовониями, «Атласный дворец» благоухал духами девушек, мечтающих стать куртизанками.

Звуки тоже везде были свои, особые. У Морогго и в «Зеленом угре» по ночам выступали певцы, в «Изгоях» посетители пели сами, пьяными голосами и на ста языках. В «Доме тумана» гребцы змей-лодок спорили о богах, куртизанках и степени глупости Морского Начальника. В «Атласном дворце» шепотом произносились слова любви,

шуршали шелка и хихикали девушки.

Бет каждый раз просила подаяние в другом месте, быстро усвоив, что хозяева заведений терпят ее тем охотнее, чем реже она к ним захаживает. Прошлой ночью она стояла у «Зеленого угря», сегодня же повернула не налево, а направо за Кровавым мостом и пошла к Пинто на другой конец Мусорной Заводи, у самого Затопленного Города. Под шумливыми речами и немытой кожей Пинто скрывалось доброе сердце. Часто, когда народу было не слишком много, он пускал Бет погреться, а порой давал ей кружку эля, корочку хлеба и рассказывал о себе. Судя по этим историям, в молодости он был самым знаменитым на Ступенях пиратом и каких только подвигов не совершал.

Нынче ей повезло: народу было немного, и она устроилась в тихом уголке недалеко от огня. Не успела она сесть, что-то потерлось о ее ногу.

— Опять ты? — Кот, которого Бет почесала за ухом, вскочил ей на колени и замурлыкал. В Браавосе кошек много, а у Пинто и вовсе полным-полно. Старый пират верит, что они приносят удачу, и крысы при них тоже не заведутся. — Ты меня знаешь, правда? — Кошек бородавкой не надуешь: они помнят Кошку-Кет.

Пинто, будучи в веселом расположении духа,

дал ей разбавленного вина, кусок вонючего сыра и полпирога с угрями.

— Пинто — добрая душа, — объявил он и в двадцатый раз стал рассказывать, как захватил корабль с пряностями.

Таверна понемногу наполнялась. Пинто отстал и занялся делом, а завсегдатаи бросали в чашку Слепой Бет монетки. Были и незнакомцы: иббенийские китобои, пропахшие кровью и ворванью, пара брави, мажущих волосы душистым маслом, толстяк-лоратиец — этот все жаловался, что сиденья Пинто для него маловаты. Позже явились три лиссенийца с «Доброго сердца», потрепанной штормом галеи. Она притащилась в Браавос прошлой ночью, а утром ее арестовала стража Морского Начальника.

Они заняли стол у огня, заказали черного рому и начали говорить тихо, чтобы никто не слышал — «никто» как раз и слышала почти каждое слово. На миг ей даже показалось, что она видит их глазами кота, мурлычущего у нее на коленях. Один стар, другой молод, у третьего уха недостает, но у всех троих кожа светлая, а волосы белые: в лиссенийцах течет кровь древней Республики.

На следующее утро, когда добрый человек спросил, какие три новые вещи она узнала, она не

стала медлить с ответом.

— Я знаю, почему Морской Начальник арестовал галею «Доброе сердце». В ее трюме нашли женщин и детей, несколько сотен: их везли в рабство.

В Браавосе, основанном беглыми невольниками, работорговля была под запретом.

— Я знаю, откуда они взялись. Это одичалые из Вестероса, из одного разрушенного селения. Оно называется Суровый Дом и считается проклятым. — В Винтерфелле, когда Бет еще была Арьей Старк, старая Нэн рассказывала им о Суровом Доме. — После битвы, в которой был убит Король за Стеной, одичалые разбежались, и одна лесная ведьма сказала, что в Суровый Дом придут корабли и увезут их в теплые страны. Но пришли туда только «Доброе сердце» и «Слон» — пираты из Лисса, которых шторм занес далеко на север. Всех одичалых они взять не могли, а в Суровом Доме был голод, поэтому мужчины согласились отправить женщин и детей первыми. Выйдя в море, пираты сразу загнали их в трюм и связали, чтобы продать в Лиссе, но шторм налетел снова и разметал корабли в разные стороны. «Доброе сердце» так пострадало, что капитану поневоле пришлось зайти в Браавос, но «Слон», может, и

пришел в Лисс. Лиссенийцы, которые сидели у Пинто, думают, что он вернется на север с целой флотилией: цены на рабов растут, а в Суровом Доме остаются еще тысячи одичалых.

— Это полезно знать, но я насчитал только две вещи — где третья?

— Я знаю, кто приходил меня бить. Это ты. — Палка Бет взвилась и огрела доброго человека по костяшкам, заставив его упустить свою трость. Жрец, морщась, отдернул руку.

— Откуда слепой девочке это знать?

— Три вещи я тебе назвала — это уже четвертая. — Завтра она, может быть, скажет ему про кота, который увязался за ней из таверны Пинто, — сейчас он сидит на стропилах и смотрит на них. А может быть, и не скажет. У доброго человека свои секреты, у Бет свои.

Вечером Умма приготовила крабов в соляной корочке. Бет, зажав нос, залпом выпила свою чашу — и выронила ее. Рот жгло как огнем, а от выпитого поспешно вина загорелась еще и глотка.

— Вино и вода не помогут, только хуже сделают. На вот, съешь. — Девочка прожевала горбушку хлеба, которую сунула ей женщина-призрак, потом съела еще ломоть, и ей стало легче.

Утром, после ухода ночной волчицы, она открыла глаза и увидела горящую рядом сальную свечку. Огонек вихлялся, как шлюха в «Счастливом порту». Ничего прекраснее Бет в своей жизни еще не видела.

Призрак Винтерфелла

Под внутренней стеной нашли мертвеца со сломанной шеей. Из-под валившего всю ночь снега виднелась только одна нога — если б не собаки Рамси, он, возможно, пролежал бы там до весны. Серая Джейна так обглодала бедолаге лицо, что в нем далеко не сразу опознали одного из латников Роджера Рисвелла.

— Пьяница, — презрительно заявил Роджер. — Ссал, поди, со стены, вот и сверзился. — С ним не спорили, но Теон Грейджой не совсем понимал, зачем было человеку карабкаться среди ночи по скользким ступенькам, чтобы справить нужду со стены.

Солдаты, которым дали на завтрак черствый, поджаренный на сале хлеб (ветчина досталась лордам и рыцарям), только об этом и говорили.

— У Станниса есть друзья в замке, — проворчал пожилой сержант, человек Толхартов с тремя соснами на камзоле. Это уже был полдень, и сменившиеся с караула топали ногами у входа, сбивая снег. На обед подали кровяную колбасу, лук-порей и черный свежевыпеченный хлеб.

— Станнис? — засмеялся кто-то из всадников

Русе Рисвелла. — Да его уже замело с головой, если только он не улепетнул обратно к Стене.

— А может, он стоит в пяти футах от нас со стотысячным войском, — возразил лучник с эмблемой Сервинов. — Из-за этой завирухи ни шиша не видать.

Вьюга не унималась ни днем, ни ночью. Сугробы взбирались на стены и заполняли промежутки между зубцами, крыши напоминали подушки, палатки проваливались. Между зданиями протянули веревки, чтобы люди не заблудились, идя через двор. Часовые грели руки в башенках над жаровнями, а снеговики на стенах росли и делались все чуднее; копья, которыми их снабдили, украсились ледяными бородами. Хостин Фрей, хвастливо уверявший, что снег ему нипочем, отморозил себе ухо.

Больше всех страдали лошади во дворах. Обледеневшие попоны не успевали менять, а от костров было больше вреда, чем пользы. Боевые кони привыкли бояться огня и шарахались от него, калеча себя и других. Повезло лишь тем, кто стоял в заполненных до отказа конюшнях.

— Боги прогневались на нас, — говорил в Великом Чертоге старый лорд Локе. — Дует, как из самой преисподней, и снегу конца не видать.

— Может, они на Станниса гневаются, — спорил воин из Дредфорта. — У него-то вовсе никакого укрытия нет.

— Это еще как посмотреть, — встрял в спор вольный всадник. — Его колдунья умеет огонь вызывать, а ее красный бог хоть какой снег растопит.

«Ох и дурак же ты, — подумал Теон, — городить такое при Желтом Дике, Алине-Кисляе и Бене Бонсе». Те, конечно, доложили обо всем лорду Рамси, а тот велел вытащить болтуна наружу. «Любишь Станниса, так и чеши к нему». Дамон-Плясун пару раз ожег несчастного своим длинным кнутом; пока его тащили к Крепостным воротам, Свежевальщик и Дик спорили, скоро ли кровь на рубцах застынет.

Главные ворота так вмерзли в снег, что подъемную решетку пришлось бы долго откапывать. То же относилось и к воротам Королевского тракта — там еще и цепи подъемного моста обледенели намертво. Охотничьи, которые не так давно открывались, успело основательно замести; оставались лишь Крепостные — скорее калитка во внутренней стене, чем ворота. Через ров за ними был перекинут мостик, но во внешней стене какие-либо проемы отсутствовали.

Злополучного вольного всадника протащили через мост и загнали на стену. Там Алин со Свежевальщиком взяли его один за руки, другой за ноги, раскачали и швырнули с восьмидесятифутовой высоты. Он ухнул в высокий сугроб, но лучники на стене говорили, что он все-таки сломал себе ногу и полз, волоча ее за собой — кто-то даже пустил ему в зад стрелу.

— Не пройдет и часу, как сдохнет, — предсказал Рамси.

— Или будет сосать хрен Станнису еще до заката, — рявкнул Амбер Смерть Шлюхам.

— Как бы не отломился хрен-то, — засмеялся Рикард Рисвелл. — Замерз небось, что твоя сосулька.

— Лорд Станнис заблудился в метели, — бросила леди Дастин. — Он за много лиг от нас, живой или мертвый. Пусть зима делает свое дело: через пару дней снег надежно похоронит все его войско.

«И нас заодно», — подумал Теон, дивясь ее неразумию. Как леди Барбри, северянка, не боится говорить такое при старых богах?

На ужин была гороховая каша с вчерашним хлебом. Люди роптали, видя, что выше соли опять едят ветчину.

Когда Теон трудился над своей деревянной миской, кто-то прикоснулся к его плечу.

— Не тронь меня! — крикнул он, подбирая упавшую ложку, пока какая-нибудь из девочек Рамси не утащила. — Не смей меня трогать!

Еще одна прачка Абеля уселась рядом с ним, совсем близко. Эта была юная, лет пятнадцати-шестнадцати, с копной давно не мытых белокурых волос и пухлыми губками, которые так и тянет поцеловать.

— Уж нельзя девушке и потрогать. Я Холли, с позволения вашей милости.

Холли-потаскушка… однако хорошенькая. Раньше он сразу посадил бы ее к себе на колени, а теперь дудки.

— Чего тебе?

— Крипту хочу поглядеть — не покажете? — Холли намотала локон на пальчик. — Там, говорят, темно — трогай что хочешь. А мертвые короли смотрят.

— Тебя Абель послал?

— Может, он, а может, сама пришла. Если вам нужен Абель, я его приведу. Он споет милорду красивую песню.

Каждое слово убеждало Теона в том, что здесь что-то нечисто, но что? Чего надо от него этому

Абелю? Певец-сводник с лютней и фальшивой улыбкой хочет знать, как Теон взял замок, но не затем, чтобы песню об этом сложить. Не иначе, удрать отсюда задумал; лорд Болтон спеленал Винтерфелл, как хорошая нянька, — никто не входит и не выходит без его позволения. Теон не упрекал Абеля за такие намерения, но и помогать ему не желал.

— Не надо мне ни Абеля, ни тебя, ни твоих сестричек. Оставьте меня в покое.

Снаружи крутились снежные вихри. Теон, держась за стену, пришел к Крепостным воротам. Часовых он принял бы за пару снеговиков, если б не пар от дыхания.

— Хочу по стене пройтись, — сказал он, сам дыша паром.

— Там наверху холодрыга зверская, — предупредил один.

— Внизу тоже, — сказал другой. — Хочешь погулять — вали, Переметчивый, воля твоя.

Подняться по заснеженным ступенькам было не просто. Наверху Теон быстро отыскал место, откуда сбросили вольного всадника. Сбив свежий снег, он высунулся в промежуток между зубцами. Спрыгнуть, что ли? Всадник-то выжил. Вопрос в том, что будет с ним дальше. Сломанная нога

и мучительная смерть? Милосердная смерть на холоде?

Он, видно, спятил. Рамси со своими девочками выследит его очень быстро. Если боги смилуются, Рыжая Джейна, Джез и Гелисента порвут его на куски, если нет, он будет взят живым.

— Вспомни свое имя, — прошептал он.

Утром на замковом кладбище был найден пожилой оруженосец сира Эйениса Фрея — мертвый, голый, с заиндевелым лицом. Сир Эйенис решил, что тот напился и заплутал, но никто не мог объяснить, с чего ему вздумалось раздеваться. Еще один пьяница… каких только подозрений не топит в себе вино.

В тот же день в конюшне обнаружился арбалетчик Флинтов с проломленным черепом. «Лошадь его лягнула», — сказал лорд Рамси. Больше похоже на дубинку, подумал Теон.

Все это казалось ему знакомым, как не раз виденное представление, только лицедеи сменились. Русе Болтон играл теперь роль Теона, а недавние мертвецы — роли Аггара, Гинира Красноносого и Гелмарра Угрюмого. Участвовал в представлении и Вонючка, тоже другой — с окровавленными руками и сладкой ложью на устах. Вонючка, хитрая штучка.

Лорды в Великом Чертоге ссорились на глазах у своих людей.

— Долго ли нам дожидаться этого короля, который никогда не придет? — вопрошал сир Хостин. — Надо самим завязать сражение и покончить с ним наконец.

— Выйти из замка?! — Тон однорукого Харвуда Стаута давал понять, что он скорее даст отрубить себе уцелевшую руку. — В такую-то непогоду?

— Его еще найти надо, Станниса, — указал Русе Рисвелл. — Из тех разведчиков, что уходили последнее время через Охотничьи ворота, никто пока не вернулся.

— Белая Гавань хоть сейчас пойдет с вами, сир Хостин, — похлопал себя по животу Виман Мандерли. — Ведите.

— Чтоб сподручнее было проткнуть мне спину копьем, — отозвался Фрей. — Где мои родичи, Мандерли? Где ваши гости, доставившие вам сына?

— Кости сына, вы хотите сказать. — Мандерли подцепил кинжалом ломоть окорока. — Я их всех помню наперечет. Сутулый краснобай Рейегар. Храбрый сир Джаред, чуть что обнажающий меч. Подкупающий чужих слуг Саймонд. Они привезли домой кости Вендела, а Вилиса мне

живым и здоровым вернул, как и обещал, Тайвин Ланнистер. Лорд Тайвин, да упокоят Семеро его душу, был человеком слова. — Он шумно прожевал мясо. — В пути опасностей много, сир. После отъезда из Белой Гавани я вручил вашим братьям дары, и мы простились, чтобы свидеться вновь на свадьбе. Тому есть немало свидетелей.

— Кто же они? Ваши люди? — съязвил Эйенис.

— Что ты хочешь этим сказать, Фрей? — Лорд Виман вытер рот рукавом. — Не по вкусу мне намеки, которыми ты нас угощаешь.

— Выходи во двор, мешок с салом — там я тебя угощу на славу.

Лорд Виман только посмеялся в ответ, но около дюжины его рыцарей тут же вскочили на ноги — Роджер Рисвелл и Барбри Дастин с трудом успокоили их. Русе Болтон все это время молчал, но Теон углядел в его белесых глазах то, чего никогда не замечал прежде, — тревогу, а то и страх.

Ночью новая конюшня рухнула под тяжестью снега. Погибли два конюха и двадцать шесть лошадей — трупы откапывали из-под обломков почти все утро. Лорд Болтон вышел, поглядел и приказал поставить уцелевших животных и лошадей со двора прямо в чертоге. Когда убитых коней разделали на мясо, отыскалось еще одно

тело.

Эту смерть уже нельзя было приписать ни падению с высоты, ни норовистой лошади. Золотушный коротышка, один из любимчиков Рамси, носил прозвище Желтый Дик. Был ли его член, то есть дик, в самом деле желтым, судить было трудно: его отрезали и затолкали мертвецу в рот с такой силой, что сломали три зуба. Повара нашли покойника у кухни по шею в снегу, когда он и его мужской признак уже посинели от холода.

— Сожгите его, — приказал Русе Болтон, — и чтоб не болтать об этом.

К полудню, однако, об этом услышал весь Винтерфелл — порой из уст самого Рамси Болтона.

— Как поймаю виновника, — сулил лорд Рамси, — сдеру с него шкуру, зажарю ее до хруста и заставлю сожрать. — За имя убийцы, по слухам, обещали награду — один золотой дракон.

К вечеру Великий Чертог наполнился смрадом. Лошадиное, собачье, а то и человечье дерьмо перемешивалось на полу с тающим снегом. Помимо него, здесь разило псиной и промокшими попонами. Утешением служила только еда. Повара отваливали всем по куску кровавой, подрумяненной сверху конины с жареным луком и репой; простые солдаты в кои-то веки поели не хуже

лордов и рыцарей.

Для прореженных зубов Теона конина оказалась чересчур жесткой. Он налегал на лук с репкой, которые ел с ножа, а мелкие кусочки мяса обсасывал и выплевывал, наслаждаясь вкусом крови и жира. Брошенную им кость уволокла Серая Джейна, преследуемая Сарой и Ивой.

Абель по приказу лорда Болтона спел «Железные копья» и «Зимнюю деву», а по просьбе леди Дастин, желавшей чего-то повеселее, исполнил «Снял король корону, королева башмачок». Фреи подхватили «Медведя и прекрасную деву» — даже несколько северян молотили по столам кулаками, выкрикивая: «Медведь! Медведь!» Впрочем, певцам вскоре пришлось замолчать, чтобы не пугать лошадей.

Бастардовы ребята сбились в кучку под дымным факелом. Лютон и Свежевальщик метали кости, Молчун держал на коленях женщину и тискал ей грудь, Дамон-Плясун насаливал кнут.

— Вонючка! — крикнул он, хлопнув кнутом по ляжке, будто собаку звал. — Ты никак опять завонял?

— Да, — сказал Теон, не найдя другого ответа.

— Когда все это кончится, лорд Рамси тебе губы отрежет, — известил Дамон.

Губы, побывавшие между ног его леди-жены. Это, конечно, не останется безнаказанным.

— Его воля.

— Да он не против, — заржал Лютон.

— Уйди, Вонючка, — сказал Свежевальщик, — блевать из-за тебя тянет.

Теон повиновался мгновенно, зная, что из теплого чертога от еды, выпивки и женщин мучители за ним не увяжутся. Когда он уходил, Абель пел «Девушки, что расцвели по весне».

Снаружи видно было не больше, чем на три фута вперед. Теон был здесь совсем один, снежинки касались щек мокрыми поцелуями. Из чертога слышалась новая песня, грустная и красивая. Мир и покой.

Человек, шедший навстречу, встретился с ним взглядом, взялся за кинжал и промолвил:

— Теон Переметчивый. Братоубийца.

— Неправда. Я из Железных Людей.

— Где уж там. И как только тебя земля еще носит?

— Видно, боги со мной еще не покончили. — Может, это и есть убийца, забивший член в рот Желтому Дику, столкнувший человека Рисвеллов со стены. Теон, как ни странно, совсем не боялся. — И лорд Рамси тоже, — сказал он, сняв

перчатку с левой руки.

— Ладно, — засмеялся встречный, — оставляю тебя на него.

Пробившись сквозь вьюгу, Теон снова поднялся на внутреннюю стену. Зубцы совсем замело. Он сделал дырку, но дальше рва не смог разглядеть ничего, кроме нескольких мутных огней на внешней стене.

В мире ничего больше нет. Ни Королевской Гавани, ни Риверрана, ни Пайка. Все места, где он бывал и мечтал побывать, о которых читал, исчезли. Остался один Винтерфелл.

Он заперт здесь вместе с призраками. Старыми из крипты и новыми, которых создал он сам. Миккен, Фарлен, Гинир Красноносый, Аггар, Гелмарр Угрюмый, мельничиха с Желудевой и два ее сына — все они здесь и гневаются. Теон вспомнил о пропавших из крипты мечах.

Когда он снимал мокрое у себя в комнате, к нему пришел Уолтон Железные Икры.

— Пошли, Переметчивый. Его милость тебя требует.

Не имея на смену ничего сухого и чистого, Теон опять напялил мокрые тряпки. Уолтон привел его в горницу над Великим Чертогом, принадлежавшую ранее Эддарду Старку. Лорд Болтон был

не один. Леди Дастин сидела бледная и суровая, Роджер Рисвелл запахнулся в плащ, сколотый конской головой, у огня грелся красный от холода Эйенис Фрей.

— Мне сказали, что ты бродишь по всему замку, — начал лорд Болтон. — Тебя видели на конюшне, в кухне, в казарме, на стенах. И у руин тоже, и у септы леди Кейтилин, и в богороще. Будешь отрицать это?

— Нет, млорд. — Теон произнес это слово так, чтобы угодить Русе Болтону. — Бессонница у меня, вот и гуляю. — Он не поднимал головы, глядя на усыпанный старым тростником пол — смотреть в лицо его милости было бы неразумно. — Я жил здесь мальчиком до войны, в воспитанниках у Эддарда Старка.

— В заложниках, — поправил лорд Болтон.

— Так точно, млорд, в заложниках. — И все же это был его дом… единственный родной дом.

— Кто-то убивает моих людей.

— Да, млорд.

— Не ты, надеюсь? — мягко осведомился Болтон. — Не мог же ты отплатить столь черной неблагодарностью за всю мою доброту?

— Нет, млорд, не я. Я… прогуливаюсь, ничего более.

— Сними-ка перчатки, — приказала вдруг леди Дастин.

— Не надо, прошу вас!

— Делай, как она говорит, — вмешался Эйенис Фрей. — Покажи свои руки.

Теон снял перчатки, поднял руки для всеобщего обозрения. Хорошо еще, что догола не велели раздеться. На левой недостает указательного и безымянного, на правой только мизинца.

— Это бастард сделал, — объяснила всем леди Дастин.

— Я… я сам его попросил. — Рамси делает это лишь после долгих молений.

— Зачем же было просить?

— Столько пальцев мне ни к чему.

— Довольно и четырех. — Фрей огладил жидкую бороденку, растущую из его слабого подбородка, словно крысиный хвост. — Меч, тем более кинжал, он удержит.

— Вы все, Фреи, такие дурни? — фыркнула леди Барбри. — Кинжал! Да он и ложку-то с трудом держит. Вы всерьез думаете, что он способен побороть того гнусного бастардова прихвостня и засунуть ему в глотку его мужское достоинство?

— Все убитые были сильные мужчины, — поддержал ее Рисвелл, — и ножевых ран ни на ком

нет. Наш убийца — не Переметчивый.

Белесые глаза Русе Болтона вонзились в Теона, как нож Свежевальщика.

— Склонен согласиться. Дело не только в силе: у него не хватило бы духу предать моего сына.

— Если не он, то кто? — проворчал Рисвелл. — Ясно, что у Станниса в замке есть свой человек.

Вонючка не человек. Это не Вонючка. Не он. Рассказала ли им леди Дастин о крипте, о недостающих мечах?

— Надо присмотреться к Мандерли, — сказал Фрей. — Лорд Виман нас недолюбливает.

— Зато любит жаркое и пироги с мясом, — не согласился с ним Рисвелл. — Из-за стола он отлучается разве что в нужник, где просиживает часами.

— Я не утверждаю, что он сам это делает, но с ним приехали триста человек, сто из которых рыцари…

— Рыцарь не станет душегубствовать по ночам, — заявила леди Дастин, — а родных на Красной Свадьбе потерял не один лорд Виман. Думаете, Смерть Шлюхам очень вас любит? Не будь Большой Джон вашим заложником, он выпустил бы вам внутренности и заставил их съесть… вспомним, кстати, леди Хорнвуд, съевшую свои

пальцы. Флинты, Сервины, Толхарты, Слейты — у всех у них кто-нибудь да был с Молодым Волком.

— Не забудьте и дом Рисвеллов, — сказал Роджер.

— Дастинов тоже следует помянуть, — с хищной улыбкой произнесла леди Барбри. — У Севера долгая память, Фрей.

У сира Эйениса от бешенства затряслись губы.

— Старк обесчестил нас — вот о чем нужно помнить вам, северянам.

Русе Болтон потер растрескавшиеся губы.

— Ссоры ни к чему нас не приведут. Можешь идти, — бросил он Теону, — да смотри в оба, не то и тебя найдут поутру с перерезанным горлом.

— Да, млорд. — Теон натянул перчатки на увечные руки и вышел, припадая на увечную ногу.

В час волка он все еще ковылял по внутренней стене, надеясь, что усталость поможет ему уснуть. Он весь покрылся снеговой коркой, ветер дул прямо в лицо, снег стекал с головы по щекам, будто слезы.

Потом он услышал рог.

Долгий стон точно повис над замком, пробирая до костей всех имеющих уши. Часовые на стенах оборачивались, крепко сжимая копья. В разрушенных зданиях Винтерфелла одни лор-

ды шикали на других, лошади ржали, спящие пробуждались в своих темных углах. Как только умолк рог, забил барабан: БУМ-БУМ-БУМ. «Станнис, — перепархивало повсюду в белых облачках пара. — Станнис здесь. Станнис пришел. Станнис, Станнис, Станнис».

Теона передернуло. Что Болтон, что Баратеон, невелика разница. Станнис взял себе в союзники Джона Сноу, а тот мигом снес бы Теону голову. Вырваться из когтей одного бастарда, чтобы достаться другому, — славная шутка. Теон посмеялся бы, если б помнил, как это делается.

Барабан бил как будто в Волчьем лесу за Охотничьими воротами. Враг под самыми стенами! Теон и еще человек двадцать двинулись туда поверху, но даже у самых воротных башен ничего не было видно из-за метели.

— Они что, стены сдуть хотят? — сострил человек Флинтов, когда рог затрубил вновь. — Отыскали Рог Джорамуна?

— Хватит ли у Станниса ума штурмовать замок? — спрашивал часовой.

— Он не Роберт, — отвечал барроутонец. — Осаду начнет, помяни мое слово. Будет морить нас голодом.

— Раньше он яйца себе отморозит, — предска-

зывал другой часовой.

— Надо идти на вылазку. Дать ему бой, — говорил человек Фреев.

«Валяйте, — думал Теон. — Сделайте вылазку и сдохните там, в снегу. Оставьте Винтерфелл мне и призракам». Русе Болтон не будет против: ему нужен скорый конец. В замке слишком много ртов для долгой осады, слишком много лордов, чья верность вызывает сомнения. Толстяк Мандерли, Амбер Смерть Шлюхам, люди Хорнвудов и Толхартов, Локе, Флинты, Рисвеллы — все они северяне, много поколений подряд присягавшие дому Старков. Здесь их держит девочка, кровь лорда Эддарда — но ведь она лицедейка, ягненок в шкуре лютоволка. Почему бы не послать северян на бой со Станнисом, пока с нее не сорвали маску? Чем больше их погибнет, тем меньше будет врагов у Дредфорта.

Разрешат ли Теону принять участие? Умрет по крайней мере как мужчина, с мечом в руке. Рамси ему такого подарка не сделает, а вот лорд Русе может, если хорошо попросить. Теон выполнил все, что от него требовалось, сыграл свою роль, выдал девушку замуж.

Смерть — лучшее, на что он может надеяться.

Снег в богороще по-прежнему таял, едва коснув-

шись земли. От горячих прудов подымался пар, пахнущий мхом, илом и разложением. Теплый туман превращал деревья в высоких сумрачных стражей. Днем северяне часто приходили сюда помолиться, но сейчас Теон Грейджой был здесь один.

Сердце-дерево встретило его взглядом всезнающих красных глаз. Теон, стоя на краю пруда, склонил голову. Бой барабана слышался даже тут — он, точно дальний гром, шел со всех сторон сразу.

Здесь, внизу, ветра не было, и снег падал тихо, но красные листья все-таки шевелились.

— Теон, — шептали они. — Теон.

Старые боги признали его, вспомнили его имя. Теон из дома Грейджоев, воспитанник Эддарда Старка, названый брат его детям. Он упал на колени.

— Молю вас… Меч — вот все, о чем я прошу. Дайте мне умереть Теоном, а не Вонючкой. — Из глаз хлынули слезы, до невозможности теплые. — Я сын Пайка, во мне кровь Железных Людей…

Лист, задев его лоб, упал в пруд и поплыл — красный, пятипалый, как окровавленная рука.

— Бран, — прошептало дерево.

Они знают. Боги все знают. Они видели, что

он сделал. Ему вдруг показалось, что это Бран смотрит на него со ствола глазами, полными мудрости и печали. Вздор! Зачем Бран стал бы являться ему? Теон любил мальчика и не делал ему никакого зла. Убитые дети были не Бран и Рикон, а простые сыновья мельника с Желудевой.

— Мне нужны были две головы, иначе меня бы высмеяли…

— С кем это ты разговариваешь? — спросил кто-то.

Теон обернулся в ужасе. Рамси? Нет, всего лишь три прачки — Холли, Ровена и еще одна, имени которой он не знает.

— С призраками, — вырвалось у него. — Они говорят со мной. Зовут меня по имени.

— Теон Переметчивый. — Ровена больно дернула его за ухо. — Тебе нужны были две головы?

— Иначе его бы высмеяли, — подхватила Холли.

Они ничего не поняли.

— Вы зачем пришли? — спросил, высвободив ухо, Теон.

— За тобой, — басом ответила третья, немолодая, с проседью в волосах.

— Я ведь говорила, что хочу потрогать тебя, — улыбнулась Холли. В руке у нее сверкнул нож.

Закричать, что ли? Кто-нибудь да услышит. Вовремя, правда, им не поспеть: его кровь впитается в землю под сердце-деревом. И что в этом плохого, если подумать?

— Давай трогай. — Он сказал это не с вызовом, скорее с отчаянием. — Убей меня. Прикончи, как Желтого Дика и остальных. Это ведь вы, я знаю.

— Мы? — засмеялась Холли. — Слабые женщины? Нас любить надо, а не бояться.

— Тебя бастард обидел, да? Пальчики отрезал тебе, зубки выбил? — Ровена потрепала его по щеке. — Бедненький. Больше он к тебе не притронется. Ты молился, вот боги нас и послали. Хочешь умереть как Теон — умрешь, больно не будет… Но сперва споешь Абелю.

Тирион

— Номер девяносто семь, — щелкнул кнутом оценщик. — Пара карликов, хорошо вышколенных для вашего удовольствия. — Помост для торгов стоял в устье широкого бурого Скахазадхана на берегу залива Работорговцев. Запах морской соли смешивался с вонью невольничьего лагеря. Тириона мучила не столько жара, сколько влажность: воздух пригибал к земле, как тяжелое мокрое одеяло. — Прилагаются свинья и собака, на которых карлики ездят верхом. Хорошая забава для гостей на следующем вашем пиру.

Покупатели сидели на деревянных скамейках, попивая фруктовые соки. Кое-кого обмахивали опахалами рабы. Многие в токарах, элегантной и крайне неудобной одежде старой аристократии, другие одеты попроще: мужчины в туники и легкие плащи с капюшонами, женщины — в цветные шелка. То ли шлюхи, то ли жрицы — на Востоке не так легко отличить одних от других.

За скамьями стояли, перешучиваясь, западные наемники — этих ни с кем не спутаешь. Под плащами кольчуги, мечи с кинжалами, метатель-

ные топорики. Большинство, судя по волосам, бородам и лицам, из Вольных Городов, но и вестеросцы как будто встречаются. Торговаться будут или так, поглазеть пришли?

— Кто предложит первую цену?

— Триста, — произнесла матрона из старинного паланкина.

— Четыреста, — надбавил чудовищно толстый юнкаец, развалившийся в носилках, как сказочный левиафан. В его желтых с золотыми кистями шелках поместились бы четыре Иллирио. Тирион жалел рабов, которым приходится таскать эту тушу. Хотя бы от этой участи он избавлен… какое счастье быть карликом.

— Четыреста одна, — прошамкала старуха в лиловом токаре. Оценщик посмотрел на нее весьма кисло, однако заявку принял.

Рабы-матросы с «Селасори кхоруна», проданные поодиночке, ушли от пятисот до девятисот за каждого. Опытные моряки ценятся высоко. Они не оказывали сопротивления, когда работорговцы захватили их когг — смена хозяина для них значения не имела. Корабельные помощники, свободные люди, имели поручительство от портовой вдовы: она обязалась выкупить их в случае чего-то подобного. Три выживших ог-

ненных пальца, пока не выставленных на торги, считались собственностью Владыки Света, и их мог выкупить какой-нибудь красный храм. Им порукой служили наколки в виде языков пламени, а за Тириона и Пенни не ручался никто.

— Четыреста пятьдесят, — предложил кто-то.

— Четыреста восемьдесят.

Одни называли цену на классическом валирийском, другие на гискарском диалекте, третьи давали знать о себе поднятым пальцем, взмахом руки или веером.

— Хорошо, что нас продают вместе, — сказала шепотом Пенни.

— Не разговаривать, — прошипел оценщик.

Тирион стиснул ее плечо. Волосы, светлые и черные вперемешку, липли ко лбу, рваную рубаху приклеивали к спине пот и засохшая кровь. Он в отличие от дуралея Джораха Мормонта с работорговцами не дрался — наказание ему обеспечил длинный язык.

— Восемьсот.

— Еще полсотни.

— Еще одна.

За них давали, как за одного моряка. Может, это Милка их соблазняет? Ученые свиньи — большая редкость, на вес такую не купишь.

После девятисот набавлять стали медленнее. На девятистах пятидесяти одной серебром дело вовсе застопорилось, и оценщик, чтобы оживить торг, приказал вывести Хрума и Милку. Сесть на них без уздечек и седел было не так-то просто. Тирион съехал со свиного крупа и плюхнулся на собственный, вызвав раскаты хохота.

— Тысяча, — раскошелился толстяк.

— И одна, — встряла старуха.

На лице Пенни застыла улыбка. «Хорошо вышколены для вашего удовольствия». Ее отцу есть за что ответить в маленькой, предназначенной для карликов преисподней.

— Тысяча двести, — торговался толстяк. Раб подал ему питье — с лимоном, поди. Тириону очень не нравился взгляд этих желтых глазок, утонувших в жиру.

— Тысяча триста.

— И одна.

Отец всегда говорил, что Ланнистер стоит вдесятеро дороже обычных смертных.

На тысяче шестистах торг снова замедлился, и оценщик предложил покупателям рассмотреть карликов вблизи.

— Карлица молода, — сказал он при этом. — Можно их повязать и взять за детенышей хоро-

шие деньги.

— Да у него ж половины носа нет, — заныла старуха, присмотревшись как следует. Лиловый токар и мертвенная бледность лица делали ее похожей на заплесневевшую сливу. — И глаза разные — дурная примета.

— Вы еще самого лучшего во мне не видали. — Тирион красноречиво взялся за пах.

Старуха взъярилась. Тирион упал на колени от удара кнутом, ухмыльнулся и сплюнул кровью.

— Две тысячи, — сказал кто-то за сиденьями.

На что наемнику карлик? Тирион встал, чтобы посмотреть на нового покупателя. Пожилой уже, седовласый, но высокий и крепкий. Коричневая, будто дубленая, кожа, коротко подстриженная бородка. Под выцветшим пурпурным плащом длинный меч и кинжалы разной величины.

— Две пятьсот, — перебила молодая коренастая женщина с большой грудью. Ее рельефный, инкрустированный золотом стальной панцирь изображал взлетающую гарпию с цепями в когтях. Двое солдат-рабов держали ее на плечах, посадив на щит.

— Три. — Пожилой наемник проталкивался вперед, товарищи расчищали ему дорогу. Это хорошо — с наемниками Тирион умел обра-

щаться. Загорелый не станет выпускать его на пирах — повезет в Вестерос, чтобы продать Серсее. А в дороге чего только не случается. Тирион переманил к себе Бронна — глядишь, и этого переманит.

Старуха и женщина на щите выбыли, но толстяк не сдавался. Он смерил наемников желтыми глазками, провел языком по желтым губам и сказал:

— Пять тысяч.

Наемник нахмурился и пошел прочь.

Семь преисподних! Переходить в собственность Желтобрюхого Тириону ничуть не хотелось. На эту гору сала с отвислыми грудями и смотреть-то противно, а уж несет от него…

— Кто больше?

— Семь тысяч, — выкрикнул Тирион.

По рядам прокатился смех.

— Карлик хочет купить сам себя, — сказала воительница.

— Умный раб заслуживает умного господина, — молвил в ответ Тирион с похабной усмешкой, — а вы тут, похоже, все дураки.

Смех сделался еще громче. Оценщик нерешительно поднял кнут, прикидывая, стоит ли пускать его в ход.

— Пять тысяч я расцениваю как оскорбление, — продолжал Тирион. — Я выступаю на турнирах, пою, придумываю отменные шутки. Могу отыметь вашу жену так, что визжать будет, — или жену вашего врага, дабы его посрамить. Бью из арбалета без промаха и заставляю трепетать людей в три раза выше меня, встречаясь с ними за столом для кайвассы. Стряпать — и то умею. Цена мне — десять тысяч серебром, и я способен ее уплатить. Да, способен! Отец учил меня всегда рассчитываться с долгами.

Наемник в пурпурном плаще снова повернулся к помосту и улыбнулся. Теплая улыбка, дружеская, а вот глаза смотрят холодно. Ему тоже лучше не доставаться.

Желтобрюхий, раздраженно поерзав в носилках, произнес что-то по-гискарски.

— Добавить хотите? — Тирион склонил голову набок. — Против всего золота, что есть в Бобровом Утесе?

Кнут свистнул в воздухе. Тирион крякнул, но устоял. В начале путешествия его самой большой заботой был выбор вина к улиткам для позднего завтрака… Вот что бывает, когда гоняешься за драконами. Он фыркнул, обрызгав покупателей в первом ряду кровавой слюной.

— Проданы, — объявил оценщик и снова хлестнул карлика — так, для порядку. На этот раз Тирион упал.

Один из стражников поднял его, другой спихнул с помоста Пенни древком копья. На их место уже поднимался новый предмет торгов — девушка лет пятнадцати-шестнадцати, не с их корабля. Ровесница Дейенерис Таргариен. Оценщик велел ее обнажить — их с Пенни хотя бы это унижение миновало.

За юнкайским лагерем высились стены Миэрина. Так близко… и если верить разговорам в невольничьем загоне, рабство там по-прежнему под запретом. Пройти вон в те ворота, и снова будешь свободен.

Но ведь Пенни он не бросит, а она захочет взять с собой свинью и собаку.

— Нам ведь не надо бояться, правда? — шептала девушка. — Раз он заплатил так много, значит, будет хорошо обращаться с нами, да?

— Конечно, мы ведь ценное приобретение. — Спина после двух ударов еще кровоточила. Пока что можно не опасаться, но потом, когда они перестанут его смешить…

Надсмотрщик их нового господина ждал с двумя солдатами и запряженной мулом тележкой.

Его узкое лицо еще больше удлиняла борода, перевитая золотой проволокой, жесткие черно-рыжие волосы на висках были уложены в две когтистых руки.

— Милые крошки, — сказал он, — совсем как мои покойные детки. Я о вас позабочусь. Как вас зовут?

— Пенни, — пролепетала девушка.

«Тирион из дома Ланнистеров, законный лорд Бобрового Утеса, червяк ты поганый».

— Йолло.

— Храбрый Йолло, милая Пенни, вы стали собственностью благородного Йеццана зо Каггаца, воина и ученого, пользующегося большим уважением среди мудрых господ Юнкая. Считайте себя счастливцами: Йеццан — добрый и великодушный хозяин. Он будет вам как отец.

Тирион мог бы сказать на этот счет много разного, но придержал язык. Новый хозяин, несомненно, скоро захочет посмотреть представление, и на кнут напрашиваться не стоит.

— Он собиратель редкостей, и вы одно из его сокровищ. Он будет лелеять вас. А ко мне относитесь как к заботливой нянюшке — так меня все дети зовут.

— Номер девяносто девять, — крикнул оцен-

щик. — Воин.

Девушка, которую продали быстро, шла к новому хозяину, прикрывая одеждой маленькие, с розовыми сосками груди. Вместо нее двое подручных втащили на помост Джораха Мормонта — в одной набедренной повязке, исхлестанного, с распухшим почти до неузнаваемости лицом. «Теперь отведаешь, каково это», — подумал Тирион на предмет сковывавших его цепей, хотя страдания рыцаря его нисколько не радовали.

Мормонт даже в цепях казался опасным. Настоящий зверь: плечи мощные, ручищи толстенные, да еще и волосатый к тому же. Подбитые глаза чернели, на щеке ему выжгли клеймо — маску демона.

Работорговцев, напавших на «Селасори кхорун», сир Джорах встретил мечом и убил троих, прежде чем его одолели. Его самого чуть не прикончили, но капитан запретил: хороший боец стоит дорого. Мормонта лишь избили до полусмерти, заклеймили и приковали к веслу.

— Большой, сильный, — расхваливал товар оценщик. — Злобы хоть отбавляй. Хорошо себя покажет в бойцовых ямах. Начальная цена триста, кто больше?

Набавлять никто не спешил.

Мормонт, не обращая внимания на толпу, смотрел на далекий город со стенами из разноцветного кирпича. Тирион читал этот взгляд, как книгу. Близко, а не достанешь. Опоздал, бедолага. Стражники, охранявшие рабов, рассказали, что у Дейенерис теперь есть муж. Своим королем она выбрала миэринского рабовладельца, благородного и богатого. Мир уже подписан, и бойцовые ямы Миэрина откроются вновь. «Врете, — говорили на это рабы, — Дейенерис Таргариен никогда не заключила бы мира с рабовладельцами». Они называли ее Миса — Матерь. «Скоро серебряная королева выйдет из города, расправится с юнкайцами и разобьет наши цепи», — шептались в загоне.

«Испечет нам лимонный пирог и поцелует наши раны, чтоб скорей зажили», — добавлял про себя Тирион. В королевское вмешательство он не верил — придется спасать себя и Пенни своими силами. Грибов, припрятанных в носке сапога, хватит на них обоих, а Хрум с Милкой как-нибудь выкарабкаются сами.

— Делайте то, что вам говорят, и ничего кроме, — наставлял тем временем Нянюшка, — тогда будете жить, как лорды. В случае же непослушания… Но мои крошки будут слушаться, правда? —

Он наклонился и ущипнул Пенни за щеку.

— Хорошо, двести, — сбавил оценщик. — Смотрите, здоровенный какой! С таким телохранителем враги к вам и близко не подойдут!

— Пойдемте, малютки, я покажу вам ваш новый дом. В Юнкае вы будете жить в золотой пирамиде и есть на серебре, а здесь у нас жизнь простая, походная.

— Ну, а сто? — На это худой человек в кожаном фартуке добавил наконец пятьдесят монет.

— И одна, — сказала старуха в лиловом токаре.

Один из солдат посадил Пенни в тележку.

— Что это за карга? — спросил его Тирион.

— Зарина. Дешевых бойцов покупает, мясо для героев. Твой друг проживет недолго.

Рыцарь не был ему другом, однако…

— Не отдавай его ей, — сказал Тирион.

— Что это за звуки ты издаешь? — прищурился Нянюшка.

— Он тоже участвует в представлении. Он медведь, Пенни — прекрасная дева, я рыцарь, который ее спасает. Скачу вокруг и бью его по яйцам — очень смешно.

— Медведь, говоришь? — За Джораха Мормонта давали уже двести монет серебром.

— И одна, — сказала старуха.

Надсмотрщик протолкался к толстяку в желтом и зашептал ему что-то на ухо. Тот кивнул, колыхнув подбородками, поднял веер и просипел:

— Триста.

Старуха поджала губы и прекратила торг.

— Зачем это тебе? — спросила Пенни на общем.

Хороший вопрос.

— Он украсит твое представление. Ни одни скоморохи не обходятся без медведя.

Пенни, с упреком на него посмотрев, обняла Хрума так, будто тот был единственным ее другом. Может, он и в самом деле единственный.

Джораха Мормонта, которого привел Нянюшка, солдаты усадили между двумя карликами. Рыцарь не сопротивлялся — утратил, должно быть, боевой дух, услышав о замужестве своей королевы. Его сломало одно сказанное шепотом слово, сделав то, чего не смогли кулаки, кнуты и дубинки. Пусть бы лучше старуха его забрала: толку от него теперь, как от сосков на латном панцире.

Нянюшка, сев впереди, взял поводья, и они тронулись. Четверо солдат-рабов шли по бокам от тележки — двое слева, двое справа.

Пенни не плакала, но сидела несчастная и не

сводила глаз с Хрума. Может, думает, что это все исчезнет, если она не будет смотреть? Скованный сир Джорах тоже никуда не смотрел и думал свою мрачную думу, зато Тирион замечал все как есть.

Юнкайский лагерь состоял из добрых ста лагерей, раскинувшихся неровным полумесяцем вокруг Миэрина. В этом городе из шелка и полотна были свои улицы, переулки, таверны, потаскухи, кварталы с хорошей и дурной репутацией. Мелкие палатки походили на желтые ядовитые грибы, большие могли вместить сотню солдат, на шелковых павильонах военачальников сверкали гарпии. В одних станах палатки располагались аккуратными кругами вокруг кострища — оружие и доспехи во внутреннем кольце, коновязи во внешнем, — в других царил сущий хаос.

Местность вокруг Миэрина была голая, без единого деревца, но юнкайцы привезли с собой лес и шкуры для постройки шести больших требушетов. Их поставили с трех сторон от города — с четвертой протекала река, — нагромоздив рядом кучи камней и бочонки с дегтем, которые требовалось только поджечь. Один из сопровождавших повозку солдат перехватил взгляд

Тириона и гордо уведомил его, что у каждой машины есть имя: Погибель Драконов, Ведьма, Дочь Гарпии, Злая Сестра, Призрак Астапора, Кулак Маздана. Торча на сорок футов выше палаток, они служили хорошими ориентирами.

— Одного их вида довольно, чтобы поставить на колени королеву драконов, — хвастал солдат. — Пусть так и стоит на них, сося благородный орган Гиздара, не то мы раздолбаем ее стены в щебенку.

Рядом бичевали раба, превращая его спину в кровавое мясо. Мимо прошли скованные в ряд воины с короткими мечами и копьями. У костра разделывали на жаркое собачью тушку.

Тирион видел мертвых и слышал умирающих. Запахи дыма, лошадей и соли не до конца заглушали смрад перемешанного с кровью дерьма. Не иначе, зараза какая-то, решил карлик, глядя, как двое наемников выносят из палатки труп третьего. Болезнь косит армии похлеще любых сражений, как говорил лорд-отец.

Бежать отсюда надо, и поскорее.

Через четверть мили он отказался от этой мысли, увидев трех пойманных при попытке к бегству рабов.

— Надо быть послушными, маленькие сокро-

вища, — не преминул сказать Нянюшка. — Смотрите, что делают с непокорными.

Беглецов привязали к шестам, и двое пращников использовали их как мишени.

— Толосцы, — сказал кто-то из стражников, — лучшие пращники в мире. Вместо камней у них мягкие свинцовые шарики.

Тирион никогда не находил особой пользы в пращах, ведь луки бьют куда дальше. Понаблюдав за стрельбой толосцев, он изменил свое мнение. Их свинцовые шарики наносили куда больше вреда, чем круглые камешки или стрелы. Один разнес колено беглого вдребезги — нога болталась на одном сухожилии. «Этот уж больше не побежит», — рассудил карлик. Крики страдальца сливались с хохотом лагерных потаскушек и руганью тех, кто ставил на промах. Пенни отвела глаза, но Нянюшка ухватил ее за подбородок и насильно повернул к истязуемым.

— Смотри! И ты, медведь, тоже!

Тирион видел, как напряглись мышцы рыцаря. Сейчас кинется на этого паскудника, задушит его, и всем им настанет конец. Но Мормонт только покривился и стал смотреть.

На востоке сквозь пелену зноя мерцали кирпичные стены города. Бедняги надеялись обрести

там убежище, но долго ли еще Миэрину оставаться убежищем для беглых рабов?

Дождавшись, когда трех несчастных убьют окончательно, Нянюшка снова тронулся в путь.

Их хозяин расположился на нескольких акрах к юго-востоку от Ведьмы — в ее тени, так сказать. Скромное походное жилище оказалось на поверку дворцом из лимонного шелка с позолоченными гарпиями, блистающими на всех девяти пиках кровли. Со всех сторон его окружали шатры поменьше.

— Там живут повара, наложницы, воины и бедные родственники нашего благородного господина, — разъяснил Нянюшка, — но вам, малютки, выпала редкая честь ночевать в его павильоне. Он любит, чтобы его сокровища были рядом. Тебя, медведь, это не касается: ты будешь прикован у входа, но сначала вам всем наденут ошейники.

Ошейники были железные, позолоченные, с вытисненным валирийскими иероглифами именем Йеццана и двумя колокольчиками, звенящими на каждом шагу. Мормонт молчал, но Пенни расплакалась и пожаловалась, что ей тяжело.

— Да это же чистое золото, — соврал Тирион,

сжав ее руку. — В Вестеросе знатные дамы могут только мечтать о таком ожерелье. — Ошейник лучше клейма — его хоть снять можно. Ему вспомнилась Шая и золотая цепь, впившаяся ей в горло.

Цепи сира Джораха прикрепили к вбитому у костра колу, а карликам Нянюшка показал их спальню — застланный ковром альков, отделенный шелковой занавесью от главного помещения. Им предстояло делить его с прочими диковинками Йеццана. В коллекцию входили мальчик с козлиными (кривыми и поросшими шерстью) ногами, двухголовая девочка из Мантариса, бородатая женщина и томное существо по имени Сласти — с пурпурными волосами, фиолетовыми глазами, в мирийском кружеве и лунных камнях.

— Не можете догадаться, мужчина я или женщина? — прочирикало оно, задирая юбки. — Я и то и другое. Хозяин любит меня больше всех.

Экий паноптикум. Боги за животы держатся.

— А мы зато новенькие, — сказал Тирион.

Сласти осклабился, Нянюшка остался серьезен.

— Шуточки прибереги на вечер, когда будешь выступать перед господином. Понравишься ему — получишь награду, а нет, так… — Он вле-

пил Тириону пощечину.

— Поосторожней с Нянюшкой, — сказал Сласти, когда надсмотрщик ушел. — Настоящее чудовище здесь — это он.

Бородатая женщина говорила на непонятном гискарском диалекте, мальчик-козел — на морском жаргоне, двухголовая девочка была слабоумная и вовсе не разговаривала. Одна ее голова была величиной с апельсин, другая, с острыми подпиленными зубами, рычала на всех, кто подходил к клетке. Гермафродит, однако, владел четырьмя языками, в том числе и классическим валирийским.

— А хозяин? — в тревоге спросила Пенни.

— Его отличительные признаки — желтые глаза и зловоние. Десять лет назад побывал в Соторосе и с тех пор гниет изнутри. Если поможете ему хоть ненадолго забыть, что он умирает, будет щедр — помните только, что все его прихоти нужно выполнять безотказно.

У них было мало времени, чтобы освоиться со своим новым статусом. Рабы натаскали в ванну горячей воды, и карликам разрешили помыться — сначала Пенни, потом Тириону. Еще один раб помазал рубцы Тириона целебным бальзамом и приложил к спине холодный компресс.

Пенни подстригли волосы, ему — бороду, одели обоих в чистое и дали мягкие шлепанцы.

Вечером пришел Нянюшка и сказал, что пора надевать доспехи: Йеццан принимает у себя верховного военачальника, благородного Юрхаза зо Юнзака.

— Медведя спустить с цепи?

— Не сегодня, — сказал Тирион. — Сначала турнир покажем, а медведя отложим на другой раз.

— Ну-ну. Как закончите представление, будете прислуживать за столом. Обольешь вином кого-нибудь из гостей — худо будет.

Сначала вышел жонглер, за ним акробаты. Мальчик-козел проплясал шутовской танец под костяную флейту, на которой играл раб Юрхаза. У Тириона язык чесался спросить флейтиста, не знает ли тот «Рейнов из Кастамере». Ожидая своей очереди, он наблюдал за хозяином и гостями. Сморщенный чернослив на почетном месте был, очевидно, верховным командующим — даже пустой стул внушал бы больше страха, чем он. Его сопровождала дюжина юнкайских вельмож, а двух наемных командиров — по дюжине человек из отряда. Один был элегантный седой пентошиец в шелковом платье и обтрепанном плаще, сшитом из множества окровавленных тряпок,

другой, загорелый, не далее как утром торговался с Йеццаном за карликов.

— Бурый Бен Пламм, — наименовал его Сласти, — командир Младших Сыновей.

Вестеросец и Пламм к тому же? Чудесно.

— Вы следующие, — уведомил Нянюшка. — Будьте забавными, не то пожалеете.

Тирион не овладел и половиной трюков Грошика. Все, что он умел — это влезть на свинью, упасть когда надо, перекувырнуться и встать. Публике, похоже, хватало и этого: человечки, тычущие друг в дружку деревянными копьями, в заливе Работорговцев имели не меньший успех, чем на свадебном пиру в Королевской Гавани. На чужое унижение смотреть куда как приятно.

Йеццан реготал громче и дольше всех — его громадная туша колыхалась, как студень. Гости вели себя сдержаннее и следили за Юрхазом зо Лораком. Воевода казался таким хлипким, что Тирион боялся, как бы смех его не убил. Когда сбитый с Пенни шлем хлопнулся на колени чопорному юнкайцу в полосатом токаре, Юрхаз закудахтал, а когда в шлеме обнаружилась расплющенная пурпурная дыня, и вовсе чуть не задохся. Отдышавшись, он что-то сказал Йеццану. Тот вроде бы ответил согласием, но Тириону почудилось, что

в желтых глазах хозяина вспыхнул гнев.

После боя карлики, скинув деревянные доспехи и потную одежду, надели чистые желтые туники. Тириону вручили штоф с красным вином, Пенни — с водой. Бесшумно ступая по толстым коврам, они стали наполнять чаши. Это было труднее, чем могло показаться: ноги сводило судорогой, у Тириона на спине вскрылся рубец, и сквозь желтое полотно проступила кровь. Он закусил язык и двинулся дальше.

Гости в большинстве своем уделяли им не больше внимания, чем прочим рабам, но одному подвыпившему юнкайцу захотелось посмотреть на случку двух карликов, а другой пожелал узнать, как Тирион потерял половину носа. «Сунул его в дырку твоей жене, вот как…» Но во время шторма Тирион понял, что умереть пока не готов.

— Его отрезали, чтобы наказать меня за наглость, мой господин.

Вельможа в синем, обшитом тигровым глазом токаре вспомнил, что Тирион, по его собственным словам, хорошо играет в кайвассу.

— Давайте испытаем его!

Сказано — сделано. Недолгое время спустя юнкаец в бешенстве опрокинул стол, расшвыряв

фигуры.

— Надо было поддаться ему, — прошептала Пенни.

Бурый Бен Пламм с улыбкой поставил столик на место.

— Давай теперь со мной, карлик. В дни моей молодости Младшие Сыновья служили Воланти-су, там я и учился играть.

— Только с позволения моего благородного господина.

Желтый лорд остался доволен.

— Ваша ставка, капитан?

— Если выиграю, карлик станет моим.

— Карлика не отдам, но выплачу цену, в кото-рую он мне обошелся. Золотом.

— Идет. — Раскиданные фигуры подняли и сели играть.

Тирион выиграл первую партию, Пламм, удво-ив ставки — вторую. Готовясь к третьей, Тирион изучал своего противника. Загорелый, с короткой седой бородкой, покрытый сеткой морщин и ста-рыми шрамами, — хорошее, казалось бы, лицо, особенно когда Пламм улыбается. Преданный вассал, этакий добрый дядюшка, гораздый на старые поговорки и немудрящий совет, да только все это маска. Глаза не улыбаются никогда, и в

них прячется жадность. Алчный, но осторожный, вот каков этот Бен.

Играл он почти столь же плохо, как предыдущий юнкаец, но тот дерзал, а Пламм выжидал. Его начальная тактика, каждый раз другая, по сути оставалась все той же — оборонительной и не желающей обновляться. Лишь бы не проиграть, к выигрышу он не стремится. Во второй партии, когда карлик атаковал без нужды, это сработало, но в третьей, четвертой и пятой — она же последняя — наемник потерпел полный крах.

В конце игры, с разрушенной крепостью, убитым драконом, слонами впереди и тяжелой конницей сзади, Пламм с улыбкой подвел итог:

— Победа опять за Йолло. Смерть через четыре хода.

— Через три. — Тирион погладил собственного дракона. — Мне повезло; в следующий раз вам на счастье стоило бы хорошенько взъерошить мне волосы. — «Продуешь ты в любом случае, но авось играть будешь лучше». Тирион снова взял штоф и стал обходить гостей. Йеццан стал намного богаче, Пламм намного беднее; хозяин на третьей игре уснул пьяным сном, выпустив кубок из желтых пальцев — может, порадуется, проспавшись.

Как только Юрхаз зо Юнзак отбыл при поддержке двух крепких рабов, другие гости тоже начали расходиться. Нянюшка сказал слугам, что они могут поужинать остатками пира.

— Только быстро — и чтобы убрали все до того, как ляжете спать.

Когда Тирион, пересиливая невыносимое жжение в спине, на коленях отмывал пролитое благородным Йеццаном вино, надсмотрщик легонько тронул его щеку рукоятью кнута.

— Вы отлично справились, Йолло — и ты, и твоя жена.

— Она не жена мне.

— Жена, шлюха — невелика важность. Поднимайтесь-ка оба.

Тирион, у которого подогнулась нога, встал только с помощью Пенни.

— Что мы такого сделали?

— Заслужили награду, вот что. Благородный Йеццан очень не любит расставаться со своими сокровищами, но Юрхаз зо Юнзак сказал ему, что такую диковинку грех держать взаперти. В честь подписания мира вы будете выступать на Большой арене Дазнака перед тысячами зрителей — десятками тысяч! Ох и посмеемся же мы!

Джейме

Древорон был стар. Меж его древних камней, словно вены на старушечьих ногах, проступал густой мох. Две огромные башни у главных ворот и угловые, поменьше, все до единой были четырехугольные: во дни их постройки ни один зодчий еще не ведал, что круглые лучше отражают снаряды осадных машин.

Замок высился над широкой плодородной долиной, и на картах, и устно обозначаемой как Чернолесная, хотя лес, какого бы цвета он ни был, здесь свели несколько тысячелетий назад. На месте прежних дубов выросли дома, усадьбы и мельницы.

Лес сохранился лишь в стенах замка: дом Блэквудов поклонялся старым дубам, как Первые Люди до прихода андалов. Их богороща не уступала древностью прямоугольным башням, а гигантское сердце-дерево, скребущее небо костяными ветвями, было видно на расстоянии многих лиг.

Поля и сады, окружавшие Древорон раньше, выгорели. На голой раскисшей земле белели островки снега и чернели скорлупки сожженных

домов. Росли здесь только крапива с репейником, полезных злаков как не бывало. Джейме Ланнистер видел отцовскую руку всюду, даже в попадавшихся у дороги костях. Кости были большей частью овечьи, но коровьи и лошадиные тоже встречались. Порой кое-где мелькал человеческий череп или скелет с проросшими сквозь ребра сорными травами.

Войско, окружавшее Древорон, не шло ни в какое сравнение с тем, что стояло у Риверрана. Здешняя осада была делом семейным, очередной фигурой танца, длившегося много столетий. Людей у Джоноса Бракена имелось от силы пятьсот, а осадные башни, тараны и катапульты вовсе отсутствовали. Он не собирался ломать ворота или штурмовать высокие стены — к чему это, если неприятеля можно уморить голодом. В начале осады, безусловно, делались вылазки, и стрелы летали туда-сюда, но за полгода обе стороны притомились, и возобладала скука, злейший враг дисциплины.

Этому пора положить конец. Теперь, когда Риверран перешел в руки Ланнистеров, от недолговечного королевства Молодого Волка остался один Древорон. Когда сдастся и этот оплот, труды Джейме на Трезубце будут завершены, и он смо-

жет вернуться в Королевскую Гавань. К королю… и к Серсее.

Да, встречи не избежать, если верховный септон к тому времени не предаст ее смерти. «Приезжай немедля, — говорилось в письме, которое Пек по его приказу сжег в Риверрране. — Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай». В том, что он нужен ей позарез, Джейме не сомневался, что же до остального… «Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать». И чем он ей поможет, даже если вернется без промедления? Она виновна во всех вменяемых ей преступлениях, а у него нет правой руки.

Часовые в осадном лагере смотрели на идущую через поле колонну больше с любопытством, чем со страхом. Тревогу не поднял никто, что Джейме было, в общем-то, на руку. Найти коричневый шатер лорда Бракена не представляло труда: он был больше всех и стоял на пригорке у ручья, обеспечивая обзор сразу двух ворот Древорона.

На центральном шесте развевался штандарт, тоже коричневый, с красным жеребцом дома Бракенов на золотом щите. Джейме, скомандовав людям спешиться, спрыгнул с коня сам и пошел

к шатру.

— Далеко не уходите, — бросил он оруженосцам. — Я надолго не задержусь.

Часовые у палатки тревожно переглянулись.

— Доложить о вашем прибытии, милорд?

— Я сам доложу о себе. — Джейме откинул золотой рукой полотнище, пригнулся, вошел.

Находившаяся внутри пара ничего не заметила — им было не до того. Женщина, закрыв глаза, держалась за густую поросль на спине Бракена и стонала при каждом его рывке. Его милость держался за ее бедра, зарывшись головой ей в грудь.

— Лорд Джонос, — кашлянув, сказал Джейме.

Женщина распахнула глаза и взвизгнула. Бракен скатился с нее, схватил ножны и вскочил с обнаженным мечом в руке.

— Семь Преисподних! Кто смеет… — Увидев белый плащ и золотой панцирь Джейме, он опустил меч. — Ланнистер?

— Извините, что прервал удовольствие, милорд, — слегка улыбнулся Джейме. — Спешное дело. Мы можем поговорить?

— Поговорить… — Бракен вдвинул меч в ножны. Он был чуть пониже Джейме, но крепче — таким плечам и рукам любой кузнец позавидовал бы. Лицо заросло темной щетиной, в карих глазах

читался нескрываемый гнев. — Весьма неожиданно, милорд… Меня не известили о вашем прибытии.

— Еще раз прошу прощения. — Джейме улыбнулся женщине, прикрывавшей одной рукой лоно, другой левую грудь — правая, таким образом, оставалась открытой. Соски у нее были темнее и втрое больше, чем у Серсеи. Под взглядом Джейме она прикрыла вторую грудь, обнажив лобок. — У вас все шлюхи такие скромные? Если хочешь продать репу, зачем ее прятать?

— Вы мои репки обозрели сразу, как только вошли, добрый сир. — Женщина прикрылась одеялом до пояса и откинула волосы с глаз. — И они, к слову, не продаются.

— Простите, если ненароком ошибся. Мой младший брат спал с сотней шлюх, а я только с одной.

— Она мой трофей. — Бракен встряхнул поднятые с пола бриджи. — Жила с одним из присяжных мечей Блэквуда, пока я ему голову не разнес. Убери руки, женщина, пусть милорд смотрит.

— Вы штаны задом наперед надели, — заметил Джейме. Женщина потянулась за собственными одежками, все так же пытаясь прикрыться — ее усилия возбуждали Джейме больше, чем откро-

венная нагота. — Как звать тебя, женщина?

— Мать звала Хильди, сир. — Она натянула через голову грязную сорочку. С лицом ненамного чище ног и густыми, как у Бракена, нижними волосами она чем-то влекла к себе. Вздернутый носик, буйная грива… реверанс, который она сделала, надев юбку. — Второго башмака не видали, милорд?

— Я что, горничная — башмаки тебе подавать? — вспылил Бракен. — Убирайся босиком, коли найти не можешь.

— Да ну? Милорд не возьмет меня домой помолиться со своей женушкой? А вы что скажете, сир — у вас жена есть?

«Только сестра».

— Какого цвета мой плащ?

— Белый, а рука из чистого золота. Люблю мужчин с золотыми руками, а вы, сир, каких женщин любите?

— Невинных.

— Я не про дочерей спрашиваю — про женщин.

Джейме подумал о Мирцелле. Ей тоже придется сказать… дорнийцам это не придется по вкусу. Доран Мартелл обручил ее со своим сыном, полагая, что она дочь короля Роберта. Сплошные

узлы, и одним ударом их не разрубишь.

— Я дал обет, — устало промолвил он.

— Стало быть, вам репы не полагается.

— Уйди! — рявкнул лорд Джонос.

С одним башмаком в руке женщина проскользнула мимо Джейме.

— Хильди, — напомнила она, стиснув сквозь бриджи его твердый член, и была такова.

— Как поживает ваша леди-жена? — спросил Джейме.

— Откуда мне знать? Спросите у ее септона. Когда ваш отец сжег наш замок, она решила, что это наказание, ниспосланное богами. Теперь только и делает, что молится. — Лорд Джонос завязал правильно надетые бриджи. — Что привело вас сюда, милорд? Черная Рыба? Мы слышали о его бегстве.

— Вот как? — Джейме придвинул себе походный табурет. — Случайно, не от него самого?

— Ко мне сир Бринден не побежит. Я бы мигом заковал его в цепи, хоть он мне и по сердцу, врать не стану. Он знает, что я склонил колено. Ему бы самому это сделать, но такого упрямца, как его брат говаривал, свет еще не видал.

— Вы склонили, а Блэквуд нет. Мог ли Черная Рыба искать убежища в Древороне?

— Для этого ему пришлось бы пройти через наши посты, а крыльев, насколько я слышал, у него пока нет. Титосу самому скоро понадобится убежище: они там крыс да коренья жрут. Еще до полнолуния сдастся как миленький.

— Он сдастся еще до заката. Я намерен предложить ему королевский мир.

— Вот оно как. — Лорд Джонос натянул бурый камзол с красным конем на груди. — Рог эля, милорд?

— Благодарствую, нет. Не смотрите на меня, пейте.

Бракен наполнил рог и выпил до половины.

— Мир, говорите… На каких же условиях?

— Как обычно. Признать свою измену, отречься от Старков и Талли. Торжественно поклясться перед богами и людьми быть отныне преданным вассалом Харренхолла и Железного Трона. После этого я объявлю ему помилование и возьму пару горшков золота в качестве пени. А также заложника, чтобы Древорон не взбунтовался опять.

— Берите дочку, — посоветовал Бракен. — Сыновей у Блэквуда шестеро, а дочь одна, и он души в ней не чает. Лет семь соплячке.

— Мала еще, но приму к сведению.

Лорд Джонос допил рог и бросил его.

— Как насчет земель и замков, обещанных нам?

— Что за земли?

— Левый берег Вдовьей от Арбалетных холмов до Гона и все острова на реке. Мельницы Пшеничная и Господская, руины Илистого, Упоение, Долина Битвы, Старая Кузница, деревни Пряжка, Черная Пряжка, Надгробия и Глинистый Пруд. Торговый городок у Грязнули. Леса Осиный и Лоргенов, Зеленый Холм, Барбины Сиськи. У Блэквудов они зовутся Меллиными, а раньше Барбины были. Ну и Медовый Цвет с пасекой. У меня все отмечено, милорд, поглядите. — Бракен предъявил карту.

Джейме развернул пергамент на столе, прижав золотой рукой.

— Порядочно земель. С ними ваши владения возрастут на добрую четверть.

Бракен упрямо сжал губы.

— Все они принадлежали когда-то Стонхеджу. Блэквуды их украли у нас.

— А вот эта деревушка, что между Сиськами?

— Денежка. Тоже наша была, но уже сто лет считается королевским леном. Ее можно вычеркнуть, мы просим лишь то, что забрали Блэквуды. Ваш лорд-отец обещал их вернуть, если мы усми-

рим лорда Титоса.

— Я видел на стенах замка знамена Талли и лютоволка Старков — стало быть, вы не усмирили его?

— Мы заперли его в Древороне. Дайте мне людей для штурма, милорд, и вся семейка у меня не то что усмирится, а упокоится вечным сном.

— Если я дам вам людей, то усмирять будут они, а не вы. Не могу же я самого себя награждать. — Джейме снова свернул пергамент. — Можно оставить карту себе?

— Карту берите, а земли наши. Мы сражались на вашей стороне; Ланнистеры всегда платят свои долги.

— На нашу сторону вы перешли не так уж давно — на неприятельской сражались гораздо дольше.

— Король простил нас за это. Я потерял племянника и побочного сына. Гора снял наш урожай и спалил все, что не мог увезти. Сжег наш замок, надругался над моей дочерью — по-вашему, я не заслужил возмещения?

— Горы и моего отца больше нет. Вам оставили голову, разве этого мало? Нельзя ведь отрицать, что вы присягнули Старку и оставались верны ему, пока лорд Уолдер его не убил.

— Его — и с ним дюжину моих родичей. Да, я был ему верен и вам тоже буду, если поступите со мной честно. Я склонил колено, не видя смысла хранить верность мертвому и проливать за проигранное дело кровь Бракенов.

— Разумно. — «Хотя неразумие лорда Блэквуда заслуживает большего уважения». — Вы получите свои земли — вернее, часть их, поскольку и Блэквудов усмирили частично.

Лорд Джонос, похоже, остался доволен.

— Мы согласны на любую долю, какую милорд сочтет нужным нам уделить, но и с Блэквудами, если позволите дать вам совет, не стоит миндальничать. Измена у них в крови. До прихода андалов всей рекой правил дом Бракенов. Мы были королями, а Блэквуды — нашими вассалами, но они предали нас и захватили наш трон. Все Блэквуды — предатели от рождения, помните об этом, когда будете говорить с ними.

— Буду помнить, — пообещал Джейме.

Первым к воротам замка подъехал Пек с мирным знаменем, за ним Джейме. Двадцать пар глаз следили за ними со стен. Джейме придержал Славного на краю глубокого, вымощенного камнем рва с зеленой водой и всяческой дрянью. Сир Кеннос собирался уже протрубить в рог Геррока,

но в Древороне спустили мост.

Лорд Блэквуд встречал их во внешнем дворе верхом на таком же истощенном, как он сам, скакуне — высоченный, нос крючком, волосы длинные, в клочковатой бороде больше соли, чем перца. Серебряная накладка на его алом панцире изображала сухое белое дерево, окруженное стаей воронов, на плечах колыхался плащ из вороньих перьев.

— Лорд Титос, — произнес Джейме.

— Сир.

— Благодарю, что позволили мне войти.

— Не стану притворяться, что ваш приезд меня радует, но не отрицаю, что надеялся вас увидеть. Вы хотите, чтобы я вручил вам свой меч.

— Я хочу положить конец всему этому. Ваши люди сражались доблестно, но проиграли — готовы ли вы сдаться?

— Королю. Не Джоносу Бракену.

— Понимаю.

— Желаете, чтобы я спешился и преклонил колено? — помедлив, спросил лорд Титос.

— Ветер холодный, — сказал Джейме, зная, что на них смотрят, — а на дворе грязно. Колено сможете преклонить на ковре в своей горнице, когда мы договоримся.

— Это слова рыцаря. Пожалуйте, сир. Угощать нам нечем, но учтивость всегда при нас.

Горница помещалась на втором этаже бревенчатого жилья. Джейме окинул взглядом огонь в очаге, стропила из темного дуба, гобелены на стенах и двери, ведущие в богорощу. Сквозь ромбы вставленных в них желтых стекол виднелось дерево, давшее имя замку. Чардрево в десять раз больше того, что растет в Каменном саду Бобрового Утеса, но мертвое, высохшее.

— Его Бракены извели, — сказал лорд Титос. — Тысячу лет ни листочка, а в будущем тысячелетии вовсе окаменеет, говорят мейстеры. Чардрева никогда не гниют.

— А где же вороны? — спросил Джейме.

— Они прилетают в сумерки и сидят на ветвях всю ночь, сотнями. Покрывают дерево черной листвой. Так было тысячи лет, почему — никто не может сказать. Чем-то оно привлекает их, это дерево. — Блэквуд сел в кресло с высокой спинкой. — Честь обязывает меня спросить о моем сюзерене.

— Сир Эдмар едет в Бобровый Утес как мой пленник. Его жена останется в Близнецах до родов, а затем, уже с ребенком, приедет к мужу. Если не вздумает бежать или поднять мятеж,

проживет долго.

— Долго и горько. Без чести. Молва назовет его трусом.

Эдмар не заслужил этого. Он спасал свое будущее дитя, хорошо зная, чей Джейме сын, — вопреки мнению родной сестры лорда Тайвина.

— Его дядюшка пустил бы нам кровь, но выбор был не за ним, а за Эдмаром.

— В этом я с вами согласен, — ничего не выражающим голосом сказал Блэквуд. — Можно узнать, что вы сделали с сиром Бринденом?

— Я предлагал ему надеть черное, но он сбежал. Не к вам ли, часом?

— Нет. Не ко мне.

— А сказали бы вы мне, будь он здесь?

Лорд Титос только улыбнулся в ответ. Джейме сплел золотые пальцы с теми, что остались на левой руке.

— Предлагаю обсудить условия сдачи.

— Пора вставать на колени?

— Будем считать, что вы уже это сделали.

Они быстро договорились относительно самого главного: признания, клятвы, помилования, уплаты определенной пени в золоте и серебре. Настал черед спорных земель. Бросив взгляд на карту, которую показал ему Джейме, лорд Титос

хмыкнул.

— Ну еще бы. Перебежчиков следует награждать.

— Не столь щедро, как хотел бы тот, что знаком нам обоим. С чем из отмеченного вы готовы расстаться?

Лорд Титос думал недолго.

— С Вудхеджем, Арбалетными холмами и Пряжкой.

— Руины, гряда холмов и кучка хибар? Полно, милорд. Измену задешево не искупишь. Хотя бы одну из мельниц уступите ему. — Лорд получал десятину предназначенного для помола зерна.

— Тогда Господскую. Пшеничная наша.

— Добавьте и деревню — скажем, Надгробия.

— Там лежат мои предки. Пусть забирает Медовый Цвет — авось разжиреет с меду и зубы себе испортит.

— Идет. Нам осталось только одно.

— Заложник.

— Вот именно. У вас, я слышал, есть дочь?

— Да… Бетани, — опешил лорд Титос. — А также два брата, сестра, пара вдовых теток, племянники и кузены. Не согласились бы вы…

— Это должно быть ваше родное дитя.

— Бетани всего восемь. Солнышко мое, хохо-

тушка. Никогда не отлучалась из дому надолго.

— Ей будет любопытно посмотреть Королевскую Гавань. Его величество и она почти сверстники — будет ему подружка.

— Которую можно повесить, если подружкин отец в чем-нибудь провинится? Возьмите лучше сына, их у меня четверо. Бену двенадцать, одни приключения на уме. Может стать вашим оруженосцем, если желаете.

— Мне их и так девать некуда. Дерутся за право подержать мой член, когда я мочусь. А сыновей у вас, милорд, шестеро.

— Было шестеро. Младший, Роберт, был хворый и девять дней назад умер от живота, а Лукаса убили на Красной Свадьбе. Четвертая жена Уолдера Фрея была из Блэквудов, но родство в Близнецах, как видно, значит не больше, чем законы гостеприимства. Я бы хотел его схоронить под деревом, но Фреи даже кости его не сочли нужным вернуть.

— Я позабочусь об этом. Лукас был у вас старшим?

— Вторым. Наследник — Бринден, за ним идет Хостер. Этот у нас книгочей.

— Книги и в Королевской Гавани есть. Мой младший брат тоже любитель чтения. Я согласен

взять в заложники Хостера.

— Благодарю вас, милорд, — с ощутимым облегчением сказал Блэквуд. — Простите мою смелость, но у лорда Джона тоже следовало бы взять заложницу, одну из его дочерей. Блудить он горазд, а вот сыновья от него не родятся.

— Был один, бастард. Погиб на войне.

— Ой ли? Гарри был бастард, это верно, а вот насчет его отца — дело спорное. Парень был белокурый и смазливый собой, уж точно не в Джоноса. Не угодно ли отужинать со мною, милорд?

— Как-нибудь в другой раз, милорд. — В замке голод, недоставало еще объедать их. — Медлить не приходится, меня ждут в Ривердане.

— А в Королевской Гавани разве нет?

— И там тоже.

Лорд Титос не стал его уговаривать.

— Хостер будет готов через час.

Юноша, верный отцовскому слову, ждал Джейме у конюшни со скаткой из одеял через плечо и кучей свитков под мышкой. В свои шестнадцать от силы лет он уже перерос отца и весь состоял из ног, локтей и хохолка на макушке.

— Лорд-командующий, я ваш заложник, Хостер, — сообщил он, ухмыляясь до ушей. — Но все зовут меня Хос.

Нашел чему радоваться.

— Кто все?

— Друзья… братья…

— Я тебе не друг и не брат. — Парень мигом перестал улыбаться, а Джейме добавил, обращаясь к его отцу: — Поймите меня верно, милорд. Как верноподданный вы должны знать, что лорд Берик Дондаррион, Торос из Мира, Сандор Клиган, Бринден Талли и эта женщина, Бессердечная — мятежники и враги короля. Если мне станет известно, что вы укрываете их или чем-то им помогаете, я пришлю вам голову вашего сына. Помните об этом, хоть я и не Риман Фрей.

— Я помню, кто вы, Цареубийца, — помрачнел лорд.

— Вот и хорошо. — Джейме сел на коня и направил его к воротам. — Желаю вам хорошего урожая и всех радостей королевского мира.

Лорд Бракен поджидал его за пределами арбалетного выстрела на одетом в броню коне, в доспехах и высоком шлеме с конским плюмажем.

— Они спустили лютоволка, — сказал он, как только Джейме подъехал. — Решено, значит?

— Решено и подписано. Ступайте домой и засевайте ваши поля.

Бракен поднял забрало.

— Надеюсь, что полей у меня прибавилось?

— Пряжка, Вудхедж, Медовый Цвет с пасекой. И Арбалетные холмы.

— А как же мельница?

— И мельница тоже. Господская.

— Ладно, сойдет на первое время. — Бракен кивнул на Хостера, едущего позади с Пеком. — Это его вам дали в заложники? Провели вас, сир. Слабак, вместо крови водица. Вы не смотрите, что он длинный такой: любая из моих девочек переломит его, как гнилой прутик.

— Сколько у вас дочерей, милорд?

— Пять. Две от первой жены, три от третьей. — Сказав это, Бракен спохватился, но было поздно.

— Пришлите одну из них ко двору. Она получит место фрейлины при королеве-регентше.

Бракен потемнел, понимая, что Джейме имеет в виду.

— Так-то вы платите Стонхеджу за дружбу?

— Быть фрейлиной королевы — большая честь. Внушите это девице: до конца года она должна быть во дворце. — Джейме, не дожидаясь ответа, тронул золотыми шпорами Славного. Отряд с развернутыми знаменами двинулся следом, и пыль из-под копыт скоро скрыла и лагерь, и замок.

На пути в Древорон ни волки, ни разбойники не тревожили их, и обратно Джейме решил ехать другой дорогой. Авось, боги пошлют ему Черную Рыбу, или Берику Дондарриону вздумается напасть.

Пока они ехали вдоль реки, настал вечер. Джейме спросил заложника, где на Вдовьей ближайший брод, и юноша привел их к нему. Солнце уже закатывалось за два травянистых холма.

— Сиськи, — показал на них Хостер Блэквуд.

— Между ними должна быть деревня, — сказал, вспомнив карту, Джейме.

— Да, Денежка, — подтвердил парень.

— Там и остановимся на ночь. — Там могли остаться жители, знающие что-нибудь о сире Бриндене или разбойниках. — Чьи сиськи-то? Я позабыл. У Блэквудов они зовутся не так, как у Бракенов.

— Да, милорд, уже сотню лет. Раньше они назывались Материны Сиськи. Холмов два, видите ли, и они похожи на…

— Вижу, на что. — Джейме вспомнилась женщина в шатре и темные крупные соски, которые она пыталась прикрыть. — А сто лет назад что стряслось?

— Эйегон Недостойный взял в любовницы

Барбу Бракен, — начал повествовать юный книжник. — Пышная, говорят, бабенка была. Король, охотясь близ Стонхеджа, увидел эти холмы и назвал их…

— В честь возлюбленной. — Эйегон Четвертый умер задолго до рождения Джейме, но рыцарь помнил кое-что из истории его царствования. — Потом он эту Бракен сменил на Блэквуд, так ведь?

— Да, на леди Мелиссу, Мелли. Ее статуя стоит у нас в богороще. Намного красивее Барбы Бракен, но хрупкая, тоненькая. Барба говорила, что Мелли плоская, как мальчишка, и король Эйегон, услышав это, подарил Мелли…

— Барбины сиськи, — засмеялся Джейме. — Откуда, собственно, началась вражда между вами и Бракенами? Что об этом говорят летописи?

— Их мейстеры пишут одно, милорд, а наши другое, порой много веков спустя. Корни этой истории уходят далеко, в Век Героев. Блэквуды были тогда королями, а Бракены мелкими лордами, разводившими лошадей. Нажившись на этом промысле, они не стали платить надлежащую дань сюзерену, а призвали наемников и свергли своего короля.

— Это когда же?

— За пятьсот лет до прихода андалов. Или за тысячу, как в «Подлинной истории» говорится. Никто толком не знает, когда андалы переплыли Узкое море: в «Подлинной истории» написано, что четыре тысячи лет назад, а некоторые мейстеры утверждают, что всего две. Все даты со временем путаются, и история заволакивается туманом преданий.

Тириону это понравилось бы — они бы с этим парнем всю ночь толковали. На миг Джейме забыл все, что держал против брата, — но только на миг.

— Значит, вы ссоритесь из-за короны, которую кто-то у кого-то отнял в те еще дни, когда Бобровым Утесом владел дом Кастерли? Из-за королевства, не существующего самое малое пару тысячелетий? Столько лет, столько войн, столько королей… пора бы уж и мир заключить.

— Заключали, милорд, много раз заключали. И мир, и браки. Нет ни одного Блэквуда без крови Бракенов, ни одного Бракена без крови Блэквудов. При Старом Короле мир длился полвека, но тут случилась новая ссора, и старые раны открылись. Так всегда бывает, по словам моего отца. Пока люди помнят зло, причиненное их предкам, мир невозможен. Наша с Бракенами взаимная

ненависть тянется через века, и отец говорит, что конца ей не будет.

— Когда-нибудь да будет.

— Не думаю, милорд. Отец говорит, что старые раны никогда не затягиваются.

— У моего отца была своя поговорка: добей раненого врага, мертвые мстить не станут.

— Мстить могут их сыновья, — застенчиво возразил Хостер.

— Значит, надо убить также и сыновей. Спроси Кастерли, если мне не веришь. Спроси лорда и леди Тарбек и Рейнов из Кастамере. Спроси принца Драконьего Камня. — Красные облака над западными холмами напомнили Джейме завернутых в багряные плащи детей Рейегара.

— Поэтому вы и убили всех Старков?

— Не всех. Дочери лорда Эддарда живы. Одна только что вышла замуж, а другая… — «Где ты, Бриенна? Нашла ли ее?» — …другая по милости богов забудет, что она Старк. Выйдет за дюжего кузнеца или толстого лавочника, нарожает ему детей и не будет бояться, что какой-нибудь рыцарь размозжит их головки о стену.

— Боги милостивы, — неуверенно произнес Хостер.

«Хорошо, что ты в это веришь». Джейме при-

шпорил Славного.

Деревня Денежка оказалась куда больше, чем он полагал. Война, судя по обугленным домам и фруктовым деревьям, прошлась и по ней, но на каждый сгоревший дом приходилось три отстроенных заново. В густеющих синих сумерках Джейме видел свежий тростник на крышах и вытесанные из сырого дерева двери. Между утиным прудом и кузницей стоял старый дуб. Корни его ползли по земле, как толстые змеи, к стволу были прибиты сотни медных монет.

— А люди где? — удивился Пек.

— Прячутся, — сказал Джейме.

Очаги в домах, спешно потушенные, не успели еще остыть. Единственным живым существом была рывшаяся в огороде коза, люди же, несомненно, укрылись в остроге с высокими каменными стенами. Там они благополучно пересидели войну, а теперь скрывались от него, Джейме Ланнистера.

— Эй, в остроге! — крикнул он, подъехав к воротам. — Мы люди короля и зла вам не сделаем.

Над стеной показались лица.

— Люди короля как раз и спалили нашу деревню, — сказал мужской голос, — а люди другого короля, еще раньше, угнали овец. Харсли и сира

Ормонда тоже убили королевские люди, и Лейси умерла через королевских людей, которые над ней надругались.

— Это были не мы, — сказал Джейме. — Открывайте ворота.

— Откроем, как уедете.

— Ворота можно выломать, — заметил сир Кеннос, — или поджечь.

— А они будут кидаться камнями и пускать стрелы. Зачем кровь даром лить? Переночуем в домах, только без мародерства: харчей у нас своих вдоволь.

Пустив лошадей на деревенский выгон, они поужинали соленой бараниной, сушеными яблоками и твердым сыром. Джейме ел умеренно. Разделив мех вина с Пеком и Хостером, он стал считать прибитые к дубу деньги, сбился и бросил. К чему они тут? Молодой Блэквуд наверняка знает, но не хочется так сразу разгадывать эту тайну.

Он поставил часовых, наказав не выпускать никого из деревни, и выслал разведчиков. Около полуночи они прискакали назад с некой женщиной.

— Ехала, не скрываясь, милорд — вас ищет.

— Миледи, — поднялся Джейме, — не ожидал

так скоро увидеть вас. — Боги… с их последней встречи она постарела на десять лет. И что у нее с лицом? — Повязка… вы ранены?

— Ничего серьезного. — Ладонь женщины легла на рукоять Верного Клятве, этот меч дал ей Джейме. — Я исполнила то, что вы мне поручили, милорд.

— Нашли девушку?!

— Да, — сказала Бриенна, Тартская Дева.

— Где же она?

— В одном дне пути отсюда. Я могу проводить вас, но вы должны ехать один, не то Пес убьет ее.

Джон

— Рглор, — пела Мелисандра, воздев руки среди снежных хлопьев, — свет очей наших, огонь наших сердец, жар наших чресл. Ты владеешь солнцем, что согревает нас днем, и звездами, что указывают нам путь ночью.

— Славьте Рглора, Владыку Света, — нестройным хором отозвались свадебные гости.

Налетел ветер, и Джон Сноу поднял капюшон своего плаща.

Снег падал не густо, но восточный ветер, дующий вдоль Стены, напоминал дыхание сказочного ледяного дракона. Костер Мелисандры колебался и трещал, только Призрак, похоже, не чувствовал холода.

— Снег на свадьбе — к холодной брачной постели, — промолвила Элис Карстарк. — Так моя леди-мать говорила.

Селиса и Станнис, должно быть, поженились в метель. Королева, окруженная дамами, рыцарями и служанками, совсем скукожилась в своей горностаевой мантии. На губах застывшая улыбка, в глазах благоговейный восторг. Холод она ненавидит, а пламя любит; одно слово Мелисанд-

ры — и королева шагнет в огонь, будто в объятия возлюбленного.

Не все люди королевы веруют столь же пылко, как их госпожа. Сир Брюс под хмельком, сир Малегорн держит стоящую впереди даму пониже спины, сир Нарберт зевает, сир Патрек с Королевской Горы чем-то рассержен. Джон начинал понимать, почему Станнис оставил их с королевой.

— Ночь темна и полна ужасов, — продолжала петь Мелисандра. — В одиночестве мы рождаемся и в одиночестве умираем, но в пути по сей темной долине мы нуждаемся друг в друге и в тебе, о Владыка. — Ветер взвивал красный шелк и бархат ее одеяния. — Двое детей твоих сегодня соединят свои жизни перед лицом этой тьмы. Наполни сердца их огнем, дабы шли они по твоей сияющей тропе рука об руку.

— Защити нас, Владыка Света! — воскликнула королева Селиса. Ее поддержал хор верующих: посиневшие дамы, трясущиеся служанки, сиры Акселл, Нарберт и Ламберт, солдаты в кольчугах, тенны в бронзе и даже несколько черных братьев. — Благослови детей своих, Рглор.

Мелисандра стояла спиной к Стене у рва, в котором горел костер, новобрачные — по ту сторону

рва, к ней лицом. За ними расположились королева с дочерью и шутом — принцесса Ширен, закутанная в меха и шарфы, походила на мячик. Людей королевы сир Акселл поставил вокруг для охраны королевской семьи.

Людей Ночного Дозора у костра собралось немного, но многие смотрели из окон, с крыш и с большой лестницы. Джон запоминал как присутствующих, так и отсутствующих. Одни сейчас в карауле, другие только что сменились и спят, третьи — Отелл Ярвик и Боуэн Мурш в том числе — не пришли, чтобы выразить свое недовольство. Септон вышел ненадолго, потрогал кристалл на шее и опять ушел в септу.

Огонь взмыл к простертым рукам Мелисандры, словно красный пес за подачкой. Искры полетели навстречу снежинкам.

— Слава тебе, Владыка Света! — возгласила жрица. — Ты даровал нам отважного Станниса, так сохрани же его, огради от измены и ниспошли ему силу поразить приспешников тьмы.

— Ниспошли ему силу, — подхватила королева, ее дамы и рыцари. — Ниспошли ему мужество. Ниспошли ему мудрость.

Элис Карстарк продела руку под локоть Джона.

— Долго еще, лорд Сноу? Если мне суждено за-

мерзнуть, хотелось бы отойти в вечность мужней женой.

— Уже скоро, миледи, — утешил Джон.

— Слава тебе за солнце, которое нас согревает, — молилась королева. — Слава за звезды, что следят за нами в темной ночи. Слава за очаги и факелы, отгоняющие злую тьму. Слава за сияние наших душ, огонь сердец и жар чресл.

— Пусть те, кто желает соединиться, выйдут вперед, — призвала Мелисандра. Огонь отбрасывал ее тень на Стену, рубин светился на белом горле.

— Готовы, миледи? — спросил Джон.

— О да.

— Не страшно?

Элис ответила улыбкой, до боли напомнившей Джону его сестру Арью.

— Пусть он боится меня. — Атлас откопал где-то кусок кружева для ее покрывала, и снег, ложась на него, венчал девушку морозной короной. Щеки ее раскраснелись, глаза сверкали.

— Королева зимы, — прошептал Джон.

Магнар теннов ждал у огня, одетый, как на битву, в кожу, меха и бронзовые чешуйчатые доспехи, с бронзовым мечом на бедре. Из-за редеющих волос он казался старше, но сейчас Джон

разглядел в нем мальчишку с круглыми как орехи глазами. Что его так напугало — огонь, жрица или невеста? Пожелание Элис не прошло даром.

— Кто отдает эту женщину?

— Я, — сказал Джон. — Гряди, благородная Элис из дома Карстарков, взрослая и достигшая расцвета. — Он сжал напоследок ее руку и отступил.

— Кто хочет взять эту женщину за себя?

— Я, магнар теннов, — ударил себя в грудь Сигорн.

— Сигорн, готов ли ты поделиться своим огнем с Элис и согревать ее в ночи, темной и полной ужасов?

— Клянусь пламенем красного бога согревать ее до конца моих дней. — Уши магнара покраснели, на плечах лежал снег.

— Клянешься ли ты, Элис, поделиться своим огнем с Сигорном и согревать его в ночи, темной и полной ужасов?

— Пока его кровь не закипит. — На невестин плащ — черный плащ Ночного Дозора — нашили белый мех, изображающий солнце Карстарков.

Глаза Мелисандры вспыхнули, не уступая рубину.

— Придите же ко мне и станьте единым целым. — Огонь взвился ревущей стеной, ловя

снежинки множеством языков. Элис и магнар, взявшись за руки, перепрыгнули через ров. — Вошли в пламя двое, вышел один. — Жрица опустила поднятые ветром алые юбки. Медные волосы плясали вокруг ее головы. — Что огонь сочетал, никто не в силах разъединить.

— Не в силах разъединить, — отозвались люди королевы, тенны и несколько черных братьев.

«Кроме королей и дядюшек», — подумал Джон Сноу.

Криган Карстарк явился через день после своей племянницы с четырьмя конными, следопытом и сворой собак: леди Элис затравили по всем правилам, как оленя. Джон встречал их на Королевском тракте в полулиге к югу от Кротового городка — в Черном Замке они могли сослаться на законы гостеприимства или потребовать переговоров. Один из людей Карстарка выстрелил в Тая из арбалета и поплатился за это жизнью. Остались пятеро, считая самого Кригана.

Ледовых камер вполне хватило на всех.

Геральдики, как и многого другого, у Стены нет. Тенны в отличие от знати Семи Королевств фамильными гербами не пользовались, поэтому Джон попросил стюардов пораскинуть мозгами. По его мнению, справились они хорошо. Сигорн

накинул на плечи невесты белый шерстяной плащ с бронзовым диском, окруженным языками пламени из багрового шелка. Немного смахивает на карстарковское солнце, но вполне достойно магнара теннов.

Старый плащ он чуть ли не сорвал с Элис, зато новый завязывал почти с нежностью. Когда он поцеловал жену в щеку, пар от их дыхания смешался, огонь снова взревел, люди королевы запели хвалебный гимн.

— Всё, что ли? — шепотом спросил Атлас.

— Готово дело, — проворчал Малли, — наконец-то управились. Я уж закоченел. — Ради такого случая он вырядился в новую, не успевшую выцвести черную шерсть, но щеки его из-за ветра не уступали яркостью волосам. — Вся надежда на винцо с гвоздикой и корицей, которое нам подогреет Хобб.

— Что за гвоздика такая? — спросил Оуэн Олух.

Снег усиливался, огонь во рву угасал. Люди короля, люди королевы и вольный народ расходились, спеша укрыться от холода.

— Милорд тоже придет на пир? — спросил Малли.

— Ненадолго. — Сигорн оскорбится, если Джон не придет — и кто же устроил этот брак, как не

лорд-командующий? — Улажу кое-какие дела и приду.

Скрипя сапогами по снегу, он направился к королеве. Стюарды не успевали расчищать дорожки между строениями, и обитатели замка все чаще пользовались подземными «червоточинами».

— Какой красивый обряд, — говорила Селиса. — Так и чувствуешь на себе огненный взгляд нашего бога. Сколько раз я умоляла Станниса пожениться повторно, воистину соединиться телом и духом. Я подарила бы его величеству много детей, если бы нас сочетал огонь.

Для начала его надо в постель заманить. Даже на Стене знают, что Станнис не спит с женой уже много лет, а в разгар войны ему только повторной свадьбы и не хватает.

— Не угодно ли почтить своим присутствием свадебный пир, ваше величество? — поклонился Джон.

— Да, конечно. — Селиса покосилась на Призрака. — Леди Мелисандра знает дорогу.

— Меня ждет священное пламя, ваше величество, — сказала красная жрица. — Возможно, Рглор покажет мне короля и одержанную им победу.

— О да… мы будем молиться, чтобы вас посети-

ло видение…

— Проводи ее величество на почетное место, Атлас, — приказал Джон.

— Я провожу королеву сам, — заявил сир Малегорн, — без помощи вашего… стюарда. — Последнее слово он многозначительно растянул, подразумевая нечто иное — любовника, что ли?

— Как пожелаете, — опять поклонился Джон. — Я вскоре присоединюсь к вам.

Селиса чопорно оперлась на руку рыцаря, придерживая дочь за плечо. Королевские утята потянулись следом под звон колокольчиков на шутовском колпаке.

— На дне морском водяные с русалками едят суп из морских звезд, а прислуживают им крабы, — рассказывал Пестряк. — Я знаю, уж я-то знаю.

— Этот дурак опасен, — помрачнела жрица. — Я много раз видела его в пламени: вокруг него черепа, и его губы красны от крови.

Странно, что она еще не сожгла беднягу живьем — стоило лишь шепнуть словечко на ухо королеве.

— Дурака вы видите, а Станниса нет?

— Я ищу его, но вижу только снег… вьюгу.

Все те же пустые слова. Клидас отправил в Темнолесье ворона с известием, что Арнольф

Карстарк — изменник, но кто знает, долетела ли птица до короля. Браавосский банкир тоже отправился на поиски Станниса с проводниками, которых дал ему Джон, но найти короля, учитывая войну и непогоду, ему поможет разве что чудо.

— Если бы король умер, вы бы узнали? — спросил Джон.

— Он жив. Станнис — избранник Бога, которому суждено возглавить борьбу света с тьмой. Я видела это в пламени, читала в древнем пророчестве. Когда придет кровавая звезда и сгустится мрак, Азор Ахаи возродится вновь среди дыма и соли, чтобы вызвать драконов из камня. Драконий Камень, дым, соль — все сходится.

Джон все это уже слышал.

— Станнис Баратеон был лордом Драконьего Камня, но родился не на нем, а в Штормовом Пределе, как и два его брата. А о Мансе что скажете? Он тоже пропал?

— Боюсь, что так. Та же вьюга.

Джон знал, что на юге в самом деле бушует буря — говорят, Королевский тракт в двух днях езды совсем замело. Мелисандре это, впрочем, тоже известно. А на востоке, в Тюленьем заливе, свирепствует шторм, и сборная флотилия, со-

биравшая вывезти вольный народ из Сурового Дома, так и не вышла из порта.

— Угольки мельтешат в дымоходе, вот вам и вьюга.

— Я каждый раз вижу черепа и ваше лицо. Опасность, против которой я вас остерегала, подошла совсем близко.

— Кинжалы во тьме. Я помню. Простите, что сомневаюсь, миледи. Вы говорили о девочке на умирающей лошади, бегущей от своего жениха…

— И не ошиблась.

— Ошиблись. Элис — не Арья.

— Я неверно истолковала свое видение, вот и все. Я такая же смертная, как и вы, а смертным свойственно заблуждаться.

— Даже лордам-командующим. — Манс и его копьеносицы не вернулись — остается только гадать, не ведет ли красная женщина свою собственную игру.

— Не отпускайте далеко своего волка, милорд.

— Призрак от меня почти не отходит. — Лютоволк поднял голову, услышав свое имя, и Джон почесал его за ушами. — Прошу меня извинить. Призрак, за мной.

Ледовые камеры с тяжелыми дверьми помещались у подножия Стены и были одна другой

меньше. Одни позволяют сделать пару шагов, в других даже лечь невозможно, в третьих и сесть нельзя.

Главному пленнику Джон предоставил самую большую, снабдив узника поганой бадьей, мехами и кувшином вина. Часовые некоторое время возились с обледеневшим замком. Ржавые петли заскрежетали, как грешные души в аду, Вик-Строгаль приоткрыл дверь, Джон протиснулся. Нечистотами пахло не так сильно, как он опасался — даже дерьмо замерзает на таком холоде. Ледяные стены нечетко отразили вошедшего.

— Просыпайтесь, Карстарк, — позвал Джон.

Груда заиндевелых мехов чуть не в человеческий рост шевельнулась. Сначала показалась рука, потом голова — спутанные каштановые с проседью волосы, злобные глаза, нос, рот, борода в сосульках.

— Сноу. — Дыхание узника туманило стену. — Вы не вправе держать меня здесь. Законы гостеприимства…

— Вы не гость. Вы пришли к Стене без моего позволения, вооруженный, намереваясь увезти свою племянницу против ее желания. Гостья, отведавшая нашего хлеба и соли — она, а вы пленник. — Джон помолчал и добавил: — Сегодня

она вышла замуж.

— Элис обещана мне. — Криган, хоть ему и перевалило за пятьдесят, был еще крепок, но лед выпил из него силы. — Мой лорд-отец…

— Ваш отец — кастелян, а не лорд. Кастелян не имеет права заключать брачные соглашения.

— Нет, лорд. Лорд Кархолда.

— Сын по всем законам наследует прежде дяди.

Криган, раскидав меха, встал.

— Харрион мертв.

«Может, и так… а нет, так скоро умрет».

— То же относится и к дочери. В случае смерти брата наследницей Кархолда становится леди Элис, вступившая нынче в брак с Сигорном, магнаром теннов.

— С грязным одичалым, с убийцей. — Криган сжал кулаки. Его кожаные перчатки были подбиты мехом, как и помятый плащ, на черном верхнем камзоле белел солнечный диск Карстарков. — Ты сам одичалый наполовину, Сноу, а другая половина у тебя волчья. Ублюдок, зачатый изменником. Уложить благородную девицу в постель с дикарем… Ты у нее, небось, первым был? Убить меня хочешь, ну так убей и будь проклят. Старки одной крови с Карстарками.

— Я Сноу.

— Бастард.

— Этого не отрицаю.

— Пусть он только сунется в Кархолд, магнар твой. Башку ему отрубим, засунем в нужник и будем в хлебало ссать.

— У Сигорна под началом две сотни теннов, и приедет он туда с леди Элис. Двое ваших людей уже присягнули ей и подтвердили, что ваш отец стакнулся с Рамси Сноу. Сдав замок, вы спасете жизнь вашим родичам в Кархолде. Женщин леди Элис помилует, мужчинам разрешит надеть черное.

Криган потряс головой, звеня льдинками в волосах.

— Никогда в жизни.

Джон охотно поднес бы его голову Элис и магнару в качестве свадебного подарка, но Ночной Дозор не принимает участия в раздорах внутри государства — он и так уже слишком много сделал для Станниса. Обезглавишь этого дурака — люди скажут, что командующий Дозором убивает северян и раздает одичалым их земли. Освободишь — Криган будет всячески вредить Элис и ее мужу. Джон все бы отдал за совет отца или дяди, но лорд Эддард мертв, а Бенджен про-

пал в морозной глуши за Стеной. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу».

— Никогда — долгий срок. Завтра или через год вы, возможно, будете думать иначе. Король Станнис, вернувшись сюда, непременно казнит вас, если вы к тому времени не наденете черный плащ. Плащ Ночного Дозора очищает человека от всех совершенных им преступлений. — «Даже такого, как ты». — А теперь прошу извинить, мне пора на свадебный пир.

После пронизывающего холода камеры Джон чуть не задохнулся в жарком подвале, где пахло дымом, жареным мясом и горячим вином.

— За короля Станниса и его жену королеву Селису, Светоч Севера! — провозгласил сир Акселл Флорент, когда Джон занял место за высоким столом. — Да славится наш Спаситель, Владыка Света! Одна страна, один бог, один король!

— Одна страна, один бог, один король! — подхватили люди королевы.

Джон выпил вместе со всеми. Неизвестно, получит ли Элис хоть какую-то радость от своего брака, но отпраздновать все-таки надо.

Стюарды начали разносить первое блюдо — луковый суп с козлятиной и морковкой. Еда не совсем королевская, зато вкусная, питательная

и живот согревает. Оуэн Олух взялся за скрипку, вольные люди подыгрывали ему на дудках и барабанах, тех самых, что сопровождали наступление Манса на Стену — сейчас они звучали гораздо приятнее. К супу подавали ржаной хлеб, только из печи, соль и масло можно было брать на столах. Соли у них вдоволь, сказал Боуэн Мурш, а вот масло выйдет еще до конца луны.

Старые Флинт и Норри сидели под самым помостом. Со Станнисом они из-за преклонного возраста не пошли, послали вместо себя сыновей и внуков, но на свадьбу в Черный Замок явились и кормилиц с собой привели. Таких здоровенных грудей, как у сорокалетней Норри, Джон еще не видал, но у четырнадцатилетней и плоской, как мальчик, Флинт молока тоже в избытке. С ними малыш, которого Вель называет пока уродцем, уж точно с голоду не умрет.

Джон был благодарен почтенным старцам, но ни на грош не верил, что они только ради этого слезли со своих гор. С Флинтом пришли пятеро воинов, с Норри двенадцать — в шкурах, в коже с заклепками, суровые, как зима. У одних длинные бороды, у других боевые шрамы, у третьих и то, и другое; все они поклоняются богам Севера, тем же, что и вольный народ за Стеной, однако за

неведомого красного бога пьют как ни в чем не бывало.

Ладно, пусть их. Если б они отказались пить, было бы куда хуже. Ни один из двух старцев вино из чаши не вылил, что опять-таки хорошо. Может, они просто не хотят терять попусту славное южное винцо, у них в горах такое не часто отведаешь.

Между двумя переменами сир Акселл пригласил королеву на танец. Рыцари тоже начали приглашать дам. Сир Брюс протанцевал сначала с принцессой Ширен, потом с ее матушкой; сир Нарберт прошелся поочередно со всеми фрейлинами Селисы.

Кавалеров было втрое больше, чем дам, и даже скромным служаночкам довелось поплясать с благородными рыцарями. Несколько черных братьев тоже вспомнили навыки, привитые им в родных замках до отправки на Стену. Старый пройдоха Ульмер из Королевского леса в танцах показал такое же мастерство, как в стрельбе из лука, и уж конечно, не преминул попотчевать своих дам историями о Братстве Королевского леса: о Саймоне Тойне, Пузатом Бене и Венде Белой Лани, выжигавшей свое клеймо на задах знатных пленников. Атлас, сама грация, танцевал со

служанками, но к благородным леди не приближался — и правильно. Джону не нравилось, как посматривают на его стюарда некоторые рыцари, особенно сир Патрек с Королевской Горы. Этот так и ждет повода, чтобы пустить кому-нибудь кровь.

Когда Оуэн Олух пошел в пляс с Пестряком, трапезную огласили раскаты хохота.

— У вас в Черном Замке часто бывают танцы? — улыбнулась леди Элис.

— Каждый раз, как играем свадьбу, миледи.

— Могли бы пригласить меня — этого требует простая учтивость. Тем более что мы с вами уже танцевали.

— В самом деле? — поддразнил Джон.

— Когда были детьми. — Она бросила в него хлебным шариком. — Будто сами не знаете.

— Миледи полагается танцевать со своим мужем.

— Боюсь, танцор из моего магнара неважный. Если танцевать не хотите, налейте мне по крайней мере вина.

Джон сделал знак стюарду.

— Итак, я теперь замужняя женщина. Жена одичалого с маленьким одичалым войском.

— Одичалые называют себя вольным народом,

но тенны — отдельное, древнее племя. — Об этом ему рассказала Игритт. — Живут они на северной оконечности Клыков Мороза, в укромной долине, окруженной горными пиками, и на протяжении тысячелетий ведут меновой торг с великанами. Это делает их особенными.

— Однако похожи они все-таки больше на нас, чем на великанов.

— Верно. У теннов свои законы и свои лорды. — «Значит, и кланяться им не в новинку». — Они добывают медь и олово для выплавки бронзы и не ходят в набеги за оружием и доспехами, а сами куют их. Это смелый и гордый народ. Манс-Разбойник трижды побеждал старого магнара в единоборстве, прежде чем тот согласился признать его Королем за Стеной.

— Новый же изгнан с горных высот в мою спальню, — усмехнулась новобрачная. — Сам виновата — не сумела в шесть лет очаровать вашего брата Робба, как наказывал мне отец.

«С тех пор прошло почти десять лет — будем молиться, чтобы ты очаровала своего мужа в шестнадцать».

— Как обстоит у вас в Кархолде со съестными припасами?

— Плоховато, — вздохнула Элис. — Отец увел

на юг почти всех мужчин — урожай пришлось убирать женщинам, подросткам, старикам и калекам. Много зерна так и осталось на полях, и осенние дожди вбили его в грязь, а теперь вот и снег пошел. Зима будет тяжелая — мало кто из стариков и детей переживет ее.

Каждый северянин знает, что такое зима.

— Бабкой моего отца с материнской стороны была Флинт из горного клана, — стал рассказывать Джон. — Эти Флинты называют себя Первыми и говорят, что все прочие Флинты произошли от младших сыновей, покинувших горы в поисках пропитания, жен и земель. Жизнь в горах всегда была трудной. Когда выпадает снег и припасы скудеют, молодежь уходит служить в зимние городки разных замков, а старики объявляют всем, что идут на охоту. Если их и находят потом, то лишь по весне.

— В Кархолде почти то же самое.

— Когда ваши запасы совсем истощатся, миледи, посылайте своих стариков сюда, к нам. Дав присягу, они умрут по крайней мере не в одиночку и не на снегу, греясь одними воспоминаниями. И мальчишек тоже присылайте, коли у вас есть лишние.

— Хорошо. — Элис прикоснулась к его руке. —

Кархолд помнит.

От нарезанного ломтями лося пахло вовсе не так противно, как опасался Джон. Одну порцию он отправил Кожаному в башню Хардина, туда же отнесли три больших блюда тушеных овощей для Вун-Вуна. Молодчина Хобб. Третьего дня повар жаловался, что пришел в Ночной Дозор убивать одичалых, а не стряпать на них. «И в свадебных пирах я ничего не смыслю, милорд. Черные братья не женятся, так и в клятве сказано, чтоб ей».

Клидас тронул за локоть Джона, запивавшего жаркое подогретым вином.

— Птица, — сказал он, передавая лорду-командующему пергамент. Письмо запечатано твердым черным воском: Восточный Дозор. Послание за своего неграмотного командира писал мейстер Хармун, но диктовал явно сам Пайк.

«Море успокоилось, и одиннадцать кораблей с утренним приливом вышли в Суровый Дом: три браавосца, четыре лиссенийца, четыре наших. Два лиссенийца еле держатся на плаву — потопим больше, чем спасем, но воля ваша. Флотилия взяла двадцать воронов, мейстер Хармун будет слать донесения. Пайк идет на «Когте», Сизарь на «Черном дрозде», сир Глендон оставлен командовать Восточным Дозором».

— Черные крылья, черные вести? — спросила Элис.

— Напротив, этой вести я долго ждал. — Беспокоил Джона только конец письма. Глендон Хьюэтт — сильный человек и опытный воин, но он ближайший друг Аллисера Торне и с Яносом Слинтом тоже водился, хоть и недолго. Джону еще помнилось, как Хьюэтт вытащил его из постели и двинул сапогом в ребра: он бы его за старшего не оставил.

Следующей подали щуку. Пока из нее вынимали кости, леди Элис все-таки потащила магнара танцевать. Было ясно, что Сигорн делает это впервые, но он уже порядком набрался и не имел ничего против.

— Северная дева и воин-одичалый, связанные Владыкой Света. — Сир Акселл Флорент сел на освобожденное Элис место. — Ее величество одобряет этот союз — мне как близкому родичу известны все ее мысли. Король Станнис тоже одобрит.

«Если Русе Болтон не насадил его голову на копье».

— Не все, увы, придерживаются того же мнения. — Волосы у сира Акселла росли не только на подбородке, но из ушей и ноздрей. — Сир Патрек

полагает, что стал бы лучшим мужем для леди Элис, — отправившись на Север, он потерял свои земли.

— Многие в этом чертоге потеряли гораздо больше, многие самую жизнь отдали за эту страну. Сиру Патреку еще посчастливилось.

— Король сказал бы то же самое, будь он здесь, — улыбнулся сир Акселл, — но хоть как-то обеспечить его верных рыцарей все же следует. Они уплатили немалую цену за свою преданность. И одичалые тоже нуждаются в крепких узах, которые связали бы их с королевством. Этот брак хорош для почина, но королева и принцессу одичалых хотела бы выдать замуж.

Джон уже устал объяснять, что Вель не принцесса.

— В настойчивости вам не откажешь, сир Акселл.

— За такой приз стоит побороться, милорд. Я слышал, она совсем молода и на вид приятна. Высокая грудь, округлые бедра — создана, чтобы рожать здоровых детей.

— И кто же будет отцом — сир Патрек? А может быть, вы?

— Лучшего жениха не найдете. В жилах Флорентов течет кровь старых королей Гарденеров. Леди

Мелисандра совершит обряд, как и в этот раз.

— Не хватает только невесты.

— Этому горю помочь легко. — Из-за фальшивой улыбки могло показаться, что у сира Акселла сильно болит живот. — Вы отправили ее в один из своих замков, лорд Сноу? В Серый Дозор, в Сумеречную Башню, в Бочонок с другими женщинами? — Он придвинулся ближе. — Говорят, будто вы приберегаете ее для себя, так мне это все равно, лишь бы ребенка в животе не было. Сыновей она родит от меня, но если вы малость ее объездили… мы оба светские люди, не так ли?

— Мне искренне жаль королеву, если вы и впрямь ее десница, сир Акселл.

— Значит, это правда, — побагровел Флорент. — Вы хотите оставить ее себе. Бастард желает занять высокое место лорда-отца.

«Бастард отказался от высокого места… что до Вель, то бастарду стоило лишь попросить».

— Прошу прощения, сир, мне нужно подышать воздухом. Что это? Рог?

Другие тоже слышали. Музыка и смех затихли мгновенно, танцоры замерли, даже Призрак наставил уши.

— Что это такое?

— Боевой рог, ваше величество, — ответил ко-

ролеве сир Нарберт.

Трепещущая рука Селисы порхнула к горлу.

— Нас атакуют?

— Нет, ваше величество, — успокоил ее Ульмер из Королевского леса. — Это часовые трубят со Стены.

Один раз. Разведчики возвращаются. Не успел Джон подумать об этом, рог затрубил опять.

— Два раза, — пробормотал Малли.

Черные братья, северяне, вольный народ, тенны и люди королевы застыли, прислушиваясь. Сердце отсчитало пять ударов… десять… двадцать. Потом Оуэн Олух прыснул, и Джон перевел дух.

— Два сигнала. Одичалые, — объявил он.

Вель привела Тормунда.

Дейенерис

Чертог гудел от юнкайского смеха, юнкайских песен, юнкайских молитв. Танцоры кружились, музыканты производили странные звуки пузырями, пищалками и бубенчиками, певцы пели любовные баллады на непонятном языке Старого Гиса. Вина струились рекой — не та кислятина, что производят в заливе Работорговцев, а сладкие сорта из Бора и Кварта, сдобренные заморскими пряностями. Юнкайцы по приглашению короля Гиздара явились, чтобы подписать мир и посмотреть, как возродятся миэринские бойцовые ямы. Принимал их супруг Дейнерис в Великой Пирамиде.

Дени не могла понять, почему пьет с теми, с кого охотно кожу бы содрала.

Им подавали крокодила, поющего спрута, лакированных уток, верблюжатину, гусениц. Менее изысканным гурманам предлагались козлятина, ветчина и конина, а без собачатины, как известно, ни один гискарский пир не обходится. Повара Гиздара приготовили собак четырьмя разными способами. «Гискарцы едят все, что летает, плавает или ползает, кроме разве человека и дра-

кона, — предупреждал Даарио. — Да и дракона бы съели, представься им такой случай». Овощи, фрукты и злаки тоже, конечно, имели место. Пахло шафраном, корицей, гвоздикой, перцем и прочими дорогими приправами.

Дени почти не притрагивалась к еде. Наконец-то мир, которого она так хотела, которого добивалась, ради которого стала женой Гиздара… И который почему-то очень походит на поражение.

«Это ненадолго, любовь моя, — убеждал Гиздар. — Юнкайцы со своими союзниками и наемниками скоро отправятся восвояси, и у нас будет все, чего мы желали: мир, торговля, вдоволь еды. В наш порт снова придут суда».

«Но их военные корабли останутся здесь, — отвечала Дени, — и они снова возьмут нас за горло, когда захотят. С моих стен видно открытый ими невольничий рынок!»

«Однако он помещается за нашими стенами, моя королева. Возобновление Юнкаем работорговли было одним из условий мира».

«У себя в городе, не у меня на глазах. — Загоны для рабов и помост, на котором их продавали, поставили у самого устья Скахазадхана. — Они смеются мне в лицо, давая понять, что я бессиль-

на остановить их».

«Пусть себе тешатся. Когда они уйдут, там будут торговать фруктами».

«Когда же они уйдут? Ракхаро говорит, что на той стороне Скахазадхана видели дотракийских разведчиков, за которыми идет кхаласар. Они, конечно, пригонят юнкайцам пленных. — Дотракийцы куплей-продажей не занимаются, они лишь дарят и принимают дары. — И те покинут наш берег с тысячами новых рабов».

«Лишь бы покинули, — пожал плечами Гиздар. — Мы договорились, что Юнкай будет торговать рабами, а Миэрин нет. Потерпи еще немного, и все пройдет».

Вот она и сидит на пиру, окутанная малиновым токаром и черными мыслями. Говорит, лишь когда к ней обращаются, и думает о тех, кого продают и покупают под самыми ее стенами. Пусть ее благородный супруг сам произносит речи и смеется глупым юнкайским шуткам: это право и долг короля.

За столом говорили о завтрашних поединках. Барсена Черновласая выйдет против вепря с одним кинжалом, Храз и Пятнистый Кот тоже участвуют, а под конец Гогор-Великан сразится с Белакуо-Костоломом, и один из них умрет еще до

заката. Ни у одной королевы нет чистых рук. Дени вспоминала Дорею, Кваро, Ероих и маленькую девочку, которую звали Хазеей. Если несколько человек умрут на арене, это лучше, чем тысячи у ворот. Такова цена мира, и Дени платит ее сознательно. Оглянешься назад — пропадешь.

Верховный командующий юнкайской армией, Юрхаз зо Юнзак, жил, не иначе, еще при Эйегоне Завоевателе. Морщинистый, скрюченный, беззубый — к столу его доставили два дюжих раба. Другие юнкайские лорды тоже так себе. Один коротышка, чуть ли не карлик, зато рабы у него длинные и худые, как жерди. Второй молод и красавец собой, но успел так напиться, что ни слова из его речей нельзя разобрать. Как умудрились подобные существа привести Дени к такому решению?

Командиры четырех вольных отрядов на службе у Юнкая — дело иное. Сынов Ветра представляет знатный пентошиец, известный как Принц-Оборванец, Длинные Копья — Гило Реган, похожий больше на сапожника, чем на солдата. Этот говорит односложно, зато Красная Борода, капитан Диких Котов, шумит за десятерых. Ревет, рыгает, пускает газы как громовержец, щиплет каждую подающую на стол девушку. Время от

времени он сажает кого-то из них на колени, хватает за грудь и лапает между ног.

Младшие Сыновья тоже представлены — будь здесь Даарио, трапеза не обошлась бы без крови. Никакой мир не помог бы Бурому Бену Пламму уйти из Миэрина живым. Дени поклялась, что семи посланникам не причинят никакого вреда, но юнкайцы, не удовлетворившись этим, потребовали заложников. В обмен на трех юнкайских вельмож и четырех наемных капитанов Миэрин отправил в осадный лагерь сестру и двух кузенов Гиздара, кровного всадника Дени Чхого, адмирала Гролео, Героя из Безупречных и Даарио Нахариса.

«Девочек оставляю тебе, — сказал капитан, вручая Дени пояс с двумя обнаженными женщинами на рукоятках клинков. — Позаботься о них, не то, глядишь, напроказят с юнкайцами».

Лысого тоже нет. После своей коронации Гиздар первым делом сместил его с поста командира Бронзовых Бестий и заменил своим родичем, рыхлым Мархазом зо Лораком. Это только к лучшему. Зеленая Благодать говорит, что Лораки враждуют с Кандаками, а Лысый никогда не скрывал презрения к мужу Дени. Даарио же…

Даарио после ее свадьбы словно с цепи сорвал-

ся. Миром он недоволен, браком Дени — тем более, а разоблаченный обман дорнийцев привел его в бешенство. Когда принц Квентин к тому же сознался, что другие вестеросцы перешли в отряд Ворон-Буревестников по приказу Принца-Оборванца, Даарио чуть было не перебил их — мнимых дезертиров спасло лишь вмешательство Серого Червя с его Безупречными. Их заключили в подземном ярусе пирамиды, но ярость Даарио от этого не прошла.

Ее капитан не создан для мирного времени — в заложниках ему безопаснее. Он мог, чего доброго, зарубить Бурого Бена, посрамив тем Гиздара и нарушив соглашение, которого Дени добилась такой дорогой ценой. Даарио — живое воплощение войны, поэтому его нельзя пускать ни на свое ложе, ни в свое сердце. Он либо предаст ее, либо станет ее повелителем, и неизвестно еще, что страшнее.

Со столов наконец-то убрали — остатки, по настоянию королевы, раздадут бедным. Высокие бокалы наполнили янтарным ликером из Кварта и приступили к увеселениям.

Немыслимо высокие и чистые голоса кастратов, принадлежащих Юрхазу зо Лораку, запели что-то на языке Древней Империи.

— Поют как боги, верно, любимая? — сказал Гиздар.

— Да… Хотя они, возможно, предпочли бы остаться мужчинами.

Все артисты были рабами. Таково одно из условий мира: рабовладельцы могут приводить свое одушевленное имущество в Миэрин без страха, что его там освободят. Взамен Юнкай признаёт права и свободы бывших рабов, которых освободила Дени. Честная сделка, как заметил Гиздар, но у Дени от нее дурной вкус во рту. Она отпила вина, чтобы смыть его.

— Юрхаз, несомненно, подарит нам этих певцов, если ты того пожелаешь. Это еще прочнее скрепит подписанный нами мир.

«Этих кастратов оставит здесь, а дома сделает новых, — подумала Дени. — Мало ли на свете мальчишек».

Акробаты тоже не разогнали ее тоски, особенно когда составили живую девятиярусную пирамиду с голенькой девочкой на макушке. Не олицетворял ли этот ребенок саму королеву?

Позже Гиздар увел гостей на нижнюю террасу, чтобы жители Желтого Города полюбовались ночным Миэрином. Пока юнкайцы с чашами в руках прохаживались под лимонными дере-

вьями и вьющимися цветами, Дени нежданно оказалась лицом к лицу с Беном Пламмом.

— Прелесть вашего величества не знает себе равных, — сказал он с низким поклоном. — Эти юнкайцы и в подметки вам не годятся. Хотел преподнести вам подарок, да цена неподъемная оказалась.

— Твои подарки мне не нужны.

— А если это голова старого недруга?

— Уж не твоя ли? Предатель.

— Зря вы так говорите. — Бен огорченно поскреб свои пегие бакенбарды. — Мы просто перешли на сторону победителя, как и раньше бывало. Ребята так решили, не я один.

— Значит, вы все меня предали — не пойму лишь, за что. Разве я вам недоплачивала?

— Дело не только в деньгах, ваше величество. Я это после первого боя понял. Обшаривал мертвецов и наткнулся на одного, которому руку по плечо отсекли топором. Весь в крови, и мухи его облепили, но колет на нем хороший, из доброй кожи с заклепками. Согнал я мух, снял его, смотрю — больно тяжелый. В подкладке золотишко было зашито, целое состояние — можно жить до конца дней, как лорд. А мертвецу-то что пользы? Валяется со своим сокровищем в грязи и крови-

ще, и руку ему отрубили. Понимаете, в чем урок? Когда подыхаешь, золото с серебром становятся дешевле дерьма, которое из тебя напоследок лезет. Я вам уж говорил как-то: есть храбрые наемники и есть старые, но чтоб и старый и храбрый — нету таких. Мои ребята подыхать не хотят, и когда я сказал им, что драконов вы на Юнкай не пошлете, то…

«Вы сочли меня побежденной, — добавила мысленно Дени, — и мне нечего вам возразить».

— Понимаю… но ты сказал, что того золота тебе хватило бы до конца дней. Что ты с ним сделал?

— Я тогда молодой был, дурак, — засмеялся Бен. — Рассказал одному, другу вроде бы, тот — сержанту, ну соратнички из меня все и вытрясли. Нечего, сказал мне сержант, только растратишь все попусту на шлюх и прочую дрянь. Колет мне, правда, оставил. Наемникам верить нельзя, миледи, — завершил Бен и плюнул.

— Это я усвоила. Когда-нибудь еще спасибо тебе скажу за мудрый урок.

— Нет уж, не стоит благодарности. — Бен откланялся и ушел прочь.

Дени посмотрела на город. Между его стенами и морем стояли ровные ряды желтых юнкайских палаток. Рабы обвели их оборонительным рвом.

Два железных легиона Нового Гиса, обученные и вооруженные на манер Безупречных, разместились на севере, за рекой, еще два — на востоке, перекрыв дорогу к Хизайскому перевалу. На юге мерцали костры вольных отрядов. Невольничий рынок, эта безобразная опухоль, торчал у самого моря; в темноте Дени не могла его видеть, но знала, что он там, и от этого ее гнев только усиливался.

— Сир Барристан, — позвала она, и белый рыцарь тотчас вышел из мрака. — Слышали?

— Кое-что. Наемникам нельзя верить, это он верно сказал.

«Королевам тоже».

— Есть ли среди Младших Сыновей человек, способный… низложить Бурого Бена?

— Как Даарио Нахарис низложил других капитанов Ворон-Буревестников? — смутился рыцарь. — Не знаю, ваше величество… может быть.

«Ты слишком честен для этого, старый воин».

— У юнкайцев есть еще три вольных отряда.

— Сброд, ваше величество, головорезы. И капитаны у них такие же предатели, как Бен Пламм.

— Я молода и мало что смыслю в таких вещах, но нам, думаю, такие и требуются. В свое время,

как вы помните, я переманила к нам и Младших Сыновей, и Ворон-Буревестников.

— Если ваше величество желает перемолвиться с Гило Реганом или Принцем-Оборванцем, я провожу их в ваши покои.

— Не время — слишком много глаз и ушей. Даже если вы уведете их, не привлекая внимания, юнкайцы заметят, что их чересчур долго нет. Надо придумать другой способ… Не сегодня вечером, но вскоре.

— Да, ваше величество. Боюсь только, что плохо подхожу для такого дела. В Королевской Гавани этим занимались лорд Мизинец или Паук. Мы, старые рыцари, люди простые, только биться горазды. — Сир Барристан похлопал по рукояти меча.

— Пленные, — вспомнила Дени. — Вестеросцы, перебежавшие из Сынов Ветра вместе с тремя дорнийцами. Что, если их использовать?

— Не знаю, разумно ли это. Их заслали сюда как шпионов — они предадут ваше величество при первом удобном случае.

— Как шпионы они провалились: я не верила им с самого начала и не верю сейчас. — Дени, по правде сказать, уже разучилась доверять кому бы то ни было. — Среди них есть женщина, Мерис.

Отправьте ее назад в знак моей… доброй воли. Если их капитан умный человек, он поймет.

— Женщина как раз хуже всех.

— Вот и хорошо. Не мешает также прощупать Длинные Копья и Диких Котов.

— Красная Борода, — нахмурился сир Барристан. — Не надо бы, ваше величество. Войну Девятигрошовых Королей вы, конечно, помнить не можете, но Красная Борода из того же теста. Чести в нем ни на грош, только жадность. Ему всего мало: золота, славы, крови.

— Таких людей вы знаете лучше, чем я, сир. — Бесчестного и жадного наемника перекупить легче всего, но Дени не хотелось поступать наперекор советам старого рыцаря. — Делайте, как считаете нужным, только не медлите. Я хочу быть готовой на случай, если Гиздаров мир рухнет, а к рабовладельцам у меня доверия нет. — «Как и к мужу». — Они обернутся против нас при первом же признаке нашей слабости.

— У юнкайцев свои заботы. Кровавый понос поразил толосцев и перекинулся через реку в третий гискарский легион.

Сивая кобыла, о которой предупреждала Дени Куэйта. Она и о дорнийском принце говорила, о сыне солнца, и о ком-то еще…

— Я не могу полагаться на то, что мои враги перемрут сами собой. Освободите Крошку Мерис незамедлительно.

— Слушаюсь. Но, если ваше величество позволит, есть другой способ.

— Дорнийский? — вздохнула Дени. Титул принца Квентина обеспечил дорнийцам присутствие на пиру, хотя Резнак позаботился усадить их как можно дальше. Гиздар как будто не ревнив по натуре, но какому мужчине понравится, что рядом с его молодой женой маячит соперник. — Юноша довольно приятен и говорит хорошо, но…

— Дом Мартеллов, древний и благородный, больше века был верным другом дома Таргариенов. Я имел честь служить в гвардии вашего батюшки с двоюродным дедом принца. Принц Ливен был рыцарем без страха и упрека, и Квентин Мартелл той же крови.

— Приди он с теми пятьюдесятью тысячами, о которых толкует, все было бы иначе, но он явился с двумя рыцарями и документом. Пергамент — плохой щит, им мой народ от юнкайцев не заслонить. Будь у него, скажем, флот…

— Дорн не стяжал себе славы на море, ваше величество.

— Да, я знаю. — Дени еще не забыла историю

Вестероса. Нимерия, высадившись на песчаных берегах Дорна, вышла за тогдашнего принца, сожгла все десять тысяч своих кораблей и больше в море не выходила. — Слишком он далек, этот Дорн — не бросать же мне было своих подданных ради Квентина. Не могли бы вы отправить его домой?

— Дорнийцы известны своим упрямством, ваше величество. Предки принца Квентина лет двести сражались с вашими — он без вас не уедет.

Значит, он так и умрет здесь. Разве что Дени в нем чего-то не разглядела.

— Он еще в пирамиде?

— Да. Пьет со своими рыцарями.

— Приведите его ко мне. Хочу познакомить его со своими детками.

— Слушаюсь, — помедлив немного, ответил сир Барристан.

Король шутил и смеялся с юнкайцами. Вряд ли он ее хватится, а служанки в случае чего скажут, что королева отлучилась по зову природы.

Сир Барристан ждал у лестницы вместе с принцем. По красному лицу Квентина Дени определила, что тот выпил лишнего, хотя и старается это скрыть. Если не считать пояса из медных солнц, одет он был просто. Понятно, за что его

прозвали Лягухой, — не очень-то он красив.

— Спускаться придется долго, мой принц, — с улыбкой сказала Дени. — Вы уверены, что желаете этого?

— Если вашему величеству так угодно.

— Тогда идемте.

Впереди них спускались два Безупречных с факелами, позади шли двое Бронзовых Бестий — один в маске рыбы, другой ястреба.

Сир Барристан обеспечивал Дени охраной всегда, даже в ее собственной пирамиде, даже в ночь празднования мира. Маленькая процессия двигалась молча и трижды останавливалась для отдыха.

— У дракона три головы, — сказала Дени на последнем марше. — Пусть мой брак не лишает вас последней надежды — я ведь знаю, зачем вы приехали.

— Ради вас, — заверил Квентин с неуклюжей галантностью.

— Нет. Ради огня и крови.

Один из слонов затрубил в своем стойле. Снизу донесся ответный рев, и Дени ощутила внезапный жар.

— Драконы знают, когда она близко, — сказал встревоженному Квентину сир Барристан.

Каждое дитя узнаёт свою мать. «Когда моря высохнут и ветер унесет горы, как листья…»

— Они зовут меня. — Дени взяла Квентина за руку и повела к яме, где сидели двое ее драконов. — Не входите, — сказала она сиру Барристану, пока Безупречные открывали тяжелые железные двери. — Мне довольно защиты одного принца Квентина.

Драконы уставились на них пылающими глазами. Визерион, порвавший одну цепь и расплавивший остальные, висел на потолке ямы, как огромная летучая мышь, — из-под его когтей сыпалась кирпичная крошка. Рейегаль, еще прикованный, глодал бычью тушу. Кости от прежних трапез ушли глубоко в пол, где кирпич, как и на стенах, медленно превращался в пепел. Долго он не продержится; остается надеяться, что драконы не способны буравить ходы в толще земли и камня, как огненные черви Валирии.

Дорнийский принц побелел как молоко.

— Я… Я слышал, их трое?

— Дрогон улетел на охоту. — Дени решила, что остального Квентину знать не нужно. — Белого зовут Визерион, зеленого — Рейегаль. Я назвала их в честь моих братьев. — Ее голос отражался эхом от обугленных стен. Тонкий голосок — впору

маленькой девочке, а не королеве-завоевательнице, счастливой в новом замужестве.

Рейегаль при звуке своего имени взревел, наполнив яму красно-желтым огнем, Визерион поддержал его золотисто-оранжевым всполохом и захлопал крыльями, взметнув тучу серого пепла. Порванные цепи дребезжали у него на ногах. Квентин Мартелл отскочил подальше от ямы.

Дени, не настолько жестокая, чтобы смеяться, участливо стиснула его руку.

— Меня они тоже пугают, стыдиться нечего. В темноте мои детки обозлились и одичали.

— Вы… Вы собираетесь летать на них?

— На ком-то одном. Свои сведения о драконах я почерпнула из рассказов брата и из книг, но говорят, что даже Эйегон Завоеватель никогда не садился на Мираксеса и Вхагара, а его сестры не смели подойти к Балериону Черному Ужасу. Драконы живут дольше людей, порой сотни лет; на Балерионе после смерти Эйегона летали другие, но у человека может быть только один дракон.

Визерион зашипел, пуская дым. Глубоко в его горле бурлил золотой огонь.

— Какие страшные.

— Они ведь драконы, Квентин… как и я. — Дени, привстав на цыпочки, поцеловала его в обе

щеки.

— Во мне тоже есть кровь дракона, ваше величество, — сглотнув, сказал принц. — Мой род восходит к первой Дейенерис, сестре короля Эйегона Доброго и жене принца Дорнийского. Водные Сады он построил для нее.

— Водные Сады? — Дени, честно говоря, мало что знала о Дорне.

— Любимый дворец моего отца. Хотел бы я когда-нибудь показать его вам. Он весь из розового мрамора, и парк с прудами и фонтанами смотрит на море.

— Прелестное место, должно быть. — Дени уже жалела, что привела сюда Квентина. — Возвращайтесь туда: при моем дворе врагов у вас больше, чем вы полагаете. Вы одурачили Даарио, а он не из тех, кто забывает обиду.

— У меня есть рыцари, присягнувшие меня защищать.

— Двое рыцарей против пятисот Ворон-Буревестников. И моего лорда-мужа тоже остерегайтесь. С виду он приятен и мягок, но пусть внешность вас не обманывает. В распоряжении Гиздара, чья корона зависит непосредственно от моей, имеются самые опасные на свете бойцы. Кто-то наверняка согласится оказать хозяину

услугу, убрав соперника…

— Принц Дорна, ваше величество, не бегает от рабов и наемников.

«Дурак ты после этого, принц-лягушка». Дени в последний раз взглянула на своих деток. Они кричали, пока королева с Квентином шли обратно, и выдыхаемый ими огонь отражался в кирпичных стенах. Оглянешься — пропадешь.

— Обратно на пир нас отнесут в креслах — сир Барристан должен распорядиться, — но подъем все-таки утомляет. — Железные двери с грохотом закрылись за ними. — Расскажите мне о той Дейенерис: я недостаточно хорошо знаю историю отцовского королевства, ведь у меня в детстве не было мейстеров. — «Только брат».

— Почту за удовольствие, ваше величество.

Далеко за полночь, когда разошлись последние гости, Дени удалилась к себе со своим мужем и повелителем. Он-то по крайней мере счастлив, хоть и пьян сильно.

— Я сдержал свое слово, — сказал он, пока Ирри и Чхику переодевали их на ночь. — Ты хотела мира, и вот он твой.

«А ты хотел крови, и скоро мне придется исполнить твое желание».

— Да. Спасибо тебе, — ответила Дени вслух.

Полный волнений день воспламенил Гиздара как нельзя более. Не успели служанки выйти, он сорвал с Дени ночные одежды и бросил ее на кровать. Она обвила его руками и предоставила делать все, что он хочет. Долго это не продлится: он слишком пьян.

Она оказалась права.

— Да пошлют нам боги сына в эту великую ночь, — прошептал он ей на ухо.

В голове у нее звучали слова Мирри Маз Дуур. «Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке. Когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья. Когда чрево твое вновь зачнет и ты родишь живое дитя. Тогда он вернется, но прежде не жди!» Смысл ясен: родить живое дитя для нее не легче, чем кхалу Дрого вернуться из мертвых. Есть, однако, тайны, которые она не может разделить даже с мужем. Пусть Гиздар зо Лорак надеется.

Скоро он уснул, а Дени все ворочалась и металась. Может, потрясти его, разбудить? Чтобы он поцеловал ее, обнял, взял снова? Незачем — после этого он снова заснет, бросив ее одну в темноте. Что-то сейчас поделывает Даарио? Бодрствует ли он, думает ли о ней? Любит ли он ее, ненавидит ли за то, что ушла к другому? Напрасно она до-

пустила его на свое ложе. Он простой наемник и ей не пара… она знала это всегда и все же не устояла.

— Моя королева, — позвал чей-то тихий голос.

— Кто здесь? — вздрогнула Дени.

— Всего лишь я, Миссандея. — Маленькая служанка подошла ближе. — Ваша слуга слышала, как вы плачете.

— Я не плачу. С чего мне плакать? Я получила свой мир и своего короля, о большем королеве и мечтать не приходится. Тебе приснилось.

— Да, ваше величество. — Девочка поклонилась и хотела уйти, но Дени сказала:

— Побудь со мной. Мне так одиноко.

— С вами его величество, — заметила Миссандея.

— Его величество спит, а я не могу. Завтра мне предстоит выкупаться в крови — такова цена мира. Садись и рассказывай.

— О чем прикажете, ваше величество? — Девочка села на постель рядом с ней.

— О твоем родном Наате. О бабочках, о своих братьях. О том, что ты любила, что тебя забавляло. Напомни мне, что в мире еще осталось что-то хорошее.

Миссандея, приложив все старания, наконец

убаюкала Дени. Королеве снился огонь и дым, и утро пришло слишком скоро.

Теон

День подкрался к ним незаметно, как Станнис. Винтерфелл проснулся уже давно: люди в кольчугах и коже высыпали на стены в ожидании атаки, которая так и не состоялась. Барабаны к рассвету умолкли, но рога трубили еще трижды, каждый раз чуть ближе к замку. А снег все шел.

— Сегодня он кончится, — уверял оставшийся в живых конюх. — Зима-то ведь еще не пришла.

Теон посмеялся бы, да смелости не хватило. Старая Нэн рассказывала о вьюгах, длившихся по сорок дней и ночей, по году, по десять лет… Эти бури погребали под стофутовым снежным покровом замки, города и целые королевства.

Абель, Ровена и еще одна прачка по имени Белка уплетали черствый ржаной хлеб, поджаренный на свином сале. Сам Теон на завтрак выпил кружку темного эля, такого густого, что жевать впору. Еще пара таких кружек, и план Абеля, глядишь, покажется ему не столь уж безумным.

В чертог, позевывая, вошел Русе Болтон вместе с женой, беременной толстухой Уолдой. Несколько лордов и капитанов — Амбер Смерть Шлюхам, Эйенис Фрей, Роджер Рисвелл — уже приступили

к завтраку. Виман Мандерли пожирал колбасу и вареные яйца, старый беззубый лорд Локе хлебал овсянку.

Лорд Рамси тоже вскоре явился. Он застегивал на ходу пояс с мечом, и Теон сразу заметил, что он в дурном настроении. То ли из-за барабанов, не дававших спать ночью, то ли из-за чего-то еще. Скажешь что-то не то, посмотришь не так, засмеешься не вовремя и как пить дать поплатишься куском кожи. Хоть бы он не взглянул сюда — Теона он читает как книгу и все мигом поймет.

— Ничего у нас не выйдет. — Теон говорил очень тихо, хотя услышать их здесь, на задах, могли разве что лошади. — Нас поймают еще в замке, а если убежим, лорд Рамси все равно выследит нас с Беном Бонсом и девочками.

— Лорд Станнис, судя по звукам, под самыми стенами — нам только и надо, что дойти до него. — Абель перебирал струны лютни. Борода у него каштановая, но длинные волосы почти все седые. — Если бастард за нами погонится, то успеет пожалеть о том перед смертью.

«Верь в это, — твердил про себя Теон. — Отбрось сомнения».

— Твоих женщин изнасилуют, убьют и скормят собакам, — сказал он певцу. — Если они окажутся

достойной дичью, он назовет в их честь новый выводок. А с тебя сдерут кожу — ты будешь молить о смерти, но они не послушают, такая у них игра. — Он вцепился в руку Абеля своей, покалеченной. — Ты поклялся, что не отдашь им меня живым. Дал мне слово.

— Слово Абеля тверже дуба, — сказала Белка, а певец только плечами пожал:

— Не извольте беспокоиться, мой принц.

Рамси о чем-то спорил с отцом. Слов не было слышно, но испуганное розовое лицо Уолды говорило о многом. Мандерли требовал еще колбасы, Роджер смеялся какой-то шутке Харвуда Стаута.

Суждено ли Теону увидеть чертоги Утонувшего Бога, или его призрак обречен вечно блуждать здесь, в Винтерфелле? Главное — умереть. Мертвым быть лучше, чем Вонючкой. Если план Абеля провалится, Рамси заставит их умирать медленно и мучительно. На этот раз он сдерет с Теона всю кожу, с головы до пят. Никакие мольбы его не умилостивят, и никакая боль не сравнится с той, какую причиняет своим ножиком Свежевальщик — Абель скоро испытает это на собственной шкуре. Из-за Джейни с глазами не того цвета, лицедейки, играющей свою роль. Об этом знают лорд Болтон и Рамси, но все остальные слепы,

даже этот ухмыляющийся в бороду бард. «Славно ты посмеешься со своими шлюхами, Абель, умирая не за ту девку».

Он чуть было не сказал им всей правды, когда Ровена привела его к Абелю в руины Горелой башни, но удержался в последний миг. Певец всерьез намерен спасти дочь лорда Эддарда. Если он узнает, что жена лорда Рамси — дочка простого стюарда, то…

Дверь со скрипом отворилась, впустив снежный вихрь. Сир Хостин Фрей, до пояса облепленный снегом, держал на руках чье-то тело. Люди на скамьях побросали ложки.

Еще кого-то убили.

Сир Хостин направился к высокому столу. Снег валился с него пластами. С ним вошли других рыцари и латники Фреев, из которых Теон знал только мальчишку. Уолдер Большой — мелкий, тощенький, с лисьей мордочкой, весь в крови.

Лошади, почуяв ее запах, пронзительно ржали, собаки вылезали из-под столов, люди вставали. Тело, которое нес сир Хостин, покрылось розовым ледком на морозе.

— Сын моего брата Меррета. — Фрей сложил труп у помоста. — Зарезан, как поросенок, и спрятан в сугробе. Ребенок!

Уолдер Малый — тот, что повыше. Любая из шестерых прачек могла это сделать.

— Это не мы, — сказала Ровена, перехватив взгляд Теона.

— Тихо! — шикнул на нее Абель.

Лорд Рамси сошел с помоста, за ним поднялся отец.

— Гнусное преступление. — В кои веки Русе говорил так, что его было слышно. — Где нашли мальчика?

— У разрушенного замка, милорд, — ответил Уолдер Большой, — того, что с горгульями. — Кровь двоюродного брата стыла на перчатках Уолдера. — Я говорил ему не ходить одному, но он сказал, что хочет получить долг.

— С кого? — спросил Рамси. — Назови его имя, и я сошью тебе плащ из шкуры этого человека.

— Он не сказал, милорд. Сказал только, что выиграл в кости… — юный Фрей помедлил, — у кого-то из Белой Гавани. Я видел, они учили его играть.

— Мы знаем, кто убил их! — загремел Хостин Фрей. — И мальчика, и всех остальных. Не сам, нет — он слишком толст и труслив, чтобы убивать самому. Поручил кому-то другому. Будете отрицать? — спросил Фрей, глядя в упор на Вима-

на Мандерли.

— Я, признаться… — Лорд Мандерли, жуя колбасу, вытер рукавом сальные губы. — Я, признаться, плохо знал бедного мальчика. Оруженосец лорда Рамси, не так ли? Сколько ему было лет?

— Девять исполнилось.

— Совсем еще мал… Хотя это, возможно, и к лучшему. Он мог вырасти и стать Фреем.

Сир Хостин, яростно пнув столешницу, сбил ее с козел прямо на живот лорду Виману. Чашки, блюда, колбасы полетели во все стороны. Люди Мандерли с проклятиями хватались за ножи, миски и штофы — что под руку подвернулось.

Сам сир Хостен, обнажив меч, бросился на Вимана Мандерли. Лорд, пригвожденный к стулу столешницей, даже пошевельнуться не мог, и клинок пронзил три из четырех его подбородков. Леди Уолда завизжала, цепляясь за мужа.

— Стойте! — крикнул лорд Русе. — Прекратите это безумие! — Его люди бежали разнимать Фреев и Мандерли; сир Хостин отсек руку человеку, напавшему на него с кинжалом; лорд Виман привстал и тут же хлопнулся на пол, как оглушенный дубинкой морж; старый лорд Локе громко требовал мейстера; собаки дрались друг с дружкой из-за колбас.

Когда сорок дредфортских копейщиков наконец остановили побоище, на полу остались лежать шестеро Мандерли и два Фрея. Многие были ранены; Лютон из бастардовых ребят вопил в голос, звал мать и пытался затолкать выпущенные внутренности обратно в живот. Лорд Рамси, выхватив у кого-то копье, вогнал его Лютону в грудь, но в чертоге тише не стало. Люди кричали, ругались или молились, лошади ржали, собаки рычали. Уолтон Железные Икры долго колотил копьем в пол, прежде чем Русе Болтону удалось молвить слово.

— Я вижу, вам всем не терпится пролить кровь, — сказал он. Рядом стоял мейстер Родри с вороном на руке; мокрая птица блестела при свете факела, как намасленная. Лорд развернул пергамент — тоже мокрый, можно не сомневаться. Черные крылья, черные вести. — Если так, то лучше вам обратить мечи против Станниса. Его голодное войско застряло в снегу в трех днях пути от замка; не знаю, как вам, а мне уже надоело ждать, когда он соизволит пожаловать. Вы, сир Хостин, соберете своих рыцарей и латников у главных ворот — нанесете первый удар, коли вам так не терпится, — а вы, лорд Виман, построитесь у восточных.

Клинок Хостина Фрея был красен по самую рукоять, щеки покрылись россыпью красных веснушек.

— Как прикажете, милорд, — сказал он, опустив меч. — Доставлю вам голову Станниса Баратеона и закончу, что начал: отделю от жирного туловища голову Мандерли.

Мейстер Медрик пытался остановить кровь лорду Виману; четыре рыцаря Белой Гавани сомкнулись кольцом вокруг них.

— Сперва вам придется пройти через нас, сир, — сказал самый старший, с тремя серебряными русалками на окровавленном лиловом камзоле.

— Охотно. Поочередно или сразу, мне безразлично.

— Хватит! — взревел лорд Рамси, потрясая обагренным копьем. — Еще одна угроза, и я сам вас всех выпотрошу. Мой лорд-отец ясно сказал: приберегите свой пыл для Станниса.

— Верно, — кивнул лорд Русе. — Вот покончим со Станнисом, тогда и сводите счеты. — Его белесые глаза, обшарив чертог, остановились на Абеле. — Спой нам, бард, чтобы мы успокоились.

— Слушаюсь, милорд. — Абель перескочил через пару трупов, взошел на помост, сел, скрестив ноги, прямо на стол и заиграл печальную,

незнакомую Теону мелодию. Сир Хостин, сир Эйенис и их люди начали выводить во двор своих лошадей.

— Ванна, — схватив Теона за руку, сказала Ровена.

— Днем-то? Нас же увидят.

— Снег все скроет. Оглох ты, что ли? Болтон шлет свое войско — мы должны добраться до Станниса раньше них.

— А как же Абель?

— Абель сам о себе позаботится, — заверила Белка.

Безумие. Безнадежная, обреченная на провал затея. Теон допил подонки эля и встал.

— Зовите сестер таскать воду. У миледи ванна вместительная.

Белка бесшумно выскользнула куда-то, Ровена вышла вместе с Теоном. После той встречи в богороще одна из прачек всегда ходила за ним по пятам. Они ему не верят, да и с чего бы? Кто был Вонючкой, может снова им стать.

Снег все шел. Снеговики выросли в безобразных великанов десятифутовой вышины, ежечасно расчищаемые дорожки напоминали траншеи. В их лабиринте мог легко заблудиться любой, кроме Теона.

Богороща — и та побелела. Пруд под сердце-деревом затянулся льдом, лик на белом стволе отрастил усы из сосулек, но старые боги в этот час не были одиноки. Ровена потащила Теона в сторону от молящихся северян, к стене казармы и теплому грязевому пруду, воняющему тухлыми яйцами. Грязь тоже начинала подмерзать по краям.

— Зима близко, — сказал Теон, но Ровена одернула:

— Не смей произносить девиз лорда Эддарда после всего, что ты сделал.

— А мальчика кто убил?

— Говорю тебе, это не мы.

— Слова — ветер. — Эти девки ничем не лучше его. — Других-то вы убивали, почему бы и не мальчишку? Желтый Дик…

— Он вонял, как и ты. Свинья.

— А Уолдер Малый — свиненок. Убив его, вы натравили Фреев на Мандерли — умно придумано…

— Это не мы. — Ровена сгребла его за горло и притиснула к стенке. — Вякнешь еще раз, братоубийца, — вырву твой лживый язык.

— Не вырвешь, — улыбнулся он, показав обломки зубов. — Без моего лживого языка ты не

пройдешь мимо стражи.

Ровена, плюнув ему в лицо, разжала пальцы и вытерла руки в перчатках о бедра.

Не надо бы ее злить: на свой лад она опасна не меньше, чем Свежевальщик и Дамон-Плясун. Но он замерз, устал, голова у него болит, ночи он проводит без сна…

— У меня много чего на совести, — сказал Теон. — Я предавал, переходил с одной стороны на другую, приказывал убивать людей, которые мне доверяли, — но братьев не убивал.

— Само собой. Маленькие Старки не были тебе братьями.

Теон не это хотел сказать. Он не трогал их вовсе, братья они ему или нет. Те двое детей были сыновьями простого мельника. О мельничихе, которую он знал много лет и даже спал с ней, Теон старался не думать. Тяжелые, с большими сосками груди, сладкие губы, веселый смех. Не знать ему больше этих нехитрых радостей.

Но Ровене об этом нечего толковать: она не поверит ему, как и он ей не верит.

— На моих руках много крови, но кровью братьев я их не обагрял, — сказал он устало. — И за грехи свои уже расплатился.

— Навряд ли, — отвернулась она.

Дура. Он, может, и сломленный человек, но кинжал-то при нем. Взять да и вогнать ей между лопаток. На это он еще способен, хоть и калека. Это даже милосердно — избавить женщину от мучений, которые ждут ее и других, если Рамси их схватит.

Вонючка точно бы это сделал в надежде угодить лорду Рамси. Эти шлюхи задумали украсть у Рамси жену — Вонючка такого не допустил бы. Но старые боги узнали его, назвали по имени. Он Теон из Железных Людей, сын Бейлона Грейджоя и законный наследник Пайка. Недостающие пальцы так и зудели, но кинжал не вышел из ножен.

Белка вскоре привела четырех остальных: седую тощую Миртл, Иву-Ведьму с длинной черной косой, толстую грудастую Френью, Холли с ножиком. Оделись они как служанки, в домотканую шерсть и плащи, подбитые кроличьим мехом, и ни мечей, ни молотов, ни топоров при них не было — только ножи. Холли застегнула плащ серебряной пряжкой, Френья обмоталась веревкой и сделалась еще толще.

Миртл и для Ровены принесла такой же наряд.

— Во дворах полным-полно дурачья, — предупредила она. — В поход собираются.

— Поклонщики, — фыркнула Ива. — Раз главный лорд велел, надо идти.

— Скоро полягут все как один, — прочирикала Холли.

— Мы тоже, — сказал Теон. — Ну, войдем мы туда, а леди Арью как выведем?

— Вшестером войдем, вшестером и выйдем, — весело объяснила Холли. — Кто на служанок смотрит? Оденем девочку в платье Белки.

Да, они с Белкой почти одного роста — может, и получится.

— А Белка как выйдет?

— Через окно и в богорощу, — ответила та. — Мне всего двенадцать годков было, когда брат взял меня в первый набег, там меня и прозвали Белкой. Я через вашу Стену шесть раз лазила, туда и обратно — уж с башни-то спущусь как-нибудь.

— Ну, доволен теперь, Переметчивый? — спросила Ровена. — Тогда пошли.

Громадная кухня Винтерфелла занимала отдельный флигель, стоящий поодаль от чертога и жилых зданий. В разное время дня там пахло поразному: то жареным мясом, то луком, то свежим хлебом. Русе Болтон и в ней часовых поставил, чтобы повара с поварятами не разворовывали еду. Вонючку солдаты знали и поддразнивали

его, когда он таскал воду для ванны, но дальше не заходили: с любимцем лорда Рамси связываться опасно.

— Вот и принц Вони пожаловал. — Один из стражей распахнул дверь перед Вонючкой и шестью женщинами. — Быстрей только, а то напустите холоду.

— Горячей воды для миледи! — распорядился Теон, поймав первого же поваренка. — Шесть полных ведер, и чтоб горячая была, а не тепленькая, понятно? Лорд Рамси желает, чтобы его жена была чистой.

— Да, милорд, сей же час, — ответил мальчишка.

«Сей же час» затянулся надолго. Мальчику пришлось отмыть один из больших котлов, наполнить его водой и нагреть. Женщины Абеля терпеливо ждали, опустив капюшоны своих плащей. Зря они так: настоящие служанки заигрывают с кухарями, норовя отщипнуть кусочек того и снять пробу с этого. Часовые уже начинали поглядывать на них с удивлением.

— А где Мейзи, Джез и прочие, которые всегда приходят с тобой? — спросил один у Теона.

— Леди Арья недовольна ими. Они приносят воду уже остывшей.

Котел наконец-то вскипел, и процессия с полными ведрами, от которых шел пар, снова двинулась по снежным траншеям. Замок кишмя кишел рыцарями и простыми латниками с копьями, луками и колчанами. Фреи с эмблемой двух башен и Мандерли с водяным сталкивались на каждом шагу и обменивались злобными взглядами, но не обнажали клинков — вот выйдут они в лес, тогда…

Большой замок охраняли полдюжины дредфортцев.

— Опять ванна, что ли? — спросил сержант, держа руки под мышками. — Она ж только вечером мылась и из постели не вылезала — откуда грязь-то возьмется?

Поспал бы с Рамси — узнал откуда. Стоит лишь вспомнить, что пришлось делать Теону и Джейни в первую ночь.

— Лорд Рамси так приказал.

— Ладно, заходите, пока вода у вас не замерзла. — Перед ними снова открыли двери.

Внутри было почти так же холодно, как снаружи. Холли потопала ногами, сбивая снег, и откинула капюшон.

— Я думала, трудней будет.

— У спальни тоже стоят часовые, — преду-

предил Теон. — Люди Рамси. — Бастардовыми ребятами он не посмел их назвать — вдруг кто услышит. — Надвиньте капюшоны и держите головы низко.

— Делай, как он говорит, Холли, — вмешалась Ровена. — Тебя могут в лицо узнать.

Теон поднимался первым. По этой лестнице он всходил и спускался тысячу раз, не меньше. Мальчишкой перескакивал через три ступеньки и однажды сбил с ног старую Нэн. За это он получил самую большую трепку за все пребывание в Винтерфелле, хотя и она была пустяком в сравнении с тем, как колошматили его братья на Пайке. На этих ступенях они с Роббом вели героические сражения на деревянных мечах. Хорошая школа: понимаешь наглядно, как трудно проложить себе путь по винтовой лестнице против наседающего сверху противника. Один хороший боец наверху способен сдерживать идущую снизу сотню, любил говорить сир Родрик.

Все они уже покинули этот мир: Джори, сир Родрик, лорд Эддард, Харвин и Халлен, Кейн, Десмонд и Толстый Том, Алин, мечтавший стать рыцарем, Миккен, выковавший Теону первый стальной меч. Даже старая Нэн скорее всего.

А Робб, бывший Теону братом больше, чем

сыновья Бейлона Грейджоя, предательски убит Фреями. Почему Теона не было на той свадьбе? Он должен был умереть вместе с Роббом.

Он остановился так внезапно, что Ива чуть не врезалась в него сзади. Дверь спальни Рамси охраняли Алин-Кисляй и Молчун.

Старые боги милостивы. У одного языка нет, у другого ума, как часто повторяет лорд Рамси. Мерзавцы, конечно, оба, но долгая служба в Дредфорте приучила их к послушанию.

— Мы принесли воду для леди Арьи, — сказал Теон.

— Тебе бы самому помыться, Вонючка, — заметил Алин. — Смердишь почище конской мочи. — Молчун пробурчал что-то в знак согласия — а может, это был смех, — Алин отпер дверь, Теон сделал женщинам знак проходить.

День еще не проник сюда. Последнее полено догорало среди углей в очаге, рядом с измятой пустой постелью мигала свеча. Куда она могла деться? Из окна выбросилась? Но ставни накрепко заперты изнутри и обледенели снаружи. Женщины вылили ведра в круглую деревянную ванну, Френья прислонилась к двери спиной.

— Где же она? — недоумевала Холли.

Во дворе затрубил рог — Фреи выезжали на

битву. Недостающие пальцы Теона зудели.

Джейни тряслась в самом темном углу, свернувшись под волчьими шкурами; как раз дрожь и помогла ее разглядеть. От кого она прячется — от них или от своего лорда-мужа? Теон едва сдержал крик при мысли, что Рамси может войти сюда.

— Миледи. — Назвать ее Арьей у него не поворачивался язык, на Джейни смелости не хватало. — Не прячьтесь, это ваши друзья.

Из-под мехов выглянул глаз, блестящий от слез. Карий, не того цвета.

— Теон?

— Пойдемте с нами, леди Арья, — сказала, подойдя к ней, Ровена. — Не медлите: мы отведем вас к вашему брату.

— К брату? — Из-под шкур высунулась вся голова. — Но у меня нет братьев…

Она забыла свое имя, забыла, за кого себя выдает.

— У вас их было трое, — напомнил Теон. — Робб, Бран и Рикон.

— Больше нет. Они умерли.

— Остался еще один — лорд Ворона, — сказала Ровена.

— Джон Сноу?

— Мы отведем вас к нему, но надо спешить.

Джейни натянула шкуры до подбородка.

— Нет. Вы обманываете. Это он вас послал… милорд. Чтобы испытать, сильна ли моя любовь. Я люблю его! Люблю больше жизни! — По щеке скатилась слеза. — Я сделаю все, что он хочет, с ним или… или с собакой, только ноги мне не рубите, я больше не стану бежать, я рожу ему сыновей, клянусь… клянусь…

Ровена тихо присвистнула.

— Да проклянут его боги.

— Я хорошая, меня всему научили.

— Надо ее заткнуть, — нахмурилась Ива. — Тот стражник хоть и нем, но не глух — услышат еще.

— Забирай ее, Переметчивый. — Холли достала свой нож. — Уходить надо. Поднимай эту сучонку и постарайся ее вразумить.

— А ну как закричит? — засомневалась Ровена.

«Тогда всем нам конец», — подумал Теон. Он говорил, что это безумие, но они не послушали. У Абеля мозги набекрень, как у всех певцов. В песне герой запросто спасает деву из замка чудовища, но жизнь столь же мало походит на песню, как Джейни на Арью Старк. И героев здесь нет, одни шлюхи. Теон опустился на колени, откинул меха, коснулся мокрой щеки.

— Я Теон. Вы ведь знаете меня, правда? И я вас

знаю. Знаю, как ваше имя.

— Имя? Но я…

— Об этом после. — Он прижал палец к губам. — Сейчас вы пойдете с нами. Со мной. Мы уведем вас отсюда. Прочь от него.

— Прошу вас… прошу…

Теон, чьи призрачные пальцы продолжали зудеть, помог ей подняться. Шкуры прикрывали нагое тело, на маленьких бледных грудях виднелись следы от зубов. Одна из женщин затаила дыхание, Ровена сунула Теону ворох одежды.

— Скорее, холодно ведь.

Белка, на которой остались одни панталоны, порылась в сундуке и облачилась в бриджи и стеганый дублет Рамси. Штанины болтались у нее на ногах, как обвисшие паруса.

Теон с помощью Ровены натягивал на Джейни Белкины тряпки. Если боги смилуются, а часовые ослепнут, дело, глядишь, и выгорит.

— Сейчас мы пойдем вниз по лестнице, — сказал он. — Голову опустите, капюшон поднимите, вот так. Идите следом за Холли. Не бежать, не кричать, не разговаривать, никому в глаза не смотреть.

— Не оставляйте меня, — попросила Джейни.

— Мы пойдем вместе, — пообещал Теон.

Белка залезла в кровать и укрылась одеялом, Френья открыла дверь.

— Ну что, Вонючка, хорошо ее вымыл? — спросил Алин-Кисляй, а Молчун ухватил за грудь Иву. Удачно выбрал: Джейни наверняка завизжала бы, и пришлось бы Холли резать стражнику глотку, а Ива лишь вывернулась и пошла вниз.

Даже и не взглянули! У Теона голова закружилась от облегчения, но на лестнице страх вернулся. Что, если им встретятся Свежевальщик, Дамон-Плясун, Уолтон Железные Икры или сам Рамси? «Да спасут нас боги, только не он». Ну, вывели девчонку из спальни, нашел чему радоваться… ворота заперты, на стенах ряды часовых. Их могут и у входной двери остановить: мало будет проку от ножа Холли против шестерых мужиков в кольчугах, с мечами и копьями.

Часовым, однако, было не до того: все их силы уходили на борьбу со снегом и ветром, сержант и тот глянул на вышедших только мельком. Теона кольнула жалость: Рамси с них кожу сдерет, узнав о побеге… А что он сделает с Алином и Молчуном, даже и думать не хочется.

В каких-нибудь десяти ярдах от двери женщины побросали пустые ведра. Большого замка не было видно, над белым пустынным двором ви-

тали непонятные звуки. Чем дальше, тем выше становились снежные стенки: по колено, до пояса, выше головы. Не замок, а Край Вечной Зимы за Стеной.

— Холодно, — тихонько пожаловалась Джейни, ковыляя рядом с Теоном.

Скоро будет еще холодней. Зима за стенами замка только и ждет, чтобы вцепиться в них ледяными зубами… Если они, конечно, выберутся за стены.

— Нам сюда, — сказал Теон на перекрестке трех дорожных траншей.

— Френья, Холли, идите с ними, — сказала Ровена. — Мы с Абелем вас догоним, не ждите. — Она, Ива и Миртл повернули к Великому Чертогу и сразу исчезли в снегу.

Еще того лучше. Побег, вызывавший сомнения даже с шестью женщинами Абеля, с двумя казался совсем невозможным. Но делать нечего — не возвращать же девочку в спальню. Теон взял Джейни под руку и повел к Крепостным воротам. Ворота — громко сказано, скорее калитка. Даже если стража пропустит их, во внешней стене нет прохода; в одиночку Теон там ходил беспрепятственно, но теперь… Что, если часовые заглянут под капюшон Джейни и узнают в ней

жену Рамси?

Дорожка вильнула влево. Вот и калитка, а по бокам часовые, похожие в косматых мехах на медведей, и копья у них восьмифутовые.

— Кто идет? — окликнул один. Теон не узнал ни голоса, ни замотанного шарфом лица. — Ты, Вонючка?

Он хотел сказать «да», но неожиданно для себя ответил иначе:

— Теон Грейджой. Баб вам привел.

— Замерзли небось, бедняжки, — пропела Холли. — Давайте согрею. — Размотав заснеженный шарф, она поцеловала стражника в губы и пырнула ножом в шею пониже уха. Глаза латника выкатились. Холли с кровью на губах отступила, солдат упал.

Френья тем временем ухватилась за древко другого стражника, завладела после короткой борьбы копьем и двинула часового тупым концом по виску. Он отлетел назад, а женщина развернула копье и проткнула ему живот.

Джейни Пуль испустила пронзительный вопль.

— А чтоб тебя, — крикнула Холли. — Сейчас сюда поклонщики сбегутся, уходим!

Теон, одной рукой зажимая Джейни рот, другой

обнимая за талию, вытащил ее за калитку и перевел через ров. Старые боги не подкачали и здесь: подъемный мост опустили, чтобы облегчить сообщение между Винтерфеллом и внешней стеной. Позади слышались тревожные крики, на внутренней стене протрубили в горн.

— Бегите, я задержу поклонщиков, — сказала Френья на середине моста. Копье она захватила с собой.

Добравшись до лестницы, Теон перекинул Джейни через плечо и стал подниматься. Девочка больше не вырывалась, да и весила мало, но ступеньки были скользкие. На полпути он споткнулся, ударился коленом и чуть не упустил свою ношу, но Холли помогла ему встать, и вдвоем они кое-как втащили Джейни на стену.

Теон отдувался, прислонившись к зубцу, Френья внизу сражалась с шестью солдатами.

— Куда теперь? — спросил он. — Как мы спустимся?

— Ах ты ж, мать-перемать, — выругалась Холли. — Веревка-то на Френье осталась! — В следующий миг она ахнула, держась за арбалетный болт в животе. — Поклонщики… с внутренней… — успела выговорить она, и между грудей у нее выросла вторая стрела. Холли упала, и снег,

обвалившись с зубца, похоронил ее под собой.

Слева донеслись крики. Снежное одеяло над Холли понемногу краснело, стрелок на внутренней стене перезаряжал арбалет — Теон знал это и не видя. Он сунулся было вправо, но оттуда тоже бежали люди с мечами в руках. Далеко на севере запел рог. Станнис… Станнис, их единственная надежда.

Арбалетчик выстрелил снова. Болт, пройдя в футе от Теона, пробил плотный снег на зубце. Где же Абель и прочие его женщины? Если двух беглецов захватят живыми, то отведут к Рамси.

Теон обхватил Джейни за пояс и прыгнул.

Дейенерис

На беспощадно голубом небе ни облачка. Скоро кирпич раскалится, и бойцы на песке почувствуют жар сквозь подошвы сандалий.

Чхику накинула на Дени шелковый халат, Ирри помогла сойти в пруд. Тень от хурмы дробилась на воде вместе с бликами раннего солнца.

— Вашему величеству непременно нужно присутствовать на открытии этих ям? — спросила Миссандея, мывшая волосы королеве.

— Да, сердечко мое. Половина Миэрина соберется там, чтобы посмотреть на меня.

— Простите вашу слугу за дерзость. Мне кажется, они придут посмотреть, как умирают бойцы.

Девочка права, но это не столь уж важно.

Дени, чище чистого, поднялась из воды. Солнце поднимается, народ скоро начнет собираться. Она бы гораздо охотнее провела день в этом душистом пруду, ела замороженные фрукты с серебряных блюд и грезила о доме с красной дверью, но королева принадлежит не себе, а своим подданным.

Чхику закутала ее в мягкое полотенце.

— Какой токар кхалиси наденет сегодня? —

спросила Ирри.

— Из желтого шелка. — Королева кроликов не должна показываться на люди без длинных ушей. Желтый шелковый токар легче всех остальных, а в ямах будет настоящее пекло, и сандалии не спасут ноги смертников от обжигающего песка. — И длинное красное покрывало. — Оно защитит ее от песчаных вихрей, и брызги крови на красном не так видны.

Чхику причесывала королеву, Ирри красила ей ногти — предстоящее зрелище радовало обеих.

— Король просит королеву присоединиться к нему, когда она будет готова, — доложила Миссандея. — И принц Квентин просит о краткой аудиенции.

— Как-нибудь в другой раз.

У подножия пирамиды ждали сир Барристан с Бронзовыми Бестиями и открытый паланкин. Сир дедушка, несмотря на возраст, держался прямо и был очень красив в подаренных Дени доспехах.

— Лучше бы вас охраняли сегодня Безупречные, ваше величество, — сказал старый рыцарь, когда Гиздар отошел побеседовать со своим родичем. — Половина Бронзовых Бестий — вольноотпущенники, не испытанные в боях. — Другую половину

составляли миэринцы, чья верность внушала ему сомнения, но об этом он умолчал. Селми не доверял ни одному миэринцу — ни с густыми волосами, ни с бритой головой.

— Они так и останутся неиспытанными, если не испытать их.

— Маска скрывает многое, ваше величество. Откуда нам знать, та ли это сова, что охраняла вас вчера и третьего дня?

— Если я не стану верить Бронзовым Бестиям, чего же ждать от простых горожан? Под этими масками скрываются славные отважные люди, и я вверяю им свою жизнь. Не тревожьтесь так, сир: каких мне еще защитников нужно, коли рядом будете вы?

— Я уже стар, ваше величество.

— Силач Бельвас тоже идет.

— Воля ваша. Мерис мы по вашему приказанию отпустили, — понизил голос сир Барристан. — Она хотела поговорить с вами, но пришлось ограничиться мной. Женщина уверяет, будто Принц-Оборванец хотел с самого начала перейти к вам. Ее он якобы послал для тайных переговоров с вами, но дорнийцы, разоблачив их всех, не дали ей и слова сказать.

«Одни предают других, другие третьих… будет

ли этому конец?»

— Вы ей верите, сир?

— Не особенно, ваше величество, но так она говорит.

— И они в самом деле перейдут к нам?

— По ее словам, да — но за определенную цену.

— Так заплатите им. — Золота в Миэрине много, а вот стали недостает.

— Принцу-Оборванцу нужны не деньги, ваше величество. Он хочет получить Пентос.

— При чем же здесь я? Пентос на другом краю света.

— Он готов подождать, пока мы не выступим в Вестерос.

«А если этого никогда не случится?»

— В Пентосе обитает магистр Иллирио, устроивший мой брак с кхалом Дрого, подаривший мне драконьи яйца, приславший мне вас, Бельваса и Гролео. Я бесконечно ему обязана и не намерена отдавать его город наемнику.

— Мудрое решение, ваше величество, — склонил голову рыцарь.

— Этот день сулит многое — верно, любимая? — Гиздар зо Лорак помог Дени сесть в паланкин, где стояли рядом два трона.

— Разве что вам. Не тем, кто умрет еще до за-

хода солнца.

— Все мы умрем, но не всем дано погибнуть со славой, под приветственные клики целого города. Открывай, — крикнул он солдатам у дверей, подняв руку.

Воздух уже мерцал от зноя над площадью, вымощенной разноцветными кирпичами. Девять из каждых десяти человек — кто в носилках или на креслах, кто на осликах, кто пешком — двигались по кирпичному проспекту на запад, к Арене Дазнака. Появление королевского паланкина из пирамиды встретили громким «ура». «Не странно ли, — думала Дени, — что меня чествуют на той самой площади, где я прибила к столбам сто шестьдесят три человека из числа великих господ?»

Во главе процессии бил большой барабан, и глашатай в тунике из медных дисков выкрикивал:

— Дорогу! — БОММ. — Дорогу королеве! — БОММ. — Дорогу королю! — БОММ.

За барабаном шагали Бронзовые Бестии, по четверо в ряд — кто с дубинками, кто с кольями, в складчатых юбках, сандалиях и пестрых плащах, копирующих кирпичи Миэрина. На солнце сверкали маски вепрей, быков, ястребов, цапель, львов, тигров, медведей, змей с раздвоенным

языком, василисков.

Не любящий лошадей Силач Бельвас шел впереди паланкина в безрукавке с заклепками — его коричневый, весь в шрамах живот колыхался на каждом шагу. Ирри, Чхику, Агго и Ракхаро ехали верхом, за ними следовал Резнак в кресле с навесом от солнца. Сир Барристан в сверкающих доспехах сопровождал паланкин рядом с Дени — на плечах безупречно отбеленный плащ, на левой руке большой белый щит. Чуть позади ехали Квентин Мартелл и два его спутника.

Процессия медленно ползла по длинной кирпичной улице.

— Дорогу! — БОММ. — Королева! Король! — БОММ. — Расступитесь! — БОММ.

Служанки Дени спорили, кто станет победителем финального поединка. Чхику предпочитала гиганта Гогора, больше похожего на быка, чем на человека, вплоть до бронзового кольца в носу; Ирри заявляла, что цеп Белакуо-Костолома уложит и великана. Что с них взять, они дотракийки. На свадебном пиру Дени гости рубились на аракхах, умирали, пили, совокуплялись. Жизнь и смерть в кхаласарах идут рука об руку — чем больше крови прольется на свадьбе, тем крепче брак. Ее новый брак тоже омоется кровью и будет счаст-

ливее некуда.

БОММ, БОММ, БОММ, БОММ, БОММ.

Барабан забил часто и гневно, сир Барристан обнажил меч, процессия застряла между бело-розовой пирамидой Палей и черно-зеленой Накканов.

— Почему мы остановились? — спросила Дени.

Гиздар встал.

— Что-то загораживает дорогу.

Причиной задержки оказался чей-то перевернутый паланкин: один из носильщиков упал в обморок от жары.

— Помогите человеку, — распорядилась Дени. — Уведите его в тень, напоите, дайте поесть. Вид у него такой, будто он голодал неделю.

Сир Барристан беспокойно смотрел вправо-влево. Гискарцы на террасах отвечали ему холодными, недружелюбными взглядами.

— Не нравится мне это, ваше величество. Вдруг западня? Сыны Гарпии…

— …укрощены, — завершил фразу Гиздар зо Лорак. — Зачем им вредить моей королеве, коль скоро она избрала меня своим королем и супругом? Помогите же этому человеку, как приказывает наша драгоценная повелительница. — Улыбаясь, он взял Дени за руку, а Бронзовые

Бестии устремились к носильщику.

— Раньше носильщики были рабами, — сказала Дени. — Я освободила их, но носилки от этого легче не стали.

— Верно, но теперь они получают плату за переноску тяжестей. Раньше надсмотрщик спустил бы кнутом шкуру с того, кто упал, а теперь ему помощь оказывают.

Бестия в маске вепря протягивал пострадавшему мех с водой.

— Что ж, видимо, и за малые победы следует быть благодарной.

— Шаг за шагом, а там и на бег перейдем. Будем строить новый Миэрин вместе. — Улицу наконец-то очистили. — Двинемся дальше?

Дени оставалось только кивнуть. Шаг за шагом. Но куда это ее приведет?

Ворота Арены Дазнака были изваяны в виде двух бронзовых воинов — один с мечом, другой с топором. По замыслу скульптора они наносили друг другу смертельный удар, высоко подняв свое оружие.

«Искусство, бьющее наповал», — сказала про себя Дени.

Со своей террасы она постоянно видела бойцовые ямы. Мелкие усеивали лицо Миэрина как

оспины, большие напоминали незаживающие язвы, но эту сравнить было не с чем. Королевская чета, пройдя в арку между сиром Барристаном на одной стороне и Бельвасом на другой, оказалась на краю огромной кирпичной чаши, окруженной ярусами сидений, каждый разного цвета.

Гиздар вел Дени мимо черных, пурпурных, синих, зеленых, белых, желтых и оранжевых рядов к алому, в цвет песка. Разносчики предлагали собачьи колбаски, жареный лук, щенячьи зародыши на палочке, но королевскую ложу Гиздар снабдил охлажденным вином, родниковой водой, фигами, финиками, дынями и гранатами.

— Ух ты, саранча! — Бельвас схватил миску насекомых в меду и захрустел ими.

— Это очень вкусно, — сказал Гиздар, — попробуй, любимая. Ее обваливают в пряностях, а уж после в меду, чтобы придать ей и остроту, и сладость.

— Теперь понятно, отчего Бельваса прошиб пот. Я удовольствуюсь финиками и фигами.

Напротив них сидели Благодати в разноцветных одеждах — в середине выделялась зеленым островком Галацца Галар. Великие господа Миэрина занимали красные и оранжевые сиденья; женщины прятались от солнца под покрыва-

лами, мужчины уложили волосы в виде рогов, растопыренных пальцев и пик. Лораки облачились в токары индиговых и лиловых тонов, Пали предпочитали бело-розовую полоску. Юнкайские посланники в желтом, каждый со своими рабами, разместились в соседней ложе. Чем выше ряд, тем ниже был статус зрителей: черные и пурпурные скамьи на самом верху занимали вольноотпущенники, наемники — капитаны бок о бок со своими солдатами — сидели чуть ниже. Дени разглядела среди них коричневое лицо Бурого Бена и огненно-рыжие баки Красной Бороды.

Гиздар встал, воздел руки.

— Великие господа! Моя королева оказывает нам честь в знак любви к своему народу. С ее милостивого соизволения я возвращаю вам наши боевые искусства. Пусть королева услышит, как ты любишь ее, Миэрин!

Тридцать тысяч глоток взревели разом. Выкрикивали не имя, которое мало кто мог правильно выговорить — для выражения любви существовало другое слово.

— Миса, миса, миса! — ревел амфитеатр на древнем языке Гиса под топот и хлопанье ладоней по животам. — Матерь!

«Я вам не мать! — хотелось закричать Дени. — Я

мать ваших рабов, мать каждого юноши, умиравшего на этом песке, пока вы лакомились обвалянной в меду саранчой».

— Слышите, как они любят ваше великолепие? — прошептал ей на ухо Резнак.

Не ее они любят, а свои зрелища. Когда крики начали затихать, Дени села и попросила Чхику налить ей воды. В горле пересохло, хотя их ложа находилась в тени.

— День откроет Храз, — пояснил Гиздар. — Такого бойца у нас еще не бывало.

— Бельвас был лучше, — возразил королю Силач.

Высокий Храз, миэринец простого рода, носил посередине головы узкую полоску черно-рыжих волос. Копье другого бойца, чернокожего с Летних островов, некоторое время удерживало Храза на расстоянии, но вскоре он проскочил под копьем, убил противника своим коротким мечом, поднял над головой вырезанное сердце и откусил кусок.

— Храз верит, что сердца храбрецов дают ему силу, — сказал Гиздар. Чхику промолвила что-то в знак одобрения. Дени однажды съела сердце коня, чтобы сын, которого она носила, стал сильным, но это не спасло Рейего, убитого колдуньей во чреве матери. «Три измены должна ты испы-

тать». Мейега — первая, Джорах — вторая, Бурый Бен — третья… стало быть, это всё?

— А это Пятнистый Кот, — говорил Гиздар. — Посмотри, как он движется, моя королева: поэма на двух ногах, да и только.

Для ходячей поэмы Гиздар подобрал противника ростом с Гогора и толщиной с Бельваса, но медлительного. Кот перерезал ему поджилки в шести футах от Дени; тот рухнул на колени, а Кот уперся ему в спину ногой, запрокинул голову и рассек горло от уха до уха. Красный песок впитал кровь, ветер — последние слова. Толпа встретила смерть бойца одобрительными криками.

— Плохо дрался, хорошо умер, — сказал Бельвас. — Силач не любит, когда визжат. — Умяв всю саранчу, он рыгнул и хлебнул вина.

Бледные квартийцы, черные летнийцы, меднокожие дотракийцы, тирошийцы с синими бородами, ягнячьи люди, джогоснхайцы, мрачные браавосцы, полулюди тигровой масти из джунглей Сотороса — они собрались со всего света, чтобы умереть на Арене Дазнака.

— Вот этот многое обещает, — сказал Гиздар про лиссенийского юношу с длинными белокурыми волосами, но противник ухватил его за локоны, согнул и выпотрошил. Мертвым лиссениец ка-

зался еще моложе.

— Совсем еще мальчик, — вздохнула Дени.

— Шестнадцать уже исполнилось, — возразил Гиздар. — Взрослый мужчина, имевший полное право рискнуть своей жизнью ради славы и золота. Дети на арену, согласно мудрому указу моей королевы, больше не допускаются.

Еще одна маленькая победа. Осчастливить свой народ Дени не в силах, но, быть может, способна уменьшить его несчастья? Поединки между женщинами она тоже хотела запретить, но Барсена Черновласая заявила, что вправе распоряжаться собственной жизнью с мужчинами наравне. Не по душе Дени были также потешные бои между старухами, карликами, калеками: чем беспомощнее бойцы, тем смешнее. Но Гиздар сказал, что правителей, смеющихся вместе с подданными, народ любит больше — и не хочет же она, чтобы старухи и карлики голодали?

Обычай отправлять на арены преступников Дени оставила в силе, но с некоторыми ограничениями. «Посылать в ямы позволительно только убийц, насильников и тех, кто замешан в торговле рабами. К ворам и неплательщикам это не должно применяться».

Разрешила она и животных. Слон у нее на гла-

зах расправился с шестеркой красных волков. В следующей стычке бык и медведь, истерзав один другого, издохли оба.

— Мясо не пропадет, — заверил Гиздар, — мясники сварят из него суп для голодных. Всякий, кто придет к Воротам Судьбы, получит полную миску.

— Хороший обычай, — одобрила Дени. Один из немногих в городе Миэрине. — Его отменять не будем.

После звериных боев состоялась целая битва: шестеро пеших со щитами и длинными мечами против шестерых конных с дотракийскими аракхами. Пешие были в кольчугах, конные без доспехов. Всадники, пользуясь своим преимуществом, затоптали двух противников и отсекли ухо третьему, но пехотинцы принялись за коней и скоро перебили их вместе с наездниками, к большому неудовольствию Чхику.

— Это не настоящий кхаласар, — заявила она.

— Из этого мяса, надеюсь, суп не станут варить? — сказала Дени, глядя, как убирают трупы.

— Как же, — ответил Гиздар, — а конина?

— Конина с луком делает человека сильным, — вставил Бельвас.

Следующей выступала первая потешная пара:

карлики, предоставленные кем-то из юнкайских гостей. Один сидел на собаке, другой на свинье. Их деревянные доспехи спешно разукрасили оленем узурпатора Роберта Баратеона и золотым львом Ланнистеров, не иначе чтобы угодить королеве. Бельвас скоро начал давиться от смеха, Дени улыбалась через силу. Карлик в красном скоро упал со свиньи и стал гоняться за ней, а другой, на собаке, скакал следом и лупил пешего по заду деревянным мечом.

— Очень забавно, — бросила Дени, — однако…

— Терпение, дорогая, — сказал Гиздар. — Скоро львов выпустят.

— Львов?

— Да, сразу трех. Карлики такого не ожидают.

— Мечи и доспехи у них деревянные, — нахмурилась Дени. — Как они, по твоему, будут сражаться со львами?

— Да никак… Разве что вздумают удивить нас. Скорее всего они поднимут крик и будут пытаться вылезти, цепляясь за стены — на то и комедия.

— Я запрещаю, — отрезала Дени.

— Нельзя же разочаровывать публику, возлюбленная моя королева.

— Ты клялся, что все бойцы будут взрослыми людьми, по доброй воле желающими сразиться

ради славы и золота. Эти карлики не давали согласия биться со львами деревянным оружием. Немедленно прекрати это.

Король сжал губы, и Дени почудился проблеск гнева в его глазах.

— Как пожелает моя королева. — По знаку Гиздара к ним подбежал распорядитель с кнутом в руке. — Львов не выпускать, — распорядился король.

— Ни одного, ваше великолепие? Как же так?

— Таков приказ королевы. Карлики не должны пострадать.

— Публика будет недовольна…

— Выпускай Барсену, это умаслит их.

— Вашему великолепию лучше знать. — Распорядитель щелкнул кнутом.

Карликов погнали с арены вместе с животными, а публика вопила, швыряя в них гнилые фрукты и камни.

Вслед за этим снова поднялся рев: на песок вышла Барсена в одних сандалиях и повязке на бедрах. Высокая, смуглая, лет тридцати, она двигалась с хищной грацией, как пантера.

— Барсену в городе очень любят, — сказал Гиздар. — Я не встречал женщины храбрей, чем она.

— С девками драться — невелика храбрость, —

сказал Силач. — С Бельвасом — дело другое.

— Сегодня она будет драться с вепрем.

«Потому что противницы, несмотря на все посулы, ты ей не нашел», — подумала Дени.

— По крайней мере не деревянным мечом.

Вепрь был огромен: клыки с мужское предплечье, маленькие глазки налиты яростью — Роберта Баратеона, наверное, убил такой же свирепый зверь. Страшная смерть… На миг Дени стало жаль узурпатора.

— Барсена очень проворна, — сказал Резнак. — Она будет плясать со зверем и резать его на ломти. Он весь покраснеет от крови, прежде чем пасть, вот увидите.

Бой начался, как он и предсказывал. Зверь напал, женщина отскочила, ее клинок сверкнул серебром на солнце.

— Ей бы копье, — сказал сир Барристан после второй атаки. — Кинжал — плохое оружие против вепря.

«Заботливый дедушка», — не зря Даарио его так прозвал.

Нож Барсены стал красен, но тут вепрь призадумался. «Он умнее быка и больше в лоб нападать не станет», — поняла Дени. Барсена сделала тот же вывод и подошла ближе, крича и перекидывая

кинжал с руки на руку. Когда зверь попятился, она выругалась и полоснула его по рылу. Ей удалось его разозлить, но отскочить назад она опоздала, и клык вспорол ей левую ногу от бедра до колена.

Тридцать тысяч человек дружно издали стон. Барсена, выронив нож, прыгала на одной ноге, но далеко уйти не смогла: вепрь насел на нее. Дени отвернулась и спросила Силача Бельваса:

— Ну что, храбрый она боец? — Над песком повис женский вопль.

— Дралась храбро, а визжать не годится. У Бельваса уши болят. И живот. — Евнух потер свое круглое пузо, испещренное белыми шрамами.

Вепрь потрошил Барсену, и этого королева уже не вынесла. Жара, вонь, мухи, крики толпы… дышать нечем. Она сорвала с себя покрывало, тут же унесенное ветром, и стала разматывать токар. Жемчужины задребезжали.

— Кхалиси, что ты делаешь? — воскликнула Ирри.

— Снимаю свои кроличьи уши. — Дюжина человек с толстыми копьями, выбежав на песок, отгоняли вепря от трупа женщины. Распорядитель, щелкая кнутом, помогал им. Дени встала. — Не проводите ли меня обратно в мой

садик, сир Барристан?

— Но впереди еще много всего, — растерялся Гиздар. — Потеха с шестью старухами, затем еще три поединка — и, наконец, Белакуо с Гогором!

— Белакуо победит, — сказала Ирри. — Это все знают.

— Все знают, что Белакуо умрет, — ответила Чхику.

— Умрет либо один, либо другой, — подытожила Дени. — А тот, кто выживет, умрет в какой-нибудь другой день. Я совершила ошибку.

— Силач Бельвас объелся саранчой, — сморщился евнух. — Молока ему надо.

— Миэринцы пришли сюда, чтобы отпраздновать наш союз, моя королева, — настаивал Гиздар. — Ты же слышала, как они приветствовали тебя — не отвергай их любовь.

— Они приветствовали мои кроличьи уши, а не меня. Уведи меня с этой скотобойни, муж мой. — Вепрь хрюкал, загонщики кричали, кнут щелкал.

— Нет! Останься, очень тебя прошу. Мы сократим зрелище до комедии и финального поединка. Закрой глаза, если хочешь, этого никто не заметит, все будут смотреть на бойцов. Не время сейчас…

На лицо Гиздара легла тень.

Арена с амфитеатром затихли, все глаза обратились к небу. Дени овеяло теплым ветром, шум крыльев заглушил биение ее сердца. Двое копейщиков метнулись в укрытие, распорядитель застыл на месте, вепрь вернулся к Барсене, Бельвас со стоном упал на колени.

В небе темным силуэтом кружил дракон. Чешуя черная, глаза, рожки и спинные шипы кроваво-красные. Ее дикий Дрогон, и без того самый крупный из всех троих, подрос еще больше: угольно-черные крылья вытянулись на двадцать футов в длину. Он хлопнул ими, облетая арену, и это походило на гром. Вепрь поднял голову, хрюкнул… и закрутился в вихре черного пламени. На Дени пахнуло жаром. Горящий зверь кричал, будто человек. Дрогон опустился на песок, скогтил дымящуюся плоть и стал есть, не делая различия между Барсеной и вепрем.

— О боги! — Сенешаль зажал рот, Силач Бельвас шумно извергал съеденное. К страху на бледном продолговатом лице Гиздара зо Лорака примешивалось возбуждение и даже восторг. Пали, путаясь в токарах, помчались вверх по ступеням. За ними последовали другие, но большинство остались сидеть.

Один из копейщиков, спьяну или в припадке безумия, взял на себя роль героя. Возможно, он был тайно влюблен в Барсену или слышал что-то о девочке, которую звали Хазея, — а нет, так просто мечтал прославиться и остаться жить в песнях. Взметая песок, он ринулся с копьем на дракона. Дрогон вскинул голову, капая кровью из пасти, а герой вскочил ему на спину и вогнал копье у основания длинной шеи.

Дени и Дрогон вскрикнули в один голос.

Герой налегал на копье, дракон выгибался, шипя от боли и мотая хвостом. Драконья голова на змеиной шее повернулась назад, крылья растопырились. Герой, не устояв, упал на песок, зубы дракона сомкнулись на его руке ниже локтя.

— Нет! — только и успел крикнуть несчастный. Дрогон оторвал ему руку и швырнул ее прочь, как собака — убитую крысу.

— Убейте его, — крикнул Гиздар другим копейщикам. — Убейте чудовище!

— Не смотрите, ваше величество, — крепко держа Дени, сказал сир Барристан.

— Пустите! — Она вырвалась, спрыгнула на песок, потеряла одну сандалию.

Ей казалось, что все это происходит медленно. На бегу она ощущала голой ступней горячую зер-

нистость песка. Сир Барристан звал ее, Бельваса выворачивало. Она прибавила ходу.

Копейщики тоже бежали — кто к дракону, кто прочь от него. Герой дергался, орошая песок кровью из огрызка руки. Его копье так и торчало в спине у Дрогона, нанесенная им рана дымилась. Дракон изрыгнул пламя, охватившее двух людей с копьями; хвост перебил зашедшего сзади распорядителя пополам. Еще одного, целившего копьем в глаза, Дрогон поймал зубами и разгрыз, как орех. В амфитеатре стоял крик и вой.

— Дрогон! — что есть мочи вскричала Дени, слыша за собой чей-то топот. — Дрогон!

Он повернул к ней голову. Из пасти и от капающей на песок крови шел дым. Крылья, сделав взмах, подняли песчаную бурю, ослепшая Дени закашлялась.

Черные зубы щелкнули в паре дюймов перед ее лицом. Нет! Неужели он ее не узнал? Так ведь и голову оторвать недолго! Дени споткнулась о труп распорядителя и упала.

Дрогон взревел, обдав ее жаром. В разверстой пасти виднелись осколки костей, куски обугленной плоти. Дени смотрела туда, будто в жерло ада, не смея отвести взгляд. Если она побежит, он спалит ее и пожрет. Септоны Вестероса говорят о

семи небесах и семи преисподних, но Вестерос и его семь богов далеко. Быть может, лошадиный бог дотракийцев прискачет за ней и унесет ее в звездный кхаласар, где она будет разъезжать по ночному небу со своим солнцем и звездами? Или гневные боги Гиса пришлют гарпий, которые утащат ее на муки? Дрогон ревел ей прямо в лицо, обжигая кожу.

— Сюда! — кричал позади Барристан Селми. — Иди ко мне!

В раскаленных красных глазах Дени видела себя — маленькую, слабую и напуганную. Нет. Нельзя показывать ему своего страха. Пальцы нашарили в песке рукоятку кнута. Дрогон взревел так, что Дени чуть не упустила свою находку, и снова лязгнул зубами.

— Не смей. — Дени хлестнула его что есть силы, и он отдернул голову. — Нет! — Новый удар шипастого ремня пришелся по морде.

Дрогон встал, накрыв ее тенью крыльев. Дени принялась охаживать его по чешуйчатому брюху. Выгнув шею, как лук, он плюнул в нее огнем. Она увернулась.

— Лежать! — В новом реве слышались страх, ярость и боль. — ЛЕЖАТЬ!

Дрогон хлопнул крыльями раз, другой… и сло-

жил их. Зашипев напоследок, он распластался на брюхе. Черная кровь струилась из раны от копья и дымилась, капая на опаленный песок. «Он воплощенный огонь, — сказала себе Дени, — и я такая же».

Дейенерис Таргариен, вскочив на спину дракона, выдернула и отшвырнула копье с раскаленным, оплавленным наконечником. Мускулы дракона волнами ходили под ней, песок висел в воздухе, мешая видеть, дышать и мыслить. Крылья с грохотом развернулись, и красная арена вдруг ушла вниз.

Дени зажмурилась и снова открыла полуослепшие от слез и песка глаза. Миэринцы валили по ступеням на улицу.

Кнут так и остался в ее руке.

— Вверх! — крикнула она, хлестнув дракона по шее. Пальцы другой руки цеплялись за чешую. Дрогон махал крыльями, Дени чувствовала между ног его жар и боялась, что ее сердце вот-вот разорвется. «Да, да, неси меня, неси высоко, еще выше. ЛЕТИ!»

Джон

Тормунда Великанью Смерть, невысокого ростом, боги наделили широкой грудью и объемистым чревом. За мощные легкие Манс-Разбойник прозвал его Трубящим в Рог и часто говорил, что от Тормундова смеха горы могут уронить свои снежные шапки, в гневе же он ревел что твой мамонт.

Сегодня Тормунд и ревел, и орал, и молотил кулаком по столу, переворачивая кувшины, и брызгал сладкой слюной — рог с медом лежал тут же, у него под рукой. Он обзывал Джона Сноу трусом, лжецом, перебежчиком, растреклятым поклонщиком, грабителем, вороной-падальщицей — и это еще мало для того, кто хочет поиметь вольный народ в задницу. Рог он дважды метал в голову Джона, предварительно опорожнив его. Джон, пропуская все это мимо ушей и не повышая голоса, держался стойко и ни пяди не уступал.

В конце концов, когда у шатра пролегли вечерние тени, Тормунд Великанья Смерть, Краснобай, Трубящий в Рог, Ледолом, Громовой Кулак, Медвежий Муж, Медовый Король Красных Палат, Собеседник Богов и Отец Тысяч, протянул Джону

руку.

— Идет, да простят меня боги. Матери не простят, я знаю.

Джон хлопнул его по ладони, вспоминая слова присяги. «Я меч во тьме, я дозорный на стене, я огонь, разгоняющий холод, я свет, приносящий зарю, я рог, пробуждающий спящих, я щит, охраняющий царство людей». Для него следовало бы придумать другие слова: «Я страж, открывший ворота и впустивший врага». Джон многое бы отдал, чтобы наверняка знать, что поступает правильно, но он зашел уже слишком далеко и не мог повернуть назад.

— Уговор, — сказал он.

От рукопожатия у него едва не хрустнули кости. Сил у Тормунда вроде бы не убавилось и белая бородища не поредела, но лицо под ней порядком осунулось, и на румяных щеках прорезались глубокие борозды.

— Зря Манс тебя не убил, когда у него был такой случай. Золото и мальчишки — непомерная цена за жидкую кашицу. Куда девался тот славный паренек, которого я знал и любил?

«Его выбрали лордом-командующим».

— Говорят, что честная сделка делает несчастными обе стороны. Ну что — три дня?

— Если проживу столько. Мои люди наплюют на меня, узнав, о чем мы договорились. И твои вороны, насколько я их знаю, тоже подымут грай, а уж я-то их знаю. Столько вас, черных ублюдков, поубивал на своем веку, что и счет потерял.

— Южнее Стены я бы на твоем месте об этом помалкивал.

— Хар-р! — грохнул Тормунд — смех у него тоже остался прежним. — Это ты верно сказал — не то вороны заклюют меня до смерти. — Он огрел Джона по спине. — Переправив мой народец за твою Стену, мы с тобой разделим мясо и мед, а пока… — Тормунд снял и бросил Джону браслет с левой руки, потом с правой. — Вот тебе первый платеж. Мне они от отца достались, ему от деда. Теперь они твои, черный ты загребущий ублюдок.

На обручах из тяжелого старого золота были вырезаны руны Первых Людей. Тормунд никогда не снимал их, и они казались столь же неотъемлемой его частью, как борода.

— Браавосцы расплавят их в тигле. Возьми назад.

— Ну уж нет. Чтобы Тормунд Громовой Кулак вытряс из вольного народа все его золото, а свое оставил себе? Но кольцо с члена не отдам, шиш.

Оно куда больше этих побрякушек, тебе на шею в самый раз будет.

— Ты не меняешься, — не сдержал смеха Джон.

— Еще как меняюсь. — Улыбка сошла с его лица, как снег летом. — Разве я теперь тот, каким был в Красных Палатах? Эти глаза видели слишком много смертей и кое-чего похуже. Сыны мои… — Горе исказило его черты. — Дормунда зарубили в бою под Стеной. Наскочил королевский рыцарь, ублюдок, мотыльки на щите… Я видел, как он замахнулся, да не успел: убил он моего мальчика. А Торвинд замерз, хилый был. Мы и не хватились еще, глядь — встает ночью, сам белый, а глаза синие. Мне самому пришлось управляться… Тяжело это, Джон. — Слезы блеснули на глазах Тормунда. — Что ж, что хворый, — он мой сынок был, любил я его.

— Мне жаль. — Джон опустил руку ему на плечо.

— С чего это? Тут-то ты ни при чем. На наших с тобой руках крови много, но в его смерти мы не повинны. И у меня остались еще двое крепких ребят.

— А дочь?

— Мунда… — Улыбка вернулась. — Взяла себе в мужья Рика Длинное Копье — веришь, нет?

Парень думает больше членом, чем головой, но с девочкой хорошо обращается. «Обидишь ее, — сказал я ему, — я этот твой корешок оторву и отколочу им тебя, как дубинкой». Ладно, ступай назад, — сказал Тормунд, еще раз хватив Джона по спине. — Подумают еще, будто мы тебя съели.

— Итак, на рассвете, через три дня. Мальчики идут первыми.

— Сколько можно талдычить одно и то же, ворона? Как будто мы не уговорились с тобой. Мальчики первые, мамонты в Восточный Дозор. Ты предупреди там своих, а я позабочусь, чтобы все обошлось без драки и штурма треклятых ворот. Все чин чином: утка, то бишь я, впереди, утята за мной. Хар-р! — Тормунд встал, чтобы проводить Джона.

Небо было ясным. Солнце после двухнедельного отсутствия вернулось обратно, на юге мерцала голубая Стена. Старожилы Черного Замка говорят, что настроение у Стены меняется чаще, чем у безумного короля Эйериса или у женщины. В пасмурные дни она как белый утес, в лунные ночи черна как уголь, в метель — будто из снега вылеплена, а теперь сразу видать: ледяная. Сияет, вся в радугах, будто септонский кристалл, каждая трещинка высвечена. Под солнцем Стена

прекрасна.

Старший сын Тормунда, Торегг Высокий, стоял рядом с лошадьми и беседовал с Кожаным. Его он превышал не более чем на дюйм, но отца перерос на фут. Гэрет-Конь, парень из Кротового городка, сидел у костра спиной к ним. Джон взял на переговоры только его да Кожаного. Большую охрану могли счесть признаком страха, и если бы Тормунд задумал недоброе, двадцать человек принесли бы не больше пользы, чем два. Телохранителей Джону заменял Призрак: лютоволк чуял врагов, даже когда они улыбались, но сейчас убежал куда-то. Джон, сняв перчатку, свистнул в два пальца.

— Призрак, ко мне!

Над головой захлопали крылья. Ворон Мормонта слетел с ветки старого дуба на седло Джона и заладил:

— Зерно, зерно.

— Ты тоже за мной увязался? — Джон хотел шугануть птицу, но вместо этого погладил ее.

— Сноу, — важно кивнул ворон.

Из леса показались Призрак и Вель, оба белые. Белые шерстяные бриджи девушки были заправлены в сапоги из выбеленной кожи, белый медвежий плащ скреплен белым чардревным

ликом, под ним виднелся белый камзол с костяными застежками. Над всей этой белизной голубели ее глаза, золотилась темным медом коса и краснели щеки. Джон давно не видел столь красивого зрелища.

— Никак, волка моего хотела украсть? — спросил он.

— Почему бы и нет? Будь у каждой женщины лютоволк, мужчины вели бы себя куда лучше. Даже вороны.

— Хар-р! — раскатился Тормунд. — Лясы с ней не точи, лорд Сноу, для нас с тобой она чересчур востра. Хватай ее скорее и увози, пока Торегг тебя не обставил.

«Совсем молода и на вид приятна, — как говорил этот болван Акселл Флорент. — Высокая грудь, округлые бедра — создана, чтобы рожать здоровых детей». Верно, но достоинства Вель этим не ограничиваются. Она, не в пример разведчикам Ночного Дозора, сумела разыскать в Зачарованном лесу Тормунда. Годится в жены любому лорду, принцесса она или нет.

Что ж… Джон сам бросил факел и сжег этот мост.

— Я дал обет и потому уступаю Тореггу, — сказал он.

— Она не против — верно ведь, девочка?

— Добро пожаловать ко мне в постель, лорд Ворона. — Вель похлопала длинный костяной нож у себя на бедре. — Станешь евнухом — обет легче соблюдать будет.

— Хар-р! Слыхал, Торегг? Держись от нее подальше. У меня уже есть дочурка, больше не надо. — Тормунд, смеясь и тряся головой, ушел обратно в шатер.

Пока Джон почесывал Призрака, Торегг подвел девушке коня, того самого, которого дал ей Малли: серого, косматого, слепого на один глаз.

— Как там уродец? — спросила Вель, направив его к Стене.

— Вырос в два раза против прежнего и орет втрое громче. В Восточном Дозоре слыхать, когда сиську просит. — Джон тоже сел на коня.

— Я привела тебе Тормунда, как обещала. Что дальше? Возвращаться в свою тюрьму?

— Твоя старая тюрьма занята: в Королевской башне разместилась королева Селиса с двором и челядью. Помнишь башню Хардина?

— Это которая вот-вот рухнет?

— Рухнуть она уже сто лет собирается. Я приготовил для тебя ее верх, миледи: места там больше, чем в Королевской, хотя и не так удобно.

— Удобствам я предпочитаю свободу.

— Ты можешь ходить по всему замку, но освободить тебя из плена не в моей власти. Нежеланные гости не станут тебя беспокоить: башню охраняют не люди королевы, а мои братья, и внизу спит Вун-Вун.

— Великан-телохранитель? Таким даже Далла не могла похвалиться.

Одичалые Тормунда смотрели на них из своих шалашей. На каждого боеспособного мужчину приходились по три женщины и по трое детей, заморышей с большими глазищами. Когда Манс-Разбойник повел вольный народ к Стене, люди гнали перед собой большие стада коз, овец и свиней, но теперь из живности остались одни только мамонты. Не будь они такими огромными и свирепыми, их бы тоже забили на мясо, можно не сомневаться.

Болезни людей Тормунда также не миновали, что крайне беспокоило Джона. Если эти так захирели, что же сталось с другими, ушедшими с Матерью Кротихой в Суровый Дом? Коттер Пайк скоро доберется туда, если ветер будет благоприятным. Может, он уже и в обратный путь вышел с вольными людьми на борту.

— Как вы поладили с Тормундом? — спросила

Вель.

— Задай мне тот же вопрос через год: самое трудное впереди. Боюсь, что каша, которую я заварил, моим людям не придется по вкусу.

— Если хочешь, я помогу.

— Ты уже помогла. Привела сюда Тормунда.

— Я способна на большее.

Почему бы и нет? Они все считают ее принцессой, да и она вошла в роль — верхом ездит, будто отродясь это делала. Принцесса-воительница, не какая-нибудь фитюлька, что сидит в башне, расчесывает косы и ждет рыцаря-избавителя.

— Мне нужно уведомить о нашем соглашении королеву — могу и тебя ей представить, если ты согласна склонить колено. — Только так: ее величество, прежде чем сообщать ей такую новость, следует ублажить.

— А смеяться при этом можно?

— Нельзя. Это тебе не игрушки. Наши народы разделяет река крови, широкая и глубокая. Станнис Баратеон — один из немногих, кто согласен допустить в страну одичалых, и мне необходима поддержка его королевы.

— Даю тебе слово, Джон Сноу, — посерьезнела Вель, — что разыграю образцовую принцессу одичалых перед твоей королевой.

Она не была его королевой, и он не мог дождаться, когда она соизволит отбыть, прихватив с собой, по милости богов, Мелисандру.

Остаток пути они проделали молча. Призрак бежал за ними, ворон проводил их до ворот и улетел ввысь. Гэрет с факелом первый вошел в ледяной туннель.

На той стороне ждала кучка братьев, в том числе Ульмер из Королевского леса.

— Можно узнать, милорд, что у нас впереди? — спросил от имени остальных старый лучник. — Мир или кровь?

— Мир, — сказал Джон. — Через три дня Тормунд Великанья Смерть приведет свой народ к нам за Стену — как друзей, а не как врагов. Некоторые из них вступят в наши ряды. Возвращайтесь к своим обязанностям и подумайте, как оказать им радушный прием. — Джон передал коня Атласу. — Мне нужно повидать королеву, — Селиса сочтет себя оскорбленной, если он тотчас не явится к ней, — а после засяду письма писать. Приготовь пергамент, перья, мейстеровы чернила и вызови ко мне Мурша, Ярвика, септона Селладора и Клидаса. — Селладор придет под хмельком, Клидас — плохая замена старому мейстеру, но до возвращения Сэма придется обой-

тись тем, что есть под рукой. — Северян, Флинта и Норри, тоже зови — и ты, Кожаный, приходи.

— Хобб печет пироги с луком, — доложил Атлас. — Может, вы все отужинаете вместе?

— Нет, — подумав, ответил Джон. — Пусть на закате поднимутся на вершину Стены. Прошу, миледи. — Он предложил руку Вель.

— Лорд Ворона приказывает, пленница повинуется, — весело сказала она. — Грозная, должно быть, у вас королева, если у взрослых мужчин при ней поджилки трясутся. Может, мне кольчугу надеть? Этот наряд подарила мне Далла, не хотелось бы залить его кровью.

— Слова зримых ран не наносят, можешь не опасаться.

Между грудами грязного снега они пошли к Королевской башне.

— Говорят, у нее борода растет?

Джон не сдержал улыбки.

— Только усики. Жиденькие такие.

— Жаль.

Селиса Баратеон, вопреки всем разговорам о собственном замке, не спешила покинуть благоустроенный Черный Замок ради мрачной Твердыни Ночи. Ее, разумеется, охраняли — четверо человек у дверей, двое на лестнице и

двое внутри. Командовал караулом сир Патрек с Королевской Горы — весь в синих, белых и серебристых тонах, с россыпью пятиконечных звезд на плаще. Будучи представленным Вель, он упал на одно колено и поцеловал ее руку в белой перчатке.

— О вашей красоте, принцесса, я наслышан от королевы, но вы еще прекраснее, чем рисовало мне воображение.

— Странно, ведь королева меня в глаза не видала. Встаньте, сир поклонщик. Ну же. — Вель потрепала рыцаря по голове, как собаку.

Джон, из последних сил перебарывая смех, сказал рыцарю, что они просят аудиенции. Сир Патрек послал наверх одного из гвардейцев испросить королевского позволения и заявил, что волк останется здесь.

Джона это не удивило — зверь пугал королеву не меньше, чем Вун Вег Вун Дар Вун.

— Жди меня здесь, Призрак.

Ее величество шила у очага. Ее дурак плясал под одному ему слышную музыку, позванивая рогатой шапкой.

— А вот и ворона, — вскричал он. — На дне морском вороны белы, как снег, уж я-то знаю.

Принцесса Ширен сидела на подоконнике, пря-

ча под капюшоном обезображенное серой хворью лицо. Леди Мелисандра отсутствовала — и на том спасибо. Разговора с ней Джону не избежать, но вести его лучше без королевы.

— Ваше величество. — Джон преклонил колено, Вель сделала то же самое.

— Можете встать, — сказала Селиса, отложив свое рукоделие.

— Позвольте представить вашему величеству леди Вель, сестру Даллы, которая была…

— Матерью крикуна, не дающего нам спать по ночам. Я знаю, кто она такая, лорд Сноу. Ваше счастье, что она вернулась до прибытия моего мужа и короля, иначе вам пришлось бы несладко.

— Вы принцесса одичалых? — спросила Ширен.

— Можно и так сказать. Моя сестра, умершая в родах, была женой Манса-Разбойника, Короля за Стеной.

— Я тоже принцесса, — сказала девочка, — только у меня нет сестры, а кузен уплыл за море. Он бастард, но мы с ним дружили.

— Право же, Ширен, — упрекнула ее королева. — Лорд-командующий пришел не затем, чтобы слушать твои истории о побочных отпрысках Роберта. Пестряк, проводи принцессу в ее

комнату, будь так добр.

— За мной, за мной, за мной на дно морское, — запел дурак и увел Ширен, подскакивая.

— Вождь вольного народа согласился на мои условия, ваше величество.

Королева едва заметно кивнула.

— Дать этим дикарям пристанище было всегдашним желанием моего лорда-мужа. Соблюдая королевский мир и законы, они могут жить спокойно на нашей земле. Говорят, они привели с собой других великанов?

— Около двухсот, ваше величество, — ответила Вель. — И больше восьмидесяти мамонтов.

— Ужасные создания, — вздрогнув, проронила Селиса. Джон не совсем понял, к кому это относится — к мамонтам или к великанам. — Впрочем, они могут пригодиться моему лорду-мужу в сражениях.

— Да, ваше величество, но для наших ворот мамонты чересчур велики.

— Разве ворота нельзя расширить?

— Едва ли это благоразумно, ваше величество.

— Вам лучше знать, — фыркнула королева. — Где же вы намерены поселить этих новых? Кротовый городок, конечно, всех не вместит… сколько их, вы сказали?

— Четыре тысячи, ваше величество. Они поселятся в заброшенных замках и будут вместе с нами защищать Стену.

— В Восточном Дозоре мне говорили, что эти замки просто развалины, груды камня. Обиталища пауков и крыс.

«Пауки давно уже вымерзли, — поправил мысленно Джон, — а крысы грядущей зимой пойдут в пищу».

— Это верно, ваше величество, но жить можно даже в руинах. Вольный народ идет на это, чтобы укрыться за Стеной от Иных.

— Вы хорошо все обдумали, лорд Сноу. Уверена, что король Станнис, вернувшись с победой, похвалит вас.

«Если вернется вообще, с победой или без оной».

— Сначала они, разумеется, должны будут признать Станниса своим королем и Рглора — своим богом.

Вот оно. Столкнулись лбами в узком проходе.

— Прошу прощения, ваше величество, но так мы с ними не договаривались.

— Прискорбное упущение. — Всякий намек на тепло исчез из голоса королевы.

— Вольный народ не становится на колени, —

сказала Вель.

— Значит, его нужно поставить силой.

— Если ваше величество это сделает, они поднимутся при первой возможности — с мечами в руках.

Губы королевы сжались, подбородок дрогнул.

— Вашу наглость можно извинить лишь тем, что вы одичалая. Вам нужен муж, который поучит вас вежливости. Я не могу одобрить этого, лорд-командующий, как не одобрит и король, мой супруг. Оба мы знаем, что я не могу помешать вам открыть ворота, но перед королем, когда он вернется с войны, вам придется держать ответ. Советую вам подумать как следует.

— Ваше величество… — Джон опять преклонил колено, но Вель его примеру на этот раз не последовала. — Я сделал то, что посчитал наилучшим, и сожалею, что королева осталась мной недовольна. Можем ли мы удалиться?

— Идите.

— Насчет бороды ты соврал, — заявила Вель, когда они отошли от башни. — Волос у нее на подбородке больше, чем у меня между ног. А на лице ее дочки…

— Серая хворь.

— У нас это называется серой смертью.

— Дети от нее не всегда умирают.

— К северу от Стены — всегда. Им дают болиголов, а нож и подушка еще надежнее. На месте матери я давно бы даровала бедной девочке последнее милосердие.

Такую Вель Джон видел впервые.

— Принцесса Ширен — единственное дитя королевы.

— Остается лишь пожалеть их обеих. Дитя отмечено скверной.

— Если Станнис выиграет войну, Ширен станет наследницей Железного Трона.

— Мне жаль ваши Семь Королевств.

— Мейстеры говорят, что серая хворь не…

— Мало ли что они говорят. Спроси лесную ведьму, если хочешь знать правду. Серая смерть засыпает, но потом просыпается. Это дитя отмечено!

— По-моему, она славная девочка. Откуда ты можешь знать…

— Оттуда. Это ты ничего не знаешь, Джон Сноу. Надо убрать из башни уродца вместе с кормилицами! Нельзя оставлять его рядом с мертвой.

— Она живая.

— Мертвая! Ее мать не видит этого, и ты тоже, но это так. — Вель ушла вперед и вернулась об-

ратно. — Я привела тебе Тормунда — отдай мне уродца.

— Ладно, попробую.

— Уж постарайся. Ты мой должник, Джон Сноу.

«Да нет же, — думал он, глядя вслед уходящей Вель. — Она ошибается. Серая хворь не всегда убивает детей».

Призрак опять убежал куда-то, солнце стояло низко. Сейчас бы чашу подогретого вина, а лучше две чаши, но с этим придется повременить. Впереди встреча с самым страшным врагом: с братьями Ночного Дозора.

Джон поднялся наверх вместе с Кожаным, который дожидался его у клети. Чем выше, тем крепче делался ветер: на пятидесяти футах тяжелая клеть стала раскачиваться и чиркать о Стену, сострогивая блестящие на солнце частицы льда. Самые высокие башни замка остались внизу. На четырехстах футах ветер отрастил зубы и начал рвать черный плащ Джона, на семистах прогрыз насквозь его самого. «Это моя Стена, — напоминал себе Джон, — и останется моей по крайней мере еще на два дня».

Он соскочил из клети на лед, поблагодарил крутивших ворот людей, кивнул часовым с копьями. Оба надвинули капюшоны до самых глаз,

но Джон узнал Тая по длинному хвосту черных волос на спине, а Оуэна — по колбасе, засунутой в ножны. Он бы и без этих примет узнал их, по одной стойке. Лорд должен знать своих людей как собственные пять пальцев, учил их с Роббом отец.

На той стороне Стены простиралось поле, где полегло войско Манса-Разбойника. «Где-то он теперь, отыскал ли тебя, сестричка? Или ты была лишь предлогом, чтобы я его отпустил?»

Джон уже целую вечность не видел Арью. Какая она теперь, узнает ли он свою надоеду? Сохранила ли она маленький меч, который Миккен выковал ей по его, Джона, просьбе? «Коли острым концом», — сказал Джон, вручая сестре свой подарок. Совет в самый раз для брачной ночи, если слухи о Рамси Сноу правдивы хотя бы наполовину. «Приведи ее домой, Манс. Я спас твоего сына от Мелисандры и собираюсь спасти еще четыре тысячи вольных людей — выплати мне этот долг одной маленькой девочкой».

В Зачарованном лесу копились густые тени. Западный небосклон еще пылал заревом, на восточном проглядывали первые звезды. Джон согнул и разогнул пальцы правой руки, вспоминая тех, кого потерял. «Глупый толстяк Сэм, с чего

тебе вздумалось подстроить эту штуку с моими выборами? У лорда-командующего не бывает друзей».

— Лорд Сноу, клеть поднимается, — сказал Кожаный.

— Слышу. — Джон отошел от края Стены.

Первыми прибыли клановые вожди Флинт и Норри в мехах и железе. Хлипкий, но прыткий Норри походил на старого лиса; Торген Флинт, ниже его на полголовы, но вдвое тяжелее на вид, ковылял по льду, опираясь громадными ручищами на терновую трость. Следом поочередно поднялись Боуэн Мурш в медвежьей дохе, Отелл Ярвик и септон Селладор — пьяненький, разумеется.

— Прогуляемся, — предложил Джон. Все двинулись по дорожке из битого камня на запад, к заходящему солнцу. — Вы знаете, зачем я собрал вас, — сказал Джон ярдах в пятидесяти от обогревательной будки. — Через три дня на рассвете ворота откроются, и в них пройдет Тормунд со своими людьми. Нужно хорошо подготовиться.

После довольно продолжительного молчания Отелл Ярвик сказал:

— Их будет много, лорд-командующий…

— Четыре тысячи, по словам Тормунда. Четыре

тысячи истощенных, голодных людей.

— Скорей уж три, если судить по кострам, — заметил дошлый счетовод Мурш. — И вдвое больше в Суровом Доме. И большой стан в горах за Сумеречной Башней, согласно донесениям сира Денниса…

— Тормунд говорит, что Плакальщик хочет снова штурмовать Мост Черепов, — подтвердил Джон.

Старый Гранат потрогал шрам, полученный при защите упомянутого моста.

— Уж не хочет ли лорд-командующий пропустить за Стену и этого демона?

— Не хотелось бы. — Джон не забыл подброшенные Плакальщиком головы с кровавыми дырами вместо глаз. Черный Джек Бульвер, Волосатый Хел, Гарт Серое Перо. Он не может за них отомстить, но их имен не забудет. — Не хотелось бы, однако придется. Не годится нам выбирать, кого из них пропустить, а кого оставить. Мир объявлен для всех.

Норри, отхаркнувшись, плюнул.

— Все равно что с волками да вороньем мир заключать.

— В моих темницах куда как мирно, — подхватил Флинт. — Плакальщику там самое место.

— Сколько наших разведчиков убил Плакальщик? — сказал Ярвик. — Сколько женщин похитил, изнасиловал и убил?

— В одном моем клане трое таких, — ответил Флинт. — Одних девушек он забирает, другим выкалывает глаза.

— Человеку, надевшему черное, прощаются все преступления, — напомнил им Джон. — Если мы хотим, чтобы вольный народ сражался за нас, их придется простить точно так же, как лиходеев из Семи Королевств.

— Плакальщика нельзя допускать к присяге, — упорствовал Ярвик. — Даже его соратники не доверяют ему.

— Использовать человека можно, и не веря ему. — Как бы иначе Джон командовал ими всеми? — От Плакальщика тоже может быть польза. Кто знает дикий край лучше, чем одичалый? Кто знает нашего врага лучше, чем тот, кто сражался с ним?

— Он только и способен, что убивать и насиловать.

— В одной только шайке Тормунда одичалых втрое больше, чем нас, — сказал Мурш. — Если добавить к ним отряд Плакальщика и людей из Сурового Дома, они смогут расправиться с Ноч-

ным Дозором за одну ночь.

— Одним числом войн не выигрывают. Видели бы вы их: половина — ходячие мертвецы.

— Я, милорд, предпочел бы лежачих, — заявил Ярвик.

— Мало ли, что бы вы предпочли. — Голос Джона не уступал холодом ветру. — У них в лагере сотни детей… Может быть, тысячи. И женщины.

— Копьеносицы.

— Да, и такие есть. А также матери, бабки, девицы и вдовы. Вы их всех готовы обречь на смерть?

— Не ссорьтесь, братья, — вставил септон. — Станем на колени и помолимся Старице, чтобы указала нам путь.

— Где думаете селить своих одичалых, лорд Сноу? — осведомился Норри. — Надеюсь, не на моих землях?

— Вот-вот, — подхватил Флинт. — Хочешь населить ими Дар — твое дело, но если кто ко мне сунется, пришлю тебе головы. Зима близко, и лишние рты ни к чему.

— Одичалые останутся на Стене, — заверил их Джон, — в наших замках. — Дозор уже поставил гарнизоны в Ледовом Пороге, Бочонке, Собольем, Сером Дозоре и Глубоком Озере, но десять замков оставались пустыми. — В одном из них поселим

семейных, сирот младше десяти лет, вдов, старух и других женщин, не желающих воевать. Копьеносиц отправим в Бочонок к сестрам, холостых парней раскидаем по другим крепостям. Давшие присягу будут служить здесь, в Сумеречной Башне и Восточном Дозоре. Тормунду дам что поближе — Дубовый Щит.

— Они прикончат нас не мечами, так ртами, — вздохнул Боуэн Мурш. — Как вы намерены прокормить такую орду, лорд-командующий?

Джон предвидел этот вопрос.

— В этом нам поможет Восточный Дозор. Провизию будем доставлять морем, сколько потребуется. С речных и штормовых земель, из Долины Аррен, с Простора, из Дорна и Вольных Городов.

— А платить чем будете, позвольте спросить?

«Золотом из Железного банка Браавоса». Джон, впрочем, ответил иначе:

— Я оставляю вольному народу меха и шкуры — зиму без них не прожить. Все остальное они обязаны сдать: золото, серебро, янтарь, драгоценные камни, резную кость. Мы продадим это за Узким морем.

— Экое богатство, — съехидничал Норри. — На бушель ячменя хватит, а то и на два.

— Почему бы им и оружие не сдать тоже, милорд? — спросил Клидас.

— А с общим врагом мы голыми руками воевать будем? — засмеялся Кожаный. — Снежками кидать в упырей, палками бить их?

«Вы и бьетесь палками большей частью», — подумал Джон. Дубины, колья, каменные топоры, ножи из кости и драконова стекла — вот чем вооружены одичалые, а защищают их плетеные щиты, костяные доспехи да вареная кожа. Тенны обрабатывают бронзу, и лишь разбойники вроде Плакальщика могут похвалиться снятой с убитых сталью, помятой и заржавелой.

— Тормунд по доброй воле разоружаться не станет. Он не Плакальщик, но при этом не трус. Потребуй я этого, без крови не обошлось бы.

Норри потеребил бороду.

— Поселить одичалых в пустых замках — дело нехитрое, но что им помешает сбежать оттуда на юг, в тепло?

— Известно что: наши земли, — ответил Флинт.

— Я взял с Тормунда клятву служить нам здесь до весны. Плакальщик и другие вожди поклянутся в том же, иначе мы их не пропустим.

— Они не сдержат клятвы, — покачал головой

Флинт.

— На слово Плакальщика нельзя полагаться, — сказал Отелл Ярвик.

— Они безбожные дикари, — присовокупил Селладор. — Даже на юге знают, что одичалые — предатели по природе своей.

— Помните битву там внизу? — вступил в разговор Кожаный. — Я дрался на другой стороне, не забыли? Теперь я ношу вашу черную шерсть и учу ваших ребят убивать. Перебежчиком меня еще можно назвать, но на дикаря не согласен: вы, вороны, такие же дикие, как и я. И боги у нас есть — те же, что в Винтерфелле.

— Боги Севера, которым поклонялись еще до постройки Стены, — вставил Джон. — Тормунд клялся ими и сдержит слово. Я его знаю не хуже, чем Манса-Разбойника: немало лиг прошел вместе с ними.

— Мы помним, — заверил лорд-стюард.

«Да, уж ты-то наверняка не забыл».

— Манс-Разбойник тоже дал клятву, — продолжал Мурш. — Не носить короны, не брать жены и не быть отцом. Затем он сменил один плащ на другой, сделал все, от чего отрекался, и повел на юг преогромное войско, остатки которого бродят за Стеной и теперь.

— Жалкие остатки.

— Сломанный меч можно перековать, и убить им тоже нетрудно.

— У вольного народа нет законов и лордов, но детей своих они любят не меньше нашего, — сказал Джон. — С этим-то вы согласны?

— Мы опасаемся не детей, а отцов.

— Я тоже — потому и беру заложников. — Они принимают его за доверчивого дурачка или за одичалого, но скоро убедятся в обратном. — Сто мальчиков от восьми до шестнадцати лет. По сыну от каждого вождя, прочие тянут жребий. Они освободят наших братьев от обязанностей пажей и оруженосцев. Некоторые, возможно, в будущем решат надеть черное — на свете и не такое бывало, — другие же останутся в заложниках, обеспечивая верность своих отцов.

— И Тормунд согласился на это? — недоверчиво спросил Норри.

«Либо так, либо его люди перемрут все до единого».

— Он сказал, что цена непомерная, но готов ее уплатить.

— Не такая уж непомерная. — Флинт стукнул по льду своей палкой. — Винтерфелл тоже брал наших мальчишек в воспитанники, то есть в за-

ложники, и ничего худого с ними не сделалось.

— Ну, это положим, — сказал Норри. — Те, чьи отцы вызывали гнев Королей Зимы, становились короче на голову. Скажи-ка, парень: если кто-то из твоих одичалых друзей изменит, хватит ли у тебя духу сделать, что должно?

«Спроси об этом Яноса Слинта».

— Не думаю, что Тормунду захочется узнать это на собственном опыте. Для вас я зеленый юнец, лорд Норри, но моим отцом был, как-никак, Эддард Старк.

Лорда-стюарда, однако, и это не убедило.

— Вы говорите, что они будут служить оруженосцами, лорд-командующий. Стало быть, и оружие им в руки дадут?

— Нет! — вспылил Джон. — Посадим их кружева пришивать к панталончикам! Разумеется, они будут учиться владеть оружием. А также сбивать масло, рубить дрова, чистить конюшни, выносить ночные горшки и быть у нас на посылках.

Мурш побагровел еще пуще.

— Простите мою прямоту, лорд-командующий, но финтить я не стану. Ваш замысел — не что иное, как государственная измена. Восемь тысячелетий люди Ночного Дозора обороняли Стену от одичалых, а вы намерены пропустить их сю-

да, дать им приют в наших замках, кормить их, одевать и учить боевым ремеслам. Должен ли я напомнить вам слова нашей присяги, лорд Сноу?

— Нет нужды — могу повторить хоть сейчас. «Я меч во тьме, я дозорный на стене, я свет, приносящий зарю, я рог, пробуждающий спящих, я щит, охраняющий царство людей». Вы произносили те же слова, давая присягу?

— Как хорошо известно лорду-командующему.

— Уверены, что я ничего не забыл? Не говорилось ли там о королевских законах и не клялись ли мы защищать каждую пядь королевской земли и цепляться за каждый разрушенный замок? — Ответа Джон не дождался. — «Щит, охраняющий царство людей». Вы не считаете одичалых людьми, милорд?

Мурш, у которого теперь покраснела и шея, открыл рот и снова закрыл.

День угасал. Трещины на Стене из огненных жилок преобразились в струйки черного льда. Леди Мелисандра внизу должна уже зажечь свой костер и просить Владыку Света защитить своих верных, ибо ночь темна и полна ужасов.

— Зима близко, — сказал Джон, прервав затянувшееся молчание, — а с ней придут Белые Ходоки. Стена построена для того, чтобы сдер-

живать их, но без людей она никого не сдержит. Диспут окончен: нам перед тем, как открыть ворота, предстоит сделать многое. Люди Тормунда нуждаются в одежде, еде и приюте, а кое-кто и в лечении. Этим займешься ты, Клидас — спаси всех, кого сможешь.

Клидас моргнул розовыми глазами.

— Приложу все старания, Джон… милорд.

— Все повозки, которые у нас есть, понадобятся для перевозки вольных людей в их новые жилища. Позаботьтесь об этом, Отелл.

— Слушаюсь, лорд-командующий, — с гримасой ответил Ярвик.

— Вам, лорд Боуэн, поручается сбор ценностей: золота, серебра, янтаря, браслетов, ожерелий и прочего. Разберите все это, сосчитайте и отправьте в Восточный Дозор.

— Будет исполнено, лорд Сноу.

«Лед, — думал Джон. — Кинжалы во тьме. Застывшая на морозе кровь и нагая сталь». Пальцы его правой руки согнулись и разогнулись. Ветер крепчал.

Серсея

Каждая ночь казалась ей холоднее предыдущей. В камере не было ни очага, ни жаровни, а высоко расположенное окошко — ни выглянуть, ни протиснуться — холод пропускало как нельзя лучше. Первую тюремную рубаху Серсея порвала и потребовала, чтобы ей вернули собственную одежду, но ее так и оставили голой. Вторую рубаху она натянула мигом и сквозь зубы выговорила: «Спасибо».

Окно пропускало также и звуки. Только по ним королева и догадывалась, что происходит в городе: септы, приносившие ей еду, молчали как рыбы.

Чтоб им пусто было! Джейме непременно придет за ней, но как она узнает, что он приехал? Лишь бы у него хватило ума не опережать свою армию: ему понадобится много мечей, чтобы разогнать орду Честных Бедняков, взявших в кольцо Великую Септу. Она то и дело спрашивала о брате и о сире Лорасе, но тюремщицы как воды в рот набрали. Рыцарь Цветов, согласно полученным еще до ареста сведениям, умирал от ран на Драконьем Камне — пусть бы издох поскорее. С

его смертью освободится место в Королевской Гвардии, и это может ее спасти.

После единственного посещения лорда Квиберна весь ее мир составляли три благочестивые септы: мужеподобная Юнелла с мозолистыми ручищами, Моэлла с вечно подозрительными глазками на остром как топорик лице и коренастая, оливково-смуглая Сколерия с тяжелой грудью и неотступным душком прокисшего молока. Они приносили ей воду, еду, выносили судно и время от времени забирали стирать рубаху, предоставляя узнице кутаться в одеяло. Иногда Сколерия читала ей Семиконечную Звезду или молитвенник — лишь в таких случаях Серсея и слышала человеческий голос.

Этих женщин она ненавидела почти так же, как мужчин, изменивших ей.

Ложные друзья, неверные слуги, любовники с лживыми клятвами на устах, даже собственные родичи — все покинули ее в час нужды. Осни Кеттлблэк, не выдержав кнута, разболтал его воробейству то, что должен был унести в могилу. Его братья, взятые королевой с улицы, палец о палец не ударили ради нее. Аурин Уотерс, ее адмирал, увел в море военный флот, построенный ею для него. Ортон Мерривезер сбежал к

себе в Длинный Стол вместе с женой Таэной, единственным другом Серсеи в эти страшные времена. Харис Свифт и великий мейстер Пицель предлагают ее королевство тем самым людям, которые умышляли отнять его у Серсеи. Меррин Трант и Борос Блаунт, поклявшиеся ее защищать, непонятно куда подевались. Кузен Лансель, клявшийся ей в любви, примкнул к ее обвинителям; дядя еще раньше отказался занять пост десницы, а Джейме…

Нет. Нет. В него она верит. Он явится сразу, как только узнает, что она попала в беду. «Приезжай немедля, — писала она ему. — Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай». Квиберн клятвенно обещал отправить письмо в речные земли, куда ее брат ушел с войском, — обещал и больше к ней не пришел. Может быть, он убит, и голова его насажена на пику над Замковыми воротами. Или засел в подземельях Красного Замка, так и не отправив письмо. Королева сто раз о нем спрашивала, и ни слова в ответ. О Джейме тоже ни слуху ни духу.

«Ничего, — сказала она себе. — Скоро он будет здесь, и его воробейство со своими суками запоет по-другому».

Мерзко, однако, чувствовать себя столь беспомощной.

Она не раз угрожала им, но они и ухом не повели. Приказывала — что об стенку горох. Взывала как женщина к женщинам, но септы, как видно, отрекаются от своей женственности, когда приносят обет. Пробовала слушаться их и говорить с ними ласково — все напрасно. Обещала им золото, почести, места при дворе, но посулы, как и угрозы, пропали втуне.

О молитвах и говорить нечего. Хотят, чтобы она молилась, — пожалуйста! Дочь Ланнистеров опускалась на колени, как обычная потаскушка, и молилась об избавлении и о Джейме. Вслух просила богов защитить невиновную, про себя — послать ее мучителям скорую злую смерть. Колени у нее стерлись в кровь, язык не помещался во рту. Она вспомнила все молитвы, которым ее учили в детстве, и добавляла к ним новые. Обращалась к Матери и Деве, к Отцу и Воину, к Старице и Кузнецу, даже к Неведомому — в бурю любой бог хорош. И что же? Семеро столь же глухи к ее мольбам, как их земные служители. Слов для них у нее больше нет, а слез ее они не увидят.

До чего же мерзко чувствовать себя слабой!

Будь у нее сила, которой боги наделили Джей-

ме и толстого олуха Роберта, она бы ни в чьей помощи не нуждалась. Чего бы она ни дала за меч и умение им владеть! Боги по слепоте своей поместили сердце воина в тело женщины. Она пыталась драться с септами, но те без труда одолевали ее: молитвы, мытье полов и битье послушниц закалили этих старух на славу.

Хуже всего то, что они не дают спать. Стоит королеве смежить веки, днем или ночью, как одна из них тут же является и требует, чтобы Серсея покаялась. Ее обвиняют в супружеской неверности, распутстве, государственной измене и даже в убийстве: этот слизняк Осни Кеттлблэк сознался, что по ее приказу задушил прежнего верховного септона. «Рассказывай, кого убила, говори, с кем развратничала», — рычит Юнелла. Моэлла же уверяет, что спать узнице не дают грехи. «Только невинность спит сладким сном. Покайся и уснешь как младенец».

Грубые руки тюремщиц рвут в клочья каждую ее ночь, и каждая из ночей холоднее и злее, чем прежняя. Час совы, час волка, час соловья, восход и заход луны бредут мимо, как пьяные. Который теперь час? Какой день? Где она? Сон это или явь? Осколки сна, которые она урывает, режут ее разум как бритвы. С каждым днем она тупеет,

теряет силы, и лихорадка ее трясет. Она уже не помнит, как давно ее заточили здесь, на вершине одной из семи башен Великой Септы Бейелора. Неужели ей суждено состариться и умереть в этой келье?

Нет, этого она не допустит. Сын и государство нуждаются в ней. Она должна освободиться, чего бы это ни стоило. Ее мир сжался до тесной камеры с ночным судном, бугристым тюфяком и убогим, как надежда, кусачим одеялом, но она по-прежнему наследница лорда Тайвина, дочь Утеса.

Бессонница, лютый холод, голод и лихорадка в конце концов все же привели ее к покаянию. В ту ночь септа Юнелла, войдя в камеру, застала узницу на коленях.

— Я согрешила, — сказала Серсея, едва ворочая языком. — Я долго была слепа, но ныне очи мои открылись. Старица пришла ко мне со своей лампадой и озарила мой путь. Я хочу очиститься, хочу отпущения. Прошу тебя, добрая септа, отведи меня на исповедь к верховному септону.

— Я доложу его святейшеству, ваше величество, — пообещала Юнелла. — Это доставит ему великую радость. Только исповедь и искреннее раскаяние могут спасти нашу бессмертную душу.

Весь остаток ночи королева спала спокойно. Сова, волк и соловей пронеслись незаметно; Серсее снилось, что она замужем за Джейме и сын их жив и здоров.

Наутро, став почти прежней Серсеей, она подтвердила септам, что хочет покаяться и получить отпущение.

— Нас радует эта весть, — сказала Моэлла.

— Великое бремя спадет с вашей души, — сказала Сколерия. — Ваше величество почувствует себя обновленной.

«Ваше величество…» Что за сладкие звуки. Тюремщицы далеко не всегда были с ней столь учтивы.

— Его святейшество ждет, — сообщила Юнелла.

Серсея смиренно потупилась.

— Нельзя ли мне сначала помыться? Я слишком грязная, чтобы предстать перед ним.

— Помоетесь позже, если его святейшество позволит, — сказала Юнелла. — Сейчас вас должна заботить чистота вашей души, а не бренная плоть.

Втроем они повели ее вниз: Юнелла впереди, Моэлла и Сколерия позади — боятся, как бы она не сбежала?

— У меня так давно не было посетителей, — тихо сказала Серсея. — Здоров ли король? Я мать и беспокоюсь за своего сына…

— Его величество в добром здравии, и берегут его неусыпно, — ответила ей Сколерия. — Королева всегда при нем.

«Королева»?! Серсея сглотнула, выдавила улыбку и сказала:

— Рада это слышать. Томмен так любит ее. Я никогда не верила ужасному поклепу, который на нее возвели. — Как удалось Маргери Тирелл оправдаться от обвинений в измене супругу и государству? — Значит, суд уже состоялся?

— Нет еще, но ее брат…

— Тихо, — зыркнула на Сколерию Юнелла. — Не болтай, глупая ты старуха. Не наше дело рассуждать о таких вещах.

— Прости, сестра. — Сколерия склонила голову и умолкла.

Его воробейство ждал Серсею в семистенном святилище. Лики Семерых, высеченные из камня, взирали на королеву с той же суровостью, что и сам верховный септон, писавший что-то за грубо сколоченным столом. Он ничуть не изменился с того дня, как Серсею взяли под стражу: тот же тощий седой аскет с подозрительным взглядом,

та же мешковатая ряса из некрашеной шерсти.

— Я понял так, что ваше величество хотели бы исповедаться?

Серсея опустилась на колени.

— Это так, ваше святейшество. Старица явилась мне во сне с поднятой ввысь лампадой…

— Хорошо. Ступайте, Сколерия и Моэлла, а ты, Юнелла, останься — будешь записывать. — Он сложил кончики пальцев вместе, в точности как ее лорд-отец.

Юнелла уселась, развернула пергамент, обмакнула перо в мейстерские чернила. Серсее стало не по себе.

— Позволят ли мне после исповеди…

— С вами поступят сообразно вашим грехам.

Она снова ощутила неумолимость этого человека.

— Тогда да помилует меня Матерь. Я признаю, что прелюбодействовала с мужчинами.

— Назовите их, — потребовал он, не сводя с нее глаз.

Позади скрипело перо Юнеллы.

— Лансель Ланнистер, мой кузен. Осни Кеттлблэк. — Они оба признались, что спали с ней, так что отрицать не приходится. — Оба его брата. — Неизвестно, что показали Осфрид и Осмунд…

Лучше перебрать мерку, чем недобрать. — Я грешила от страха и одиночества, хотя это и не искупает моих грехов. Боги забрали у меня короля Роберта, мою любовь, моего защитника. Я очутилась в окружении заговорщиков, ложных друзей и предателей, желавших смерти моих детей. Не зная, кому довериться, я… использовала единственное доступное мне средство, чтобы привязать к себе Кеттлблэков.

— Под средством вы разумеете ваше женское естество?

— Мою плоть… да. — Серсея приложила руку ко лбу и отняла вновь, открыв полные слез глаза. — Да простит меня Дева. Я поступала так только ради детей, ради своего королевства. Удовольствия я в этом не находила. Кеттлблэки жестоки и со мной обходились грубо, но что было делать? Томмен так нуждался в доверенных людях.

— Его величество охраняет Королевская Гвардия.

— Что пользы от нее, когда его брата Джоффри отравили на собственной свадьбе? Один сын умер у меня на глазах, потери второго я бы не вынесла. Я грешила и распутничала лишь ради Томмена. Да простит мне ваше святейшество, но я переспала бы со всеми мужчинами Королевской

Гавани, лишь бы сберечь детей.

— Прощение могут даровать только боги. А что же сир Лансель, ваш кузен и оруженосец вашего мужа? Вы и его верность хотели завоевать?

— Лансель… — «Осторожно, — сказала она себе, — кузен скорее всего выложил ему все как есть». — Лансель любил меня. Он еще очень юн, но я никогда не сомневалась в его преданности мне и моему сыну.

— И все же совратили его.

— Я была одинока. — Серсея подавила рыдание. — Я потеряла мужа, сына, лорда-отца. Королева-регентша тоже женщина, слабое и падкое на искушения существо. Ваше святейшество знает, что это правда. Даже святые септы порой грешат. Лансель, нежный и ласковый, был моим утешением. Это дурно, я знаю, но каждая женщина хочет быть любимой, хочет, чтобы рядом с ней был мужчина… — Она разрыдалась, больше не сдерживая себя.

Верховный септон смотрел на это бесстрастно, как статуя одного из богов. Унявшись наконец, Серсея почувствовала себя на грани обморока, но его воробейство с ней еще не закончил.

— Это все простительные грехи, — сказал он. — Похотливость вдов хорошо известна, и все

женщины распутны в сердце своем: красота и хитроумие даны им, чтобы совращать мужчин с пути истинного. Но не изменяли ли вы королю Роберту, когда он был еще жив?

— Никогда в жизни! — содрогнулась Серсея. — Клянусь вам.

— Ваше величество обвиняют и в других преступлениях, куда более тяжких, чем прелюбодеяние. Сир Осни Кеттлблэк — ваш любовник, как вы сами признались — показал, что задушил моего предшественника по вашему повелению. Он также показывает, что ложно обвинил королеву Маргери и ее кузин в прелюбодеяниях и измене королевству, о чем его попросили, опять-таки, вы.

— Неправда. Маргери я люблю, как родную дочь. Что до прежнего верховного септона… Да, я часто на него жаловалась. Ставленник Тириона, он был слаб, порочен и позорил нашу святую веру — вашему святейшеству это известно не хуже, чем мне. Осни, должно быть, вообразил, что я хочу его смерти. Если так, то часть вины в самом деле падает на меня, но в убийстве я неповинна. Отведите меня в септу, и я поклянусь в этом перед престолом Отца, судии нашего.

— Все в свое время. Вы обвиняетесь также в том,

что замышляли убийство собственного супруга, покойного короля Роберта Первого.

«Лансель, — подумала Серсея, — кто же еще».

— Роберта убил дикий вепрь. По-вашему, я варг? Оборотень? И Джоффри, мой возлюбленный первенец, тоже погиб от моей руки?

— Нет, только ваш муж. Вы отрицаете это?

— Разумеется, отрицаю. Перед богами и перед людьми.

Верховный септон кивнул.

— И, наконец, самое тяжкое из обвинений. Говорят, что ваши дети рождены не от короля Роберта, но от разврата и кровосмешения.

— Так говорит Станнис, — не замедлила с ответом Серсея, — и это ложь. Дети брата стоят между ним и Железным Троном, потому он и утверждает, что их отцом был не Роберт. В его гнусном письме нет ни слова правды.

— Хорошо. — Верховный септон уперся ладонями в стол и встал. — Лорд Станнис отринул Семерых ради красного демона, которому нет места в наших Семи Королевствах.

Серсея слегка приободрилась.

— Однако обвинения эти слишком серьезны, — продолжал септон, — и требуют серьезного разбирательства. Если ваше величество говорит

правду, суд, несомненно, докажет, что вы невиновны.

«Все-таки суд».

— Но я исповедалась…

— Вы покаялись в части ваших грехов, но других не признали. Суд для того и нужен, чтобы отделить правду от лжи. Я попрошу Семерых отпустить вам грехи, в которых вы исповедались, и помолюсь, чтобы вас очистили от других обвинений.

Серсея медленно поднялась.

— Я склоняюсь перед мудростью вашего святейшества и молю вас о милосердии. Я так давно не видела сына…

Глаза его воробейства сделались жесткими, как кремень.

— Я не могу допустить к вам короля, пока вы не будете оправданы полностью. Но, поскольку вы сделали первый шаг по пути добродетели, я разрешаю других посетителей. По одному в день.

Серсея снова расплакалась, на этот раз искренне.

— Благодарю вас. Вы так добры.

— Благодарите нашу милосердную Матерь.

Моэлла, Сколерия и замыкающая Юнелла препроводили королеву обратно на башню.

— Мы все молились за ваше величество, — сказала Моэлла, пока они поднимались.

— Да, — подхватила Сколерия, — теперь вам, думаю, стало намного легче. Вы чисты и невинны, как дева в день своей свадьбы.

В свадебное утро Серсея предавалась любви со своим братом Джейме.

— О да, — сказала она. — Я чувствую себя возрожденной, как будто мне вскрыли наболевший нарыв и я наконец-то начну выздоравливать. Мне кажется, что я способна летать! — Двинуть бы Сколерию в лицо локтем, чтобы кубарем покатилась вниз. По милости богов она и Юнеллу захватит с собой.

— Как хорошо вновь увидеть вашу улыбку, — пропищала Сколерия.

— Его святейшество говорил, что мне разрешены посетители?

— Говорил, — подтвердила Юнелла. — Скажите, кого желает видеть ваше величество, и мы известим их.

Джейме, конечно. Но если он в городе, почему не пришел раньше? С ним лучше подождать, разведав сначала, что творится за стенами Великой Септы.

— Дядю, сира Кивана Ланнистера, — сказала

Серсея. — В столице ли он?

— Да, — сказала Юнелла. — Лорд-регент изволит пребывать в Красном Замке, и мы тотчас же пошлем за ним.

— Спасибо. — «Лорд-регент, вот как?» Серсея не стала делать вид, что это ее удивляет.

Покаяние, помимо очищения души от грехов, принесло и другие плоды. Вечером королеву перевели в более просторное помещение двумя этажами ниже, с окном на приемлемой высоте и теплыми одеялами. На ужин вместо черствого хлеба и овсянки ей принесли каплуна, свежую зелень с орехами и щедро сдобренную маслом вареную репу. Впервые за все время своего заключения она легла спать на сытый желудок и спала спокойно всю ночь, а утром, чуть свет, к ней пришел дядя.

Серсея завтракала, когда он вошел и тут же выставил из комнаты трех тюремщиц.

Сир Киван заметно постарел с тех пор, как они виделись в последний раз. Плотный, с тяжелым подбородком, он стриг бороду коротко, и его светлые волосы изрядно отступили от полысевшего лба. Красный шерстяной плащ на плече скрепляла золотая львиная голова.

— Спасибо, что пришел, — сказала Серсея, под-

нявшись ему навстречу.

— Сядь, — нахмурился он, — я должен сказать тебе кое-что.

Она осталась стоять.

— Ты до сих пор сердишься на меня, по голосу слышно. Прости, что плеснула в тебя вином, но…

— Думаешь, я на это сержусь? Лансель — твой двоюродный брат, Серсея. Тебе следовало заботиться о нем, направлять его, присмотреть ему девушку из хорошей семьи, а ты…

— Знаю. Знаю. — Лансель хотел ее больше, чем она его — и теперь еще хочет, могла бы поспорить Серсея. — Во всем повинны мое одиночество, моя слабость… О, дядя, как же я счастлива, что вижу твое милое лицо вновь! Я знаю, что поступала дурно, но твоей ненависти не вынесла бы. — Она обняла Кивана за шею, поцеловала в щеку. — Прости меня, прости.

Сир Киван, помедлив, обнял ее в ответ — неуклюже и наскоро.

— Ну, будет. Я прощаю тебя, а теперь лучше сядь: у меня дурные вести, Серсея.

Это ее напугало.

— Что-то с Томменом? Скажи, что это не так. Я так за него боялась, и никто здесь ни слова мне не сказал. У него ведь все хорошо?

— Его величество жив-здоров и постоянно о тебе спрашивает. — Сир Киван взял племянницу за плечи и отстранил от себя.

— Кто же тогда? Джейме?

— Джейме все еще где-то в речных землях.

— Где-то? — «Что это значит?»

— Лорд Блэквуд сдал ему Древорон, но на обратном пути в Ривердран Джейме оставил своих людей и уехал с какой-то женщиной.

— С женщиной?! — в полном изумлении вскричала Серсея. — Но куда?

— Кто знает. Больше мы о нем ничего не слышали, а эта женщина, должно быть, леди Бриенна, дочь Вечерней Звезды.

Вот оно что. Королева вспомнила Тартскую Деву, громадную, безобразную, носившую мужскую кольчугу. Джейме ни за что бы не бросил сестру ради такой уродины — ворон Квиберна, наверное, так и не долетел до него.

— На юге высаживаются наемники, — говорил между тем сир Киван. — На Тарте, на Ступенях, на мысе Гнева… Очень хотелось бы знать, где Станнис взял деньги на них. Своими силами мне с ними не справиться. Мейс Тирелл мог бы, но он не двинется с места, пока это дело с его дочкой не будет улажено.

Палач его мигом уладил бы. Серсее не было никакого дела до Станниса и его наемников — Иные его забери, да еще и Тиреллов впридачу. Когда они перебьют друг друга, страна наконец-то вздохнет свободно.

— Уведи меня отсюда, дядя. Прошу тебя.

— Силой, ты хочешь сказать? — Сир Киван подошел к окну, выглянул. — Мне пришлось бы учинить бойню в этом священном месте, да и людей у меня для этого нет. Больше половины нашего войска ушло в Ривердан с твоим братом, а набрать новое я не успел. Я говорил с его святейшеством: он не выпустит тебя, пока ты не покаешься.

— Но я уже…

— Он имеет в виду публичное покаяние. Перед всем городом.

— Ни за что. Так ему и скажи. Я королева, а не портовая шлюха.

— Тебе не причинят никакого вреда.

— Нет. Я скорее умру.

— Вполне возможно, что так и будет, — невозмутимо заметил дядя. — Его святейшество обвиняет тебя в цареубийстве, богохульстве, кровосмешении и государственной измене.

— Богохульство? Это еще откуда?

— Он подразумевает смерть своего предшественника. Верховный септон — наместник Семерых на земле, и посягательство на его особу… Впрочем, здесь не место для таких разговоров, подождем до суда. — Киван как нельзя более красноречиво обвел взглядом камеру.

Опасается, что их кто-то подслушивает.

— Кто будет меня судить?

— Священнослужители, если ты не предпочтешь испытание поединком — в таком случае тебя будет защищать один из рыцарей Королевской Гвардии. Править страной ты при любом исходе больше не будешь. Регентство до совершеннолетия Томмена переходит ко мне. Десницей короля назначен Мейс Тирелл. Великий мейстер Пицель и сир Харис Свифт останутся на своих постах, но лордом-адмиралом стал Пакстер Редвин, а верховным судьей — Рендилл Тарли.

Два знаменосца Тиреллов. Правление государством перешло в руки ее врагов, родичей и приспешников королевы Маргери.

— Маргери и ее кузинам тоже предъявлено обвинение. Почему воробьи ее освободили, а меня нет?

— Рендилл Тарли настоял. После известных событий он первый прибыл в Королевскую Гавань

и привел с собой войско. Девиц Тирелл все-таки будут судить, но его святейшество признаёт, что обвинение скорее всего развалится. Все мужчины, поименованные как любовники королевы, отрицают свою причастность и отказываются от данных ранее показаний — кроме твоего певца, который, похоже, тронулся умом. Поэтому верховный септон передал девушек Тарли, а тот торжественно поклялся доставить их на суд, когда придет время.

— А соучастники где содержатся?

— Осни Кеттлблэк и Лазурный Бард здесь, в подземелье. Близнецы Редвин признаны невиновными, Хэмиш-Арфист умер в тюрьме. Остальные сидят в темницах Красного Замка, под опекой твоего Квиберна.

Квиберн. Последняя соломинка, за которую она может еще уцепиться. Лорд Квиберн, способный творить чудеса… и ужасы.

— Это еще не все. Прошу тебя, сядь.

Что он еще припас? Мало разве того, что ее будут судить за измену, а маленькая королева и весь ее двор упорхнули из клетки?

— Говори, дядя. Не скрывай ничего.

— Мы получили из Дорна невеселые новости о Мирцелле.

— Тирион! — вырвалось у Серсеи. Это он послал девочку в Дорн, а Серсея отправила за ней сира Бейлона Сванна. Дорнийцы — клубок ядовитых змей, и опаснее всех Мартеллы. Красный Змей вызвался быть защитником Беса и был на волосок от победы, от объявления карлика невиновным в убийстве Джоффри. — Он был в Дорне все это время, и теперь моя дочь у него в руках.

Сир Киван недоуменно нахмурился.

— Мирцелла подверглась нападению дорнийского рыцаря по имени Герольд Дейн. Она жива, но он нанес ей увечье… отсек ей ухо.

— Ухо! — Как же так? Ее маленькая принцесса, такая красавица… — Где же был принц Доран с другими своими рыцарями? И куда смотрел Арис Окхарт?

— Он погиб от руки Дейна, защищая принцессу.

Меч Зари, давно покойный, тоже носил имя Дейн. Кто такой этот сир Герольд и с чего ему вздумалось нападать на ребенка? Разве только…

— Тирион потерял половину носа в битве при Черноводной. За всем этим видны короткие пальчики Беса.

— Принц Доран о твоем брате умалчивает, и Мирцелла, как пишет сир Бейлон, тоже показы-

вает на одного Герольда Дейна — он у них там зовется Темной Звездой.

— Как бы он ни звался, направлял его Тирион, — с горьким смехом заявила Серсея. — У карлика в Дорне полно друзей, и он с самого начала это задумал. Ясно теперь, для чего он так хлопотал о помолвке Мирцеллы с принцем Тристаном.

— Тирион тебе мерещится в каждой тени.

— Да, потому что он порождение тьмы. Ты думаешь, он остановится, убив Джоффри, а после — отца? Я боялась, что он затаился где-нибудь в Королевской Гавани, чтобы навредить Томмену, но он решил, что первой должна умереть Мирцелла. — Серсея заметалась по камере. — Мне нужно быть рядом с Томменом. От королевских гвардейцев проку, как от сосков на панцире. Говоришь, сир Арис убит?

— Да, Темной Звездой.

— Ты уверен, что он мертв?

— Так нас известили.

— Стало быть, в Королевской Гвардии освободилась вакансия. Ее следует заполнить немедленно — ради Томмена.

— Лорд Тарли составил список достойных рыцарей, но до возвращения Джейме…

— Король может дать белый плащ кому поже-

лает. Томмен хороший мальчик: скажи ему имя, и он его назовет.

— Кого же он должен назвать?

Ответа Серсея не знала. У ее защитника, помимо нового лица, должно быть и новое имя.

— Квиберн знает. Доверься ему. У нас с тобой были разногласия, дядя, но сделай это, молю тебя! Ради общей нашей крови, ради Томмена, ради его несчастной изуродованной сестры. Пойди к лорду Квиберну, отдай ему белый плащ и скажи, что время пришло.

Рыцарь королевы

— Вы были человеком королевы, — сказал Резнак мо Резнак, — король же предпочитает собственную охрану.

Почему «был»? Он останется им до последнего часа — ее или своего, а в смерть Дейенерис Таргариен Барристан Селми не верил.

Именно из-за этого ему, как видно, и дали отставку. Гиздар постепенно избавляется от всех людей королевы. Силач Бельвас лежит при смерти в храме, где о нем заботятся Лазурные Благодати… Не завершили бы целительницы работу, начатую обвалянной в меду саранчой. Скахаза Лысого сместили с поста, Безупречных отослали в казармы. Чхого, Даарио Нахарис, адмирал Гролео и Герой из Безупречных остаются заложниками Юнкая. Агго, Ракхаро и других дотракийцев послали за реку на поиски королевы. Даже Миссандею заменили: король не счел приличным пользоваться услугами малолетней наатийки, бывшей рабыни. Теперь и до сира Барристана дошла очередь.

В Вестеросе он счел бы, что его честь запятнана, но в змеином гнезде под названием Миэрин честь

приравнивается к дурацкому колпаку. Между ним и Гиздаром взаимное недоверие: тот хоть и стал мужем Дени, никогда не будет королем Барристана.

— Если его величество желает удалить меня от двора…

— Его блистательность, — поправил Резнак. — Нет-нет, вы не так меня поняли. Его великолепие ожидает юнкайскую делегацию, чтобы договориться об отходе их войск. Они могут потребовать… э-э… возмещения за тех, кого дракон лишил жизни. Положение весьма деликатное; король полагает, что будет лучше, если они увидят на троне миэринского короля, охраняемого миэринскими воинами, вы ведь понимаете, сир…

Селми понимал куда больше, чем представлял себе сенешаль.

— Могу я узнать, кто войдет в гвардию короля?

Резнак улыбнулся своей скользкой улыбочкой.

— Преданные, обожающие своего господина бойцы. Гогор-Великан, Храз, Пятнистый Кот, Белакуо-Костолом. Герои как на подбор.

Герои бойцовых ям… удивляться нечему. Гиздар зо Лорак еще не утвердился на своем новом троне. Уже тысячу лет в Миэрине не было короля, и многие аристократы полагают, что справились

бы с этой ролью лучше Гиздара. За городскими стенами стоят юнкайцы с наемниками и союзниками, в самом городе свили гнездо Сыны Гарпии, а защитников у короля — раз-два и обчелся.

Безупречных Гиздар лишился по собственной глупости. Когда он попытался сделать их командиром своего родича — с Бронзовыми Бестиями ему это удалось, — Серый Червь заявил, что они свободные люди и подчиняются лишь своей матери. Да и Бронзовые Бестии — наполовину вольноотпущенники, наполовину бритоголовые миэринцы — наверняка не забывают Скахаза мо Кандака. Бойцы из ям — единственные, на кого Гиздар может опереться среди моря врагов.

— Надеюсь, они покажут себя достойными телохранителями его величества, — невозмутимо проговорил сир Барристан: свои истинные чувства он научился скрывать еще в Королевской Гавани.

— Его великолепия, — снова поправил Резнак. — Прочие ваши обязанности остаются за вами, сир. Если мир будет нарушен, его блистательность по-прежнему захочет увидеть вас во главе своего войска.

Хоть на это ума хватило. В телохранители Белакуо с Гогором может быть, и годятся, но во-

образить, что они поведут солдат в бой? Старый рыцарь с трудом подавил улыбку.

— Я весь к услугам его величества.

— Так королей титулуют в Вестеросе, — вздохнул сенешаль. — У нас принято говорить «его блистательность» и «его великолепие».

А еще бы лучше «его напыщенность».

— Хорошо, я приму это во внимание.

— Вот, пожалуй, и все. — Улыбочка на сей раз означала, что сир Барристан может идти, и он удалился, дыша полной грудью после сенешальских духов. Мужчина должен пахнуть потом, а не цветами.

Комнаты сенешаля помещались на втором ярусе Великой Пирамиды, а покои королевы и самого Селми — на самом верху, на высоте восьмисот футов. Нелегкая работа для старых ног. При королеве он проделывал этот путь по пять-шесть раз на дню, чему свидетели его колени и поясница. Когда-нибудь — скорее, чем он бы хотел — это станет ему не под силу, и пока этот день не настал, он должен подготовить королеве новых гвардейцев из числа своих мальчиков. Он сам посвятит их в рыцари, даст каждому коня и пару золотых шпор.

У королевы тихо. Гиздар не захотел здесь

жить — поселился в самой середке, под защитой толстых кирпичных стен, забрав себе Мезарру, Миклаза, Квеццу и других маленьких пажей. Они, в сущности, заложники, но королева и Селми так привязались к ним, что не хотели так думать. Ирри и Чхику уехали со своим кхаласаром. Осталась одна Миссандея, маленький призрак, забытый на верху пирамиды.

Сир Барристан вышел на террасу. Белесое, как труп, небо целиком застилали тучи. Утром солнца не было видно, и зайдет оно тоже невидимым, а ночь будет душной и липкой, без единого глотка свежести. Дождь собирается уже третий день — скорей бы он хлынул и отмыл этот город дочиста.

С террасы открывался вид на четыре меньшие пирамиды, западную стену города и лагерь юнкайцев на берегу залива. Оттуда чудовищной змеей полз в небо столб жирного дыма. Юнкайцы жгут своих мертвых: сивая кобыла во весь опор скачет по их лагерям. Несмотря на все принятые королевой меры, болезнь продолжает распространяться как в городе, так и вне его. Рынки в Миэрине закрылись, улицы опустели. Бойцовые ямы король Гиздар не стал закрывать, но публики там немного. Горожане даже в Храм Благодати

стараются не ходить.

Рабовладельцы и это повесят на Дейенерис, можно не сомневаться. Сир Барристан прямо-таки слышал, как все они — великие господа, Сыны Гарпии и юнкайцы — шепчут друг другу, что его королева мертва. Половина города в это верит, хотя не смеет пока сказать вслух, — но скоро начнутся и разговоры.

Как же он стар, как устал. Куда делись все эти годы? Нагибаясь испить из тихого пруда, он видит отражение чужого лица. Когда от голубых глаз побежали морщины, когда снег побелил золотые кудри? «Давно, старик, сколько-то десятилетий назад».

А казалось бы, его посвятили в рыцари только вчера, после турнира в столице. Он до сих пор помнит, как меч короля Эйегона коснулся его плеча, легкий, как девичий поцелуй. Слова застревали в горле, когда он произносил обеты. На пиру в ту ночь он ел ребра дикого вепря по-дорнийски, и драконий перец жег ему рот. Сорок семь лет спустя он помнит их вкус, но хоть убей, не сможет сказать, что ел десять дней назад. Отварную собаку, что ли, или другую какую гадость.

Селми не в первый раз задумался над капри-

зами судьбы, приведшей его сюда. Он западный рыцарь, житель штормовых земель и дорнийских марок; его место в Семи Королевствах, а не здесь, на знойных берегах залива Работорговцев. Он приехал, чтобы отвезти Дейенерис домой, а теперь потерял ее, как некогда отца Дейенерис и брата. И Роберта, которого тоже не спас.

Гиздар, возможно, умнее, чем кажется. Лет десять назад сир Барристан догадался бы, что задумала Дейенерис, и остановил бы ее. Вместо этого он сперва прирос к месту, а потом погнался за ней. Мешкотный, глупый старик — не диво, что Нахарис прозвал его сиром дедушкой. Может, сам Даарио, будь он с королевой в тот день, живее бы поворачивался? Рыцарю не хотелось отвечать на этот вопрос.

Прошлой ночью ему опять снилось все это: Бельвас, блюющий кровью и желчью, Гиздар, приказывающий убить дракона, бегущая в ужасе публика, давка на ступенях, пронзительные вопли. И Дейенерис…

С охваченными огнем волосами она хлестала дракона кнутом, а после вскочила ему на спину и улетела. Песок, поднятый драконом при взлете, запорошил сиру Барристану глаза, но он все-таки разглядел, как Дрогон поднимается над ареной,

зацепив крыльями бронзовых воинов у ворот.

Остальное он узнал позже. Кони за воротами, обезумев от драконьего запаха, давили людей копытами, переворачивали киоски и паланкины. В дракона метали копья и пускали стрелы из арбалетов; кое-что попадало в цель. Дракон с дымящимися ранами и женщиной на спине заметался и дохнул огнем вниз.

Остаток дня и половину ночи Бронзовые Бестии собирали тела. В конечном итоге насчитали двести четырнадцать убитых и втрое больше обожженных и раненых. Дрогон давно улетел куда-то на север, за Скахазадхан, а Дейенерис Таргариен пропала бесследно. Кто-то будто бы видел, как она падала, другие говорили, что дракон унес ее далеко и сожрал, но все это было неправдой.

Драконов сир Барристан знал только по детским сказкам, зато Таргариенов изучил хорошо. Дейенерис оседлала Дрогона, как Эйегон когда-то Балериона.

— Может, она домой полетела, — сказал он вслух.

— Нет, — тихо сказал кто-то сзади, — она бы не улетела без нас.

— Миссандея, дитя, — давно ты здесь?

— Нет, не очень. Простите, что побеспокоила

вас… Скахаз мо Кандак хотел бы поговорить с вами, сир.

— Лысый? Ты его видела? — Какая неосторожность. Скахаз — заклятый враг короля; он высказывался против их с Дейенерис брака, и Гиздар, конечно, этого не забыл; Миссандея достаточно умна, чтобы понимать это. — Он здесь? В пирамиде?

— Он бывает здесь время от времени, сир. Когда хочет.

«Понятно…»

— Кто сказал тебе, что он хочет со мной увидеться?

— Бестия в маске совы.

Тогда был совой, теперь, вполне вероятно, шакал, тигр или ленивец. Сир Барристан возненавидел эти маски, как только они появились, но теперь его ненависть дошла до предела. Порядочным людям незачем скрывать свои лица, а Лысый…

О чем он только думает? Когда Гиздар поставил во главе Бронзовых Бестий своего кузена Мархаза зо Лорака, Скахаз был назначен Хранителем Реки. Эта должность предусматривала надзор над всеми паромами, неводами и оросительными каналами на пятьдесят лиг по Скахазадхану, но

Лысый, отвергнув сей почетный и древний, по выражению Гиздара, пост, удалился в скромную пирамиду Кандаков. Приходя сюда, он очень рискует — ведь без королевы заступиться за него некому, и если сира Барристана застанут с ним, подозрение падет и на рыцаря.

Селми очень не хотелось встречаться с ним. Это пахло обманом и заговорами — тем, что он надеялся оставить далеко позади вместе с Пауком и лордом Мизинцем. Барристан читать не шибко любил, но часто перелистывал Белую Книгу, где все его предшественники вели записи. Некоторые из них были героями, другие слабыми душами, подлецами и трусами, большинство же — просто людьми. Сильнее и проворнее многих, более искусно владевшие мечом и щитом, они были подвержены гордыне, честолюбию, похоти, зависти, алчности и прочим порокам ничуть не меньше остальных смертных. Лучшие преодолевали свои недостатки, исполняли свой долг и гибли с мечом в руке, худшие…

Худшие участвовали в игре престолов.

— Сможешь найти эту сову снова? — спросил рыцарь.

— Ваша слуга попытается, сир.

— Скажи ему, что я встречусь с… с нашим

другом у конюшни, когда стемнеет. — Двери пирамиды запираются на закате — после этого в ее нижней части должно быть тихо. — Но сначала убедись, что сова та самая, не кто-то другой.

— Ваша слуга понимает. Говорят, юнкайцы поставили скорпионы вокруг всего города… Будут пускать в небо железные стрелы, если Дрогон вернется.

Сир Барристан тоже об этом слышал.

— Попасть в летящего дракона не так-то просто. В Вестеросе многие пытались сбить Эйегона с его сестрами, да не вышло.

Трудно было понять, успокоило это девочку или нет.

— Вы думаете, они найдут ее, сир? Степь так велика, а драконы в небе не оставляют следов.

— Агго и Ракхаро — кровь ее крови, и кто же знает травяное море лучше, чем дотракийцы? — Рыцарь сжал плечо девочки. — Ее найдут, если это еще возможно. — «Если она жива. Мало ли в степи других кхаласаров, где воины исчисляются десятками тысяч», — но не нужно говорить об этом ребенку. — Ты любишь ее, я знаю. Я не позволю, чтобы ей причинили зло, клянусь.

Пустые слова. Как он может сберечь королеву, когда он не с ней? Но Миссандея как будто уте-

шилась.

Барристан Селми знавал многих королей. Родился он в беспокойное царствование Эйегона Невероятного, которого так любили простые люди, и был посвящен им в рыцари. Белый плащ в двадцать три года ему пожаловал сын Эйегона Джейехерис, когда Селми убил Мейелиса-Чудище на Войне Девятигрошовых Королей. Затем он стоял в этом плаще у Железного Трона, занятого безумным королем Эйерисом. Стоял, смотрел, слушал. Бездействовал.

Нет. Он нечестен к себе самому. Он исполнял свой долг… хотя теперь ночами порой спрашивает себя, было ли это правильно. Он принес свои обеты перед лицом богов и людей и не мог их нарушить, не поступившись честью, но соблюдать их в последние годы Эйериса сделалось очень трудно. Он видел то, о чем нельзя вспомнить без боли, и не раз задавался вопросом, сколько крови на совести у него самого. Не вызволи он Эйериса из темниц лорда Дарклина в Синем Доле, король скорее всего и погиб бы там при попытке Тайвина Ланнистера взять город штурмом. На трон тогда взошел бы принц Рейегар, и страна вновь обрела бы покой. Синий Дол был звездным часом Селми, но вспоминать об этом он не любил.

Подлинным же укором, не дающим спать по ночам, были для него те, кого он не спас. Три мертвых короля: Джейехерис, Эйерис, Роберт. Рейегар, ставший бы лучшим королем, чем любой из них. Принцесса Элия и ее дети: грудной Эйегон, Рейенис, играющая с котенком. Они ушли, а он, поклявшийся защищать их, жив до сих пор. Теперь еще и Дейенерис, драгоценная его девочка-королева… Но нет, он не верил, что она умерла.

До самого вечера он обучал своих мальчиков на третьем ярусе пирамиды владеть мечом, щитом и копьем, управлять конем — и наставлял их в правилах, без которых рыцарь не выше бойца с арены. Дейенерис, когда его не станет, понадобятся молодые защитники, и он даст их ей.

Ученикам было от восьми до двадцати лет. Начинал он с шестьюдесятью ребятами; трудная рыцарская наука отсеяла половину, но некоторые из оставшихся многое обещали. Раз король больше в нем не нуждается, он сможет побольше времени уделять им. Селми расхаживал между парами мальчиков, сражавшихся на тупых мечах и копьях без наконечников. Храбрецы, приятно смотреть. Низкого рода, правда, но рыцари из них выйдут хорошие, и королеву они любят. Если б не

она, все бы они сгинули в ямах. Гиздар обзавелся бойцами, а у Дейенерис вскорости будут рыцари.

— Выше щит. Покажи, как ты рубишь. Хорошо, теперь вместе. Вверх, вниз, вверх, вверх, вниз.

Когда солнце село, он скромно поужинал на верхней террасе. В пурпурных сумерках загорались огни на ступенчатых пирамидах, кирпичи Миэрина из разноцветных делались черными, улицы и переулки превращались в теневые реки и омуты. Город в темноте казался спокойным, даже красивым. Однако тишина эта обманчива и вызвана не миром, а мором.

Допив свое вино, старый рыцарь сменил белое облачение на бурый дорожный плащ, но меч и кинжал оставил, опасаясь ловушки. Гиздару он доверял мало, Резнаку еще меньше. Возможно, это надушенный сенешаль заманивает его в тайное место, чтобы схватить вместе со Скахазом и обвинить обоих в заговоре против монарха. А если Лысый начнет вести изменнические речи, Селми самому придется его схватить: ведь Гиздар, как бы мало рыцарь его ни любил, остается супругом королевы. Долг обязывает Селми поддерживать его, а не Лысого… Или нет?

Первый долг Королевской Гвардии — защищать короля. Белые рыцари дают присягу

повиноваться его приказам, хранить его тайны, служить ему советом, если король того требует, и молчать, если совет не нужен. Клянутся исполнять его желания, беречь его доброе имя и честь. Строго говоря, лишь король решает, должна ли эта защита охватывать кого-то другого, даже членов монаршей семьи. Одни короли полагают, что гвардия должна служить также их женам, детям, братьям и сестрам, теткам, дядьям, кузенам, порой даже любовницам и бастардам. Другие используют для этих целей домашних рыцарей и простых латников, а семерых избранных держат всегда при себе.

Если бы королева приказала Селми служить Гиздару, у него не осталось бы выбора. Но у Дейенерис нет Королевской Гвардии как таковой, и никаких приказаний относительно мужа она не отдавала. Все было куда проще, когда такие вопросы за Селми решал лорд-командующий. Теперь он сам лорд-командующий, и ему трудно выбрать правильный путь.

В пустых коридорах у основания пирамиды горели факелы. Двери, уже запертые, как он и предвидел, охранялись четырьмя Бронзовыми Бестиями снаружи и четырьмя изнутри; на последних были маски вепря, медведя, крота и

мантикора[6].

— Все спокойно, сир, — доложил медведь.

— Пусть так и будет. — Сир Барристан порой всю ночь обходил посты.

Железные двери драконьей ямы в подземелье охраняли еще четверо Бестий: обезьяна, баран, крокодил и волк.

— Покормили их? — спросил рыцарь.

— Так точно, сир, — ответила обезьяна. — Каждому по барашку.

Скоро Визериону и Рейегалю этого будет мало: они ведь растут.

Мимо слонов и Серебрянки, на которой ездила королева, сир Барристан прошел на зады конюшни; на свет его фонаря отозвались только осел и несколько лошадей.

Тень, возникшая из пустого стойла, материализовалась в еще одну Бестию: складчатая черная юбка, поножи, рельефный панцирь.

— Кот? — удивился Селми, разглядев его маску. Лысый в бытность свою командиром носил маску змеи, внушительную и страшную.

— Коты ходят всюду, и никто их не замечает, — ответил знакомый голос Скахаза.

---

[6] Сноски: 6

Мифическое чудовище с телом льва, головой человека и хвостом скорпиона. — *Примеч. пер.*

— Если Гиздар узнает…

— А кто ему скажет — Мархаз? Мархаз знает лишь то, что выгодно мне. Бестии по-прежнему мои, не забывайте об этом. — В голосе Лысого даже сквозь маску слышался гнев. — Я нашел отравителя.

— Кто он?

— Кондитер Гиздара. Его имя ничего вам не скажет, он всего лишь орудие. Сыны Гарпии забрали у него дочь, обещая вернуть ее целой и невредимой, когда умрет королева. Бельвас и дракон спасли Дейенерис, а девочку вернули разрезанной на девять кусков, по числу лет ее жизни.

— Но зачем? Сыны Гарпии больше не убивают. Гиздаров мир…

— Фальшивка, ничего более. Правдой он был лишь в самом начале. Юнкай боялся королевы, ее Безупречных, ее драконов. В этом краю драконы водились издавна, и Юрхаз зо Юнзак с Гиздаром знали их историю назубок. Так почему бы не заключить мир? Они видели, как хочет этого Дейенерис. Зря она в свое время не выступила на Астапор — теперь, когда она пропала, а Юрхаз погиб, все изменилось в корне. Вместо старого льва — стая шакалов. Кровавой Бороде мир не нужен, а самое худшее то, что Волантис шлет

против нас свой флот.

— Волантис. — Селми ощутил легкое жжение в правой руке. Мир заключен с Юнкаем, но не с Волантисом. — Ты уверен?

— Уверен. Об этом знают мудрые господа и их друзья в городе: Сыны, Резнак, Гиздар. Когда волантинцы будут здесь, король мигом откроет ворота. Все, кого Дейенерис освободила, снова попадут в рабство. И некоторые свободнорожденные тоже. Ты можешь окончить свои дни в бойцовой яме, старик: Храз сожрет твое сердце.

— Нужно сказать Дейенерис, — пробормотал пораженный Селми.

— Ты сначала найди ее. — Железные пальцы Лысого впились ему в руку. — Ждать нельзя — времени у нас мало. Я уже говорил с Вольными Братьями, Крепкими Щитами и Детьми Неопалимой: Гиздару они не верят, но нам необходимы также и Безупречные. Поговори с Серым Червем: тебя он послушает.

— С какой стати мне это делать? — «Изменнические речи. Заговор».

— Чтобы жизнь себе сохранить. — В дырах кошачьей маски виднелись черные омуты глаз. — Надо нанести юнкайцам удар до прибытия волантинцев. Прорвать осаду, перебить

рабовладельцев, переманить к себе их наемников. Юнкайцы ничего такого не ждут: у меня есть шпионы в их лагере. Болезнь свирепствует, дисциплина разваливается. Господа пьют, обжираются, толкуют о сокровищах Миэрина и спорят, кто возьмет власть. Красная Борода и Принц-Оборванец воротят нос друг от друга, и все думают, что нас убаюкал Гиздаров мир.

— Дейенерис тоже его подписала. Негоже нарушать мир без ее позволения.

— А если ее в живых нет? Что тогда, сир? Разве она не одобрила бы наш замысел спасти ее город, ее детей?

«Ее дети». Вольноотпущенники, чьи цепи она разбила, зовут ее Миса — Матерь. Тут Лысый прав: Дейенерис сделала бы все, чтобы их защитить.

— Но Гиздар остается ее королем. Ее мужем.

— Ее отравителем.

— Ты можешь доказать это?

— Доказательства — это трон, который он занял, и корона, которую он надел на себя. Протри глаза, старик: зачем ему Дейенерис, когда он все это получил?

В самом деле, зачем? Сир Барристан до сих пор видел, как мерцает воздух над красным песком, чуял запах крови, пролитой для забавы, слышал

Гиздара, предлагающего своей королеве медовую саранчу. Очень вкусно, сладко и остро… Сам-то он к ней не притронулся. Селми потер висок. Гиздару зо Лораку он не присягал, а король, как Джоффри до него, отправил его в отставку.

— Я хочу сам допросить кондитера. С глазу на глаз.

— Изволь, — скрестил руки Лысый.

— Если разговор с ним меня убедит и я примкну к вам, ты дашь мне слово, что Гиздару зо Лораку не причинят никакого вреда, пока… пока его участие не будет доказано.

— Чего ты о нем так хлопочешь, старик? Если он и не сама Гарпия, то уж точно старший из ее сыновей.

— Мне известно лишь, что он супруг королевы. Дай слово, если хочешь, чтобы я был на твоей стороне.

— Ладно, — свирепо ухмыльнулся Лысый, — даю. Гиздара не тронут, пока его вина не будет доказана. Зато потом я убью его собственными руками. Кишки ему выпущу, прежде чем дам умереть.

«Нет, — сказал про себя старый рыцарь. — Если Гиздар хотел смерти моей королеве, я сам его прикончу, быстро и без мучений». Сир Барристан

вознес безмолвную молитву далеким вестеросским богам, прося Старицу озарить его путь. Ради детей. Ради города. Ради его королевы.

— Я поговорю с Серым Червем, — сказал он.

Железный жених

«Горе» пришло в одиночку, чернея парусами на розовом утреннем небе. Всего, стало быть, пятьдесят четыре. Разбуженный Виктарион проклял Штормового Бога — злость лежала в животе черным камнем. Вот и весь его флот.

Со Щитовых островов он отплыл с девяносто тремя судами, а еще раньше Железный Флот, принадлежащий Морскому Трону, насчитывал ровно сто кораблей — не таких больших, как боевые гиганты с зеленых земель, но втрое больше обычных ладей, с глубокой осадкой и таранами на носу. Впору хоть с королевской армадой помериться.

Миновав голый дорнийский берег с мелями и водоворотами, они запаслись на Ступенях зерном, дичью и пресной водой. Там же «Железная победа» захватила большой купеческий когг «Благородная леди», шедший в Старомест через Королевскую Гавань, Синий Дол и Чаячий город с грузом соленой трески, сельди и китового жира. Все это стало приятной добавкой к столу Железных Людей. С пятью другими трофеями — тремя коггами, галеей и галеоном, взятыми в Редвин-

ском проливе и около Дорна, флот увеличился до девяноста девяти кораблей.

Они отошли от Ступеней тремя горделивыми флотилиями, чтобы встретиться вновь у южной оконечности Кедрового острова. На месте встречи собралось сорок пять. Двадцать два виктарионовских подходили по три, по четыре, порой и поодиночке; четырнадцать привел Хромой Ральф; из флотилии Рыжего Ральфа Стонхауза пришли всего девять, а сам Ральф запропал. С добавлением девяти новых трофеев число составило пятьдесят четыре, но все трофеи были когги, рыбачьи лодки, купцы и перевозчики рабов, ни одного боевого. Плохая замена в бою пропавшим кораблям Железного Флота.

Последним, тремя днями ранее, притащился «Губитель дев», а перед ним с юга показались трое других: трофейная «Благородная леди» между «Кормильцем ворон» и «Железным поцелуем». До них долго никого не было, кроме «Безрассудной Джейны» и «Страха». Еще раньше подошел Хромой Ральф: «Лорд Квеллон», «Белая вдова», «Плач», «Скорбь», «Левиафан», «Железная Леди», «Ветер жатвы», «Боевой молот» и еще шесть кораблей, два из них на буксире.

«Штормы, — пробурчал Хромой, явившись к

Виктариону. — Три сильные бури, а между ними валирийские ветры: красные, пахнущие пеплом и серой, и черные, гнавшие нас к мертвому берегу. Этот поход с самого начала был проклят. Вороний Глаз боится тебя, милорд — зачем иначе было посылать нас в такую даль? Он не хочет, чтобы мы возвращались».

Виктарион думал о том же, попав после выхода из Волантиса в первый шторм. Если бы не страх перед пролитием родной крови, он давно убил бы Эурона Вороньего Глаза. «Кулак Дагона» и «Красный прилив», налетев друг на друга, разбились в щепки — в этом тоже Эурон виноват. Первая потеря флотилии Виктариона, но далеко не последняя.

Он влепил Хромому две оплеухи, сказав: «Первая за потерянные тобой корабли, вторая за болтовню о проклятии. Скажешь об этом еще раз — язык твой к мачте приколочу. Немых я умею делать не хуже Вороньего Глаза. — Из-за боли в левой руке он выразился резче, чем собирался, но угроза его не была пустой. — Теперь бури кончились, и наш флот соберется вновь».

Обезьянка с мачты насмехалась над ним, словно чуя, как он раздосадован. Подлый зверь. Поймать бы его, но обезьяны любят такую игру

и ловко удирают от его воинов. Из-за ее воплей рука болит еще пуще.

— Пятьдесят четыре, — ворчал он. Нельзя было, конечно, надеяться, что Железный Флот проделает столь долгий путь без потерь, но семьдесят кораблей, если не восемьдесят, Утонувший Бог мог бы ему сохранить. Жаль, что с ними нет Мокроголового или другого жреца. Виктарион принес жертву и перед отплытием, и на Ступенях, когда они разделились натрое — но произнес, как видно, не те слова. А может, Утонувший Бог здесь не властен. Виктарион все больше боялся этих чужих морей, где боги тоже чужие, но своим страхом делился лишь со смуглянкой, не имеющей языка.

При виде «Горя» он позвал к себе Вульфа Одноухого.

— Надо поговорить с Кротом. Собери Ральфа Хромого, Бескровного Тома и Черного Шеперда. Охотников отозвать, все лагеря на берегу к рассвету свернуть. Загрузиться фруктами до отказа, загнать свиней на суда — будем забивать их по мере надобности. «Акула» останется здесь поджидать опоздавших. — Ей все равно чиниться — после штормов у нее уцелел один корпус. Без нее их станет пятьдесят три, но тут уж ничего

не поделаешь. — Отчаливаем завтра с вечерним приливом.

— Как скажешь, лорд-капитан, — сказал Вульф, — но завтра может подойти еще кто-нибудь.

— А за десять дней могут подойти еще десять либо ни одного. Мы чересчур долго торчим здесь, глядя, не покажутся ли паруса. Победа будет слаще, если мы добьемся ее меньшим числом. — Да и волантинцев не вредно опередить.

В Волантисе военный флот загружался провизией, и весь город был пьян. Матросы, солдаты и ремесленники плясали на улицах с дородными купцами и аристократами, во всех тавернах и погребках пили за новых триархов. Слышались разговоры о золоте, драгоценностях и рабах, которые хлынут в Волантис после гибели королевы драконов. Одного дня в этом порту Виктариону Грейджою хватило по горло. Уплатив за съестное и пресную воду золотом (стыд и позор), он опять вывел свои корабли в море.

Волантинский флот тоже должен был пострадать от штормов. Многие их корабли, по милости судьбы, затонули или выброшены на берег — но, конечно, не все. Такой удачи ни один бог не пошлет. Зеленые галеи с рабами-солдатами

на борту — те, кого Штормовой Бог пощадил, — должны уже обойти Валирию и двигаться по Горестному Пути на север, к Юнкаю и Миэрину. Триста кораблей, а то и пятьсот. Их союзники, наверное, уже на месте: юнкайцы, астапорцы, флоты Нового Гиса, Кварта и Толоса… даже миэринские корабли, покинувшие город перед его падением. А у Виктариона на всех про всех пятьдесят четыре ладьи — без «Акулы» пятьдесят три.

Ну что ж. Вороний Глаз на одном-единственном судне прошел полсвета, разбойничал от Кварта до Высокодрева — одни боги знают, где этого безумца носило. Даже в Дымном море побывал и ничего, выжил. Раз он сумел, то и Виктарион сможет.

— Есть, капитан. — Вульф и в подметки не годится Нуту-Цирюльнику, но Нута Вороний Глаз сделал лордом Дубового Щита, и тот теперь стал его человеком. — В Миэрин, что ли, идем?

— Куда ж еще. Королева драконов ждет меня там. — Самая прекрасная женщина в мире, если верить рассказам брата. Волосы серебряные с золотом, глаза как аметисты.

Может, Эурон в кои веки все-таки не соврал? Если полагаться на него одного, эта красавица

вполне может оказаться рябой потаскушкой с сиськами до колен, а драконы — татуированными ящерицами из соторосских болот. Но о красоте Дейенерис Таргариен твердят и пираты со Ступеней, и волантинские торговые люди. Притом Вороний Глаз предназначил ее не для брата, а для себя самого. Виктарион должен лишь привезти ее — ох и взвоет Вороний Глаз, узнав, что брат взял его невесту себе. Люди ропщут, ну и пусть их. Они зашли слишком далеко и понесли слишком большие потери, чтобы поворачивать на запад с пустыми руками.

Железный капитан сжал в кулак здоровую руку.

— Смотри, чтоб все было исполнено в точности. Вот еще что: отыщи мейстера, куда бы он ни забился, и пришли ко мне в каюту.

— Есть. — Вульф заковылял прочь, а Виктарион еще раз оглядел свой флот. Ладьи со свернутыми парусами и поднятыми на борт веслами стояли на якоре или лежали на берегу, на бледном песке. Кедровый остров. Знаменитые кедры, похоже, четыреста лет как сгинули: Виктарион много раз охотился на берегу и не видел ни одного.

Похожий на девчонку мейстер, которого Эурон навязал ему в Вестеросе, говорит, что когда-то это

место называлось островом Ста Сражений, но кто с кем тут сражался, давно позабыто. Обезьяньим, вот как его бы следовало назвать. Свиней, здоровенных черных кабанов, на нем тоже полно. Раньше человека они не боялись, но учатся по мере того, как трюмы Железного Флота наполняются копчеными окороками и солониной.

Обезьяны, вот чума настоящая. Виктарион запретил морякам приносить этих тварей на корабли, но те каким-то образом уже заполонили полфлота и на «Железную победу» тоже пролезли. Вон они, сигают с мачты на мачту, с корабля на корабль… эх, арбалет бы.

Виктариону не нравилось это море, это небо без единого облачка, это солнце, нагревающее палубу так, что босиком не пройдешь. Не нравились штормы, налетающие невесть откуда. В море у Пайка тоже часто штормит, но там человек чует это заранее, а здесь на юге бури коварны, как женщины. Даже вода тут не того цвета: у берега бирюзовая, дальше густо-синяя, переходящая в черноту. Виктарион тосковал по родимым волнам, серо-зеленым с белыми гребнями.

Кедровый остров ему тоже не полюбился. Охота на нем неплохая, но лес чересчур густ, зелен и тих. Он полон кривых деревьев и невиданных преж-

де цветов. А затонувший Велос с рухнувшими дворцами и статуями, в полулиге севернее стоянки — настоящее обиталище ужаса. Виктарион, заночевав на берегу, видел темные беспокойные сны и проснулся с кровью во рту. Мейстер сказал, что он во сне прикусил язык, но капитан разгадал в этом знак Утонувшего Бога: задержишься здесь надолго — захлебнешься собственной кровью.

Говорят, что в тот день, когда Валирию посетил Рок, на остров обрушилась водяная стена высотой триста футов. Из тысяч мужчин, женщин и детей уцелели лишь рыбаки в море да горстка воинов в башне на самом высоком холме, видевших, как холмы и долины под ними превращаются в бурное море. Прекрасный Велос с дворцами из кедра и розового мрамора скрылся под водой в мгновение ока; та же участь постигла и невольничий порт Гозай на северной оконечности.

При таком количестве утопленников Утонувший Бог должен иметь там большую силу, думал Виктарион, выбирая остров местом сбора своего флота. Но он ведь не жрец — вдруг он все наоборот понял? Может, Утонувший Бог и уничтожил остров в порыве гнева.

Брат Эйегон разъяснил бы ему, но Мокроголовый остался дома и проповедует против

Вороньего Глаза. Безбожник не может сидеть на Морском Троне, но что делать, раз капитаны и короли выбрали на вече Эурона, а не Виктариона и прочих набожных претендентов.

Утреннее солнце резало глаза, дробясь на воде. Голова у Виктариона опять начала болеть — от солнца, от раны, от забот, от всего вместе. Он спустился в каюту, полутемную и прохладную. Смуглянка, без слов зная, что ему нужно, приложила к его лбу влажную тряпицу.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь рука.

Она не отвечала. Эурон вырезал ей язык, а потом уж отдал ему. Виктарион не сомневался, что Вороний Глаз тоже спал с ней — так уж у братца заведено. Все его дары прокляты. Когда смуглянка пришла к нему, Виктарион решил, что не станет пользоваться объедками брата. Перережет женщине горло и бросит в море, в жертву Утонувшему Богу… но после как-то раздумал.

Это было давно. Говорить она не может, зато слушает распрекрасно.

— «Горе» пришло последним, — сказал он, пока она снимала перчатку с его левой руки. — Остальные потонули или сильно опаздывают. — Женщина взрезала ножом загрязнившуюся повязку, и он поморщился. — Кое-кто скажет, что я не

должен был дробить флот… Дурачье. Девяносто девять ладей — попробуй перейди с такой громадой на другой конец света. Те, что помедленней, задерживали бы самых быстрых, да и провизии где напастись. Столько кораблей ни один порт не примет. А штормы в любом случае разметали бы нас по Летнему морю.

Потому он и разделил флот на три части, чтобы шли в залив Работорговцев разными курсами. Самым быстрым ладьям под командованием Рыжего Ральфа Стонхауза он назначил корсарский путь вдоль северного побережья Сотороса. Мертвых городов того знойного края моряки избегают, зато в глинобитных селениях островов Василиска жизнь так и кипит: там полно беглых рабов, охотников за рабами, охотников, шлюх, тигровых людей и так далее. Тот, кто не боится платить железную цену, провизией там всегда разживется.

Более грузные и медленные суда пошли в Лисс продавать добычу — женщин и детей из города лорда Хьюэтта и с других Щитовых остров. Мужчин тоже — тех, кто плен предпочел смерти. Виктарион таких презирал, но продажа невольников ему претила. Взять работника или морскую жену к себе в дом — дело другое, а продавать лю-

дей за деньги, будто скот или птицу, нехорошо. Он с радостью предоставил это Хромому Ральфу, которому для медленного перехода через моря требовалось много припасов.

Его собственные корабли прошли мимо Спорных Земель и запаслись всем в Волантисе перед дальнейшим походом. Это самый оживленный путь на восток; там попадаются трофеи, а на многочисленных островках можно отстояться в шторм, починиться и пополнить запасы.

— Маловато это — пятьдесят четыре ладьи, — говорил он смуглянке, — но и ждать больше незачем. Единственный способ… — Он поморщился, когда она отодрала полотно вместе с коркой. Рана стала зеленовато-черной. — Единственный способ — это захватить рабовладельцев врасплох, как когда-то у Ланниспорта. Налететь на них с моря, забрать девчонку — и ходу, пока волантинцы не подоспели. — Нет, он не трус, но и не дурак тоже: триста кораблей с пятьюдесятью четырьмя одолеть нельзя. — Я возьму ее замуж, а ты будешь ей прислуживать. — Немая служанка уж точно никаких тайн не выдаст.

Виктариона прервал мейстер, поскребшийся в дверь каюты.

— Войди и запрись, — сказал ему капитан. — Ты

знаешь, зачем я тебя позвал.

Весь в сером, усики бурые, вылитая мышь. Зачем он эти усы отращивал — чтобы за бабу не принимали? Молодой совсем, не старше двадцати двух. Звать Кервином.

— Могу я взглянуть на вашу руку, лорд-капитан?

Дурацкий вопрос. Виктариону был противен этот парень с розовыми щечками и кудряшками, больше похожий на девку. На первых порах он еще и улыбался по-девичьи, но после Ступеней улыбнулся не тому, и Бертон Хамбл ему вышиб четыре зуба. Недолгое время спустя Кервин пожаловался капитану, что четверо моряков затащили его под палубу и использовали как женщину. «Вот тебе верное средство прекратить это», — сказал Виктарион, вручая ему кинжал. Оружие парень взял, побоявшись отказать капитану, но так и не пустил его в ход.

— Вот она, рука, — гляди сколько хочешь.

Кервин стал на одно колено и даже обнюхал рану.

— Нужно снова выпустить гной. Этот цвет… Рана не заживает, лорд-капитан. Возможно, мне придется отнять вам руку.

Они уже говорили об этом.

— Отнимешь — убью, но сперва привяжу у борта и дам всей команде тобой попользоваться. Делай свое дело.

— Будет больно.

— Само собой. — «Жизнь — сплошная боль, дуралей. Боли нет только в водных чертогах Утонувшего Бога». — Валяй режь.

Мальчишка — мужчиной капитан не мог его назвать даже мысленно — вскрыл раздувшуюся ладонь. Выступил гной, густой и желтый, как кислое молоко. Смуглянка сморщила нос, мейстер закашлялся, даже Виктариону сделалось тошно.

— Режь глубже, чтоб кровь потекла.

Мейстер повиновался, и кровь показалась — темная, почти черная.

Вот и хорошо. Виктарион терпел, пока мейстер очищал рану смоченными в уксусе кусочками полотна. Когда он закончил, чистая вода в тазу стала такой, что с души воротило.

— Убери это. Она меня перевяжет, — кивнул на смуглянку Виктарион.

Мейстер ушел, но смрад никуда не делся. Последнее время от него просто спасу нет. Кервин предлагал обрабатывать рану на палубе, где солнце и свежий воздух, но Виктарион запретил. Нельзя делать это на глазах у команды. Они да-

леко от дома, и ребята не должны знать, что их железный капитан заржавел.

Рука давала о себе знать тупой неотвязной болью. Если сжать кулак, боль усиливается, точно ножом тебя колют. Нет, не ножом — мечом. Призрачным. Того рыцаря, наследника Южного Щита, звали Серри. Виктарион убил его, но он продолжает бой из могилы — вонзает свой меч в руку и поворачивает.

Капитан помнил тот бой как сейчас. Его щит был изрублен, и меч Серри он удержал стальной рукавицей. Юнец был сильней, чем казался с виду: клинок пробил и сталь, и стеганую перчатку внизу — будто котенок оцарапал ладонь. Капитан промыл порез кипяченым уксусом, завязал его и забыл о нем… до поры до времени.

Уж не был ли меч отравлен? Эта мысль бесила Виктариона. Настоящие мужчины к яду не прибегают. Он сталкивался с отравленными стрелами во Рву Кейлин, но то болотная нечисть, а Серри — рыцарь, высокородный. Яд — оружие трусов, женщин и дорнийцев.

— Если не Серри, то кто? — спросил он смуглянку. — Мейстер этот, мышь подколодная? Они ведь владеют разными чарами. Травит меня потихоньку — надеется, что я позволю руку себе

отрезать. — Виктарион все больше убеждался, что это правда. — Вороний Глаз его мне подсунул. — Раньше, на Зеленом Щите, Кервин служил лорду Честеру — за воронами ходил, детей обучал, что-то вроде того. Вот уж писку-то было, когда один из немых Эурона приволок его на «Железную победу» за цепь, так удобно болтающуюся на шее. — Может, он мстит так, да только я-то при чем? Это Эурон велел его увезти, чтобы не рассылал куда ни попадя своих воронов. — Воронов брат тоже отдал Виктариону, три клетки, но капитан не хотел, чтобы Кервин посылал Эурону вести: пусть Вороний Глаз потомится.

Пока смуглянка бинтовала ему руку, в дверь постучался Лонгвотер Пайк — доложить, что на борт поднялся капитан «Горя» с пленником.

— Говорит, что чародея нам привез, капитан. Выловил его в море.

Неужто сам Утонувший Бог его посылает? Эйерон, побывавший в его чертогах еще при жизни, точно бы знал. Виктарион своего бога боялся, как и положено, но крепко верил в него. Поработав пальцами левой руки, он скривился, натянул перчатку и встал.

— Пошли поглядим.

Капитан «Горя», маленький волосатый Спарр

по прозвищу Крот, ждал на палубе.

— Это Мокорро, лорд-капитан, — сказал он Виктариону. — Подарок Утонувшего Бога.

Ай да чародей — чудище, да и только. Ростом с Виктариона, но вдвое толще, пузо как валун, белая бородища — как львиная грива, а сам черный. Не коричневый, как летнийцы, что на лебединых кораблях ходят, не меднокожий, как дотракийцы, не оливковый, как смуглянка: черный и черный, как вороново крыло. Можно подумать, он в огне обгорел, и те самые огни отпечатались у него на щеках и на лбу. Рабские татуировки, метины зла.

— Цеплялся за сломанную мачту, — поведал Крот. — Десять дней пробыл в море после крушения своего корабля.

— За десять дней он должен был либо умереть, либо рехнуться от питья соленой воды. — Морская вода священна; Эйерон Мокроголовый и другие жрецы пользуются ею для благословений и сами то и дело пьют по глотку, чтобы подкрепить свою веру, но просто так ее пить нельзя. — Так ты, говоришь, колдун?

— Нет, капитан, — ответил на общем языке пленный — гулко, будто со дна морского. — Я смиренный раб Рглора, Владыки Света.

Рглор… Стало быть, он красный жрец. Викта-

рион видел священные костры в чужих городах, но те жрецы одевались в красные ризы из шелка, тонкой шерсти и бархата, а на этом отрепья какие-то. Хотя, если приглядеться, когда-то они и впрямь были красными.

— Розовый жрец, — промолвил Виктарион.

— Служитель демона, — плюнул Вульф Одноухий.

— Может, на нем балахон загорелся, — он и прыгнул за борт, чтоб его погасить, — предположил Лонгвотер Пайк.

Все заржали. Обезьяны наверху тоже подняли шум, и одна плюхнула на палубу пригоршню собственного дерьма.

Виктарион не любил, когда люди смеялись: ему всегда мерещилось, что смеются над ним. Вороний Глаз в детстве постоянно донимал брата насмешками, и Эйерон, пока не сделался Мокроголовым, тоже. Похвалят, бывало, а потом выходит, что насмеялись. Или, хуже того, вовсе не поймешь, что над тобой подшутили, пока не услышишь смеха, — в таких случаях Виктариона всегда душил гнев. Он и обезьян невзлюбил за это, ни разу не улыбнулся их фокусам, хотя вся команда каталась со смеху.

— Отправь его к Утонувшему Богу, пока беды

какой не навлек, — предложил Бертон Хамбл.

— Корабль затонул, а он один спасся, — подхватил Вульф Одноухий. — Может, он демонов вызвал, и те пожрали всех остальных? Что стряслось-то?

— Шторм. — Мокорро вроде бы не пугало, что все вокруг хотят его смерти. Обезьяны, которым он, похоже, тоже не пришелся по вкусу, с воплями прыгали по снастям.

Виктарион колебался. Жрец пришел из моря — что, если сам Утонувший Бог выбросил его из пучины? У Эурона есть свои колдуны, вот бог и Виктариону решил послать одного.

— Почему ты говоришь, что он чародей? — спросил он Крота. — Я вижу только оборванного жреца.

— Я тоже так подумал, лорд-капитан, но он знает много всего. Знал, что мы идем в залив Работорговцев, хотя ему никто не сказал, знал, что мы найдем тебя у этого острова. И еще — он сказал, что без него ты точно умрешь.

— Умру, значит? — «Перережьте ему глотку и за борт», — чуть было не выговорил капитан, но боль прострелила руку от кисти до локтя, и он ухватился за планшир, чтобы не рухнуть на палубу.

— Колдун напустил порчу на капитана, — заявил кто-то.

— Бей его! Бей, пока демонов не наслал! — заорали все прочие.

Лонгвотер уже вынул кинжал, но тут Виктарион гаркнул:

— А ну назад! Пайк, убери нож. Крот, греби обратно к себе. Хамбл, отведи чародея в мою каюту. Остальные займитесь делом. — Какое-то мгновение он не был уверен, что они подчинятся: люди роптали и переглядывались. Обезьянье дерьмо сыпалось сверху градом, но все стояли как вкопанные. Виктарион сам ухватил жреца за локоть и потащил к люку.

Смуглянка, обернувшись к двери с улыбкой, увидела красного жреца и зашипела будто змея.

— Тихо, женщина, — сказал капитан, врезав ей здоровой рукой. — Подай нам вина. Крот правду сказал? Ты видел мою смерть?

— И не только ее.

— Ну и как я умру? В сражении? Соврешь — башку тебе расколю, как дыню, и скормлю обезьянам твои мозги.

— Твоя смерть сидит с нами, милорд. Дай-ка мне свою руку.

— Руку? Откуда ты знаешь?

— Я видел тебя в пламени, Виктарион Грейджой. Ты шел грозный, с окровавленным топором, знать ничего не зная о черных щупальцах, что держат тебя за руки, за ноги и за шею. Они-то и управляют тобой.

— Управляют? Лжет твой огонь. Я тебе не кукла, чтоб на нитках меня водить. — Виктарион, сдернув перчатку, сунул больную руку под нос жрецу. — На, любуйся. — Чистое полотно уже пропиталось кровью и гноем. — Мой противник на щите носил розу — я поранил руку шипом.

— Даже мелкая царапина может оказаться смертельной, лорд-капитан, но я могу тебя вылечить. Мне нужен нож — лучше всего серебряный, но и железный сойдет. И жаровня тоже. Тебе будет больно, как никогда в жизни, но руку тебе мы вернем.

Все они одинаковы, эти лекари. Мышь тоже всегда предупреждает о боли.

— Я железный человек, жрец. Боль мне смешна. Ты получишь, что просишь, но в случае неудачи я сам перережу тебе глотку и отдам тебя морю.

— Да будет так, — с поклоном ответил жрец.

До конца дня капитан не поднимался на палубу, и в его каюте слышались раскаты дикого хохота. Лонгвотер Пайк и Вульф Одноухий торкнулись

к нему в дверь — заперто. Потом высокий голос запел что-то на чужом языке — на валирийском, как сказал мейстер, — и все обезьяны с визгом попрыгали в воду.

На закате, когда море почернело и небо залилось кровью, Виктарион вышел — голый до пояса, левая рука по локоть в крови. Подняв черную, будто обгорелую, кисть, он указал дымящимся пальцем на мейстера.

— Перережьте ему глотку и бросьте в море, чтобы ветер сопутствовал нам до самого Миэрина. — Мокорро видел это в своем огне. Видел он также замужество королевы, но что с того? Она не первая, кого Виктарион Грейджой сделал вдовой.

Тирион

Лекарь вошел, бормоча любезности. Потом потянул носом, взглянул на Йеццана зо Каггаца и сказал Сластям:

— Сивая кобыла.

«Эк удивил, — подумал Тирион. — Кто бы мог догадаться? Даже с половиной носа и то понятно». Йеццан, сгорая от жара, мечется в луже собственных нечистот. В дерьме кровь, а подтирать его желтую задницу приходится Йолло с Пенни. Поднять хозяина невозможно, хорошо хоть на бок пока поворачивается.

— Здесь моя наука бессильна, — объявил лекарь. — Жизнь благородного Йеццана в руках богов. Держите его в холоде, иногда это помогает, и побольше воды. — Все сивокобыльные ведрами дуют воду.

— Речной не давать? — спросил Сласти.

— Ни в коем разе, — ответил лекарь и улетучился.

«Нам бы так», — подумал Тирион, раб в золотом ошейнике с колокольчиками, одно из сокровищ Йеццана. Честь, неотличимая от смертного приговора. Йеццан любит, чтобы сокровища были у

него под рукой, они-то за ним и ухаживают.

Бедняга Йеццан на поверку оказался не таким уж плохим хозяином, тут Сласти был прав. Тирион, прислуживая на пирах, скоро узнал, что Йеццан по-настоящему хочет мира: другие больше тянули время, дожидаясь, когда подойдут волантинцы. Были и такие, что призывали штурмовать город немедленно, чтобы Волантис не лишил Юнкай славы и половины добычи. Йеццан противился этому и не соглашался вернуть заложников в город с помощью требушетов, как предлагал наемник Красная Борода.

Как много может измениться за каких-то два дня. Два дня назад Нянюшка был здоровехонек, призрачные копыта сивой кобылы не тревожили слух Йеццана и волантинский флот еще не вошел в залив.

— Он умрет, да? — спросила Пенни в своей обычной манере: скажи-что-это-не-так.

— Все мы умрем.

— Я про сейчас спрашиваю. Про эту заразу.

— Нельзя ему умирать. — Гермафродит нежно откинул пропотевшие волосы с хозяйского лба, и Йеццан со стоном исторг из себя новую струю бурой жидкости. Надо бы постель сменить, но как его сдвинешь?

— Некоторые господа перед смертью освобождают своих рабов, — заметила Пенни.

Сласти хихикнул — омерзительный звук.

— Только самых любимых. Их освобождают от скорбей этого мира, чтобы они служили господину за гробом.

Ему можно верить — он первым последует за хозяином в мир иной.

— Серебряная королева… — подал голос мальчик-козел.

— Забудь, — бросил Сласти. — Дракон унес ее за реку, в дотракийское море — там она и утопла.

— В траве утонуть нельзя, — сказал мальчик.

— Будь мы свободны, мы нашли бы ее, — заверила Пенни. — По крайней мере отправились бы на поиски.

Она на собаке, Тирион на свинье. Он почесал шрам, сдерживая смех, и сказал:

— Известно, что этот дракон любит жареную свинину, а жареный карлик вдвое вкусней.

— Да это я так… Почему бы нам, например, не уплыть отсюда? Война закончилась, и корабли снова будут приходить в порт.

Закончилась ли? Пергаменты, конечно, подписаны, но войны ведутся не на пергаментах.

— Можно поехать в Кварт, — продолжала Пен-

ни. — Брат говорил, что улицы там вымощены нефритом, а городские стены считаются одним из чудес света. Там золото и серебро польются на нас дождем, вот увидишь.

— В неприятельском флоте есть и квартийские корабли, — напомнил ей Тирион, — а об их стенах я читал в труде Ломаса Странника. Ехать еще дальше на восток не входит в мои намерения.

— Если Йеццана не станет, мы все умрем вместе с ним, — сказал Сласти, промокая влажной тряпицей лицо хозяина. — Сивая кобыла не каждого всадника уносит в могилу; он может поправиться.

Утешительная ложь. Будет чудом, если Йеццан протянет хотя бы день. Он и так уже умирал от какой-то мерзости, подхваченной им в Соторосе, — кобыла лишь ускорит его конец. Ему это только во благо, но для себя Тирион такого милосердия не желал.

— Мы принесем воды из колодца, как лекарь велел.

— Вот спасибо вам. — Сласти печалился не только из-за собственной скорой смерти: похоже, он один из всех сокровищ Йеццана искренне любил толстяка.

— Пойдем, Пенни. — Тирион откинул полот-

нище. Снаружи, несмотря на жару, было куда приятнее, чем в смрадном, наполненном миазмами павильоне.

— Вода поможет ему, — приободрилась девушка. — Чистая ключевая вода.

— Нянюшку вода не спасла. — Прошлым вечером солдаты Йеццана кинули надсмотрщика в полную трупов телегу. Когда люди мрут ежечасно, никто не рвется выхаживать еще одного заболевшего, особенно если тот пользуется заслуженной нелюбовью, как Нянюшка. Другие рабы бросили его, когда начались судороги, — один Тирион растирал его и поил. Давал ему разбавленное вино, лимонную воду, бульон из собачьих хвостов. «Пей, Нянюшка, надо же чем-то заменить то, что вытекает из твоего зада». Последним словом Нянюшки было «нет», а последним, что он услышал: «Ланнистеры всегда платят свои долги».

От Пенни Тирион это скрыл, но должен был сказать ей правду о том, как обстоят дела с их хозяином.

— Я очень удивлюсь, если Йеццан доживет до восхода солнца.

— Что же с нами будет? — схватила его за руку Пенни.

— Ему наследуют племянники. — Они сопровождают Йеццана в походе; поначалу их было четверо, но одного убили во время вылазки наемники Таргариен. Дядюшкины рабы наверняка перейдут к трем оставшимся, но разделяют ли племянники пристрастие Йеццана к уродам, калекам и прочим живым диковинам? — Кто-то из них возьмет нас себе или снова выставит на продажу.

— Нет! — округлила глаза Пенни. — Только не это!

— Мне тоже не сильно хочется.

Рядом, сидя на корточках, играли в кости и пили вино из меха шестеро Йеццановых солдат, все рабы. Сержант звался Шрамом; башка у этой скотины гладкая как колено, плечищи как у быка и ума столько же.

— Шрам! — гаркнул Тирион. — Господину нужна ключевая вода. Бери двух человек, ведра в руки и начинайте таскать.

Шрам, сведя брови, медленно встал.

— Что ты сказал, карлик? Кем ты себя возомнил?

— Ты прекрасно знаешь, кто я такой: Йолло, сокровище нашего господина. Делай, что тебе велено.

Солдаты заржали.

— Шевелись, Шрам! — крикнул кто-то. — Господская обезьянка приказывает.

— Ты не можешь приказывать солдатам, — заявил Шрам.

— Солдатам? — разыграл удивление Тирион. — Я здесь вижу только рабов. На тебе ошейник, как и на мне.

Шрам замахнулся, Тирион полетел вверх тормашками.

— Мне его Йеццан надевал, а не ты.

Карлик вытер кровь с разбитой губы. Пенни помогла ему встать.

— Господину правда нужна вода, — заныл он. — Так Сласти сказал.

— Пусть Сласти имеет сам себя, благо он так устроен. Никакие уроды нами распоряжаться не будут.

Ничего не выйдет… У рабов своя иерархия, а гермафродита все ненавидят за то, что он так долго был хозяйским любимчиком. Что же делать? Нянюшка умер, Йеццан слова выговорить не может, а племяннички, заслышав копыта сивой кобылы, мигом вспомнили о каких-то неотложных делах.

— Вода, — повторил Тирион. — Лекарь сказал,

из реки нельзя, только колодезную.

— Вот вы двое и валите за ней, — пробурчал Шрам.

— Мы? Нам это не под силу. Можно тележку взять?

— Пешком топайте.

— Нам же придется раз десять сходить туда и обратно.

— Хоть сто, мне-то что.

— Все равно мы столько не натаскаем.

— Возьми своего медведя, — посоветовал Шрам. — Он только на то и годен — ведра таскать.

— Да. Хорошо, хозяин.

Это Шраму понравилось.

— Тащи ключи, Морго, — велел он, — а ты, карлик, слушай меня: наберете ведра и сразу назад. Сам знаешь, что бывает за попытку бежать.

— Бери ведра, — сказал Тирион Пенни, а сам вместе с Морго пошел выпускать из клетки сира Джораха Мормонта.

Рыцарь к рабству привыкать не желал и роль медведя, уносящего прекрасную деву, исполнял с большой неохотой, если вообще до этого снисходил. Он не пытался бежать и не оказывал сопротивления стражникам, но на приказы

отвечал проклятиями и не слушался их. Нянюшка, недовольный этим, посадил его в железную клетку и приказывал бить каждый вечер, когда солнце опускалось в залив. Мормонт выносил палки молча и лишь ругался сквозь зубы.

«Вот упрямый дурень, — думал Тирион, глядя на это. — Надо было уступить его Зарине — может, такая участь его бы больше устроила».

Из клетки Мормонт вылез с запекшейся от крови спиной, его лицо мало походило на человеческое. Нагое тело прикрывал лишь грязный желтый лоскут на бедрах.

— Поможешь им натаскать воды, — велел Морго.

Мормонт только глядел исподлобья: некоторым людям легче умереть свободными, чем жить в рабстве. Сам Тирион ничем таким не страдал, но если рыцарь убьет Морго, ему тоже не поздоровится.

— Пошли, — сказал он и зашагал прочь, надеясь пресечь этим дурацкие замыслы Мормонта.

Боги в кои-то веки сжалились: Мормонт пошел за ним.

Пенни взяла два ведра, Тирион тоже два, сир Джорах четыре, по два на каждую руку. Ближайший колодец был вырыт у Ведьмы, к нему они

и направились. Колокольчики на ошейниках позвякивали, не привлекая, однако, внимания: рабы и рабы. Ошейник имеет свои преимущества, особенно позолоченный, с надписью «Йеццан зо Каггац». С колокольчиками — значит, ценный товар, а чудовищно толстый, воняющий мочой Йеццан богаче всех в Желтом Городе и привел на войну целых шестьсот солдат. Рабы с его именем на ошейниках могут ходить где угодно в пределах лагеря… пока Йеццан жив.

Солдаты Звонких Лордов на пустыре маршировали, звеня оковами и делая выпады длинными копьями. Другие рабы строили откосы из песка, укрепляли их камнем и вкатывали на них баллисты и скорпионы: нацеливали машины в небо, чтобы черного дракона обстреливать. Тирион ухмылялся, глядя, как они пыхтят и ругаются. Каждый второй солдат имел при себе арбалет и колчан с болтами на бедре.

Попусту суетятся. Королевской зверюшке это все нипочем. Разве что железная стрела из скорпиона в глаз попадет, а так он лишь разъярится.

Глаза у дракона самое слабое место. Глаза и мозг. Не брюхо, как в сказках сказывается: там чешуя такая же прочная, как на спине и боках. И не глотка: с тем же успехом можно пытаться

гасить огонь, меча в него копья. «Смерть исходит из пасти дракона, но не может войти в нее», — пишет септон Барт в своей «Противоестественной истории».

Чуть дальше два легиона из Нового Гиса бились со щитами, стенка на стенку; их сержанты в железных полушлемах с конскими плюмажами выкрикивали команды на понятном только им диалекте. На первый взгляд гискарцы казались более грозными, чем юнкайские солдаты-рабы, но Тирион сомневался. Легионеры вооружены и вымуштрованы на манер Безупречных, однако евнухи отдают военному ремеслу всю свою жизнь, а гискарцы — свободные граждане и служат всего по три года.

Очередь к колодцу растянулась на добрую четверть мили. Под Миэрином, на расстоянии дня пути, их совсем мало, потому и ждать приходится долго. Почти все войско пьет из Скахазадхана, чего Тирион и до наказа лекаря не мог похвалить. Кто поумнее, берет воду не ниже отхожих канав, только вот городские стоки все равно выше.

То, что колодцы с хорошей водой за городом все-таки сохранились, доказывает неопытность Дейенерис Таргариен по части осад. Надо было отравить их, чтобы из реки пили все юнкайцы

без исключения, — тогда осада ненадолго бы затянулась. Лорд-отец определенно бы так и сделал.

Рабы Йеццана продвигались к колодцу медленно, звеня колокольчиками. От этого перезвона Тириону хотелось выковырять кому-нибудь глаза ложкой. Грифф, Утка и Хелдон Полумейстер должны уже доплыть до Вестероса со своим юным принцем. И он был бы с ними, кабы похоть не одолела. Мало ему было убить отца — нет, подавай еще шлюху и море вина, чтоб уж совсем из дерьма не подняться. В итоге он звенит золотыми колокольчиками на другом краю света. Если хорошенько постараться, можно вызвонить «Рейнов из Кастамере».

Где, однако, услышишь столько свежих сплетен и новостей, как не у колодца?

— Я видел все своими глазами, — говорил старый раб в ржавом ошейнике. — Видел, как дракон отрывал руки-ноги, перекусывал людей пополам и сжигал их дотла. Народ бежать кинулся, но я, клянусь всеми богами Гиса, насладился зрелищем до конца. На пурпурном ряду сидел, дракону туда не достать было.

— Королева села на дракона и улетела, — настаивала темнокожая женщина.

— Улетела, только недалеко. Когда по дракону

стреляли из арбалетов, ей попали прямо между грудей. Она свалилась в уличную канаву, и повозка ее раздавила. Одна моя знакомая девушка знает человека, который сам это видел.

В этом обществе умнее было бы помолчать, но Тирион не сдержался.

— Тела-то не нашли.

— А ты почем знаешь? — нахмурился старый раб.

— Так они ж там были, — сказала женщина. — Не помнишь, что ли, турнир двух карликов?

Старик прищурился, точно видел их в первый раз.

— А, ну да. Которые на свиньях скакали.

Вот она, слава. Тирион отвесил изысканный поклон и не стал говорить, что одна из свиней вообще-то собака.

— Та, на которой я езжу, моя сестра. Видишь, у нас носы одинаковые? На нее наложили чары. Поцелуешь ее — станет женщиной, но тебе быстро захочется превратить ее обратно в свинью.

Старик посмеялся вместе со всеми.

— Стало быть, ты видел ее, королеву, — сказал рыжий парнишка. — Она вправду такая красавица?

Тирион видел тоненькую девчушку с серебри-

стыми волосами, в токаре, под покрывалом. Как следует не разглядел — свиньей управлять надо было. Королева сидела в ложе со своим королем, но Тирион смотрел больше на рыцаря в белом плаще, что стоял позади нее: Барристана Селми он бы узнал где угодно, Иллирио не ошибался на этот счет. А вот узнал ли Селми его? И что, если да?

Тирион чуть было не открылся тогда, но что-то — осторожность, трусость или чутье — ему помешало. Со стороны Барристана Смелого он мог ждать только вражды: тот никогда не одобрял присутствия Джейме в своей Королевской Гвардии. До мятежа он считал, что Джейме слишком молод и зелен, после будто бы говорил, что Цареубийце надо сменить белый плащ на черный. А Тирион виновен куда больше, чем его брат. Джейме убил безумца, Тирион пустил стрелу в пах собственному родителю. Он, вероятно, все равно бы рискнул, но тут Пенни засадила копьем ему в щит, и он упустил свой случай.

— Королева смотрела, как мы представляем, — сказала Пенни, — но потом мы ее больше не видели.

— А дракона-то? — удивился старик.

Дракона тоже. Боги даже его Тириону не по-

казали. Когда Дейенерис Таргариен улетала, Нянюшка заковывал карликов, чтобы не сбежали на обратном пути. Нет бы ему улепетнуть вместе с другими зрителями — тогда Тирион и Пенни тоже умчались бы, звеня колокольцами.

— Там что, был дракон? — Карлик пожал плечами. — Я знаю только, что мертвых королев на улице не находили.

— Да мертвецов сотнями подбирали, — не сдавался старик. — Тащили их в яму и жгли, хотя половина и так поджарилась. Может, ее не узнали, раздавленную-то и в крови. Или узнали, а вам, рабам, не сказали.

— «Вам, рабам»? — повторила женщина. — На тебе на самом ошейник.

— Газдоров, — похвалился старик. — Мы с ним отродясь вместе, все равно что братья. Вы, астапорские да юнкайские, только и ноете о свободе, а я бы свой ошейник не отдал, хоть предложи драконья королева мне пососать.

Тирион с ним не спорил. Хуже всего в рабстве то, что к нему привыкаешь, и жизнь большинства рабов не слишком отличается от жизни слуг в Бобровом Утесе. Попадаются, конечно, особо жестокие хозяева и надсмотрщики, но о вестеросских лордах, стюардах и бейлифах можно сказать

то же самое. Юнкайцы, если рабы выполняют свою работу и не бунтуют, обращаются со своей собственностью довольно прилично. Этот старик в ржавом ошейнике, гордящийся тем, что принадлежит Вислощекому, — скорее правило, чем исключение.

— Газдор Великое Сердце? Наш хозяин Йеццан очень высокого мнения о его уме. — Йеццан, если по правде, говорил, что в его левой ягодице ума больше, чем у Газдора с братьями.

Миновал полдень, когда их очередь наконец подошла.

— За водой для Йеццана всегда приезжает Нянюшка, — с подозрением заметил одноногий колодезный раб. — С четырьмя людьми, на тележке. — Ведро плюхнулось в колодец, и облупленные, тощие, сильные руки потащили его наверх.

— Мул издох, Нянюшка тоже, — сказал Тирион. — Теперь сивую кобылу оседлал сам Йеццан, а шестеро его солдат дрищут. Наливай давай до краев.

— Ладно. — Выдумка про солдат заставила одноногого шевелиться проворнее.

Назад Тирион и Пенни тащили по два ведра, сир Джорах четыре. День накалялся, воздух да-

вил, как мокрая шерсть, вёдра с каждым шагом делались тяжелее. Вода плескала на ноги, колокольчики вызванивали марш. Знай Тирион, что так будет, не стал бы жать на спуск того арбалета. В полумиле к востоку поднимался дым от палатки, куда сложили всех умерших прошлой ночью.

— Нам сюда. — Тирион дернул головой вправо.

— Но мы пришли с другой стороны, — удивилась Пенни.

— Неохота дымом дышать — он полон вредных миазмов. — Это, строго говоря, не было ложью.

— Мне отдохнуть надо, — сказала девушка.

— Ладно. — Тирион поставил вёдра и сел на камень, чтобы растереть ноги.

— Давай я, — предложила Пенни.

— Не надо, я лучше знаю, где помассировать. — Он привязался к ней, но все еще чувствовал неловкость, когда она его трогала. — После таких побоев ты, Мормонт, скоро станешь уродливее меня. Скажи, из тебя не весь дух еще вышибли?

— Хватит, чтоб шею тебе свернуть, — заверил рыцарь, уставив на него два заплывших глаза.

— Тогда пошли, — сказал Тирион, поднимая вёдра.

— Да нет, нам налево, — заспорила Пенни. — Вон она, Ведьма.

— А это Злая Сестра. Так короче, поверь мне.

Иногда он завидовал ей. Мечтательная Пенни напоминала ему Сансу Старк, его юную утраченную жену. Как она умудрилась остаться такой доверчивой, несмотря на все пережитые ужасы? Она старше Сансы и притом карлица, а мечты у нее как у красавицы знатного рода. По ночам она молится — пустое занятие: боги, если они есть, любят мучить людей для забавы. Не по их ли воле в мире царят рабство, кровь и страдания? Не они ли создали их с Пенни карликами? «Никто нас не спасет, — хотелось порой заорать Тириону, — и худшее еще впереди!» Но он почему-то молчал. Вместо того чтобы дать девчонке хорошую оплеуху и сбить шоры у нее с глаз, он обнимал ее и трепал по плечу. Он ей платит фальшивой монетой, а она, дурочка, небось считает себя богачкой.

Он умолчал даже о том, что ожидало их на Арене Дазнака.

На них хотели выпустить львов — вот была бы ирония. Может, он еще и посмеялся бы до того, как его растерзали.

Ему тоже никто об этом не говорил, он сам догадался. Это было нетрудно в темном кирпичном мирке под сиденьями Арены Дазнака, где

обитают бойцы и все те, кто им служит: повара, оружейники, цирюльники, умеющие пустить кровь и перевязать рану, шлюхи, дарящие утехи до и после боев, могильщики, крючьями утаскивающие с песка проигравших.

Чего стоило одно лицо Нянюшки, когда Тирион и Пенни после выступления вернулись в освещенный факелами подвал. Одни бойцы точили оружие, другие приносили жертвы своим богам или глушили себя маковым молоком, третьи, успевшие сразиться и победить, метали кости в углу, смехом изживая недавнюю встречу со смертью.

Нянюшка, выплачивавший проигранный заклад одному из служителей, увидел Пенни с Хрумом и растерялся. Это длилось лишь долю мгновения, но Тирион все понял. Надсмотрщик не ждал, что они вернутся, — и никто в подвале явно тоже не ждал. Все стало окончательно ясно, когда дрессировщик пожаловался распорядителю: «Львы голодные, два дня как не ели. Велели не кормить, я и не кормил. Кто за мясо будет платить, королева?»

«Подай ей прошение, глядишь и заплатит», — ответил распорядитель.

А Пенни и невдомек — ее заботило только,

что публика мало смеялась. «Жаль, что львов не выпустили, тогда они обмочились бы со смеху», — чуть не сказал Тирион. И потрепал ее по плечу.

— Мы идем не туда, — сказала она, внезапно остановившись.

— Верно. — Тирион поставил вёдра — дужки нестерпимо намяли ему ладони. — Нам надо вон к тем палаткам.

— К Младшим Сыновьям? — Улыбка прорезала распухшее лицо сира Джораха. — Плохо ты знаешь Бурого Бена Пламма, если надеешься там помощь найти.

— Мы с ним играли в кайвассу целых пять раз. Бурый Бен проницателен, настойчив, неглуп и весьма осторожен. Предоставляет противнику рисковать, а сам выжидает и принимает решения в зависимости от хода битвы.

— Какой еще битвы? — всполошилась Пенни. — Пойдемте назад, отнесем хозяину воду. Задержимся — высекут, и Хрум с Милкой остались там.

— Сласти присмотрит за ними, — солгал Тирион. Больше похоже на то, что Шрам и его дружки скоро полакомятся свининой и собачьей похлебкой, но Пенни этого знать не нужно. — Нянюшки

нет, Йеццан при смерти — нас хватятся разве что вечером, и лучшего случая нам не представится.

— Нет. Ты же знаешь, что с беглыми делают. Прошу тебя. Из лагеря нас все равно не выпустят.

— А мы и не станем из него выходить. — Тирион взял вёдра и заковылял прочь, не оглядываясь. Мормонт не отставал, а вскоре следом заспешила и Пенни. Втроем они спустились по песчаному склону к потрепанным, поставленным в круг палаткам.

Часовой, тирошиец с багровой бородой, остановил их у лошадиных загонов.

— Кто такие и что несете?

— Воду, — сказал Тирион.

— Лучше бы пиво.

— Заблудился, карлик? — В спину Тириона уперлось копье второго караульного. Этот, насколько слышно, из Королевской Гавани, с Блошиного Конца.

— Хотим вступить в ваши ряды.

Пенни уронила ведро, расплескав половину.

— Тут и без вас дураков хватает. — Тирошиец поддел ошейник Тириона копьем, колокольчик откликнулся нежным звоном. — Никак, беглые? Чьи ошейники-то?

— Желтого Кита, — сказал третий, пришедший

на голоса, — тощий, заросший, с красными от кислолиста зубами. Сержант, не иначе. Вместо правой руки крючок. Если это не близнец Бронна, то Тирион — второе воплощение Бейелора Благословенного. — Этих самых карликов хотел купить Бен, — сказал однорукий, — а здоровый… Ладно, его тоже ведите.

Тирошиец махнул копьем, посылая Тириона вперед. Второй, совсем мальчишка, с пушком на щеках и волосами цвета грязной соломы, взял Пенни под мышку.

— У моего сиськи есть, — сообщил он со смехом и запустил ей руку за пазуху, чтобы удостовериться.

— Знай неси! — рявкнул сержант.

Мальчишка перекинул Пенни через плечо, а Тирион со всей быстротой, доступной его ногам, устремился к большому шатру на другой стороне кострища. Расписные стенки сильно выгорели за долгие годы службы. Наемники оглядывались на них, лагерная девка хихикнула.

Войдя, Тирион увидел табуреты, стол на козлах, стойку с копьями и алебардами, потертые ковры на полу и трех капитанов. Один — стройный, изящный, в розовом с прорезями дублете, острая бородка и клинок как у брави. Другой — толстый,

лысеющий, с пальцами в чернилах и пером в правой руке. Третьего Тирион как раз и искал.

— Капитан, — сказал карлик с поклоном.

— Вот, хотели пробраться в лагерь, — доложил солдат, скинув на ковер Пенни.

— Беглые с ведрами, — присовокупил тирошиец.

— С ведрами? — повторил Бурый Бен Пламм. — Ладно, ребята, возвращайтесь на пост и чтоб никому ни слова. — Солдаты вышли, и он с улыбкой спросил: — Хочешь еще разок в кайвассу сыграть, да, Йолло?

— Если вы согласитесь. Приятно у вас выигрывать. Вы, как я слышал, дважды меняли хозяев — такие люди мне по сердцу.

Бурый Бен, улыбаясь одними губами, смотрел на карлика, как на говорящего змея.

— Говори, зачем пришел.

— Чтобы исполнить ваши мечты. Сначала вы хотели нас купить, потом выиграть в кайвассу. Ко мне и с целым носом никто не пылал такой страстью — для этого нужно знать, сколько я стою на самом деле. Ну вот, теперь я весь ваш. Велите только своему кузнецу снять с нас ошейники. Тошнит уже от этого звона.

— Я не хочу ссоры с твоим хозяином.

— Йеццан сейчас занят делом поважнее трех пропавших рабов: он скачет на сивой кобыле, и в вольном отряде пропажу вряд ли станут искать. Риск невелик, а выгода ощутима.

— Они принесли заразу прямо сюда, в твой шатер! — ужаснулся офицер в розовом. — Отрубить ему голову, капитан? Двух других можно в отхожую яму бросить. — Он извлек из ножен тонкий клинок брави с украшенным драгоценностями эфесом.

— Осторожней, — сказал Тирион. — Попадет на вас моя кровь — считайте, что заразились. А одежду нашу придется сжечь.

— Мне очень хочется сжечь ее с тобой вместе, Йолло.

— Меня не так зовут, сами знаете. Вы узнали меня, как только увидели.

— Может, и так.

— И я вас знаю, милорд. Вы несколько бурее, чем Пламмы у нас на родине, но по крови все равно вестеросец — если, конечно, это ваше настоящее имя. Дом Пламмов присягнул Бобровому Утесу, и я немного знаю его историю. Ваша ветвь, несомненно, отпочковалась от каменного плевка через Узкое море, а вы, бьюсь об заклад, младший сын Визериса Пламма. Королевские драконы

любили вас, верно?

— Кто тебе это сказал? — Улыбка наемника сделалась еще шире.

— Да никто. Почти все россказни про драконов годятся только для дураков. Говорящие драконы, драконы, стерегущие клады, драконы величиной со слонов, драконы, загадывающие загадки подобно сфинксам… Все это чушь, но в старых книгах можно найти и правду. Я знаю, что королевские драконы вас полюбили, и знаю причину этой привязанности.

— Мать говорила, что отец носил в себе каплю драконьей крови.

— Целых две, и член у него был шестифутовый — слышали эту басню? Итак, вы, будучи умным Пламмом, знаете, что моя голова стоит лордства… но в Вестеросе, на другом краю света. Пока довезете, останется только кишащий червями череп. Моя дражайшая сестрица заявит, что голова не моя, и плакала ваша награда. Сами знаете, какие они хитрые, королевы, а Серсея еще и большая гадина.

— Остается доставить тебя живым, — поскреб бороду Пламм. — Или замариновать твою башку в уксусе.

— Самое умное — это держать мою сторону.

Я у отца младший сын, к вам меня сама судьба привела.

— Младшим Сыновьям нужны не скоморохи, а воины, — презрительно бросил брави.

— Вот вам один. — Тирион показал большим пальцем на Мормонта.

— Этот? — фыркнул брави. — Здоров, спору нет, но рубцы не всякого скота делают воином.

Тирион возвел свои разные глаза к потолку.

— Не представите ли мне ваших друзей, лорд Пламм? Этот, в розовом, меня раздражает.

Брави оскалился, человек с пером хмыкнул.

— Чернилка их казначей, — сказал вместо Пламма Мормонт, — а павлин величает себя Каспорио Коварным, хотя Каспорио-Козел больше бы подошло.

Узнать Мормонта было, конечно, трудно, но голос его остался прежним. Каспорио опешил, Бен Пламм прищурился.

— Никак, Джорах Мормонт? Я смотрю, гордости у тебя поубавилось. Можем ли мы называть тебя сиром, как раньше?

Мормонт сложил раздутые губы в ухмылку.

— Дай мне меч, Бен, а там называй как хочешь.

Каспорио слегка попятился.

— Она же тебя прогнала!

— Я вернулся. Что возьмешь с дурака.

«Особенно с влюбленного». Тирион кашлянул.

— Старые времена после вспомните. Сначала я объясню вам, почему моя голова, когда она на плечах, ценнее отрубленной. С друзьями я щедр, лорд Пламм. Спросите Бронна, и Шаггу, сына Дольфа, и Тиметта, сына Тиметта.

— Кто такие? — спросил Чернилка.

— Добрые люди, присягнувшие мне и щедро за это вознагражденные… Хотя насчет добрых я, положим, приврал. Это ублюдки-головорезы наподобие вас.

— А ты их, часом, не выдумал? — спросил Бурый Бен. — Шагга — женское имя.

— Сиськи у него будь здоров, это да. Как увижу его снова, посмотрю у него в штанах. Что это там, кайвасса? Давайте сыграем, но сначала я бы выпил вина. В глотке саднит, а говорить мне придется долго.

Джон

Ночью ему снились одичалые, выходящие из леса под вой боевых рогов и гром барабанов. БУМ, БУМ, БУМ — словно тысяча сердец бьется в лад. Кто с копьями, кто с луками, кто с топорами. Большие, как пони, собаки везли костяные санки. Великанам служили палицами вырванные с корнем дубы.

«Ни шагу назад! — кричал Джон, стоя на Стене один-одинешенек. — Дадим им отпор. Огня! Жги их!»

Никто не откликался. Все его бросили.

Горящие стрелы взлетали, поджигая плащи одетых в черное пугал. «Сноу», — заклекотал орел. Одичалые лезли по льду ловко, как пауки. Джон в доспехах из черного льда сжимал в руке раскаленный докрасна меч и скидывал оживших мертвецов со Стены. Он убил старика, мальчишку, великана, страшилу с подпиленными зубами, девушку с рыжей гривой. «Да это же Игритт!» — спохватился он, когда она уже падала.

Мир растворился в красном тумане. Джон колол, рубил, резал. Уложил Донала Нойе, вспорол живот Глухому Дику Фолларду. Куорен Полуру-

кий упал на колени, зажимая рану на шее. «Я лорд Винтерфелла!» — выкрикнул Джон. Перед ним вырос Робб с мокрыми от снега волосами, и Джон снес ему голову Длинным Когтем. Чьи-то узловатые пальцы схватили его за плечо. Джон обернулся назад — и проснулся.

Ворон клевал ему грудь. Когда Джон согнал его, тот с недовольным криком «Сноу» перелетел на столбик кровати и злобно уставился вниз.

Светает уже. Час волка. Скоро встанет солнце, и четыре тысячи одичалых пройдут за Стену. Безумие. Джон запустил обожженную руку в волосы, в который раз спрашивая себя, что он такое затеял. Когда откроют ворота, ничего уже не поправишь. С Тормундом должен был договариваться кто-нибудь умудренный опытом. Старый Медведь, Джереми Риккер, Куорен Полурукий, Деннис Маллистер. Или, к примеру, дядя… Но теперь уж поздно жалеть. У каждого выбора есть свой риск и свои последствия. Он доиграет эту игру до конца.

— Зерно, — бормотал ворон, пока Джон одевался впотьмах. — Король. Сноу, Джон Сноу. — Странно: на памяти Джона эта птица ни разу не называла его полным именем.

Завтракал он в трапезной со своими офице-

рами. Поджаренный хлеб, яичница, кровяная колбаса, ячневая каша, светлое водянистое пиво.

— Все готово, — доложил Боуэн Мурш. — Если одичалые не нарушат условий, мы будем действовать согласно приказу.

«А если нарушат, будет резня».

— Не забывайте, что люди Тормунда изголодались, замерзли и сильно напуганы, — сказал Джон. — Некоторые из них ненавидят нас не меньше, чем некоторые из нас — их. Обе стороны ступают по тонкому льду: одна трещина, и провалятся все. Первую кровь, если она будет, ни в коем случае не должны пролить мы — иначе я, клянусь старыми богами и новыми, отрублю виновному голову.

— Так точно, милорд… будет исполнено… как прикажете, — слышалось в ответ. Офицеры один за другим пристегивали мечи, надевали плащи и выходили на холод.

Последним из-за стола встал Скорбный Эдд Толлетт: ночью он приехал с шестью повозками из Бочонка, известного ныне как Шлюшник. Повозки предназначались для новых копьеносиц, которых Эдд должен был отвезти в крепость к их сестрам.

Джон, на удивление довольный тем, что вновь

видит эту кислую образину, смотрел, как Эдд подбирает хлебом желток.

— Ну, как там у вас дела?

— Лет через десять отстроимся, — отвечал Эдд. — Когда мы приехали, там было полным-полно крыс. Копьеносицы перебили их, теперь там полным-полно копьеносиц. Иногда я скучаю по крысам.

— А как тебе нравится служить под Железным Эмметом?

— Под ним больше Черная Марис служит, милорд, а я мулами занимаюсь. Крапива говорит, они мне родня. Морды у них такие же длинные, это верно, но по части упрямства они ушли далеко вперед, и с их матерями я незнаком. Люблю яишенку, — вздохнул, доев, Толлетт. — Не скармливайте одичалым всех наших кур, ладно, милорд?

Они вышли во двор. На рассветном небе не было ни облачка.

— Хороший будет денек, — сказал Джон. — Теплый, солнечный.

— Чтобы Стена в преддверии зимы плакала? — не согласился с ним Эдд. — По мне, это дурной знак, милорд.

— А если бы снег шел? — улыбнулся Джон.

— Еще того хуже.

— Какая же погода, по-твоему, добрый знак?

— А вот как внутри, в трапезной. Пойду-ка я к своим мулам — они скучают, когда меня долго нет. Не в пример копьеносицам.

С этими словами Эдд пошел к восточной дороге, где стоял его поезд, а Джон — к конюшням. Атлас уже оседлал ему серого скакуна с черной, как мейстерские чернила, гривой. В разведку бы Джон на таком не поехал, но для торжественного выезда конь подходил в самый раз.

Ждала и охрана. Обычно Джон не любил, чтобы его сопровождали, но решил, что в это утро осторожность не повредит. Восьмерка выглядела очень внушительно — в кольчугах, полушлемах, черных плащах. В руках длинные копья, на поясах мечи и кинжалы. Ни одного старика и мальчишки, только зрелые мужи: Тай, Малли, Лью-Левша, Фульк-Блоха, Большой Лиддль, Рори, Гаррет Зеленое Копье. И Кожаный, новый мастер над оружием, доказывающий, что даже сторонник Манса может занять почетное место в Ночном Дозоре.

Когда все построились у ворот, небо на востоке зарделось. Звезды гаснут — выйдя вновь, они увидят, что мир коренным образом изменился. У

тлеющих углей ночного костра стояли несколько людей королевы, в окне Королевской башни мелькнуло красное, королева Селиса не появилась.

«Пора».

— Открыть ворота, — тихо сказал Джон Сноу.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — взревел громовым голосом Большой Лиддль.

Часовые на высоте семисот футов подняли боевые рога, и звук, отражаясь от Стены, полетел через горы и долы. *Аоооооооооооооооо*. Один долгий сигнал. Больше тысячи лет он оповещал о возвращении разведчиков, сегодня означает нечто другое. Сегодня вольный народ входит в свой новый дом.

На обоих концах туннеля отодвигали железные засовы и открывали створки. Заря окрасила лед в пурпурные, розовые, золотые тона. Скорбный Эдд прав: Стена скоро заплачет. «Боги, сделайте так, чтобы слезы проливала только она».

Атлас ступил под ледяные своды, светя фонарем. За ним шел Джон с конем в поводу, следом его охрана, следом — Боуэн Мурш с двадцатью стюардами, каждому из которых дали свое задание. Стену держал Ульмер из Королевского леса с полусотней лучших стрелков Черного Замка,

готовый ответить градом стрел на любую заваруху внизу.

Тормунд Великанья Смерть восседал на низкорослом коньке, маловатом для столь крупного всадника. При нем были два оставшихся сына, Торегг и юный Дрин, а также шестьдесят воинов.

— Хар-р! — крикнул он. — Телохранители? Так-то ты мне доверяешь, ворона?

— С тобой больше людей, чем со мной.

— И то верно. Поди сюда, парень, и покажись. Мало кому из моих довелось видеть лорда-командующего, а в детстве их стращали вашими разведчиками. Пусть поглядят на тебя и поймут, что Ночного Дозора бояться не надо.

«Это еще как сказать». Джон, сняв перчатку с обожженной руки, свистнул в два пальца. Из ворот выскочил Призрак, конек шарахнулся, Тормунд чуть не свалился с него.

— Не надо, говоришь? Призрак, к ноге.

— Бессердечный ты ублюдок, Джон Сноу. — Тормунд тоже протрубил в рог, и вольный народ понемногу пошел к воротам.

С рассвета и дотемна наблюдал Джон за этой процессией. Первыми шли заложники, сто мальчиков от восьми до шестнадцати лет.

— Запрошенная тобой цена, Джон Сноу. Наде-

юсь, плач их матерей не будет преследовать тебя по ночам. — Одних мальчишек вели к воротам родители, других — старшие братья и сестры, третьи, особенно подростки, шагали одни, не желая держаться за мамкину юбку.

Два стюарда считали мальчиков и записывали их имена на длинных пергаментных свитках, третий собирал у них ценности и вел свой список. Юные одичалые шли в незнакомое место, на службу ордену, с которым их предки враждовали тысячи лет, но Джон не видел ни слез, ни рыдающих матерей. «Это дети зимы, — сказал он себе. — Слезы, если и появляются, сразу примерзают к щекам». Ни один заложник не попятился и не попытался удрать, входя в темный туннель.

Почти все они тощие, порой истощенные, с руками и ногами как палочки, но разные во все остальном. Одни высокие, другие низенькие. Головы черные, каштановые, белокурые и рыжие, целованные огнем, как у Игритт. Попадаются хромые, рябые и с рубцами на лицах. У старших пробивается пушок на щеках или усики, у одного борода выросла, как у Тормунда. Кто в теплых шубах, кто в вареной коже и разрозненных доспехах, большая часть в шерсти и тюленьих шкурах, меньшая в лохмотьях, один совсем го-

лый. У многих в руках оружие: колья, дубинки с каменным оголовком, ножи из кости, кремня, драконова стекла, шипастые булавы, сети, порой заржавленные мечи. Рогоногие босиком, другие со снегоступами, чтобы не проваливаться в сугробы. Шестеро верхом на конях, двое на мулах, два брата ведут козу. Самый длинный — шести с половиной футов, но с младенческим личиком, самый маленький заявляет, что ему девять, хотя на вид не больше шести.

Тормунд показывал Джону отпрысков именитых людей.

— Вон тот сын Сорена Щитолома, тот, рыжий, — Геррика Королевича. Происходит будто бы от Реймуна Рыжебородого, а на самом деле от его младшего брата. — Про двоих, похожих как близнецы, Тормунд сказал, что они погодки. — Один от Харла Охотника, другой от Харла Красивого, а мать одна. Отцы друг друга терпеть не могут: я бы на твоем месте послал одного в Восточный Дозор, другого в Сумеречную Башню.

Он назвал еще сыновей Хауда Скитальца, Брогга, Девина Тюленебоя, Кайлега Деревянное Ухо, Морны Белой Маски, Великого Моржа…

— Великий Морж? Вот это да.

— У них на Стылом берегу чудацкие имена.

Отцом троих мальчиков, как уверял Тормунд, был Альфин Убийца Ворон, убитый Куореном Полуруким.

— Не похоже, что они братья, — заметил Джон.

— Потому что матери разные. Хрен-то у Альфина был махонький, поменьше твоего, но совал он его куда ни попадя. У него в каждой деревне по сыну. А тот вон, с крысиной мордочкой, отродье Варамира Шестишкурого. Помнишь его, лорд Сноу?

— Помню. Оборотень.

— И злющий мерзавец в придачу. Теперь вроде помер — после битвы его никто не видал.

Двое оказались переодетыми девочками. Джон велел Большому Лиддлю и Рори привести их к нему. Одна послушалась, другая кусалась и лягалась.

— У них тоже отцы именитые? — спросил Джон.

— У этих-то? Вряд ли. Жребий вытянули, небось.

— Так это же девочки.

— Да ну? Эй, ребята, мы тут с лордом Сноу поспорили, у кого из вас стручок больше. Спустите-ка штаны, дайте глянуть.

Одна залилась краской, другая прошипела:

— Отцепись, Тормунд Великаний Зад. Дай пройти.

— Хар-р! Твоя взяла, ворона, стручков у них нет, зато вот у этой фитюльки есть яйца — копьеносицей будет. Раздобудьте им девчачью одежку, — крикнул Тормунд своим, — не то лорд Сноу намочит подштанники.

— Мне нужны двое мальчиков вместо них.

— Зачем это? Заложник остается заложником. Что мальчишке снести голову, что девчонке, разницы нет. Многие отцы дочек тоже любят.

Джона заботили не отцы.

— Манс тебе о храбром Данни Флинте не пел?

— Вроде нет. Кто таков?

— Девушка, которая переоделась мальчиком, чтобы вступить в Дозор. Красивая песня, но грустная, и конец у нее плохой. — В песне говорится, что призрак Данни до сих пор блуждает в Твердыне Ночи. — Эти девочки поедут в Бочонок. — Единственные мужчины там — Железный Эммет и Скорбный Эдд. Джон доверял обоим, чего не мог сказать о большинстве своих братьев.

Тормунд, поняв его, от души плюнул.

— Экие вы гадкие птицы, вороны. Ладно, получишь еще двух мальчишек.

Когда в туннель прошли девяносто девять за-

ложников, Тормунд представил последнего.

— Мой Дрин. Позаботься о нем, ворона, не то я съем твою черную печень.

Убитый Теоном Бран был бы теперь одного возраста с этим мальчиком, но Дрин не столь миловиден, как маленький Старк. Плотный, коротконогий, с широким красным лицом и буйной гривой темных волос — вылитый Тормунд.

— Он будет моим пажом, — пообещал Джон.

— Слыхал, Дрин? Смотри не озорничай. Иногда ему требуется хорошая трепка, только гляди в оба, милорд: он кусается. — Тормунд поднял рог и протрубил в него снова.

На этот раз из леса начали выходить воины — человек пятьсот, а то и вся тысяча. Все при оружии, каждый десятый — конный. На плетеных, обтянутых шкурами щитах за спинами изображены змеи, пауки, отсеченные головы, окровавленные молоты, проломленные черепа, демоны. Кое-кто облачен в помятые, добытые в набегах доспехи, на других костяные латы, как на Гремучей Рубашке, на остальных вареная кожа, и на каждом сверху меха.

По длинным волосам Джон узнавал копьеносиц. При виде них он всегда вспоминал Игритт: ее огненные волосы, ее улыбку, когда она раз-

делась перед ним в гроте, ее голос. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», — твердила она и была, конечно, права.

— Что ж ты женщин не послал первыми? Я имею в виду матерей и девушек, не воительниц.

— Мало ли. Вдруг вы, вороны, решите закрыть ворота — тогда бойцы на той стороне будут кстати. Раз я купил у тебя коня, что ж мне, и в зубы ему не заглядывать? Ты не думай, что мы не доверяем тебе: мы вам доверяем точно так же, как вы нам. Тебе нужны были воины — вот они. Каждый стоит шестерых твоих черных ворон.

— Прекрасно… пока их оружие обращено против нашего общего врага.

— Я тебе слово дал. Слово Тормунда Великаньей Смерти крепче железа.

Отцы взятых в заложники мальчиков смотрели на Джона холодными мертвыми глазами, не отнимая рук от мечей, или улыбались, как вновь обретенному родичу, — он сам не знал, что вызывает в нем большее беспокойство. На колени никто не вставал, но клятву давали многие.

— В чем Тормунд поклялся, клянусь и я, — сказал немногословный черноволосый Брогг.

— Топор Сорена твой, Джон Сноу, — проворчал Щитолом, на дюйм склонив голову.

Рыжебородый Геррик Королевич вел с собой трех до черей.

— Хорошие будут жены, — похвастал он, — и подарят своим мужьям сыновей королевской крови. Мы ведем свой род от Реймуна Рыжебородого, Короля за Стеной.

Игритт говорила Джону, что происхождение у вольного народа мало что значит. У дочерей Геррика волосы тоже рыжие, но длинные и прямые в отличие от ее курчавой копны. Поцелованные огнем.

— Все три принцессы прелестны, — сказал Джон их отцу. — Я позабочусь, чтобы их представили королеве. — К ним Селиса наверняка будет благосклонней, чем к Вель: они моложе, смирного нрава и собой хороши, хотя батюшка у них, похоже, дурак.

Хауд Скиталец поклялся на мече — столь щербатой и обшарпанной железяки Джону еще не встречалось. Девин Тюленебой поднес ему шапку из шкуры тюленя, Харл Охотник — ожерелье из медвежьих когтей. Ведьма-воительница Морна, сняв маску из чардрева, поцеловала перчатку Джона и поклялась быть его человеком или его женщиной, как он пожелает. И так далее, и так далее.

Каждый воин бросал свои ценности в одну из тачек, поставленных стюардами у ворот. Янтарные подвески, золотые шейные обручи, кинжалы с дорогими каменьями, серебряные брошки, браслеты, кольца, чаши из сплава золота с серебром, боевые рога и рога для питья, нефритовый гребень, бусы из речного жемчуга — Боуэн Мурш всему вел учет. Один отдавал кольчужную рубаху из серебряной чешуи, сделанную не иначе как для знатного лорда, другой — сломанный меч с тремя сапфирами на эфесе.

Встречались вещи и подиковиннее: игрушечный мамонт из шерсти настоящего мамонта, костяной фаллос, шлем из черепа единорога. Джон понятия не имел, сколько в Вольных Городах за них могут дать.

За воинами двинулись жители Стылого берега. Их костяные тележки дребезжали не хуже Гремучей Рубашки, санки на полозьях катились бесшумно. Псы, которые их везли, не уступали величиной лютоволку. Женщины кутались в тюленьи шубы, дети поглядывали на Джона черными что твой кремень глазенками. Одни мужчины носили на шапках оленьи рога, другие моржовые бивни — Джон быстро смекнул, что друг друга они не любят. Поезд замыкало неболь-

шое оленье стадо, подгоняемое собаками.

— Опасайся их, Джон Сноу, они дикари, — предостерег Тормунд. — Бабы еще хуже, чем мужики. — Он отцепил от седла мех и дал Джону. — На. Не так страшно будет, да и согреешься на ночь. Нет-нет, оставь себе. Пей на здоровье.

От крепкого меда у Джона защипало в глазах и загорелось в груди.

— Хороший ты человек, Тормунд Великанья Смерть. Для одичалого то есть.

— Найдутся многие похуже меня, найдутся и лучше.

Солнце свершало свой путь по синему небу, а одичалые шли и шли. Ближе к полудню случилась заминка: в туннеле застряла телега. Джон сам пошел посмотреть, в чем там дело. Задние грозились изрубить телегу в щепки и зарезать вола. «Попробуйте только, — отвечали хозяева, — сами не уйдете живыми». С помощью Тормунда и Торегга Джон предотвратил кровопролитие, но дорогу освобождали чуть ли не час.

— Ворота у вас больно узкие, — пожаловался Тормунд, косясь на небо, где появилось несколько облачков. — Все равно что Молочную через соломинку пьешь. Эх, дунуть бы разок в Рог Джорамуна, мы бы мигом перелезли через обломки.

— Мелисандра сожгла этот рог.

— Да ну? — расхохотался вождь одичалых. — Большой рог был, красивый — просто грех губить такое добро. Тысячелетний рог. Мы его нашли в великаньей могиле — такого ни один человек еще не видал, вот Манс и придумал выдать его за Рог Джорамуна. Хотел, чтоб вы, вороны, поверили, будто он способен сдуть вашу Стену. Настоящий-то мы не нашли, сколько ни копали, а нашли бы — все поклонщики Семи Королевств запаслись бы ледком, чтоб в вино летом класть.

Джон, нахмурившись, повернулся в седле. «И Джорамун затрубил в Рог Зимы и поднял из земли великанов». Тот рог с обручами старого золота, исписанный древними рунами… Кому из них верить — Тормунду или Мансу? И если рог Манса был подставной, где тогда настоящий?

После полудня солнце скрылось, и небо заволоклось пеленой.

— Снег будет, — предрек Тормунд.

Другие одичалые, тоже чувствуя это, заторопились. Один мужчина пырнул ножом другого, пытавшегося пролезть без очереди. Торегг отнял нож и послал обоих обратно в лагерь.

— Расскажи мне про Иных, Тормунд, — попросил Джон, глядя, как четыре старухи тащат

к воротам тележку с детьми. — Хочу знать как можно больше о наших врагах.

— Не здесь, — ответил тот, тревожно оглядываясь на заснеженный лес. — На той стороне. Они всегда где-то близко. Днем, когда солнышко светит, они не показываются, но это не значит, что их нет рядом. Как тени: мы не всегда их видим, но они при нас неотступно.

— В пути они вас не беспокоили?

— Скопом не нападали, если ты об этом, но и не отставали. Разведчиков мы потеряли немерено, и если кто отстанет или отойдет в сторону, тоже прощай. Каждую ночь мы зажигали костры вкруговую: не любят они огня. Но в снег или дождь сухие дрова найти трудно, и холод такой… Костры, бывало сами по себе гасли. Наутро после такой ночи всегда находишь в лагере мертвецов, если они не найдут тебя первые. Вот и Торвинд, мой мальчик… — Тормунд замолчал и отвел глаза.

— Да… я знаю.

— Ничего ты не знаешь. Ты одного мертвеца убил, а Манс сотню. С мертвыми драться можно, но с их хозяевами, когда поднимается белый туман… как ты будешь драться с туманом, ворона? Тени, имеющие зубы… мороз такой, что дышать больно, как ножом колет грудь… Ничего ты не

знаешь. Способен ли твой меч убить холод?

«Там видно будет», — подумал Джон. Сэм много разного вычитал в старых книгах. Длинный Коготь выкован в древней Валирии, закален в драконьем огне и напитан чарами. Драконова сталь прочнее, легче и острее обычной… Но мало ли что в книгах пишут, проверить это можно только в бою.

— Ты прав, — сказал Джон. — Ничего этого я не знаю — и не дайте боги узнать.

— На богов надеяться нечего. Видишь, тучи собираются, холодает, и Стена твоя перестала плакать. Скачи в лагерь, Торегг, поторопи их. Поднимай всех: больных, притворщиков, слабых, трусливых — поджигай их треклятые шалаши, если надо. Ворота надо закрыть, пока не стемнело. Всякий, кто останется за Стеной, пусть помолится, чтобы Иные зацапали его раньше, чем я. Ясно тебе?

— Ясно. — Торегг ударил каблуками коня и поскакал к лесу.

Тучи заволакивали небо, холод усиливался. У ворот толкались, спеша пройти, люди, волы и козы. «Это не просто нетерпение, — понял Джон, — это страх». Воины, копьеносицы, разбойники — все они боятся этого леса и обитающих

там теней. Торопятся отгородиться от него Стеной до прихода ночи.

Одинокие снежинки закружились в воздухе, словно приглашая Джона на танец. Да, придется ему поплясать.

Одичалые шли к воротам — старики, дети и немощные еле тащились. Белое поле, сверкавшее утром на солнце, теперь стало черным. Деревянные колеса, копыта коней, коз и прочей скотины, полозья саней, сапоги и босые ступни Рогоногих превратили снег в грязное месиво, еще больше замедляющее движение.

— Больно узкие у вас ворота, — повторил Тормунд.

К вечеру, когда пошел снег, река одичалых обмелела до ручейка, и над лесом поднялись столбы дыма.

— Торегг сжигает мертвых, — пояснил Тормунд. — Тех, кто лег спать вчера и не проснулся сегодня. Таких всегда находят, на снегу либо в шалашах. Торегг знает что делать.

Дым уже едва сочился, когда Торегг показался из леса с дюжиной конных воинов, вооруженных копьями и мечами.

— Мой арьергард, — расплылся в щербатой улыбке Тормунд. — У вас, ворон, есть развед-

чики — чем мы хуже? Я оставил их в лагере на случай внезапной атаки.

— Лучшие твои люди?

— Это как посмотреть. Каждый из них убил по вороне.

Среди всадников шел один пеший, а рядом с ним трусил зверь — чудовищный вепрь, вдвое больше Призрака, в жесткой черной шерсти и с клыками в человеческую руку длиной. Такого кабана Джон видел впервые, а его предполагаемый хозяин сильно походил на него: плоский нос, тяжелый подбородок в густой щетине, близко сидящие глазки.

— Боррок, — плюнул Тормунд.

— Оборотень. — Джон не спрашивал, а утверждал: он понял это с первого взгляда.

Призрак, учуяв зверя, повернул голову, оскалился, вышел вперед.

— Нельзя! — крикнул Джон. — Ко мне!

— Волк и кабан… Ты лучше запри его на ночь, — посоветовал Тормунд, — а Борроку я велю запереть своего. Они последние. Насилу-то дождались. Снег, чую, зарядил на всю ночь — пора глянуть, что там у вас на той стороне большой льдины.

— Ступай, — сказал Джон, — я войду послед-

ним. Встретимся на пиру.

— Хар-р! Вот это приятная новость. — Тормунд направил коня к Тореггу и его людям, которые слезали с коней у ворот. Стюарды под надзором Боуэна Мурша закатили свои тачки в туннель — за Стеной остались только Джон со своими телохранителями и оборотень со своим чудищем, задержавшийся в десяти ярдах от них.

Запорошенный снегом вепрь копнул землю и опустил голову. Джону показалось, что он сейчас бросится; двое охранников взяли копья наперевес.

— Брат, — сказал Боррок.

— Поторопись, ворота вот-вот закроются.

— Запирайся хорошенько, ворона: они идут. — Одарив Джона жутчайшей улыбкой, Боррок зашагал вместе с вепрем к воротам.

— Ну вот и конец, — сказал Рори.

«Скорее начало», — подумал Джон.

Боуэн Мурш ждал его на той стороне с исписанной цифирью дощечкой.

— В ворота прошли три тысячи сто девятнадцать одичалых, — доложил он. — Шестьдесят заложников отправлены в Восточный Дозор и Сумеречную Башню; предварительно их покормили. Женщин Эдд Толлетт увез в Бочонок,

остальные при нас.

— Ненадолго, — заверил Джон. — Через пару дней Тормунд уйдет со своими в Дубовый Щит, других тоже пристроим.

— Так точно, милорд. — Мурш, судя по его тону, охотно пристроил бы их по своему усмотрению.

Замок, в который вернулся Джон, сильно изменился по сравнению с утренним. Черный Замок на его памяти всегда был тихим, сумрачным местом, где сновали как призраки люди в черном, десятая часть прежнего гарнизона. Теперь в тех окнах, где никогда не было света, зажглись огни, дворы наполнились голосами, всюду пестрели шубы.

У старой Кремневой Казармы несколько взрослых мужчин… перекидывались снежками. Подумать только! Так играли когда-то Робб с Джоном, а после них Арья и Бран.

В бывшей оружейной Донала Нойе и в комнатах Джона было, однако, все так же темно и тихо. Не успел Джон снять плащ, в дверь заглянул Даннел и доложил, что пришел Клидас с посланием.

— Пусть войдет. — От уголька на жаровне Джон зажег вощеный фитиль, от него три свечи.

— Виноват, лорд-командующий, — сказал, моргая розовыми глазами, Клидас. — Вы, должно

быть, устали, но я подумал, что вы захотите увидеть это незамедлительно.

— Правильно подумал.

«В Суровом Доме, с шестью кораблями, — говорилось в письме. — «Черный дрозд» пропал вместе с командой, два лиссенийских корабля выбросило на берег Скейна, «Коготь» дал течь. Здесь дела плохи, одичалые поедают умерших. В лесу упыри. Браавосские капитаны согласны взять только женщин и детей, ведуньи нас называют работорговцами. Попытка захватить «Ворону-буревестницу» отражена, шесть человек команды и много одичалых погибли. Осталось восемь воронов. В воде упыри. Шлите помощь сушей, на море шторм. Писано на «Когте» мейстером Хармуном». Внизу расчеркнулся Коттер Пайк.

— Дурные вести, милорд? — спросил Клидас.

— Весьма. — «В лесу и в воде упыри, из одиннадцати кораблей уцелело шесть». Джон хмуро свернул пергамент. Ночь собирается, и он начинает свою войну.

Отставной рыцарь

— На колени перед его великолепием Гиздаром зо Лораком, четырнадцатым этого благородного имени, королем Миэрина, потомком Гиса, октархом Древней Империи, владетелем Скахазадхана, супругом Дракона и наследником Гарпии! — прокатился между колонн зычный голос герольда.

Сир Барристан Селми проверил под плащом, хорошо ли меч выходит из ножен. Оружие в присутствии короля могут носить только телохранители, а он, Селми, как будто еще в их числе, несмотря на отставку. Никто по крайней мере не требовал, чтобы он сдал свой меч.

Дейенерис Таргариен принимала просителей на скамье черного дерева, которую сир Барристан заботливо устелил подушками. Король Гиздар водрузил на месте скамьи два трона из золоченого дерева со спинками в виде драконов. Сам он восседает на правом — в золотой короне, со скипетром. Левый пустует.

Драконье седалище, даже искусно вырезанное, не заменит подлинного дракона.

Справа от тронов стоит Гогор-Великан, громадина со зверским, в шрамах, лицом. Слева — Пят-

нистый Кот в леопардовой шкуре через плечо. Позади — Белакуо-Костолом с Хразом. Все они матерые убийцы, но одно дело встречать врага на арене, когда о нем возвещают трубы и барабаны, и другое — обезвредить затаившегося злодея до того, как тот нанесет удар.

В самом начале дня сир Барристан чувствовал уже такую усталость, будто всю ночь работал мечом. Чем он старше, тем меньше сна ему требуется. Оруженосцем он мог проспать десять часов и все-таки зевал, выходя на учебный двор. В шестьдесят три ему и пяти хватает, а прошлой ночью он почти и вовсе глаз не смыкал. В его каморке рядом с покоями королевы раньше спал какой-то комнатный раб. Там есть кровать, ночное судно, шкаф для одежды и даже стул. На столике у кровати восковая свеча и фигурка Воина. Он не особо набожен, но с Воином ему на чужбине не так одиноко и есть к кому обратиться в темные часы ночи. «Избавь меня от сомнений, грызущих душу мою, и дай мне силу поступить правильно», — так молился Селми, но ни молитва, ни рассвет не вселили в него уверенности.

Народу в чертоге собралось много как никогда, но Селми отмечал лишь тех, кого не было: Миссандею, Бельваса, Серого Червя, Агго, Чхого

и Ракхаро, Ирри и Чхику, Даарио Нахариса. На месте Лысого стоит толстяк в рельефном панцире и львиной маске, широко расставив массивные ножищи под юбкой. Мархаз зо Лорак, кузен короля, новый начальник Бронзовых Бестий. Селми, повидав немало таких в Королевской Гавани, проникся к нему здоровым презрением: ясно, что он пресмыкается перед высшими, суров с подчиненными, хвастлив, слеп и преисполнен гордыни.

Скахаз скорее всего тоже здесь и прячется под какой-нибудь маской. Между колоннами стоят сорок Бестий, и в их бронзовых личинах отражаются факелы: одним из них вполне может быть Лысый.

Сто голосов, отражаясь от мрамора, сливались в гневный зловещий гул. Словно в осином гнезде, из которого вот-вот вырвутся осы. На лицах читались гнев, горе, подозрение, страх.

Не успел умолкнуть новый герольд, начались беспорядки. Одна женщина выла по брату, погибшему на Арене Дазнака, другая по сломанному там паланкину. Мужчина, сорвав повязку с руки, предъявил свежий ожог. Аристократа в синем с золотом токаре, который завел речь о геройски павшем Гархазе, сбил с ног какой-то вольноот-

пущенник — шестеро Бестий насилу выставили обоих из зала. Лис, ястреб, тюлень, саранча, лев и жаба. Значат ли что-нибудь эти маски? Носят их Бестии постоянно или меняют каждое утро?

— Тише! — молил Резнак мо Резнак. — Как я могу отвечать, если вы…

— Так это правда? — закричала вольноотпущенница. — Наша мать умерла?

— Да нет же! Королева Дейенерис вернется в Миэрин, когда сама пожелает, во всей силе и славе своей, а до тех пор за нее будет править король Гиздар…

— Он мне не король, — заявил еще кто-то из освобожденных рабов.

— Королева жива, — говорил, перекрывая шум, сенешаль. — Кровные всадники ищут ее величество за Скахазадханом, чтобы вернуть любящему супругу и верным подданным. У каждого из них под началом еще десять всадников, у каждого человека по три быстрых коня. Скоро они найдут королеву.

Следующим взял слово высокий гискарец в парчовых одеждах. Отвечал ему опять-таки сенешаль; король Гиздар ерзал на своем троне, стараясь изобразить одновременно заинтересованность и невозмутимость.

Гладкие речи Резнака сир Барристан пропускал мимо ушей: в Королевской Гавани он научился слушать, не слыша, особенно когда оратор подтверждал истину, гласящую, что слова — это ветер. В задних рядах рыцарь приметил дорнийского принца и двух его спутников. Не надо было им приходить. Мартелл не сознаёт, как это опасно: единственным его другом при этом дворе была Дейенерис. Понимают ли они хоть слово из сказанного? Даже сир Барристан не всегда разбирал гискарский диалект этих рабовладельцев, особенно когда говорили быстро.

Слушал принц Квентин по крайней мере внимательно. Истинный сын своего отца — невысокий, коренастый, с простым лицом, разумный как будто и порядочный юноша, но девичье сердце из-за него не забьется быстрее. А Дейенерис Таргариен, при всех ее других качествах, совсем еще молода, как сама любит говаривать. На первое место она, как все хорошие правители, ставит народ, иначе ни за что не вышла бы за Гиздара зо Лорака, но живущая в ней юная девушка жаждет страсти, веселья, поэзии. Она хочет огня, а Дорн шлет ей землицу.

Из земли можно сделать примочку от лихорадки. В нее можно бросить семя и вырастить

урожай. Земля питает человека, а огонь пожирает, но глупцы, дети и юные девушки всегда выбирают огонь.

Сир Геррис Дринквотер шепчет что-то на ухо Айронвуду. У него есть все, чего недостает принцу: он высок, строен, красив, остер и движется с грацией фехтовальщика. Дорнийские девушки, несомненно, часто запускают пальчики в его выгоревшие волосы и целуют лукаво улыбающиеся губы. Будь принцем он, все могло бы обернуться иначе, но на вкус Селми этот Дринквотер чересчур сладок. Фальшивая монета — старик повидал таких на своем веку.

Шептал он, должно быть, что-то смешное: его лысый приятель прыснул так, что привлек внимание короля. При виде принца Гиздар зо Лорак нахмурился, поманил к себе своего кузена Мархаза и тихо отдал ему какой-то приказ. Сиру Барристану все это очень не нравилось.

«Дорну я не присягал», — напомнил себе старый рыцарь. Но Ливен Мартелл был его братом по оружию в те времена, когда в Королевской Гвардии еще считались с такими узами. Принцу Ливену на Трезубце сир Барристан не помог, но племяннику его помочь в силах. Мартелл стоит в змеином гнезде, не видя змей у себя под нога-

ми. То, что он продолжает торчать здесь, когда Дейенерис в присутствии богов и людей дала брачный обет другому, любого мужа взбесило бы, а без королевы его некому защитить. Разве что…

Сир Барристан ощутил эту мысль как пощечину. Квентин вырос при дорнийском дворе, привычном к интригам и ядам. Принц Ливен — не единственный его родич, был еще Красный Змей. Если Гиздар умрет, Дейенерис вновь станет свободна. Быть может, Лысый ошибся, и саранча в меду предназначалась не для нее? Ложа принадлежит королю — в него, возможно, и метили. С его смертью хрупкий мир сразу рухнул бы, Сыны Гарпии снова бы начали убивать, юнкайцы возобновили военные действия, и у Дейенерис не осталось бы иного выбора, кроме Квентина.

Борясь с этими подозрениями, сир Барристан услышал топот тяжелых сапог — в чертог входили юнкайцы, трое мудрых господ со своими солдатами. На одном токар багровый с золотом, на другом в бирюзово-оранжевую полоску, на третьем панцирь с нескромными инкрустациями из темного янтаря, нефрита и перламутра. Их сопровождал капитан наемников Красная Борода, сущий злодей с виду — свирепая ухмылка и кожаная сумка через плечо.

«Принц-Оборванец и Бурый Бен не пришли, — отметил сир Барристан. — Вызвать бы этого наймита на поединок, недолго бы он ухмылялся».

— Мудрые господа оказывают нам честь, — выскочил вперед Резнак. — Его блистательность король Гиздар приветствует вас. Мы понимаем…

— Поймите вот что. — Красная Борода запустил руку в сумку и кинул в сенешаля отрубленной головой.

Резнак с криком отскочил, и голова, пятная кровью пурпурный мрамор, подкатилась к самому трону Гиздара. Бестии взяли копья наперевес, Гогор-Великан заслонил короля собой, Пятнистый Кот и Храз стали по бокам от него, образовав стенку.

— Да дохлый он, не укусит, — заржал Красная Борода.

Сенешаль, мелкими шажками подступив к голове, поднял ее за волосы.

— Адмирал Гролео.

Сир Барристан, служивший многим королям, невольно задавался вопросом, как ответили бы на подобный вызов они. Эйерис отшатнулся бы в ужасе, поранив себя об острия Железного Трона, а потом велел бы своим гвардейцам изрубить

юнкайцев в куски. Роберт потребовал бы свой молот, чтобы отплатить Красной Бороде той же монетой. Даже Джейехерис, многими почитаемый слабым, немедленно взял бы под стражу и наемника, и мудрых господ.

Гиздар словно прирос к своему трону. Резнак опустил адмиральскую голову на атласную подушку у ног короля и отошел, брезгливо кривясь. Сир Барристан чуял его духи на расстоянии нескольких ярдов.

Мертвые глаза с укором смотрели на короля. Кровь на бороде запеклась, но из шеи еще сочилась красная струйка. Голову, похоже, отрубили не с одного удара. Просители потихоньку улепетывали; один из Бестий, сняв ястребиную маску, извергал на пол свой завтрак.

Отрубленные головы Селми были не в новинку, но эта… Он прошел со старым мореходом полмира, от Пентоса до Кварта и назад в Астапор. Адмирал, мечтавший вернуться домой, не заслужил такого конца.

— Мы недовольны, — выговорил наконец-то Гиздар. — Что… что это означает?

— Имею честь огласить послание совета мудрых господ. — Юнкаец в багровом токаре развернул пергамент и стал читать: — «Для подписания

мира и присутствия на праздничных играх в Миэрин вошли семеро, и семерых заложников взяли у Миэрина взамен. Благородный сын Желтого Города Юрхаз зо Юнзак погиб, будучи вашим гостем. За кровь платят кровью».

У Гролео в Пентосе остались жена, дети, внуки. Почему именно его выбрали? Чхого, Герой и Даарио командуют боевыми отрядами, а Гролео был адмиралом без флота. Соломинки они, что ли, тянули? Или Гролео попросту сочли наименее ценным и решили, что за него мстить не станут? Старый рыцарь плохо умел распутывать такие узлы, однако не смолчал.

— Благородный Юрхаз, если ваше величество помнит, умер по несчастной случайности. Он споткнулся, убегая от дракона, и его растоптали на ступенях собственные рабы — а может быть, сердце разорвалось. Он был уже немолод.

— Кто смеет говорить без дозволения короля? — осведомился юнкаец в полосатом токаре, со скошенным подбородком и большими зубами — вылитый кролик. — Послы Юнкая не желают слушать простого солдата.

Гиздар, прилипший к голове взглядом, опомнился, лишь когда Резнак стал что-то шептать ему.

— Юрхаз зо Юнзак был вашим верховным командующим. Кто говорит от имени Юнкая теперь?

— Мы, — ответил кролик. — Совет мудрых господ.

Голос Гиздара окреп.

— Стало быть, вы все отвечаете за нарушение мира.

— Мир не был нарушен, — возразил юнкаец в панцире. — За кровь платят кровью и за жизнь жизнью. В знак доброй воли мы возвращаем вам трех заложников. — Ряды солдат расступились, пропустив трех миэринцев в токарах — двух женщин и мужчину.

— Сестра, — сухо произнес Гиздар. — Кузина, кузен. Уберите ее с глаз долой, — показал он на голову.

— Адмирал был человеком моря, — напомнил сир Барристан. — Не потребовать ли у юнкайцев и тело, чтобы похоронить его под волнами?

— Если ваша блистательность того желает — извольте, — махнул рукой кролик.

— Не сочтите за обиду, — откашлявшись, молвил Резнак, — но королева Дейенерис послала вам семерых заложников. Остаются еще трое…

— Они задержатся у нас, пока драконы не будут

истреблены, — ответил юнкаец в панцире.

Осиное гнездо после недолгой тишины отозвалось на это глухими проклятиями и молитвами.

— Драконы — это… — начал Гиздар.

— Чудовища, как показала нам всем Арена Дазнака. Не может быть истинного мира, пока они живы.

— Только ее великолепие королева Дейенерис, Матерь Драконов, может… — заикнулся Резнак мо Резнак.

— Сожрали ее давно, — бросил Красная Борода, — и трава сквозь нее проросла.

Чертог ответил на это ревом — одни ругались, другие топали и свистели в знак одобрения. Бестии долго колотили в пол древками копий, прежде чем все снова утихомирились.

Сир Барристан не сводил глаз с Красной Бороды. Наемник собирался разграбить город, но Гиздаров мир лишил его законной добычи. Он не успокоится, пока вновь не заварит войну.

— Мы удаляемся, дабы созвать наш совет, — сказал, поднявшись с трона, Гиздар.

— На колени перед его великолепием Гиздаром зо Лораком, — завел герольд, — четырнадцатым этого благородного имени, королем Миэрина, потомком Гиса, октархом Древней Империи,

владетелем Скахазадхана, супругом Дракона и наследником Гарпии!

Бронзовые Бестии, растянувшись цепью, стали вытеснять из зала просителей.

Квентину Мартеллу в отличие от многих идти было недалеко: ему отвели покои в Великой Пирамиде, двумя этажами ниже, с собственным отхожим местом и огороженной террасой. Именно поэтому он, вероятно, и медлил, дожидаясь со своими друзьями, когда давка у выхода поубавится.

Что сейчас сказала бы Дейенерис? Догадываясь об этом, старый рыцарь зашагал к трем дорнийцам. Длинный белый плащ струился за ним.

— При дворе твоего отца такого веселья никогда не бывало, — шутил Дринквотер.

— Принц Квентин, можно вас на два слова?

— Сир Барристан, — оглянулся принц. — Разумеется. Спустимся в мои комнаты.

— Не смею вам советовать, но на вашем месте я бы не возвращался туда. Спускайтесь до самого низа и уходите.

— Я должен покинуть пирамиду? — в изумлении спросил принц.

— И Миэрин тоже. Вернитесь в Дорн.

Дорнийцы переглянулись.

— В покоях остались наши доспехи, оружие, — заметил Дринквотер. — Не говоря уж о довольно большой сумме денег.

— Мечи можно заменить другими мечами, а проезд я вам оплачу. Король нахмурился, увидев вас в чертоге, принц Квентин.

— Нам следует бояться Гиздара зо Лорака? — засмеялся сир Геррис. — Вы же видели, как он поджал хвост. Юнкайцы казнили его заложника, а он ничего.

Квентин кивнул, соглашаясь с ним.

— Принц должен сначала думать, а потом уже действовать. Я пока еще не раскусил этого короля. Королева тоже предостерегала меня против него, однако…

— Предостерегала? — прервал сир Барристан. — Почему же вы еще здесь?

— Брачный договор…

— …составлен двумя покойниками, и о вас с королевой в нем нет ни слова. Это договор о помолвке вашей сестры с братом королевы, также покойным. Силы он не имеет, и до вашего приезда ее величество ничего не знала о нем: боюсь, ваш батюшка слишком хорошо хранил свои тайны. Знай королева, что такой документ существует, она не направилась бы из Кварта

в залив Работорговцев, а теперь уже поздно. Не хочу сыпать вам соль на раны, но у ее величества есть новый муж и старый любовник — для вас, по всему судя, места уже не осталось.

Темные глаза принца вспыхнули гневом.

— Захудалый гискарский лорд не годится в супруги правительнице Семи Королевств.

— Не вам об этом судить. — Говорить ему или нет? Сир Барристан решил, что скажет все до конца. — Одно из блюд в королевской ложе на Арене Дазнака было отравлено. Силач Бельвас съел его по чистой случайности. Лазурные Благодати говорят, что он выжил лишь благодаря своей толщине и недюжинной силе. Может быть, еще и умрет.

По лицу принца Селми понял, что тот глубоко потрясен.

— Яд предназначался для Дейенерис?

— Или для Гиздара. Возможно, для них обоих. Всеми приготовлениями ведал его величество. Если яд — его рук дело, ему понадобится козел отпущения. Кто подходит для этого лучше, чем соперник из далеких краев, не имеющий друзей при дворе? Чем отвергнутый королевой жених?

— Я? — побледнел Квентин. — Не думаете ли вы, что…

Либо он выдающийся лицедей, либо говорит искренне.

— Мое мнение мало что значит, но другие могут подумать. Вашим дядей был Красный Змей, и у вас есть причина желать смерти Гиздару.

— Не только у него, — вставил Дринквотер. — Взять хоть Нахариса, королевского…

— Фаворита, — закончил сир Барристан, не желая, чтобы дорниец порочил честь королевы. — Так, кажется, это называется у вас в Дорне? Моим собратом по оружию был принц Ливен. В те времена у нас не было друг от друга секретов, и я знал, что у него есть любовница… фаворитка. Он нисколько этого не стыдился.

— Это так, — покраснел Квентин, — но…

— Даарио мигом уложил бы Гиздара, будь у него такое намерение, но к яду бы не стал прибегать. И в городе его не было. Гиздар мог бы, невзирая на это, обвинить его в отравлении, но Вороны-Буревестники королю еще пригодятся, и казни своего капитана они ему не простят. Нет, мой принц: если его величеству понадобится отравитель, он укажет на вас. — Больше Селми ничего говорить не стал. Через несколько дней, если боги того пожелают, Гиздар перестанет быть правителем Миэрина, но к чему делать принца участником

кровавой бани, которая здесь готовится? — Если непременно хотите остаться в городе, держитесь подальше от двора и молитесь, чтобы Гиздар о вас позабыл… Но корабль, идущий в Волантис, был бы самым мудрым решением. В любом случае желаю вам удачи, мой принц.

— Ваше прозвище — Барристан Смелый, — сказал вслед уходящему рыцарю Квентин.

— Верно… — Он получил его в десять лет: новоиспеченный оруженосец, возомнив о себе невесть что, дерзнул сразиться с прославленными рыцарями на турнире. Одолжил у кого-то коня, взял доспехи в оружейной лорда Дондарриона и записался в Черной Гавани как таинственный рыцарь. Герольд, и тот не удержался от смеха. Силенок у него едва хватало на то, чтобы опущенное для атаки копье не чиркало по земле. Лорд Дондаррион имел полное право стащить мальчишку с коня и отшлепать, но Принц Стрекоз, сжалившись над сконфуженным юнцом в слишком больших доспехах, ответил на его вызов. Сразу же выбив юного Барристана из седла, принц Дункан помог ему встать, снял с него шлем и сказал: «Смелый, однако, мальчик». Было это пятьдесят три года назад. Многие ли еще живы из тех, кто был тогда в Черной Гавани?

— Какое прозвище, по-вашему, дадут мне, когда я вернусь в Дорн ни с чем? Квентин Осторожный? Квентин-Трус? Квентин-Трясогузка?

«Запоздалый Принц», — сказал про себя старый рыцарь — но в Королевской Гвардии прежде всего учишься сдерживать свой язык.

— Квентин Разумный, — произнес он вслух, от души надеясь, что это окажется правдой.

Отвергнутый жених

Сир Геррис Дринквотер вернулся в пирамиду ближе к часу привидений. Боб, Книжник и Костяной Билл отыскались в одном из миэринских подвалов: они пили вино и смотрели, как нагие рабы убивают друг друга голыми руками и подпиленными зубами.

— Боб достал нож и захотел проверить, вправду ли у дезертиров в животах содержится желтая слизь. Я дал ему дракона и спросил, не устроит ли его этот желтый кружочек. Он попробовал монету на зуб и пожелал знать, что я хочу купить. Когда я ответил, он убрал нож и осведомился, напился я или спятил.

— Пусть думает что хочет, лишь бы доставил послание, — сказал Квентин.

— Доставит, не сомневайся. И встреча твоя тоже состоится, могу поспорить. Оборванец наверняка велит Крошке Мерис вырезать и поджарить с луком твою печенку. Зря мы не послушались Селми. Когда Барристан Смелый велит бежать, умный берет ноги в руки. Пока порт еще открыт, корабль до Волантиса найти можно.

Сир Арчибальд позеленел при одном намеке

на море.

— Нет уж, хватит с меня. Я скорей на одной ноге поскачу в Волантис.

«Волантис, — подумал Квентин. — Потом Лисс… а там и домой. С пустыми руками. Выходит, что трое храбрых погибли зря».

Хорошо бы снова увидеть Зеленую Кровь, Солнечное Копье, Водные Сады, подышать горным воздухом Айронвуда вместо влажного зловония залива Работорговцев. Отец не скажет в упрек ни слова, но Квентин прочтет разочарование в его взоре. Сестра обольет его презрением, песчаные змейки доймут насмешками, а названый отец лорд Айронвуд, пославший родного сына защищать принца…

— Я вас не держу, — сказал друзьям Квентин. — Отец доверил это дело мне, а не вам. Я остаюсь, а вы добирайтесь домой по своему усмотрению.

— Тогда мы с Дринком тоже останемся, — тут же заявил здоровяк.

На следующую ночь к принцу пришел Дензо Дхан.

— Он встретится с тобой завтра, у рынка пряностей. Найди дверь с пурпурным лотосом, постучи дважды и скажи «свобода».

— Согласен. Со мной будут Арч и Геррис, он

тоже может привести двух человек — не больше.

— Как скажете, мой принц, — ехидно ответил Дензо. — Приходите на закате и смотрите, чтоб «хвоста» не было.

Из Великой Пирамиды дорнийцы вышли загодя, чтобы без спешки найти нужную дверь. Квентин и Геррис опоясались мечами, здоровяк повесил на спину боевой молот.

— Еще не поздно передумать, — сказал Геррис на пути к рынку. В переулке разило мочой, неподалеку грохотала телега, перевозящая мертвых. — Костяной Билл говорит, что Крошка Мерис способна мучить человека месяц, не давая ему умереть. Мы надули их, Квент. Использовали их, чтобы добраться сюда, и перебежали к Нахарису.

— Как нам и было приказано.

— Оборванец хотел, чтобы мы сделали это только для виду, — заметил Арч. — Все остальные — сир Орсон, Хангерфорд, Дик-Соломинка, Уилл Лесной — до сих пор сидят в темнице по нашей милости. Лохмотнику это, думаю, не понравится.

— Ему нравится золото, — сказал Квентин.

— Жалко, что у нас его нет, — засмеялся Геррис. — Ты веришь в этот мир, Квент? Я не верю. Половина города считает того драконоборца

героем, другая половина плюется от одного его имени.

— Гарза его звали, — сказал здоровяк.

— Гархаз, — поправил Квентин.

— Гиздар, Гамзам, Гугнуг — какая к дьяволу разница! По мне, они все Гарзы. Какой он драконоборец — поджарил дракон ему задницу, всего и делов.

— В храбрости ему не откажешь. — Сам Квентин вряд ли отважился бы выйти против дракона с одним копьем.

— В общем, да: погиб он и впрямь как герой.

— Где там — визжал, как свинья, — сказал Арч.

— Королева, если даже она вернется, до сих пор замужем, — заметил Геррис, положив руку на плечо Квентину.

— Тюкну короля Гарзу молотом, враз овдовеет.

— Гиздаром его зовут!

— Тюкну разок, никто и не вспомнит, как его звали.

«Они забыли, для чего мы здесь, — думал Квентин. — Дейенерис — только средство, не цель. «У дракона три головы, — сказала она. — Пусть мой брак не лишает вас последней надежды. Я ведь знаю, зачем вы приехали: ради огня и крови».

— Во мне есть кровь Таргариенов, вы знаете.

Мой род восходит к…

— Плевать мне, куда он восходит, — сказал Геррис. — Драконам нет дела до твоей крови, разве что отведать ее захотят. Они тебе не мейстеры, чтобы читать им исторические труды. Неужели ты в самом деле хочешь попробовать, Квент?

— Я должен. Ради Дорна, ради отца. Ради Клотуса, Вилла и мейстера Кеддери.

— Мертвым все равно, — сказал Геррис.

— Они умерли, чтобы я мог жениться на королеве драконов. Клотус называл это большим приключением. Дорога демонов, бурное море, а на том конце — самая прекрасная в мире женщина. Есть о чем рассказать внукам, но у Клотуса внуков не будет, если только он не сделал ребенка той девке в таверне. И Вилл не дожил до свадьбы… Хотелось бы все же, чтобы их смерть имела какой-то смысл.

— Его смерть тоже имеет смысл? — Геррис показал на валяющегося под стеной мертвеца, над которым кружились мухи.

— Он заразный, не подходи к нему. — Сивая кобыла носится по всему городу — неудивительно, что на улицах пусто. — Скоро Безупречные погрузят его на телегу.

— Я хотел лишь сказать, что смысл имеет

жизнь, а не смерть. Я тоже любил Вилла и Клотуса, но этим их не вернешь. Ты совершаешь ошибку, Квент: нельзя доверять наемникам.

— Они такие же, как все люди. Любят золото, славу, власть — на это я и полагаюсь. — «На это и на свою судьбу». Он принц Дорна, и в его жилах течет кровь драконов.

Когда они нашли намалеванный на двери лотос, солнце как раз закатилось. Дверь принадлежала низкому кирпичному строению в ряду таких же домишек, ютящихся под сенью желтозеленой пирамиды Раздаров. Квентин постучал дважды, как было велено. Грубый голос за дверью пробурчал что-то на смеси старогискарского с валирийским.

— Свобода, — ответил на том же языке принц.

Дверь отворилась. Первым предосторожности ради вошел Геррис, Квентин за ним, здоровяк последним. Голубоватый ароматный дым, стоявший внутри, не до конца заглушал вонь мочи, кислого вина и тухлого мяса. Помещение, чего снаружи не было видно, тянулось через все смежные дома вправо и влево: вместо дюжины хибар — один большой винный погреб.

В этот час он был заполнен лишь наполовину. Одни посетители встречали дорнийцев ску-

чающими, любопытными или враждебными взглядами, другие толпились у ямы, где дрались на ножах двое нагих бойцов.

Пока Квентин искал глазами тех, с кем пришел встретиться, открылась еще одна дверь, и вошла старуха в темно-красном токаре с каймой из крохотных золотых черепов — белая как молоко, с седыми редкими волосами.

— Я Зарина Пурпурный Лотос, — сказала она. — Спускайтесь, вас ждут внизу.

По деревянной лестнице первым сходил здоровяк, а Геррис шел сзади. Лестница была длинная и такая темная, что Квентин придерживался за стенку. На нижних ступенях сир Арчибальд вынул кинжал.

Кирпичный склеп под лестницей был втрое больше погребка наверху. Огромные деревянные чаны вдоль стен, красный фонарь на крюке, перевернутый бочонок вместо стола и черная свечка на нем.

Кагго Трупоруб с черным аракхом на бедре прохаживался у чанов, Крошка Мерис с глазами как два серых камня стояла с арбалетом в руках. Дензо Дхан, третий лишний, запер дверь на лестницу и занял пост перед ней.

Принц-Оборванец сидел у стола-бочонка с ча-

шей вина. Желтый огонек свечки золотил его серебристо-серые волосы и увеличивал мешки под глазами. Под бурым дорожным плащом серебристо поблескивала кольчуга — замышляет предательство или просто заботится о своей безопасности? Старый наемник — осторожный наемник.

— Без плаща вы совсем другой человек, милорд, — сказал, подойдя к нему, Квентин.

— Мои лохмотья нагоняют страх на врагов, наполняют моих ребят отвагой лучше всякого знамени, а без них я невидим. Присаживайтесь, — показал он на скамейку напротив себя. — Не знал, что вы тоже принц. Хотите выпить? У Зарины и еду подают. Хлеб черствый, о мясе и говорить не приходится: жир да соль. Она говорит, что это собака — по мне, скорее крысятина, но жизни не угрожает. Остерегаться следует вкусных блюд: в них-то и кладут яд.

— Вы привели с собой трех человек, хотя мы договаривались о двух, — со сталью в голосе сказал Квентин.

— Мерис не в счет, она женщина. Покажи, что у тебя под рубашкой, милая.

— Нет нужды. — Груди у нее, если верить слухам, отрезаны. — Она женщина, согласен, но вы

все-таки нарушили договор.

— Что ж я после этого за рвань, что за дрянь. Трое против двоих — не слишком большой перевес, но надо пользоваться тем, что тебе посылают боги. Мне это знание далось дорогой ценой, а вам я его предлагаю даром. Садитесь и говорите, зачем пришли. Обещаю не убивать вас, пока не выскажетесь… Это самое меньшее, что я могу сделать для своего брата-принца. Квентин, не так ли?

— Квентин из дома Мартеллов.

— «Лягуха» вам больше шло. Не в моих привычках пить с лжецами и дезертирами, но любопытство сильнее меня.

Квентин сел. Одно неверное слово, и в этом склепе прольется кровь.

— Простите, что обманули. В залив Работорговцев мы могли попасть только как рекруты.

— Каждый перебежчик рассказывает нечто подобное, — пожал плечами Принц-Оборванец. — Вы у меня не первые, и у всех найдутся свои причины. Сын болен, жена рога наставляет, другие солдаты заставляют сосать им. Ссылавшийся на последнее был просто душка, но я его не простил. Другому, заявившему, что сбежал из-за паршивой жратвы, я велел отрезать ноги, поджа-

рить их и скормить ему. Потом он стал нашим поваром. Еда заметно улучшилась, и когда его контракт истек, он подписал новый. Вы засадили моих лучших людей в тюрьму, и я сомневаюсь, что вы умеете стряпать.

— Я принц Дорна, исполняющий долг перед своим отцом и своим народом. Много лет назад был заключен брачный договор…

— Слышал. И что же? Серебряная королева пала в ваши объятия, увидев этот пергамент?

— Нет, — ответила вместо Квентина Крошка Мерис.

— Нет? Ах да, вспомнил: ваша невеста улетела верхом на драконе. Не забудьте пригласить нас на свадьбу, когда вернется. Ребята с удовольствием выпьют за вас, да и мне очень нравятся вестеросские свадьбы, особенно провожание. Хотя… Дензо! Не ты ли говорил, что королева вышла за какого-то гискарца?

— Ну да. Он знатный миэринец, богач.

— Быть того не может. А как же ваш договор?

— Она его на смех подняла, — сказала Мерис.

«Неправда». Другие, может, и видели в нем смешную диковинку вроде темнокожего изгнанника, которого держал при своем дворе король Роберт, но королева всегда была с ним любезна.

— Мы приехали слишком поздно, — посетовал Квентин.

— Конечно. Надо было дезертировать сразу. Итак, невеста изменила Принцу-Лягушке — не потому ли он прискакал ко мне? Три храбрых дорнийца решили возобновить свой контракт?

— Ничуть не бывало.

— Экая жалость.

— Юрхаз зо Юнзак погиб.

— Нашли чем удивить: я видел это своими глазами. Бедняга упал, убегая от дракона, и тысяча его близких друзей прошла сверху. Желтый Город, конечно же, безутешен. Вы пришли, чтобы почтить его память?

— Нет. Юнкайцы уже выбрали нового верховного воеводу?

— Совет мудрых господ пока не пришел к согласию. Называли Йеццана зо Каггаца, но и его уже нет в живых. Мудрые господа командуют нами поочередно. Сегодня Хмель-Воевода, завтра Вислощекий…

— Кролик, — поправила Мерис. — Вислощекий был вчера.

— Благодарю, дорогая. Юнкайские друзья снабдили нас расписанием, мне следует почаще в него заглядывать.

— Юрхаз зо Юнзак нанимал вас на службу.

— Контракт от имени своего города подписывал он, это так.

— Миэрин и Юнкай заключили мир, что предполагает снятие осады и роспуск армии. Битвы не будет, город на разграбление не отдадут.

— Жизнь полна разочарований.

— Долго ли, по-вашему, юнкайцы будут платить жалованье вольным отрядам?

Принц-Оборванец отпил из чаши.

— Неприятный вопрос, но такова уж участь наемников. Кончится одна война, начнется другая. Кто-то где-то всегда дерется. В это самое время Красная Борода подбивает наших юнкайских друзей послать королю Гиздару еще одну голову, рабовладельцы и вольноотпущенники точат ножи друг на дружку, Сыны Гарпии строят козни в своих пирамидах, сивая кобыла топчет равно господ и рабов, дракон в травяном море гложет косточки Дейенерис Таргариен. Кто правит Миэрином сегодня, кто будет править завтра? Я уверен в одном: кому-нибудь мы да понадобимся.

— Вы нужны мне. Дорн берет вас на службу.

Принц-Оборванец покосился на Мерис.

— В дерзости нашему Лягухе, право же, не отка-

жешь. Позвольте напомнить, дражайший принц: последним документом, который мы подписали вместе, вы подтерли свой нежный задочек.

— Я заплачу вам вдвое больше против юнкайцев.

— Золотом? Сразу же, как подпишем?

— Часть выплачу, когда будем в Волантисе, остальное дома, в Солнечном Копье. Мы везли с собой золото, но сдали его в банк после вступления в ваш отряд. Я покажу вам расписку.

— И заплатите, однако же, вдвое больше?

— Две расписки покажет, — вставила Мерис.

— Остаток получите в Дорне, — стоял на своем Квентин. — Мой отец — человек чести и выполнит любой договор, к которому я приложу печать. Даю слово.

Принц-Оборванец допил вино и перевернул чашу.

— Посмотрим, верно ли я все понял. Отъявленный лжец и клятвопреступник сулит нам златые горы. Что Сыны Ветра должны сделать взамен? Разбить юнкайцев и взять Желтый Город? Выйти против дотракийского кхаласара? Доставить принца домой к отцу? Уложить королеву Дейенерис в его постель? Скажи, Принц-Лягушка, чего ты от меня хочешь.

— Чтобы вы помогли мне украсть дракона.

Кагго Трупоруб хрюкнул, Крошка Мерис осклабилась, Дензо Дхан свистнул.

— Двойной платы за дракона недостаточно, — сказал их командир. — Это и лягушке понятно. Тот, кто платит обещаниями, должен пообещать по крайней мере нечто достойное.

— Тройную плату?

— Пентос. Пообещай мне Пентос.

Вперед он послал лучников. Черный Балак командовал тысячью стрелков; в юности Джон Коннингтон разделял рыцарское презрение к этому роду войск, в изгнании поумнел. Стрела разит не хуже, чем меч. Перед отплытием Бездомный Гарри Стрикленд по его настоянию разбил людей Балака на десять отрядов, по сотне в каждом, и посадил их на разные корабли.

Флотилия из шести кораблей благополучно высадила свою часть армии на мысе Гнева; волантинцы уверяли, что еще четыре судна подойдут после, однако Грифф полагал, что они затонули или причалили в другом месте. Они располагали, следовательно, шестью сотнями лучников, но на первых порах им вполне хватило двухсот.

— Они попытаются послать воронов, — сказал Грифф Черному Балаку. — Следите за мейстерской вышкой — вот она. — Он ткнул в карту, которую начертил на земле. — Сбивайте каждую птицу, вылетающую из замка.

— Собьем, — заверил летниец.

Треть стрелков Балака пользуется арбалетами, еще треть — восточными составными луками из

дерева, рога и сухожилий. Лучшими считаются большие тисовые луки западного образца и вовсе непревзойденными — длинные из златосерда, принадлежащие самому Балаку и пятидесяти его землякам: лучше златосерда только драконова кость. Все люди Балака, независимо от рода оружия, — ветераны, закалившие свое мастерство в сотне битв, набегов и стычек. В Гриффин-Русте они еще раз показали, на что способны.

Замок, стоящий на высоком темно-красном утесе, с трех сторон окружают бурные воды залива Губительные Валы. Единственный вход в него защищен надвратной башней, за воротами простирается так называемая грифонова глотка — длинный голый хребет. На нем неприятель открыт для копий, камней и стрел из двух круглых башен у главных ворот; у самых ворот на головы врагам льют кипящее масло. Грифф ожидал потерять сотню с небольшим, но потерял всего четверых.

Лес у первых ворот сильно разросся за последние годы. Франклин Флауэрс со своими людьми использовал кусты как прикрытие и вышел в двадцати ярдах от входа с тараном, изготовленным в лагере. Когда тот грохнул в ворота, на стене появились двое, но лучники сняли их, не

дав протереть глаза. Ворота, закрытые, но не запертые, рухнули со второго удара. Сир Флауэрс успел пройти половину «глотки», когда в замке наконец затрубил рог.

Первый ворон вылетел, когда осадные крючья уже зацепили стену, второй — чуть позже. Обоих сняли на первой же сотне ярдов. Часовой скинул вниз ведро с маслом, не успев его подогреть — ведро причинило больше вреда, чем его содержимое. На стене, сразу в полудюжине мест, зазвенели мечи. Бойцы вольного отряда перелезали через зубцы и бежали по парапету с криком: «Грифон! Грифон!» Древний боевой клич дома Коннингтонов привел защитников в еще большее замешательство.

Все закончилось очень быстро. Бездомный Гарри Стрикленд и Грифф на белом коне въехали в «глотку» бок о бок. С мейстерской вышки взлетел третий ворон, которого тут же подстрелил Черный Балак самолично.

— Больше писем не будет, — сказал командир лучников и был прав: следующим с башни вылетел мейстер. Он так махал руками, что сам мог сойти за птицу.

Оставшиеся защитники побросали оружие, и Джон Коннингтон вновь вступил во владение

родовым замком.

— Сир Франклин, — скомандовал он, — сгоняйте во двор всех, кого найдете в замке и в кухне. Ты, Моло, проделай то же самое с мейстерской вышкой и оружейной, вы, сир Брендел, займитесь конюшней, казармой и септой. Не убивайте никого, кто сам того не захочет: завоевание штормовых земель с резни начинать негоже. Загляните под алтарь Матери, там есть потайная лестница. Еще один ход прорыт под северо-западной башней и ведет прямо в море. Уйти не должен никто.

— Не уйдут, милорд, — пообещал Франклин Флауэрс.

Когда все отправились выполнять приказ, Коннингтон поманил к себе Полумейстера.

— Ступай на вышку, Хелдон, надо отправить письма.

— Будем надеяться, они оставили нам пару воронов.

Даже Бездомный Гарри был поражен столь быстрой победой.

— Вот уж не думал, что все пройдет так легко, — сказал он, увидев в чертоге позолоченное Сиденье Грифонов, которое Коннингтоны занимали пятьдесят поколений.

— Дальше будет труднее: здешних мы захватили врасплох, но с другими это вряд ли удастся, даже если Черный Балак ни единого ворона не оставит в живых.

Стрикленд разглядывал выцветшие гобелены на стенах, закругленные окна с красными и белыми стеклянными ромбами, стойки с копьями, мечами и молотами.

— Пусть приходят. Здесь можно сдерживать войско в двадцать раз больше нашего, лишь бы припасов хватило — тем более что в замке, как вы говорите, есть ход к морю.

— Да. Это пещера под утесом, открывающаяся лишь во время отлива. — Коннингтону ничуть не хотелось выдерживать осаду в своем родном замке. Гриффин-Руст невелик, хотя и хорошо укреплен; то ли дело соседний, большой и почти неприступный. Если взять его, пошатнется все королевство. — Прошу прощения, капитан. В септе похоронен мой лорд-отец, хотелось бы помолиться после стольких лет над его гробницей.

— Конечно, милорд.

Коннингтон направился, однако, не в септу, а на крышу восточной башни, самой высокой. Поднимаясь, он вспоминал прошлые восхождения: не меньше ста с лордом-отцом, любившим

оглядывать сверху свои леса, утесы и море, и одно — только одно — с Рейегаром Таргариеном. Принц Рейегар, возвращаясь со свитой из Дорна, остановился в замке на две недели. Он был молод тогда, Коннингтон — и того моложе. Приветственный пир Рейегар почтил игрой на своей сребструнной арфе, и все женщины прослезились от его грустной любовной песни. Мужчины, конечно, не плакали, тем более лорд-отец, любивший разве что свои земли. Лорд Армонд весь вечер старался переманить принца на свою сторону в споре с Морригеном.

Дверь на крышу заклинило — никто не открывал ее много лет. Лорд Джон приналег на нее плечом и был вознагражден все тем же великолепным видом: утес с изваянными ветром шпилями, бурное море внизу, бескрайнее небо, пестрый осенний лес. «Владения вашего отца очень красивы», — сказал Рейегар, стоя на этом самом месте, и юный Коннингтон ответил: «Когда-нибудь все это будет моим». Нашел перед кем хвастаться — перед принцем, которому предстояло унаследовать все королевство от Бора и до Стены.

Гриффин-Руст перешел-таки к Джону, но ненадолго: он, чего не случалось ни с одним его

предком, лишился своих земель. Слишком высоко он тогда вознесся, слишком сильно любил, слишком многого возжелал — и упал, пытаясь достать звезду с неба.

После Колокольной битвы, когда неблагодарный Эйерис Таргариен, снедаемый безумными подозрениями, лишил его титула и отправил в изгнание, лордом стал кузен Джона сир Рональд — Джон, отправляясь в Королевскую Гавань на службу к принцу, оставил его кастеляном. Роберт Баратеон, став королем, доконал грифонов. Замок и голову кузену оставили, но назывался он уже не лордом, а Рыцарем Гриффин-Руста. От земель Коннингтонов осталась едва ли десятая часть: все остальное разделили между соседними лордами, поддержавшими Роберта.

Рональд давно уже умер, а сын его Роннет, теперешний Рыцарь Грифонов, ушел воевать куда-то в речные земли. Это к лучшему: людям свойственно биться за свое добро до последнего, даже если оно ворованное. Не хотелось бы отпраздновать свое возвращение смертью близкого родича. Рональд, конечно, не преминул воспользоваться падением лорда-кузена, но Рыжий Роннет тогда был ребенком. Джон даже покойного сира Рональда ненавидел не так чтобы люто и всю вину

возлагал на себя.

Поражение в Каменной Септе он потерпел из-за собственного высокомерия.

Где-то в городе, раненый, один-одинешенек, скрывался Роберт Баратеон. Джон Коннингтон знал об этом и понимал, что голова Роберта на копье мигом положит конец восстанию. Он очень гордился собой, и недаром: король Эйерис сделал его десницей, дал ему войско. Молодой Джон должен был доказать, что достоин королевского доверия и любви Рейегара. Он намеревался убить мятежного лорда собственноручно и завоевать себе место в истории Семи Королевств.

Ворвавшись в Каменную Септу, он закрыл город и начал поиски. Его рыцари выломали каждую дверь, обшарили все подвалы, даже по сточным канавам ползали, однако Роберта не нашли. Горожане переводили его из одного тайника в другой, всегда опережая на шаг людей короля. Гнездо изменников, а не город. Под конец узурпатор укрылся в борделе — что это за король, который прячется за бабьими юбками? Во время розысков к городу подошли Эддард Старк и Хостер Талли с мятежным войском. Зазвонили колокола, началась битва, Роберт выскочил из борделя с мечом в руке и чуть не убил Джона на ступенях септы,

давшей название городу.

Годы спустя Коннингтон старался убедить себя в том, что его вины в этом не было: любой на его месте предпринял бы такие же действия. Он обыскал весь город, предлагал помилование, обещал награду, вывешивал заложников в клетках и грозил не поить и не кормить их, пока ему не выдадут Роберта.

«Сам Тайвин Ланнистер не сделал бы больше», — сказал он Черному Сердцу на первом году своего изгнания.

«Ошибаешься, — возразил Милс Тойн. — Лорд Тайвин попросту подпалил бы этот городишко со всем его населением: грудными младенцами, рыцарями, септонами, шлюхами, свиньями, мятежниками и крысами — а уж потом, когда на пожарище остыли бы угли, послал своих людей искать кости Роберта. После этого Старк и Талли как пить дать приняли бы от него помилование и убрались домой, поджав хвост».

«Прав был Черное Сердце, — думал Джон Коннингтон, опираясь на крепостной зубец родового замка. — Я хотел убить Роберта на поединке и не желал носить клеймо мясника. В итоге Роберт ушел от меня и зарубил Рейегара на Трезубце».

— Я подвел отца, — промолвил он вслух, — но

сына не подведу.

Когда он спустился, во дворе уже собрали всех обитателей замка. Сир Роннет действительно ушел с Джейме Ланнистером, но кое-какие грифоны в Гриффин-Русте еще остались. Среди пленных обнаружились младший брат Роннета Реймунд, сестра Алинна и внебрачный сын, ярко-рыжий мальчуган по имени Роннет Шторм. Пригодятся как заложники на случай, если Рыжий Роннет вздумает отвоевывать бесчестно занятый его родителем замок. Коннингтон приказал заключить всех троих в западной башне. Девушка расплакалась, бастард попытался укусить солдата с копьем.

— Перестаньте! — прикрикнул на них лорд Джон. — Вам ничего не сделают, если Рыжий Роннет не станет валять дурака.

Из тех, кто служил здесь еще при нем, остались немногие: старый кривой сержант, пара прачек, успевший повзрослеть конюшонок, значительно потолстевший повар и оружейник. В пути Грифф отпустил бороду: она, к его удивлению, росла рыжей, и лишь кое-где сквозь огонь пробивался пепел. В длинном красно-белом камзоле с двумя дерущимися грифонами своего дома он должен был выглядеть как постаревший молодой лорд,

друг и товарищ принца Рейегара, но слуги явно не признавали его таковым.

— Одни из вас вспомнят меня, — сказал он, — другие сейчас узнают, кто я такой. Я ваш законный лорд, вернувшийся после долгого изгнания. Враги убедили вас в том, что я умер, — это, как видите, ложь. Служите мне верно, как служили кузену, и никакого вреда вам не будет.

Люди, поочередно выходя вперед, называли лорду свои имена, преклоняли колени и приносили присягу на верность. Солдаты, из которых после взятия замка уцелели только четверо, старый сержант и трое юнцов, сложили свои мечи. Никто не мешкал, и все остались в живых.

В ту ночь победители запивали жареное мясо и свежую рыбу добрым красным вином из подвалов замка. За высоким столом с Коннингтоном сидели Гарри Стрикленд, Черный Балак, Франклин Флауэрс и трое заложников. Лорд Джон хотел лучше познакомиться со своими юными родичами, но бастард вскоре заявил:

— Вот вернется отец и убьет тебя.

Коннингтон счел, что с него хватит, отправил их обратно в тюрьму и вышел сам, извинившись перед сотрапезниками.

Хелдон Полумейстер на пир не пришел — засел,

обложившись картами, в мейстерской башне.

— Прикидываешь, где искать наше пропавшее войско?

— Пытаюсь, милорд.

Из Валан-Териса отплывали десять тысяч человек с оружием, лошадьми и боевыми слонами. Пока что до условленного места высадки — безлюдного берега на краю Дождливого леса — добралась едва половина. Коннингтон хорошо знал эту полоску земли: когда-то она принадлежала ему.

Еще несколько лет назад он не дерзнул бы высаживаться на мысе Гнева, зная, как нерушимо преданы местные лорды дому Баратеонов и королю Роберту. Теперь, со смертью Роберта и его брата Ренли, все изменилось. Станнис, не будь он даже на другом краю света, не внушает к себе любви, а любить дом Ланнистеров штормовым лордам не за что. Может статься, и у Коннингтона здесь найдутся друзья: старые лорды еще помнят его, молодые о нем наслышаны, и все они знают историю Рейегара и его сына, которому размозжили голову в младенческом возрасте.

Его корабль, к счастью, одним из первых причалил к родному берегу. Оставалось лишь выбрать место для лагеря, пока окрестные жители не

почуяли чего-то неладного. Тут-то Золотые Мечи и показали себя по всем блеске: неразберихи, присущей войску, набранному из крестьян и домашних рыцарей, здесь не было и следа. Наследники Жгучего Клинка впитывали дисциплину с молоком матери.

— Завтра к этому времени у нас должно быть три замка, — сказал Коннингтон. Гриффин-Руст они брали с четвертью наличного войска, такой же отряд сир Тристан Риверс повел на усадьбу Морригенов Воронье Гнездо, а Ласвелл Пек должен взять Дом Дождя, замок Уайлдов. Остальные во главе с казначеем Горисом Эдорионом остались в лагере охранять принца. Надо надеяться, что скоро их станет больше: новые корабли прибывают день ото дня. — Жаль, что коней пока маловато.

— И слонов нет, — напомнил Хелдон. Ни один из больших коггов со слонами на борту еще не пришел — в последний раз их видели в Лиссе, до того, как флот разметало штормом. — Лошадей можно найти и в Вестеросе, но их…

— Ничего. — Слоны, безусловно, пригодились бы в большой битве, но они пока не готовы встретиться с врагом в поле. — Есть в этих пергаментах хоть что-то полезное?

— Как не быть, милорд? — улыбнулся краями губ Хелдон. — Ланнистеры легко наживают врагов, а вот друзей удержать им не всегда удается. Их союз с Тиреллами, судя по этим письмам, трещит по всем швам. Королевы Серсея и Маргери, дерущиеся за маленького короля, как две суки за кость, объявлены распутницами и государственными изменницами. Мейс Тирелл снял осаду Штормового Предела и двинулся на Королевскую Гавань спасать свою дочь — оставил только горстку людей, чтобы не выпускать из замка сторонников Станниса.

Коннингтон сел.

— Рассказывай дальше.

— На Севере Ланнистеров поддерживают Болтоны, в речных землях — Фреи. Оба дома известны своей жестокостью и склонны к предательству. Лорд Станнис Баратеон не намерен прекращать свой мятеж, Железные Люди на островах тоже выбрали себе короля. О Долине никто не упоминает — Аррены, как видно, держатся в стороне.

— А что Дорн? — Долина далеко, а Дорн близко.

— Младший сын принца Дорана помолвлен с Мирцеллой Баратеон, что предполагает союз Дорна с Ланнистерами, но дорнийские войска

стоят на Костяном Пути и Принцевом перевале.

— Зачем? — нахмурился лорд. Без Дейенерис с ее драконами его первостепенной надеждой был Дорн. — Напиши Дорану Мартеллу, что сын его сестры жив, что он вернулся домой и хочет сесть на отцовский трон.

— Хорошо, милорд. — Хелдон развернул очередной пергамент. — Мы высадились как нельзя вовремя: со всех сторон у нас множество возможных друзей… или возможных врагов.

— Без драконов возможным друзьям придется пообещать что-нибудь.

— Золото и земли, что же еще.

— А где я это возьму? Стрикленд и его люди потребуют, чтобы владения изгнанных предков вернули им. Не годится.

— Одна приманка для великих домов у вас есть: брачный союз с Эйегоном.

Коннингтон хорошо помнил свадьбу его отца. Элия, хрупкая и болезненная, не была ему достойной женой. Слегла на полгода в постель, родив Рейенис, а рождение Эйегона едва ее не убило. Детей ей больше нельзя иметь, сказали мейстеры принцу.

— Эйегон должен оставаться свободным на случай возвращения Дейенерис, — сказал он

Хелдону.

— Значит, нужно предложить в женихи кого-то другого.

— Это кого же?

— Вас — вы ведь холостяк. Знатный лорд в хороших мужских годах, без наследников, не считая этих ваших кузенов. Отпрыск древнего рода с крепким замком и обширными землями, которые благодарный король, без сомнения, вам вернет. Прославленный воин и десница короля, правящий государством от его имени. Многие дома почтут за честь породниться с вами — даже принц Дорнийский, возможно.

Временами Полумейстер раздражал Коннингтона не меньше, чем безвестно пропавший карлик.

— Не думаю. — Никто, тем более жена, не должен узнать о смерти, ползущей вверх по его руке. — Напиши письмо принцу Дорану и покажи его мне.

— Да, милорд, сей же час.

Коннингтон лег в отцовской опочивальне, под пыльным балдахином из красно-белого бархата. На рассвете его разбудил дождь и робкий стук слуги, пришедшего спросить, что подать новому лорду на завтрак.

— Вареные яйца, поджаренный хлеб, бобы и кувшин вина покислее.

— Покислее, милорд?

— Вот именно.

Вино он, заперев прежде дверь, вылил в таз и опустил туда руку. Леди Лемора предписывала карлику уксусные примочки и ванны от серой хвори, но кувшин уксуса по утрам неизбежно вызовет подозрения, и хорошее вино переводить тоже незачем. Чернота распространилась уже на четыре ногтя; большой палец оставался пока нетронутым, зато средний стал серым выше второго сустава. Отрубить бы его, но как потом объяснишь нехватку? Ни в коем случае нельзя признаваться, что у него такая болезнь. Человек, готовый отдать жизнь за друга в бою, мигом откажется от того же друга, заболевшего серой хворью. Почему он не дал треклятому карлику утонуть?

Подобающе одетый, в перчатках, он обошел замок и пригласил Стрикленда с другими капитанами на совет. В горнице их собралось девять: он сам, Стрикленд, Хелдон Полумейстер, Черный Балак, сир Франклин Флауэрс, Моло Зейн, сир Брендел Бирн, Дик Коль и Лаймонд Пиз. Полумейстер принес хорошие вести.

— В лагере получено послание от Марка Мандрака. Волантинцы высадили его с пятью сотнями человек на остров, оказавшийся Эстермонтом, и Марк взял Зеленую Скалу!

Занимать Эстермонт, остров близ мыса Гнева, они даже не собирались.

— Проклятые волантинцы выкидывают нас на любой клочок суши, который им подвернется, — сказал Франклин Флауэрс. — Спорю, что и на Ступенях наши ребята есть.

— Вместе с моими слонами, — скорбно молвил Стрикленд: Бездомный Гарри тосковал по своим слонам.

— У Мандрака нет лучников, — заметил Лаймонд Пиз. — Как знать, не успела ли Зеленая Скала разослать воронов.

— Может, и успела, — сказал Коннингтон, — но сообщить они могли разве что о набеге с моря. — Еще в Валан-Терисе он наказал своим капитанам не поднимать на первых порах ни трехглавого Эйегонова дракона, ни грифонов своего дома, ни черепов и золотых штандартов отряда. Пусть Ланнистеры винят Станниса Баратеона, пиратов со Ступеней, лесных разбойников — всех, кого вздумается. Чем путанее будут послания, доставленные в Королевскую Гавань, тем лучше.

Пока Железный Трон почешется, они, глядишь, дождутся недостающих войск и разживутся союзниками. — На Эстермонте должны быть какие-то корабли. Напиши Мандраку, Хелдон, чтобы оставил там гарнизон, а остальных вместе со знатными пленниками, ежели они есть, перевез на мыс Гнева.

— Непременно, милорд. Эстермонты связаны кровными узами с обоими королями: не заложники, а мечта.

— И выкуп дадут хороший, — взбодрился Гарри.

— Пора и за принцем Эйегоном послать, — сказал Коннингтон. — За этими стенами ему безопасней, чем в лагере.

— Я пошлю гонца, — сказал Флауэрс, — но не думаю, что собственная безопасность сильно беспокоит его. Парень захочет быть в гуще событий.

«Как мы все в его возрасте», — мысленно согласился лорд Джон.

— Не поднять ли нам его знамя? — спросил Пиз.

— Не стоит пока. Пусть в Королевской Гавани думают, что это всего лишь изгнанный лорд с отрядом наемников пожелал вернуть себе родовое поместье, что бывает достаточно часто. Я, со

своей стороны, напишу королю Томмену просьбу о помиловании и возвращении мне титулов и земель — это займет их на время. А мы, пока они шевелят мозгами, тайно уведомим наших вероятных друзей в штормовых землях, Просторе и Дорне. — Последние важнее всего. Мелкие лорды могут примкнуть к ним из страха или ради наживы, но выступить против дома Ланнистеров способен лишь принц Дорнийский. — В первую голову нам нужен Доран Мартелл.

— Сомневаюсь, что мы его заполучим, — сказал Стрикленд. — Этот дорниец боится собственной тени.

«Не больше, чем ты».

— Он осторожный человек, это верно. Без уверенности в нашей победе он к нам не присоединится, поэтому мы должны показать ему свою силу.

— Если Пек и Риверс добьются успеха, больше половины мыса Гнева окажется в наших руках, — заметил Стрикленд. — Четыре замка за столько же дней — для начала совсем неплохо, но нам все еще недостает половины войска, лошадей и слонов. Я за то, чтобы дождаться их, переманить на свою сторону местных лордов и дать Лиссоно Маару время заслать шпионов к нашим врагам.

Коннингтон смерил пухлого верховного капитана холодным взглядом. Это не Черное Сердце, не Жгучий Клинок, не Мейелис. Боится обжечься и потому готов ждать, когда замерзнут все семь преисподних.

— Не для того мы пересекли полсвета, чтобы сидеть и ждать. Вернее всего будет нанести быстрый и сильный удар, пока Королевская Гавань еще не поняла, кто мы. Я намерен взять Штормовой Предел, неприступную крепость, последний оплот Станниса Баратеона на юге. Перейдя к нам, этот замок станет надежным укрытием и докажет, что мы — сила, с которой нужно считаться.

Капитаны Золотых Мечей обменялись взглядами.

— В случае успеха получится, что мы отобрали замок у Станниса, а не у Ланнистеров, — сказал Брендел Бирн. — Не лучше ли заключить с ним союз?

— Станнис — брат Роберта, приложивший руку к свержению дома Таргариенов. Силы у него скудные, и находится он за тысячу лиг от нас. Не тратить же нам полгода на дорогу туда ради столь сомнительной выгоды.

— Если Штормовой Предел и впрямь неприступен, как вы намерены его взять? — спросил

Моло.

— Хитростью.

— Лучше все-таки подождать, — настаивал Стрикленд.

— Подождем десять дней, не более — приготовления займут как раз столько времени. Утром одиннадцатого дня мы выступим к Штормовому Пределу.

Четыре дня спустя прибыл принц. Он ехал во главе конной сотни, за которой шли три слона. Его сопровождали леди Лемора в белом одеянии септы и сир Ройли Уткелл в белоснежном плаще.

«Утка человек надежный и верный, — подумал Джон Коннингтон, — но состоять в Королевской Гвардии вряд ли достоин». Лорд Джон долго убеждал принца приберечь эту честь для прославленных воинов и младших сыновей знатных лордов, но юноша был непреклонен. «Утка, если будет нужда, умрет за меня, а это все, что мне требуется от королевских гвардейцев. Вспомним, что Цареубийца был прославленным воином и сыном лорда в придачу».

Шесть вакансий, по настоянию Коннингтона, все же остались открытыми, иначе за Уткой потянулись бы шесть утят, один другого чуднее.

— Проводите его величество в мою горницу, —

приказал лорд.

Эйегон Таргариен был, однако, не столь послушен, как Молодой Грифф. В горницу он явился лишь через час вместе с Уткой.

— Мне нравится ваш замок и ваши владения, лорд Коннингтон. — Серебристые волосы принца растрепались на ветру, глаза лиловели.

— Мне тоже, ваше величество. Садитесь, прошу вас. Вы нам пока не нужны, сир Ройли.

— Пусть останется, — сказал принц. — Мы говорили с Флауэрсом и Стриклендом и знаем, что вы задумали взять Штормовой Предел.

— Бездомный Гарри уговаривал вас подождать? — спросил, проглотив гнев, лорд Джон.

— Разумеется. Настоящая старая дева, правда? Ваш план меня вполне устраивает, милорд, внесу лишь одну поправку: штурмом командовать буду я.

Жертва

Люди королевы сложили свой костер на деревенском выгоне, ныне укрытом снегом. На расчищенном клочке мерзлой земли кирками, лопатами и топорами выдолбили две ямы. Дувший с запада ветер нес по замерзшим озерам новый снежный заряд.

— Ты не обязана на это смотреть, — сказала Алис Мормонт.

— Ничего, посмотрю. — Аша Грейджой — дочь кракена, не трепетная девица: страшные зрелища ей нипочем.

День был темный, холодный, голодный — такой же, как вчера и позавчера. Закутанные рыболовы тряслись над лунками, проделанными во льду. Еще недавно можно было надеяться выудить по одной-две рыбы на брата, а привычные к такому промыслу северяне выуживали и все пять, но сегодня Аша, продрогшая до костей, вернулась с пустыми руками. Алис тоже не посчастливилось: вот уже три дня им не удавалось поймать ни одной рыбки.

— Я тоже не обязана, — сказала Медведица.

— Ну так ступай. Даю тебе слово, что в бега не

ударюсь. Куда мне бежать — в Винтерфелл? До него, говорят, осталось только три дня езды.

Шесть людей королевы вставляли в продолбленные ямы два высоченных сосновых шеста. Скоро к ним привяжут людей. Близится ночь, и для красного бога готовится угощение. Приношение крови и огня, как говорят люди королевы: авось, Владыка Света обратит на них свое огненное око и растопит трижды проклятые снега.

— Даже в этом месте мрака и ужаса Он не оставит нас, — сказал сир Годри Фарринг собравшимся зрителям.

— Что ваш южный бог понимает в снегах и метелях? — вопросил Артос Флинт — его черная борода густо обросла инеем. — Это старые боги гневаются на нас, их и надо умилостивить.

— Точно, — поддержал его Вулл Большое Ведро. — Красный Раглу здесь не имеет силы. Вы только разозлите старых богов — им все видно с острова.

Деревня стояла меж двух озер. Из того, что побольше, кулаками великанов-утопленников торчали лесистые островки. На одном из них росло громадное древнее чардрево, белое, как лежащий вокруг него снег. Восемь дней назад Аша и Алис ходили посмотреть на него вблизи. «Это

просто древесный сок», — говорила себе Аша, глядя на прищуренные красные глаза и окровавленный рот, но ее собственные глаза говорили обратное: то, что она видела, было застывшей кровью.

— Это вы, северяне, навлекли на нас снег, — спорил Корлисс Пенни. — Вы и ваши демоновы деревья. А Рглор нас спасет.

— Рглор обречет нас на гибель, — упорствовал Артос Флинт.

«Чума на ваших богов», — думала Аша Грейджой.

Годри Победитель Великанов пошатал колья на пробу.

— Хорошо сидят, крепко. Ведите приговоренных, сир Клэйтон.

Клэйтон Саргс — правая рука Годри, но не сухая ли это рука? Аша испытывала к нему глубокую неприязнь. Годри Фарринг предан своему богу, а Саргс просто жесток: вон каким жадным взором он смотрит в пламя ночных костров. Не бога он любит, а священный огонь. Аша спросила сира Джастина, всегда ли Саргс был таким, и он ответил, скорчив гримасу: «На Драконьем Камне он играл в кости с палачами и помогал им допрашивать узников — особенно молодых женщин».

Аша так и предполагала. В первую голову Сагсу хотелось бы сжечь ее.

В трех днях пути от Винтерфелла они сидят уже девятнадцать дней. От Темнолесья до Винтерфелла сто лиг лесом и триста миль по прямой, как ворон летит, но они-то не вороны, а метель и не думает утихать. Тщетно Аша смотрит в небо каждое утро: солнца не видно. Все хижины преобразились в снежные холмики, скоро и общинный дом заметет.

Кормятся они кониной, озерной рыбой (иссякающей с каждым днем) и тем, что умудряются добыть фуражиры в мертвом зимнем лесу. Львиную долю мяса забирают лорды и рыцари — не диво, что простые солдаты начали есть мертвецов.

Аша ужаснулась не меньше других, узнав от Медведицы, что четверо людей Пезбери вырезали у мертвого солдата Фелла филейные части и поджарили его руку на вертеле, но не стала делать вид, что это ее удивляет. Она могла бы поспорить, что они не первые отведали человечины в этом походе, — им просто не повезло.

За свое пиршество четверка будет сожжена заживо, и это, как уверяют люди королевы, остановит метель. Аша в красного бога не верила, но

молилась, чтобы они оказались правы. Иначе им понадобятся новые жертвы, и заветное желание сира Клэйтона наконец-то осуществится.

Саге уже гнал к столбам четырех людоедов — голых, со связанными руками. Самый младший рыдал, ковыляя по снегу, двое шагали как неживые, с потупленными глазами. Никакие не чудовища, самые обыкновенные люди.

Самый старший, сержант, один сохранял присутствие духа и ругательски ругал людей королевы.

— Так вас всех и растак, а красного бога особо. Надо было и твоего родича слопать, Годри, уж больно смачный шел дух, когда его жарили. Нежный, поди, парнишка был, сочный. — Удар древком копья швырнул его на колени, но рот ему не заткнул. Сержант встал, выплюнул кровь вместе с выбитыми зубами и добавил: — Вкусней всего хрен — хрустит что твоя колбаска. — Его обматывали цепями, но он гнул свое: — Эй, Пенни, что у тебя за имя такое? Твоя мать столько стоила, что ли? А ты, Саге, поганый ублюдок…

Сир Клэйтон молча вскрыл ему горло.

Молодой солдат — тощий, ребра можно пересчитать — расплакался еще пуще.

— Не надо, — повторял он, — не надо, он же все

равно умер, а мы были голодные…

— Сержант хорошо придумал, — заметила Аша. — Раздразнил Сагса, тот его и прикончил. — Сработает ли та же уловка, когда очередь дойдет до нее?

Жертв по двое, спина к спине, привязали к столбам — трех живых, одного мертвеца. Поленья и хворост у них под ногами полили лампадным маслом. Люди королевы спешили: густо валящий снег грозил намочить дрова.

— Где же король? — спросил Корлисс Пенни.

На днях, не выдержав лишений, умер кузен сира Годри Брайен Фарринг, один из королевских оруженосцев. Мрачный Станнис, постояв у погребального костра, удалился в сторожевую башню и больше оттуда не выходил. Порой его видели на крыше у маячного огня, горевшего днем и ночью. «С красным богом говорит», — утверждали одни. «Зовет леди Мелисандру», — полагали другие. Короче говоря, взывает о помощи, подытожила Аша Грейджой.

— Кенти, поди скажи королю, что у нас все готово, — велел сир Годри своему латнику.

— Король здесь, — объявил Ричард Хорп. Поверх доспехов он надел стеганый дублет с тремя бабочками «мертвая голова» на поле костей и

пепла. Король Станнис шел рядом с ним, а следом, опираясь на терновую трость, поспешал Арнольф Карстарк. Неделю назад он привел к ним сына, трех внуков, четыреста копейщиков, полсотни лучников, десяток конных, мейстера с воронами… Но провизии у них едва хватало на прокорм своего отряда.

Карстарк, как сказали Аше, на самом деле не лорд: он всего лишь назначен кастеляном Кархолда на то время, пока настоящий лорд остается пленником Ланнистеров. Тощий, скрюченный, левое плечо на фут выше правого, серые косые глаза, желтые зубы. Череп прикрывают несколько белых прядок, седая бородка всклокочена, улыбка не сказать чтобы приятная. Однако, если Винтерфелл будет взят, в нем, по слухам, посадят Карстарка, а не кого-то еще. Дом Карстарков в далеком прошлом отпочковался от дома Старков, а лорд Арнольф первым из знаменосцев Эддарда Старка перешел к Станнису.

Карстарки, насколько Аша знала, поклонялись старым богам Севера — так же, как Вуллы, Норри, Флинты и другие горные кланы. На сожжении лорд Арнольф, вероятно, присутствует по велению короля, чтобы своими глазами убедиться в силе красного бога.

Двое осужденных начали молить Станниса о милосердии. Король выслушал их молча, со стиснутыми зубами, и сказал Годри Фаррингу:

— Начинайте.

Победитель Великанов воздел руки к небу.

— Услышь нас, Владыка Света.

— Защити нас, Владыка Света, — подхватили люди королевы, — ибо ночь темна и полна ужасов.

— Хвала тебе за солнце, которые мы молим вернуть. Да озарит оно нам путь к полю битвы. — Снежинки таяли на запрокинутом лице сира Годри. — Хвала тебе за звезды, хранящие нас ночью. Сорви с них покров, о Боже, и яви их нам вновь.

— Защити нас, Владыка Света. Разгони злую тьму.

Сир Корлисс Пенни поднял факел над головой и очертил круг, раздувая пламя. Кто-то из обреченных жертв завыл.

— Мы предаем этих четырех злодеев твоему очищающему огню, о Рглор, — пел сир Годри, — дабы выжечь мрак из их черных душ. Пусть обуглится их мерзкая плоть, чтобы души, очищенные от зла, могли воспарить к свету. Прими их кровь, о Владыка, и растопи ледяные цепи,

сковавшие твоих верных рабов. Прими их боль и даруй силу нашим мечам. Прими эту жертву и укажи нам путь к Винтерфеллу. И покарай нашими руками неверных.

— Прими эту жертву, Владыка Света, — подхватила сотня голосов.

Сир Корлисс поджег дрова у одного столба и бросил факел к подножью другого. Повалил дым, осужденные закашлялись, на поленьях затрепетало первое робкое пламя. Еще немного, и огонь охватил оба столба.

— Он уже мертвый был, — кричал молодой. — Нас мучил голод… — Волосы у него на лобке занялись, и крик перешел в бессловесный вопль.

Рот Аши наполнился желчью. На Железных островах жрецы режут невольникам горло и отдают тела Утонувшему Богу, но это намного хуже.

«Закрой глаза, — говорила она себе. — Не смотри». Люди королевы вновь затянули гимн, почти не слышный за воплями мучеников. Ашу трясло вопреки бьющему в лицо жару. Смрад дыма и паленого мяса окутал толпу. Кто-то из четверых еще дергался в раскаленных цепях, но крики вскоре умолкли.

Король Станнис повернулся и зашагал к своей башне — искать ответа в маячном огне. Арнольф

Карстарк заковылял следом, но сир Ричард Хорп перехватил его и направил к общинному дому. Все расходились к своим кострам, к своему скудному ужину.

— Ну что, железная сука, понравилось? — Клэйтон Сагс сунул свой угреватый нос в лицо Аше, дыша на нее пивом и луком. Глазки у него поросячьи, в точности как у крылатой свиньи на его гербе. — Когда к столбу привяжут тебя, соберется еще больше народу.

Это правда. Волки охотно призовут ее к ответу за Ров Кейлин, за Темнолесье, за извечные набеги на Каменный Берег, за все, что сотворил Теон в Винтерфелле.

— Отпустите, сир. — При виде Сагса ее рука каждый раз тянулась к отсутствующей перевязи с топориками. «Персты» она плясала не хуже любого мужчины на островах — десять целехоньких пальцев это доказывали. Некоторым бритым мужчинам была бы к лицу борода, а сиру Клэйтону очень пошел бы топорик во лбу. Безоружная она только и может что вырываться, а он все держит — запустил пальцы в руку, как железные когти.

— Миледи просила вас отпустить ее, — вмешалась Алис. — И знайте, сир, что на ваш костер она

не взойдет.

— Там увидим. Слишком долго мы терпим у себя эту демонопоклонницу, — проворчал Сагс, но Ашу все-таки отпустил: с Медведицей мало кто дерзал связываться.

— У короля другие планы на его пленницу, — сказал явившийся как раз вовремя Джастин Масси.

— У короля или у тебя? — фыркнул Сагс. — Зря стараешься, Масси: гореть твоей принцессе ярким огнем. Красная женщина говорит, что королевская кровь угодна нашему богу.

— Рглор вполне может удовлетвориться жертвами, которые мы принесли сегодня.

— Четыре мужлана метели не остановят, а вот она может.

— Если и эта жертва не остановит метели, кого вы сожжете следующим? — спросила Медведица. — Меня?

— Почему бы не сира Клэйтона? — дала себе волю Аша. — Рглор с удовольствием возьмет к себе одного из своих. Праведника, который будет петь гимны, пока его член поджаривается.

— Смейся, Масси, смейся, — рявкнул взбешенный Сагс. — Посмотрим, кто из нас посмеется, если снег не перестанет идти. — Он взглянул на

обугленные тела у столбов, улыбнулся и отошел прочь.

— Мой заступник, — сказала Аша Джастину Масси — похвалу он, во всяком случае, заслужил. — Спасибо, что спасли меня, сир.

— Друзей среди людей королевы вам это не прибавит, — сказала Медведица. — Сами-то вы что ж, разуверились в красном боге?

— И не только в нем, но в ужин пока еще верю. Окажите мне честь, дамы.

— Не хочется что-то, — поморщилась Алис.

— Мне тоже, но подкрепиться надо, а то ведь и конины скоро не будет. При выходе из Темнолесья у нас было восемьсот лошадей, прошлой ночью насчитали всего шестьдесят четыре.

Для Аши это не явилось ударом. Почти все боевые кони, в том числе и скакун Масси, пали, большинство ездовых тоже, даже мелкие кони северян страдали от недостатка кормов. Да и на что им лошади? Поход прерван; солнце, луна и звезды забылись, как давний сон.

— Я, пожалуй, поем.

— Меня увольте, — сказала Алис.

— Я присмотрю за леди Ашей, — пообещал Масси. — От меня она не сбежит.

Медведица, проворчав что-то в знак согласия,

удалилась в свою палатку, а Масси с Ашей побрели по сугробам к общинному дому. Ноги у Аши заледенели, лодыжку пронзало болью на каждом шагу.

Лорды и капитаны облюбовали общинный дом для себя как самый большой в деревне. Один из часовых у двери поднял промасленную завесу, и Аша очутилась в тепле.

Лавки вдоль стен могли вместить человек пятьдесят, но в убогий чертог втиснулось вдвое больше. В выкопанной посередине канаве горели дрова, дым выходил через отверстия в крыше. Северяне сидели по одну сторону от огня, лорды и рыцари по другую.

По сравнению с бледными и изнуренными южанами северные бородачи в мохнатых мехах прямо-таки лучились здоровьем. Испытывая тот же голод и холод, снеговой поход они переносили не в пример лучше.

Аша сняла меховые рукавицы, размяла пальцы, стряхнула снег с плаща, повесила его у двери на колышек. Ноги оттаивали, причиняя ей сильную боль. От горящего торфа приятно пахло — крестьяне оставили в деревне большой запас топлива.

Сир Джастин, усадив ее на скамью, принес

ужин: эль и конину с кровью, дочерна поджаренную снаружи. Порции заметно уменьшились, но запах все так же дразнил обоняние.

— Благодарствую, сир, — сказала Аша, уплетая за обе щеки.

— Зовите меня Джастином. Я настаиваю. — Он нарезал свою долю и стал есть, накалывая куски кинжалом.

Вилл Фоксглов уверял, что через три дня король возобновит свой поход, — он-де сам слышал это от королевского конюха.

— Его величество видел в пламени нашу победу, о которой тысячу лет будут петь и в замках, и в хижинах.

— Прошлой ночью снеговой перечень составил восемьдесят душ, — сказал на это Масси, бросая хрящик собаке. — В походе мы будем умирать сотнями.

— А если останемся здесь, то тысячами, — ответил сир Хамфри Клифтон. — Идти или помирать, третьего не дано.

— Идти и помирать, так будет вернее. И какими средствами мы, по-твоему, возьмем Винтерфелл? Наши люди еле ноги переставляют. Хочешь, чтобы они лезли на стены и строили осадные башни?

— Надо ждать, пока погода не переменится, — сказал сир Ормунд Уайлд, старый рыцарь, похожий на ходячего мертвеца. Когда солдаты бились об заклад, кто из лордов и рыцарей умрет следующим, сир Ормунд неизменно держал первое место. Аше хотелось бы знать, какие ставки делают на нее — может, и сама что-нибудь успеет поставить. — Тут хотя бы укрытие есть и рыба в озерах водится.

— Рыбы мало, рыбаков многовато, — мрачно отрезал лорд Пезбери. Понятно, отчего он угрюм: в жертву были принесены его люди, и поговаривают, будто Пезбери все о них знал и вместе с ними ел человечину.

— Его правда, — подтвердил Безносый Нед Вуд, следопыт из Темнолесья: прозвище он получил, отморозив себе кончик носа позапрошлой зимой. Волчий лес он знал как никто — даже самые горделивые лорды прислушивались к нему. — Вы на эти озера накинулись, как черви на труп. Дивлюсь, как это лед не провалился еще, столько дырок вы в нем понаделали. У острова он и вовсе как сыр. Нет там больше рыбы, всю выловили.

— Тем больше причин продолжать поход, — ввернул Хамфри Клифтон. — Если нам суждена смерть, встретим ее с мечами в руках.

Точно те же доводы приводились и прошлым вечером. Идти дальше — смерть, остаться — смерть, повернуть назад — смерть.

— Ты умирай как хочешь, Хамфри, — сказал Масси, — а я твердо намерен дожить до весны.

— Кое-кто назовет это трусостью, — буркнул лорд Пезбери.

— Лучше быть трусом, чем людоедом.

— Ты… — взъярился Пезбери.

— Войны без смертей не бывает, Джастин, — сказал, войдя в дверь, Ричард Хорп. — Тот, кто пойдет с нами, получит свою долю добычи, взятой у Болтонов, и покроет себя неувядающей славой. Слабые могут остаться здесь — мы пришлем вам еду после взятия Винтерфелла.

— Вы его не возьмете.

— Возьмем, — прошамкал Арнольф Карстарк, сидевший за высоким столом с сыном Эртором и тремя внуками. Держась рукой в старческих пятнах за плечо сына, он привстал, точно стервятник над падалью. — Возьмем ради Неда и его дочери, ради жестоко убитого Молодого Волка. Если надо, мы покажем дорогу, я его величеству так и сказал. «Выступайте, — сказал я, — и еще до исхода луны мы все омоемся кровью Фреев и Болтонов».

Ноги затопали, кулаки застучали по столам. Шумели, как заметила Аша, в основном северяне — южные лорды и рыцари сидели тихо.

— Ваша отвага достойна восхищения, лорд Карстарк, — сказал, дождавшись тишины, Масси, — но одной отвагой не проломишь стен Винтерфелла. Как вы намерены его взять — закидать снежками?

— Свалим деревья, сделаем тараны, — ответил кто-то из внуков.

— И погибнете у ворот.

— Сделаем лестницы, будем штурмовать стены, — сказал другой внук.

— И рухнете вниз.

— Построим осадные башни, — сказал Эртор, младший сын Арнольфа.

— И умрете. Боги, неужто Карстарки безумны все до единого?

— Боги? — повторил Ричард Хорп. — Ты забываешься, Джастин. У нас с тобой один бог. Не поминай демонов, ибо один лишь Владыка Света может спасти нас. Согласен? — Хорп взялся за меч, не спуская глаз с Масси.

— Конечно, — пробормотал тот. — Ты же знаешь, Ричард: я верую в Рглора столь же истово, как и ты.

— Я сомневаюсь не в твоей вере, Джастин, а в твоем мужестве. Ты толкуешь о поражении с тех самых пор, как мы вышли из Темнолесья. На чьей ты стороне, хотелось бы знать.

У Масси побагровела шея.

— Не желаю выслушивать твои оскорбления. — Он сорвал непросохший плащ со стены так, что ткань порвалась, и вышел. Струя холодного воздуха взметнула в очаге пепел и раздула огонь.

При всем недостатке стойкости Джастин оставался одним из немногих заступников Аши. Накинув собственный плащ, она последовала за ним и заблудилась, не пройдя и десяти ярдов. Деревни не было видно — единственной приметой служил огонь на сторожевой башне.

— Джастин? — Ей никто не ответил. Где-то слева заржала лошадь. Боится, бедная тварь — чует, видно, что завтра пойдет на ужин.

Аша плотней запахнулась в плащ.

Сама того не ведая, она снова оказалась на выгоне. Остывшие цепи надежно держали почерневшие тела у столбов. Ворон клевал череп одного из казненных. Снег замел костер и поднялся выше лодыжек покойников. «Старые боги хоронят их», — подумала Аша.

— Смотри хорошенько, сука, — пробасил поза-

ди Клэйтон Сагс. — Ты будешь такой же, когда поджаришься. А уж визгу-то будет… если спруты могут визжать.

«Бог моих отцов! Если ты слышишь меня в своих подводных чертогах, пошли мне один топорик». Утонувший Бог, конечно, не отозвался — с богами всегда так.

— Вы не видели сира Джастина?

— На что тебе этот напыщенный дуралей? Если хочешь мужика, попроси меня, сука.

«Сука, сука». Мужчины вроде Сагса всегда стараются принизить женщин, от которых им нужно только одно. Он еще хуже Среднего Лиддля — тот ругался только в пылу сражения.

— Насильников ваш король кастрирует, — напомнила Аша.

— Да он уже ослеп наполовину, глядя в огонь, — хмыкнул Сагс. — Не бойся, не трону. Потом тебя пришлось бы убить — лучше погляжу, как ты гореть будешь.

Снова эта лошадь.

— Слышите?

— Что я должен слышать?

— Лошадь… лошади. — Снег делает со звуком странные вещи — непонятно, с какой стороны доносится ржание.

— Что за осьминожьи штуки такие? Ничего я не… Вот дьявол! Всадники. — Рукой в меховой перчатке Сагс неуклюже извлек меч из ножен, но всадники уже появились из снежных вихрей: на маленьких конях, а сами большие, просто огромные в своих шубах. На бедрах позвякивают мечи, у одного к седлу приторочен топор, у другого за спиной молот. Есть и щиты, но гербов из-за налипшего снега не разобрать. Аша казалась себе голой рядом с этими фигурами в слоях шерсти, вареной кожи и меха. Рог… Нужно поднять тревогу.

— Беги, глупая сука, предупреди короля, — крикнул сир Клэйтон. — Это Болтон! — Он, конечно, скотина, но в мужестве ему не откажешь. Сагс занял позицию между всадниками и королевской башней, где мерцал, как божье око, рыжий огонь. — Кто идет? Стой!

Конных, по прикидке Аши, было около двадцати. За ними, вполне возможно, следуют сотни — все войско Русе Болтона, скрытое ночью и вьюгой, но эти…

Для разведчиков их многовато, для авангарда мало, двое сплошь в черном. Ночной Дозор!

— Кто вы? — спросила Аша.

— Друзья, — ответил полузнакомый голос. —

Мы вас искали под Винтерфеллом, но нашли только Амбера Воронье Мясо, который дует там в рога и бьет в барабаны. — Всадник соскочил с коня, откинул капюшон, поклонился. Из-за густой обледенелой бороды Аша узнала его не сразу.

— Трис?

— Миледи. — Тристифер Ботли опустился на одно колено. — Девица тоже здесь. Еще Роггон, Угрюмый, Ловкий и Грач — всего шестеро. Мы в седлах пока еще держимся, а Кромм умер от ран.

— Так вы ее люди? — вскричал Клэйтон Сагс. — Как вам удалось выйти из темниц Темнолесья?

Трис встал, отряхнул колени.

— Сибелле Гловер предложили хороший выкуп, и она приняла его от имени короля.

— Какой еще выкуп? Кто станет платить за такое отребье, как вы?

— Я. — Вперед выехал еще один всадник — очень высокий, очень худой, ноги такие длинные, что чуть по земле не волочатся. — Мне нужна была надежная охрана, чтобы проводить меня к королю, да и леди Сибелле лишние рты ни к чему. — Над шарфом, скрывающим его лицо, торчала диковинная шапка — Аша такие видела только в Тироше: три цилиндра, один над другим, а сверху мягкая ткань. — Король Станнис,

насколько я понял, находится здесь? Я должен поговорить с ним без промедления.

— Да кто ты такой, ради семи преисподних?

Длинный, грациозно спешившись, снял шапку и поклонился:

— Тихо Несторис, скромный служитель Железного банка в Браавосе.

Браавосского банкира Аша в этой метельной ночи ожидала встретить меньше всего.

— Король Станнис пребывает в сторожевой башне, — невольно рассмеявшись, сказала она. — Сир Клэйтон, я уверена, охотно вас проводит к нему.

— Я был бы рад — время дорого. — Темные глаза банкира остановились на ней. — Леди Аша из дома Грейджоев, если не ошибаюсь?

— Я Аша Грейджой, это верно. На тот счет, леди я или нет, мнения разошлись.

— Мы привезли вам подарок, — улыбнулся Несторис. — В Винтерфелле тоже бушует вьюга, и Морс Амбер с зелеными новобранцами ожидает под его стенами прибытия короля. Он дал нам вот это.

Подарок, насколько могла видеть Аша, состоял из девочки и старика — их скинули в снег прямо перед ней. Девочку даже в мехах била дрожь; если

бы не испуг и не черный отмороженный кончик носа, она была бы очень недурна, но старик… На пугалах и то больше мяса, лицо — обтянутый кожей череп, волосы, хоть и грязные, совсем седые. И воняет от него нестерпимо.

— Сестра, — прохрипел он. — На этот раз я тебя узнал.

Сердце Аши на миг остановилось.

— Теон?

Он растянул губы — улыбнуться хотел, как видно. Половины зубов недостает, остальные сломаны.

— Теон, — подтвердил он, — Теон. Человек должен знать свое имя.

Виктарион

Под черным небом и серебряной луной Железный Флот ринулся на добычу. Ее, как и предсказал черный жрец Мокорро, заметили в проливе между Кедровым островом и Астапорскими пустошами.

— Гискарцы! — крикнул из вороньего гнезда Лонгвотер Пайк. Виктарион, следя с фордека за приближающимся парусом, различил работающие весла и длинный белый след, белеющий при луне, будто шрам.

Не боевой корабль — большая торговая галея. Хороший трофей. Он послал своим капитанам сигнал захватить ее.

Капитан галеи, заметив угрозу, свернул на запад к Кедровому острову: хотел, видно, укрыться в потайной бухте или заманить преследователей на скалы у северо-восточного берега. Но его галея была тяжело нагружена, а ветер благоприятствовал Железному Флоту. «Горе» и «Железная победа» вышли наперерез добыче, быстрые «Перепелятник» и «Плясун с топориком» подошли сзади. Гискарец не спустил флаг, но тут «Плач» врезался в его левый борт и поломал весла. Про-

изошло это у самых руин Гозая; слышно было, как на разрушенных пирамидах верещат обезьяны.

Капитан, приведенный к Виктариону в цепях, сказал, что галея под названием «Заря Гискара» шла из Миэрина через Юнкай, возвращаясь в свой родной порт Новый Гис. Говорил он только на своем гискарском — безобразнее языка Виктарион в жизни не слышал, — но Мокорро ловко переводил на общий его шипение и рычание. Война за Миэрин выиграна, сказал капитан, королева драконов мертва, гискарец по имени Гиздар правит городом.

Виктарион велел вырвать его лживый язык. Мокорро утверждал, что королева Дейенерис жива: красный бог показал ее жрецу в священном огне. Злосчастного капитана связали по рукам и ногам и кинули за борт в жертву Утонувшему Богу.

— Твой красный бог тоже получит свое, — пообещал лорд-капитан жрецу, — но морем владеет наш, Утонувший.

— Нет богов кроме Рглора и Иного, чье имя запретно. — Новое облачение жреца было черным с едва заметной золотой нитью на вороте, подоле и рукавах. Красной ткани на «Победе» не нашлось, но нельзя же было оставлять на Мокорро те про-

соленные лохмотья, в которых Крот выудил его из воды. Виктарион велел Тому Тайдвуду сшить чародею новый наряд и отдал ему для этой цели собственные камзолы — черные, с золотым кракеном дома Грейджоев. Такими же были флаги и паруса на всех кораблях Железного Флота. Красного Железные Люди не любят; Виктарион надеялся, что в цветах Грейджоев Мокорро будет им ближе.

Надежда оказалась напрасной: в черном и с красно-оранжевой татуировкой на лбу и щеках Мокорро казался еще страшнее. Моряки шарахались от него и плевались, когда на них падала его тень. Даже Крот, спасший его, уговаривал Виктариона отдать колдуна Утонувшему Богу.

Но Мокорро знал эти чуждые берега куда лучше Железных Людей и о драконах тоже имел понятие. У Вороньего Глаза есть колдуны, почему бы и Виктариону их не держать? Этот черный волшебник сильнее трех Эуроновых вместе взятых, а Мокроголовый, который мог бы его не одобрить, сейчас далеко.

— «Заря Гискара» — неподходящее имя для Железного Флота, — молвил лорд-капитан, сжав обожженную руку в кулак. — В твою честь, жрец, я назову ее «Гневом Красного бога».

— Да будет так, капитан. — Жрец склонил голову, и кораблей снова стало пятьдесят четыре.

Днем на них налетел шквал, тоже предсказанный. Три корабля исчезли за пеленой дождя — сбились с курса, затонули, сели на скалы?

— Они знают, куда идти, — сказал Виктарион своим людям. — Если остались на плаву, то догонят нас. — Ждать заплутавших время не позволяло. Его невеста, окруженная врагами, совсем пропадет, если он не подоспеет на помощь со своим топором.

Мокорро, кроме того, сказал, что корабли не погибли. Каждый вечер жрец зажигал на фордеке «Железной победы» костер и ходил вокруг него, распевая молитвы. При свете огня его черная кожа блестела, как полированный оникс, и Виктарион порой мог поклясться, что наколотое на лице колдуна пламя тоже танцует, меняя цвет при каждом повороте его головы.

«Черный жрец призывает демонов», — говорил один из гребцов. Виктарион, когда ему доложили об этом, велел отхлестать его до крови. Услышав от Мокорро, что потерянные овечки вернутся к нему у острова под названием Ярос, капитан сказал:

— Молись, чтобы это оказалось правдой, иначе

следующим кнута отведаешь ты.

Под ярким солнцем на безоблачном небе, в синем море к северо-западу от Астапора, Железный Флот захватил новый трофей.

Мирийский когг «Голубка» шел в Юнкай через Новый Гис с грузом ковров, сладких зеленых вин и кружева. У капитана имелся мирийский глаз — две стекляшки, вставленные в медные трубки, которые в сложенном виде были не длиннее кинжала. Забрав это сокровище себе, Виктарион переименовал когг в «Сорокопута», а за команду решил потребовать выкуп. Они не рабы и рабовладельцы, а свободные граждане Мира, опытные мореходы — за таких много дадут. Свежих новостей о Миэрине и Дейенерис они сообщить не могли, а о дотракийцах на Ройне и отплытии Золотых Мечей Виктарион знал и без них.

— Что ты видишь? — спросил он жреца, когда тот зажег свой костер. — Что ждет нас завтра — опять будет дождь? — Виктариону казалось, что будет.

— Серое небо, сильный ветер, — ответил Мокорро. — Дождя нет. Позади тигры, впереди ждет твой дракон.

«Твой дракон»… приятно звучит.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

— Слушаю и повинуюсь, мой капитан. — На корабле жреца стали называть Черным Пламенем — это прозвище придумал Стеффар Стаммерер, неспособный выговорить «Мокорро». Как ни называй, а сила у него есть. — Здесь береговая линия тянется с запада на восток; когда она повернет на север, ты увидишь еще двух быстрых зайцев с множеством ног.

Так и вышло: им встретилась пара галей. Хромой Ральф заметил их первым, но «Скорбь» и «Тщетная надежда» не могли их догнать, поэтому Виктарион послал вдогонку «Железное крыло», «Перепелятника» и «Поцелуй кракена». Погоня длилась почти весь день, и после коротких ожесточенных боев оба корабля были взяты. Они шли в Новый Гис пустые, чтобы привезти гискарским легионерам съестные припасы, оружие и новых солдат взамен выбывших.

— Они понесли потери в бою? — спросил Виктарион.

— Нет, — отвечали моряки. — В лагере свирепствует кровавый понос, именуемый сивой кобылой.

Оба капитана лгали, как и прежний, с «Зари Гискара»: говорили, что Дейенерис мертва.

— Поцелуйте ее за меня в преисподней. — Виктарион велел принести свой топор и сам отрубил им головы. Обе команды тоже перебили, пощадив лишь прикованных к веслам рабов. Виктарион разбил их цепи, сказав, что отныне они свободные гребцы Железного Флота и что это большая честь: все мальчишки Железных островов мечтают об этом сызмальства. — Я освобождаю рабов по примеру королевы драконов, — объявил он.

Галеи он переименовал в «Призрак» и «Тень».

— Они явятся юнкайцам, и те ужаснутся, — объяснил он смуглянке, получив от нее удовольствие. С каждым днем они становились все ближе. — Мы обрушимся на них, как гром среди ясного неба.

Не это ли чувствует брат Эйерон, когда Утонувший Бог говорит с ним? «Ты хорошо послужишь мне, лорд-капитан, — слышалось Виктариону из глубин моря. — Для того я тебя и создал».

Красного бога он тоже накормит досыта. Рука от локтя до кончиков пальцев хрустела, лопалась и дымилась, но стала сильней, чем прежде.

— Со мной теперь два бога, — сказал он смуглянке. — Против двоих ни один враг не выстоит. — Он уложил женщину на спину и взял ее еще раз.

У скал Яроса, выросших с левого борта, его в самом деле ждали три потерянных корабля.

Виктарион наградил жреца золотым шейным обручем.

Теперь ему предстояло выбрать между проливом и обходным путем. Память о Светлом острове еще жила в его памяти. Станнис Баратеон нагрянул и с юга, и с севера, зажав их между материком и островом, — таких сокрушительных поражений Виктарион не терпел ни раньше, ни позже. Но идти в обход значило потерять драгоценное время, а юнкайский флот он надеялся встретить лишь на подступах к Миэрину.

Как поступил бы на его месте Вороний Глаз? Виктарион поразмыслил и послал капитанам сигнал следовать дальше проливом.

Ярос не успел еще скрыться за кормой, когда они взяли еще три трофея. «Горю» подвернулся большой галеон, Манфриду Мерлину на «Воздушном змее» — галея. Их трюмы ломились от пряностей, вин, шелков и редкого дерева, но сами корабли были ценнее всего. В тот же день «Семь черепов» и «Гроза морей» захватили рыбачий баркас, грязное маленькое суденышко. Виктарион был недоволен, узнав, что для усмирения рыбаков понадобились целых два его корабля, но именно они рассказали ему о черном драконе.

— Серебряная королева села на него и улетела

в дотракийское море, — поведал шкипер.

— Где оно, это море? — осведомился Виктарион. — Я поведу туда флот и найду королеву, где бы она ни была.

— Хотел бы я поглядеть на это, — засмеялся рыбак. — Это травяное море, болван.

Зря он это сказал. Виктарион взял его за горло обожженной рукой и держал, пока сучащий ногами юнкаец не стал черным, как пальцы его душителя.

— Тот, кто назвал Виктариона Грейджоя болваном, похвалиться этим не сможет. — Лонгвотер Пайк с Томом Тайдвудом швырнули безжизненное тело за борт, и Утонувший Бог получил еще одну жертву.

— Твой бог — не бог, а демон, — сказал Мокорро. — Раб Иного, чье имя запретно.

— Остерегись, жрец. Набожные люди на корабле могут вырвать тебе язык за такие слова. Я дал слово, что твой бог тоже получит свое, а мое слово крепче железа, спроси кого хочешь.

— Нет нужды спрашивать. Владыка Света знает, каков ты, лорд-капитан. Каждую ночь я вижу в огне славу, которая тебя ожидает.

Слышать это было очень приятно — Виктарион так и сказал смуглянке в ту ночь.

— Мой брат Бейлон был великим человеком, но я добьюсь того, чего не добился он. Железные острова вновь станут свободными, и старый закон вернется. Этого даже Дагон не смог. — Почти сто лет прошло с того времени, как на Морском Троне сидел Дагон Грейджой, но на островах до сих пор рассказывали о его набегах и битвах. Железный Трон тогда занимал слабый король — его слезящиеся глаза только и глядели, что за Узкое море, где изгнанники и бастарды замышляли мятеж. Зная об этом, лорд Дагон отплыл с Пайка, чтобы завоевать Закатное море.

— Он оттаскал льва за бороду и завязал узлом хвост лютоволка, но драконов даже Дагон не сумел победить. А я завладею королевой драконов, и она родит мне сильных сынов.

Теперь Железный Флот насчитывал шестьдесят кораблей.

К северу от Яроса чужие паруса встречались все чаще. Предполагая, что у берега между Юнкаем и Миэрином должно быть полно торговцев и судов, везущих припасы для армии, Виктарион шел мористее, не видя земли, но и там натыкался на всякий сброд.

— Никто из встречных не должен уйти — они могут предупредить врага, — сказал лорд-капи-

тан, и уйти никому не дали.

Серым утром на зеленом море, чуть севернее Юнкая, «Горе», «Воительница» и «Железная победа» окружили невольничью галею, везшую в веселые дома Лисса двадцать мальчиков и восемьдесят девушек. Галея, звавшаяся «Охочей», никак не ожидала нападения так близко от дома, и взять ее труда не составило.

Виктарион, перебив работорговцев, послал людей расковать гребцов.

— Теперь вы вольные. Гребите как следует, и ни в чем не будете знать нужды.

Девушек он раздал капитанам, сказав им:

— В Лиссе вы стали бы шлюхами, а мы вас спасли. Вместо многих мужчин будете ублажать одного. Те, кем мои капитаны будут довольны, получат почетное звание морских жен.

Мальчиков он бросил в море, не сняв с них цепей: столь извращенным созданиям не место на его корабле — и так всё провоняли тут своими духами.

Себе Виктарион выбрал семь девушек. Одна с золотисто-рыжими волосами и веснушчатой грудью; другая начисто выбритая; третья кареглазая, застенчивая как мышка; четвертая с такими грудями, каких он еще не видал; пятая маленькая, с

прямыми черными волосами, золотистой кожей и глазами словно янтарь; шестая молочно-белая, с золотыми кольцами в сосках и нижних губах; седьмая черная, как осьминожьи чернила. Их обучили пути семи вздохов, но Виктариону они не затем были нужны. Для удовольствия ему вполне хватало смуглянки, а в Миэрине он возьмет себе королеву. К чему свечки, когда тебе светит солнце?

Галею, ставшую шестьдесят первым кораблем Железного Флота, он переименовал в «Восставшего раба».

— Каждый взятый корабль прибавляет нам сил, — сказал Виктарион своим людям, — но легкой жизни не ждите. Завтра или послезавтра мы войдем в миэринские воды, где встретим военный флот, составленный, не считая трех городов залива Работорговцев, из толосских, элирийских, новогисских и даже квартийских судов. — О зеленых волантинских галеях, скорее всего идущих сейчас Горестным Путем, он не стал поминать. — Рабовладельцы — слабое племя. Вы видели, как они от нас удирают, слышали, как визжат, когда мы предаем их мечу. Каждый из вас стоит двадцати таких, ибо мы сделаны из железа. Помните об этом, когда мы снова завидим их па-

руса. Не ждите пощады и сами никого не щадите. Мы Железные Люди, и хранят нас два бога. Мы захватим их корабли, сокрушим их надежды и наполним их залив кровью.

Молча кивнув на грянувшее в ответ «ура», Виктарион велел привести отобранных им девушек, самых красивых из живого груза «Охочей». Он расцеловал каждую в обе щеки и рассказал, какая их ожидает честь, но они не понимали его. Девушек посадили на трофейный баркас, пустили его по морю и зажгли.

— Их невинность и красоту мы приносим в дар обоим богам, — провозгласил он, глядя, как идут его корабли мимо пылающего баркаса. — Пусть уйдут эти девы в свет, не тронутые похотью смертных, или веселятся в чертогах Утонувшего Бога, пока не высохнут все моря.

Ему казалось, что вопли семи красавиц сливаются в радостный гимн. Поднявшийся ветер наполнил их паруса и понес на северо-восток, к пирамидам из разноцветного кирпича. «Я лечу к тебе на крыльях песни, о Дейенерис», — думал Виктарион.

Ночью он впервые достал из укладки драконий рог, найденный Эуроном в дымящихся руинах великой Валирии, — черный, витой, шести футов

в длину, окованный темной сталью и красным золотом. Адов рог Вороньего Глаза. Теплый и гладкий под рукой, как ляжки смуглянки, он блестел так, что Виктарион видел в нем свое искривленное отражение. Колдовские письмена на его обручах были, по словам Мокорро, валирийскими иероглифами, но это Виктарион и сам знал.

— Скажи, что здесь написано.

— Много всего. Вот здесь, на золотом ободе, значится имя рога: Укротитель Драконов. Ты слышал, как он трубит?

— Да, однажды. — На вече, на Старом Вике, в этот рог дул человек Эурона — огромный, бритоголовый, с золотыми и опаловыми браслетами на мускулистых ручищах и ястребом на груди. — Мне казалось, будто мои кости воспламенились и сжигают плоть изнутри. Надписи раскалились сперва докрасна, потом добела, так что смотреть было больно, а звук длился, как нескончаемый вопль… как тысяча воплей, слившихся воедино.

— Что сталось с человеком, который в него трубил?

— Он умер. На губах у него вздулись кровавые пузыри, и ястреб на нем, — Виктарион похлопал себя по груди, — тоже сочился кровью. Каждое перо источало кровь. Говорили, что он сжег себе

легкие — может, это сказки, не знаю.

— Это не сказки, лорд-капитан. — Мокорро показал на второй золотой обод. — Здесь сказано: «Ни один смертный, протрубивший в меня, жив не будет».

Все дары Эурона отравлены.

— Вороний Глаз клялся, что этот рог подчинит мне драконов, но зачем они мне, если я буду мертв?

— Твой брат не трубил в него сам, и ты не труби. Эта надпись, — Мокорро показал на стальной обод, — гласит: «Кровь за огонь, огонь за кровь». В рог может дуть кто угодно: драконы подчинятся его хозяину. Ты должен добыть этот рог ценой крови.

Маленькая уродка

Ночью в подземелье храма собрались одиннадцать служителей Многоликого Бога — больше, чем она когда-либо видела вместе. Через переднюю дверь вошли только молодой лорд и толстяк, остальные добирались потайными ходами. Каждый, откидывая капюшон черно-белого облачения, показывал лицо, которое выбрал на сегодняшний день. Их высокие стулья, как и храмовые двери, были вырезаны из чардрева и черного дерева: у черных позади белый лик, у белых — черный.

Она стояла с кувшином воды в руках, другой послушник — с кувшином вина. Поодиночке или вдвоем они подходили к жрецам, подававшим им какой-нибудь знак, но большей частью стояли на месте. «Я каменная, — повторяла она себе. — Статуя, как Морские Начальники вдоль Канала Героев».

Жрецы говорили на браавосском диалекте, но трое то и дело переходили на валирийский. Девочка понимала большинство слов, но не всегда разбирала: они говорили тихо.

— Я знаю этого человека, — сказал жрец с ли-

цом зачумленного.

— Я знаю этого человека, — эхом отозвался толстяк, когда она наливала ему вино.

— Я не знаю этого человека, но награжу его, — молвил красавец.

Косой позднее сказал то же самое о ком-то еще.

Поговорив так часа три, они все разошлись, кроме доброго человека, женщины-призрака и чумного. Мокнущие язвы усеивали его лицо, волосы выпали, кровь сочилась из носа и запеклась в уголках глаз.

— Наш брат хочет побеседовать с тобою, дитя, — сказал добрый человек. — Ты можешь сесть.

Она села на чардревный стул с черным ликом. Язвы ее не пугали: слишком долго прожила она в Черно-Белом Доме, чтобы бояться фальшивых лиц.

— Кто ты? — спросил чумной.

— Никто.

— Неправда. Ты Арья из дома Старков, прикусывающая губу, когда она лжет.

— Я была ею раньше. Теперь уже нет.

— Зачем ты здесь, лгунья?

— Чтобы служить. Чтобы учиться. Чтобы у меня стало другое лицо.

— Сначала твое сердце должно измениться.

Дар Многоликого Бога — не игрушка. Ты станешь убивать ради собственной цели, ради собственного удовольствия — разве не так?

Она прикусила губу, и он дал ей пощечину. Что ж, сама напросилась.

— Спасибо. — Так она, глядишь, и отвыкнет кусать губу. Это делает Арья, а не ночная волчица. — Нет, не стану.

— Лжешь. Я по глазам вижу. Глаза у тебя волчьи, и они жаждут крови.

«Сир Григор, — невольно подумала она. — Дансен, Рафф-Красавчик. Сир Илин, сир Меррин, королева Серсея». Если она солжет, он узнает — лучше смолчать.

— Говорят, одно время ты была кошкой. Ходила по переулкам, пропахшим рыбой, продавала моллюсков и крабов. Хорошая жизнь для мелкого человека — попроси, и вернешься к ней. Будешь возить свою тачку, выкрикивать товар — чего тебе больше? Ты слишком мягкосердечна, чтобы стать нашей сестрой.

Хочет прогнать ее.

— У меня вместо сердца дыра. Я убивала уже много раз. Могу тебя убить, если хочешь.

— Тебе это было бы сладко?

Она не знала правильного ответа.

— Быть может.

— Тогда тебе здесь не место. В этом доме смерть не бывает сладка. Мы не солдаты, не воины, не раздутые от гордости брави. Мы убиваем не по приказу лорда, не ради денег или тщеславия. Мы не вручаем свой дар, чтобы сделать себе приятное, и не выбираем, кого убить. Мы всего лишь служим Многоликому Богу.

— Валар дохаэрис. — «Все люди должны служить».

— Слова ты знаешь, но для служения слишком горда. Смирение и послушание — вот необходимые слуге качества.

— Я слушаюсь и могу быть очень смиренной.

— Сама богиня смирения, как я погляжу, — усмехнулся чумной. — Но согласна ли ты заплатить?

— А сколько это стоит?

— За это платят собой. Всем, что ты имеешь и что мечтаешь иметь. Глаза мы тебе вернули, но уши отнимем, и ты перестанешь слышать. Отнимем ноги, и ты будешь ползать. Не будешь ничьей дочерью, ничьей женой, ничьей матерью. Будешь носить ложное имя и чужое лицо.

Она чуть не прикусила губу опять, но вовремя удержалась. Ее лицо — темный пруд, который

ничего не показывает. Имен у нее было много: Арри, Ласка, Голубенок, Кошка-Кет. Не говоря уж о глупышке из Винтерфелла, Арье-лошадке. Имена ничего не значат.

— Я согласна заплатить. Дайте мне другое лицо.

— Лицо не дается даром. Ты должна его заслужить.

— А как?

— Вручить одному человеку дар. Сделаешь?

— Что за человек?

— Ты не знаешь его.

— Мало ли кого я не знаю.

— Не зная его, ты не питаешь к нему ни любви, ни ненависти. Согласна убить его?

— Да.

— Завтра ты снова станешь Кошкой-Кет. Смотри в оба, повинуйся, и мы увидим, достойна ли ты служить Многоликому.

На следующий день она вернулась на канал, к Бруско и его дочерям. Рыбник глаза вытаращил при виде ее.

— Валар моргулис, — сказала Кошка вместо приветствия.

— Валар дохаэрис, — ответил он.

И все пошло так, будто она и не уходила.

Человека, которого ей предстояло убить, она увидела тем же утром, катя тачку по булыжнику у Пурпурной гавани. Старик уже, далеко за пятьдесят. «Пожил — и хватит, — говорила она себе. — Отец был моложе». Последнюю мысль она запрятала поглубже, поскольку Кошка-Кет отца себе выдумала.

— Устрицы, мидии, крабы, креветки, — прокричала она, идя мимо, и даже улыбнулась ему. Улыбка всегда помогает сбывать товар, но старик не улыбнулся в ответ и прошел по луже, обрызгав ее.

Невежа, противная образина. Острый нос, тонкие губы, близко сидящие глазки, одно плечо выше другого. Волосы седеют, но бородка еще черна. Если он ее красит, почему заодно не покрасить и голову?

— Он дурной человек, — заявила она, вернувшись вечером в Черно-Белый Дом. — Губы жестокие, глаза подлые и бороденка злодейская.

— Он такой же, как и все, — усмехнулся добрый человек. — В нем есть свет и есть тьма. Не тебе его судить.

— Кто же осудил его? Боги? — помолчав, спросила она.

— Возможно, какие-то боги и осудили. Что еще

богам делать, как не судить людей? Но Многоликий ничьих душ не взвешивает. Он вручает свой дар и добрым, и злым — иначе добрые жили бы вечно.

«Самое гадкое в нем — это руки», — решила Кет на другой день, наблюдая за стариком. Пальцы длинные, костлявые и не знают покоя: скребут бороду, дергают ухо, барабанят по столу — а нет, так просто так шевелятся. Точно два паука. Она начинала ненавидеть старика, глядя на его руки.

— Он такой дерганый — наверно, боится чего-то, — сказала она, придя в храм. — Дар принесет ему мир.

— Дар приносит мир всем.

— Когда я убью его, он скажет спасибо.

— Это будет значить, что ты не справилась с делом. Лучше, если он вовсе тебя не заметит.

Через несколько дней Кет заключила, что этот старик что-то вроде купца, и торговля его связана с морем, хотя на корабли он не заходил никогда. Сидел целый день в харчевне с миской лукового супа, рылся в пергаментах, прикладывал к ним печать и резко говорил с капитанами, судовладельцами и другими купцами.

Они, похоже, недолюбливали его, но все несли ему деньги, полные кошельки с золотом,

серебром и квадратными железными монетами Браавоса. Старик тщательно пересчитывал и клал золото к золоту, серебро к серебру. На монеты он не смотрел, а прикусывал их левой стороной рта, где зубы еще были в целости. Некоторые он сплевывал на стол и слушал, с каким звуком они падают, перестав крутиться.

Сосчитав и перепробовав все монеты, он калякал что-то на пергаменте, ставил свою печать и отдавал капитану. Бывало и так, что он возвращал деньги назад: другой в таких случаях либо краснел и злился, либо бледнел и пугался.

Кет ничего не могла понять.

— Они ему платят, а он взамен что-то пишет, и все. Они что, дураки?

— Некоторые, может, и да, другие просто осторожные люди, третьи пытаются задобрить его, что не так-то легко.

— Но что он им продает?

— Расписки. Если корабль потонет или его захватят пираты, он обязуется выплатить стоимость корабля вместе с грузом.

— Что-то вроде заклада?

— Да — заклад, который каждый капитан надеется проиграть.

— А если они выигрывают?

— Выигравшие теряют корабли, а порой и жизнь. Море опасно, тем более теперь, осенью. Капитанам легче тонуть, зная, что их вдовы и дети в Браавосе не останутся нищими. — Грустная улыбка тронула губы доброго человека. — Беда в том, что его распискам не всегда можно верить.

Теперь Кет поняла. Кто-то из обманутых им пришел в Черно-Белый Дом и просил бога прибрать его. Ей захотелось узнать, кто это был, но добрый человек не сказал.

— Любопытствовать не годится. Кто ты сама?

— Никто.

— Значит, и вопросов не задавай. Не можешь — так и скажи. — Он взял ее за руки. — Это не стыдно. Одни созданы для служения Многоликому Богу, другие нет. Скажи только слово, и я освобожу тебя от этой работы.

— Сказала, что сделаю, значит сделаю.

Вот только как?

Старик всюду ходил с охранниками — один тощий и длинный, другой толстый и низенький. Однажды на пути домой из харчевни в старика чуть не врезался пьяный, но длинный отпихнул его прочь. Низенький всегда первым пробовал луковый суп: старик ел похлебку уже остывшей, удостоверясь, что с телохранителем ничего не

случилось.

— Он боится, — сказала Кет. — Он знает, что кто-то хочет его убить.

— Всего лишь подозревает, — сказал добрый человек.

— Охранники даже по нужде с ним выходят, а он с ними нет. Дождусь, когда пойдет длинный, и воткну нож в глаз старику.

— А как же второй?

— Он дурак и неуклюжий. Я и его убью.

— Разве ты солдат на поле битвы, чтобы убивать без разбора? Ты служишь Многоликому Богу, а мы, его служители, вручаем его дар только избранным.

«Убить надо только старика и никого больше», — поняла Кет.

Понаблюдав за ним еще три дня, она нашла способ и весь следующий день работала с ножиком. Красный Рогго научил ее срезать кошельки, но она не делала этого с тех пор, как ослепла. Упражняясь, она раз за разом вытряхивала ножик из рукава, а потом точила его, пока он не засверкал как серебряный. В остальном, более трудном, ей поможет женщина-призрак.

— Я вручу ему дар завтра, — объявила Кет, садясь утром за стол.

— Многоликий будет доволен, — сказал добрый человек, — но Кошку-Кет знают многие. Если кто-то увидит, что она сделала, это может повредить Бруско и его дочерям. Пора тебе получить другое лицо.

Это порадовало девочку, хотя она не подала виду. Она уже потеряла Кошку однажды и не хотела потерять ее вновь.

— Каким оно будет?

— Уродливым. Женщины отвернутся, дети станут показывать на тебя пальцами, мужчины пожалеют и прослезятся, но всякий, кто увидит твое лицо, не скоро его забудет. Пойдем.

Сняв с крюка железный фонарь, он повел ее мимо черного пруда и безмолвных богов к лестнице в подземелье. Женщина-призрак шла следом, и все молчали — слышался лишь шорох их мягких туфель. По восемнадцати ступеням они сошли в склеп, откуда, как пальцы, разбегались пять коридоров. Девочка побывала здесь уже, наверное, тысячу раз и никакого страха не испытывала, но они спустились еще ниже, отсчитав двадцать две ступени. Здесь извилистые ходы вели прямо в сердце скалы. Один из них закрывала тяжелая железная дверь. Жрец повесил фонарь и достал причудливой формы ключ.

На этот раз девочка покрылась мурашками. Святая святых! Сейчас они спустятся на третий подземный ярус, в тайные палаты, куда допускают только жрецов.

Ключ тихо повернулся три раза, дверные петли, политые маслом, не скрипнули. Ступени, вырубленные прямо в скале, вели вниз. Жрец, снова взяв фонарь, пошел первым, девочка за ним. Четыре, пять, шесть, семь, считала она, жалея, что не взяла свою палочку. Десять, одиннадцать, двенадцать. Она знала, сколько ступенек между храмом и подземельем, между подземельем и вторым ярусом, сколько на винтовой лестнице, что ведет на чердак, сколько перекладин на деревянной лесенке с чердака на крышу.

Эта лестница была ей незнакома и потому внушала тревогу. Двадцать одна, двадцать две, двадцать три. С каждой ступенькой все холоднее. Тридцать… Теперь они ниже каналов. Тридцать три, тридцать четыре. Далеко ли еще?

На пятьдесят четвертой ступеньке лестница уперлась в другую железную дверь, незапертую. Девочка вошла в нее вслед за добрым человеком, с женщиной-призраком за спиной. Их шаги отдавались эхом во тьме. Добрый человек открыл дверки своего фонаря, и девочка увидела на сте-

нах тысячу лиц.

Они смотрели на нее отовсюду, куда ни глянь: старые и молодые, бледные и темные, гладкие и морщинистые, веснушчатые, в рубцах, красивые и не очень. Мужские, женские, мальчишечьи, девчоночьи, даже младенческие. Улыбающиеся, хмурые, жадные, гневные, похотливые, с лысинами и волосами сверху. «Это всего лишь маски», — говорила она себе, но почему-то знала, что это не маски.

— Тебе страшно, дитя? — спросил добрый человек. — Еще не поздно уйти. Ты уверена, что хочешь этого?

Арья, сама не зная, чего хочет, прикусила губу. Куда она денется, если покинет храм? Она раздела и обмыла сотню мертвых тел, мертвецы ее не пугают. Потом их уносят сюда и срезают с них лица — так что же? Она ночная волчица и не станет бояться каких-то содранных шкурок.

— Уверена, — выпалила она.

Жрец повел ее в глубину, мимо боковых коридоров. Стены одного туннеля были выложены человеческими костями, колонны из черепов подпирали свод. Вот еще одна лестница вниз — не вечно же они будут спускаться?

— Сядь, — велел жрец. — Закрой глаза. Будет

больно, но сила без боли не дается. Не шевелись.

«Спокойная, как камень», — сказала она себе. Ей надрезали кожу острым лезвием, почему-то теплым. По лицу потекла кровь — ясно, почему ей велели закрыть глаза. Арья облизнула соленые, с медным привкусом губы и вздрогнула.

— Подай мне лицо, — сказал добрый человек. Женщина-призрак тихо зашуршала куда-то. — Пей, — сказал он, сунув девочке чашу. Она выпила кислое, вяжущее питье. Девочка Арья, которую она знала когда-то, любила лимонные пирожные. — Лицедеи меняют лица с помощью красок, колдуны создают иллюзии из света и тени. Этому ты тоже научишься, но наша наука труднее. Грим и даже чары не помеха для острого глаза, но твое новое лицо будет не менее подлинным, чем то, с которым ты родилась. Не открывай глаз и сиди смирно. — Он откинул назад ее волосы. — Это странное чувство, но ты не должна шевелиться, даже если закружится голова.

Сухая жесткая кожа нового лица намокла от ее крови и стала мягче. К щекам прилила кровь, сердце затрепетало, дыхание занялось. Чужие каменные руки сомкнулись на горле, но ее собственные руки, поднявшись к шее, ничего не нашли. Страх переполнял ее, мерзкий хруст

сопровождался невыносимой болью. Перед закрытыми глазами плавала чья-то зверская бородатая рожа с искривленным от ярости ртом.

— Дыши, дитя, — сказал жрец. — Выдыхай свой страх, отгоняй тени. Он мертв, она тоже мертва. Ее боль осталась в прошлом. Дыши.

Девочка перевела дух и убедилась, что он говорит правду. Никто не душил ее и не бил. Ощупав дрожащей рукой лицо, она увидела на пальцах черные крупицы засохшей крови. Потрогала щеки, веки, обвела челюсть.

— Как было, так и осталось.

— Ты так думаешь?

Она не ощутила никакой перемены, но можно ли ее ощутить? Она провела рукой сверху вниз, как Якен Хгар в Харренхолле. Его лицо тогда заколебалось и стало другим, но с ней ничего такого не произошло.

— По-моему, да.

— Это тебе так кажется.

— Другие видят, что нос и челюсть у тебя сломаны, — сказала женщина-призрак, — одна щека вдавлена и половины зубов не хватает.

Девочка потрогала языком зубы — ни дыр, ни обломков. Чудеса, да и только. Значит, теперь она калека, уродка.

— Какое-то время тебя будут мучить страшные сны, — предупредил жрец. — Отец избивал ее так, что к нам она пришла сама не своя от страха.

— Вы убили его?

— Она просила дар для себя, а не для него.

«Надо было убить».

— Он тоже умер в свой черед, как все умирают, — сказал жрец, будто прочитав ее мысли. — Как умрет завтра еще один человек. Здесь нам больше нечего делать.

Глазные дыры провожали ее со стен, губы, как ей чудилось, перешептывались, делясь сокровенными тайнами.

В ту ночь она долго не могла заснуть. Среди лиц на стене она видела отца, леди-мать, трех братьев. Не своих, другой девочки. Она никто, и ее братья ходят в черно-белых одеждах. Рядом с ними висели певец, конюшонок, которого она убила Иглой, прыщавый оруженосец из гостиницы на перекрестке дорог, стражник, которому она перерезала горло в Харренхолле. И Щекотун с налитыми злобой дырами глаз. В руке у нее был кинжал, и она снова и снова вонзала его в спину этого гада.

Наконец ночь прошла, и в Браавосе забрезжил серый пасмурный день. Девочка надеялась на

туман, но боги, как это у них водится, отказали ей в нем. Стоял холод при резком ветре — в такой день только и умирать. Сир Григор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. Она беззвучно шевелила губами, повторяя их имена — в Черно-Белом Доме тебя всегда могут услышать.

В склепе хранилась одежда тех, кто приходил в храм испить из черного пруда — от нищенских лохмотьев до шелка и бархата. Маленькая уродка выбрала обтрепанный плащ, весь в пятнах, пахнущий рыбой зеленый камзол, тяжелые сапоги, надежно спрятала ножик.

Спешить было некуда. Она перешла через мост на Остров Богов. Кошка-Кет продавала здесь крабов и ракушки всякий раз, как у дочки Бруско Талеи случались месячные и она укладывалась в постель. Может, Талея сейчас здесь, у Кольчатника, где у каждого забытого божка есть свой алтарь? Да нет, глупости. Сегодня холодно, и рано вставать Талея не любит. Статуя Плачущей Госпожи Лисса лила серебристые слезы, в Садах Геленеи стояло стофутовое золоченое дерево с серебряными листьями, в деревянном святилище Владыки Гармонии горели факелы и порхали бабочки всевозможных цветов.

Иногда с Кет ходила Морячка, которая и рассказывала ей обо всех этих богах. «Это дом Великого Пастыря, а в тройной башне живет трехголовый Триос. Первая голова глотает умерших, из третьей выходят возрожденные, для чего нужна вторая, не знаю. Тут Камни Молчаливого Бога, там вход в Лабиринт Творца Узоров. Лишь тот, кто пройдет его весь, может обрести мудрость, так говорят жрецы. За ним, у канала, храм Аквана Красного Быка. На каждый тринадцатый день там закалывают белого тельца и раздают нищим чаши с кровью».

Сегодня не тринадцатый день: на паперти Красного Быка пусто. Боги-братья Семош и Селоссо спят в своих храмах-близнецах — между ними через Черный канал перекинут мостик. Девочка перешла его и направилась в Пурпурную гавань кружным путем — через Мусорную Заводь, мимо шпилей и куполов Затопленного Города.

Из «Счастливого порта» вывалились лиссенийские моряки, но девушек видно не было. «Корабль» закрыт наглухо, лицедеи долго спят по утрам. На причале около иббенийского китобоя старый друг Таганаро кидает мячик Кассо, тюленьему королю, а его напарник режет у зрителей кошельки. Девочка тоже ненадолго

остановилась. Таганаро ее не узнал, Кассо захлопал ластами и залаял — то ли узнал, то ли рыбу почуял. Она поскорее двинулась дальше.

Старик уже сидел над миской за своим обычным столом и торговался с очередным капитаном. Длинный страж стоял рядом, низенький устроился у входа в харчевню и разглядывал всех входящих. Девочка не собиралась входить; она уселась на пристани ярдов за двадцать от двери, и ветер трепал ее плащ.

Несмотря на холод, народу в гавани было полно. Шлюхи завлекали моряков, моряки высматривали шлюх. Прошла в обнимку, гремя шпагами, пара подвыпивших брави, прошествовал красный жрец.

Ближе к полудню она заметила нужного ей человека, преуспевающего судовладельца, который уже три раза приходил к старику. Крупный, лысый, дородный, в коричневом бархатном плаще с меховой оторочкой, на поясе орнамент из серебряных звезд и лун, одна нога не гнется. Он шагал медленно, опираясь на трость.

Уродке он подходил как нельзя лучше. Приготовив ножик, она догнала его. Кошелек висел на поясе справа, но мешал плащ. Не страшно — один взмах, и готово. Красный Рогго гордился бы ею.

Она просунула в прорезь руку, вспорола кошелек, набрала жменю золота, и тут хромой обернулся.

— Какого…

Ее рука застряла в складках плаща, монеты посыпались.

— Воровка! — занес палку хромой. Она подсекла его негнущуюся ногу и обратилась в бегство. Монеты сыпались, позади кричали «воровка». Толстый трактирщик попытался схватить ее, но она увернулась, пронеслась мимо хохочущей девки, шмыгнула в переулок.

Кошка-Кет хорошо знала эти переулки, и уродка тоже их помнила. Она перелезла через ограду, перескочила узкий канал, спряталась в какой-то пыльной кладовке. Погони не было слышно, но она терпеливо ждала, сидя в углу за ящиками. Выждав около часа, она вскарабкалась прямо по стенке дома и по крышам добралась чуть ли не до Канала Героев. Судовладелец, подобрав монеты и трость, должен уже дохромать до харчевни. Теперь он скорее всего пьет горячий бульон и жалуется старику на уродку, чуть было не укравшую у него кошелек.

Добрый человек ждал ее в Черно-Белом Доме у храмового пруда. Уродка, сев рядом с ним, положила на кромку пруда золотую монету с

драконом на одной стороне и королем на другой.

— Золотой дракон Вестероса, — сказал жрец. — Где ты ее взяла? Мы не воры.

— А я и не воровала. Взамен этой я подложила ему одну нашу.

— Он отдаст ее в числе других одному человеку, — догадался жрец, — и у того вскоре остановится сердце. Прискорбно. — Добрый человек бросил монету в пруд. — Тебе еще многому нужно учиться, но ты, я вижу, не безнадежна.

Ночью ей вернули лицо Арьи Старк и черно-белую одежду послушника.

— Ты будешь носить ее здесь, но пока она тебе не понадобится. Утром пойдешь к Изембаро и приступишь к своему первому ученичеству. Подбери себе одежду в подвале. Стража ищет уродку, поэтому лицо тоже сменим. — Добрый человек взял ее за подбородок и повертел вправо-влево. — На этот раз оно будет красивое, твое собственное. Кто ты, дитя?

— Никто, — сказала она.

Серсея

В последнюю ночь своего заключения королева не могла спать — мысли о том, что будет завтра, не давали покоя. Его воробейство пообещал, что стража сдержит толпу, никому не даст ее тронуть, но все-таки страшно.

В день отплытия Мирцеллы в Дорн, когда вспыхнул хлебный бунт, золотые плащи стояли вдоль всего пути следования, но толпа прорвалась, растерзала на части старого верховного септона, а Лоллис Стокворт изнасиловали человек пятьдесят. Если уж на эту квашню, дуру безмозглую, притом одетую, накинулись мужики, что они сделают с королевой?

Серсея металась по камере словно львица. У них в Бобровом Утесе, когда она была маленькой, жили львы — их еще дед завел. Они с Джейме, подзуживая друг друга, бегали в подземный зверинец, а однажды она даже просунула руку между прутьями клетки и потрогала одного из зверей. Она всегда была смелее, чем брат. Лев повернул голову, посмотрел на нее большими золотыми глазами и лизнул ее пальцы. Язык у него был как терка, но она не убрала руку, пока

Джейме не оттащил ее прочь.

«Твоя очередь, — сказала она. — Дерни его за гриву». Но он не решился. Меч должна была носить она, а не он.

Она расхаживала босая, завернувшись в тонкое одеяло. Скорей бы уж настал день, а к вечеру все будет кончено. Она вернется к Томмену, в свои покои в крепости Мейегора. Дядя сказал, что только так и можно спастись, но верно ли это? Дяде она доверяла не больше, чем верховному септону. Можно еще отказаться. Настоять на своей невиновности и выйти на суд.

Нет. Нельзя допустить, чтобы ее, как Маргери, судили священники. Розочка может не опасаться, но у нее, Серсеи, среди септ и воробьев друзей нет. Единственная ее надежда — испытание поединком, а для этого ей нужен боец.

Если бы Джейме сохранил свою руку… Но он потерял ее, а теперь и сам пропал в речных землях с этой своей Бриенной. Надо найти другого защитника, иначе сегодняшний кошмар окажется наименьшей из ее мук. Надо во что бы то ни стало увидеть Томмена. Он любит ее. Джофф был упрямым и непослушным, но Томмен хороший мальчик, хороший малютка-король. Он сделает то, что велит ему мать. Здесь она обречена, в

Красный Замок может вернуться только пешком. Его воробейство тверд как алмаз, а дядя слова ему поперек не скажет.

— Ничего со мной не случится, — сказала Серсея, когда в окне забрезжил рассвет. — Пострадает одна лишь гордость. — Может быть, Джейме еще успеет. Она представила, как он скачет сквозь утренние туманы, сверкая золотыми доспехами. «Джейме, если ты хоть когда-то любил меня…»

Вместе с септами Сколерией, Юнеллой и Моэллой пришли четыре послушницы и две Молчаливые Сестры. Их серые одежды наполнили королеву ужасом. Зачем они здесь? Их дело — погребать мертвых.

— Верховный септон обещал, что мне не причинят никакого вреда.

— Так и будет. — Послушницы принесли щелочное мыло, тазик с теплой водой, ножницы и большую бритву. Хотят сбрить ей волосы, еще одно унижение. Ну уж нет, молить она их не станет. Она Серсея из дома Ланнистеров, львица Утеса, законная королева всех Семи Королевств. А волосы отрастут.

— Приступайте, — сказала она.

Одна Молчаливая Сестра взяла ножницы. Они ведь заправские цирюльницы, привыкшие

стричь и брить знатных покойников — оболванить королеву для них сущие пустяки. Серсея сидела как каменная, пока ее золотые локоны падали на пол. В тюрьме ей не давали ухаживать за ними как следует, но и немытые они блестели на солнце. Ее корона. Одну уже отняли, теперь и этой лишают. После стрижки послушница намылила ей голову, и Молчаливая принялась скоблить ее бритвой.

И это, вопреки надеждам Серсеи, было еще не все.

— Снимите рубашку, ваше величество, — приказала Юнелла.

— Зачем это?

— Нужно и там побрить.

Снимают все наголо, как с овцы. Она сорвала с себя рубаху, кинула на пол.

— Извольте.

Опять мыло, теплая вода, бритва. Подмышки, ноги, золотой пушок на лобке. Когда Молчаливая стала орудовать между ног, Серсея вспомнила Джейме. Он часто стоял вот так, на коленях, и целовал ее тайные уголки. Тогда к ней прикасались его теплые губы, теперь холодная сталь.

Ну вот и готово. Ни волоска не осталось, чтобы прикрыться. С ее уст слетел горький смех.

— Ваше величество находит это забавным? — спросила Сколерия.

— Отнюдь, септа. — Когда-нибудь Серсея велит вырвать ей горячими щипцами язык, вот это будет забавно.

Послушница подала ей белую рясу септы, чтобы она могла спуститься с лестницы и пройти через храм, не оскорбляя взоров молящихся своей наготой. «Что за ханжи, да спасут нас Семеро!»

— Мне позволят надеть сандалии? На улицах грязно.

— Ваши грехи грязнее. По приказу его святейшества вы должны предстать такой, какой вас создали боги. Разве из чрева своей леди-матери вы вышли в сандалиях?

— Нет, септа, — процедила Серсея.

— Вот видите.

Зазвонил колокол — ее долгое заключение подходит к концу.

— Идемте. — Серсея запахнула на себе рясу. В замке ее ждет сын. Чем скорее она отправится в путь, тем скорее придет к нему.

Грубо отесанные ступени царапали ей подошвы. Она прибыла сюда в носилках, уходит босая и с выбритой головой. Уходит: вот главное.

Колокола звонили, созывая весь город погла-

зеть на ее позор. Богомольцы, наводнившие храм поутру, дружно замолкли, провожая взглядами королеву и ее свиту. Она прошла мимо места, где лежало тело ее отца, ни глядя ни вправо, ни влево, шлепая ногами по холодному мрамору. Семеро тоже смотрели на нее со своих алтарей.

В Чертоге Лампад ее ждала дюжина Сынов Воина, рыцари в радужных плащах и с кристаллами на шлемах. Она знала, что под отполированными серебряными доспехами у каждого из них власяница. Эмблема на их щитах изображала кристальный, сверкающий во тьме меч: символ ордена, который в простонародье издавна звался Мечами.

Капитан преклонил перед ней колени.

— Быть может, ваше величество помнит меня. Я сир Теодан Правоверный, и его святейшество приказал мне вас охранять. Мы с братьями проводим вас через город.

Серсея окинула «братьев» взглядом. Вот и он, Лансель, сын дяди Кивана. Раньше он клялся в любви ей, теперь возлюбил богов. Кузен, предавший ее… Ничего, попомнит еще.

— Встаньте, сир Теодан. Я готова.

Двое рыцарей по знаку сира Теодана отворили высокие двери, и Серсея, щурясь, как потрево-

женный ночной мотылек, вышла на высокое мраморное крыльцо.

Ветер полоскал ее рясу, воздух наполняли знакомые запахи Королевской Гавани. Кислое вино, свежий хлеб, тухлая рыба, нечистоты, дым, пот, лошадиная моча — ни один цветок не пахнет так сладко. Сыны Воина сомкнулись вокруг королевы.

На этом самом месте она стояла, когда лишился головы лорд Эддард Старк. Она не ждала, что так будет: Джофф должен был помиловать его и сослать на Стену. Лордом Винтерфелла стал бы его старший сын, Санса осталась бы при дворе заложницей. Нед Старк, проглотив свою пресловутую честь, согласился на условия Вариса и Мизинца: сознался в измене, чтобы спасти пустую дочкину головенку. Серсея собиралась выдать Сансу за кого-то из Ланнистеров. Не за Джоффа, конечно, но Лансель или его младшие братья вполне подошли бы. Петир Бейлиш сам предлагал себя в женихи, но нельзя же выдавать знатную девицу за человека низкого рода. Сделай Джофф, как было условлено, Винтерфелл не выступил бы на войну, а с братьями Роберта отец бы как-нибудь справился.

Но Джофф приказал отрубить Старку голову, а

лорд Слинт и сир Илин Пейн мигом выполнили приказ. Здесь, на этом самом месте, Янос Слинт поднял голову Неда за волосы, кровь хлестала на мрамор, и путь назад был отрезан.

Теперь, когда ни Джоффри, ни сыновей Старка, ни отца больше нет, она вновь стоит на ступенях Великой Септы, но теперь чернь глазеет не на Эддарда Старка, а на нее.

Народу на мраморной площади собралось не меньше, чем в день его смерти, — яблоку негде упасть. Женщин и мужчин поровну, на плечах у отцов дети. Нищие, воры, трактирщики, лавочники, дубильщики, конюхи, лицедеи, самые последние шлюхи — всем любопытно видеть унижение королевы. В толпе часто попадаются Честные Бедняки, грязные, небритые, с копьями и топорами. Поверх разрозненных доспехов на них домотканые выбеленные камзолы с семиконечной звездой — войско его воробейства.

Частью души Серсея еще надеялась, что Джейме вот-вот появится, но его нигде не было. И дяди нет. Он высказался как нельзя более ясно, придя к ней в последний раз: Боброво Утеса не должен коснуться ее позор. Никого из Ланнистеров с ней сегодня не будет, эту чашу ей придется испить в одиночестве.

Септа Юнелла встала справа от нее, Моэлла слева, Сколерия сзади. Если она откажется идти, эти три ведьмы снова уволокут ее внутрь и теперь уж не выпустят.

За площадью, над морем жадных глаз и разинутых ртов, на холме Эйегона розовел Красный Замок. Не так уж и далеко. Когда она дойдет до ворот, худшее останется позади. Она снова увидит сына и обретет защитника. Дядя ей обещал. Маленький король ждет ее. Она может. Она должна.

— Перед вами великая грешница, — провозгласила Юнелла. — Серсея из дома Ланнистеров, мать его величества короля Томмена и вдова короля Роберта, уличена во лжи и разврате.

— Она исповедалась, — подхватила Моэлла, — и просила отпустить ей грехи. Его святейшество рассудил, что отпущение может быть даровано лишь в том случае, если королева, отринув гордость и все ухищрения, пройдет по городу такой, какой ее создали боги.

— Сейчас эта грешница, нагая и обритая, совершит публичное покаяние перед взорами богов и людей, — завершила Сколерия.

Серсее исполнился год, когда ее дед умер. Первым, что сделал в качестве лорда отец, было

изгнание из замка его любовницы, женщины низкого рода. Ее лишили всех даров лорда Титоса — шелка, бархата, драгоценностей — и прогнали нагой по улицам Ланниспорта.

Серсея этого, конечно, не могла помнить, но гвардейцы и прачки вспоминали еще много лет. Женщина, судя по их рассказам, рыдала, молила ее пощадить, отказывалась раздеться и прикрывалась ладонями. «Уж такая была гордая раньше, нипочем не скажешь, что из грязи поднялась, — говорил кто-то из мужчин. — А голые они все шлюхи — что одна, что другая».

Сир Киван с его воробейством глубоко заблуждаются, если думают, что Серсея поведет себя сходным образом. В ней течет львиная кровь лорда Тайвина.

Она скинула рясу небрежно, точно собиралась принять ванну в своих покоях. Кожа от ветра сразу покрылась мурашками. Ей стоило огромного труда не прикрыться, как дедова шлюха. Она сжала кулаки, вонзила ногти в ладони. Да, они смотрят на нее, ну и что? Джейме тысячу раз восхвалял ее красоту, и даже Роберт отдавал ей должное, когда валился пьяным в ее постель.

Точно так же они смотрели на Неда Старка.

Серсея двинулась вниз по ступеням с гордо под-

нятой головой. Честные Бедняки расталкивали толпу, Мечи шли по обе стороны от королевы, септы следовали за ней. Замыкали шествие послушницы в белом.

— Шлюха! — выкрикнул женский голос. Женщины всегда жестоки с другими женщинами.

То ли еще будет. Чернь обожает поиздеваться над теми, кто выше нее. Раз им нельзя заткнуть рты, она притворится, будто не слышит их и не видит. Будет смотреть на холм Эйегона, на башни Красного Замка. Там она обретет спасение, если дядя выполнит свою часть сделки.

Они с его воробейством желали этого. И розочка тоже, можно не сомневаться. Серсея согрешила и потому должна совершить покаяние перед всеми нищими города. Они думают сломить ее, но этого не случится.

— Позор, — верещала Сколерия, звоня в колокольчик, — позор грешнице.

— Пирожки с мясом, всего три грошика, горячие пирожки, — вторил ей мальчишка-разносчик в толпе. Они миновали статую Бейелора Благословенного. Лик благостный, ни за что не скажешь, что при жизни он был полный дурак. У Таргариенов встречались и хорошие короли, и плохие, но Бейелора чтут больше всех. Благочестивый ко-

роль-септон любил свой народ и богов, а родных сестер заточил в тюрьму. Удивительно, как это он не рухнул при виде ее наготы, — Тирион говаривал, что Бейелора собственный член смущал. Когда по его приказу из Королевской Гавани изгоняли всех шлюх, он молился за них, но смотрел в другую от ворот сторону.

— Потаскуха! — Опять бабий голос. Какой-то гнилой плод пролетел над головой и шмякнулся под ноги Честному Бедняку.

— Пирожки, пирожки горячие.

— Позор, позор!

Честные Бедняки расчищали дорогу, орудуя своими щитами. Серсея шла, глядя вдаль. Каждый шаг приближал ее к Красному Замку, к сыну, к спасению.

Через площадь они шли, наверное, лет сто, но мрамор под ногами наконец сменился булыжником. Узкая улица с конюшнями, лавками и жилыми домами спускалась с холма Висеньи.

Здесь расчищать дорогу стало труднее: передним некуда было посторониться, задние напирали. Серсея, все так же высоко державшая голову, вступила во что-то склизкое и упала бы, не удержи ее Юнелла под локоть.

— Вы бы под ноги смотрели, ваше величество.

— Да, септа. — «В рожу бы тебе плюнуть». Серсея не видела больше Красного Замка — его скрывали дома.

— Позор, позор. — Процессия остановилась: дорогу загородила тележка с мясом на палочках. Товар, подозрительно напоминающий жареных крыс, раскупался бойко.

— Не хотите ли, ваше величество? — крикнул какой-то боров с черной нечесаной бородой, вылитый Роберт. Серсея отвернулась, а он запустил в нее этой гадостью, оставив мерзостный сальный след на бедре.

Оскорбления здесь выкрикивались громче и чаще. Самыми обиходными словами были «шлюха» и «грешница», но встречались также «кровосмесительница», «сука», «изменница». Порой назывались имена Станниса или Маргери. Лужи обходить не представлялось возможности, но никто еще не умирал, промочив ноги. Хорошо бы это, конечно, была вода, а не конская моча.

Из окон и с балконов швырялись гнилью и тухлыми яйцами. Дохлая кошка, кишащая червями, хлопнулась прямо Серсее под ноги.

Она шла дальше, слепая и глухая ко всему этому.

— Позор, позор.

— Каштаны, жареные каштаны.

— Да здравствует королева шлюх! — Пьяница на балконе поднял заздравную чашу. — Пью за королевские сиськи! — Слова — это ветер, никакого вреда от них нет.

На середине спуска она снова поскользнулась на вылитых из горшка нечистотах и ушибла себе колено. В толпе засмеялись, какой-то мужик предложил поцеловать там, где больно. Оглянувшись, Серсея увидела наверху купол и семь кристальных башен Великой Септы. Неужели они так мало прошли? И Красного Замка, что гораздо хуже, не видно.

— Где же… где…

— Нужно идти дальше, ваше величество, — сказал капитан эскорта — она забыла, как его имя. — Народ волнуется.

— Пусть их. Я не боюсь.

— А стоило бы. — Он взял ее под руку и увлек за собой. Она морщилась на каждом шагу. Будь на его месте Джейме, он прокладывал бы дорогу своим золотым мечом и выкалывал глаза всякому, кто посмел бы взглянуть на нее.

Острый черепок впился в пятку.

— Уж сандалии вы могли бы мне дать, — прошипела Серсея. Этот рыцарь тащит ее, словно

трактирную девку — как он смеет так обращаться со своей королевой?

У подножия холма улица стала шире, и Серсея вновь увидела Красный Замок.

— Я вполне могу идти сама, сир. — Она вырвалась и захромала дальше, оставляя кровавый след.

— У моей жены сиськи лучше!

— Эй, возница, с дороги!

— Так вашу растак…

— Эй, гляньте-ка, — девка в окне борделя задрала юбки, — тут и то меньше мужиков побывало, чем у нее.

— Позор, позор грешнице.

Колокола звонили не умолкая.

— Какая ж это королева, вся обвисла, как мамка моя.

«Это мое наказание, — говорила себе Серсея. — Я грешила и расплачиваюсь за это. Скоро все кончится, все забудется».

Ей мерещились знакомые лица. Хмурый человек в окне так напоминал лорда Тайвина, что Серсея споткнулась. Девочка у фонтана смотрела на нее обвиняющим взором Мелары Гетерспун. Вот Нед Старк, рядом Санса с золотисто-рыжими волосами, при ней лохматая серая псина — ее

волчица, должно быть. Все дети в толпе казались карликами и скалились, как Тирион над умирающим Джоффри. Джофф, ее сын, ее первенец с золотыми кудрями и чудесной улыбкой, тоже был здесь… Она засмотрелась на него и снова упала.

Когда ее подняли, она дрожала как лист.

— Прошу вас… Да помилует меня Матерь. Я ведь во всем покаялась.

— Это ваша епитимья, — сказала Моэлла, а Юнелла добавила:

— Теперь уж недалеко. Подняться на холм, и все тут.

Да, верно. Вот он, холм Эйегона, и замок на нем.

— Шлюха!

— С братом спала!

— Чудовище!

— Не хотите ли, ваше величество? — Мясник в кожаном фартуке вытащил из штанов член.

Ничего. Уже близко.

Серсея начала подниматься.

Крики сделались еще громче и злее. Жители Блошиного Конца, через который она не проходила, собрались здесь, на нижних склонах холма Эйегона. За щитами Честных Бедняков маячили страшные, безобразные рожи, под ногами

путались свиньи и голые дети, нищие калеки клянчили милостыню, карманники делали свое дело. Серсея видела мужчин с остро заточенными зубами, старух с огромнейшими зобами, девку с обмотанной вокруг туловища полосатой змеей, старика с язвами на лице. Они ухмылялись и облизывались, глядя, как она ковыляет вверх мимо них. «Слова — ветер, от них нет вреда». Она красивее всех женщин в Вестеросе. Так говорил Джейме, а он не стал бы ей лгать. Даже Роберт хоть и не любил ее, но желал.

Заклинание помогало плохо. Она чувствовала себя безобразной, старой, потасканной. Живот у нее — как у всех рожавших женщин, крепкие когда-то груди болтаются. Не надо было соглашаться на это. Она была их королевой, но теперь они видели, видели, видели. Нагая, окровавленная, хромая, она мало чем отличается от их жен, не сказать матерей. Зачем, зачем она согласилась?

В глазах щипало. Нет, плакать перед этим сбродом она не станет. Как холодно, какой сильный ветер.

И вот она возникла перед ней, старая карга с грудями словно мешки, вся в бородавках.

«Да, ты будешь королевой, — просипела она, — пока не придет другая, моложе и красивее. Она

свергнет тебя и отнимет все, что тебе дорого».

Так долго сдерживаемые слезы обожгли щеки, словно кислота. Серсея, прикрыв одной рукой соски, другой срам, пустилась бежать. Опередила Честных Бедняков, споткнулась, упала и поползла дальше на четвереньках, а горожане Королевской Гавани расступались перед ней, ржали, свистели и рукоплескали.

Потом они будто растворились. Она увидела перед собой ворота замка и шеренгу копейщиков в золоченых полушлемах и красных плащах. Знакомый дядин голос отдал команду, и к Серсее двинулись две белые фигуры: сир Борос Блаунт и сир Меррин Трант.

— Где Томмен? — крикнула она. — Где мой сын?

— Его здесь нет, — отрезал сир Киван. — Сын не должен видеть позор своей матери. Прикройте ее.

На Серсею и Джаселину, кутавшую королеву в мягкое зеленое одеяло, упала тень. Две громадные руки в стальных перчатках подняли Серсею на воздух легко, как младенца. «Великан», — мелькнуло в уме Серсеи, когда он двинулся гигантскими шагами к воротам. Говорят, в глуши за Стеной они еще водятся, но мало ли о чем говорится в

сказках. Уж не снится ли это ей?

Нет, ее спаситель существует на самом деле. Ростом он восемь футов, если не выше, ноги у него как древесные стволы, грудь как у ломового коня, плечи как у быка. Стальной панцирь, надетый поверх золотой кольчуги, покрыт белой, как девичьи грезы, финифтью. На скрывающем лицо шлеме шелковый плюмаж в радужных цветах Святой Веры, две семиконечные золотые звезды держат на плечах плащ.

Белый плащ.

Сир Киван выполнил свою часть договора. Томмен, милый мальчик, принял ее защитника в Королевскую Гвардию.

Невесть откуда взявшийся Квиберн едва поспевал за ним.

— Рад видеть ваше величество снова. Имею честь представить вам нового рыцаря вашей Гвардии, сира Роберта Сильного.

— Сир Роберт, — прошептала Серсея, вплывая в ворота.

— Сей рыцарь принес обет молчания, ваше величество. Он поклялся, что не скажет ни слова, пока все враги короля не будут сокрушены и зло не будет изгнано из пределов его королевства.

«Да, — подумала Серсея. — О да».

Тирион

— Я понял так, что ваш отряд — это братство, — сказал он, со вздохом глядя на удручающе высокую кипу пергаментов. — И это у вас называется братской любовью? Где доверие, где дружба, где крепкие узы, возникающие лишь между соратниками, вместе проливавшими кровь?

— Все в свое время, — ответил Бурый Бен Пламм.

— Когда подпишешь, — добавил Чернилка, востря перо.

— Если хочешь пролить кровь прямо сейчас, я тебе пособлю, — сказал Каспорио Коварный, взявшись за меч.

— Спасибо, не надо.

Чернилка вручил Тириону перо.

— Вот чернила — они волантинские и держатся вдвое дольше обычных мейстерских. Подписывай и передавай мне: я сделаю остальное.

— Может, я сначала все же прочту?

— Как хочешь. Они все одинаковые, кроме тех, что в самом низу, но о них в свой черед.

Еще бы. Большинство людей вступает в вольный отряд бесплатно, но он не принадлежит к

большинству. Тирион обмакнул перо в чернила.

— Какую подпись предпочитаете: Йолло, Хугор Хилл?

— А ты что предпочтешь? — прищурился Бурый Бен. — Вернуть тебя наследникам Йеццана или голову тебе отрубить?

«Тирион из дома Ланнистеров», — смеясь, подписался карлик.

— Сколько тут… шестьдесят, пятьдесят? — спросил он, поворошив кипу. — Я думал, у Младших Сыновей бойцов около пятисот.

— Пятьсот тринадцать, — сказал Чернилка. — Когда внесем в списки тебя, будет пятьсот четырнадцать.

— Значит, расписку получает каждый десятый? Нечестно как-то. Я думал, вы все делите поровну. — Тирион подписал следующий лист.

— Делим, но не поровну, — хмыкнул Бен. — Наш отряд как большая семья…

— …а в семье, как известно, не без урода. — Тирион, расчеркнувшись, подвинул пергамент Чернилке. — Наших уродов мой лорд-отец держал в подземельях Утеса. — Тирион из дома Ланнистеров в очередной раз подписал обязательство выплатить подателю сего сто золотых драконов. Каждый росчерк пера делает его немного беднее…

Впрочем, он и так нищий. Если он когда-нибудь и пожалеет об этих расписках, то не сегодня. Он подул на пергамент, передал его казначею, подписал следующий. И так далее, и так далее, и так далее. — В Вестеросе слово Ланнистера ценится на вес золота.

— Тут не Вестерос, — пожал плечами Чернилка. — За Узким морем слова пишут пером. — Пергаменты с подписью Тириона он посыпал песком, стряхивал и откладывал в сторону. — Долги, записанные в воздухе, легко забываются.

— К нам это не относится. — Тирион уже вошел в ритм. — Ланнистеры всегда платят свои долги.

— Слово наемника ничего не стоит, Ланнистер он или нет, — вставил Пламм.

«Твое уж точно не стоит… хвала богам».

— Я пока еще не наемник.

— Ждать недолго. Подпишешь все это и станешь им.

— Тороплюсь как могу. — Тирион сдерживал смех, чтобы не портить игру. Пламму это ужасно нравится, зачем же его огорчать. Пусть себе думает, что согнул карлика и поимел его в задницу, а карлик тем временем расплатится за стальные мечи пергаментными драконами. Если он будет жив, то вернется в Вестерос и завладеет всем

золотом Бобрового Утеса, если нет, его новые братья могут этими расписками подтереться. Некоторые, чего доброго, явятся в Королевскую Гавань и попытаются предъявить их дражайшей сестрице… Обернуться бы тараканом и поглядеть на это из тростника на полу.

По мере убывания пергаментов сумма стала другой. Сто драконов предназначались сержантам — теперь Тирион обязался уплатить тысячу золотых.

— Что я буду делать в отряде? — спросил он, продолжая трудиться.

— Бококко в мальчики не годишься, больно уродлив, — сказал Каспорио. — Можешь поработать мишенью.

— Что ж, — не клюнул на удочку Тирион. — Маленький человечек с большим щитом может довести стрелков до безумия — мне сказал это кое-кто поумнее тебя.

— Будешь помогать Чернилке, — сказал Бурый Бен.

— Вот именно, — сказал казначей. — Вести книги, считать монету, составлять контракты и письма.

— Охотно. Книги я люблю.

— На что ты еще годен? — фыркнул Каспо-

рио. — Не в бой же тебе идти.

— Когда-то я ведал всеми стоками в Бобровом Утесе. Прочистил даже те, что годами стояли забитые. — Еще дюжина расписок, и все, конец. — Может, мне заняться вашими девками? Им тоже не помешает…

— Держись от них подальше, — не принял шутки Бен Пламм. — У половины дурная болезнь, а болтать все горазды. Ты не первый раб, поступающий в наш отряд, но кричать об этом тоже не надо. Без крайней нужды не шляйся по лагерю, сиди в палатке и сри в ведро, а из лагеря без моего ведома вовсе не выходи. Если одеть тебя оруженосцем и выдать за Джорахова мальчика, кто-нибудь все равно догадается. Когда возьмем Миэрин и отправимся в Вестерос, можешь вырядиться в золото и багрянец, но до тех пор…

— Буду сидеть под камнем и помалкивать, слово даю.

«Тирион из дома Ланнистеров», — расписался он на последнем пергаменте. Остались три расписки, отличные от всех прочих. Две были именные, на тонком пергамине. Десять тысяч драконов Каспорио Коварному, столько же Чернилке, которого по-настоящему звали Тиберо Истарион.

— «Тиберо» звучит прямо-таки по-ланнистерски. Ты, случайно, не дальний родич?

— Кто знает. Я тоже плачу свои долги, казначею иначе нельзя. Подписывай.

Тирион подписал.

Расписка Бурого Бена заняла целый свиток. Сто тысяч драконов, пятьдесят хайд[7] пахотной земли, замок и лордство. М-да, у этого Пламма губа не дура. Не вознегодовать ли? Тебя дерут, а ты и не пикни. Пожаловаться на грабеж, отказаться подписывать, потом нехотя уступить… Надоело. Тирион подписал и вручил свиток Бену.

— Член у тебя, как у твоего предка. Считай, что обработал меня на совесть, лорд Пламм.

— Мне тоже было приятно. Сейчас запишем тебя в ряды — тащи книгу, Чернилка.

Книга была большая, на железных петлях. Записи на деревянных досках внутри велись больше века.

— Младшие Сыны числятся среди старейших вольных отрядов, — сказал Чернилка, переворачивая страницы. — Это четвертый том. Кто был каждый солдат, когда записался, где сражался, сколько служил и как умер — здесь обо всем

---

[7] Сноски: 7

Хайда — надел земли площадью примерно 100 акров. — *Примеч. пер.*

сказано. Встречаются знаменитые имена, в том числе и вестеросские. Эйегор Риверс, Жгучий Клинок, прослужил у нас год, прежде чем основать Золотые Мечи. Блистающий Принц Эйерион Таргариен и Бродячий Волк Родрик Старк тоже были Младшими Сыновьями. Нет, не этими чернилами. Вот, возьми. — Чернилка раскупорил другой пузырек.

— Красные?

— Такая у нас традиция. Раньше кровью расписывались, но как чернила она никуда не годится.

— Ланнистеры уважают традиции. Дай мне свой нож.

Чернилка подал ему кинжал, Тирион уколол большой палец. До сих пор больно — удружил, Полумейстер. Выдавив в пузырек каплю крови, он очинил кинжалом новое перо и нацарапал большими буквами под скромной подписью сира Джораха: «Тирион из дома Ланнистеров, лорд Бобрового Утеса».

Ну вот и все. Он покачался на своем табурете.

— Больше ничего не требуется? Принести клятву, зарезать младенца, пососать капитану член?

— Соси что хочешь. — Чернилка посыпал страницу мелким песком. — Для большинства довольно и подписи, но к чему разочаровывать

нового брата. Добро пожаловать в Младшие Сыновья, лорд Тирион.

«Лорд Тирион»... хорошо звучит. У Младших Сыновей репутация, возможно, не столь блестящая, как у Золотых Мечей, но и они одержали несколько славных побед.

— А другие лорды у вас служили?

— Безземельные, вроде тебя, — ответил Бен Пламм.

Тирион спрыгнул с табуретки.

— Мой прежний брат меня не устраивал, одна надежда на новых. Где можно получить оружие и доспехи?

— И верховую свинью заодно? — предложил Каспорио.

— Не знал, что твоя жена тоже здесь служит. Очень любезно, что ты предлагаешь ее, но я бы предпочел лошадь.

Брави побагровел, но Чернилка только посмеялся, а Бен снизошел до ухмылки.

— Своди его к повозкам, Чернилка, пусть выбирает. Девушке тоже подбери шлем, кольчугу — авось сойдет за мальчишку.

— Пожалуйте, лорд Тирион. — Казначей придержал входное полотнище. — К повозкам тебя сводит Снатч. Бери свою женщину и жди его

возле кухни.

— Она не моя женщина. Сходи за ней сам: она только и делает, что спит или злобно на меня смотрит.

— Бей ее крепче и люби чаще, — посоветовал казначей. — Снатчу все равно, пойдет она или нет. Приходи, как получишь доспехи — я покажу тебе счетные книги.

Пенни спала в их палатке, свернувшись на тощем соломенном тюфяке под нечистыми простынями.

— Ты, Хугор? — моргнула она, когда он потрогал ее носком сапога.

— Выходит, со мной опять разговаривают? — Сколько же можно дуться из-за брошенных свиньи и собаки. Он ее вывел из рабства, нет бы спасибо сказать. — Вставай, всю войну проспишь.

— Мне грустно, — зевнула она. — И спать хочется.

Не заболела ли? Тирион встал на колени, пощупал ей лоб. То ли здесь жарко, то ли ее и впрямь лихорадит.

— Что-то ты бледная. — Даже бесстрашные Младшие Сыновья боятся сивой кобылы. Решив, что Пенни больна, они прогонят ее в мгнове-

ние ока. Могут их обоих наследникам Йеццана вернуть, несмотря ни на какие расписки. — Я расписался в их книге. По-старому, кровью. Теперь я наемник.

Пенни села, протирая глаза.

— Меня тоже запишут?

— Вряд ли. В некоторых отрядах служили женщины, но… нет, они все-таки не Младшие Дочери.

— Мы, — поправила девушка. — Ты теперь один из них и должен говорить «мы». Милку никто не видел, нет? Чернилка сказал, что поспрашивает. А Хрума?

Каспорио видел, кажется. Уверял, будто трое юнкайских охотников за рабами ходят по всем лагерям, ищут двух беглых карликов. У одного будто бы собачья голова на копье, но этакой новостью Пенни не поднимешь с постели.

— Нет, пока никто не видал. Пошли, найдем тебе какие-нибудь доспехи.

— Зачем это? — насторожилась она.

— Затем, что наш старый мастер над оружием не советовал мне выходить на бой голым. Притом я теперь наемник — мне нужен меч, чтобы кому-то его продать. — Он поднял Пенни на ноги и бросил ей кучу одежек. — Одевайся. Накинь плащ

с капюшоном и голову пониже держи. Охотники за рабами, если они где-то близко, должны нас принять за мальчишек.

Сержант Снатч жевал кислолист у кухонной палатки.

— Слыхал, вы теперь за нас драться будете — в Миэрине, поди, со страху обоссались. Кто-нибудь из вас хоть раз убил человека?

— А то, — сказал Тирион. — Я бью людишек, как мух.

— Чем же это?

— Кинжалом, топором, острым словом. Из арбалета лучше всего выходит.

Снатч почесал щетину крюком.

— Да, арбалет — подлая штука. Скольких ты из него уложил?

— Девятерых. — В Тайвине как раз столько. Лорд Бобрового Утеса, Хранитель Запада, Щит Ланниспорта, десница короля, муж, брат и трижды отец.

— Девятерых… — Снатч плюнул красной жвачкой под ноги Тириону, выражая этим свое презрение к названному числу. Плевок угодил в колено. Сунув красными пальцами в рот еще два листка, сержант свистнул. — Кем, засранец, подь сюда! Проводи лорда Беса с его леди к повозкам,

пусть Молоток им сыщет какое-нибудь железо.

— Так он пьяный, небось, валяется, Молоток.

— А ты пусти ему струю в нос, враз очухается. Карликов у нас тут сроду не было, зато мальчишек хоть отбавляй. Шлюхины дети, дурачки, что из дому бегают, оруженосцы, утешные. Может, и на бесенят что сгодится. В тех латах мелкие, конечно, и полегли, но ведь отважных бойцов этим не испугаешь. Девятерых, значит… эх. — Сержант потряс головой и ушел.

Шесть больших фургонов, где Младшие Сыновья держали свои доспехи, стояли посередине лагеря. Кем шел впереди, размахивая копьем, словно посохом.

— Как парень из Королевской Гавани очутился в вольном отряде? — спросил его Тирион.

— Почем ты знаешь, что я оттуда? — с подозрением прищурился Кем.

— Догадался. Тебя ум выдает — говорят ведь, что умней гаваньских нет никого на свете.

— Кто это говорит? Не слыхал.

— Ну что ты, это старая поговорка. Мой отец так говаривал. Знал ты лорда Тайвина, Кем?

— Десницу-то… Видел раз, как он въезжает на холм. Его люди ходили в красных плащах и с маленькими львами на шлемах. Шлемы красивые,

а он человек дурной. Сперва разорил город, потом побил нас на Черноводной.

— Так ты там был?

— Был, со Станнисом. Лорд Тайвин и призрак Ренли ударили на нас с фланга. Я бросил копье и ходу, а хренов рыцарь на корабле говорит: где твое копье, парень, трусы нам тут не нужны. И отвалили, а меня бросили — нас тысячи таких было. После стало слышно, что твой отец шлет на Стену которых за Станниса воевали, вот я и дернул за море.

— Не скучаешь по Королевской Гавани?

— Скучаю. Друг у меня там остался, а брат, Кеннет, погиб на корабельном мосту.

— Многие там погибли. — Тирион поскреб ногтем зачесавшийся шрам.

— По еде тоже скучаю.

— По матушкиной стряпне?

— Ее бы и крысы не стали жрать, но была там одна харчевня — похлебку наливали такую густую, аж ложка стояла. Не пробовал случаем, Полумуж?

— Было дело. Певческий суп.

— Почему певческий?

— Такой вкусный, что петь охота.

— Певческий… Так и скажу, как приведется

снова побывать на Блошином Конце. А тебе, Полумуж, чего не хватает?

«Джейме. Шаи. Тиши… жены, которую он едва знал».

— Вина, девок и денег. Денег особенно — на них можно купить и вина, и девок. — «А также мечей и Кемов, которые ими орудуют».

— А правда ли, что в Бобровом Утесе даже ночные горшки из чистого золота?

— Не всему верь, что слышишь. Особенно если это касается дома Ланнистеров.

— Говорят, Ланнистеры скользкие что твои змеи.

— Змеи? — засмеялся карлик. — Мой лорд-отец сейчас перевернулся в гробу. Мы львы — по крайней мере любим так себя называть. Хотя какая разница, на змею наступить или на львиный хвост — конец-то один.

Пресловутый Молоток оказался глыбой мяса с левой рукой вдвое толще правой.

— Пьет беспробудно, — сообщил Кем. — Бурый Бен терпит его, пока настоящий оружейник не подвернется. — Подручный Молотка, рыжий курчавый юнец, звался, конечно, Гвоздем. Молоток, как и предсказывал Кем, спал, но Гвоздь охотно позволил карликам порыться в доспехах.

— Большей частью это негодный хлам, — предупредил он, — но что найдете, все ваше.

Тирион только вздохнул, глянув на свалку в ближнем фургоне — ему вспомнились сверкающие мечи, копья и алебарды в оружейной Утеса.

— Быстро мы не управимся.

— Тут есть добрая сталь, только поискать надо, — пробасил кто-то. — Красотой не блещет, но меч остановит.

Из полумрака выступила фигура, с головы до ног облаченная в отрядную сталь. Поножи непарные, ворот ржавый, богатые наручи инкрустированы цветами из сплава золота с серебром. На правой руке стальная перчатка, на левой беспалая кольчужная рукавица, в соски рельефного панциря пропущены два кольца, один из украшающих шлем бараньих рогов отломан.

Рыцарь снял шлем, обнаружив побитое лицо Джораха Мормонта.

Экий бравый наемник, ничего похожего на раба, которого Тирион выпустил из клетки Йеццана. Синяки сходят, понемногу возвращая ему человеческий облик, но маска демона, которую работорговцы выжгли непокорному на щеке, не сойдет никогда. Сир Джорах и раньше не был красавцем, а теперь на него и вовсе страшно

смотреть.

— Я на все готов, лишь бы превзойти тебя миловидностью, — ухмыльнулся карлик. — Ты, Пенни, поройся в том фургоне, а я начну с этого.

— Давай лучше вместе искать. — Девушка, хихикая, нахлобучила на себя ржавый полушлем. — Что, идет мне?

Ни дать ни взять, кухонный горшок.

— Это полушлем, а тебе нужен полный. — Тирион поменял один головной убор на другой.

— Этот слишком велик, — гулко пожаловалась Пенни из-под большого шлема. — Мне в нем ничего не видно. Чем плох полушлем?

— Он оставляет лицо открытым. Хотелось бы сохранить твой нос.

— Значит, он тебе нравится?

«О, боги великие». Тирион отошел и начал рыться в груде железа.

— А что еще во мне тебе нравится? — не унималась Пенни. Ее игривость не вызывала у Тириона ничего, кроме грусти.

— Все как есть, — ответил он в надежде положить конец этому разговору, — а в себе и подавно.

— Зачем нам доспехи? Мы комедианты и только делаем вид, что сражаемся.

— У тебя это хорошо выходит. — Тяжелую кольчугу будто молью побило — что это за моль, которая питается сталью? — В битве можно выжить, либо прикинувшись мертвым, либо в хороших доспехах. — На Зеленом Зубце он тоже дрался в сборных доспехах из запасов лорда Леффорда, и шлем на нем сильно напоминал помойное ведро, но здешний лом еще хуже. Все старое, помятое, того и гляди рассыплется. Что это, засохшая кровь или ржавчина? Тирион понюхал, но так и не понял.

— Вон арбалет, смотри, — показала Пенни.

— Ножной вороток не для меня, ноги коротковаты. Надо искать с ручным. — Ну их, эти арбалеты, слишком долго они заряжаются. А одного болта, даже если дожидаться врага в отхожей канаве, может и не хватить.

Он помахал булавой и отложил ее как слишком тяжелую. Забраковав по той же причине молот и с полдюжины длинных мечей, он наконец выкопал трехгранный кинжал, чуть тронутый ржавчиной. Нашлись к нему и ножны из кожи и дерева.

— Меч для маленьких? — пошутила Пенни.

— Нет, нож для больших. Вот, попробуй. — Тирион подал ей длинный меч.

— Тяжелый…

— Само собой, ведь сталь весит больше дерева, — но если рубануть таким по шее, голова в дыню не превратится. Этот, правда, для рубки голов не слишком хорош: дешевый клинок, щербатый.

— Я не хочу рубить ничьи головы.

— И не надо. Руби не выше колена: икры, поджилки, лодыжки — даже великан рухнет, если подсечь ему ноги, и будет не выше тебя, когда упадет.

Пенни сморщилась — того и гляди заплачет.

— Ночью мне снилось, что мой брат жив. Мы представляли перед каким-то знатным лордом на Милке и Хруме, и публика бросала нам розы…

Тирион дал ей пощечину. Несильную, больше напоказ, но слезы у нее мигом выступили.

— Сны — вещь хорошая, но, проснувшись, ты так и останешься беглой рабыней под стенами осажденного города. Зарезали твоих Хрума и Милку. Ищи себе доспехи и не скули, если жать будут. Представление окончено. Дерись, беги, обсирайся — что хочешь делай, только в доспехах.

Пенни потрогала щеку.

— Зря мы сбежали. Какие из нас наемники? А у Йеццана было не так уж и плохо. Нянюшка

иногда лютовал, а сам Йеццан никогда. Мы были его любимцы, его…

— Рабы. Вот точное слово.

— Да, рабы, но не простые. Рабы-сокровища.

«Домашние зверюшки. Посланные любящим хозяином в яму на съедение львам».

Хотя она не так уж и неправа. Рабы Йеццана ели лучше многих крестьян в Семи Королевствах, и голодная смерть зимой им не грозила. Рабов, само собой, продают, покупают, бичуют, клеймят, используют для плотских утех и получения новых рабов. В этом смысле они не выше лошадей и собак, но с лошадьми и собаками почти всегда обращаются хорошо. Многие заявляют, что лучше умереть свободным, чем жить рабом, но это только слова. Когда доходит до дела, мало кто выбирает смерть, иначе откуда в мире столько рабов? Каждый из них в свое время выбрал не смерть, а рабство.

Себя Тирион тоже не исключал. Поначалу за его язык расплачивалась спина, но он быстро научился угождать и Нянюшке, и Йеццану. Джорах Мормонт продержался дольше, но в конце концов и он пришел бы к тому же.

Пенни же… что с нее взять. Она искала себе хозяина с тех самых пор, как ее брату Грошику

сняли голову. Она хочет, чтобы кто-то о ней заботился и говорил ей, что делать.

Но говорить это ей в глаза было бы слишком жестоко.

— Любимчики Йеццана не ушли от сивой кобылы. Все умерли, Сласти первый. — Хозяин, по словам Бурого Бена, скончался в тот же день, как они сбежали. О судьбе его зверинца ни Бен, ни Каспорио ничего сказать не могли, но Тирион готов был врать напропалую, лишь бы Пенни наконец перестала ныть. — Хочешь быть рабыней? Прекрасно. После войны я продам тебя какому-нибудь доброму человеку и на вырученные деньги вернусь домой. Будешь снова ходить в красивом золотом ошейнике с колокольчиками, но для начала нужно остаться в живых: мертвую комедиантку никто не купит.

— Мертвых карликов тоже, — сказал Джорах Мормонт. — Мы все можем пойти на корм червям в скором времени. Всем ясно, что юнкайцы эту войну проиграли — всем, кроме самих юнкайцев. У Миэрина есть Безупречные, лучшая в мире пехота. И три дракона — будет три, когда королева вернется, а она вернется непременно. Должна. Возьмем теперь наше войско: штук сорок юнкайских лордиков с наспех обученными обезьянами.

Рабы на ходулях, рабы в цепях… только слепых и параличных еще не хватает.

— А то я не знаю, — сказал Тирион. — Младшие Сыновья оказались на стороне проигравших и потому должны быстренько перебежать к победителям. Предоставь это мне.

Заговорщик

Двое заговорщиков, черная и белая тень, сошлись в оружейной на втором ярусе Великой Пирамиды, среди рядов копий, связок стрел и трофеев, взятых в давно забытых сражениях.

— Все произойдет этой ночью, — сказал Скахаз мо Кандак. Под его капюшоном виднелась бронзовая маска нетопыря-кровососа. — Мои люди будут на месте, пароль «Гролео».

— Гролео. — Подходит в самый раз. — Ты был тогда при дворе?

— Да, среди сорока других стражников. Мы ждали, что занимающее трон чучело отдаст нам приказ порубить на куски Красную Бороду и всех прочих, но так и не дождались. Будь здесь королева, посмели бы юнкайцы поднести ей голову одного из заложников?

— Мне показалось, что Гиздар был огорчен.

— Притворство. Его-то родичей ему вернули целехонькими. Юнкайцы разыгрывают перед нами фарс с благородным Гиздаром в заглавной роли. До Юрхаза им дела нет, они сами охотно затоптали бы старого дурака. Это лишь предлог для того, чтобы Гиздар истребил драконов.

Сир Барристан поразмыслил.

— Дерзнет ли он?

— Дерзнул же он дать яд своей королеве. Для виду он, конечно, помедлит, дав мудрым господам повод избавить его от командира Ворон-Буревестников и кровного всадника, а затем начнет действовать. Им нужно, чтобы драконов убили до прихода волантинского флота.

Да, все сходилось — но Барристану Селми все-таки было не по себе.

— Не бывать этому. — Эти драконы — дети его королевы; он не позволит, чтобы им причинили вред. — Начнем в час волка, самое темное время ночи, когда весь мир спит. — Эти самые слова сказал ему когда-то Тайвин Ланнистер под стенами Синего Дола. Лорд дал рыцарю сутки на то, чтобы спасти короля — если к рассвету их здесь не будет, он начнет штурм. Селми ушел в час волка и в тот же час вывел из города Эйериса. — Безупречные запрут ворота перед самым рассветом.

— Не лучше ли атаковать? Ударим на юнкайцев, пока они еще глаза не продрали.

— Нет. — Они уже не раз обсуждали это. — У нас с ними мир, скрепленный подписью и печатью ее величества, и первыми мы его не нарушим. Возьмем Гиздара, учредим совет, который будет

править вместо него, а затем потребуем, чтобы юнкайцы вернули нам заложников и ушли. В случае отказа — тогда и только тогда — мы объявим, что мир утратил силу, и дадим им сражение. То, что ты предлагаешь, бесчестно.

— А ты со своим благородством попросту глуп. Время приспело, вольноотпущенники рвутся в бой.

В этом он прав. Саймон Исполосованный из Вольных Братьев и Моллоно Йос Доб из Крепких Щитов жаждут испытать себя в битве и смыть юнкайской кровью перенесенные ими страдания. Только Марслин из Детей Неопалимой разделяет сомнения старого рыцаря.

— Мы с тобой уже договорились, что поступим по-моему.

— Мы договаривались до того, как Гролео отсекли голову. У этих рабовладельцев нет чести.

— Она есть у нас.

Лысый проворчал что-то по-гискарски и сказал:

— Ладно… не нажить бы только хлопот с твоей честью. Что там с охраной Гискара?

— В часы сна его величество охраняют двое. Один у двери опочивальни, другой в алькове, внутри. Сегодня на карауле Храз и Стальная

Шкура.

— Храз — это плохо, — заметил Лысый.

— До боя может и не дойти. Я поговорю с королем. Поняв, что мы не намерены его убивать, он прикажет телохранителям сдаться.

— А если не прикажет? Упускать его нельзя.

— Он от нас не уйдет. — Храза и тем более Стальной Шкуры Селми не опасался. Телохранители из бывших бойцов с арены неважные: свирепости, проворства и силы мало, чтобы охранять королей. На арену противники выходят под вой рогов и гром барабанов, а после боя победитель, перевязанный и напоенный маковым молоком, может пить, есть и распутничать до следующего сражения. Для рыцаря Королевской Гвардии бой никогда не кончается. Опасность подстерегает его как днем, так и ночью, и о приближении врага трубы не возвещают. Вассалы, слуги, друзья, братья, жены и сыновья — любой из них может таить нож под плащом и черный замысел в сердце. На каждый час открытого боя приходится десять тысяч часов наблюдения, ожидания, неусыпных бдений во мраке. Бойцам Гиздара новые обязанности скучны, а скука подтачивает внимание. — С Хразом я управлюсь, — заверил сир Барристан. — Позаботься, чтобы мне не при-

шлось отражать еще и Бронзовых Бестий.

— Не беспокойся. Мархаза мы закуем в цепи, не дав ему натворить бед. Я ведь говорил тебе, что Бестии слушаются только меня.

— У тебя и среди юнкайцев есть свои люди?

— Есть, а у Резнака их еще больше.

Резнаку доверять нельзя. Пахнет он сладко, а мыслит гадко.

— Надо освободить заложников, не то юнкайцы используют их против нас.

Скахаз фыркнул сквозь носовые отверстия.

— Легче сказать, чем сделать. Пусть рабовладельцы грозятся.

— А если дело не ограничится одними угрозами?

— Они так дороги тебе, старина? Евнух, дикарь и наемник?

«Герой, Чхого, Даарио».

— Чхого — кровный всадник королевы, кровь от крови ее. Переход через красную пустыню они совершили вместе. Герой — правая рука Серого Червя, а Даарио… — «Даарио она любит». Сир Барристан видел это в ее взгляде, слышал в ее голосе. — Даарио дорог не столько мне, сколько ее величеству. Его до́лжно спасти, пока Вороны-Буревестники не выкинули чего-нибудь без него.

Это возможно: я однажды вывел отца королевы из Синего Дола, где он сидел у мятежного лорда в плену, но…

— К юнкайцам тебе нельзя, они тебя в лицо знают.

Лицо можно скрыть под маской, однако Лысый и тут прав.

Стар уже рыцарь для таких подвигов.

— Поэтому я и хочу, чтобы его спас кто-то другой. Тот, кто уже давно находится в лагере…

— Даарио кличет тебя сиром дедушкой, а меня наделил таким прозвищем, что и говорить неохота. Стал бы он рисковать ради нас своей шкурой, будь в заложниках мы?

— Кто его знает.

— Если нас возведут на костер, он подкинет сухих дровец — вот и вся его помощь. Пусть Вороны-Буревестники выберут себе капитана, который будет знать свое место. Никто не заплачет, когда в мире станет одним наемником меньше.

— Никто, кроме королевы.

— Если она, паче чаяния, вернется, то будет клясть юнкайцев, не нас. Наши руки чисты. А ты ее утешишь, расскажешь что-нибудь про старые времена, она это любит. Она, ясное дело, никогда не забудет своего бравого капитана, но если он

умрет, нам всем будет лучше… и ей в том числе.

Ей — и Вестеросу. Капитана любит девочка-Дейенерис, не королева. Из-за любви принца Рейегара к леди Лианне погибли тысячи человек. Дейемон Черное Пламя поднял мятеж, когда его разлучили с возлюбленной, тоже звавшейся Дейенерис. Жгучий Клинок и Красный Ворон, оба любившие Ширу Морскую Звезду, залили кровью Семь Королевств. Принц Стрекоз отказался от короны ради Дженни из Старых Камней, и страна выплатила приданое трупами. Все три сына Эйегона Пятого женились по любви вопреки воле отца, и сей невероятный король, сам избравший себе королеву по зову сердца, потворствовал им. В итоге он вместо друзей нажил себе врагов, и это привело его к горестному, колдовскому, огненному концу в Летнем Замке.

Любовь Дейенерис к Даарио — это яд. Не столь быстрый, как тот, что был в саранче, но не менее смертоносный.

— Чхого и Герой также дороги сердцу ее величества.

— У нас заложники тоже есть, — напомнил Скахаз. — Если рабовладельцы убьют кого-то из наших, мы им ответим тем же.

Сир Барристан не сразу понял, о чем речь.

— Пажи королевы?!

— Заложники, — твердо повторил Лысый. — Гразхар и Квецца — родственники Зеленой Благодати. Мезарра из дома Мерреков, Кезмия из дома Палей, Аззак из Газинов, Бхаказ зо Лорак — родня самого Гиздара. Цхак, Кваццар, Ухлез, Хазкар, Дзахак, Йерицан — все они дети великих господ.

— *Невинные* дети. — Сир Барристан хорошо знал их всех. Мечтающий о славе Гразхар, застенчивая Мезарра, ленивец Миклаз, кокетка Кезмия, большеглазая, с ангельским голоском Квецца, танцор Дхаццар.

— Дети Гарпии. За кровь платят кровью.

— Так сказал юнкаец, принесший нам голову Гролео.

— Ну что ж, он был прав.

— Я не допущу этого.

— Какая польза от заложников, раз их пальцем тронуть нельзя?

— Можно обменять трех детей на Даарио, Героя и Чхого. Ее величество…

— Королевы здесь нет. Решать нам с тобой, и ты знаешь, что правда моя.

— У принца Рейегара было двое детей. Малютка Рейенис и грудной Эйегон. Когда Тайвин

Ланнистер взял Королевскую Гавань, его люди убили обоих. Тела завернули в красные плащи и преподнесли в дар новому королю. — Что сказал Роберт, увидев их? Может быть, улыбнулся? Барристан Селми, тяжело раненный на Трезубце, не присутствовал тогда в тронном зале, но если бы он увидел, как Роберт улыбается над окровавленными телами детей Рейегара, короля бы ничто не спасло. — Детей я убивать не позволю. Смирись с этим, если хочешь, чтобы я тебе помогал.

— Упрямый ты старикан. Твои милые мальчики вырастут и станут Сынами Гарпии. Что сейчас их убить, что потом, невелика разница.

— Убивают за содеянное. Не за то, что кто-то может сделать со временем.

Лысый снял со стены топор, повертел в руках.

— По рукам. Гиздару и малолетним заложникам никакого вреда не чинить. Доволен, сир дедушка?

Селми чувствовал все, что угодно, кроме довольства.

— Хорошо. Не забудь же, в час волка.

— Кто-кто, а я не забуду, сир. — Сир Барристан не видел ухмылки под бронзовой маской, но знал, что она там есть. — Давно Кандак ждал этой ночи.

Рыцарь как раз этого и боялся. Если король Гиздар невиновен, они оба изменники, но он виновен, точно виновен. Селми сам слышал, как он предлагал королеве отравленную саранчу, как приказывал своим людям убить дракона. В случае промедления Гиздар умертвит двух других и откроет ворота врагам королевы. Выбора у них нет, но дело это, как ни крути, бесчестное.

Долгий день полз, как улитка.

Селми знал, что сейчас король с Резнаком, Мархазом зо Лораком, Галаццей Галар и другими миэринскими советниками решает, как ответить юнкайцам. Сира Барристана на совет больше не приглашали, и короля он не охранял. Утром он обошел пирамиду сверху донизу, проверяя посты, день провел со своими воспитанниками — сам взял меч и щит, чтобы преподать урок старшим.

Кое-кого из ребят готовили в бойцовые ямы, но пришла Дейенерис и освободила рабов. Эти еще до сира Барристана научились владеть мечом, копьем, топором. Некоторых уже можно посылать в бой. Тумко Лхо с островов Василиска, к примеру. Парень, черный как мейстерские чернила, рожден для меча — Селми не встречал таких со времен Джейме Ланнистера. Или кнутобоец Ларрак. Сир Барристан хотел, чтобы мальчик, как

подобает рыцарю, освоил меч, булаву и копье, но с кнутом и трезубцем Ларраку не было равных. Селми полагал, что против одетого в доспехи врага такое оружие бесполезно, пока не увидел, как Ларрак валит других мальчишек, обвив их ноги бичом. Не рыцарь еще, но боец хоть куда.

Ларрак и Тумко у него лучшие. За ними, пожалуй, следует поставить лхазарянина, которого ребята зовут Красным Агнцем. Этот выезжает на одной злости, мастерства никакого. Три брата, гискарцы, проданные в рабство за долги своего отца, тоже сойдут.

Итого шестеро. Шесть из двадцати семи мальчиков. Селми надеялся, что их будет больше, но и шесть для начала неплохо. Остальные помладше и больше знакомы с ткацкими станками, плугами и ночными горшками, чем с мечом и щитом, но старательны и учатся быстро. Когда лучшие послужат немного в оруженосцах, у королевы будут еще шесть рыцарей. Что до тех, из кого рыцарей не получится, то не всем суждено быть воинами: свечники, трактирщики и оружейники тоже нужны. Это верно как для Миэрина, так и для Вестероса.

Глядя, как они бьются, Селми думал, не сделать ли Тумко и Ларрака рыцарями прямо сейчас…

Да и Красного Агнца тоже. Только рыцарь может посвятить в рыцари, а он, если что-то пойдет не так, может наутро погибнуть или оказаться в темнице. Кто их тогда посвятит? С другой стороны, репутация молодого рыцаря во многом зависит от того, кто вручил ему шпоры. «Мало будет им чести, когда узнают, что посвятил их предатель, как бы самих в темницу не упекли. Они такого не заслужили, — решил сир Барристан. — Лучше тянуть лямку в оруженосцах, чем стать опороченным рыцарем».

Под вечер он собрал всех учеников в круг и стал рассказывать им, что значит быть рыцарем.

— Рыцаря делает не меч, а благородное сердце. Рыцарь без чести — обыкновенный мясник. Лучше умереть с честью, чем жить без нее. — Мальчишки смотрели удивленно, но ничего. Придет время — поймут.

Он снова поднялся к себе наверх. Миссандея читала, сидя среди книг и свитков.

— Ночью никуда не ходи, дитя, — предупредил рыцарь. — Оставайся здесь, что бы там ни происходило внизу.

— Ваша слуга поняла. Можно ли ей спросить…

— Лучше не надо. — Сир Барристан один вышел в висячий сад. «Нет, не создан я для таких дел», —

думал он, глядя на город. Улицы наполняла тьма, на пирамидах зажигались огни. Заговоры, шепоты, увертки, секреты, обман… и как это его угораздило.

Мог бы уже и привыкнуть, конечно. В Красном Замке были свои тайны. Рейегар, к примеру, всегда больше доверял Эртуру Дейну, чем Селми. Он дал это понять в Харренхолле, в год ложной весны.

Сир Барристан не любил вспоминать об этом. Старый лорд Уэнт объявил турнир вскоре после того, как у него побывал брат, сир Освелл Уэнт из Королевской Гвардии. Варис нашептал королю Эйерису, что принц намерен занять отцовский престол и что турнир для Рейегара всего лишь предлог для встречи с возможно большим количеством лордов. Король, после Синего Дола носу не высовывавший из Красного Замка, вдруг пожелал ехать в Харренхолл вместе с принцем — с этого все и началось.

Если б Селми был лучшим рыцарем… Если б ссадил принца на последнем наезде, как многих других, королеву любви и красоты выбирал бы он.

Рейегар выбрал Лианну Старк из Винтерфелла; в случае победы Селми выбор был бы другим. Нет,

не королева Рейелла — ее на турнире не было. И не принцесса Элия, хорошая, добрая женщина. Стань королевой турнира она, страна избежала бы многих бедствий, но Барристан выбрал бы ее юную фрейлину. Эшара Дейн недолго пробыла при дворе, однако все видели, что Элия рядом с ней просто серая мышка.

Даже после всех этих лет сир Барристан помнил улыбку Эшары и ее смех. Стоило лишь зажмуриться, чтобы увидеть волны ниспадающих на плечи темных волос и чарующие фиалковые глаза. У Дейенерис глаза такие же — порой ему кажется, что он видит перед собой дочь Эшары…

Но дочь Эшары родилась мертвой, а вскоре после этого прекрасная дама Барристана бросилась с башни. Что ее толкнуло — потеря ребенка или бесчестие, перенесенное в Харренхолле? Она так и не узнала, как любил ее сир Барристан, да он никогда бы и не признался. Рыцари Королевской Гвардии клянутся блюсти целомудрие. Признание ни к чему хорошему не привело бы, как не привело и молчание. Если бы Барристан ссадил Рейегара и короновал Эшару, она, возможно, обратила бы свой взор не на Старка, а на него.

Этого он никогда не узнает, но та неудача стала для него самой памятной из всех его поражений.

Под застланным тучами небом стояла гнетущая духота. Гроза будет… не ночью, так утром. Доживет ли он? Если у Гиздара есть свой Паук, можно считать себя покойником, но умрет он, как жил — с длинным мечом в руке.

Когда за парусами в заливе померкли последние отблески дня, сир Барристан кликнул слуг и велел им согреть воду для ванны. После возни с учениками он весь вспотел.

Вода, пока ее донесли, стала чуть теплой, но рыцарь отмылся на совесть и стал одеваться в белое. Чулки, подштанники, шелковый камзол, стеганый колет — все свежее, заново выбеленное. Следом настал черед доспехов, подаренных ему королевой. Золоченая кольчуга, гибкая, как хорошая кожа; финифтевый панцирь, твердый как лед и белый, как свежевыпавший снег. Белый кожаный пояс с золотыми застежками — меч на одном бедре, кинжал на другом — и, наконец, длинный плащ.

Шлем, сужавший поле зрения, он не стал надевать. Ночью в пирамиде темно, и враг может появиться откуда угодно. И еще эти драконьи крылья… они, конечно, красивы, но так и напрашиваются на топор или меч. Если Семеро будут милостивы, шлем пригодится ему на следующем

турнире.

Облаченный и при оружии, он ждал, сидя в своей каморке. Во тьме перед ним всплывали лица королей, у которых он состоял на службе, и лица братьев по Королевской Гвардии. Многие ли из них пошли бы на то, что собирается сделать он? Нет, пожалуй. Кое-кто сразу бы зарубил Лысого как предателя. Полил дождь — тихий, как слезы королей, ушедших из этого мира.

Настала пора уходить.

Великая Пирамида Миэрина строилась в подражание Великой Пирамиде Гиса, колоссальному сооружению, на чьих руинах побывал Ломас Странник. У миэринской, как и у ее древней предшественницы, ставшей ныне обиталищем пауков и летучих мышей, тридцать три яруса: в Гисе это число священно. Сир Барристан в колышащемся белом плаще, начал свой долгий спуск — не по большой мраморной лестнице, а по черной, проложенной внутри толстых кирпичных стен.

Двенадцатью ярусами ниже его ждал Лысый все в той же маске нетопыря-кровососа. У шести Бронзовых Бестий, сопровождавших его, маски были одинаковые — саранча.

— Гролео, — сказал рыцарь.

— Гролео, — отозвался кто-то из насекомых.

— Если нужна еще саранча, у меня ее вдоволь, — сказал Лысый.

— Хватит и шестерых. Кто сторожит двери?

— Мои ребята, не беспокойся.

Сир Барристан стиснул запястье Скахаза.

— Если возможно, не проливай крови. Утром мы соберем совет и объясним городу, что заставило нас так поступить.

— Как скажешь. Удачи тебе, старик.

Бронзовые Бестии двинулись вниз вслед за рыцарем.

Королевские покои помещались в самом сердце пирамиды на семнадцатом и шестнадцатом ярусах. Ведущие туда двери, закрытые на цепь, охраняла еще пара Бронзовых Бестий — крыса и бык.

— Гролео, — сказал сир Барристан.

— Гролео, — откликнулся бык. — Третий чертог справа.

Крыса отомкнула цепь, и рыцарь со своей шестеркой вступил в коридор для слуг из красного и черного кирпича. Вызывая гулкое эхо, они миновали два чертога и вошли в третий.

У резных дверей в королевские покои стоял молодой боец с арены Стальная Шкура, не вхо-

дивший пока в число первых. Древняя, зеленая с черным валирийская татуировка на его лбу и щеках должна была сделать его неуязвимым. Такие же знаки виднелись на груди и руках — остается посмотреть, отведут ли они топор или меч.

Стальная Шкура, поджарый юнец на фут выше Селми, и без них бы выглядел весьма грозно.

— Кто идет? — спросил он, загородив путь секирой. — А, старый сир…

— Я хотел бы поговорить с королем, если ему будет угодно меня принять.

— Поздно уже.

— Час поздний, это так, но и дело срочное.

— Ладно, спрошу. — Часовой постучал в дверь древком своей секиры. С той стороны открылся глазок и откликнулся детский голос. После кратких переговоров тяжелый засов сдвинули. — Пойдешь один, — сказал Стальная Шкура. — Бестии подождут здесь.

— Хорошо. — Селми обменялся кивками с одним из замаскированных стражей и прошел внутрь.

Королевские комнаты, огороженные со всех сторон кирпичными стенами восьмифутовой толщины, не имели окон, но были роскошны. Потолок поддерживали стропила черного дуба,

пол устилали шелковые квартийские ковры. Бесценные поблекшие гобелены на стенах представляли сцены из истории Древнего Гиса; на самом большом заковывали в цепи побежденных в сражении валирийцев. Арку опочивальни охраняли статуи двух любовников из сандалового дерева, отполированные и натертые маслом. Сиру Барристану они показались мерзкими, хотя по замыслу ваятеля должны были возбуждать.

У жаровни, единственного источника света, стояли пажи королевы Драказ и Квецца.

— Миклаз пошел будить короля, — сказала девочка. — Не желаете ли вина, сир?

— Нет, спасибо.

— Присядьте, — предложил Драказ, подвинув скамейку.

— Я постою. — За аркой слышались голоса Миклаза и короля. Не в самом скором времени из спальни вышел зевающий во весь рот Гиздар зо Лорак, четырнадцатый носитель этого благородного имени. Он завязывал пояс зеленого атласного халата, шитого серебром и жемчугом, и был под ним совершенно гол. Это хорошо. Голый человек чувствует свою уязвимость и менее склонен к героическим выходкам.

Женщина, выглядывающая из-за газового зана-

веса, тоже была нагая.

— Сир Барристан… Который теперь час? Вы пришли с новостями о моей королеве?

— Нет, ваше величество.

— Ваше великолепие, — со вздохом поправил король, — хотя в такой час больше подошло бы «ваша сонливость». — Гиздар подошел к буфету и обнаружил, что вина в кувшине осталось только на донышке. — Вина, Миклаз. Быстро.

— Да, ваше великолепие.

— Драказа тоже возьми. Налейте штоф борского золотого и штоф сладкого красного, а от нашей желтой мочи избавьте. И если я еще раз увижу, что вина нет, твой розовый задок мне ответит. Мне снилось, что Дейенерис нашли, — сказал король, когда мальчик умчался.

— Сны обманчивы, ваше величество.

— Ваша блистательность. Так что же привело вас ко мне, сир? Беспорядки в городе?

— В городе все спокойно.

— В самом деле? Что же тогда?

— Я пришел, чтобы задать вашему великолепию вопрос. Гарпия — это вы?

Гиздар выронил чашу.

— В уме ли вы, что являетесь ко мне среди ночи с таким вопросом? — Король, похоже, только

теперь заметил на сире Барристане доспехи. — Как… как вы смеете…

— Яд — тоже ваших рук дело?

— Саранча? — попятился Гиздар. — Это всё дорнийцы со своим так называемым принцем. Спросите Резнака, если не верите мне.

— У вас есть какие-то доказательства?

— Будь они у меня, дорнийцев уже схватили бы. Думаю, их все же следует взять: Мархаз выжмет из них признание. Они в Дорне все отравители. Поклоняются ядовитым змеям, как сказал Резнак.

— Змей там едят. Это ваша арена и ваша ложа. Это вы распорядились положить в ней подушки, подать вино, фиги, дыни, медовую саранчу. Это вы предлагали ее величеству лакомое блюдо, а сами не ели.

— Острые пряности не для меня. Она была моей женой, моей королевой. Зачем мне было давать ей яд?

«Была». Думает, что ее нет в живых.

— На это может ответить только ваше великолепие. Возможно, чтобы взять себе другую женщину… вроде этой. — Сир Барристан кивнул на прозрачный занавес.

— Это просто рабыня! Наложница! Хорошо, я

оговорился… Не рабыня, свободная женщина, обученная искусству любви. Даже королю иногда приходит нужда… Словом, сир, это не ваше дело. Я никогда бы не причинил зла Дейенерис.

— Вы уговаривали ее попробовать саранчу. Я сам слышал.

— Я думал, что ей понравится. — Гиздар сделал еще шаг назад. — Острое в сочетании со сладким…

— И с ядом. Вы приказывали своим людям на арене убить дракона.

— Он пожрал Барсену… сжигал всех, кто приближался к нему…

— Только тех, кто желал зла королеве. Сынов Гарпии. Ваших друзей.

— Они не друзья мне.

— Но когда вы попросили их прекратить убийства, они послушались. С чего бы вдруг?

На это у короля не нашлось ответа.

— Скажите, — напирал сир Барристан, — вы хоть немного любили ее? Или предметом вашего вожделения была только корона?

— Вожделения? — взвился Гиздар. — И вы еще смеете… Да, я вожделел корону, а она — своего наемника. Может, это ваш драгоценный капитан хотел отравить ее за то, что она его бросила. А

если б и я отведал его саранчи — тем лучше.

— Даарио убивает сталью, не ядом. Так Гарпия — это вы? — Сир Барристан взялся за меч. — Скажите правду, и я обещаю вам быструю смерть.

— Вы слишком много берете на себя, сир. Довольно вопросов. Вы больше не служите у меня. Покиньте Миэрин немедленно, и я сохраню вам жизнь.

— Если Гарпия не вы, скажите мне, кто это. — Сир Барристан извлек меч из ножен, и тот вспыхнул рыжим пламенем при свете жаровни.

— Храз! — возопил Гиздар. — Храз!

Где-то слева открылась дверь: из-за гобелена вылез заспанный Храз с дотракийским аракхом. Оружие, которым сподручно рубить с седла, смертоносное для полуголых бойцов на арене, но коротковатое для ближнего боя, тем более если противник одет в броню.

— Я пришел за Гиздаром, — сказал рыцарь. — Брось меч, и ничего дурного с тобой не случится.

— Я съем твое сердце, старик, — засмеялся Храз. Одного роста с рыцарем, он был на пару стоунов тяжелее и лет на сорок моложе. На его бритой голове ото лба до затылка топорщился черно-рыжий гребень.

— Дерзни, — сказал Барристан Смелый, и Храз дерзнул.

Впервые за сутки Селми обрел уверенность. Именно для этого он и создан: смертельный танец, стальной перезвон, честный бой.

В проворстве Хразу не было равных. Аракх так и мелькал, целя в голову рыцаря с трех сторон разом: без шлема она была уязвимей всего.

Сир Барристан отступал, отражая удары спокойно, без суеты. Маленькие пажи смотрели на них огромными выпученными глазами. Храз, выругавшись, рубанул низко, но клинок только царапнул по стальному наручу. Ответный удар рыцаря ранил Храза в левое плечо, и желтая туника окрасилась кровью.

— В железо одеваются только трусы, — прорычал он. В бойцовых ямах доспехов не носят: туда приходят поглядеть на кровь, послушать предсмертные вопли.

— Трус скоро убьет тебя, сир. — Храз, хоть и не был рыцарем, сражался храбро и был достоин этого титула. С врагом в доспехах он не умел драться: в его глазах читалась растерянность и зарождался страх. Теперь он кидался на Селми с оглушительным криком, словно надеясь подсобить глоткой неудачливому клинку.

Сир Барристан отражал верхние удары и предоставлял доспехам отражать нижние. Его меч тем временем поранил щеку противника и рассек грудь. Совсем обезумев, Храз швырнул жаровню с горячими углями Селми под ноги. Рыцарь перескочил ее. Клинок Храза вновь скрежетнул по наручу.

— В яме я отсек бы тебе руку, старик.

— Мы не в яме.

— Скидывай свои латы!

— Сдавайся. Еще не поздно.

— Сдохни! — Аракх зацепился за гобелен и повис. Сиру Барристану только это и требовалось. Он полоснул Храза по животу, отбил освобожденный аракх и прикончил врага колющим выпадом в сердце. Внутренности бойца вывалились на ковер, как жирные угри.

Клинок в руке рыцаря стал красным наполовину. Раскиданные угольки понемногу прожигали ковер, Квецца плакала.

— Не бойся, дитя, — сказал рыцарь. — Я тебе ничего не сделаю, мне нужен только король.

Вытерев меч о занавесь, он вошел в спальню. Благородный Гиздар зо Лорак скулил, прячась за гобеленом.

— Пощади! Я не хочу умирать!

— Мало кто хочет, но когда-нибудь все мы умрем. — Рыцарь поднял Гиздара на ноги; Бестии должны были уже обезоружить Стальную Шкуру. — Побудете в тюрьме до возвращения королевы. Если ваша вина не будет доказана, вреда вам не причинят — порукой в том мое рыцарское слово. — Сир Барристан вывел Гиздара из спальни, чувствуя в голове странную легкость. Он был рыцарем Королевской Гвардии — кто он теперь?

Миклаз и Драказ, прижимая к груди штофы с вином, округлившимися глазами уставились на труп Храза. Квецца все еще плакала, Джезена, девочка постарше, утешала ее, другие дети стояли молча.

— Ваше великолепие, — выговорил Миклаз, — благородный Резнак мо Резнак просит вас незамедлительно выйти…

Он обращался к королю так, будто сира Барристана здесь не было и на полу не лежал залитый кровью мертвец. Скахаз должен был и Резнака взять под стражу — что у них там стряслось?

— Куда выйти? — спросил старый рыцарь. — О чем сенешаль просит его величество?

— В-выйти на террасу. — Миклаз точно впервые заметил Селми. — Они там, снаружи.

— Кто «они»?

— Д-драконы. Их кто-то выпустил, сир.

«Да помогут нам Семеро!» — подумал сир Барристан.

Укротитель драконов

Ночь кралась на своих медленных черных лапах. Час нетопыря… час угря… час привидений. Принц лежал в постели и грезил, не засыпая: в голове у него бурлили кровь и огонь.

Отчаявшись уснуть, Квентин Мартелл встал, вышел в горницу, налил себе в потемках вина. Сладкий напиток приятно лег на язык; он зажег свечку и снова наполнил чашу. Принц говорил себе, что вино его усыпит, и знал, что это неправда.

Поставив чашу, он поднес ладонь к пламени. Он вложил в это всю свою волю, но как только огонь лизнул руку, с криком отдернул ее.

— Квентин! Спятил ты, что ли?

Нет, ему просто страшно.

— Геррис?

— Услышал, как ты копошишься.

— Да… не спится.

— Разве бессонницу ожогами лечат? От нее помогают колыбельные и теплое молочко. А девушка из Храма Благодати и того лучше — могу привести.

— Какая там девушка. Шлюха.

— Их называют Благодатями, и они ходят в одеждах разного цвета. Те, что для любви, носят красное. — Геррис сел за стол с другой стороны. — Нашим септам стоило бы перенять у них опыт. Заметил ты, что у всех старых септ рожи как чернослив? Вот что целомудренная жизнь с ними делает.

С темной террасы слышался тихий шум.

— Дождь идет. Твои шлюхи все разбежались.

— Не скажи. У них там в садах беседочки, есть где укрыться. Те, кого не выбрали, маются в саду до восхода солнца, одинокие и заброшенные. Почему бы их не утешить?

— Я их должен утешать или они меня?

— Они тебя тоже, не без того.

— Такое утешение мне не требуется.

— Брось. Дейенерис Таргариен — не единственная женщина в мире. Девственником умереть хочешь?

Умирать Квентину не хотелось совсем. Ему хотелось целоваться с обеими сестрами Герриса, жениться на Гвинет Айронвуд, следить за ее расцветом, иметь от нее ребенка. Хотелось выезжать на турниры, охотиться, побывать у матери в Норвосе, прочесть книги, присланные отцом. Хотелось, чтобы Клотус, Вилл и мейстер Кеддери

были живы.

— По-твоему, Дейенерис приятно будет услышать, что я валялся со шлюхой?

— Кто знает. Мужчинам нравятся непорочные, а женщина хочет, чтобы мужчина знал свое дело. Тут, как и в фехтовании, нужна выучка.

Стрела попала в цель. Квентин, прося руки Дейенерис, чувствовал себя незрелым юнцом. Королева ужасала его чуть ли не больше ее драконов: что, если он не сумеет ей угодить?

— У нее на то есть любовник, — сказал он. — Отец не для того меня сюда посылал, чтобы я ублажал ее в спальне. Ты знаешь, зачем мы здесь.

— Жениться на ней ты не можешь: она уже замужем.

— Она не любит Гиздара зо Лорака.

— Брак — одно дело, любовь — другое. Ты принц и должен понимать это лучше меня. Говорят, твой отец по любви женился: много ему было от этого радости?

Мало. Половину своей супружеской жизни родители провели врозь, половину в ссорах. Если послушать людей, это был единственный необдуманный поступок отца; единственный раз он позволил сердцу взять верх над головой и всю

жизнь об этом жалел.

— Не у всех так бывает. Это мой долг, моя судьба. — Зачем Геррис, называющий себя его другом, так жестоко над ним насмехается? Квентина и без того одолевают сомнения. — Мое большое приключение.

— Большие приключения часто приводят к смерти.

Да… В сказках спутники героя иногда погибают, но с самим героем ничего не случается.

— Немного мужества, и все будет хорошо. Хочешь, чтобы Дорн меня помнил как неудачника?

— Дорн недолго нас будет помнить.

Квентин пососал обожженную ладонь.

— Эйегона и его сестер помнят. Драконов не так просто забыть. И Дейенерис тоже запомнят.

— Если она жива.

— Она жива. — «Должна быть жива». — Я найду ее. — Да, найдет и будет вознагражден таким же взглядом, какой она дарит наемнику.

— Верхом на драконе?

— Я езжу верхом с шести лет.

— Пару раз лошади тебя скидывали.

— И я тут же снова садился в седло.

— На этот раз тебя скинут с высоты тысячи футов. Кроме того, лошади не превращают наезд-

ников в головешки.

Как будто Квентин сам не знал всего этого.

— Ну, хватит. Я тебя не держу. Найди себе корабль и отправляйся домой. — Принц задул свечку и снова лег на пропотевшие простыни. Зря он не поцеловал одну из двойняшек Дринквотер… или их обеих. И в Норвос, на родину матери, зря не съездил: пусть бы знала, что сын ее не забыл.

Дождь стучал по кирпичам на террасе.

К часу волка он уже лил вовсю: скоро улицы Миэрина станут бурными реками. Трое дорнийцев в предрассветной прохладе позавтракали хлебом, сыром и фруктами, запивая еду козьим молоком. Геррис хотел налить себе вина, но Квентин не дал.

— Не надо сейчас. Потом хоть упейся.

— Надеюсь, что оно будет, это «потом».

— Так и знал, что дождь пойдет, — проворчал здоровяк, — всю ночь кости ломило. Драконы дождя не любят, вода с огнем плохо ладят. Разведешь, бывало, жаркий костер, а тут дождь — зальет дрова, огонь и погаснет.

— Драконы не из дерева сделаны, Арч, — хмыкнул Геррис.

— Смотря какие. Старый король Эйегон строил

деревянных, чтобы нас покорить, но кончилось это плохо.

Безумства Эйегона Недостойного Квентина не касались, но сомнения и дурные предчувствия продолжали мучить его, а вымученное веселье друзей их только усиливало. Им его не понять. Если они дорнийцы, то он — сам Дорн. Когда он погибнет, о нем сложат песню.

— Пора, — сказал он и встал.

Сир Арчибальд допил молоко, вытер молочные усы.

— Пойду принесу скоморошьи наряды.

В узле, который дал им при второй встрече Принц-Оборванец, лежали три лоскутных плаща с капюшонами, три дубинки, три коротких меча и три бронзовые маски: бык, лев, обезьяна.

Все, чтобы нарядиться Бронзовыми Бестиями.

«Если пароль спросят, скажите «собака», — предупредил капитан.

«Уверен?» — спросил его Геррис.

«Головой могу поручиться».

«Не моей ли?» — спросил Квентин.

«И твоей тоже».

«Откуда знаешь пароль?»

«Нам встретились Бестии, и Мерис у них спросила. Не стоит принцу задавать такие вопросы,

дорниец. У нас в Пентосе есть поговорка: не спрашивай, что пекарь в пирог положил, знай ешь».

«Знай ешь»… Что ж, и то верно.

— Быком буду я, — заявил Арч.

— Я — львом, — сказал Квентин.

— Стало быть, мне обезьяна. — Геррис прислонил маску к лицу. — Как они только в них дышат?

— Надевай. — Квентин был не расположен шутить.

В узле лежал и кнут — старая кожа, кнутовище из кости и меди, с вола шкуру можно спустить.

— А это зачем? — спросил Арч.

— Черного Дейенерис укрощала кнутом. — Квентин заткнул его за пояс. — Возьми и молот, Арч, — вдруг понадобится.

Ночью в Великую Пирамиду войти не просто. Двери от заката до рассвета запираются накрепко, у каждого входа и на нижней террасе поставлены часовые. Раньше это были Безупречные, теперь Бестии — на это Квентин и понадеялся.

Караулы сменялись на рассвете, до которого оставалось еще полчаса. Дорнийцы сошли вниз по черной лестнице. Кирпичи, серые в темноте, вспыхивали сотней оттенков при свете факела, который нес Геррис. Они никого не встретили,

только их сапоги шаркали по истертым ступеням.

Мимо парадных ворот они прошли к боковому входу, выходящему в переулок. Им в прежние времена пользовались рабы, выполнявшие хозяйские поручения, теперь слуги и поставщики.

Прочные бронзовые ворота запирались на тяжелый железный засов, и охраняли их двое Бестий. При свете факела сверкали маски лиса и крысы. Квентин с Геррисом, оставив здоровяка в темноте, подошли к ним.

— Рано вы что-то, — сказал лис.

— Можем и уйти — стойте себе дальше, — ответил Квентин. По-гискарски он говорил с сильным акцентом, но половина Бестий — вольноотпущенники, и выговор у них не лучше, чем у него.

— Хрена с два, — возмутилась крыса.

— Пароль, — потребовал лис.

— Собака.

Часовые переглянулись. Неужели Крошке Мерис и Оборванцу назвали не тот пароль?

— Верно, — сказал лис, — собака. Занимайте пост.

Они ушли, и принц перевел дух. Ждать недолго: вскоре он и впрямь вздохнет полной грудью.

— Арч, — позвал он, — отпирай.

Здоровяк без труда снял тяжелый, но хорошо смазанный брус. Квентин открыл ворота, Геррис помахал факелом.

— Проезжайте. Скорее.

В пирамиду въехала запряженная мулом повозка с тушами двух барашков и разделанного на части бычка. За ней шли шестеро пеших: пятеро в плащах и масках Бронзовых Бестий, Крошка Мерис в своем первозданном виде.

— Где твой лорд? — спросил ее Квентин.

— Лорда у меня нет, — огрызнулась она, — но твой дружок принц ждет поблизости с полусотней людей, чтобы вывести вас с драконом из города, как обещано. Здесь внутри командует Кагго.

— Нешто дракон в ней поместится? — усомнился сир Арчибальд, смерив взглядом повозку.

— Должен — два быка помещаются. — Покрытое шрамами лицо Трупоруба скрывалось под маской кобры, но черный аракх на бедре его выдавал. — А эти двое, говорят, меньше черного.

— Потому что в яме сидят. — То же самое, если верить книгам, происходило и в Семи Королевствах. Ни один из взращенных в Драконьем Логове драконов не дорос до Вхагара или Мираксеса, не говоря уж о Черном Ужасе. — Цепи

привезли?

— Да, под мясом, — сказала Мерис. — На десяток драконов хватит.

— Хорошо. — Квентин испытывал легкое головокружение. Действительность казалась ему то игрой, то кошмаром: будто открываешь дверь, за которой таятся ужас и смерть, и не можешь остановиться. Он вытер о штаны мокрые от пота ладони. — У ямы тоже стоят часовые.

— Знаем, — сказал Геррис.

— Будьте наготове.

— Мы и так наготове, — сказал здоровяк.

Желудок сводило, но Квентин не смел попроситься отойти по большой нужде.

— Ладно… Нам сюда. — Он редко когда чувствовал себя таким несмышленышем, но они все последовали за ним: Геррис, Арч, Кагго, Мерис и другие наемники. Двое вооружились арбалетами, взятыми из повозки.

Нижний ярус Великой Пирамиды за конюшней был настоящим лабиринтом, но Квентин побывал здесь с королевой и запомнил дорогу. Через три огромные кирпичные арки, по крутому откосу вниз и дальше — мимо темниц, пыточных камер и двух глубоких цистерн. Шаги звучали гулко, повозка с мясом ехала следом. Здоровяк

светил снятым со стены факелом.

Вот и ржавые двери, запертые на цепь с висячим замком — каждое ее звено толщиной с человечью руку. При виде них Квентин усомнился в разумности своего замысла. Вон как их вспучило изнутри, железо полопалось, верхний угол левой створки оплавлен.

Здесь часовых было четверо: трое, в одинаковых масках саранчи, с длинными копьями, четвертый, сержант-василиск, с коротким мечом и кинжалом.

— Собака, — сказал Квентин. Сержант насторожился, и принц, мгновенно почуяв неладное, скомандовал: — Взять их!

Сержант в тот же миг схватился за меч, но здоровяк был проворнее. Он кинул факелом в ближнюю саранчу, сорвал со спины молот и обрушил острие на висок василиска, проломив тонкую бронзу и кость. Сержант рухнул на пол, содрогаясь всем телом.

Меч прилипшего к месту Квентина так и остался в ножнах. Он не сводил глаз с умирающего сержанта, а тени от догорающего на полу факела прыгали по стенам в чудовищной насмешке над последними корчами павшего. Копье часового отбил в сторону Геррис — наконечник, целивший

в горло принца, лишь оцарапал львиную маску.

Когда саранча облепила Герриса, из мрака выскочили наемники. Геррис, проскочив под чьим-то копьем, вогнал меч под маску и глубже, в горло. Второй стражник упал с арбалетным болтом в груди, третий бросил копье и крикнул:

— Сдаюсь!

— Умереть надежнее, — сказал Кагго. Валирийская сталь аракха, без труда пройдя сквозь плоть и кость, снесла часовому голову. — Многовато шуму, — посетовал Кагго. — Разве глухой не услышал.

— Почему они не пропустили нас? — недоумевал Квентин. — Нам говорили, что пароль…

— Тебе говорили, что ты безумец, — напомнила Мерис. — Делай то, что задумал.

Драконы. Да. Они пришли за драконами. Кажется, его сейчас вырвет. Что он здесь делает? «Зачем все это, отец? Ради чего погибли в мгновение ока четверо человек?»

— Пламя и кровь, — пробормотал Квентин, — кровь и пламя. — Кровь собралась в лужу на кирпичном полу, пламя ожидало за дверью. — Цепь… У нас нет ключа.

— Есть. — Молот Арча грохнул по замку, высекая искры. С пятого удара он сбил замок вместе

с цепью — теперь их, должно быть, слышала половина обитателей пирамиды.

— Повозку сюда. — Драконы будут послушнее, если их накормить — пусть полакомятся бараниной.

Арчибальд распахнул железные створки. Петли пронзительно взвизгнули на тот случай, если кто-то проспал сбитую цепь. Изнутри хлынул жар, пахнущий серой, пеплом, горелым мясом.

Кромешная тьма за дверями казалась живой, голодной. Что-то затаилось в ней, свернувшись тугими кольцами. «Воин, пошли мне мужества», — мысленно помолился Квентин. Он не хотел это делать, но другого выхода не было. Для того Дейенерис и показала ему драконов: хочет, чтобы он себя проявил.

Взяв поданный Геррисом факел, Квентин шагнул во тьму.

«Зеленый — Рейегаль, белый — Визерион, — напоминал он себе. — Назвать их по имени, говорить спокойно, но твердо. Укротить их, как Дейенерис укротила Дрогона на арене». Королева, одетая в тончайший шелк, ничего не боялась — не должен бояться и он. Раз она смогла, и он сможет. Главное — не показывать страха. Животные чуют страх, а драконы… Что он знает о

них? Что о них знает любой, кого ни возьми? Они больше ста лет как исчезли.

Квентин медленно, водя факелом по сторонам, шел к краю ямы. Стены, пол, потолок вбирали в себя свет. «Да они же черные», — понял Квентин. Кирпич опален и крошится. С каждым шагом делалось жарче — принц стал потеть.

На него смотрели два глаза.

Бронзовые, как полированные щиты, они горели сквозь идущий из ноздрей дым. Свет факела упал на темно-зеленую чешую — таким бывает лесной мох в сумерки. Дракон открыл пасть, и склеп осветился. За рядом острых черных зубов тлело жерло в тысячу раз ярче факела. Длинная шея разматывалась, голова, больше конской, поднималась все выше — теперь бронзовые глаза смотрели на Квентина сверху.

— Рейегаль, — выдавил принц. Хорош укротитель — квакает, как лягушка. Лягуха и есть. — Мясо. Тащите его сюда.

Арч, услышав его, взял из повозки барашка и метнул в яму.

Рейегаль прямо в воздухе пронзил его огненным оранжево-желтым копьем с зелеными жилками. Барашек задымился, дракон поймал его на лету. Огненный ореол по-прежнему окружал его.

Запахло паленой шерстью и серой — драконий запах.

— Я думал, их двое, — сказал здоровяк.

Да. Где же Визерион? Принц опустил факел. Зеленый дракон, мотая хвостом, терзал дымящуюся тушку. На шее у него стал виден толстый железный ошейник с оборванной цепью — остальные звенья, наполовину расплавленные, валялись на дне ямы среди горелых костей. В прошлый раз, вспомнил принц, Рейегаль был прикован к стене и к полу, а Визерион висел на потолке, как летучая мышь. Квентин поднял факел, задрал голову.

С потолка стекла струйка пепла — там двигалось что-то светлое. «Пещеру себе сделал, — понял Квентин, — вырыл в кирпиче нору». Стены фундамента Великой Пирамиды, несущие на себе эту махину, втрое толще крепостных стен всякого замка, но Визерион одолел эту толщу.

Теперь он проснулся и разворачивался в норе подобно белой змее. Пепел и кирпичная крошка сыпались градом. Вот шея, вот хвост, вот рогатая голова с глазами как золотистые угли. Вот крылья — они шуршат, расправляясь.

Кагго Трупоруб кричал что-то наемникам… Цепи велит доставать. Задумано было накормить драконов до отвала и надеть на сытых-непово-

ротливых цепи — так когда-то сделала королева. Хотя бы на одного, но желательно на обоих.

— Еще мяса, — сказал Квентин. — Быстро.

Змеи в Дорне, наевшись досыта, и впрямь еле движутся, но эти чудовища…

Визерион ринулся с потолка, топорща бледные крылья — у него на шее тоже болталась цепь. Из пасти стрельнуло золотое пламя с красно-оранжевыми прожилками, в воздух поднялось горячее облако пепла и серы.

Кто-то схватил Квентина за плечо, факел покатился по полу и упал в яму.

— Ничего не выйдет, Квент! — прокричала бронзовая обезьяна. — Видишь, какие дикие…

Дракон, ревя как сто львов, сел между ними и дверью. Оглядев всех пришельцев, он остановил взгляд на Мерис и стал принюхиваться. «Чует, что это женщина. Ищет свою мать, Дейенерис, не понимает, почему не пришла она».

— Визерион, — позвал, вырвавшись от Герриса, Квентин. Не ошибка ли? Нет, точно: белый — Визерион. Пальцы нашарили на поясе кнут. Черного Дейенерис укротила кнутом, он сделает то же самое.

Дракон, услышав свое имя, повернул голову. Теперь он смотрел на Квентина, и за его черными

зубами мерцал бледный огонь.

— Лежать, — сказал Квентин и закашлялся.

Визерион, потеряв к нему интерес, пошел к двери. Оттуда пахло кровью, бараниной и говядиной, — а может быть, он просто хотел на волю.

Кагго требовал цепи, Мерис кричала, чтобы кто-то отошел в сторону. Дракон передвигался, как человек на четвереньках, — гораздо быстрее, чем представлял себе Квентин. Вот он взревел снова, а следом загремели цепи и загудела тетива арбалета.

— Нет! — завопил Квентин, но было поздно. Болт отскочил от шеи Визериона и улетел в темноту. За ним тянулся огненный, красный с золотом след — драконова кровь.

Достать другой болт дурак-арбалетчик не успел: драконьи зубы сомкнулись вокруг его шеи. Из пасти тигровой маски хлынуло пламя, глаза под ней лопнули, бронза начала плавиться. Визерион, оторвав клок мяса, уронил горящее тело на пол.

Другие наемники отступали — такого даже Крошка Мерис переварить не могла. Визерион, повертев головой между ними и добычей, оторвал у мертвеца ногу.

— Визерион! — крикнул Квентин уже громче, развернув кнут. Он сделает это. Он может. Для

того отец и посылал его на другой край земли. — ВИЗЕРИОН! — Кнут щелкнул, в склепе раздалось эхо.

Дракон поднял голову, сощурил золотые глаза. Из ноздрей вились струйки дыма.

— Лежать! — Нельзя, чтобы он учуял страх. — Лежать! — Квентин хлестнул Визериона по морде. Тот зашипел.

Потом зашумели крылья, воздух наполнился пеплом, и чудовищный рев сотряс обугленный склеп. Геррис звал принца, здоровяк орал:

— Сзади, сзади!

Квентин обернулся, заслоняя согнутой рукой глаза от жгучего ветра. Рейегаль. Зеленого зовут Рейегаль.

Подняв кнут, он увидел, что ремень вспыхнул. Рука тоже горела… Он весь горел. «Надо же», — подумал Квентин — и зашелся в истошном крике.

Джон

— Предоставьте этих людей их собственной участи, — сказала королева Селиса.

Джон ждал от королевы чего-то подобного и все-таки был потрясен.

— Ваше величество, в Суровом Доме мрут от голода тысячами. Среди них много женщин…

— И детей тоже. Как это грустно. — Королева поцеловала дочь в щеку — не тронутую серой хворью, как невольно отметил Джон. — Нам жаль их, но это не должно влиять на наше суждение. Притом они слишком малы, чтобы стать солдатами в армии короля. Лучше всего для них будет, если они уйдут в свет.

Принцесса Ширен стояла рядом с матерью, Пестряк устроился на полу, поджав ноги. Сир Акселл Флорент возвышался за спиной королевы, Мелисандра Асшайская держалась ближе к огню, и рубин на ее горле пульсировал светом. У красной женщины была своя свита: оруженосец Деван Сиворт и два гвардейца, оставленные ей королем.

Защитники королевы, сверкая доспехами, выстроились вдоль стен: сир Малегорн, сир Бенетон,

сир Нарберт, сир Патрек, сир Дорден, сир Брюс. При таком количестве кровожадных дикарей, наводнивших Черный Замок, Селиса не отпускала от себя своих рыцарей ни днем, ни ночью. «Никак, боится, что ее украдут? — взревел, услышав об этом, Тормунд. — Надеюсь, ты ей ничего не говорил про мой член, тут любая женщина напугается. А мне всегда хотелось усатенькую».

Теперь Тормунду будет не до смеха, но времени здесь терять больше нечего.

— Простите, что побеспокоил ваше величество. Этим займется Ночной Дозор.

— Вы все же намерены выступить в Суровый Дом, по глазам вижу. — Королева раздула ноздри. — Вопреки моему совету предоставить этих людей собственной участи вы продолжаете безумствовать. Не отрицайте!

— Я поступлю так, как сочту наилучшим. При всем уважении к вашему величеству, Стеной командую я.

— Отвечать перед королем тоже будете вы. И за это решение, и за все остальные. Раз вы глухи к голосу разума, поступайте как знаете.

— Кто возглавит этот поход, лорд Сноу? — осведомился сир Малегорн.

— Хотите предложить себя, сир?

— Поищите других дураков.

— Я поведу их! — вскочил, звеня колокольчиками, шут. — Мы войдем в море и снова выйдем на сушу. На дне морском мы оседлаем морских коньков, и русалки будут дуть в раковины, возвещая о нас, да-да-да!

Все, кроме Джона, засмеялись. Даже королева изволила улыбнуться.

— Отсиживаться за спинами братьев не в моих правилах — я возглавлю их сам.

— Нам остается лишь одобрить столь благородный порыв. — Королева поднесла к губам чашу с вином. — О вас, без сомнения, сложат трогательную песню, а у нас будет более разумный лорд-командующий. Поговорим теперь о другом. Будь так добр, Акселл, пригласи сюда короля одичалых.

— Слушаюсь, ваше величество. — Акселл вышел и миг спустя возвестил: — Геррик из дома Рыжебородых, король одичалых.

Высокий, длинноногий, плечистый Геррик получил, как видно, в подарок обноски короля Станниса. Одет в зеленый бархат и короткий плащ с горностаем, рыжая грива вымыта и расчесана, бородка подстрижена — ни дать ни взять южный лорд. Войди он в тронный зал Королев-

ской Гавани, никто и ухом бы не повел.

— Мы признаем Геррика полноправным правителем, — молвила королева, — поскольку он происходит по прямой мужской линии от их великого короля Реймуна Рыжебородого. Узурпатор Манс-Разбойник, с другой стороны, был рожден от простой женщины и одного из братьев Ночного Дозора.

Геррик происходит не от Реймуна, а от его младшего брата. Да хоть бы и от Реймунова коня, вольный народ с правом рождения не считается. «Они ничего не знают, Игритт. Хуже того, не хотят знать».

— Геррик любезно согласился отдать руку своей старшей дочери моему дорогому Акселлу, дабы Владыка Света соединил их священными узами. Средняя его дочь в тот же день выйдет за сира Брюса Баклера, младшая — за сира Малегорна с Красного Пруда.

— Желаю вам счастья с вашими нареченными, сиры, — склонил голову Джон.

— На дне морском люди женятся на рыбах, — поведал Пестряк. — Да-да-да.

— Где три свадьбы, там и четыре, — продолжала Селиса. — Вель, думается мне, тоже пора пристроить. Я хочу выдать ее за моего верного

рыцаря сира Патрека с Королевской Горы.

— Вель известно об этом, ваше величество? — спросил Джон. — В вольном народе невест принято похищать — так жених доказывает свою удаль, отвагу и хитрость. Если родственники девушки поймают его, то побьют, но еще хуже будет, если она сама сочтет его недостойным.

— Дикарский обычай, — бросил сир Акселл.

— Ни у одного мужчины еще не было повода усомниться в моей отваге, — хмыкнул сир Патрек, — а у женщины и подавно.

— Пришлите леди Вель ко мне, лорд Сноу, — поджала губы Селиса. — Я должна рассказать ей о долге благородной леди перед ее мужем.

«То-то будет весело». Знай королева, что Вель наговорила о Ширен, раздумала бы, пожалуй, выдавать ее за своего рыцаря.

— Как вашему величеству угодно, но если мне будет позволено…

— Мы вас более не удерживаем, лорд Сноу.

Джон преклонил колено и вышел.

Спускался он через две ступеньки, кивая часовым — их расставили на каждой площадке для защиты от свирепых дикарей, — но тут его окликнули сверху.

— Леди Мелисандра, — поднял голову Джон.

— Нам нужно поговорить.

«Нужно ли?»

— Меня ждут дела, миледи.

— Об этих делах я и желаю побеседовать. — Она стала спускаться, шурша алыми юбками по ступеням — казалось, будто она не идет, а плывет. — Где ваш лютоволк?

— Спит в моих комнатах. Ее величество не разрешает мне его приводить — говорит, что он пугает принцессу, а выпускать его я не решаюсь из-за Боррока с кабаном. — Как только вернется обоз, отбывший с кланом Тюленебоя в Зеленый Дозор, оборотень уедет в Каменную Дверь с Сореном Щитоломом. В ожидании этого Боррок поселился в одной из древних гробниц на кладбище замка; с мертвыми ему, похоже, приятнее, чем с живыми, а его вепрь может всласть порыться в могилах. — Этот зверь с быка ростом, и клыки у него как мечи. Призрак непременно на него кинется, и кто-то из них — или оба — не выйдет из схватки живым.

— Вам не о Борроке следует беспокоиться. Этот поход…

— Ваше слово могло бы переубедить королеву.

— Здесь Селиса права: предоставьте этих людей их участи. Несчастных уже не спасти. Ваши

корабли…

— Их осталось шесть, больше половины флотилии.

— Ни один из них не вернется. Я видела это в огне.

— Ваш огонь зачастую лжет.

— Да, порой я могу ошибиться, однако…

— Девочка в сером на умирающей лошади. Кинжалы во тьме. Принц, рожденный среди дыма и соли. По мне, вы только и делаете, что ошибаетесь. Где Станнис, где моя сестра? Что случилось с Гремучей Рубашкой и его копьеносицами?

— Посмотрите на небо, лорд Сноу. Ответ придет оттуда. Как получите его, пошлите за мной. Зима почти настала, и я единственная ваша надежда.

— Надежда — для дураков.

Во дворе Джона ждал Кожаный.

— Торегг вернулся, — доложил он. — Его отец разместил своих людей в Дубовом Щите и будет здесь сегодня с восьмьюдесятью бойцами. Что сказала бородатая королева?

— Ее величество отказала нам в помощи.

— Не до того, да? Бороду выщипывать надо? Пес с ней, хватит и наших с Тормундовыми.

«Туда дойти хватит, а вот обратно…» С ними будут тысячи вольных людей, больных и голодных.

Целая человеческая река, ползущая медленней, чем ледник. Упыри в лесу и в воде…

— Не знаю, хватит ли и сколько бы нам хватило, — сказал Джон. — Сто человек, двести, тысяча? — Маленький отряд быстрее доберется до Сурового Дома, но что толку в мечах, когда нечего есть? Люди Матери Кротихи уже за мертвецов принялись. Значит, надо грузить телеги, санки, брать ездовых животных — волов, лошадей, собак — и опять-таки ползти через лес с тяжелым обозом. — Надо подумать. Скажи всем командирам, чтобы собрались в Щитовом Чертоге к началу вечерней стражи — может, и Тормунд уже вернется. Где сейчас Торегг?

— У уродца, поди — положил глаз на одну из его кормилок.

На Вель он глаз положил. Ее сестра была королевой, почему бы и ей не стать? Тормунд сам бы объявил себя Королем за Стеной, да Манс его обошел. Может статься, и Торегг о том же мечтает — лучше уж он, чем Геррик Королевич.

— Ладно, с Тореггом после поговорю. — Джон взглянул на Стену. Тускло-белая, как и небо над ней. Зимнее небо. — Хоть бы опять вьюга не началась.

У оружейной ежились Малли с Блохой.

— Зашли бы внутрь от стужи, — сказал им Джон.

— Мы бы зашли, милорд, да волк ваш нынче не в настроении, — сказал Фульк-Блоха.

— Чуть клок из меня не вырвал, — подтвердил Малли.

— Призрак? — опешил Джон.

— Коли у вашей милости второго белого волка нет, то он. Никогда его таким не видел, как есть дикий зверь.

Часовые сказали правду: лютоволк метался из одного конца оружейной в другой.

— Тихо, Призрак. Сидеть. Тихо. — Джон протянул руку, и волк оскалился, вздыбив шерсть. Все из-за проклятого кабана — Призрак и здесь его чует.

— Сноу, Сноу, снег, снег! — орал ворон Мормонта, не менее взбудораженный.

Джон, отогнав его, велел Атласу разжечь огонь, а после сходить за Боуэном Муршем и Отеллом Ярвиком.

— И подогретого вина принеси.

— Три чаши, милорд?

— Шесть: тебе, Малли и Фульку тоже не мешает погреться.

Джон в который раз сверился с картами зе-

мель за Стеной. Самый быстрый путь к Суровому Дому — от Восточного Дозора, вдоль моря. Лес там редок, местность низменная, с солеными болотами, и снег вряд ли идет, скорее уж дождь. Великаны тоже в Восточном: может, кто и согласится помочь. Путь из Черного Замка, с другой стороны, ведет в самое сердце Зачарованного леса — если у Стены снег глубок, что же будет там?

Пришли лорд-стюард и первый строитель. Мурш шмыгал носом, Ярвик был хмур.

— Опять буря, — сказал он. — Как быть с работами? Мне нужно больше строителей.

— Используйте вольный народ, — посоветовал Джон.

— От них больше хлопот, чем пользы. Лентяи и неумехи. Работящие тоже попадаются, это так, но каменщиков или там кузнецов среди них не сыщешь. Разве что тяжести таскать, и то что-нибудь да напортят. Изволь тут возводить крепости из руин. Невозможное это дело, милорд, честно скажу — невозможное.

— Раз невозможное, пусть так и живут в руинах.

Лорд должен быть уверен, что советники говорят ему правду. Мурш и Ярвик, надо отдать им должное, лгать и пресмыкаться не станут, но и

помощи от них мало. Джон заранее знал, что они ему скажут.

Особенно когда дело касается вольного народа, неприязнь к которому въелась в их плоть и кровь. Когда Джон выделил Каменную Дверь Сорену Щитолому, Ярвик заявил, что этот замок слишком уединенный. Как знать, что выкинет Сорен в пустынных холмах? По поводу передачи Тормунду Дубового Щита, а Морне Белой Маске — Врат Королевы Мурш заметил, что Черный Замок будет с двух сторон окружен врагами, которые легко отрежут его от прочих замков Стены. Или Боррока взять: в лесу у Каменной Двери полным-полно диких свиней — что, если оборотень соберет из них войско?

Джон спрашивал их, кого из вождей лучше поселить в Морозном Холме и Серебряном Инее. «У нас есть Брогг, Гэвин-Меняла, Великий Морж… Хауд Скиталец, по словам Тормунда, одиночка, но остаются еще Харл Охотник, Харл Красивый, Слепой Досс. У Игона Старого Отца свое небольшое племя, в основном родные дети и внуки — и восемнадцать жен, половину которых он взял в набегах. Кому отдадим?»

«Никому, — отрезал Мурш. — Дела этих вожаков мне хорошо известны — петлю им на шею

пожаловать, а не замок».

«Верно, — поддержал его Ярвик. — Один другого хуже. Вы бы еще стаю волков привели, милорд, и спросили нас, которому горло подставить».

То же самое вышло с Суровым Домом. Пока Атлас разливал вино, Джон рассказывал о своей аудиенции у королевы. Ярвик осушал чашу за чашей, Мурш не пил вовсе.

— Устами ее величества глаголет мудрость, — сказал он, выслушав до конца. — Предоставьте их собственной участи.

— Другого совета, милорд, вы не можете предложить? Тормунд приведет восемьдесят бойцов — сколько из них взять с собой? Брать ли копьеносиц из Бочонка, обращаться ли к великанам? Если с нами пойдут женщины, людям Матери Кротихи будет спокойнее.

— Берите женщин. Берите великанов. Берите грудных младенцев. Это милорд желает услышать? — Боуэн Мурш потер шрам, полученный на Мосту Черепов. — Больше убитых, меньше лишних ртов.

— Пусть одичалые сами спасают своих, — присоединился к лорду-стюарду Ярвик. — Дорогу в Суровый Дом Тормунд знает. Послушать его, он одним членом побьет врага.

«Бесполезно, — понял Джон. — Безнадежно».

— Благодарю за совет, милорды.

Атлас помог им надеть плащи, Призрак принюхивался, ощетинившись и задрав хвост. Ночной Дозор нуждается в мудрости мейстера Эйемона, в учености Сэма Тарли, в мужестве Куорена Полурукого, в неуступчивости Старого Медведя, в добром сердце Донала Нойе. Вместо них всех у Дозора остались Ярвик и Мурш.

На дворе валил снег.

— Ветер с юга, — заметил Ярвик, — прямо на Стену метет.

И верно. Деревянные двери внизу уже завалило, лестницы до первой площадки не было видно.

— Сколько у нас человек в ледовых камерах? — спросил Джон.

— Четверо живых, двое мертвых, — ответил Мурш.

Джон совсем забыл про трупы, привезенные из рощи чардрев. Он надеялся узнать что-то новое об упырях, но мертвецы упорно не оживали.

— Надо их откопать.

— Сейчас пришлю десяток стюардов с лопатами.

— И Вун-Вуна позовите.

— Как скажете.

Десять стюардов и один великан быстро разгребли снег, но Джон опасался, что к утру двери опять занесет.

— Надо перевести узников в другое место.

— Карстарка тоже, милорд? — спросил Фульк-Блоха. — Не оставить ли его там до весны?

— Хорошо бы, но нет. — Криган Карстарк в последние дни выл по-волчьи и кидал в стражников, приносивших ему еду, замерзшими нечистотами — любить его сильнее за это не стали. — Посадите его в склеп под башней лорда-командующего. — Подвалы разрушенной башни остались нетронутыми, и там было все-таки теплей, чем в ледовой камере.

Криган лягался и пытался кусаться, но его все-таки одолели и потащили по глубокому снегу к новой тюрьме.

— Как быть с трупами? — осведомился Мурш после перевода живых.

— Пусть остаются во льду. — Завалит мертвецов снегом, и ладно. Когда-нибудь их придется сжечь, но пока они надежно закованы в железные цепи и притом мертвы, авось обойдется.

Тормунд прискакал как нельзя вовремя, после расчистки снега. С собой он привел только пятьдесят воинов вместо обещанных восьмидесяти,

но ведь Краснобаем его прозвали не зря. Борода и усы у него обмерзли, он громко требовал эля и горячей еды.

Кто-то уже успел ему рассказать о Геррике Королевиче.

— Король одичалых? — гремел Тормунд — Король моей мохнатой задницы, вот он кто.

— Ну, держится он по-королевски, — поддразнил Джон.

— Хрен рыжий. Реймун Рыжебородый и его сыновья полегли на Длинном озере стараниями твоих проклятущих Старков и Пьяного Гиганта, только младший братец остался жив. За что его прозвали Красным Усом, по-твоему? В бой-то он летел первым, а потом барду, слагавшему песню об этой битве, понадобилась рифма для «труса». Но раз рыцарям королевы так понадобились Герриковы девчонки, то на здоровье.

— Девчонки, — крикнул ворон. — Девчонки.

— Умная птица, — расхохотался Тормунд. — Что возьмешь за него, Сноу? Я тебе сына отдал — мог бы и подарить.

— Подарил бы, да боюсь, что ты его съешь.

— Съешь, — заволновался и захлопал крыльями ворон. — Зерно?

— Надо потолковать о походе, — сказал Джон. —

Хочу, чтобы в Щитовом Чертоге мы были с тобой заодно… — Малли, заглянув в дверь, доложил, что пришел Клидас с письмом. — Пусть оставит тебе, я после прочту.

— Да, милорд, только он сам не свой, Клидас-то… белый весь и трясется.

— Черные крылья, черные вести, — пробормотал Тормунд. — Так ведь у вас, поклонщиков, говорится?

— У нас много чего говорится. «Вылечишь простуду — наживешь лихорадку». Или, скажем, «не пей с дорнийцами в полнолуние».

— Моя бабуля говаривала, — внес свою лепту Малли, — что летняя дружба тает, а зимняя держится вечно.

— Ну, помудрствовали и хватит. Зови сюда Клидаса.

Малли не преувеличивал: пожилой стюард трясся и был очень бледен.

— Может быть, это и глупо, лорд-командующий, но я испугался. Видите?

«Бастарду», — значилось с внешней стороны свитка. Не «лорду Сноу», не «Джону Сноу», не «лорду-командующему» — просто «бастарду». Запечатывал письмо твердый розовый воск.

— Ты правильно сделал, что пришел сразу,

Клидас. — «И боишься не зря». Джон взломал печать и прочел:

Твой лжекороль мертв, бастард. Его войско разбито после семи дней сражения. Его волшебный меч перешел ко мне. Скажи это его красной шлюхе.

Головы его друзей украсили стены Винтерфелла. Приезжай, бастард, и посмотри сам. Твой лжекороль лгал — лжешь и ты. Объявив всему миру, что сжег Короля за Стеной, ты послал его в Винтерфелл, чтобы украсть у меня жену.

Когда вернешь ее мне, сможешь его забрать. Я выставил Манса-Разбойника в клетке напоказ всему Северу. Для тепла ему сшили плащ из шкур шести баб, которые были с ним.

Вместе с моей женой ты пришлешь мне лжекоролеву, ее дочку, красную ведьму и принцессу одичалых. А еще маленького одичалого принца и моего Вонючку. Сделаешь это — не трону ни тебя, ни твоих ворон. Не сделаешь — съем твое бастардово сердце.

Рамси Болтон, законный лорд Винтерфелла.

— Сноу? — окликнул Тормунд. — Можно подумать, из этого пергамента только что вывалилась голова твоего отца.

Джон ответил не сразу.

— Проводи Клидаса, Малли. Темно уже, и дорожки скользкие. Ты, Атлас, тоже с ними иди. — Дождавшись, когда они вышли, Джон сунул письмо Тормунду. — На, читай.

— Грамотки Тормунд Громовой Кулак не выучился читать — у него поважней дела были. Все одно, ничего хорошего в них не пишут.

— Это верно, не пишут. — Черные крылья, черные вести… В старых поговорках мудрости больше, чем ему кажется. — Письмо от Рамси Сноу, сейчас я тебе прочту.

— Хар-р, — сказал, дослушав до конца, Тор-

мунд. — Ну и дела. Нешто Манс взаправду у него в клетке сидит? Красная ведьма сожгла его на виду у сотен вольных людей.

«Она Гремучую Рубашку сожгла, — чуть было не сказал Джон. — Навела свои чары и обманула всех».

— «Посмотрите на небо», — сказала мне Мелисандра. Ворон… Она его видела. *Когда получите свой ответ, пошлите за мной.*

— Может, и врет, конечно, — поскреб бороду Тормунд. — Я бы тоже мог написать перышком на пергаменте, что член у меня длиной и толщиной с руку.

— У него Светозарный. Он знает, сколько женщин было с Мансом. — «И о самом Мансе знает». — Доля правды тут точно есть.

— Может, и так. Что делать будешь, ворона?

Джон согнул и разогнул пальцы. Ночной Дозор не принимает ничью сторону. *То, что вы предлагаете, равносильно измене.* Он вспомнил Робба со снежинками в волосах. *Убей мальчика и дай мужчине родиться.* Вспомнил Брана, лазившего по башням, как обезьянка. Вспомнил заливистый смех Рикона. Вспомнил, как Санса расчесывала Леди и мурлыкала песенку. *Ничего ты не знаешь, Джон Сноу.* Вспомнил Арью с волосами как

воронье гнездо. *Ему сшили плащ из шкур шести баб. Ты вернешь мне жену… вернешь мне жену… вернешь мне жену.*

— Придется, как видно, поменять план.

Джон проговорил с Тормундом часа два — за это время Фулька и Малли успели сменить Конь и Рори.

— За мной, — сказал он часовым. Призрак тоже собрался идти, но Джон его не пустил, боясь, что в Щитовом Чертоге будет и Боррок — только драки волка с вепрем ему еще не хватало.

Щитовой Чертог, одно из старейших зданий Черного Замка, представлял собой длинный зал из темного камня с дубовыми стропилами, покрытыми вековой копотью. Во дни расцвета Ночного Дозора на его стенах висели ряды ярко раскрашенных деревянных щитов: каждый рыцарь, вступая в братство, отказывался от прежнего герба и брал себе простой черный щит — как и теперь, впрочем.

Сотни рыцарей, сотни щитов. Орлы, ястребы, драконы, грифоны, солнца, олени, волки, мантикоры, быки, цветы и деревья, арфы, копья, крабы и кракены, львы красные, золотые и клетчатые, совы, агнцы, русалки и водяные, кони, звезды, люди с содранной кожей, горящие и повешенные,

топоры, мечи, черепахи, единороги, медведи, гусиные перья, пауки, змеи и скорпионы, расписанные во все цвета радуги.

Когда рыцарь умирал, его щит уходил с ним в гробницу или на погребальный костер. Шли годы, шли века, и в Дозор вступало все меньше рыцарей. В один прекрасный день рыцарям Черного Замка стала не нужна отдельная трапезная, и Щитовой Чертог был заброшен — за последнюю сотню лет им пользовались лишь в редких случаях. В темном и грязном зале гуляли сквозняки, подвал кишел крысами, источенные червями стропила обросли паутиной, но поместиться здесь могли человек двести, а если потесниться, то вдвое больше.

Когда Джон и Тормунд вошли, по чертогу пронесся гул, будто осиное гнездо растревожили. Одичалых, судя по редким островкам черного, собралось впятеро больше, чем ворон. На стенах оставалось меньше дюжины щитов — облупленных, поблекших, с длинными трещинами, — но в железных гнездах горели факелы, а столы и скамьи Джон распорядился внести заранее. «Сидячие тебя слушают, — говорил ему когда-то мейстер Эйемон, — а стоячие сами норовят покричать».

Они с Тормундом поднялись на осевший по-

мост в дальнем конце чертога. Джон воздел руки, но осиное гудение только усилилось; тишина настала, лишь когда Тормунд протрубил в рог.

— Я созвал вас, чтобы поговорить о спасении вольных людей из Сурового Дома, — начал Джон. — Они голодают и не могут уйти: в лесу, как нам пишут, бродит множество упырей. — Мурш и Ярвик сидели слева, Отелл со своими строителями, Боуэн с Виком-Строгалем, Лью-Левшой и Альфом из Грязей. Справа Джон видел Сорена Щитолома со скрещенными на груди руками. Чуть дальше перешептывались Гэвин-Меняла и Харл Красивый. Игона Старого Отца окружали жены, Хауд Скиталец был одинок. Боррок — к счастью, без вепря — прислонился к стенке в темном углу. — Корабли, которые я послал за Матерью Кротихой и ее последователями, попали в шторм, и половина из них погибла. Надо отправлять помощь сушей, иначе в Суровом Доме не останется ни единой живой души. — Два рыцаря королевы, сир Нарберт и сир Бенетон, стояли у самой двери, остальные явиться не соизволили. — Я надеялся сам возглавить этот поход и привести назад как можно больше вольных людей… — Внимание Джона привлек красный блик: леди Мелисандра присутствовала. — Однако новые обстоятельства

препятствуют этому. Вас поведет Тормунд Великанья Смерть, которого все вы знаете. Я обещал дать ему столько людей, сколько он пожелает.

— А где будешь ты, ворона? — громовым голосом спросил Боррок. — В Черном Замке со своим белым псом?

— Нет. Я поеду на юг, — сказал Джон и прочитал во всеуслышание письмо Рамси Болтона.

Щитовой Чертог обезумел.

Все выкрикивали свое, вскакивали на ноги, потрясали кулаками — и скамейки не помогли. Мечи вынимались из ножен, топоры молотили по щитам. Джон взглянул на Тормунда, и тот снова протрубил в рог — вдвое дольше и громче, чем в первый раз.

— Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств, — заговорил Джон, дождавшись подобия тишины. — Нам невместно идти на Бастарда Болтонского, мстить за Станниса Баратеона, защищать его вдову с дочерью. Изверг, шьющий плащи из кожи женщин, поклялся съесть мое сердце, и я намерен притянуть его к ответу за эти слова — но не стану просить моих братьев нарушить обеты. Люди Ночного Дозора пойдут в Суровый Дом, я же отправлюсь в Винтерфелл один, если только… если кто-то из

вас не захочет пойти со мной.

Он не обманулся в своих надеждах. Поднялся такой рев, что два старых щита упали со стен. Вперед выходили Сорен, Скиталец, Торегг, Брогг, Харл Охотник и Харл Красивый, Игон Старый Отец, Слепой Досс, даже Великий Морж. «Жди нас, бастард. Мы идем».

От Джона не укрылось, что Мурш и Ярвик незаметно покинули чертог вместе со своими людьми. Пусть их, это не важно. Никто не сможет сказать, что он заставил своих братьев нарушить присягу: клятвопреступление он совершит один.

Тормунд стукнул его по спине, ухмыляясь щербатым ртом от уха до уха.

— Хорошо сказано, ворона, а теперь подавай мед! Своих воинов полагается поить допьяна. Мы еще сделаем из тебя одичалого, хар-р!

— Сейчас велю подать эля, — рассеянно сказал Джон. Мелисандра тоже ушла, и рыцари королевы исчезли. Надо было сначала зайти к Селисе, сказать, что ее короля нет в живых. — Прошу меня извинить — напои их сам.

— Эта задача мне по плечу, ворона. Ступай.

Джон вышел из чертога с Конем и Рори. После королевы надо будет поговорить с Мелисандрой. Раз она разглядела в метели ворона, то и Рамси

найдет. Думая об этом, он услыхал рев, сотрясший, казалось, самую Стену, а за ним леденящий кровь вопль.

— В башне Хардина кричат, милорд, — сказал Конь.

Вель? Нет, это не женский крик — так может кричать лишь мужчина в предсмертных муках. Джон пустился бежать.

— Не упыри ли? — спрашивал Рори.

Кто знает. Неужто трупы в ледовых камерах сумели освободиться?

Вопли смолкли, но Вун Вег Вун Дар Вун продолжал реветь. Великан размахивал чьим-то окровавленным телом, держа его за ногу, — так Арья в детстве мотала куклой, когда ее заставляли есть овощи. Правая рука мертвеца валялась на обагренном снегу.

— Брось его, Вун-Вун, — крикнул Джон. — Брось.

Великан, сам с ранами от меча на животе и руке, то ли не слышал, то ли не понимал. Он бил мертвым рыцарем о башню, пока не размозжил ему голову. Белый шерстяной плащ рыцаря был оторочен серебряной парчой и усеян синими звездами.

Из ближних домов и башен бежали люди —

северяне, вольный народ, другие рыцари королевы.

— Оттесните их, — скомандовал Джон черным братьям. — Не пускайте сюда никого, особенно людей королевы.

Убитый, судя по эмблеме, при жизни звался сиром Патреком с Королевской Горы; как бы сиру Брюсу, сиру Малегорну или еще кому-то не вздумалось за него отомстить.

Вун-Вун, снова взревев, оторвал рыцарю другую руку — точно ребенок, обрывающий лепестки маргаритки.

— Кожаный, поговори с ним, успокой его. Он ведь понимает древний язык. Все остальные прочь! И уберите оружие, не пугайте его. — Разве они не видят, что Вун-Вун ранен? Только бы избежать новых жертв. Они не имеют понятия о силище великана. В темноте блеснула сталь, и Джон повернулся туда. — Уберите оружие, я сказал! Спрячь нож, Вик…

Нож Вика-Строгаля полоснул его по горлу. Джон успел отскочить, и клинок только оцарапал кожу.

— За что? — вскричал он, зажимая порез рукой.

— За Дозор. — Вик замахнулся снова, но Джон

вывернул ему руку, и он уронил нож. Долговязый стюард попятился, выставив ладони вперед: я, мол, тут ни при чем.

Джон никак не мог извлечь Длинный Коготь из ножен — пальцы не слушались.

— За Дозор. — Боуэн Мурш, заливаясь слезами, вонзил свой кинжал и отвел руку, оставив клинок в животе.

Джон, упав на колени, выдернул нож. Рана дымилась на холоде.

— Призрак, — прошептал он, мучимый болью. *Коли острым концом.* Третий кинжал вошел в спину между лопаток, и Джон ничком повалился на снег. Четвертого кинжала он не ощутил — только холод.

Десница королевы

Дорнийский принц умирал три дня.

Последний вздох он испустил на хмуром рассвете, когда холодный дождь превратил в реки кирпичные улицы старого города. Ливень потушил пожары, но руины пирамиды Хазкаров еще дымились. Черная пирамида Йерицанов, где устроил себе логово Рейегаль, сидела в полутьме, как украшенная янтарями толстуха.

«Может, боги не так уж и глухи, — думал сир Барристан Селми, глядя на оранжевые огни. — Не будь дождя, весь Миэрин выгорел бы дотла».

Драконов он не видел и не ожидал, что увидит: не любят они, когда с неба льет. На востоке прорезалась красная черта, словно кровь выступила из раны. Даже при глубоких надрезах кровь часто приходит раньше, чем боль.

Каждое утро он стоял на вершине Великой Пирамиды и смотрел в небо, надеясь, что вместе с солнцем вернется и королева. «Она не покинет нас, не оставит свой народ», — говорил себе рыцарь под доносящиеся из ее покоев предсмертные хрипы принца.

Сир Барристан вошел внутрь, оставляя мокрые

следы на коврах. Квентина Мартелла как принца и рыцаря по его приказу уложили на кровать Дейенерис. Это лишь справедливо, если он умрет на постели, в которую так стремился попасть. Подушки, простыни и перины были испорчены кровью и копотью, но сиру Барристану казалось, что Дейенерис его простит.

Миссандея не отходила от принца ни днем, ни ночью. Она давала ему воду и маковое молоко, когда он мог пить, вслушивалась в его неразборчивые слова, читала ему, когда он успокаивался, и спала тут же на стуле. Пажи королевы, которых рыцарь просил помочь, не смогли вынести вида страшных ожогов. Лазурные Благодати, за которыми посылали четыре раза, не пришли — быть может, сивая кобыла уже умчала их всех.

— Досточтимый сир, принцу уже не больно, — сказала девочка. — Дорнийские боги забрали его домой. Видите, он улыбается.

С чего она взяла? Губ у него больше нет. Лучше бы драконы пожрали его живьем, это было бы милосерднее. Недаром же в аду вечно пылает огонь.

— Накрой его.

Миссандея прикрыла лицо покойного простыней.

— Как с ним поступят, сир? Его дом так далеко отсюда.

— Я позабочусь, чтобы его доставили в Дорн. — Но как? В виде праха? Жечь его еще раз у Селми не поднималась рука. Надо будет очистить кости, скормив плоть насекомым. Молчаливые Сестры именно так и делают, но здесь другие обычаи. — Ложись в свою постель, дитя, и поспи.

— Вам бы тоже не мешало, сир, да простится вашей слуге ее дерзость. Вы ни одной ночи полностью не проспали.

«Да. С самого Трезубца, дитя». Великий мейстер Пицель говорил, что старики нуждаются в сне меньше, чем молодые, но дело не только в этом. В его возрасте засыпать страшновато: а ну как уже не проснешься. Многие были бы не против столь мирной смерти, но рыцарю Королевской Гвардии так умирать не годится.

— Ночь длится долго, а дел куда как много. Ступай же, дитя, отдохни. — «Если боги будут милостивы, драконы тебе не приснятся».

Он отвел простыню, чтобы еще раз взглянуть на то, что осталось от лица Квентина. Череп во многих места обнажился, глаза гноились. Напрасно он не остался в Дорне: не всем дано танцевать с драконами. Королеву вот и прикрыть некому.

Может быть, она давно уже лежит в травах дотракийского моря и смотрит в небо невидящими глазами.

— Нет, — произнес вслух рыцарь, — Дейенерис жива. Я сам видел, как она улетала верхом на драконе. — Он повторял это себе сотню раз, но вера с каждым разом слабела. У нее вспыхнули волосы — это он тоже видел. А ее падение видели сотни людей, если их клятвы чего-то стоят.

В город понемногу прокрадывался день. Вскоре явился Скахаз — в черной юбке, наручах и рельефном панцире, как всегда. На сгибе руки он нес новую маску, волка с высунутым языком.

— Что, умер наконец дуралей?

— Принц Квентин скончался на рассвете. — Селми не удивился, что Скахаз уже знает: слухи в пирамиде распространяются быстро. — Совет уже в сборе?

— Ожидают только десницу.

«Я не десница! — хотелось крикнуть сиру Барристану. — Я простой рыцарь, телохранитель ее величества. Власть никогда меня не прельщала». Но когда королевы нет, а король в цепях, кто-то должен встать у кормила — либо он, либо Лысый, которому он не верит.

— От Зеленой Благодати что-нибудь слышно?

— Она еще не вернулась. — Скахаз противился ее отъезду, сама Галацца Галар тоже испытывала сомнения. Она соглашалась стать послом ради сохранения мира, но Гиздар зо Лорак, по ее словам, справился бы гораздо лучше. В конце концов сир Барристан ее уломал, и она поклялась сделать все, что сможет.

— Как дела в городе?

— Все ворота заперты, как ты приказал. Всех оставшихся внутри наемников и юнкайцев выставляем вон или под стражу берем. Многие затаились в пирамидах, можно не сомневаться. Безупречные стоят на стенах и башнях. На площади мокнут в своих токарах сотни две великих господ, требуя освободить Гиздара, убить меня и уничтожить драконов — кто-то сказал им, что у рыцарей это получается ловко. Из пирамиды Хазкаров все еще вытаскивают тела, Йерицаны и Ухлезы уступили свои жилища драконам.

Все это сир Барристан уже знал.

— Сколько убитых за ночь? — спросил он, боясь услышать ответ.

— Двадцать девять.

— Двадцать девять? — Он не думал, что все так плохо. Сыны Гарпии возобновили свою теневую войну: в первую ночь трое убитых, во вторую

девять, но чтобы такой скачок?

— К полудню перевалит за тридцать. Чего ты так побледнел, старик? Думал, будет иначе? Сынки Гиздара снова вышли на улицу с ножами в руках. Убивают вольноотпущенников и лысых, как раньше. Один мой, из Бронзовых Бестий. Рядом с трупами рисуют мелом знак Гарпии — на стенах, на мостовой. Пишут еще «Смерть драконам», «Слава Гархазу», «Долой Дейенерис». Теперь-то уж дождь все смыл.

— Мы приняли решение о кровавой дани.

— Две тысячи девятьсот золотых с каждой пирамиды мы соберем, но Гарпию этим не остановишь. За кровь платят только кровью.

— Это по-твоему так. — Сейчас снова заведет речь о заложниках — будь его воля, он бы их всех перебил. — В сотый раз отвечаю: нет.

— Тоже мне десница, — пробурчал Скахаз. — Старая, сморщенная и хилая. Хоть бы Дейенерис поскорее вернулась. Твой совет тебя ждет, — напомнил он, надев свою волчью маску.

— Совет королевы. — Сделав эту поправку, сир Барристан сменил промокший плащ на сухой, пристегнул пояс и вместе с Лысым отправился вниз.

Просителей в зале с колоннами больше не

принимали: сир Барристан считал, что не уполномочен это делать в отсутствие королевы, и Скахазу тоже не разрешал. Нелепые драконьи троны, поставленные Гиздаром, убрали, но скамью Дейенерис пока не вернули на место: вместо нее в середине зала стоял круглый стол с высокими стульями, за которым члены совета могли говорить на равных.

При виде сходящего по лестнице сира Барристана все поднялись. Детей Неопалимой представлял Марслин, Вольных Братьев — Саймон Исполосованный. Крепкие Щиты выбрали себе нового капитана, чернокожего летнийца по имени Таль Торак: прежнего, Моллоно Йос Доба, унесла сивая кобыла. От Безупречных в совете заседал Серый Червь с тремя своими сержантами в остроконечных бронзовых шапках. Вороны-Буревестники вместо отсутствующего Даарио Нахариса прислали двух ветеранов: лучника Джокина и сурового воина с топором, прозываемого Вдовец. Кхаласар почти весь ушел на поиски Дейенерис, но от имени немногих оставшихся в городе дотракийцев говорил кривоногий джакка-рхан Роммо.

За столом сидели также бойцы Гиздара: Гогор-Великан, Белакуо-Костолом, Камаррон Три Счета и Пятнистый Кот. Селми вопреки недовольству

Скахаза настоял на том, чтобы их пригласили в совет: бойцовые рабы помогали Дейенерис при взятии города. Закоренелые убийцы, настоящие звери, они тем не менее хранили нерушимую верность и королю Гиздару, и его королеве.

Последним в чертог ввалился Силач Бельвас.

Смерть отметила его своей печатью. Он сильно исхудал; смуглая, испещренная шрамами кожа висела на нем, как одежда с чужого плеча, походка стала медленной и нетвердой, но старый рыцарь все равно порадовался, увидев его. Они с Бельвасом совершили вместе долгое путешествие, и сир Барристан знал, что в случае опасности может на него положиться.

— Бельвас. Мы рады, что ты вновь с нами.

— Здравствуй, Белобородый. Где же печенка с луком? Силач Бельвас не так силен, как бывало: ему надо есть, набираться сил. Силача испортили. Кто-то умрет за это.

«Умрет скорее всего не один, а многие».

— Садись же, дружище. — Бельвас сел, и сир Барристан сказал: — Нынче утром, на рассвете, скончался Квентин Мартелл.

— Объездчик драконов, — засмеялся Вдовец.

— Непроходимый дурак, — бросил Саймон.

«Нет… просто мальчик». Сиру Барристану пом-

нились безумства собственной юности.

— Не будем говорить дурно о мертвых. Он сполна расплатился за то, что сделал.

— А другие дорнийцы? — спросил Таль Торак.

— Взяты под стражу. — Сопротивления они не оказывали. Арчибальд Айронвуд, когда пришли Бронзовые Бестии, прижимал покрытого ожогами принца к себе — его руки, которыми он сбивал с Квентина пламя, тоже сильно пострадали. Геррис Дринквотер, стоявший над ними с мечом, при виде Бестий сразу бросил оружие. — Они сидят в одной камере.

— На одной виселице их вздернуть за то, что драконов выпустили, — проворчал Саймон.

— Лучше открыть ямы и дать им мечи, — подал голос Пятнистый Кот. — Я убью обоих перед всем Миэрином.

— Ямы открывать не станем, — заявил Селми. — Кровь и шум притягивают драконов.

— Может, это и к лучшему? — сказал Марслин. — Вдруг черный тоже прилетит, а с ним королева.

Хорошо, если так. Без королевы Дрогон зальет город кровью и затопит огнем. Даже сидящие за этим столом неизбежно передерутся: вместе их держит одна только Дейенерис.

— Ее величество вернется, когда сочтет нужным, — сказал сир Барристан. — Мы согнали тысячу овец на Арену Дазнака, буйволов на Арену Грацца; на Золотой собраны звери, которых Гиздар зо Лорак припас для игр. — Оба дракона предпочитали баранину и подкрепляться летали к Дазнаку. Об охоте на людей, будь то в городе или за его стенами, пока не было слышно. Единственными, кого драконы убили после Гархаза, были обитатели пирамиды Хазкаров, имевшие глупость вступить в бой с Рейегалем. — Сейчас нас с вами ждут дела поважнее. Я послал Зеленую Благодать к юнкайцам договориться об освобождении наших заложников и к полудню жду ее обратно с ответом.

— Юнкайцев Вороны-Буревестники знают, — бросил Вдовец. — Языком они горазды работать. Наплетут Зеленой Благодати с три короба, но капитана не отдадут.

— Осмелюсь напомнить деснице, что в плену у мудрых господ остаются также наш Герой и Чхого, кровный всадник ее величества, — сказал Серый Червь.

— Кровь ее крови, — подхватил Роммо. — Его нужно освободить: честь кхаласара этого требует.

— Их всех освободят, — заверил сир Барристан, — но послушаем прежде, что скажет Зеленая Благодать.

— Ничего она не добьется. — Лысый грохнул кулаком по столу. — Хорошо еще, если не переметнется к юнкайцам. О чем она, собственно, должна с ними договориться?

— О выкупе, — сказал Селми. — За каждого заложника мы даем столько золота, сколько он весит.

— Мудрые мастера богаче ваших вестеросских лордов и в золоте не нуждаются, сир, — заметил Марслин.

— Зато их наемники до золота куда как охочи — отказав нам, юнкайцы рискуют с ними поссориться. — На мысль о выкупе Селми навела Миссандея, сам бы он не додумался. В Королевской Гавани подкупом ведал Мизинец, а врагов короны ссорил меж собой Варис; обязанности самого сира Барристана были намного проще. Миссандея в свои одиннадцать лет будет поумнее половины мужчин за этим столом. — Я просил Зеленую Благодать сделать это предложение в присутствии всех юнкайских военачальников, не иначе.

— Они все равно ей откажут, — сказал Саймон

Исполосованный. — Потребуют, чтобы мы сперва истребили драконов и вернули на трон короля.

— Я молюсь, чтобы твои слова не сбылись. — «И очень боюсь, что сбудутся».

— Твои боги далеко и вряд ли услышат тебя, сир дедушка, — рассудил Вдовец. — Что будет, когда старуха вернется ни с чем?

— Кровь и огонь, — едва слышно промолвил Барристан Селми.

После долгого молчания Силач Бельвас похлопал себя по животу и сказал:

— Это будет получше печенки с луком.

— Собираешься нарушить Гиздаров мир, старина? — спросил Лысый, глядя на рыцаря сквозь прорези волчьей маски.

— Если нужда придет, — ответил Селми. Мальчик, которого принц некогда прозвал Барристаном Смелым, все еще жил в нем. — На вершине пирамиды, где раньше стояла гарпия, мы сложили костер. Сухие дрова, политые маслом и хорошо укрытые от дождя. Когда настанет время — молюсь, чтобы оно никогда не настало, — этот маяк будет зажжен и послужит сигналом к нашей атаке. На вылазку пойдут все солдаты, сколько есть в городе, поэтому вы должны быть наготове и днем, и ночью. Либо мы разгромим врага, либо погиб-

нем сами. — Рыцарь сделал знак своим новым оруженосцам. — Я приготовил для вас карты, где отмечены вражеские позиции, их лагеря, осадные линии и требушеты. Увидев, что наша берет, наемники тут же бросят своих хозяев. Если у кого есть сомнения и вопросы, высказывайтесь: из-за стола мы должны выйти в полном единодушии.

— Распорядись, чтобы нам подали еду и питье, — предложил Саймон. — Мне сдается, это надолго.

Совещание заняло все утро и солидную долю дня. Капитаны препирались над картами, как рыбные торговки над свежим уловом. Слабые стороны, сильные стороны; как лучше использовать немногочисленных лучников; посылать на юнкайцев слонов или придержать их на будущее; кому доверят честь идти в первых рядах; где поставить кавалерию — в авангарде или на флангах.

Сир Барристан выслушал всех и каждого. Таль Торак предлагал сразу же после прорыва осады выступить на Юнкай: неприятель, опасаясь за свой Желтый Город, тут же снимется и пойдет следом. Пятнистый Кот хотел все решить поединком. Бельвас его поддерживал, но заявлял, что бойцом от Миэрина будет он, а не Кот. Камаррон

Три Счета намеревался захватить стоящие на реке корабли, чтобы триста бойцов с арены могли зайти по Скахазадхану юнкайцам в тыл. Соглашаясь с тем, что Безупречные — цвет миэринского войска, все расходились в том, как разыграть этот козырь с наибольшей выгодой для себя. Вдовец видел в них железный кулак, дробящий юнкайскую оборону; Марслин полагал, что им место на флангах — тогда враг не сможет спутать ряды; Саймон предлагал разбить евнухов на три части и усилить ими три отряда вольноотпущенников. Его Вольные Братья, несмотря на всю отвагу и готовность сразиться, еще не бывали в бою и без такой подмоги стычку с матерыми наемниками вряд ли выдержат. Серый Червь сказал, что Безупречные подчинятся любому решению.

Когда согласие наконец было достигнуто, Саймон Исполосованный затронул последний вопрос.

— Я был в Юнкае рабом и видел, как мой хозяин заключал сделки с капитанами вольных отрядов. Наемников я хорошо изучил: биться с драконами они ни за какие деньги не станут. Поэтому я спрашиваю: будут ли драконы участвовать в битве, если она состоится?

На это сир Барристан мог бы, не колеблясь, от-

ветить «да». Шум битвы и запах крови привлекут их на поле боя, как Дрогона — на Арену Дазнака, но отличат ли они одну сторону от другой? Сомнительно.

— Будет так, как судьбе угодно, — сказал старый рыцарь. — Возможно, одна лишь тень драконовых крыльев обратит врага в бегство. — Он поблагодарил членов совета и отпустил их.

Серый Червь задержался после ухода всех остальных.

— Ваши солдаты будут готовы, когда загорится маяк, но ведь деснице известно, что юнкайцы убьют заложников, как только мы атакуем.

— Я сделаю все, чтобы предотвратить это, друг. Кое-что уже придумал, но сейчас извини меня: я должен сообщить дорнийцам о смерти их принца.

— Ваш слуга повинуется, — с поклоном сказал Серый Червь.

Сир Барристан спустился в темницы с двумя новоиспеченными рыцарями. Горе и чувство вины способны довести мужчин до безумия, а Геррис Дринквотер и Арчибальд Айронвуд оба причастны к кончине своего друга. Туму и Красному Агнцу он, однако, велел дожидаться у двери камеры и вошел внутрь один.

Сир Арчибальд, здоровяк, выслушал его молча, глядя на свои забинтованные руки. Сир Геррис ударил кулаком по стене.

— Я говорил ему, что это вопиющая глупость. Умолял его вернуться домой. Всем было ясно, что вашей суке-королеве он ни к чему. Он проехал полмира, чтобы предложить ей свою любовь, свою верность, а она над ним насмеялась.

— Ничего подобного она не делала, — возразил сир Барристан. — Вы поняли бы это, если бы лучше знали ее.

— Она презрела его. Швырнула назад сердце, которое он принес ей в дар, и отправилась утешаться с наемником.

— Придержите-ка язык, сир. — Сиру Барристану Геррис не нравился; как смеет этот дорниец чернить Дейенерис? — В смерти принца Квентина повинен он сам и вы двое.

— В чем же мы виноваты, сир? Квентин был нашим другом, верно… и большим глупцом, хотя все мечтатели таковы… но в первую очередь он был нашим принцем. Мы обязаны были повиноваться ему.

С этим сир Барристан, всю свою жизнь повиновавшийся безумцам и пьяницам, не мог спорить.

— Вся беда в том, что он пришел слишком

поздно.

— Он предлагал ей свое сердце, — повторил Геррис.

— Ей нужны не сердца, а мечи.

— К ее услугам были все копья Дорна.

— Возможно. — Никто больше сира Барристана не желал, чтобы Дейенерис отдала предпочтение дорнийскому принцу. — Но он опоздал, и все, что он сделал после, — перекупил наемников, выпустил на волю драконов… Это не просто безумие, это измена.

— Он сделал это из любви к королеве, — не уступал Геррис. — Хотел доказать, что достоин ее руки.

— Он сделал это из любви к Дорну, — резко оборвал старый рыцарь. — Принимаете меня за выжившего из ума старика? Я всю жизнь провел среди королей, королев и принцев. Солнечное Копье хочет поднять восстание против Железного Трона — не трудитесь отрицать! Доран Мартелл не тот человек, чтобы созывать копья без надежды на победу, и принца Квентина сюда привел долг. Долг, честь, стремление к славе, но уж никак не любовь. Он приехал не за Дейенерис, а за драконами.

— Вы не знали его, сир. Он…

— Он умер, Дринк, — перебил Айронвуд, поднявшись с тюфяка, на котором сидел. — Слова не вернут нам ни его, ни Вилла, ни Клотуса. — Заткнись лучше, пока я сам тебя не заткнул. Как вы намерены поступить с нами, сир?

— Скахаз Лысый требует вас повесить. Вы убили четверых его людей — двое из них были вольноотпущенники, пришедшие с ее величеством из самого Астапора.

Айронвуда это, похоже, не удивило.

— Бестии, да… Я убил только одного, с головой василиска, других перебили наемники — но вам это, разумеется, все равно.

— Мы защищали Квентина, — вмешался Дринквотер, — мы…

— Тихо, Дринк. Он все это знает. Вы не стали бы приходить, сир, если бы дали согласие на казнь, верно?

— Верно. — Не так уж он, оказывается, и туп, здоровяк. — Вы мне полезнее живые, чем мертвые. Если хорошо мне послужите, я посажу вас на корабль и отправлю домой, а заодно верну кости Квентина его лорду-отцу.

— Опять корабли, — скорчил гримасу сир Арчибальд. — Но Квента и впрямь нужно вернуть домой. Что вам от нас нужно, сир?

— Ваши мечи.

— Мечей у вас тысячи.

— Вольноотпущенники королевы не испытаны в боях, наемникам я не верю, Безупречные — храбрые солдаты, однако не рыцари. Расскажите, как вы пытались украсть драконов.

Дорнийцы переглянулись.

— Квентин сказал Принцу-Оборванцу, что способен их укротить, — начал Дринквотер. — Сказал, что в нем есть толика крови Таргариенов…

— Кровь дракона.

— Вот именно. С помощью наемников мы собирались заковать драконов в цепи и доставить на пристань.

— Оборванец приготовил для нас корабль, — продолжил Айрон вуд. — Большой, на котором могли уместиться оба дракона — на одном из них, впрочем, Квентин намеревался лететь. Но в их логове нам стало ясно, что ничего из этого не получится. Они совсем одичали, и повсюду валялись обрывки цепей со звеньями величиной с человеческую голову. Квент, да спасут его Семеро, чуть в штаны не наклал. Кагго и Мерис тоже это заметили, и тут один из их арбалетчиков выстрелил. Может, они с самого начала замышляли убить драконов, а нас использовали,

чтобы добраться до них — кто его знает, этого Оборванца, — но стрелять, как ни крути, было глупо. Драконы и так волновались, а когда белый получил царапину, взбесились совсем.

— Сыны Ветра умчались мигом, — подхватил Геррис. — Квент кричал, охваченный пламенем, а их след простыл — всех, кроме мертвого арбалетчика.

— А ты чего ждал, Дринк? Кошка ловит мышей, свинья в грязи валяется, а наемник удирает как раз, когда нужен. Такая у них натура.

— И то правда, — согласился сир Барристан. — Что обещал им принц Квентин за помощь?

Дорнийцы молчали. Сир Арчибальд оглядывал голые стены темницы.

— Пентос, — сказал сир Барристан вместо них. — Говорите, не бойтесь: принцу Квентину уже ничем нельзя повредить.

— Точно, Пентос, — пробормотал сир Арчибальд. — Оба принца честь по чести написали так чернилами на пергаменте.

Сир Барристан усмотрел в этом добрый знак.

— У нас здесь сидят Сыны Ветра, мнимые дезертиры.

— Помню, — сказал Айронвуд. — Хангерфорд, Соломинка и прочие. Одни для наемников не

так уж и плохи, других не мешало бы уморить. А что?

— Хочу отослать их назад к Оборванцу, а вместе с ними и вас. Среди многотысячного юнкайского войска вас никто не приметит. Скажете их капитану, что пришли от меня. Что я говорю голосом королевы. Что мы согласны уплатить назначенную им цену, если он приведет к нам наших заложников целыми и невредимыми.

— Не станет он этого делать, — покривился сир Арчибальд. — А нас Крошке Мерис отдаст.

— Почему не станет? Задача достаточно простая. — «Особенно по сравнению с кражей драконов». — Я когда-то вывел отца королевы из Синего Дола.

— Так то в Вестеросе.

— Не вижу, в чем разница.

— Арч и меча-то в руках не удержит.

— И не нужно. С вами, если я не слишком заблуждаюсь, пойдут наемники.

Геррис Дринквотер откинул со лба прядь выгоревших волос.

— Можно нам обсудить это между собой?

— Нет, — ответил Селми.

— Я согласен, — сказал сир Арчибальд, — мне лишь бы в треклятую лодку не лезть. Дринк тоже

согласен, он просто не понял пока.

Это дело — по крайней мере первая его часть — улажено. Дед сира Барристана пришел бы в ужас: ведь эти дорнийцы — рыцари, хотя стальной стержень чувствуется лишь в одном Айронвуде. В Дринквотере только и есть, что смазливая мордашка, язык без костей да пышная шевелюра.

Когда сир Барристан снова поднялся на самый верх пирамиды, тело принца уже убрали. Шестеро маленьких пажей сидели кружком на полу, крутили кинжал и срезали локон у того, на кого он указывал. Сир Барристан, когда еще жил в Колосьях, тоже играл в такую игру со своими кузенами и кузинами, только они к тому же и целовались.

— Бхаказ, будь любезен, принеси мне чашу вина. Вы, Гразхар и Аззак, станьте у двери. Зеленую Благодать, как придет, впустите немедленно, но больше никого не пускайте.

— Слушаюсь, лорд десница, — вскочил Аззак.

Сир Барристан вышел на террасу. Дождь перестал, но солнце, опускающееся в залив Работорговцев, по-прежнему скрывали серые тучи. Над обугленной пирамидой Хазкаров все еще поднимался дымок. Далеко на востоке, за стенами города, мелькали бледные крылья: Визерион.

Охотится или просто летает. Любопытно, где теперь зеленый Рейегаль, оказавшийся намного опасней своего белого брата.

Принесшему вино Бхаказу велено было принести еще и воды. Неразбавленное вино усыпляет, а рыцарю нужен был ясный разум: вот-вот должна вернуться с переговоров Галацца Галар. Сгущались сумерки. Сир Барристан устал, и его снедали сомнения. Дорнийцы, Гиздар, Резнак, атака… правильно ли все это? Одобрила бы его Дейенерис? Нет, не создан он для таких вещей. Рыцари Королевской Гвардии порой бывали десницами — он читал о них в Белой Книге. Неужели они испытывали ту же растерянность, то же смятение, что и он?

— Лорд десница, — доложил Гразхар, держа в руке горящий фитиль, — пришла Зеленая Благодать.

— Проси. И зажги свечи.

Галаццу Галар сопровождали четыре Розовых Благодати; сир Барристан не уставал восхищаться ореолом мудрости и достоинства, окружавшим эту почтенную женщину. Лицо она прятала под мерцающей зеленой вуалью.

— Могу я присесть, лорд десница? Старым костям нужен отдых.

— Стул Зеленой Благодати, Гразхар. — Розовые Благодати стали позади старшей жрицы, потупив глаза и сцепив руки перед собой. — Что прикажете вам подать?

— В горле пересохло от разговоров… может быть, сок?

Кезмия принесла кубок с лимонным соком, подсластив его медом. Жрица откинула вуаль, и рыцарь вновь убедился, что она старше его лет на двадцать.

— Будь здесь королева, она непременно поблагодарила бы вас за все, что вы для нас делаете.

— Ее великолепие всегда была милостива ко мне. — Попив, жрица снова опустила вуаль. — Нет ли каких-нибудь вестей о ее судьбе?

— Пока нет, увы.

— Я молюсь за нее. Простите мою смелость, но судьба короля Гиздара меня тоже тревожит. Нельзя ли мне увидеться с ним?

— Скоро, думаю, будет можно. Даю вам слово, что ему не причинили никакого вреда.

— Отрадно слышать. Мудрые господа Юнкая спрашивали о нем. Вас, полагаю, не удивит их желание вновь увидеть его на троне.

— Он займет его, если будет доказано, что он не покушался на жизнь королевы. До того времени

Миэрином будет править совет, набранный из верных сторонников ее величества. Прошу вас, станьте одной из них: нам всем есть чему поучиться у вашего добросердечия.

— Боюсь, вы льстите мне, лорд десница. Если вы и вправду такого высокого мнения обо мне, послушайтесь моего совета сейчас: освободите благородного Гиздара и верните ему его трон.

— Это вправе сделать лишь королева.

Зеленая Благодать вздохнула.

— Мир, которого мы добивались столь долго, трепещет, как лист на осеннем ветру. Ужасные времена. Смерть, прискакавшая на сивой кобыле из проклятого Астапора, разъезжает по нашим улицам. Драконы летают по небу и пожирают наших детей. Сотни людей отплывают, ища спасения в Юнкае, Толосе, Кварте. Пирамида Хазкаров сожжена, и многие отпрыски этого древнего рода лежат под руинами мертвые. Пирамиды Ухлезов и Йерицанов стали логовами чудовищ, а их хозяева — бездомными нищими. Утративший надежду народ ропщет на богов, посвящая ночи разврату, пьянству…

— Не забудьте и о резне. Сыны Гарпии убили тридцать человек прошлой ночью.

— Прискорбная весть. Вот вам еще одна при-

чина освободить Гиздара зо Лорака, который однажды уже сумел прекратить убийства.

«Любопытно, как он это сумел, не будучи Гарпией?»

— Ее величество отдала Гиздару зо Лораку свою руку, сделала его своим королем и супругом, восстановила бои в ямах, как он просил. А он в благодарность поднес ей блюдо с отравленной саранчой.

— В благодарность он дал ей мир. Не швыряйтесь этим, молю вас. Мир — это драгоценность, не имеющая цены, а Гиздар происходит из рода Лораков и никогда бы не осквернил своих рук ядом. Он невиновен.

— Как вы можете это знать? — Может статься, ей известен подлинный отравитель.

— Боги Гиса мне сказали об этом.

— Мои боги молчат, все семеро. Передала ли ваша премудрость мое предложение?

— Всем лордам и капитанам Юнкая, как вы и наказывали… Но боюсь, что вам не понравится их ответ.

— Они отказали?

— Да. «Заложников нельзя выкупить никакими горами золота, — сказали они, — только кровь драконов вернет им свободу».

Сир Барристан хоть и надеялся на лучшее, ожидал чего-нибудь в этом роде.

— Вы не это желали бы услышать, я знаю… но их тоже можно понять. Юнкай боится этих исчадий ада не без причины. Наша история повествует о бедствиях, которые претерпевал Старый Гис от драконовластных лордов Валирии. Даже наша светлейшая Дейенерис, именующая себя Матерью Драконов, не избежала их злобы — мы все видели, как она превратилась в живой факел там, на арене…

— Королева…

— Королева мертва, да ниспошлют ей боги вечный покой. — За вуалью блеснули слезы. — Пусть умрут и ее драконы.

Не успел Селми найти достойный ответ, послышались тяжелые шаги, и к ним ворвался Скахаз мо Кандак с четырьмя Бестиями. Гразхара, пытавшегося заступить дорогу, Лысый отмел прочь одним махом.

— В чем дело? — поднялся с места сир Барристан.

— Требушеты, — гаркнул Лысый. — Все шесть.

— Это ответ Юнкая на ваше предложение, сир, — сказала Галацца Галар. — Я предупреждала, что он вам не понравится.

Итак, они выбирают войну. Сир Барристан испытал странное облегчение — в чем в чем, а в войне он смыслил.

— Если они надеются забросать нас камнями…

— Не камнями, нет, — произнесла старая жрица исполненным горя и страха голосом. — Трупами.

Дейенерис

Холм был каменным островком в море трав. Дени спускалась с него чуть не все утро и под конец совсем обессилела. Ее слегка лихорадило, руки покрылись царапинами, но ожоги, несмотря ни на что, все-таки подживали — лишь из глубоких трещин на ладонях еще сочилась сукровица.

Снизу холм казался особенно высоким. Дени нарекла его Драконьим Камнем в честь древней цитадели, где появилась на свет. У подножия он оброс колючими кустами и жесткой травой, выше торчали голые камни. В мелкой пещере посреди этой россыпи Дрогон устроил себе берлогу. Очутившись в ней, Дени поняла, что он поселился там уже довольно давно: все вокруг было черным, на полу валялись обугленные обломки костей. Всякому живому существу дорог его дом, и Дрогону тоже.

Два дня назад, в час заката, она углядела на юге узкую блестящую ленту воды. Ручеек мог вывести ее к большому ручью, ручей к речке, а все реки в этой части света впадают в Скахазадхан. Спустившись вниз по его течению, она окажется у залива Работорговцев.

С гораздо большей охотой она вернулась бы в Миэрин на драконе, но Дрогон ее желания не разделял.

Древние валирийцы управляли драконами с помощью чар и волшебных рогов, в распоряжении Дейенерис были только слово и кнут. Ей казалось, что она заново учится ездить верхом. Если хлестнуть Серебрянку по правому боку, она повернет налево, ибо первейший лошадиный инстинкт велит ей бежать от опасности. Если хлестнуть по правому боку Дрогона, он повернет направо, ибо первейший драконий инстинкт велит ему нападать. Порой он и вовсе летит куда вздумается, как его ни хлещи. Кнут скорее раздражает его, чем причиняет боль: чешуя у него сделалась тверже рога.

И как бы далеко Дрогон ни улетал, к ночи он всегда возвращается на свой Драконий Камень — к себе домой, а не к ней. Ей уже опостылела эта скала. Пора возвращаться в Миэрин, к мужу, к любовнику.

«Уходи, — сказала она себе. — Оглянешься назад — пропадешь».

Ее сопровождали воспоминания: вид на облака сверху, маленькие как муравьи кони, луна, до которой можно дотянуться рукой, ярко-синие

реки. Суждено ли ей увидеть это опять? Суждено ли подняться в небо, где скорби этого мира не могут достать ее?

Будь что будет. Детские радости больше не для нее. Она взрослая женщина, королева, мужняя жена, матерь тысяч. Ее дети нуждаются в ней. Она, как и Дрогон, должна покориться бичу. Снова возложить на себя корону, сесть на тронную скамью черного дерева, вернуться к объятиям и прохладным поцелуям Гиздара.

Солнце припекало с самого утра, небо было безоблачным. Это к лучшему: лохмотья, в которые превратилась ее одежда, почти не греют. Одну сандалию она потеряла, улетая из Миэрина, другую бросила в драконьей пещере — лучше уж идти босиком, чем наполовину обутой. Токар и покрывала остались на арене, нижняя туника перепачкана потом, травой и грязью, подол Дени оторвала, чтобы перевязать себе колено. Вид у нее теперь, как у нищей оборванки, а ночи в дотракийском море холодные, хорошо еще, что днем жарко.

Как ни странно, она была счастлива здесь, в своем одиночестве. Охотно терпела боль, голод, ночную стужу ради полетов с Дрогоном — и охотно вынесла бы все это снова.

В пирамиде ее ждут Ирри и Чхику. И Миссандея, и маленькие пажи. Она поест и смоет многодневную грязь в пруду под хурмой.

На южном склоне холма она нашла дикий лук и какое-то растение с красноватыми листьями вроде капусты — съедобное, как показал опыт. Помимо этого и рыбки, пойманной как-то раз в мелком пруду, она питалась объедками от трапез Дрогона, обгладывая с костей горелое полусырое мясо. Долго на такой еде не протянешь. Спихнув ногой с вершины бараний череп, Дени посмотрела, как он скачет вниз, и решила отправиться следом.

Трава в степи ростом с Дени. Когда-то она ехала по этой траве на Серебрянке, во главе кхаласара, рядом со своим солнцем и звездами, теперь шла, похлопывая себя по бедру кнутом распорядителя игр. Кнут да изодранная туника — вот все, что она захватила из Миэрина.

Осень чувствовалась даже здесь, в дотракийском море. Травы, ярко-зеленые летом, желтели — скоро они побуреют, завянут, умрут.

Дейенерис Таргариен не была чужой в этой великой степи, простирающейся от Квохорского леса до Матери Гор и Чрева Мира. Впервые она увидела травяное море молодой женой кхала

Дрого, на пути в Вейес Дотрак, где ее должны были представить старухам из дош кхалина. От ходящих волнами трав у нее перехватывало дыхание. Небо тогда было таким же синим, трава зеленела, и в сердце ее жила надежда. Сир Джорах, ворчливый старый медведь, оберегал ее; Ирри, Чхику и Дорея ухаживали за ней; ее солнце и звезды обнимал ее по ночам, и в ее чреве росло дитя. Рейего, так она хотела назвать его, а дош кхалин объявил его жеребцом, который покроет весь мир. Так счастлива она не была со времен полузабытого Браавоса.

Браавосский дом с красной дверью подарил ей счастье, красная пустыня все отняла. Ее солнце и звезды упал с коня, мейега Мирри Маз Дуур убила дитя у нее под сердцем, Дени собственными руками погасила жизнь в опустевшем теле своего кхала, и его великий кхаласар раскололся. Ко Поно сам назвал себя кхалом и увел многих воинов и многих рабов, ко Чхако сделал то же самое и увел еще больше людей. Маго, кровный всадник Дрого, изнасиловал и убил юную Ероих, которую Дейенерис спасла от него в свое время. Если бы не драконы, родившиеся на свет в пламени погребального костра Дрого, Дени доживала бы свой вдовий век среди старух дош кхалина.

Огонь спалил ее волосы, но тела не тронул — как тогда на костре, так и недавно на Арене Дазнака. Ей смутно помнились встающие на дыбы кони, опрокинутая тележка с дынями. Им вслед метнули копье и послали целый рой арбалетных болтов. Один из них задел щеку Дени, другие отскакивали от Дрогона, застревали между чешуйками, пробивали насквозь перепонки крыльев. При каждом попадании дракон корчился, а она отчаянно пыталась удержаться на нем. Раны его дымились, болты сгорали или сыпались вниз. Внизу кружились в безумном танце объятые пламенем люди. Женщина в зеленом токаре прикрывала собой плачущего ребенка — они лежали на кирпиче, и бегущие с арены топтали их.

Потом все это отошло, шум стал глохнуть, копья и стрелы больше не долетали до них. Дрогон поднимался все выше над пирамидами и аренами, ловя крыльями теплые потоки от разогретых кирпичей Миэрина. «Если я и упаду, оно того стоило», — подумала Дени.

Продырявленные крылья несли их на север, за реку. Облака летели мимо, словно знамена призрачной армии. Открылся залив со старой валирийской дорогой, теряющейся в песках на западе, — дорогой, ведущей к дому, — а потом под

ними заволновалось море травы.

Теперь Дени казалось, что это было тысячу лет назад.

Солнце начинало припекать голову с не отросшими еще волосами.

— Шапку бы, — сказала вслух Дени. На Драконьем Камне она пробовала сплести головной убор из травы, как это делали дотракийки. «Давай еще раз, — говорила она себе, — ты от крови дракона и вполне способна сплести себе шапку», — но ничего у нее не вышло.

К середине дня она дошла до ручейка, который видела сверху. Он был не шире ее руки, сильно исхудавшей после дней на Драконьем Камне. Сложенные ковшиком ладони зачерпнули вместе с водой ил со дна. Дени, конечно, предпочла бы воду похолодней и почище, но желания — вещь опасная: еще немного, и начнешь желать, чтобы тебя спасли.

Она все еще надеялась, что ее ищут. Сир Барристан, например — первый рыцарь ее Королевской Гвардии, поклявшийся защищать ее, не щадя своей жизни. Или кровные всадники, хорошо знающие дотракийское море. Или муж, благородный Гиздар зо Лорак. Или Даарио… Дени представила, как он едет к ней через высокие травы, сверкая

золотым зубом на солнце.

Но Даарио сидит в заложниках у юнкайцев вместе с Героем, Чхого, Гролео и тремя родичами Гиздара. Теперь их всех уже, конечно, освободили, однако…

Висят ли еще клинки капитана у нее над кроватью? «Девочек оставляю тебе, — сказал он. — Позаботься о них, любимая». Знают ли юнкайцы, как дорог ей капитан? Дени спросила об этом сира Барристана в тот день, когда взяли заложников. «Слышали, должно быть, — ответил он. — Сам же Нахарис мог похвалиться, что ваше величество… неравнодушны к нему. Скромность, да простятся мне эти слова, не входит в число его добродетелей. Он во всеуслышание превозносит свою… воинскую доблесть».

То есть свои постельные подвиги… Но не настолько же он глуп, чтобы хвастаться этим в стане врага? Впрочем, не важно — юнкайцы уже удалились восвояси. Для того она и пошла на все эти крайности: ради мира.

Дени оглянулась на Драконий Камень, торчащий бугром среди трав. Как он близко. Она идет уже много часов, а до холма все так же рукой подать. Еще не поздно вернуться туда. В прудике у пещеры водятся рыбки: одну она поймала в

первый же день и еще наловит. А после охоты Дрогона ей достаются кости с остатками мяса.

«Нет. Оглянешься — пропадешь». Можно прожить долгие годы на опаленном солнцем холме, днем летать на Дрогоне, а вечером, когда травяное море делается из золотого оранжевым, глодать драконьи объедки, но не для такой жизни она рождена. Дени снова повернулась спиной к Драконьему Камню, стараясь не вспоминать, как поет ветер на его голой вершине, и пошла вдоль ручья. «Приведи меня к реке, — мысленно просила она, — об остальном я сама позабочусь».

Время тянулось медленно. Дени следовала извивам ручья, похлопывая себя кнутом по ноге. Она запрещала себе думать о том, как далек ее путь, как напекло голову солнце, о пустом животе. Шаг за шагом, шаг за шагом — что ей еще остается?

Стебли травы в ее море под ветром шептались на языке, внятном только богам. Ручеек журчал, спотыкаясь о камни, ил проступал между пальцами ног. Вокруг жужжали ленивые стрекозы, зеленые осы, кусачая мошкара, от которой Дени отмахивалась. Крыса, пьющая из ручья, улепетнула в траву. От щебета птиц в животе урчало, но без силков их было не поймать, а гнезда ей что-то

не попадались. Раньше она мечтала летать по небу, теперь грезила о кучке птичьих яиц.

— Люди безумны, но боги еще безумнее, — со смехом сказала Дени, и трава шепотом согласилась с ней.

Трижды за день она видела Дрогона. Сначала высоко в облаках — посторонний принял бы его за орла, но Дени теперь узнавала его даже на таком расстоянии. Потом его крылья затмили солнце. В третий раз он пролетел прямо над ней. «Уж не на меня ли он охотится?» — подумала Дени, но дракон пролетел, не заметив ее, и пропал где-то на востоке. Вот и славно.

Вечер застал ее, можно сказать, врасплох. Она споткнулась о низкую каменную стену в тот самый миг, как солнце зашло за Драконий Камень. Раньше здесь был то ли храм, то ли усадьба деревенского лорда. Поблизости нашелся заброшенный колодец, в траве остались круги от глинобитных, давно слившихся с землей хижин. Дени насчитала восемь таких кругов — остальные, должно быть, уже заросли травой.

Две каменные стенки, сходясь под углом, давали некоторое укрытие. Дени нарвала травы и свила там себе гнездо. Она очень устала и набила свежие мозоли на ногах, в том числе на мизин-

цах — экая косолапая.

Она закрыла глаза, но сон не спешил к ней — уснуть мешали холодная ночь, жесткая земля и пустой желудок. Дени лежала и думала о Миэрине, о любимом Даарио, о муже Гиздаре, об Ирри, Чхику и Миссандее, о сире Барристане, Резнаке, Лысом. Они, верно, боятся за нее, думают, что дракон ее съел. Удержал ли Гиздар корону в ее отсутствие? Когда прилетел Дрогон, он кричал: «Убейте чудовище!» — и с упоением смотрел на арену. А Силача Бельваса выворачивало — яд, не иначе как яд. Саранча в меду. Гиздар предлагал это блюдо ей, но Бельвас умял всю миску. Она сделала Гиздара своим королем, приняла на свое ложе, открыла его бойцовые ямы — ему как будто незачем желать ее смерти, но кто же, если не он? Душистый сенешаль Резнак, юнкайцы, Сыны Гарпии?

Вдали завыл волк — ему, должно быть, так же голодно, как и ей, и грустно, и одиноко. Над степью взошла луна, и Дени наконец-то забылась.

Ей снилось, что она парит в небе, позабыв все свои беды и боли. Она кружилась, танцевала, смеялась, а звезды нашептывали ей тайное. «На юг, чтобы попасть на север, на восток, чтобы попасть на запад, назад, чтобы продвинуться

вперед, пройти через тень, чтобы достичь света».

«Куэйта? — позвала Дени. — Где ты?» — И увидела маску, сотканную из звезд. «Помни, кто ты есть, Дейенерис, — произнес женский голос. — Драконы знают, а ты?»

Утром она проснулась одеревенелая. Муравьи ползали по ней и всю искусали — откуда они только взялись? Дени принялась стряхивать их с себя; даже в едва отросшей щетинке на голове кишели зловредные насекомые.

Муравейник располагался совсем близко, за стенкой. Как они умудрились перелезть? Для них эта полуразрушенная преграда должна быть чем-то вроде Вестеросской Стены. Брат Визерис так гордился этим грандиозным сооружением, будто сам его строил.

Он же рассказывал Дени о бедных рыцарях, ночевавших прямо в поле, у отмеченных живыми изгородями межей. Много бы она сейчас отдала за такую вот изгородь, предпочтительно без муравьев.

Солнце пока только прорезалось над краем земли, и горсточка ярких звезд еще светила на небе. Быть может, одна из них — это кхал Дрого. Он ездит по ночным землям на огненном жеребце и смотрит, улыбаясь, на Дени. Драконий Камень

по-прежнему торчал совсем близко, хотя до него, наверное, теперь было несколько добрых лиг. Лечь бы еще и поспать, да нельзя, идти надо. По ручью, вниз по ручью.

Где же он? Должен быть на юге.

— Ты мой дружок, — произнесла она вслух. — С тобой я не заблужусь.

Она бы легла спать у самого ручейка, но по ночам туда приходят на водопой какие-то звери — Дени видела их следы. Волку или льву дичь вроде нее на один зуб, но они и такой не побрезгуют.

Повернувшись к югу, Дени стала считать шаги и на счет восемь вышла к ручью. Живот ответил спазмами на пару глотков воды, но лучше уж судороги, чем жажда, а есть здесь нечего, кроме разве что муравьев. Желтые слишком мелкие, но в траве встречаются и красные, покрупнее.

— Это ведь море, — сказала Дени, ковыляя по берегу. — В море должны быть крабы и рыба. — Кнут похлопывал по бедру в такт шагам. Ручеек выведет ее к дому.

Во второй половине дня перед ней вырос куст с твердыми зелеными ягодами. С подозрением надкусив одну, Дени ощутила терпкий знакомый вкус.

— В кхаласаре они служили приправой для мяса. — Ободренная звучанием собственного голоса, Дени стала рвать ягоды обеими руками и запихивать в рот.

Весь остаток дня ее тошнило зеленой слизью. Если она останется здесь, то умрет — может быть, уже умирает. Заберет ли ее лошадиный бог дотракийцев в свой звездный кхаласар, чтобы она разъезжала по небу вместе с Дрого? В Вестеросе покойников дома Таргариенов предавали огню, но здесь костер сложить некому. Она станет добычей волков, воронья и червей. Драконий Камень как будто стал меньше, и над его вершиной поднимался дымок — Дрогон вернулся с охоты.

К восходу луны понос и рвота совсем ее измотали. Чем больше пьешь, тем сильнее позывы, чем больше из тебя выливается, тем больше хочется пить. В конце концов она сомкнула веки, не зная, достанет ли у нее силы открыть их вновь.

Ей приснился покойный брат — такой же, как перед смертью: с опаленными волосами и черным лицом, изборожденным струями жидкого золота.

— Ты же умер, — сказала Дени.

Убит, ответил он. Губы у него не шевелились, но она явственно слышала каждое слово. *Ты не*

скорбела по мне, сестра. Плохо умирать пешим.

— Раньше я любила тебя.

Да… раньше, сказал он с горечью, от которой ее проняла дрожь. *Ты должна была стать моей женой и рожать детей с серебристыми волосами и фиолетовыми глазами, чтобы сохранить в чистоте кровь дракона. Я заботился о тебе, учил тебя, рассказывал о нашей родной стране. Кормил тебя на деньги, вырученные за корону нашей матери.*

— Ты обижал меня и пугал.

Только когда ты будила дракона. Я любил тебя.

— Ты предатель. Ты продал меня.

Это ты предательница, пошедшая против родной крови. Твой муж-лошадник и его вонючие дикари надули меня. Обещали золотую корону, а дали вот что. Он тронул расплавленное золото, текущее по лицу, и палец его задымился.

— Ты получил бы свою корону. Мое солнце и звезды добыл бы ее для тебя, надо было лишь набраться терпения.

Терпения? Я ждал этого всю свою жизнь. Я был их королем, а они надо мной насмеялись.

— Надо было тебе остаться в Пентосе с магистром Иллирио. Кхал Дрого повез меня в дош

кхалин, но ты не должен был ехать. Ты сам сделал свой выбор, и он оказался неверным.

Хочешь разбудить дракона, глупая потаскушка? Кхаласар Дрого был моим. Я купил у него все сто тысяч вопящих бродяг в обмен на твою невинность.

— Ты так ничего и не понял. Дотракийцы не покупают, не продают — они лишь дарят и принимают дары. Если бы ты подождал…

Я ждал. Ради короны, ради престола и ради тебя, а получил только котел с расплавленным золотом. Почему драконьи яйца отдали тебе, а не мне? Уж я научил бы этот мир уму-разуму.

Визерис захохотал, челюсть у него отвалилась, и жидкое золото хлынуло изо рта вместе с кровью.

Когда Дени очнулась от кровавого сна, уже светало, и трава тихо шелестела на утреннем ветерке. Надо еще поспать… Почему травяная подстилка мокрая, дождь прошел или она во сне обмаралась? Кровь… Она умирает? Дени взглянула на побледневший серпик луны и поняла, что это всего лишь месячные.

Не будь она так больна и напугана, это стало бы для нее облегчением. Вся дрожа, Дени вытерла внутреннюю сторону бедер пучком травы. Драко-

ны не плачут. Это лунная кровь, но почему луна в первой четверти? Когда у нее было последнее кровотечение — в прошлое полнолуние, в позапрошлое? Нет, позапрошлое — слишком долго.

— Я от крови дракона, — сказала она траве.

Была, прошептала в ответ трава. *Пока не посадила своих драконов на цепь.*

— Дрогон убил девочку, совсем маленькую. Ее звали… — Дени не могла вспомнить как и заплакала бы, но все слезы у нее давно уже выжгло. — У меня такой никогда не будет, я — Матерь Драконов.

Ты обернулась против своих детей, сказала трава.

В животе словно клубок змей поселился, сбитые ноги болели. Дени зачерпнула в пригоршни илистую воду. К полудню она нагреется, а сейчас прохладная, хорошо умыться такой. Подол туники намок — у нее никогда еще не было таких обильных лунных кровотечений. Может, вода плохая? Если так, ей конец — без воды обходиться она не может.

— Иди, — приказала себе Дени. — Ручей выведет тебя к Скахазадхану, а там будет ждать Даарио. — Но все ее силы ушли на то, чтобы встать, и она просто стояла, щурясь на солнце.

Вот уже и позднее утро. Дени сделала шаг, другой и снова поплелась вдоль ручья.

День разгорался, солнце било в плохо защищенную коротким ежиком голову. Дени, сама того не заметив, вошла в ручей. Ил хорошо успокаивал покрытые мозолями ноги. По воде, по берегу, а идти надо. Ручей выведет к реке, река приведет домой… Нет, неправда.

Миэрин не был ей домом и никогда им не будет. Это город чужих людей и чужих богов. Там носят замысловатые прически и каемчатые токары, благодать достигается через блуд, резня считается высоким искусством, а собачье мясо — лакомством. Это город гарпии, а Дейенерис не гарпия.

Вот-вот, проворчала трава голосом Джораха Мормонта. *Я предупреждал вас: бегите из этого города. Войну вам следует вести в Вестеросе, не здесь.*

Он говорил тихо, но шел рядом с ней. Медведь, старый славный медведь, любивший и предавший ее. Она так по нему скучала. Увидеть бы снова его рубленое лицо, прижаться к его груди — но если повернуться к нему, он сразу исчезнет.

— Я просто грежу, сплю на ходу, — сказала она. — На самом деле я одинока и несчастна.

Несчастны, потому что замешкались в этом

злом городе, ответил сир Джорах. *Одиноки, потому что прогнали меня.*

— Ты предал меня. Шпионил за мной ради золота.

Нет. Ради того, чтобы вернуться домой.

— Тебе нужен был не только дом, но и я. — Она видела это в его глазах.

Да, печально призналась трава.

— Ты целовал меня… целовал без моего позволения. Ты продавал меня врагу, но в твоих поцелуях чувствовалась любовь.

Я дал вам хороший совет. Приберегите мечи и копья для Вестероса, сказал я. Оставьте Миэрин миэринцам и ступайте на запад. Но вы не послушались.

— Я должна была взять Миэрин, чтобы мои дети не умерли с голоду во время похода. — Дени хорошо помнила след из мертвых тел, тянувшийся за ней в красной пустыне, и больше не желала такого видеть. — Без Миэрина я не прокормила бы их.

Вы его взяли, но не пошли дальше.

— Да. Чтобы стать королевой.

Вы — королева Вестероса.

— Но он так далеко. Я устала от войны, Джорах. Мне хотелось отдохнуть, хотелось смеяться,

сажать деревья и видеть, как они подрастают. Я ведь совсем еще молода.

Нет. Вы от крови дракона. Шепот слабел, словно сир Джорах отставал понемногу. *Драконы не сажают деревьев. Вспомните, кто вы и для чего созданы. Вспомните свой девиз.*

— Пламя и кровь. — Сказав это, Дени споткнулась о камень и ушибла себе коленку. Сейчас медведь возьмет ее на руки и понесет… но его нет здесь, только трава качается. Ветер? Но и ветра тоже нет. Солнце палит, жужжит мошкара, пролетела над ручьем стрекоза. Непонятно, отчего трава шевелится.

Дени выковырнула из ила камень. С ее кулак будет — какое-никакое, а оружие. Краем правого глаза она уловила новое шевеление: трава клонилась, словно перед королем, но король из нее не вышел. Мир тих, зелен и пуст. Мир желт и близок к смерти. Надо идти дальше. Вдоль по ручью.

В траве послышался нежный звон.

Колокольчики. Ее солнце и звезды носил колокольчики в волосах. Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке, когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья, когда она вновь зачнет и родит живое дитя, кхал Дрого вернется к ней… но ведь ничего этого не случи-

лось. Колокольчики звенят в косах ее кровных всадников: Агго, Чхого, Ракхаро. Может быть, и Даарио с ними?

Из травы появился всадник с блестящей черной косой, медной кожей, глазами словно миндаль. Расписная безрукавка, пояс из медальонов, аракх на одном бедре и кнут на другом. На седле охотничий лук и полный колчан.

Одинокий всадник. Разведчик. Едет впереди кхаласара, отыскивает дичь и хорошие пастбища, высматривает врагов. Он может убить ее, взять силой, сделать своей рабыней. В лучшем случае она отправится в дош кхалин, к старухам, как положено всякой кхалиси после смерти ее кхала.

Но он не видит ее в траве — он смотрит в другую сторону. Дени тоже посмотрела туда и в доброй миле от них увидела летящую по небу тень. Всадник замер как завороженный, но испуганный конь заржал, и дотракиец, очнувшись, поскакал прочь.

Когда затих стук копыт, Дени подала голос. Она звала, пока не охрипла, и Дрогон слетел к ней, выдыхая дым из ноздрей. Она вспрыгнула ему на спину. От нее разило кровью, пóтом и страхом, но это уже не имело никакого значения.

— Чтобы продвинуться вперед, я должна вер-

нуться назад. — Ее голые колени сжали шею дракона. Забыв в траве кнут, она с помощью одних рук и ног повернула Дрогона на северо-восток, откуда приехал разведчик. Дракон послушался вполне охотно — наверное, он чуял коня и всадника.

В считанные мгновения они обогнали скачущего внизу дотракийца. Трава по обе стороны была выжжена — Дрогон здесь уже пролетал. Следы его охоты пронизывали все травяное море.

Под ними возник огромный табун. Пасущие его всадники, с десяток или больше, тут же умчались. Лошади тоже понеслись, взрывая землю копытами, но спасения от летучего хищника не было. Дрогон дохнул огнем на отставшего жеребца. Несчастный конь, крича, продолжал бежать, но дракон сел на него и сломал ему спину. Дени, боясь упасть, изо всех сил цеплялась за шею охотника.

Добыча оказалась слишком тяжелой, и Дрогон принялся пожирать ее прямо здесь. Трава кругом горела, в воздухе стоял дым и пахло паленым волосом. Изголодавшаяся Дени слезла и тоже оторвала себе кусок мяса, пренебрегая ожогами. В Миэрине она вкушала фаршированные финики и ягненка в меду — что сказал бы ее благородный

супруг, увидев сейчас свою королеву? Гиздар пришел бы в ужас, зато Даарио…

Даарио сам отхватил бы аракхом кусок конины и попировал бы с ней вместе.

Когда западный небосклон затек кровью, послышался конский топот. Дени поднялась, вытерла руки о тунику и стала рядом с драконом.

Там ее и нашел кхал Чхако, выехавший из дыма с полусотней своих воинов.

Эпилог

— Я не предатель, — провозгласил Рыцарь Гриффин-Руста. — Я человек короля Томмена и ваш.

С его плаща капало: вечером в Королевской Гавани пошел снег.

— Это лишь слова, сир, — сказал Киван Ланнистер, запахнувшись в собственный плащ, — а слова — ветер.

— Так позвольте мне доказать это своим мечом. — Борода и длинные волосы Роннета Коннингтона пламенели при свете факелов. — Пошлите меня воевать с дядей, и я привезу вам его голову вместе с головой лжедракона.

Копейщики Ланнистеров в багряных плащах и львиных шлемах выстроились у западной стены тронного зала, гвардейцы Тиреллов в зеленых плащах — у восточной, лицом к ним. Отсутствующие королевы Серсея и Маргери присутствовали незримо, словно призраки на пиру.

Позади стола, за которым заседал малый королевский совет, щетинился своими шипами и лезвиями Железный Трон — от одного этого Кивану кололо спину между лопатками. Когда-

то там восседал израненный этими лезвиями король Эйерис, но теперь трон был пуст. Киван не стал звать на совет короля — пусть Томмен побудет с матерью. Одни Семеро знают, долго ли им осталось быть вместе: суд над Серсеей, где ее могут приговорить к смерти, уже недалек.

— С вашим дядюшкой и его ставленником мы разделаемся в должное время, — сказал Мейс Тирелл. Новый десница занимал дубовое кресло в виде руки, изготовленное в тот самый день, когда сир Киван уступил ему свою должность. — Вы останетесь здесь, пока мы не выступим, а тогда у вас будет случай доказать свою преданность.

— Проводите сира Роннета в его комнаты, — распорядился сир Киван. Подразумевалось, что там рыцарь и должен впредь находиться. Подозрения с него, несмотря на все его громкие заявления, никто не снимал: высадившихся на юге наемников возглавляет, судя по донесениям, его родич.

— На этом самом месте не так давно стоял его дядя, — заметил великий мейстер Пицель, когда Коннингтон удалился. — И обещал королю Эйерису голову Роберта Баратеона.

«Вот что значит дожить до глубокой старости: всё, что ты видишь и слышишь, напоминает тебе

о событиях твоей молодости», — подумал сир Киван, а вслух спросил:

— Сколько солдат прибыло с сиром Роннетом в город?

— Двадцать, — ответил лорд Рендилл Тарли, — почти все из отряда Григора Клигана. Ваш племянник Джейме отдал их Коннингтону, чтобы избавиться от них, не иначе. Не пробыв и дня в Девичьем Пруду, один из них совершил убийство, а другой изнасиловал женщину — одного пришлось повесить, другого кастрировать. Будь моя воля, я бы их всех отправил в Ночной Дозор вместе с Коннингтоном. На Стене такому отребью самое место.

— Каков хозяин, таков и пес, — сказал Мейс Тирелл. — Черные плащи будут им в самую пору, согласен. В городскую стражу я таких не возьму. — Недавно он дал золотые плащи сотне своих хайгарденцев и никаких добавлений более не желал.

«Чем больше он получает, тем больше хочет». Сир Киван начинал понимать, почему Серсея так невзлюбила Тиреллов, но для открытой ссоры время было неподходящее. И Рендилл Тарли, и Мейс Тирелл привели в столицу свои войска, в то время как основные силы Ланнистеров таяли в

речных землях.

— Люди Горы всегда слыли хорошими воинами, — заметил он примирительно, — а против наемников нам каждый меч пригодится. Если это вправду Золотые Мечи, как докладывают шептуны Квиберна…

— Как ни назови их, авантюристы останутся авантюристами, — прервал Рендилл Тарли.

— Возможно, — согласился сир Киван, — но чем дольше мы не обращаем на этих авантюристов внимания, тем сильнее они становятся. Мы приготовили карту, где отмечены все их передвижения. Прошу вас, великий мейстер.

Превосходная карта, начертанная рукой мастера на листе тончайшего пергамина, заняла весь стол заседаний.

— Вот и вот, — показывала покрытая старческими пятнами рука Пицеля. — Все побережье и острова. Тарт, Ступени, даже Эстермонт. А Коннингтон, как нам доносят, идет к Штормовому Пределу.

— Если это в самом деле Джон Коннингтон, — вставил Тарли.

— Штормовой Предел под силу взять разве Эйегону Завоевателю, — проворчал Тирелл. — А если он даже и отобьет его, то не у нас, а у Станниса.

Перейдет замок от одного претендента к другому, нам-то какая печаль? Я верну его короне, как только моя дочь будет признана невиновной.

«Что ж ты раньше его не вернул?»

— Это так, милорд, но…

— Все обвинения против моей дочери — гнусная ложь! — снова перебил Тирелл. — Спрашиваю еще раз: какая нам надобность разыгрывать эту комедию? Пусть король Томмен объявит, что она невиновна, и делу конец.

«Если он это сделает, сплетни будут преследовать Маргери всю ее жизнь», — мысленно ответил Киван.

— Никто не сомневается в том, что ваша дочь невинна, милорд, — солгал он вслух, — но его святейшество желает, чтобы суд состоялся.

— Дожили, — фыркнул Тарли. — Короли и знатные лорды пляшут под чириканье воробьев.

— Нас со всех сторон окружают враги, лорд Тарли, — напомнил Киван. — Станнис на севере, Железные Люди на западе, наемное войско на юге. Если мы пойдем против верховного септона — иными словами, против богов, — самые улицы Королевской Гавани обагрятся кровью. Любой из возможных узурпаторов охотно примет к себе благочестивое воинство.

Мейса Тирелла это не убедило.

— Мои сыновья снова возьмут Щиты, как только Пакстер Редвин выметет железные ладьи с моря. Со Станнисом покончит снег вкупе с Болтоном, что же до Коннингтона…

— Если это он, — вставил Тарли.

— Что до Коннингтона, с какой нам стати его бояться? Он даже восстание Роберта в Каменной Септе не сумел подавить, да и Золотые Мечи никогда побед не одерживали. Примкнувшие к нему дураки весьма скоро раскаются в своей глупости.

Хотел бы сир Киван разделять уверенность Тирелла. Джона Коннингтона он в свое время знал — молодой гордец, самый упрямый из лордиков, окружавших Рейегара Таргариена. Надменный, но одаренный и полный рвения — за это да за военное мастерство Эйерис его и сделал десницей. Бездействие старого лорда Мерривезера позволило мятежу пустить корни и разрастись; король хотел, чтобы молодому и горячему Роберту противостоял столь же молодой и горячий военачальник. «Неосмотрительно, — сказал Тайвин Ланнистер, услышав в Бобровом Утесе о выборе короля. — Коннингтон слишком молод, слишком смел, слишком жаден до славы».

Колокольная битва доказала правоту Тайвина.

Сир Киван думал, что после нее король Эйерис поневоле вернет брата на пост десницы, но Эйерис призвал лордов Челстеда и Россарта, поплатившись за это короной и жизнью. Давно это было — Джон Коннингтон, если это впрямь он, теперь другой человек. Старше, тверже, опытнее, опаснее.

— У Коннингтона, помимо Золотых Мечей, есть еще некий Таргариен.

— Самозванец, — заявил Рендилл Тарли.

— Возможно. — Киван был в этом самом зале, когда Тайвин сложил тела детей Рейегара в багряных плащах к подножию Железного Трона. В девочке все узнали принцессу Рейенис, на размозженном черепе мальчика уцелели лишь светлые прядки. Все только бросали взгляд и тут же отводили глаза. Тайвин сказал, что это принц Эйегон, и ему поверили на слово. — С востока, однако, приходят вести о другой Таргариен, в подлинности которой уж никак нельзя усомниться: о Дейенерис.

— Такая же сумасшедшая, как отец, — изрек Тирелл.

За ее отца дом Тиреллов, между прочим, стоял мало что до последнего, но и после победы Роберта.

— Сумасшедшая, нет ли, но к нам на запад с востока идет густой дым, которого, как известно, без огня не бывает.

— Драконы, — покивал Пицель. — О них и в Староместе рассказывают — рассказчиков слишком много, чтобы оставить их без внимания. Сребровласая королева с тремя драконами.

— Вот и пусть себе царствует над заливом Работорговцев, — буркнул Мейс.

— Согласен с вами, но эта девочка — прямой потомок Эйегона Завоевателя, и я не думаю, что она будет сидеть в Миэрине вечно. Если она высадится у нас и примкнет к лорду Коннингтону с его принцем, самозванец тот или нет… С Коннингтоном и его претендентом нужно расправиться еще до того, как Дейенерис Бурерожденная достигнет западных берегов.

— Именно этим, сир, я и намерен заняться, — скрестил руки Мейс Тирелл. — Сразу же после суда.

— Наемники дерутся за деньги, — молвил великий мейстер. — За приличную сумму золотом Золотые Мечи могут сдать нам и Коннингтона, и принца.

— Будь оно у нас, это золото, — подал голос сир Харис Свифт. — Увы, милорды, в нашей сокро-

вищнице водятся лишь крысы да тараканы. Я вновь обратился к мирийским банкирам. Если они согласятся возместить наш долг Браавосу и открыть нам новый кредит, налоги увеличивать не придется, иначе же…

— Пентосские магистры тоже дают деньги в долг, — сказал сир Киван, — попытайте счастья у них. — На пентошийцев надежды еще меньше, чем на мирийцев, но надо испробовать все пути. Если не будет найден новый источник монеты или Железный банк не смягчится, долги короны, хочешь не хочешь, придется выплачивать золотом Ланнистеров. Повышать налоги, когда в Семи Королевствах вспыхивают все новые мятежи? Половина лордов сочтет это тиранией и перебежит к ближайшему узурпатору, лишь бы сберечь себе медный грош. — А если не выйдет, не миновать вам ехать в Браавос самолично.

— В самом деле? — испугался сир Харис.

— На то вы и мастер над монетой, — отрезал лорд Рендилл.

— Это так, милорд, — белый клок на подбородке сира Хариса затрясся в негодовании, — но позвольте вам напомнить, что эту кашу не я заварил. И не всем нам посчастливилось пополнить свои сундуки добычей от взятия Девичьего Пруда и

Драконьего Камня.

— Что за гнусные намеки, Свифт! — вспылил Тирелл. — Никаких сокровищ на Драконьем Камне, могу вас заверить, не было. Люди моего сына обшарили весь остров до последнего дюйма — и хоть бы крупица золота, хоть бы один драгоценный камешек, не говоря уж о пресловутых драконьих яйцах.

Кивану Ланнистеру доводилось бывать на Драконьем Камне, и он сомневался, что Лорас Тирелл впрямь обыскал каждый дюйм этой древней твердыни. Крепость, в конце концов, строили валирийцы, чьи творения никогда не обходились без колдовства. Сир Лорас молод, склонен к поспешным суждениям и притом тяжело ранен, но не стоит сейчас говорить лорду Тиреллу о возможной оплошности его любимого сына.

— Богатства Драконьего Камня, если они существовали на деле, наверняка прибрал к рукам Станнис. Перейдем к другим вопросам, милорды: нам, ежели помните, предстоит судить за государственную измену двух королев. Моя племянница предпочла испытание поединком, где за нее выступит сир Роберт Сильный.

— Безмолвный гигант, — скривился лорд Рендилл, а лорд Тирелл осведомился:

— Скажите, сир, откуда он взялся? Почему о нем раньше никто не слышал? Он безмолвствует, не открывает лица, не снимает доспехов. Как знать, рыцарь ли он вообще?

«Как знать, живой ли он человек». Меррин Трант утверждает, что этот Роберт ничего не ест и не пьет, Борос Блаунт добавляет, что тот и по нужде никогда не ходит. Оно и понятно, мертвецу это незачем. Киван Ланнистер подозревал, кто этот белый рыцарь на самом деле, и Тирелл с Тарли, несомненно, разделяли его подозрения. Не надо Роберту пока поднимать забрала, что бы за ним не скрывалось: он — единственная надежда Серсеи, и остается молиться, чтобы в бою он оказался столь же грозен, каковым кажется с виду.

Мейс, однако, ничего не видит за опасностью, грозящей его собственной дочери.

— Его величество принял сира Роберта в Королевскую Гвардию, — напомнил ему сир Киван, — и Квиберн за него поручился. Он должен победить во что бы то ни стало, милорды. Если мою племянницу признают виновной в измене супругу и государству, законность рождения ее детей будет поставлена под сомнение, а когда Томмен перестанет быть королем, то и Маргери перестанет быть королевой. — Он дал Мейсу

разжевать эту мысль и продолжил: — Серсея, какими бы ни были ее провинности, остается дочерью Утеса и моей родной кровью. Я не желаю, чтобы она погибла смертью изменницы, однако зубы ей все же вырвал. Вся ее стража заменена моими людьми, вместо прежних фрейлин ей прислуживают септа и три послушницы, выбранные верховным септоном. Го́лоса в правлении королевством и в воспитании Томмена она более не имеет. После суда я отошлю ее в Бобровый Утес, где она и останется. Ограничимся этим.

О том, что и так было ясно, он не стал поминать. Серсея упустила власть, став подмоченным товаром: все пекари, подмастерья, шлюхи и нищие от Блошиного Конца до Вонючей Канавы видели ее позор и любовались ее наготой. Ни одна королева после этого не может править страной. В золоте и шелках она была все равно что богиня, нагая стала обыкновенной стареющей женщиной с обвисшей грудью и следами родов на животе — все бабенки в толпе не преминули указать на это своим мужьям и любовникам. Впрочем, лучше жить опозоренной, чем умереть гордой.

— Больше она ничего не вытворит, — пообещал Киван Тиреллу. — Даю вам слово, милорд.

— Как скажете, — неохотно кивнул тот. — Моя

Маргери хочет, чтобы ее судили служители Веры. Хочет, чтобы ее признали невиновной на глазах всего королевства.

«Если ты веришь в ее чистоту, зачем привел с собой войско?»

— Надеюсь, что это произойдет в самом скором времени. Что там у нас еще, великий мейстер?

Пицель сверился с документами.

— Дело о наследстве Росби. Поступило шесть прошений на этот счет…

— Росби можно отложить на потом. Что еще?

— Приготовления к встрече принцессы Мирцеллы.

— Вот что получается, когда связываешься с дорнийцами, — вмешался Тирелл. — Нельзя разве подобрать девочке лучшего жениха?

«Такого, как твой сын Уиллас? Ее изуродовал один дорниец, его искалечил другой?»

— Можно-то можно, — ответил сир Киван, — но дорнийцев лучше не обижать, у нас и без них довольно врагов. Худо нам будет, если Доран Мартелл примет сторону Коннингтона.

— А не поручить ли нашим дорнийским друзьям провести с ним переговоры? — хихикнул сир Харис. — Это помогло бы избежать кровопролития.

— Да… может быть, — устало проронил Киван. — Благодарю вас, милорды. Соберемся снова через пять дней, после суда над Серсеей.

— Будь по-вашему. Да придаст Воин сил сиру Роберту. — Мейс Тирелл едва кивнул лорду-регенту, но и на том спасибо.

Рендилл Тарли вышел со своим сюзереном, копейщики в зеленых плащах за ними. «Тарли всего опасней, — подумал сир Киван. — Узколобый, но проницательный и наделенный железной волей — лучшего солдата во всем Просторе не сыщется. Как бы переманить его на свою сторону?»

— Лорд Тирелл меня не любит, — пожаловался Пицель после ухода десницы. — Этот лунный чай… не надо было мне о нем говорить, но королева-мать приказала. Я спал бы крепче, если бы лорд-регент уделил мне пару своих гвардейцев.

— Лорд Тирелл может превратно это понять.

— Мне тоже охрана нужна, — сказал сир Харис. — Времена нынче смутные.

Да… Пицель не единственный, кого Мейс охотно вывел бы из совета. У него и в казначеи готов кандидат — родной дядя Гарт Тучный, лорд-сенешаль Хайгардена. Еще одного Тирелла им только и не хватает. Сир Харис — тесть Кивана, на Пицеля тоже можно положиться, но Тарли и Пакстер

Редвин, лорд-адмирал — вассалы Хайгардена. Сейчас Редвин ведет свои корабли в обход Дорна, чтобы дать бой флоту Железных Людей, но по возращении его в Королевскую Гавань малый совет расколется надвое — трое за Ланнистеров, трое за Тиреллов.

Седьмой голос принадлежит дорнийке, сопровождающей Мирцеллу домой, — леди Ним. Если хоть половина сведений Квиберна достоверна, никакая она не леди. Побочная дочь Красного Змея с репутацией не лучше батюшкиной претендует на место в совете, которое столь недолго занимал принц Оберин. Тиреллу о ней сир Киван еще не сказал — страсть как недоволен будет десница. Мизинца бы сюда — Петир Бейлиш умел создавать золотых драконов прямо из воздуха.

— Наймите себе на службу людей Горы, — посоветовал сир Киван. — Рыжему Роннету они более не понадобятся. — Вряд ли Мейс так прямо станет убивать Пицеля или Свифта, но ежели этим мужам с охраной спокойнее, пусть у них будет охрана.

На внешнем дворе, словно зверь в клетке, металась и завывала снежная буря.

— Виданное ли дело, холод какой, — сказал сир Харис.

— Уйдем же с него поскорее. — Великий мейстер поплелся через двор в свои комнаты, двое других задержались на ступенях тронного зала.

— Не верю я, что с мирийскими банкирами у нас что-то выйдет, — сказал тестю Киван. — Приготовьтесь лучше к путешествию в Браавос.

Сира Хариса это отнюдь не порадовало.

— Хорошо… хотя, повторяю, эту кашу не я заварил.

— Верно, не вы. С Железным банком договаривалась Серсея. Желаете, чтобы я ее послал в Браавос?

— Ее величество… — заморгал Свифт.

— Успокойтесь, это всего лишь неудачная шутка. Идите к себе и погрейтесь — я сделаю то же самое. — Сир Киван натянул перчатки и сошел вниз. Ветер дул в лицо, хлопая плащом за плечами.

Сухой ров вокруг крепости Мейегора замело снегом, пики на дне блестели от изморози. В крепость можно было пройти только через подъемный мост, на дальнем конце которого всегда стоял один из рыцарей Королевской Гвардии. В эту ночь там нес караул сир Меррин Трант. После отъезда Бейлона Сванна в Дорн (где он и посейчас оставался, охотясь за Темной Звездой),

ранения Лораса Тирелла и пропажи Джейме в Королевской Гавани остались всего четверо белых рыцарей. Осмунда Кеттлблэка сир Киван бросил в темницу вместе с братом Осфридом сразу же, как только Серсея призналась, что они оба были ее любовниками. Без него рыцарей стало трое: Трант, никчемный Борос Блаунт и Квиберново немое чудище.

Надо будет подобрать новых: Томмену нужны достойные рыцари. Раньше в Королевской Гвардии служили пожизненно, но Джоффри этот обычай поломал: отправил в отставку сира Барристана Селми, чтобы очистить место своему псу Сандору Клигану. Почему бы не воспользоваться этим прецедентом и не дать белый плащ Ланселю? Эта честь намного выше его Сынов Воина.

Киван повесил мокрый плащ, снял сапоги, велел слуге подложить дров в огонь.

— И подогретого вина мне спроворь, — добавил он, устраиваясь у очага.

Согревшись снаружи и изнутри, он почувствовал сонливость и больше не стал пить. Его день еще не окончен: надо прочесть донесения, написать письма, поужинать с Серсеей и королем. Племянница, хвала богам, стала куда как более кроткая после своей прогулки по городу. При-

служивающие ей послушницы говорят, что одну треть своего дневного времени она проводит с сыном, вторую в молитвах, а третью в ванне: моется по пять раз на дню, скребет себя щетками из конского волоса с крепким щелочным мылом.

Не отмыться ей больше, хоть кожу с себя сдери. Ребенком она была озорница, просто огонь, а как расцвела, ах… не было больше на свете такой красавицы. Если б Эйерис женил Рейегара на ней, можно было бы избежать многих бедствий. Серсея нарожала бы мужу львят с лиловыми глазками и серебристыми гривами, а он при такой жене на Лианну Старк и не глянул бы. Северянка тоже была хороша на свой дикий лад, но ни один факел не горит ярче восходящего солнца.

Э-э, что толку размышлять о проигранных битвах и дорогах, на которые вовремя не свернул. Такое занятие лишь дряхлым старикам впору. Рейегар женился на Элии Дорнийской, Лианна Старк умерла, Серсею взял в жены Роберт Баратеон, а дорога Кивана ведет в покои племянницы.

Нет причин чувствовать себя виноватым. Тайвин знает, что бесчестие на их дом навлекла его дочь, и не станет упрекать брата. Киван заботился единственно о добром имени дома Ланнистеров.

Брат в свое время сделал нечто похожее. После

кончины матери их отец взял себе в любовницы пригожую дочь свечника. Знатные вдовцы и до него спали с простыми девками, но лорд Титос начал сажать эту женщину на высокое место рядом с собой, осыпал ее дарами и даже в делах с ней советовался. Не прошло и года, как она стала помыкать слугами, командовать домашними рыцарями и говорить от имени его милости, когда он прихварывал. Такую власть забрала, что в Ланниспорте появилась новая присказка: всякому просителю-де следует падать ниц и обращаться к ее коленям, поскольку ухо Титоса Ланнистера помещается промеж ног его леди. Драгоценности покойной на себя надевала, вот до чего дошло.

Но однажды у лорда-отца, когда он поднимался по крутой лестнице в ее спальню, приключился разрыв сердца, и судьба его наложницы круто переменилась. Все прихлебатели, именовавшие себя ее друзьями, тут же от нее отвернулись, когда Тайвин раздел женщину донага и прогнал по городу, как обычную шлюху. Ему и присниться тогда не могло, что его золотую дочурку ждет та же участь.

— Иного выхода не было, — проговорил Киван, глядя в пустую чашу.

Его святейшество следует ублажать. Томме-

ну нужна поддержка духовенства в грядущих битвах, Серсея же… золотое дитя выросло в глупую, тщеславную, жадную женщину. Если б она осталась у власти, то погубила бы Томмена, как погубила Джоффри.

Усилившийся ветер тряс ставни. Ну что ж, пора встретиться с львицей в ее логове — хорошо, что когти у нее вырваны. Только Джейме… но не стоит пока забивать себе этим голову.

Киван надел старый дублет на случай, если ей снова вздумается облить его вином. Пояс с мечом он оставил на спинке стула: только рыцарям Королевской Гвардии разрешается иметь при себе оружие в присутствии короля.

Томмена и королеву-мать охранял сир Борос Блаунт в белом плаще, эмалевых латах и полушлеме. В последнее время он сильно отяжелел, и цвет лица у него был неважный. Стоял он, прислонившись к стене.

На стол накрывали три послушницы, чистенькие девочки хорошего рода от двенадцати до шестнадцати лет. В длинных белых рясах, одна невиннее другой; верховный септон не разрешает им служить королеве долее семи дней, чтобы Серсея их не испортила. Они заботятся о платье королевы, готовят ей ванну, наливают вино и

меняют простыни. Одна всегда спит с королевой в одной постели, блюдя ее нравственность, две другие — в смежной комнате вместе с септой.

Рябая и долговязая словно журавль девица проводила сира Кивана к королеве.

— Дорогой дядя, — сказала Серсея, поцеловав его в щеку. — Как мило, что ты пришел поужинать с нами. — Одета скромно, как и подобает матроне: закрытое коричневое платье и зеленое покрывало, прячущее бритую голову. До своего покаяния она нахлобучила бы на лысину золотую корону. — Присаживайся. Хочешь вина?

— Одну чашу, больше не надо.

Конопатая послушница налила им подогретого с пряностями вина.

— Томмен говорит, что лорд Тирелл хочет отстроить Башню Десницы…

— Да. Вдвое выше той, что сожгла ты.

Серсея издала гортанный смешок.

— Длинные копья, высокие башни… Уж не намек ли это?

Киван не сдержал улыбки. Хорошо, что она не разучилась смеяться.

— Мне хорошо служат, — ответила она на вопрос о ее нуждах. — Девочки очень милы, добрые септы следят за тем, чтобы я молилась, но очень

хотелось бы вернуть Таэну Мерривезер, когда моя невиновность будет доказана. Она привезет ко двору своего сына, и у Томмена будет товарищ.

Ничего крамольного в ее просьбе сир Киван не усмотрел. Он мог бы взять маленького Мерривезера себе в воспитанники, когда леди Таэна отправится с Серсеей в Бобровый Утес.

— Я пошлю за ней сразу же после суда, — пообещал он.

На первое подали говяжий суп с ячменем, затем перепелов и жареную щуку трех футов длиной — а также репу, грибы и горячий хлеб с маслом. Сир Борос пробовал каждое блюдо, которое ставили перед королем: весьма унизительно для белого рыцаря, но это, пожалуй, все, на что он способен. Разумная мера после того, что произошло с братом Томмена.

Давно уже сир Киван не видел мальчугана таким счастливым. Он без умолку болтал о своих котятах и скармливал им кусочки щуки со своей королевской тарелки.

— Ночью к моему окну приходил плохой кот, но сир Попрыгунчик зашипел на него, и он убежал.

— Плохой кот? — «Экий все же славный мальчонка».

— Старый черный зверюга с порванным

ухом, — пояснила Серсея. — Злобная тварь: однажды он оцарапал Джоффри. — Она скорчила гримасу. — Кошки нужны, чтобы ловить в замке крыс, но этот и за воронами на вышке охотится.

— Скажу крысоловам, чтобы поставили ему западню. — Никогда еще племянница не была такой кроткой. Это к лучшему, а все-таки грустно. Огонь, пылавший в ней так ярко, угас.

— Что ж ты не спрашиваешь о брате? — поинтересовался сир Киван, они ждали на сладкое пирожные с кремом, любимый десерт короля.

Серсея вскинула голову, зеленые глаза засверкали.

— Джейме? А что, есть новости?

— Никаких. Думаю, тебе следует приготовиться…

— Он жив. Я чувствую. Мы пришли в этот мир вместе, дядя, и порознь из него не уйдем. Тирион — дело иное, его уход меня бы только порадовал. О нем тоже ничего не слышно, ведь так?

— Головы карликов нам последнее время не предлагали, верно.

Она кивнула.

— Можно тебя спросить, дядя?

— Изволь.

— Разве ты не собираешься привезти свою жену ко двору?

— Нет. — Дорна чувствует себя хорошо только дома, в кругу семьи. Обожает своих детей, мечтает о внуках, молится семь раз на дню, любит рукоделие и цветы. Поселить ее в Королевской Гавани — все равно, что бросить одного из котят Томмена в змеиное гнездо. — Моя леди-жена не любительница путешествий, она предпочитает жить в Ланниспорте.

— Приятно, когда женщина разумна и знает, где ее место.

Это Кивану не слишком понравилось.

— Что ты хочешь этим сказать?

— По-моему, я выразилась достаточно ясно.

Конопатая снова подлила Серсее вина. После пирожных с кремом сир Борос сопроводил короля вместе с его котятами в опочивальню, и пришло время поговорить о суде.

— Братья Осни не станут праздно смотреть, как его приговаривают к смерти, — предупредила Серсея.

— Им и не придется. Я взял обоих под стражу.

— Как так? За что?

— За преступную связь с королевой. Ты сама призналась его святейшеству, что спала с ни-

ми, — забыла?

— Нет, — покраснела она, — не забыла. Что с ними будет дальше?

— Стена, если признают себя виновными. В противном случае ими займется сир Роберт. Некоторых людей нельзя возносить высоко.

— Я ошиблась в них, — опустила глаза Серсея.

— И далеко не только в них, мне сдается.

— Милорд, миледи, прошу прощения, — прервала его круглолицая черненькая послушница, — но великий мейстер просит лорда-регента тотчас же прибыть к нему.

«Черные крылья, черные вести, — подумал сир Киван. — Штормовой Предел пал, или Болтон извещает о чем-то?»

— Может быть, это вести о Джейме, — заметила королева.

Узнать это можно было единственным способом. Сир Киван поднялся:

— Покорно прошу меня извинить. — Преклонив колено, он поцеловал племяннице руку. Этот поцелуй может стать для нее последним, если немой гигант подведет.

Посыльный, закутанный в меха мальчуган лет восьми-девяти, напоминал медвежонка. Трант держал его на мосту, не пуская в крепость.

— Ступай греться, малец, — сказал сир Киван, сунув ему монетку. — Дорогу в воронятник я знаю.

Метель наконец улеглась. Из-за рваных туч круглым снежным комом выглядывала луна. Замок казался чужим: у всех зданий и башен отросли ледяные зубы, знакомые дорожки спрятались под сугробами. Длиннющая сосулька разбилась у самых ног сира Кивана — каково-то сейчас на Стене?

Дверь ему отворила худенькая девочка-служанка в меховой мантии, слишком большой для нее. Лорд-регент потопал ногами, сбивая снег, и бросил ей плащ.

— Великий мейстер ожидает меня.

Девочка, молча кивнув, показала ему на лестницу.

Комнаты Пицеля помещались прямо под воронятником. Полки на стенах ломились под тяжестью зелий, свитков и книг, на стропилах висели травы. Сир Киван всегда находил, что у великого мейстера чересчур жарко топят, но сейчас там царил холод: огонь в очаге не горел, угли едва тлели.

В сумраке, который малочисленные свечи почти не рассеивали, выделялось приотворен-

ное окно. На подоконнике сидел ворон, самый большой из виденных сиром Киваном — крупнее охотничьих ястребов в Бобровом Утесе, крупнее сов. Луна серебрила его оперение.

«Нет, дело тут не в луне. Он не черный, этот ворон. Он белый».

Белые вороны в отличие от своих черных сородичей писем не носят. Цитадель Староместа рассылает их лишь затем, чтобы оповестить о смене времен.

— Зима, — промолвил сир Киван. Слово повисло в воздухе белым облаком, и что-то ударило лорда-регента в грудь, словно великанский кулак. Кивана швырнуло на подоконник; ворон, взлетев, захлопал над его головой белыми крыльями. В груди торчал арбалетный болт, сидящий глубоко, по самое оперение. Точно так же умер и его брат. — Пицель, — прохрипел лорд-регент, — на помощь…

Великий мейстер сидел у стола, уронив голову на толстую раскрытую книгу в кожаном переплете. «Спит», — подумал Киван, но нет: на лысом пятнистом черепе зияла пробоина. Пергаментные страницы пятнала кровь, в лужицах свечного воска плавали мозги и осколки кости.

«Он просил об охране, — подумал Киван. — Зря

я не дал ему людей». Неужели Серсея была права, и это дело рук карлика?

— Тирион? — позвал Киван. — Где ты?

— Далеко, — ответил чей-то знакомый голос.

Он стоял у книжных полок — пухлый, напудренный, в шелковых туфлях, с арбалетом в мягких руках.

— Варис?

— Если можете, простите меня, сир Киван, — сказал евнух, положив арбалет. — Я не держу на вас зла и сделал это лишь ради государства. Ради детей.

У Кивана тоже были дети. И жена… Дорна.

— Замок наводнен гвардейцами Ланнистеров, — проговорил он.

— В этой комнате их, к счастью, нет. Вы не заслуживаете такой участи, знаю. Умирать одному, в морозную зимнюю ночь… Но как прикажете быть, если хороший человек служит неправому делу? Вы угрожали погубить то, что столь успешно начала королева: замирились с Хайгарденом, обеспечили юному королю поддержку духовенства, хотели объединить всю страну под его рукой…

От дунувшего в окно ветра Кивана пробрала дрожь.

— Вам холодно, милорд? Простите великодушно. Великий мейстер перед смертью обделался — я бы задохнулся без притока свежего воздуха.

Киван уже не чувствовал ног.

— Арбалет я счел самым подходящим оружием, ведь у вас с братом так много общего. Ваша племянница подумает, что к вам подослали убийцу Тиреллы — а возможно, и без Беса не обошлось; Тиреллы заподозрят ее, еще кто-нибудь умудрится припутать дорнийцев. Раскол, подозрение, недоверие выбьют почву из-под ног короля-мальчика, Эйегон же тем временем поднимет знамя над Штормовым Пределом, и все лорды королевства сбегутся к нему.

— Эйегон? — Киван, не сразу понявший, о ком речь, вспомнил завернутого в багряный плащ младенца с размозженным черепом. — Но его нет в живых.

— Ошибаетесь. Эйегона готовили в правители еще до того, как он научился ходить. Он владеет всеми рыцарскими искусствами, хорошо читает и пишет, говорит на нескольких языках, знает историю и право, слагает стихи. Воспитательница-септа преподала ему правила Святой Веры. Выросший среди простых рыбаков, он умеет плавать, чинить сети, стряпать, перевязывать

раны. Знает, что такое быть преследуемым, знает голод и страх. Томмену говорят, что он король по праву рождения; Эйегона учили, что быть королем — тяжкий долг, что на первом месте у государя стоит народ.

Киван хотел позвать стражу, жену, брата, но вместо слов изо рта потекла кровь.

— Простите, — заломил руки Варис. — Вы страдаете, а я разболтался, точно старуха. Потерпите, сейчас все кончится.

Кивана сковал холод, каждый вздох отзывался болью в груди. В ответ на свист евнуха по камню зашаркали чьи-то ноги. Бледный мальчик в лохмотьях встал за стулом Пицеля. Следом вошла девочка, открывшая Кивану дверь. Шестеро детей, мальчики и девочки, собрались вокруг лорда-регента с ножами в руках.

Приложение

Вестерос
Король-мальчик

ТОММЕН БАРАТЕОН, первый этого имени, восьми лет. Король андалов, ройнаров и Первых Людей, лорд Семи Королевств, Хранитель Государства.

Его жена КОРОЛЕВА МАРГЕРИ из дома Тиреллов, дважды вдова. Обвинена в измене, заключена в Великую Септу Бейелора.

……**Ее кузины** МЕГГА, ЭЛЛА И ЭЛИНОР ТИРЕЛЛ, обвиненные в прелюбодеянии.

……**Жених Элинор** АЛИН АМБРОЗ, оруженосец.

Его мать СЕРСЕЯ из дома Ланнистеров, вдовствующая королева, леди Бобрового Утеса. Обвинена в измене, заключена в Великую Септу Бейелора.

Его старший брат КОРОЛЬ ДЖОФФРИ I БАРАТЕОН, тринадцати лет, отравлен на собственном свадебном пиру.

Его старшая сестра ПРИНЦЕССА МИРЦЕЛЛА БАРАТЕОН, девяти лет, находится на попечении принца Дорана Мартелла в Солнечном Копье.

Его **котята** СИР ПОПРЫГУНЧИК, ЛЕДИ УСАТКА, ЧУЛОЧКИ.

Его дяди:

СИР ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР, близнец Серсеи, прозванный ЦАРЕУБИЙЦЕЙ, лорд-командующий Королевской Гвардией.

ТИРИОН ЛАННИСТЕР, прозванный БЕСОМ, карлик. Осужден и разыскивается за убийство своего

племянника короля Джоффри и своего отца лорда Ланнистера.

Другие родичи:

Его дед ТАЙВИН ЛАННИСТЕР, лорд Бобрового Утеса, Хранитель Запада и десница короля, убит собственным сыном Тирионом.

Его двоюродный дед СИР КИВАН ЛАННИСТЕР, женатый на Дорне Свифт, лорд-регент.

……**Дети Кивана:**

……СИР ЛАНСЕЛЬ, рыцарь ордена Сынов Воина;

……ВИЛЛЕМ, убитый в Риверрране;

……МАРТИН, близнец Виллема, оруженосец;

……ЖАНЕЯ, трех лет.

Его двоюродная бабка:

ЛЕДИ ДЖЕННА ЛАННИСТЕР, жена сира Эммона Фрея.

……**Сыновья и внуки Дженны:**

……СИР КЛЕОС Фрей, убитый разбойниками.

……**Сыновья Клеоса** ТАЙВИН (ТАЙ) и ВИЛЛЕМ;

……СИР ЛИОНЕЛЬ ФРЕЙ, второй сын леди Дженны;

……СИР ТИОН ФРЕЙ;

……УОЛДЕР РЫЖИЙ ФРЕЙ, паж в Бобровом Утесе.

Его двоюродный дед ТАЙГЕТ ЛАННИСТЕР, был

женат на ДАРЛЕССЕ МАРБРАНД.

Его двоюродный дядя ТИРЕК ЛАННИСТЕР, пропавший без вести во время бунта.

……**Жена** Тирека ЛЕДИ ЭРМЕСАНДА ХЭЙФОРД, малый ребенок.

Его двоюродный дядя ГЕРИОН ЛАННИСТЕР, пропал без вести в море.

Его кузина ДЖОЙ ХИЛЛ, внебрачная дочь покойного Гериона.

Малый совет короля Томмена:

СИР КИВАН ЛАННИСТЕР, лорд-регент.

ЛОРД МЕЙС ТИРЕЛЛ, десница короля.

ЛОРД РЕНДИЛЛ ТАРЛИ, мастер над законом.

СИР ХАРИС СВИФТ, мастер над монетой.

Великий мейстер ПИЦЕЛЬ.

СИР ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР, лорд-командующий Королевской Гвардией.

ПАКСТЕР РЕДВИН, лорд-адмирал.

КВИБЕРН, разжалованный мейстер некромант, мастер над шептунами.

Бывший малый совет королевы Серсеи:

ЛОРД ДЖАЙЛС РОСБИ, бывший мастер над монетой, умерший от кашля.

ОРТОН МЕРРИВЕЗЕР, бывший мастер над законом, бежавший в Длинный Стол после ареста

Серсеи.

АУРИН УОТЕРС, Бастард из Дрифтмарка, бывший лорд-адмирал, ушедший в море с королевским флотом после ареста Серсеи.

Королевская Гвардия Томмена:

СИР ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР, лорд-командующий.

СИР МЕРРИН ТРАНТ.

СИР БОРОС БЛАУНТ, разжалованный и вновь восстановленный.

СИР БЕЙЛОН СВАНН, в Дорне с принцессой Мирцеллой.

СИР ОСМУНД КЕТТЛБЛЭК.

СИР ЛОРАС ТИРЕЛЛ, Рыцарь Цветов.

СИР АРИС ОКХАРТ, погибший в Дорне.

Двор Томмена в Королевской Гавани:

ЛУНАТИК, придворный шут.

ПЕЙТ, мальчик для порки.

ОРМОНД из СТАРОМЕСТА, придворный арфист и певец.

СИР ОСФРИД КЕТТЛБЛЭК, брат сира Осни и сира Осмунда, капитан городской стражи.

НОХО ДИМИТТИС, посланник Железного Банка из Браавоса.

СИР ГРИГОР КЛИГАН, по прозвищу СКАЧУЩАЯ

ГОРА, умерший от смертельной раны.

РЕННИФЕР ЛОНГУОТЕРС, гл. надзиратель темниц.

Предполагаемые любовники Маргери:

УОТ, певец по прозвищу ЛАЗУРНЫЙ БАРД, сошедший с ума от пыток.

ХЭМИШ-АРФИСТ, умерший в тюрьме.

СИР МАРК МАЛЛЕНДОР, потерявший обезьянку и половину руки в битве на Черноводной.

ДЖАЛАБХАР КСО, принц Долины Красных Цветов, изгнанник с Летних островов.

СИР ТАЛЛАД ВЫСОКИЙ, СИР ЛАМБЕРТ ТОРНБЕРРИ, СИР БАЙАРД НОРКРОСС, СИР ХЬЮ КЛИФТОН.

СИР ХОРАС и СИР ХОББЕР РЕДВИНЫ, братья-близнецы (признаны невиновными).

Главный обвинитель Серсеи СИР ОСНИ КЕТТЛБЛЭК, арестованный верховным септоном.

Служители Святой Веры:

ВЕРХОВНЫЙ СЕПТОН, Голос Семерых на Земле.

СЕПТОНЫ ТОРБЕРТ, РЕЙНАРД, ЛЮЦЕОН, ОЛЛИДОР — служители Великой Септы Бейелора.

СЕПТЫ МОЭЛЛА, АГЛАНТИНА, ГЕЛИСЕНТА, ЮНЕЛЛА, СКОЛЕРИЯ — служительницы Великой

Септы.

СИР ТЕОДАН ВЕЛЛС, ныне ТЕОДАН ПРАВОВЕРНЫЙ, благочестивый рыцарь.

ВОРОБЬИ, смиренные богомольцы.

Горожане Королевской Гавани:

КАТАЯ, содержательница публичного дома;

АЛАЯЙЯ, ее дочь;

ДАНСИ, МАРЕИ — девицы из ее заведения.

ТОБХО МОТТ, мастер-оружейник.

Лорды, присягнувшие Железному Трону:

РЕНФРЕД РИККЕР, лорд Синего Дола;

сир РУФУС ЛЕК, одноногий рыцарь у него на службе, кастелян Данфорта;

ЛЕДИ ТАНДА СТОКВОРТ, умершая после перелома бедра;

……ЛЕДИ ФАЛИСА, ее старшая дочь, погибшая в темницах Квиберна;

……СИР БАЛЬМАН БЕРЧ, муж леди Фалисы, убитый на поединке;

……ЛЕДИ ЛОЛЛИС, ее младшая слабоумная дочь;

……ее новорожденный сын от ста отцов ТИРИОН ТАННЕР;

……СИР БРОНН ЧЕРНОВОДНЫЙ, бывший наем-

ник, муж Лоллис;
……ФРЕНКЕН, мейстер леди Танды.

Герб короля Томмена — коронованный олень Баратеонов, черный на золотом поле, в паре со львом Ланнистеров, золотым на красном поле.

Король у Стены

СТАННИС БАРАТЕОН, первый этого имени, второй сын лорда Стеффона Баратеона и леди Кассаны из дома Эстермонтов. Лорд Драконьего Камня, объявивший себя королем Вестероса.

С королем Станнисом в Черном Замке:
ЛЕДИ МЕЛИСАНДРА АСШАЙСКАЯ, КРАСНАЯ ЖЕНЩИНА, жрица Рглора, Владыки Света.

Его рыцари:
СИР РИЧАРД ХОРП,
СИР ДЖАСТИН МАССИ,
СИР КЛЭЙТОН САГС,
СИР
ГОДРИ ФАРРИНГ (ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ),
ЛОРД ХАРВУД ФЕЛЛ,
СИР КОРЛИСС ПЕННИ,
СИР ВИЛЛЕМ ФОКСГЛОВ,
ЛОРД РОБИН ПЕЗБЕРИ,
СИР ОРМУНД УАЙЛД,
СИР ХАМФРИ КЛИФТОН,
СИР ХАРИС КОББ.

Оруженосцы короля ДЕВАН СИВОРТ и БРАЙЕН ФАРРИНГ.

МАНС-РАЗБОЙНИК, Король за Стеной, взятый в плен.

……Новорожденный, пока безымянный СЫН МАНСА от его жены Даллы, «маленький принц».

ЛИЛЛИ, одичалая, кормилица мальчика.

……Ее сын, тоже безымянный, «уродец», рожденный от ее отца КРАСТЕРА.

В Восточном Дозоре:

Его жена КОРОЛЕВА СЕЛИСА из дома Флорентов.

Их дочь ПРИНЦЕССА ШИРЕН, одиннадцати лет.

ПЕСТРЯК, полоумный шут Ширен.

СИР АКСЕЛЛ ФЛОРЕНТ, дядя королевы Селисы и ее десница, командующий людьми королевы.

Рыцари королевы:

СИР НАРБЕРТ ГРАНДИСОН, СИР БЕНЕТОН СКЕЛС, СИР ПАТРЕК С КОРОЛЕВСКОЙ ГОРЫ, СИР ДОРДЕН СУРОВЫЙ, СИР МАЛЕГОРН С КРАСНОГО ПРУДА, СИР ЛАМБЕРТ ВАЙТВОТЕР, СИР ПЕРКИН ФОЛЛАРД, СИР БРЮС БАКЛЕР.

СИР ДАВОС СИВОРТ, ЛУКОВЫЙ РЫЦАРЬ, лорд Дождливого Леса, Адмирал Узкого моря, десница короля.

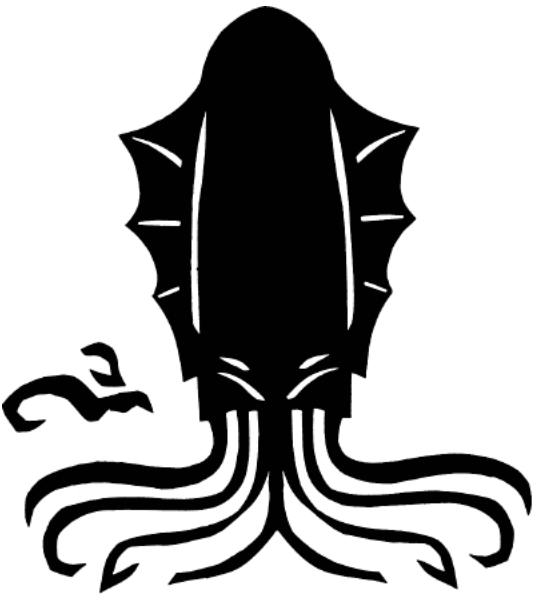
САЛЛАДОР СААН из Лисса, пират и наемник, владелец флотилии галей, капитан «Валирий-

ки».

ТИХО НЕСТОРИС, посланник Железного банка из Браавоса.

Король Станнис избрал своим гербом огненное сердце Владыки Света на ярко-желтом поле, внутри коего заключен черный коронованный олень дома Баратеонов.

Король островов и Севера



Грейджои из Пайка претендуют на происхождение от легендарного Серого Короля. Серый Король, по преданию, правил не только островами, но и самим морем и был женат на русалке.

Эйегон Драконовластный пресек королевский род, однако позволил островитянам жить по старинным обычаям и самим выбирать своего главу. Ими был выбран лорд Викон Грейджой с острова Пайк. Герб Грейджоев — золотой кракен на черном поле, девиз — *Мы не сеем.*

ЭУРОН ГРЕЙДЖОЙ, третий этого имени от Серого Короля, король Железных островов и Севера, Король Соли и Камня, Сын Морского Ветра, Лорд-Жнец Пайка, капитан «Молчаливого», по прозванию ВОРОНИЙ ГЛАЗ.

Его старший брат БЕЙЛОН ДЕВЯТЫЙ ГРЕЙДЖОЙ, король Железных островов и Севера. Погиб, сорвавшись со скалы в море.

Вдова Бейлона КОРОЛЕВА АЛАННИС из дома Харло.

Их дети:

РОДРИК и МАРОН, убитые при первом восстании Бейлона.

АША, капитан «Черного ветра», завоевательница Темнолесья.

ТЕОН,
прозванный северянами ПЕРЕМЕТЧИВЫМ, пленник в Дредфорте.

Его младшие братья:

ВИКТАРИОН, лорд-капитан Железного Флота, капитан «Железной победы».

ЭЙЕРОН МОКРОГОЛОВЫЙ, жрец Утонувшего Бога.

Его капитаны и сторонники:

ТОРВОЛЬД БУРЫЙ ЗУБ, СУШЕНЫЙ ДЖОН МАЙР, ЛУКАС-ЛЕВША КОДД, РЫЖИЙ ГРЕБЕЦ, КВЕЛЛОН ХАМБЛ, КВАРЛ-НЕВОЛЬНИК, РАЛЬФ ШЕПЕРД, РАЛЬФ ИЗ ЛОРДПОРТА, КРАГОРН.

Его лорды-знаменосцы:

ЭРИК АЙРОНМАКЕР (ЭРИК МОЛОТОБОЕЦ, СПРАВЕДЛИВЫЙ), преклонных лет, некогда прославленный капитан. Лорд-стюард Железных островов, кастелян Пайка, муж Аши Грейджой.

На Пайке:

ГЕРМУНД БОТЛИ, лорд Лордпорта;
УОЛДОН ВИНЧ, лорд Железного Хольта.

На Старом Вике:

ДУНСТАН ДРАММ, лорд Старого Вика;
НОРН ГУДБРАЗЕР, лорд Валунов;
СТОНХАУЗЫ.

На Большом Вике:

ГОРОЛЬД ГУДБРАЗЕР, лорд Хаммерхорна;

ТРИСТОН ФАРВИНД, лорд Тюленьего Мыса;
СПАРР;
МЕЛДРЕД МЕРЛИН, лорд Пебблтона.

На Оркмонте:
АЛИН ОРКВУД;
БЕЙЛОН ТАУНИ.

На Солтклифе:
ЛОРД ДОННОР СОЛТКЛИФ;
ЛОРД САНДЕРЛИ.

На Харло:
РОДРИК ХАРЛО, по прозванию ЧТЕЦ, лорд острова и Десяти Башен, Первый из Харло;
ЗИГФРИД ХАРЛО СРЕБРОВОЛОСЫЙ, двоюродный дед Родрика, лорд Старого Замка;
ГОТО ХАРЛО ГОРБУН, лорд Сверкающей Башни;
БОРМУНД ХАРЛО СИНИЙ, лорд Ведьмина Холма.

На малых Железных островах:
ГИЛБЕРТ ФАРВИНД, лорд Одинокого Света.

Железные Люди на Щитовых островах:
АНДРИК НЕУЛЫБА, лорд Южного Щита;
НУТ-ЦИРЮЛЬНИК, лорд Дубового Щита;
МАРОН ВОЛЬМАРК, лорд Зеленого Щита;

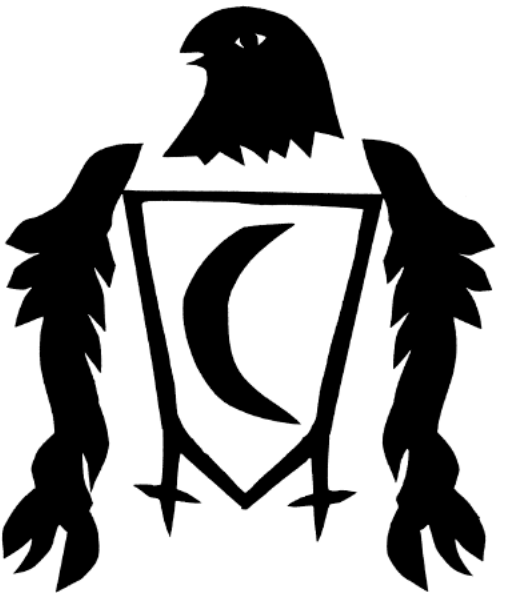
СИР ХАРРАС ХАРЛО, Рыцарь Каменного Сада, лорд Серого Щита.

Во Рву Кейлин:
РАЛЬФ КЕННИНГ, кастелян и командир;
АДРАК ХАМБЛ, однорукий;
ДАГОН КОДД, не сдающийся никому.

В Торрхеновом Уделе:
ДАГМЕР ЩЕРБАТЫЙ, капитан «Пеноходца».

В Темнолесье:
АША ГРЕЙДЖОЙ, дочь кракена, капитан «Черного ветра»;
……КВАРЛ-ДЕВИЦА, ее любовник;
ТРИСТИФЕР БОТЛИ, наследник Лордпорта.
……Люди Аши: РОГГОН РЖАВАЯ БОРОДА, УГРЮМЫЙ, МАЛЕНЬКИЙ РОЛЬФ, ЛОРРЕН-СЕКИРА, ГРАЧ, ЛОВКИЙ, ШЕСТИПАЛЫЙ ХАРЛ, ДРЫХУЧИЙ ДЕЙЛ, ЭРЛ ХАРЛО, КРОММ, ХАГОН ХОРН.
……Родичи Аши: КВЕНТОН ГРЕЙДЖОЙ, ДАГОН-ЗАБУЛДЫГА ГРЕЙДЖОЙ.

Другие дома, великие и малые
Дом Арренов



Аррены происходят от Королей Горы и Долины. Их герб — месяц и сокол, белые на небесно-голубом поле, девиз — *Высокий как честь.* Аррены не

принимали участия в Войне Пяти Королей.

РОБЕРТ АРРЕН, лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины, объявленный своей матерью Хранителем Востока, болезненный мальчик восьми лет. Домашнее прозвище — ЗЯБЛИК.

Его мать ЛЕДИ ЛИЗА из дома Талли, вдова лорда Джона Аррена; погибла, будучи выброшенной в Лунную Дверь.

Его отчим ПЕТИР БЕЙЛИШ по прозванию МИЗИНЕЦ, лорд Харренхолла, верховный лорд Трезубца, лорд-протектор Долины.

……АЛЕЙНА СТОУН, она же Санса Старк, мнимая побочная дочь лорда Петира, тринадцати лет.

……СИР ЛОТОР БРЮН, наемник на службе у лорда Петира, капитан гвардии в Гнезде.

……ОСВЕЛЛ (КЕТТЛБЛЭК) — пожилой латник на службе у лорда Петира.

……СИР ШАДРИК БЕШЕНАЯ МЫШЬ, СИР БИРЕН КРАСИВЫЙ, СИР МОРГАРТ ВЕСЕЛЫЙ — межевые рыцари, взятые на службу лордом Петиром.

Домочадцы лорда Роберта:

МЕЙСТЕР КОЛЕМОН.

МОРД, жестокий тюремщик с золотыми зубами.

ГРЕТЧЕЛЬ, МАДДИ, МЕЛА — служанки.

Знаменосцы лорда Роберта, лорды Долины:

ДЖОН РОЙС (БРОНЗОВЫЙ ДЖОН), лорд Рунстона, из старшей ветви дома Ройсов.

……Его единственный оставшийся в живых сын, СИР АНДАР.

НЕСТОР РОЙС, Высокий Стюард Долины, кастелян Ворот Луны.

……Его сын и наследник сир АЛБАР.

……Его дочь МИРАНДА, молодая вдова.

……Его воспитанница МИЯ СТОУН, погонщица мулов, побочная дочь короля Роберта.

ЛИОНЕЛЬ КОРБРЕЙ, лорд Дома Сердец.

……Его брат и наследник СИР ЛИН, владелец прославленного меча Покинутая.

……Его младший брат СИР ЛЮКАС.

ТРИСТОН САНДЕРЛЕНД, лорд Трех Сестер.

ГОДРИК БОРРЕЛ, лорд Пригожей Сестры.

РОЛЛАНД ЛОНГТОРП, лорд Длинной Сестры.

АЛЕСАНДЕР ТОРРЕНТ, лорд Малой Сестры.

АНЬЯ УЭЙНВУД, леди Железной Дубравы.

……Ее сыновья:

……СИР МОРТОН, наследник;

……СИР ДОННЕЛ, Рыцарь Ворот;

……УИЛЛАС.

……Ее воспитанник ГАРОЛЬД ХАРДИНГ, оруженосец, часто именуемый ГАРРИ-НАСЛЕДНИК.

СИР САЙМОНД ТЕМПЛТОН, Рыцарь Девяти Звезд.

ДЖОН ЛИНДЕРЛИ, лорд Змеиного Леса.

……Его сын и наследник ТЕРРАНС, оруженосец лорда Роберта.

ЭДМУНД ВАКСЛИ, Рыцарь из Викендена.

ГЕРОЛЬД ГРАФТОН, лорд Чаячьего города.

ЭОН ХАНТЕР, лорд Длинного Лука. После его внезапной кончины лордом стал его старший сын ГИЛВУД.

……Братья Гилвуда:

……СИР ЮСТАС,

……СИР ХАРЛАН.

……ХОРТОН РЕДФОРТ, лорд Редфорта.

……Его сыновья:

……СИР ДЖАСПЕР,

……СИР КРЕЙТОН,

……СИР ДЖОН,

……СИР МИКЕЛЬ.

……БЕНЕДАР БЕЛЬМОР, лорд Громогласия.

Вожди горных кланов в Лунных горах:

ШАГГА, сын ДОЛЬФА, из клана Каменных Во-

рон, ныне в Королевском лесу.

ТИМЕТТ, сын ТИМЕТТА, из клана Обгорелых.

ЧИЛЛА, дочь ЧЕЙКА, из клана Черноухих.

КРАВН, сын КАЛОРА, из клана Лунных Братьев.

Дом Баратеонов

Самый младший из великих домов; возник во время Завоевательных войн. Основатель его, Орис Баратеон, был, по слухам, незаконнорожденным братом Эйегона Дракона. Когда Орис победил и убил Аргилака Надменного, последнего короля Шторма, Эйегон наградил его замком Аргилак, деньгами и дочерью. Орис, взяв девушку в жены, принял знамя, почести и девиз ее рода.

На 283 году от Завоевания Эйегона Роберт из дома Баратеонов, лорд Штормового Предела, сместил Безумного Короля Эйениса Второго Таргариена и занял Железный Трон. Его бабка была дочерью Эйегона Пятого, но Роберт всегда говорил, что право на престол добыл единственно боевым молотом.

Герб Баратеонов — коронованный олень, черный на золотом поле. Девиз — *Нам ярость.*

РОБЕРТ БАРАТЕОН ПЕРВЫЙ, король андалов, ройнаров и Первых Людей, лорд Семи Королевств, Хранитель Государства, убит на охоте вепрем.

……Его жена королева СЕРСЕЯ из дома Ланнистеров.

……Их дети:

……КОРОЛЬ ДЖОФФРИ БАРАТЕОН ПЕРВЫЙ, убитый на собственном свадебном пиру;

……ПРИНЦЕССА МИРЦЕЛЛА, невеста принца

Тристана Мартелла в Дорне;

……КОРОЛЬ ТОММЕН БАРАТЕОН ПЕРВЫЙ.

……Его братья:

……СТАННИС БАРАТЕОН, мятежный лорд Драконьего Камня, претендент на Железный Трон;

……дочь Станниса ШИРЕН, 11 лет.

……РЕНЛИ БАРАТЕОН, мятежный лорд Штормового Предела, претендент на Железный Трон, убитый посередине своего войска.

……Его бастарды:

……МИЯ СТОУН, 19 лет, на службе у лорда Нестора Ройса в Воротах Луны.

……ДЖЕНДРИ, разбойник в речных землях, не ведающий о своем происхождении.

……ЭДРИК ШТОРМ от леди Делены из дома Флорентов (признан отцом); скрывается в Лиссе.

……Кузен и опекун Эдрика СИР ЭНДРЮ ЭСТЕРМОНТ.

……Другие рыцари, охраняющие Эдрика:

……СИР ДЖЕРАЛЬД КАВЕР, ЛЕВИС-РЫБНИК, СИР ТРИСТОН С РУБЕЖНОГО ХОЛМА, ОМЕР БЛЭКБЕРРИ.

……БАРРА, маленькая дочь от продажной девки, убитая по приказу Серсеи.

Другие родичи:

Двоюродный дедушка ЭЛДОН ЭСТЕРМОНТ, лорд Зеленой Скалы.

……СИР ЭЙЕМОН, сын и наследник лорда Элдона;

……Сын Эйемона СИР АЛИН.

……СИР ЛОМАС, брат лорда Элдона;

……СИР ЭНДРЮ, сын Ломаса.

Лорды и рыцари, присягнувшие Штормовому Пределу:

ДАВОС СИВОРТ, лорд Дождливого Леса, адмирал Узкого моря, десница короля Станниса.

……Его жена МАРИЯ, дочь плотника.

……Их сыновья:

……ДЕЙЛ, АЛЛАРД, МАТТОС, МАРЕК, погибшие на Черноводной;

……ДЕВАН, оруженосец короля Станниса;

……СТАННИС и СТЕФФОН, девяти и шести лет.

……СИР ГИЛБЕРТ ФАРРИНГ, кастелян Штормового Предела.

……Его сын БРАЙЕН, оруженосец короля Станниса.

……Его кузен СИР ГОДРИ ФАРРИНГ, прозванный Победителем Великанов.

ЭЛВУД МЕДОУЗ, лорд Лугового Замка, сенешаль

Штормового Предела.

СЕЛЬВИН ТАРТ ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА, лорд острова Тарт.

……Его дочь БРИЕННА, ТАРТСКАЯ ДЕВА, она же Бриенна Красотка.

……Ее оруженосец ПОДРИК ПЕЙН, 10 лет.

СИР РОННЕТ (РЫЖИЙ) КОННИНГТОН, Рыцарь Гриффин-Руста.

……Его младшие брат и сестра РЕЙМУНД И АЛИННА.

……Его побочный сын РОННЕТ ШТОРМ.

……Его кузен ДЖОН КОННИНГТОН, прежний лорд Гриффин-Руста, десница короля, изгнанный Эйерисом Вторым Таргариеном и якобы умерший на чужбине от пьянства.

ЛЕСТЕР МОРРИГЕН, лорд Вороньего Гнезда.

……Его брат и наследник СИР РИЧАРД МОРРИГЕН.

……Его брат сир ГЮЙАРД ЗЕЛЕНЫЙ, убитый в Битве на Черноводной.

АРСТАН СЕЛМИ, лорд Колосьев.

……Его двоюродный дед СИР БАРРИСТАН СЕЛМИ.

КАСПЕР УАЙЛД, лорд Дома Дождя.

……Его дядя СИР ОРМУНД УАЙЛД.

ХАРВУД ФЕЛЛ, лорд Фелвуда.

ХЬЮ ГРАНДИСОН СЕДОБОРОДЫЙ, лорд Грандвью. СЕБАСТИОН ЭРРОЛ, лорд Стогов.

КЛИФФОРД СВАНН, лорд Стонхельма.

БЕРИК ДОНДАРРИОН, ЛОРД-МОЛНИЯ. Предводитель разбойников в речных землях, многократно убитый (теперь будто бы окончательно).

БРЮС КАРОН, лорд Ночной Песни, убитый на Черноводной сиром Филипом Фоотом.

……Его побочный брат СИР РОЛЛАНД ШТОРМ, Бастард из Ночной Песни.

СИР ФИЛИП ФООТ, одноглазый рыцарь, новый лорд Ночной Песни.

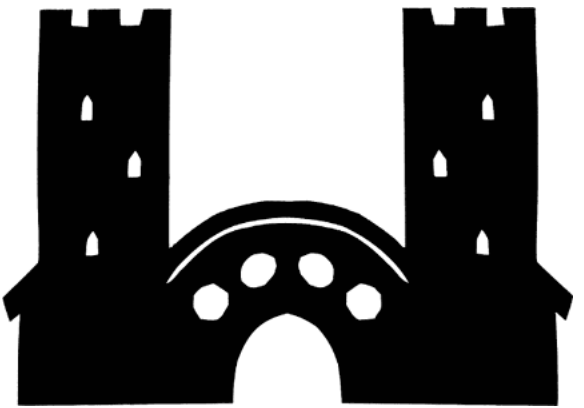
РОБИН ПЕЗБЕРИ, лорд Горохового Поля.

МЭРИ МЕРТИНС, леди Туманного леса.

РАЛЬФ БАКЛЕР, лорд Бронзовых Врат.

Его кузен СИР БРЮС БАКЛЕР.

Дом Фреев



Фреи — знаменосцы дома Талли, но не всегда исполняли свой долг с подобающим тщанием. В начале Войны Пяти Королей Робб Старк заручился поддержкой лорда Уолдера, пообещав взять в жены одну из его дочерей или внучек. Когда он, нарушив слово, женился на Жиенне Вестерлинг, Фреи вступили в сговор с Русе Болтоном и убили Молодого Волка на свадьбе, получившей позднее название Красной.

Герб Фреев — две башни, голубые на сером

поле.

УОЛДЕР ФРЕЙ, лорд переправы.

……Его потомство от первой жены, ЛЕДИ ПЕРРЫ **из дома Ройсов:**

……СИР СТЕВРОН, умерший от ран после битвы при Окскроссе.

……СИР ЭММОН.

……СИР ЭЙЕНИС, командующий силами Фреев на Севере.

……Дети Эйениса:

……ЭЙЕГОН КРОВАВЫЙ, разбойник.

……РЕЙЕГАР, посол в Белой Гавани.

……ПЕРИАННА, его старшая дочь, жена сира Леслина Хэя.

Потомство от второй жены, ЛЕДИ СИРЕННЫ **из дома Сваннов:**

СИР ДЖАРЕД, посол в Белой Гавани.

СЕПТОН ЛЮЦЕОН, служитель Великой Септы Бейелора.

Потомство от третьей жены, ЛЕДИ АМАРЕИ **из дома Кракехоллов:**

СИР ХОСТИН, прославленный рыцарь.

ЛЕДИ ЛИТЕН, жена лорда Люцеаса Випрена.

САЙМОНД, счетовод, посол в Белой Гавани.

СИР ДАНВЕЛ.

МЕРРЕТ, повешенный разбойниками в Старых Камнях.

……Дочь Меррета УОЛДА ТОЛСТАЯ, жена Русе Болтона, лорда Дредфорта.

……Сын Меррета УОЛДЕР МАЛЫЙ, восьми лет, оруженосец на службе у Рамси Болтона.

СИР ДЖЕРЕМИ, утонул.

СИР РАЙМУНД.

Потомство от четвертой жены, ЛЕДИ АЛИССЫ **из дома Блэквудов:**

ЛОТАР ХРОМОЙ.

СИР ДЖЕММОС.

……Сын Джеммоса УОЛДЕР БОЛЬШОЙ, восьми лет, оруженосец на службе у Рамси Болтона.

СИР УЭЙЛЕН.

ЛЕДИ МОРЬЯ, жена сира Флемента Бракса.

ТИТА, девица тридцати лет.

От пятой жены, ЛЕДИ САРИИ УЭНТ, **лорд Уолдер потомства не имел.**

Потомство от шестой жены, ЛЕДИ БЕТАНИ **из дома Росби:**

СИР ПЕРВИН.

СИР БЕНФРИ, умер от раны, полученной на Красной Свадьбе.

МЕЙСТЕР ВИЛЛАМЕН, несущий службу в Длин-

ном Луке.

ОЛИВАР, бывший оруженосец Робба Старка.

РОСЛИН, ныне беременная. Красная Свадьба сыграна в честь ее союза с лордом Эдмаром Талли.

Потомство от седьмой жены, ЛЕДИ АННАРЫ **из дома Фарингов:**

АРВИН, девица четырнадцати лет.

ВЕНДЕЛ, тринадцати лет, паж в Сигарде.

КОЛЬМАР, одиннадцати лет, предназначен в служители веры.

УОЛТИР (ТИР), десяти лет.

ЭЛМАР, десяти лет, ранее помолвленный с Арьей Старк.

ШИРЕЯ, самое младшее дитя лорда Уолдера, семи лет.

Восьмая жена, ЛЕДИ ЖОЙЕЗ **из дома Эренфордов, ныне беременна.**

Внебрачные дети лорда Уолдера от разных матерей:

УОЛДЕР РИВЕРС (УОЛДЕР-БАСТАРД).

МЕЙСТЕР МЕЛЬВИС, несущий службу в Росби.

ДЖЕЙНА, МАРТИН, РИГЕР, РОНЕЛ, МЕЛЛАРА РИВЕРСЫ.

Дом Ланнистеров

Ланнистеры из Бобрового Утеса остаются главной опорой короля Томмена в борьбе за Железный Трон. Они утверждают, что происходят от Ланна Умного, легендарного хитреца Века Героев.

Золото Бобрового Утеса и Золотого Зуба сделало их самыми богатыми из всех великих домов. Герб Ланнистеров — золотой лев на красном поле, девиз — *Услышь мой рев.*

ТАЙВИН ЛАННИСТЕР, лорд Бобрового Утеса, Хранитель Запада, Щит Ланниспорта, десница короля. Убит своим сыном Тирионом в отхожем месте.

……Его дети:

……СЕРСЕЯ, вдова короля Роберта Первого Баратеона, узница Великой Септы Бейелора.

……СИР ДЖЕЙМЕ, ее брат-близнец, прозванный ЦАРЕУБИЙЦЕЙ.

……ТИРИОН, карлик, по прозвищу БЕС, скрывается за Узким морем.

……Его оруженосцы ДЖОСМИН ПЕКЛЬДОН, ГАРРЕТ ПЭГ, ЛЬЮ ПАЙПЕР.

……Рыцари у него на службе:

……СИР РОННЕТ КОННИНГТОН, он же РЫЖИЙ РОННЕТ, Рыцарь Гриффин-Руста;

……СИР ИЛИН ПЕЙН, немой, в недавнем времени королевский палач;

……СИР АДДАМ МАРБРАНД,

……СИР ЛАЙЛ КРАКЕХОЛЛ (МОГУЧИЙ ВЕПРЬ),

……СИР АЛИН СТАКСПИР,

……СИР ДЖОН БИТЛИ (БЕЗБОРОДЫЙ ДЖОН),
……СИР СТЕФФОН СВИФТ,
……СИР ХАМФРИ СВИФТ,
……СИР ФЛЕМЕНТ БРАКС.

……Домочадцы Бобрового Утеса:
……МЕЙСТЕР ГРЕЙЛИН.
……ВИЛЛАР, капитан гвардии.
……СИР БЕНЕДИКТ БРУМ, мастер над оружием.
……УОТ БЕЛОЗУБЫЙ, певец.

……Его сестра, братья, племянники:
……ЛЕДИ ДЖЕННА, жена сира Эммона Фрея, нового лорда Риверрана.
……Ее сыновья:
……СИР КЛЕОС, убитый разбойниками, женат на Джейне Дарри.
……Его сыновья:
……ТАЙВИН (ТАЙ), оруженосец, двенадцати лет, ныне наследник Риверрана.
……ВИЛЛЕМ, паж в Эшмарке, девяти лет;
……СИР ЛИОНЕЛЬ;
……ТИОН (убит в Риверране);
……УОЛДЕР РЫЖИЙ.
……СИР КИВАН ЛАННИСТЕР, женатый на Дорне Свифт.

.....Его дети:

.....СИР ЛАНСЕЛЬ, рыцарь ордена Сынов Воина;

.....ВИЛЛЕМ, убитый в Ривердане;

.....МАРТИН, близнец Виллема, оруженосец;

.....ЖАНЕЯ, трех лет.

.....СИР ТИГЕТТ ЛАННИСТЕР, умерший от оспы.

.....Его сын ТИРЕК, пропавший без вести.

.....Жена Тирека ЛЕДИ ЭРМЕСАНДА ХЭЙФОРД, малый ребенок.

.....ГЕРИОН, погибший в море.

.....Его внебрачная дочь ДЖОЙ ХИЛЛ, одиннадцати лет.

Другие родственники лорда Тайвина:

СИР СТАФФОРД ЛАННИСТЕР, кузен и брат покойной жены Тайвина, убитый при Окскроссе.

.....Его дочери СЕРЕННА и МИРИЭЛЬ,

.....Его сын СИР ДАВЕН.

СИР ДАМИОН ЛАННИСТЕР, кузен, женатый на Шире Кракехолл.

.....Его дети:

.....СИР ЛЮЦИОН.

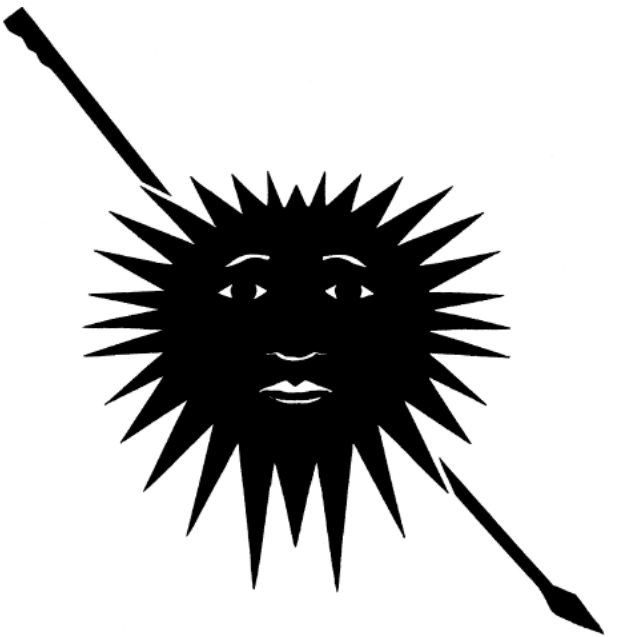
.....ЛАННА, жена лорда Антарио Джаста.

ЛЕДИ МАРГО, кузина, жена лорда Титуса Пека.

Знаменосцы Ланнистеров:
ДАМОН МАРБРАНД, лорд Эшмарка.
РОЛАНД КРАКЕХОЛЛ, лорд Кракехолла.
СЕБАСТОН ФАРМЕН, лорд Светлого острова.
ТИТОС БРАКС, лорд Хорнваля.
КВЕНТИН БАНФОРТ, лорд Банфорта.
СИР ХАРИС СВИФТ, тесть Кивана Ланнистера.
РЕГЕНАРД ЭСТРЕН, лорд Виндхолла.
ГАВЕН ВЕСТЕРЛИНГ, лорд Крэга.
ЛОРД СЕЛЬМОНД СТАКСПИР.
ТЕРРЕНС КЕННИНГ, лорд Кайса.
ЛОРД АНТАРИО ДЖАСТ.
ЛОРД РОБИН МОРЛЕНД.
ЛЕДИ АЛИСАННА ЛЕФФОРД.
ЛЕВИС ЛИДДЕН, лорд Глубокого Логова.
ЛОРД ФИЛИП ПЛАММ.
ЛОРД ГАРРИСОН ПРЕСТЕР.

СИР ЛОРЕТ ЛОРХ, СИР ГАРТ ГРИНФИЛД, СИР ЛАЙМОНД ВИКАРИ, СИР РЕЙНАРД РАТТИГЕР, СИР МАНФРЕД ЙО, СИР ТИБОЛТ ГЕТЕРСПУН — **рыцари-помещики**.

Дом Мартеллов



Дорн был последним из семи королевств, присягнувших Железному Трону. По крови, обычаям и истории дорнийцы отличаются от жителей

других королевств. В Войне Пяти Королей Дорн поначалу не принимал участия, но после помолвки принцессы Мирцеллы Баратеон с принцем Тристаном Мартеллом принял сторону короля Джоффри. Герб Мартеллов — красное солнце, пронзенное золотым копьем, девиз — *непреклонные, несгибаемые, несдающиеся.*

ДОРАН НИМЕРОС МАРТЕЛЛ, лорд Солнечного Копья, принц Дорнийский.

Его жена
МЕЛЛАРИО из вольного города Норвоса.

Их дети:
……ПРИНЦЕССА АРИАННА, наследница Солнечного Копья.
……ПРИНЦ КВЕНТИН, недавно произведенный в рыцари. С детских лет был воспитанником лорда Айронвуда.
……ПРИНЦ ТРИСТАН, нареченный Мирцеллы Баратеон.
……СИР ГАСКОЙН с Зеленой Крови, телохранитель принца.

Его сестра
ПРИНЦЕССА ЭЛИЯ, жена принца Рейегара Таргариена, убитая вместе с малыми детьми

РЕЙЕНИС и ЭЙЕГОНОМ при взятии Королевской Гавани.

Его брат

ПРИНЦ ОБЕРИН КРАСНЫЙ ЗМЕЙ, убитый на поединке сиром Григором Клиганом.

……Любовница Оберина ЭЛЛАРИЯ СЭНД, внебрачная дочь лорда Хармена Уллера.

……Внебрачные дочери самого Оберина от разных матерей, прозванные ПЕСЧАНЫМИ ЗМЕЙКАМИ:

……ОБАРА, двадцати восьми лет, от уличной девки из Староместа.

……НИМЕРИЯ (НИМ), двадцати пяти лет, от благородной дамы из Волантиса.

……ТИЕНА, двадцати трех лет, от септы.

……САРЕЛЛА, девятнадцати лет, от купчихи, владелицы судна «Пернатый поцелуй».

……ЭЛИЯ, четырнадцати лет,

……ОБЕЛЛА, двенадцати лет,

……ДОРЕЯ, восьми лет, ЛОРЕЗА, шести лет — от Элларии Сэнд.

Домочадцы принца Дорана в Водных Садах:

АРЕО ХОТАХ из Норвоса, капитан гвардии.

МЕЙСТЕР КАЛЕОТТ.

Двор принца Дорана в Солнечном Копье:

СЕПТА ЭГЛАНТИНА, наставница Мирцеллы.
МЕЙСТЕР МИЛЕС.
РИКАССО, слепой сенешаль.
СИР МАНФРИ МАРТЕЛЛ, кастелян.
ЛЕДИ АЛИС ЛЕДИБРИТ, казначей.

ПРИНЦЕССА МИРЦЕЛЛА БАРАТЕОН, его подопечная, невеста принца Тристана.
……СИР АРИС ОКХАРТ, королевский гвардеец, телохранитель Мирцеллы, убитый Арео Хотахом.
……РОЗАМУНДА ЛАННИСТЕР, дальняя родственница и компаньонка Мирцеллы.

Знаменосцы принца Дорана, дорнийские лорды:
АНДЕРС АЙРОНВУД, лорд Айронвуда, Хранитель Каменного Пути, принц крови.
……Его старшая дочь ИНИС, жена Раэна Аллириона.
……Его сын и наследник СИР КЛОТУС.
……Его младшая дочь ГВИНЕТ, 12 лет.
ХАРМЕН УЛЛЕР, лорд Адова Холма.
ДЕЛОННА АЛЛИРИОН, леди Дара Богов.
……Ее сын и наследник СИР РАЭН.
ДАГОС МАНВУДИ, лорд Королевской Гробницы.
ЛАРРА БЛЭКМОНТ, леди Блэкмонта.

НИМЕЛЛА ТОЛАНД, леди Призрачного Холма.

КВЕНТИН КВОРГИЛ, лорд Песчаника.

СИР ДЭЗИЕЛ ДАЛЬТ, Рыцарь Лимонной Рощи.

ФРАНКЛИН ФАУЛЕР, лорд Поднебесного, по прозванию Старый Ястреб, Хранитель Принцева перевала.

САЙМОН САНТАГАР, лорд Крапчатого Леса.

ЭДРИК ДЕЙН, лорд Звездопада.

ТРЕБОР ДЖОРДЕЙН, лорд Тора.

ТРЕМОНД ГАРГАЛЕН, лорд Соленого Берега.

ДЕЙЕРОН ВЕЙТ, лорд Красных Дюн.

Дом Старков

Старки ведут свой род от Брандона Строителя и Королей Зимы. Тысячи лет они правили в Винтерфелле, называя себя королями Севера, пока наконец Торрхен Старк, Король, Преклонивший Колено, решил присягнуть на верность Эйегону Драконовластному, а не сражаться с ним. Когда король Джоффри казнил лорда Эддарда Старка из Винтерфелла, северные лорды отреклись от присяги Железному Трону и провозгласили

Робба, сына Эддарда, новым королем Севера. Во время Войны Пяти Королей Робб не проиграл ни одного сражения, но был предан и убит Фреями и Болтонами в Близнецах, на свадьбе своего дяди.

Герб Старков — серый лютоволк, бегущий по снежно-белому полю, девиз — *Зима близко.*

РОББ СТАРК, шестнадцати лет, Король Севера и Трезубца, старший сын лорда Эддарда Старка и леди Кейтилин из дома Талли, прозванный Молодым Волком; убит на Красной Свадьбе. Его лютоволк СЕРЫЙ ВЕТЕР убит там же.

Его братья и сестры:

САНСА, тринадцати лет, выданная за Тириона из дома Ланнистеров. Ее лютоволчица ЛЕДИ убита в замке Дарри.

АРЬЯ, одиннадцати лет, пропавшая и считающаяся мертвой.

……Ее лютоволчица НИМЕРИЯ рыщет по речным землям.

БРАНДОН (БРАН), девяти лет, калека, наследник Винтерфелла, считается мертвым. Его лютоволк ЛЕТО.

РИКОН, четырех лет, считается мертвым. Его лютоволк МОХНАТЫЙ ПЕСИК.

……Его защитница ОША, одичалая, ранее пленница в Винтерфелле.

Побочный брат ДЖОН СНОУ, избранный лордом-командующим Ночного Дозора. Его лютоволк ПРИЗРАК.

Дяди, тетки, кузены:

Младший брат отца БЕНДЖЕН СТАРК, брат Ночного Дозора, пропавший без вести за Стеной.

Сестра матери ЛИЗА АРРЕН, вдова Джона Аррена, леди Орлиного Гнезда, погибшая при падении с высоты.

……Ее сын РОБЕРТ АРРЕН, лорд Орлиного Гнезда, Защитник Долины.

Брат матери ЭДМАР ТАЛЛИ, лорд Риверрана, взятый в плен на Красной Свадьбе.

……Его молодая жена ЛЕДИ РОСЛИН из дома Фреев.

Дядя матери СИР БРИНДЕН ТАЛЛИ по прозванию Черная Рыба, кастелян Риверрана, ныне в бегах.

Знаменосцы Молодого Волка, лорды Севера:

ДЖОН АМБЕР (БОЛЬШОЙ ДЖОН), лорд Последнего Очага, пленник в Близнецах.

……Его старший сын и наследник, МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН, убит на Красной Свадьбе.

Его дяди, МОРС ВОРОНЬЕ МЯСО и ХОЗЕР СМЕРТЬ ШЛЮХАМ, кастеляны Последнего Очага.

КЛЕЙ СЕРВИН, лорд Сервина, убит при Винтерфелле.

……Его сестра ЖОНЕЛЛА, девица тридцати двух лет.

РУСЕ БОЛТОН, лорд Дредфорта, предавший своего сюзерена.

……Его законный сын и наследник ДОМЕРИК умер от жи вота.

……Его внебрачный сын РАМСИ БОЛТОН (ранее РАМСИ СНОУ), Бастард Болтонский, лорд Хорнвуда и кастелян Дредфорта.

……УОЛДЕР БОЛЬШОЙ И УОЛДЕР МАЛЫЙ, оба ФРЕИ, оруженосцы Рамси.

……ВОНЮЧКА, латник, выдававший себя за Рамси, убит в Винтерфелле.

……БЕН БОНС, псарь.

……«Бастардовы ребята» ЖЕЛТЫЙ ДИК, ДАМОН-ПЛЯСУН, ЛЮТОН, АЛИН-КИСЛЯЙ, СВЕЖЕВАЛЬЩИК, МОЛЧУН.

РИКАРД КАРСТАРК, лорд Кархолда, казнен за убийство пленных.

……Его сыновья ЭДДАРД и ТОРРХЕН убиты в Шепчущем лесу.

……Его сын ХАРРИОН — пленник в Девичьем Пруду.

……Его дочь ЭЛИС, пятнадцати лет.

……Его дядя АРНОЛЬФ, кастелян Кархолда.

……Сыновья Арнольфа КРИГАН и ЭРТОР.

ВИМАН МАНДЕРЛИ, лорд Белой Гавани, необычайной толщины.

……Его сын и наследник СИР ВИЛИС, пленник в Харренхолле.

……Жена Вилиса ЛЕОНА из дома Вулфилдов.

……Их дочери ВИНАФРИД, девятнадцати лет, и ВИЙЛА, пятнадцати лет.

……Второй сын Вимана СИР ВЕНДЕЛ, убитый на Красной Свадьбе.

……Кузен Вимана СИР МАРЛОН МАНДЕРЛИ, командир гарнизона в Белой Гавани.

……Мейстер их дома ТЕОМОР.

……ВЕКС, немой, 12 лет, бывший оруженосец Теона Грейджоя.

……СИР БАРТИМУС, старый рыцарь, одноногий и одноглазый, кастелян Волчьего Логова;

……тюремщики ГАРТ И ТЕРРИ.

МЕЙДЖ МОРМОНТ, леди Медвежьего острова.

……Ее старшая дочь и наследница ДЕЙСИ убита на Красной Свадьбе.

……Ее дочери АЛИСАННА (МЕДВЕДИЦА), ЛИРА, ДЖОРЕЛЛА, ЛИАННА.

……Ее брат ДЖИОР МОРМОНТ, лорд-команду-

ющий Ночного Дозора, убит за Стеной собственными людьми.

……Ее племянник СИР ДЖОРАХ, прежний лорд, приговорен к изгнанию.

ХОУЛЕНД РИД, лорд Сероводья.

……Его жена ЖИАНА.

……Их дети МИРА-охотница и ЖОЙЕН, видящий зеленые сны.

ГАЛБАРТ ГЛОВЕР, хозяин Темнолесья, не женат.

……Его брат и наследник РОБЕРТ.

……Жена Роберта СИБЕЛЛА из дома Локе.

БЕНЖИКОТ БРЕНЧ, БЕЗНОСЫЙ НЕД ВУД — следопыты из Волчьего леса, присягнувшие Темнолесью.

СИР ХЕЛМАН ТОЛХАРТ, хозяин Торрхенова Удела, убит у Синего Дола.

……Его сын и наследник БЕНФРЕД убит Железными Людьми на Каменном Берегу.

……Его дочь ЭЛЛАРА — пленница в Торрхеновом Уделе.

……Его брат ЛЕОБАЛЬД убит при Винтерфелле.

……Жена Леобальда БЕРЕНА из дома Хорнвудов,

……Их сыновья БРАНДОН и БЕРЕН — пленники в Торрхеновом Уделе.

РОДРИК РИСВЕЛЛ, лорд Родников.

……Его дочь БАРБРИ ДАСТИН, леди Барроутона, вдова лорда Вильяма Дастина.

……Вассал Барбри ХАРВУД СТАУТ.

……Дочь Стаута БЕТАНИ, вторая жена Русе Болтона, умерла от лихорадки.

……Кузены и знаменосцы Родрика РОДЖЕР, РИКАРД И РУСЕ РИСВЕЛЛЫ.

ЛИЭСА ФЛИНТ, леди Вдовьего Дозора.

ОНДРИ ЛОКЕ, лорд Старого Замка.

Вожди горных кланов:

ХЬЮГО ВУЛЛ БОЛЬШОЕ ВЕДРО.

БРАНДОН НОРРИ.

……Его сын БРАНДОН МЛАДШИЙ.

ТОРРЕН ЛИДДЛЬ.

……Его сыновья: ДУНКАН, БОЛЬШОЙ ЛИДДЛЬ, брат Ночного Дозора; МОРГАН, СРЕДНИЙ ЛИДДЛЬ; РИКАРД, МЛАДШИЙ ЛИДДЛЬ.

ТОРГЕН ФЛИНТ.

……Его сыновья ЧЕРНЫЙ ДОННЕЛ И АРТОС.

Дом Талли

Лорд Эдмин Талли из Риверрана был одним из первых речных лордов, присягнувших на верность Эйегону Завоевателю. Эйегон вознаградил его, сделав дом Талли главой над всеми землями Трезубца. Герб Талли — прыгающая форель, серебряная, на поле из синих и красных волн, девиз — *Семья, долг, честь.*

ЭДМАР ТАЛЛИ, лорд Риверрана, взятый в плен Фреями на собственной свадьбе.

……Его молодая **жена** ЛЕДИ РОСЛИН из дома Фреев.

Его сестры:

ЛЕДИ КЕЙТИЛИН СТАРК, вдова лорда Эддарда Старка, убитая на Красной Свадьбе.

ЛЕДИ ЛИЗА АРРЕН, вдова лорда Джона Аррена, погибшая при падении с высоты.

Его дядя:

СИР БРИНДЕН ТАЛЛИ по прозванию Черная Рыба, бывший кастелян Риверрана, объявленный вне закона беглец.

Его домочадцы:

МЕЙСТЕР ВИМАН.

СИР ДЕСМОНД ГРЕЛЛ, мастер над оружием.

СИР РОБИН РИГЕР, капитан гвардии.

ДЛИННЫЙ ЛЬЮ, ЭЛВУД, ДЕЛП — гвардейцы.

УТЕРАЙДС УЭЙН, стюард.

Знаменосцы Эдмара, лорды Трезубца:

ТИТОС БЛЭКВУД, лорд Древорона.

……Его сыновья: БРИНДЕН, ЛУКАС (убит на Красной Свадьбе), ЭДМУНД, АЛИН, БЕН, РОБЕРТ (умер от живота).

……Его дочь БЕТАНИ, 8 лет.

ДЖОНОС БРАКЕН, лорд Стонхеджа.

……Его дочери БАРБАРА, ДЖЕЙНА, КЕЙТИЛИН, БЕСС, АЛИСАННА.

……Его наложница ХИЛЬДИ.

ЯСОН МАЛЛИСТЕР, лорд Сигарда, пленник в собственном замке.

……Его сын ПАТРЕК, в плену вместе с отцом.

КЛЕМЕНТ ПАЙПЕР, лорд Замка Розовой Девы.

……Его сын и наследник, СИР МАРК, взят в плен на Красной Свадьбе.

КАРИЛ ВЕНС, лорд Отдыха Странника.

НОРБЕРТ ВЕНС, слепой лорд Атранты.

ТЕОМАР СМОЛВУД, лорд Желудей.

ВИЛЬЯМ МОУТОН, лорд Девичьего Пруда.

……Его дочь и наследница ЭЛИНОР, 13 лет, замужем за Диконом Тарли.

ШЕЙЛА УЭНТ, бывшая леди Харренхолла.

СИР ХАЛМОН ПЭГ.

ЛОРД ЛАЙМОНД ГУДБРУК.

Дом Тиреллов

Тиреллы обрели могущество как стюарды Королей Простора, хотя и утверждают, что ведут свой род от Гарта Зеленой Руки, короля-садовника Первых Людей. Когда последний король дома

Гарденеров пал на Огненном Поле, его стюард Харлен Тирелл сдал Хайгарден Эйегону Завоевателю, за что Эйегон пожаловал ему замок и обширные земли. В начале Войны Пяти Королей Мейс Тирелл принял сторону Ренли Баратеона и отдал ему руку своей дочери Маргери. По смерти Ренли Хайгарден заключил союз с домом Ланнистеров, и Маргери стала женой короля Джоффри.

Герб Тиреллов — золотая роза на травянисто-зеленом поле, девиз — *Вырастая, крепнем.*

МЕЙС ТИРЕЛЛ, лорд Хайгардена, Хранитель Юга, Защитник Марок, верховный маршал Простора.

Его жена ЛЕДИ АЛЕРИЯ, урожденная Хайтауэр из Староместа.

Их дети:

УИЛЛАС, наследник Хайгардена.

СИР ГАРЛАН ГАЛАНТНЫЙ, новый лорд Брайтуотера, женатый на леди Леонетте из дома Фоссовеев.

СИР ЛОРАС, Рыцарь Цветов и рыцарь Королевской Гвардии, тяжело раненный на Драконьем Камне.

МАРГЕРИ, дважды вдова, жена короля Томмена Бара теона.

……Ее компаньонки и фрейлины:

……кузины МЕГГА, ЭЛЛА И ЭЛИНОР ТИРЕЛЛ (жених Элинор — АЛИН АМБРОЗ); ЛЕДИ АЛИСАННА БУЛЬВЕР; ЛЕДИ АЛИСА ГРЕЙСФОРД; ЛЕДИ ТАЭНА МЕРРИВЕЗЕР; МЕРЕДИТ КРЕЙН; СЕПТА НЕСТОРИКА.

Вдовствующая мать лорда Мейса ЛЕДИ ОЛЕННА из дома Редвинов, прозванная Королевой Шипов.

Сестры лорда Мейса:

ЛЕДИ МИНА, жена Пакстера Редвина, лорда Бора.

……Ее дети: близнецы СИР ХОРАС (ОРЯСИНА) и СИР ХОББЕР (БОББЕР); ДЕСМЕРА, шестнадцати лет.

ЛЕДИ ЯННА, жена сира Джона Фоссовея.

Его дяди:

ГАРТ ТУЧНЫЙ, лорд-сенешаль Хайгардена.

……Его внебрачные сыновья ГАРСЕ и ГАРРЕТ ФЛАУЭРСЫ.

СИР МОРИН, лорд-командующий городской стражей Староместа.

ГОРМЕН, мейстер Цитадели.

Домочадцы Хайгардена:

МЕЙСТЕР ЛОМИС.

АЙГОН ВИРВЕЛ, капитан гвардии.

СИР ВОРТИМЕР КРЕЙН, мастер над оружием.

МАСЛОБОЙ, шут необычайной толщины.

Знаменосцы Тиреллов, лорды Простора:

РЕНДИЛЛ ТАРЛИ, лорд Рогова Холма, командующий королевской армией на Трезубце.

ПАКСТЕР РЕДВИН, лорд Бора.

……Его сыновья-близнецы, СИР ХОРАС и СИР ХОББЕР.

……Мейстер их дома БАЛЛАБАР.

АРВИН ОКХАРТ, леди Старой Дубравы.

МАТИС РОВАН, лорд Золотой Рощи.

ЛЕЙТОН ХАЙТАУЭР, Голос Староместа, лорд Гавани.

ХАМФРИ ХЬЮЭТТ, лорд Дубового Щита.

……Его внебрачная дочь ФАЛИЯ.

ОСБЕРТ СЕРРИ, лорд Южного Щита.

……Его сын и наследник СИР ТАЛБЕРТ.

ГУТОР ГРИМ, лорд Серого Щита.

МОРИБАЛЬД ЧЕСТЕР, лорд Зеленого Щита.

ОРТОН МЕРРИВЕЗЕР, лорд Длинного Стола.

……Его жена ТАЭНА из Мира, сын РАССЕЛ, шести лет.

ЛОРД АРТУР АМБРОЗ.

ЛОРЕНТ КАСВЕЛЛ, лорд Горького Моста.

Рыцари на службе у Тиреллов:
СИР ДЖОН из ФОССОВЕЕВ зеленого яблока.
СИР ТАНТОН из ФОССОВЕЕВ красного яблока.

Братья Ночного Дозора

ДЖОН СНОУ, Бастард из Винтерфелла, 998-й лорд-командующий Ночного Дозора.
……Его белый лютоволк ПРИЗРАК.
……Его стюард ЭДДИСОН ТОЛЛЕТТ по прозвищу СКОРБНЫЙ ЭДД.

В Черном Замке:
МЕЙСТЕР ЭЙЕМОН (ТАРГАРИЕН), слепой, ста двух лет от роду.
……Его стюарды КЛИДАС и СЭМВЕЛ ТАРЛИ.
ЧЕРНЫЙ ДЖЕК БУЛЬВЕР, первый разведчик.
КЕДЖ БЕЛОГЛАЗЫЙ, БЕДВИК-ВЕЛИКАН, МАТТАР, ДАЙВИН, ГАРТ СЕРОЕ ПЕРО, УЛЬМЕР ИЗ КОРОЛЕВСКОГО ЛЕСА, ЭЛРОН, ПИП, ГРЕНН-ЗУБР, ЧЕРНЫЙ БЕРНАРР, ЖАБА, БОЛЬШОЙ ЛИДДЛЬ, ДЖОФФ-БЕЛКА, БОРОДАТЫЙ БЕН, ВОЛОСАТЫЙ ХЕЛ, ТОМ-ЯЧМЕНЬ, ЛЮК ИЗ ДОЛГУНА — разведчики.
ТРЕХПАЛЫЙ ХОББ, стюард и главный повар.
ДОНАЛ НОЙЕ, однорукий кузнец и оружейник,

убитый в воротах замка Мегом Могучим.

БОУЭН МУРШ, лорд-стюард.

ОУЭН ОЛУХ, ТИМ КОСНОЯЗЫЧНЫЙ, МАЛЛИ, КУГЕН, ДОННЕЛ ХИЛЛ (МИЛАШКА ДОННЕЛ), ЛЬЮ-ЛЕВША, ФУЛЬК-БЛОХА, ГАРРЕТ ЗЕЛЕНОЕ КОПЬЕ, ДЖЕРЕН, ТАЙ, ВИК-СТРОГАЛЬ, ДАННЕЛ — стюарды.

ОТЕЛЛ ЯРВИК, первый строитель.

ПУСТОЙ САПОГ, ХАЛДЕР, АЛБЕТТ, КЕГС — строители.

СЕПТОН СЕЛЛАДОР, пьяница.

СИР АЛЛИСЕР ТОРНЕ, бывший мастер над оружием.

ЯНОС СЛИНТ, бывший командир городской стражи в Королевской Гавани и кратковременный лорд Харренхолла.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЭММЕТ, прежде служивший в Восточном Дозоре, мастер над оружием.

ГЭРЕТ-КОНЬ, близнецы ЭРРОН и ЭМРИК, АТЛАС, ХОП-РОБИН, ДЖЕЙС — новобранцы.

КОЖАНЫЙ — одичалый, присягнувший Дозору.

В Сумеречной Башне:

СИР ДЕННИС МАЛЛИСТЕР, командующий.

……УОЛИС МАССИ, его стюард и оруженосец.

МЕЙСТЕР МАЛЛИН.

КУОРЕН ПОЛУРУКИЙ, командир разведчиков, убитый за Стеной Джоном Сноу.

ОРУЖЕНОСЕЦ ДАЛБРИДЖ, ЭББЕН — разведчики, погибшие на Воющем перевале.

КАМЕННЫЙ ЗМЕЙ, разведчик, пропавший в горах.

В Восточном Дозоре, Что-у-моря:

КОТТЕР ПАЙК, командующий.

МЕЙСТЕР ХАРМУН.

СИР ГЛЕНДОН ХЬЮЭТТ, мастер над оружием.

СИЗАРЬ, капитан «Черного дрозда».

СИР МЕЙНАРД ХОЛЬТ, капитан «Когтя».

РАСС ЯЧМЕННЫЙ КОЛОС, капитан «Вороны-буревестницы».

Одичалые, или Вольный народ

МАНС-РАЗБОЙНИК, король за Стеной, пленник в Черном Замке.

……Его жена ДАЛЛА, умершая в родах.

……Их новорожденный сын, пока не имеющий имени.

……ВЕЛЬ, младшая сестра Даллы, «принцесса одичалых», пленница в Черном Замке.

Капитаны и вожди одичалых:

ХАРМА СОБАЧЬЯ ГОЛОВА, убитая под Стеной.

……Ее брат ХАЛЛЕК.

КОСТЯНОЙ ЛОРД, он же ГРЕМУЧАЯ РУБАШКА, пленник в Черном Замке.

Бойцы из его отряда:

ИГРИТТ, молодая копьеносица, любовница Джона Сноу, убитая при нападении на Черный Замок;

РИК ДЛИННОЕ КОПЬЕ,

РАГВИЛ,

ЛЕНИЛ.

СТИР, магнар теннов, убитый при нападении на Черный Замок.

……Его сын СИГОРН, новый магнар.

ТОРМУНД. Медовый Король Красных Палат, Великанья Смерть, Краснобай, Трубящий в Рог, Ледолом, Громовой Кулак, Медвежий Муж, Собеседник Богов, Отец Тысяч.

……Его сыновья ТОРЕГГ ВЫСОКИЙ, ТОРВИРД СМИРНЫЙ,

……ДОРМУНД И ДРИН.

……Его дочь МУНДА.

ПЛАКАЛЬЩИК.

ВАРАМИР ШЕСТИШКУРЫЙ, колдун и оборо-

тень, хозяин
трех волков, сумеречного кота и белого медведя.

……Его волки: ОДНОГЛАЗЫЙ, ХИТРЮГА, ТИХОСТУП.

……Его приемный отец и наставник ХАГГОН.

КОЛЮЧКА, копьеносица.

ОРЕЛЛ, оборотень, убитый Джоном Сноу на Воющем перевале.

БОРРОК, ГРИЗЕЛЛА, ДИКАЯ РОЗА — оборотни.

ЯРЛ, молодой лазутчик, любовник Вель, погибший при падении со Стены.

ГЕРРИК КОРОЛЕВИЧ, потомок Реймуна Рыжебородого, и три его дочери.

СОРЕН ЩИТОЛОМ.

МОРНА БЕЛАЯ МАСКА.

ИГОН СТАРЫЙ ОТЕЦ, имеющий восемнадцать жен.

ВЕЛИКИЙ МОРЖ, вождь со Стылого Берега.

МАТЬ КРОТИХА, пророчица.

БРОГГ, ГЭВИН-МЕНЯЛА, ХАРЛ ОХОТНИК, ХАРЛ КРАСИВЫЙ, ХАУД СКИТАЛЕЦ, СЛЕПОЙ ДОСС, КАЙЛЕГ ДЕРЕВЯННОЕ УХО, ДЕВИН ТЮЛЕНЕБОЙ.

МЕГ МАР ТУН ДОХ ВЕГ, МЕГ МОГУЧИЙ — великан, убитый Доналом Нойе в воротах Черного Замка.

ВУН ВЕГ ВУН ДАР ВУН (ВУН-ВУН), великан.

РОВЕНА, ХОЛЛИ, БЕЛКА, ИВА-ВЕДЬМА, ФРЕНЬЯ, МИРТЛ — копьеносицы.

За Стеной

В Зачарованном лесу:

БРАНДОН (БРАН) СТАРК, принц Винтерфелла, наследник Севера — мальчик-калека девяти лет.

……Его друзья и спутники:

……МИРА РИД, шестнадцати лет, дочь лорда Хоуленда Рида из Сероводья;

……ее брат ЖОЙЕН, тринадцати лет;

……ХОДОР, дурачок гигантского роста.

……Их проводник — неизвестный по имени ХОЛОДНЫЕ РУКИ.

В Замке Крастера:

ОЛЛО КОСОРУЧКА, убивший Старого Медведя; НОЖ, убивший Крастера;

ГАРТ ИЗ ЗЕЛЕНОПОЛЬЯ, МАУНИ, ГРАБС, АЛАН ИЗ РОСБИ, КОЛЧЕНОГИЙ КАРЛ, СИРОТКА ОСС, ГУГНИВЫЙ БИЛЛ — дезертиры Ночного Дозора.

В пещерах под полым холмом:

ТРЕХГЛАЗАЯ ВОРОНА, он же ПОСЛЕДНИЙ ДРЕВОВИДЕЦ — чародей, некогда брат Ночного

Дозора по имени Бринден.

Дети Леса, поющие песнь земли: ЯСЕНЬ, ЛИСТОК, ЧЕШУЙКА, ЧЕРНЫЙ НОЖ, СНЕГОВЛАСКА, УГОЛЕК.

Заморские земли
В Браавосе

ФЕРРЕГО АНТАРИОН, Морской Начальник.

……Его телохранитель КВАРРО ВОЛЕНТЕН, первый меч Браавоса.

БЕЛЛЕГЕРА ОТЕРИС, Черная Жемчужина — куртизанка, происходящая от королевы пиратов, носившей такое же имя.

ЛЕДИ ПОД ВУАЛЬЮ, САРДИНЬЯ КОРОЛЕВА, ЛУННАЯ ТЕНЬ, ДОЧЬ СУМЕРЕК, СОЛОВУШКА, ПОЭТЕССА — знаменитые куртизанки.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК и ПРИЗРАК, служители Многоликого Бога в Черно-белом Доме.

УММА, храмовая повариха.

КРАСАВЕЦ, ТОЛСТЯК, МОЛОДОЙ ЛОРД, СУРОВЫЙ, КОСОЙ, ГОЛОДНЫЙ — тайные слуги Многоликого.

АРЬЯ из дома Старков, послушница, известная также как АРРИ, НЭН, ЛАСКА, ГОЛУБЕНОК, СОЛИНКА И КОШКА-КЕТ.

БРУСКО, рыбник.

……Его дочери ТАЛЕЯ и БРЕЯ.

МЕРАЛИН (МЕРРИ), хозяйка борделя «Счастли-

вый порт» близ Мусорной Заводи.

……МОРЯЧКА, ее дочь.

……ЛАННА, СТЫДЛИВАЯ БЕТАНИ, УНА ОДНОГЛАЗАЯ, АССАДОРА-ИББЕНИЙКА — женщины из ее заведения.

……КРАСНЫЙ РОГГО, братья ГИЛОРО И ГИЛЕНО ДОТАРЕ, КОССОМО-ФОКУСНИК, ПЕРЫШКО — завсегдатаи «Счастливого порта».

……ТАГГАНАРО, портовый вор. Его ручной тюлень КАССО, тюлений король.

……СФРОНА, портовая девка с наклонностями к убийству.

……ПЬЯНАЯ ДОЧКА, портовая девка буйного нрава.

В Волантисе:

Правящие триархи:
МАЛАКУО МЕГИР, тигр;
ДОНИФОС ПЕНИМИОН, слон;
НИЭССОС ВАССАР, слон.

БЕНЕРРО, верховный жрец Рглора, Владыки Света;
МОКОРРО, жрец.
ПОРТОВАЯ ВДОВА (ВДОВА ВОГАРРО), богатая

вольноотпущенница.

ПЕННИ, карлица-комедиантка.

……Ее свинья МИЛКА, ее собака ХРУМ.

……Ее брат ГРОШИК, тоже карлик, убитый и обезглавленный.

Кандидаты в триархи:

АЛИОС КЕДАР, ПАРКЕЛЛО ВЕЛАРОС, БЕЛИКО СТЕГОН.

ГРАЗДАН МО ЭРАЗ, юнкайский посол.

В Заливе Работорговцев

В Юнкае, Желтом городе:
ЮРХАЗ ЗО ЮНЗАК, главнокомандующий юн-

кайской армией.

ЙЕЦЦАН ЗО КАГГАЦ (ЖЕЛТЫЙ КИТ), чудовищно толстый богатый вельможа.

……Его надсмотрщик НЯНЮШКА, его раб-гермафродит СЛАСТИ, его солдаты-рабы ШРАМ и МОРГО.

МОРХАЗ ЗО ЦЕРЗИН (ХМЕЛЬ-ВОЕВОДА).

ГОРЗАК ЗО ЭРАЗ (КИСЕЛЬ).

ФЭЗАР ЗО ФАЭЗ (КРОЛИК).

ГАЗДОР
ЗО АНЛАК ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ (ВИСЛОЩЕКИЙ).

ПЕЦАР ЗО МИРАК (ГОЛУБОК).

Братья ЧЕЗДАР, МЕЗОН и ГРАЗДАР ЗО РАЭЗН (ЗВОНКИЕ ЛОРДЫ).

Другие военачальники: ВОЗНИЧИЙ, ХОЗЯИН ЗВЕРЕЙ, ДУХОВИТЫЙ.

В Астапоре, Красном Городе:

КЛЕОН ВЕЛИКИЙ, КОРОЛЬ-МЯСНИК.

КЛЕОН ВТОРОЙ, правивший 8 дней.

КОРОЛЬ-ГОЛОВОРЕЗ. Цирюльник, убивший Клеона Второго и занявший его трон.

КОРОЛЕВА-ШЛЮХА, наложница Клеона Второго, претендентка на трон.

Королева за Узким морем

Таргариены, от крови дракона — потомки знатных родов древней Валирии. Их наследственные черты — лиловые глаза и серебристо-золотые волосы. Ради сохранения чистоты крови в доме Таргариенов братья женились на сестрах. Основатель династии Эйегон Завоеватель взял в жены обеих своих сестер и имел сыновей от каждой. Герб Таргариенов — трехглавый дракон, красный

на черном поле; три его головы символизируют Эйегона с сестрами. Девиз — *Пламя и кровь.*

ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН, первая этого имени, королева Миэрина, королева андалов, ройнаров и Первых Людей, правительница Семи Королевств, хранительница государства, кхалиси великого травяного моря, именуемая БУРЕРОЖДЕННОЙ, НЕОПАЛИМОЙ, МАТЕРЬЮ ДРАКОНОВ.

Ее драконы ДРОГОН, ВИЗЕРИОН, РЕЙЕГАЛЬ.

Ее братья:

РЕЙЕГАР, принц Драконьего Камня, убит на Трезубце Робертом Баратеоном.

……Маленькие дети Рейегара РЕЙЕНИС и ЭЙЕГОН убиты при взятии Королевской Гавани.

ВИЗЕРИС, третий этого имени, прозванный Королем-Попрошайкой и увенчанный расплавленным золотом.

Ее лорд-муж ДРОГО, дотракийский кхал, умерший от воспалившийся раны.

Ее нерожденный сын РЕЙЕГО, убитый во чреве мейегой Мирри Маз Дуур.

Ее защитники:

СИР БАРРИСТАН СЕЛМИ по прозванию БАРРИСТАН СМЕЛЫЙ, бывший лорд-командую-

щий гвардией короля Роберта.

……Его ученики:

……ТУМКО ЛХО с островов Василиска;

……ЛАРРАК-КНУТ из Миэрина;

……КРАСНЫЙ АГНЕЦ, лхазарянин.

……ЧХОГО, ко и кровный всадник, Кнут.

……АГГО, ко и кровный всадник, Лук.

……РАКХАРО, ко и кровный всадник, Аракх.

……СИЛАЧ БЕЛЬВАС, евнух, бывший бойцовый раб.

Ее капитаны и командиры:

ДААРИО НАХАРИС, тирошиец, командир наемного отряда Ворон-Буревестников.

БУРЫЙ БЕН ПЛАММ, командир отряда Младших Сыновей.

СЕРЫЙ ЧЕРВЬ, командир Безупречных, евнухов-пехотинцев.

……Его бойцы: ГЕРОЙ, КРЕПКИЙ ЩИТ.

МОЛЛОНО ЙОС ДОБ, командир отряда Крепкие Щиты.

САЙМОН ИСПОЛОСОВАННЫЙ, командир отряда Вольные Братья.

МАРСЛИН, брат Миссандеи, командир отряда Дети Неопалимой.

ГРОЛЕО из Пентоса, ранее капитан барки «Садулеон», ныне адмирал без флота.

РОММО, дотракиец, джакка рхан (муж милосердия).

Ее миэринский двор:

РЕЗНАК МО РЕЗНАК, сенешаль.

СКАХАЗ МО КАНДАК ЛЫСЫЙ, командир городской стражи (Бронзовых Бестий).

Ее служанки:

ИРРИ и ЧХИКУ, дотракийки; МИССАНДЕЯ, наатийка.

Ее пажи, дети знатных домов Миэрина:

ГРАЗХАР, КВЕЦЦА, МЕЗАРРА, КЕЗМИЯ, АЗЗАК, БХАКАЗ, МИКЛАЗ, ДХАЦЦАР, ДРАКАЗ, ДЖЕЗЕНА.

Жители Миэрина, знатные и простые:

ГАЛАЦЦА ГАЛАР, Зеленая Благодать, верховная жрица Храма Благодати.

……Ее кузен ГРАЗДАН ЗО ГАЛАР.

ГИЗДАР ЗО ЛОРАК, знатный вельможа;

……его кузен МАРХАЗ.

РИЛОНА РИ, арфистка-вольноотпущенница.

ХАЗЕЯ, крестьянская дочь, 4 года.

Освобожденные бойцовые рабы: ГОГОР-ВЕЛИКАН, ХРАЗ, БЕЛАКУО-КОСТОЛОМ, КАМАРРОН ТРИ СЧЕТА, БЕССТРАШНЫЙ ИТХОК, ПЯТНИСТЫЙ КОТ, БАРСЕНА ЧЕРНОВЛАСАЯ, СТАЛЬНАЯ ШКУРА.

Ее неверные союзники, прежние и нынешние:

СИР ДЖОРАХ МОРМОНТ, бывший лорд Медвежьего острова.

КСАРО КСОАН ДАКСОС, торговый магнат из Кварта.

КУЭЙТА, заклинательница теней из Асшая.

ИЛЛИРИО МОПАТИС, магистр вольного города Пентоса, устроивший брак Дейенерис с кхалом Дрого.

Искатели ее руки и поклонники.

В заливе Работорговцев:

ДААРИО НАХАРИС, ГИЗДАР ЗО ЛОРАК, СКАХАЗ МО КАНДАК, КЛЕОН ВЕЛИКИЙ.

В Волантисе:

ПРИНЦ КВЕНТИН МАРТЕЛЛ, старший сын Дорана Мартелла.

……Его спутники: СИР КЛОТУС АЙРОНВУД, убитый корсарами; СИР АРЧИБАЛЬД АЙРОНВУД (ЗДОРОВЯК), кузен Клотуса; СИР ГЕРРИС ДРИНКВОТЕР; СИР ВИЛЛЕМ ВЕЛЛС и МЕЙСТЕР КЕДДЕРИ, убитые корсарами.

На Ройне:

МОЛОДОЙ ГРИФФ, юноша с синими волосами.

……Его приемный отец ГРИФФ, наемник из отряда Золотые Мечи.

……Его воспитатели и защитники: СЕПТА ЛЕМОРА, СИР РОЙЛИ УТКЕЛЛ, ХЕЛДОН ПОЛУМЕЙСТЕР; ЯНДРИ, капитан «Робкой девы»; ИЗИЛЛА, его жена.

В море:

ВИКТАРИОН ГРЕЙДЖОЙ, лорд-капитан Железного Флота.

……СМУГЛЯНКА, его наложница.

……МЕЙСТЕР КЕРВИН, лекарь.

……Команда «Железной победы»: ВУЛЬФ ОДНОУХИЙ, РАГНОР ПАЙК, ЛОНГВОТЕР ПАЙК, ТОМ ТАЙДВУД, БЕРТОН ХАМБЛ, КВЕЛЛОН ХАМБЛ.

……Капитаны:

……РОДРИК СПАРР (КРОТ) — «Горе»;

……РЫЖИЙ РАЛЬФ СТОНХАУЗ — «Красный шут»;

……МАНФРИД МЕРЛИН — «Воздушный змей»;

……РАЛЬФ ХРОМОЙ — «Лорд Квеллон»;

……ТОМ КОДД (БЕСКРОВНЫЙ ТОМ) — «Плач»;

……ДАГОН ЧЕРНЫЙ ШЕПЕРД — «Кинжал».

Вольные отряды наемников

ЗОЛОТЫЕ МЕЧИ

Численность 10 тыс.

БЕЗДОМНЫЙ ГАРРИ СТРИКЛЕНД, верховный капитан.

……УОТКИН, его оруженосец.

……СИР МИЛС ТОЙН ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ, умерший четыре года назад — его предшественник.

……ЧЕРНЫЙ БАЛАК, летниец, командир лучников.

……ЛИССОНО МААР, лиссениец, начальник над шпионами.

……ГОРИС ЭДОРИЕН, волантинец, казначей.

……СИР ФРАНКЛИН ФЛАУЭРС, Бастард из Яблочного.

……СИР МАРК МАНДРАК, побывавший в рабстве.

……СИР ЛАСВЕЛЛ ПЕК.

……Его братья ТОРМАН и ПАЙКВУД.

……СИР ТРИСТАН РИВЕРС.

……КАСПОР ХИЛЛ, ХАМФРИ СТОУН, МОЛО ЗЕЙН, ДИК И ВИЛЛ КОЛЬ, ЛОРИМАС МАДД, ДЖОН ЛОТСТОН, ЛАЙМОНД ПИЗ, СИР БРЕНДЕЛ БИРН, ДУНКАН И ДЕННИС СТРОНГ, ЧЕЙНС, МОЛОДОЙ

ДЖОН МАДД — сержанты.

……СИР ЭЙЕГОР РИВЕРС ЖГУЧИЙ КЛИНОК — бастард короля Эйегона Четвертого, основатель отряда.

……МЕЙЕЛИС ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ (ЧУДИЩЕ) — претендент на Железный Трон, убит на Войне Девятигрошовых Королей.

СЫНЫ ВЕТРА

Численность 2 тыс., контракт с Юнкаем

ПРИНЦ-ОБОРВАНЕЦ, знатный пентошиец — основатель и верховный капитан.

……КАГГО ТРУПОРУБ, его правая рука.

……ДЕНЗО ДХАН, воин-бард, его левая рука.

……ХЬЮ ХАНГЕРФОРД, сержант, бывший проворовавшийся казначей.

……КРОШКА МЕРИС, СИР ОРСОН СТОУН, СИР ЛЮСИФЕР

……ЛОНГ, УИЛЛ ЛЕСНОЙ, ДИК-СОЛОМИНКА, ИМБИРНЫЙ

……ДЖЕК — вестеросцы.

……КНИЖНИК, волантинец.

……БОБ, арбалетчик из Мира.

……КОСТЯНОЙ БИЛЛ, летниец.

……МИРИО МИРАКИС из Пентоса.

ДИКИЕ КОТЫ

Численность 3 тыс., контракт с Юнкаем
КРАСНАЯ БОРОДА, командир.

ДЛИННЫЕ КОПЬЯ
800 конных, контракт с Юнкаем
ГИЛО РЕГАН, командир.

МЛАДШИЕ СЫНОВЬЯ
500 конных, на службе у королевы Дейенерис

БУРЫЙ БЕН ПЛАММ, капитан.
……КАСПОРИО КОВАРНЫЙ, его помощник.
……ТИБЕРО ИСТАРИОН (ЧЕРНИЛКА), казначей.
……МОЛОТОК, кузнец.
……ГВОЗДЬ, его подручный.
……СНАТЧ, однорукий сержант.
……КЕМ родом с Блошиного Конца, БОКОККО.

ВОРОНЫ-БУРЕВЕСТНИКИ
500 конных, на службе у королевы Дейенерис

ДААРИО НАХАРИС, капитан.
……Его помощники ВДОВЕЦ и ДЖОКИН.

Благодарности

Предыдущая книжка попортила мне много крови, а эта — в три раза больше. Благодарю, как всегда, моих многотерпеливых редакторов и издателей: Джейн Джонсон и Джой Чемберлен в «Вояджере», Скотта Шеннона, Ниту Таублиб и Анну Гролль в «Бэнтаме». Их понимание, добрый юмор и мудрый совет помогли мне справиться с трудностями.

Большое спасибо не менее терпеливым литературным агентам: Крису Лоттсу, Винсу Джерарди-су, прославленной Кей Мак-Коули и покойному Ральфу Вичинанце. Как жаль, что тебя нет с нами в миг торжества, Ральф.

Хвала тебе, странствующий австралиец Стивен Бушер: ты чистишь и смазываешь мой компьютер всякий раз, заезжая в Санта-Фе на буррито и бекон-халапеньо.

На домашнем фронте выношу благодарность дорогим друзьям Мелинде Снодграсс и Дэниелу Абрахаму, вебмастеру Пати Негл, культивирующей мой уголок в Интернете, и несравненной Рае Голден — за еду, за искусство, за неизменно

хорошее настроение, озаряющее самые темные дни в Террапин-Стейшн. Хотя она и пытается украсть моего кота.

Этот танец длился бы вдвое дольше без моего верного язвительного помощника и спутника в путешествиях Тая Франека: он занимается компьютером, когда Стивена нет под рукой, отгоняет алчные виртуальные толпы от моего виртуального порога, бегает с поручениями, ведет мои файлы, готовит кофе, выгуливает меня, берет за вкрученную лампочку десять тысяч — а по средам, помимо всего, пишет собственные обалденные книги.

Последняя по списку, но отнюдь не по значению — моя жена, танцевавшая со мной от первого до последнего такта. Я люблю тебя, Фиппс.

Джордж Р.Р. Мартин, 13 мая 2011